

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

137

תורת ישראל העתיקה

Содержаніе.

1. Последніе въ пустынь (Иисусъ Навинъ народу). Стихотв. *Л. Яффе*.
2. Baal Shem. *Замыслил*. (Окончаніе).
3. Прологъ къ роману „Цирндорфскіе евреи“. *Якова Вассермана*.
4. У подошвы Юнгфрау Стих. *Л. Яффе*.
5. Вѣчные странники. *А. Свирскаго*. (Продолженіе).
6. Аггада (Изъ Х. Бялика). *Вл. Ж.*
7. Основы и факторы національнаго характера. *Цви Асраими*.
8. Еврейская колонизація въ Сѣверной Сириі на почвѣ хлопчато-бумажной культуры въ районѣ Багдадской желѣзной дороги. *Проф. О. Варбурга*.
9. Новое Гетто. *А. М. Гольдштейна*.
10. Еврейская контрабанда въ цифровомъ освѣщеніи. *Б. Гольдберга*.
11. Гласъ изъ Сіона. *Старлю Палестинца*.
12. Литературныя бесѣды. *Я. Кацнельсона*.
13. Къ вопросу о высшемъ образованіи русскихъ евреевъ. (Прод.) *М. Косвена*.
14. Сіонизмъ и еврейская народная масса. *Д. Пасманника*.
15. Сіонъ и Африка на VI-мъ конгрессѣ. (Продолж.) *Д-ри Уленова*.
16. Хроника внутренней жизни.
17. Обзоръ сіонистской жизни. *С. Г.*

MAIN LIBRARY

Дозволено цензурою. СПб., 6 ноября 1904 г.

DS101
E75
1904:10-12

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	СТР.
1. Послѣдніе въ пустынь (Иисусъ Навинъ народу). Стихотвореніе. <i>Л. Яффе</i>	1
2. <i>Ваві Шем. Зангвилля</i> . (Окончаніе)	3
3. Прологъ къ роману «Цирндорфскіе евреи». <i>Якова Вассермана</i>	18
4. У подошвы Юнгфрау. Стих. <i>Л. Яффе</i>	43
5. Вѣчные странники. <i>А. Свирскаго</i> . (Продолженіе)	45
6. Аггада (Изъ Х. Вяликка). <i>Вл. Ж.</i>	60
7. Основы и факторы національнаго характера. <i>Цви Авраами</i>	63
8. Еврейская колонизація въ Сѣверной Сиріи на почвѣ хлопчатобумажной культуры въ районѣ Багдадской желѣзной дороги. <i>Проф. О. Варбурга</i>	89
9. Новое Гетто. <i>А. М. Гольдштейна</i>	113
10. Еврейская контрабанда въ цифровомъ освѣщеніи. <i>Б. Гольдберга</i>	120
11. Гласъ изъ Сіона. <i>Старога Палестинца</i>	125
12. Литературныя бесѣды. <i>Я. Каценельсона</i>	133
13. Къ вопросу о высшемъ образованіи русскихъ евреевъ (Продолженіе). <i>М. Косвена</i>	142
14. Сіонизмъ и еврейская народная масса. <i>Д. Пасманика</i>	157
15. Сіонъ и Африка на VI конгрессѣ (Продолженіе). <i>Д-ра Члнова</i>	174
16. Хроника внутренней жизни.	217
17. Обзоръ сіонистской жизни. <i>С. Г.</i>	234

Послѣдніе въ пустынь.

(Иисусъ Навинъ—народу:)

„...Въ путь далекій, трудный, на борьбу съ врагами,
За пустыней мрачной цѣлый міръ предъ вами!..
Быль безцѣленъ путь вашъ, долгій путь, донынѣ,
Дальше же изъ сонной выжженной пустыни!
Сорокъ лѣтъ тяжелыхъ бродимъ межъ горами,
И весь путь усѣянъ мертвыми тѣлами,
Но впередъ безъ грусти по тѣламъ отставшихъ,
Жаждавшихъ неволи и рабами павшихъ,
Пусть гнѣются въ позорѣ средь песковъ бездонныхъ
На котомкахъ жалкихъ, ими принесенныхъ,
Пусть имъ снится сладко дальній край неволи,
Прелести спокойной сытой рабской доли,
Скоро ихъ останки вихрь умчитъ пустыни,
Разнесетъ ихъ хищникъ-коршунъ по равнинѣ.
И впервые солнце заблеститъ народу,
Ищущему страстно счастье и свободу,
И, лучи впервые встрѣтивъ съ ликованьемъ,
Онъ упьется яркимъ солнечнымъ сіяньемъ...
Въ путь свободный новый, край оставьте дикій,
Но въ груди восторга заглушите крики!
Твердо въ путь, но тихо, шагъ вашъ безпокойный
Пусть не будитъ мертвыхъ и пустыни знойной,
Пусть лишь каждый слышитъ въ сердцѣ откликъ дивный,
Пусть проникнетъ въ сердце свыше кличъ призывный:
Въ край идешь иной, гдѣ нѣтъ небесной манны,
Въ край, гдѣ хлѣбъ добудетъ трудъ лишь безустаннй,

Не шатры пустыни, не изъ тучъ покровы,—
 Тамъ шатры иные, домъ воздвигнешь новый...
 Есть на свѣтѣ бѣломъ, за пустыней сонной,
 Край широкой чудный, солнцемъ озаренный,
 За безмолвьемъ мрачнымъ, за стѣной песчаной
 Край трепещеть жизнью, край обѣтованный“...

На вершинѣ Невѣ съ первымъ солнца лучемъ,
 Разрѣдившимъ въ долинахъ туманъ,
 Сталъ Навинъ, величавый, какъ ангелъ войны,
 Собирая, скликаая свой станъ.

Мощенъ голосъ его, онъ пронзаетъ просторъ,
 Онъ, какъ пламя, пылаетъ и жжетъ,
 И пустыня вокругъ, и безбрежная даль
 Вторять мощному зову: впередъ!

А внизу, словно левъ, юный вольный народъ
 Внеметъ зову въ молчаньи святомъ,
 Кличъ гремитъ надъ безчисленной грозной толпой,
 Грохоча и катясь, словно громъ.

Протрубили въ рога, вождь спустился съ высотъ,
 И давно уже сняты шатры,—
 Отчего же не тронулся станъ, отчего
 Онъ безмолвно стоитъ у горы?

И чего ему жаль, что забылъ онъ въ степи,
 Гдѣ безмолвно, уныло, мертвѣ,
 Отчего эта скорбь, эти слезы въ очахъ,
 Устремленныхъ къ вершинѣ Невѣ?..

Тамъ исчезъ Моисей... И толпа за толпой
 Въ неудержномъ порывѣ одномъ
 Пали ницъ передъ духомъ того, кто ихъ спасъ,
 Предъ любимымъ, великимъ вождемъ!

Л. Яффе.

Baal Shem.

И. Зангвиля.

Переводъ съ англійскаго Р. Болотиной.

(Окончаніе ¹⁾).

VII.

Различные образы въ хаотическомъ безпорядкѣ толпились въ моемъ мозгу. Я видѣлъ передъ собой мистическую фигуру могущественнаго Baal Shem'a то на кладбищѣ, гдѣ онъ творилъ судъ надъ душами усопшихъ, то на небесахъ среди ангеловъ; видѣлъ его лучезарнымъ въ центрѣ волшебнаго круга, когда онъ уничтожалъ однимъ своимъ взглядомъ пылающія орды демоническихъ кабановъ. И, подобно тому, какъ эти твари ображались въ ничто у заколдованнаго круга, такъ и всѣ эти видѣнія должны были исчезнуть передъ жизнерадостнымъ старикомъ, сидѣвшимъ въ повозкѣ... Мало-по-малу мысли мои возвращались къ дѣйствительности. Въ ухахъ раздавались еще радостныя восклицанія толпы, а рядомъ со мной сидѣлъ мой оригинальный спутникъ, идеямъ котораго я уже глубоко симпатизировалъ; его образъ преобразился теперь въ моихъ глазахъ; воображеніе мое надѣлило его многими качествами, которыхъ та, призрачная фигура была лишена. Среди всеобщаго шума и гама въ моей душѣ въ это время звучала божественная увѣренность, что я обрѣлъ наконецъ источникъ живой воды, обрѣлъ зеленыя пастбища...

— „Учитель!“ вскричалъ я съ жаромъ, схвативъ руку моего спутника и цѣлуя ее.

— „Сынъ мой“, ласково проговорилъ онъ въ отвѣтъ: „эти разбойники, очевидно, предупредили жителей Бродъ о моемъ приѣздѣ“.

¹⁾ См. „Еврейская Жизнь“, августъ.

— „И хорошо, что они это сдѣлали. Я очень радъ, что могу быть свидѣтелемъ вашего торжества въ такомъ архи-раввинскомъ городѣ“.

— „Нѣтъ, не говори о моемъ торжествѣ“, возразилъ учитель,—„Благодари Господа за эту перемѣну въ „нихъ“, если только перемѣна дѣйствительно произошла. Для человѣка должно быть безразлично, хвалятъ-ли его, или порицаютъ; любятъ, или ненавидятъ; считаютъ ли его мудрѣйшимъ изъ людей, или величайшимъ глупцомъ“.

— „Они хотятъ, чтобы вы сказали имъ что-нибудь, учитель“, замѣтилъ я, видя, что народъ не унимается.

— „Они, несомнѣнно, ждуть отъ меня проповѣдь, полную головоломныхъ толкованій и дьявольскихъ хитросплетеній“, сказала онъ съ усмѣшкой. „Сойди, пожалуйста, и присмотри, чтобы кто-нибудь не увелъ мою лошадь“.

Я поспѣшно соскочилъ съ телѣги, чтобы исполнить его первую просьбу, и, взобравшись на лошадь, могъ снова видѣть предъ собой цѣлое море головъ, обращенныхъ къ Baal Shem'у. Изъ возбужденныхъ толковъ въ толпѣ я могъ разобрать, что Baal Shem только что совершилъ великое чудо. Рассказывали, что два брата, проѣзжая вмѣстѣ со своей сестрой по лѣсу, подверглись нападенію со стороны разбойниковъ. Они уже были на волосокъ отъ смерти, когда вдругъ появился Baal Shem и однимъ только упоминаніемъ Имени заставилъ разбойниковъ провалиться сквозь землю, подобно Корѣ. Вслѣдствіе сильнаго испуга сестра не въ состояніи была вернуться домой вмѣстѣ съ братьями, и Baal Shem взялся доставить ее въ Броды въ своей собственной небесной колесницѣ, которая взору непосвященныхъ въ высшія тайны казалась обыкновенной повозкой.

Между тѣмъ, учитель снова набилъ свою трубку. „Ага! мой старій пріятель, Давидъ!“ обратился онъ вдругъ къ человѣку въ передникѣ сапожника: „Какъ дѣла?“

— „Богъ милостивъ“, пробормоталъ въ отвѣтъ сапожникъ, краснѣя и смущаясь отъ такой неожиданной чести.

— „Это плохой отвѣтъ, Давидъ; Богъ былъ бы не менѣе милостивъ, еслибы заставилъ тебя пойти по міру. Ха! Ха!—весело разсмѣялся онъ: „Содержатель постоялаго двора, Іосифъ, еще больше растолстѣлъ и совсѣмъ похожъ теперь на бочку. Миръ тебѣ, Іосифъ! Научился-ли ты, наконецъ, читать? Нѣтъ! Значитъ, ты все еще самый умный человѣкъ въ городѣ“.

Между тѣмъ, на лицахъ нѣкоторыхъ раввиновъ и старѣй-

шинъ города, бывшихъ во главѣ народа, явно отражалось недовольство по поводу того, что они остаются незамѣченными. Но Baal Shem продолжалъ не обращать вниманія на этихъ столповъ города и какъ-бы не замѣчалъ торжественнаго пріема, который ему устроили. Онъ все время обмѣнивался привѣтствіями со своими старыми знакомыми, принадлежавшими къ людямъ низшаго сословія. Наконецъ, онъ попросилъ стоявшую у самой повозки толпу дать мѣсто лошади или же отвезти его къ дочери, куда ему нужно доставить женщину, которую они видятъ тутъ рядомъ съ нимъ, — а молодая женщина сидѣла все время, точно во снѣ. Однако, крики и просьбы сказать проповѣдь не умолкали.

— „Друзья мои!“ сказалъ тогда учитель, „я также въ состояніи сказать вамъ проповѣдь, какъ и моя лошадь. Все проповѣдуетъ. Не считайте ничего пошлымъ и ничтожнымъ; присутствіе Бога дѣлаетъ все священнымъ. Смотрите, вотъ появились первыя звѣзды. Развѣ міръ не прекрасенъ? Наслаждайтесь-же имъ. Одни только глупцы да раввины утверждаютъ, будто міръ полонъ суеты и ничтожества. Но, подобно тому, какъ влюбленный видитъ даже въ брильянтахъ своей возлюбленной только ея собственную красоту, мы должны видѣть въ звѣздахъ и водахъ только Бога“.

Онъ снова сталъ курить трубку, а народъ все ждалъ и не хотѣлъ отойти отъ повозки.

Вдругъ Baal Shem свистнулъ, и его лошадь такъ стремительно понеслась къ нему, что я съ трудомъ удержался на ней. Толпа должна была поспѣшно разступиться. Какой-то калѣка уронилъ въ суматохѣ свои костыли и кобѣжалъ со всѣхъ ногъ совершенно исцѣленный.

— „Чудо! Чудо!“ закричали сотни голосовъ „Слава Всевышнему!“

Вѣсть о совершившемся чудѣ съ быстротою молніи разнеслась по всей улицѣ; любопытные окружили счастливаго калѣку, спрашивая его и ошупывая его члены.

— „Видите! Видите!“ доносился до меня возбужденный говоръ: „Даже въ его лошади кроется чудодѣйственная сила“.

Когда лошадь подбѣжала къ оглоблямъ, я запрягъ ее, и мы поѣхали, окруженные многочисленной толпой, которая стала просить благословленія Baal Shem'a; но онъ только съ улыбкой кивалъ головой и говорилъ отъ времени до времени: „Благословляйте другъ друга своими дѣяніями, тогда Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ благословятъ васъ“. Такимъ образомъ мы добрались

наконецъ до площади и подѣхали къ двухъ-этажному, каменному дому, въ которомъ жила дочь Baal Shem'a.

Оказалось, что она снимала только одну комнату, и мы рѣшили устроить тутъ молодую женщину и, подкрѣпившись пищей и виномъ, поискать въ другомъ мѣстѣ ночлега. Послѣ ужина, когда желѣзные ставни были закрыты, прекрасная черноокая дочь Baal Shem'a начала танцевать съ такимъ жаромъ и увлеченіемъ что пунцовый платокъ чуть не свалился у нея съ головы. Пляска молодой женщины развеселила меня, и я отъ души позавидовалъ ея мужу, который въ свою очередь оживленно бесѣдовалъ съ незнакомкой. Среди всеобщаго веселья Baal Shem удалился вдругъ въ уголокъ комнаты; объявивъ, что онъ хочетъ уединиться для молитвы Mincha, онъ попросилъ насъ не стѣсняться и не обращать на него вниманія.

— „Mincha!“ вырвалось у меня невольно: „но вѣдь теперь ужъ слишкомъ поздно“.

— „Развѣ ты станешь указывать ребенку, когда именно онъ долженъ говорить со своимъ отцомъ?“—укоризненно промолвилъ Baal Shem.

Среди разговора съ его дочерью я вдругъ вспомнилъ, что глупые сочинители легендъ выдумали, будто молитва этого великаго человѣка сопровождается таинственными тѣлодвиженіями, и тотъ, кто посмотритъ на него въ это время, долженъ умереть. Я не могъ удержаться отъ улыбки и украдкой взглянулъ на Baal Shem'a.

Однако, при видѣ его лица, я впервые убѣдился въ томъ что люди справедливо называли его властителемъ Божественныхъ Тайнъ. Крупныя капли пота выступили у него на лбу, а по щекамъ струились слезы, какъ бы отъ сильныхъ душевныхъ страданій; устремленные кверху глаза были безжизненны, а лицо смертельно блѣдно. Мнѣ показалось, что сіяніе, про которое мнѣ разсказывали, въ самомъ дѣлѣ окружаетъ его чело. Его какъ бы застывшая фигура казалась теперь гораздо выше обыкновеннаго. Одна рука его сжимала уголокъ шкафа. Я быстро отвернулъ глаза, опасаясь, чтобы они не были поражены слѣпотой...

Не знаю, сколько времени прошло, пока я услышалъ глубокой вздохъ, и, оглянувшись, увидѣлъ, что Baal Shem дрожитъ всѣмъ тѣломъ. Минуту спустя онъ уже смотрѣлъ на меня и говорилъ съ сіяющей улыбкой:

„Ну, сынъ мой, не пора ли въ постель?“

Его вопросъ напомнилъ мнѣ, сколько я пережилъ за этотъ

день; хотя мнѣ и не хотѣлось еще уходить изъ такого пріятнаго общества, я отвѣтилъ, что его воля для меня законъ. Къ моему не малому удовольствію онъ замѣтилъ на это, что мы можемъ остаться еще нѣкоторое время.

Было уже десять часовъ, когда мы вышли изъ дому, чтобы отправиться на постоянный дворъ Іосифа, куда отвели раньше нашу лошадь и повозку. Несмотря на поздній часъ, у дома еще толпился народъ. Многія изъ большихъ желѣзныхъ дверей, выходящихъ на улицу, были открыты, и мужчины и женщины старались протолкаться впередъ, чтобы пощѣловать край одежды Baal Shem'a.

Дорогой я попросилъ его сказать мнѣ, что онъ видѣлъ во время своей вечерней молитвы.

— „Я вознесся душой на небо“, сказалъ онъ просто, „и видѣлъ на этотъ разъ больше чудеснаго, чѣмъ за все время съ тѣхъ поръ, какъ я пріобрѣлъ небесныя познанія. Слава Единству!“

„Могу ли „я“ видѣть подобныя вещи?“ спросилъ я, затаивъ дыханіе, и воспоминанія о моихъ каббалистическихъ занятіяхъ и о безуспѣшныхъ попыткахъ творить чудеса разомъ нахлынули на меня.

— „Нѣтъ, не ты“.

Я чувствовалъ себя обезкураженнымъ, а онъ продолжалъ: „Не ты, ибо это „ты“ должно быть уничтожено. Ты долженъ слиться съ Единствомъ“.

— „Но какимъ образомъ?“

— „Сосредоточь свои мысли на Богѣ; забудь самого себя“.

— „Я попытаюсь, дорогой учитель. Скажите же мнѣ, что вы видѣли“.

— „То, что я видѣлъ и узналъ тамъ, невозможно передать словами“.

Но я неотступно просилъ его, и, прежде чѣмъ мы пожелали другъ другу покойной ночи, онъ открылъ мнѣ слѣдующее, говоря объ этихъ священныхъ вещахъ по древне-еврейски:—

— „Я могу передать тебѣ только то, чему я былъ свидѣтелемъ, когда спустился въ низшій рай. Я видѣлъ тамъ множество душъ, какъ усопшихъ, такъ и живыхъ людей, знакомыхъ и незнакомыхъ, безъ счета и числа; онѣ приходили и уходили изъ одного міра въ другой помощью столба, извѣстнаго тѣмъ, кому знакомо милосердіе. Тамъ царила такая радость, которую смертныя уста не въ состояніи передать, а смертныя уши не въ состояніи вы-

слушать. Много великихъ грѣшниковъ вернулось въ раскаяніи, и всѣ ихъ грѣхи были прощены, ибо то была пора великаго милосердія на небесахъ. Меня поразило, что столь многіе были приняты. Всѣ они стали просить меня подняться вмѣстѣ съ ними въ высшія сферы, на что я согласился, при видѣ великой радости, царившей между ними. Я попросилъ только, чтобы мой небесный учитель сопровождалъ меня, такъ какъ опасность восхожденія въ эти высшія міры, гдѣ я еще никогда не былъ, очень велика. Такимъ образомъ я поднимался все выше и выше, пока не достигъ храма Мессіи, гдѣ онъ учитъ Тору со всѣми танаимъ, садиками и семью пастырями; и тамъ было великое ликованіе. Я не понималъ, что означаетъ такое ликованіе. Въ первую минуту я подумалъ, что тутъ радуются по поводу моей близкой смерти, но затѣмъ узналъ, что я еще не умру, такъ какъ въ небесахъ царитъ большая радость всякій разъ, когда я совершаю на землѣ божественные союзы при помощи ихъ святого ученія. Я такъ и не узналъ, что означало всеобщее ликованіе на небесахъ. Я спросилъ, когда учитель придетъ на землю. Отвѣтъ гласилъ: „Когда твое ученіе сдѣлается извѣстнымъ всему міру, и твои ученики распространяютъ повсюду то, чему я училъ тебя и что ты воспринялъ здѣсь, и когда всѣ люди будутъ способны совершать такія же таинства, какъ ты. Тогда все зло на землѣ исчезнетъ и настанетъ время благодати и спасенія“.

Я былъ очень удивленъ и вмѣстѣ съ тѣмъ опечаленъ, что время пришествія учителя еще такъ отдаленно; — когда еще можетъ наступить такое время?!

Однако, въ это мое послѣднее восхожденіе я узналъ три слова, которыя могутъ быть могущественными горами, и три небесныхъ имени. Ихъ легко выучить и объяснить. Это нѣсколько успокоило меня: я полагаю, что, благодаря имъ, люди, одаренные такою же способностью, какъ я, скоро дойдутъ до моего состоянія; но мнѣ не позволено открыть кому бы то ни было этихъ словъ. Я просилъ разрѣшенія открыть ихъ, по крайней мѣрѣ, тебѣ, но меня обязали молчать. Одно я могу тебѣ сказать, и Господь да поможетъ тебѣ! Пусть пути твои будутъ всегда направлены къ Богу. Когда ты молишься или учишь Тору, то старайся въ каждомъ словѣ, въ каждомъ выраженіи, которыя исходятъ изъ твоихъ устъ, направлять свои мысли къ единенію, ибо въ каждой буквѣ заключаются міры и души и божество. Буквы сочетаются и образуютъ слово, а затѣмъ сливаются въ божество;

старайся поэтому слиться съ ними всей душой такъ, чтобы всѣ міры слились въ одно. Это доставляетъ безконечную радость и торжество. Если ты хоть отчасти можешь себѣ представить радость жениха при встрѣчѣ съ невѣстой, ты поймешь, какъ велико должно быть блаженство такого небеснаго единенія. О, чудный день, когда зло будетъ изгнано изъ вселенной, и Богъ сольется воедино со своими твореніями! Да будетъ Онъ твоимъ отцомъ!“

Нѣкоторое время я сидѣлъ молча, пораженный всѣмъ слышаннымъ.

— „Дорогой учитель“, сказалъ я наконецъ, „такъ какъ вамъ открыты тайны всей вселенной, не можете ли вы предсказать мое будущее?“

— „Могу“, проговорилъ онъ.

Я смотрѣлъ на него, затаивъ дыханіе.

— „Ты всегда останешься вѣренъ мнѣ“, проговорилъ онъ съ разстановкой.

Глаза мои наполнились слезами; я благоговѣнно поцѣловалъ его руку.

— „И ты женишься на моей дочери“.

— „На какой?“ спросилъ я съ сильно бьющимся сердцемъ.

— „На той, которую ты теперь видѣлъ“.

— „Но вѣдь она замужемъ! воскликнулъ я, и кровь быстро потекла по моимъ жиламъ“.

— „Мужъ дастъ ей разводъ“.

— „А что станетъ съ нимъ?“

— „Онъ женится на женщинѣ, которую мы спасли, и она, въ свою очередь, спасетъ много душъ“.

— „Какъ можете вы знать все это?“ прошепталь я, не смѣя вѣрить своимъ ушамъ.

— „Это дано мнѣ отъ рожденія“ проговорилъ онъ, улыбаясь.

Все, предсказанное Baal Shem'омъ дѣйствительно исполнилось черезъ нѣкоторое время.

Такъ закончился этотъ первый, столь богатый впечатлѣніями, день, который я провелъ въ обществѣ своего любимаго учителя.

VIII.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я въ первый разъ увидѣлъ Baal Shem'a; давно уже и похоронилъ я его, тѣмъ не менѣе, каждое слово, которое онъ сказалъ мнѣ, до сихъ поръ

еще живо хранится въ моемъ сердцѣ и дороже для меня всякихъ сокровищъ. Но мои годы уже сильно даютъ себя знать, и, изъ опасенія, что мнѣ не удастся привести къ концу и это небольшое повѣствованіе, я изложу здѣсь лишь въ общихъ чертахъ его ученіе; надѣюсь, однако, что мнѣ еще удастся посвятить отдѣльную книгу моимъ бесѣдамъ съ божественнымъ учителемъ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что обманъ и плутни тѣхъ, кто злоупотребляетъ его именемъ, съ каждымъ днемъ растутъ и становятся сильнѣй. Еще при жизни Baal Shem'a его ученіе было уже искажено, благодаря невѣжественнымъ послѣдователямъ, а также вліянію разстоянія—какъ могъ сохраниться вѣрный образъ этого человѣка при передачѣ изъ устъ въ уста, изъ одного города въ другой, черезъ лѣса и горы, по всему обширному государству? Только жизнь самого великаго учителя сдѣлала для меня яснымъ то, что мнѣ не удалось узнать отъ его послѣдователей. Точно такъ же, какъ изступленная пляска, крики и кривлянья этихъ людей были тщетными попытками дать понятіе о молитвенномъ экстазѣ Baal Shem'a, такъ и сами они во всемъ были лишь его жалкимъ подобіемъ. Теперь-же, когда учителя уже нѣтъ, и эти сумасбродства не могутъ быть больше обузданы его живымъ примѣромъ, отъ его имени пишутся и преподносятся самыя чудовищныя вещи. Хотя хассиды, родоначальникомъ которыхъ онъ былъ, сдѣлались, несмотря на всяческія преслѣдованія со стороны ортодоксальныхъ евреевъ—ихъ бичевали, заковывали въ кандалы, отлучали, закрывали ихъ синагоги и сжигали ихъ книги—могущественной сектой, распространившейся вдоль и поперекъ центральной Европы, они доставляютъ мнѣ теперь мало удовольствія; мало радости доставляетъ мнѣ распространеніе ученія, которому я посвятилъ свою жизнь. Теперь, когда лучезарный образъ учителя не свѣтитъ мнѣ болѣе, я дерзаю иногда сомнѣваться въ томъ, лучше-ли сталъ міръ оттого, что онъ жилъ. По временамъ я даже сочувственно отношусь къ нашему главному преслѣдователю, къ праведному и ученому Виленскому Гаону.

Такъ какъ теперь, увы! появились послѣдователи Baal Shem'a, которые, имѣя самое превратное понятіе о простомъ образѣ жизни, разгуливаютъ нагишомъ по улицамъ и доходятъ до того, что на виду у всѣхъ отправляютъ свои естественныя потребности, я долженъ прежде всего засвидѣтельствовать, что хотя учитель и считалъ тѣло и всѣ его отправленія священными, онъ никогда не одобрялъ такихъ крайностей. Несмотря на то, что онъ очень любилъ солнце, воду и тѣлесную чистоту—которая

была для него небеснымъ символомъ—и часто купался въ уединенныхъ источникахъ, онъ всегда былъ прилично одѣтъ при другихъ. Хотя деньги и не имѣли для него никакого значенія, онъ все-же старался, когда это было нужно, зарабатывать ихъ трудомъ, а не развѣзжалъ въ коляскѣ съ сигарой во рту, хвастая въ то же время своимъ совершенствомъ; онъ не заставлялъ другихъ работать на себя, оправдываясь высшими соображеніями.

Даже работая физически, мой учитель жилъ въ постоянномъ общеніи съ Богомъ; онъ жилъ въ общеніи съ патриархами и пророками, съ великими во Израилѣ людьми, съ танаимъ и амораимъ и со вѣми, кто старался способствовать наступленію царства Божія на землѣ, когда Богъ и его творенія, небо и земля сольются во едино, когда придетъ Мессія, и божественный миръ воцарится на землѣ. Въ то время, когда онъ молился и плакалъ о грѣхахъ своего народа, его духъ возносился въ небесныя сферы и бесѣдовалъ со святыми, но это не дѣлало его тщеславнымъ на подобіе тѣхъ, кто занимается нынѣ небесными восхожденіями. Когда Baal Shem спускался опять на землю, онъ велъ себя всегда какъ самый обыкновенный смертный, который никогда не покидалъ своего родного селенія, между тѣмъ какъ эти „небесные путешественники“ дѣлаютъ видъ, что презираютъ нашъ низшій міръ; нѣкоторые изъ нихъ въ своемъ высокомеріи и надменности совершенно теряютъ разсудокъ и утверждаютъ, будто они уже перемѣщены на небо и не принадлежатъ болѣе къ смертнымъ. Мой учитель, дѣйствительно, надѣялся быть взятымъ живымъ на небо, подобно пророку Иліѣ. Однажды—это было, когда мы вернулись съ похоронъ его жены—онъ сказалъ мнѣ рыдая: „Теперь, когда жена моя умерла, я также долженъ умереть. Такая праведница, какъ она, могла бы взять меня съ собой на небо. Она безпрекословно слѣдовала за мной въ лѣса, жила въ полномъ уединеніи зимой и лѣтомъ, переносила ради меня лишения и тяжелый трудъ; еслибы не ея вѣра въ меня, я бы ничего не могъ совершить“.

Никто не чтилъ такъ женщинъ, какъ Baal Shem. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, его жизнь послужила для меня примѣромъ, и дочь его много выиграла отъ урока, который онъ далъ мнѣ. Мы жестоко заблуждаемся, когда относимся съ пренебреженіемъ къ нашимъ женамъ; они должны бы были быть намъ товарищами, а не рабынями, и наши небесныя восхожденія—выражаясь иносказательно—должны бы были совершаться въ ихъ сообществѣ.

Baal Shem вѣрилъ, что дыханіе Божіе оживляетъ вселенную, возобновляя такимъ образомъ ежедневно работу мірозданія; и что, вслѣдствіе этого, обыденный міръ такъ же вдохновленъ, какъ и Тора, отъ которой онъ воспринимаетъ свѣтъ. Писанный законъ долженъ быть истолкованъ въ каждомъ вѣкѣ сообразно господствующему атрибуту Бога, ибо въ каждомъ отдѣльномъ вѣкѣ Богъ правитъ вселенной помощью другого атрибута: то помощью своей любви, то помощью своей власти, или же своей красоты. „Наше общеніе съ Богомъ“, говорилъ учитель, „зависитъ не отъ числа предписаній, которыя мы исполняемъ. Одна заповѣдь, выполненная во имя любви къ Нему, такъ же дѣйствительна, какъ и всѣ“. Но это не значить, какъ думаютъ нѣкоторые, что что мы должны ставить ни во что всѣ остальные заповѣди, или, что мы всю жизнь должны стремиться къ выполненію одной изъ нихъ. Правда, тотъ праведникъ, который посвятилъ свою жизнь, чтобы поднимать на ноги осла своего сосѣда, или даже своего недруга, упавшего подъ бременемъ своей ноши—какъ предписываетъ глава 23. 5. Исхода—былъ достоинъ удивленія. Онъ былъ моимъ ученикомъ и хотѣлъ такимъ образомъ ознаменовать обстоятельства, при которыхъ произошла моя первая встрѣча съ Baal Shem'омъ. За то другой цаликъ, который задался цѣлью никогда не произносить ни малѣйшей лжи, впалъ, благодаря этому въ тяжкій грѣхъ. Слава о немъ такъ распространилась, что дошла до правительственныхъ чиновниковъ. Подозрѣвая, что евреи промышляютъ контрабандой, они объявили, что не станутъ судить ихъ, если этотъ праведникъ поручится за ихъ невинность; тогда онъ сталъ молить Бога, чтобы смерть избавила его отъ этой дилеммы. Когда посланные пришли звать его въ судъ, они нашли его мертвымъ. Между тѣмъ, истинный послѣдователь учителя былъ бы готовъ во имя правды свидѣтельствовать даже противъ своихъ собратьевъ, и, по моему, смерть этого человѣка была скорѣе наказаніемъ свыше, чѣмъ освобожденіемъ.

Помимо того, если бы этотъ праведникъ дѣйствовалъ въ духѣ смиренія, которое мой учитель считалъ первой изъ основныхъ добродѣтелей, онъ не считалъ бы такимъ ужаснымъ грѣхомъ солгать одинъ разъ; ибо, кто станетъ сомнѣваться, что имъ руководила скорѣе духовная гордость своимъ подвигомъ, нежели чистая любовь къ правдѣ.

„Служеніе Господу уже само въ себѣ заключаетъ воздаяніе и радость“, говорилъ Baal Shem. „Никто не долженъ думать о томъ, чтобы не грѣшить; весь день человѣка долженъ быть на-

полненъ радостнымъ служеніемъ Господу“. Вѣкъ Мессіи, по словамъ учителя, настанетъ тогда, когда всѣ люди будутъ поступать по правдѣ и справедливости, только благодаря естественному побужденію, даже не думая о томъ, что они поступаютъ хорошо; О томъ-же, чтобы гордиться этимъ, не можетъ быть и рѣчи — развѣ кто нибудь станетъ гордиться тѣмъ, что онъ ходитъ и спитъ? Тогда только справедливость воцарится на землѣ; дьяволъ будетъ, наконецъ, побѣжденъ, и каждый будетъ въ состояніи совершать небесныя единенія и восхожденія.

Много страданій перенесъ Baal Shem въ тѣ годы, которые я провелъ съ нимъ. Нищета и преслѣдованія были часто его удѣломъ. О томъ, какое горе причинила ему смерть жены, я уже упоминалъ; но особенно сильно подѣйствовало на него возрожденіе Саббатъянскон ереси при Яковѣ Франкѣ. Этотъ Франкъ, бывшій по очереди туркомъ, евремъ и католикомъ, игралъ роль преемника Саббатая Цеви, какъ Мессіи, и приказалъ своимъ приверженцамъ именовать себя „святымъ паномъ“; впоследствии онъ выставялъ свою прекрасную дочь, Еву, какъ женское божество. Многое изъ того, что дѣдъ разсказывалъ мнѣ о Саббатаѣ Цеви, повторилось теперь, съ тою только разницею, что тотъ заключилъ союзъ съ магометанами, а Франкъ заигрывалъ съ католиками. Отсюда эти публичные диспуты, поощряемые католиками, въ которыхъ франкисты сражались съ талмудистами и, будучи признаны побѣдителями, торжествовали при видѣ того, какъ конфисковали священныя раввинскія книги. Когда тысячи экземпляровъ Талмуда были брошены въ громадную яму въ Каменцѣ и сожжены палачомъ, Baal Shem плакалъ и принялъ участіе въ постѣ по случаю сожженія торы. Несмотря на все свое презрѣніе къ „дьявольскимъ хитросплетеніямъ“, онъ признавалъ, что Талмудъ служитъ представителемъ устнаго закона, который выражаетъ непрерывное вдохновеніе вожаковъ Израіля, и что полагаться на одну только Библію, значило бы преклоняться передъ религіозной муміей. Не менѣе огорчался онъ и по поводу словеснаго турнира талмудистовъ съ франкистами въ Лембергскомъ соборѣ, на который польская знать покупала входные билеты по дорогой цѣнѣ. „Религіозные диспуты угодны дьяволу, но не Богу“, говорилъ учитель. Когда, наконецъ, франкисты крестились тысячами, и ихъ мессія въ парадныхъ турецкихъ одеждахъ развѣзжалъ по городу въ коляскѣ, запряженной шестеркой лошадей и окруженный турецкими тѣлохранителями, Baal Shem былъ скорѣе обрадованъ, чѣмъ огорченъ такимъ кон-

цомъ. Однако, когда іудейскимъ католикамъ стало плохо, и, послѣ того, какъ польская инквизиція заключила Франка въ крѣпость, они дошли до того, что просили милостыню на церковныхъ папертяхъ, одинъ только Baal Shem не насмѣхался надъ тѣмъ, что взоры этихъ людей все еще обращены въ томительномъ ожиданіи къ „вратамъ Рима“, какъ они мистически называли Ченстоховскій монастырь, въ которомъ былъ заключенъ Франкъ. Когда враги этихъ людей говорили, что имъ воздается по заслугамъ, Baal Shem замѣтилъ на это: „Нѣтъ такой сферы въ небесахъ, гдѣ бы душа оставалась болѣе короткое время, чѣмъ въ сферѣ заслугъ; нѣтъ такой сферы, гдѣ бы она оставалась дольше, чѣмъ въ сферѣ любви“.

Не мало также терзался Baal Shem въ это тревожное время благодаря своему сочувствію къ страданіямъ Польши во время ея братоубійственной войны, когда казаки вѣшали вмѣстѣ дворянина, еврея, монаха и собаку съ надписью: „Всѣ равны“. Эти казаки, а впослѣдствіи турки, — которые подъ видомъ друзей Польши, превратили южныя провинціи въ пустыню — скорѣе помогали, чѣмъ мѣшали дѣлу Baal Shem'a, отвлекая его преслѣдователей, но его сердце все-же было переполнено жалостью ко всѣмъ — къ собакамъ, монахамъ, дворянамъ и евреямъ.

Какъ бы сильно этотъ человѣкъ ни страдалъ, его лицо всегда свѣтилось ясной, невозмутимой вѣрой, только слегка омрачившейся легкими тучками. Даже на смертномъ одрѣ кардинальныя его добродѣтели не оставили его: никто бы не могъ веселѣе смотрѣть въ глаза ангелу смерти, или болѣе пламенно предвкушать единеніе съ Божествомъ. Послѣднія слова Baal Shem'a были: „О тщеславіе! тщеславіе! даже въ этотъ смертный часъ ты дерзаешь искушать меня. Подумай только, Израиль, какія грандіозныя похороны тебѣ устроятъ за то, что ты былъ такъ мудръ и добръ! О тщеславіе, тщеславіе, будь ты проклято“.

Несмотря на то, что я былъ мужемъ его дочери и находился при немъ въ предсмертный часъ, всѣмъ извѣстно, что Baal Shem назначилъ не меня, а рабби Беръ своимъ преемникомъ. Мое ближайшее знакомство съ Baal Shem'омъ не способствовало тому, чтобы расположить меня въ пользу его главнаго ученика, но я никогда не высказывался передъ нимъ вполне откровенно по этому поводу: онъ достаточно рано внушилъ мнѣ, что смиреніе требуетъ прежде всего, чтобы мы отзывались всегда хорошо о своихъ собратьяхъ. „Тотъ, кто любитъ Бога, Отца, долженъ также любить и дѣтей Его.“

Зная, какъ мой учитель презираетъ мертвую книжную ученость и науку ради самой науки, которая не ведетъ къ безконечному свѣту, я осмѣлился какъ-то спросить его, почему онъ допустилъ, чтобы книжникъ талмудистъ Беръ, сдѣлался его ближайшимъ сподвижникомъ и основывалъ общины его именемъ.

„Я увидѣлъ“, отвѣтилъ онъ съ трогательной простотой, „что поступалъ ошибочно, считая невѣжество синонимомъ добродѣтели. Есть и среди ученыхъ хорошіе люди, сердца которыхъ не испорчены ихъ ученостью. Къ такимъ людямъ принадлежитъ и Беръ; а такъ какъ онъ пользуется большою извѣстностью среди ученыхъ, я рѣшилъ, что онъ будетъ имѣть вліяніе на этихъ людей, которые не стали бы повиноваться простому смертному“.

Прежде, чѣмъ прибавить еще что нибудь по этому поводу, я пожелаю, чтобы эти слова учителя послужили укоромъ его безстыднымъ послѣдователямъ, которые относятся съ презрѣніемъ къ ученымъ въ то время, какъ сами они лишены даже благочестія, и гордятся своимъ невѣжествомъ, какъ еслибы оно обезпечивало имъ славу. Что же касается рабби Бера, я могу смѣло утверждать, что, какъ для міра, такъ и для ученія Baal Shem'a было бы лучше, еслибы я былъ уполномоченъ передать его потомству. Беръ превратилъ это живое ученіе въ кодексъ и исповѣданіе, которые стали мертвой буквой. Онъ придалъ своимъ послѣдователямъ внѣшніе знаки отличія: шумныя молитвы, омовенія, бѣлыя субботнія одежды и т. д., такъ что духъ ученія умеръ, символы-же остались. Теперь между десятками тысячъ тѣхъ, которые именуютъ себя хассидами, молятся по особому молитвеннику, выполняютъ всѣ обряды, носятъ надлежащую одежду, не найдется и десяти, которые имѣли бы хоть приближительное понятіе о самой сути ученія Baal Shema; ибо духъ подвиженъ и улетаетъ, символъ же проченъ и благоговѣнно передается изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Особенно сильно искажено ученіе о цадикизмѣ. Можетъ быть Беръ правъ, говоря, что, если Богъ, какъ училъ Baal Shem, находится во всемъ, то въ нѣкоторыхъ избранныхъ людяхъ можетъ находиться такая значительная доля Его, что они сами становятся божественными. Я не сомнѣваюсь, что въ самомъ учителѣ было очень много божественнаго. Хотя онъ и не говорилъ, что творитъ чудеса, приписывая совершаемыя имъ исцѣленія только знакомству съ цѣлебными травами и утверждая, шутя, что Ангелъ Исцѣленія всегда сопутствуетъ хорошему врачу; хотя онъ и отрицалъ, что когда-либо сражался съ демонами и

магами, развѣ только въ переносномъ смыслѣ, тѣмъ не менѣе, въ немъ дѣйствительно была какая-то таинственная сила, не при-
сущая обыкновеннымъ смертнымъ. Однимъ только своимъ при-
косновеніемъ онъ успокаивалъ и уголялъ страданія; дотронув-
шись рукой до чьего-либо лба, онъ излечивалъ головную боль,
прогонялъ дурное настроеніе.

Я даже допускаю, что и въ рабби Берѣ была нѣкоторая доля
божественности; но, въ то время, какъ Baal Shem скрывалъ свою
божественность въ своей человѣчности, Берѣ старался скрывать
свою человѣчность въ своей божественности; онъ распространялъ
свою власть при помощи ловкости и хитрости, чтобы тѣмъ легче
вліять на людей, подчинять ихъ себѣ и пользоваться ихъ день-
гами для своихъ дальнѣйшихъ операцій. Исторія Бера доказала
мнѣ, что, если правда не достаточно сильна для того, чтобы она
могла господствовать одна, она не будетъ господствовать и съ
помощью хитрости; ибо въ заключеніе появятся люди, которые
станутъ провозглашать одну хитрость безъ правды. Такъ, по
крайней мѣрѣ, было въ данномъ случаѣ: сначала Baal Shem—
истинный праведникъ; затѣмъ рабби Берѣ—свѣтскій цадикъ, а
за нимъ уже цѣлая плеяда цадиковъ, изъ которыхъ многіе
пріобрѣли лишь внѣшній видъ святости. Наша, когда то ве-
ликая, секта раздробилась теперь на множество мелкихъ, изъ
которыхъ каждая превозноситъ своего собственнаго цадика, счи-
тая его выше всѣхъ другихъ и утверждая, будто онъ одинъ есть
истинный посредникъ между Богомъ и людьми, единственный
источникъ благословенія и родникъ благодати.

Каждая секта водворяетъ своего цадика во дворцѣ—куда
по праздникамъ совершаются паломничества, какъ, бывало, въ
старину, въ храмъ—и платитъ ему дань въ видѣ золота и драго-
цѣнностей. Ясно, что эти жалкіе цадикіе сами способствуютъ по-
добному раздробленію секты для вящей своей славы и выгоды.
Мнѣ тѣмъ болѣе прискорбна такая эксплуатація моихъ хассидовъ,
что среди нихъ встрѣчается такъ много доброты, столько готов-
ности жертвовать собой, чтобы помочь другъ другу въ бѣдѣ, и
такая безропотная покорность своему цадикѣ, который присваи-
ваетъ себѣ всюду божескія почести. Какъ печально, что движе-
ніе, въ основу котораго легли такія чистыя побужденія, которое
служило для меня и для многихъ другихъ тѣмъ же, чѣмъ слу-
жить тѣнь отъ большой скалы для знойной страны; что ученіе,
открывшее молодому Израилю такія духовныя перспективы,
было въ послѣдствіи такъ искажено и извращено.

Горе мнѣ! Неужели всегда такъ будетъ съ Израилемъ? Неужели мы для того только силимся выкарабкаться изъ одного омота, чтобы погрузиться въ другой?..

Однако, такія сомнѣнія оскорбляютъ память моего учителя. Я долженъ отзываться снисходительнѣй о другихъ; долженъ веселѣе смотрѣть впередъ, въ будущее, и воспламенять подростящую вокругъ меня молодежь. Я долженъ напомнить этой молодежи о людяхъ, въ душахъ которыхъ великій учитель зажегъ чистый пламень, и рассказывать имъ о тѣхъ, которые пожертвовали высокимъ положеніемъ и спокойною жизнью и стали распространять божественное ученіе, претерпѣвая голодъ и глумленія. Я расскажу имъ также о рабби Лемуэлѣ, этомъ поборникѣ справедливости, котораго характеризуетъ слѣдующій фактъ: Однажды, когда его жена отправилась въ судъ, гдѣ должно было разбираться ея дѣло со служанкой, рабби Лемуэль пошелъ вмѣстѣ съ ней.

„Я не нуждаюсь, чтобы ты говорилъ за меня“,—сказала та раздражительно, „я сама сумѣю защищать свое дѣло“.

„Я иду въ судъ не затѣмъ, чтобы говорить за тебя, кротко возразилъ онъ; я буду защищать твою служанку, у которой нѣтъ другого защитника“. И со слезами на глазахъ, онъ привелъ слѣдующій стихъ изъ Іова: „Если я презрѣлъ право слуги моего, или служанки моей, когда они судились со мной, то что сталъ бы я дѣлать, когда бы возсталъ Господь?“

Это и еще многое другое про ученыхъ мужей и простыхъ смертныхъ я надѣюсь изложить отдѣльно для юношей израильскихъ. Но прежде всего, пусть живетъ въ нихъ всегда память о великомъ учителѣ. Его жизнь научила меня понимать, что не тотъ величайшій изъ людей, кто живетъ въ роскоши, среди дворцовъ и придворныхъ, возвеличенный и охраняемый, а тотъ, кто весело бесѣдуетъ со своими друзьями на базарной площади, смиренный и бѣдный, какъ если бы онъ не былъ достоинъ поклоненія и почестей,—но отъ котораго исходить сіяніе и по этому сіянію люди узнаютъ явное присутствіе Бога.

Прологъ къ роману „Цирндорфскіе еврей“.

Якова Вассермана.

Привольной широкой волной проносится время надъ странами и поколѣніями. Уничтожая лѣса, разрушая города, оно величественнымъ равнодушнымъ взмахомъ разбрасываетъ новые города, новые лѣса. Но и это могущественное время не можетъ лишить родную землю свойственныхъ ей мягкихъ или суровыхъ тоновъ. Надѣляя своимъ отпечаткомъ своего сына, родина заявляетъ на него право и даетъ ему въ видѣ приданого въ далекій путь жизни лишь одни слова: „Ты вылѣпленъ изъ моей глины“.

Нѣжныя чарующія взоръ очертанія горизонта, идущія отъ стѣнъ Нюрнберга черезъ Альтенбергъ къ Кардольцбургу, несомнѣнно остались нетронутыми столѣтіями; лишь одинокій тополь свалился подъ напоромъ лѣтней бури, да грозное наводненіе снесло мирную сосновую рощу. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ сливается Редницъ съ Пегницемъ, лѣсовъ нѣтъ: послѣдніе двѣсти лѣтъ ихъ уничтожили. Дальше по ту сторону древней крѣпости съ ея каменоломнями и темными аллеями тянется съ незапамятныхъ временъ франкская область—она представляетъ собой обширную плодородную долину, гдѣ поспѣваетъ рожь, растетъ картофель, цвѣтетъ макъ, созрѣваетъ рѣпа.

Войны 17-го столѣтія уничтожили пестрый цвѣточный коверъ въ этомъ мирномъ укромномъ углу. Въ 30-хъ годахъ шведы раскинули здѣсь свой обширный лагерь, и запуганные крестьяне нашли послѣ нихъ свои поля орошенными кровью.

Ужась войны съ быстротой молніи обуялъ всю Франконію, и власти отдѣльныхъ областей съ трудомъ сохраняли мужество и вѣру въ Провидѣніе.

Долгіе годы прошли прежде, чѣмъ истоптанныя поля стали

снова плодородными; многіе участки земли оставались необработанными даже по заключеніи міра. Все носило слѣды грубыхъ вражьихъ рукъ. Близъ часовни Карла Великаго, недалеко отъ фюртскаго стрѣльбища, высится мощная груда камней — это шведы нагромоздили ее въ память своихъ побѣдъ. Говорятъ, что каждый камень будто-бы означаетъ разоренный домъ.

Миръ воцарялся очень медленно. Робко, оглядываясь изумленными глазами, надвигался онъ на долину Редница. Народъ началъ забывать пережитое. Затѣмъ наступило время когда отцы и ветераны рассказывали объ ужасахъ войны; они любили описывать перенесенныя опасности, украшая ихъ вымышленными подробностями и приписывая себѣ геройскіе подвиги другихъ. Этотъ военный обычай существуетъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ война, а франки всегда были большіе герои на словахъ, чѣмъ въ жизни. Война, окутанная дымкой прошлаго, пріобрѣтаетъ интересъ и радужную окраску; и не одинъ рассказываетъ, улыбаясь, о тѣхъ ужасахъ, которые его нѣкогда заставляли содрогнуться до глубины души.

Въ той грудѣ камней въ у часовни, среди развалинъ, находился хорошо обтесанный гранитный блокъ, изрисованный своеобразными чужеземными буквами. Это была еврейская надпись на надгробномъ памятникѣ, который былъ похищенъ шведами съ еврейскаго кладбища и брошенъ ими сюда между памятниками правовѣрныхъ христіанъ. Ни одинъ изъ христіанъ не посмѣлъ удалить этотъ камень, потому что отъ его причудливой надписи въяло чѣмъ-то чуждымъ и страшнымъ; они боялись, что окажутся во власти волшебнаго изреченія, если ихъ чистыя руки коснутся проклятаго еврейскаго памятника. Болѣе трехъ столѣтій этотъ камень оставался на своемъ мѣстѣ. Его надпись въ переводѣ на современный языкъ гласила: „Прекраснаго Юсифа, сокровища нашихъ глазъ, не стало. Гавріилъ и Михаилъ приставлены къ нему стражами. Годы его жизни были коротки и ясны. Онъ довелъ ихъ лишь до 70. Это былъ правитель, ведшій, подобно Деборѣ и Баракъ, свой народъ къ славѣ. Отдыхъ и наслажденіе онъ искалъ въ наукѣ; его смѣрть была, какъ его рожденіе, безгрѣшна.

„Плачь и рыданія раздались, когда душа его вознеслась къ небесамъ въ пятый день недѣли. Онъ мирно почилъ въ городѣ Бамбергѣ 28-го сивана. Этотъ день мы проводимъ въ глубокой скорби и въ отчаяніи; мы разрываемъ одежды, и слезы струятся изъ нашихъ глазъ. Тѣло праведника предали землѣ въ Фюртѣ. Да покоится его душа въ лонѣ Авраама, Исаака и Якова“.

Мысль, что ихъ святыня подверглась такому оскверненію, приводила евреевъ въ отчаяніе.

Они полагали, что душа Іосифа-Гавріила, сына Нафталиі, не найдя себѣ покоя, плача, блуждаетъ она каждую ночь вокругъ шведскаго памятника побѣды. Они не рѣшались тронуть камня, такъ какъ памятникъ изображалъ собой символъ мира, въ малѣйшемъ поврежденіи котораго усмотрѣли бы предзнаменованіе новой войны. На крестьянахъ и на городскихъ жителяхъ тяжело отражались тягости войны, и многіе заказывали у священниковъ молебны о долговѣчномъ мирѣ.

Такъ стоялъ еврейскій памятникъ среди разнородныхъ сосѣдей, какъ пришлецъ изъ чужой далекой стороны. Онъ говорилъ на незнакомомъ языкѣ, благородныя очертанія указывали, что онъ былъ предназначенъ для болѣе почетной службы. Онъ былъ обращенъ лицевой стороной не къ долинѣ, а къ низкимъ домамъ и кривымъ угловатымъ улицамъ Фюрта. Невдалекѣ рокотала рѣка, которая во время осенняго половодья заливала низкіе берега и уносила къ стрѣльбищу нѣсколько вырванныхъ съ корнями, израненныхъ тополей. Вода ломала ихъ, какъ сухія вѣтки, и пригоняла ихъ въ Миланъ въ тѣсномъ единеніи съ балками, сучьями, домашней утварью и разными странными вещами, которыя озвѣрѣвшій потокъ уносилъ съ собой изъ славнаго города Нюрнберга.

Если памятникъ Іосифа-Гавріила утратилъ свой божественный покой, то онъ за то обогатился мудрыми понятіями о жизни и о людяхъ. Серьезно и невозмутимо приглядывался онъ къ дѣятельности людей, которые кружились вокругъ него, какъ воробьи вокругъ накрытаго стола. Палящій зной и дожди, бури и мятели— онъ все переносилъ съ одинаковымъ спокойствіемъ, и, когда тихая ночь обволакивала покровомъ его сѣдое чело, то казалось, что на немъ еще отражается ласковый отблескъ послѣднихъ лучей пурпурнаго заката или просвѣтъ наступающей утренней зари. Въ эти часы солнце особенно жарко ударяетъ въ эту полосу земли, что объясняется, по мнѣнію ученыхъ, избыткомъ здѣсь атмосферныхъ осадковъ.

Празднества, игры, танцы были испоконъ вѣку въ обычаѣ у франковъ, которые отличались легкомысліемъ и любили тратить свои заработки по кабакамъ.

Въ одинъ изъ церковныхъ праздниковъ, въ октябрѣ, 17 лѣтъ послѣ того, какъ подписанъ былъ великій мирный договоръ, въ то время когда народъ, собравшійся на стрѣльбищѣ, беззаботно

веселился, при чемъ цыгане и музыканты иаигрывали веселые, задорные напѣвы, а дѣвушки носились въ вихрѣ танцевъ, къ стрѣльбищу подходилъ старикъ, который до того долгое время задумчиво стоялъ передъ еврейской надписью на шведскомъ памятникѣ. Наступалъ вечеръ, сумерки сгущались, небо было окутано въ матово-красную мантию. Голубыя тѣни падали на журчащую рѣку; изъ отдаленныхъ улицъ доносились рѣзкіе удары кузнечныхъ молотовъ,—эти звуки долго стояли въ прозрачномъ воздухѣ, пока не терялись вдали на лугахъ.

Тогда снова слышны были звуки музыки: скрипка, барабанъ и кларнетъ. Юноши громко смѣялись, все бѣшенѣе танцуя вокругъ вѣковыхъ деревьевъ, а глаза дѣвушекъ вспыхивали и загорались таинственнымъ пламенемъ. Нюрнбергскіе купцы предлагали невиданныя вещи, а канатные плясуны, фокусники и цыгане обѣщали показать чудеса искусства. Когда совершенно стемнѣло, къ стволамъ деревьевъ и къ балагану были прикрѣплены смоляные факелы, и тяжелый коричневый дымъ поднялся широкой струей за рѣку къ лугамъ, а отдѣльныя бѣшенныя искры съ трескомъ падали въ вѣтви липъ. Тусклое пламя бросало причудливыя тѣни на лица людей; звѣзды на небѣ поблѣднѣли для находящихся въ освѣщенномъ кругу. Старый еврей, защищая глаза рукой, какъ зонтомъ, смотрѣлъ мрачно и пытливо на веселящуюся толпу. Его лицо имѣло зеленовато-бѣлый оттѣнокъ; рѣдкая рыжая борода лишь слегка обрамляла щеки и подбородокъ, образуя какъ бы рамку, придававшую чертамъ какую-то странную ужасающую отчетливость. Потомъ его глаза, эти карія звѣзды, тревожно блуждали на фонѣ блѣднаго лица; зрачки то суживались, то расширялись съ чудовищной быстротой, какъ у хищнаго звѣря. Это были глаза еврея—полныя тревоги, суетливости, неопредѣленной мольбы и забитой сердечности, то вспыхивающіе страстью, то потухающіе въ тихой грусти, глаза затравленнаго животнаго, обращенные въ ужасъ безсилья къ преслѣдователю; глаза, устремленные въ трепещущей тоскѣ къ богатой далекой странѣ свободы.

— Дикій неразумный народъ,—бормоталъ еврей,—они танцуютъ, дурачатся,—а завтра наступитъ грозный неслышанный судъ Божій. Онъ остановился, совершилъ низкій поклонъ къ востоку, а тонкія губы его зашептали слова молитвы.

Подъ липами молодая цыганка отплясывала своеобразный танецъ своей родины, подъ звуки пары скрипокъ, на которыя играли двое юношей—цыганъ. Толпа зрителей образовала ши-

рокій кругъ вокругъ танцующей; мрачный свѣтъ факеловъ дѣлалъ глаза больше, ярче и придавалъ лицамъ новую таинственную жизнь. Такъ всегда протекають дни храмовыхъ праздниковъ въ Фюртѣ: люди просыпаются отъ кошмара гнетущихъ заботъ и солнце на моментъ озаряетъ ихъ измученныя сердца.

Послѣ цыганки въ середину круга медленно вошла молодая дѣвушка ослѣпительной красоты. Узкія тѣни причудливо скользили по ея блѣдному лицу, она была стройна, какъ тѣ женщины, которыхъ писали нѣкогда во Флоренціи. Длинное платье падало прямыми складками вокругъ ея тѣла. Не двигая руками, не подымая глазъ, она запѣла речитативъ какой-то странной пѣсни.

Но почему же она поетъ такъ тихо, такъ жалобно? Ея губы дрожать, она опускаетъ голову все ниже и ниже на грудь. Является арлекинъ, который начинаетъ ее дразнить, но она остается неподвижна, какъ статуя. Арлекинъ ее теревитъ и заявляетъ смѣясь, что беретъ ее въ жены. Онъ хочетъ ее унести, но вдругъ появляется рыцарь въ блестящихъ латахъ и освобождаетъ ее. Арлекинъ же бросаетъ свою шутовскую маску и оказывается въ дѣйствительности дьяволомъ, который вступаетъ въ борьбу съ рыцаремъ. Въ моментъ, когда побѣда склоняется на его сторону, рыцарь выхватываетъ бѣлое распятіе изъ слоновой кости и осѣняетъ имъ противника. Дьяволъ издаетъ ужасный крикъ и удаляется, дѣлая огромные прыжки.

Тогда изъ круга зрителей выступаетъ старый еврей; полы его длиннаго кафтана развѣваются въ вечернемъ воздухѣ, когда онъ подходитъ къ блѣдной дѣвушкѣ. Она подымаетъ на него глаза и начинаетъ дрожать, какъ въ лихорадкѣ. Подобно игламъ вонзаются въ нее его глаза, въ пылающемъ огнѣ которыхъ она читаетъ то, что давно уже, очень давно, наполнило ея душу ужасомъ—мечтательнымъ, жуткимъ и неопредѣленнымъ. Казалось, что ея душу вдругъ глубоко потрясли далекія воспоминанія дѣтства. Въ глазахъ ея отразились одновременно и боязнь этой внезапной непонятной ясности, и испугъ отъ призрачнаго появленія рыжеволосаго еврея. Его пальцы плотно, какъ запястье, обхватили ея руку, а глаза пристально вглядывались въ нее, какъ будто бы онъ хотѣлъ внѣдрить свое желаніе, свое неотразимое приказаніе глубоко въ ея сердце, такъ глубоко, чтобы никто не могъ его ни тронуть, ни поколебать. Музыка не играла больше, громкіе голоса перешли въ шопотъ; одни ощутили неопредѣленную боязнь, другіе любопытство; лица выражали ожиданіе. Все стихло. Слышно было журчанье рѣки, да въ листья завываль-

вѣтеръ, срывая и унося далеко желтые поблекшіе листья. Становилось прохладно. Еврей наклонился къ молодой дѣвушкѣ и прошепталъ ей на ухо:

— Помнишь-ли ты пожаръ въ твоёмъ родномъ городѣ, Цирль? Вспоминаешь ли ты еще отца, мать, братьевъ, всѣхъ тѣхъ, которыхъ нѣтъ въ живыхъ? Цирль, ты не забыла? Ты помнишь еще?

Обильныя слезы струились по лицу дѣвушки, глаза ея растерянно устремились въ далекое темное прошлое. А старикъ продолжалъ шептать:

— Въ полночь ближайшаго полнолунія ты должна ко мнѣ прійти. Ты найдешь Захарію Наара, гдѣ бы онъ ни былъ, я возвѣщаю приходъ Мессіи, которому открыта таинственная глубина сущности.

Толпа очнулась и, недовольная нарушеніемъ праздника и веселья, подняла негодусщій ропотъ. Захарія Нааръ отвернулся отъ дѣвушки и медленно направился къ выходу изъ круга. Никто его не зналъ. Всѣ его сторонились и быстро изъ устъ въ уста пронеслось въ толпѣ имя „Агасферъ“.

— Да, да, онъ бродитъ, какъ вѣчный жидъ,—сказала сгорбленная, вся въ морщинахъ, женщина, обнюхивая воздухъ своимъ тонкимъ носомъ.

Захарія Нааръ шель по темнымъ улицамъ, направляясь къ еврейской синагогѣ. Тамъ еще продолжалось богослуженіе, такъ какъ былъ канунъ Іомъ-кипура. Вскорѣ онъ незамѣченный стоялъ, закутанный въ талисъ, съ устремленными на алтарь горящими глазами, среди толпы молящихся. Въ помѣщеніи синагоги не было мирнаго праздничнаго настроенія. Казалось, что каждый молится своему Богу за себя, и минутами подымался неопредѣленный шумъ, изъ котораго выдавался глухой или рѣзкій отдѣльный голосъ. Душный тяжелый запахъ наполнялъ синагогу: пахло кожей, старымъ платьемъ, дымомъ и гнилымъ деревомъ. Вокругъ алтаря стояли дѣти и смотрѣли съ тупымъ благоговѣніемъ на порыжѣвшія страницы. Комната походила на подземелье заговорщиковъ или на келью кающагося грѣшника: въ ней не чувствовалось присутствія радостнаго Бога, не было ничего говорящаго о любви къ жизни, о надеждѣ на счастье. Свѣчи тускло мерцали и входящему извнѣ казалось, что онъ проваливается въ глубокую душную пропасть, гдѣ возносятся мрачныя молитвы къ суровому Божеству.

Послѣдній кадишь былъ оконченъ. Молящіеся готовились

разойтись. Тогда Захарія Нааръ подошелъ къ алтарю и поднялъ руку въ знакъ того, что онъ хочетъ говорить. Всѣ смолкли и обратили свои взоры на незнакомца. Тотъ заговорилъ негромко, какъ бы про себя. Рѣзкими отрывистыми фразами заговорилъ онъ о приниженности и забитости еврейскаго народа, о притѣсненіяхъ, которымъ онъ подвергся, о разсѣянности его по всѣмъ частямъ земли. Когда Захарія Нааръ убѣдился въ томъ, что его слушаютъ внимательно, онъ выпрямился, голосъ его окрѣпъ и сталъ звучнѣе, рѣчь потеряла свою отрывочность, глаза загорѣлись. Онъ взывалъ къ старому Богу Израиля, который возлюбилъ множество обѣтовъ на свой избранный народъ, повергъ его въ страшную нищету и осыпалъ его испытаніями болѣе жестокими, чѣмъ египетскія казни. Наступила мертвая тишина. Казалось, сами холодныя стѣны прислушивались къ его словамъ и жадно всасывали ихъ. Говорившій продолжалъ:

— Господь прогнѣвался и поднялъ руку на народъ свой— и отъ его ударовъ горы дрожатъ и трупами еврейскими усыяны улицы. Развѣ враги наши не обвиняли насъ въ томъ, что мы отравляли ихъ колодцы? Развѣ они не избивали тысячами нашихъ братьевъ? Не кричатъ они намъ: „вы приносите кровь нашихъ дѣтей въ пасхальныя жертвы?“ Не изгнали они насъ, предавъ сожженію наши жилища, разоривъ наши имущества? Если бы мы вернулись, то оказались бы бездомными, безпріютными, какъ Каинъ, убившій брата своего. Не привязывали они насъ къ вертящимся колесамъ, не отдавали въ руки палачей? Не сжигали нашихъ дѣтей, не позорили нашихъ женъ? А когда пришла чума— не свирѣпствовали они хуже чумы среди насъ? И гнѣвъ Господа не смягчался. Но вотъ настало время, приспѣлъ часъ Божьей мести и водрузить Господь знамя свое, и призоветъ онъ народъ языческій, и стекутся со всѣхъ концовъ земли полчища языческія. Нѣтъ среди нихъ ни усталыхъ, ни спотыкающихся, ни спящихъ, ни дремлющихъ. Не разрываются пояса на чреслахъ ихъ, не развязываются ремни обуви ихъ; подобны кремню подковы ихъ коней, а колесницы ихъ подобны вѣтру бушующему. Ревъ ихъ подобенъ рыканію льва, уносящаго добычу, которую ничто не въ силахъ спасти. И гудитъ надъ Израилемъ грозный рокотъ моря, и густая тьма нависла надъ нимъ. Такъ внемлите же, язычники, узнайте же, народы! Слушайте, земля и небо, и все на землѣ живущее. Гнѣвъ свой обрушилъ Господь на всѣхъ язычниковъ и обрекъ ихъ на избіеніе; и смрадные трупы ихъ будутъ брошены на съѣденіе хищнымъ звѣрямъ, а въ потокахъ ихъ крови раство-

рятся высокія горы. Звѣзды разобьются надъ ними вдребезги, а небесная пелена свернется, какъ свитокъ пергамента. Но на нашемъ пастбищѣ будетъ радостно и свѣтло. Наши степи будутъ сіять и расцвѣтутъ какъ нарцисы. Онѣ будутъ цвѣсти, да, цвѣсти и сіять, сіять и ликовать. Прелесть Ливана, великолѣпіе Кармила будутъ имъ дарованы.

Укрѣпите разслабленные члены, выпрямляйте колеблющіяся колѣни, скажите тому, у кого скорбь на душѣ: будь силенъ. Слепые станутъ зрячими, глухіе начнутъ слышать. Какъ олень будетъ рѣзвиться ягненокъ, торжествуя, заговоритъ нѣмой. Знайте-же: возсталъ мужъ въ малоазіатскомъ городѣ Смирнѣ — это истинный Мессія, и царство Божіе близится! Да, я вижу какъ ваши глаза горятъ, какъ дрожатъ ваши руки. Вы не разслышали его зова съ береговъ Средиземнаго моря. Великое искупленіе предшествуетъ ему, и воцарится на яву Olam ha Tikum. Онъ, Саббатай Цеви, одинъ позналъ сущность Божества. Возстаньте-же, братья, соберитесь, подымите вашихъ женъ, научите вашихъ дѣтей произносить его имя, утѣшайте несчастныхъ сиротъ его великимъ словомъ!

Въ лѣто 5408 отъ сотворенія міра начался разсвѣтъ искупленія и въ этомъ же году намъ открылся Саббатай Цеви. Онъ явилъ чудо за чудомъ и евреи Малой Азіи и Турціи радостно привѣтствуютъ его.

Страшный шумъ прервалъ говорившаго. Вѣсть объ этомъ событіи давно уже проникла въ Франконію, но это были лишь темные слухи, таинственные намеки, принесенные христіанскими пилигриммами, кочующими евреями или цыганами. Это былъ точно глухой отзвукъ отдаленной бури, навѣвавшій въ ночной тишинѣ сладкія грезы, которыя вытѣснялись дневнымъ свѣтомъ и замѣнялись сомнѣніемъ и недовѣріемъ. Въ первый разъ эта вѣсть проникла въ слухъ евреевъ, какъ трубный звукъ, какъ оглушительный боевой кличъ со звономъ тысячъ щитовъ и мечей, какъ настоящій призывъ къ возстанію изъ мертвыхъ. Въ глазахъ слушателей засіяло, вокругъ нихъ занялся яркій долгожданный день освобожденія, и мучительная жизнь, полная притѣсненій близится къ концу. Солнце, свобода, божественное предназначеніе къ великому будущему, отвага, блескъ и страстные, восторженные стремленія—вотъ чудесное осуществленіе тысячелѣтнихъ молитвъ. Въ ихъ забитыхъ сердцахъ прозвучалъ мощный призывъ къ новой жизни. Юноши почувствовали себя мужами, а дрожащіе отъ лихорадочнаго волненія мужи яростно сжимали

кулаки. Когда первое возбужденіе улеглось, евреи обступили говорившаго, стали его спрашивать о подробностяхъ и слушали чуть дыша, боясь проронить хоть одно слово. Забытъ былъ часъ возвращенія домой, забыты запреты поста. Женщины протѣснились изъ своихъ отдѣленій и прислушивались съ разгорѣвшимися лицами къ словамъ незнакомца. И въ ихъ фантазіи оживалъ таинственный смирскій пророкъ, который появился, какъ яркій метеоръ, и, охваченный пламенемъ мистцизма, мечтаетъ приблизить послѣдній конецъ. Захарія Нааръ говорилъ какъ въ бреду, тихо, задумчиво, съ мечтательной страстностью. Онъ говорилъ о томъ, какъ Саббатай Цеви умерщвлялъ свою плоть, какъ онъ зимой и лѣтомъ, днемъ и ночью купался въ морѣ, какъ отъ морскихъ купаній тѣло его приобрѣло благоуханіе, а глаза ясность; что рука его не коснулась ни одной женщины, хотя онъ два раза былъ обвинчанъ: онъ избѣгалъ своихъ женъ и, наконецъ, уходилъ отъ нихъ. Онъ одинокъ и грустенъ. Мягкимъ, задушевнымъ голосомъ онъ поетъ пѣсни каббалы и свои собственные гимны.

Годомъ освобожденія онъ назначилъ 1666. Въ этомъ году евреевъ постигнетъ великое счастье, и они вернутся въ Иерусалимъ. Душа пророка утопала въ ликующей блаженной вѣрѣ въ Божье могущество. Его изгнали изъ Смирны, и тогда тлѣющая искра вспыхнула яркимъ опустошительнымъ пламенемъ. Смирненіе стало его величіемъ, его славой. Онъ велѣлъ устроить въ Салоникахъ празднество и здѣсь въ присутствіи своихъ друзей торжественно обручился со святой книгой: Тора, дочь неба, въ неразрывномъ союзѣ съ нимъ, сыномъ неба. 50 талмудистовъ ѣдятъ за его столомъ, и ни одинъ нищій не уходитъ изъ его дома голоднымъ.

Потоки слезъ проливаетъ онъ во время молитвы и ночи напролетъ проводитъ за чтеніемъ псалмовъ. Дѣти ходятъ за нимъ по улицамъ, а матери благословляютъ его имя. Онъ возвѣстилъ, что поведетъ въ Святую Землю отъ рѣки Самбатіона 10 колѣнъ израилевыхъ, сидя верхомъ на львѣ, держащемъ въ пасти семиголоватаго дракона.

Евреи вернулись изъ синагоги домой, какъ-бы опьяненные волшебнымъ напиткомъ. Они были охвачены лихорадочнымъ ожиданіемъ, которое устремлялось, подобно бурному ошеломляющему потоку, изъ страны въ страну. Въ эту ночь никто не могъ уснуть.

Настало туманное осеннее утро. Поднялся сырой холодный вѣтеръ. Христіанскіе обитатели города не могли достаточно удивиться волненію евреевъ. Рабби Берманъ, блѣдный какъ полотно, бѣгалъ изъ одного дома въ другой. Рабби Соломонъ Клефъ часами стоялъ у своего дома, читая какой-то пожелтѣвшій пергаментъ. Соломонъ Ульманъ искалъ вчерашнаго чужестранца. Гутцль—Давидъ напоминалъ всѣмъ и каждому, что сегодня постъ, что пора итти въ синагогу. Около 9 часовъ на дорогѣ, ведущей изъ Нюрнберга, появился, весь въ пыли, гонецъ. Въ рукахъ его было посланіе, которымъ овладѣлъ Михаилъ Хасидъ, канторъ. Громкимъ голосомъ сталъ онъ читать посланіе собравшейся вокругъ него толпѣ, которая все увеличивалась. Посланіе, было отъ одного изъ учениковъ Саббатая Цеви, знаменитаго Самуила Прима, и гласило: „Единственный Сынъ и Первенецъ Божій, Саббатай Цеви, Мессія и Избавитель еврейскаго народа, шлетъ пожеланія мира всѣмъ сынамъ Израиля. Такъ какъ вы удостоились узрѣть великій день и исполненіе слова Божьяго черезъ пророка Его, то вы должны прекратить ваши вздохи и рыданія и замѣнить ваши посты веселыми празднествами. Ибо вы не будете болѣе плакать. Веселитесь, пойте пѣсни и превратите этотъ день скорби и отчаянія въ день ликованія и радости, ибо я появился“.

Гробовое молчаніе послѣдовало за чтеніемъ этихъ словъ. Требованіе пророка было для этого народа, съ непоколебимымъ фанатизмомъ приверженнаго къ традиціи закона, чѣмъ то чудовищнымъ и неслышаннымъ. Вольфъ Кезбайеръ побѣлѣлъ, какъ снѣгъ, и сталъ шептать слова молитвы; многіе, главнымъ образомъ женщины, вторили ему. Но были въ толпѣ и такіе, которые были исполнены мужества для новаго и великаго дѣла. Они кричали „Аллилуя“ и глаза ихъ были съ восторгомъ устремлены навстрѣчу приходящему. Мессія, бывшій такъ далеко, выросъ въ ихъ глазахъ въ нѣчто неизмѣримое, его голова отливала золотомъ въ утреннихъ облакахъ, и этотъ мощный образъ наполнилъ ихъ душу, изнемогающую подъ гнетомъ презрѣнія народовъ всего свѣта.

Тупой страхъ нависъ надъ евреями Фюрта. Они не осмѣливались выходить изъ своихъ домовъ и предавались самымъ противоположнымъ чувствамъ: сокрушенію и озлобленію, раскаянію и надеждѣ.

На слѣдующій день съ сѣвера пришла вѣсть, что знаменитый гамбургскій еврей Іуда-Мануиль Тексейро, другъ королевы шведской Христіны, публично, въ синагогѣ, объявилъ себя

приверженцемъ Мессіи. Евреи Амстердама, Лондона, Праги, Майнца, Франкфурта и Вѣны спѣшили выразить свою преданность пророку, и странныя небесныя явленія повергли въ тяжелое раздумье многихъ христіанъ. Еврей Вассертридингеръ увидаль въ субботу вечеромъ 1-го тейвеса на небѣ большое все увеличивающееся огненное сіяніе. Со слезами ужаса поспѣшилъ онъ сообщить сосѣдямъ, что Господь послалъ небесное знаменіе. Толпа народа молча собралась на берегу рѣки, и евреи стояли рядомъ съ христіанами, одинаково охваченные боязнью и мистическимъ трепетомъ. Внезапно появился откуда-то Захарія Нааръ и бросился навзничь въ прибрежный камышь, обративъ свое прозрачно-блѣдное лицо съ впавшими глазами къ небесному сіянію. Страстнымъ голосомъ запѣлъ онъ слова молитвы; взывающіе къ приходу сына Божьяго изъ Смирны и вся община подхватила послѣдній стихъ. Однотонно журчала рѣка и поблѣднѣвшее небо робко озаряло темныя группы возвращавшихся въ созерцательномъ упоеніи евреевъ.

Въ Фюртѣ жилъ еврей по имени Мееръ Кнекеръ, или Мееръ-Натанъ, прозванный христіанами Мееромъ Сатаной. Его вѣчно-раскрытый ротъ, безобразный носъ дѣлали его мало привлекательнымъ. Его ненавидѣли за злость и готовность обобрать своего должника. Онъ былъ косноязыченъ. Косыми глазами онъ присматривался къ волненію народа и среди всеобщаго возбужденія одинъ оставался трезвъ и холоденъ. Онъ заботился лишь о томъ, чтобы не пропали его деньги и безпрестанно совѣщался съ женой, какъ лучше охранить кассу. Онъ жилъ въ старомъ домѣ, въ которомъ было много угловъ, подваловъ и закоулковъ, и ежедневно пряталъ свои деньги въ другое мѣсто. Какъ только извнѣ проникало извѣстіе о важномъ событіи, Мееръ-Натанъ начиналъ дрожать и бѣжалъ домой убѣдиться въ цѣлости своего сокровища. И такъ какъ въ это время волна событий, разливаясь, все увеличивалась и грозила затопить всю страну, то въ душѣ Меера-Натана боязнь потерять состояніе выросла до огромныхъ размѣровъ. Онъ лишился сна, потерялъ аппетитъ. Онъ не такъ уже ревностно молился, чтобы рѣже оставлять безъ присмотра свои сундуки. Онъ проклиналъ это беспокойное время, и бывали дни, когда онъ не рѣшался выйти на улицу, закрывалъ двери на запоръ, чтобы удержать таинственнаго врага.

Но въ этомъ покривившемся, богатомъ закоулками домѣ, походившемъ въ лунныя осеннія ночи на развалину, таилась еще

другая боязнь. У Меера Кнекера была дочь. Не будучи красавицей, она отличалась роскошными формами и горячей страстностью, свойственной еврейскимъ женщинамъ. Чувственный огонекъ въ ея глазахъ привлекалъ къ ней всѣхъ мужчинъ. Рахиль давно уже сблизилась съ однимъ студентомъ-христианиномъ изъ Эрлангена и уже нѣсколько мѣсяцевъ носила подъ сердцемъ плодъ своей несчастной любви. Мысль о гнѣвѣ родителей, когда они узнаютъ объ этомъ, приводила ее въ отчаяніе.

Грусть и беспомощность омрачали ея жизнь и дѣлали незавидной ея молодость. Въ волнѣ воодушевленія Мессіей, хлынувшей въ тихій переулочекъ, молодая дѣвушка увидѣла путь къ спасенію. Она могла скрыть свое физическое и душевное состояніе, потому что возбужденные умы не занимались никѣмъ изъ окружающихъ. Но несмотря на это приближалось время, когда уже нельзя будетъ ничего скрывать, когда ея тайна обнаружится сама собой. Въ долгія безсонныя ночи она обдумывала свое положеніе, проливая обильныя слезы и, наконецъ, природная женская хитрость подсказала ей выходъ изъ ужаснаго положенія. Она рѣшила прибѣгнуть къ помощи своего возлюбленнаго. Мееръ Кнекеръ только что вернулся послѣ вечерней молитвы домой. Онъ сталъ рассказывать съ мрачнымъ видомъ, что въ синагогѣ не набралось даже миньона, что евреи стали забывать о молитвѣ. Съ тяжелымъ сердцемъ подсѣлъ онъ къ окну и взглянулъ робко на улицу, какъ бы опасаясь встрѣчи лицомъ къ лицу съ неумолимымъ врагомъ его домашняго счастья. Вдругъ открылась дверь и въ комнату вбѣжалъ Ицекъ Генсенкеръ и весь дрожа рассказалъ, что свершилось настоящее чудо Божье.

У сѣвернаго берега Шотландіи появился корабль, паруса и канаты котораго сдѣланы изъ шелка. Матросы корабля говорятъ по древне-еврейски, а на знамени вышита надпись: „12 колѣнъ Израилевыхъ. Этотъ корабль предназначенъ для невѣсты Мессіи“.

Долго еще говорили они о кораблѣ и о другихъ событіяхъ; въ разговорѣ принимала участіе и Тэльзела, жена Кнекера, пока не пришелъ Борухъ Клоссъ и они рѣшили приступить къ изученію талмуда. Клоссъ тоже зналъ о таинственномъ кораблѣ—о немъ знали уже всѣ въ городѣ. Къ изученію талмуда такъ и не приступили, такъ какъ Борухъ Клоссъ зналъ еще нѣкоторыя новости: въ Миланѣ одинъ портной еврей сошелъ съ ума и сталъ ясновидящимъ—цѣлыми часами лежитъ онъ на полу и говоритъ, то плача, то смѣясь о скоромъ избавленіи изъ голуса, о силѣ и вліяніи Саббата на небесахъ и на землѣ. Далѣе Борухъ Клоссъ

разказалъ, что его дядя, вернувшійся изъ Турціи, совершенно ошеломленъ величіемъ и блескомъ, которые онъ тамъ видѣлъ. Какое то безуміе обуяло жителей Смирны; они ликуя привѣтствуютъ освободителя, который проходитъ по улицамъ во главѣ небывалыхъ еще по великолѣпію процессій. Невѣрующіе (хофримъ) боятся за свою жизнь. Хаимъ Пена едва не былъ растерзанъ толпой за то, что онъ выступилъ противъ Саббатая Цеви. Его спасла дочь, которая въ экстазѣ стала призывать, восхваляя, имя пророка, и предсказывать его великія дѣянія; тогда толпа освободила Хаима Пена, который со временемъ сталъ апостоломъ и ученикомъ Мессіи.

Это разказывалъ Борухъ Клоссъ, знавшій болѣе странныя и таинственныя событія, чѣмъ Ицекъ Генскенкеръ. Мееръ Натанъ молчалъ. Ему было тяжело. Онъ видѣлъ какъ экстазъ овладѣвалъ всѣми окружающими. Чутье предостерегало его отъ сопротивленія общему настроенію, тѣмъ болѣе, что въ эту ночь возникъ слухъ о непосредственныхъ сношеніяхъ пророка съ Захаріей Нааромъ. А послѣдній сразу пріобрѣлъ особенное значеніе среди евреевъ, сталъ посѣщать ихъ дома, убѣждая сомнѣвающихся, вдохновляя надѣющихся. Онъ повсюду проникалъ, его вездѣ можно было встрѣтить и изрѣдка его видѣли ночью: силуэтъ его рѣзко выдѣлялся на темномъ фонѣ полей.

Часы на колокольнѣ пробили полночь. Закутанный въ темный плащъ молодой человѣкъ осторожно скользилъ по площади Лилии, направляясь къ дому Кнекера. Изъ-подъ плаща торчала длинная труба; голова юноши была тщательно прикрыта капюшономъ. Яркій дискъ луны, спускаясь къ западу, однимъ незамѣтнымъ дуновеніемъ усыялъ землю таинственными нѣжными цвѣтами. Камни превратились въ почки луннаго цвѣта, и колья городскихъ заборовъ какъ бы пробудились отъ сна безъ грезъ и тоскливо глядѣли на этотъ странный міръ ночныхъ превращеній. Убогіе дома выглядѣли неодѣтыми, безпомощными и забытыми Богомъ. Нѣкоторые изъ нихъ были поразительно трогательны въ ихъ безутѣшной обветшалости, и окна ихъ глядѣли къ небесамъ, какъ огромные грустные глаза, ослѣпленные кроткимъ ночнымъ свѣтомъ.

Молодой человѣкъ перелѣзъ черезъ низкій заборъ, взобрался по узкой гнилой лѣстницѣ на крышу и крадучись направился къ стѣнѣ второго этажа. Остановившись у окна онъ просунулъ въ узкую щель зеленыхъ ставень трубу и крикнулъ въ нее глухимъ измѣненнымъ голомъ: *Bo'uch ato Adonai Eloheni!* О вы правед-

ные и богобоязненные супруги, Мееръ Натанъ и Тельзела, радуйтесь и ликуйте, ибо дочь ваша носить въ чревѣ своемъ дочь, предназначенную въ невѣсты сыну Божьему, Мессіи изъ Смирны.

Кнекеръ, который напрасно старался заснуть, волнуемый фантастическими призраками, разбудилъ свою жену.

— О дорогая,—прошепталъ онъ дрожащимъ голосомъ,—ты слышала? Насъ посѣтилъ ангелъ. Вставай, помолимся, чтобы и ты удостоилась услышать его небесный голосъ.

Жена Меера поднялась, дрожа всѣмъ тѣломъ. Съ блѣднымъ измученнымъ лицомъ и все еще прекрасными глазами она напряженно прислушивалась къ ночной тишинѣ, прижимая крѣпко руки къ трепещущей груди.

И голосъ снова прозвучалъ: •

— Вы должны окружить свою дочь заботами и вниманіемъ,—ей должны быть оказываемы почести, ибо изъ ея дѣвственнаго тѣла родится невѣста Мессіи.

Тельзела схватила мужа за руку и потащила его въ комнату дочери. Рахиль, казалось, спокойно спала—лицо ее было блѣдно, вѣки слегка дрожали. Когда мать хотѣла стянуть съ нея одѣяло, она издала хриплый крикъ и судорожно вцѣпилась въ матерію. Но Кнекеръ гладилъ ея щеки и успокаивалъ ее произнося непонятныя нѣжности. Тельзела ощупала животъ дочери, серьезно кивнула головой и задрожала отъ благоговѣйнаго ужаса. Великая радость овладѣла Кнекеромъ. Его домъ былъ избранъ для чудесныхъ дѣяній: это заставило его забыть постоянную заботу о деньгахъ. Онъ вмѣстѣ съ женой остался у постели дочери, ожидая съ нетерпѣніемъ восхода солнца. По щекамъ Рахили текли горькія слезы. Широко открытые глаза ея упорно смотрѣли въ одну точку. Злая видѣнія, казалось, причиняли ей нечеловѣческія мученія. Свѣтъ отъ лампы рѣзалъ ей глаза, а утѣшенія родителей приводили въ отчаяніе.

Мееръ-Натанъ, для котораго открылся новъй міръ, унесся, между тѣмъ, на крыльяхъ мечты далеко за предѣлы скромной комнатки. Онъ видѣлъ себя въ роли патріарха общины, окруженнаго уваженіемъ, почестями и славой. Онъ увелъ свою жену изъ комнаты дочери, долго говорилъ ей отрывистымъ, взволнованнымъ голосомъ вещи, которыхъ Тельзела никакъ не могла повясть. Потомъ онъ ушелъ, чтобы навѣстить своего друга Клосса, а затѣмъ и кантора.

День уже занялся. Странная давящая пустота царила на улицахъ. Внизу въ долинѣ журчала рѣка и изрѣдка откуда-то

доносились неопредѣленные звуки: не то шумъ мельничнаго колеса, не то звонъ колокольчиковъ. Горизонтъ былъ обложенъ большою сѣрой тучей, въ формѣ огромнаго хищнаго звѣря, готоваго броситься на землю. Почти всѣ еврейскіе дома были освѣщены. Изъ дверей, мимо которыхъ проходилъ Кнекеръ, къ нему доносились жалобы, плачь, молитвы, призывы и хвалебные гимны. Съ наступленіемъ утра въ городѣ распространилось много изумительныхъ извѣстій: еврей городка Аврикура будто-бы совсѣмъ собрались перекочевать въ Палестину; Яковъ Саспорта, яростный врагъ Цеви, внезапно превратился въ его пламеннаго послѣдователя, ходитъ со святой книгой въ рукахъ по улицамъ Вормса, возвѣщая приходъ Мессіи. Далѣе узнали, что Манозль Тексейра прибылъ съ десятью учениками въ Смирну, чтобы броситься въ ноги Саббатаю Цеви, что Натанъ Хазати назначенъ отъ Мессіи королемъ Греціи, а Элиша Леви, нищій, королемъ Африки. Жители Иерусалима, которые послали Якова Цемаха въ Смирну съ изъявленіемъ преданности новому повелителю Израиля, украсили свой храмъ и потянулись съ псалмопѣніемъ по улицамъ города, разбрасывая цвѣты, какъ во времена царя Давида. Саббатай Рафаиль въ Польшѣ и Матафія Блохъ, охваченные пророческимъ духомъ, предсказываютъ публично на площадяхъ Варшавы и Торна будущую судьбу евреевъ.

Подобно весеннему вѣтру, обвѣвающему горныя вершины, проникали слухи въ Фюртъ. Даже христіане были увлечены и подавлены массой и силой этихъ чуждыхъ имъ событій. Опьяняющій вихрь промчался по странамъ средней Европы, такъ легко поддающимся фантастическимъ настроеніямъ, которыя часто въ одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ образуютъ бѣшеный жадный потокъ, увлекающій все нѣжное и мирное въ свою мрачную бездну. Старый міръ, казалось, пробудился отъ глубокаго сна. Притѣсняющій боялся притѣсняемаго, рабу грезилась золотые сны свободы. Не было дня, который бы не приносилъ чего нибудь новаго, сверхъестественнаго, по крайней мѣрѣ какого-нибудь таинственнаго многозначительнаго слова изъ устъ Мессіи. Однажды онъ стоялъ, на примѣръ, на террасѣ у моря и сказалъ:

— Глядите, теперь я дарю вамъ жизнь и смерть.

Объ этомъ сообщали кочующіе евреи или посланія, приносимыя гонцами. Слухи о чудесахъ витали въ воздухѣ.

Мееръ-Натанъ обошелъ всѣхъ знакомыхъ, чтобы подѣлиться съ ними, выпавшимъ на его долю, счастьемъ. Сперва онъ

встрѣтилъ недовѣріе, затѣмъ изумленіе, а подъ конецъ слѣпую вѣру. Въ Борухѣ Клоссѣ онъ нашель восторженнаго апостола, и этотъ краснорѣчивый человѣкъ показалъ себя великолѣпнымъ адвокатомъ въ такомъ благословенномъ дѣлѣ. Старѣйшины общины посѣтили Рахиль, чтобы молитвами ввести ее въ сонмъ святыхъ. Въ тотъ же вечеръ былъ устроенъ грандіозный праздничный ужинъ подъ предсѣдательствомъ главнаго раввина, на которомъ домъ Кнекера былъ объявленъ пріютомъ святости. Рахиль при всемъ этомъ оставалась мрачной и замкнутой. Она избѣгала людей и старалась не смотрѣть прямо въ глаза отцу и матери. Если съ ней заговаривали, она начинала дрожать. Руки ея были влажны, губы обсохли и потрескались, глаза покраснѣли. По ночамъ она не спала; темнота принимала кровавый оттѣнокъ и висѣла надъ ея глазами, какъ страшное и непроницаемое покрывало. Она вставала часто до восхода солнца, взбиралась на чердакъ и тамъ сидѣла цѣлыми часами въ углу, скорчившись, глядя напряженно въ одну точку. Или она спускалась въ погребъ, гдѣ было сыро и холодно: она охотно переносила холодъ и боль, потому что они смягчали и притупляли внутреннее страданіе. Въ субботу послѣ синагоги къ ней пришли женщины; но она была такъ разстроена и подавлена, что разрыдалась въ присутствіи гостей. Она ломала руки, стонала, бросалась на полъ, скрежетала зубами и бормотала непонятныя слова. Женщины наслаждались интереснымъ зрѣлищемъ, которое подтверждало чудо, происшедшее съ дѣвушкой. Рахиль ругалась, грозила и съ пѣной у рта швыряла къ ногамъ гостей принесенные ими подарки. Пришло много мужчинъ, знакомыхъ и незнакомыхъ; среди послѣднихъ были даже люди изъ другихъ городовъ. Настолько быстро вѣсть о чудѣ распространилась по странѣ. Гости принесли подарки: золотыя покрывала, золотыя украшенія, плащи изъ золотистой ткани, платья изъ расшитаго бархата, туфли изъ серебряной или золотой парчи, сандалии изъ черной и цвѣтной кожи, браслеты, пряжки, пояса, одинъ—золотой, усѣянный брилльантами, кольца, серьги, перчатки, шали и т. д.

Эти дни были праздникомъ для Меера-Натана. Дрожащими руками ощупываль онъ новыя сокровища; разворачиваль ткани, опять складываль ихъ, ласкаль туфли и кольца, одѣваль ожерелья на свою шею и важно расхаживаль въ нихъ по комнатѣ или становился у зеркала и строилъ гримасы, словомъ, шель навстрѣчу темной судьбѣ съ дѣтской веселостью.

Въ день Діонисія воздухъ былъ такъ прозраченъ и ясенъ, что до Фюрта доносился колокольный звонъ изъ Нюрнберга. На лугахъ лежало слабое желтое мерцаніе; небо было разукрашено на подобіе мрамора бѣлыми тонкими облаками. Труппа еврейскихъ актеровъ, изгнанныхъ изъ Бамберга, принесла извѣстіе, что Мессія покинулъ Смирну и направился въ Германію, чтобы собрать вокругъ себя вѣрующихъ и во главѣ ихъ итти въ Святую Землю.

Когда Рахиль услышала объ этомъ, она очнулась отъ глубокой, долгой апатіи. Она была полна одной мыслью: она должна покинуть страну, въ которой живетъ возлюбленный, потому что ея возбужденной фантазіи слухъ уже казался фактомъ. Съ блестящими глазами проходила она по улицамъ; сегодня на нее никто не обратилъ вниманія. Толпа, какъ въ безуміи, мчалась по улицамъ; казалось, что ее, голодную и жаждущую, опоили огненнымъ напиткомъ. Всѣ молитвы и обряды были забыты. По площади Лилии бѣгаль какой-то молодой человѣкъ обнаженный по поясъ, и на груди его было написано: „мы получаемъ то, чего мы достойны, мы мучаемся въ горящемъ пламени“. Самуиль, судья общины, 70-лѣтній еврей, изучающій день и ночь Талмудъ, сидѣлъ на школьномъ дворѣ, засыпанный землей, почти окоченѣвшій и восхвалялъ на древнееврейскомъ языкѣ Мессію. А вокругъ него стояла въ благоговѣннѣи толпа, блѣдная и возбужденная.

Рахиль спѣшила черезъ стрѣльбище, гдѣ все еще оставались цыгане, къ шведскому памятнику. Здѣсь она обезсиленная опустилась на траву. Къ ней доносились голоса цыганъ и, несмотря на туманъ, спускающійся на землю, она различала ихъ движенія. Мимо нея пробѣжали синагогальный служка и гробовщикъ, но она ихъ не замѣтила. Ей казалось, что она лежитъ здѣсь цѣлыми днями, безъ сознанія времени, что она должна пролежать такъ долгіе дни, недѣли, мѣсяцы, неспособная понять то, что въ ней происходитъ... Небо покрылось тучами, полились дождевыя капли—крупныя, свѣтлыя какъ жемчугъ. Одна изъ тучъ приняла человѣческія формы. Она узнаетъ эту фигуру и лицо студента, котораго она любила. Туча носила ту же черную бороду, мягко отгнѣвающую щеки и подбородокъ и кокетливо заостренную книзу. Тотъ же маленькій ротъ, небольшой носъ, тѣ-же бѣгающіе глаза; и вотъ онъ вдругъ спустился къ ней, — онъ Томасъ-Петеръ Гуммель. Ей казалось, что она можетъ схватить его за руку. Онъ ее уговариваетъ быстро, нѣжно и ловко,

но согласіемъ ея онъ обязанъ не столько словамъ, сколько голосу, мягкой змѣиной манерѣ и веселой болтливости. Онъ подыскиваетъ слова, какъ опытный политикъ и играетъ чувствами, какъ талантливый фокусникъ. Но какъ бы то ни было—она его любить.

По стрѣльбищу проходили мушина съ женщиной. По ихъ неторопливой походкѣ видно было, что они не замѣчаютъ дождя. Рахиль узнала Захарія Наара и ту молодую дѣвушку, которую она видала играющей въ балаганѣ на стрѣльбищѣ. Она была красива. „Хочется закрыть глаза, когда ее видишь“, подумала Рахиль. Дѣвушка была блѣдна и болѣзненна, какъ-бы пожираемая тайной тоской. Каждая линія ея тѣла указывала на страданіе, а углы ея рта выражали терпѣніе и мягкость, но въ глазахъ отражались упрямство и вспыльчивость. Фигуры вскорѣ исчезли за поворотомъ дороги. Рахиль, довольная тѣмъ, что ее не замѣтили, устремила неподвижный взоръ на луга, медленно утопавшіе въ сумеркахъ. Силъ дойти до дому у нея не было, и она боялась, что наступающая ночь ее здѣсь застанетъ. Она вдругъ почувствовала себя отверженной, приговоренной къ вѣчному сознанію позора, угнетенности и бездомности. Она больше не вернется домой. Она ненавидитъ отца и мать, ненавидитъ блѣдныхъ, усердно молящихся мужчинъ, ихъ обжорливыхъ болтливыхъ женъ, старчески-развитыхъ дѣтей, рано созрѣвшихъ дѣвушекъ, ненавидитъ стариковъ, этихъ дѣтски-наивныхъ фанатиковъ—всѣ казались ей презрѣнными и нечистыми. Но куда же ей итти, если не домой? Она думала: „свѣтъ безконеченъ, но для еврейской дѣвушки нѣтъ нигдѣ ни жалости, ни убѣжища. Каждый христіанинъ, будь это слуга или разбойникъ, вправѣ ее ударить ногой и оттолкнуть. Въ концѣ концовъ они могутъ ей выколоть глаза, если имъ это понравится, и тогда остается лишь умереть съ голоду. Она не вѣритъ въ этого Мессію, она презираетъ его пророчества,—можетъ быть потому, что ей такъ легко удалось обмануть всѣхъ окружающихъ одной грубой продѣлкой“.

Когда она очнулась отъ своихъ безотрадныхъ мыслей, ея глазамъ представилась новая картина: тучи разорвались, заходящее солнце разбросало по небесному своду цѣлый снопъ оранжево-желтыхъ лучей. Дома, камни, луга, вода, лѣсъ, дома вдали, церковныя башни и даже воздухъ казались насыщенными этой желтизной. Рахиль улыбнулась, и ея душевное напряженіе сразу ослабѣло. Тихое спокойствіе овладѣло ею, и она, поддаваясь дремотѣ, закрыла глаза.

Какой-то крестьянинъ изъ Ронгофа проходилъ полемъ. — Замѣтивъ дѣвушку, онъ такъ былъ напуганъ ея видомъ, что, перекрестившись, бросился бѣжать къ городу. Навстрѣчу ему шла толпа евреевъ, направлявшаяся къ шведскому памятнику съ намѣреніемъ силой овладѣть надгробнымъ памятникомъ Юсифа-Гавріила, такъ какъ старшина и мировой судья отказались его выдать добровольно. Крестьянинъ, слѣпой на одинъ глазъ, сообщилъ евреямъ, что онъ видѣлъ у шведскаго памятника колдунью. Но тѣ уже издали узнали дочь Кнекера и побѣжали за ея отцомъ. Крестьянинъ-же, узнавъ, что евреи хотятъ ограбить памятникъ, побѣжалъ сообщить объ этомъ ближайшимъ товарищамъ, — портному, золотыхъ дѣлъ мастеру, двумъ мясникамъ, которые жили недалеко отъ стрѣльбища, и нѣкоторымъ другимъ. Когда Мееръ-Натанъ, блѣдный и взволнованный, показался на Рыбацкой улицѣ, на него напали портной, кузнецъ; изъ подваловъ вылѣзло, ругаясь, нѣсколько старыхъ женщинъ, которыя не были въ состояніи сдерживать свою злобу противъ евреевъ. Остальные герои во главѣ съ крестьяниномъ изъ Ронгофа направились къ шведскому памятнику, заранѣе ликуя при мысли о предстоящей дракѣ. На бѣгу они распредѣлили между собой противниковъ и высчитали, что на долю каждаго придется по три еврея. Стемнѣло. Противъ ожиданія вечеръ былъ мягкій и теплый. Сквозь облака глядѣли звѣзды. На востокѣ, какъ разъ надъ башнями Нюрнберга, выплыла полная луна; на западѣ мало-по-малу потухали мрачно-красные и темно-золотые лучи. Тому, кто стоялъ на колѣняхъ или лежалъ навзничь, внимательно вглядываясь въ далекую равнину, казалось, что земля дышетъ, что меланхоличная Франконія и есть грудь земного шара, волнующаяся въ спокойномъ ритмѣ.

Прибѣжавшіе къ памятнику парни стали какъ вкопанные при представившейся ихъ глазамъ картинѣ. Соломонъ-Шнейеръ, старшина евреевъ, стоялъ раздѣтый и билъ себя кнутомъ по тѣлу. Его лицо было такъ искажено отъ боли, что страшно было смотрѣть, — толстыя красныя губы шептали слова молитвы. Его тѣло содрогалось отъ боли, ребра выдавались изъ худой израненной кожи. Вокругъ него стояли блѣдные какъ смерть евреи, присѣдая въ тактъ ударовъ. Левитъ Берманъ нарушалъ мирную вечернюю тишину луговъ, выкрикивая пронзительнымъ голосомъ каббалистическое воззваніе: Царь Мессія появится, и одна изъ звѣздъ восточнаго неба проглотитъ семь

звѣздъ западнаго, и чернѣй огненный столбъ будетъ висѣть на небѣ 60 дней. И тогда всѣ народы возстануть противъ потомковъ Якова, и на землѣ воцарится великая тьма, которая будетъ продолжаться 15 дней.

Мееръ - Натанъ, котораго преслѣдователи, наконецъ, отпустили, бросился съ дикимъ крикомъ въ кругъ евреевъ, схватилъ обѣими руками голову Рахили и, лаская, сталъ ее спрашивать, почему она ушла, не больна-ли она, почему она такъ грустна. Рахиль только качала головой.

Христіанскіе парни потеряли все свое мужество и постѣшили удалиться, отославъ предварительно крестьянина изъ Ронгофа къ пастору съ извѣщеніемъ о томъ, что творится у памятника. Удалявшіеся мясники встрѣтили по дорогѣ знакомаго возницу, который сообщилъ имъ о новомъ небесномъ знаменіи и о скоромъ концѣ міра.

Луна все болѣе подымалась и заливала улицы серебрянымъ свѣтомъ. Надъ лѣсами подымались тяжелыя осеннія испаренія. Мокрые отъ дождя листья отливали серебромъ и тихо дрожали отъ вечерняго вѣтерка.

Почти всѣ окна были освѣщены. Евреи, очевидно, зажгли двойное количество свѣчей, а христіане инстинктивно старались бодрствовать. Древнія пророчества, казалось, близились къ осуществленію.

Молодыя еврейскія дѣвушки бѣгали по улицамъ съ распущенными волосами, и глаза ихъ блестѣли, какъ послѣ выпитаго вина. Юноши группами сидѣли у дверей, пѣли псалмы и гимны, посвященные Мессіи. Въ комнатахъ сидѣли старики и усердно предавались изученію Каббалы. Въ одномъ домѣ среди ученія поднялся девяностолѣтній Хаимъ Раппопортъ и сказалъ:

— Никто кромѣ него не можетъ возложить на себя страданія Израиля. Всѣ наши муки онъ приметъ на себя и освободитъ весь міръ отъ боли, страданія, зла.

Въ домѣ главнаго раввина собралось пятьдесятъ мужчинъ и женщинъ къ ужину. Чѣмъ болѣе время близилось къ полуночи, тѣмъ необузданнѣе становилось веселье, тѣмъ сильнѣе воспламенялись головы отъ выпитаго вина, игры и неопредѣленнаго возбужденія. Одни плясали бѣшеные танцы въ молитвенномъ домѣ раввина, бросали серебряные кубки въ воздухъ, другіе, пришедшіе позднѣе, стоя на колѣняхъ, молились хриплыми голосами. Главный раввинъ первый сбросилъ съ себя платье и сорвалъ одежду съ молодого прекраснаго тѣла Эстеръ Френкель.

Ихъ губы встрѣтились; какъ утопающіе, крѣпко обняли они другъ друга и закружились, почти нагіе, въ оргіастическомъ танцѣ. Другіе вскорѣ послѣдовали ихъ примѣру: со всѣхъ сторонъ подымались блѣдныя лица, на фонѣ которыхъ сверкающіе глаза нылали жаждой мистическаго искупленія.

Нагота казалась тогда лучшимъ восхваленіемъ Божества: такъ робкій рабъ, внезапно почувшій свободу, истязаетъ въ дикой необузданности свое тѣло и уничтожаетъ свои сокровища. Мужичи, стоявшіе на порогѣ старости, вели себя какъ фавны, женщины съ сѣдыми волосами предавались упоенію, которое въ другое время имъ самимъ казалось-бы жалкимъ и чуждымъ. Тельзела Кнекеръ, пившая безъ перерыва крѣпкое бургундское вино, напѣвала слабымъ дѣтскимъ голосомъ еврейскія изреченія о невѣстѣ Мессіи, пока не свалилась безъ сознанія на полъ. Здѣсь были молодыя дѣвушки, которыя предавались бѣшеной ненасытной страсти, какъ будто желая вытѣснить изъ памяти долгіе годы воздержанія. Нѣкоторыя походили на фурій, бросающихся отъ одного наслажденія къ другому и безстыдно окунающихся въ самый грязный порокъ. Крики, стоны, рѣзкіе возгласы сливались со звуками ужасной музыки, наигрываемой пятью совершенно пьяными музыкантами. Моментами изъ шума выдѣлялись то мрачное молитвенное пѣніе трехъ-четырехъ мушинъ, сидящихъ въ темномъ углу, то фанатическій крикъ о помощи и искупленіи, который подхватывался обитателями сосѣднихъ домовъ и проникалъ въ отдаленную улицу. Михаилъ Хазедъ, канторъ, принесъ изъ синагоги свитокъ Завѣта, танцовалъ, обнимая его какъ возлюбленную, и производилъ надъ нимъ самыя ужасныя безчинства. Измученный и задыхающійся, онъ вдругъ вонзилъ себѣ въ мускуль руки длинную стальную иглу и кровь медленно потекла на пятикнижіе и на полъ. Борухъ Клоссъ, Вольфъ Батшъ стали на колѣни и жадно пили кровь, въ то время какъ канторъ блѣдный, безъ сознанія упалъ на руки своему сыну. Двое молодыхъ людей замѣтили рыжебородаго Захарія Наара, который, заклиная, поднялъ руки и исчезъ изъ комнаты такъ же незамѣтно, какъ появился. Старый Турашара, воспаленные глаза котораго возбужденно сверкали изъ узенькихъ впадинъ, утверждалъ, что на рукахъ у Наара сидѣло прелестное, блѣдное съ золотыми кудрями, дитя, которое весело улыбаясь глядѣло на пирующихъ. Старый Зелигъ Шренцъ хотѣлъ прикрыть плащомъ наготу своей дочери, но стройная Ноэми съ торжествующимъ крикомъ вырвалась изъ его рукъ, бросилась въ объятія своей подруги,

сестры шамеса, и обѣ дѣвушки бросились на полъ, цѣлуясь и крѣпко прижимаясь другъ къ другу лихорадочно-горящими тѣлами.

А въ сосѣднемъ домѣ члены семьи Меера Ламдена спали на полу—они не ложились болѣе въ постели. Они одѣвались въ грубое полотно и не переставали молиться. Многіе мужчины вовсе не ложились спать, день и ночь изучали законъ, такъ какъ изученіе его (Тікуним) въ ночные часы приноситъ отпущеніе грѣховъ. Мееръ Вольфъ и братъ его Самуилъ купались ежедневно на разсвѣтѣ въ холодной осенней водѣ, чтобы очищать свое тѣло. Такимъ образомъ напряженіе все нарастало, и вскорѣ видъ нагого человѣка, бичующаго на улицѣ свое тѣло и обливающагося кровью, сталъ обыденнымъ явленіемъ.

Въ Серапіонову пятницу въ 10 час. вечера вся семья Гавріила сына Нафтали, собралась на площади Лилій. Четверо молодыхъ людей торжественно несли камень съ шведскаго памятника. Ихъ сопровождала огромная толпа народа. Женщины и дѣти, въ пестрыхъ праздничныхъ одеждахъ, громко пѣли ликующіе гимны. Въ толпѣ были и мужчины. Узкой, длинной вереницей всѣ медленно шли къ кладбищу за памятникомъ, обвитымъ широкимъ, золототканымъ бархатнымъ шарфомъ. Луна выглянула надъ башней св. Михаила и казалось, что необходимо разорвать тонкій туманъ, прежде чѣмъ окунуться и войти въ голубую ночь. Вдали надъ рѣкою, у опушки лѣса, туманъ висѣлъ какъ бѣлая арка или какъ длинные сводчатые переходы стариннаго замка. Красныя тускляя пятна придавали лѣсу загадочный видъ. Вода мирно журчала, и въ природѣ не было ничего тревожнаго, кромѣ ослѣпительно-бѣлаго облака на небѣ и торжественнаго шествія евреевъ на землѣ.

Когда процессія подошла къ оградѣ кладбища, изъ настѣжъ открытыхъ воротъ выбѣжала женщина съ безпорядочно распущенными волосами. Въ отвѣтъ на изумленные и искуганные вопросы она, заикаясь, едва владея собой, пробормотала, что какой-то духъ витаетъ надъ могилами, поетъ странныя мелодіи и зоветъ: „Мессія, о Мессія, о Суббатай—звѣзда высотъ небесныхъ!“ Слушатели, охваченные ужасомъ, взглянули въ сторону кладбища. Могилы были раскинуты по склону холма, и безчисленные памятники придавали ему фантастически—испещренный видъ. А за нимъ искрящаяся въ туманѣ равнина, безъ деревьевъ, безъ домовъ, точно море, въ которомъ разбросаны острова мертвыхъ—одинокіе деревушки.

Евреи, не видя никакого привидѣнія, побороли свой естественный страхъ и боязливо вошли въ ворота. Они двигались осторожно, ежеминутно оглядываясь по главной аллеѣ къ могилѣ Іосифа-Гавріила. Храбрѣ всѣхъ были мальчишки; они пѣли пѣсни про гордость Сіона, и ихъ милые свѣжіе голоса наполняли ночь звуками радости и надежды.

Могила была расположена у западной стѣны, примыкающей къ христіанской живодернѣ, гдѣ иногда казнили приговоренныхъ къ смерти преступниковъ. Отсюда ясно видна была старая крѣпость съ мрачнымъ вѣковымъ лѣсомъ, откуда доносился мелодичный, еле слышный звукъ рога. Пришелъ гробовщикъ, и Аншель Штейнблазеръ выступилъ впередъ, чтобы прочесть подобающую молитву. Но онъ не начиналъ. Время шло; стоящіе сзади не могли видѣть его лица, и поэтому они съ любопытствомъ двинулись впередъ. Нѣкоторые проклинали свой страхъ передъ христіанами, заставившій ихъ совершить церемонію среди ночи. Многія женщины закрыли глаза, чтобы не быть вынужденными смотрѣть. Но такъ какъ Аншель все еще не издавалъ ни звука, то рѣшились заглянуть ему въ лицо. Онъ стоялъ прямо, блѣдный, какъ смерть, и его широко-открытые глаза были неподвижно устремлены въ одну точку. Стоявшіе вблизи прослѣдили направленіе его взгляда и увидѣли у ствола ивы между могильными плитами женскую фигуру. Воцарилась тишина смертельнаго ужаса, какъ будто всѣ сразу перестали дышать, вдругъ прозвучалъ тихій, проникающій въ душу дѣвичій голосъ,—мелодія въ чуждомъ ритмѣ и на незнакомомъ языкѣ. Эльканъ Гиршъ, гробовщикъ, и раввинъ Зелигманъ, наиболѣе мужественные изъ толпы, приободрились, и, такъ какъ поющій голосъ принадлежалъ чловѣку, то вскорѣ пришли въ себя и другіе мужчины, а за ними и женщины, и дѣти.

Никто не узналъ въ женской фигурѣ Цирль. Даже тѣ, которые видали ее въ трупѣ цыганъ, не могли бы ее узнать. Прикрытая одной длинной сорочкой, стояла она у дерева и очевидно не чувствовала холода. Въ ея страданіи было что то задорное, а въ скорбныхъ глазахъ таилось страстное желаніе. Рука ея была узкая, длинная, со множествомъ линий, съ неожиданными движеніями—одна изъ тѣхъ женскихъ рукъ, которыя выражаютъ всю душу.

— У меня ничего нѣтъ.—сказала дѣвушка.—Вы можете со мной сдѣлать что хотите, оставьте меня только здѣсь.

— Тутъ вѣрно похоронена твоя мать?—спросилъ Эльканъ

Френкель. Какая то молодая женщина предложила Цирль черную английскую шаль, но та молча отказалась.

— Послушайте, что я вамъ расскажу—прошептала, вздрагивая, дѣвушка, когда ее окружила толпа.

Вчера, видите ли, ночью ко мнѣ пришелъ мой отецъ. Онъ сказалъ: „Господь избралъ тебя въ невѣсты Саббатаю Цеви. Ты должна пойти ему навстрѣчу, такъ какъ онъ—звѣзда, вышедшая изъ рода Якова, какъ написано въ Библии. И цѣлый день послѣ этого я провела въ страхѣ и не могла ни въ чемъ найти успокоенія. А въ эту ночь, когда я заснула, опять появился духъ моего отца, обхватилъ меня руками и принесъ сюда.

Она спустила съ плечъ сорочку и показала на своемъ тѣлѣ слѣды ногтей. Надъ правой грудью и у лѣваго бедра были кровавыя ссадины.

Воцарилось долгое молчаніе. Странная робость мѣшала евреямъ заговорить съ молодой дѣвушкой. Тихую мечтательность, фанатическую вѣру, таинственный экстазъ, опьяняющую вакханалію,— все это они видѣли или пережили. Но явное чудо, такъ непосредственно предъ ихъ глазами—это ихъ ошеломило и навело на нихъ панику.

Черная масса людей вдругъ выплыла изъ воротъ и приближалась съ глухимъ тревожнымъ ропотомъ. У кладбищенскаго дома она остановилась; зажглись факелы, которые бросали на лица кровавый отблескъ. Съ подножія холма подымался Захарія Нааръ. Дойдя до Цирль, онъ взялъ ее за руку и сказалъ громко и внятно: „Веди ихъ, дочь Сіона! Всѣ они предъ тобой преклоняются“.

Перев. *Ольги Г—ъ.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

У подошвы Юнгфрау.

(Посвящается С.)

Гулъ доносился лавинъ,
Тихъ и прекрасенъ былъ вечеръ,
Тамъ, средь далекихъ вершинъ
Вспыхивалъ въ сумеркахъ глетчеръ;

Въ вѣчномъ сіяньи своемъ
Юнгфрау выси свѣтились,
Въ воздухѣ свѣжемъ лѣсномъ
Сумерекъ звуки струились...

Долъ привлекалъ насъ вдали...
Мы подошли къ его устью
Съ темною скорбью земли,
Съ нашей безбрежною грустью.

Горя давили насъ вновь
Мрачныя, тяжкія крылья,
Всюду мерещилась кровь,
Слышались крики насилья.

Мнилось намъ, солнце зашло,
Богъ оскверненъ въ человѣкѣ,
Мнилось, обиды и зло
Вѣру убили навѣки.

Душу сжигали, какъ ядъ,
Новыя скорбныя вѣсти,
Въ сердцѣ поруганномъ адъ,
Жажда безсильная мести,

Въ сердцѣ предъ будущимъ страхъ,
Слезы лишь съ болью лилися.—
Здѣсь же въ безсмертныхъ лучахъ
Вѣчныя выси зажглися,

Душу чаруя, какъ вѣсть
Ширя небесъ необъятной,
Сердцу вѣщая, что есть
Свѣтъ неземной незакатный.

Онъ лишь затмился пока
Злобой людскою и гнетомъ,
Только мрачатъ облака
Путь къ свѣтозарнымъ высотамъ.

Но не навѣкъ имъ затмить
Свѣтъ своимъ пологомъ чернымъ,—
Нужно стремленьемъ лишь жить
Къ высямъ негаснущимъ горнымъ,

Нужно лишь дальнихъ лавинъ
Гуль полюбить незнакомый,
Будетъ онъ звать изъ долинъ
Будутъ будить насъ ихъ громы,

Нужно просторъ и лучи
Высей сносить и въ долины,
Людымъ зажечь въ ихъ ночи
Отблескъ далекой вершины...

* * *

Сонмы зажегшихся звѣздъ
Намъ освѣщали дорогу,
Словно проложенъ былъ мостъ
Въ небо бездонное, къ Богу...

Л. Яффе.

Вѣчные странники.

(Записки комми-вожера).

Продолженіе ¹⁾.

Разговоръ второй.

Вы можете себѣ представить маленькаго медвѣженка, котораго поймали въ лѣсу и привели на ярмарку? Ну, такъ знайте, что на такого медвѣженка былъ похожъ я, когда папаша и мамаша привезли меня въ Лодзь. Меня все пугало и удивляло. Даю вамъ честное слово. Когда нашъ фургонъ поднялся на горку, и я увидалъ каменный городъ съ круглыми красными трубами, которыя дымились, какъ громадныя сигары, у меня духъ заняло. И сразу изъ головы моей вылетѣлъ Клейнъ-Ирбень, съ его лѣсомъ, моремъ и латышами.

Скажу вамъ по секрету, я съ дѣтства былъ очень не глупымъ и зналъ, что на свѣтѣ есть большіе города; но чтобъ на свѣтѣ былъ такой большой городъ, какъ Лодзь,—этого я и представить себѣ не могъ.

Откуда взялось здѣсь столько людей? Повѣрите, ихъ было здѣсь больше, чѣмъ въ нашей корчмѣ таракановъ. И какъ въ такой толпѣ они могли узнавать другъ-друга! А больше всего меня удивляла поспѣшность этихъ людей. Можно было подумать, что ихъ кто-то гонитъ или они за кѣмъ-то гонятся.

Нашъ фургонъ,—а если сказать лучше,—длинная телѣга такъ тарыхтѣла по мостовой, точно сотня солдатъ стучали въ барабаны. Папаша и мамаша сидѣли на задкѣ, и подъ ними лежалъ мѣшокъ съ сѣномъ. Папаша держалъ на рукахъ двухлѣтнюю Привеле, а мамаша—шестимѣсячную Ханене. У Привеле подъ носомъ было мокро, и мамаша нѣсколько разъ двумя паль-

¹⁾ „Еврейская Жизнь“, сентябрь.

цами срывала мокроту, какъ фитиль отъ горячей свѣчи. И каждый разъ, дѣлая это, мамаша приговаривала:—Ахъ, ты сморка-тая! вѣдь ты захлебнешься...

А папаша молчалъ и былъ скучный. Печаль сидѣла въ его черныхъ глазахъ, въ маленькой черной бородкѣ, а горе взгромоздилось на его согнутую спину и положило лапы на узкія, какъ у мальчика плечи.

По серединѣ фургона, на большихъ мягкихъ узлахъ, какъ черные барашки, сбились въ кучу мои братья: Симхеле, Мотеле, Береле и Хаимке. А я сидѣлъ рядомъ съ возницей, старымъ евреемъ, очень веселымъ и шутливымъ. Отъ его балахона пахло, какъ въ мясной лавкѣ, а сѣрая борода была пропитана нюхательнымъ табакомъ; но мнѣ все таки было пріятно сидѣть съ нимъ рядомъ.

Фургонъ тащила такая худая лошадь, какой я еще никогда не видѣлъ. Даю вамъ честное слово. Старикъ — Фурманъ называлъ ее далесомъ и все время повторялъ: „ну, тащись, мой далесь!“ А лошадь кивала головой, какъ будто хотѣла сказать: „не кричи напрасно: шибче не пойду“. И жидкій, грязный, какъ у коровы, хвостъ раскачивался, какъ маятникъ.

Когда мы вѣхали на главную улицу, я чуть не слетѣлъ съ телѣги отъ изумленія и любопытства. Вы можете себѣ представить, въ какомъ я былъ восторгѣ, когда каждый домъ мнѣ казался сказочнымъ дворцомъ, а каждая вывѣска—великолѣпной картиной. А людей здѣсь было еще больше. И всѣ они куда-то бѣгали, ѣздили, устремлялись въ разныя стороны...

— Ой дядя, что это такое?—спросилъ я фурмана.

— Вотъ этотъ домъ? Ну, тащись, мой далесь!.. Это, дитя мое, банкъ.

— А что такое—банкъ?

— Банкъ, дитя мое, такой домъ, куда люди входятъ съ деньгами, а выходятъ съ надеждой.

— Съ какой надеждой?

— Получить когда-нибудь свои деньги обратно.

Я ничего не понималъ. Даю вамъ честное слово. Но мнѣ было пріятно разговаривать съ добрымъ старикомъ, и я обо всемъ его спрашивалъ, а онъ давалъ мнѣ смѣшные отвѣты.

Долго мы такъ тащились по городу пока наконецъ не достигли намѣченной цѣли. Мы подѣхали къ дому двоюродной племянницы покойнаго мужа папашиной тети.

Мой папаша не ошибся: наша родственница оказалась бо-

гатой женщиной: у нея была корова съ теленкомъ и двѣ козы, а домъ она снимала въ аренду у раввина, выплачивая ему шестьдесятъ шесть рублей въ годъ. Родственницу звали Енте-Бейле.

Вы хотите, можетъ быть, знать, какъ насъ встрѣтила родственница? Сначала она очень удивилась, а когда сосчитала глазами сколько насъ, она душевно огорчилась. Но она все же была еврейка и должна была насъ принять.

Скажу вамъ по секрету, когда мы одинъ за другимъ стали вылѣзать изъ телѣги, мнѣ показалось, что Енте-Бейле озабоченно смотрѣла не на насъ, а заглядывала прямо въ наши рты.

Домъ нашей родственницы былъ деревянный, имѣлъ пять оконъ и былъ раздѣленъ сѣнями на двѣ части. Въ большей половинѣ, въ двухъ комнатахъ жила замужняя дочь хозяйки съ мужемъ и цѣлой кучей ребятъ; а въ другой половинѣ сама Енте-Бейле со вторымъ своимъ мужемъ, который былъ моложе ея дочери и боялся жены, какъ сирота мачехи.

— Куда я васъ сегодня дѣну? сказала родственница, когда мы всѣ сбились въ тѣсную группу въ полутемныхъ сѣняхъ.

И знаете, какое она лицо сдѣлала при этомъ? Вотъ какъ на смѣшной картинкѣ, гдѣ одна сторона смѣется, а другая плачетъ.

— Ну ужъ войдите,—сказала она потомъ и открыла дверь въ свою половину.

Мы вошли въ комнату, какъ мужики въ окружный судъ. Даже папаша—и тотъ струсиль, когда увидалъ роскошную обстановку этой комнаты. Полъ былъ крашенный и такой чистый, что хоть мацу клади. На полу лежала дорожка, мягкая съ узорами. Потолокъ и стѣны были бѣлые, свѣтлые, какъ бѣлье монополь. На окнахъ стояли цвѣты и висѣли занавѣски. А какая здѣсь была роскошная мебель! Стулья были со спинками; но самая дорогая вещь—это былъ диванъ. Потомъ я узналъ, что на немъ никто не сидѣлъ, потому что диванъ стоилъ очень дорого и былъ на пружинахъ.

Наша родственница была женщина хотя и толстая, и въ годахъ, но по характеру она была живая, проворная и дѣловитая. Первымъ долгомъ она выругала отца за то, что у него много дѣтей.

— Пора уже и евреямъ быть поумнѣе и зря не плодиться,—сказала она.—Ну, а что ты думаешь дѣлать въ Лодзи?—добавила Енте-Бейле и испытующе взглянула на папашу.

— Я знаю-что? Что попадется, то и буду дѣлать,—тихо отвѣтилъ папаша.

— А что ты умѣешь дѣлать?

Тутъ уже папаша ничего не отвѣчалъ. И знаете почему? Потому, что онъ умѣлъ дѣлать кидешъ и зналъ наизусть всѣ будничныя и праздничныя молитвы; и больше ничего. А развѣ съ такими знаніями можно что-нибудь въ Лодзи заработать?

Енте-Бейле укоризненно покачала головой, тяжело вздохнула и сказала:—ну, идите ужъ кушать.

Черезъ недѣлю она все устроила. Во первыхъ,—она нашла для насъ квартиру, дешевую и удобную, передѣланную изъ сарая; во вторыхъ, она нашла мѣсто для папаша на махорочной фабрикѣ и въ третьихъ,—опредѣлила меня въ хейдеръ.

Что дѣлалъ мой папаша на фабрикѣ, я не знаю; но жалованіе, благодаря хлопотамъ родственницы, положили ему изрядное: два съ полтиной въ недѣлю и полфунта махорки въ мѣсяць. Помню, какъ мои родители были рады, когда папаша принесъ первую получку. Ночью я слышалъ ихъ разговоръ:

— Какой ты, Лейзеръ, сталъ горькій,—сказала мамаша.

— Горькій? Такъ развѣ это скверно? Перець тоже горькій; а попробуй безъ него фаршированную рыбу приготовить...

Папаша и мамаша при этомъ разсмѣялись.

А потомъ родился Арончикъ; тотъ самый, который теперь учится въ Лодзинской гимназіи на мой счетъ.

Разговоръ третій.

Знаете, что я вамъ скажу? Если я буду такъ подробно писать, я никогда не кончу. Даю я вамъ честное слово. И поэтому я сдѣлаю маленькій скачекъ. Ну, слушайте-же.

Въ хейдерѣ я пробылъ не долго. Какъ только я выучился читать и схватилъ кусочекъ библии, меня сейчасъ-же взяли домой, а черезъ недѣлю опредѣлили на суконную фабрику.

Спросите меня, что я тамъ дѣлалъ на фабрикѣ? Я знаю что? Вертѣлся въ какомъ-то красивомъ отдѣленіи, каждому мастеру подставлялъ свою шею для его кулака, а домой возвращался такимъ измазаннымъ, что братья прятались отъ меня, какъ отъ нечистой силы.

Но что значить—судьба! Кто-бы могъ тогда подумать, что изъ меня выйдетъ порядочный человекъ! Развѣ мои родители смѣли когда-нибудь мечтать о томъ, чтобы ихъ сынъ сдѣлался первокласснымъ комми-вожатеромъ! А я самъ? Развѣ я могъ думать, что у меня будутъ такія манеры, что я такъ хорошо

буду одѣваться; что со мною за руку будутъ здраваться братья Познанскіе; что я такъ хорошо стану говорить и писать по-русски; что перестану быть похожимъ на еврея и такъ далѣе и такъ далѣе!..

А кому я всѣмъ этимъ обязанъ? Конечно, себѣ, потому что Богъ меня умомъ не обидѣлъ; и еще обязанъ я... Но тутъ мнѣ нужно сдѣлать маленькій скачекъ.

Вы слышали когда-нибудь про городъ Свѣнцяны? Скажу вамъ по секрету, я не знаю какъ пишется этотъ городъ: черезъ ять или черезъ „е“. Въ паспортѣ одного свѣнцянскаго еврея стоять ять, а на желѣзнодорожныхъ билетахъ стоять „е“. Я паспорту довѣряю, и буду Свѣнцяны писать черезъ ять.

Этотъ уѣздный городъ виленской губерніи извѣстенъ тѣмъ что мимо него проходилъ когда то Наполеонъ со своими солдатами и еще тѣмъ, что черезъ каждые три года въ двадцатыхъ числахъ іюля онъ горитъ со всѣхъ четырехъ сторонъ и выгораетъ до тла; а къ слѣдующему пожару онъ опять густо застроенъ.

А теперь слушайте самое интересное. Въ Свѣнцянахъ когда-то жилъ еврей по имени ребъ Мойша-Довидъ Стрипунскій. Весь городъ называлъ его милліонеромъ, потому что онъ, дѣйствительно, былъ богатъ и велъ крупныя дѣла, тысячь на тридцать въ годъ, по крайней мѣрѣ. Но извѣстно вѣдь, что нашъ еврей изъ черты осѣдлости тысячу рублей считаетъ за милліонъ, и поэтому они Стрипунскаго называли милліонеромъ. Такъ вотъ этотъ ребъ Мойше-Довидъ Стрипунскій, свѣнцянскій купецъ ежегодно пріѣзжалъ въ Лодзь за товаромъ. Имѣлъ онъ дѣло и съ нашей фабрикой, Шмерль Бурдесъ и К°, на которой я работалъ въ красивомъ отдѣленіи.

Вы чувствуете, что тутъ уже начинается интересное. Ну, такъ слушайте. Мнѣ уже было пятнадцать лѣтъ, когда однажды пріѣхалъ въ Лодзь ребъ Мойше-Довидъ и заявилъ что ему нуженъ мальчикъ для его магазина. Управляющій фабрики сейчасъ-же рекомендовалъ меня, потому что я такъ нуженъ былъ фабрикѣ, какъ человѣку нужна дыра въ головѣ.

Но что вамъ долго рассказывать... Папаша и мамаша съ радостью меня отпустили и я уѣхалъ съ ребъ Мойше-Довидомъ въ Свѣнцяны. Ну, какъ вы думаете: могъ мнѣ послѣ Лодзи понравиться такой городъ, какъ Свѣнцяны? Это все равно, что изъ моря попасть въ лужу. И я, конечно, былъ очень огорченъ и первые дни скучалъ, какъ собака за хозяиномъ. Даю вамъ

честное слово. Но извѣстно, человѣкъ ко всему можетъ привыкнуть.

Моему новому хозяину было лѣтъ подъ шестьдесятъ. Въ Свѣнцянахъ онъ считался первымъ человѣкомъ и пользовался большимъ почетомъ. Онъ былъ старостой въ большой синагогѣ, былъ хорошо знакомъ съ исправникомъ, квартальный надзиратель первый кланялся ему при встрѣчѣ, а духовный раввинъ шагу ступить не могъ, безъ его совѣта. И вы, можетъ быть, думаете, что къ ребѣ Мойше-Довиду питали всѣ уваженіе за его богатство? Совсѣмъ нѣтъ. Конечно, кто станетъ уважать бѣднаго,—ужь если правду говорить,—но старикъ Стрипунскій, помимо богатства, былъ еще человѣкомъ очень умнымъ, честнымъ и очень хорошимъ евреемъ. Онъ придерживался старины.

Носилъ пейсы, не очень длинныя, но довольно широкія; каждый день три раза ходилъ въ синагогу; строго соблюдалъ субботы и праздники и его большой домъ на Базарной площади былъ весь пропитанъ еврейскимъ духомъ.

Лавка Стрипунскаго для Свѣнцяна была все равно, что Мюръ и Мерелизъ для Москвы. Въ этомъ магазинѣ было три окна и такая широкая дверь, что три беременныя еврейки могли-бы пройти разомъ. Въ лавкѣ продавали галантерейныя, бакалейныя, мануфактурныя, коженныя и многіе другіе товары.

Какъ у всякаго порядочнаго еврея, у Стрипунскаго была жена и дѣти. Двѣ дочери были замужемъ и жили съ мужьями тутъ-же, у папаши. Третья дочь—Рахиль была самая младшая и такая красавица, какой свѣтъ не видалъ. Когда я пріѣхалъ въ Свѣнцяны, ей было всего шестнадцать лѣтъ. Говорять, что природа скупа: если она даетъ красоту,—она отнимаетъ умъ: а если даетъ умъ, то надѣляетъ такой рожей, что страшно взглянуть. Это неправда. Даю вамъ честное слово. Примѣръ—Рахиль: она была и красива и умна. Много-ли я понималъ тогда въ женской красотѣ? Навѣрно не больше, чѣмъ пѣтухъ въ библии. И все таки, когда я въ первый разъ увидѣлъ Рахиль, я долженъ былъ зажмуриться, какъ будто взглянулъ на солнце. Вотъ этой дѣвушкѣ я и обязанъ тѣмъ, что сдѣлался порядочнымъ человѣкомъ.

Ну, слушайте дальше. Былъ еще у Стрипунскаго сынъ—одинъ—единственный, и звали его Менделе. Онъ былъ такой же красивый и умный, какъ Рахиль. Его я не засталъ въ Свѣнцянахъ, потому что, онъ жилъ въ Петербургѣ въ качествѣ студента. Вы, конечно, удивитесь, какъ могъ въ такой семьѣ ро-

даться студентъ? Ну, такъ я вамъ скажу по секрету: я тоже удивился, пока не узналъ всей исторіи.

А исторія была вотъ какая. Родители любили этого Менделе больше жизни. И было за что. Ему четырнадцати лѣтъ не было, когда уже онъ зналъ талмудъ не хуже раввина. Ребъ Мойше-Довидъ гордился сыномъ, а весь городъ ему завидовалъ. И вдругъ Менделе заявилъ отцу, что хочетъ учиться по-русски. Отецъ хотя и былъ глубокимъ евреемъ, но все же понималъ, что христіанскія науки—тоже вещь не вредная, если только умѣренно ими заниматься. И папаша нашелъ для сына учителя. Не прошло и полгода, какъ Менделе уже зналъ больше своего учителя и самъ сталъ учить Рахиль читать и писать. Папаша и мамаша глядѣли на своихъ любимыхъ дѣтей и не могли нарадоваться.—Какъ вдругъ Менделе заявилъ, что онъ хочетъ поступить въ гимназію, и сталъ просить родителей отпустить его въ Вильно.

Вы можете себѣ представить, какъ на это посмотрѣли папаша и мамаша? Они такъ удивились, какъ будто онъ попросилъ у нихъ кусочекъ свинины. Конечно, они замахали на него руками и попросили гимназію выбросить изъ головы.

— Мнѣ легче будетъ сердце выбросить изъ груди,—отвѣчалъ Менделе, и заплакалъ.

Родители очень огорчились этимъ. Потомъ ребъ Мойше-Довидъ говорилъ объ этомъ съ раввиномъ и пришелъ домой сердитый и серьезный.

— Ты будешь приказчикомъ въ моей лавкѣ, а не гимназистомъ,—заявилъ папаша сыну.—Въ нашей фамиліи, слава Богу, не было гимназистовъ и не будетъ.

Менделе ничего не сказалъ, опустилъ голову и пошелъ въ свою комнату. А на другой день утромъ папаша получилъ отъ него письмо. „Дорогіе родители вы не хотите чтобы я учился, а я не хочу жить. Не ищите меня: все равно въ живыхъ меня не найдете“. Что было, когда старикъ прочиталъ это письмо—я и рассказать не могу. Бросились искать Менделе, а Менделе нѣтъ. И поднялся въ домѣ Стрипунскихъ такой плачъ, какого никто не слышалъ. Маленькая Рахиль кричала громче всѣхъ.

Чѣмъ-же все это кончилось? А кончилось тѣмъ, что къ вечеру Менделе нашли въ пяти верстахъ отъ города на берегу озера. Онъ хотѣлъ умереть съ голоду, но не успѣлъ.

Вы можете себѣ представить, какъ обрадовались родители.

Самъ папаша заплакалъ отъ радости; а мамаша сказала:—ну, ужъ вези его въ Вильно, разъ мальчикъ хочетъ.

Нечего было дѣлать; пришлось ребѣ Мойше-Довиду поѣхать съ сыномъ въ Вильно.

Что-же было дальше? А дальше было то, что Менделе сразу поступилъ въ пятый классъ; все время былъ первымъ ученикомъ, окончилъ гимназію съ золотой медалью и поступилъ въ петербургскій университетъ.

Когда меня привезли въ Свѣнцяны, Менделе былъ уже на второмъ курсѣ. Послѣ Пасхи онъ прислалъ письмо, что благополучно перешелъ на третій курсъ и что онъ скоро пріѣдетъ домой на все лѣто.

Помню, какъ обрадовались родители и Рахиль, когда насталъ день его пріѣзда. Въ домѣ пошла такая уборка, какъ будто наступила вторая Пасха.

Рано утромъ Стрипунскій уѣхалъ на станцію встрѣчать сына. А мамаша стала готовить завтракъ. Но вотъ уже насталъ полдень, и гостя все еще нѣтъ. Мамаша отставила завтракъ и стала готовить обѣдъ; а гостя все еще нѣтъ. Весь домъ опечалился. Рахиль бѣгала по всѣмъ комнатамъ и ломала руки. Наконецъ, когда уже стемнѣло, они пріѣхали. Весь домъ бросился на встрѣчу дорогому гостю. И пошли поцѣлуи, и радостныя восклицанія...

— Что вы такъ поздно?—спросила мамаша.

— Почему поздно?—переспросилъ ребѣ Мойше-Довидъ.— А ты зажги лампу и взгляни на своего сына. Вѣдь я нарочно прятался съ нимъ до вечера, чтобы никто его не видѣлъ.

— Ой, горести мои горькія!—воскликнула мамаша. Что такое случилось?.. Я не выдержу... Гдѣ спички? Зажгите скорѣе лампу...

Когда зажгли огонь и мамаша взглянула на сына, она всплеснула руками, вскрикнула и залилась слезами.

— Горе мнѣ, горе,—причитывала она надъ сыномъ.—На кого ты похожъ! Вѣдь ты настоящій акцизный чиновникъ! На тебѣ ни одной еврейской точки не осталось!..

Вы навѣрно хотите знать въ чемъ дѣло? Ну, такъ я вамъ скажу: Менделе пріѣхалъ съ усами, но безъ бороды. Скажу вамъ по секрету, я и сейчасъ не понимаю, почему родители такъ убивались. Даю вамъ честное слово, что Менделе и безъ бороды мнѣ очень понравился. Довольно будетъ, если я скажу, что онъ былъ красивъ, какъ Рахиль.

Но что дѣлалъ Менделе? Онъ смѣялся и шутилъ. А потомъ серьезно сталъ говорить съ папашей и мамашей и сказалъ, сейчасъ уѣдетъ, если они не перестанутъ оплакивать его бороду.

Родители тогда испугались и стали улыбаться. Но всетаки Менделе никуда не выходилъ, пока не выросла борода. И прожилъ онъ три мѣсяца, а потомъ опять уѣхалъ. Вотъ пока и все. А теперь расскажу о себѣ.

Вы знаете, какъ мнѣ жилось у Стрипунскихъ? Какъ цыпленку подъ крыломъ курицы. Было мнѣ тепло и сытно. Никто меня не обижалъ; кормили хорошо и тяжелой работы не давали. Только ребѣ Мойше-Довидъ мучилъ меня молитвами. Но за то Рахиль со мною обращалась, какъ съ дорогой вещью, осторожно и деликатно. Это она меня выучила читать и писать по-русски. Это она меня сдѣлала такимъ развитымъ и образованнымъ человекомъ.

Ахъ, Рахиль, Рахиль! Повѣрьте, я и сейчасъ безъ слезъ не могу вспомнить о ней. Какіе у нея были глаза! Она этими большими синими глазами ласкала весь міръ. Куда-бы она не взглянула тамъ сейчасъ-же становилось свѣтло и весело. А какіе у нея были волосы!.. А какъ она говорила. Какой у нея былъ сладкій голосъ! Вы такихъ дѣвушекъ не встрѣчали. Даю вамъ честное слово.

Я уже, слава Богу, былъ не маленькій и такъ полюбилъ Рахиль, что по ночамъ плакалъ. Она меня тоже полюбила, потому что, больше некого было любить. Свѣнцианскіе молодые люди съ пейсами ей не нравились.

Со мною она говорила, какъ съ роднымъ, близкимъ человекомъ. Она мнѣ всѣ свои секреты передавала и я ихъ хранилъ, какъ брилліанты.

По субботамъ, когда послѣ обѣда папаша и мамаша уходили спать, мы съ Рахилью, забирались въ ея комнатъ и она мнѣ читала русскія книжки или долго, долго разговаривала со мною о Менделе и о многомъ другомъ. И знаете, что она мнѣ говорила? Она говорила, что ей тяжело жить у родителей, что она сильно страдаетъ и что такой жизни она не перенесетъ. А я молчалъ и грустно смотрѣлъ въ ея большіе синіе глаза. Потомъ Рахиль говорила мнѣ о нашемъ еврейскомъ народѣ. Говорила, что русскіе евреи живутъ въ темнотѣ, какъ слѣпые; что у нея сердце болитъ за свой народъ и что она хочетъ посвятить ему всѣ свои силы.

А я слушалъ, молчалъ и любовался.

Потомъ она еще говорила, что, когда Менделе окончитъ университетъ, она поѣдетъ къ нему и тоже будетъ учиться. А замужъ она не выйдетъ.

Ночью, когда я ложился спать, я цѣловалъ свои руки, плакалъ и говорилъ самому себѣ:—это я не свои руки цѣлую, а твои, дорогая Рахиль. Смѣйтесь, если это вамъ кажется смѣшнымъ, а я и сейчасъ готовъ заплакать. Даю вамъ честное слово.

Такъ вотъ тянулось время. Прошло уже три года. Я сдѣлался настоящимъ приказчикомъ и уже получалъ пять рублей въ мѣсяцъ.—Какъ вдругъ въ семьѣ Стрипунскихъ произошло такое ужасное несчастье, что я и сейчасъ не могу о немъ вспомнить безъ лихорадки. Даю вамъ честное слово. И все пошло вверхъ дномъ. Не стало магазина, не стало Рахили, и все погибло. И судьба сказала мнѣ тогда:—ну, Велвеле; ступай на другую дорогу.

А теперь я вамъ расскажу такую исторію, какой вы навѣрно никогда не слышали.

Ну, слушайте.

Разговоръ четвертый.

Два года прошло, а Менделе домой не пріѣзжалъ. Родители были очень огорчены, а Рахиль каждый день плакала. Письма онъ присылалъ рѣдко. Однѣ разъ онъ написалъ, когда окончилъ университетъ, другой разъ, когда изъ Петербурга переѣхалъ въ Москву, а третій разъ, когда сдѣлался женихомъ. Кто была его невѣста, мы не знали: онъ ничего о ней не писалъ. Можете себѣ представить, какъ папаша и мамаша были этимъ огорчены. Легко сказать—сынъ ребъ Мойше-Довида Стрипунскаго женится неизвѣстно на комъ!

И знаете о комъ говорили въ домѣ Стрипунскихъ? О невѣстѣ Менделе. Мамаша ее терпѣть не могла и называла ее финтифлюшкой и безприданницей; а папаша говорилъ, что она навѣрно изъ не важной фамиліи.

— Развѣ хорошая дѣвушка станеть вѣшаться на шею незнакомому молодому человѣку?—говорила мамаша.

— Ахъ, мама, что вы говорите,—заступалась за невѣсту Рахиль.—Вы даже не знаете какъ ее зовутъ и такъ о ней отзываетесь.

— Молчи, глупая дѣвченка!—начиналъ кричать папаша.— Много ты понимаешь.

И каждый день происходили такія ссоры. А Рахиль мнѣ все это рассказывала, плакала; а я ее утѣшала.

И вотъ представьте себѣ, послѣ всѣхъ этихъ невзгодъ, вдругъ получается отъ Менделе письмо, что онъ сильно заболѣлъ и на Пасху пріѣдетъ домой отдохнуть. Повѣрите, еслибы самъ пророкъ Илья вошелъ въ домъ и сказалъ—Шодемъ алейхемъ—Стрипунскіе не были-бы такъ обрадованы, какъ ихъ обрадовало письмо сына. Только слово, „заболѣлъ“ портило радость. О невѣстѣ перестали говорить дурно. Даже мамаша—и та сказала, что Менделе такой умный, что не полюбитъ дуру или урода.

Но знаете, кто былъ радъ больше всѣхъ? Рахиль. Отъ радости она еще красивѣе стала.

Менделе долженъ былъ пріѣхать на Пасху. Весь городъ узналъ объ этомъ и всѣ поздравляли Стрипунскихъ, какъ будто въ ихъ домѣ было обрѣзаніе.

Вы, конечно, знаете, что такое для евреевъ Пасха. Это настоящій праздникъ очищенія, потому что, евреи такъ чистятся, что въ самомъ бѣдномъ домѣ вы не найдете и кусочка грязи.

Время наступило самое веселое. Солнце цѣловало землю, а земля таяла отъ счастья и, какъ барышня, одѣвалась въ зеленое платье. Городъ Свѣтлицы ожилъ и затрепеталъ. Въ каждомъ домѣ шла уборка. И дѣлалось это не секретно, а на виду у всѣхъ, при открытыхъ окнахъ и дверяхъ. Женщины и дѣвушки стирали бѣлье, бѣлили стѣны, мыли окна и на улицѣ вывѣшивали и выколачивали всякія бебехи.

И вы думаете, можетъ быть, что дѣвушкамъ было стыдно? Совсѣмъ наоборотъ. Онѣ хотѣли, чтобы ихъ всѣ видѣли, какія онѣ хозяйки.

На самый канунъ Пасхи пріѣхалъ, а если сказать лучше, привезли Менделе. Онъ былъ такъ боленъ, что не могъ на ногахъ стоять. И его встрѣтили со слезами. Скажу вамъ по секрету, когда я посмотрѣлъ на его лицо, мнѣ сдѣлалось такъ печально на душѣ, что я заплакалъ. Даю вамъ честное слово.

И былъ у Стрипунскихъ праздникъ такой печальный и тихій, что всякій кто проходилъ мимо ихъ дома становился серьезнымъ и молчаливымъ. Папаша за весь праздникъ одинъ только разъ былъ въ синагогѣ. И никто за это его не осуждалъ.

Вы, можетъ быть, хотите знать, какая была болѣзнь у Менделе? Такъ я вамъ скажу по секрету, что этого никто не зналъ.

Не только нашъ свѣнцианскій знаменитый докторъ Капцейманъ, но и самый извѣстный виленскій докторъ Перкись,—и тотъ не могъ объяснить какая болѣзнь у Менделе. Онъ только качалъ головой и писалъ рецепты; а я бѣгалъ въ аптеку.

Ну, что вамъ долго рассказывать... На шестой день Пасхи Менделе умеръ, не сказавъ никому ни одного слова. Вотъ это было горе! Поднялся такой плачь, что чужимъ людямъ дѣлалось страшно. Ребъ Мойша-Довидъ плакалъ, какъ маленькое дитя. И такимъ онъ сдѣлался жалкимъ, что каждый нищій могъ сказать, что онъ счастливѣе этого богача.

И вотъ пришли хевре-кадейшимъ и стали дѣлать свое дѣло. Домъ узнать нельзя было. Чужіе люди забѣгали по комнатамъ, кто-то громко пѣлъ псалмы, а въ комнатѣ, гдѣ лежалъ покойникъ, горѣли свѣчи. Рахиль кричала на весь голосъ, а я спрятался въ сѣняхъ и такъ плакалъ, что въ горлѣ сдѣлалось больно.

А чужіе люди дѣлали свое дѣло. Покойника вымыли и нарядили въ саванъ. Кто-то далъ знать полиціи, а къ раввину пошли за документомъ. И вотъ тутъ-то произошла та самая исторія, о которой я безъ лихорадки вспомнить не могу.

Раввину зачѣмъ-то показали бумаги покойнаго. Тотъ прочиталъ ихъ, поблѣднѣлъ, и потомъ крикнулъ: пойдите къ ребъ Мойше-Довиду и скажите ему, что онъ ошибся адресомъ. Сына его хоронить буду не я, а русскій священникъ.

Даю вамъ честное слово, что если бы самъ Наполеонъ еще разъ пришелъ-бы со всѣми войсками въ Свѣнцианы, городъ не былъ-бы такъ встревоженъ, какъ этимъ извѣстіемъ.

Не прошло и часа, какъ уже всѣ жители: и поляки, и евреи, и русскіе узнали, что сынъ Стрипунскаго умеръ православнымъ. Въ первый моментъ всѣ были такъ удивлены, что никто ничего не могъ сказать и никто не зналъ, что дѣлать.

Умеръ Менделе въ Свѣтлое Христово Воскресеніе. Умеръ подъ звонъ христіанскихъ церквей.

Ахъ, Боже мой, вотъ тутъ я чувствую свою слабость; чувствую, что не смогу рассказать все, какъ слѣдуетъ.

И скажу вамъ по секрету, я увѣренъ, что такой исторіи не могъ бы рассказать и настоящій писатель.

Но слушайте дальше. Что было въ первый моментъ, когда папаша и мамаша узнали всю правду,—я не знаю, потому что меня въ комнатахъ не было. А когда явилась полиція и священникъ, я пошелъ за ними и вотъ тутъ я увидѣлъ ужасную картину. Менделе лежалъ въ бѣломъ саванѣ на полу и ни

кого около него не было. Никто не плакалъ и никто не читалъ псалмовъ.

Священникъ снялъ шляпу, перекрестился и сказалъ: „Господи помилуй“. И полиція тоже перекрестилась. Въ это время открылась дверь и на порогъ показался ребъ Мойше-Довидъ. Онъ былъ такой страшный, что сама полиція испугалась его. Онъ былъ въ халатѣ и бархатной ермолкѣ. Глаза его горѣли, какъ у древняго пророка. Сѣдая борода плотно закрывала широкую грудь и безумная злоба кипѣла на лицѣ его.

Тутъ подбѣжала къ нему жена и увела его въ другую комнату. А Менделе унесли.

Но что было потомъ, я и рассказать не могу. Даю вамъ честное слово. Повѣрите, у меня такъ руки дрожать, что я и писать не могу. Все таки слушайте дальше.

Хоронили Менделе на третій день русской пасхи. Сколько было въ Свѣтцахъ христіанъ—всѣ шли за гробомъ. Если-бы умеръ самъ исправникъ, то и тогда, я думаю, не было бы столько народа.

День былъ свѣтлый, теплый, какъ лѣтомъ. Процессія вытянулась отъ одного конца улицы до другого. Русскіе мальчишки пѣли „Христоръ Воскресе“, а колокола весело звонили. Священники (ихъ было три человекъ) шли впереди гроба, который христіане несли на рукахъ. Потомъ еще носили хоругви, которыя серебромъ и золотомъ горѣли на солнцѣ.

Но вы хотите знать, что дѣлали евреи? Ну, такъ знайте. Евреевъ было еще больше чѣмъ христіанъ, но они шли по другой улицѣ. И всѣ они молчали.

Передъ русскимъ кладбищемъ стоялъ высокій зеленый холмъ. Вотъ на этотъ холмъ и забралась еврей. Вся гора сдѣлалась черной отъ народа и оттуда слышался густой говоръ; все ровно какъ это бываетъ въ лѣсу, когда въ лѣсѣ забѣжить вѣтеръ.

Исправникъ всю полицію поднялъ на ноги и приказалъ близко не подпускать евреевъ. А знаете почему? Онъ боялся, что евреи начнутъ бунтовать. Они таки дѣйствительно бунтовали. Но знаете противъ кого? Противъ несчастнаго ребъ Мойше-Довида. У кого были подлиннѣе пейсы, кричали во весь голосъ, что папашу покойнаго Менделя нельзя въ синагогу пустить и что его надо исключить изъ списка прихожанъ. Ну, скажите сами: развѣ это было справедливо? Но что вы подблагаете съ фанатиками...

Теперь слушайте дальше.

Евреи, которые стояли на горѣ, хорошо видѣли кладбище, къ которому медленно подходила процессія.

Все кладбище было окружено высокой бѣлой оградой, а на воротахъ блестѣлъ золотой крестъ. Мальчишки хотѣли подойти ближе, но полиція гнала ихъ прочь отъ ограды.

И вотъ подошла процессія. Христіане громко пѣли „Христосъ Воскресе изъ мертвыхъ“, а евреи волновались и шумѣли на горѣ.

Изъ дома Стрипунскаго не было ни одной души. И это понятно: развѣ могли они теперь показаться кому-нибудь на глаза?

И вдругъ, въ тотъ самый моментъ, когда покойнаго внесли на кладбище, прибѣжала Рахиль. Боже мой, какой у нея былъ ужасный видъ. Она была похожа на сумашедшую. Черные длинные волосы были распущены, а сама она такъ бѣжала, какъ прямо будто за нею гнались лютые звѣри. Она бѣжала къ кладбищу.

Евреи на горѣ заволновались пуще прежняго. Многіе стали кричать на нее. Но Рахиль никого не видѣла, никого не слышала.

— Стой, сумасшедшая, куда ты бѣжишь?—закричали женщины.

— Смотрите, что она дѣлаетъ!

— Эта дѣвченка стыдъ потеряла... Весь домъ у нихъ проклятый!..

А Рахиль продолжала бѣжать, не обращая ни на кого вниманія.

Около воротъ ее остановила полиція.

— Евреямъ нельзя... Не велѣно,—сказали ей.

— Пустите меня!—закричала Рахиль.

— Нельзя къ оградѣ подходить...

— Пустите меня!..—опять кричала Рахиль. Для человѣка нѣтъ ограды.. Довольно мучить людей!.. Довольно оградъ... Мнѣ не страшны ограды... Я брата видѣть хочу!..

— Вернись, сумашедшая!—закричали ей съ горы.

А Рахиль рванулась впередъ и скрылась за оградой. А на горѣ поднялся такой шумъ, что ничего нельзя было разобрать. А колокола звонили, весело и громко и съ кладбища вѣтеръ выносилъ обрывки духовнаго пѣнія.

Вотъ и вся исторія. Теперь вы спросите, что было дальше? Такъ я вамъ скажу, что и самъ не знаю, потому что, ребъ Мойше-Довидъ закрылъ торговлю, а я уѣхалъ домой, въ Лодзь.

И вотъ съ этого момента уже начинается моя собственная исторія. Теперь я вамъ расскажу, какимъ образомъ я сдѣлался комми-вожеромъ и почему я назвалъ это сочиненіе „вѣчными странниками“.

А. Свирскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ Х. Н. Бялика.

Съ еврейскаго.

I.

Аггада.

„Bachem, dape Talmud“...

О ветхія книги, страницы Талмуда,
сказанія древней Аггады,—
у васъ во мгновенья тоски одинокой
душа моя ищетъ услады.

Какъ червь, что зарылся въ разсѣлинѣ камня,
таясь среди мрака и пыли,
такъ робко я кроюсь подъ сѣнь вашей тайны
отъ злобнаго гнета насилій.

Во тьмѣ непроглядной бреду по дорогѣ,
и небо туманомъ одѣто—
вы рвете туманы, и льется мнѣ въ сердце
лучъ новый отъ вѣчнаго свѣта.

И, бросивъ погоню за тѣнями жизни,
стихая подъ тѣнью Аггады,
и плачу, и тихо изъ груди родимой
впиваю напитокъ отрады.

Живу средь народовъ презрѣнный и жалкій,
не смѣю дать волю рыданьямъ:
я столько рыдалъ бы, что слезы-бъ изсякли,
но только съ послѣднимъ дыханьемъ.

Была прежде арфа—и арфу я скорбно
повѣсилъ на ивѣ прибрежной,
и горько заплакалъ, и слезы ту арфу
умчали волною мятежной.

Ой арфа, пѣвица напѣвовъ Егуды!
Теперь эти струны разбиты—
а нѣкогда пѣли псалмы Адонаю
и гимны красѣ Шуламмиты...

Угасли цари—пѣснопѣвцы Сіона;
ни трона, ни струнного звона...
Свирѣль моя скорбной голубкой тоскуетъ
на чуждыхъ рѣкахъ Вавилона.

Но были въ изгнаньи пѣвцы и герои—
герои народного духа,
и отзвуки арфы звенѣли въ ихъ сердцахъ
и въ памяти чуткаго слуха;

и вникли тѣ люди въ народную душу
пытливостью вѣщаго взгляда,
и дивные звуки умолкнувшей арфы
спасли—и родилась Аггада!

И въ дни моей скорби—какъ струнъ, я касаюсь
страницъ обветшалыхъ рукою—
поплачу надъ ними о горѣ народномъ
и сердце мое успокою;

и вижу тогда я величье народа,
съ главой выше горнихъ тумановъ,
и чую душою, что черви воспрянуть
и—вѣрь!—побѣдятъ великановъ.

Вл. Ж.

II.

„Ha 'enaim ha re'ebotk'..."

Эти алчныя очи съ нѣмыми призывами взгляда,
эти алыя губы, манящія къ нѣгѣ жела ній,
эти перси твои — покорителя ждущія лани, —
всѣ сокровища тѣла, палимыя жаждою ада, —

эта роскошь твоей красоты, полной жгучаго пыла,
эта пышная плоть, налитая здоровьемъ и страстью, —
все, что жадно я пилъ, отдаваясь безумному счастью, —
о, когда бы ты знала, какъ это мнѣ все опостыло...

Быль я чистъ, не касалася буря души безмятежной —
ты пришла и влила въ мое сердце отраву тревоги,
и тебѣ, не жалѣя, я бросилъ въ безумьи подъ ноги
миръ души, свѣжесть сердца, всѣ ландыши юности нѣжной.

И на мигъ я извѣдалъ восторгъ безъ конца и предѣла,
и любилъ эту боль, этотъ ядъ изъ блаженства и зною;
въ этотъ мигъ опустѣлъ навсегда цѣлый міръ надо мною,
и теперь...

Дорогою цѣной я купилъ твое тѣло!

Вл. Ж.

Основы и факторы національнаго характера ¹⁾.

Wer gab diesen einst rohen Stämmen
eine solche Sprache, Poesie und bildliche
Weisheit? Der Genius der Natur gab
es ihnen, ihr Land, ihre Lebensart,
ihre Zeit, ihr Stammescharakter.

Herder.

Вопросъ о существованіи факторовъ національнаго характера и вліяніи ихъ на ходъ исторической жизни народовъ занимаетъ въ настоящее время, какъ въ жизни такъ и въ общественной наукѣ одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ ²⁾. Научные журналы, политическая пресса, государственная политика, народныя представительства въ одинаковой мѣрѣ заняты практической и теоретической разработкой этихъ вопросовъ. Національный и расовый вопросы образуютъ содержание цѣлаго ряда грандіозныхъ движеній девятнадцатаго вѣка, составляютъ одинъ изъ главныхъ ихъ мотивовъ, обостряютъ борьбу многихъ народностей между собою и нарушаютъ спокойное теченіе государственной жизни въ цѣломъ рядѣ государствъ.

Разработкѣ и разрѣшенію ихъ посвящены почти всецѣло современная антропология и социология и всѣ явленія общественной жизни могутъ, въ конечномъ счетѣ, быть сведены къ тому или иному взгляду на реальность національной проблемы, къ той или иной оцѣнкѣ вліянія національнаго и расовою характера на историческій процессъ.

1) Публикуя эти замѣтки, авторъ считаетъ нужнымъ подчеркнуть, что единственная цѣль его поставить въ нашей литературѣ нѣкоторыя проблемы и возбудить интересъ къ нимъ. Разрѣшить ихъ сможетъ исключительно безпристрастная и всесторонняя дискуссия.

2) S. Steinmetz справедливо замѣчаетъ что, „кромя соціального вопроса, нѣтъ въ общественной жизни ни одного, который по своему значенію могъ стать рядомъ съ вопросомъ расовымъ и національнымъ“. „Der Erbliche Rassen- und Volkscharakter“. Vierteljahresschrift für Wiss. Philosophie und Sociologie“ Bd. 26, стр. 78.

Занимая въ жизни опредѣленную позицію по національному вопросу, мы не можемъ и не должны игнорировать теоретической стороны національной проблемы. «Не должны», потому что теоретическая разработка національнаго вопроса сильно освѣтитъ и нашу практическую дѣятельность, потому что въ національномъ вопросѣ, наряду съ самыми прогрессивными взглядами раздаются и самыя реакціонныя челоуѣконенавистническіе голоса. Партіямъ, стоящимъ на національной и расовой точкѣ зрѣнія, необходимо открыто и опредѣленно высказаться о роли національностей въ историческомъ процессѣ, о томъ вліяніи, которое въ создаіи національнаго характера выпадаетъ на долю наслѣдственныхъ расовыхъ особенностей— иначе онѣ легко могутъ быть отнесены къ реакціонной кликѣ шовинистовъ и воинствующихъ теоретиковъ «борьбы расъ».

Раньше чѣмъ говорить о силахъ, образующихъ національный типъ и о взаимодѣйствіи національнаго характера и исторической жизни націи, мы должны выяснить, что мы разумѣемъ подъ понятіемъ «национальность», такъ какъ, несмотря на очевидную опредѣленность этого понятія, нѣтъ до сихъ поръ ни одного опредѣленія, которое могло-бы считаться общимъ. Партіяная борьба, ведущаяся вокругъ національнаго вопроса успѣла сильно исковеркать это понятіе, и, несмотря на бьющую въ глаза очевидность національной жизни, многіе считаютъ национальность чуть-ли не миеомъ. При опредѣленіи націи даже такіе солидные теоретики, какъ Каутскій впадаютъ въ коренныя и прямо поразительныя противорѣчія. Самъ Каутскій объясняетъ это тѣмъ, что национальность, какъ и всѣ общественныя явленія, находящіяся въ постоянномъ теченіи, подъ вліяніемъ взаимодѣйствія сложныхъ факторовъ, труднѣе поддаются опредѣленію чѣмъ явленія природы. Онъ указываетъ на то, какъ трудно точно опредѣлить что такое капиталистъ, пролетарій, ревизионистъ или неревизионистъ, «однако они существуютъ, замѣчаетъ онъ, и мы безошибочно узнаемъ ихъ, когда встрѣчаемся съ ними»¹⁾.

Несомнѣнно, что трудность опредѣленія національности лежитъ отчасти въ этой, указанной Каутскимъ, сложности самаго явленія, но намъ кажется еще больше того—въ томъ методѣ изслѣдованія, который примѣняли къ изученію національности. Именно въ силу сложности и общественнаго характера національности, необходимо было подойти къ ней съ генетической точки зрѣнія. Между тѣмъ

¹⁾ „Die Krisis in Oesterreich“. Neue Zeit. Bd. 22. S. 99.

большинство изслѣдователей разбирало этотъ вопросъ чисто эмпирически, по аналогіи съ государствомъ, территоріей, языкомъ или расой.

Къ національностямъ подходятъ какъ къ готовымъ, законченнымъ объектамъ и, сравнивая ихъ между собою, выбираютъ общіе имъ черты, которыя возводятся въ рангъ «необходимыхъ признаковъ національности» ¹⁾. Вмѣсто того, чтобы, на почвѣ теоретическаго изученія исторіи ея происхожденія, выяснить *сущность* націи, присматриваются къ внѣшнимъ формамъ національной жизни и создаютъ таблицу «объективныхъ» признаковъ націи и горе той національности, которая въ исторической жизни потеряла который-нибудь изъ «необходимыхъ и основныхъ» признаковъ. Она должна будетъ признать свое несуществованіе, какъ нація, или удовольствоваться милостиво предоставленнымъ правомъ считаться «исключеніемъ».

Что «теорія признаковъ» ничего не выясняетъ, а способна только проявить противорѣчіе, въ которомъ запутались ихъ авторы, легко убѣдиться изъ разсужденія Каутскаго о языкѣ, какъ признакѣ націи. Его разсужденія по этому поводу весьма характерны и мы приведемъ ихъ поэтому въ выдержкахъ: «Языкъ представляется намъ лучшимъ признакомъ національности... Языкъ, это—одно изъ важнѣйшихъ средствъ производства, какъ въ духовномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи... Онъ же средство объединять и раздѣлять людей... Мы не знаемъ еще происхожденія языковъ и законы, которые надъ ними господствуютъ, но мы знаемъ, что образованіе ихъ строго законно и при одинаковыхъ условіяхъ, одинаково организованнаго существа должны были-бы образовать одинаковый языкъ. Такимъ образомъ въ языкѣ складывается лучшее средство общественнаго пониманія и общественнаго объединенія. Съ другой стороны, образованная благодаря разницѣ расъ и жизненныхъ условій, разница въ языкахъ становится средствомъ расколота человѣческой родъ на отдѣльныя части... Говорящіе на одномъ и томъ же языкѣ становятся членами одного и того же общественнаго организма націи... Языкъ становится однимъ изъ важнѣйшихъ условій національности». Несмотря на это категорическое утвержденіе, мы *черезъ шесть строкъ* читаемъ: «Но языкъ слишкомъ неопредѣленный при-

¹⁾ Справедливость требуетъ отмѣтить, что представители „народно-психологической школы“: Lazarus и Steintal иначе подошли къ вопросу о національностяхъ и проявили болѣе глубокое пониманіе сущности національности. Если и они не дали правильнаго опредѣленія націи, то по другимъ причинамъ, о которыхъ мы ниже будемъ говорить.

знакъ индивидуума, чтобы на общности языка могла гдѣ-бы то ни было быть воздвигнута стойкая общественная организація. Можно воспринять чужой языкъ, забыть свой собственный, говорить сразу на многихъ: «это слишкомъ колеблющаяся основа для общественнаго тѣла»; и послѣ того какъ онъ окончателно разбилъ свое предъидущее мнѣніе о значеніи языка, какъ «обязательнаго признака» націи, ему удастся вѣрно опредѣлить взаимоотношеніе языка и національности, но этимъ еще больше подчеркивается противорѣчіе, въ которое онъ впалъ. Онъ говоритъ: «Онѣ (общественныя организаціи) постоянно воздвигались другими факторами, а языки проявляли только всегда стремленіе приспособиться ко всякому новому (jeweligen) общественному организму, такъ что общность языка и социальная общность по возможности покрывали другъ друга» ¹⁾. Что всѣмъ этимъ разсужденіемъ доказано и что мы отсюда узнаемъ о взаимоотношеніи національности и языка? Во первыхъ: что національности складываются подъ вліяніемъ цѣлаго ряда факторовъ, среди которыхъ языкъ играетъ значительную роль; во вторыхъ, что между національностью и языкомъ имѣется не только генетическая связь, но и тенденція къ постоянной гармоніи; что образованіе національности можетъ произойти безъ прямого воздѣйствія—помимо общности языка, но тогда языкъ проявляетъ стремленіе «приспособиться къ новому общественному организму» ²⁾: Но значить-ли это, что языкъ является необходимымъ признакомъ національности, да къ тому-же еще «однимъ изъ важнѣйшихъ и основныхъ»? Нисколько! Языкъ можетъ не соответствовать социальной общности, можетъ ей даже противорѣчить и только въ большинствѣ случаевъ съ нею дѣйствительно совпадаетъ. Языкъ—или одно изъ средствъ созданія національности, которое въ дальнѣйшемъ развитіи можетъ потерять свое значеніе или *слѣдствіе* національной жизни. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ было-бы логической ошибкой считать его признакомъ націи. Общій языкъ не способенъ создать націи, если другихъ благопріятствующихъ условій нѣтъ, его отсутствіе не способно уничтожить націи и не мѣшаетъ ей развиваться, если другія условія сохранены.

Съ обычною ясностью и опредѣленностью высказывается Штейнмецъ (въ цитированной выше статьѣ) относительно языка, какъ

¹⁾ Цитированная статья, стр. 40—41.

²⁾ Здѣсь, конечно, можетъ быть и рѣчь о потерѣ національной общности, несмотря на сохранившуюся общность языка. Въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ характерный „Heterozetesis“, т. е. доказательство прямо противоположное тому, что авторъ хотѣлъ доказать.

средства подраздѣленія людей на отдѣльныя группы. Онъ говоритъ: «Языкъ какъ критерій для зоологическаго подраздѣленія людей долженъ быть совершенно отброшенъ. Даже какъ вспомогательное средство при группировкѣ народовъ и національностей языки не годятся. Они даютъ иногда цѣнныя историческія указанія, но какъ основа для подраздѣленія людей они не имѣютъ никакой цѣнности»¹⁾).

Да и у самаго Каутскаго есть указанія на то, что языки только производное явленіе. Онъ говоритъ вѣдь, что разница въ языкахъ,—продуктъ «разницы расъ и жизненныхъ условій» и указываетъ на «исключенія», когда языки и національности не совпадаютъ. Поэтому мы вправѣ утверждать, что выставленіе языка какъ признака націи не выдерживаетъ критики даже у самихъ авторовъ, выставляющихъ его, а «теорія признаковъ» вообще логическая ошибка. И если противники Каутскаго, возражая противъ выставленныхъ имъ признаковъ, указываютъ на другія стороны національной жизни какъ на «признаки» національности, то мы а priori можемъ быть увѣрены, что и ихъ «признаки» не всюду примѣнимы и не даютъ проникнуть глубже въ сущность національности. Для насъ несомнѣнно, что сущность націи не можетъ выясниться изъ нѣкоторыхъ ея атрибутовъ, а должна изучаться въ жизни ея, ея развитіи и совокупности всѣхъ ея проявленій.

Въ дальнѣйшемъ мы попытаемся намѣтить главныя черты въ исторіи развитія національности. Понятіе націи мы выяснимъ тогда не изъ внѣшнихъ «признаковъ», а внутренней «сущности» національности. Важнѣйшимъ и самымъ труднымъ вопросомъ въ генетическомъ изслѣдованіи національности является вопросъ о томъ, когда зарождается національность, на какой стадіи развитія человѣческаго рода мы имѣемъ передъ собою націю. Обыкновенно предполагаютъ, что національность—явленіе очень старое и націи встрѣчаются уже на самыхъ примитивныхъ ступеняхъ общественнаго развитія. Каутскій держится очевидно того-же мнѣнія. Онъ пишетъ: «въ этой примитивной стадіи, гдѣ общественныя отношенія базируются на кровной связи, расы и націи почти всецѣло покрываютъ другъ друга»²⁾. Эта идентификація національности съ расой не выдерживаетъ однако исторической критики. Мы вполне согласны съ

¹⁾ Стр. 83.

²⁾ На этомъ ошибочномъ замѣчаніи и подобномъ же о территоріи и государствѣ, нѣкоторые послѣдователи Каутскаго, не долго разсуждая, построили теорію развитія національности, по которой первая стадія это: „нація-расы“; вторая: „нація-территорія“; третья: — „нація-государства“. „Послѣдняя“ и „высшая“ стадія человѣческаго развитія это: „нація-автономія“ т. е. что-то совершенно отвлеченное.

Каутскимъ, когда онъ говоритъ, что смѣшиваніе расы съ современной національностью является «страшнымъ анахронизмомъ», считаемъ, однако, что отождествленіе расы съ національностью неправильно вообще *ни для какой стадіи развитія*. Смѣшиваніе же примитивной орды съ національностью свидѣтельствуетъ о значительной путаницѣ понятій. Примитивное состояніе, основанное на кровномъ родствѣ, нисколько не совпадаетъ съ національностью; даже цѣлый рядъ дальнѣйшихъ стадій развитія не образуетъ націю, которая является *высшимъ и позднѣйшимъ продуктомъ дифференціаціи первоначальнаго рода*. Этническая общность, кровная связь, *раса* составляетъ исходную точку, почву, на которой развиваются національности, является *важѣйшимъ и постояннымъ элементомъ* національности, но ни въ коемъ случаѣ нельзя смѣшивать расу съ національностью, а національность считать расой. Нужно разъ навсегда усвоить себѣ, что *раса* понятіе исключительно генеалогическое и биологическое, а *национальность* понятіе общественное, что *раса* это естественно-историческая категорія, а *национальность*—категорія культурно-историческая. Продуктъ дифференціаціи расы—нація—расой быть не можетъ и *никогда ею не была*. За настоящимъ моментомъ развитія Каутскій это вполне опредѣленно признаетъ, но то, что справедливо для настоящаго момента развитія, одинаково обязательно для всѣхъ его стадій, такъ какъ, если и можно говорить о какой-нибудь разницѣ, то исключительно количественной, а не качественной.

Различныя этническія группы даютъ начало, являются *корнями* будущихъ національностей—отъ послѣднихъ ихъ еще отдѣляетъ огромный періодъ развитія. Только послѣ того, какъ *эволюція* этническихъ группъ, создала, подъ вліяніемъ общности условій жизни, языка, религіозныхъ представленій, историческихъ судебъ, нравственныхъ и правовыхъ традицій, общую культуру—*общій культурно-психологическій типъ*, только послѣ того, какъ зоологическій видъ или разновидность, какой является первобытная орда, стала общественной и исторической величиной—только послѣ этого *огромнаго процесса*, мы имѣемъ предъ собой національности. И если Рюмелинъ ¹⁾ говоритъ, что «происхожденіе большинства народовъ теряется въ глубинѣ временъ, не поддающихся нашему изслѣдованію», то это надо понимать не въ томъ смыслѣ, что народы—готовый продуктъ первобытной эпохи, а только въ томъ, что образованіе народовъ есть долгій процессъ, *начало котораго теряется въ глубинѣ стокровъ*.

1) Rede und Aufsätze S. 88.

Наши указанія на происхожденіе націй выясняютъ уже вмѣстѣ съ тѣмъ нашъ взглядъ на сущность національности. Объективные признаки не опредѣляютъ еще національности, разъ ея происхожденіе зависитъ отъ культурно-психологическихъ факторовъ. То, что дѣлаетъ какую нибудь группу людей націй, это не только объективная ихъ общность, но и субъективная, если и не сознательная, позитивная оцѣнка этой общности.

Этотъ взглядъ на національность, какъ на продуктъ исторіи, какъ на категорію культурно-психологическую и историческую, приближаетъ насъ къ той точкѣ зрѣнія, которую Лацарусъ и Штейнталь защищали въ своемъ «Журналѣ народной психологіи и языковѣденія». Однако между ихъ точкой зрѣнія и той, которой я придерживаюсь, есть значительная разница, и я тѣмъ охотнѣе подчеркну границы этого различія, что выясненіе ихъ сможетъ яснѣе очертить разбираемую нами проблему.

По представленію «народно-психологической» школы народъ это не физическая, а чисто духовная категорія и ее не образуютъ ни общее происхожденіе, ни общій языкъ, а только народный духъ (Volksggeist). А народный духъ—это общее, одинаковое представленіе, гармонія духовнаго творчества всѣхъ частей народа; народный духъ это объективный духъ въ отличіе отъ субъективнаго и проявляется въ объективномъ творествѣ. Сюда относятся: языкъ, нравы, религія, производство въ техникахъ, искусствѣ и наукѣ.

Присмотримся ближе къ ихъ аргументаціи: «Въ естественномъ дѣленіи человѣческаго рода на расы, пишутъ они ¹⁾, большія или меньшія родовыя группы, роды, семейные союзы, семьи, врывається духъ, свобода и исторія, раздѣляя естественно однородное, смѣшивая естественно различное или уподобляя одно другому. На этомъ воздѣйствіи духовныхъ и историческихъ условій на естественныя различія, базируется понятіе—народъ, и то, что дѣлаетъ какой-нибудь народъ именно этимъ народомъ, лежитъ существенно не въ объективныхъ признакахъ, какъ происхожденіе, языкъ и т. п., а скорѣе въ субъективномъ взглядѣ его членовъ, которые смотрятъ на себя какъ на народъ»... «Народъ-человѣкъ опредѣляетъ себя самъ—онъ причисляетъ себя къ нему (курс. мой)... «Сущность націи это свободный актъ самоопредѣленія, сознаніе членовъ націи, какъ цѣлое и одинъ народъ».

Мы вполне согласны, что сумма всѣхъ представленій и поня-

¹⁾ Einleitende Gedanken über Völkerpsychologie. Zeitschrift für Völkerpsychologie S. 34 и слѣдующія.

тій (причемъ, по справедливому замѣчанію нашихъ авторовъ, представленія не должны быть тождественны, такъ какъ греческій атеистъ, напримѣръ, въ одинаковой степени отличается отъ атеиста—перса, какъ и вѣрующій грекъ отъ религіознаго персіянина) составляютъ сущность національности, но мы положительно не можемъ согласиться съ тѣмъ, что «одинаковость представленій», была бы слѣдствіемъ «свободнаго акта самоопредѣленія», какъ и вообще не понимаемъ, какимъ образомъ «духъ», «представленія» могутъ создать такую конкретную категорію, какой является національность. Вѣдь даже эта школа, считающая національность «чисто духовнымъ понятіемъ», допускаетъ связь націи съ «нѣкоторыми матеріальными условіями».

Очевидно, что эта школа должна исповѣдывать «свободу воли» и «зависимость бытія отъ сознанія». И дѣйствительно, Лацарусъ и Штейнталь стояли всецѣло на почвѣ идеалистической философіи и даже считали образованіе національности характернымъ примѣромъ того, какъ сознаніе создаетъ фактъ. «Народный духъ, пишутъ они, создаетъ представленіе и вмѣстѣ съ этимъ и самую вещь—народъ»... «Здѣсь мы имѣемъ случай, когда сознаніе создаетъ объектъ».

Для тѣхъ, которые, какъ мы, придерживаются противоположнаго философскаго міровоззрѣнія, которые полагаютъ, что наоборотъ «бытіе опредѣляетъ сознаніе» и для которыхъ свобода воли въ смыслѣ безпричиннаго дѣйствія—теоретически несостоятельное понятіе, для этихъ вся аргументація народно-психологической школы о томъ, что нація, это—«чисто духовное существо, совершенно падаетъ. Для насъ недопустимо, чтобы «народный духъ» могъ *создать* націю. Народный духъ продуктъ народной жизни, а нація это—матеріальное единство, надѣленное опредѣленнымъ общимъ всѣмъ членамъ націи сознаніемъ.

Мы согласны, что національное самосознаніе это та сила, которая кладетъ свой отпечатокъ на жизнь національности и нисколько не отрицаемъ факта, что личность *до известной степени* «причисляетъ» себя къ національности, но этотъ «свободный актъ самоопредѣленія» уже напередъ предетерминированъ и раньше и больше всего происхожденіемъ. Еще раньше, чѣмъ тотъ или иной индивидуумъ сталъ себя «чувствовать» членомъ опредѣленной націи, онъ былъ имъ и въ этомъ главная, если и не единственная, предпосылка его сознанія.

Но допустимъ, что «народный духъ» способенъ создать свой объектъ. Тогда явится совершенно естественный вопросъ: «Откуда же онъ берется, что вліяетъ на созданіе того или иного народнаго духа»? На этотъ вопросъ наши авторы даютъ отвѣтъ прямо противу-

положный тому, который все время защищали. Объясняя национальные особенности народным духомъ, они народный духъ объясняютъ национальными особенностями, т. е. дѣлаютъ извѣстную въ логикѣ ошибку... «Народный духъ, пишутъ они, ... зарождается сперва благодаря внѣшнимъ условіямъ *одинковаго происхожденія и близости мѣста жительства*. Эти два фактора, не смотря на ихъ исключительно внѣшній характеръ, вліяютъ на духъ (!). Съ родствомъ пріобрѣтается подобіе фیزیономіи и тѣла. Не смотря даже на механическую зависимость души отъ тѣла, уже одно подобіе во внѣшности приближаетъ и внутреннее другъ къ другу... Еще важнѣе то, что благодаря равенству происхожденія и мѣста жительства и судьбы должны стать одними и тѣми же. Тѣ же впечатлѣнія воспринимаются, тѣ же работы производятся, тѣ же радости переживаются, и вдобавокъ: воспринимаются, производятся и переживаются сообща»... Кричащее противорѣчіе этого признанія со всѣмъ міровоззрѣніемъ народнопсихологической школы наши авторы стараются сгладить утвержденіемъ, что «не происхожденіе само по себѣ существенно, а съ нимъ связанное представленіе о равенствѣ индивидуумовъ, ихъ отцовъ, ихъ назначенія, всего ихъ прошлаго и слѣдовательно ихъ будущаго». Но этимъ указывается только какъ вліяетъ общее происхожденіе и въ сущности еще больше подчеркивается его значеніе. Такимъ образомъ даже эта идеалистическая школа не могла пройти совершенно мимо общности происхожденія и связанныхъ съ нимъ вліяній, какъ факторовъ «народнаго духа». Она только старается умалить ихъ значеніе, называя ихъ внѣшними факторами, въ отличіе отъ сознанія, которому они приписываютъ важнѣйшую роль. Но это несомнѣнно также ошибочно, какъ то характерное для этой школы утвержденіе, что «ирландцы потому питаются картофелью, что у нихъ «ирландскій духъ». Мы не понимаемъ этого различія между внѣшними и внутренними факторами. Для насъ общее происхожденіе такой же внутренней факторъ, какъ міеологія и религія, а языкъ и традиціи народа такіе же внѣшніе факторы, какъ и этническое единство, потому что одно тѣснѣйшимъ образомъ зависитъ отъ другого, неразрывно связано съ нимъ и немислимо безъ него. И мы полагаемъ, что отрицаніе общности происхожденія, этническаго единства, какъ факторовъ національности или желаніе свести сумму ихъ вліяніе къ *minimum*'у, по крайней мѣрѣ столь же ошибочно, какъ смѣшиваніе національности съ расой у современныхъ догматиковъ расоваго принципа. Это другая, и по нашему мнѣнію *болѣе ошибочная* крайность. Вычеркнуть общность происхожденія, какъ необходимый и основной элементъ національности, значить

отнять у націи ея естественную почву. Мы считаемъ національность понятіемъ соціально-психологическимъ, культурно-исторической категоріей, но не можемъ отдѣлить ее отъ ея естественнаго субстрата—этнической общности. Этническая общность и національная индивидуальность вмѣстѣ составляютъ сущность націи, одна безъ другой немислимы, только обѣ вмѣстѣ образуютъ націю.

Ниже мы коснемся подробнѣе главныхъ факторовъ національности. Эти замѣчанія позволяютъ намъ сдѣлать слѣдующіе выводы:

Національность—это коллективность, объединенная общностью происхожденія, жизненныхъ условій, исторической и культурной среды.

Общность происхожденія является основой, корнемъ національности, но сама по себѣ еще не нація и націи не создаетъ; общая культура—продуктъ общаго происхожденія и совмѣстной жизни—образуетъ національность.

Національное самосознаніе—это сознаніе своего единства на почвѣ единства происхожденія или иными словами: національность это группа людей, отличающаяся опредѣленнымъ, специфически ей принадлежащимъ, групповымъ характеромъ.

Итакъ сущность націи—національный характеръ. Въ національнаго характера, нація, это—лишенное всякаго смысла и содержания понятіе.

Но, могутъ возразить намъ, признаніе національнаго характера значило бы признаніе за всѣми частями и даже членами націи одного и того же индивидуальнаго характера, между тѣмъ извѣстно, какая разница въ міровоззрѣніи, взглядахъ и чувствахъ вообще въ характерѣ, существуетъ у различныхъ классовъ одной и той же націи, не говоря уже объ отдѣльныхъ индивидуумахъ, да и къ тому допустить существованіе специфическаго національнаго характера, значило бы утверждать существованіе всякаго вообще групповаго характера.

Что касается перваго соображенія, то мы полагаемъ, что границы колебанія въ характерѣ отдѣльныхъ частей или членовъ національности могутъ быть довольно далеко раздвинуты, нисколько не нарушая наличности обще-національнаго характера, также какъ существованіе разновидностей не нарушаетъ реальности видовъ. Кромѣ того, мы напоминаемъ утверженіе Лацаруса и Штейнтала, что народный духъ ничего общаго не имѣетъ съ тождественностью представленій у всѣхъ членовъ націи и какъ бы ни были эти представленія у отдѣльныхъ частей націи далеки другъ отъ друга, въ нихъ всегда есть хоть одна черта, которая дѣлаетъ ихъ

всѣхъ подобными. Можно ли отрицать, говорить Фулье, что съ точки зрѣнія коллективныхъ свойствъ французы имѣютъ нѣкоторыя общія черты, будь то бретонцы или марсельцы? Существуетъ слѣдовательно національный характеръ, къ которому болѣе или менѣе причастны всѣ индивиды, и существованіе котораго не можетъ быть оспариваемо, даже если нельзя будетъ обнаружить его у тѣхъ или иныхъ индивидовъ или группъ“¹⁾. На второе соображеніе мы можемъ отвѣтить слѣдующимъ: признаніе реальности всякаго вообще групповаго характера не вытекаетъ еще изъ признанія за національностью или какою нибудь другой человѣческой коллективностью особаго характера, а изъ того, какимъ факторамъ приписывается созданіе его. Такъ, если признать, что среда и только среда создаютъ характеръ, тогда особый характеръ необходимо будетъ признать за *всякой* группой людей, живущихъ въ опредѣленной имъ всѣмъ общей средѣ; если же признать, что характеръ мало или вовсе не зависитъ отъ вліяній среды, а является элементомъ прирожденнымъ и также какъ и физическій типъ передается по наслѣдству черезъ безконечный рядъ поколѣній, тогда групповой характеръ сможетъ быть констатированъ *только* у такихъ группъ, которыя находится между собой въ опредѣленной родовой связи. И чѣмъ тѣснѣе эта связь, чѣмъ продолжительнѣе она, тѣмъ характеръ будетъ болѣе опредѣленнымъ.

Реальность національнаго характера для насъ несомнѣнна, но мы считаемъ его наслѣдственнымъ, поэтому групповой характеръ не считаемъ обязательнымъ для всякой группы людей.

Посмотримъ въ дѣйствительности, что такое характеръ: продуктъ среды или элементъ прирожденный²⁾?

Объ индивидуальномъ характерѣ говорить не приходится. Современная психологія, базируя на данныхъ біологіи, пришла къ тому заключенію, что характеръ индивидуума, по крайней мѣрѣ, задатки его, унаслѣдуется также какъ физическій типъ. Психологія не отрицаетъ вліянія среды—воспитанія,—но основу характера считаетъ элементомъ прирожденнымъ.

Что добродѣтели, какъ и пороки, умственные способности, художественныя и музыкальныя таланты унаслѣдуются, это считается безспорно установленнымъ въ современной психологіи³⁾. Изъ наслѣдственности индивидуальнаго характера неоспоримо вытекаетъ и

1) «Психологія французскаго народа». Переводъ Н. Кончевской стр. 7.

2) Подъ „характеромъ“ мы разумѣемъ: духовныя задатки, наклонности, стремленія и чувства—совокупность темперамента, интеллекта и воли.

3) См. книгу Френсиса Гальтона „Наслѣдственность таланта“.

существование фамильного характера. Аналогично индивидуальному и фамильному характеру мы должны признать существование и наследственность расового характера. Однако аналогия не доказательство, а современная наука не пришла еще к определенному заключению относительно факторов и наследственности расового характера. В то время, как одна часть антропологов и социологов полагает, что расовой характер—величина постоянная и только незначительно подвергается изменению, благодаря внешней и внутренней среде, другая объясняет все расовые отличия влиянием среды и значит совершенно отрицает наследственность расового характера. Между тем только на почве данных о расовом характере, мы в состоянии будем выяснить проблему наследственности национального характера, так как национальный характер в той же мере дифференциация расового, в какой субстрат его—этнический состав нации—дифференциация расы.

Что же такое раса? Подразделение людей на группы с зоологической точки зрения. Что такое подразделение—реальность, т. е., что с анатомической и морфологической точки зрения не все люди равны, а подразделяются на большее или меньшее количество групп, в этом никто сомневаться не станет. Невозможно отрицать разницы между черной и белой расой, между кавказцами и монголами, между семитами и арийцами. Вопрос состоит только в том—соответствует ли этому различию в соматическом отношении такое же и в психическом, т. е. существует ли врожденный расовой характер или то, что мы привыкли называть монгольским, негритянским, семитическим или славянским характером, темпераментом и укладом ума—только продукт различия в социальной и географической среде. Чтобы обрисовать яснее эту дилемму между врожденным расовым характером и таковым, как продукт влияния внешней и внутренней среды, Штейнмец задает следующую вопрос: если бы вдруг, пишет он, китайцы очутились на нашем месте и стали бы не только в нашу внешнюю среду, но также и во внутреннюю, т. е. если бы вместе с европейской почвой и климатом они приобрели бы и наши законы и наши учреждения, наши традиции и наше воспитание—сначала через посредство наших же учителей, одним словом: если бы новорожденные европейцы были бы заменены китайскими грудными младенцами и помимо этого все осталось бы попрежнему, приняла ли бы наша культура и история иной отпечаток, то есть, если бы она и не была равна китайской, потому что внешняя и внутренняя среда несомненно оказали бы свое влияние, то все же была ли бы она

мало подобна европейской или, не смотря на это измѣненіе расоваго состава, она продолжала бы оставаться той же» ¹⁾).

Эта постановка вопроса есть вмѣстѣ съ тѣмъ уже и отвѣтъ на него, такъ какъ даже самый завзятый теоретикъ «среды» долженъ будетъ допустить, что китайскіе младенцы привесли бы съ собою въ Европу не только цвѣтъ кожи и анатомическіе и морфологическія особенности, но и большую часть того, что въ духовномъ отношеніи отличаетъ китайцевъ.

Исторія уже неоднократно подтверждала огромное значеніе расовыхъ особенностей, и, если и не въ такой опредѣленной формѣ, то все же экспериментъ, предложенный Штейнмецомъ, былъ продѣланъ исторіей. Укажемъ хотя бы на исторію паденія Рима ²⁾, на судьбу Греціи послѣ иммиграціи турокъ, ³⁾, на тотъ фактъ, что страны древней азиатской культуры ни разу не возобновили своего культурнаго величія послѣ эмиграціи и замѣщенія тѣхъ народностей, которыя создали и питали эту культуру.

Однако не мало социологовъ, а въ особенности историковъ отрицаютъ, если и не существованіе, то наслѣдственность расоваго характера.

Среди нихъ Спенсеръ и сторонники географической среды и материалистическая философія исторіи занимаютъ главное мѣсто.

Спенсеръ, какъ вѣрно замѣчаетъ Поль Бартъ ⁴⁾ не могъ придти къ правильному взгляду на значеніе расовыхъ различій, потому что онъ замѣчалъ только *одно, равное по содержанію* развитіе различныхъ народовъ. Мы поэтому можемъ, не останавливаясь на его взглядахъ, перейти къ приверженцамъ географической среды и взглядамъ экономическаго материализма.

Объ эти школы исходятъ изъ *первоначальнаго равенства* всѣхъ людей. Онѣ не признаютъ первоначальной разницы бѣлой и черной расы; дѣйствительная же, реальная разница—продуктъ среды: по представленіямъ одной школы продуктъ, главнымъ образомъ, климатическихъ и географическихъ различій; различій въ производственныхъ отношеніяхъ, техникѣ и хозяйственной конституціи по представленіямъ другой.

¹⁾ Тамъ-же стр. 83.

²⁾ Мы отнюдь не согласны съ тѣми антропологами и историками, которые приписываютъ исторію паденія Рима исключительно расовымъ факторамъ, но мы также не можемъ и вовсе отрицать ихъ.

³⁾ На это указываетъ Eleutheropoulos въ недавно вышедшей: «Sociologie» стр. 167.

⁴⁾ P. Barth „Philosophie der Geschichte als Sociologie“. Стр. 236.

Если даже предположить, что географическія и экономическія различія являются той силой, исключительному вліянію которой нужно было бы приписать всѣ реальныя различія человѣческихъ расъ, то это еще нисколько не отвѣчаетъ на вопросъ, являются ли эти различія наслѣдственными, является ли, разъ приобретенное, неизгладимымъ наслѣдіемъ потомства, или подлежитъ измѣненію съ малѣйшимъ измѣненіемъ географической и экономической среды. Даже признавая первоначальную одинаковость всѣхъ людей, невозможно отрицать, что наступившее, безразлично въ силу какихъ причинъ, различіе, должно въ свою очередь вліять на условія, которыя ихъ создали. Намъ кажется, что крупнѣйшей логической ошибкой теории «среды», является именно игнорированіе расы, какъ фактора измѣняющаго въ свою пользу создавшую его среду. Но наша критика идетъ дальше: мы не придерживаемся первоначальной одинаковости людей и поэтому не имѣемъ никакого повода приписывать исключительно географической и соціальной средѣ творческую роль, при созданіи расовыхъ различій. Первоначальная одинаковость людей можетъ быть только въ томъ случаѣ признана, если согласиться, что человѣчество произошло отъ *одной пары*, между тѣмъ вся современная этнологія и антропологія пришла къ заключенію, что не только строго моногенетическая гипотеза происхожденія человѣческихъ расъ не выдерживаетъ критики, но скорѣе вѣрна противоположная ей полигенетическая гипотеза, которая предполагаетъ, что человѣческія расы различны *уже по своему происхожденію* ¹⁾. Этническая особенность расы для насъ поэтому не только продуктъ, но и основа и одинъ изъ факторовъ, а географическая среда и хозяйственная конституція не исключительные факторы, а, до извѣстной степени, въ свою очередь продукты.

Мы утверждаемъ, что *только* первоначальная разнородность, въ связи съ различіемъ въ географической и экономической средѣ могли создать и укрѣпить расовыя различія. Не выставляя тезиса, что первоначальныя этническія различія являются первичнымъ фактомъ историческаго развитія человѣческихъ расъ, мы со всей рѣзкостью отрицаемъ противоположный тезисъ, по которому географическая и экономическая среда—первичные факторы, а расовыя различія—явленіе производное.

Присмотримся ближе къ каждой изъ этихъ теорій. Мы убѣдимся что онѣ не въ состояніи въ достаточной мѣрѣ обосновать не только различія расъ въ духовномъ, но и въ физическомъ отношеніи.

¹⁾ О полигенетической гипотезѣ см.: Гумпловичъ „Основы соціологіи“.

Если бы географическая среда была главнымъ факторомъ, создавшимъ расовыя различія, то различнымъ географическимъ условіямъ долженъ былъ бы соответствовать различный расовый типъ, а равныя географическія условія должны были бы создать, если не равный, то подобный расовый характеръ. Однако ни первое, ни второе условіе не соответствують дѣйствительности.

Папуасы и малайцы живутъ бокъ о бокъ съ незапамятныхъ временъ, нисколько не уподобляясь другъ другу. Англичане, евреи и др. живутъ въ различнѣйшихъ географическихъ условіяхъ, нисколько не измѣняя своего характера. И не только на людей, но даже на животный міръ климатъ и географическая среда не производятъ такого чудодѣйственнаго вліянія, какъ многіе предполагаютъ. Въ одной и той же географической средѣ могутъ процвѣтать различнѣйшія царства животныхъ. Такъ Уоллесъ указываетъ на поразительное подобіе Борнео и Новой Гвинеи въ климатическомъ и геологическомъ отношеніи и поразительное различіе ихъ въ зоологическомъ; между тѣмъ Австралія съ ея сухими вѣтрами, открытыми равнинами, каменистыми пустынями и умѣреннымъ климатомъ, произвела такой же пернатый и животный міръ, какъ горячія, влажныя и роскошныя лѣса равнинъ и горъ Новой Гвинеи. «Это показываетъ, замѣчаетъ по этому поводу Бэдждотъ ¹⁾, что подобныя существа мы можемъ найти въ различнѣйшихъ внѣшнихъ условіяхъ, различныя въ очень подобныхъ». Весьма интересныя соображенія противъ теоріи географической среды приводитъ Фуллеръ ²⁾: «Чтобы проникнуться недостаточностью теоріи географической среды, когда ей придается исключительное значеніе (курс. мой), попробуйте совершить мысленно слѣдующее путешествіе: двигайтесь по изотермической линіи, соответствующей температурѣ $+ 10^{\circ}$; вы пересѣчете старый континентъ черезъ Ливерпуль, Лондонъ, Мюнхенъ, Будапештъ, Одессу, Пекинъ и сѣверныя острова Японіи; вы увидите, что одна и таже средняя температура не вызвала однихъ и тѣхъ же физическихъ и моральныхъ типовъ. Вы встрѣтите на вашемъ пути ирландцевъ, валлійцевъ, англичанъ, нѣмцевъ, мадьяръ, узбековъ, татаръ, монголовъ, китайцевъ и японцевъ. Одна и та же температура произвела грековъ и готтентотовъ, т. е. другими словами не произвела ни тѣхъ ни другихъ. Въ Европѣ бѣлокурые и добродушные нѣмцы живутъ между смуглыми и мало добродушными народами, по одной и той же изотермической линіи. Знойный климатъ не

1) «Ursprung der Nationen, Bagehot», стр. 99.

2) Цитированное сочиненіе стр. 39.

помѣшалъ возникновенію цивилизаціи ацтековъ, маясовъ, финикійцевъ и древнихъ мексиканцевъ. На новомъ континентѣ, первыхъ очаговъ цивилизаціи приходится искать между тропиками на плоскогорья Анагуака на Юкатанѣ и берегахъ Татикаха. *Итакъ не слѣдуетъ отдѣлять вопросъ о климатахъ отъ вопроса о расахъ*“ (курсомой).

Перейдемъ теперь къ разбору мнѣній экономическаго материализма. Подобно тому, какъ теоретики географической среды приписываютъ всѣ различія расъ различію въ географической средѣ, экономическій материализмъ приписываетъ ихъ—различію въ хозяйственной конституціи народовъ. Въ одну и ту же эпоху хозяйственные отношенія людей не однородны, а представляютъ изъ себя пеструю картину разнообразія. Это-то многообразіе вліяетъ на измѣненіе первоначально однообразнаго физическаго и психическаго типа людей.

Экономическій материализмъ, впрочемъ, не отрицаетъ и значенія географической среды, но онъ подчеркиваетъ, главнымъ образомъ, не непосредственное вліяніе климата и прочихъ условій географическаго положенія, а обусловленное различіемъ въ географическихъ условіяхъ различіе въ хозяйственныхъ отношеніяхъ. Раньше всего мы могли бы, аналогично тому, что мы говорили о теоріи географической среды, указать на то, что различныя хозяйственныя конструкціи существуютъ при одинаковыхъ географическихъ условіяхъ, какъ и въ различной географической средѣ встрѣчаются одинаковыя экономическія условія. Но существенно вотъ что: образованіе расъ несомнѣнно очень давній—безспорно доисторическій процессъ, а въ доисторическую эпоху хозяйственныя отношенія у людей должны были быть очень просты, и если не подобны, то весьма однородны. Исторія культуры показала, что хозяйственныя отношенія у первобытныхъ народовъ были очень однообразны, равнымъ образомъ и техника. Различія въ экономическихъ отношеніяхъ людей сравнительно позднѣйшій продуктъ развитія и начинается гораздо позже того, какъ человѣчество было разбито на опредѣленныя группы. Въ виду этого легче себѣ представить, что расовыя различія оказали извѣстное вліяніе на различія въ экономической жизни народовъ, чѣмъ наоборотъ.

Кромѣ того, что экономическій материализмъ не способенъ объяснить образованіе расъ, онъ также не доказываетъ, что «человѣческая природа» мѣняется въ исторіи съ измѣненіемъ средствъ производства; за послѣднее столѣтіе экономическія отношенія европейскихъ націй сильно приблизились другъ къ другу, такъ что

можно говорить о приблизительной однородности хозяйственной жизни, между тѣмъ расовыя различія нисколько не уменьшились. Мы согласны съ тѣмъ, что экономическое развитіе приведетъ къ сближенію и взаимному пониманію народовъ, но оно не сможетъ уничтожить расовыхъ различій, потому что образованіе ихъ лежитъ въ совершенно другой области и только въ малой степени зависитъ отъ экономической жизни.

«Всегда даже формально-одинаковыя условія, говоритъ Eleuthergorulos, проявляются своеобразно и даже въ такихъ одинаковыхъ условіяхъ мы находимъ неодинаковыя духовныя проявленія».

Нищета «четвертаго сословія» знакома была и древнимъ грекамъ и римлянамъ, а не только германо-романскимъ народамъ. Однако не у всѣхъ народовъ она привело къ одинаковымъ слѣдствіямъ. Причины этого онъ видитъ въ слѣдующемъ: «Малѣйшая неблагосклонность судьбы создаетъ напр. въ Германіи такое мистическое настроеніе, какое не было знакомо ни древнимъ грекамъ ни римлянамъ. Мистику, которая царилъ въ Германіи, Франціи и Англии съ XII по XIV вѣкъ, невозможно найти ни въ древней Греціи, ни въ Римѣ или Римской Имперіи даже въ періоды самой крайней нужды. Кромѣ того мистику Германіи и другихъ странъ невозможно между собой смѣшивать... Мистицизмъ, это—черта характера германцевъ, а разницу нѣмецкой, французской и англійской мистики нужно искать въ размѣрахъ смѣшенія германцевъ съ этими націями» ¹⁾.

Мы не согласны съ авторомъ въ томъ, что различіе въ реагированіи на нищету нужно искать исключительно въ той или другой степени мистическаго предрасположенія, но въ этомъ примѣрѣ намъ кажется поразительнымъ сохраненіе мистицизма въ Германіи на протяженіи вѣковъ, не смотря на революціонныя преобразованія въ производственныхъ отношеніяхъ. Поэтому утвержденіе Маркса объ измѣнчивости человѣческой природы подъ вліяніемъ измѣненія въ производственныхъ отношеніяхъ должно считаться недоказаннымъ ²⁾. Это начинаютъ понимать и среди послѣдователей экономическаго матеріализма и расовымъ особенностямъ за послѣднее время приписываютъ все больше значеніе самостоятельныхъ факторовъ. «Для приверженца экономическаго матеріализма, пишетъ О. Ольбергъ, расовыя особенности только въ той мѣрѣ принимаютъ

¹⁾ «Sociologie» стр. 95.

²⁾ Объ этомъ см. у Вольтмана: «Политическая антропология» нѣмецкое изданіе стр. 246.

участіе въ образованіи слоевъ, надстройки, въ какой они проявляются въ экономіи, насколько они переведены въ экономическую особенность. Такъ, если бы двѣ, въ своей основѣ различныя расы, создали бы собственными усиліями, т. е., при относительно незначительномъ, для обѣихъ качественно и количественно равномъ, пріобрѣтеніи чужихъ культурныхъ элементовъ, одинаковую экономію—*предположеніе несомнѣнно абсурдное во всѣхъ отношеніяхъ*—то и въ дальнѣйшемъ процессѣ культурнаго развитія ихъ, онѣ были бы равноцѣнныя величины».

Это воочію показываетъ, что и среди приверженцевъ всемогущества среды начинаютъ считаться съ расовыми различіями, какъ съ факторами общественнаго развитія. Если же среди марксистскихъ теоретиковъ есть еще достаточно крайности, то мы полагаемъ объяснить это законной реакціей противъ реакціонныхъ и циничныхъ выводовъ, которыми полны сочиненія главнѣйшихъ теоретиковъ расовой догмы.

Обратимся къ теоретикамъ расовыхъ различій. Уже Платонъ подчеркивалъ разницу расовыхъ особенностей. Бартъ называетъ его основателемъ расовой психологіи. По его описаніямъ эллины стремятся къ знаніямъ, финикіяне къ наживѣ, скифы къ военнымъ пожеденіямъ и проч.

Аристотель равнымъ образомъ подчеркиваетъ расовыя особенности, но разницу онъ находилъ, главнымъ образомъ, въ этической области. Грековъ онъ считалъ *прирожденными* героями, а «варваровъ» *прирожденными* рабами. Средніе вѣка, конечно, не задаются вопросомъ о расовыхъ различіяхъ между людьми. Христіанское средневѣковье знало только различіе людей по ихъ вѣрѣ. Сознаніе расовыхъ особенностей пробуждается въ XVIII вѣкѣ и расовая проблема заинтересовываетъ Канта, Blumenбаха и др. Однако во всей силѣ расовой вопросъ поставленъ былъ только въ XIX вѣкѣ и особенно въ концѣ его. Начало современной постановкѣ вопроса даетъ вышедшая въ 1850 году книга графа Gauguier: «Essai sur l'Inégalité des Races Humaines». Каково бы ни было научное значеніе этой книги, она несомнѣнно составила эпоху и стала исходной точкой новѣйшихъ изслѣдованій о расовомъ принципѣ. Вполнѣ научно расовая проблема поставлена въ современной социальнo-антропологической школѣ. Въ лицѣ своихъ представителей: De Lapouge'a, Ammon'a, Reibmayer'a, Woltmann'a и Chamberlain'a она выставила расовыя различія какъ высшую силу социальнаго развитія, расовой принципъ обратили въ догму. «Особенность и степень интеллектуальныхъ расовыхъ различій, говоритъ Вольтманъ, неизмѣнно сохра-

няются, несмотря ни на какія историческія перепитія. Расы это—естественные факты, которые необходимо должны быть приняты въ соображеніе, при балансѣ историческихъ событій». Расовой характеръ, постояннень, наслѣдственъ и неизмѣненъ—вотъ верховное положеніе социальнo-антропологической школы и доказывается оно съ необыкновенной настойчивостью и талантомъ. И аргументація ихъ вполне научная. Въ своихъ изслѣдованіяхъ они исходятъ изъ «неодарвинизма» и въ особенности гипотезы о наслѣдственности, выставленной А. Вейсманомъ.

Но пока это, хотя и очень вѣроятная—все же еще гипотеза. Мы не считаемъ поэтому возможнымъ ссылаться на работы социальнo-антропологической школы, хотя замѣтимъ, что наслѣдственность расовыхъ особенностей прямой выводъ изъ теоріи развитія. Намъ остается поэтому для разрѣшенія дилеммы «раса или среда,» обратиться кромѣ высказанныхъ выше соображеній къ единственному источнику, къ этнологіи, исторіи и исторіи культуры ¹⁾. Во первыхъ, этнологія первобытныхъ народовъ доказываетъ, что по темпераменту, умственнымъ способностямъ и душевнымъ качествамъ, они также разнятся другъ отъ друга какъ и цивилизованные народы; исторія культуры и изслѣдованія антропологіи показали, что въ основныхъ чертахъ, характеры отдѣльныхъ расъ нисколько не измѣнились и представляютъ изъ себя, какъ въ физическомъ, такъ и въ психическомъ отношеніи *Dauer*typus, а описанія характера германцевъ и галловъ у Тацита и Цезаря прямо поражаютъ насъ сходствомъ основныхъ чертъ съ характеромъ современныхъ германскихъ и романскихъ народовъ. Если еще прибавить фактъ поразительнаго сохраненія моральнаго и физическаго типа евреевъ на протяженіи чуть ли не всей исторіи человѣчества, да и къ тому еще въ различнѣйшихъ географическихъ и социальныхъ условіяхъ, то наслѣдственность расовыхъ особенностей станетъ для насъ несомнѣнной.

Современные теоретики расъ полагаютъ признать существованіе наслѣдственнаго расоваго характера на основаніи общихъ біологическихъ и психологическихъ законовъ; мы убѣждены, что тѣ же выводы можно будетъ сдѣлать, изучая исторію цивилизаціи и жизнь и культуру первобытныхъ народовъ.

Наслѣдственность расоваго характера для насъ также несомнѣнна, какъ и наслѣдственность соматическаго типа расъ, и въ этомъ мы солидарны съ современными теоретиками расовыхъ различій.

¹⁾ Въ виду огромности и матеріала, мнѣ, само собою разумѣется, приходится ограничиться только основными выводами.

Но тѣ выводы, которые дѣлають названныя теоретики, нисколько не совпадаютъ съ тѣми, которые кажутся намъ возможными.

Уже въ самомъ пониманіи расовыхъ различій мы сильно расходимся съ догматиками ¹⁾ расоваго принципа. По ихъ представленіямъ расы отличаются между собой самымъ рѣзкимъ образомъ и въ кардинальныхъ чертахъ, въ то время какъ мы полагаемъ, что наряду съ различіями, въ характерѣ различныхъ расъ имѣется также много общаго и особенность расы можетъ иногда заключаться въ незначительныхъ чертахъ характера.

Мы вовсе не склонны дѣлить людей на «благородныя» и «неблагородныя» расы и не имѣемъ излюбленныхъ, надѣленныхъ всѣми добродѣтелями расъ. Мы не можемъ согласиться съ Чемберленомъ когда онъ семитовъ надѣляетъ «чрезмѣрно развитой волей», а арійцевъ «чрезмѣрно развитымъ интеллектомъ». Эти характеристики не только произвольны, но уже по одному тому несостоятельны, что слишкомъ абсолютны. Вообще ошибочно предполагать, что однѣ расы «жестоки», другія «добродушны», третьи «воинственны». Мы не знаемъ въ исторіи ни абсолютно жестокихъ, ни георойскихъ, рабскихъ, консервативныхъ или революціонныхъ расъ, также какъ не знаемъ такихъ, у которыхъ хотя бы одинъ изъ этихъ и многихъ другихъ элементовъ отсутствовалъ бы. Все, что дѣлаеть одну расу, отличной отъ другой, это не абсолютное развитіе или отсутствіе той или иной черты, а пропорція, въ которой эти черты проявляются ¹⁾.

¹⁾ Говоря о *догматикахъ* расоваго принципа мы имѣемъ, главнымъ образомъ въ виду Gaulineau, Ammon'a, Chamberlain'a.

¹⁾ Поэтому намъ кажется малоубѣдительною характеристика еврейской націи, которую г. Жаботинскій со словъ М. Мюре даетъ въ мартовской книжкѣ „Евр. Жизнь“. Она и слишкомъ обща и слишкомъ абсолютна, чтобы соответствовать дѣйствительности. Но еще больше насъ поражаетъ критика этой характеристики у г. Изгоева („Образованіе“ Августа 1904). Г. Жаботинскій подаетъ въ «мятежной ненависти ко всякому догмату видѣть основу еврейскаго характера. Г. Изгоевъ на это ему отвѣчаетъ: „Мятежная ненависть по всякому догмату“ искать надо не у средневѣковыхъ еврейскихъ талмудистовъ, а у древне греческихъ софистовъ, у Юма, Вольтера, Энциклопедистовъ, у Ницше. Не зачислить ли ихъ на *томоу основани* (курс. мой) *съ евреями*? Формула Мюре-Жаботинскаго сама по себѣ не вѣрна, но если бы она была вѣрна, то это отнюдь не значило бы, что всякій человекъ или группа людей, обладающая той или иной чертой этого характера—еврей, а *только то*, что всякій еврей по всей вѣроятности будетъ отличаться этой чертой характера или этой совокупностью моральныхъ и физическихъ чертъ. Формулу характера смѣшно критиковать съ той точки зрѣнія, что она подходит къ тому или иному индивидууму, не принадлежащему къ данной группѣ, а важно лишь, подходит ли она къ *большинству* членовъ ея и оправдалась ли она въ исторіи ея. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ

«Одаренные элементы, говорит Штейнмецъ, имѣются у всякаго народа, но у одного ихъ очень много, а у другого очень мало. Безпощадно-жестокіе характеры не отсутствуютъ ни у одного народа, но если вспомнить судьбу ирландцевъ, австралійцевъ, краснокожихъ, буровъ, то мы все же получимъ впечатлѣніе, что этотъ типъ количественно необыкновенно развитъ у англо-саксонской расы. Элегантныя «charmeuses» являются представительницами женскаго пола всѣхъ странъ, точно также какъ всюду имѣются женщины съ отсутствіемъ вторичныхъ половыхъ качествъ; существуетъ общее мнѣніе, что пропорція этихъ классовъ во Франціи болѣе благоприятная, чѣмъ во многихъ другихъ странахъ. Затѣмъ Сѣверная Америка обладаетъ повидимому большимъ количествомъ энергично-позитивныхъ характеровъ, Россія сонно-мечтательныхъ, Китай производитъ большое количество стадныхъ характеровъ, а Африка взрослыхъ дѣтей».

Эти трезвыя замѣчанія дадутъ намъ возможность критически отнестись къ выдуманнѣмъ формуламъ расоваго характера. Характеристика народовъ должна быть поставлена научно, и опираться на данныхъ антропологии исторіи и научной психологии—всѣ же «интуитивныя» характеристики, только болѣе или менѣе красивыя фразы и по необходимости ложны.

Дальнѣйшее различіе между нами и догматиками расоваго принципа надо видѣть въ томъ, что, подчеркивая расовой элементъ, который можно было-бы опредѣлить какъ статику соціальной жизни, они почти совершенно игнорируютъ измѣняющееся въ историческомъ развитіи, въ то время какъ мы въ расахъ видимъ только одинъ изъ факторовъ. Далѣе они не строго отличаютъ расы отъ національности и всѣ особенности расъ переносятъ на націю, въ то время, какъ мы не только не смѣшиваемъ національность съ расой, но, признавая эти понятія генетически зависимыми, считаемъ ихъ несравнимыми. Впрочемъ въ дальнѣйшемъ изложеніи различіе нашихъ точекъ зрѣнія проявится въ достаточной степени.

Выяснивъ существованіе и факторы расоваго характера, мы можемъ сдѣлать дальнѣйшій шагъ въ изложеніи проблемы національнаго характера.

Выше мы подчеркивали, что понятіе національности не должно смѣшиваться съ понятіемъ расы. Различіе этихъ понятій по содер-

критика г. Изгоева по нашему мнѣнію отчасти справедлива. Мы же вообще, а priori, осуждаемъ попытки «снимать фотографію съ народнаго духа» и давать *любкую* формулировку расоваго и національнаго характера.

жанію мы уже указали:—мы указали, что понятіе національности—культурно-психологическое, въ то время, какъ раса понятіе зоологическое. Но національности уже и въ этническомъ отношеніи отличаются отъ расы. Подъ расой надо понимать чистую породу—«не-чистая раса» это противорѣчіе въ самомъ себѣ, въ то время какъ нѣтъ ни одного народа, который не состоялъ-бы изъ смѣшенія нѣсколькихъ расъ, какъ нѣтъ ни одной расы, которая входила-бы составнымъ элементомъ въ одну только націю. Кромѣ различія по содержанию, націи отличаются отъ расъ, главнымъ образомъ тѣмъ, что нація смѣсь нѣсколькихъ расъ. Въ этомъ же обстоятельствѣ надо искать основу различія національностей между собою аналогично тому, какъ расовыя различія мы принуждены объяснять различной пропорціей смѣшенія основныхъ чертъ характера; мы должны національныя различія отнести къ расовымъ элементамъ, составляющимъ націю и къ пропорціи, въ которой эти элементы участвуютъ. Если есть національности, расовый составъ которыхъ приблизительно одинъ и тотъ же, то положительно невозможно найти двѣ національности, у которыхъ эти элементы были бы расположены въ одинаковой пропорціи. Съ этнической точки зрѣнія національности представляютъ собою смѣсь различныхъ расъ, въ различнѣйшихъ пропорціяхъ. Иными словами: нація это *своеобразный расовый конгломератъ*. Въ этомъ смыслѣ, а не въ зоологическомъ, нація условно можетъ быть названа расой ¹⁾. Это расовое значеніе національности даетъ намъ возможность опредѣлить наслѣдственное въ національномъ характерѣ. *Не можетъ подлежать сомнѣнію, что черты характера, которыя заимствованы черезъ смѣшеніе расъ, должны быть наслѣдственны*. Но такъ какъ національность не только расовая модификація, но и продуктъ историческаго развитія, слѣдствіе воздѣйствія сложныхъ факторовъ и силъ, то національный характеръ невозможно объяснить исключительно смѣшеніемъ расовыхъ особенностей. Наслѣдственность національнаго характера можетъ быть только тогда доказана, если признать, что черты національнаго характера, зависящія отъ другихъ факторовъ, тоже наслѣдственны.

Эти факторы: географическая среда, естественный и социальный подборъ, традиціи и исторія вообще.

О географической средѣ мы уже выше говорили. Ея вліянія мы не отрицаемъ, но считаемъ, что оно сравнительно не велико и

¹⁾ Lapouge называетъ такія группы этническими расами, въ отличіе отъ зоологическихъ.

постепенно становится все меньше и меньше. Чѣмъ больше чело-вѣкъ становится господиномъ природы, тѣмъ меньше онъ зависитъ отъ географической среды: даже имѣвшее въ исторіи народовъ го-раздо большее значеніе, географическое положеніе, становится менѣе значительнымъ съ тѣхъ поръ, какъ естественные пути сообщенія замѣнились искусственными. Повторяемъ, мы не можемъ приписы-вать климату и географической средѣ большого значенія, если же и допустить, что географическая среда и является однимъ изъ факто-ровъ, то ея влияніе не можетъ быть очень глубокимъ.

По крайней мѣрѣ намъ неизвѣстно, чтобы нація, подвергнувш-ись влиянію новаго климата, измѣнила-бы свой первоначальный характеръ. Очень характерное возраженіе на значеніе географической среды дѣлаютъ Лацарусъ и Штейнталь. Они пишутъ: «извѣстному возраженію Гегеля *«Rede man nichts von ionischen Himmel, denn jetzt wohnen da Türken, wo ehemals Griechen wohnten, damit Punktum und lass mich im Frieden»*, можно было-бы отвѣтить, да и было уже указано Группомъ, что характеръ турокъ сложился и окрѣпъ уже на другой почвѣ и поэтому могъ не поддаться влиянію новаго кли-мата... но Группъ и другіе пусть сообразятъ слѣдующее: какое огромное разнообразіе существуетъ между іонійцами даже въ эпоху расцвѣта; подъ тѣмъ же небомъ, гдѣ греческій духъ расцвѣлъ, онъ и отцвѣлъ и заглохъ; вообще, паденіе націи подъ тѣмъ же не-бомъ, гдѣ они расцвѣтали, доказываетъ, что ихъ развитіе не только отъ него одного зависитъ ¹⁾».

Если же мы все таки считаемъ географическую среду въ числѣ факторовъ національности, то это въ виду посредственного значенія ея. Географическая среда влияетъ черезъ естественный подборъ, одной изъ причинъ котораго она является. Ея влияніе поэтому не можетъ не быть наслѣдственнымъ.

Значеніе естественнаго подбора на созданіе національности многими совершенно отрицается. Между тѣмъ несомнѣнно, что естественный подборъ постоянно и неизмѣнно продолжаетъ свое дѣйствіе. Разница только та, что естественный подборъ проявляется теперь главнымъ образомъ въ формѣ общественнаго подбора. Не имѣя возможности входить въ разборъ того, что надо отнести къ влиянію естественнаго, что къ влиянію соціального подбора, мы укажемъ на главныя стороны подбора у людей: международныя и междоусобныя войны, инквизиція, казни, ссылка и проч.; celibатъ, монашество, колонизація и эмиграція, развитіе городовъ и индустріи; національный и политическій гнетъ и проч. и проч.

Что эти факторы должны оказывать наслѣдственное влияніе

вытекает непосредственно изъ ихъ сущности. Что послѣдствія войнъ инквизиціи ¹⁾ и монашества, также какъ усиленное размноженіе низшихъ классовъ въ связи съ развитіемъ городовъ и индустріи, не можетъ не отразиться на всей послѣдующей жизни народовъ, не требуетъ, намъ кажется, доказательствъ.

Народъ, пережившій большое количество кровопролитныхъ войнъ, эпидемій, долгое время находившійся подъ давленіемъ политическаго или національнаго гнета, долженъ во всѣхъ отношеніяхъ отличаться отъ народа, продѣлавшаго мирное развитіе. Приведемъ примѣры вліянія естественнаго и соціального подбора: «Американцы, говоритъ Штейнмецъ ¹⁾, представляютъ изъ себя примѣръ образованія новаго наследственнаго народнаго характера, благодаря особой комбинаціи специфическихъ и даже сходственныхъ элементовъ различныхъ народовъ Европы, главнымъ образомъ арійской расы. *Кто туда эмигрируетъ, долженъ вѣдь быть энергичнѣе, подвижнѣе и больше стремиться къ благосостоянію, чѣмъ тотъ, кто остается дома. И въ Америкѣ имѣютъ въ свою очередь больше шансовъ добиться благосостоянія и оставить жизнеспособное поколѣніе опять таки выносливыя, изобрѣтательныя и предприимчивыя индивидуумы* (курс. мой). Другой примѣръ мы беремъ у профессора Ссек'а въ его замѣчательномъ трудѣ. «О паденіи античнаго міра». Причину паденія античнаго міра онъ видитъ въ порчѣ расы вслѣдствіи уничтоженія лучшихъ элементовъ, благодаря партійной враждѣ, гражданскимъ войнамъ, преслѣдованіемъ христіанъ, аскетизму и проч. Попутно онъ дѣлаетъ одно замѣчаніе, которое мы считаемъ особенно интереснымъ. Вѣдь евреи, испанцы и другіе народы подвергались такому же, а можетъ быть еще большому истребленію, и не смотря на это они выдвинули большое количество талантовъ и не только не проявляютъ культурнаго застоя, но даже скорѣе прогрессируютъ. На это проф. Ссекъ даетъ слѣдующій отвѣтъ: Въ Римѣ и Греціи истребленію подвергались лучшіе, въ то время какъ у другихъ народовъ преслѣдованія были массовыя и истреблялись всѣ безъ разбору. *Это именно и дало возможность лучшимъ и сильнѣйшимъ избѣжать истребленія, въ то время когда слабыя погибали.*

Правильна ли эта теорія гибели античнаго міра или нѣтъ, этому замѣчанію нельзя отказать въ справедливости.

¹⁾ Тамъ же стр. 12.

²⁾ За 400 лѣтъ испанская инквизиція сожгла живьемъ 31912 человекъ и присудила къ высшимъ наказаніямъ 341000.

³⁾ Тамъ же: стр. 118.

Мы не станемъ приводить дальнѣйшихъ примѣровъ. Намъ кажется, что указанные примѣры въ достаточной степени иллюстрируютъ значеніе и вліяніе естественнаго и социальнаго подбора. Что это вліяніе должно быть наслѣдственнымъ, намъ кажется очевиднымъ.

Въ равной мѣрѣ надо считать традиціи и исторію вообще факторами создающими наслѣдственныя цѣнности. Подъ традиціями мы понимаемъ совокупность всѣхъ моральныхъ, правовыхъ и религіозныхъ представленій, которыя созданы народомъ въ его исторической жизни. Это можно сказать квинтъ-эссенція національной исторіи и ихъ также невозможно преодолѣть, какъ невозможно отказаться отъ своей исторіи.

«Традиціи какого нибудь народа, говоритъ Eleutheropulos ¹⁾ содержать въ себѣ своеобразный духъ, который вліяетъ на развитіе націи, охраняетъ ее часто даже при ея полномъ разложеніи и уничтоженіи и въ состояніи даже ее снова оживить». Въ томъ, что традиціи не могутъ не оказывать постояннаго вліянія на жизнь націи не сомнѣвался даже Марксъ; мало того онъ допускалъ ихъ вліяніе даже въ творческіе, революціонные періоды человѣческой исторіи. Въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи: «Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта» онъ пишетъ: «Люди дѣлаютъ свою собственную исторію, но они дѣлаютъ ее не самопроизвольно — имъ приходится дѣйствовать не при обстоятельствахъ, выбранныхъ ими самими, а независимо отъ ихъ выбора, непосредственно ихъ окружающихъ и унаслѣдованныхъ. *Преданія вѣсхъ мертвыхъ поколѣній тяготѣютъ кошмаромъ на умахъ живыхъ* ²⁾. (курс. мой) И пусть мнѣ не говорить, что «Восемнадцатое Брюмера» — жестокая сатира на исторію государственнаго переворота. Безразлично какъ Марксъ относился къ тому, что «надъ людьми тяготѣютъ историческія преданія», онъ считалъ это фактомъ и этого достаточно для насъ. Мы тоже не думаемъ, что всѣ традиціи какого нибудь народа здоровы и полезны, но считаемъ ихъ реальными величинами, которыя невозможно обойти. Замѣтимъ только, что важнѣйшія и обыкновенно наиболѣе глубокія традиціи связаны со свободой и независимостью народа, такъ какъ свобода и независимость народа основныя и важнѣйшія условія національнаго существованія. Вотъ почему національное возрожденіе не свободныхъ народовъ обыкновенно начинается съ возрожденія національныхъ традицій независимости и свободы. Обращеніе къ

¹⁾ Цитированное соч. стр. 91.

²⁾ Стр. 8, русскаго перевода.

прошлому мы поэтому считаемъ вполне естественнымъ и важнейшимъ актомъ возрождающейся національности и если въ прошломъ угнетенный народъ найдетъ достаточно сильныя освободительныя традиціи, мы убѣждены, она найдетъ силы эти традиціи воплотить въ жизнь.

Намъ поэтому очень понятно, почему «Лютеръ переодѣвался Павломъ, революція 1789—1814 годовъ драпировалась поочередно въ костюмъ римской республики и въ костюмъ римской имперіи, а революція 1848 года не нашла ничего лучше, какъ пародировать то 1789 годъ, то революціонныя преданія 1793—95 годовъ» ¹⁾. Мы убѣждены, что не будь Павла не могло бы быть Лютера, не было бы 93 года, не могло бы быть и 48-го. Пробуждающіяся воспоминанія о великомъ прошломъ должны толкать на новыя событія; также какъ великія событія должны вызывать ассоціаціи съ великимъ прошлымъ ²⁾.

Цви Авраами.

¹⁾ „Восемнадцатое Брюмера“ стр. 9.

²⁾ Вопросъ о вліяніи національнаго характера на ходъ исторической жизни народовъ, мы разберемъ въ ближайшей статьѣ, послѣ того какъ изложимъ генезисъ національной идеи и современныхъ національныхъ движеній.

Еврейская колонизація въ Сѣверной Сиріи на почвѣ хлопчато-бумажной культуры въ районѣ Багдадской желѣзной дороги.

(Перев. съ нѣмецкаго ¹⁾).

Однимъ изъ наиболѣе серьезныхъ и вѣскихъ возраженій противъ возможности осуществленія сіонистской идеи обыкновенно является то соображеніе, что Палестина недостаточно велика и плодородна, чтобы прокормить въ своихъ предѣлахъ значительную часть евреевъ, которые въ настоящее время живутъ въ разсѣяніи въ различныхъ странахъ. Такъ, напр., это положеніе настойчиво защищаль извѣстный еврейскій публицистъ Ахадъ-Гаамъ; но еще дальше въ этомъ отношеніи пошелъ извѣстный нѣмецкій писатель Людвигъ Фульда, который, какъ сообщаютъ газеты, по возвращеніи изъ своего непродолжительнаго путешествія по Палестинѣ, сказалъ интервьюеру слѣдующее: «За исключеніемъ Иорданской долины, вся Палестина представляетъ собою песчаную пустыню. По моему мнѣнію эта страна не можетъ стать снова благоустроенной. На ея каменистой почвѣ невозможно вести земледѣлія—такъ чѣмъ же жители будутъ здѣсь кормиться? Поэтому я не вѣрю въ осуществленіе сіонистской идеи, которая стремится снова создать въ Палестинѣ родину для евреевъ». Если корреспондентъ дѣйствительно точно передалъ мнѣніе знаменитаго литератора, то это только доказываетъ, что не всегда талантливый писатель бываетъ въ то же время и хорошимъ географомъ или специалистомъ въ экономическихъ вопросахъ. Автору стоитъ только указать на свою статью «Палестина, какъ колонизаціонный пунктъ» (Altneuland 1904, кн. 1), чтобы обнаружить ошибочность мнѣнія Фульда. Тамъ доказывается, что даже безъ особеннаго развитія промышленности Палестина можетъ по всѣмъ вѣроятіямъ прокормить до 3-хъ милліоновъ жителей, т.-е. на 2 милліона болѣе

¹⁾ Altneuland 1904 г. кн. 7—9.

чѣмъ теперь; но возможно, гораздо большее населеніе, если образуются большіе промышленные центры; а послѣднее вполнѣ вѣроятно, если принять въ расчетъ центральное положеніе страны, имѣющіеся водные бассейны, горючій матеріалъ (асфальтъ, нефть), минеральныя богатства и разнообразныя сырыя матеріалы (напр. шерсть и хлопчатую бумагу). Кормить же Бельгія, не превосходящая Палестину пространствомъ, 7 милліоновъ жителей благодаря своей сильно развитой промышленности.

Но на такое развитіе промышленности въ Палестинѣ въ ближайшее время нельзя, конечно, надѣяться. Поэтому въ виду тяжелаго положенія евреевъ Восточной Европы необходимо ввести въ кругъ нашей дѣятельности наряду съ сіонистскимъ идеаломъ также различныя попытки цѣлесообразнаго разрѣшенія вопроса еврейской эмиграціи.

Въ Соединенныхъ Штатахъ съ цѣлью затруднить доступъ безостановочному потоку иммигрантовъ зарождается движеніе, которое грозитъ стать въ очень недалекомъ будущемъ серьезнымъ затрудненіемъ, а можетъ быть и совсѣмъ почти непреодолимымъ препятствіемъ для иммиграціи; Канада же и Аргентина еще въ теченіе десятилѣтій будутъ въ состояніи принимать массы иммигрантовъ, но далеко не въ такомъ большомъ количествѣ, какъ Соединенные Штаты. Восточно-Африканскій проэктъ нельзя считать исполнимымъ раньше изслѣдованія страны; но даже въ лучшемъ случаѣ должны пройти десятки лѣтъ, прежде чѣмъ страна будетъ подготовлена для сколько-нибудь заслуживающей вниманія колонизаціи. Поэтому едва-ли слѣдуетъ принимать въ расчетъ этотъ проэктъ въ вопросѣ о реальной работѣ для улучшенія тяжелаго положенія массы въ настоящій моментъ.

Между тѣмъ возможна такая массовая колонизація, выполняемая въ сравнительно короткое время, которая не вызоветъ никакихъ возраженій съ сіонистской точки зрѣнія, и въ то же время легко осуществима; рѣчь идетъ о *еврейской колонизаціи въ Сѣверной Сиріи на почвѣ хлопчатобумажной культуры въ районѣ Багдадской желѣзной дороги.*

Эта идея выгодно отличается отъ другихъ ей подобныхъ благодаря тому обстоятельству, что осуществленіемъ ея будетъ значительно ускорено разрѣшеніе трехъ другихъ вопросовъ величайшей экономической важности.

Эти три вопроса, которые мы подробнѣе рассмотримъ каждый въ отдѣльности, слѣдующіе:

1. Вопросъ объ экономическомъ усиленіи Турціи.
2. Вопросъ о доходности Багдадской желѣзной дороги.

3. Хлопчатобумажный вопросъ въ западно-европейскихъ промышленныхъ государствахъ.

1) *Вопросъ объ экономическомъ усиленіи Турціи.*

Послѣдовательныя потери значительныхъ частей Европейской Турціи и все увеличивающіяся трудности удержать за собою оставшуюся часть заставляютъ Турцію обращать все болѣе и болѣе вниманія на свои азіатскія владѣнія. Малая Азія главнымъ образомъ есть и будетъ оплотомъ турецкаго владычества; поэтому естественной и цѣлесообразной политикой со стороны турецкаго правительства является стремленіе заселить необработанныя долины Анатолиі магометанами, эмигрирующими въ большомъ количествѣ изъ европейскихъ областей; оно даже по временамъ беретъ на себя трудъ побудить черезъ особыхъ агентовъ къ выселенію магометанъ областей, которыя попали во власть христіанъ, какъ напр. магометанъ Румыніи, Сербіи, Болгаріи, Крита, а также и крымскихъ татаръ. Этимъ способомъ Турціи уже удалось переселить сотни тысячъ такъ называемыхъ мугадшировъ, т. е. бѣлецовъ, и если вы гдѣ-нибудь въ средней Анатолиі встрѣтите цвѣтушія деревни съ усовершенствованными способами земледѣлія, то можете быть увѣрены, что это новыя поселенія мугадшировъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта мирная эмиграція магометанъ обратно въ Азію будетъ расти; однако нѣкоторые признаки указываютъ, что эмиграція изъ странъ, попавшихъ въ руки христіанъ, теперь въ сравненіи съ прежними годами какъ будто бы ослабѣла. Причина этого лежитъ въ томъ, что, во первыхъ, матеріальные расчеты многихъ новыхъ поселенцевъ при переселеніи не оправдываются; разница же между Турціей и другими государствами въ культурномъ отношеніи, какъ напр. въ отношеніи постановки судопроизводства, податной системы и т. п. настолько велика, что ее не можетъ вознаградить преимущество чисто этического характера, заключающееся въ возможности жить среди своихъ единовѣрцевъ. Во вторыхъ, оказываетъ вліяніе также и то обстоятельство, что наиболѣе безпокойные и недовольные элементы уже эмигрировали, а оставшіеся уже болѣе или менѣе привыкли къ новымъ условіямъ; въ результатъ лучшія изъ легко доступныхъ областей Анатолиі уже заселены, а все увеличивающаяся финансовая нужда Турціи привела къ тому, что матеріальная поддержка новыхъ поселенцевъ со стороны турецкаго правительства становится все ничтожнѣе.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что Анатолія—страна пло-

щадь въ 515.000 килом., т. е. почти столь же обширная какъ Германия, и въ среднемъ не менѣе ея плодородная, имѣеть всего 8,4 милліона жителей, т.-е. 16 жителей на 1 квадр. килом. (противъ 106 въ Гермаіи). Если использовать естественныя богатства, заложеныя въ ея землѣ, то она можетъ прокормить въ шесть разъ большее населеніе, т.-е. еще 45 милліоновъ; ясно, что и въ будущемъ Турція можетъ весьма удобно помѣстить переселенцевъ-магометанъ въ Малой Азіи, если она соотвѣтственно улучшить средства сообщенія и введеть безусловно необходимыя внутреннія реформы. Будеть-ли Турція въ состояніи это сдѣлать, еще вопросъ; а если она не окажется въ состояніи, то съ упроченіемъ положенія дѣль въ христіанскихъ государствахъ на Балканахъ эмиграція магометанъ-мугадшировъ должна будетъ раньше или позже сама собою прерваться.

Вопросъ только въ томъ: какимъ элементомъ можетъ Турція заселить свои остальные Азіатскія владѣнія? Уже Анатолія относительно бѣдна населеніемъ, но южныя провинціи, т. е. Сирія, Мессопотамія и Аравія совершенно необитаемы. Исключеніемъ являются только прибрежныя провинціи южной Сиріи, именно Бейрутскій вилайетъ съ 33 жителями на квадр. килом., Іерусалимскій мутесарифликъ (генераль-губернаторство) съ 20 жителями на квадр. килом. и въ особенности небольшой, состоящій подъ покровительствомъ державъ, мутесарифликъ Ливанскій съ 57 жителями на квадр. килом.; послѣдній является самой населенной областью Азіатской Турціи. Въ Сирійскомъ вилайетѣ, напротивъ, плотность населенія достигаетъ только 8 человѣкъ на квадр. килом., въ вилайетѣ Сѣверной Сиріи—Алеппо, несмотря на благопріятныя климатическія условія, только 11, а еще болѣе незначительна плотность населенія въ Аравіи и Мессопотаміи. Между тѣмъ какъ Аравія, какъ область, только номинально находящаяся подъ властью Турціи, мало насъ интересуетъ съ точки зрѣнія колонизаціи, Мессопотамія, напротивъ, съ этой именно точки зрѣнія имѣеть для насъ во всѣхъ отношеніяхъ важное значеніе: это значеніе вытекаетъ изъ плодородія страны и ея исключительной политической важности какъ господствующаго пункта на ближайшей дорогѣ въ Индію. Эта страна состоитъ изъ слѣдующихъ вилайетовъ:

	КИЛОМ.	ЖИТЕЛ.	ЖИТ. НА 1 КВ. КИЛ.
Моссуль	91.000	351.200	11
Багдадъ	111.300	614.000	5
Басра	138.800	433.000	3
Итого	341.100	1398.200	4

Такимъ образомъ страна, равная по пространству Пруссіи и превосходящая въ этомъ отношеніи Великобританію, имѣетъ населеніе самой маленькой прусской провинціи.—Шлезвигъ-Голштиніи.

Много писали о томъ, какое значеніе можетъ получить это междурѣчье, бывшее нѣкогда колыбелью древнѣйшей исторіи чело-вѣчества, средоточіемъ вавилонской и ассирійской культуръ, резиденціей Сассанидовъ и багдадскихъ калифовъ, — если только воз-становить ея засыпанные каналы. Годная для обработки земля, прибрѣтенная однимъ только этимъ способомъ, занимаетъ 20—40,000 килом.: къ ней нужно еще прибавить лежащія по верх-нему теченію рѣки земли, которыя также легко могутъ быть сдѣ-ланы пригодными, если примѣнить современные техническіе спо-собы орошенія. Въ эпоху Сассанидовъ, населеніе этой области до-ходило до 8—10 миллионovъ. Въ сомнѣніи, что при развитіи всѣхъ возможныхъ отраслей промышленности эта огромная область могла бы въ будущемъ прокормить гораздо большее населеніе. Живетъ же въ настоящее время въ Пруссіи, которая не больше и по край-ней мѣрѣ не плодороднѣ Месопотаміи, 34 миллионa челоvѣкъ! Во-просъ только въ томъ, откуда Турціи достать такую массу людей. При заселеніи магометанъ европейской Турціи эта область изъ-за кли-матическихъ причинъ не можетъ быть принята въ расчетъ: жители горныхъ Балканскихъ государствъ не были бы въ состояніи пере-носить страшныя лѣтнія жары этой области; точно также и татары, привыкшіе къ степному климату южной Россіи, не бyдутъ себя хо-рошо чувствовать въ этой жаркой области. Наболѣе подходящими для этой цѣли были бы жители Средней Сирии, но они слишкомъ малочисленны, чтобы имѣть значеніе при этой колонизаціи. И все таки колонизаціа, хотя бы и медленная, безусловно необходима, чтобы проэктирующаяся Багдадская желѣзная дорога была доходна.

То же приложимо и къ Сѣверной Сирии, такъ какъ желѣзная дорога должна прорѣзать въ ширину вилайетъ Алеппо; въ немъ на 86.600 килом. живетъ всего 995.000 чел. т. е. столько, сколько въ Великомъ Герцогствѣ Гессенскомъ, хотя этотъ вилайетъ прево-сходить пространствомъ Гессенъ и Баварію вмѣстѣ.

Но если бы даже имѣлся матеріалъ, то и тогда колонизаціа была бы неосуществима безъ устройства лучшихъ средствъ сообще-нія. При отсутствіи желѣзной дороги эти страны осуждены оста-ваться въ прежнемъ заустѣннн, составляя для турецкаго прави-тельства скорѣе тяжелое бремя, нежели выгоду. Какимъ образомъ можетъ земледѣліе при настоящихъ цѣнахъ на хлѣбъ до-ходить, когда приходится перевозить хлѣбъ на разстояніи сотенъ ки-

лометровъ на спинахъ ословъ и верблюдовъ. Кроме того, вслѣдствіе отсутствія средствъ сообщенія турецкое правительство совершенно не въ состояніи защищать селенія и мѣстечки этой нѣкогда цвѣтущей области отъ нападений горныхъ курдовъ и бедуиновъ, производящихъ хищническіе набѣги изъ своей пустыни. Д-ръ Рорбахъ, объѣхавшій эти края, пишетъ по этому поводу въ своей статьѣ «Багдадская желѣзная дорога» слѣдующее: «Если бы крестьянинъ осмѣлился сдѣлать попытку поселиться въ разстояніи примѣрно получаса отъ городка Нзебина (Nsebin), занятаго въ настоящее время, наибольшимъ гарнизономъ. то онъ, при первомъ удобномъ случаѣ, подвергся бы нападенію бедуиновъ, былъ бы взятъ въ плѣнъ и увезенъ, чтобы заставить дать выкупъ; а если не это, то они во всякомъ случаѣ безъ долгихъ околичностей взяли бы себѣ его хлѣбъ, прежде чѣмъ онъ успѣлъ его сжать». Еще хуже поступаютъ шайки курдовъ, въ особенности съ тѣхъ поръ какъ они организованы турецкимъ правительствомъ въ иррегулярную милицію гамидіе и отданы подъ начальство курдскаго паши; оба генерала этой милиціи, Ибрагимъ-паша въ округѣ Урфѣ и Мустафа-паша на Тигрѣ живутъ главнымъ образомъ разбоемъ и грабежомъ и сотни разрушенныхъ и разграбленныхъ деревень указываютъ на мѣста ихъ владычества. При случаѣ доходитъ даже до войнъ между ними и наиболѣе сильными арабскими колѣнами. Исключительно этому печальному положенію вещей, напоминающему о самыхъ худшихъ временахъ тридцатилѣтней войны слѣдуетъ приписать то, что эта плодородная страна представляетъ такую ужасную пустыню. То, что турецкое правительство при настоящихъ скудныхъ средствахъ сообщенія не сильно взираетъ на эти ужасы, является слѣдствіемъ отдаленности этой области; вѣдь во время русско-турецкой войны дивизія, находившейся въ Моссулѣ на Тигрѣ, понадобилось не менѣе семи мѣсяцевъ, чтобы прибыть на театръ военныхъ дѣйствій.

Съ постройкой желѣзной дороги обстоятельства скоро измѣнятся, подобно тому какъ въ Анатоліи со времени окончанія дороги самъ-собою возстановился порядокъ. Такимъ образомъ, эта желѣзная дорога имѣетъ для турецкаго правительства важное значеніе уже по тому одному, что при ея посредствѣ возможно остановить дальнѣйшее уменьшеніе населенія Сѣверной Сиріи и Мессопотаміи.

Если всѣ эти соображенія во вліятельныхъ константинопольскихъ кругахъ особеннаго впечатлѣніе не производятъ, то зато военное значеніе дороги способно побудить къ дѣятельной работѣ даже обыкновенно столь флегматичное турецкое правительство. Для турецкаго правительства, какъ объ этомъ уже писалъ д-ръ Рорбахъ, въ

случаѣ войны съ Россіей въ высшей степени важно имѣть какъ можно скорѣе въ своемъ распоряженіи превосходные полки Сѣверной Сири и Мессопотаміи. Безъ анатолійской желѣзной дороги греко-турецкая война была бы не такъ скоро и счастливо окончена; даже при подавленіи македонскаго возстанія проявилась вся важность быстрой транспортировки войскъ центральной Анатолиі. Но чтобы встрѣтить нападеніе Россіи, недостаточны военныя силы Анатолиі; въ данномъ случаѣ концентрація всѣхъ войскъ становится вопросомъ рѣшающаго значенія. Поэтому, въ кругахъ, близкихъ къ султану, Багдадская желѣзная дорога,—тема уже давно и подробно обсуждаемая. Окончаніе желѣзнодорожной линіи отъ Константинополя до Багдада, по выраженію лучшаго знатока Турціи генерала Ф. фонъ-деръ-Гольца одинъ изъ задушевнѣйшихъ плановъ султана Абдуль-Гамида II; онъ усматриваетъ въ этомъ отчасти задачу своей жизни и преслѣдуетъ эту цѣль съ присущей ему настойчивостью.

2) Вопросъ о доходности Багдадской желѣзной дороги.

Какъ извѣстно, одна десятая часть Багдадской желѣзной дороги, которая должна пройти отъ Коніи въ Анатолійскомъ Гохландѣ до Персидскаго залива на протяженіи 2100 килом. уже начата; мы подразумѣваемъ линію Коніи—Эрегли въ Анатолійскомъ Гохландѣ длиною въ 200 килом.; линія эта должна быть окончена еще въ текущемъ году.

Расходы по постройкѣ всей желѣзнодорожной линіи вмѣстѣ съ небольшою вѣткой рассчитаны въ 600 милліоновъ франковъ (480 милліоновъ марокъ); послѣ продолжительныхъ переговоровъ пришли къ соглашенію, по которому Германскій Банкъ беретъ на себя 50% этой суммы, одна французская финансовая группа 30%, остальные же 20% должны быть уступлены австрійскимъ, швейцарскимъ, итальянскимъ и турецкимъ финансистамъ. При средней скорости проѣзда въ 50 килом. въ часъ, включая сюда остановки, потребуется для проѣзда по линіи Гайдаръ-Паша отъ Константинополя до Персидскаго залива 60 часовъ; для проѣзда же за Сѣверную Сирию, напр. въ Алеппо не потребуется и половины этого времени. Со Средиземнымъ моремъ главная линія будетъ соединена при посредствѣ небольшою вѣтки изъ Гамидіа въ Киликии до Кастобула на заливѣ Искендерунъ. Такимъ образомъ въ Сѣверной Сириіи будетъ находиться непосредственный доступъ къ морю.

Единственное же серьезное препятствіе заключается въ вопросѣ о финансовыхъ гарантіяхъ. Такъ какъ въ виду скуднаго населенія

въ ближайшемъ будущемъ на доходъ рассчитывать нельзя, то финансовыя учрежденія требуютъ, чтобы турецкое правительство гарантировало довольно значительную выручку съ километра. За часть дороги, которую начали строить до сихъ поръ, потребовали гарантію въ 15600 франковъ годового валового дохода; такимъ образомъ при 2000 килом. это составитъ сумму болѣе 30 миллионѣвъ франковъ ежегодно, а такую сумму эта бѣдная страна, всѣ наиболѣе доходные источники которой отданы въ залогъ для обезпеченія государственнаго долга, доставлять не можетъ. Уже при постройкѣ короткой линіи Конія—Эрегли пришлось съ этой цѣлью заложить доходы большинства лучшихъ другихъ желѣзныхъ дорогъ еще до сихъ поръ въ этомъ отношеніи неиспользованныхъ провинцій. Если для послѣдующей части желѣзной дороги, которая протянется черезъ Тавръ и окончится у Аданы въ Киликіи, можно еще будетъ сыскать гарантію, то для остальныхъ $\frac{1}{2}$ дороги трудно придумать новые сборы, которые можно было-бы отдать въ залогъ. Проектирующемуся повышенію пошливъ на заграничные товары пока еще противятся нѣкоторые изъ государствъ, принимающихъ большое участіе въ импортѣ. По этой причинѣ въ общемъ относятся скептически къ вопросу объ осуществленіи этого желѣзнодорожнаго проэкта.

Съ одной стороны ясно, что дорога можетъ начать приносить доходъ въ очень скоромъ времени, если немедленно заселить окрестности дороги работоспособными колонистами; съ другой стороны, какъ раньше указано, несомнѣнно также и то, что туземнаго населенія малообитаемыхъ областей, прорѣзываемыхъ желѣзной дорогой, для этого не хватитъ, а магометанъ-мугадшировъ также не имѣется въ нашемъ распоряженіи въ достаточномъ количествѣ. Противъ поселенія христіанскихъ эмигрантовъ Турція безъ сомнѣнія энергично выступитъ: достаточно тяжелымъ бременемъ служить ей ея болгарскіе и армянскіе подданные христіане, да жителей южно- и среднеевропейскихъ государствъ невозможно побудить стать турецкими подданными; а при отсутствіи подобныхъ условій, никоимъ образомъ невозможно добиться отъ турецкаго правительства позволенія тамъ поселиться.

Иначе дѣло обстоитъ съ евреями Восточной Европы, живущими въ Россіи и Румыніи. Отношеніе турецкаго правительства къ еврейскимъ колонистамъ благосклонное, на что указываютъ основанныя нѣсколько лѣтъ тому назадъ колоніи въ Анатолиіи и что было словесно подтверждено со стороны вліятельныхъ турецкихъ сферъ. Кромѣ того, евреи, которые въ Румыніи по закону считаются чужеземцами, а въ Россіи живутъ подъ тяжелыми ограничительными

законами, только выигрываютъ, переходя въ турецкое подданство, такъ какъ турецкое правительство не дѣлаетъ различія въ своихъ отношеніяхъ къ различнымъ народностямъ и религіознымъ группамъ, какъ это водится въ Россіи и Румыніи. Месопотамія не можетъ быть принята въ расчетъ при еврейской колонизаціи, такъ какъ евреи не сумѣютъ привыкнуть въ первомъ жѣ поколѣніи къ господствующимъ тамъ ужаснымъ жарамъ. Пожалуй, что и здѣсь акклиматизація евреевъ пошла бы довольно быстро, такъ какъ они, будучи первоначально народомъ самой теплой части Средиземноморского бассейна, прекрасно сохранили способность принаровляться къ теплымъ мѣстностямъ. Доказательствомъ служитъ то, что они удержались въ чисто тропическомъ Суринамѣ, какъ единственные остатки колонистовъ бѣлой расы; точно также они оказались въ состояніи жить въ эпоху испанскаго владычества въ бразильской провинціи Байѣ, пока не были изгнаны оттуда. Сѣверная Сирія имѣетъ еще то преимущество, что она не теплѣ Палестины, гдѣ еврей-иммигранты даже изъ Средней Россіи обыкновенно прекрасно себя чувствуютъ. Эта страна имѣетъ также привлекательность съ точки зрѣнія историческихъ преданій, такъ какъ здѣсь родился Авраамъ и отсюда онъ двинулся въ Ханаанъ.

Очевидно, что эта колонизація можетъ быть ведена только на земледѣльческомъ базисѣ. Что евреи способны въ земледѣлію доказываютъ недавно основанныя еврейскія колоніи въ Америкѣ и еврейскія селенія въ Россіи, Палестинѣ и Анатоліи. Наилучшимъ образомъ доказываютъ эти основанныя въ послѣдніе годы колоніи, въ которыхъ удалось избѣгнуть прежнихъ ошибокъ. Въ общемъ, какъ показываетъ опытъ, хорошихъ результатовъ достигали въ томъ случаѣ, если иммигрантовъ сначала употребляли какъ работниковъ, затѣмъ черезъ нѣсколько лѣтъ лучшихъ изъ нихъ дѣлали арендаторами и только значительно позже дѣлали ихъ самостоятельными земледѣльцами.

Главнымъ препятствіемъ къ массовой колонизаціи евреевъ В-Европы являются, конечно, огромные расходы. Если даже не принимать за масштабъ Палестину, гдѣ нѣмецкіе тамплеры оцѣниваютъ колонизацію одного семейства въ 9.600 марокъ съ землей и 6.400 марокъ безъ земли, то все-таки по моимъ изслѣдованіямъ еврейской колонизаціи въ Анатоліи необходимо по меньшей мѣрѣ отъ 2.500 до 3.000 марокъ, кромѣ земли для поселенія одного семейства; меньшими средствами нельзя обойтись также въ Сѣверной Сиріи. Согласно этому расчету для поселенія 10.000 семействъ, состоящихъ изъ 50.000 душъ, понадобится 25—30 милліоновъ ма-

рокъ, если землю даромъ получить отъ турецкаго правительства. Кромѣ того, при земледѣліи можетъ пройти безнадежно много лѣтъ, пока удастся получить обратно затраченныя деньги. Гдѣ же достать такую сумму денегъ для колониста, да еще въ странѣ съ тяжелыми и ненадежными внутренними порядками? Всѣ изслѣдованія приводятъ къ тому, что колонизація бываетъ предпріятіемъ прибыльнымъ только въ томъ случаѣ, если сопровождается земельными спекуляціями; отъ послѣднихъ же приходится отказаться при колонизаціи турецкихъ правительственныхъ земель. Ясно, что ищущій благоприятныхъ условій и имѣющій въ виду только прибыль частный капиталъ невозможно привлечь къ такого рода колонизаціи. Точно также мало надежды на вѣчно нуждающееся и больное турецкое правительство, если бы даже удалось получить у него въ свое распоряженіе невоздѣланную землю для колонизаціи.

Такимъ образомъ, намъ остаются еврейскія колонизаціонныя общества, а такъ какъ Хойвевей-Ціонскія общества при колонизаціи Сѣв. Сиріи едва-ли могутъ быть приняты въ расчетъ, то намъ приходится или обратиться къ Еврейскому Колонизаціонному Обществу (I. C. A.) или основать для этой цѣли новое общество.

Хотя основаніе новаго еврейскаго колонизаціоннаго общества вообще кажется дѣломъ довольно безнадежнымъ, однако оказывается, что въ данномъ случаѣ колонизація будетъ предпріятіемъ если и не очень выгоднымъ, то во всякомъ случаѣ доходнымъ, если только турецкое правительство поддержитъ ее предоставленіемъ земли и нѣкоторыми другими концессіями. Доходность этого предпріятія основывается на существующихъ въ настоящее время высокихъ цѣнахъ на хлопокъ, которыя вѣроятно еще долго продержатся на этой высотѣ; это обстоятельство является слѣдствіемъ того, что за послѣдніе годы хлопчатобумажное производство сильно отстало въ своемъ развитіи отъ потребленія. Разсмотримъ этотъ вопросъ подробнѣе.

3) *Хлопчатобумажный вопросъ въ европейскихъ промышленныхъ странахъ.*

Всѣмъ извѣстно, что въ послѣдніе годы въ хлопчатобумажной промышленности произошелъ кризисъ; быстрыя повышенія цѣнъ на хлопокъ, колоссальныя выигрыши однихъ и такія же потери другихъ были слѣдствіемъ этого неустойчиваго положенія хлопчатобумажной промышленности. Наиболѣе видные представители торговли и промышленности старались возстановить нормальное положеніе вещей усиленіемъ хлопчатобумажнаго производства или сокра-

щеніемъ потребленія. Въ общемъ хлопчатобумажное производство съ теченіемъ времени, конечно, развивалось и составляло въ среднемъ въ годъ:

1879—1883	6.680.000 тюковъ (Ballen)
1884—1888	9.600.000 »
1889—1893	11.540.000 »
1894—1898	13.360.000 »
1899—1903	15.680,000 »

всего, слѣд., въ настоящее время производится 19 милліоновъ тюковъ (Ballen), а именно:

10,63 милліона	въ Соединенныхъ Штатахъ
2,69 »	» Остѣ-Индіи
1,16 »	» Египтѣ
0,35 »	» Русскомъ Туркестанѣ
0,35 »	» Бразиліи
0,12 »	» Мексикѣ
0,12 »	» Японіи
0,08 »	» Персіи
0,01 »	» Перу.

Но потребленіе хлопчатой бумаги росло значительно быстрѣе, и хуже всего то, что хлопчатобумажное производство страны, занимавшей первое мѣсто въ этомъ отношеніи, именно Соединенныхъ Штатовъ, съ 1895 года перестало расти.

Несмотря на это сами Соединенные Штаты въ отношеніи хлопчатобумажнаго производства находятся въ самомъ благопріятномъ положеніи, такъ какъ тамъ все еще производство въ 2¹/₂ раза превышаетъ потребленіе вопреки быстро растущей хлопчатобумажной фабричной промышленности. Мѣстная промышленность потребляла въ 1860 году только 20%, въ 1890 г. 30%, а въ 1901 г. уже 40% мѣстнаго хлопка; число веретенъ съ 16,1 милліона въ 1895 году повысилось до 22 милліоновъ въ 1903 году, между тѣмъ какъ уро-хлопка тамъ понизился, съ 11,2 милліона тюковъ (Ballen) въ 1897—98 г. до 10,7 милліона въ 1902—03 году.

При такомъ широкомъ размѣрѣ хлопчатобумажнаго производства въ Америкѣ производство другихъ вышеупомянутыхъ странъ едва ли можетъ играть значительную роль. Египетъ снабжаетъ своимъ милліономъ тюковъ весь міръ и въ особенности Англию матеріаломъ для наилучшихъ издѣлій, а изъ 3-хъ милліоновъ тюковъ хлопка, производимаго въ Остѣ-Индіи, около 80% въ настоящее время

обрабатывается на мѣстѣ, такъ какъ Индія имѣетъ болѣе 201 хлопчатобумажныхъ фабрикъ съ числомъ веретенъ въ 5,2 милліона.

Такимъ образомъ Европѣ въ будущемъ угрожаетъ опасность отсутствія достаточнаго количества хлопка, необходимаго для ея обрабатывающей промышленности; а какое это имѣетъ значеніе становится яснымъ изъ того, что въ Германіи при числѣ веретенъ въ 8,4 милліона участіемъ въ хлопчатобумажной промышленности добываютъ себѣ средства къ существованію милліонъ рабочихъ, а въ Великобританіи при числѣ веретенъ въ 48 милліоновъ живетъ слѣдовательно этимъ способомъ въ 6 разъ больше рабочихъ. Въ одной Германіи годовой заработокъ рабочихъ, занятыхъ въ хлопчатобумажной промышленности, составляетъ 550 милліоновъ марокъ. Въ Германію ввезено хлопка въ 1903 году на 384 милл. марокъ, вывезено же обработанныхъ издѣлій выше чѣмъ на 1 милліардъ марокъ.

Въ Англии уже теперь рѣшено уменьшить хлопчатобумажную промышленность на 10%. На состоявшейся недавно въ Цюрихѣ международной конференціи представителей хлопчатобумажной промышленности пытались даже установить подобное соглашеніе между всѣми государствами.

Естественно, что колониальныя государства прилагаютъ всѣ старанія, чтобы повысить производительность своихъ колоній, но успѣхъ былъ до сихъ поръ незначителенъ. Исключеніемъ является Россія, которой удалось покрыть половину необходимаго ей матеріала собственными силами благодаря развившемуся въ послѣднее время въ Туркестанѣ хлопчатобумажному производству. Англія, Германія, Франція и Бельгія стараются способствовать болѣе успѣшному развитію хлопчатобумажнаго производства въ особенности въ Африкѣ; однако слѣдуетъ опасаться, что увеличеніе тамошняго производства будетъ подвигаться впередъ очень медленно вслѣдствіе лѣности негровъ и чисто тропическаго, неблагоприятнаго для хлопчатобумажной культуры климата. Это усиленіе производства будетъ можетъ быть достаточно, чтобы итти рука объ руку съ ростомъ населенія, употребляющаго хлопокъ, но оно не будетъ въ состояніи устранить существующую уже въ настоящее время нужду въ хлопкѣ. А такъ какъ по имѣющимся изслѣдованіямъ едва ли можно ожидать значительнаго усиленія хлопчатобумажнаго производства въ Америкѣ и Египтѣ, двухъ странахъ, бывшихъ до послѣдняго времени главными поставщиками этого матеріала (въ Америкѣ замѣчается даже уменьшеніе выручки съ гектара вслѣдствіе истощенія почвы), то ясно, что хлопчатобумажный вопросъ еще очень далекъ отъ своего дѣйствительнаго разрѣшенія.

Со всѣхъ сторонъ указываютъ на Азіатскую Турцію, какъ на страну, которая въ будущемъ станетъ центромъ хлопчатобумажнаго производства. Уже въ 1880 году знаменитый географъ и специалистъ по экономическимъ вопросамъ д-ръ Карлъ-фонъ-Шерцеръ высказалъ въ своемъ сочиненіи «Смирна» слѣдующую мысль: «Послѣ Сѣверн. Америки едва ли какая-либо иная страна болѣе пригодна для производства хлопка, нежели Малая Азія». Нѣсколько лѣтъ позже (1887 г.) извѣстный изслѣдователь Чихачевъ пишетъ въ своемъ сочиненіи «Малая Азія»: «Хотя хлопчатобумажное производство ведется въ небольшихъ размѣрахъ, однако небольшая добыча уже даетъ понятіе о томъ широкомъ развитіи, которое возможно, если дѣло будетъ находится въ рукахъ европейцевъ; привезенные изъ Египта сѣмена даютъ въ окрестностяхъ Тарса прекрасныя жатвы».

Когда въ 1901 году нужда въ хлопкѣ впервые ясно обнаруж илась географъ проф. Фицнеръ въ небольшой статьѣ поднялъ вопросъ объ учрежденіи въ Германіи товариществъ съ большими капиталами, которыя взяли-бы въ аренду находящіяся во владѣніи турецкаго султана земли вилайета Аданы для развитія тамъ обширнаго хлопчатобумажнаго производства. Профессоръ д-ръ медицины Э. фонъ-Дюрингъ-Паша, прекрасно знакомый, благодаря своимъ многолѣтнимъ непосредственнымъ сношеніямъ, съ положеніемъ дѣлъ въ Турціи,—призналъ въ декабрьской книжкѣ журнала «Азія» за 1901 г. этотъ планъ неисполнимымъ по политическимъ причинамъ. Весною 1902 г. комитетъ, изслѣдующій колониально-экономическіе вопросы въ Германіи, отправилъ по моему предложенію въ Смирну специалиста д-ра Р. Эндлиха, для изслѣдованія вопроса о возможности производства хлопка въ окрестностяхъ Смирны и о томъ, какими вообще мѣрами можно содѣйствовать успѣшному развитію хлопчатобумажнаго производства и торговли.

Результаты своей научной поѣздки д-ръ Эндлигъ резюмируетъ въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1. Германскія хлопчатобумажныя предпріятія имѣютъ надежду на успѣхъ только въ томъ случаѣ, если сами руководятъ ростомъ производства и разводятъ хлопокъ на купленныхъ или арендованныхъ земляхъ при помощи собственныхъ рабочихъ.

2. При ненадежныхъ правовыхъ порядкахъ въ Турціи нельзя вообще совѣтовать давать задолженнымъ крестьянамъ денежные ссуды. Слѣдуетъ, наоборотъ, поощрять доставку сѣмянъ и предоставление на время на прокатъ сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій въ томъ случаѣ, если крестьянинъ даетъ обязательство продать свой хлопокъ промышленному товариществу.

3. Для завоеванія международных хлопчатобумажных рынков необходимо держаться системы опытных и образцовых хозяйствъ, которые стремились бы практическими и научными способами улучшить качество рыночныхъ продуктовъ. Своевременное распредѣленіе сѣмянъ, веденіе интенсивной культуры, рациональные методы жатвы и сортировки—вотъ рѣшающіе факторы при завоеваніи международныхъ рынковъ,

Доказательствомъ того, что хлопчатобумажное производство идетъ успѣшно въ западныхъ и южныхъ долинахъ Малой Азіи, служитъ то обстоятельство, что оканчивающаяся въ Смирнѣ желѣзнодорожная линія западной Малой Азіи перевезла въ 1902 г. 36000 тюковъ хлопка въ 170—250 килограммовъ каждый, между тѣмъ какъ оканчивающаяся въ Мерсинѣ желѣзная дорога перевезла въ 1896—1900 г. 4345, 3856, 2452, 6560 и 6755 тоннъ хлопка. Экспортъ хлопка изъ Мерсины, которая является портомъ для киликійской равнины, составлялъ какъ въ 1899 такъ и 1902 годахъ 3 милліона марокъ, соответственно 25000 тюкамъ по 200 килогр., что составляетъ въ общемъ 5000 тоннъ. Общее производство хлопка въ этой киликійской области составляло въ 1901 году 45000 тюковъ, въ 1902 г. 30,000, а въ 1903 году 40,000, между тѣмъ какъ уже въ 1871 году производилось уже значительно большее количество, 66,000 тюковъ.

Въ появившемся недавно и содержащемъ много матеріала экономическимъ вопросамъ трудъ проф. Фицнера «Изъ Малой Азіи и Сири» авторъ пишетъ, что «тотъ туземный сортъ хлопка, который приблизительно года два тому назадъ самъ собою появился на киликійской равнинѣ болѣе грубъ и шероховатъ, чѣмъ средній американскій сортъ: однако по мнѣнію специалистовъ, спрошенныхъ по этому поводу, этотъ сортъ, несмотря на несовершенные способы произ-

ки, практикующіеся теперь, вполне пригоденъ и для олѣе плотныхъ пряхъ и, что всего важнѣе, имѣетъ умѣренную красивую бѣлизну, вслѣдствіе чего пряжа пригодна также для окрашивания. Съ недавняго времени тамъ стали сѣять египетскіе и американскіе сорта, которые тамъ даютъ значительно болѣе красивое и гибкое волокно».

«Въ способахъ воздѣлыванія и очистки хлопка могутъ быть введены еще многочисленныя усовершенствованія; однако едва ли можно надѣяться, что туземное населеніе собственными силами добьется какихъ-либо успѣховъ, которые улучшили бы хлопчатобумажное производство количественно и качественно. Благоотворно вліять на хлопчатобумажное производство, устраивая опытные плантаціи,

доставляя подходящіе сорта для воздѣлыванія и поддерживая плантаторовъ словомъ и дѣломъ—вотъ благодарная задача для европейской промышленности. Равнина Киликіи удобно расположена для опытовъ при разрѣшеніи вопроса о пригодности для обработки отдаленныхъ земель Верхней Мессопотаміи, которыя также будутъ включены въ сферу производства, какъ только Багдадская жел. дор. откроетъ къ нимъ доступъ». По предложенію проф. Фицнера составилось тогда турецко-левантійское хлопчатобумажное товарищество, которое поставило себѣ цѣлью рядомъ съ упорядоченіемъ рынка также улучшеніе производства.

Относительно особенно пригодныхъ для воздѣлыванія хлопка болотъ киликійской равнины Фицнеръ пишетъ слѣдующее: «Освоенная изъ-подъ воды темнокоричневая почва болотъ, которыя тянутся на разстояніи 3000 килом., обладаетъ изумительнымъ плодородіемъ, несмотря на тѣ ничтожныя старанія, которые крестьяне прилагаютъ къ ней. Обработка ведется по плодоперемѣнной системѣ: въ маѣ и іюнѣ снимаютъ пшеницу, ячмень и овесъ, а въ октябрѣ хлопокъ и сезамъ. Плодородіе почвы увеличивается еще благодаря теплomu климату, такъ какъ киликійская равнина занимаетъ на Малоазіатскомъ полуостровѣ наиболѣе благоприятное въ климатическомъ отношеніи положеніе, обусловливаемое высокимъ Тавромъ, который защищаетъ эту мѣстность отъ вѣтровъ».

До послѣдняго времени всѣ предпріятія имѣли въ виду исключительно Малую Азію. Германско-Азіатское Общество въ своемъ засѣданіи 17 декабря 1902 года, специально посвященномъ вопросу о хлопчатобумажномъ производствѣ, первое обратило вниманіе на Сѣверную Сирію и Мессопотамію, какъ на важный пунктъ хлопчатобумажнаго производства въ будущемъ. Въ этомъ засѣданіи одинъ изъ лучшихъ знатоковъ Востока проф. М. Гартманъ указалъ на то, что именно Сѣверная Сирія находится въ особенно благоприятномъ положеніи по отношенію къ хлопчатобумажному производству, которое уже теперь ведется тамъ въ киликійской области (между Алерро и Аинтâb). Такимъ образомъ здѣсь имѣются на лицо благоприятныя предварительныя условія для веденія производства въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, какъ онъ имѣлъ возможность лично убѣдиться во время своего путешествія по тѣмъ областямъ.

Путешественникъ Д. П. Рорбахъ въ своей статьѣ «Багдадская желѣзная дорога» подробно говоритъ о сѣверозападной Мессопотаміи, какъ о важномъ пунктѣ хлопчатобумажнаго производства въ будущемъ. Онъ пишетъ: «Сѣверозападная Мессопотамія и прилегающія къ ней части Сиріи были въ древности важнѣйшими пунктами хлоп-

чатобумажного производства и оставались таковыми вплоть до средних вѣковъ. Какъ единичныя практическія изслѣдованія, которыя еще и теперь предпринимаются, такъ и дошедшіе до насъ съ прежнихъ временъ письменные памятники единогласно свидѣтельствуютъ, что почва и климатъ полосъ земли, расположенныхъ на рѣкахъ Belich и Chabur, обѣщаютъ богатый урожай хлопка. Должно быть составлено плантационное товарищество, которое имѣло бы возможность получить на условіяхъ долгосрочной аренды большія пространства земли отъ турецкаго правительства, которому принадлежать всѣ эти необработанныя и не составляющія частной собственности земли. Полученную землю это товарищество должно разбить на участки и или отдать эти участки въ аренду мелкимъ земледѣльцамъ или обрабатывать ихъ за свой собственный счетъ при помощи туземныхъ рабочихъ».

Въ журналѣ «Tropenpflanzer» (1903 г. стр. 362—368) въ статьѣ «Перспективы для хлопчатобумажного производства въ Передней Азіи» д-ръ С. Соскинъ подробнѣе обсуждаетъ идею проф. Гартмана. Онъ совѣтуетъ лицамъ, заинтересованнымъ въ нѣмецкой хлопчатобумажной промышленности устроить въ окрестностяхъ Алеппо опытную хлопчатобумажную станцію; эта станція должна заниматься не только специальными изслѣдованіями по вопросу о воздѣлываніи хлопка, но также подробнымъ изученіемъ средствъ, которыми можно было увеличить хлопчатобумажное производство въ этой области. Это предпріятіе по расчету на 3 года обойдется въ 100,000 марокъ, изъ которыхъ слѣдуетъ отсчитать сумму, равную стоимости земли и построекъ, которыя освободятся послѣ ликвидаціи предпріятія. Необходимая сумма естественно значительно уменьшится, если земли и постройки удастся арендовать.

Въ защиту хлопчатобумажного производства въ Верхней Месопотаміи недавно снова выступилъ проф. Фицнеръ въ своей вышеупомянутой книгѣ «Изъ Малой Азіи и Сиріи»: «Мы имѣемъ дѣло съ классической страной хлопка ¹⁾, которая послѣ продолжительнаго запущенія можетъ снова стать цвѣтущей, если только крупный капиталъ сумѣетъ своевременно использовать имѣющіеся въ данномъ случаѣ шансы. Тутъ, конечно, идетъ рѣчь не объ устройствѣ собственныхъ обширныхъ плантацій, а только о поощреніи словомъ и дѣломъ, состоящемъ въ устройствѣ образцовыхъ хозяйствъ, про-

¹⁾ Майоръ Шлагинтвейтъ пишетъ: „Высокія равнины къ востоку отъ р. Belich до Тигра были въ древности вплоть до среднихъ вѣковъ мѣстомъ, богатымъ хлопкомъ; теперь же онѣ почти ничего не производятъ“.

изводствѣ опытовъ по воздѣлываніи разныхъ сортовъ хлопка, введеніи въ употребленіе молотилокъ, гидравлическихъ прессовъ и охраненіи земледѣльцевъ отъ шаекъ грабителей. Такимъ образомъ при цѣлесообразномъ руководствѣ эта область можетъ стать цѣннымъ пунктомъ хлопчатобумажнаго производства, который будетъ въ состояніи покрыть значительную часть нѣмецкаго потребленія хлопка. Такъ какъ хлопокъ созрѣваетъ только весною, то при плодоперемѣнной системѣ хозяйства можно культивировать также различные хлѣбные злаки, чему во многихъ мѣстахъ способствуетъ легкая орашаемость полей. Это послѣднее обстоятельство должно получить важное значеніе для желѣзнодорожной кампаніи, такъ какъ развитие подобной хлѣбной культуры создаетъ массу новаго, цѣннаго и потому хорошо оплачиваемаго при перевозкѣ матеріала».

Что касается Сѣверной Сириі, то вилайетъ Алеппо еще и теперь доставляетъ большое количество хлопка, который вывозится главнымъ образомъ черезъ Александрію. Въ вилайетѣ Алеппо спеціально занимаются разведеніемъ хлопка области Идлибъ, Эль-Галака и Киликія; въ сѣвернѣе расположенной области Марашъ хлопковъ разводится въ окрестностяхъ Бегезны; въ области Урфа также производится нѣкоторое количество хлопка. Въ урожайномъ 1900 году вилайетъ Алеппо доставилъ 10.000 тюковъ (Ballen), около половины которыхъ вывезено было во Францію. Насколько производство колеблется, можно видѣть изъ того, что черезъ Александрію вывезено хлопка въ 1887 году на 500.000 франковъ, въ 1894 году только на 21.000 франк., а теперь опять на 300.000 франковъ.

Вилайетъ Сурія также производитъ немного хлопка, такъ какъ одна только область того вилайета Гама вывозитъ въ Кюнетъ (Cuiwet) около 640 тюковъ хлопка. Особенно большой центръ хлопчатобумажнаго производства можно создать въ болотистой долинкѣ рѣки Оронта, если урегулировать разливы и отливы воды.

Въ вилайетѣ Бейрутѣ въ настоящее время производится хлопокъ собственно говоря только въ области Ладикіи, именно въ самой Ладикіи, Дшеблѣ и Эль-Меркабѣ. Въ настоящее время производство тамъ минимальное въ сравненіи съ 1871 годомъ, когда тамъ производилось до 1.200 тюковъ. Прекрасный хлопокъ доставляли также принадлежащія къ Палестинѣ южныя области вилайета Бейрутъ, Акка и Набуль; такъ, напр., въ 1871 году Акка, Хайфа и Дженнинъ доставляли не менѣе 670 тюковъ, хотя въ то время въ окрестностяхъ городовъ Саида и Сура, т. е. древнихъ финикійскихъ городовъ Сидона и Тира, воздѣлывались меньшія пространства.

Въ одной старой книгѣ «Сириа и ея значеніе для мировой тор-

говли» (1873) фонъ-Сюденгорстъ пишетъ: «Хлопчатобумажное производство въ Сиріи очень старо. Уже крестоносцы нашли обширно развитое хлопчатобумажное производство въ этой странѣ, которая къ тому времени достигла высокой степени промышленнаго развитія. До конца прошлаго столѣтія эта страна сама себя снабжала хлопчатобумажнымъ издѣліями. Только коллосально развившаяся благодаря усовершенствованнымъ машинамъ и обученнымъ рабочимъ англійская хлопчатобумажная промышленность въ связи съ свободой торговли, предоставленной турецкимъ правительствомъ для произведеній иностранной промышленности, поставили сирійское хлопчатобумажное производство въ зависимость отъ милости или немилости иностранной конкуренціи. Эта своеобразная турецкая политика окончательно подорвала хлопчатобумажное производство городовъ Гамы Гемса, Алеппо и Дамаска».

«Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ буквально весь производимый сырой хлопокъ вывозится за границу и вывезенное въ Европу количество составляло въ 1852 году 1.300.000 фунтовъ; въ 1852—1861 г. замѣтно было сильное уменьшеніе отчасти вслѣдствіе плохого урожая, отчасти также потому, что низкія цѣны на хлопокъ дѣлали болѣе выгоднымъ разведеніе хлѣба и сезама. Такимъ образомъ экспортированіе хлопка изъ Сиріи за промежутокъ 1855—1858 г. почти совершенно прекратился».

«Происшедшая благодаря американской войнѣ внезапная перемена въ хлопчатобумажной торговлѣ дала новый толчокъ также экспорту изъ Сиріи и установившіяся въ слѣдующій за войной годъ высокія цѣны дали экспорту возможность дойти до 4.200.000 фунтовъ. Однако въ 1870 году экспортъ опять упалъ до 1.059.800 фунтовъ вслѣдствіе плохого урожая и набѣга саранчи».

«Сирійскій хлопокъ имѣетъ короткій въ 2 центим. длиною, бѣлый и эластичный стапель. Лучшимъ по качеству считается набульскій сортъ, который поэтому и цѣнится 10% выше остальныхъ сортовъ сирійскаго хлопка. Въ виду того, что производители стали прилагать меньше стараній къ очисткѣ хлопка и стали намѣренно прибавлять къ нему постороннія примѣси, тамошній хлопокъ покупается на 5—10% дешевле. Слѣдующимъ по качеству считается Аданскій хлопокъ, а послѣднимъ—хлопокъ Ладикіи и ея окрестностей».

Любопытно, что въ настоящее время, какъ намъ сообщаютъ, англійская комиссія объѣзжаетъ порты Сиріи, чтобы изучить возможные границы развитія тамъ хлопчатобумажнаго производства.

Препятствіе, стоящее на пути къ значительному развитію хлопчатобумажнаго производства, заключается, по единогласному мнѣнію

всѣхъ путешественниковъ, изслѣдователей и практическихъ дѣятелей, для большей части Сирии и всей Мессопотаміи въ отсутствіи средствъ сообщенія и неустойчивости политическаго положенія. Эти препятствія исчезнуть съ окончаніемъ Багдадской желѣзной дороги. Однако для всей области немислимо значительное развитіе хлопчатобумажнаго производства при теперешнемъ малочисленномъ населеніи.

Д-ръ Гротъ совѣтуетъ поэтому въ своемъ сочиненіи, озаглавленномъ «Багдадская желѣзная дорога и нѣмецкіе крестьянскіе элементы въ Закавказьѣ и Палестинѣ» (Мюнхенъ 1902 г.) поселять тамъ нѣмецкихъ колонистовъ. Но проф. Фицнеръ вполне справедливо возражаетъ, что надежды на осуществленіе этого проэкта весьма ничтожны въ виду связанныхъ съ нимъ политическихъ препятствій, глубокаго недовѣрія Турціи и Россіи, не говоря уже объ остальныхъ державахъ. Онъ сомнѣвается, чтобы нашлось общество, которое взяло бы на себя работу и серьезную отвѣтственность, связанную съ такого рода колонизаціей. Онъ рекомендуетъ въ качествѣ поселенцевъ смышленныхъ и работоспособныхъ черкесовъ, которые, будучи лихими наѣздниками и воинами, сумѣютъ дать отпоръ нападѣніямъ кочевниковъ.

Что касается вопроса о нарушеніи спокойствія бедуинами и курдами, то онъ съ проведеніемъ по близости желѣзной дороги скоро исчезнетъ, какъ это случилось уже въ Анатолиі. Особенно интересно, что по этому поводу сообщаетъ изъ собственнаго опыта Сандъ-Руэтъ въ своей статьѣ «Виды на развитіе хлопчатобумажнаго производства въ Сѣверной Мессопотаміи» (Сборникъ статей по изученію Востока, т. 1, ежегодникъ Мюнхенскаго Общества по изученію Востока за 1902/03 г.):

«Вопросъ о спокойствіи есть вопросъ желудка. Грабятъ только тотъ, кто не имѣетъ въ своемъ распоряженіи другихъ средствъ для удовлетворенія своихъ потребностей. Гамидіа или бедуинъ отнимаетъ у земледѣльца его хлѣбъ, такъ какъ не имѣетъ охоты подвергать себя тяжелому труду по обработкѣ земли, продукты которой до сихъ поръ служили только для удовлетворенія голода его самого и его животныхъ. Если же онъ займется разведеніемъ хлопка, онъ можетъ на богатую выручку купить себѣ хлѣба и кромѣ того еще сберечь нѣкоторую сумму на покупку вещей, имѣющихъ для него привлекательность. Земледѣлецъ, рѣшившійся заняться разведеніемъ хлопка можетъ не бояться, что у него похитятъ, какъ это случается съ хлѣбомъ, плоды его труда, потому что грабительскія шайки не могутъ этимъ продуктомъ прокормить ни себя, ни своихъ животныхъ, а покупателей на похищенное ими имущество они едва ли найдутъ».

Организація колонизації.

Авторъ въ слѣдующихъ чертахъ представляетъ себѣ способъ веденія колонизаціи параллельно постройкѣ желѣзной дороги (пока только въ Сѣверной Сири).

Багдадская желѣзнодорожная компанія обязуется по отношенію къ турецкому правительству сдѣлать попытку постепенной постройки желѣзной дороги безъ предварительной гарантіи опредѣленнаго дохода съ километра, если только турецкое правительство съ своей стороны согласится на слѣдующія условія.

Турецкое правительство передаетъ компаніи для колонизаціи всѣ населенныя земли, расположенныя на разстояніи 20 килом. по обѣимъ сторонамъ строящейся желѣзной дороги, какъ тѣ земли, которыя составляютъ собственность государства, такъ и тѣ, которыя составляютъ личную собственность султана на слѣдующихъ условіяхъ: земли эти будутъ отданы для продолжительнаго поселенія только турецкимъ подданнымъ; каждый поселенецъ получить не болѣе 5 гектаровъ; по истеченіи контракта (т. е. приблизительно черезъ 100 лѣтъ) земли, оставшіяся до тѣхъ поръ незаселенными, возвращается правительству.

Юридическая и административная власть надъ этими расположенными вдоль желѣзной дороги землями должна находиться въ рукахъ учрежденія, завѣдующаго государственнымъ долгомъ. Подати за первыя десять лѣтъ должны быть отданы компаніи для покрытія расходовъ по колонизаціи, а затѣмъ, пока будетъ продолжаться контрактъ эти подати будутъ служить гарантіей дохода съ километра.

Устройство русскихъ евреевъ въ хлопчатобумажномъ производствѣ будетъ лежать на обязанности особаго *Хлопчатобумажнаго товарищества*, которое будетъ предпріятіемъ, основаннымъ на чисто коммерческихъ началахъ, не преслѣдующимъ никакихъ гуманитарныхъ изъ общепольныхъ цѣлей. Это общество покупаетъ или арендуетъ или, наконецъ, получаетъ отъ турецкаго правительства землю, которая особенно пригодна для разведенія хлопка и на которой удобно устроить искусственное орошеніе. Русско-еврейскіе рабочіе нанимаются этимъ товариществомъ на три года, при чемъ расходы по доставкѣ рабочихъ на мѣсто и гарантію обратной перевозки элементовъ, которые окажутся неподходящими, должно взять на себя какое-нибудь филантропическое общество (напр. Хойвевей-Ціонъ). Расходы по устройству и содержанію въ колоніяхъ общественно-полезныхъ учрежденій, какъ синагоги, баня, аптека возьмутъ

на себя общества, преслѣдующія общепользныя цѣли (напр. Hilfsverein). Само собою, что въ хлопчатобумажномъ производствѣ будутъ принимать участіе также турки и арабы (последніе главнымъ образомъ въ качествѣ первоначальныхъ рабочихъ, которые научать неопытныхъ евреевъ необходимымъ техническимъ приемамъ).

Одновременно съ этимъ должно быть основано еврейское колонизаціонное общество на началахъ хотя и филантропическихъ, но съ принципомъ постепеннаго погашенія долга. Это общество получить на условіяхъ умѣренной аренды отъ желѣзнодорожной кампаніи земли, приобретенныя послѣдней благодаря постройки дороги, и само станетъ ихъ отдавать въ аренду лучшимъ изъ рабочихъ на хлопчатобумажныхъ плантаціяхъ по истеченіи срока ихъ трехлѣтняго контракта. Арендаторы получаютъ ссуду, необходимую на постройки, орудія и скотъ. Всѣ эти предметы будутъ служить залогомъ, точно также, какъ и данное сѣмя, которое гарантировано будущей жатвой. Существованіе свое до жатвы колонисты должны поддерживать сбереженіями, составленнымъ за время пребыванія ихъ наемными рабочими. Пробывши три года арендаторомъ, колонистъ, если желаетъ стать турецкимъ подданнымъ, получаетъ въ продолжительное владѣніе необходимыя для существованія 6—10 гекторовъ земли въ зависимости отъ качествъ почвы. Если, предположимъ, прійдутъ колонисты со средствами, то колонизаціонное общество также предоставитъ имъ въ видѣ опыта землю, но только безъ инвентаря. Собственниками земли они становятся только послѣ шестилѣтняго пребыванія въ странѣ и послѣ того, какъ проведутъ нѣкоторое минимальное количество времени на своей землѣ въ занятіяхъ земледѣліемъ. Имъ можетъ быть также открытъ, если они окажутся достаточно правоспособными для этого, кредитъ подъ залогъ недвижимаго имущества и жатвы или со стороны колонизаціоннаго общества или со стороны какихъ-нибудь другихъ торговыхъ кампаній или, что также вѣроятно, со стороны хлопчатобумажныхъ фабрикантовъ, которые уже поддерживаютъ подобнымъ образомъ плантаторовъ въ другихъ мѣстахъ, напр. англійскіе фабриканты особенно въ Британской Центральной Африкѣ, нѣмецкіе въ Германской Восточной Африкѣ. Доставка машинъ, прессовъ и сѣмянъ можетъ также способствовать развитію хлопчатобумажнаго производства.

Этотъ методъ имѣетъ то достоинство, что, придерживаясь его, можно начать въ небольшомъ размѣрѣ и безъ особенныхъ средствъ колонизацію, которая при удачѣ можетъ коллосально разростись.

Можно рекомендовать для начала брать особенно пригодную для воздѣлыванія хлопка, землю, лежащую непосредственно за

Аданой на киликійской равнинѣ. Если колонизація оправдаетъ себя, то черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ построена желѣзная дорога въ окрестностяхъ Gjaur-Dagh до Киликии и Алеппо, а позже и до Биречника и черезъ Сѣверную Мессопотамію до Тигра.

Для желѣзнодорожной кампаніи рискъ при постройкѣ линіи Адана-Миссисъ очень незначителенъ, такъ какъ въ этой сравнительно хорошо населенной области линія уже черезъ нѣсколько лѣтъ станетъ давать доходъ даже въ случаѣ неудачи колонизаціи; равнымъ образомъ налоги и отданныя въ аренду туркамъ земли, незанятая колонистами, также будутъ доставлять дорогіе значительный доходъ. Эта небольшая желѣзнодорожная линія является продолженіемъ приносящей уже теперь доходъ линіи Адана-Мерсина, т. е. во всякомъ случаѣ лишь началомъ. Кромѣ того, весь необходимый для постройки этой линіи капиталъ составляетъ лишь 5 милліоновъ франковъ, такъ что уже при валовомъ доходѣ въ 400.000 франковъ съ лихвою будутъ покрыты расходы по эксплуатаціи, содержанию служащихъ и процентамъ на затраченный капиталъ.

Точно также и Хлопчатобумажное Товарищество можетъ начать работать съ небольшимъ капиталомъ, такъ какъ на 200.000 марокъ можно оборудовать хозяйство въ 200 гектаровъ. Если это товарищество не будетъ гнаться за прибылью, то оно легко сумѣетъ достать для этой цѣли и болѣе значительную сумму; если даже оно будетъ работать безъ большой прибыли, оно сумѣетъ привлечь къ участію Еврейское Колонизаціонное Общество (I. C. A.), если только удастся доказать, что превращеніе еврейскихъ рабочихъ въ сельскихъ хозяевъ обезпечено.

Уже по прошествіи одного, двухъ лѣтъ можно будетъ судить о доходности основанныхъ колоній. Въ благопріятномъ случаѣ можно будетъ взяться за основаніе новыхъ колоній, потому что независимо отъ успѣха или неуспѣха послѣдующей колонизаціи все-таки многочисленные работоспособные представители еврейскаго пролетаріата Вост. Европы найдутъ себѣ занятіе въ этихъ колоніяхъ, такъ какъ оборудованіе 1000 гектаровъ земли требуетъ 500 паръ рабочихъ рукъ.

Для каждаго, знакомаго съ свойственнымъ еврейскому характеру стремленіемъ къ самостоятельности и съ исторіей еврейской земледѣльческой колонизаціи до настоящаго времени не подлежитъ никакому сомнѣнію, что разъ евреи выказываютъ себя прекрасными работниками въ этихъ по временамъ довольно жаркихъ областяхъ, то они навѣрное окажутся еще лучшими самостоятельными колонистами; за короткое пребываніе въ рядахъ полевыхъ рабочихъ они

успѣютъ приспособить свой духовный и физическій складъ къ земледѣльческимъ занятіямъ.

Труднѣе, конечно, будетъ достать деньги для собственно колонизаціоннаго общества. Но вѣроятно къ участию въ этой колонизаціи удастся привлечь Еврейское Колонизаціонное Общество (I. C. A.), такъ какъ этимъ способомъ удастся, не подвергая капиталъ риску, дешевле чѣмъ гдѣ-либо поселить большія массы восточныхъ евреевъ. Землю общество получитъ даромъ, матеріалъ, надъ которымъ ей придется работать, будетъ состоять исключительно изъ молодыхъ уже обученныхъ людей, не связанныхъ семьями, такъ какъ эмигранты женятся только послѣ того, какъ окончательно войдутъ во владѣніе земель. Такимъ образомъ дѣло идетъ только о ссудѣ для построекъ, орудій, скота и сѣмени, такъ какъ до жатвы колониисты сумѣютъ жить сбереженіями, составленными за время пребыванія въ работникахъ. Проценты и погашеніе ссуды обезпечиваются жатвой, инвентаремъ, а позже и ипотекой на землю. Арендныя деньги перваго года пойдутъ на погашеніе потраченной обществомъ на колонииста суммы. Въ общемъ ссуда каждому колониисту не превыситъ 3000 франковъ, сумма, которую легко получить обратно при наличности благопріятныхъ условій, а таковыя навѣрное будутъ при воздѣлываніи хлопка при настоящихъ цѣнахъ въ богатой водою мѣстности.

Эта предпринятая въ небольшихъ размѣрахъ попытка останется, конечно, не безъ вліянія на хлопчатобумажную промышленность. Предположимъ, что ежегодно хлопокъ будетъ воздѣлываться только на $\frac{1}{5}$ части земель (въ окрестностяхъ Аданы воздѣлывается значительно большая часть) и что гектаръ въ среднемъ приноситъ только одинъ тюкъ (Ballen) хлопка, то по такому расчету хозяйство въ 200 гектаровъ принесетъ 200 тюковъ. Такъ какъ на оборудованіе каждаго гектара, если не считать цѣну земли, требуется 200 марокъ, то оказывается, что съ однимъ милліономъ марокъ мы будемъ доставлять ежегодно на европейскій рынокъ 1000 тюковъ хлопка стоимостью въ 250.000 марокъ, не говоря уже объ огромномъ количествѣ пшеницы, ячменя, сезама и маиса.

Для міроваго рынка эта 1000 тюковъ имѣетъ конечно значеніе капли въ морѣ. Но слѣдуетъ замѣтить, что по мѣрѣ того, какъ рабочіе будутъ устраиваться самостоятельными колониистами, на ихъ мѣсто въ плантаціяхъ общество будутъ поступать другіе молодые люди. Туда станутъ также прибывать самостоятельно лица, обладающіе кое-какими средствами, а черезъ нѣкоторое время придется принимать во вниманіе также естественный приростъ населенія; кромѣ того, и турки, живущіе по сосѣдству, лишь только желѣзная

дорога приблизится къ ихъ мѣстожительству, примутся за воздѣлываніе хлопка, особенно если имъ будутъ дешево доставлять хорошія сѣмена и подходящія орудія.

Каждый вновь построенный кусокъ желѣзной дороги доставить странѣ новыхъ поселенцевъ, и черезъ какой-нибудь десятокъ лѣтъ мы будемъ уже имѣть обширныя занятія хлопчатобумажнымъ производствомъ пространства, которое будетъ уже играть видную роль на мировомъ рынкѣ. Обеспеченное правовое положеніе будетъ въ значительной степени способствовать заселенію этой области.

Хотя у насъ подъ рукой не имѣется точныхъ изслѣдованій, сколько именно хлопка можетъ воздѣлываться въ Сѣверной Сиріи и Мессопатаміи, однако можно указать, что по расчетамъ одного нѣмецкаго землевладѣльца въ Мерсинѣ одна только киликійская область, доставляющая теперь только 30—40.000 тюковъ, могла бы произвести 1 миллионъ тюковъ. Маіоръ Шлагинтвайтъ оцѣниваетъ возможное производство Сѣверной Сиріи и Палестины въ 2 миллиона тюковъ. Установлено, что одновременно съ разведеніемъ хлѣба, необходимаго для пропитанія его самого и корма скота, каждый крестьянинъ можетъ производить 3 тюка хлопка. Такимъ образомъ производство 3 миллионъ тюковъ хлопка обуславливаетъ наличность 1 миллиона семействъ, т. е. 5 миллионъ человѣкъ; къ этому числу слѣдуетъ еще прибавить не менѣе половиннаго количества ремесленниковъ, купцовъ, посредниковъ при транспортировкѣ и т. п. лицъ. Такъ какъ принятые нами въ расчетъ вилайеты Адана, Алеппо и Моссуль имѣютъ всего $1\frac{3}{4}$ миллиона жителей, то такимъ образомъ всего еврейскаго населенія вост. Европы едва ли хватитъ, чтобы покрыть увеличеніе населенія, среднимъ числомъ въ 6 миллионъ, которое сдѣлается возможнымъ при развитіи въ Сѣверной Сиріи и Сѣверной Мессопатаміи хлопчатобумажнаго производства.

Какъ значительно возросли бы наши цифры, если бы мы при нашихъ расчетахъ приняли во вниманіе также плодородные и прекрасно поддающіяся орошенію земли Южной Мессопатаміи!

Хлопчатобумажный кризисъ, тяжелое положеніе евреевъ восточной Европы и стѣсненное финансовое положеніе Турціи—это не такого рода вопросы, которые могутъ быть разрѣшены въ одинъ день. Однако несомнѣнно, что въ связи этихъ трехъ вопросовъ съ Багдадской желѣзной дорогой мы имѣемъ средства замѣтно приблизить эти вопросы къ ихъ окончательному разрѣшенію.

Проф. О. Варбургъ.

«Новое гетто».

«Новое гетто»!

Этой драмѣ Теодора Герцля, написанной имъ почти одновременно съ знаменитымъ «Judenstaat», не суждено было раздѣлить съ послѣднимъ славу. Между тѣмъ какъ «Judenstaat» снискало безсмертіе себѣ и своему автору, драма «Новое гетто» вызвала лишь нѣкоторый шумъ во время своего появленія и получила сравнительно скромную извѣстность въ національныхъ кругахъ еврейства. А между тѣмъ, въ эту драму д-ръ Герцль вложилъ столь значительную часть своего духовнаго я; въ ней нашла себѣ столь глубокое отраженіе его беззавѣтная любовь къ родному народу; она такъ ярко характеризуетъ душевный міръ отца современнаго сіонизма,—что она заслуживаетъ гораздо большаго вниманія съ нашей стороны.

«Новое гетто» посвящено художественному изображенію того поворота въ умахъ лучшей части западнаго еврейства, который былъ вызванъ съ одной стороны гидрой антисемитизма, а съ другой стороны властнымъ голосомъ національнаго чувства, подавленнаго, на время, но не умолкшаго въ глубокихъ тайникахъ души. Этотъ поворотъ, какъ извѣстно, привелъ въ концѣ концовъ къ политическому сіонизму. Но «Новое гетто» является не апологіей сіонистскаго движенія, а скорѣе, если можно такъ выразиться—прелюдией къ нему. Оно изображаетъ мучительную трагедію души западнаго еврея, передаетъ всѣ перипетіи его борьбы со своимъ прошлымъ, со своимъ настоящимъ, съ самимъ собой; борьбы, которая неминуемо должна была привести его въ лагерь сіонизма.

Содержаніе «Новаго гетто» въ общихъ чертахъ таково. Молодой адвокатъ Яковъ Самуэль—сынъ ортодоксальнаго небогатаго часового мастера—женится по любви на м-лле Герминѣ Гельманъ, дочери богатаго еврейскаго купца. Надѣленный богатыми способностями и благородной душой Яковъ Самуэль хочетъ помочь страждущему человѣчеству и весь погружается въ обдумываніе какого-то «великаго труда», посвященнаго этому вопросу. Нѣжный сынъ, лю-

блжій супругъ, онъ въ то же время и горячо преданный другъ. Но лучший его другъ христiанинъ Францъ Вулернеръ порываетъ съ нимъ, откровенно заявляя, что онъ намѣренъ отдаться политикѣ, а дружба съ *евреемъ* можетъ его скомпрометировать. Глубоко огорченный и оскорбленный Яковъ Самуэль мужественно переноситъ этотъ ударъ, который лишь укрѣпляетъ въ немъ убѣжденiе, что послѣ паденiя мрачныхъ стѣнъ стараго гетто возникли новыя, невидимыя стѣны моральнаго гетто. Эту мысль онъ высказываетъ и раввину Фридгеймеру. «Мы должны сами разрушить это *новое* гетто, сами! сами!» Раввинъ—типичный представитель ортодоксальнаго западнаго еврейства—не только не соглашается съ нимъ, но даже и не вполне понимаетъ его. Не понимаетъ его и шурина—богатый биржевой дѣлецъ Рейнбергъ. Послѣднiй всецѣло погруженъ въ сложныя биржевыя спекуляци. вмѣстѣ съ разбогатѣвшимъ внезапно дѣльцомъ Вассерштейномъ (бывшимъ биржевымъ маклеромъ) Рейнбергъ собирается вступить въ товарищество съ владѣльцемъ огромныхъ угольныхъ копей ротмистромъ Штромомъ, обратить это товарищество въ акціонерное общество и выпустить акци на 3 милліона гульденовъ. Напрасно Самуэль увѣщаетъ своего шурина не затѣвать опасной биржевой комбинаци съ христiаниномъ ротмистромъ. Увѣренный въ огромномъ барышѣ Рейнбергъ съ насмѣшливой улыбкой выслушиваетъ «проповѣди» своего шурина. Между тѣмъ Самуэль случайно узнаетъ объ ужасномъ состоянiи копей Штрома. Занятый лишь своими конюшнями и кучерами ротмистръ до того истощилъ и запустилъ свои копи, что въ нѣкоторыхъ, годами не исправляемыхъ, шахтахъ опасность ужасной смерти отъ взрыва или обвала земли ежеминутно виситъ надъ головами рабочихъ. Самуэль, за помощью котораго, какъ адвоката, обратились рабочіе копей, внѣ себя отъ волненiя спѣшитъ въ Дубницъ въ мѣстонахожденiе копей. Но онъ не успѣлъ еще прiѣхать, какъ ужасный обвалъ въ одной изъ шахтъ уже поглотилъ десятки жизней рабочихъ. Среди обезумѣвшихъ отъ ужаса остальныхъ рабочихъ началась стачка. Предвидя пониженiе акцій, Рейнбергъ и Вассерштейнъ спѣшатъ продать свою долю акцій, а менѣе опытный ротмистръ оказывается внезапно разореннымъ быстрымъ паденiемъ цѣнъ на его акци. Взбѣшенный ротмистръ считая виною своихъ бѣдствiй Рейнберга и Самуэля, увѣренный, что послѣднiй нарочно прiѣхалъ, чтобы подстрекнуть рабочихъ къ стачкѣ и вызвать катастрофу, врывается къ Рейнбергу въ домъ и требуетъ хозяина. вмѣсто перепуганнаго Рейнберга къ Штроду выходитъ Самуэль. Мужественно говоритъ онъ разъяренному ротмистру правду въ лицо:

— Вы лишились вашего имущества, но виноваты въ этомъ вы сами. Вы запустили ваши копи. Мерзкое веденіе дѣлъ не только погубило ваше состояніе, но и человѣческія жизни. Въ то время, какъ вы жили согласно своимъ наклонностямъ, ваши рабы работали для васъ подъ землей. Это продолжалось годы, десятилѣтія. А вы ни разу не подумали объ ихъ безопасности, пока не случилась неизбѣжная катастрофа. И вы осмѣливаетесь жаловаться, потому что потеряли ваше богатство?.. А что вы сдѣлаете съ трупами? Я видѣлъ эти трупы собственными глазами. И вдовъ я видѣлъ и сиротъ которыхъ теперь голодають... А вы даже не были на похоронахъ!..

Въ отвѣтъ на смѣлыя обвиненія Самуэля Штроммъ бросаетъ ему въ лицо слово «жидъ». Самуэль даетъ ему пощечину. Происходитъ дуэль, на которой ротмистръ наноситъ Самуэлю смертельную рану. Раненаго приносятъ домой, но круженный тѣсной семьей родныхъ и друзей Яковъ Самуэль умираетъ со словами: «Вонъ изъ гетто»!.

Таково въ краткихъ чертахъ содержаніе драмы. Въ сухомъ пересказѣ я, конечно, не могъ передать читателю художественныхъ достоинствъ подлинника. Въ оригиналѣ драма дышитъ во многихъ мѣстахъ неподдѣльнымъ юморомъ. Рукою опытнаго драматурга авторъ краткими штрихами мастерски обрисовываетъ образы представителей двухъ направленій въ современномъ западномъ еврействѣ. Рейнбергъ, Вассерштейнъ, раввинъ Фридгеймеръ—это евреи гетто, евреи «новаго» гетто, но все же гетто. Яковъ Самуэль—представитель нарождающагося среди зап. еврейства новаго типа; онъ громко, всѣми силами души протестуетъ противъ ненавистнаго, новаго моральнаго гетто.

Яковъ Самуэль никогда и нигдѣ не забываетъ, что онъ *еврей*. Рассказывая своему другу объ о неприятомъ случаѣ своей жизни, когда онъ принужденъ былъ отказаться отъ дуэли и извиниться передъ своимъ оскорбителемъ, такъ какъ отецъ его былъ тогда при смерти, онъ съ горечью восклицаетъ: «Я не могъ этого забыть, потому что я—еврей. Вы можете что-либо подобное воспринять легче. Если ты, Францъ Вулернеръ, полюбовно уладишь подобную исторію, ты, будешь только спокойнымъ, разсудительнымъ человѣкомъ, я же, Яковъ Самуэль,—я буду трусомъ!» Эта вѣковая чудовищная несправедливость мучитъ его впечатлительное сердце. Онъ чувствуетъ, что съ паденіемъ стѣнъ видимаго, стараго гетто не исчезла былая отчужденность, былая ненависть христіанина къ еврею. Измѣнились формы, но сущность осталась та же. Съ благородною гордостью свободнаго человѣка онъ протестуетъ противъ рабства своего народа, онъ страстно жаждетъ видѣть его свободнымъ.

— Господинъ докторъ, говоритъ онъ во время спора раввину Фридрихеймеру, пали видимыя стѣны стараго гетто, но только видимыя. Теперь стѣны и границы гетто невидимы. И эти границы должны мы иначе сломить, нежели тѣ, старыя. Внѣшнія границы должны были быть убраны снаружи,—внутреннія мы сами должны разобрать. Мы сами! Изъ насъ самихъ!»

Яковъ Самуэль самъ не знаетъ, какъ убрать эти границы, но онъ чувствуетъ, что убрать ихъ необходимо. Умъ его требуетъ этого потому, что онъ не видитъ другого способа избавить евреевъ отъ всеобщей ненависти, ненависти—по его убѣжденію вѣчной. А сердце бессознательно приходитъ къ тому же, такъ какъ Самуэль бессознательно, инстинктивно чувствуетъ какую-то могучую связь со своимъ народомъ. Въ немъ горитъ огонь національнаго чувства. Да, Самуэль—націоналистъ, не смотря на всю свою привязанность къ нѣмецкой культурѣ. Не тотъ только является націоналистомъ, кто въ силу цѣлаго ряда непогрѣшимыхъ силлогизмовъ и логическихъ посылокъ докажетъ вамъ всю необходимость и разумность своего націонализма;—націоналистъ и тотъ, кто инстинктивно чувствуетъ свою связь съ роднымъ народомъ, кто бессознательно горячо любитъ этотъ народъ, кто никогда не можетъ избавиться отъ боли и скорби за печальное положеніе своего народа. Такимъ націоналистомъ, націоналистомъ *по чувству* является, безъ всякаго сомнѣнія, и Яковъ Самуэль. Онъ не стыдится своего народа, не стыдится и пороковъ его, такъ какъ понимаетъ, что эти пороки—результатъ вѣковыхъ гоненій и непримѣрныхъ, тяжелыхъ страданій. Когда его лучший другъ Францъ Вулернеръ объявляетъ ему, что ихъ дружбѣ долженъ наступить конецъ, такъ какъ онъ «хочетъ отдаться политикѣ», а потому не намѣренъ возвращаться въ общество близкихъ Самуэля «всѣхъ этихъ Рейнберговъ, Вассерштейновъ и какъ ихъ тамъ зовутъ», которые ему претяютъ, Самуэль, слишкомъ гордый, чтобы обвинять его, но и слишкомъ сильно пораженный въ своемъ національномъ чувствѣ, говоритъ ему съ горькой улыбкой:

«Вы были въ теченіе нѣсколькихъ сотъ лѣтъ свободными бюргерами, а мы... Ты сталъ адвокатомъ, потому что Вулернеры съ давнихъ поръ были адвокатами или врачами. Такъ и Вассерштейнъ сталъ тѣмъ, чѣмъ были его предки, т. е. тѣмъ, чѣмъ сдѣлала его предковъ судьба. Это—не его вина. Это—не твоя заслуга... Силой заставили вы насъ поддерживать свое существованіе деньгами, а теперь мы должны перестать и не цѣпляться больше за деньгъ! Вы держали насъ тысячу лѣтъ въ рабствѣ—а теперь мы въ одинъ день должны стать свободными духовно?.. Между нами все кончено, Вулер-

нерь! И если ты мнѣ теперь ставишь на выборъ: съ кѣмъ я предпочитаю идти—съ тобой или Вассерштейномъ,—я уже выбралъ. Я принадлежу къ Вассерштейнамъ, все равно бѣдны они или богаты... Прощай Вулернерь!»

И онъ окончательно порываетъ со своимъ любимымъ другомъ. Разлука съ Францемъ еще болѣе укрѣпляетъ въ немъ убѣжденіе въ необходимости во чтобы то ни стало вырвать родной народъ изъ гетто. Но она не ожесточаетъ его великодушнаго сердца. На ненависть христіанъ Самуэль не отвѣчаетъ ненавистью. Его сердце болитъ и за другихъ обездоленныхъ, другихъ несчастныхъ. Когда къ нему обращаются за помощью несчастные рабочіе копей Штротма, онъ бросаетъ все и, ни минуты не задумываясь надъ послѣдствіями своего поступка, ѣдетъ къ нимъ—въ топъ. Ѣдетъ онъ—«еврей, чтобы исполнять обязанности христіанина». Дорого платится еврей за это самоотверженное желаніе: онъ платится своею жизнью. Но, и умирая, не забываетъ онъ родного народа, не теряетъ надежды на его избавленіе: «Евреи, братья мои! говорить онъ въ предсмертной агоніи, вамъ лишь тогда дадутъ жить... когда вы... Вонъ... изъ гетто!..»

Въ этихъ словахъ весь смыслъ драмы. Новые Самуэли появляются въ средѣ западнаго еврейства, новые Самуэли подхватываютъ его завѣтъ и слова: «вонъ изъ гетто»... станутъ лозунгомъ многихъ.

Но не мало времени уйдетъ прежде, чѣмъ эти слова проникнутъ въ заплывшія жиромъ сердца самодовольныхъ Рейнберговъ и въ мистически настроенные умы раввиновъ Фридгеймеровъ.

При всей своей антипатии къ биржевымъ дѣльцамъ вроде Рейнберга или Вассерштейна авторъ «Новаго гетто», однако, не осуждаетъ и ихъ. Tout comprendre c'est tout pardonner. Съ удивительною чуткостью подмѣчаетъ авторъ и въ душѣ жаднаго биржевого дѣльца не угасшія искры стремленія къ чему-то лучшему, къ чему-то свѣтлomu. И горячая волна невольнаго сочувствія и состраданія пробѣгаетъ по сердцу, когда биржевой дѣлецъ Вассерштейнъ со жгучими слезами глубоко затаеннаго горя говоритъ Герминѣ Самуэль:

«Я знаю, что я—ничтожество,—имѣю-ли я деньги или нѣтъ. Но слава Богу есть еще и иные евреи... Можетъ быть, если бы я чему-нибудь учился и не былъ всегда такимъ униженнымъ чловѣкомъ, о котораго всѣ обтирали свои сапоги,—можетъ быть, былъ бы и я инымъ... Если у меня есть деньги, мнѣ въ глаза говорятъ: «господинъ фонъ-Вассерштейнъ»—и осмѣиваютъ меня, какъ только я оборачиваюсь... Мнѣ жаль самого себя. Я не понимаю, какъ онъ можетъ летѣть—вашъ мужъ, но я смотрю ему вслѣдъ, я смотрю

ему вслѣдъ! Я даю, я беру, все вертится около денегъ. Но есть еще нѣчто другое: честь!»

А, когда Яковъ Самуэль умираетъ отъ пули кутилы-ротмистра Вассерштейнъ, этотъ, казалось бы, черствый эгоистъ, въ отчаяніи заламываетъ руки и, рыдая, восклицаетъ:

— Почему онъ, почему не мы?

Напрасно ждать взволнованный зритель отвѣта на этотъ вопросъ. Тотъ образный отвѣтъ, который авторъ вкладываетъ въ уста раввина Фридгеймера, пропитанъ такою горечью, что жгучее чувство сожалѣнія и скорби еще болѣе овладѣваетъ вами.

— Позвольте рассказать вамъ одну исторію, говоритъ раввинъ Самуэлю передъ объясненіемъ послѣдняго съ Штроммомъ, я нашелъ ее въ одной старой еврейской хроникѣ равви Юшуа изъ Шпейера. Равви Юшуа пишетъ: «въ мѣсяцъ Аба, года 5143 можно было въ Майнцѣ замѣтить предзнаменованія преслѣдованія евреевъ. Своеобразна была судьба юноши Моисея бенъ Авраама. Моисей былъ способный юноша, сынъ купца, и хотѣлъ сдѣлаться ученымъ. Однажды лѣтнею ночью сидѣлъ онъ надъ старыми книгами нашихъ мудрецовъ и штудировалъ ихъ. Вдругъ онъ услыхалъ стоны, раздававшіеся въ ночной тиши. Кричали снаружи за стѣнами гетто. Жалобные звуки становились все ужаснѣе. Его сердце объяла печаль. Онъ поднялся и вышелъ. Когда онъ шелъ черезъ комнату, мать его проснулась. «Куда идешь ты, дитя мое, такъ поздно?»

— Мама, я слышу, какъ кто-то вызываетъ о помощи!» И онъ исчезъ во тьмѣ ночной... Онъ не явился обратно, и мать его, обьятая ужасомъ, поднялась съ постели и пошла его искать... И она не вернулась обратно... На слѣдующее утро нашли Моисея убитымъ передъ воротами гетто, а у трупа сидѣла, весело улыбаясь, его мать. Она сошла съ ума»...

Еврей не долженъ, не смѣетъ выйти изъ гетто даже тогда, когда его зоветъ отчаянный крикъ о помощи, когда его влечетъ порывъ благороднаго сердца. Горе тому, кто забудетъ, что онъ еврей, и «захочетъ исполнить обязанности христіанина» по отношенію къ другому! Онъ рискуетъ подвергнуться участи Моисея изъ Майнца.

Таковъ отвѣтъ раввина Фридгеймера. Только занятые наживой Рейнберги, трусливо гнущѣе свою голову передъ гордымъ ротмистромъ, и инертные Фридгеймеры, возлагающіе все свое упованіе на грядущую помощь свыше, могутъ равнодушно влачить существованіе въ душной атмосферѣ гетто: за то опасность не угрожаетъ ихъ жизни...

При болѣе вдумчивомъ анализѣ драмы «Новое гетто», при болѣе близкомъ разсмотрѣніи центральной фигуры этой пьесы, какъ-то

невольно напрашивается на уста параллель между главнымъ геро- емъ «Новаго гетто» и его авторомъ. Д-ръ Герцль надѣлилъ своего любимаго героя многими субъективными чертами. И, «какъ солнце въ малой каплѣ водѣ», отражается въ образѣ благороднаго Якова Самуэля свѣтлая личность великаго сына современнаго еврейства. Въ проникнутыхъ горечью и скорбью рѣчахъ Самуэля о вѣчной ненависти къ еврейству, о невыносимости «новаго гетто», о позорѣ измѣны родному народу мы слышимъ голосъ чуткаго се Герцля, такъ сильно любившаго свой народъ, такъ сильно страдавшаго его горемъ, его позоромъ и слабостью. Но не въ отчаяніе приходитъ Самуэль, а съ непоколебимой твердостью настаиваетъ на необходимости *самоодъятельности и самоосвобожденія*.

«Мы сами, сами должны разрушить гетто, уйти изъ гетто!» Эти слова кажутся намъ выходящими изъ устъ покойнаго Герцля. И Самуэль съ орлинымъ полетомъ души мечтаетъ о чемъ-то «великомъ, очень великомъ». Великій мечтатель И Самуэль подобно нашему великому мечтателю, хотѣлъ помочь дѣломъ еврейскому народу. И только смерть, безвременная смерть за оскорбленіе въ немъ еврейскаго «я», не дала осуществиться его мечтаніямъ.

Такъ и нашъ незабвенный «великій мечтатель» умеръ безвременной смертью. И онъ не дождался «исхода изъ гетто», и онъ умеръ въ гетто!..

Много вѣковъ спустя, когда возрожденное еврейство будетъ вспоминать на благодатныхъ поляхъ Палестины про «гетто», какъ старую-старую, ужасную и мрачную сказку, благодарная память народа вложить въ уста своего любимаго героя предсмертныя слова Якова Самуэля. И убѣленные сѣдинами дѣды будутъ рассказывать тогда своимъ внукамъ про того «великаго еврейскаго мечтателя», который первый крикнулъ своимъ братьямъ: «вонъ изъ гетто!» И, какъ брилліанты, засверкаютъ свѣтлыя слезинки въ черныхъ глазахъ маленькихъ внуковъ, когда имъ повѣдаютъ дѣды о томъ, какъ умеръ этотъ второй Моисей, не увидѣвъ благодатныхъ полей родной Палестины, какъ угасъ онъ безременно тамъ—въ душныхъ стѣнахъ безотраднаго «новаго» гетто, угасъ со словами:

«Вонъ... изъ... гетто!..»

А. М. Гольдштейнъ.

Еврейская контрабанда въ цифровомъ освѣщеніи.

Еврейская контрабанда — что это за неприятная, тяжелая и вмѣстѣ съ тѣмъ щепетильная тема! Еврейская публицистика обыкновенно относится къ этому грязному вопросу съ какой-то особой брезгливостью; чаще всего, когда рѣчь заходитъ объ этомъ «нашемъ грѣхѣ», мы стараемся замалчивать его, какъ-бы не замѣчать его, замять всякіе разговоры о немъ, и лишь въ крайнемъ случаѣ мы робко огрызаемся.

Шутка-ли сказать «еврейская контрабанда»? Не она-ли является однимъ изъ тѣхъ безспорныхъ общепризнанныхъ семи грѣховъ нашихъ, про которыхъ столько протрубили намъ уши, что мы сами въ глубинѣ души нашей чуть не увѣровали въ нихъ и увѣруя мы начинали какъ бы признавать ихъ, а люди давленіемъ этого тяжелого признанія намъ оставалось ничто иное какъ отыскивать разныя смягчающія вину обстоятельства и всякаго рода извинительные мотивы. Фактическаго цифроваго освѣщенія этого специфически «еврейскаго» преступленія мнѣ не приходилось до сихъ поръ встрѣчать въ печати, хотя оно далеко не такъ трудно, какъ можетъ на первый взглядъ казаться. Ларчикъ даже довольно просто раскрывается. Департаментъ таможенныхъ сборовъ ежегодно публикуетъ подробный «Обзоръ внѣшней торговли Россіи по европейской и азиатской границамъ». Въ этомъ солидномъ объемистомъ трудѣ, заключающемъ въ себѣ богатый матеріалъ по товарному обмѣну между Россіей и разными государствами на основаніи данныхъ таможенныхъ учрежденій находится отдѣльная глава о «тайнопровозителяхъ и контрабандѣ». Послѣдній выпускъ этого изданія, вышедшій въ свѣтъ въ 1903 году, даетъ намъ свѣдѣнія за 1901 годъ съ сопоставленіемъ соответствующихъ данныхъ и за предшествующій 1900-тый годъ. Мы коснемся лишь данныхъ по европейской границѣ, такъ какъ свѣдѣнія по азиатской границѣ, какъ относящіяся къ пограничной чертѣ

края, евреями вовсе почти не заселеннаго, для насъ интереса не представляютъ.

По даннымъ департамента таможенныхъ сборовъ всего осуждено въ Европейской Россіи «за тайный провозъ или переносъ въ Россію иностранныхъ товаровъ» 2.960 человекъ въ 1900 году и 3.269 человекъ въ 1901 году.

Для интересующаго насъ вопроса о «еврейской контрабандѣ» наиболѣе важна таблица 189 (стр. 88) этого обзора, иллюстрирующая распредѣленіе осужденныхъ за контрабанду по отдѣльнымъ вѣроисповѣданіямъ:

Въ 1900 году среди осужденныхъ за контрабанду оказалось:

ТАБЛИЦА 1.

Католиковъ	1,638	человѣкъ или	55,5 %
Православныхъ	861	»	» 29,1 »
Евреевъ	299	»	» 10,1 »
Лютеранъ	89	»	» 3,0 »
Прочихъ исповѣданій	73	»	» 2,4 »
Итого . 2.960		»	» 100,7 »

Въ 1901 году среди осужденныхъ за контрабанду оказалось:

ТАБЛИЦА 2.

Католиковъ	1,939	человѣкъ или	59,3 %
Православныхъ	848	»	» 25,9 »
Евреевъ	306	»	» 9,4 »
Лютеранъ	141	»	» 4,3 »
прочихъ исповѣданій	35	»	» 1,1 »
Итого . 3.269		»	» 100,0 »

Не имѣя подъ руками больше данныхъ, чѣмъ за эти два года, мы должны за обыкновенную норму признать среднюю величину указанныхъ двухъ лѣтъ, тогда окажется, что нормальное участіе

ТАБЛИЦА 3.

Католиковъ	57,3 %
Православныхъ	27,5 »
Евреевъ	9,8 »
Лютеранъ	3,7 »
прочихъ исповѣданій	1,7 »

Эти среднія величины тѣмъ болѣе близки къ истинѣ, что начиная съ 1891 года общая цифра ежегодно осуждаемыхъ за кон-

Трабанду почти одинакова и вовсе не подвергается значительнымъ колебаніямъ; такъ, напримѣръ, по даннымъ того же официального обзора среднее число ежегодно осужденныхъ за пятилѣтіе 1891—1895 равняется 3.057, а за слѣдующее пятилѣтіе 1896—1900 соотвѣтствуетъ 2.978. Средняя же величина 1901—1902 годовъ 3.114.

Въ томъ же официальномъ обзорѣ мы находимъ, что осужденные за контрабанду, какъ и вполне естественно, соотвѣтствуя физической природѣ даннаго преступления, рекрутируются главнымъ образомъ и даже въ подавляющей пропорціи изъ населенія пограничныхъ губерній сухопутной границы, а именно: Ковенской, Сувалкской, Ломжинской, Плоцкой, Калишской, Петроковской, Кѣлецкой, Люблинской, Волынской, Подольской и Бессарабской губерній. На долю этихъ губерній выпадаетъ около 93 % всѣхъ осужденныхъ, а именно:

въ 1900 году	2.746	изъ	2.960	человѣкъ
» 1901	» 3.052	» 3.269	»	

И въ этихъ одиннадцати губерніяхъ не вся губернія силою принимаетъ замѣтное участіе въ контрабандной торговлѣ, а лишь пограничная полоса, состоящая изъ тѣхъ уѣздовъ, которые непосредственно прилегаютъ къ пограничной чертѣ. Такихъ уѣздовъ обзоръ насчитываетъ 39 ¹⁾.

Въ остальныхъ уѣздахъ имѣются лишь единичные пособники, такъ сказать, гастролеры, принимающіе или косвенное участіе въ дальнѣйшемъ провозѣ или сбытѣ товара, или же наѣзжающіе отъ времени до времени въ пограничныя мѣстности для прибыльной работы. Вышеупомянутые 39 уѣздовъ составляютъ такъ сказать главное ядро контрабандной дѣятельности, и вотъ для выясненія степени участія каждой группы населенія въ этой преступной дѣятельности необходимо вычислить процентное отношеніе на-

¹⁾ Въ Ковенской губерніи — Россіенскій и Тельшевскій уѣзды; въ Сувалкской — Волковышскій, Владиславовскій и Августовскій; въ Ломжинской губ. — Остроленскій, Маковский, Щучинскій и Кольненскій; въ Плоцкой губ. — Млавскій, Пранышскій, Рыпинскій, Серпецкій и Цѣхановскій; въ Калишской губ. — Вемонскій, Ченстоховскій и Новорадомскій; въ Петроковской — Бенденскій, Ченстоховскій и Новорадомскій; въ Кѣлецкой — Олькутскій, Свѣровскій, Стопницкій и Пончовскій; въ Люблинской — Бѣгородскій, Яновскій и Тимашовскій; въ Волынской губ. — Кременекскій, Владиміръ-Волыньскій и Дубенскій; въ Подольской — Каменьць-Подольскій и Проскурвской; въ Бессарабской — Хотинскій, Измаильскій и Бѣлецкій. Къ этимъ 37 уѣздамъ пограничной полосы присоединяются еще два уѣзда одной пограничной губерніи, а именно: Варшавскій и Влоцлавскій уѣзды Варшавской губерніи. Последнее — видимо исключеніе — можетъ быть объясняется тѣмъ, что въ самой Варшавѣ имѣется таможня.

оселенія этой пограничной полосы по тѣмъ же вѣроисповѣднымъ группамъ, какъ распредѣлена таблица участія въ контрабандѣ. Все населеніе всѣхъ 39 уѣздовъ по вычисленіямъ, произведеннымъ на основаніи данныхъ Центрального Статистическаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (Тетрадь отъ 31 августа 1901 года)—5,262.889. Это количество распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

ТАБЛИЦА 4.

Католиковъ	2,840.909	челов. или	53,9%
Православныхъ	1,660.937	»	» 31,6 »
Евреевъ	571.784	»	» 10,9 »
Лютеранъ	174.926	»	» 3,3 »
прочихъ исповѣданій	14.333	»	» 0,3 »

Сопоставляя послѣднюю табличку съ предыдущей, выражающей процентное отношеніе участія приведенныхъ вѣроисповѣдныхъ категорій въ контрабандныхъ проступкахъ, мы должны констатировать, какъ логическій выводъ изъ фактическихъ данныхъ, слѣдующія положенія:

1. Католическое населеніе принимаетъ въ контрабандѣ значительно большее участіе (57,3%) сравнительно съ пропорціей среди ограничнаго населенія (53,9%), причѣмъ уклоненіе соотвѣтствуетъ плюсу въ 3,4%.

2. Со вторымъ нѣсколько меньшимъ плюсомъ, но все еще выше своей пропорціи слѣдуютъ лютеране, а именно, участіемъ въ 3,7% вмѣсто 3,3%.

3. Еврейское населеніе принимаетъ въ контрабандѣ меньшее участіе (9,8%) сравнительно съ пропорціей его среди пограничнаго населенія (10,9), причѣмъ минусъ—1,1%.

4. Сравнительно наибольшее уклоненіе въ сторону меньшую образуютъ православное населеніе, а именно 27,5 вмѣсто 31,6 или уклоненіе на 4,1% меньше своей нормы.

5. Ни у одной изъ вѣроисповѣдныхъ группъ не можетъ быть рѣчи о какомъ-либо монополизированіи контрабанды: всякая принимаетъ участіе, приблизительно соотвѣтствующее своему нормальному отношенію среди состава населенія пограничной полосы, и уклоненія въ ту или другую сторону не превышаютъ 5%.

Тѣмъ менѣе можетъ быть рѣчь о какой-то «еврейской контрабандѣ»; всѣ подобныя разглагольствованія являюся намѣреннымъ или лучше сказать злонамѣреннымъ искаженіемъ фактически существующаго отношенія и не основаны ровно на какихъ бы то ни было объективныхъ данныхъ. Рѣчь можетъ быть

лишь о томъ, что евреи наравнѣ съ другимъ пограничнымъ населеніемъ *тоже* принимаютъ участіе въ контрабандѣ; не смотря на крайнюю ограниченность доступныхъ имъ промысловыхъ занятій, они все-таки принимаютъ *нѣсколько меньшее участіе* въ этомъ «общечеловѣческомъ» грѣхѣ, чѣмъ, можно было бы предполагать по количественному своему отношенію среди пограничнаго населенія.

Вотъ какую странную фізіономію пріобрѣтаетъ «еврейская контрабанда», считающаяся нашимъ специфическимъ и чуть-ли не національно-еврейскимъ грѣхомъ, если въ освѣщенію, къ выясненію ея приступить съ фактическимъ матеріаломъ въ рукахъ; вѣдь при основательномъ толкованіи какихъ бы то ни было серьезныхъ соціальныхъ явленій немислимо что либо иное помимо безпристрастнаго суда объективныхъ цифровыхъ данныхъ, заимствованныхъ изъ оффиціального источника, не подверженнаго ни малѣйшей тѣни сомнѣнія.

Б. Гольдбергъ.

Гласъ изъ Сіона.

Первый съездъ палестинскихъ учителей.—Возрожденіе Іегудія и Куфръ-Сабы.—
Надежда Вадахнина.—О вѣздѣ въ Палестину.—Похищеніе архива «Мерказа».—
Собраніе виноградарей.—Новая кооперація табаководовъ.—Извѣстія изъ Метулы.—
Открытіе новыхъ путей сообщенія.—Они и мы.

Первый вѣздъ палестинскихъ учителей — является, несомнѣнно, однимъ изъ наиболѣе достойныхъ вниманія событій въ нашей выдохшей и безцвѣтной жизни за послѣднее время. Союзъ палестинскихъ учителей былъ созданъ въ прошломъ году одновременно съ обще-палестинской организаціей, но въ то время какъ послѣдняя вызвала столько нареканій и недоразумѣній, учительская организація стояла въ сторонѣ отъ всѣхъ мѣстныхъ интригъ и сплетенъ, продолжая работать по мѣрѣ своихъ силъ. Слѣдуетъ признать, что и эта работа пока еще находится въ условіяхъ далеко не нормальныхъ, т. к. официально не всѣ мѣстные учителя вошли въ эту организацію по причинамъ «политическаго» характера. Да, и у насъ есть «политика» и, пожалуй, даже ея больше чѣмъ слѣдовало-бы!..

Вотъ создана учительская организація съ цѣлью, кажется, весьма простой и ясной—улучшенія какъ школьнаго дѣла вообще, такъ и быта мѣстныхъ учителей, въ частности; казалось, всѣ должны были-бы отозваться на этотъ кличъ и дружно взяться за эту благодарную, плодотворную работу. Но вотъ и здѣсь выступили всякія «политическія» соображенія.—Учителя школъ «Альянса» нашли нужнымъ уклониться отъ участія въ союзѣ, вѣроятно, ожидая официального разрѣшенія изъ Парижа; тоже сдѣлали учителя школъ «Еко» въ колоніяхъ, по крайней мѣрѣ старшіе учителя или директора, какъ въ П.-Тиква, З.-Яковъ. Директоръ вѣмецкой школы Лемеля въ Іерусалимѣ, директрисса школы Эвелины Ротшильдъ также никакого участія въ этой организаціи не принимаютъ. Остались учителя школъ, субсидируемыхъ Одесскимъ Комитетомъ, и нѣкоторые изъ прочихъ школъ. Тѣмъ не менѣе есть основаніе надѣяться, что, при извѣстномъ тактѣ и энергичной работѣ, эта слабая пока организація укрѣпится и постепенно завоюетъ симпатіи и довѣріе всѣхъ работающихъ на школьномъ поприщѣ въ Палестинѣ.

Единственное учрежденіе, поддерживающее пока учительскій союзъ—это Одесскій Комитетъ, ассигновавшій 500 фр. на необходимыя организаціонныя рас-

ходы. Благодаря этому союзъ имѣлъ возможность приступить въ подготовительнымъ работамъ для устройства съѣзда. Мѣстомъ съѣзда была назначена колонія Гедера. Ко 2-му сентября стали съѣзжаться учителя; они прибыли изъ Иерусалима, Яффы, Кастини, Гдеры, Реховотъ, Экронъ, Вадиханинъ, Р.-Леционъ, изъ Галилеи—З.-Яковъ, Седжеры, Яммы, Месхи и Р.-Шины.

Засѣданіе открылось прочувствованной и весьма серьезной рѣчью председателя г. Д. Иелина, послѣ чего приступлено было къ чтенію рефератовъ и разныхъ предложеній. Были затронуты самые жгучіе вопросы школьнаго дѣла. Читали рефераты гг. Иелинъ, Кричевскій, Зуте и другіе.

Съ большимъ интересомъ былъ прослушанъ рефератъ г. Д. Иелина о произношеніи и правописаніи еврейскаго языка. Рефератъ этотъ, въ виду его общаго значенія и серьезности, рѣшено было отпечатать отдѣльной брошюрой.—Также интересны были рефераты о школьныхъ бібліотекахъ, странствующихъ бібліотекахъ, о школьномъ музеѣ. Особое вниманіе удѣлено разработкѣ нормальной программы для школъ палестинскихъ колоній, вопросу до сихъ поръ еще не разрѣшенному, не смотря на нашу 25-лѣтнюю работу въ школьномъ дѣлѣ Палестины.

Съѣздъ выработалъ такую программу для колоніальныхъ школъ съ 8-лѣтнимъ курсомъ при 2—3 учителяхъ.

Изъ другихъ работъ съѣзда отмѣтимъ учрежденіе товарищества для изданія учебниковъ на еврейскомъ языкѣ. Пока имѣется въ виду выпустить до 300 акцій по 20 фр. каждая. Недостатокъ въ хорошихъ учебникахъ въ палестинскихъ школахъ, гдѣ преподаваніе ведется по еврейски, чувствуется въ весьма сильной степени, неблагоприятно влияя на ходъ обученія. Организованное издательство, руководимое компетентными педагогами, безъ сомнѣнія, окажетъ серьезную пользу палестинской школѣ.

Съѣздъ рѣшилъ также положить начало учительскимъ курсамъ. За двѣ недѣли до годичнаго съѣзда устраиваются пробные уроки, которые служатъ потомъ темой для обмѣна мыслей.

Учителя разстались другъ съ другомъ съ чувствомъ удовлетворенія и нѣкоторымъ подъемомъ духа: четырехъ-дневная общая работа, споры и пренія по вопросамъ, всѣхъ волновавшимъ, не могли не оказать благотворнаго влияния на каждого. При закрытіи съѣзда не обошлось безъ «инцидента».—Дѣло въ томъ, что президіумъ предложилъ отправить благодарственное письмо Од. Комитету, единственному учрежденію, поддерживающему палестинскую учительскую организацію. Понятно, что предложеніе это было принято единодушно. Но однимъ изъ присутствовавшихъ сдѣлано было предложеніе отправить такое-же письмо одному изъ членовъ бывшей въ прошломъ году делегаціи. Предложеніе это было подобно искрѣ, брошенной въ порохъ. Хотя волненіе въ концѣ концовъ улеглось и отправка письма была наконецъ рѣшена въ положительномъ смыслѣ,—бурные и ожесточенные споры по этому «вопросу» оставили неприятный осадокъ и нѣсколько омрачили настроеніе членовъ съѣзда.

* * *

Въ практической работѣ нашей можно отмѣтить фактъ «возрожденія» двухъ почти забытыхъ колоніальныхъ хозяйствъ. Одно изъ нихъ—это поселокъ «Іегудія», прибрѣтенный лѣтъ двадцать тому назадъ, когда новые колонисты поселялись въ П.-Тиква, но въ виду лихорадки, которая въ то время свирѣпствовала въ этой колоніи, не рѣшались поселить здѣсь свои семьи. Колонисты предпочли купить клочекъ земли—въ 140 дун.—деревни Іегудіи, извѣстной своимъ здоровымъ климатомъ, съ цѣлью поселить здѣсь семейства; сами-же ходили на работу въ П.-Тикву. Были выстроены дома, выкопанъ колодезь (одинъ изъ наиболѣе глубокихъ въ Палестинѣ: 47 метровъ); но съ годами колонисты убѣдились въ невозможности вести подобное раздвоенное хозяйство, и мало-по-малу совершенно оставили Іегудію. Дома пусты, двери, окна забиты, крыши сняты и единственнымъ живымъ существомъ въ этомъ селеніи былъ бедуинъ-сторожъ. Прибывшая недавно группа рабочаго люда, съ весьма малыми средствами, купила эту землю у прежнихъ владѣльцевъ за 12.000 фр., на условіяхъ выплаты въ теченіи 10 лѣтъ, начиная съ 4-го года. По заключеніи условія новые поселенцы немедленно перешли сюда со своими семействами, приступивъ къ ремонту полуразрушенныхъ домовъ. И снова закипѣла жизнь! Пожелаемъ этимъ работникамъ всякаго успѣха!

Вновь оживаетъ также земля «Куфръ-Саба», съ 1902 года. Эти 7500 дунамовъ имѣютъ свою исторію. Купленная въ свое время извѣстнымъ г. Х. Э—омъ для дальнѣйшей перепродажи, Куфръ-Саба по причинѣ плохого качества почвы оставалась долгое время не заселенной; образовавшееся въ Россіи для эксплуатаціи этого участка товарищество «Liwnoth welintoa» вскорѣ распалось. Земля перешла къ г. О., бывшему администратору барона, и вотъ при ликвидаціи счетовъ г. О. съ барономъ она была передана «Еко», которое также не знало, что съ нею дѣлать, т. к. земля годится исключительно подъ плантаціи. Недавно «Еко» продало эту землю колонистамъ П.-Тиквы (отстоящей въ 1½ вѣды отъ Куфръ-Саба): земля уступается по 7 фр. за дунамъ, причеиъ при заключеніи договора колонисты внесли по 2 фр., остальные 5 фр. они начнутъ выплачивать чрезъ пять лѣтъ и будутъ платить въ теченіи 8 лѣтъ съ процентами по 80 сантимовъ за дунамъ.

Условія, конечно, весьма выгодныя, и неудивительно, что подписка на все 7500 дун. была покрыта въ самое короткое время.

Колонисты имѣютъ въ виду въ ближайшую зиму приступить къ разведенію обширныхъ плантаціи преимущественно миндальныхъ, оливковыхъ и также эвкалиптовъ деревьевъ для правильной рубки съ цѣлью продажи мѣстномъ населенію, охотно покупающему стволы, сучья эвкалиптовъ для построекъ, подпоръ въ садахъ и проч.—Многолѣтняя практика нашихъ старыхъ колонистовъ, даетъ основаніе надѣяться на успѣхъ ихъ новаго предпріятія.

* * *

Вернулась обратно изъ Парижа маленькая депутація маленькаго Вадахину,

Вернулась она вполне обнадуженная нѣкоторыми изъ членовъ «Еко», которымъ она представила картину критическаго положенія этой колоніи. Трудно себѣ вообразить положеніе большинства этихъ колонистовъ: не будь у нѣкоторыхъ возможности зарабатывать по временамъ въ качествѣ поденныхъ рабочихъ въ боярахъ, принадлежащихъ «Еко», они сидѣли бы безъ хлѣба. Найти выходъ для этой колоніи дѣло не легкое, такъ какъ вблизи нѣтъ хорошей земли, которая могла-бы поднять благосостояніе колонистовъ; тѣмъ не менѣе при желаніи можно было-бы найти нѣсколько сотъ дунамовъ въ сосѣднихъ деревняхъ, и объ этомъ вадахинцы не разъ просили «Еко», но имъ постоянно отказывали.

Теперь-же, убѣдившись въ невозможности дальнѣйшаго существованія колоніи при настоящей площади земли, имъ обѣщали поддержать передъ совѣтомъ «Еко» ихъ предложеніе о покупкѣ 750 дун., которые будутъ отведены специально подъ разведеніе гераніума и табаку; будутъ выкопаны также четыре колодца для орошенія, а земля поднята большимъ плугомъ. Вся смѣта достигаетъ 50 тыс. франковъ.

* * *

Новый іерусалимскій паша Рашид-бей паша уже ознаменовалъ свое пребываніе возобновленіемъ стараго закона, по которому вновь пребывающимъ евреямъ не разрѣшается оставаться въ странѣ болѣе трехъ мѣсяцевъ. Портовая полиція въ Яфѣ встрепенулась и въ настоящее время лица безъ всякихъ средствъ, рѣшающіяся ѣхать въ Яффу (а таковыхъ въ послѣднее время не мало на каждомъ пароходѣ), должны быть нѣсколько осторожнѣе, ибо ихъ ожидаютъ всевозможныя препятствія и мытарства.

* * *

Крупную сенсацию произвело нѣсколько времени тому назадъ, извѣстіе о томъ, что неизвѣстно кѣмъ и съ какой цѣлью были похищены въ Яффѣ всѣ бумаги и архивъ бюро «Мерказа»—Палестинской организаціи, созданной въ прошломъ году. Открытіе этого похищенія сдѣлано было секретаремъ «Мерказа», который однажды утромъ отправился въ бюро съ цѣлью взять нѣкоторыя бумаги: онъ нашелъ двери затворенными, но не запертыми на ключъ; въ письменномъ столѣ—ящики были также закрыты, но не заперты. Всѣ письма, копировальныя книги, вся переписка и даже печати исчезли.

По всему видно, что похитители имѣли цѣлью добыть лишь матеріалъ о дѣятельности «Мерказа», такъ какъ всѣ цѣнныя вещи остались нетронутыми.

Извѣстіе объ этомъ похищеніи моментально облетѣло весь городъ и вызвало самыя разнорѣчивыя толки. Какъ извѣстно, организація немедленно по возникновеніи нашла самыхъ разнообразныхъ противниковъ. Одни, бѣдный людъ, не понимали истинной задачи ея: за свой полу-меджидіе они ждали едва-ли не манны небесной. Эти бѣдные люди излили мѣсяца три тому свою злобу по своему—насилственно требуя чрезъ своихъ выборныхъ обратно уплаченные ими членскіе взносы и вызвавъ прискорбный инцидентъ съ представителемъ организаціи. Другіе про-

тивники, болѣе интеллигентнаго класса, уже принципиальные. Эти, болѣею частью принадлежать къ сіонистической организаціи и, именно какъ таковые, они противъ, новой палестинской, подозрѣвая въ ней, въ особенности послѣ конфликта между однимъ изъ основателей ея и покойнымъ д-ромъ Герцлемъ, организацію анти-сіонистическую, не соответствующую духу базельской программы.

Эти противники, вполнѣ признавая необходимость имѣть въ Палестинѣ представительство, настаиваютъ на томъ, чтобы таковое совпадало съ существующей уже нѣсколько лѣтъ организаціей мѣстныхъ сіонистовъ.— При подобныхъ условіяхъ приходится существовать новой организаціи, условіяхъ, конечно, весьма ненормальныхъ и непріятныхъ, и мы не думаемъ, чтобы послѣ этого она имѣла какой нибудь серьезный *raison d'être*. Одно изъ двухъ—или население не доросло еще, чтобы имѣть свое представительство или новая организація имѣть столько противниковъ, что она не можетъ пользоваться тѣмъ авторитетомъ, безъ котораго работа ея не можетъ быть плодотворной.

* * *

Въ теченіи сентября мѣсяца состоялось въ нашихъ колоніяхъ два собранія весьма серьезнаго характера. Первое—представителей винодѣльческихъ колоній для обсужденія вопроса объ ихъ положеніи. Дѣло въ томъ, что съ тѣхъ поръ какъ «Еко» официально объявило о томъ, что оно рѣшило въ принципѣ передать веденіе всего погребнаго хозяйства самимъ виноградарямъ, начавъ пока съ экспедиціи, послѣдніе стали нѣсколько глубже вникать въ свое положеніе; они начинаютъ чувствовать, что это дѣло серьезное и что теперь только они вступаютъ на естественный путь самостоятельнаго существованія: не будетъ «Еко», не будетъ барона, не будетъ слѣдовательно на кого взваливать всѣ вины по поводу постояннаго пониженія цѣнъ.

Тѣ изъ колонистовъ, которые понимаютъ всю серьезность предстоящихъ реформъ, озабочены всестороннимъ изученіемъ этого вопроса, и вотъ на состоявшемся общемъ собраніи комитетовъ (ваадовъ) всѣхъ колоній рѣшено было отправить проэктъ желательныхъ реформъ, которыя сводятся къ слѣдующему: построить два погреба въ П.-Тиквѣ и Реховотѣ; изъ имѣющихся высокопробныхъ сортовъ оставить не болѣе 40%, остальные превратить на обыкновенные сорта; ассигновать въ теченіи первыхъ двухъ лѣтъ необходимыя суммы на виноградъ и всѣ работы въ погребѣ.

Подробности всѣхъ мотивовъ, цифровыя данныя и проч. виноградари представляютъ особой комиссіи, которую они просятъ «Еко» прислать на мѣсто для детальнаго изученія.—Многие сомнѣваются, чтобы предложеніе это было принято *en bloc*, но слѣдуетъ согласиться, что для такихъ серьезныхъ реформъ, которыя предстоятъ въ погребномъ хозяйствѣ и которыя касаются судьбы виноградарей Гдеры, Реховотъ, Вадахиннъ, Р.-Леціонъ и П.-Тиквы—представляется абсолютная необходимость всесторонняго изученія всѣхъ вопросовъ на *мѣстѣ*, и поэтому назначеніе просимой комиссіи, должно быть рано или поздно принято «Еко».

* * *

Другое собраніе состоялось въ Реховотѣ по инициативѣ рабочихъ, занявшихся въ прошломъ году опытами по табаководству въ Вадахиниѣ. Эта отрасль, которая при рациональной постановкѣ и устраненіи затрудненій со стороны мѣстныхъ чиновниковъ Régie (монопольной компаніи) могла бы сдѣлаться весьма доходной статьей, къ сожалѣнію, до послѣднихъ лѣтъ оставалась не разработанной, и опыты, сдѣланные въ Галилеѣ, въ теченіи многихъ лѣтъ не давали никакихъ положительныхъ результатовъ. Въ прошлое лѣто въ Вадахиниѣ сдѣлана была посадка на 2—3 десятинахъ; табакъ былъ сортированъ и упакванъ самими-же рабочими, имѣвшими нѣкоторый опытъ въ этой работѣ изъ Бессарабіи; для изученія-же условій сбыта одинъ изъ нихъ лично отправился съ табакомъ въ Александрію. Тамъ онъ продалъ табакъ по весьма выгодной цѣнѣ и, что важнѣе, тамошніе фабриканты выразили готовность покупать ежегодно весь запасъ табаку, который можетъ быть приготовленъ палестинскими колонистами.—Для этой-то цѣли и созданы были колонисты, желающіе заниматься табаководствомъ въ наступающій сезонъ. На собраніе явились представители почти всѣхъ колоній и рѣшено было на этотъ годъ образовать кооперативное товарищество изъ 50 членовъ со взносомъ въ 100 фр., уплачиваемыхъ въ три срока, и засадить сообща 100 дун. табаку. Эта плантація будетъ имѣть демонстративный характеръ и служить, такъ сказать, практической школой для всѣхъ членовъ; одновременно-же съ этимъ представители кооперации должны заботиться объ удовлетвореніи могущихъ возникнуть претензій «Régie» и о сбытѣ табаку въ Египтѣ.—Мѣстный банкъ съ своей стороны общалъ организаци этой содѣйствіе, въ случаѣ надобности, ссудой подъ обезпеченіе продуктомъ до продажи его въ Александрію. Хотя, по нашему мнѣнію, въ основѣ этого предпріятія лежитъ принципиальная ошибка, такъ какъ такая культура какъ табаководство можетъ считаться доходной только тогда, когда она будетъ введена какъ подспорье при хозяйствѣ, когда колонистъ, имѣя свои 4—5 дунамовъ при домѣ, сможетъ ее самъ обрабатывать возможно интенсивнѣе, пользуясь своими собственными силами.—тѣмъ не менѣе опытъ этотъ самъ по себѣ заслуживаетъ полного одобренія, какъ признакъ проявленія личной инициативы среди колонистовъ.

* * *

Какой-то злой рокъ преслѣдуетъ нашу сѣверную колонию Метулу. Почти со дня основанія ея идетъ борьба между колоніей и сосѣдями-друзами. Въ теченіи почти десяти лѣтъ они не даютъ покоя колонистамъ, требуя обратно часть земли, на которой находятся постройки колоніи: они устраиваютъ набѣги на колонию, дѣлаютъ потравы, то снимаютъ ихъ хлѣба съ полей, то убиваютъ скотину и т. п.; одинъ изъ колонистовъ былъ убитъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Въ прошлое лѣто, казалось, все уже успокоилось—миръ стоилъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ франковъ. Но не прошло нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ непріязненные дѣйствія друзей возобновились. Тутъ, понятно, не можетъ быть и рѣчи о матеріальномъ благосостояніи, такъ какъ при подобныхъ условіяхъ трудно и говорить о пра-

вильномъ хозяйствѣ; но колонисты со своими семействами настолько измучились, жены и дѣти настолько уже напуганы, что ихъ жизнь положительно стала имъ не въ моготу. Изъ Парижа присланъ бывший служащій администраціи барона пѣкій г. Фарбъ для изслѣдованія положенія на мѣстѣ; кромѣ того, пребывающій здѣсь уже нѣсколько недѣль г. Казесь, знакомый своей дѣятельностью, какъ администраторъ «Еко» въ аргентинскихъ колоніяхъ, также посѣтилъ Метулу. Колонисты изложили ему подробности своего положенія и просили одного изъ двухъ: или обезпечить ихъ жизнь и возможность спокойной работы отъ друзовъ или принять ихъ всѣхъ въ другое болѣе спокойное мѣсто, а Метулу превратить въ ферму, вродѣ Седжеры; въ этомъ послѣднемъ случаѣ Метула, обновленная свѣжими силами, преимущественно, свободной молодежью, имѣетъ шансы устоять противъ систематическихъ нападеній со стороны друзовъ.

* * *

За послѣднее время въ Палестинѣ замѣтны нѣкоторые шаги къ общему подъему ея экономическаго положенія. Такъ, въ Галилейской области особое значеніе будетъ имѣть уже отчасти открытое движеніе по новой линіи желѣзной дороги Хейфа-Дамаскъ, пока совершенно готовой до станціи Семакъ, по ту сторону Иордана, у юго-восточнаго берега Тиберіадскаго озера. Линія эта, прорѣзывающая самую плодородную долину Палестины — «Эмекъ Изрѣаль», идетъ отъ Хейфы до Бессана, отсюда къ сѣверу вдоль берега Иордана, который она затѣмъ пересѣкаетъ огромнымъ мостомъ «Джисеръ», недалеко отъ нашихъ колоній тиберіадскаго района. Безъ сомнѣнія, этотъ новый путь совершенно законченный, окажетъ громадное вліяніе на всю Галилею, теперь почти положительно отрѣзанную отъ всего міра своими до нельзя плохими дорогами. Другой путь также открытый въ прошломъ мѣсяцѣ—это для магометанскаго міра священная дорога—Дамаскъ-Мекка, служащая, главнымъ образомъ, для пилигримовъ; однако она не останется безъ вліянія на экономическое положеніе страны вообще, сближая восточно-иорданскую область съ западной. Пока открыта уже линія на протяженіи 400 километровъ отъ Дамаска къ югу на «Музерибъ», «Аманъ» до «Маанъ», въ ста приблизительно километрахъ къ юго-востоку отъ Керака.

Эта линія, будучи соединена отъ станціи «Аманъ» чрезъ Іерихо съ Іерусалимомъ и Яффою или отъ «Музерибъ» чрезъ Бессанъ съ Хейфой, будетъ имѣть громадное значеніе для всей страны.

Изъ шоссеинныхъ дорогъ настоящей зимой приступаютъ къ линіямъ Яффа-Наблусъ, Іерусалимъ-Наблусъ и къ капитальному ремонту Яффской дороги; возможно также соединеніе колоніи Р.-Леціонъ съ главной линіей Яффа-Іерусалимъ. Это послѣднее зависитъ оттого, будутъ-ли колонисты въ состояніи принять участіе въ расходахъ. По смѣтѣ, уже сдѣланной правительственнымъ инженеромъ по распоряженію іерусалимскаго пашы, дорога эта должна обойтись въ 60,000 фр.

изъ которыхъ половину готова удѣлить казна, если остальную половину дастъ колонія.

* * *

Какъ бы то ни было, мы могли-бы кажется сказать «на нашей улицѣ праздникъ», если-бы... Да, это старое вѣчное «если-бы»! Что имѣемъ *мы* въ этихъ предпріятіяхъ? Все они да они! Дороги *они* строятъ, своими капиталами, трудомъ своихъ рабочихъ. Теперь поговариваютъ серьезно о парходныхъ сообщеніяхъ по Мертвому морю и Тиберіадскому озеру и можно заранѣе сказать, что и эти концессіи и это вліяніе попадутъ въ *ихъ* руки.

Впрочемъ работаемъ и мы! Открыли мы вѣдь въ Іерусалимѣ въ этомъ году свою учительскую семинарію (пока имѣются приготовительный и первый классы) и не нашли другого преподавателя по химіи, какъ вѣмца—учителя тамошней вѣмедкой школы. А наша молодежь, наши химики съ дипломами докторовъ, доцентовъ, оканчивающіе въ Германіи, Швейцаріи, обиваютъ пороги у *нихъ*... Какая глубокая трагедія во всей нашей народной работѣ!

Старый Палестинецъ.

Литературныя бесѣды.

I. X. Бренеръ.

IV.

Характерной чертой всѣхъ почти видовъ еврейской словесности искони является ихъ патетическій элементъ. Въ частности, эта черта всегда преобладала въ еврейской беллетристикѣ. Наши писатели, и мелкіе и крупныя, очень любятъ «высокій штиль», обыкновенно переходящій у нихъ въ напыщенную риторикѣ, въ искусственную приподнятость тона и сентиментальную восторженность. Виноваты-ли въ томъ они сами, или располагающій къ риторичности еврейскій языкъ, или же болѣе глубокія причины нашей «народной психологіи»,—это вопросъ открытый. Но фактъ несомнѣненъ: художественныя *простота* и *мѣра* принадлежать къ качествамъ, наирѣже встрѣчающимся въ «язвннхъ» произведеніяхъ еврейско-писательскаго искусства. Самодовлѣющая творческая мощь, импонирующая этой именно простотой; захватывающая сила эпически-сповойной художественной пластики,—какъ часто ищешь и не находишь этого у еврейскихъ художниковъ слова! Только еврейская поэзія въ последнее время стала проявлять эти качества въ твореніяхъ Бялика, Черниковскаго и еще двухъ-трехъ молодыхъ поэтовъ. Въ беллетристикѣ же нашей мы этихъ качествъ почти что не встрѣчаемъ. Не имѣя среди своихъ представителей крупныхъ талантовъ, могущихъ выдержать сравненіе съ первокласснымъ дарованіемъ Бялика, она до сихъ поръ не дала намъ такихъ высшихъ образцовъ искусства, какими являются лучшія произведенія названнаго поэта. Въ нашей беллетристикѣ въ общемъ нѣтъ той яркости и блеска, въ которыхъ могли бы найти свое отраженіе наиболѣе характерныя черты нашего времени. Въ произведеніяхъ молодыхъ, начинающихъ авторовъ можно встрѣтить все, что отличаетъ литературныя теченія самоновѣйшаго заграничнаго фасона, но въ нихъ мало *своего*, мало собственной оригинальности и мало жизни. Отвлеченныя, безплотныя образы, неестественно-вымученныя темы и претенціозныя положенія,—вотъ что характеризуетъ большинство этихъ произведеній. Пренебреженіе настоящей, доподлинной дѣйствительностью и витаніе въ заоблачнхъ,

символически-заманчивых сферах,— таково отличительное свойство нашей «молодой» беллетристической школы. И поэтому-то нас так приятно поражают эти ряды произведения, в коих меньше всего проглядывает это свойство, и так привлекают наше внимание писатели, сохранившие среди болѣзненно-декадентскаго повѣтрія свой здоровый, творчески-самобытный талантъ.

Такимъ писателемъ и является І. Х. Бренеръ. Отъ его таланта вѣтъ именно тою самобытнѣйшей силой, тѣмъ свѣжимъ дыханіемъ самороднаго творчества, въ которыхъ невольно чувствуется трепетъ «правды жизни», озаренной свѣтомъ истинной художественной красоты. И чѣмъ дальше знакомишься съ произведеніями этого автора, тѣмъ явственнѣе выступаютъ въ нихъ эти высшія художественныя качества.

Вслѣдъ за первымъ, рассмотрѣннымъ нами сборникомъ появилось еще нѣсколько рассказовъ Бренера въ журналѣ «Гашилоахъ» и альманахѣ «Ахисафъ». Поле наблюденія нашего автора осталось въ общемъ то же: та же «долина скорби» съ ея незамѣтными героями, неслышными страданіями, сдвоеннымъ стеномъ и прививающимъ гнетомъ «черной нужды». Внѣшніе приемы изображенія «долинны» также сохранили свой прежній характеръ: проникновенность и глубину психологическаго анализа, сжатость и скульптурность рисунка, сосредоточенность мысли и пренебреженіе не только дешевымъ, но и сравнительно болѣе цѣннымъ эффектомъ. По-прежнему, рассказчикъ «отбираетъ» себѣ извѣстный, опредѣленный уголокъ хорошо знакомой ему жизни и, сосредоточивая на немъ все свое вниманіе, вдумчиво и серьезно накладываетъ на него свои выразительныя краски, мало, повидимому, заботясь о томъ, какое онѣ, въ конечномъ результатѣ, произведутъ впечатлѣніе. Но впечатлѣніе, какъ бы помимо воли автора, всегда получается сильное и глубокое.

Вотъ, напримѣръ, одинъ такой незамѣтный, казалось бы, уголокъ жизни маленькаго, бѣднаго ешиботника изъ очерка «Тамъ». Это—драма всего только двѣнадцатилѣтняго мальчугана, но она стоитъ многихъ «настоящихъ» драмъ. Это—исключительно наша, специфически-еврейская драма, и только намъ понятная во всѣхъ ея серьезныхъ и комическихъ деталяхъ. Дѣйствительно: развѣ не серьезно и комично въ одно и то же время, что маленькій еврейскій мальчикъ, ребенокъ—талмудистъ, въ пору наивнаго дѣтства пропитавшійся схоластическою мудростью, мечтаетъ о прелестяхъ пребыванія тамъ—въ прославленномъ ешиботѣ сосѣднаго города, гдѣ цѣлыя десятки бесъ-мидрашей, наполненныхъ «ламдонами», и гдѣ можно свободно, денно и ночью, предаваться ученымъ занятіямъ?... Но вѣтъ: это очень серьезно. Бѣдная мать отпускаетъ «свѣтъ очей своихъ» и будущее свѣтло во Израилѣ на чужбину, гдѣ у нея кстаті имѣется дальній родственникъ, владѣлецъ цѣлыхъ двухъ лавокъ «въ самомъ центрѣ города», и маленькій Ломоносовъ достигаетъ цѣли своихъ нецѣлѣсныхъ мечтаній, попадаетъ туда... Но увы: «тамъ» онъ впервыя постигаетъ и горечь обиднаго разочарованія. То, что неудержимо вышло изъ себя думы ребенка-талмудиста, на дѣлѣ оказалось мало-привлекатель-

нымъ. И самый источникъ премудрости, котораго жаждалъ не по-дѣтски пылливый умъ, оказался недостаточно чистымъ, и вся окружающая атмосфера выпла ужъ черезъ-чуръ удушливой и тяжелой для впечатлительнаго мальчика. Подавленный этой тяжестью, среди физическихъ и нравственныхъ мукъ, отъ которыхъ не спасалъ «богатый родственникъ», юный питомецъ ешибота жалѣеть о покинутомъ родномъ гнѣздѣ, прежде убогомъ и постыломъ, а теперь рисуящемся въ образѣ теплаго пріюта, гдѣ есть привѣтъ и ласка пѣжная, и материнская забота, и поэзія благоухающаго сада, арендуемаго «простымъ», не ученымъ, но любимымъ отцомъ. И истомившаяся дѣтская душа рвется назадъ—«туда», подъ родной кровъ, подальше отъ чужихъ людей, ничего не дающихъ этой душѣ, кромѣ горькаго сознанія одиночества и заброшенности, и сковывающихъ ее холодомъ обидъ и униженій; но въ то же время тревожная мысль задаетъ вопросъ: какъ отнесутся къ этому *тамъ*? что скажутъ старый «ребѣ», мѣстный раввинъ, товарищи,—словомъ, всѣ тѣ, передъ которыми онъ раньше мечталъ предстать во всеоружіи пріобрѣтенныхъ въ ешиботѣ знаний? Обрадуется ли, при видѣ крушенія ея тайныхъ надеждъ, бѣдная мать?... Но все невыносимѣе становится на чужбинѣ, гдѣ «и поплакать не даютъ», все душнѣе дѣлается ея постылая атмосфера, — и жребій, наконецъ брошенъ: первый подвернувшійся предлогъ (дѣтскія заблѣванія въ городѣ)—и ешиботникъ спѣшитъ «туда», домой... Вотъ онъ уже тамъ, въ родномъ городѣ; вотъ показались старая синагога, прежній «хедеръ»; среди ночной тиши отдаются звуки шаговъ «бѣглеца», съ котомкой пробирающагося къ родительскому дому—и вдругъ... Но послушаемъ рассказъ самаго героя:

....И вдругъ я остановился и потянулъ въ себя воздухъ. Усталости я не чувствовалъ. Сознаніе всей пропасти между тѣмъ, что было и что есть теперь, ожило во мнѣ въ эту минуту съ необыкновенной ясностью. Такъ-то: моя радость могла бы быть полною, если бы я послушался голоса разума и не поторопился такъ некстати. Теперь—не то. Теперь дѣло испорчено. Я самъ, собственными руками, лишилъ себя счастливейшихъ минутъ моей жизни... Сердце мое застучало въ груди. Всѣ доводы за необходимость моего возвращенія, казавшіеся раньше столь вѣскими, ослабѣли, потеряли свое значеніе, рассыпались... Развѣ это не безуміе? Чѣмъ я оправдаюсь? Вышло запрещеніе ночевать въ синагогѣ,—и я убѣжалъ домой! Глупо и стыдно! Это непростительная слабость; я не устоялъ въ испытаніи и въ одинъ мигъ разрушилъ свое счастье...

Съ того момента, какъ я рѣшился на этотъ безумный шагъ, во мнѣ зародился нѣкій безпокойный звѣрекъ, давящій и сосущій, сначала спрятавшійся гдѣ-то далеко внутри, а затѣмъ принявшійся свободно терзать и мучить. Сперва обнаружились его голова, языкъ, зубы; а когда я остановился передъ желаннымъ домомъ, онъ показалъ свои настоящія когти...

Вотъ и этотъ домъ... Постучаться ли? Они себѣ спятъ преспокойно и не подозреваютъ того, что я налѣзалъ. О, какъ былъ бы я счастливъ, если бы я не былъ здѣсь въ эту минуту; если бы я теперь снова очутился тамъ, въ томъ чужомъ городѣ. Не вернуться-ли?

Я чувствовалъ себя, точно во снѣ.

Нѣтъ, еще не все конечно. Я начну плакать, я расскажу все,—мнѣ повѣрять; вѣдь она мать мнѣ... Но что это? Слабый свѣтъ мелькаетъ въ окнѣ... Неужели еще не спать? Такъ поздно...

— Гиршель!...

Мать стояла посреди комнаты надъ корытомъ, наполненнымъ бѣлѣмъ и мыломъ. Ея лицо и руки были мокры и грязны; а крикъ, вырвавшійся изъ ея

груди при видѣ меня, далъ мнѣ хорошо понять весь ужасъ моего поступка. О, если бы земля провалилась подо мною!... „Мама... болѣзни... болѣзни... тамъ... во всемъ городѣ“—бормоталъ я, и какъ былъ бы я счастливъ, если бы я могъ наглядно показать, какъ я опасно боленъ.. Но я стоялъ совершенно здоровый на порогѣ, съ своимъ узломъ. Насъ раздвѣляла спинка стула, покрытая мокрымъ бѣльемъ...

— Болѣзни? болѣзни—ты говоришь? Горе мое!... Ну, сынъ мой, — а наши родственники? Наши родственники развѣ не пожалѣли тебя? Что же ты молчишь?... Нѣтъ?... А почему? Почему же ты не съумѣлъ расположить ихъ къ себѣ, сынъ мой? Ай, Гиршеле, Гиршеле! Ты пріѣхалъ... „Болѣзни“... Ребенокъ остается ребенкомъ... Вѣдь все отъ Бога, глупенькій мой... Если Господь убережетъ... И Тора спасаетъ... А здѣсь—ты думаешь...

На скамьѣ, въ полумракѣ, тѣсной, сдавленной кучей лежали всѣ наши. Мухи жужжали въ ночномъ воздухѣ. И казалось сдавленный плачь, тяжелый и безсильный, скользя по потолку и стѣнамъ.

— А отецъ?... Гдѣ отецъ? Въ саду?

— Въ саду? Въ какомъ саду?

— Не снимали развѣ въ этомъ году?

— Сняли... на несчастье, сняли... Но развѣ есть у насъ на чемъ вздѣть-то въ этотъ садъ? Когда Господь караетъ, сыночекъ мой, то горе входитъ и черезъ двери, и черезъ окна... Лошадь-то наша заболѣла, Гиршеле, опасно заболѣла; вотъ уже съ двѣ недѣли... Отецъ пошелъ къ знахарю: быть можетъ, заговорить; недавно ей стало хуже... Ой, Гиршеле, сыночекъ мой; ты пріѣхалъ... а твой отецъ—такой человекъ... съ такимъ человекомъ вовсе и жить нельзя. Все время я прошусь у него, какъ у разбойника: „Иди къ знахарю, иди къ знахарю; всѣ имъ пользуются“; а онъ, этотъ грѣшникъ, лежитъ себѣ на печи... Свои „умничанья“ онъ ужъ забросилъ, правда; но—его лѣнь! Развѣ есть еще подобный лѣнтяй во всемъ мѣрѣ? Я умоляю его, какъ разбойника: „что тебѣ стоитъ, если позовешь заговорщика?“ а онъ никакого вниманія. Теперь только, когда лошадь уже издыхаетъ, онъ вздумалъ пойти... Ой, ой, чѣмъ это я согрѣшила?... А я такъ думала, сыночекъ, что тебѣ хорошо тамъ... лучше, нежели здѣсь... ты прислалъ такое хорошее письмо—сытъ, одѣтъ... Что? плохо и на чужбинѣ? Что ты молчишь, мой сынъ? Почему ты стоишь на порогѣ? Ну, Расскажи же мнѣ, какъ и что... Родственникъ нашъ; Сендеръ, богатъ? богачъ онъ? Подойди сюда... Ну, слава Богу, что вижу тебя здоровымъ... Сердце мое разрывается... Видно, такъ и должно быть; все отъ Бога... Что же ты плачешь? Нечего плакать, ты въ своемъ родномъ домѣ... А? что ты шепчешь? Гиршеле, сынъ мой, Господь съ тобою... какъ ты поблѣднѣлъ... Горе мнѣ, Гиршеле, сынъ мой! Что же ты падаешь?..

Такъ-то маленькій Гиршель вернулся «оттуда»—«туда»...

V.

Читатель подумаетъ: старая, незначительная тема—ошиботѣ ишиботникахъ... Кто у насъ не писалъ на эту старую, надоѣвшую тему? А я думаю: никто *такъ* объ этомъ не писалъ. Я думаю, что въ этомъ очеркѣ сказалося рѣдкая сила таланта Бренера. Другой на его мѣстѣ занялся бы внѣшнимъ описаніемъшиботныхъ порядковъ, наговорилъ бы много хорошихъ умныхъ словъ по поводу этихъ «разсадниковъ Торы», громилъ бы ихъ недостатки и пр. Но Бренеръ остается вѣрнѣй себѣ: для него внѣшняя обстановка жизни имѣетъ значеніе лишь по скольку она отражаются на *внутреннемъ мѣрѣ человека*, и только на этомъ онъ сосредоточиваетъ главное свое вниманіе; для него важна не среда, не обстановка сама по себѣ, а та *личность*, которая является ея продуктомъ, ея центромъ и фокусомъ. Онъ—художникъ—психологъ.

Она ярко и сильно выдвигает на первый план «вѣнец созданія», раскрывает его душу съ ея тайными, сокровенными, трепетными изгибами и дѣлает это такъ искусно, что и всѣ побочныя детали среды и обстановки какъ бы сами собою, безъ замѣтнаго усилія со стороны художника, выступаютъ съ поразительной выпуклостью, гармонично группируясь вокругъ центральной фигуры и какъ бы освящаясь отраженными ею лучами.

Такъ и въ этомъ очеркѣ. Повидимому, все здѣсь сосредоточено на психологическомъ самоанализѣ героя (рассказъ ведется отъ перваго лица). Изъ тонкихъ, какъ бы небрежно разбросанныхъ штриховъ, составляются реальнѣйшіе образы и вырисовывается вся «обстановка», въ которой происходитъ рассказъ: своеобразный міръ «спивы» съ ея воспитателями и питомцами, съ проникающимъ ее духомъ и окружающей атмосферой, съ ея удушливымъ мракомъ и рѣдкими, едва прорѣзывающими его лучами; а рядомъ съ этимъ, въ еще болѣе реальныхъ чертахъ, выступаетъ и семейная, домашняя среда «героя»—все, что есть «тамъ» характернаго, свѣтлаго и скорбнаго. Насколько реальны и правдивы эти черты, читатель могъ судить по вышеприведенному отрывку,—хотя судить лишь отчасти, ибо ихъ подлинная яркость не могла не поблѣднѣть въ нашемъ переводѣ.

Въ рассмотрѣнномъ очеркѣ сказалась главная особенность таланта Бренера, выдвигающая его далеко изъ ряда прочихъ нашихъ, и не однихъ нашихъ, беллетристовъ, которые стараются или напускать одну только «психологию», или копировать одну только «натуру». У Бренера и то и другое сливается въ одну художественную гармонию, въ одну творчески—цѣльную картину, въ которой оба эти элемента, взаимно дополняя другъ друга, тѣсно переплетаются между собою и даютъ впечатлѣніе рѣдкой художественной силы. Но еще рѣзче выступаетъ эта особенность нашего писателя въ эскизѣ: «Дважды», помѣщенномъ рядомъ съ очеркомъ «Тамъ» и объединенномъ съ нимъ какъ общимъ заглавіемъ ¹⁾, такъ и нѣкоторою общностью мотива.

Здѣсь—также маленькій герой, «сынъ нужды и заботъ», питомецъ аналогичнаго съ ешиботомъ расадника наукъ — хедера, гдѣ онъ всегда — покорная жертва осязательно-меламедскихъ «поощреній», а иногда—предметъ заботливаго покровительства жалостливой «ребециня». Гнетуще и тоскливо проходятъ школьные дни и вечера для бѣднаго мальчика, не по лѣтамъ развитаго, сосредоточеннаго и одинокаго среди менѣе «ученыхъ» шалуновъ-товарищей; томительно и однообразно тянется время за принудительнымъ ученьемъ подъ неослабнымъ надзоромъ строгаго ребе съ длинными, острыми, больно царапающими пальцами.. Что-то безотчетное, но мучительно больное переполняетъ дѣтскую душу... Хуже и горше всего,—вспоминаетъ нашъ герой,—была эта безотчетная тоска, мучительная хедерная тоска...

Лежать, растянувшись, на скамейкѣ, получить куда слѣдуетъ „горячихъ“ и помергнуться послѣ этого самаго дѣйствія позорному стоянію съ концомъ ру-

¹⁾ „Два эскиза“.- Ахисафъ, т. XI.

башки, торчащимъ изъ панталонъ на подобіе остроконечнаго мѣшечка, употребляемаго для прессованія сыра,—все это несомнѣнно очень стыдно и очень больно. Но что значить такой неприятный случай въ сравненіи съ ежеминутными невидимыми ранами, съ всегдашними тайными болями, отъ которыхъ нѣтъ спасенія и защиты, отъ которыхъ некуда уйти, которыми нѣтъ даже названія?...

Жесткока зима... И особенно сильно проявляется ея жестокость тогда, когда свѣжные сугробы производятъ свое смягчающее дѣйствіе на сердца «ребенщинъ», наполнивъ его жалостью къ тебѣ, неприкрытому, и когда острая стужа вызываетъ ея заботу о твоёмъ здоровьи, въ видѣ приказанія облачиться перелезъ уходомъ домой въ ея ветхую кофту. Положимъ, она имѣетъ благую цѣль: убережъ тебя отъ простуды, да кстати же—показать твоимъ родителямъ, какъ она печется о тебѣ. Но тебѣ отъ этого не легче. Вѣдь ты столько боролся за это съ матерью, покорно принявъ всѣ ея горькія проклятія и колотушки и не пожалѣвъ даже ея «короткихъ дней», пока тебѣ не удалось самоотверженно убѣждать въ хедерѣ такъ-таки безъ ея платка,—и все это для того только, чтобы избавиться отъ злыхъ насмѣшекъ надъ твоимъ глупѣйшимъ виломъ подъ этимъ рванымъ платкомъ; чтобы спастись отъ клочки: «старая баба!»—И вотъ, не угодно ли, новая, еще худшая напасть: доскутъя отъ кофты сорока лѣтней женщины я тѣлѣ маленькаго и слабенькаго мальчика!... Какъ я покажусь на глаза завтра? Куда я дѣнусь отъ ихъ насмѣшекъ? Да и самое облаченье это какое-то противное: когда дотронешься до него, то кажется, будто рука твоя коснулась мокрой и холодной кожи мертвой гадины... А ослушаться нельзя. Ребе разсердится на жену и на причинаемое ею безпокойство—и выйдетъ изъ себя: Смотрите, этотъ «гвиръ» еще хорохорится! Важный баринъ! Возьми, дурень; теплѣе будетъ; «всегда бери»—правило... Нечего фарсить. Смѣшно... Ну, одѣвай, одѣвай! Не знаете, кто его отецъ-то?—бывшій мастеръ нюхательнаго табаку!

Тяжела зима,—тяжела, вопреки добрымъ, жадостливымъ чувствамъ, возбуждаемымъ ею въ людскихъ сердцахъ; тяжела, не смотря на занимательные рассказы, что въ ея хумешѣ Vreischis ¹⁾...

Но не легче и лѣтомъ...

Дологъ лѣтній день въ хедерѣ, безконечно дологъ, какъ тысяча безпокойныхъ ночей; безчисленны дни «змая», и что ни день—свѣтлое утро и хедерная пора; и каждое утро—несчетное повтореніе «pituu haktores» (тебя подозреваютъ въ пропускѣ молитвъ), потомъ—псалмы, targum, Waikro, отдѣлы Raschi... И даже тогда, какъ меламедъ р. Сендеръ ставитъ тебя въ примѣръ «мужикамъ», даже когда онъ приказываетъ тебѣ объяснить Нохемелю—«гою» трудное Raschi къ слову «dweisso»—тогда ты, правда, скромно потупляешь глаза отъ испытываемаго приятнаго чувства, но *то страшное* только временно скрывается въ тайный уголокъ твоей души, оставлять же оно не оставляетъ тебя никогда“...

Это—въ хедерѣ. А дома!—И такъ, въ «долинѣ скорби», среди призраковъ горькаго «далеса», не лучше. Тамъ—«отецъ сидитъ безъ дѣла, молчаливый и угрюмый; а мать желтая вся, бранчливая, убогая и грязная, заставляетъ меня укачивать «двойню», не перестающую кричать ни днемъ ни ночью... А все же, слабый человѣкъ жаждетъ новаго, разнообразія, переменъ,—и я также въ дѣтствѣ былъ человѣкомъ».

И этотъ человѣкъ завидовалъ тѣмъ товарищамъ—счастливицамъ, которые иногда совершенно неожиданно, прямо изъ-за школьныхъ фоліантовъ, отпускались изъ хедера домой, по особому требованію родителей. Онъ долго мечталъ о такомъ приятномъ сюрпризѣ—и мечта эта, наконецъ, сбылась; «два раза» самъ отецъ пришелъ за нимъ, чтобы взять его изъ хедера домой, среди занятій, въ обыкновенные учебные будни. Одинъ разъ—когда появился на свѣтъ братецъ Лейбеле,

¹⁾ Зимою въ хедерахъ обыкновенно проходитъ кн. Бытій.

и другой разъ—когда, вскорѣ послѣ того, этотъ братецъ отдалъ Богу свою маленькую душу.

Въ первый разъ—

„былъ весенній день... Кругомъ все сіяло и трепетало въ солнечныхъ лучахъ; только изъ нашего дома не убралась его обычная тѣнь, населяющая всѣ его углы какъ-то сумеречною тоскою. А на этотъ разъ къ ней прибавилась еще нѣчто необъяснимое и таинственное; даже пять томовъ „Chok Leisroel“ и нѣсколько книгъ „Ezra w'earbov“, которые какъ бы споконъ вѣку стояли, залыненные, на посудномъ шкафу, получили въ этотъ день какой-то особенный, странный видъ. Въ „особенной“, лучшей изъ обихихъ комнатъ нашей квартиры не было никого, кромѣ кошки съ ея котятками полъ диваномъ. Малыши (мои родители, царство имъ небесное, не смотря на многіе свои недуги и на частныя „выкидыши“, были всегда обременены дѣтьми) высланы были играть на дворъ; а самъ отецъ весь день скитался съ мѣста на мѣсто, безъ видимой причины; въ его глазахъ была та особенная нѣжность, которая посѣщаетъ человѣка въ моменты ожидаія необыкновеннаго счастья; онъ весь какъ бы растаялъ... Мать лежала во второй, меньшей комнатѣ.

Когда я вернулся изъ хедера домой къ обѣду, всѣ были на дворѣ, гдѣ расположился и я. Послѣ долгаго ожиданія я подошелъ, наконецъ, къ двери, — она оказалась запертою извнутри. Я постучался, и мнѣ открылъ отецъ, наполовину стоя за порогомъ и какъ бы готовая загородить дорогу чужому гостю. Выраженіе великой тайны, которую необходимо скрыть, было розлито по его серьезному лицу.

— Хацкль...—донесся стонъ матери изъ ея комнаты,—кто тамъ? Ба-абка?.. Охъ!..

— Нѣтъ, никого... Это Йосель... Ему пора въ хедеръ...

— А кушать, папа?

— Ну, ну, кушать... Не видишь развѣ?.. Ребенокъ вѣчно остается ребенкомъ... Возьми кусокъ хлѣба и иди... Возьми и иди, сынокъ... Иди, мой сынъ“..

Йоселе ушелъ; но вскорѣ его потребовали изъ хедера домой: ожидавшееся событіе совершилось...

„Въ комнатѣ матери все было полно новой жизни и добрыхъ, радостныхъ привѣтствій. Вдоль стѣнъ, вверху, тянулись черныя лініи, сдѣланныя углемъ—огражденіе отъ нечистой силы. Стоны родильницы были теперь совсѣмъ иные, не похожіе на прежніе: въ нихъ уже было больше горделиваго величія, нежели выраженія страданій. Сознаніе новости положенія, смѣниваго недавнюю опасность, сказывалось даже въ способѣ ея особаго возлежанія придававашаго ей обаяніе душевной истомы, нѣжной слабости и блѣдности. Около нея лежало что-то продолговатое и бѣлое, привлекавшее къ себѣ взоры отца, точно центральная, свѣтящаяся точка. Шепотъ сосѣдокъ вокругъ родильной постели походилъ на шумный потокъ, хотя онѣ, повидимому, и старались понизить своей голосъ, для усиленія значенія момента. Среди шепота слышалось: „дурной глазъ“, „первороженица“, „тяжелые роды“, „судьба“, „новое счастье“... и голоса эти сливались съ радостнымъ смѣхомъ отца, твердо вѣрившаго въ дѣйствительность этого новаго счастья.

— А, Йоселе? а? Братецъ?, А? Маленькій братъ?..

— Ну, молодецъ! — остановила его бабка, подбоченившись и прервавъ его радостное настроеніе тономъ насмѣшки и пренебреженія—въ смѣхѣ-то мало толку: этого недостаточно. Лучше-бы вы подумали о томъ, что родильницѣ-то въ ротъ давать нечего... Томе домъ съ родильницей! Смѣшно—да и только. Нѣжный мужъ! Стоять себѣ и радуется... Развѣ это его касается? Какіе здѣсь порядки—кто можетъ знать? Я знаю только, какъ бываетъ у людей; еще на той недѣлѣ я принимала у невѣстки р. Ерухима-габбая... А этотъ—стоитъ да ухмыляется. Томе человѣкъ!

Лицо „человѣка“ омрачается, и онъ начинаетъ перечислять всѣ долги, слѣдующіе ему отъ лавочниковъ еще съ той поры, когда они нуждались въ его товарѣ—всѣ эти „старые долги“, въ которыхъ онъ обыкновенно ищетъ спасенія въ трудныя минуты.

— Слышишь, Йоселе?—обращается онъ, наконецъ, ко мнѣ заискивающимъ голосомъ,—бѣги, сыночекъ, къ толстой Шпринцъ, прямо въ лавку, и скажи.. Ты знаешь, что сказать?—Скажи: мама.. мама родила, мама.. Нѣтъ, ты не будешь знать, какъ... Побѣгу ужь самъ... И въ прошлую пятницу она тебѣ ничего не дала... у Шпринцы нелегко вырвать изъ зубовъ... вырвать... Самъ побѣгу... Теперь... теперь... вѣдь новое счастье“...

Но оно продолжалось всего только ровно двадцать шесть дней,—и Йоселе во второй разъ былъ экстренно призванъ изъ хедера домой.

....Настала ночь. Зажгли лампочку и повѣсили на гвоздь, что въ стѣнѣ. Тѣни смѣшалась съ слабымъ красноватымъ свѣтомъ. Грустное настроеніе усилилось. Мать, изстуженная, приумолкшая, съ глазами, полными протеста и злобы, въ грязной, разстегнутой кофтѣ, металась по дому изъ угла въ уголъ...

Только, когда явился могильщикъ и привычнымъ движеніемъ положилъ маленькій трупикъ въ соломенную корзину, тогда раздался отчаянный крикъ несчастія... Вѣдь въ ребенкѣ была вся ея жизнь. вся ея радость; вѣдь такого ребенка не было во всемъ свѣтѣ: умный, веселый, спокойный, настоящій мудрецъ; совсѣмъ какъ большой...

Возворилось молчаніе...

— Голда...—нарушилъ его отецъ.

— Ну...

— Какъ ты думаешь... рубль... теперь вѣдь нуженъ рубль... Какъ же иначе?.. Такъ ты бы, можетъ быть сходила къ... къ Шпринцъ... сходила бы...

— Ступай въ землю!

— Довольно уже съ насъ, Голда... Довольно, что Лейбеле... да будетъ онъ добрымъ заступникомъ за насъ. Непорочная душа, совершенная... Нѣтъ... На этотъ разъ она, быть можетъ, отдастъ... Вѣдь знаетъ же она, что намъ нужно... на похороны..

Мать закрыла лицо руками и заплакала.

Это былъ протяжный, мучительный вопль, съ отрывистыми переживаниями по серединѣ и короткимъ аккордомъ въ концѣ.

Отецъ поднялся.

— Ну, Голда, довольно! Ему теперь навѣрно хорошо... мучиться пересталъ... А намъ... теперь ты будешь знать, какъ проклинать нашу двойню... Охъ-охъ! Даже за похороны нечѣмъ заплатить... Знаетъ Господь, что онъ дѣлаетъ... Вѣрно; чья-нибудь душа должна была завершить свой срокъ,—вотъ у насъ и родился Лейбеле... А ты, Йоселе, ложись спать, мой сынъ... Завтра тебѣ рано встать... въ хедеръ“...

И Йоселе вернулся въ свой хедеръ, къ ученію о жертвенномъ «тукѣ» и «почкахъ», и больше уже никогда его экстренно не требовали изъ хедера домой...

Повторяю: нужно читать этотъ эскизъ въ оригиналѣ, чтобы почувствовать всю его обаятельную художественную силу. Только большому дарованію дано на такомъ небольшомъ полотнѣ (въ эскизѣ всего 11 страницъ) изобразить такую яркую картину и при томъ при помощи самыхъ простыхъ средствъ, картину (вѣрнѣе—двѣ картины: «въ хедерѣ» и «дома»). Все здѣсь такъ естественно просто, но въ то же время здѣсь нѣтъ ничего ординарнаго и плоскаго, ни одной фальшивой линіи, ни одного неприятнаго диссонанса, а есть вдумчивая, серьезная работа увѣренной кисти, подкупающей какою-то особенной теплотой, разлитой по всей картинѣ. Здѣсь чувствуется биеіе пульса жизни, реальной, неприкрашенной, неприлизанной жизни; но это не сухое, протокольное ея изображеніе, а художественное, эпически-спокойное, какъ бы скульптурное ея воспроизведеніе, скрывающее подъ этимъ видимымъ покоемъ ея внутренній трепегъ, которому «безъ волненія внимать невозможно»...

Очеркъ «Дважды» свидѣтельствуеъ не только о томъ, что авторъ его обладаетъ крупнымъ талантомъ, но и о томъ, что талантъ этотъ прогрессируетъ. Въ первыхъ его произведеніяхъ мы отмѣтили шероховатыя линіи, рѣзкіе контуры; здѣсь же они смягчены тонкою кистью. Тамъ обращали на себя вниманіе преимущественно отдѣльныя подробности; а здѣсь, помимо деталей, изъ которыхъ многія, по мастерской, филигранной отдѣлкѣ, поднимаются на высшую степень изобразительнаго искусства, вся картина и въ цѣломъ сильна своимъ общимъ впечатлѣніемъ. Хочется долго стоять передъ нею и прочувствовать ее,—прочувствовать ощущеніе тихой, но глубокой грусти отъ близкаго соприкосновенія съ жизнью маленькихъ и большихъ обитателей «долины скорби».

Як. Каценельсонъ.

Къ вопросу о высшемъ образованіи русскихъ евреевъ.

(Историко-статистическіе матеріалы)

(Продолженіе).

IV.

Эпоху 1860—80 годовъ можно назвать «золотымъ» періодомъ исторіи русско-еврейскаго просвѣщенія. Начало 60-хъ годовъ можно считать вообще однимъ изъ самыхъ отраднѣхъ моментовъ въ исторіи русскаго еврейства. Обновленная Россія была исполнена самыхъ свѣтлыхъ надеждъ на будущее, русское общество охвачено было самымъ радужнымъ настроеніемъ. Общій подъемъ сообщился и еврейскому населенію. Правительство очевидно измѣняло свои взгляды на «еврейскій вопросъ», и какъ общее законодательство такъ и дѣло просвѣщенія евреевъ обнаруживало новыя вѣянія. Конечно, все обстояло благополучно, но «если, говорить бытописатель той эпохи, незажившія прежнія раны давали еще себя чувствовать, если незабытыя тѣни прошлаго еще возбуждали скорбь,— за то настоящее принимало такія свѣтлыя формы и возбуждало столько упований»¹⁾. Урегулированіе и облегченіе самаго тяжелаго и остраго вопроса— рекрутской повинности, цѣлый рядъ указовъ о правѣ жительства евреевъ, хотя немного расширившій душную сферу «черты»,—все это могло внушать только самыя лучшія надежды. Въ частности, въ дѣлѣ просвѣщенія евреевъ начинанія правительства выразились довольно опредѣленно.

Мессіанская система потерпѣла фіаско, и это обстоятельство было прекрасно сознано въ административныхъ сферахъ. Оффиціальное лицо, проревизовавъ еврейскія училища, заявляло: «Надо дѣйствовать нравственнымъ воспитаніемъ не въ духѣ христіанской религіи, съ которой никогда не согласится еврей, а въ духѣ человѣческаго образованія, равно доступнаго всѣмъ и каждому»²⁾.

Итакъ, мессіанскія тенденціи наставленія на путь истины путемъ привлеченія въ общую школу, было оставлены. Выдвигался принципъ свободнаго отъ всякихъ тенденціозностей образованія, «равно доступнаго всѣмъ и каждому».

¹⁾ С. Гинзбургъ. Забытая эпоха. Восходъ, 1896 г., май—июнь, стр. 144.

²⁾ Н. Барсовъ. Школы на Волыни и Подолии въ 1862 году, стр. 97.

Такимъ образомъ, въ то время, какъ общее положеніе евреевъ оставалось стѣсненнымъ, открывался путемъ образованія исходъ изъ этого безправнаго круга, и положеніе тѣхъ евреевъ, которые окончили высшія учебныя заведенія, является свѣтлой страницей. Указъ 1861 года ставитъ евреевъ съ высшимъ образованіемъ въ раду полноправныхъ гражданъ, и обезпеченная этимъ указомъ жизнь учащейся еврейской молодежи течетъ мирно, не смущаемая новыми стѣснительными нормами или ограниченіями.

Разсматриваемый періодъ въ противоположность предыдущему не отличается разнообразіемъ положеній и указовъ, изданныхъ за это время. На протяженіи 20 лѣтъ мы не сможемъ указать какихъ-либо особыхъ законоположеній, касающихся участія евреевъ въ общей школѣ. Такимъ образомъ, законодательная часть обзора этого періода (1860—80 г.) можетъ быть представлена указаніемъ только на три однородныхъ законодательныхъ акта.

Какъ извѣстно, указомъ 1861 года «О преимуществахъ евреевъ, получившихъ образованіе...» евреи, получившіе *высшія* ученныя степени, допускались на государственную службу по всѣмъ вѣдомствамъ, получали повсемѣстное право жительства и т. д. Въ 1865 году Военный министръ сдѣлалъ представленіе въ Комитетъ Министровъ о допущеніи опредѣленія въ военно-медицинскую службу не только тѣхъ евреевъ-врачей, которые получили *высшую* ученую степень, но и не имѣющихъ таковой. Государственный Совѣтъ, куда перешелъ этотъ вопросъ, согласно съ заключеніемъ Военнаго Совѣта, представленіе Военнаго Министра утвердилъ. Но, кромѣ того, Государственный Совѣтъ предоставилъ и всѣмъ остальнымъ министерствамъ, «которыя признаютъ полезнымъ распространеніе означеннаго закона и на ихъ вѣдомства», входить о томъ съ особымъ представленіемъ ¹⁾.

Это указаніе Государственнаго Совѣта не осталось безъ послѣдствій. Уже въ 1866 году Министръ Народнаго Просвѣщенія ²⁾, а въ 1867 году Министръ Внутреннихъ Дѣлъ ³⁾, обратились съ представленіемъ о допущеніи на службу евреевъ-врачей, не имѣющихъ высшей ученой степени, и по ихъ вѣдомствамъ, что и было утверждено Государственнымъ Совѣтомъ. Такимъ образомъ, медицинская карьера получила для евреевъ нѣкоторое преимущество передъ другими.

Перейдемъ къ изображенію степени участія евреевъ въ общей школѣ, какимъ оно было въ началѣ разсматриваемаго нами періода. Объ этомъ даютъ представленіе таблицы 8, 9 и 10, представляющія «Вѣдомость объ учащихся въ гимназіяхъ и университетахъ» къ 15-му сентября 1864 года.

Сравнивая приведенныя данныя для среднихъ учебныхъ заведеній въ

¹⁾ *Леванда*. № 951, стр. 1030.

²⁾ *Ibid.*, № 970, стр. 1058 и Сборникъ постановл., т. IV. 1865—1870. Спб. 1871. № 117, стр. 303.

³⁾ *Ibid.*, № 988, стр. 1076.

Таблица 8¹⁾.

О К Р У Г А.	Всего.	Еврей.	%	О К Р У Г А.	Всего.	Еврей.	%
Петербургский округъ	4593	13	0,2	Одесский округъ	2454	378	15,4
Петербургская 2 гимн.	497	3	0,6	Ришельевская гимн.	148	—	—
” 5 ”	426	3	0,7	Одесская 2 ”	274	109	39,7
” 7 ”	290	3	1,0	Херсонская ”	271	71	26,1
Нѣмецкое уч. Св. Петра	451	3	0,6	Екатеринославск. ”	303	37	12,2
Нѣмецкое уч. Св. Анны	439	1	0,2	Симферопольская ”	323	46	14,2
Московский округъ	4295	8	0,1	Кишиневская ”	579	41	7,0
Московская 3 гимн.	448	6	1,3	Николаевская ”	374	23	6,1
Тульская ”	421	1	0,3	Керченская ”	131	20	12,2
Тверская ”	347	1	0,2	Одесское Коммерч. учил.	51	31	60,7
Казанский округъ	3080	—	—	Киевский округъ	4855	261	5,3
Харьковский округъ	3043	10	0,3	Киевская 1 гимн.	395	22	5,5
Харьковская 1 гимн.	586	9	1,6	” 2 ”	643	7	1,0
Воронежская # ”	465	1	0,2	Бѣлоцерковская ”	361	38	10,5
Дерптский округъ	1813	55	3,0	Волынская ”	520	42	8,0
Рижская гимн.	284	2	0,3	Ровенская ”	388	25	6,4
Рижское реальн. учил.	161	2	1,2	Каменецъ-Подольск. ”	356	34	9,5
Митавская гимн.	261	31	11,9	Немировская ”	632	26	4,1
Митавская прогимн.	154	20	14,4	Черниговская ”	407	17	4,1
Виленский округъ	3481	248	7,1	Новгородѣвверская ”	371	7	1,8
Виленская гимн.	382	15	3,9	Нѣжинская ”	297	9	3,0
” прог.	200	14	7,0	Полтавская ”	485	34	7,0
Свенцянская гимн.	142	10	7,0	Сибирский округъ	588	8	1,1
Минская ”	304	26	8,5	Томская гимн.	203	8	3,9
Мсзырская ”	148	17	11,4	Всего въ Россіи	28203	981	3,4
Пинская ”	239	12	5,0	Въ 49 гимназіяхъ, ко- торыя посѣщались евреями	16223	981	6,0
Слудская ^М ”	172	9	5,2				
Гродненская ”	152	8	5,2				
Бѣлостокская ”	179	7	3,9				
Ковенская ”	264	58	21,9				
Шавельская ”	288	30	10,4				
Витебская ”	396	4	1,0				
Динабургская ”	195	16	8,2				
Могилевская ”	420	22	5,2				

1) Памятная Книжка Минист. Народн. Просвѣщ. на 1865 г., стр. 258—272.

1864 году (таблица 8) съ данными для 1863 года¹⁾, мы видимъ, что за одинъ годъ число среднихъ учебныхъ заведеній во всей Россіи, въ которыхъ воспитывались ученики-евреи, возросло съ 35 до 49; абсолютное количество учащихся евреевъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ возросло съ 547 до 981. Отношеніе числа учащихся евреевъ къ общему числу учащихся только въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя посѣщались евреями, даетъ 6,0%; такимъ образомъ это процентное отношеніе за годъ возросло съ 3,8 до 6,0. Последнее сопоставленіе весьма разительно. Оно показываетъ, какъ интенсивно сидеть былъ притокъ евреевъ въ общую школу,—когда только пути не были имъ «заказаны».

Округами съ наибольшимъ числомъ учащихся евреевъ являются Одесскій, гдѣ евреи составляютъ 15,4%, а также Виленскій (7,1) и Кіевскій (5,3); въ Одесскомъ же округѣ находятся гимназіи, дающія наибольшій процентъ евреевъ, а именно, 2-я одесская (39,7) и Херсонская (26,1); слѣдующей по количеству евреевъ-учащихся является Ковенская гимназія (21,9). Помѣстивъ въ таблицѣ 8-ой только тѣ гимназіи, гдѣ воспитались ученики-евреи, мы намѣренно включили въ таблицу и Рিশельевскую гимназію: здѣсь, не смотря на то, что гимназія находилась въ Одессѣ—центрѣ, дававшемъ всегда наибольшій процентъ евреевъ-учащихся, учениковъ-евреевъ въ 1864 году не было: согласно уставу этой гимназіи евреи сюда не допускались.

Однако, общее впечатлѣніе приведенной таблицы таково, что процентъ евреевъ учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—3,4—не великъ, а распределеніе евреевъ-учащихся по округамъ, благодаря существованію «черты осѣдлости», крайне неравномѣрно. Такъ, въ Казанскомъ округѣ съ трехтысячнымъ количествомъ учащихся нѣтъ совсѣмъ евреевъ, округа Петербургскій, Московскій Харьковскій и Сибирскій даютъ ничтожный процентъ.

Таблица 9.

Университеты.	Всего.	Евреевъ.	%
С.-Петербургскій	623	31	4,9
Московскій	1515	47	3,1
Казанскій	325	1	0,3
Харьковскій	543	22	4,0
Кіевскій	518	26	5,0
Дерптскій	560	2	0,3
Итого	4084	129	3,1

Переходя къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, для которыхъ у насъ имѣются данныя²⁾ также къ 15-му сентября 1864 года (таблица 9), мы и здѣсь можемъ констатировать громадную интенсивность роста количественнаго участія евреевъ

1) См. „Евр. Жизнь“, № 7, табл. на стр. 171.

2) Памятная Книжка М. Н. Пр. на 1865 г., стр. 190.

въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. По сравненію съ 1862 годомъ ¹⁾, несмотря на общее уменьшеніе количества учащихся въ университетахъ (4546—4084), абсолютное количество студентовъ-евреевъ возросло съ 89 до 129 и, вмѣстѣ съ тѣмъ, процентное отношеніе съ 1,9 до 3,1. Наибольшій процентъ даютъ евреи въ Кіевскомъ университетѣ (5,0), тогда какъ въ 1862 году наибольшій процентъ давали евреи въ Харьковскомъ университетѣ; наиболѣе посѣщаемымъ остается университетъ Московскій. Остается и характерная неравномѣрность распределенія евреевъ по университетамъ; такъ, для Казанскаго и Дерптскаго университетовъ евреи даютъ 0,3%, въ то время какъ абсолютное количество ихъ въ этихъ двухъ университетахъ составляетъ 3.

Таблица 10²⁾

Учебныя заведенія.	Всего.	Евреевъ.	%
Демидовскій лицей	33	—	—
Ришельевскій „	35	2	5,7
Кн. Безбородко лицей	72	1	1,3
Дерптскій ветер. институтъ	14	—	—
Харьковскій „ „	85	3	3,5
	239	6	2,5

Что касается, наконецъ, Лицеовъ и Ветеринарныхъ институтовъ, то количество посѣщавшихъ ихъ къ 15-му сентября 1864 года евреевъ (таблица 10) было совершенно незначительно, что, впрочемъ, соответствовало общей малолюдности этихъ учебныхъ заведеній.

V.

Было бы чрезвычайно важно нарисовать картину быта и внутренняго состоянія еврейской молодежи, посѣщавшей общую школу, изобразить, какъ жили евреи студенты въ это время, каковъ былъ ихъ специально студенческій бытъ, ихъ матеріальное положеніе, заглянуть въ сферу умственныхъ интересовъ и теченій, которыми жило молодое еврейство и т. д. Но, къ глубокому сожалѣнію, совершенное отсутствіе источниковъ, по которымъ мы могли бы составить себѣ представленіе объ этомъ, заставляетъ насъ оставить этотъ досадный пробѣлъ въ исторіи участія евреевъ въ общей школѣ. Единственное, что удалось намъ добыть,—это нѣсколько цифръ изъ исторіи посѣщенія евреями Кіевского (св. Владимира) университета. Исторія эта должна имѣть для насъ еще особый интересъ, ибо, какъ мы увидимъ впоследствии, изъ среды Совѣта Кіевского университета раздался первый голосъ за введеніе ограничительныхъ нормъ для евреевъ при приѣмѣ ихъ въ мѣстный университетъ. Выводы, которые мы намѣрены здѣсь привести, составлены на основаніи Протоколовъ засѣданій Совѣта и Именныхъ

¹⁾ „Евр. Жизнь“, № 7, табл. на стр. 173.

²⁾ Памятная Книжка, стр. 192

вѣдомостей или Списковъ студентовъ, помѣщавшихся ежегодно въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ.

Прежде всего, приведемъ данныя о числѣ студентовъ Кіевского университета съ 1834 года, т. е. со времени его основанія.

До 1850 года мы имѣемъ слѣдующія общія цифры ¹⁾.

Таблица 11.

Г о д а.	Всего.	Евреевъ.	%.
1834	62	—	—
1835	120	—	—
1836	203	1	0,4
1837	263	—	—
1838	267	—	—
1839	125	1	0,8
1840	173	—	—
1841	223	2	0,8
1842	259	3	1,1
1843	322	—	—
1844	403	2	0,4
1845	443	7	1,5
1846	525	12	2,2
1847	570	16	2,8
1848	656	27	4,4
1849	561	21	3,8
1850	544	27	4,9

Характернымъ въ приведенной таблицѣ (11-ой) является бросающееся въ глаза непостоянство цифръ, выражающихъ количество евреевъ въ Кіевскомъ университетѣ за десятилѣтіе 1834—1844 годовъ. Мы видимъ, какъ въ эту эпоху первыхъ шаговъ евреевъ въ общей школѣ появляется въ спискѣ одинъ еврей, затѣмъ исчезаетъ, черезъ два года появляется еще одинъ, снова исчезаетъ и т. д. Эти цифровыя колебанія характеризуютъ то настроеніе, о которомъ проф. Владимірскій-Будановъ въ своей Исторіи Кіевского Университета говоритъ, что евреи, поступавшіе въ университетъ чувствовали себя неловко, покидали совсѣмъ учебное заведеніе или выкрещивались; такимъ образомъ, единицы, обозначающіе евреевъ, совсѣмъ исчезали или переходили въ другую графу.

Для послѣдующихъ годовъ мы можемъ дать болѣе подробныя цифры, съ распредѣленіемъ по факультетамъ ²⁾.

¹⁾ Владимірскій-Будановъ. Исторія Кіевского Университета, т. I. Приложение II, стр. XL.

²⁾ Данныя для десятилѣтія 1851—61 годовъ заимствованы у Н. Бунге. Статистическія замѣтки, табл. II. Кіевскія Университетскія Извѣстія, 1862 г., № 2, февраль, отд. II, стр. 19—24. Остальныя данныя, т. е. для 1862—1879 годовъ, составлены на основаніи Именныхъ вѣдомостей, о которыхъ говорилось выше, и въ которыхъ, наряду съ довольно подробными свѣдѣніями о каждомъ студентѣ, обозначалось и вѣроисповѣданіе. Съ 1880 года печатанье этихъ ежегодныхъ Именныхъ Вѣдомостей прекратилось.

Таблица 12.

ГОДА.	Ф А К У Л Ь Т Е Т Ы.												ОБЩЕЕ.				
	Историко-филолог.			Естественный.			Математический.			Юридический.						Медицинский.	
	В.	Е.	%	В.	Е.	%	В.	Е.	%	В.	Е.	%	В.	Е.	%	В.	Е.
1851 . . .	49	—	—	—	—	56	—	—	103	—	—	381	25	6,7	589	25	4,2
1852 . . .	33	—	—	—	—	44	—	—	88	—	—	426	26	6,1	591	26	4,4
1853 . . .	35	—	—	—	—	56	—	—	103	—	—	447	28	6,3	641	28	4,3
1854 . . .	40	—	—	—	—	67	—	—	109	1 0,9	—	530	27	5,9	746	28	3,7
1855 . . .	58	—	—	—	—	75	—	—	88	1 1,1	—	587	34	5,9	808	35	4,3
1856 . . .	72	—	—	—	—	107	—	—	97	1 1,1	—	627	33	5,2	903	33	3,6
1857 . . .	78	1 1,2	—	—	—	107	—	—	85	—	—	636	32	5,0	906	33	3,6
1858 . . .	95	1 1,0	—	—	—	116	—	—	113	—	—	640	39	6,0	964	40	4,1
1859 . . .	116	1 0,8	—	—	—	153	—	—	157	—	—	540	29	5,3	966	30	3,1
1860 . . .	120	1 0,8	—	—	—	227	—	—	213	—	—	489	25	5,1	1049	26	2,4
1861 . . .	104	2 1,9	—	—	—	260	—	—	253	1 0,4	—	358	26	7,2	945	29	3,0
1862 . . .	98	2 2,0	1 1,8	1 0,8	149	1 0,6	260	5 1,9	210	10 4,7	835	19	2,2	835	19	2,2	
1863 . . .	60	2 3,3	50	1 2,0	78	1 1,2	213	8 3,7	158	14 8,8	559	26	4,6	559	26	4,6	
1864 . . .	46	1 2,1	44	1 2,2	96	1 1,0	201	7 3,4	129	16 12,4	516	26	5,0	516	26	5,0	
1865 . . .	41	1 2,4	49	1 2,0	91	1 1,0	239	7 2,9	116	16 13,8	536	26	4,8	536	26	4,8	
1866 . . .	40	1 2,5	36	1 2,7	69	1 1,4	225	6 2,6	120	23 19,1	490	32	6,5	490	32	6,5	
1867 . . .	55	—	41	1 2,4	76	1 1,3	244	6 2,4	128	31 24,2	544	39	7,1	544	39	7,1	
1868 . . .	с	в	д	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1869 . . .	89	—	49	—	79	1 1,2	295	13 4,0	227	41 18,0	739	55	7,4	739	55	7,4	
1870 . . .	100	—	58	—	78	1 1,2	337	12 3,2	311	56 18,0	884	69	7,8	884	69	7,8	
1871 . . .	103	—	40	1 2,5	76	1 1,3	344	9 2,6	459	80 17,4	1022	91	8,9	1022	91	8,9	
1872 . . .	84	—	29	1 3,4	45	—	279	6 2,1	496	83 16,0	931	90	9,6	931	90	9,6	
1873 . . .	72	—	23	—	42	—	231	4 1,7	492	81 16,4	660	85	9,8	660	85	9,8	
1874 . . .	60	1 1,6	25	—	29	—	189	2 1,0	441	72 16,3	744	75	10,0	744	75	10,0	
1875 . . .	70	—	32	1 3,1	52	1 1,9	131	6 4,5	439	66 15,0	724	74	10,2	724	74	10,2	
1876 . . .	74	2 2,7	42	1 2,3	54	1 1,8	122	6 4,9	487	68 13,9	779	78	10,0	779	78	10,0	
1877 . . .	77	1 1,2	60	1 1,6	74	1 1,3	102	6 5,8	493	67 13,5	806	76	9,4	806	76	9,4	
1878 . . .	96	1 1,0	52	2 3,8	71	1 1,4	119	8 6,7	520	83 15,9	858	95	11,0	858	95	11,0	
1879 . . .	108	1 0,9	54	—	66	2 3,0	133	10 7,5	651	121 18,5	1012	134	13,2	1012	134	13,2	

Въ таблицѣ 12-ой различаются два періода: первый, десятилітіе 1851—1861 годовъ; здѣсь замѣчается уже извѣстное постоянство числа евреевъ въ Кіевскомъ университетѣ, при чемъ цифра процентнаго отношенія достигаетъ *maximum'a*—4,4%, а *minimum'a*—2,4%; средней можно считать цифру около 4%. Обращаетъ на себя вниманіе совершенное отсутствіе евреевъ на естественномъ и математическомъ факультетахъ и незначительное число ихъ на факультетахъ историко-филологическомъ и юридическомъ, и, съ другой стороны, скопленіе евреевъ-студентовъ на медицинскомъ факультетѣ

Во второмъ періодѣ, 1862—1879 годы, наблюдаются тѣ же явленія. Однако, факультеты историко-филологическій, естественный и математическій всегда даютъ какой-нибудь процентъ евреевъ, но единица является здѣсь обычной цифрой, а 2—*maximum'омъ*. Слабо, но болѣе или менѣе постоянно постѣ-

щаемъ юридическій факультетъ; абсолютная цифра учащихся доходить здѣсь до 13-ти, а процентное отношеніе—до 7,5. Медицинскій факультетъ привлекаетъ по прежнему громадное большинство студентовъ, и въ 1879 году абсолютное количество ихъ достигаетъ здѣсь 121, при процентномъ отношеніи къ общему числу 18,5. Что же касается общаго абсолютнаго количества и процентнаго отношенія, то онѣ растутъ, испытывая нѣкоторыя колебанія, но все же обнаруживая значительную интенсивность возрастанія. За періодъ 1862—1879 годовъ абсолютное количество студентовъ-евреевъ увеличилось съ 19 до 134, т. е. въ 7 разъ, а процентное отношеніе къ общему числу съ 2,2% до 13,2%.

Слѣдуетъ упомянуть еще о постороннихъ слушателяхъ и аптекарскихъ помощникахъ, слушавшихъ лекціи въ Киевскомъ университетѣ; евреи давали и здѣсь значительный процентъ. Такъ, для постороннихъ слушателей за 1867, 1868 и 1870 г.г. мы имѣемъ слѣдующія цифры.

Таблица 13.

ФАКУЛЬТЕТЫ.	1866.			1867.			1870.		
	В.	Е.	%	В.	Е.	%	В.	Е.	%
Историко-филологическій	5	1	20,0	8	2	25,0	2	—	—
Физико-математическій	12	—	—	7	—	—	7	1	14,2
Юридическій	9	1	11,1	9	—	—	10	—	—
Медицинскій	12	1	8,3	26	7	26,9	49	8	16,3
Общее	38	3	7,8	50	9	18,0	68	9	13,2

Для аптекарскихъ помощниковъ у насъ имѣются данныя за 1875—1879 годы

Таблица 14.

Г о д а .	Всего.	Евреевъ.	%
1875	55	15	27,2
1876	47	8	17,0
1877	59	14	23,7
1878	104	36	34,6
1879	92	26	28,2

Относительно университетской жизни, матеріальнаго и общественнаго положенія всей этой массы еврейскихъ студентовъ, ростъ которой изображенъ въ таблицахъ 11-ой и 12-ой, мы имѣемъ нѣкоторыя скудныя данныя, также статистическаго характера. Данныя эти мы добыли, прослѣдивъ судьбы евреевъ-студентовъ по протоколамъ Совѣта Университета и Именнымъ Вѣдомостямъ.

Любопытно, что у студентовъ періода 1860—1880 годовъ было сильно развито обыкновеніе мѣнять университеты и вообще высшія учебныя заведенія,

перехода изъ одного въ другое. Мы можемъ судить объ этомъ по слѣдующему обстоятельству. Съ одной стороны, изъ 260 студентовъ, о которыхъ у насъ имѣются свѣдѣнія и которые перебивали въ Киевскомъ университетѣ за означенный періодъ, 47 чел., т. е. 18,0% — процентъ довольно значительный—было уволено по собственнымъ прошениямъ; изъ этихъ 47-ми только 4 поступили обратно и окончили курсъ. Очевидно, что эти 43 чел. не остались безъ высшаго образованія, а поступили въ другія высшія учебныя заведенія. Съ другой стороны, изъ 369 студентовъ-евреевъ, о которыхъ имѣются свѣдѣнія, 90 чел. т. е. 24,3% — цифра уже внушительная—поступили въ мѣстный университетъ, перейдя въ него изъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, Университетовъ, Медико-Хирургическихъ Академій, Технологическаго Института и пр., какъ это значится противъ ихъ фамилій въ графѣ «Предварительное Образование». Поскольку удалось намъ наблюдать (мы не можемъ, къ сожалѣнію, привести цифръ) явленіе это было присуще и остальнымъ студентамъ, но въ гораздо меньшей степени, чѣмъ евреямъ.

Суммируя всѣ данныя графы «Предварительное образование» Именныхъ Вѣдомостей, мы находимъ, что изъ 369 студентовъ-евреевъ, перебивавшихъ въ Киевскомъ Университетѣ за двадцатилѣтіе 1860—1880 годовъ, поступило въ университетъ:

Съ домашнимъ образованіемъ	5	(1,3%)
Изъ Раввинскихъ училищъ	26	(7,0%)
По свидѣтельству гимназій, т. е. выдержавшихъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости	21	(5,6%)
Изъ лицеевъ	16	(4,3%)
Изъ гимназій	211	(57,0%)
Изъ высшихъ учебныхъ заведеній	90	(24,3%)
Итого	369	

Вотъ нѣсколько цифръ, касающихся *состоянія* поступающихъ въ Киевскій университетъ евреевъ. 369 студентовъ распредѣлялись по состояніямъ ихъ родителей слѣдующимъ образомъ:

Мѣщанъ	216	(58,3%)
Кушцовъ	124	(33,5%)
Гражданъ	11	(3,0%)
Чиновниковъ	7	(1,9%)
Иностранныхъ подданныхъ	2	(0,5%)
Оберъ-офицеровъ	2	(0,5%)
Уроженцевъ Царства Польскаго	2	(0,5%)
Провизоровъ, лекарей, учителей, земледѣльцевъ и солдатъ	5	
Итого	369	

Матеріальное положеніе студентовъ получаетъ нѣкоторое отраженіе въ данныхъ о невности платы заученіе и о вспомоствованіяхъ недостаточнымъ студентамъ. Изъ 260 студентовъ, судьбу которыхъ намъ удалось прослѣдить, 44 чел., т. е. 16,9%, было уволено за невность платы за ученіе; но изъ этихъ 44-хъ было принято обратно и окончили курсъ—21; остальные 23 (8,8%) курса въ мѣстномъ университетѣ не окончили. Любопытно, что изъ тѣхъ же 44-хъ четверо были увольняемы по два раза и двое покидали университетъ изъ-за невозможности внести плату за ученіе—по три раза. Если мы прибавимъ, что изъ 260-ти студентовъ 47 чел. было увольняемо по прошеніямъ, 9 (3,4%)—за неявку въ срокъ изъ отпуска (изъ нихъ 3 принято обратно и окончили курсъ) и 3 умерли, то получаемъ, что только 157 чел. (60,3%) окончили курсъ безпрепятственно.

Небезынтереснымъ будетъ посмотрѣть, въ какой степени распространялась на студентовъ-евреевъ благотворительная дѣятельность Совѣта Кіевскаго Университета. Объ этомъ даетъ представленіе слѣдующая таблица, обозначающая количество освобожденныхъ отъ платы за ученіе, получавшихъ пособія и пользовавшихся стипендіями въ 1870, 1871, 1874 и 1879 годахъ.

Таблица 15.

	1870.			1871.			1874.			1879.		
	В.	Е.	%	В.	Е.	%	В.	Е.	%	В.	Е.	%
Освобождено отъ платы за ученіе	102	14	13,7	169	25	14,7	161	25	15,5	141	17	12,1
Получали пособія	165	10	6,0	131	4	3,0	99	11	11,1	112	19	16,9
Пользовались стипендіями	62	6	9,6	66	2	3,0	82	3	3,6	101	8	7,9
Всего студентовъ	884	69	7,8	1022	91	8,9	744	75	10,0	1012	134	13,2

Таблица показываетъ, что процентъ, который давали студенты-евреи по отношенію къ общему числу пользовавшихся матеріальной поддержкой испытываетъ нѣкоторыя колебанія, но въ общемъ можно сказать, что студенты-евреи пользовались поддержкой почти наравнѣ со всѣми студентами.

Вотъ все, что мы можемъ дать касательно посѣщенія евреями Кіевскаго Университета до 1880 года.

VI.

Періодъ 60—80 годовъ знаменуетъ собой чрезвычайно интенсивный и, въ общемъ, свободно прогрессирующій притокъ евреевъ въ гимназіи и университеты; но это явленіе обнаруживаетъ чрезвычайное разнообразіе въ географическомъ распредѣленіи территоріи Россіи.

Статистическія данныя, выясняютъ значительную неравномѣрность распре- дѣленія евреевъ учащихся по округамъ и поразительное колебаніе ихъ количе- ственнаго возрастанія. Фактъ этотъ привелъ къ тому, что къ концу рассматри- ваемаго періода нѣкоторые округа дѣйствительно давали громадный процентъ евреевъ. Это обстоятельство, какъ мы увидимъ ниже, дало, между прочимъ, въ послѣдствіи поводъ самозваннымъ охранителямъ государственнаго равновѣсія,— въ томъ специфическомъ смыслѣ, какъ они его понимали,—поднять вопли о переполненіи евреями общей школы.

Для освѣщенія интересующаго насъ вопроса, мы можемъ представить срав- нительныя данныя по округамъ, входящимъ въ черту осѣдлости евреевъ и, такимъ образомъ, сравнительно плотно ими заселеннымъ, и съ другой стороны, для округовъ, гдѣ еврейское населеніе было незначительно. Надо замѣтить, что не- равномѣрность силы возрастанія съ гораздо большей рельефностью можно обна- ружить на средней школѣ, чѣмъ на высшей. Къ тому же евреи-студенты обла- дали гораздо большей свободой въ передвиженіи, чѣмъ учащіеся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Мы поэтому будемъ здѣсь пользоваться данными, касаю- щимися почти исключительно средней школы.

Намъ приходилось уже выше не разъ отмѣчать то передовое положеніе, которое занималъ одесскій округъ въ дѣлѣ посѣщенія евреями общей школы. И дѣйствительно, округъ этотъ, а въ частности городъ Одесса, всегда давалъ наи- большій сравнительно процентъ учащихся евреевъ. Европейскій характеръ города, его кипучая торгово-промышленная жизнь и вся вообще обстановка, быстро перерабатывавшая взгляды и воззрѣнія отродоксальныхъ евреевъ, прибывающихъ сюда изъ «черты»,—сдѣлали то, что одесскіе евреи всегда оказывались впереди стремленій русскаго еврейства, а въ частности, въ дѣлѣ просвѣщенія играли выдающуюся роль. Это общее положеніе можно подтвердить нѣсколькими цифрами.

Уже за 1865 годъ мы имѣемъ слѣдующія данныя для нѣкоторыхъ учеб- ныхъ заведеній Одессы и ея округа: ¹⁾

Таблица 15.

Учебн. заведенія.	Всего.	Евреевъ.	%
Ришельевская г.	260	39	15,0
Одесская 2-ая г.	308	131	42,5
Одесское ком. уч.	75	42	56,0
Херсонская г.	330	101	30,6
Кишиневская г.	519	47	9,0
Екатеринославск. г.	267	39	14,0

¹⁾ Извлеченіе изъ отчета по Одесскому учебному округу за 1865 годъ Циркуляръ по управленію Одес. уч. окр., 1866 г., № 9, стр. 291—343; а также А. Вистъ. Учебныя заведенія Одесскаго градоначальства. Труды Одесскаго ста- тистическаго комитета. Одесса 1867. Вып. 2.

Новороссійскій университетъ въ первый годъ его основанія (1865) давалъ такія цифры по факультетамъ: ¹⁾

Таблица 16.

Факультеты.	Всего.	Евреевъ.	%
Историко-филолог.	20	—	—
Физико-математ.:			
а) естеств. отд.	23	3	13,0
б) матем. отд.	39	9	7,6
Юридическій.	92	9	9,7
Итого.	174	15	8,6

Если мы возьмемъ теперь среднюю цифру для шести среднихъ учебныхъ заведеній и одного университета Одесскаго учебнаго округа, то получимъ, что евреи составляли 21,4% всѣхъ учащихся,—цифра довольно внушительная. Между тѣмъ, въ то же время, въ 1866 году, во всѣхъ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ г. Варшавы обучалось всего 666 человекъ, изъ нихъ евреевъ было 21, т. е. 3,1% ²⁾. Въ томъ же году въ Московскомъ учебномъ округѣ, въ 13-ти мужскихъ и 6-ти женскихъ гимназіяхъ обучалось 4237 чел., евреевъ изъ нихъ было 10 чел., т. е. 0,2% ³⁾.—Сопоставленіе цифръ достаточно разительное для того, чтобы требовались какіе-либо комментаріи.

Обратимся теперь къ сравненію интенсивности возрастанія количества учащихся евреевъ въ учебныхъ заведеніяхъ различныхъ округовъ, съ различной плотностью еврейскаго населенія; мы и здѣсь придемъ къ аналогичнымъ выводамъ. Приведемъ для сравненія данныя для *С.-Петербургской Первой гимназіи* за двадцатилѣтіе 1860—1880 годовъ ⁴⁾:

Таблица 17.

Г о д а.	Всего.	Евреевъ.	%	Г о д а.	Всего.	Евреевъ.	%
1860	243	—	—	1871	301	3	0,9
1861	267	—	—	1872	323	3	0,9
1862	290	—	—	1873	331	5	1,5
1863	278	—	—	1874	296	5	1,7
1864	277	—	—	1875	317	10	3,3
1865	301	—	—	1876	357	17	4,7
1866	280	—	—	1877	388	18	4,7
1867	276	—	—	1878	416	23	5,7
1868	268	3	1,1	1879	416	21	5,2
1869	272	1	0,3	1880	414	18	4,5
1870	282	3	1,0				

1) Цятиров. статья А. Виста, стр. 126—129.

2) Отчетъ о состояніи русскихъ учебныхъ заведеній въ Варшавѣ за 1866—67 г., стр. 5.

3) Циркуляръ по управленію Московскаго учебнаго округа, 1867 г., № 5, стр. 8.

4) *Д. Н. Соловьевъ*. 50-лѣтіе СПб. 1-й гимназіи, 1830—1880. СПб. 1880 г. Прилож., табл. № 6.

и данныя для Херсонской гимназіи за десятилѣтіе 1860—1870 годовъ ¹⁾.

Таблица 18.

Г о д а.	Всего.	Евреевъ.	%
1860	221	26	11,8
1861	174	21	12,3
1862	237	34	14,7
1863	237	46	19,1
1864	272	68	25,1
1865	322	99	30,7
1866	314	90	29,0
1867	315	91	29,3
1868	321	101	31,5
1869	347	103	29,6
1870	356	110	30,9

Мы видимъ, что въ то время, какъ въ Херсонской гимназіи возрастаніе числа евреевъ идетъ съ громадной, неуклонной интенсивностью, и за 10 лѣтъ абсолютное количество увеличивается въ четыре раза, а процентное отношеніе почти въ три раза,—въ С.-Петербургской гимназіи только въ послѣдніе три года того же десятилѣтія появляется совершенно незначительное, характерно колеблющееся количество евреевъ. Если мы предположимъ, что Херсонъ опередилъ С.-Петербургъ на десять лѣтъ, и будемъ данныя десятилѣтія 60—70 г.г. для Херсонской гимназіи, сравнивать съ данными 70—80 г.г., для С.-Петербургской гимназіи, то и въ этомъ случаѣ С.-Петербургъ останется далеко позади.

Разсмотримъ теперь данныя, относящіяся къ серединѣ разбираемой эпохи, а именно къ 1872 году. Когда въ 1873 году правительство взялось за реформу специальныхъ казенныхъ еврейскихъ училищъ, раввинскія училища были закрыты и учреждены особые учительскіе институты, въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія появилась официальная записка подъ заглавіемъ: «Объяснительныя свѣдѣнія къ положеніямъ о еврейскихъ начальныхъ училищахъ и о еврейскихъ учительскихъ институтахъ» съ приложеніемъ подробныхъ статистическихъ данныхъ ²⁾. Этому обстоятельству мы и обязаны тѣмъ, что въ нашемъ распоряженіи имѣются теперь свѣдѣнія для четырехъ учебныхъ округовъ, а именно Одесскаго, Виленскаго, Кіевскаго, и Дерптскаго. Приведемъ сначала цифры по отдѣльнымъ учебнымъ заведеніямъ (таблица 19).

Для цѣльныхъ округовъ мы имѣемъ данныя (таблица 20), съ одной стороны, по мужескимъ гимназіямъ, прогимназіямъ и реальнымъ училищамъ и съ другой стороны, по женскимъ гимназіямъ; всѣ эти данныя мы приведемъ въ одной таблицѣ.

¹⁾ Историческая записка о Херсонской гимназіи. Циркуляръ по управленію Одесскимъ учебнымъ округомъ за 1873 г., № 7.

²⁾ Ж. М. Н. П. за 1873 годъ, ч. 166, отд. II, стр. 44, 54 и 82—99 (Вѣдомости I и II).

Таблица 19.

УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.			УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.				
	Всего.	Евреевъ.		Всего.	Евреевъ.		
		%			%		
Виленскій округъ.			Одесскій округъ.				
Минская гимн.	391	96	24,6	Херсонская гимн.	251	71	28,3
Гродненская гимн.	314	72	22,9	" прогимн.	160	99	61,8
Ковенская "	432	146	33,9	Одесск. Ришельевск. г.	528	61	10,5
Витебская "	388	38	9,7	" 2-ая гимн.	223	131	58,7
Могилевская "	414	49	11,8	" прогимн.	187	134	71,6
Шавельская "	331	50	15,1	Одесское ком. уч. /	194	95	48,8
Слудцкая "	242	24	9,9	Екатеринославск. гимн.	452	105	23,2
Бобруйская прогимн.	156	27	17,3	Таганрогская "	297	77	25,9
Брестъ-Лит. "	160	29	18,1	Керченская "	346	103	29,7
Гомельская "	121	9	7,4	Симферопольская "	365	43	11,7
Бѣлостокск. реальн. уч.	207	38	18,3	Кишиневская "	424	52	12,2
Динабургск. " "	245	50	20,4	" прогимн.	184	41	22,2
Пинское " "	148	28	12,1				
Дерпскій округъ.			Кіевскій округъ.				
Гольдингенская гимн.	264	24	9,2	Житомирская гимн.	510	31	6,0
Митавская "	297	27	9,3	Черниговская "	388	16	4,1
Митавское реальн. уч.	291	23	7,9	Нѣжинская "	395	5	1,2
Рижская губ. гимн.	356	14	3,9	Бѣлоцерковск. реальн. уч.	500	45	9,0
" Алекс. гимн.	212	14	6,6	Новгородская гимн.	236	8	2,9
Рижское реальн. уч.	258	7	2,7	Полтавская "	528	54	10,2
				Каменецъ-Подольск. г.	473	39	8,2
				Острогская прогимн.	166	11	6,6
				Ровенское реальн. уч.	232	10	4,3

Таблица 20.

ОКРУГА.	У Ч Е Б Н Ы Я З А Б Е Д Е Н І Я :					
	М у ж с к і я .			Ж е н с к і я .		
	Всего.	Евреевъ.	%	Всего.	Евреекъ.	%
Одесскій	4.308	1.145	26,5	3.476	728	20,9
Виленскій	4.514	722	15,9	1.489	369	24,7
Кіевскій	5.688	370	6,5	1.264	126	9,9
Дерптскій	2.995	125	4,1	1.286	39	3,0
О б щ е е .	17.505	2.362	13,2	7.515	1.262	14,6

Намъ приходится, между прочимъ, впервые представить данныя по женскимъ учебнымъ заведеніямъ; можемъ констатировать, что и здѣсь евреи давали значительный процентъ, превосходя иной разъ, какъ напр. въ округахъ Виленскомъ и Кіевскомъ, процентное отношеніе по мужскимъ учебнымъ заведеніямъ.

Мы видимъ, что изъ четырехъ приведенныхъ округовъ на первомъ мѣстѣ стоитъ, какъ всегда, Одесскій, за нимъ слѣдуетъ Виленскій округъ, дающій также довольно значительный процентъ евреевъ, и затѣмъ Кіевскій и Дерптскій, гдѣ

процентъ евреевъ уже сравнительно очень не великъ. Сопоставляя крайніе по количеству учащихся евреевъ округа—Одесскій, въ гимназіяхъ, котораго процентъ евреевъ доходитъ до 71,6, и Дерптскій, дающій въ среднемъ 4,1%,—мы здѣсь констатируемъ крайнюю неравномѣрность распредѣленія учащихся евреевъ въ географическомъ отношеніи. Такая ненормальность, какъ мы уже указывали выше, происходила главнымъ образомъ и почти единственно отъ ненормальнаго распредѣленія еврейскаго населенія въ Россіи, благодаря существованію «черты осѣдлости» и общихъ законоположеній, стѣснявшихъ свободу передвиженія евреевъ. Это обстоятельство необходимо намъ имѣть въ виду для того, чтобы ниже возразить указаніямъ на чрезмѣрное переполненіе евреями учебныхъ заведеній нѣкоторыхъ мѣстностей.

М. Косвенъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сіонизмъ и еврейская народная масса.

I.

Сіонизмъ, стремящійся къ радикальному разрѣшенію еврейскаго вопроса и имѣющій въ виду реализацію идеала нашего народнаго возрожденія, имѣеть объектомъ *весь* еврейскій народъ безъ различія классовъ, сословій, общественныхъ группъ.

Сіонистская проповѣдь была обращена къ евреямъ вообще. Сіонизмъ, поступая такимъ образомъ, не только оставался вѣрнымъ традиціоннымъ представленіямъ еврейской народности, но слѣдовалъ по стопамъ всѣхъ новѣйшихъ національныхъ движеній другихъ народовъ.

Такъ было въ принципѣ. Но фактически подъ вліяніемъ реальной жизни, въ началѣ сіонизмъ вербовалъ своихъ адептовъ главнымъ образомъ въ средней и мелкой буржаціи и въ извѣстной части интеллигенціи.

Не входя въ разсмотрѣніе причинъ этого явленія, мы только отмѣтимъ, что рабочая еврейская масса *) присоединялась къ національному движенію лишь постольку, поскольку она состояла изъ элементовъ, крѣпко привязанныхъ къ традиціонному еврейству. А та часть рабочаго еврейства, которая уже вкусила плоды общей культуры и начинала подвергаться нивеллирующему вліянію ассимиляціи, относилась и еще относится къ общесіонистской проповѣди довольно скептически или даже враждебно.

Несомнѣнно, однако, что сіонизмъ, если онъ хочетъ перейти изъ стадіи проповѣди къ реализаціи своего идеала, долженъ завоевать симпатіи всѣхъ слоевъ нашего народа, между прочимъ и рабочей массы. Только тогда сіонизмъ станетъ вполнѣ народнымъ дви-

*) Подъ рабочей еврейской массой мы понимаемъ не только фабричныхъ рабочихъ, которыхъ у насъ сравнительно мало, но вообще ремесленниковъ, извозчиковъ, прикащиковъ, чернорабочихъ и т. п.

женіемъ, когда онъ завербуетъ въ свои ряды и всѣ элементы еврейскаго пролетаріата. Не надо забывать, что именно эти элементы всего легче подвергаются процессу ассимиляціи, вызываемой, повседневной борьбой за существованіе. Въ нашей литературѣ въ послѣднее время съ особенной силой указывается на опасность ассимиляціи снизу. Мы не такъ пессимистичны: недалекое будущее покажетъ и этимъ элементамъ, склоннымъ теперь къ ассимиляціи, что рѣшеніе еврейскаго вопроса не *здѣсь*, на мѣстѣ, а *тамъ*, въ Палестинѣ, не въ космополитизмѣ, а въ здоровомъ націонализмѣ. Но пока это случится, сіонизмъ долженъ сейчасъ-же націонализировать всѣ элементы еврейства, если онъ хочетъ приобрести всѣ силы, необходимыя для его возможно скорого осуществленія. Только съ сіонизированіемъ широкихъ массъ рабочаго еврейства все наше движеніе потеряетъ послѣдніе слѣды филантропической идеологіи и приобрететъ реально-политическій характеръ. Только тогда можно будетъ говорить о дѣйствительномъ демократизированіи нашихъ центральныхъ учреждений, какъ конгресса, банка и вообще всѣхъ сіонистскихъ организацій. Тогда произойдетъ обмѣнъ услугъ: мы, сіонисты, принесемъ рабочему еврейству живой идеаль еврейской національности, стремящейся къ самостоятельной исторической жизни, а рабочая масса внесетъ въ организацію трезвое пониманіе требованій практической жизни.

Изъ этого обмѣна и выработается интегральный сіонизмъ, способный привлечь къ себѣ всѣ слои еврейства.

Что же было сдѣлано до сихъ поръ въ этомъ направленіи?

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ среди еврейскихъ ремесленниковъ черты осѣдлости образовалось небольшое число сіонистскихъ кружковъ. Кружки эти, руководимые испытанными сіонистами, носили вполне опредѣленный національный характеръ, выражавшійся, между прочимъ, въ изученіи нашей исторіи, литературы и нашихъ національныхъ проблемъ. Въ кружкахъ господствовала полная гармонія между интеллигенціей и трудовымъ элементомъ.

Поэтому эти кружки никогда не теряли изъ виду интересы общей сіонистской организаціи и старались приспособляться къ внѣшнимъ условіямъ, въ которыя была поставлена наша работа.

Но чѣмъ больше эти кружки распространялись, тѣмъ сильнѣе выступали передъ ними двѣ задачи: борьба съ интеллигенціей и трудовымъ классомъ ассимиляціоннаго направленія съ одной стороны и пріисканія отвѣта на запросы дня съ другой. Къ сожалѣнію, ни руководители сіонистскаго движенія, ни даже сіонистская интеллигенція въ лицѣ народившейся демократической фрак-

ціи не поняли своей роли и не стали во главѣ этого знаменательнаго движенія.

Дѣло въ томъ, что каждая сіонистская партія (фракція, мизрохи, центръ) были заняты лишь своей внутренней организаціей и отстаиваніемъ своей программы. Программы вырабатывались не сообразно потребностямъ той среды, гдѣ эти программы должны были осуществляться, а сообразно идеямъ ихъ составителей. Сіонизмъ развивался до сихъ поръ сверху внизъ. Такая тактика вѣрна только по отношенію къ общимъ принципамъ программы, къ основѣ сіонизма. Эта основа, которая имѣетъ значеніе для всего еврейства, сводится къ основному положенію базельской программы: созданіе право-охраненнаго убѣжища въ Палестинѣ.

Но всѣ слѣдствія, истекающія изъ этого основнаго положенія, какъ на примѣръ: методы націонализированія различныхъ слоевъ еврейства, отношеніе къ явленіямъ окружающей жизни, однимъ словомъ, все то, что относится къ подготовительно-воспитательной работѣ, не можетъ быть втиснуто въ тѣсныя рамки одной общей формулы, а должно въ своемъ примѣненіи варьировать сообразно съ средой, гдѣ эта работа совершается. Необходимо, слѣдовательно, усвоить принципъ раздѣленія труда—тогда каждая партія можетъ успѣшно работать въ своей средѣ (мизрохи въ средѣ ортодоксіи, демократическая фракція—среди интеллигенціи, центръ въ средѣ буржуазіи). Вопреки этому произошло то, что кружки сіонистовъ-ремесленниковъ были предоставлены своимъ ограниченнымъ силамъ.

Неусвоеніе принципа раздѣленія труда привело къ тому, что руководящіе еврейскіе элементы потеряли всякое вліяніе среди нарождающихся кружковъ сіонистовъ-ремесленниковъ. Эти кружки, предоставленные самимъ себѣ, потеряли изъ виду главную цѣль и увлеклись злободневными вопросами; это послѣднее обстоятельство привело къ тому, что они незамѣтно приблизились къ элементамъ, надбьющимся рѣшить злободневные вопросы на почвѣ открытой или стыдливо замаскированной ассимиляціи.

Борьба между ассимиляціонными и сіонистскими элементами трудового еврейства привела къ извѣстной нивеллировкѣ взглядовъ всѣхъ участниковъ борьбы, а именно: первые—ассимиляторы—усвоили національную фразеологию и нѣкоторыя смутныя идеи о самодовлѣющемъ юдаизмѣ, а вторые—рабочіе-націоналисты—усвоили космополитическую фразеологию и нѣкоторыя невѣрныя представленія о непосредственныхъ нуждахъ еврейскаго пролетаріата. Практическимъ результатомъ этой нивеллировки является тотъ печальный фактъ, что извѣстная часть сіонистовъ-ремесленниковъ потеряла

живую связь съ общей сіонистической организаціей, и начинаетъ смотрѣть на себя, какъ на часть пролетаріата вообще, независимо отъ національности. Національная точка зрѣнія отступила передъ узко-классовой.

Но еще разъ повторяемъ, всего этого не случилось-бы, если-бы руководящіе элементы сіонизма съ самаго начала стали во главѣ нарождающагося движенія и сами руководилибы борьбой со всѣми ассимиляціонными направленіями, откуда они не явились-бы: сверху или снизу, изъ среды буржуазіи или изъ рабочей массы. Въмѣсто этого мы теряли массу силъ и энергіи на внутреннюю борьбу.

Не смотря на общность цѣли, связь между различными теченіями въ сіонизмѣ начала ослабѣвать: началось раздѣленіе на партіи, фракціи и федераціи; этимъ самымъ была открыта дверь сепаратистскимъ тенденціямъ и сіонистовъ-ремесленниковъ. Если вопросы тактики или различія во взглядахъ на сущность нашей національной культуры могли повести къ образованію отдѣльныхъ организацій, то тѣмъ болѣе можно оправдать появленіе самостоятельной группы на основаніи запросовъ дѣйствительности, главнымъ образомъ, на основаніи экономическаго положенія членовъ этой группы.

Если уже рѣшились внести Gegenwartsprogramm въ сіонистскую концепцію—въмѣсто того, чтобы ее оставить въ области обще-еврейской активности,—требуя отъ конгресса не только санкціонированія, но и детальной разработки этой «программы настоящаго»—то необходимо признать, что и рабочіе-сіонисты имѣютъ право выработать свою собственную программу настоящаго. Мы идемъ еще дальше: даже тѣ, которые всегда были противъ включенія разпыхъ палліативныхъ мѣръ въ сіонистскую программу (а, вѣдь, вся Gegenwartsprogramm въ концѣ концовъ сводится въ области еврейской экономики къ палліативамъ довольно проблематичнаго характера) должны, однако, признать, что *рабочій сіонизмъ безъ „программы настоящаго“ прямо невозможенъ*. Если сіонистскіе рабочіе не выставятъ подобной программы, она будетъ проводиться въ жизнь совсѣмъ не желательными намъ ассимиляторскими элементами, которые, именно благодаря этой дѣятельности, приобрѣтаютъ вліяніе среди еврейскаго пролетаріата.

Но для того, чтобы программа будущаго не затемнялась программой настоящаго, чтобы средства не стали цѣлью, необходимо, чтобы руководящіе элементы сіонизма, возбудившіе вопросъ о Gegenwartsprogramm, не ограничились общими фразами о подъемѣ — матеріальномъ, умственномъ и моральномъ—еврейскаго народа, а принялись-бы за детальное изученіе потребностей и нуждъ еврейскихъ

ремесленныхъ классовъ и сознательно способствовали улучшенію дѣйствительно ужаснаго положенія нашего пролетариата. Тогда связь между рабочими-сіонистами и сіонизмомъ вообще не потерялась-бы, а наоборотъ: первые явились-бы лучшими проводниками сіонизма въ широкой массѣ.

Къ сожалѣнію, ошибки уже сдѣланы. Что-же теперь дѣлать?

Мы вполне согласны съ тѣми, которые относятся довольно критически къ существующимъ организаціямъ Поале-Ціонъ. Но мы никоимъ образомъ не можемъ согласиться съ тѣми, которые заявляютъ, что вся работа сіонистовъ должна сводиться къ проповѣди абстрактнаго сіонизма въ средѣ сіонистовъ-ремесленниковъ, какъ и во всякой другой средѣ еврейства.

Еще менѣе мы можемъ понять тѣхъ, которые ожидаютъ все отъ какого-то «оздоровленія центрального сіонизма», предполагая, что оздоровленный центр реформируетъ и «периферію». Вѣдь «оздоровленіе сіонизма и его центра» должно произойти на почвѣ программы будущаго, а не въ области *Gegenwartsarbeit*. А Поале-Ціонъ отклонились въ сторону именно благодаря «работѣ въ настоящемъ». Будетъ ли *Actions-Komité* такъ или иначе работать въ Палестинѣ, прійметъ-ли онъ ту или иную форму внутренней организаціи—этимъ нисколько не рѣшается вопросъ объ отношеніяхъ еврейской массы къ проблемамъ окружающей жизни.

Нѣтъ, необходимо оставить эту аристократическую точку зрѣнія, а надо просто взяться за работу. Тогда мы внесемъ свѣжую струю здоровой національной жизни въ уже существующіе кружки сіонистовъ-ремесленниковъ и тѣмъ самымъ укрѣпимъ сіонизмъ вообще. Евреевъ ремесленниковъ въ одной Россіи имѣется около полу-милліона душъ, а всего-то организованныхъ сіонистовъ, т. е. шекедатель имѣется въ Россіи, всего на всего около ста тыс., и кружки Поале-Ціонъ насчитываютъ всего нѣсколько тысячъ членовъ. Имѣется, слѣдовательно, широкое поле дѣятельности. Необходимо только изучить конкретныя потребности этой массы и тогда можно будетъ дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, какъ организовать дѣятельность, т. е. какова должна быть программа и каковы должны быть методы приведенія этой программы въ жизнь.

II.

Прежде всего необходимо помнить, что сіонизмъ объединяетъ все еврейство, евреевъ всего міра. Чѣмъ болѣе сіонизмъ распростра-

няется въ пространствѣ, тѣмъ рельефнѣе выступаетъ національный характеръ нашего движенія, т. е. тѣмъ болѣе онъ освобождается отъ вліянія мѣстныхъ условій жизни и тѣмъ болѣе онъ вырабатываетъ національную политику, независимо отъ формъ общественной жизни различныхъ странъ. Национальное самосознаніе является въ этомъ случаѣ результатомъ не теоретическихъ разсужденій и даже не плодомъ бессознательнаго инстинкта, а слѣдствіемъ взаимодѣйствія интересовъ въ настоящемъ и общности идеала будущаго. Это прекрасно поняли представители космополитическаго и стыдливо-ассимиляціоннаго еврейства: для нихъ, въ лучшемъ случаѣ, имѣется еврейская нація только въ Россіи, или, точнѣе говоря, въ чертѣ осѣдлости. Они понимаютъ, что ассимиляція можетъ быть успѣшной только тогда, если мы искусственно разрываемъ еврейство на отдѣльныя части, по ихъ мѣстопробыванію. Тогда можно проповѣдывать англійскому еврею ассимиляцію съ англичаниномъ, еврею Галиціи—съ поляками, еврею Чикаго—съ янки и т. д. Они понимаютъ, что нельзя говорить о еврейской націи, разбросанной по всему міру, и не выставлять требованія созданія нормальныхъ условій для развитія этой націи—требованія отдѣльной территоріи, національнаго языка, національной культуры и политики. Несомнѣнно, что такимъ образомъ эти ассимиляторы договорились до очевидныхъ нелѣпостей: вчерашній виленскій еврей сталъ сегодня лондонскимъ жителемъ; вчера онъ принадлежалъ къ русской или еврейской націи, а сегодня онъ принадлежитъ къ англійской націи. Мы, сіонисты, вѣрные нашему принципу единства еврейской націи, въ которую входятъ всѣ евреи безъ исключенія, должны не только теоретически признавать, но и практически проводить въ жизнь идею еврейской національности. Это достигается всего легче тѣмъ, что всѣ сіонистскія предпріятія и организаціи основываются и поддерживаются усиліями евреевъ различныхъ странъ.

Національно-еврейскій характеръ рабочаго сіонизма можетъ лишь тогда быть рѣзко выраженнымъ, когда организація Поале-Ціонъ явится результатомъ усилій еврейскаго пролетаріата всѣхъ странъ. Это тѣмъ легче достигнуть, что еврейскіе трудовые классы въ Парижѣ, Лондонѣ и Нью-Йоркѣ никто иные, какъ выходцы изъ Россіи. Но и рабочее еврейство Галиціи и Румыніи должно войти въ эту организацію. Только при объединеніи нашихъ трудовыхъ классовъ во всемірѣ они почувствуютъ себя частью единаго и нераздѣльнаго національнаго организма; только при сознаніи своего національнаго единства спеціальные мѣстные интересы данной рабочей группы отступаютъ на второй планъ, получаютъ временный

характеръ; отсюда вытекаетъ также требованіе невмѣшательства еврейскихъ трудовыхъ классовъ въ мѣстную политическую жизнь.

Невмѣшательство сіонистовъ въ политическую жизнь окружающихъ народовъ не есть постулатъ узко-практическаго оппортунизма, и является прямымъ послѣдствіемъ взгляда на мировое еврейство, какъ на національный организмъ, стремящійся къ самостоятельной жизни, слѣдовательно, преслѣдующій свои собственные политическіе идеалы.

Эти требованія диктуются намъ не только интересами еврейства вообще, но и еврейскаго пролетаріата въ частности. Дѣло въ томъ, что положеніе еврейскаго рабочаго не похоже на положеніе рабочихъ классовъ другихъ національностей. Въ то время какъ послѣдніе могутъ рассчитывать на улучшеніе своего положенія — вмѣстѣ съ прогрессомъ общаго экономическаго строя—еврей долженъ прежде всего бороться противъ его превращенія въ «воздушнаго» пролетарія (*Luftproletarier*), не находящаго примѣненія своимъ силамъ, не имѣющаго гдѣ работать.

И даже когда онъ находитъ работу, онъ долженъ бороться противъ конкуренціи, основанной не на экономическихъ принципахъ, а на національной враждѣ. Особенно поучителенъ въ этомъ отношеніи примѣръ борьбы ирландскихъ и еврейскихъ рабочихъ въ Лимерикѣ (Ирландія). Еврейскій ремесленникъ не только страдаетъ отъ всѣхъ ненормальностей, порождаемыхъ общими условіями современнаго капиталистическаго строя какъ всякій другой рабочій,—но онъ страдаетъ главнымъ образомъ подъ влияніемъ факта *вытѣсненія* изъ производства изъ за одной принадлежности къ еврейству.

И мы часто видимъ, что вмѣшательство нашихъ рабочихъ въ политическую жизнь окружающаго народа оканчивается для нихъ очень печально.

Но намъ могутъ возразить, что даже полученіе чартера на Палестину не разрѣшаетъ еврейскаго вопроса во всемъ его объемѣ, потому что значительная часть еврейства все таки должна будетъ остаться навсегда, или на очень продолжительное время въ странахъ діаспоры и что, слѣдовательно, необходимо работать въ пользу радикальнаго измѣненія положенія остающагося на мѣстѣ еврейства,

Разсуждающіе такимъ образомъ доказываютъ только, что всѣ уроки исторіи пропали для нихъ даромъ и что они лишены исторической перспективы.

Историческій опытъ намъ доказываетъ, что участіемъ въ общественной борьбѣ другихъ народовъ евреи достигли извѣстнаго улучшенія только въ тѣхъ странахъ, гдѣ ихъ имѣлось сравнительно

мало, (напр. въ Франціи, Англіи и Италиі). Но тамъ, гдѣ % составъ еврейскаго населенія былъ значителенъ тамъ евреи своимъ участіемъ въ политической жизни нерѣдко обостряли свое положеніе.

Это объясняется просто.

Чѣмъ больше евреевъ въ странѣ, тѣмъ разнообразнѣе ихъ экономическая дѣятельность и тѣмъ они опаснѣе въ качествѣ конкурентовъ для нарождающихся новыхъ торговопромышленныхъ классовъ христіанскаго населенія. Особенно интересно и типично это явленіе въ Галиціи, гдѣ вытѣсненіе евреевъ изъ всѣхъ сферъ экономической дѣятельности усиливается съ каждымъ днемъ: даже банковое дѣло мало по малу переходитъ изъ еврейскихъ въ польскія руки, а нарождающаяся индустрія сознательно концентрируется въ исключительно польскихъ рукахъ. Съ другой стороны мы замѣчаемъ, что съ усиленіемъ національной вражды между чехами и нѣмцами Австріи прогрессивно ухудшалось положеніе австрійскихъ евреевъ, потому что національная борьба ведетъ къ національной исключительности во всѣхъ сферахъ и евреи очутились между молотомъ и наковальней. Результатомъ вмѣшательства евреевъ въ національную борьбу явилось раздробленіе еврейства: пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ имѣлись только нѣмецкіе евреи, а теперь имѣются евреи-тевтоны и евреи-чехи.

Въ послѣднее же время замѣчается новое явленіе: проникновеніе антисемитизма во всѣ прогрессивныя партіи, даже и въ самыя крайнія. Дѣло дошло до того, что въ Австріи еврей только тогда могъ стать во главѣ рабочаго движенія, когда онъ вступилъ въ лоно католической церкви. По той же самой причинѣ мы наблюдаемъ появленіе въ концѣ XIX-го столѣтія ряда теорій о вредности семитскаго духа для арійской культуры. Но не вездѣ ограничиваются теоріями: въ послѣднее время еврейскій народъ расплачивался болѣе дорогой цѣной за участіе отдѣльныхъ его членовъ въ политической жизни окружающихъ народовъ.

Слѣдовательно, даже съ точки зрѣнія остающагося на мѣстѣ еврейства вмѣшательство въ чужія дѣла ничѣмъ не оправдывается. И для этого еврейства улучшеніе его положенія возможно только черезъ сіонизмъ. Устройство правоохраненнаго убѣжища для возможно большаго количества евреевъ приведетъ къ разрѣженію остающагося еврейства, а тогда его положеніе улучшится, хотя бы благодаря ослабленію конкуренціи въ его собственной средѣ. Поэтому *всѣ* еврейство должно концентрировать всѣ свои силы на реализаціи базельской программы въ виду интересовъ не только эмигрирующаго, но и остающагося еврейства. Для сіонистовъ же, которымъ еврей-

ство дорого, какъ культурная единица, способная развивать новую жизнь и создавать новыя духовныя цѣнности, принципъ невмѣшательства вдвойнѣ дорогъ, потому что еврейскій народъ оплачиваетъ свое участіе въ политической жизни другихъ, самой высокой цѣной: отказомъ отъ своей національности, отреченіемъ отъ еврейства.

Мы присутствуемъ теперь при самой ожесточенной ассимиляціи евреевъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, ассимиляціи, ведущей къ полному исчезновенію. Десять лѣтъ тому назадъ, смѣшанные браки между евреями и христіанами Франціи были довольно рѣдкимъ явленіемъ, вызывавшимъ общее недовольство среди евреевъ. А теперь эти смѣшанные браки стали зауряднымъ явленіемъ, притомъ еще вполне естественнымъ, а дѣти отъ этихъ браковъ воспитываются въ духѣ антисемитическаго католицизма.

Это положеніе не можетъ измѣниться и въ будущемъ: представители этого будущаго уже теперь требуютъ отъ еврейства, чтобы оно перестало быть «инороднымъ» элементомъ, чтобы оно вполне ассимилировалось съ кореннымъ населеніемъ.

Сіонизмъ намъ даетъ единственно вѣрную программу дѣйствій. Переселеніе большей части еврейства въ Палестину и образованіе національнаго центра даетъ слѣдующіе результаты: радикальное рѣшеніе еврейскаго вопроса для значительной части еврейства, улучшеніе экономическаго положенія остающагося и объединеніе всего еврейства живымъ духовнымъ центромъ. При этомъ мы должны замѣтить, что мы становимся здѣсь на точку зрѣнія тѣхъ, которые ни коимъ образомъ не хотятъ допустить возможности концентраціи всего еврейства въ Палестинѣ и близъ лежащихъ странахъ. Вообще о такихъ явленіяхъ далекаго будущаго нельзя спорить и поэтому мы допустили здѣсь непреложность предположенія о томъ, что часть еврейства неизбежно должна остаться въ діаспорѣ. Но исходя и изъ этой точки зрѣнія мы пришли къ заключенію о необходимости концентраціи всѣхъ еврейскихъ силъ на достиженіи Палестины. Во всякомъ случаѣ мы не должны разбрасывать своихъ силъ по различнымъ направленіямъ, пока мы не достигнемъ нашей главной цѣли.

Мы думаемъ поэтому, что принципъ невмѣшательства въ мѣстную политическую жизнь, примѣненный къ еврейскимъ рабочимъ всѣхъ странъ независимо отъ различій въ внѣшнихъ условіяхъ общей культуры, долженъ лечь въ основу всѣхъ организацій Поале-Ціонъ. Только признаніемъ этого принципа они докажутъ, что они стоятъ на точкѣ зрѣнія интегральнаго сіонизма, самотворящаго и живущаго собственными идеалами. Дешевыя обвиненія въ реакціон-

ности не должны насъ пугать, потому что они основываются на недоразумѣнiяхъ или же исходятъ отъ людей, для которыхъ еврейская національность лишь пустой звукъ. Самоограниченiе часто требуетъ больше храбрости и мужества, чѣмъ увлеченiе общими теченiями.

Мы убѣждены въ томъ, что еврейскiй пролетарiатъ окажется на высотѣ своего призванiя, т. е. сконцентрируетъ всѣ свои творческiя силы на реализацiи національнаго идеала.

III.

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ разсмотрѣнiю положительно программы рабочихъ-сионистовъ, мы должны еще заняться анализомъ классовой точки зрѣнiя, занимаемой нѣкоторыми изъ нихъ по отношенiю къ другимъ сионистамъ.

Сионисты-ремесленники заявляютъ нѣкоторые, должны организоваться въ особый классъ, обусловленный социальнымъ положенiемъ рабочихъ, не только для работы въ настоящемъ, но и въ виду будущаго, т. е. для работы въ самой Палестинѣ.

При этомъ исходятъ изъ того будто непреложнаго принципа что и въ будущихъ колонiяхъ будутъ существовать всѣ прелести классовой борьбы, эксплуатирующiе и эксплуатируемые, капиталисты и рабочiе, и что поэтому послѣднiе уже здѣсь, въ диаспорѣ, должны организоваться въ особый классъ.

Несомнѣнно, что эта точка зрѣнiя образовалась гораздо болѣе подъ влiянiемъ ученiй, распространенныхъ въ космополитическiхъ-ассимиляторскихъ кругахъ, чѣмъ подъ непосредственнымъ влiянiемъ реальной жизни. Мы уже разъ указывали на то, что экономическое состоянiе русскаго еврейства далеко еще отъ того, которое порождаетъ классовыя противорѣчiя съ неумолимой логикой фатализма.

Наша еврейская буржуазiя такъ слаба, что она при первомъ натискѣ теряетъ почву, а зачастую вполне исчезаетъ.

Вотъ почему мы наблюдаемъ странные факты въ исторiи экономической борьбы въ еврейской средѣ: при первомъ же столкновении хозяева уступаютъ, рабочiе добиваются исполненiя всѣхъ требованiй, но послѣ короткаго времени все возвращается къ старому, потому что хозяева не могутъ существовать при новыхъ условiяхъ. Зачастую эта борьба заканчивается полнымъ раззоренiемъ хозяина, слѣдовательно, и фактическимъ пораженiемъ рабочихъ. Въ другихъ случаяхъ борьба имѣетъ совсѣмъ своеобразный исходъ: перенесенiе

данной индустріи изъ одного мѣста въ другое или замѣна еврейскихъ рабочихъ—христіанскими.

Фактически среди самаго еврейства нѣтъ мѣста для возникновенія не только классовой социологіи, но даже классовой психологіи. Сегодняшній хозяинъ—завтра рабочий, или просто нищій, а сегодняшній приказчикъ—завтра превращается въ мелкаго торговца-хозяина или просто въ воздушнаго пролетарія. А во время экономическаго кризиса всѣ барьеры уничтожаются: буржуа и пролетаріи всѣ становятся нищими, нуждающимися въ помощи благотворительности. Одинъ изъ выдающихся русскихъ сіонистовъ указалъ уже на тотъ фактъ, что еврейская буржуазія Россіи отличается полной неустойчивостью; исторія еврейскаго буржуа такова: отецъ—еврейскій ученый или мелкій торговецъ, сынъ—разбогатѣвшій буржуа, внукъ—проживающій послѣдніе остатки, а правнукъ—совсѣмъ нищій.

Всѣ разсужденія о классовыхъ противорѣчіяхъ среди еврейства остаются поэтому часто теоретическими разсужденіями, а практически заканчиваются выработкой классовой *фразеологіи*, отъ которой пахнетъ искусственностью и пустотой. Многіе толкуютъ о классовой борьбѣ и классовой организаціи; чтобы не быть обвиненными въ реакціонности и буржуазности, рабочіе-сіонисты тоже ухватились за классовую теорію, видя въ ней какой-то чудодѣйственный талисманъ. Этотъ страхъ передъ тѣмъ, что скажутъ «другіе», убиваетъ всякую творческую дѣятельность и придаетъ всей концепціи нѣкорыхъ рабочихъ-сіонистовъ что-то неестественное и безжизненное.

Рабочіе сіонисты, признающіе исключительность классоваго сознанія, страдаютъ непримиримой двойственностью. Съ одной стороны рабочіе-сіонисты чувствуютъ себя евреями и только евреями, а съ другой они пытаются выработать психику всемірнаго пролетаріата. Въ результатѣ получается нѣчто гермафродитическое, т. е. не жизненно-способное, или, говоря популярнымъ языкомъ, «ни рыба, ни мясо». Съ одной стороны—плохіе сіонисты, а съ другой—непослѣдовательные представители классоваго принципа. При такой двойственности не можетъ быть рѣчи о плодотворной дѣятельности, а еще менѣе о творческой работѣ. Въ жизни нельзя сидѣть между двумя стульями, если хотятъ имѣть вліяніе на реальную жизнь.

Жизнь выдвигаетъ передъ еврейскимъ рабочимъ, въ которомъ развито національное чувство, не классовые, а профессионально-групповые интересы.

Во 1-хъ, всякая профессія создаетъ спеціальныя условія существованія: всѣ портные, сапожники, столары, шетинщики, коже-

венники, приказчики и т. д. имѣютъ спеціальныя интересы, независимо отъ интересовъ, общихъ всѣмъ этимъ профессіямъ. Каждая группа имѣетъ спеціальныя требованія, оригинальную психику и своеобразное отношеніе къ жизни.

Въ 2-хъ, только профессиональныя организаціи въ состояніи привести къ извѣстному улучшенію положенія рабочихъ.

Въ 3-хъ, эти организаціи имѣютъ дѣйствительно воспитательное значеніе, создавая въ каждомъ членѣ чувство отвѣтственности, самопомощи и инициативы.

Въ 4-хъ, только на почвѣ этихъ организацій рабочіе-сіонисты избѣгнуть двойственности, вызываемой классовымъ принципомъ, а останутся цѣльными евреями: всякая профессиональная группа остается частью еврейскаго народа, но въ то же время работаетъ для улучшенія положенія своихъ членовъ. Группа—подвижна и остается всегда реальнымъ фактомъ; классъ, нѣчто фиксированное, имѣющее больше абстрактное, чѣмъ конкретное значеніе. Между прочимъ, это вѣрно не только по отношенію къ еврейскимъ ремесленникамъ. Это лучше всего доказывается всей исторіей рабочаго движенія въ Англии, классической страны профессиональныхъ организацій (трэдъ-юніонизмъ). И это несмотря на то, что въ Англии отдѣльныя экономическія группы несравненно рѣзче разграничены, чѣмъ въ нашемъ еврействѣ. Однимъ словомъ, и данныя жизни и интересы чисто національны заставляютъ евреевъ ремесленниковъ организоваться, не какъ отдѣльный классъ, а въ профессиональные союзы, мирнымъ путемъ добивающіеся улучшенія ихъ матеріальнаго положенія. Лишь въ этомъ случаѣ борьба между отдѣльными группами нисколько не поведетъ къ уничтоженію солидарности между всѣми членами еврейскаго народа. Россійскіе Поале-Ціонъ должны стать на точку зрѣнія австрійскихъ, которые на своемъ послѣднемъ сѣздѣ обсуждали слѣдующіе тезисы: 1) *«Мы стоимъ на почвѣ базельской программы и внутри организаціонныхъ рамокъ, созданныхъ конгрессомъ.»* 2) Мы рассматриваемъ сіонизмъ не какъ классовую партію, но какъ призванное представительство всѣхъ классовъ и слоевъ еврейскаго народа, которые хотятъ гарантировать его дальнѣйшее существованіе путемъ созданія собственнаго убѣжища (Heimstätte). Сіонизмъ, слѣдовательно, вовсе не требуетъ отъ своихъ послѣдователей отрицанія ихъ воззрѣній соціального характера. 3) Еврейскій пролетаріатъ не можетъ быть рассматриваемъ только, какъ объектъ нашего движенія, но долженъ быть въ одно и то же время объектомъ и субъектомъ. Сіонистская политика можетъ и должна быть только демократической, пробуждающей *всѣ*

силы, имѣющіяся въ нашихъ народныхъ массахъ, чтобы утилизовать ихъ въ пользу нашей конечной цѣли. 4) Еврейскій рабочий классъ, который находится, въ сравненіи съ безработнымъ еврейскимъ пролетаріатомъ, въ болѣе выгодномъ положеніи, призванъ и способенъ стать энергичнымъ носителемъ сіонистской идеи и можетъ организоваться внутри сіонизма только такимъ образомъ, что онъ (рабочій классъ) въ политико-сіонистскомъ отношеніи подчиняется конгрессу, а въ социально-экономической дѣятельности сохраняетъ за собой полную автономію. 5) Положеніе еврейскихъ рабочихъ и приказчиковъ не идентично съ положеніемъ соответствующихъ нееврейскихъ группъ, потому что еврейскій пролетарій не только долженъ бороться противъ эксплуатаціи, но еще болѣе страдаетъ влѣдствіе экономического вытѣсненія. На этомъ основаніи еврейскіе рабочіе не должны ставить своихъ экономическихъ организацій на службу космополитическихъ партій».

Изъ этихъ тезисовъ вытекаетъ — единственно вѣрное опредѣленіе общей дѣятельности рабочихъ-сіонистовъ: полное невмѣшательство въ политическую борьбу окружающихъ народовъ, организація не въ классъ, исключаящій всякую солидарность съ другими группами еврейства, а въ группу (федерацию), стоящую вполнѣ на почвѣ базельской программы и подчиняющуюся рѣшеніямъ конгресса, но преслѣдующую независимо свою экономическую дѣятельность.

Только на этой почвѣ Поале-Ціонъ могутъ согласовать свои спеціальныя требованія и общесіонистскія. При этомъ организація рабочихъ-сіонистовъ смогутъ имѣть рѣшающее вліяніе и на формы будущей колонизаціи, что собственно является одной изъ самыхъ важныхъ задачъ сіонистско-рабочей дѣятельности. Но, чтобы имѣть это вліяніе, Поале-Ціонъ должны организоваться на строго сіонистской почвѣ, нисколько не увлекаясь исключительно злободневными вопросами. Освободившись отъ классовой фразеологіи, Поале-Ціонъ будутъ въ состояніи объединить всѣ элементы рабочаго сіонизма еврейства и въ тоже самое время укрѣпить и развить сіонизмъ вообще на почвѣ солидарности всего еврейства по отношенію къ элементарному, но основному принципу всего нашего движенія: по отношенію къ стремленію возродить еврейскій народъ на собственной территоріи въ Палестинѣ.

Но если даже допустить на минуту, что безъ классовой борьбы еврейство не сможетъ обойтись, то и въ этомъ случаѣ интересы еврейскаго пролетаріата въ данное время солидарны съ интересами другихъ еврейскихъ группъ, поскольку онѣ стремятся къ національному возрожденію еврейскаго народа на собственной территоріи.

Между прочимъ, мы можемъ указать на одинъ очень характерный фактъ. Извѣстно, что теперь еврейская промышленность и торговля переживаютъ тяжелый кризисъ, что повело къ безработицѣ многихъ тысячъ еврейскихъ пролетаріевъ. Временная помощь этимъ голодающимъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова оказывается не рабочими другихъ національностей, а всѣми элементами еврейскаго народа, (между прочимъ и буржуазной «Иса»).

Солидарность между различными элементами еврейства — не абстрактна, а конкретна. Но не надо забывать, что именно сіонизмъ даетъ чудные результаты въ смыслѣ укрѣпленія солидарности между всѣми евреями.

Но, говорятъ другіе, классовая организациа сіонистовъ-рабочихъ имѣеть значеніе для будущаго, для Палестины.

Мы совершенно согласны съ тѣми, которые полагаютъ, что мы должны уже теперь заняться вопросомъ о формахъ будущей колонизациаи. Но мы ни коимъ образомъ не можемъ согласиться съ тѣми, которые не допускаютъ другихъ формъ колонизациаи, кромѣ основанныхъ на принципѣ классовой борьбы.

Дѣло въ томъ, что наша колонизациа въ Палестинѣ не должна отливатъся въ старыя хозяйственныя формы: она приметъ тѣ формы, которыя будутъ отвѣчать требованіямъ и интересамъ народа. Въ другомъ мѣстѣ мы доказываемъ, что интенсивная колонизациа евреевъ въ Палестинѣ возможна только на кооперативныхъ началахъ (по плану Оппенгеймера ¹⁾), исключаящихъ всякую классовую борьбу).

Всякая другая форма колонизациаи не только не демократична, но просто невыгодна. Для того чтобы провести энергичнѣе кооперативную форму колонизациаи, необходимо организовать нашихъ рабочихъ не въ классъ, а въ группу, способную болѣе сознательно отнестись ко всѣмъ вопросамъ, касающимся формъ нашей будущей колонизациаи. *Надо организовать не для упрядоченія классовой борьбы, а для ея избѣжанія въ нашихъ будущихъ колоніяхъ.*

Здѣсь нѣтъ мѣста для развитія классовыхъ противорѣчій, потому что большинство будущихъ колонистовъ будетъ состоять не изъ буржуа, а изъ рабочихъ и мелкой буржуазіи, не имѣющей никакого интереса въ развитіи классовыхъ противорѣчій.

Можно указать развѣ на колонизациаю индустриальнаго характера, которая можетъ быть предпринята частной инициативой. Не входя здѣсь въ подробности, что завело бы насъ очень далеко, мы можемъ только сказать, что если сіонизмъ, какъ организациа, пред-

¹⁾ См. нашу статью по этому вопросу въ „Евр. жизни“ кн. V и VI.

приметь колонизацію на кооперативныхъ началахъ, то частная капиталистическая колонизація должна будетъ подвергнуться вліянію новыхъ хозяйственныхъ, формъ, т. е. должна будетъ черезъ нѣкоторое время перейти къ кооперативной формѣ хозяйства—по чисто экономическимъ причинамъ.

Мы приходимъ къ заключенію, что ни съ точки зрѣнія интересовъ настоящаго, ни въ виду будущаго Поале-Ціонъ *не могутъ* и не должны организоваться въ особый классъ, а только въ отдѣльную группу, крѣпко связанную со всѣми остальными сіонистскими группами: на почвѣ базельской программы, но преслѣдующую при этомъ и свои спеціальные интересы.

IV.

Теперь мы можемъ заняться вопросомъ о программѣ дѣятельности кружковъ Поале-Ціонъ, какъ мы ихъ понимаемъ.

Эта программа охватываетъ всѣ проявленія сіонистской дѣятельности вообще плюсъ спеціальная работа въ пользу улучшенія положенія сіонистовъ-ремесленниковъ и организація въ виду будущей колонизаціи.

Что касается первой части программы, то она сводится къ двумъ положеніямъ: 1) необходимо, чтобы масса все болѣе и болѣе проникалась духомъ сознательно-національнаго юдаизма, чтобы она была еврейской не только интенсивно, но и вполне продуманно—путемъ знакомства съ нашей исторіей, языкомъ, литературой и 2) необходимо также, чтобы поддержка, укрѣпленіе и развитіе всѣхъ сіонистскихъ учреждений сдѣлались центральнымъ пунктомъ дѣятельности всѣхъ кружковъ Поале-Ціонъ. Лишь при исполненіи этихъ двухъ условій эти кружки будутъ расти вширь и вглубь, укрѣпляя при этомъ общесіонистскую организацію; лишь въ этомъ случаѣ Поале-Ціонъ смогутъ имѣть рѣшающій голосъ во всѣхъ вопросахъ, касающихся сіонистской дѣятельности вообще; тогда возстановится взаимное довѣріе между рабочей массой и сіонистской интеллигентной молодежью—необходимое условіе нормальнаго развитія сіонизма. Тогда и лишь тогда можно будетъ успѣшно бороться противъ всѣхъ ассимиляціонныхъ теченій.

Здѣсь не можетъ быть рѣчи о компромиссахъ, а необходимо рѣшительно стать на точку зрѣнія общей намъ базельской программы и работать въ границахъ организацій, созданныхъ конгрессомъ.

Съ этой точки зрѣнія мы сможемъ развитъ самую плодотвор-

ную дѣятельность и на почвѣ удовлетворенія насущныхъ потребностей рабочихъ-сіонистовъ.

Однимъ изъ лучшихъ методовъ организациі еврейскихъ ремесленниковъ являются *профессиональные союзы*, развивающіе духъ солидарности между всѣми членами. Эти союзы должны имѣть цѣлью духовное развитіе и улучшеніе матеріальнаго положенія членовъ организациі, причѣмъ послѣднія занимаются только собственно еврейскими дѣлами. *Устройство бюро для пріисканія работы, ссудо-сберегательныя товарищества, кассы на случай болѣзни и безработицы, организациія справочнаго бюро для эмигрирующихъ, наконецъ пропаганда въ пользу устройства профессиональныхъ школъ*—все эти мѣры создадутъ оживленную дѣятельность въ средѣ еврейскихъ ремесленниковъ и принесутъ улучшеніе матеріальнаго положенія отдѣльныхъ рабочихъ, насколько это вообще возможно при данныхъ экономическихъ условіяхъ.

Профессиональные союзы, стоящіе на національно-еврейской точкѣ зрѣнія, всего болѣе призваны работать успѣшно въ случаѣ конфликтовъ съ работодателями. Тогда эти конфликты будутъ вызываться чисто экономическими причинами, а не побочными, насколько не важными для еврейскаго пролетаріата.

Мы думаемъ, что если вообще можно говорить о какой нибудь экономической «программѣ настоящаго» (*Gegenwartsprogramm*) на почвѣ сіонизма, то лишь въ томъ случаѣ, когда мы будемъ имѣть прочную организацию трудовыхъ классовъ въ сіонизмѣ. Дѣйствительность намъ доказала, что до сихъ поръ очень мало сдѣлано въ области немедленнаго улучшенія экономическаго положенія нашего народа.

Нѣкоторыя попытки, какъ устройство кооперативныхъ артелей, окончились полнѣйшимъ фіаско (Одесса). Даже въ области кредита мы можемъ зарегистрировать только отдѣльныя начинанія, которыя до сихъ поръ не дали замѣтныхъ результатовъ. Почему же? Нѣкоторые утверждаютъ, что въ этомъ виноватъ оффиціальный сіонизмъ: говорятъ, что конгрессъ долженъ санкціонировать экономическую программу настоящаго. Намъ всегда казалось, что программа настоящаго не дѣло конгресса; мы готовы допустить теперь, что слово, брошенное съ высоты конгрессной трибуны, дѣйствительно можетъ имѣть значеніе, но только въ одномъ отношеніи: оно можетъ возбудить частную инициативу. Мы думаемъ, что самой важной причиной безуспѣшности работы на почвѣ экономической *Gegenwartsprogramm*—*отсутствіе инициативы въ средѣ нашей буржуазіи*. Въ этомъ отношеніи она не отличается отъ соответствующаго

класса у другихъ народовъ. Вездѣ буржуазія взываетъ къ центральной власти за помощью, а у насъ ждуть авторитетнаго слова конгресса. Даже наша сионистская интеллигенція возлагаетъ всѣ свои надежды на вожаковъ нашего движенія и на конгрессъ.

Это положеніе сразу измѣнится, какъ только сионизмъ проникнетъ во всѣ ряды еврейской рабочей массы, у которой имѣется достаточный запасъ инициативы и которая способна подчиняться организаціонной дисциплинѣ. Тогда явится инициатива и для проведенія въ жизнь различныхъ мѣръ для немедленнаго улучшенія экономическаго положенія русскаго еврейства, какъ устройство кредитныхъ кассъ, выставокъ, складовъ для скупки сырья и для продажи готовыхъ ремесленныхъ произведеній и организація профессиональнаго образованія.

Развитіе рабочаго сионизма поможетъ также реформировать много другихъ сторонъ еврейской жизни, какъ благотворительное, школьное, больничное дѣло и т. д.

Рабочій сионизмъ необходимъ, слѣдовательно, не только самъ по себѣ, какъ самоцѣль, но и какъ средство, для оживленія сионистской солидарности и дѣятельности въ средѣ нашей мелкой буржуазіи. И чѣмъ больше организація Поале-Ціонъ будетъ участвовать въ общемъ ходѣ сионизма, тѣмъ болѣе она освободится отъ чуждой ей фразеологіи и тѣмъ рѣче-сионистичной сдѣлается ея платформа. Тогда намъ нечего будетъ бояться за ассимиляцію снизу: тогда единство сионизма, поскольку оно обусловлено не только общностью цѣли, но и координированной дѣятельностью въ настоящемъ, станетъ реальнымъ фактомъ. Мы тогда будемъ имѣть сионизмъ, какъ движеніе объективной жизни, а не какъ субъективное желаніе отдѣльныхъ личностей.

Тогда сионизмъ сдѣлается истинно народнымъ движеніемъ.

Мы въ этой статьѣ хотѣли только отмѣтить общіе принципы, на которыхъ должна основаться организація Поале-Ціонъ, и какую роль эта организація могла-бы играть въ общемъ сионистскомъ движеніи. Практической программы Поале-Ціонъ мы не хотѣли создавать, потому, что для того, чтобы программа была реальной, она должна создаваться людьми, стоящими внутри самой жизни, а не теоретиками, удаленными отъ нея.

Д. Пасманикъ.

Сіонъ и Африка на VI-мъ конгрессѣ.

(Продолженіе).

ГЛАВА IV¹⁾.

Обоснованіе Nein-Sager'ства:

B) Judenstaat внѣ Палестины.

Попытки, которыя еврейство дѣлало за послѣднее столѣтіе для выхода изъ своего положенія, сводились, во I-хъ, къ стремленіямъ разрѣшить вопросъ на мѣстахъ, во II-хъ, къ эмиграціи. Мы совершенно оставимъ теперь въ сторонѣ первыя: предыдущее достаточно, надѣюсь, ясно показало нашъ взглядъ на возможный исходъ стремленій, въ основѣ которыхъ положены ложное отрицаніе еврейской національности и игнорированіе человѣческой природы. Мы теперь удѣлимъ вниманіе только второй—эмиграціи.

До 1880-хъ годовъ эмиграція была весьма незначительной и чисто стихійной: въ основѣ ея лежало только стремленіе отдельной личности къ спасенію себя и семьи. Съ 1880-хъ годовъ начинаются, одно за другимъ, палестинифильство, переходящее потомъ въ сіонизмъ, американофильство, аргентинское движеніе, наконецъ, со времени VI конгресса, угандизмъ или территоріализмъ. Мы разсмотримъ теперь эти попытки, причемъ, конечно, исходной точкой нашей останется отношеніе ихъ къ

¹⁾ Примѣч. редакціи.—Вслѣдствіе спѣшки при печатаніи III-й главы, допущены, къ сожалѣнію, слѣд. пропуски.

Стр. 234, строка 20 св.—пропуц.: теоретически.

„ 235. „ 21 „ „ Онъ тѣмъ болѣе важенъ, что подтверждается наблюденіями надъ жизнью не только русскихъ, но и западныхъ евреевъ. положеніе.

„ 238, „ 11 „ „

Въ виду того, что въ IV гл. напечатанной въ VI кн., были допущены, вслѣдствіе болѣзани автора, нѣкоторые досадные опечатки и пропуски, редакція нашла возможнымъ удовлетворить желаніе уважаемаго автора и перепечатать нѣсколько страницъ.

Ред.

положенію не той, или иной группы, а всей націи вообще, и значеніе ихъ для разрѣшенія той народной задачи, которую намѣтилъ себѣ сionизмъ.

Огромная часть еврейской эмиграціи идетъ въ Соед. Штаты. Изъ имѣющихся у меня данныхъ I. С. А. за 1898-1901 г., видно, что изъ 50,000 отправляющихся ежегодно изъ Россіи, направлялось въ С. Америку около 38,000; вообще-же туда за эти годы пріѣзжало евреевъ изъ разныхъ странъ 52,000 въ годъ ¹⁾. Остальная масса эмигрантовъ шла въ разныя страны, тоже преимущественно культурныя: города Южной Африки, Англию, Австралію, и т. д. Какое же вліяніе и какое значеніе имѣетъ эта эмиграція?

Нѣтъ сомнѣнія, что значительная часть иммигрантовъ устраивается на новыхъ мѣстахъ матеріально лучше, чѣмъ въ покинутыхъ странахъ. Тяжела правда участь нашихъ выходцевъ въ «потогонныхъ мастерскихъ» Нью-Йорка, Бостона или Лондона; еще тяжелѣе судьба тѣхъ, которые, не находя себѣ уже хлѣба въ этихъ переполненныхъ центрахъ ²⁾, должны эмигрировать въ другія страны, или возвращаться обратно. Но въ общемъ, большинство все-таки сыто, обуто и дышетъ, хотя сквернымъ, по вольнымъ воздухомъ. Мало того; многіе отсылаютъ даже кой-какіе излишки въ черту; а присылаемые Schiffskarten и письма являются у насъ, какъ, впрочемъ, и у другихъ народовъ ³⁾ постояннымъ стимуломъ, влекущимъ не малое число оставшихся-въ невѣдомыя страны. Эта эмиграція нѣсколько разрѣжаетъ черту, вѣрнѣе, предохраняетъ ее отъ еще большаго переполненія. Но улучшается-ли отъ того положеніе остающихся? Врядъ-ли. Становится, правда, меньше количество голодающихъ, уменьшается до нѣкоторой степени конкуренція; но не забудемъ, что источники пропитанія нисколько не нарастаютъ, а спросъ уменьшается. Положеніе живущихъ не улучшается, часто даже ухудшается, такъ какъ средствъ къ жизни и здоровыхъ, работающихъ рукъ становится въ общемъ безусловно меньше въ пустующихъ захолустяхъ черты. Придавать, въ смыслѣ облегченія нужды жителей черты, серьезное значеніе денежнымъ пакетамъ, изрѣдка получающимся изъ за моря, конечно, не приходится.

Такимъ образомъ, отъ этой относительно колоссальной эмиграціи, достигающей у насъ за послѣдніе годы размѣровъ, не имѣющихъ аналогіи у другихъ народовъ (докладъ I. С. А.), улучшается экономическое положеніе уходящихъ, но не остающихся. Такъ какъ опорожненіе очаговъ еврейской нужды такимъ путемъ невозможно, то, естественно, общенацио-

¹⁾ За послѣдніе 2 года эмиграція приняла гораздо большіе размѣры. Такъ, въ 1903 г. прибыли въ С. Шт. 76203 еврея, въ томъ числѣ изъ Россіи 47689.

²⁾ Не забудемъ, что изъ иммигрантовъ, имѣющихъ какую-либо профессію, 69% составляютъ ремесленники, главнымъ образомъ портные, столяры, сапожники.

³⁾ Bericht des Schweizerischen Politischen Departements für 1903, S. 3.

нальнаго значенія, даже съ экономической точки зрѣнія, она имѣть не можетъ. Все сказанное въ равной степени примѣнимо къ Румыніи, Галиціи и т. д.

Но, быть можетъ, тамъ, въ странахъ иммиграціи создаются, подготавливаются силы, или условія, которыя въ политическомъ, или культурномъ отношеніи имѣютъ значеніе для всей націи? На это возлагалось много надеждъ, съ одной стороны, американофилами, во время знаменитыхъ споровъ съ палестинофилами, съ другой—духовными націоналистами ¹⁾. Не думаю, однако, чтобы требовалось теперь много доказательствъ для убѣжденія въ несостоятельности тѣхъ и другихъ надеждъ.

Въ Сѣв. Америкѣ живетъ до 1¹/₂ милліоновъ евреевъ, въ одномъ Нью-Йоркѣ ихъ 600,000. Конечно, вліяніе такой массы сказывается до нѣкоторой степени, и то весьма слабо, благодаря отсутствію организациі оя, въ мѣстной политической жизни; но отсюда еще неизмѣримо далеко до возможности какого-либо вліянія международнаго. Два раза за послѣднее время Соед. Штаты поднимали свой голосъ на защиту евреевъ въ Румыніи. Результатъ всегдъ извѣстенъ... Другимъ онъ врядъ ли могъ быть, при отсутствіи доброй воли со стороны государства, на которое производится воздѣйствіе. Въдъ такое заступничество всегда будетъ чисто платоническимъ, а съ таковымъ не считаются, даже въ мелкихъ странахъ. Евреи должны получить возможность реагировать, хотя-бы на ограниченномъ мѣстѣ, въ ограниченной сферѣ интересовъ, но самостоятельно; тогда это будетъ чувствительно, и съ этимъ будутъ считаться.

Во избѣжаніе недоразумѣній, считаю умѣстнымъ напомнить то, что ясно, впрочемъ, изъ предыдущей главы, что и относительно вліянія будущаго Сіона на положеніе діаспоры сіонисты, конечно, не придають первенствующаго значенія политической силѣ страны. Измѣненіе въ положеніи народа должно явиться слѣдствіемъ цѣлаго ряда указанныхъ тамъ перемѣнъ, въ его состояніи, группировкѣ, психологіи народовъ и т. д., которыя должны устранить рядъ причинъ, вызывающихъ *исключительное* его положеніе среди другихъ. При этихъ измѣнившихся условіяхъ станетъ, несомнѣнно, реальной величиной и политическое вліяніе Сіона. Еврейская же колонія въ Америкѣ, не имѣя указанныхъ воздѣйствій, лишена совершенно всякаго политическаго вліянія и политическое заступничество тѣхъ странъ, гдѣ находятся большія колоніи евреевъ, какъ реальный общеврейскій факторъ, можетъ рисоваться таковымъ только людямъ съ широкой фантазіей.

Сознавая всю шаткость такой надежды, нѣкоторые стали мечтать и

¹⁾ Срав. Дубнова: Письма о старомъ и новомъ еврействѣ, Восх. 1901-2 г. и Историч. моментъ, Восх. 1903 №№ 21-2.

указывать, что евреи, вмѣсто того, чтобы концентрироваться въ крупныхъ городахъ востока, могли бы отправиться массами на западъ, гдѣ еще много свободныхъ земель, и тамъ *образовать свой штатъ*. Изъ всѣхъ прибывающихъ евреевъ 80% осѣдаетъ въ штатахъ Нью-Йоркъ и Пенн-сильванія, въ остальныхъ встрѣчаются уже очень незначительныя или прямо ничтожныя количества ихъ ¹⁾). Отчего-же не идти хотя части иммигрантовъ въ зап. штаты и, вмѣсто «потогонныхъ мастерскихъ», избрать вольный трудъ въ обширныхъ поляхъ.

Такъ разсуждать легко, но и почва подъ такими разсужденіями тоже очень легкая. Я не хочу распространяться здѣсь о томъ, что образованіе штата, если бы оно было даже возможно, тоже не могло бы явиться болѣе или менѣе серьезнымъ общееврейскимъ политическимъ факторомъ. Штатъ внѣшнихъ отношеній не имѣетъ, и штатъ съ превалирующимъ еврейскимъ населеніемъ нисколько не измѣнилъ бы психологіи центрального правительства по отношенію къ еврейству. Хочу только узнать, что говорящіе такъ, очевидно, упускаютъ изъ виду, что осѣданіе еврейскаго пролетаріата въ опредѣленныхъ пунктахъ штатовъ, именно въ торговопромышленныхъ центрахъ, имѣетъ свои глубокія соціальныя причины, устраненіе которыхъ не зависитъ отъ нашей воли. Еврейскій эмигрантъ пріѣзжаетъ съ такимъ ничтожнымъ запасомъ средствъ, что ему подъ-силу селиться только тамъ, гдѣ хлѣбъ добывается однимъ мускульнымъ трудомъ; онъ пріѣзжаетъ столь безпомощнымъ и несвѣдущимъ, что, естественно, ищетъ родной среды: огромная часть пріѣзжаетъ по письмамъ родныхъ прямо къ нимъ. Не одни евреи поступаютъ такъ. По тѣмъ же свѣдѣніямъ, изъ общей массы иммигрантовъ не-евреевъ, въ упомянутыхъ двухъ штатахъ за 1898—1901 гг. осѣло 50,3%⁰; тоже огромная, хотя не столь большая часть. Совершенно то же отмѣчается, въ своей работѣ по иммиграціи въ С. Штаты Майо-Смитъ ²⁾). Мало того. Не только предпочтеніе извѣстныхъ штатовъ, а и сосредоточеніе огромнаго большинства въ тѣсныхъ и переполненныхъ кварталахъ добровольнаго гетто наблюдается у итальянцевъ, напр., совершенно также, какъ у насъ. Тутъ, повторяю, дѣйствуютъ глубокія причины, которыя не могутъ быть устранены нашимъ теоретическимъ желаніемъ создать свой штатъ. Созданіе такого штата на западѣ является задачей, пожалуй, еще болѣе сложной и трудной, чѣмъ та, которую поставилъ себѣ бар. Гиршъ въ Аргентинѣ, о которой поговоримъ ниже, и должно сопровождаться такой-же неудачей, какъ та.

Столь-же безнадежны виды на созданіе здѣсь *культурнаго центра*. До сихъ поръ огромное еврейское населеніе Штатовъ ничего

¹⁾ По даннымъ ICA.

²⁾ Schriften des Ver. f. Socialpolitik, 1896, S. 248 folg.

въ культурно-національномъ отношеніи не создало. Единственная попытка общеврейскаго дѣла, это—издающаяся теперь тамъ энциклопедія: но вѣдь это одна, единственная ласточка. Еврейство оттуда до сихъ поръ свѣжихъ соковъ не получало; наоборотъ, тамъ чахнутъ на неблагопріятной почвѣ и тѣ, которые иммигранты привозятъ съ собой. Всѣ окружающія условія таковы, что много результата и ждать невозможно. Отмѣченная уже тенденція иммигрантовъ къ скопленію въ большихъ центрахъ, высокая мѣстная культура, сильныя ассимилирующія свойства арійцевъ вообще и американцевъ въ особенности, социално-политическія условія для меньшинства среди культурнаго народа, — все это моменты чрезвычайно важные и крайне неблагопріятные для національно-культурнаго развитія еврейскихъ колоній. Тамъ, гдѣ языкъ, школа, литература, театр, правовыя нормы, общественная жизнь большинства высоко развиты и окрашены въ опредѣленный цвѣтъ, тамъ меньшинство можетъ еще культивировать, въ извѣстныхъ предѣлахъ, свои особенности, но тамъ нѣтъ и не можетъ быть почвы для всесторонняго національнаго развитія меньшинства. Это ясно, какъ день. Идеаль духовнаго націонализма, мечтающій о созданіи такихъ центровъ въ Америкѣ, Россіи и т. д., и считающій осуществленіе ихъ возможнымъ, разъ только вмѣшается національно-мыслящая интеллигенція, этотъ идеаль представляется намъ настолько беспочвеннымъ и бесплоднымъ, что только удивляешься, какъ можетъ онъ столь удобно зрѣть въ трезью и исторически-мыслящихъ головахъ...

Нѣтъ, ни въ политическомъ, ни въ духовномъ отношеніи иммиграція въ культурныя страны *общеврейскаго* значенія не имѣетъ и имѣть не можетъ. Но съ другой стороны, нельзя забывать, что она, улучшая матеріальное положеніе большинства переселяющихся, является, однако, для нихъ далеко не безопасной въ будущемъ. Они попадаютъ въ среду чужую и чуждую, гдѣ борьба за существованіе все болѣе обостряется. И такъ совершенно нѣтъ уже того раздолья и спроста, при которыхъ всякій новый пришлецъ встрѣчался съ распростертыми объятіями, по крайней мѣрѣ, безъ предубѣжденія. Такая среда, какъ показываютъ безчисленные опыты исторіи, тернитъ евреевъ только до извѣтнаго предѣла насыщенія, по достиженіи котораго выступаютъ прелести антисемитизма, конечно, подъ разными формами и софсамп. Не думаю, чтобы можно было назвать пессимистами тѣхъ, которые съ тревогой думаютъ о будущей участи частей народа, живущихъ въ культурныхъ странахъ, особенно, еслибы притокъ евреевъ сталъ туда продолжаться. Позорные поступки евреевъ Франкфурта и нѣкоторыхъ австрійскихъ городовъ, во время массоваго бѣгства изъ Румыніи, хлопотавшихъ о томъ, чтобы закрывались двери предъ бѣглецами, показываютъ съ ясностью, что эта

торьякая истина даетъ себя знать повсюду. Указанными опасеніями объясняются создающіеся въ странахъ иммиграціи (Штаты, Англія) организаціи для расселенія живущихъ и прибывающихъ по разнымъ пунктамъ. Концентрація, которая нѣкогда спасетъ еврейство, когда она будетъ происходить на его территоріи, является опасной въ условіяхъ голуса, въ промышленныхъ центрахъ. Когда бар. Гиршъ создавалъ свои широкіе планы, онъ остановилъ, поэтому, свой выборъ не на странахъ съ высокой культурой, гдѣ устройство семьи гораздо легче и дешевле, а искалъ свободной страны, съ малымъ населеніемъ, съ зарождающейся только культурой, съ огромными площадями свободныхъ земель. Тамъ считалъ онъ возможнымъ и безопаснымъ предпринять свой опытъ созданія того, что онъ называлъ *point de concentration*.

Разсмотримъ теперь, что далъ намъ этотъ опытъ. Мы его сопоставимъ съ другимъ опытомъ другаго барона: это сопоставленіе облегчитъ намъ въ одномъ отношеніи нашу задачу.

Нельзя не скорбѣть о томъ; что опыты Гирша и Эдм. Ротшильда, поглотившіе столько средствъ и связанные со столькими надеждами, производились прѣ весьма неблагоприятныхъ условіяхъ; цѣнность ихъ отъ этого много теряетъ; но она все-таки является очень крупной. Опыты обоихъ не оправдали ожиданій; но народъ они избавили отъ массы шатаній, дали ему много цѣнныхъ знаній, и притомъ за короткое время. Еврейство обоихъ этихъ бароновъ не забудетъ.

Чего ждалъ баронъ Гиршъ отъ Аргентины и что дала она?

Большинство изъ насъ помнитъ, нѣбное, то время, когда безпримѣрный филантропъ сдѣлалъ свой безпримѣрный даръ народу. Три съ четвертью милліона евреевъ предполагалось переселить въ сравнительно очень короткій срокъ. Все было разсчитано и предопредѣлено: передвиженіе массъ должно было на дѣлѣ происходить съ такой-же игривой легкостью, съ какой оно только рисуетъ въ *Altneuland*. И какъ много было для этого благоприятныхъ условій! Масса свободныхъ земель, ждущихъ энергичнаго человѣческаго труда; договорныя условія съ правительствомъ; которое въ долгу у барона Гирша; разрѣшеніе русскаго правительства на выселеніе и разныя облегченія, матеріальныя и юридическія, для выселяющихся; таковы внѣшнія условія. Не хуже были внутреннія. Страна богатная, климатъ хорошій, урожай обильные. Близость крупныхъ центровъ съ европейской культурой; большая будущность страны. Во внутренней жизни отсутствіе всякихъ стѣсненій для *Volksbräutche*, какъ сказано въ бумагѣ Hill'я. Далѣе, весь планъ подробно разработанъ, страна подвергнута обследованію посланной экспедиціей и все дѣло со-

средоточено въ рукахъ одного человѣка, обладателя сотенъ милліоновъ, который свою дѣловитость, энергію и здоровый житейскій разумъ проявилъ предъ всѣмъ міромъ. Таковы были внѣшнія, внутреннія и финансовыя условія затѣяннаго барономъ Гиршемъ дѣла: они должны быть названы блестящими. Нельзя удивляться, что баронъ вѣрилъ въ осуществимость своей мечты, которая составила украшеніе и радость грустнаго конца его бурной жизни; понятно также, что и народъ повѣрилъ в, со свойственнымъ ему увлеченіемъ и чувствомъ благодарности, сталъ звать его 4-мъ Моисеемъ и вывѣшивать его портреты въ своихъ лачугахъ. Прошло немного лѣтъ, и мы уже можемъ подвести итогъ этому дѣлу; оно уже кончено, одухотворявшая идея отжила свой вѣкъ, обогативъ лишь исторію нѣсколькими интересными страницами, а многоопытный и многострадальный народъ еще однимъ опытомъ.

Потрачено нѣсколько десятковъ милліоновъ; устроено нѣсколько колоній, въ которыхъ живетъ около 1500 семействъ; много денегъ, мало людей—вотъ матеріальный, видимый итогъ.

Гораздо важнѣе, конечно, итогъ невидимый, но столь же ясный. Онъ выражается въ полномъ и безповоротномъ *крушеніи идеи Гирша о возможности созданія въ Аргентинѣ концентраціоннаго очага для милліоновъ еврейства*, новой родины для бездомнаго народа. Никто болѣе объ этомъ не мечтаетъ, несостоятельность проявилась для всѣхъ съ ясностью, которая даже не требуетъ доказательствъ. Конечно, и теперь еще нѣсколько десятковъ семействъ въ годъ переселяются въ Аргентину, но это нисколько не мѣняетъ сдѣланнаго общаго вывода.

Сравните теперь съ этимъ итогъ дѣятельности другого барона и всѣхъ «друзей Сіона» вмѣстѣ. И тамъ потрачено не мало милліоновъ, и тамъ живетъ не больше людей. Матеріальный итогъ, слѣдовательно, одинъ и тотъ-же. Въ Палестинѣ, къ незначительности матеріальныхъ результатовъ, присоединился еще нравственный ударъ, въ видѣ запрета 1891 г. И тѣмъ не менѣе, палестинское дѣло не только не сыграло своей роли, наоборотъ, оно крѣпнеть, привлекаетъ все большее число сторонниковъ и, въ формѣ политическаго сіонизма, пишетъ теперь одну изъ блестящихъ своихъ страницъ. Это различіе, которое есть безусловный фактъ, необходимо всегда имѣть въ виду тѣмъ, которые, по словамъ Маркса, приписываютъ народнымъ движеніямъ только видимую экономическую подкладку. Оно является также крайне убѣдительною иллюстраціей тѣхъ соображеній, которыя высказаны были въ предыдущей главѣ, при разсмотрѣніи данныхъ, позволяющихъ судить о будущности сіонизма. Это различіе станетъ для насъ еще поучительнѣе, когда мы выйдемъ въ причины крушенія, (конечно, идейнаго) аргентинскаго дѣла.

Говоря объ этихъ причинахъ, обыкновенно выставляютъ на первый планъ два бича: саранчу и администрацію. Первая дѣйствуетъ периодически; въ тѣ годы, когда она появляется, она поѣдаетъ весь трудъ работника, весь урожай, столь обыкновенно обильный. Вторая дѣйствуетъ, конечно, не столь истребительно, но постоянно; какъ вездѣ, наемная, безпринципная, она служитъ не дѣлу, котораго не любить, а своимъ интересамъ. Все это такъ, эти причины, несомнѣнно, весьма важны; но ими однѣми, конечно, дѣло не объясняется. Саранча очень истребительна; но вѣдь въ тѣ годы, когда ея нѣтъ, колонистъ получаетъ достаточный запасъ. Не смотря на саранчу, положеніе колонистовъ очень недурное. многіе выплачиваютъ колонизаціонному обществу долги. Наконецъ, съ этимъ бичемъ можно бороться, и складывать предъ нимъ руки слишкомъ малодушно. И администрація наемная не есть нѣчто непреодолимое; съ ней можно бороться, и съ успѣхомъ. Къ тому же, прибывшіе въ Аргентину выходцы изъ Румыніи и другихъ странъ вѣдь не изъ идиллической Аркадіи явились, гдѣ слово «гнетъ» стало архаическимъ. Насколько оба эти фактора не объясняютъ дѣла, видно на примѣрѣ Палестины. Тамъ была филлоксера, поѣдавшая европейскія лозы и уничтожавшая труды колонистовъ. Они, однако, сдѣлали изъ этого только одинъ выводъ, — что европейскія лозы надо замѣнить американскими. Второй бичъ, администрація, свирѣпствовалъ въ Палестинѣ несравненно сильнѣе, чѣмъ въ Аргентинѣ. Но и изъ этого колонисты сдѣлали только тотъ выводъ, что съ этимъ зломъ надо бороться. И они достигли упорной борьбой и терпѣніемъ своей цѣли. Оба эти фактора, такимъ образомъ, по отношенію къ Палестинѣ, нисколько не повліяли на интенсивность стремленій туда и на степень привязанности живущихъ. Въ чемъ же тутъ дѣло?

Дѣло въ томъ, что Аргентина является страной, куда человекъ идетъ *только* для удовлетворенія матеріальной нужды, только подъ влияніемъ экономическаго стимула; выбирая ее, онъ руководствуется исключительно внѣшними соображеніями. Здѣсь вполне примѣнимо то пониманіе наименьшаго сопротивленія по отношенію къ эмиграціи, которое поверхностные люди, какъ Бикерманъ, шаблонно распространяютъ на всѣ явленія и движенія ¹⁾. Еврей со средствами вообще очень рѣдко эмигрируетъ, а если идетъ, то ему совершенно незачѣмъ идти въ Аргентину. Человекъ безъ средствъ идетъ всюду, гдѣ есть готовность его *устроить*; но «устраивать» массы нѣтъ и не будетъ возможности не только у насъ, но и у другихъ, сильныхъ народовъ. Опытъ наиболѣе колонизирующаго народа, англійскаго, привелъ къ слѣдующему результату: «Die Erfahrungen sprachen alle die selbe Sprache: mittellose Auswanderer sofort

¹⁾ Бикерманъ Сіонизмъ. Русск. Бог., 1902. Іюль.

ansiedeln zu wollen ist *undurchführbar*»¹⁾. О переселеніи въ Аргентину состоятельныхъ людей, движимыхъ идеей, или духовнымъ влеченіемъ, о такихъ задачахъ, какъ «геуласъ гоорець», о вкладываніи денегъ въ предпріятія, имѣющія первоначальной цѣлью только пользу страны, какъ Кармель, о закупкѣ земель и разработкѣ виноградниковъ лицами, живущими вдали и долго не думающими о какой либо пользѣ—обо всемъ этомъ здѣсь рѣчи быть не можетъ. Сюда идетъ пролетаріатъ, если его берутъ устраивать; но если этого условія нѣтъ, онъ, гонимый нищетой и безправіемъ, вынужденный идти на свой собственный рискъ, пойдетъ туда, гдѣ высокое промышленное развитіе даетъ сейчасъ-же кусокъ хлѣба за одно приложеніе рукъ. Нью-Йоркъ, Чикаго, Сидней, Лондонъ, Юганесбургъ—вотъ куда направляется, *долженъ и будетъ направляться* беспомощный эмигрантъ. Этотъ законъ повторяется у всѣхъ народовъ; они выдѣляютъ огромныя массы эмигрантовъ въ С. Америку и ничтожныя количества въ колоніи своихъ государствъ. $\frac{4}{5}$ ежегодной эмиграціи, какъ мы видѣли, идетъ въ С. Штаты, остальная $\frac{1}{5}$ тоже главнымъ образомъ въ крупныя центры, и только ничтожная горсть въ Аргентину. И такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока въ Аргентинѣ также не разовьются крупныя промышленно-торговныя центры.

Конечно, при дружной работѣ и денежныхъ средствахъ, можно значительно облегчить созданіе въ этой странѣ еврейскихъ колоній. Но даже если бы дѣло велось и въ болѣе широкихъ размѣрахъ, оно тоже не могло бы привести къ созданію сплошнаго еврейскаго «очага». Рядомъ съ полосами еврейской земли были бы полосы нашихъ старыхъ друзей, испанцевъ, затѣмъ итальянцевъ, англичанъ и проч.; въ городахъ евреи подвергались бы несомнѣнно, тому же воздѣйствію, какое мы видимъ на сѣверѣ; переходъ изъ деревень въ города былъ бы, конечно, постоянный и большой, а вліяніе города на колонію очень сильное. Мы получили бы нѣчто въ родѣ группъ нашихъ здѣшнихъ колоній, конечно, при лучшихъ экономическихъ и правовыхъ условіяхъ, но съ тѣмъ же ничтожнымъ національнымъ значеніемъ. Результатъ незавидный; но и онъ могъ бы быть достигнутъ только упорными трудами и большими средствами. Безъ этихъ же условій эмиграція въ Аргентину останется въ тѣхъ же мизерныхъ предѣлахъ, что теперь пока Южная Америка не сравнится, по культурному развитію и условіямъ иммиграціи, съ Сѣверной; тогда евреи пойдутъ туда и безъ всякаго содѣйствія бар. Гирша, какъ идутъ теперь въ Сѣв. Штаты; многіе улучшатъ свое матеріальное положеніе, другіе будутъ горе мыкать; всѣ они подвергнутся вѣгшней ассимиляціи, удерживая свою внутреннюю сущность, и будутъ пред-

¹⁾ K. Rathgen: Die Auswanderung etc., S. 140.

ставлять повтореніе тѣхъ несчастныхъ раздвоенныхъ типовъ, которые выработались и постоянно встрѣчаются намъ въ старыхъ центрахъ діаспоры. Когда въ этихъ новыхъ странахъ будетъ достигнута извѣстная степень насыщенія, тогда появится, какъ вездѣ и всегда, антисемитизмъ въ той или иной формѣ. Евреи, по обыкновенію, отдавшіе все *свое* за права и видимое равенство, будутъ переживать то трагическое состояніе неудовлетворенности душевной и не всегда видимой, но очень чувствительной травли, которую переживаютъ теперь западные братья; успокоившись отъ грубыхъ ея проявленій, они еще болѣе поймутъ и сильнѣе будутъ чувствовать трагизмъ вѣчно странствующаго народа, правда, терпяго, но принужденнаго все *свое* заглушать, и тогда у нихъ, какъ въ Германіи или Австріи, народятся иѣвцы, которые укажутъ пмъ, что «изъ парей въ рубищахъ, они стали рабами въ коронахъ»¹⁾.

Все это было, все это будетъ такъ-же въ такихъ нарождающихся странахъ. О созданіи здѣсь какого либо центра можно было бы мечтать, если бы наши выходцы, послушные нашимъ теоретическимъ выкладкамъ и планамъ, могли бы заранѣе оградить пріобрѣтенныя земли отъ какого либо вѣдренія другихъ элементовъ. Но вѣдь это совершенно немислимо: а между тѣмъ еврейство составляетъ только незначительную часть общей иммигрантской массы. Въ то время, какъ мы поставили въ Нью-Йоркѣ за послѣднія 20 лѣтъ 6—7 сотъ тысячъ, другіе народы переселились туда въ количествѣ миллионѣвъ. Такая же приблизительно пропорція существуетъ и въ другихъ странахъ, привлекающихъ къ себѣ эмигрантовъ. Развитіе нашимъ трудомъ мало культивированныхъ еще частей Аргентины, или Канады, Бразиліи, о которыхъ многіе говорили за послѣднее время, могло бы только способствовать большому притоку туда эмигрантовъ вообще. Страны эти рады пока иммигрантамъ²⁾, онѣ охотно пустили бы теперь и насъ. Но что толку въ этомъ? Мы на новыхъ мѣстахъ сослужили бы службу, которую исполняли уже много разъ на старыхъ, вытаскивали бы каштаны изъ огня для другихъ. Эти заслуги были бы, не сомнѣваюсь, нѣкоторыми признаваемы и цѣнимы. Но все это не измѣнило бы сути: мы и на новыхъ мѣстахъ образовали бы ничтожное меньшинство, которое было бы затерто, поглощено, или вытолкнуто. Отдѣльнымъ, разбросаннымъ группамъ жилось бы недурно; но вѣдь это можетъ быть достигнуто легче и дешевле въ промышленныхъ центрахъ; созданіе же сплошнаго національнаго очага является здѣсь абсолютно

¹⁾ Zlocisti: Vom Heimweg.

²⁾ Dr. R. A. Hehl: Die Entwicklung der Einwanderungsgesetzgebung in Brasilien—Schr. d. Ver. f. Socialpol., 72.

немыслимымъ. Что такого рода группы, хотя-бы и весьма многолюдныя, не могли бы и мечтать о какой бы то ни было политической самостоятельности, я думаю, нечего доказывать.

Такимъ образомъ, ни высококультурные города, ни малокультурныя, нарождающіяся страны не отвѣчаютъ задачѣ созданія свободнаго и самостоятельнаго національнаго очага для разбѣяннаго еврейства. Такой конечный исходъ служить причиной того, что работа эта не привлекаетъ къ себѣ силъ рвущейся на дѣло молодежи. Все въ еврействѣ прониклось теперь сознаниемъ, что палліативами не разрѣшить народнаго вопроса, и что на первомъ планѣ нужны коренныя работы, въ томъ или иномъ направленіи, но не заплата. Въ колонизаціи по тѣмъ путямъ, какъ она производилась до сихъ поръ, ничего коренного-то именно нѣтъ. Съ этимъ отсутствіемъ стимула для сознательной молодежи мы также обязательно должны считаться.

VI-й конгрессъ выдвинулъ новую комбинацію—колонизацію *дѣвственныхъ странъ*, связанную съ заранѣе выговоренной *внутренней автономіей*. Эта комбинація представляетъ еще нѣчто небывалое въ нашей многострадальной исторіи. Почва подъ этимъ вопросомъ для насъ еще такая же неразработанная, какъ и тѣхъ странъ, въ которыхъ этотъ опытъ могъ бы быть произведенъ. Мы должны, тѣмъ не менѣе, обратиться въ немъ и притомъ неотложно, потому что сама жизнь этого требуетъ. И это оказывается вовсе не столь трудно, какъ могло бы казаться. *Цель, поставленную себѣ сіонистами, силы и свойства еврейскаго народа и опытъ другихъ европейскихъ народовъ*—вотъ что надо имѣть, въ виду, и этихъ данныхъ достаточно, чтобы построить на нихъ прочный выводъ, независимо отъ дѣтальныхъ свѣдѣній о той или иной дѣвственной странѣ, которая могла бы быть намъ предложена. Въ этомъ именно положеніи мы были въ Базелѣ. Никто, включая и автора, и защитниковъ предложенія, не имѣлъ точныхъ данныхъ объ Угандѣ. Не думаю, чтобъ гдѣ-либо въ парламентскихъ учрежденіяхъ возможно было обсужденіе столь серьезнаго вопроса, при столь поверхностной подготовкѣ. Тѣмъ не менѣе, мы могли тамъ сказать свое ответственное Nein. И позднѣйшее, болѣе детальное изученіе и обсужденіе только укрѣпило насъ въ сознаниіи вѣрности занятой нами въ Базелѣ позиціи.

Что такое было предложено намъ?

Звучное имя Уганда, передѣланное нѣкоторыми на Угаейда, звучало въ ушахъ Ja-Sager'овъ, какъ «ган-эйдень». Какъ врачъ, я вспоминалъ, что тамъ свирѣпствуютъ два бича: жестокая малярія и патоло-

гическая спячка, привлекавшія къ себѣ вниманіе ученыхъ экспедицій. Къ счастью, вскорѣ оказалось, что имѣется въ виду не лежащая у озера Уганда, а другія мѣста Восточной Африки. Гринбергъ утверждалъ, что предполагается участокъ на землѣ, лежащей между Наироби и Эскарампа. Гдѣ именно, и сколько земли, близко отъ берега моря, или далеко: по линіи желѣзной дороги, или вдали, среди лѣсовъ и слоновъ:—все это было неизвѣстно. Знали мы только, что это первобытная страна, непочатая европейской культурой, и что тамъ имѣется довольно большое, въ нѣсколько милліоновъ, и дѣятельное негритянское населеніе, мѣстами густо засѣляющее цѣлыя провинціи.

Всего лишь нѣсколько лѣтъ, какъ Англія окончательно подчинила своему протекторату эту страну, и это подчиненіе стоило большихъ жертвъ кровью и деньгами. И теперь, послѣ установленія протектората, негритянское населеніе не хочетъ съ нимъ мириться, борьба съ племенемъ Сомали опять потребовала много жизни и много крови. Негры этой страны не похожи на австралійскихъ, которые боятся бѣлыхъ и таютъ при соприкосновеніи съ ними; они подобны зelandскимъ, или южноафриканскимъ, которые засѣдаютъ въ парламентахъ. Европейцевъ они не любятъ, да и поводовъ къ любви пока не имѣютъ. И европейцы туда охотно не идутъ; пока ихъ тамъ, за 10 лѣтъ, отъ 500 до 1000 человекъ, несмотря на то, что колонизація ихъ не только не встрѣтила бы препятствій, а наоборотъ, была бы встрѣчена съ радостью и сопровождалась бы всяческимъ содѣйствіемъ, и не смотря на то, что колонизаторскій геній англичанъ-протекторовъ не имѣетъ себѣ соперниковъ.

Населенная дикими племенами, Восточная Африка окружена почти со всѣхъ сторонъ такими же первобытными странами. Недавно проложенная дорога къ морю соединяетъ ее, правда, съ путями, ведущими въ культурный міръ; но прилегающія къ ней полосы большей частью густо населены; будущая еврейская колонія должна была бы быть, слѣдовательно, въ глубинѣ страны и, какъ говорили, не близко отъ моря. А эти углубленные части большой страны еще совсѣмъ дики и мало изучены. Животный міръ тамъ очень богато представленъ, крупныхъ звѣрей и ядовитыхъ гадовъ очень много, и борьба съ ними представить не легкую задачу для первыхъ культурныхъ поселенцевъ. Не мало тяжелаго предстоитъ имъ и отъ климата. Страна лежитъ почти у экватора, въ 5° отъ него; европейцу трудно тамъ работать, развѣ только на весьма возвышенныхъ мѣстахъ.

Вотъ тѣ данныя, которыя мы имѣли. Я не хочу ихъ сейчасъ здѣсь пополнять, потому что нужныхъ намъ деталей въ литературѣ нѣтъ, а другія общія свѣдѣнія прибавляютъ мало существеннаго къ тому, что мы знали въ Базелѣ и что важно для нашей задачи. Мы имѣли передъ собой,

такимъ образомъ, задачу, которая насчитываетъ не мало прецедентовъ, завоеваніе для культуры дѣвственной страны. Многіе народы пытали на этомъ свои силы, далеко не все успѣвали; но нѣкоторые достигли большихъ успѣховъ. Не говорю ужъ о Штатахъ, расцвѣтъ которыхъ явился какъ-бы дѣломъ международнымъ; но Австралія, Зеландія, страна буровъ и южно-африканскія англійскія колоніи — все это были такія же первобытныя страны, какъ и Восточная Африка, до прихода туда европейцевъ. Культура, энергія и капиталъ превратили ихъ въ завидные уголки вселенной. Австралія насчитываетъ 4 милліона населенія, она богата, счастлива, свободна, въ ней вырабатывается теперь интересные опыты аграрные и соціальныя ¹⁾, которыми она опередила Европу. А между тѣмъ, какихънибудь 120 лѣтъ назадъ, туда попали первые европейцы. Рядомъ Новая Зеландія; она разрослась въ какихъ-нибудь 65 лѣтъ и представляетъ собой теперь цвѣтущій островъ. Отчего и намъ не попытаться своихъ силъ, достигали вѣдь люди, отчего и намъ не добиться? Можетъ быть, здѣсь легче намъ будетъ достигнуть созданія свободнаго національнаго очага, который вѣдь составляетъ основную нашу потребность и сущность нашихъ стремленій.

Мы должны отвѣтить себѣ на эти вопросы. Но мы не послѣдуемъ примѣру нашихъ публицистовъ, которые строятъ свои отвѣты на умозрѣніяхъ, логикѣ или пафосѣ. Здѣсь нужны *факты*, они только могутъ насъ научить. Разсмотримъ же, какъ создавалась жизнь въ этихъ странахъ.

Австралія.—Нуждаясь въ мѣстѣ для ссылки тяжкихъ преступниковъ, Англія въ 1786 г., освѣдомленная объ открытыхъ капитаномъ Кукомъ въ южномъ полушаріи земляхъ, снарядила туда первый транспортъ ссыльныхъ, въ количествѣ 750 человѣкъ. ²⁾ Во главѣ этого новаго поселенія поставленъ былъ губернаторъ, которому были даны самыя широкія полномочія. За первымъ опытомъ послѣдовалъ второй; съ 1816 г. ссылалось уже 2—5 тысячъ въ годъ, такъ что до 1867 г. было сослано всего 120,000 человѣкъ. На долю этого элемента выпала вся работа по подготовленію дѣвственной страны. «Австралія, говоритъ проф. Фойницкій, на первыхъ порахъ борется съ голодомъ и другими невзгодами, неизбежными въ началѣ завоеванія дѣвственной страны, исключительно силами ссыльныхъ и превращается въ обширную тюрьму для преступниковъ метрополи. Правительство доставляетъ ей и капиталъ, и рабочій трудъ». Трудъ этихъ работниковъ былъ бесплатный и находился въ распоряженіи губернатора. «Туземное населеніе казалось малочислен-

¹⁾ Уго Раббено: Аграрный вопросъ въ австрал. колоніяхъ. Перев. съ итальянск. Спб., 1903 г.

²⁾ Проф. И. Я. Фойницкій: Ученіе о наказаніи. Спб., 1889 г.; глава о ссыльн., стр. 205.

нымъ и не воинственнымъ; его постепенно истребили»¹⁾. Вырублены лѣса, раскорчована почва, проложены дороги, осушены болота, истреблены животныя, которыхъ тамъ было сравнительно немного, возведены зданія, обработаны поля. Кѣмъ же все это было сдѣлано? «Новая колонія, отвѣчаетъ на это цитированный ученый, была создана трудомъ ссыльныхъ»²⁾.

Гдѣ-же были эмигранты? Вѣдь ихъ изъ Англiи за это время выѣзжало не мало въ Сѣв. Америку; по даннымъ Mayo-Smith'a, уже въ 20-хъ и 30-хъ годахъ, изъ Великобританiи ежегодно эмигрировали въ Америку десятки тысячъ, а съ начала 40-хъ годовъ количество это достигаетъ ста и болѣе тысячъ³⁾; шла-ли часть ихъ нихъ въ новооткрытыя обширныя земли? «Правительство, рассказываетъ Фойницкiй, звало и поощряло ихъ, принимая до 1822 г. перевозку эмигрантовъ и ихъ семей на свой счетъ, отводя имъ земельные участки безвозмездно, или за скромную плату и обезпечивая имъ дешевый рабочiй трудъ ссыльныхъ». Мало того: одно время правительство, помимо сказаннаго, давало еще взаимныя скоты, сѣмена и припасы на нѣсколько мѣсяцевъ, а также отдавало «въ полную собственность» извѣстное количество рабовъ-преступниковъ⁴⁾. Но свободные эмигранты не шли. 30 лѣтъ послѣ начала колонизаціи Австраліи, тамъ было 12,000 европейцевъ, изъ которыхъ только ¹/₇ часть составляли свободные эмигранты⁵⁾. Сильно развившееся скотоводство, для котораго равнины Австраліи представляли очень удобныя условія, природныя богатства, раскрытыя ссыльными, стали потомъ понемногу привлекать людей и капиталы; но страна все еще оставалась мелкой колоніей до половины XIX столѣтія. Крутой поворотъ наступилъ въ 1851 г., когда открыты были тамъ золотыя россыпи. «Изъ колонiи Австралія становится страной. Въ ней сразу замѣчается наплывъ всечeskихъ элементовъ, страна растетъ и быстрыми шагами достигаетъ того положенія, которое мы видимъ теперь. Такимъ образомъ, Австралія выросла, благодаря ссыльнымъ и золоту. Но эти ссыльные принесли съ собой не одни свои сильные мускулы, но и специфическіе нравы. Я остановлюсь на этомъ, хотя оно и не имѣетъ прямого отношенія къ интересующей насъ сторонѣ дѣла.

Пьянство доходило до того, что населеніе дѣлилось на пьющихъ ромъ и продающихъ его; само собой, эти послѣдніе не принадлежали къ непьющимъ. Развратъ достигалъ ужасающихъ размѣровъ. Ссыльныя матроны отличались величайшимъ развратомъ и приобрѣли себѣ репутацію

1) Ibidem; стр. 207.

2) Ibidem; стр. 201.

3) Die Einwanderung in die Verein. Staaten von Amerika. S. 222.

4) Уго Раббено: Аграрный вопросъ въ Австрал. колонiи. Спб. 1903, стр. 19.

5) Фойницкiй, 217.

самого дерзкаго, самого недисциплинированнаго элемента»¹⁾. Самыя тяжкія преступленія,—разбой, убійства—и наказанія въ видѣ смертной казни были заурядными явленіями. Войско, присланное сюда для охраны и порядка, было немногимъ лучше охраняемыхъ: среда заражала и увлекала ихъ²⁾.

Такимъ образомъ, ссыльные, подготовившіе своимъ подневольнымъ, даровымъ трудомъ страну для воспріятія культурныхъ элементовъ, подготовили и не мало осложненій, и очень серьезныхъ, когда послѣдніе осѣли и стали развивать начала гражданственности. Европейцы здѣсь, по отношенію къ своимъ же бѣлымъ, считали неизбѣжнымъ примѣненіе тѣхъ-же жестокихъ мѣръ, какія мы и теперь еще видимъ въ Зап. Штатахъ, напр., по отношенію къ чернымъ. Висѣлица, плеть, револьверъ шли неразлучно съ насажденіемъ «культуры». Но этого было мало; пришлось примѣнить выселеніе въ такъ называемые «штрафные выселки», въ глубь страны, или на острова. Ссыльные завели у себя ссылку. Но эта ссылка готовила новыя мѣста для культуры. Все это, однако, не помогало вполнѣ. Въ 40-хъ годахъ колоніи стали настойчиво требовать отъ метрополи прекращенія ссылки, и Англія, послѣ долгихъ проволочекъ, наконецъ, согласилась.

Такова историческая подкладка подъ необыкновенно быстрыми усѣхами австраійской колонизаціи. Преступники, изъ тяжкихъ, черпавшіе силу и энергію,—конечно, не на долгіе годы,—въ винѣ, развратѣ, разгульные, безшабашные, погоняемые суровыми, нещадными мѣрами,—вотъ создатели. И врядъ-ли можетъ подлежать сомнѣнію, что не будь этого дарового, сильнаго, подневольнаго и безстрашнаго труда, дѣло не могло бы такъ быстро пойти. Доказательство этому мы видимъ на примѣрахъ западной Австраліи и другихъ колоній.

Зап. Австралія развивалась очень медленно. Югъ и востокъ привлекали все и всѣхъ; тамъ было золото, тамъ была жизнь. И вотъ, зап. Австралія, видѣвшая и знавшая, какъ дорого приходилось потомъ восточной расплачиваться за трудъ ссыльныхъ, все-таки обращается къ Англіи съ предложеніемъ присылать ей ихъ³⁾. Англія, конечно, не отказала. И тутъ повторилось то же, что мы видѣли на юго-востокѣ: увеличеніе благосостоянія, приливъ иммигрантовъ, громаднй ростъ преступленій, борьба съ этимъ и, наконецъ, требованія о прекращеніи ссылки. И здѣсь, однако, приливъ эмигрантовъ получилъ особый толчокъ только въ 1892 г., когда открыты были *золотыя росыни*. Среди пустыни былъ тогда образованъ городъ Кульгарди, растущій по днямъ, и цѣлый рядъ другихъ поселеній⁴⁾.

Я остановился болѣе подробно на Австраліи, потому что она до-

¹⁾ Ibid., loca cit., стр. 222.

²⁾ Ibid., стр. 207.

³⁾ Леруа Болье, стр. 43.

⁴⁾ Ibid., стр. 231.

стигла самаго большаго расцвѣта среди англійскихъ колоній; рассмотримъ теперь вкратцѣ исторію еще нѣкоторыхъ другихъ.

Новая Зеландія. Иначе совершенно протекало развитіе этой благодатной, счастливой страны. Природа одарила ее всѣми условіями, которыя необходимы для развитія и безпримѣрнаго роста. Равный по протяженію Англій, островъ, по своей формѣ, легко доступенъ со всѣхъ сторонъ и обладаетъ массой очень удобныхъ гаваней и бухтъ; прекрасный климатъ, напоминающій итальянскій, очень плодородная почва, богатѣйшая растительность, прекрасныя условія для садоводства. И тѣмъ же менѣе, страна до конца 30-хъ годовъ привлекала къ себѣ вниманіе лишь разныхъ авантюристовъ и смѣльчаковъ, которыхъ насчитывалось тогда на островѣ до 1000 человекъ¹⁾. Но постепенно свѣдѣнія объ этой странѣ стали все болѣе распространяться въ Англій. И вотъ, въ 1839 г., создавалась «Ново-Зеландская компанія», во главѣ которой сталъ, знаменитый по своей теоріи «систематической колонизаціи», полковникъ Эдвардъ Векфильдъ. Краеугольнымъ тезисомъ его системы, которой много десятилѣтій интересовалась вся мыслящая Англія, служило положеніе, что для успѣха колонизаціи дикихъ странъ необходимо устраненіе съ самаго начала возможности образованія мелкихъ хозяйствъ, сосредоточеніе земель въ немногихъ рукахъ крупныхъ капиталистовъ и обезпеченіе ихъ достаточнымъ притокомъ ввозимыхъ европейскихъ рабочихъ²⁾. Для проведенія ея требовалось захватить сначала возможно больше земель, продать ихъ потомъ по высокой цѣнѣ капиталистамъ, и на вырученныя деньги импортировать неимущихъ рабочихъ. Ново-Зеландская компанія и повела энергично свою работу по этому плану.

Приемы, которые были пущены въ ходъ потомъ, въ самой странѣ, стали обычными; ими широко пользовались также, напр., германцы въ своихъ африканскихъ колоніяхъ и расплачиваются теперь такъ же, какъ въ свое время англичане. За ружья, матеріи, зеркала и другія побрякушки, при помощи, къ тому-же, обманно подстроенныхъ недоразумѣній въ договорахъ съ предводителями дикихъ племенъ, компанія «приобрѣла» около 20,000,000 акровъ земли. Широко, рекламно распушенные вѣсти объ этой землѣ привлекли въ Лондонѣ вниманіе капиталистовъ; она была скоро и за огромныя деньги распродана. Примѣру этой хищнической компаніи послѣдовалъ скоро цѣлый рядъ отдѣльныхъ хищниковъ. «Толпы барышниковъ, говорятъ Раббено, точно цѣлыя стаи голодныхъ звѣрей, нахлынули на территорію». Тѣмъ же путемъ обмановъ «перешло въ ихъ собственность» 40 милліоновъ акровъ. Разбогатѣвшая компанія завела свои пароходы, привлекла пролетаріатъ. «Въ Нов. Зеландію поплыли суда съ пассажи-

¹⁾ Уго Раббено, *op. cit.*, стр. 190.

²⁾ См. К. Rathgen: *Die englische Auswanderung*, и Раббено: *Аграрное законод.*, въ которыхъ эта система подробно изложена и разобрана.

рами 1-го и 3-го классовъ: въ первомъ ѣхали капиталисты, въ 3-емъ бѣдные работники, перевозимые на счетъ компаніи»¹⁾).

Но что было легко получить обманомъ въ контрактѣ, то встрѣтило огромныя препятствія при первыхъ попыткахъ къ осуществленію. Англичане разсчитывали встрѣтить здѣсь тѣхъ же австралійцевъ, которые убѣгали при одномъ видѣ европейцевъ и были совершенно неспособны къ сопротивленію; но они жестоко ошиблись. Племя маори, населявшее островъ, было сильное, красивое, воинственное и жестокое; они не были уже совсѣмъ дики и безпомощны въ борьбѣ. Частнаго права собственности маори не признавали; всѣ сдѣлки на землю, совершенныя вождями, не имѣли въ ихъ глазахъ никакого значенія, и они никого не пускали на свои земли. Началась борьба, кровавая, жестокая. 30 лѣтъ подрядъ продолжалась она. Особенно сильна и кровопролитна была борьба въ десятилѣтіе 1860—1870 г., когда возсталъ весь островъ²⁾. Правительство Великобританіи увидѣло себя вынужденнымъ пойти на уступки. У частныхъ собственниковъ было отнято почти все (имъ оставлено 474,000 акровъ). Къ Ново-Зеландской компаніи, въ составѣ которой были очень вліятельные люди, правительство отнеслось гораздо мягче. Но постепенно, осторожно и дипломатично, правительство само забирало въ свои руки сначала частныя земли, а потомъ, когда въ 1851 г. компанія лопнула, и ея владѣнія. Постепенно и война стала затихать; она уничтожила $\frac{3}{5}$ мѣстнаго населенія³⁾. Но отдѣльныя вспышки и возстанія продолжались до 1883 г., т. е. 44 года, и только тогда король Тевхиао, признанный главой почти всѣхъ племенъ острова, помирился съ нашествіемъ бѣлыхъ и заключилъ миръ съ англійскимъ правительствомъ.

Дѣятельность компаніи, а впоследствии еще болѣе широкая и планомерная усилія правительства приводили къ постоянному нарощенію числа бѣлыхъ. Необыкновенно благопріятныя свойства страны способствовали этому, какъ нельзя болѣе. Тѣмъ не менѣе, страна развивалась медленно. Въ 1863 г., т. е. 25 лѣтъ послѣ начала столь усиленной колонизаціи, на островѣ насчитывалось 160,000 европейцевъ⁴⁾. Въ этомъ году въ Зеландіи *было открыто золото*. Населеніе стало быстро расти, а вмѣстѣ съ тѣмъ расли слухи о богатствахъ. Въ 1870 г. она могла уже сдѣлать заемъ въ 100,000,000 р.; на эти деньги были ввезены рабочіе, проложены дороги, сдѣланы общественныя работы. Къ тому-же времени, какъ мы видѣли, стали затихать кровавыя войны. Страна быстро растетъ; въ 1877 г. тамъ было 400 т., а въ настоящее время 700,000⁵⁾).

¹⁾ Уго Раббено: Аграрное законодат., стр. 193.

²⁾ Леруа Боле: Новыя Англо-саксонскія общества, стр. 17.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ Rabbenc, loco cit.

Нѣчто поразительное представляетъ быстрота роста этихъ двухъ англійскихъ колоній. Тамъ четыре милліона въ одно столѣтіе, здѣсь 700 тысячъ въ 60 лѣтъ. Въ Новой Зеландіи не было уже ссыльныхъ и ихъ дароваго подневольнаго труда, какъ мы это видѣли въ Австраліи: за то во сколько разъ плодороднѣе, богаче и удобнѣе сама страна! Но помимо физическихъ свойствъ, здѣсь соединились другіе факторы, сдѣлавшіе огромную роль. Сначала Н.-Зеландская компанія, а потомъ правительство и различныя учрежденія вложили колоссальныя капиталы въ дѣло развитія страны. «Къ концу 1871 г., вычислилъ Леруа-Болье, англійчане помѣстали уже въ Австрал-азіи (Австраліи и Зеландіи) болѣе 1900 милліоновъ франковъ, изъ которыхъ 825 милліоновъ были даны въ ссуду правительствамъ и городскимъ управленіямъ, а 1118 милліоновъ вложены въ частныя предпріятія». ¹⁾ Далѣе,—защита англійскаго войска и правительства, безъ которой немыслимо было бы культурное развитіе въ далекой странѣ, населенной мужественными, воинственными племенами. Наконецъ, и главное, это — необыкновенный колонизаторскій геній англійчанъ, ихъ энергія, гибкость, воспримчивость, дисциплина. Они вложили въ страну все, что могутъ дать знанія, энергія и огромныя капиталы, и за то получили все то, что могла дать страна. Мы не встрѣчаемъ *нигдѣ* болѣе столь быстраго роста, какъ въ этихъ двухъ странахъ, Такъ, даже Соед. Штаты, которые создавались трудами всѣхъ народовъ, насчитывали 150 лѣтъ послѣ начала колонизаціи, только 3.900.000 жителей ²⁾. Ростъ, нѣсколько напоминающій Зеландскій, мы встрѣчаемъ еще, пожалуй, въ Капской колоніи, послѣ того, какъ тамъ открыты были алмазы; совершенно иначе протекаетъ развитіе всѣхъ другихъ колоній, какъ мы это сейчасъ увидимъ. Но прежде, чѣмъ перейти къ нимъ, замѣтимъ еще, что этотъ быстрый ростъ повлекъ за собой много болѣзненныхъ явленій, отъ которыхъ колонія страдала и еще долго будетъ страдать.

Деньги, которыя требовались для развитія силъ и богатствъ страны и привлеченія туда рабочихъ, были добыты отъ крупныхъ капиталистовъ, которые сдѣлались собственниками большинства земель. «Когда являлись желающіе воздѣлывать ее, они продавали ее втрое, вчетверо, въ двадцать разъ дороже, или-же сдавали въ аренду» ³⁾. Эта концентрація земель вызвала ропотъ, который перешелъ въ открытую борьбу между аграрными монополистами и безземельными, или малоземельными иммигрантами ⁴⁾. Но борьба съ этими капиталистами оказалась труднѣе, чѣмъ съ маори; тутъ пушки непримѣнны, а зло очень глубоко. Болѣе 30 лѣтъ ведется

¹⁾ Леруа-Болье, стр. 158.

²⁾ Ibidem, стр. 48.

³⁾ Раббено, стр. 201.

⁴⁾ Ibidem, стр. 204.

эта борьба; правительство дѣлаетъ все, что возможно. Предпринять былъ рядъ въ высшей степени интересныхъ опытовъ, на которыхъ здѣсь не мѣсто останавливаться. Genossenschaftsdörfer, въ родѣ тѣхъ, которыя проектируетъ для Палестины Оппенгеймеръ (special settlements associations), деревенскія поселенія для безработныхъ (village settlements), фермерскія поселенія (improved farm settlements) и т. д. — все испытывается; но зло этимъ очень мало устраняется. Сила капитала пока непобѣдима. Концентрація земель еще растетъ, число безработныхъ увеличивается, заработная плата падаетъ. И Раббено справедливо заканчиваетъ свою интересную работу словами, что «аграрный вопросъ остается еще открытымъ въ Н.-Зеландіи, и врядъ-ли разрѣшимъ при нынѣшнихъ условіяхъ»¹⁾.

Южно-Африканскія колоніи. Развитію англійскихъ, голландскихъ, германскихъ и другихъ колоній Южной Африки представляетъ для насъ въ высшей степени интересную страницу. Колонизація европейцевъ началась здѣсь очень давно: первые голландцы прибыли еще въ 1652 г. Число ихъ постепенно увеличивалось, но въ общемъ земли эти долго оставались внѣ эмиграціоннаго потока, который шелъ главнымъ образомъ въ Сѣв. Америку. Лишь въ началѣ XIX вѣка (1806) англичане овладѣли южной частью материка, по соображеніямъ политическимъ, такъ какъ она лежала «на полпути въ Индію». ²⁾ Постепенно укрѣпляясь, Англія стала ввозить сюда рабочихъ, создавать свои учрежденія и школы, вводить свои нравы, привычки, замѣнила голландскій языкъ англійскимъ и т. д. Боэры, столь охотно и безпощадно пользовавшіеся невольничьимъ трудомъ черныхъ, но сами для себя выше всего цѣнившіе свободу и самостоятельность, увидѣли безвыходность своего положенія, и въ 30-хъ годахъ стали массами бросать насиженные мѣста и переходить за Оранжевую рѣку и Вааль. Когда англичане вскорѣ укрѣпились въ Наталь, боэры въ 1848 г. предприняли и оттуда массовое переселеніе. На новыхъ земляхъ они основали свои двѣ республики. Но это не нравилось всемогущей сосѣдкѣ. Долго Англія не признавала ихъ самостоятельности. Въ 1852 г. она это, наконецъ, сдѣлала, но не надолго ³⁾. Воспользовавшись тяжелымъ положеніемъ республикъ, вызваннымъ ихъ продолжительными войнами съ кафрами, Англія, «въ 1877 г. грубо присоединила ихъ» ⁴⁾. Буры не успокаивались, конечно. Пораженіе англичанъ при Маубѣ вынудило вновь признаніе ихъ самостоятельности. Но Англія не забывала о своемъ. Никакихъ мѣръ не упускала она; еще всѣмъ памятенъ набѣгъ Джемсона. Онъ кончился позорно. Тогда

¹⁾ Ibidem, стр. 186.

²⁾ Ibidem, стр. 222.

³⁾ Ibidem, стр. 260.

⁴⁾ Леруа Болюе, стр. 178.

вызвана была послѣдняя героическая борьба, протекшая на глазахъ изумленнаго міра и закончившаяся полнымъ подчиненіемъ республикъ и лишеніемъ ихъ всякой внѣшней самостоятельности.

Распространяясь по странѣ, Англія столкнулась не съ одними бурами. Она сильно отгѣснила португальцевъ ¹⁾; засимъ, она имѣла рядъ крупныхъ войнъ и болѣе мелкихъ стычекъ съ мѣстнымъ чернымъ населеніемъ, сильнымъ, воинственнымъ и уже не вполне дикимъ. «Вся первая половина минувшаго вѣка наполнена войнами съ кафрамъ» ²⁾. Въ этихъ столкновеніяхъ, которыя иногда намѣренно вызывались, подъ ничтожными предлогами, культурные европейцы давали дикимъ племенамъ примѣръ безпощадной жестокости. «Всякій разъ, когда туземцы хотѣли сопротивляться (безшабашному захвату), они наводили на нихъ ужасъ безжалостными наказаніями» ³⁾. Говоря объ этихъ захватахъ и расправахъ, повторяющихся при всѣхъ колонизаціяхъ, знаменитый Сесиль Родсъ, въ одной своей рѣчи, оправдывалъ ихъ правомъ не силы, а цивилизаціи... Въ томъ же духѣ высказывается, въ другой своей обширной работѣ, Леруа Болье. Можетъ быть, это и такъ; но невыразимо больно и жутко становится, когда читаешь, какая страшная, неисчислимая масса жестокихъ, безчеловѣчныхъ дѣяній совершается именемъ цивилизаціи, носителями ея въ дикихъ странахъ...

Много-ли же, однако, англичанъ и буровъ въ этихъ огромныхъ владѣніяхъ, простирающихся на 3.800,000 кв. километровъ? Приблизительно около 700,000, изъ которыхъ $\frac{1}{5}$ буры. Но огромная часть этого населенія самаго свѣжаго происхожденія. Открытая еще раньше Америки, Южная Африка въ 1870 г., за 150 лѣтъ колонизаціи, насчитывала всего четверть милліона, изъ нихъ главную массу составляли буры. Заселеніе шло весьма туго, какъ идетъ и теперь въ тѣхъ колоніяхъ, гдѣ имѣются обычные условія дѣвственныхъ земель, хотя-бы и плодородныхъ. Необыкновенный толчекъ заселенію дали, открытыя въ 1870 г. въ Кимберлеѣ, знаменитыя *алмазныя копи*, а засимъ въ Трансваалѣ *золотоносныя залежи*. Безчисленные легіоны хищниковъ и искателей устремились сюда; поселки и города выросли со сказочной быстротой. Послѣ открытія залежей, на берегу Ваала «собралось въ вѣскольکو мѣсяцевъ населеніе въ 10,000 душъ». «Страна, говоритъ Леруа Болье, населилась, благодаря не земледѣлію, а алмазнымъ копиямъ» ⁵⁾.

Что это за населеніе, которое стекается на добычу, насколько оно

¹⁾ De la colonisation chez les peuples modernes.

²⁾ Стр. 196 и 198.

³⁾ Loco cit стр. 285.

⁴⁾ Ibid, стр., 187..

⁵⁾ Ibidem, стр. 285.

прочно и благодѣтельно для страны; не является-ли болѣзненнымъ этотъ быстрый ростъ, который вызывается не свойствами всей страны, а притягательной силой отдѣльныхъ клочковъ, гдѣ происходитъ искусственная концентрація, — этихъ вопросовъ мы здѣсь касаться не будемъ. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ открывались эти драгоценности, начинаютъ скоро хорошо чувствовать и всѣ отрицательныя послѣдствія. «Бозры, рассказываетъ цитируемый авторъ, не только не обрадовались, а даже испугались открытія золотыхъ приисковъ и наплыва иммигрантовъ»¹⁾. И кто знаетъ, они не лишились-бы, быть можетъ, своей самостоятельности, по крайней мѣрѣ такъ скоро, если бы не это золото. Все это такъ. Но не подлежитъ, съ другой стороны, сомнѣнію, что не будь алмазовъ и золота, мы бы не имѣли теперь въ Южн. Африкѣ и трети того населенія, которое сейчасъ тамъ. Мы убѣдимся въ этомъ ясно сейчасъ изъ данныхъ о другихъ ея колоніяхъ.

Изъ указанныхъ 700,000 жителей, живетъ въ Капской колоніи 377 т., въ Трансваалѣ 238,000. Въ Наталѣ, который присоединенъ еще въ 1843 г., гдѣ имѣется около 5,000,000 гектаровъ прекрасной земли, живетъ всего 42,000 человекъ²⁾. И это при всѣхъ стараніяхъ Англии и мѣстнаго правительства привлечь иммигрантовъ³⁾. Въ Родезін живетъ 2,500 бѣлыхъ, въ Базутоландѣ 578, въ землѣ Зулу 548 и т. д. Причины понятны. Устройство поселенца, какъ мы еще увидимъ, обходится очень дорого, въ 3—4 тысячи рублей. Кромѣ того, въ мѣстахъ, которыя ближе къ экватору, бѣлые не могутъ уже исполнять полевыхъ работъ, особенно въ низменныхъ, самыхъ плодородныхъ мѣстностяхъ,⁴⁾ и цитируемый авторъ съ увѣренностью говоритъ о громадной Родезін, напрямѣръ, что это «одна мечта рассчитывать на образованіе тамъ многочисленнаго блага сельскаго населенія»⁵⁾. Все это, вмѣстѣ взятое, вполне объясняетъ медленный ходъ начальной стадіи колонизаціи.

Въ южной Африкѣ, какъ указано, имѣются еще колоніи другихъ народовъ, на которыхъ намъ слѣдуетъ хоть вкратцѣ остановиться.

Одной изъ самыхъ древнихъ колонизаторскихъ національностей является португальская. Къ сожалѣнію, она до сихъ поръ осталась вѣрна древнему началу, по которому колонизація идентична съ порабощеніемъ и эксплуатацией. 400 лѣтъ владѣетъ Португалія въ южн. Африкѣ двумя большими колоніями: Анголой и Мозамбикомъ. «За это время, говоритъ Леруа Болье, она сумѣла только выказать свою неспособность. Колонія Мозамбикъ владѣетъ всего нѣсколькими лихорадочными портами на берегу,

1) Ibidem. стр. 221.

2) Loco cit., стр. 288.

3) Сравн. объ этомъ Rathgen, op. cit.

4) Новыя Англо-сакс. колоніи, стр. 229.

5) Ibid., стр. 281.

нѣсколькими еще болѣе вредными пунктами на Замбезе, гдѣ подъ охраной оборванныхъ солдатъ-мулатовъ прозябаютъ нѣсколько сотенъ бѣлыхъ и нѣсколько тысячъ метисовъ. Никогда они не занимали, дѣйствительно, внутреннихъ частей страны. Вліяніе португальцовъ прекращается въ этой голоціи, какъ только мы отъѣдемъ на нѣсколько миль отъ берега моря или рѣки; туземцы ихъ презираютъ, и они ничего не сдѣлали для развитія и увеличенія доходности страны»¹⁾. Не лучше обстоитъ дѣло въ другихъ колоніяхъ португальцевъ.

Къ югу Ангола граничитъ съ европейской колоніей націи, которая очень недавно выступила на путь колонизаціи, но дѣлаетъ это съ тѣми же стойкостью и послѣдовательностью, которыя характеризуютъ ее во всемъ. Нѣмцы, о которыхъ я говорю, захватили за послѣднія десятилѣтія массу земель въ разныхъ мѣстахъ, и указанная колонія—Дамаралендъ—является лучшимъ перломъ среди ихъ захватовъ. 20 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ водружено было здѣсь германское знамя; много десятковъ милліоновъ вложено уже, не мало крови пролито, не мало усилій потрачено. И что-же? Въ 1902 г. тамъ насчитывалось 2569 душъ европейцевъ, изъ которыхъ 939 приходится на администрацію и гарнизонъ. Эти результаты не привлекаютъ къ подражанію... Но еще прискорбнѣе то, что приходится теперь переживать колоніи: возстаніе племени герреро грозитъ, по словамъ самого канцлера, величайшей опасностью жизни и имуществу колонистовъ, и скоро уничтожить всѣ плоды двадцатилѣтнихъ политическихъ и административныхъ усилій и матеріальныхъ затратъ.

Почему возстаютъ дикія племена, насъ удивлять не должно. Кто помнить подвиги Петерса, Лейста, Аренсбурга, которые то и дѣло вѣдали; не только «непокорныхъ» подданныхъ, но и своихъ туземныхъ наложницъ, кто знаетъ безстыдную эксплуатацію, пускаемую въ ходъ всѣми колонизаторами надъ неопытными и беззащитными дикарями, и безпощадную жестокость при малѣйшемъ сопротивленіи; кто читалъ о безпримѣрной надменной суровости нѣмецкихъ юнкеровъ въ этихъ культивируемыхъ странахъ, тотъ не будетъ удивляться, что даже у дикарей истощается терпѣніе. Но директоръ департамента колоній и большая часть нѣмцевъ, видимо, иначе смотрятъ на дѣло, и жалуются на то, что герреро не хотятъ оцѣнить блага европейской культуры;²⁾ они заявляютъ, что иначе культивировать дикую страну невозможно. И мы, дѣйствительно, видѣли вѣдь, что англичане въ своихъ колоніяхъ, по отношенію къ чернымъ, были не лучше нѣмцевъ. Либеральная печать, однако, и многіе депутаты въ парламентѣ не перестаютъ требовать, чтобы Германія бросила, наконецъ, это въ высшей степени

¹⁾ Ibidem, стр. 285.

²⁾ Вѣстн. Европы, 1904, Февраль.

трудное, дорогое и убыточное колонизированіе первобытныхъ странъ. И эмиграціонная волна Германіи совершенно игнорируетъ эти пріобрѣтенія германской дипломатіи и оружія. Въ то время, какъ въ Дармаралендѣ переселилось за 18 лѣтъ, при большихъ субсидіяхъ со стороны правительства, 1600 человекъ, изъ Германіи эмигрировало въ одни Штаты за 1881—1890 гг. 1.452.070 человекъ¹⁾). Этотъ примѣръ, я думаю, отлично показываетъ намъ, какъ разрѣшаютъ другіе народы вопросъ о *Gegenwartshilfe*.

Два слова еще о французахъ и ихъ колоніяхъ.

Подобно португальцамъ, они тоже были одними изъ первыхъ въ поискахъ новыхъ странъ и попыткахъ ихъ колонизировать. Въ XVII вѣкѣ Франція имѣла уже свои колоніи въ Канадѣ;²⁾ гугеноты были изъ первыхъ европейцевъ въ Южной Африкѣ;³⁾ почти одновременно съ англичанами, они явились въ Австралію и къ берегамъ Новой Зеландіи. Но свои сѣв.-американскія владѣнія они потеряли уже въ XVIII вѣкѣ, въ Капской колоніи; слѣдомъ ихъ жизни остались французскія фамиліи, часто тамъ попадающіяся, а въ Австраліи—тѣже фамиліи, да географическія названія. Имъ оказалось не по силамъ справиться съ трудностями, опасностями и лишениями, неизбежными при завоеваніи, а еще болѣе при культивированіи первобытныхъ странъ. Говоря о томъ, какой великой цѣнностью явилась-бы для Франціи столь чудная колонія, такой райскій уголокъ, какъ Ново-Зеландія, *французъ* Леруа Болье замѣчаетъ: «можно, однако, сомнѣваться, хватило-ли бы у французовъ настойчивости для развитія ея, и даже не покинули-ли бы они этотъ отдаленный островъ, гдѣ въ продолженіи 30 лѣтъ пришлось воевать съ туземцами».

Обезкураженные своими неудачами, французы надолго оставили свои колонизаціонныя попытки, и лишь въ XIX вѣкѣ возобновили ихъ съ новымъ усердіемъ. Результаты, къ сожалѣнію, немногимъ утѣшительнѣе. Всего больше французовъ въ Алжирѣ: тамъ они составляютъ около 6% общаго населенія, и имѣютъ болѣе или менѣе серьезное вліяніе. Но какой страшной массой жертвъ кровью, жизнями, деньгами пріобрѣтено это вліяніе, и какъ оно непрочно! Появившись въ странѣ уже очень давно, они въ 1730 году, послѣ большой войны, положили начало своему господству тамъ; но не долго они имъ наслаждались. Съ тѣхъ поръ это стремленіе французовъ къ поддержанію своего господства вызываетъ цѣлый

¹⁾ Richmond Mayo-Smith: Die Einwanderung in die Vereinigt. Staaten von Amerika. Schrift. d. Ver. f. Socialpolitik LXXII, S. 224.

²⁾ Энцикл. слов. Брокгауза, sub. voce „колонизація“.

³⁾ Лер.-Болье, стр. 182.

рядъ возстаній, войнъ, военныхъ экспедицій. И въ настоящее время опора Франція только въ ея оружїи, которое должно быть всегда на готовѣ.

Еще менѣе блестящи результаты на Мадагаскарѣ. Въ гавани этого огромнаго острова (около 591.000 кв. кил.) французы завѣжали уже въ XVII вѣкѣ. Но прочной ногой стали тамъ въ 1841 г. Ихъ стремленіе къ господству вызвало и здѣсь во всѣхъ племенахъ, населяющихъ островъ, самый рѣзкій отпоръ, а отсюда рядъ столкновеній. Только въ 1885 г. они получили надзоръ за внѣшней политикой; въ 1894—95 гг. новая война, послѣ которой Мадагаскаръ признанъ, наконецъ, французской колоніей. Но это господство чисто эомерное, и число французовъ тамъ ничтожное. Въ главномъ городѣ, напрямѣрь, Танараривѣ, насчитывается только 100.000 жителей, французовъ всего 200. Воинственные племена, изъ которыхъ «гова» уже полукультурно, недолго, конечно, будутъ мириться съ господствомъ бѣлыхъ. Какъ эмиграціонное мѣсто, островъ тоже врядъ-ли можетъ служить, такъ какъ здоровыя, возвышенныя мѣста всѣ заняты, а «въ низкихъ прибрежныхъ болотистыхъ мѣстахъ тропическая жара дѣлаетъ климатъ убійственнымъ для европейцевъ» ¹⁾. О другихъ французскихъ колоніяхъ не стоитъ и говорить.

И другіе народы дѣлали и дѣлаютъ не мало попытокъ къ колонизированію дикихъ странъ. Не стану о нихъ разсказывать: результаты ихъ не лучше описанныхъ. Изъ чувства сосѣдства съ предлагаемой намъ Угандой, упомяну только о громадной колоніи Конго. Среди 14—19 милліоновъ (точно не извѣстно) дикихъ, живетъ 950 европейцевъ, половину которыхъ составляютъ бельгійцы. Эти нѣсколько сотъ выходцевъ стоятъ метрополіи не мало: король Леопольдъ даетъ, вотъ уже 20 лѣтъ, ежегодно 2 милліона франковъ, столько-же даетъ казна. Климатъ въ этой, сосѣдней съ Угандой, странѣ таковъ, что смертность и болѣзненность между европейцами огромны; немногіе живутъ въ странѣ болѣе пяти лѣтъ» ²⁾.

Оглядываясь на все изложенное, мы должны признать, что, кромѣ нѣсколькихъ исключеній, которыя всѣ приведены выше, *всѣ* колонизаціонные опыты вызываютъ одно впечатлѣніе: страшнаго несоотвѣтствія между потраченными силами и жертвами и тѣмъ, что пока достигнуто. Тѣмъ не менѣе, всѣ европейскіе народы, а теперь и С. Штаты, непрерывно другъ предъ другомъ, стремятся обзавестись колоніями, какъ въ дикихъ, такъ и въ малокультурныхъ странахъ. Гдѣ-же причина этого?

Причинъ не одна, и онѣ ясны.

Народы, прежде всего, ищутъ и добываются обладанія новыми странами *не для колонизаціи, а для эксплуатаціи*. Они ищутъ

¹⁾ Брокгаузъ и Ефронъ, *sub voce*.

²⁾ *Ibidem*.

новыхъ рынковъ для сбыта своихъ произведеній, или новыхъ источниковъ для полученія сырья, металловъ и проч. Придерживаясь терминологіи Рощера ¹⁾, надо сказать, что всѣ почти колоніи европейскихъ народовъ являются не земледѣльческими, какъ напр., Новая Зеландія, или бурскія, т. е. не колоніями для жилья и труда, а плантаторскими, или торговыми. Говорящіе и пишущіе у насъ о колонизаціи часто упускаютъ изъ-виду это коренное различіе между колонизаціей европейскихъ народовъ и той, которая нужна и предстоитъ намъ, чѣмъ вызывается цѣлый рядъ недоразумѣній. Далѣе, у европейскихъ народовъ эти колоніальныя владѣнія часто предназначаются служить ихъ общимъ политическимъ задачамъ, являясь промжуточными станціями на пути ихъ торговыхъ и военныхъ интересовъ и т. д. Наконецъ, эти народы, удѣляя на это нѣкоторую часть своихъ огромныхъ бюджетовъ и нѣкоторыя усилія своей сложной общегосударственной машины, дѣлаютъ, несомнѣнно, дѣло громадной важности. Въ Европѣ становится все тѣснѣе; Америка долго спасала отъ переполненія, но и тамъ дѣлается мѣстами тѣсно. Невозможно правда, ожидать, чтобы тамъ когда-либо иммиграція была вполне запрещена, или устранена ²⁾; тѣмъ не менѣе, необходимо запасать земли, необходимо ихъ исподволь и готовить. Будущее этихъ странъ, когда онѣ поглотятъ неисчислимую массу жертвъ кровью, деньгами, умственными и физическими напряжениями, несомнѣнно, большое и широкое. Подготовлять только это будущее не легко, и мало на это охотниковъ.

Вотъ главные мотивы, которые двигаютъ народами въ ихъ погонѣ за колоніями. У насъ ихъ нѣтъ. Между нашими цѣлями и задачами европейскихъ націй лежитъ огромная пропасть, которая, къ сожалѣнію, не видна авторамъ разныхъ патетическихъ статей въ нашей печати; а между тѣмъ, было-бы роковымъ, непоправимымъ несчастьемъ, если-бы мы упустили изъ виду это различіе.

Ознакомившись съ опытами другихъ народовъ и вспомнивъ, что было сказано въ предыдущей главѣ о задачѣ, которую поставили себѣ сіонисты, мы теперь въ состояніи будемъ, думаю, дать опредѣленный отвѣтъ на вопросъ, на сколько возможность колонизаціи дикой страны съ внутренней автономіей разрѣшаетъ эту нашу задачу—созданіе самостоятельной національной метрополии для разбѣянаго еврейства.

Земля, которую предполагается отвести подъ еврейскую колонію, еще точно не опредѣлена; она не обслѣдована еще нашей экспедиціей. Но эта земля далеко не есть уже terra incognita. Помимо матеріала,

¹⁾ Roscher und Ianasch: Kolonien, Kolonialpolitik und Auswanderung Leipzig. 1885.

²⁾ R. Mayo-Smith, S. 271

разбросаннаго въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ, сообщеніяхъ, вы теперь общія свѣдѣнія встрѣтите въ любомъ энциклопедическомъ словарѣ. Мы будемъ оптимистами, будемъ вѣрить Зангвиллю и его восторженнымъ одамъ; и тогда мы, зрѣло все взвѣсивъ, должны будемъ признать работу эту намъ непосильной и нашей задачи не разрѣшающей.

Освѣжимъ въ головѣ наиболѣе важныя данныя о странѣ и населеніи.

Экваторіальная страна, состоящая изъ возвышеній, смѣняющихся долинами, населенная нѣсколькими (3—4) милліонами разныхъ черныхъ племенъ, которыя все воинственны, мужественны, а нѣкоторыя, какъ «ваганда» уже полудивилизованы. Тропическій климатъ, крайне затрудняющій работу для европейцевъ; на возвышенностяхъ, правда, температура не высока, но прямые лучи солнца очень жгутъ и тоже прогоняютъ европейца съ поля; мѣстами очаги маляріи, жестокой, губительной. Дѣвственные, непроходимые лѣса вокругъ озеръ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Роскошнѣйшее животное царство, включающее опасные виды звѣрей и насѣкомыхъ. Вотъ существенныя данныя, всюду подтверждающіяся, которыя не нуждаются въ изслѣдованіи экспедиціи. Чтобы сдѣлать тутъ возможную сплошную колонизацію, надо побѣдить природу, міръ растительный, міръ животный и, главное, человѣка. Вотъ эту задачу ставятъ намъ мистеръ Чемберленъ и докторъ Герцль. Какъ ни ясно, послѣ всего вышесказаннаго, что она намъ не по силамъ, мы все-таки должны детальнѣе ее рассмотреть. Состояніе умовъ въ нашей организаціи требуетъ этого.

Начнемъ съ людей. Обыкновенно туземное населеніе отчаянно борется противъ нашествія бѣлыхъ, или, трусливо убѣгая, постепенно вымираетъ. Послѣднее происходитъ, какъ объясняетъ Леруа Болье, вовсе не по какому-то таинственному закону природы, а отъ болѣзней и пьянства, которыя бѣлая раса приноситъ дикарямъ вмѣстѣ со своей культурой ¹⁾; а также, прибавимъ отъ себя, отъ избіеній и убійствъ, которыя онѣ такъ широко практикуютъ для привитія этой культуры. Мы и въ этомъ отношеніи поставлены хуже, такъ какъ двухъ главныхъ бичей—сифилиса и пьянства—съ собой не принесемъ.—Гораздо хуже, конечно, первая комбинація. Негры восточной Африки, какъ уже сказано выше, напоминаютъ не австралійскихъ, а южно-африканскихъ, или зеландскихъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тутъ, при значительномъ увеличеніи блага населенія и распространеніи по странѣ, предстоитъ упорная, тяжелая, кровопролитная борьба, какая имѣла и имѣетъ мѣсто вездѣ, безъ исключенія. Не лишено значенія и то, что значительная часть населенія приняла христіанство и, при невысокомъ уровнѣ умственнаго развитія, проникнута самымъ грубымъ, суевѣрнымъ, нетерпимымъ фанатизмомъ. Борьба будетъ тѣмъ труднѣе, что нѣкоторыя племена вку-

¹⁾ Новая англосаксонскія общ., стр. 3.

силы отъ древа познанія; они уже не такъ безпомощны въ борьбѣ и знакомы съ вооруженіемъ.

А борьба съ растительнымъ и животнымъ міромъ, какъ много жертвъ, денегъ, неимовѣрныхъ усилій и времени требуетъ она! Кто знакомъ съ описаніемъ трудностей, встрѣчающихся на этомъ пути пионерамъ, тотъ легко составитъ себѣ объ этомъ представленіе ¹⁾. Большимъ осложненіемъ являются дѣтвенные лѣса. Мы увидимъ ниже, что устройство семьи, по самымъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, должно обходиться, даже въ Южной Африкѣ, въ 3000 рублей. На покрытой дѣтвенными лѣсами почвѣ дѣло гораздо дороже; такъ, по словамъ Раббено, основаннымъ на данныхъ разныхъ Уоагвооковъ, капиталъ, необходимый для устройства и прожитія до начала полученія доходовъ, равенъ 400—500 фунтовъ ²⁾. Какія колоссальныя средства требуются для того, чтобы направить хоть болѣе, или менѣе порядочную эмиграцію туда. Еще больше должны быть энергія и сила, чтобы преодолѣть труды и жертвы, требующіеся тамъ прежде, чѣмъ колонистъ станетъ получать самыя необходимыя средства существованія. Недаромъ Векфильдъ, описывающій яркими красками положеніе этихъ пионеровъ, называетъ ихъ энергію «чрезвычайной».

И какъ все это медленно совершается! Оставимъ въ сторонѣ тѣ страны, въ которыя золото или алмазы привлекали сразу огромное населеніе. Вспомнимъ, что въ Наталѣ, очень плодородномъ, 60 лѣтъ культивируемомъ Англіей, всего 42,000 европейцевъ; что въ сосѣднемъ съ Угандой Конго ихъ 950, на Мадагаскарѣ нѣсколько сотъ, въ огромной Родезій 2500, въ Зулудандѣ 580, въ германскомъ Дамаралендѣ 1600 и т. д., и т. д. И все это за нѣсколько десятковъ лѣтъ. А у насъ, съ непостижимой для объективнаго человѣка легкостью, говорили и говорятъ о сотняхъ тысячъ, даже о милліонахъ пролетаріевъ, которые съ сказочной быстротой переселятся въ Восточную Африку... Намъ приписывается способность проявленія того, на что не оказались способными другія нація: *быстро* колонизированія *первобытной* страны.

Мы видѣли на примѣрахъ прошлаго, что только одинъ факторъ давалъ возможность быстрого роста, привлеченія сразу большихъ капиталовъ и людей: золото, или алмазы. Есть-ли золото въ В. Африкѣ? По утвержденіямъ однихъ, очень мало; по заявленіямъ другихъ, совсѣмъ нѣтъ. Если допустить, что оно тамъ нашлось-бы, тогда то мы очутились бы предъ условіями, которыя какъ-бы созданы не для рѣшенія, а для разрушенія нашей задачи. Не даромъ буры на своихъ новыхъ мѣстахъ, какъ говоритъ Леруа Болье, утрапились открытія золота и алмазовъ. Они отлично

¹⁾ Въ статьѣ Южакова (Русск. бог., 1903, Сент.) эта сторона задачи дополнено вѣрно и живо изображена.

²⁾ Уго Раббено, op. cit., стр. 246.

знали, что страна, правда, разбогатѣетъ, она получитъ огромные доходы, привлечетъ людей и капиталы; но вмѣстѣ съ тѣмъ и пѣсня ихъ свободы будетъ спѣта. Дѣйствительность вполне это подтвердила: въ ихъ бывшихъ республикахъ буры теперь составляютъ только треть населенія, независимость ихъ растоптана, а теперь отъ нихъ отходятъ и самые источники богатствъ. Всякая мечта о созданіи какой либо автономіи, при такихъ условіяхъ, должна быть заранее откинута, ибо сокровища привлекаютъ къ себѣ всѣ народы. А если устранить этотъ факторъ; то заселеніе *всегда и вездѣ* шло очень медленно и можетъ идти только очень медленно, такъ какъ подготовленіе страны требуетъ массы жертвъ, труда и времени.

Вотъ эта предварительная, подготовительная работа предстояла бы намъ теперь, если бы мы приняли планъ созданія еврейской колоніи въ В. Африкѣ. Гдѣ силы и гдѣ стимулы для этого? Что будетъ поддерживать первыя поколѣнія въ ихъ необыкновенно трудной работѣ, почему они будутъ удерживаться среди дикарей, слоновъ и дѣвственныхъ лѣсовъ, подъ страшнымъ припекомъ, а не пойдутъ въ Йоханнесбургъ, Преторію, Каиръ и другіе пункты той-же Африки, гдѣ подготовительная стадія уже пройдена и созданы условія для культурной жизни?

Автономія политическая и свободное національное развитіе явятся этими стимулами, отвѣчаютъ намъ защитники, устами Нордау, Зангвилля и др. Разсмотримъ теперь ближе то и другое.

Письмо Hill'я не опредѣляетъ точно, что надо разумѣть подъ названной тамъ автономіей. Въ чартерахъ прежнихъ вѣковъ, которые Англія выдавала, бывали иногда, дѣйствительно, очень широкіе предѣлы полномочій, включающіе право на жизнь и смерть жителей, войну и миръ, заключеніе договоровъ и проч. Никакого контроля правительство не устанавливало, а сохраняло лишь право вмѣшательства ¹⁾. Но теперь дѣло круто измѣнилось. «За всѣми распоряженіями, говоритъ изучившій этотъ вопросъ тов. Бѣлковскій, теперь обезпечивается контроль государственной власти, въ особенности въ вопросахъ, касающихся управленія и сношеній съ различными государствами и мѣстными туземными властями. Самые чартеры содержатъ много пунктовъ, регулирующихъ предѣлы власти и свободной дѣятельности колониальнаго управленія». Да и даваемая въ чартерахъ прерогатива «обыкновенно дается не долго, переходятъ пѣшкомъ на государственную власть, которая нерѣдко во всѣхъ отношеніяхъ заступаетъ мѣсто привлеченнаго общества» ²⁾.

Такъ обстоитъ дѣло обыкновенно. Для нашего чартера должно, слѣдовательно, быть сдѣлано исключеніе. Будетъ ли оно сдѣлано, или правъ депутатъ англійскаго парламента Вуасень, говорящій, что здѣсь рѣчь

¹⁾ Г. Бѣлковскій: Чартеръ. Бѣлостокъ, 1901, стр. 36.

²⁾ Ibid., стр. 37.

можетъ идти только о *внутренней, муниципальной автономии*, которая къ нашимъ услугамъ въ Сѣв. Штатахъ, Канадѣ, Аргентинѣ и т. д.? Я думаю, вѣрно послѣднее; и въ этомъ своемъ мнѣніи я опираюсь, помимо указанныхъ выше общихъ свойствъ чартеровъ послѣдняго вѣка, еще на примѣръ съ бурми, о которомъ скажу ниже. Но допустимъ, что на бумагѣ будетъ дана и нѣкоторая политическая автономія ¹⁾. Въдѣ недостаточно ее дать: ее надо *осуществить*; а для этого я не вижу никакихъ шансовъ.

Допустимъ, что въ теченіе десятковъ лѣтъ мы проявили выдающіяся колонизаторскія способности, справились со всеми трудностями и препятствіями, и подготовили страну къ культурной жизни и успѣшному развитію. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тогда туда устремятся массы европейцы, тѣже англичане. Такъ было въ Австраліи, 70—80 лѣтъ послѣ начала колонизаціи ея; такъ было въ Сѣв. Штатахъ, когда въ XIX вѣкѣ огромная иммиграція смѣнила медленную и трудную колонизацію предыдущихъ вѣковъ ²⁾. Такъ будетъ и у насъ. Что-же, мы тогда создадимъ свою *allion comission* и не пустимъ ихъ? Или мы, подобно бурмамъ, будемъ стремиться затруднять другимъ, которыхъ будетъ большинство, доступъ къ управленію? Но я не безъ умысла остановился выше на изображеніи борьбы буровъ съ африкандерами, а потомъ съ англичанами. Буры имѣли гораздо больше, чѣмъ то, о чемъ могутъ мечтать наши угандисты: свободную страну, ихъ усиліями и жертвами завосванную и культивированную, самостоятельность, національную жизнь. Но все это лежало по пути движенія могучей націи: буры всего лишились. Намъ же не придется переносить такихъ лишеній, ибо мы не можемъ и дойти до того состоянія, въ которомъ находились буры предъ послѣдней борьбой.

Такимъ образомъ, *юридически* мы тамъ врядъ-ли можемъ получить то, что намъ нужно; *фактически-же* только въ томъ случаѣ, если страна окажется плохой; тогда, пожалуй, мы тамъ можемъ образовать микроскопическую автономію. Но если страна окажется культурно-способной и мы ее подготовимъ для бѣлыхъ, тогда, благодаря иммиграціи ихъ, мы тамъ окажемся въ такомъ же меньшинствѣ, какое мы составляемъ въ другихъ странахъ иммиграціи, или какое буры составляютъ теперь въ Капской колоніи, ими заложеной и населенной, а также въ своихъ бывшихъ республикахъ. Положеніе, котораго мы въ политическомъ отношеніи можемъ достигнуть, равно тому, которымъ теперь поль-

¹⁾ Дебаты въ англійскомъ парламентѣ (Welt, 1904, № 27), равнымъ образомъ заявленія различныхъ англійскихъ общественныхъ дѣятелей (приведены въ Die Welt) приводятъ къ заключенію, что рѣчь можетъ идти только о *мнотомъ самоуправленіи*.

²⁾ Mayo-Smith, l. cit., S. 217.

зуются, или могутъ пользоваться переселяющіеся въ Америкѣ, Канадѣ, Аргентинѣ и т. д.

При такихъ условіяхъ, которыя, повторяю, вызываются *естественнымъ ходомъ вещей*, совершенно теряется возможность и духовно-національнаго возрожденія еврейства, на которое съ особымъ удареніемъ указывали защитники.

Возражая тов. Левину, который доказывалъ, что не видитъ разницы между колонизаціей Аргентины, или Канады, отвергнутой сіонизмомъ, и предлагаемой теперь Уганды, д-ръ Нордау заявляетъ: «Въ Аргентину, или Канаду евреи посылаются въ не-еврейскую среду, чтобы тамъ исчезнуть, какъ еврей, ассимилироваться и образовать то-же безправное меньшинство, какое мы составляемъ въ старыхъ земляхъ. Здѣсь-же, — какъ могло не быть замѣчнымъ это различіе! — рѣчь идетъ о томъ, что бы посылать евреевъ не куда нибудь *ins Blaue*, въ Аргентину, или Канаду, а въ такое мѣсто, гдѣ они смогутъ быть евреями, жить національно-еврейскою жизнью, вырасти евреями и дать своимъ дѣтямъ возможность быть воспитанными, какъ еврей, по еврейски. Неужели можно думать, что это одно и то-же?»

Да, мы думаемъ, что это одно и то же... Мы видѣли въ 3-й главѣ, въ чемъ заключаются тѣ моменты, которые позволяютъ намъ надѣяться на возрожденіе въ Палестинѣ, и только тамъ, еврейской культуры и еврейскаго національнаго типа. Отсутствие сильной ассимилирующей культуры, связь съ прошлымъ и историческая традиція, преобладающій культурный элементъ на мѣстѣ, — вотъ моменты, комбинація которыхъ оправдываетъ нашу надежду на свободное національное развитіе и возрожденіе національнаго генія. Ничего подобнаго не будетъ въ Угандѣ. — Мы попадемъ въ сферу духовнаго воздѣйствія великой націи, съ ея мощной культурой и постояннымъ стремленіемъ, правда, благороднымъ, всегда избѣгающимъ насильственныхъ пріемовъ, къ ассимилированію. Никакихъ традицій, никакой опоры для *своего*, мы тамъ не находимъ. Условія, при которыхъ должны складываться тамъ основы жизни, эта вѣчная борьба съ окружающимъ міромъ, тоже не таковы, чтобы духовные интересы націи выступали на первый планъ. Насажденіе, привитіе извѣстной культуры сопряжено вездѣ съ столь большими трудностями, а тутъ Англія даетъ во всемъ готовые образцы. Отъ этой Англіи мы будемъ въ политической зависимости, отъ защиты ея гарнизоновъ будутъ зависѣть наша жизнь, достояніе и повседневный трудъ; ея капиталами, которые неизбѣжно надо будетъ привлечь, безъ которыхъ немислимо мало-мальски сносное развитіе такого дѣла, будутъ питаться наши предпріятія: всѣ эти моменты создаютъ условія, которыя опаснѣе для на-

2) *Sten. Pr. des VI Congr., S. 210.*

ной національной культуры, чѣмъ отношенія, которыя существовали между Римомъ и римской провинціей, Іудеей. Вѣдь справедливо и вѣрно указываетъ Ахадъ-Гаамъ, что даже тамъ, въ этой римской провинціи, ассимиляціонныя теченія иногда свирѣпствовали съ большой силой¹⁾. Въ будущей англійской провинціи это, несомнѣнно, повторится. Сначала будутъ тамъ господствовать жаргонъ и нравы голуса, а потомъ, постепенно англійскій жаргонъ, англійскіе нравы, обычаи, привычки, англійскій языкъ,—все это такъ ясно рисуется уже теперь. Мы получимъ группу англійскихъ евреевъ, которые будутъ вѣрны Моисееву завѣту, будутъ молиться о Сіонѣ, дадутъ свои шекеля, словомъ, будутъ дѣлать все то, что мы видимъ уже въ Аргентинѣ. Итогъ ясенъ, какъ день: *еще одинъ пунктъ діаспоры, и только.*

Правда, этимъ нашимъ братьямъ, этой небольшой группѣ, будетъ житья подѣ англійскимъ режимомъ не плохо, даже хорошо. Правда, культура, которой они будутъ подражать, могуча и жизненна; геній англійской націи вызываетъ удивленіе, даже преклоненіе. Но мы не англичане, и не созданы ими быть; въ насъ другая кровь, другіе задатки, заложеныя страной, прошлымъ, исторіей. Мы творили и призваны творить великое въ своей національной сферѣ, при свободномъ развитіи. Помѣсь давала всегда и будетъ давать уродливо результаты. Это разъ. Во вторыхъ, не забудемъ и здѣсь *нашей основной задачи*. Мы стремимся и должны создать ядро, которое, представляя возрожденіе націи, будетъ пользоваться авторитетомъ и вліяніемъ въ глазахъ всей діаспоры, какъ коренная часть ея, и будетъ въ глазахъ вѣшняго міра представлять центральную часть народа, его метрополию, по которой и подѣ вліяніемъ которой онъ установитъ свое отношеніе ко всему народу. Мы видѣли, почему это въ Палестинѣ возможно; ясно, какъ день, что ничего подобнаго эта группа евреевъ, живущихъ въ англійской страпѣ, ни для евреевъ, ни для міра представлять не будетъ.

И такъ, подводя итогъ всему сказанному о возможности созданія для еврейскаго народа національной Heimstätte въ первобытной странѣ вообще и вост. Африкѣ въ частности, вникая глубже въ этотъ вопросъ, я могу теперь повторить только то, что высказалъ въ Базелѣ: Уганда, какъ будущая Heimstätte, это—иллюзія. Здѣсь нѣтъ тѣхъ вѣшнихъ, внутреннихъ и мѣстныхъ данныхъ, на которыхъ мы могли бы строить увѣренность, даже надежду на созданіе въ будущемъ нужнаго намъ очага. А между тѣмъ, *только съ этой точки зрѣнія* стоитъ еще думать и говорить объ Угандѣ. Всякія жертвы мыслимы только для великой цѣли. Угандисты теряютъ очень много, когда они сходятъ съ этой почвы и

¹⁾ Am Scheidewege, Bd. II, S. 30.

защищаютъ одну изъ двухъ возможностей, болѣе мелкихъ и низменныхъ, о которыхъ мы сейчасъ поговоримъ. Одни дѣлаютъ это искренне, другіе по соображеніямъ тактики; но жестоко ошибаются и тѣ, и другіе. Безпочвенность этихъ двухъ возможностей еще яснѣе, чѣмъ точка зрѣнія чистаго территориализма, на которой стоялъ, напримѣръ, Пинскоръ. Къ разсмотрѣнію ихъ мы теперь и перейдемъ.

Вы помните, конечно, что какъ самъ авторъ предложенія, такъ и главный защитникъ, Нордау, указывали въ своихъ рѣчахъ, что они совершенно далеки отъ мысли о замѣнѣ Палестины какой-либо другой страной, въ смыслѣ окончательной цѣли для нашихъ стремленій. Нордау пристегнулъ предложенію о *Nachtsyl* къ рѣчи, которая, по всему остальному своему содержанию, могла удовлетворить самаго ревниваго палестинца. Я указывалъ выше уже на всѣ оговорки, которыми президентъ Конгресса, въ свою очередь, обставилъ свое предложеніе. «Это не Сионъ, и не можетъ стать никогда Сиономъ». Но что же это? Временное убѣжище для сотенъ тысячъ голодныхъ, мучущихся, которые не могутъ болѣе ждать, говорятъ одни; колонія, воспитательная станція, гдѣ мы выработаемъ въ себѣ и докажемъ міру способность къ самоуправленію и исполненію всѣхъ функций, нужныхъ въ государственномъ организмѣ, отвѣчаютъ другіе. Мы обязаны разсмотрѣть то и другое.

Какъ на самомъ конгрессѣ, такъ еще больше послѣ него была потрачена масса словъ для защиты перваго положенія. Этотъ мотивъ представляетъ, повидимому, для незнающаго, дѣйствительно, благодарную почву. Вѣдь масса наша бѣжитъ безъ оглядки, во всѣ стороны, стучась во всѣ двери, которыя только не плотно заперты. Почему-же не направиться части и въ вост. Африку? Вѣдь земли тамъ много, природныя богатства тоже имѣются, защита Англій можетъ только улыбаться безправнымъ бѣглецамъ.

Въ принципѣ, противъ присоединенія еще одного, новаго иммиграціоннаго мѣста ко всѣмъ, имѣющимся уже, если бы вопросъ былъ такъ поставленъ, мало можно бы возразить. Правда, усиленію разсѣянія неблагопріятно для націи; но и концентрированіе, въ условіяхъ голуса, ведетъ за собой очень печальныя послѣдствія. Бѣгутъ въ южную Африку, отчего не бѣжать въ восточную? Но когда мы переносимъ вопросъ на эту практическую точку зрѣнія *Gegenwartshilfe*, мы должны на первомъ планѣ считаться съ реальными-же данными и практическими соображеніями. А эти данныя говорятъ слѣдующее.

Восточная Африка теперь совершенно, безусловно не подготовлена, ни въ какомъ отношеніи, къ *массовой* иммиграціи. Я не буду повторять здѣсь тѣхъ трудностей, которыя предстоить еще преодолѣть тамъ, какъ во всякой первобытной странѣ: читатель уже получилъ объ этомъ

представленіе выше. Но здѣсь необходимо указать на другую сторону, экономическую, которой одной вполне достаточно, чтобы разбить надежду на возможность массовой колонизаціи въ Угандѣ. Мы воспользуемся для этого данными изъ другой англійской колоніи, давно колонизируемой, Натала, гдѣ не было золота и алмазовъ, но есть масса хорошей земли. Тамъ пмѣется специальная англійская землевладѣльческая компанія, Natal Land Company, которая очень заинтересована въ привлеченіи иммигрантовъ. Президентъ ея Kimberg выработалъ планъ заселенія страны, который былъ имъ въ 1885 г. представленъ въ министерство колоній. Оттуда перешелъ онъ въ парламентъ, гдѣ подвергся обсужденію въ августѣ 1887 г. Въ томъ-же году проектъ былъ переданъ на разсмотрѣніе конференціи южно-африканскихъ колоній. Въ основѣ этого плана, который обсуждался и взвѣшивался тремя столь компетентными учрежденіями, было положено, что устройство семьи должно обойтись въ 300 ф., т. е. въ 3000 руб. ¹⁾.

Во всѣхъ проектахъ, выдвинутыхъ отдѣльными лицами, компаніями, колоніями, или англійскимъ правительствомъ въ 80-хъ годахъ, когда колонизаціонный вопросъ вновь съ особой силой былъ выдвинутъ въ Англии ²⁾, средства, необходимыя для колонизаціи безземельныхъ рабочихъ въ первобытныхъ, или мало-культурныхъ странахъ, являются очень большими; но одинъ проектъ потерпѣлъ крушеніе изъ-за того, что ни англійское правительство, ни колоніи не хотѣли брать отвѣтственности за эти расходы и ихъ возмѣщеніе. Много дешевле считали расходы на колонизацію 3 большихъ компаній въ Канадѣ, при ихъ переговорахъ съ англійскимъ правительствомъ; при ихъ колоссальныхъ владѣніяхъ и огромныхъ затратахъ на желѣзную дорогу, компаніи страстно стремились развить жизнь въ странѣ; но и онѣ требовали, при массовомъ устройствѣ 250 семействъ земледѣльческихъ рабочихъ, по 1200 р. на семью ³⁾.

Когда знаешь эти факты, становится уму непостижимымъ, какъ хватаетъ духа у людей серьезныхъ и правдивыхъ говорить не только о сотняхъ тысячъ, но *милліонахъ* евреевъ, которые могутъ найти, при томъ еще легко и скоро, хлѣбъ, свободу и покой въ вост. Африкѣ. А между тѣмъ, наша пресса кишитъ такими завѣреніями. Приведу только нѣкоторые образчики.

L'Echo sioniste, въ статьяхъ, посвященныхъ угандскому вопросу, ругая и осмѣивая насъ, наивныхъ, историчныхъ и жестокихъ Neinsager'овъ, «которыхъ политическое воспитаніе не вышло изъ предѣловъ пустыхъ и безплодныхъ разсужденій о яйцѣ Колумба, или семи смертныхъ грѣхахъ», выражаетъ свой ужасъ и недоумѣніе по поводу

¹⁾ Karl Rathgen, loco cit., S. 134.

²⁾ Ibidem., . . . 126 ff.

³⁾ Ibidem., S. 135.

того, какъ можно возражать противъ предпріятія, хотя-бы филантропическаго, которое «дасть временное убѣжище *столькимъ милліонамъ несчастныхъ*, которое спасетъ отъ голодной смерти и самыхъ ужасныхъ физиологическихъ страданій *милліоны* нашихъ братьевъ»... 1).

Предсѣдатель германскаго Landes-Comité Dr. Bodenheimer, въ воззніяхъ, выпущенныхъ послѣ VI конгресса, обѣщаетъ тамъ убѣжище «многимъ милліонамъ несчастныхъ нашихъ братьевъ». А сидящій въ странѣ нашихъ стремленій и мечтаній Ben-Jehuda пишетъ въ своемъ органѣ буквально слѣдующее: «Конечно, Уганда не можетъ вмѣстить всего народа; но тамъ могутъ поселиться и свободно (b'gevach) найти себѣ пропитаніе *два милліона* душъ и болѣе» 2). «И къ этому, увѣряетъ онъ въ пламенныхъ призывахъ еврейскій народъ, мы можемъ приступить сейчасъ, *завтра* (курсивъ автора), если только пожелаемъ. Еще немного, 10—20 лѣтъ, и мы можемъ дожить до того, чтобы имѣть тамъ собственное, *еврейское государство*»—заканчиваетъ авторъ...

Я привелъ нѣсколько выдержокъ, опуская массу, безконечную массу увѣреній другихъ лицъ, начиная отъ Запгвилля въ Лондонѣ и кончая разными мечтателями въ глухихъ закоулкахъ черты. Страшно становится, когда читаешь эти зазыванія и увѣренія. Что это, незнаніе или логкомысліе? Если люди пера и практической работы, съ печатной или народной трибуны взывающіе ко всему народу, говорятъ о столь серьезномъ вопросѣ, ничего сами не зная, то это грѣшно, преступно. Жестоко оставаться индифферентнымъ предъ народной нуждой; но еще жестоко подавать страждущему и ищущему помощи обманчивую надежду, давать камень вмѣсто хлѣба. А если эти люди сами знаютъ, что говорить теперь о массовой эмиграціи въ первобытную Уганду, нѣтъ никакихъ основаній и возможности, тогда какъ же назвать эти увѣренія?..

Мечтателей со столь широкой, необузданной фантазіей у насъ, къ счастью, немного; большинство гораздо скромнѣе, говорятъ не о милліонахъ, а о сотняхъ тысячъ, за послѣднее время даже о десяткахъ. Что же, нельзя отрицать, что въ Уганду можно нѣкоторымъ переселиться. Писали въ газетахъ, что въ южной Африкѣ составились группы изъ лицъ, не обрѣвшихъ тамъ счастья, для переселенія въ восточную; готовъ допустить, что и теперь, среди нѣсколькихъ сотъ европейцевъ, имѣющихся въ Угандѣ, есть и нѣкоторое число евреевъ. Кто хочетъ искать тамъ счастья, пусть ищетъ; легче, дешевле, удобнѣе, конечно, въ культурныхъ центрахъ; но найдутся, быть можетъ, охотники и туда идти. Все это возможно и не противъ этого повели мы нашу борьбу. Мы заявляемъ только, что гово-

1) L'echo sioniste, 1903, № 12.

2) Hashkafa, V, № 30.

рить теперь о вост. Африкѣ, какъ о мѣстѣ для массовой эмиграции сотенъ тысячъ, смѣшно, а потому и преступно.

Зангвиль, въ одной изъ своихъ угандистскихъ рѣчей, высказалъ, что народъ весь ухватился за африканскій проектъ. Противъ вѣрности такого огульного утвержденія можно бы многое возразить; но что въ массахъ живо откликнулись на увѣренія, что тамъ есть для нихъ хлѣбъ и свободное пристанище, это вѣрно, и этому удивляться нечего. Это такъ. Но подумаль-ли мистеръ Зангвиль о той страшной отвѣтственности, которую на себя беретъ, когда рисуетъ предъ голодными и страждущими картины матеріальнаго счастья, которыхъ не въ состояніи имѣть дать и которыхъ они сами, на указываемомъ пути получить не могутъ?.. Отвѣтственность предъ массою страшна и всеподавляюща; но падетъ она всей тяжестью не на насъ, говорящихъ народу правду, хоть и горькую, а на тѣхъ, которые завѣряютъ, что миллионы могутъ тамъ обрѣсть «пропитаніе съ избыткомъ»... Ben-Iohuda, въ этихъ своихъ горячихъ статьяхъ говоритъ, что въ будущемъ вост. Африка разовьется, какъ сѣв. Америка, и тамъ будутъ жить десятки миллионѣвъ. Можетъ быть, и такъ. Что произойдетъ въ очень отдаленномъ будущемъ, мы не знаемъ, не знаетъ и Ben-Iohuda. *Пока* рѣчь можетъ идти о переселеніи сотенъ, или тысячъ, и то переселеніи очень трудномъ и очень дорогомъ.

Такова, при ближайшемъ разсмотрѣніи, фактическая подкладка подъ утвержденіями и желаніями первой группы изъ скромныхъ угандистовъ, упирающихъ главнымъ образомъ на Уганду, какъ на мѣсто для массовой иммиграции, какъ на *Gegenwartshilfe* для «сотенъ тысячъ несчастныхъ, которые не могутъ ждать, которые скитаются въ отчаяніи по океанамъ, которые погибнуть, если мы не сдѣлаемъ сейчасъ чего-нибудь для ихъ спасенія» ¹⁾. Уганда не мѣсто и не спасеніе для нихъ. Покуда мы подготовимъ Сіонъ, они могутъ и должны идти туда, куда идетъ пролетаріатъ Германіи, Англии, Италіи, минующій колониальныя владѣнія своихъ странъ въ Африкѣ и направляющійся въ культурные центры.

Рядомъ съ этой группой скромныхъ угандистовъ есть, какъ я указывалъ, еще одна. И она заявляетъ категорически, что единственнымъ мѣстомъ рѣшенія еврейской проблемы является Палестина, что никто не думаетъ въ этомъ отношеніи дѣлать какое-либо отступленіе. Сіонъ необходимъ, говорятъ они, безусловно необходимъ и незамѣнимъ; но зачѣмъ же ставить дилеммы: Сіонъ, или Африка? Сіонъ и Африка — вотъ что нужно намъ и вотъ на что мы способны. *Et ceci, et cela* — игриво и восторженно восклицаетъ авторъ статьи въ *L'Echo sioniste*. Сіономъ мы сами будемъ заниматься, а Уганду мы передадимъ другимъ организаціямъ,

¹⁾ Рѣчь Нордау на VI конгр., *Stenogr. Prot.*, S. 71.

мы же будемъ только слѣдить за національнымъ направлениемъ работы и жизни тамъ, въ духѣ нашихъ идеаловъ. Я не буду приводить выдержекъ, потому что мотивами въ этомъ духѣ были переполнены рѣчи Jasager'овъ и статьями такого содержания наводняется литература. Послѣ всего, что было сказано въ предыдущей и настоящей главахъ о трудностяхъ, сопряженныхъ съ созданиемъ Heimstätte въ Палестинѣ, а еще болѣе внѣ ея, полная несостоятельность всѣхъ этихъ утверждений, я думаю, настолько ясна читателю, что долго намъ не придется останавливаться на доказательствахъ ея.

Кто приписываетъ еврейскому народу способность разрѣшенія одной изъ этихъ сложнѣйшихъ и труднѣйшихъ задачъ, тотъ предполагаетъ въ немъ безпримѣрный запасъ силъ, энергіи и выдержки. Нужно много продумать, многое извѣстить, любовно обозрѣть все прошлое великаго народа, вникнуть во всѣ окружающія, общія и мѣстныя, условія, чтобы проникнуться увѣренностью, что этотъ народъ и эта страна способны еще возродиться и зажечь опять здоровой, нормальной жизнью. Всеобъемлюща, колоссальна эта задача; но мы, сионисты, полагаемъ, что рядомъ поколѣній мы въ Палестинѣ осуществимъ ее. Въ другомъ мѣстѣ мы не считаемъ эту задачу разрѣшимой. Я вполне понимаю, однако, чистаго угандиста, или, какъ теперь принято называть, территоріалиста, который вѣритъ и утверждаетъ, что задача концентрированія и возрожденія еврейской націи разрѣшима вездѣ, гдѣ-бы только намъ ни дали для этого клочекъ земли, какъ это проводится въ Автоэмансипаціи ¹⁾ и Judenstaat'ѣ ²⁾. Эти люди, быть можетъ, еще больше вѣрятъ въ силы народа, чѣмъ мы; они поднимаютъ ихъ почти до границъ сверхъестественнаго. Такихъ людей, чистыхъ Ja-Sager'овъ, я понимаю. Я, конечно, не называю ихъ измѣнниками, какъ, къ прискорбію и стыду, у насъ дѣлаютъ многіе, а считаю ихъ глубоко, опасно заблуждающимися людьми, принимающими иллюзію за дѣйствительность. Жизнь, реальная дѣйствительность, общеніе съ народомъ и народнымъ дѣломъ научатъ и вразумятъ ихъ. Мы знаемъ, что Пинскеръ продѣлалъ этотъ путь, закончилъ его также Герцль; прошли его и многіе изъ прежнихъ амориканофиловъ и аргентинцевъ.—Но я постигнуть не могу и прямо краснѣю за своихъ, когда нашему народу, тысячелѣтія волочащему мѣли голуса, врѣзавшія неизгладимые слѣды, физическіе и духовные, при его слабыхъ силахъ, ничтожныхъ средствахъ, отсутствіи подготовки, дисциплины и надлежащей организаціи, приписывается серьезно возможность одновременнаго осуществленія двухъ, столь сложныхъ, гигантски трудныхъ и страшно дорогихъ задачъ... Прямо чувствуешь, что теряешь реальную почву подъ ногами, переносишься въ сказочное царство богатырей, которые «ступаютъ на горы, горы трещатъ, лягутъ на море, бездны княтятъ...»

¹⁾ Д-ръ Л. Пинскеръ: Автоэмансипація, стр.

²⁾ Dr. Herzl: Judenstaat, Seite 29.

Конечно, нельзя отрицать, есть среди разбираемой группы Ja-Sager'овъ такіе, которые дѣлали это только изъ соображеній тактики. Хорошъ ли этотъ приемъ, чистъ ли, цѣлесообразенъ, или нѣтъ, мы теперь не будемъ разбирать; но у наивныхъ и невѣдущихъ онъ, очевидно, имѣлъ успѣхъ. Они искренно повторяютъ теперь на всѣхъ языкахъ этотъ девизъ, нашедшій себѣ столь дружный откликъ въ Иерусалимѣ и въ Парижѣ. Вотъ для такихъ искренне заблуждающихся мы должны размотрѣть и эту возможность.

Мы оставимъ сказочное царство богатырей и перейдемъ къ реальной, хотя и горькой дѣйствительности. Посмотримъ, что дали намъ пока банкъ и фондъ для нашего народнаго дѣла, при всѣхъ потраченныхъ усиліяхъ; вспомнимъ также, сколько лицъ уже привлечено къ движенію и сколько среди нихъ истинно годныхъ, нужныхъ силъ. Грустно становится при этомъ обзорѣ, когда мы сопоставляемъ достигнутое съ грандіозностью задачи... Мы не падаемъ, тѣмъ не менѣе, духомъ; мы говоримъ, это еще начало. Мы будемъ неустанно работать, пока все проникнется проповѣдуемой нами правдой. И тогда все, что въ еврействѣ способно на жертвы и труды, все это привлечемъ мы къ нашему, къ народному дѣлу. Вѣдь только тогда и такимъ путемъ мыслимо осуществленіе нашихъ надеждъ; безъ этого мы съ мѣста двинуться не можемъ. Теперь намъ заявляютъ: къ разрѣшенію Уганды будутъ привлечены другія силы и другія средства. Какія же?—Еврейскія. Значитъ, мы сами отвлечемъ массу силъ и средствъ на другое, столь сложное дѣло и на очень, очень долго лишимся ихъ для нашего. Не есть ли это подкопъ подъ сіонистское дѣло, самый опасный подкопъ, который мы сами, собственными усиліями, подъ себя-же подводимъ?..

Но мы лишимся не только тѣхъ, которые будутъ непосредственно отвлечены къ дѣлу Уганды: мы потеряемъ гораздо больше.

Мы подрѣзываемъ себѣ прежде всего сочувствіе народовъ и правительствъ, на которое политическій сіонизмъ рассчитываетъ, и вправдѣ рассчитывать. Народы не могутъ входить такъ глубоко въ суть нашихъ стремленій и въ оцѣнку нашихъ силъ, какъ мы сами. И среди насъ есть Викерманы, которые не понимаютъ, что Палестина является не только мѣстомъ наименьшаго сопротивленія, но и единственнымъ для *нашей цѣли*: еще менѣе можно этого требовать отъ не-евреевъ. Южаконъ, напр., уже высказался ¹⁾, что Уганда есть, правда, крайне трудное, но реальное дѣло, а Палестина—мечта. Такъ думаютъ многіе другіе. И Чемберленъ, съ своей точки зрѣнія, предложилъ намъ, несомнѣнно, нѣчто весьма цѣнное. Народы будутъ смотрѣть на насъ, какъ на неисправимыхъ мечтателей,

¹⁾ „Русское Богатство“, 1903. Сент.

если мы будемъ продолжать говорить о Палестинѣ въ то время, какъ часть народа устремится въ Уганду, для основанія тамъ автономной колоніи. Они могутъ понять и вполне оцѣнить стремленіе націи къ созданію своего національно-политическаго очага; но они совершенно не смогутъ понять желанія бездомнаго нищаго обзавестись сразу двумя домами.

И не только они, нашъ собственный народъ этого не пойметъ. Не забудемъ, что мы можемъ строить наше грандіозное дѣло *только на необходимости*, на большой двигательной силѣ. Народъ не можетъ жить и нормально развиваться при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ теперь находится; ему необходимо пересоздать самыя основы жизни и прежде всего создать національно-политическій очагъ; созданіе этого авторитетнаго очага возможно только въ Палестинѣ: эти положенія должны пройти въ плоть и кровь народа, онъ долженъ весь проникнуться сознаніемъ въ неизбежности новаго пути и желаніемъ пройти его. Это сознаніе и это желаніе должны сдѣлаться органической, живой частью его психологій, его чувствъ. Всѣ наши усилія необходимо главнымъ образомъ на это направить, и работу слѣдуетъ вести такъ, чтобы конечная цѣль и текущая работа постоянно совпадали, въ своемъ направленіи, являлись бы едиными въ его глазахъ. *Тогда, и только тогда народъ достигнетъ цѣли.* Вотъ эту живую и животворную, двигательную силу мы сами подорвемъ въ корнѣ, когда рядомъ съ Палестиной создадимъ еще одно влеченіе, еще одну цѣль, еще одну возможность.

Не разъ думалъ я о томъ, что должны бы мы, сіонисты, дѣлать, если бы другіе элементы въ еврействѣ выдвинули такую задачу, понимая подъ нею созданіе не еще одного простого эмиграціоннаго пункта, а самостоятельнаго національно-политическаго очага: бороться, или оставаться индифферентными? Въ лучшемъ случаѣ, индифферентными. Но сколько я ни думалъ, я не нахожу мотивовъ, кромѣ развѣ дипломатическихъ, чтобы намъ самимъ выдвинуть предъ народомъ, наряду съ Палестиной, задачу созданія такой колоніи.

Я старался разсмотрѣть всѣ три комбинаціи, связанныя съ проектомъ Вост. Африки: замѣну Палестины, массовое иммиграціонное мѣсто, какъ *Gegenwartshilfe*, и, наконецъ, автономную колонію при Палестинѣ, какъ метрополіи. Это разсмотрѣніе во всѣхъ трехъ случаяхъ привело насъ къ отрицательному результату. Какъ ни бери, итогъ одинъ, тотъ самый, который можно было подвести еще въ Базелѣ: Уганда *для насъ*—иллюзія. Безусловно крупно значеніе этого факта въ смыслѣ указателя вѣрности пути, предложеннаго политическимъ сіонизмомъ, и санкціи нашей организациі со стороны величайшей державы; но реальную цѣнность предложеніе англійскаго правительства пріобрѣтаетъ для насъ только тогда,

когда мы его отвергнемъ. Это совершенно вѣрно высказалъ еще въ Базелѣ товарищъ Якобсонъ. Мѣстомъ массовой иммиграціи она теперь и долго еще служить не можетъ; а нашей основной, великой задачи она давно не разрѣшаетъ.

Но если такъ, если весь проектъ только иллюзія, то зачѣмъ же было поднимать такую отчаянную борьбу, которая грозитъ разрывомъ, слѣдовательно, и распаденіемъ всей организаціи, спрашивали и спрашиваютъ многіе. На это мы можемъ отвѣтить слѣдующее.

По существу, я лично, напримѣръ, считаю увлеченіе Угандой дѣломъ, совершенно не опаснымъ для сіонизма. Несравненно болѣе опасной конкуренткой являлась Аргентина; мы видѣли, какъ блестяще было обставлено дѣло вначалѣ; мы видѣли также, какъ скоро всѣ мечты покойнаго Гирша разлетѣлись въ рукахъ его душеприкащиковъ. Возможно, при лучшей организаціи, развязка наступила бы не такъ скоро и выводъ былъ бы не столь рельефенъ; мы имѣли бы не нѣсколько тысячъ, а нѣсколько десятковъ тысячъ аргентинскихъ евреевъ, но—только; большаго и лучшаго врядъ ли можно было достигнуть. Съ точки зрѣнія радикальнаго излеченія отъ африканской иллюзіи, и территориализма вообще, быть можетъ, спасительно было бы даже, чтобы народъ на дѣлѣ въ этомъ убѣдился, какъ онъ убѣдился относительно Аргентины. И я не знаю, слѣдовало ли бы такъ воевать, если бы не было страха, который проникаетъ все наше существо, который заставляетъ содрагаться сердце, что мы можемъ, въ погонѣ за иллюзіями, потерять единственное реальное, что есть для насъ въ мірѣ, родную Палестину. Потерять не въ смыслѣ политическомъ. Я считаю совершенно невозможнымъ, чтобы Палестина перешла во владѣніе какой либо одной европейской христіанской державы: Турція будетъ противъ этого бороться до послѣдней капли крови, а европейскія державы до этого не допустятъ. Но мы можемъ потерять Палестину экономически и культурно. Массовой иммиграціи европейцевъ сюда, какъ мы видѣли, еще долго нечего бояться. Но если въ Палестину проникнуть европейскіе капиталы и капиталисты; если представители какого либо европейскаго народа начнутъ здѣсь покупать земли, разрабатывать богатства страны и играть роль культурнаго фактора, ее оживляющаго, тогда наша задача безконечно усложнится и затруднится. Если бы мы могли имѣть увѣренность, что Палестина будетъ продолжать насъ ждать, какъ ждала до сихъ поръ, тогда мы гораздо спокойнѣе относились бы къ разнымъ проектамъ. Но теперь, когда капиталистическій строй Европы побуждаетъ капиталистовъ съ жадностью метаться во всѣ стороны, въ поискахъ приложенія для избытка капиталовъ и силъ, этого спокойствія у насъ быть не можетъ. Наша медлительность можетъ явиться роковой; единственная наша надежда понесетъ непоправимый ущербъ. Мы не должны и не можемъ поэтому мириться ни съ

кажнми, вредными для нашей великой задачи, тенденціями. Всякая отнятая сила, всякій отложенный день являются вредными, опасными. А такія иллюзіи отнимають, правда, на время, много силъ.

Мнѣ хотѣлось бы при этомъ повторить мысль, которую я высказалъ на конгрессной трибунѣ по этому поводу:

«Почему, спрашивалъ я, мы все еще насчитываемъ сравнительно мало сионистовъ? Вѣдь идея наша такъ ясна и обладаетъ такой привлекательной силой, и все таки еще очень многіе не идутъ на работу съ нами. Почему это? Потому, что они питаются иллюзіями. Цѣлое столѣтіе это были иллюзіи эмансипаціи и «правъ». А въ настоящее время мы не видимъ въ своихъ рядахъ многихъ хорошихъ, молодыхъ силъ потому, что онѣ питаются другими иллюзионными рѣшеніями еврейской проблемы... Въ этой африканской автономіи создается новая иллюзія, которая отвлечетъ отъ насъ много силъ и тѣмъ подкопается подъ наше движеніе. Вотъ въ чемъ кроется великая опасность!»¹⁾

И такъ, страшны не Уганда и не територіализмъ вообще, а смута и отвлеченія, вносимыя этими иллюзионными, беспочвенными увлеченіями. Вотъ почему мы не можемъ оставаться спокойными, почему мы считаемъ всякія стремленія и усилія, направленные къ созданію очаговъ, постоянныхъ или временныхъ, въ другихъ странахъ, помимо Палестины, несомнѣтельными, вредными и опасными. Все, что еврейство можетъ выдѣлать живого, работоспособнаго, готоваго на труды и жертвы, все это должно стекаться подъ знамя Сиона, все это необходимо намъ, на наше дѣло, все намъ самимъ дорого и нужно. Мы вѣримъ глубоко въ силы народа; съ убѣжденіемъ повторяемъ мы слова президента, сказанныя на V конгрессѣ:—Das Volk kann, wenn es will. Но для этого народъ долженъ желать всѣми фибрами души, всѣмъ существомъ, всѣми помыслами ума и влеченіями сердца. А чтобы этого достигнуть, мы должны создать ему такую атмосферу, чтобы все: жизнь, литература, воспитаніе, окружающая обстановка, напоминало ему о потерянной родинѣ и отнятой самостоятельности; ему должно стать тяжело безъ нихъ. Тогда онъ, дѣйствительно, захочетъ и тогда онъ достигнетъ. Все, что отвлекаетъ, вредно, опасно и не можетъ быть терпимо. Это ясно, какъ день. Вотъ почему мы въ Базелѣ сказали свое Nein; почему и теперь, когда бы и въ какой бы формѣ предъ нами ни предсталъ роковой вопросъ, который былъ выдвинутъ предъ организацией на VI конгрессѣ, отвѣтъ можетъ быть, долженъ быть и будетъ только одинъ: Nein, Nein и Nein!

Я закончилъ свой отвѣтъ на вопросъ, который былъ мной поставленъ въ концѣ 2-й главы. Мы знаемъ теперь, чего мы желаемъ и по-

1) Steuogr. Protoc. des VI Congr., S. 162.

чему, на что мы разсчитываемъ, чего мы не желаемъ и почему. Я стремился все время быть яснымъ, и мнѣ хочется вѣрить, что я былъ таковымъ. Но чтобы не оставлять мѣста для одного, еще возможнаго недоразумѣнія, считаю нужнымъ тутъ же отбѣнить то, на что вкратцѣ было указано уже выше: я отнюдь не думаю и не желалъ бы, чтобы думали, что моими устами говорятъ *всѣ* Nein-Sager'ы. Сходясь въ своемъ Nein, мы однако подходимъ къ нему разными путями. Всѣхъ этихъ путей я здѣсь указывать не буду. Но на нѣкоторыхъ долженъ остановиться.

Въ памятную ночь кануна среды, когда борьба вокругъ Уганды была разрѣшена и велась по всей линіи, съ конгрессной трибуны раздался голосъ, который является однимъ изъ наиболѣе слышныхъ въ нашей средѣ. Съ увлеченіемъ, обаятельно дѣйствовавшимъ на залу, онъ восклицалъ: «Пусть предлагаютъ намъ роскошнѣйшія страны, текуція млекоомъ и медомъ, и пусть въ Палестинѣ будутъ одни камни, намъ милѣе голыя скалы. ибо онѣ въ Палестинѣ» ¹⁾.

Безъ этого чувства, но зато съ рѣдкой самоувѣренностью прозвучалъ потомъ другой голосъ изъ нашей среды: «Звать евреевъ въ другую страну, кромѣ Палестины, это то же, что призывать ихъ къ другой вѣрѣ; это измѣна, равная вѣроотступничеству» ²⁾.

И такъ, любовь и вѣра. Вспоминаешь чудныя элегіи Іегуды Галеви. Почему онъ такъ любилъ Сіонъ, почему пзъ прекрасной Испаніи онъ такъ жадно стремился туда, чтобы хоть облобызать прахъ родины? Онъ врядь-ли себя спрашивалъ. Онъ любилъ, и этого довольно. Онъ любилъ, и не могъ сидѣть на мѣстѣ; его тянуло туда, гдѣ объектъ его любви.

Почему еврейскому народу нужна его вѣра? Лучше-ли, прекраснѣе-ли она другихъ, представляетъ-ли она, дѣйствительно, летипное среди трехъ коленъ Лессинга? Какъ это доказать... Но вѣдь тутъ доказательства излишни. Евреи вѣрятъ въ свою вѣру, и доказательства только подрываютъ ореоль ея, они совершенно не нужны вѣрующему.

Счастливы тѣ, у которыхъ весь сіонизмъ и значеніе Сіона этимъ объясняются. Блаженъ, кто вѣруетъ; счастливъ, кто любитъ. Для нихъ лично этимъ все объясняется. Но дасть-ли это имъ право на дальнѣйшіе шаги, право звать народъ туда, куда влечетъ ихъ собственное чувство, и клеймить измѣнниками и отступниками тѣхъ, кто не смотритъ на движеніе, какъ на объектъ вѣры и кто предпочитаетъ пышную страну каменной скалы? Никто не могъ ставить никакихъ вопросовъ Іегудѣ Галеви, когда онъ, не боясь пучинъ и стихій, отправился въ страну своей любви. Но когда политическій дѣятель выступаетъ предъ страждущими народными массаами, зоветь ихъ и общается имъ лучшее будущее, можетъ-ли

¹⁾ Stenograph. Prot. des VI Congr., S. 157.

²⁾ Die Welt, 1903, № 42.

онъ, вправѣ-ли онъ опираться только на свое чувство? Да и на сколько оно. дѣйствительно, крѣпко и глубоко... Жертвами и тихимъ страданіемъ познается сила чувства. Когда наши предки шли массами на костры, или сгибали тысячами головы подъ сѣкирами, тогда доказательствъ не требовалось. Но сионизмъ пока мало тяжелыхъ испытаній ставилъ своимъ борцамъ. Самоувѣренность заявленій и страстность упрековъ являются трудно оправдываемыми въ устахъ людей, еще не испытывшихъ и не доказавшихъ во-очію даже силы собственного чувства. А между тѣмъ у насъ это часто забываютъ, и патетическими изліяніями вносятъ смуту въ умы вмѣсто того, чтобы трезво и серьезно отнестись къ серьезнымъ вопросамъ и помочь другимъ въ нихъ разобраться...

Другая группа *Nein-Sager* овъ, очевидно, сознавая этотъ пробѣлъ и признавая, что народныя движенія можно строить только *на народной необходимости*,—все равно, вызывается-ли эта необходимость экономическими интересами, непреодолимымъ чувствомъ, или другимъ сильнымъ массовымъ стимуломъ—обосновываетъ свое *Nein* главнымъ образомъ тѣмъ, что духовное возрожденіе нашей націи *невозможно* нигдѣ, кромѣ Палестины. Безусловно вѣрное свое положеніе они, однако, строятъ на такихъ основаніяхъ, которыя очень напоминаютъ только что разсмотрѣнныя утвержденія. «Мы вѣримъ, что возрожденіе Израиля, какъ свободной націи, живущей по духу своему и развивающейся по природѣ своей, возможно только и исключительно путемъ возвращенія и сосредоточенія въ странѣ предковъ, какъ въ древніе годы, путемъ оживленія страны чрезъ народъ и народа черезъ страну» ¹⁾. «Во всякомъ другомъ мѣстѣ евреи могутъ только продолжать свою прежнюю жизнь, примѣняясь къ физической и духовной культурѣ страны, но не создать культуру новую, по духу своему» ²⁾.

Нѣсколько иначе, но въ томъ же направленіи, высказывается другой *Nein-Sager* этой группы: «Зерно еврейской національной индивидуальности рождено не въ изгнаніи, а до изгнанія. Слѣдовательно—въ Палестинѣ». «Неприкосновенное развитіе этой *палестинской* (курсивъ автора) индивидуальности мыслимо только на той почвѣ и въ той природной средѣ, которыя нѣкогда создали эту индивидуальность» ³⁾.

Такимъ образомъ, создается презумпція, что еврейство можетъ возродиться для національнаго творчества только въ Палестинѣ. Почему, это подробно не мотивируется. «Доказать истинность нашего утвержденія математическими приемами мы не можемъ; но такова наша вѣра» ⁴⁾. Во всякой другой странѣ теряется историческая связь, являются иные условія, географическія и проч., словомъ, возрожденіе невозможно.

¹⁾ *Haschiloah*. 1903, VIII, S. 116.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ „Еврейская жизнь“, 1904, февраль, стр. 215.

⁴⁾ *Haschiloah*, S. 150.

Конечно, географическія, климатическія и другія мѣстные условія наложили свой неизгладимый отпечатокъ на типъ и творческій духъ еврейскаго народа. Возможно, что въ другомъ мѣстѣ, и подъ влияніемъ иныхъ факторовъ, все это потечетъ нѣсколько иначе. Но развѣ въ томъ суть нашихъ стремленій, чтобы непременно вернуться къ прерваннымъ формамъ? Мы стремимся къ тому, чтобы создать народу условія жизни, при которыхъ онъ будетъ самостоятельно жить и свободно развивать свой духъ и свое тѣло, при которыхъ жизнь его будетъ направляться не другими, а имъ самимъ. Тогда народъ возродится къ новой жизни. Его творческія силы тогда пойдутъ, быть можетъ, по иному руслу; онъ создастъ, быть можетъ, благодаря тысячелѣтнему пребыванію среди другихъ культуръ, новый синтезъ, въ которомъ сольются лучшія стороны іудизма и эллинизма. Мы глубоко вѣримъ въ будущее еврейскаго національнаго генія. Давъ содержаніе духовной жизни огромной части человѣчества втеченіе протекшихъ тысячелѣтій, онъ и теперь, вернувшись на родину и заживъ свободно, создастъ новое содержаніе идеальнымъ потребностямъ извѣрившагося мечущагося человѣчества и новыя формы соціальной жизни народамъ. Мы вѣримъ въ его творческую работу: но предопредѣлить направленіе ея мы не можемъ, и не въ этомъ суть. Народу нужна физически и духовно независимая, сытая, трудовая свободная жизнь. Создать условія для нея—вотъ цѣль, которую поставилъ себѣ сіонизмъ. И если мы остановились исключительно на Палестинѣ, то это потому, что этой цѣли можно достигнуть *только въ Палестинѣ и ни въ какой другой странѣ*. Не одна какая-либо причина, а цѣлый рядъ ихъ, дѣйствуетъ здѣсь, комбинація внѣшнихъ, внутреннихъ и мѣстныхъ факторовъ приводитъ насъ къ убѣжденію, что еврейское государство будетъ создано въ Палестинѣ, или нигдѣ.

Замѣчу здѣсь же, что къ этому убѣжденію пришелъ впоследствии и авторъ Judenstaat'a, когда заявилъ на послѣдней вѣнской конференціи, что das Judenproblem kann nur in Palästina gelöst werden. Объ этомъ поворотѣ въ воззрѣніяхъ д-ра Герцля мы поговоримъ еще ниже. Мы убѣдимся, что если бы онъ теперь писалъ свой Judenstaat, то къ классической фразѣ: Der Judenstaat ist ein Volksbedürfniss, folglich muss er entstehen, фразѣ, которая является лучшей гарантіей осуществимости сіонизма для вдумчиваго и исторически мыслящаго человѣка, онъ прибавилъ бы, какъ органически нераздѣльную часть, слѣдующее положеніе: Der Judenstaat wird in Palästina entstehen, oder nirgends.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Е. В. Членовъ.

Хроника внутренней жизни.

Эпидемія погромовъ охватила насъ. Одни покрупнѣе, другіе помельче. Здѣсь сотни, тамъ тысячи разоренныхъ, пущенныхъ по міру евреевъ. Вездѣ—подавленное состояніе. На всѣхъ устахъ много-страдальныхъ обывателей еврейскихъ мѣстечекъ и городовъ одинъ роковой мучительный вопросъ: «что день грядущій мнѣ готовить?»

Къ милліону застарѣлыхъ еврейскихъ ранъ, къ милліону свѣжихъ, наносимыхъ измученнымъ, голоднымъ организмамъ тяготами войны, безработицей и торговымъ кризисомъ, присоединяется еще стихійный ураганъ погромовъ.

Называютъ ихъ нынѣ „мелочами“, шутками подгулявшихъ людей, легкимъ полюбовнымъ развлеченіемъ... И не только въ «новременской» клоакѣ называютъ ихъ такъ... Но вездѣ, гдѣ хотите, куда ни пойдете, къ кому ни обратитесь. Либо «мелочи», либо упорное молчаніе въ отвѣтъ. Да что другіе? что намъ всѣ эти «фобы», «филы» и набравшіе воды въ ротъ, когда мы сами, евреи, превратились въ каменные безчувственные столбы, когда мы всѣ, отъ мала до велика, пугливо озираемся, не летитъ ли въ нашу сторону камень, не слышно ли гдѣ по нашему адресу зловѣщаго крика: «вотъ жидъ! бей его!», когда мы, какъ травленные зайцы, ищемъ лишь куста, куда бы спрятаться, выбираемъ нору, поглубже, потемнѣе? Пройдутъ охотники до чужого добра, охотники за человѣческой душой, разнесутъ все, что можно, и мы снова (выползаемъ изъ своихъ норъ, чтобы подобрать оставленные крохи, чтобы подобрать кидаемые намъ объѣдки съ барскаго стола и, наглодавшись огрызковъ, мы уже довольны, мы уже готовы ластиться къ суровому хозяину-благодѣтелю, пока онъ не оттолкнетъ насъ брезгливо ногой. И такъ безъ конца, безъ измѣненія... И это называется нашей жизнью.

Нѣтъ и не можетъ быть утѣшеній для тѣхъ, кто не утратилъ человѣческаго облика, въ комъ сохранилась хотя бы искра чувства и здраваго смысла. Утѣшаться въ этихъ случаяхъ значитъ быть живымъ мертвецомъ...

Эти «живые мертвецы» страшнѣе намъ всякихъ погромовъ. Ихъ же—большинство среди насъ. Это—величайшее наше горе. Что дѣлать съ ними? какъ пробудить въ нихъ жажду истинной жизни? Клеймить позоромъ? Нѣтъ смысла, ибо слова укоризны отлетаютъ отъ нихъ, какъ отъ стѣны горохъ. Не воскресить намъ высохшихъ мумій. Онѣ распадутся въ прахъ отъ дуновения свѣжаго вѣтра, который приведетъ утлую ладью еврейства къ своимъ берегамъ, если только мы, сіонисты, не выпустимъ изъ слабыхъ рукъ весель нашего спасенія. И объ этомъ намъ слѣдуетъ думать въ эти тяжелые дни «погромной» эпидеміи.

Чѣмъ вызвана она? На это прекрасный отвѣтъ даетъ г. Владимиръ Ж. въ «Южныхъ Завискахъ». Отмѣчая, что старая причина «жуцель» всѣхъ нашихъ венавистелконъ,—эксплоатація евреями христіанскаго населенія, потеряла совершенно свой престижъ, даже у нашихъ враговъ, такъ какъ три четверти еврейскаго населенія въ Россіи состоятъ изъ голодной массы, авторъ говоритъ:

„Забитая и запуганная еврейская масса, живущая сама впроголодь и всѣхъ и всего боящаяся, не можетъ никого притѣснять. Слѣдовательно, у христіанскаго населенія нѣтъ и не можетъ быть естественнаго желанія мстить евреямъ, ибо мстить не за что. Пѣтъ и не можетъ быть сознанія, что евреи чѣмъ-то заслужили расправу, что ихъ нужно бить. Есть просто сознаніе, что они чужіе. Конечно, чужака нигдѣ не любятъ, и никогда не будутъ любить, но не любить еще не значитъ травить и избивать. Травить человека только въ одномъ изъ двухъ случаевъ: или въ томъ предположеніи, что его нужно травить, что онъ заслужилъ расправу, или въ томъ предположеніи, что его можно травить. Если можно, то для некультурныхъ массъ (въ особенности при нѣкоторой любви къ спирту и при наличности нѣкоторыхъ общихъ причинъ для хронически-дурного расположенія духа) это большою сообразнью. Всѣ поговорки учатъ, что ежели кого можно щелкнуть по носу, то уже развѣ только дѣланный не щелкнетъ. При вопсѣтой поэтами склонности „раззудись плечо, размахнись рука“—понятіе „можно“ звучитъ уже само по себѣ приглашеніемъ, искушеніемъ, призывомъ. И если христіанское населеніе въ чертѣ еврейской осѣдлости не имѣетъ основаній думать, будто евреевъ надо бить, достаточно и того, что оно увѣрено, будто евреевъ можно бить. А въ этомъ оно твердо увѣрено.

Откуда же, спрашивается, такая увѣренность? Законы росіійскіе безусловно запрещаютъ избіеніе обывателя обывателемъ, кто бы ни были первый и второй. Для евреевъ въ этомъ отношеніи никакихъ гласныхъ исключеній въ сторону *privilegium odiosum* не сдѣлано. Почему же въ христіанскихъ массахъ западной и юго-западной полосы такъ прочно укоренилось сознаніе, что бить евреевъ — не только предъ Богомъ не грѣхъ, но и предъ закономъ не вина? Кто имъ это сказалъ? Никто не сказалъ и не могъ сказать. Но они сами вывели это заключеніе, и они по своему праву. Наше сознаніе складывается помимо нашей воли изъ нашихъ внѣшнихъ впечатлѣній. Когда въ семьѣ имѣется пасынокъ, то остальные дѣти, родныя, бессознательно усваиваютъ себѣ то же отношеніе къ нему, которое замѣчаютъ у отца и матери. Вполнѣ понятно, что если пасынка водятъ въ обноскахъ, не пускаютъ ни за столъ, ни въ гостиную, то у родныхъ дѣтей невольно и естественно разовьется сознаніе, что пасынокъ есть существо низшее, съ которымъ если не все, то очень многое „можно“. Тутъ даже не надо, чтобы отчимъ или мачеха сами били пасынка. Можетъ быть, они, взрослые, и простого тумака ему не дадутъ. Но дѣти менѣе сдержаны. Во всемъ преувеличивать—это прерогатива дѣтства. Дѣти, несомнѣнно, пойдутъ дальше родителей. Они не станутъ скучиться на затрещины нелюбимому чужаку, и не только въ дракѣ, а и просто „такъ“, съ сердцовъ, съ бух-да-баракты...

Таково отношение христіанской массы и еврейской, и инимъ это отношеніе не можетъ быть. Русское или польское дитя въ чертѣ осбдлости съ малолѣтства знаетъ, что еврей—безправный пасынокъ, что законъ для еврея и для христіанина не равенъ, что еврея въ срединную Россію не пускаютъ, въ деревню не пускаютъ, въ школу не пускаютъ, на казенную службу не пускаютъ. А если законъ съ нимъ такъ суровъ, то ужъ не даромъ. Значить, еврей существо поганое и низшее. Значить, съ нимъ, вообще, церемониться нечего. Значить, съ нимъ все или очень многое „можно“. И это сознание совершенно непроизвольно растетъ и крѣпнетъ. И въ концѣ-концовъ, когда на душѣ станетъ особенно скверно (а на то есть причины), да еще хватитъ зелена вина, да еще подѣрнется поводъ,— то какъ же тутъ не сорвать сердца на еврей? Страсть „раззудить плечо“, какъ и всякая другая человѣческая тенденція, всегда инстинктивно выбираетъ себѣ путь наименьшаго сопротивленія. Массы вырастаютъ и воспитываются въ томъ сознаниі, что еврей есть идеаль „наименьшаго сопротивленія“, потому что его и законъ шельмуетъ отъ самаго рожденія. Однимъ словомъ — „можно“. Такъ и зарождаются погромы. Было бы очень странно, если бы при такихъ условіяхъ не зарождались и не разыгрывались погромы.

Я прекрасно понимаю, что ко всему этому присоединяется еще и другой факторъ: сознание чуждости и нелюбовь къ чужаку. Но сама по себѣ эта нелюбовь не можетъ вызвать такого явленія, какъ погромъ. Она можетъ проявиться въ болѣе приличныхъ формахъ западно-европейскаго антисемитизма съ его бойкотомъ и организованнымъ вытѣсненіемъ еврея при полномъ соблюденіи всѣхъ статей уложенія о наказаніяхъ. Но погромы возможны только тамъ, гдѣ христіанскія массы привыкли къ сознанию еврейскаго безправія, или тамъ (Галиція), гдѣ онѣ еще не успѣли отвыкнуть отъ этого сознания.

„Любовь“ къ себѣ—если она непремѣнно требуетъ отреченія отъ своей народной самобытности и вѣры—этой „любви“ евреи не требуютъ и не ждутъ. Но они, а съ ними всѣ лучшіе элементы общественнаго мнѣнія въ Россіи и за-границей, вправѣ ждать, что съ пятимилліоннаго народа будетъ снято и смито клеймо неравенства передъ закономъ, ибо это клеймо есть само по себѣ мишень, со-блазнь и призывъ, который будетъ дѣйствовать на христіанскія массы не только помимо воли властей, но и наперекоръ ихъ волѣ.

Поучительной стороной теперешнихъ погромовъ является ихъ возникновеніе въ такую тяжелую пору, какъ война. Казалось бы, что сознание предстоящей трудной задачи—борьбы съ ожесточеннымъ и сильнымъ врагомъ, должно было бы и въ массѣ, въ особенности городской, пробудить мысль о необходимости мирнаго сожитія разно-племеннаго населенія, чтобы общими дружными усиліями одолѣть врага. Но, очевидно «воспитаніе» въ безнаказанности оскорбленія евреевъ пустило слишкомъ глубокіе корни, чтобы христіанская масса могла поддаваться какимъ-либо мотивамъ, смягчающимъ ея злобу. Нѣкоторые публицисты усердно подчеркиваютъ, что психическое состояніе людей, идущихъ на войну, на смерть, оставляющихъ все имъ дорогое, такъ выбито изъ нормы, такъ повышено, что всякаго рода эксцессы вполнѣ натуральны и не заслуживаютъ обвиненій. Но почему же спрашивается, это «повышенное настроеніе» выражается почти исключительно въ разоренія и калѣченія евреевъ? Еврейство сидитъ точно на пороховой бочкѣ, вокругъ которой снуютъ люди съ зажженными фитилями, которая можетъ вспыхнуть каждую минуту отъ миліоновъ искръ, носящаяся въ воздухѣ. Пресловутый «другъ» нашъ Столыпинъ, проливавшій слезы надъ воинами-евреями, поддерживавшими въ бою священника, который воодуше-

влялъ солдатъ, тотъ самый Столыпинъ, который возмущался нахальствомъ евреевъ-врачей, поздравлявшихъ своихъ родныхъ съ праздниками, этотъ газетный перебѣзчикъ не постыдился назвать погромы «мелочами». Повторимъ ли мы эти гнусныя слова? Для насъ теперешніе погромы—лучшее доказательство общаго настроенія массы независимо отъ спеціальной агитаціи и независимо даже отъ ея культурнаго развитія. Пенависть къ евреямъ, которая живетъ тысячелѣтія, которая всасывается съ молокомъ матери, не можетъ быть вытравлена культурой. Порукой этому служить антисемитизмъ на Западѣ во всѣхъ его формахъ. Эта ненависть, это недружелюбіе, различно выражающееся—*неизлѣчимая болѣзнь*, пока евреи останутся въ разсѣяніи.

На каждомъ шагѣ мы имѣемъ доказательства, но этого намъ все-таки мало. Съ чужихъ словъ мы продолжаемъ повторять сладкія пѣсни о чудесной силѣ культуры, о равноправіи, которое яко-бы излечить насъ отъ національныхъ страданій. Разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ, обольщаемся мы каждымъ ласковымъ словомъ и забываемъ о дѣйствительномъ спасеніи, которое указала намъ вся наша исторія. Эту неизлечимость вражды къ намъ отмѣчалъ безсмертный Шедринъ. «Въ сферѣ мартиролога—говорилъ онъ—еврейское племя занимаетъ первое мѣсто, въ сферѣ просвѣтленія оно стоитъ въ сторонѣ, какъ будто лучезарныя перспективы исторіи совсѣмъ до него не относятся... Даже исторія, которая для самыхъ загадочныхъ уклоненій изъ свѣта къ тьмѣ находитъ соответствующую поправку въ дальнѣйшемъ ходѣ событій—и та, излагая эту скорбную повѣсть, останавливается въ безсиліи и недоумѣніи»...

Въ погромной эпидеміи поучительно и то, что она вспыхнула въ такую эру внутренней жизни, какъ назначеніе новаго министра внутреннихъ дѣлъ князя Святополкъ-Мирскаго. Во всѣхъ углахъ необъятной Россіи вздохнули свободнѣе, съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія. На отвѣтственный постъ призванъ человекъ, развернувшій во всей своей предшествующей дѣятельности не только административныя способности, не только знакомый детально съ нуждами всѣхъ слоевъ населенія, но человекъ, пользовавшійся заслуженными симпатіями за свою отзывчивость, терпимость и преданность широко понимаемому общественному служенію. Двумя словами охарактеризовалъ новый министръ программу своей дѣятельности. Она будетъ построена на *доверіи къ обществу*. И все ожило, встрепенулось. Земства и города, все, что есть мыслящаго у насъ, поспѣшило выразить свое отрадное чувство, привѣтствовать нарождающуюся широкую самодѣятельность, которая возродитъ русскую застоявшуюся жизнь. И мы, евреи, почувствовали облегченіе отъ этихъ многозна-

чительныхъ словъ. Новыя надежды пробудились въ пяти милліонахъ русскихъ евреевъ отъ опубликованныхъ въ газетахъ частныхъ бесѣдъ князя, гдѣ онъ ясно формулировалъ необходимость облегченія нашего положенія въ духѣ справедливости. Какъ будто лучъ свѣта прорѣзалъ осеннія свинцовыя тучи, которыя безъ конца, казалось, залегли надъ нами. Мы робко, подобно вѣчнымъ жителямъ подземелья, вглядывались въ этотъ лучъ, не смѣя вѣрить и боясь невиданнаго чуда... И вдругъ этотъ неслыханный ураганъ погромовъ... Смѣшалось все: и свѣтлыя и черныя краски, голоса ликоваій слились съ плачемъ обездоленныхъ, разгромленныхъ. Лучъ же горитъ надъ нами. Мы хотимъ вѣрить, что онъ не потухнетъ, что настала пора переоцѣнки бесполезныхъ и губительныхъ правовыхъ ограниченій, которымъ подвергались русскіе евреи. Мы вѣримъ, что этотъ лучъ—не миражъ большого воображенія... Это поддерживаетъ насъ въ грустныя минуты современности.

Но мы знаемъ въ то же время, знаемъ изъ широкаго опыта, что наши страданія вызываются не одними правовыми ограниченіями, но въ равной степени антипатіей къ бездомному чужаку. Никакимъ добрымъ намѣреніямъ власть имущихъ, никакимъ усиліямъ общественной автономіи не удастся, какъ не удалось на западѣ, подавить этой антипатіи. Не будетъ погромовъ, не будетъ стѣсненій учиться и занимать государственныя должности, не будетъ злополучной «черты», но останется пренебреженіе къ «жиду», которое стократно тягостнѣе для тѣхъ, кто испыталъ сладость равноправія, кто изъ зачумленнаго парія обратился въ признаваемаго законами свободнаго гражданина.

Путь нашъ единъ! Онъ ведетъ къ нашему самобытному возрожденію. Всѣ терніи на этомъ пути должны только закалить нашу энергію. Погромъ для насъ—это жестокій бичъ, который подгоняетъ лѣнливыхъ, заставляетъ образумиться безпечныхъ, клеймитъ позоромъ глухихъ къ народному спасенію. *Наше дѣло—исходъ.* Это не бѣгство трусливыхъ, бросающихся въ беспорядкѣ, куда глаза глядятъ, попадающихъ изъ огня да въ полымя. Тысячи такихъ бѣглецовъ передъ нами; число ихъ растетъ съ каждымъ годомъ, съ каждымъ взрывомъ племенной ненависти. Сколько ихъ гибнетъ, не достигнувъ цѣли! Сколько ихъ не находятъ желаннаго пріюта! Не бѣгство—наше дѣло, но завоеваніе нашихъ національныхъ правъ народными усиліями на нашей собственной землѣ, завоеваніе сомкнутыми рядами борцовъ за величайшую идею міра—народную свободу!

Невинныя жертвы искупленія за нашу историческую апатію зываютъ къ намъ. Бодрѣй же за дѣло!

Бенъ-Гилель.

Приводимъ изъ газетъ наиболѣе важныя корреспонденціи о погромахъ.

«Сѣверо-Запад. Край» сообщаетъ слѣдующія подробности о могилевскихъ беспорядкахъ (изъ «Мог. Губ. Вѣд.»).

Мобилизація была объявлена въ пятницу вечеромъ. Въ 4 часа дня на Шкловской ул. появилась толпа буяновъ, нападавшая на евреевъ съ крикомъ: „Бей жидовъ“. Впереди шли подростки, за ними—взрослые, среди нихъ и запасные. Набрасываясь на всѣхъ встрѣчныхъ евреевъ съ крикомъ „ура“, они, между прочимъ, окружили мальчика, лѣтъ 16, и стали его бить; городской толкнулъ его въ ближайшія ворота. Съ Садовой буяны, вооруженные палками и камнями, устремились на Виленскую, гдѣ начали бить стекла и высаживать рамы. Одинъ изъ громилъ забѣжалъ къ сапожнику, тотъ защищаясь, ударилъ его напильникомъ. Раненаго свезли въ больницу, сапожникъ же скрылся, и вмѣсто него арестовали его отца. Ужасная паника произошла на бульварѣ, когда громилы бросились съ криками „ура“, палками нещадно избивая гулявшихъ евреевъ; толпа кинулась къ выходу, давя и опрокидывая другъ друга. Магазины въ этотъ вечеръ не открывались. Охваченные ужасомъ евреи избѣгали показываться на улицу.

На слѣдующій день, съ 11 часовъ утра, опять появилась по Садовой улицѣ толпа. Нѣсколько человекъ ворвались въ ремонтирующееся зданіе почты и стало бросать камни въ работавшихъ тамъ евреевъ столяровъ. Затѣмъ толпа отправилась на Добровенку, гдѣ начался уже настоящій погромъ: врываются въ дворы, въ квартиры, разбивали имущество, били евреевъ и съ угрозами требовали денегъ. Одновременно вторая партія громилъ „работала“ на Быховскомъ рынкѣ, разбивая лавки, грабя и уничтожая товаръ. Другія партіи безчинствовали на Шкловской, на Сѣвннй ул. и въ другихъ мѣстахъ. Ночь вечеръ былъ вызванъ патруль, но громилы спокойно и увѣренно продолжали свое дѣло. Говорятъ, что тяжело ранили женщину, которая затѣмъ въ больницѣ скончалась. Мальчикъ, защищавшійся съ револьверомъ въ рукахъ, убитъ изъ этого же револьвера. На Шкловской громилы начали разбивать магазинъ Колецкаго. У магазина Штейна стоялъ солдатъ съ ружьемъ. Нападали и на профѣзжавшихъ евреевъ. Одного актера, профѣзжавшаго на извозчикѣ, ранили камнемъ.

„Опасно было даже уѣзжать изъ города, да и трудно было за невозможностью найти извозчика. На вокзалѣ I класса босяки приставали къ евреямъ, нахально требуя денегъ“.

Тѣ же беспорядки ярко характеризуетъ письмо «Пострадавшаго» въ «Новостяхъ»:

„Не откажите, ради возстановленія поруганныхъ и погранныхъ правъ человека, дать мѣсто нижеслѣдующимъ строкамъ, дабы я хоть этимъ имѣлъ возможность облегчить нравственные муки, пережитыя и теперь еще переживаемыя мною.“

Получивъ экстренный вызовъ къ большой матери, я, съ разрѣшенія университетскаго начальства, немедленно отправился домой въ Могилевъ губ., куда я, вмѣстѣ со встрѣтившимся со мною въ дорогѣ братомъ, и прѣхалъ въ воскресенье, 10-го октября, около 9 часовъ вечера.

Выйдя съ вокзала, мы не нашли у него почти ни одного извозчика. За мѣтивъ знакомаго, я обратился къ нему съ вопросомъ о причинѣ отсутствія извозчиковъ, и онъ сообщалъ мнѣ, что въ городѣ уже двое сутокъ происходитъ разгромъ еврейскаго имущества. Однако, находившіеся здѣсь станціонные жандармы увѣряли меня, что въ городѣ ничего особеннаго не произошло и жизнь течетъ обычнымъ, мирнымъ путемъ. Успокоенный ихъ словами, я оставилъ багажъ на вокзалѣ и, въ сопровожденіи брата, пѣшкомъ отправился домой, не предчувствуя никакой бѣды. Но не успѣли мы пройти сто шаговъ отъ вокзала, какъ были окружены большой толпой, которая съ гиканьемъ и дикими криками накинулась на насъ. Не пригрозенные къ такому нападению, мы, конечно, растерялись и не поняли ея требованій; но затѣмъ среди шума и гама мы стали ясно различать возгласы: „Бей жидовъ, бей жиды-студента!“—и вслѣдъ затѣмъ надо мною засверкалъ ножъ. Тутъ только мы поняли всю опасность положенія и попы-

тались искать спасения въ бѣгствѣ. Быстро повернувшись и толкнувъ одного изъ злодѣевъ, мы мигомъ бросились обратно по направленію къ вокзалу, преслѣдуемые толпой громилъ. Возбужденные своей неудачей, они неотступно слѣдовали за нами и уже настигали насъ, а къ нашему ужасу на наши крики никто не являлся. Только когда мы, почти совершенно обезсиленные, чуть не упали на ступеняхъ вокзала, навстрѣчу къ намъ выбѣжали жандармы. Замѣчательно, что и на этотъ разъ они стали успокаивать насъ, увѣряя, что на вокзалѣ мы будемъ въ совершенной безопасности. Но я скептически отнесся къ ихъ увѣреніямъ, помня ихъ недавнее утверждение, что въ городѣ все спокойно.

Не видя исхода, я обратился къ содѣйствію начальника станціи, прося разрѣшенія переночевать на вокзалѣ или уѣхать съ ухажившимъ товарищемъ поѣздомъ. Но и на то, и на другое получилъ рѣзкій отказъ. Казалось, что мнѣ съ братомъ остается броситься на улицы въ руки нашихъ преслѣдователей. До одиннадцати часовъ ночи оставались мы на вокзалѣ, пока сжалившіяся надъ нами жандармы не вызвали по телефону извозчика, но мы, все-таки, не могли спокойно рѣшиться уѣхать, такъ какъ буяны, среди которыхъ я замѣтилъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, поджидали насъ.

Замѣтивъ грозившую намъ опасность, жандармы, наконецъ, вызвали помочь намъ и любезно проводили насъ до дому. Проѣзжая на извозчикѣ, я всюду замѣчалъ злобные взгляды и слышалъ угрозы словомъ, я понималъ, что только случайная случайность спасла насъ отъ неминуемой смерти, я видѣлъ, что только присутствіе жандарма удерживаетъ негодяевъ отъ расправы надъ нами.

По всему нашему пути (а проѣзжать пришлось большую часть города) намъ представлялась ужасная картина полного разрушенія, слѣды только что произведеннаго разгрома. Рамы съ выбитыми стеклами, выбитыя двери, остатки разгромленнаго имущества краснорѣчиво говорили о происшедшемъ...

Подѣхавъ къ дому, мы увидѣли слѣдующую картину: ворота были заперты и заколочены, кругомъ ни живой души. На нашъ стукъ въ ворота намъ не сразу отвѣтили. Только тогда, когда наши голоса были узнаны, насъ пустили, но тотчасъ вновь крѣпко-на-крѣпко заперлись.

Во дворѣ всѣ наши, не исключая старика-отца и больной матери, бодрствовали и со слезами сообщали мнѣ, что они съ минуты на минуту ждутъ нападенія правильно организованныхъ шаекъ громилъ, разграбившихъ и разнесшихъ уже весь Быховскій и Шкловскій базары, Краснопольскій переулочекъ, Дубровенку, Дебри, словомъ - весь городъ.

Всю ночь просидѣли мы во дворѣ въ ожиданіи прихода непрошенныхъ гостей.

Такъ провели мы слѣдующій день и слѣдующую ночь; съ тѣхъ поръ потянулись для насъ все такіе же мучительные дни и трепетныя ночи.

Замерла вся наша общественная жизнь. Лавки, уцѣлѣвшія отъ разгрома, закрыты по настоящее время. Буйства не прекращаются. Словомъ, мы въ большой опасности.

Необходима экстренная помощь.

Все видѣнное и испытанное мною, плачь избитыхъ обывателей, лишенныхъ своего имущества и даже скарба, издѣвательство толпы надъ евреями такъ подѣйствовали на меня, что я еще и теперь не могу опомниться: мнѣ все мерещится преслѣдованіе разбушевавшейся толпы, никѣмъ почти не сдерживаемой...

Изъ Смоленска пишутъ «Новостямъ»:

„12-го октября толпа буяновъ изъ призванныхъ запасныхъ нижнихъ чиновъ стала громить толкучія лавки, принадлежащія евреямъ. Съ толкучаго рынка часть, толпа человекъ въ 200, ворвалась во дворъ т-ва Розенблюмъ и Элькинды и направилась прямо въ контору. Такъ какъ дверь конторы была крѣпко заперта, толпа стала кидать въ окна камни, палки, а затѣмъ ворвалась въ контору, гдѣ стала требовать денегъ. Громили успѣли ограбить еще нѣсколько домовъ и много еврейскихъ лавочекъ, а также избивали евреевъ, встрѣчавшихся на улицахъ и ѣхавшихъ на извозчикахъ и въ вагонахъ трамвая. Мѣстное еврейское населеніе переживаетъ страшную панику.“

Изъ Александріи (Херсонской губ.) пишутъ «Юристу»:

6 сентября 1904 года евреи проводили весь день въ синагогѣ въ постѣ и молитвѣ по случаю Суднаго дня. Въ это время не могло быть никакихъ „поводовъ“

къ погрому, а между тѣмъ надъ еврейскимъ населеніемъ г. Александріи, Херсонской губерніи, разразилось страшное несчастье: толпа мѣстныхъ хулигановъ, подкрѣпленная немногими изъ числа мобилизуемыхъ запасныхъ чиновъ, бросилась громить еврейскіе магазины и лавочки. Въ теченіе одного часа разгромлено было болѣе десятка лавокъ и здѣсь можно было наблюдать интересныя превращенія: на головахъ у бабъ оказывались новые платки, на ногахъ новые башмаки, мужчины облачались въ новые сапоги и поддевки; нѣкоторые громилы и любители чужой собственности уносили изъ магазиновъ цѣлыя узлы, которые тутъ же нагружали на подводы и спѣшно увозила. Происходитъ среди бѣла дня грабежъ на глазахъ у всѣхъ. Свистъ и гиканье полусотни громилъ потрясали воздухъ; вся же остальная толпа спокойно, безъ всякаго шума и крика забирала товары изъ еврейскихъ магазиновъ. Жертвы грабежа не вызывали въ ней никакого озлобленія. Ихъ лишь обирали. Попутно громиламъ попалась синагога и здѣсь случилось нѣчто ужасное; говорить, что какіе-то выстрѣлы возбудили толпу и она ворвалась въ синагогу. Тутъ пошло избіеніе молящихся. Болѣе двухъ десятковъ евреевъ изувѣчены, изъ нихъ одинъ уже умеръ. Въ эту ужасную минуту явился на помощь евреямъ священникъ о. Алексѣй Александровичъ. Онъ вышелъ на площадь съ хоругвями и началъ служить молебенъ подъ открытымъ небомъ. Этими оны приостановилъ на время погромъ.

По окончаніи службы погромъ возобновился и обрушился главнымъ образомъ на богатые магазины. Опять челоуѣкъ 50 принялось громить и грабить, а многотысячная толпа уносила и увозила награбленное.

Ночью громилы приостановили свою „работу“, а на слѣдующій день погромъ былъ прекращенъ прибывшей сотней казаковъ. Въ то время, когда въ г. Александріи происходили описанныя событія, другая толпа съ такимъ же остервененіемъ грабила въ 20 верстахъ экономію г-жи Кноррингъ. И тутъ также грабили и избивали. Родственниковъ владѣлицы экономіи, г. Е., раненъ въ голову.

Ужасна своимъ лаконизмомъ телеграмма, полученная «Восходомъ» изъ м. Богуслава (Кіевской губ.): «Погромъ въ полномъ разгарѣ».

Изъ Горокъ (Могилевск. губ.) пишутъ «Восходу»:

Погромъ начался 11 октября съ грабежа лавокъ и возобновился съ особенной силой 13 октября. Опустошены всѣ лавки въ центральной части. Число потерѣвшихъ около 50, на сумму до 50 тыс. рублей. Извѣстіе о высылкѣ губернатора удержало войскъ изъ Смоленска, полученное только въ четвергъ 15 октября, удержало громилъ отъ дальнѣйшихъ безчинствъ и буйствъ. Надо отдать все-таки справедливость горецкому исправнику г. Понтовскому и его помощнику Гадкевичу. Гдѣ только можно было, они оказывали свое воздѣйствіе на громилъ и добивались своимъ авторитетомъ восстановленія порядка. Въ критическую минуту, въ понедѣльникъ, 11 октября, исправникъ сдѣлалъ попытку разогнать толпу пожарной тревогой, но это ему не удалось и онъ прибѣгъ къ выстрѣламъ изъ револьвера, рискуя быть растерзаннымъ толпой. Но всѣ эти усилія единственныхъ представителей власти не спасли отъ гори и печали раззоренное еврейское населеніе г. Горки.

Изъ Мстислава (Могил. губ.) пишутъ «Новостямъ»:

13 октября с. г. оказалось роковымъ для мстиславскихъ евреевъ. Въ этотъ день разнузданной, озвѣрѣлой толпой крестьянъ и городскихъ мѣщанъ разбиты и опустошены 22 магазина. 1 пивной складъ и много базарныхъ лотковъ. Зажиточные и богатые люди вдругъ превратились въ бѣдняковъ, а люди, и безъ того влчавшіе жалкое существованіе, лишены послѣдняго куска хлѣба.

Втеченіе трехъ предшествовавшихъ дней въ городѣ собралось до двухъ тысячъ запасныхъ чиновъ, а вмѣстѣ съ ними притекла масса провожавшихъ и разнаго другого люда. Орава эта запрудила городъ, безцѣльно слояясь по улицамъ, пока воинская канцелярія приводила въ порядокъ свои работы. 11-го октября уже появились симшты угрожавшей катастрофы. Съ утра огромная толпа обступила запертую по распоряженію властей центральную винную лавку съ требованіемъ водки и, получивъ отказъ, грозила разнести ее. Полиція убѣдила толпу подождать часъ, до испрошенія инструкцій у начальника губерніи. Нако-

нецъ, винная лавка была открыта на два часа. На слѣдующій день винная лавке по требованію толпы, была снова открыта и возбуждающая влага бойко расходилась. Съ утра толпа еще держала себя спокойно, но среди дня начала въ одиночку забирать покупки въ лавкахъ, не платя, а къ вечеру уже пыталась ломать замки. Въ толпѣ сновали алчущіе пожилы подстрекатели, возбуждавшіе народъ къ беспорядкамъ, но въ этотъ день беспорядковъ не было. Въ день катастрофы съ 6 часовъ утра толпа окружила винную лавку и съ этого момента до глубокой ночи шесть человѣкъ едва успѣвали подавать водку. Бутылки буквально вырвали изъ рукъ. Тѣмъ временемъ, толпа, успѣвшая запастись водкою, ринулась къ еврейскимъ лавкамъ, и началась расправа. Шкворни и другія орудія загрѣбли о лавочные затворы, замки разлетѣлись въ дребезги. Остервенѣлая толпа вихремъ носилась отъ лавки къ лавкѣ, сопровождая неистовымъ „ура“ разгромъ имущества и товаровъ. Ликование грабителей, вопли разоряемыхъ, мечущихся изъ стороны въ сторону въ тщетныхъ поискахъ защиты, представляли ужасную картину. Группы громады разсыпались по домамъ съ требованіемъ денегъ. Буйство продолжалось до глубокой ночи и подъ покровомъ темноты награбленное добро увозилось на телегахъ. На слѣдующій день ожидали возобновленія беспорядковъ, но уже съ утра запасные чины, снабженные ружьями, оказались разставленными у уцѣлѣвшихъ обывательскихъ лавокъ и винной лавки. Смѣшно и грустно было видѣть вчерашнихъ раззорителей въ роли защитниковъ. Такъ или иначе, спокойствіе было, наконецъ, восстановлено, и произведенными обысками въ городѣ и окрестностяхъ найдено не мало похищеннаго имущества потерпѣвшихъ.

Той же газетѣ пишутъ изъ Старо-Быхова:

За нѣсколько дней до прибытія запасныхъ нижнихъ чиновъ по городу стали циркулировать слухи, что будутъ беспорядки, но, въ виду увѣренія мѣстнаго исправника въ неосновательности этихъ слуховъ, мѣстное населеніе не придавало имъ особеннаго значенія.

10-го октября, съ прибытіемъ въ городъ запасныхъ, нѣкоторые призывные стали ходить, вмѣстѣ съ запасными, по домамъ, требуя отъ домовладѣльцевъ денегъ и угрожая въ противномъ случаѣ побоями. Не довольствуясь полученными деньгами, они въ ночь съ 11-го на 12-е октября стали разбивать въ нѣкоторыхъ домахъ окна и разграбили нѣсколько мелочныхъ лавочекъ и булочную.

На другой день, 12-го октября, въ 4 ч. пополудни, толпа стала разбивать окна домовъ, что и послужило сигналомъ къ сбору многихъ запасныхъ чиновъ, которые подъ предводительствомъ нѣсколькихъ лицъ, начали разбивать двери лавокъ и грабить и уничтожать находившіеся въ лавкахъ товары. Странія мѣстнаго исправника предотвратить дальнѣйшіе беспорядки оказались безуспѣшными: бушевавшая толпа сознавала безпомощность исправника, въ распоряженіи котораго имѣется всего десятокъ городовыхъ. Бывшіе здѣсь въ распоряженіи воинскаго начальника, для прохода запасныхъ, около 75 солдатъ, могли по общему мнѣнію, оказать существенную пользу, такъ какъ одного появленія ихъ было-бы достаточно для того, чтобы разсѣять толпу. Но, увы, ходатайство исправника и обывателей передъ воинскимъ начальникомъ о присылкѣ войска не увѣнчались успѣхомъ.

Убытки еще не приведены въ извѣстность, но они достигаютъ приблизительно суммы въ *десяти тысячъ* рублей.

Только на слѣдующій день послѣ погрома, по вызову губернатора, прибыли къ намъ изъ сосѣдняго Рогачева двѣ роты. Приѣхали также слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ съ товарищемъ прокурора, которые и производятъ слѣдствіе.

Изъ Минска:

Бывшіе въ могилевской губерніи крупныя антиеврейскіе беспорядки посядали сильную панику среди нашего еврейскаго населенія. Ежедневно сюда прѣзжаютъ десятки, сотни могилевскихъ, быховскихъ, смоленскихъ обывателей, ищущихъ временнаго пріюта вдали отъ своего родного уголка. Между тѣмъ, спокойствіе наше довольно относительное; не проходитъ почти дня, чтобы запасные, прѣзжающіе черезъ станцію Минскъ московско-брестской и либаво-роменской дорогъ, не натворили у насъ кѣжихъ-либо бѣдъ. Уже болѣе недѣли большинство лавочекъ, ютящихся около вокзаловъ, закрыты. Запасные разгромили

трактирное заведение около виленскаго вокзала и турецкую булочную, расхитивъ всё находившіяся тамъ товары. Около брестскаго вокзала запасные оставили еще большіе слѣды своего шествія; здѣсь рабито до 10 бакалейныхъ, колбасныхъ и другихъ лавокъ. Попутно, запасные бьютъ встрѣчающихся имъ на пути прохожихъ, пассажировъ и кого попало.

Изъ сосѣднихъ станцій также доходятъ печальныя вѣсти о томъ, какъ «куражатся» запасные. Такъ, на ст. Ратомка, лѣт.-ром. ж. д., они разгромили монопольную лавку и расхитили кассу. На ст. Негорѣвое, моск.-бр. ж. д., разгромили корчму. И все это дѣлается за 5—10 минутъ стоянки поѣзда.

Дѣйствительно (по словамъ А. С.—на) «куражатся!» Но, увы, какъ тяжело отражаются эти дневные грабежи на обывательскихъ плечахъ и карманѣ...

Такова мрачная лѣтопись переживаемыхъ нами дней. И въ это тревожное время не смолкаютъ голоса газетныхъ вампировъ, пытающихся оправдать насиліе надъ человѣкомъ, пытающихся задержать разрѣшеніе назрѣвшихъ въ русской жизни вопросовъ въ духѣ справедливости и прогресса. Блестящую отвѣдь имъ даетъ кн. С. Трубецкой въ «Русск. Вѣд».

Полемицировать съ сикофантами представляется невозможнымъ. Есть морскія животныя, которая ограждаютъ себя отъ всякаго преслѣдованія, окружая себя такою грязною и смрадною жидкостью, что самый небрегливый противникъ останавливается. Но всему есть предѣлъ и всему время. Четверть вѣка свободно, безпрепятственно говорили одни гаеры слова, доносяки и юродивые; и вотъ теперь, когда честнымъ, независимымъ русскимъ людямъ открывается пока еще маленькая возможность высказаться, вся та нечисть, которая гнѣздилась въ нашей печати и плодилась въ ней въ отсутствіи свѣта и воздуха, законопоязась въ испугѣ. Вѣрныя традиціямъ, «Московскія Вѣдомости» кричатъ свое «слово и дѣло» въ тоскѣ по Бирону, который-бы ихъ услышалъ...

Политическіе проходимцы и наушники, которые четверть вѣка эксплуатировали и подрывали русскій патриотизмъ, смѣютъ произносить слово „измѣна“, говоря о честныхъ и порядочныхъ русскихъ людяхъ, клеветать на общественныхъ дѣятелей, имена которыхъ и враги произносятъ съ уваженіемъ. Люди, которые подъ предлогомъ охраненія „основъ“ умѣютъ писать только доносы, смѣютъ выдавать себя за вѣрныхъ слугъ Престола. Они, всю жизнь проповѣдывавшіе систематическое отрицаніе права, стремившіеся замѣнить власть произволомъ и законъ — самовластіемъ кромѣшниковъ, смѣютъ называть измѣнниками истинно-русскихъ людей, которые вѣрятъ, что Престоль долженъ быть „славеи, великѣ и силенъ“ не въ разрушенія, а въ созиданіи, не въ угнетеніи народно-общественныхъ силъ, а въ живомъ и дѣйствительномъ общеніи, единеніи, сближеніи съ землей; смѣютъ обвинять въ измѣнѣ людей, которые не хотятъ допустить, чтобы изъ основнаго закона Имперіи дѣлали орудіе полицейскаго абсолютизма, враждебнаго личности и обществу, праву, просвѣщенію и культурѣ.

Четверть вѣка организованнаго, систематическаго провокаторства, систематическаго надругательства надъ русскимъ обществомъ не остались безъ слѣда, воспитывая чувства ненависти и злобы; и вотъ теперь провокаторы, видя смуту посягнутую ими, обвиняютъ въ „разрушеніи молодежи“ людей, отдавшихъ жизнь служенію академическимъ идеаламъ.

„Ложь, возмутительная ложь, мы обличили ложь“, — кричатъ они. — Въ чемъ ложь и какую ложь вы обличили? — „У насъ двадцать лѣтъ не было „дортуара въ участкѣ“, и кто утверждаетъ противное, тотъ — союзникъ японцевъ. Все-властная бюрократія не проглядѣла японской опасности и ни за какіе „сюрпризы“ отвѣтственности возлагать на нее нельзя, — виноваты во всемъ японцы, и кто утверждаетъ противное, тотъ жетъ и ставитъ мины нашему государственному кораблю. Мы никогда не мѣшали независимымъ общественнымъ дѣятелямъ свободно высказывать свое мнѣніе, не видѣли нарушенія общественной безопасности въ попыткѣ сказать члѣовчское слово, не кричали: „Молчать! Лежать смиренно!“, когда поднимался голосъ, не дѣвшій съ нами въ униссонъ. Тотъ кто изображаетъ насъ баши-базуками, — измѣнникъ отечеству!“

И чтобы окончательно доказать свою „истину“, „Московскія Вѣдомости“ требуютъ чтобы „кѣвскаго профессора“ заставили замолчать, чтобы отъ него

оградили „беззащитное“ общество и несчастную молодежь. Они приглашают его в томъ самый „дортуаръ“ существованіе котораго они отрицаютъ. Этого жаль. — они взываютъ къ „новому адмиралу Рождественскому“, который уничтожилъ-бы въ лицѣ „профессора“ союзника японцевъ...

И всѣ эти безумныя вещи говорятся въ такое серьезное, ответственное время... Довольно!.. Опомнитесь, господа!.. „Встаньте! Суда итеть!“.

По ироніи судьбы въ одно время съ эпидеміей еврейскихъ погромовъ начались слушаніемъ дѣло о прошлгоднихъ беспорядкахъ въ Гомелѣ. Слушается оно въ засѣданіи особаго присутствія Кіевской судебной палаты съ сословными представителями.

Предсѣдательствуетъ Котляревскій, обвиняетъ Рыжовъ.

Обвиняемыхъ 44 русскихъ и 36 евреевъ, одинъ изъ подсудимыхъ не явился, и дѣло о немъ выдѣлено

(свидѣтелей вызвано по дѣлу 1,100, изъ нихъ не явилось 130. Многіе эмигрировали. Нѣкоторые свидѣтели — офицеры теперь на Дальнемъ Востоке). Палата поставила признать неавку законной и предоставила сторонамъ право требовать оглашенія всѣхъ показаній неявившихся свидѣтелей.

Защищаютъ обвиняемыхъ евреевъ присяжные повѣренные: Соколовъ, Кроль и Ганфманъ — изъ Петербурга; Мандельштамъ и Кальмановичъ — изъ Москвы. Куперникъ и Ратнеръ — изъ Кіева. Отдѣльныхъ подсудимыхъ защищаютъ: Слезингера — Л. А. Базуновъ изъ Петербурга и Ельяшевъ изъ Гомеля; Добкина — Зарудный. Русскихъ подсудимыхъ защищаютъ: Метакса — изъ Москвы, Брикенъ — изъ Гомеля. Гражданскіе истцы со стороны евреевъ: прис. пов. Винаверъ, Зарудный и Слизбергъ.

Вскорѣ послѣ кишиневскаго погрома, говорится въ обвинительномъ актѣ, еврейское населеніе, всюду, въ особенности въ городскихъ центрахъ, стало запасаться оружіемъ и организовывать кружки самообороны на случай возникновенія противоеврейскихъ беспорядковъ.

Гомель, представляющій собою крупный еврейскій центръ, не остался чуждъ этому движенію и помимо слуховъ о томъ, что всѣ евреи вооружились, что у нихъ имѣются склады оружія, еще весной 1903 года нѣкоторые изъ гомельскихъ обывателей въ пригородной мѣстности по рѣкѣ Сожу имѣли возможность наблюдать цѣлыя ученія еврейскаго молодежи, на которыхъ собирались человекъ до ста участниковъ и упражнялись въ стрѣльбѣ изъ револьверовъ, при чемъ пѣли возбуждающія пѣсни, вроде „время пришло, про христіанъ, про собакъ припасемъ мы дубинушки“.

Поголовное вооруженіе, съ одной стороны, сознание своего численнаго превосходства, своей организованной сплоченности, съ другой, — подняло духъ еврейства настолько, что среди молодежи стали говорить уже не о самозащитѣ, а о необходимости отомстить за кишиневскій погромъ.

Евреи города Гомеля, всегда и раньше враждебно настроенные противъ христіанъ, въ послѣднее время стали держать себя не только надменно, но и прямо вызывающе: случаи оскорбленія крестьянъ и рабочихъ какъ на словахъ, такъ и дѣйствіемъ стали повторяться все чаще и чаще и даже по отношенію къ интеллигентной части русскаго общества евреи старались всячески подчеркивать свое презрительное отношеніе, заставляя, напримѣръ, сворачивать съ тротуаровъ даже военныхъ, а въ магазинахъ стали наблюдаться случаи дерзкаго отношенія къ покупателямъ-христіанамъ.

Въ связи съ этимъ по г. Гомелю стали ходить слухи, что евреи собираются бить русскихъ, а полицейской властью еще въ началѣ августа 1903 года получены были свѣдѣнія, что въ городѣ ожидаются какія-то „важныя событія“.

Событія эти неожиданно наступили Гомелѣ 29-го августа по совершенно казалось бы ничтожному поводу.

Въ этотъ день, въ 5-мъ часу пополудни на базарѣ, изъ-за расчета при покупкѣ селедокъ, произошла ссора между дѣвятиковъ экономія Паскевича Семеновъ Шалыковымъ и торговкой — Элькой Малицкой. Послѣ взаимной перебранки Малицкая плюнула Шалыкову въ лицо, и ссора перешла въ драку. На Шалыкова тотчасъ же набросились нѣсколько человекъ евреевъ, свалили его на землю и принялись бить чѣмъ попало. Человѣкъ десять крестьянъ, бывшихъ тутъ же на

базаръ, побуждаемые жалостью къ избиваемому, хотѣли вступить за Шалыкова но тотчас же раздались особые условные свистки евреевъ, вооруженныхъ палками, которые избili крестьянъ и прогнали ихъ съ базара.

Собственно этимъ случаемъ на базарѣ и кончился; городской Дробышевскій и пожарный служитель Борисенковъ, придя туда на шумъ драки уже не застали; у рыбныхъ рядовъ стояло человѣкъ 50 евреевъ, а вдали нѣскольکو крестьянъ и между ними окровавленный дѣсникъ Шалыковъ, котораго городской Дробышевскій намѣревался отвести въ полицію. Но, очевидно, тревожные сигнальные свистки, первоначальне поданные евреями при возникновеніи драки, сдѣлали свое условное дѣло и моментально подняли на ноги все еврейское населеніе города. Всѣ магазины и лавки были немедленно, какъ бы по приказу, заперты, и отовсюду на базаръ стали сбѣгаться и даже съжматься на извозчикахъ вооруженные чѣмъ попало евреи. Очень быстро на Базарной улицѣ образовалась огромная толпа евреевъ и заполнила собой весь, такъ называемый, Гостиный дворъ. Всѣ прилегающія къ базару улицы такъ же были заперужены евреями, вооруженными камнями, палками, шкворнями, молотками, спеціально пригтовленными кистеями, даже просто желѣзными полосами. Отовсюду раздавались крики: «евреи! на базаръ! русскій погромъ!» и вся эта масса, разбившись на группы, бросилась избивать убѣгавшихъ отъ нихъ крестьянъ, которыхъ тогда, благодаря базарному дню, было много на улицахъ города. Побросавъ покупки, крестьяне—кто успѣлъ—вскочили на свои подводы и спѣшно стали выѣзжать изъ города, пресѣдуемые озлобленной еврейской толпою, наносившей удары, не разбирая ни пола, ни возраста. Очевидцы свидѣтельствуютъ, что, настигая русскихъ, евреи были ихъ нещадно, били стариковъ, били женщинъ и даже дѣтей. Одну дѣвочку, напримѣръ, стащили съ подводы и, схвативъ за волосы, волочили по мостовой, такъ, что у нея слѣзая кожа на лицѣ. Одного крестьянина, за которымъ гналась толпа вооруженныхъ евреевъ, первый изъ настигшихъ такъ сильно ударилъ коломъ по головѣ, что тотъ, обливаясь кровью, упалъ на землю, а колъ преломился, и кусокъ его попалъ въ одного изъ тутъ-же стоявшихъ двухъ городскихъ. Разогнавъ толпу съ оружіемъ въ рукахъ, городовые подошли къ избитому крестьянину, который только хрипѣлъ и подавалъ слабые признаки жизни. Намѣреваясь отвезти его въ больницу, полицейскіе пошли за извозчикомъ и когда пріѣхали къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ избитый, то тамъ его уже не нашли; на мостовой была только огромная лужа крови, а раненаго не оказалось, хотя, по убѣжденію очевидцевъ, самъ онъ подняться и уйти ни въ коемъ случаѣ не могъ.

Недалеко отъ этого мѣста возлѣ, такъ называемаго, Обжорнаго ряда, собралась огромная толпа евреевъ, изъ которой раздавались угрожающіе крики: „Мы отомстимъ! Это вамъ не Кишиневъ!“ Поодаль отъ этой толпы остановился поглядѣть крестьянинъ Федоръ Сидковъ, посланный за покупками своимъ хозяиномъ. Сидковъ вѣлъ булку и наблюдалъ за происходившимъ. Въ это время пробѣгавшій сзади него еврей поднялъ руку и ножомъ или кинжаломъ нанесъ ему смертельный ударъ въ шею, послѣ чего скрылся въ толпѣ евреевъ. Раненый Сидковъ, зажимая ладонью рану, изъ которой фонтаномъ била кровь, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, но тутъ-же упалъ и вскорѣ скончался. Но Румянцевской улицѣ шелъ поручикъ Пенской, а навстрѣчу ему съ базара бѣжалъ еврей, за которымъ слышались крики: „Держи, убийцѣ!“ Пенскій бывшимъ при немъ чегыремъ нижнимъ чиномъ приказалъ задержать этого еврея, но всѣ они тотчасъ-же были окружены огромной толпой евреевъ, вооруженныхъ желѣзными прутьями и палками, угрожающе поднятыми вверхъ. На солдатъ посыпались камни, унтеръ-офицера Терехова ударили палкой, а изъ толпы послышались крики: „Бей офицера!“ Поручикъ Пенскій вынужденъ былъ отпустить задержаннаго еврея и самъ обнаживъ шашку, съ трудомъ избѣгъ побоевъ, благодаря заступничеству раввина Маянца и владѣльца сосѣдняго дома Рудзиевскаго, у котораго онъ съ сопровождавшими его нижними чинами и укрылся отъ разяренной толпы евреевъ. Тѣ изъ крестьянъ, которые не успѣли уѣхать изъ города, искали спасенія на пожарномъ дворѣ и въ усадьбѣ князя Паскевича, но и тамъ подверглись осадѣ со стороны тысячной толпы евреевъ, разбиравшихъ мостовую и бросавшихъ камнями въ осажденныхъ.

Чины полиціи, явившіеся къ мѣсту безпорядковъ, были встрѣчены со стороны евреевъ градомъ камней и револьверными выстрѣлами. Стрѣляли евреи не только изъ толпы, но даже изъ оконъ и съ балконовъ сосѣднихъ домовъ. Никакія

увещания не действовали, насилия над христианским населением продолжались почти до самого вечера и лишь съ прибытием воинской команды скопича евреи были разсыяны и беспорядки прекратились.

Беспорядки 29 августа, какъ это выяснилось впоследствии, безусловно имѣли характеръ „русскаго погрома“. Потерпѣвшими въ этотъ день были исключительно русскіе, изъ которыхъ, кромѣ убитаго Силкова, оказалось много раненыхъ и избитыхъ.

Всѣ вышеописанныя событія посеяли глубокое негодованіе въ христианской части населенія и въ связи съ этимъ вызвали увѣренность среди жителей г. Гомеля въ неизбежности еврейскаго погрома, каковыя опасенія не замедлили оправдаться. Совокупностью данныхъ, добытыхъ предварительнымъ слѣдствіемъ по дѣлу объ антиеврейскихъ беспорядкахъ въ г. Гомелѣ 1 сентября 1903 года, съ несомнѣнностью установлено что ближайшимъ поводомъ къ нимъ послужило избіеніе христианъ евреями 29 августа и что причины глубокаго антагонизма между христианскимъ и еврейскимъ населеніемъ кроются въ давно и прочно установившихся отношеніяхъ евреевъ къ православному населенію. Цѣлымъ рядомъ свидѣтельскихъ показаній отношенія эти были охарактеризованы „какъ „крайне враждебныя, наглыя и презрительныя“, а послѣ 29 августа радостное возбужденіе евреевъ, — все это, по мнѣнію допрошенныхъ при слѣдствіи жителей г. Гомеля, въ значительной степени способствовало накопленію враждебнаго къ евреямъ чувства, разрѣшившагося погромомъ 1 сентября 1903 года.

Междуплеменная вражда гомельскихъ обывателей, обостренная событіями 29 августа, породила въ городѣ массу тревожныхъ толковъ и вызвала слухи, что жезлзодорожные рабочіе обширныхъ мѣстныхъ мастерскихъ въ первый же будній день отступятъ евреямъ за учиненное ими избіеніе христианъ. Слухи эти дошли до полицейской власти, и потому 1 сентября 1903 года мѣстной полиціей приняты были мѣры къ предотвращенію столкновения между рабочими и евреями, для чего и вызвана была рота солдатъ расположеннаго въ Гомелѣ Абхазскаго полка, поставленная затѣмъ во дворѣ пріемнаго покоя близъ вокзала.

Въ 12 часовъ дня послѣ сигнальнаго гудка на обѣдъ рабочіе стали выходить изъ мастерскихъ и на мосту, ведущемъ въ городъ, ихъ собралась значительная толпа. Необычайно шумное поведеніе рабочихъ, какіе то возгласы и перекликанья указывали на возбужденное состояніе толпы, вслѣдствіе чего находившимся на вокзалѣ полиціймейстеромъ Раевскимъ немедленно было сдѣлано распоряженіе о вызовѣ стоявшей наготовѣ роты и недопущеніи толпы рабочихъ въ городъ. Это еще больше озлобило рабочихъ, кричавшихъ, что ихъ „изъ-за жидовъ не пускаютъ домой обѣдать“, а изъ толпы послышались ругательства по адресу полиціймейстера. Толпа рабочихъ, искусственно задержанная, увеличилась еще вновь прибывшими и сгруппировалась на площади передъ вокзаломъ, откуда двинулась на Замковую улицу. Среди общаго гула голосовъ слышались угрозы противъ евреевъ. Настроеніе толпы, какъ удостовѣряетъ полиціймейстеръ Раевскій, было мрачное и рѣшительное, всѣ увещанія его, обращенныя къ рабочимъ, съ просьбой разойтись по домамъ безъ учиненія насилій, оказались тщетными, и изъ толпы полетѣли камни въ окна ближайшихъ еврейскихъ домовъ. Въ то же время не бездѣйствовало и еврейское населеніе; по городу начали уже организовываться большія группы евреевъ и къ началу беспорядковъ огромная толпа ихъ собралась на Замковой улицѣ, отсюда издали стали бросать палками и камнями въ толпу рабочихъ. Полиціймейстеръ приставъ Бржезовскій съ патрулемъ солдатъ и нѣсколькими городовыми вытаскался предотвратитъ столкненіе евреевъ съ рабочими, но двумя брошенными изъ еврейской толпы кирпичами ему нанесены были настолько сильные удары въ спину, что онъ упалъ на землю и потерялъ сознаніе. Обстоятельство это послужило сигналомъ къ настоящему погрому. Толпа съ крикомъ: „жиды убили помощника пристава!“ принялась ожесточенно громить еврейскіе дома и лавки. Съ другой стороны наступали евреи, но подоспѣвшая рота разрѣзала толпу, раздавъ нѣсколько револьверныхъ выстрѣловъ, при чемъ одна изъ пуль пролетѣла надъ головой капитана Сергѣева, командовавшаго ротой, а брошеннымъ камнемъ раненъ былъ въ голову одинъ изъ нижнихъ чиновъ роты, выведенный подъ руки изъ строя. Раздѣливъ роту на двѣ части и построивъ ихъ одну фронтомъ противъ еврейской толпы, другую — противъ русскою, капитанъ Сергѣевъ командовалъ ваять „на руку“ и каждой части наступать на стоявшія противъ ихъ массы. Этимъ маневромъ удалось предотвратить кровопролитіе и разсыять обѣ враждующую

ния толпы. Русские рабочие разбрелись в разные стороны, еврейская же толпа отогнанная первоначально в глубь улицы, вновь начала формироваться еще в вокзалу. Не смотря на все убеждения офицера, что войска призваны охранять обе стороны, евреи продолжали бросать камни и стрелять из револьверов, осыпая бранью военных. Капитан Сергеев, видя бесплодность своих увещаний, обратился к бывшим на месте раввину Маянцу и доктору Залкиндю с просьбой уговорить евреев прекратить безчинства. Но и их обращение к толпе успеха не имело, и евреи продолжали неистовствовать; только после второй атаки с ружьями на перевес удалось прогнать эту толпу вглубь улицы.

Озабочиваясь подавлением беспорядков и главным образом недопущением громадь в центральную часть города, где расположены наиболее богатые еврейские магазины и дома, полицейская власть, вызвав для содействия еще несколько ротъ Абхазскаго полка, преградила доступъ въ центральныя части города и отгвснила пробиравшихся туда рабочихъ. Тогда толпа громадь, не будучи въ состояннн проникнуть въ центръ города, разсыпалась по окраинамъ и дошла до Конной площади, гдѣ къ ней присоединились крестьяне и чернорабочіе. Здѣсь на площади и на сосѣдней съ ней Технической улицѣ происходилъ разгромъ еврейскихъ жилищъ. Полицеймейстеръ обратился къ толпѣ съ увѣщаніемъ прекратить беспорядки, но оттуда во его адресу послышались брань и крики: „жидовскій батька, ты насъ продашь!“ и беспорядки не прекращались, послѣ чего полиціимейстеръ обратился къ командиру роты съ просьбой дѣйствовать оружіемъ. Командовавшій ротой капитанъ Архаровъ поцробовалъ прежде лично обратиться съ увѣщаніемъ къ толпѣ, но безуспѣшно. Убѣдившись, что слова не дѣйствуютъ, капитанъ Архаровъ скомандовалъ „ва руку“ и пошелъ на толпу. При видѣ склоненныхъ штыковъ толпа сейчасъ же бросилась въ разсыпную, часть ея отступила на Минскую улицу, а часть за полатно желѣзной дороги, продолжая по пути разгромъ еврейскихъ домовъ. Преслѣдуя эту вторую часть толпы, полиціимейстеръ неоднократно просилъ командира роты дѣйствовать оружіемъ, но здѣсь всякій разъ, какъ только офицеръ обращался къ толпѣ, рабочіе тотчасъ же прекращали беспорядки. Въ это время на Вѣтряной улицѣ сосредоточилась огромная толпа евреевъ, къ которой и бросились рабочіе, но удачнымъ маневромъ роты были отгвснены назадъ и кинулись въ предмѣстье „Америку“, гдѣ снова принялись громить еврейскія жилища. Никакія убѣждения прекратить беспорядки не дѣйствовали, и только послѣ залпа въ толпу громадь стали рзбѣгаться въ разныя стороны, оставивъ на мѣстѣ двухъ убитыхъ. Между тѣмъ еврейская толпа, стоявшая на Вѣтряной улицѣ, стала стрѣлять изъ револьверовъ по ротѣ, и тогда жервой шереигъ первого взвода приказано было дать залпъ по толпѣ евреевъ, послѣ чего толпа эта разсыпалась, оставивъ на мѣстѣ сного убитаго и нѣсколько раненыхъ. Около трехъ часовъ дня погромъ въ этой мѣстности былъ прекращенъ, но черезъ два часа возобновился въ предмѣстьѣ „Кавказъ“. Бѣжавшая оттуда въ городъ толпа человекъ въ 200 встрѣчена была полиціимейстеромъ и воинской командой подъ начальствомъ капитана Корнилова. Увѣщанія и предостереженія оказались бесплодными. Даже первый залпъ, данный въ землю, не остановилъ движенія толпы и только послѣ второго залпа, когда оказалось нѣсколько убитыхъ и раненыхъ, толпа стала расходиться, и большая часть ея выведена была за городъ.

Въ центрѣ города, благодаря еврейскимъ скопищамъ, державшимъ себя крайне вызывающе и оказывавшимъ сопротивление войскамъ и полиціи, въ 12 часовъ дня, сейчасъ же послѣ вокзальнаго гужка, евреи стали запирать свои магазины и собираться толпами на перекресткахъ центральныхъ улицъ. Также, какъ и 29-го августа все они были вооружены палками, камнями, специальными хлестенями, кусками желѣза, а многіе револьверами и кинжалами, стремясь прошвыгнуть къ мѣстамъ погрома и задерживаемые войсками и полиціей, они стрѣляли изъ револьверовъ въ воинскія части и осыпали ихъ градомъ камней. На шедшихъ въ одиночку русскихъ, не исключая и солдатъ они нападали съ оружіемъ въ рукахъ и многихъ избивали, а нѣкоторымъ причинили раны: такъ, въ рядового Статкевича, унтеръ-офицера Дзяковича и фельдфебеля Малышева стрѣляли изъ револьверовъ, рядовому Костерину и ефрейтору Костомову причинены были увѣщательныя раны; ночного сторожа Ковалевскаго ранили ножомъ въ спину, а крестьянину Емельяну Головневу и шведу Козлову причинены были смертельныя

колотыя раны. Козлову днем на Троицкой улицѣ ударъ нанесенъ былъ какимъ-то прилично одѣтымъ молодымъ евреемъ, а Головневъ былъ убитъ напавшими на него евреями въ то время, какъ онъ одинъ вечеромъ проходилъ по Могилевскому шоссе.

Съ другой стороны и участниками погрома причинены были смертельныя поврежденія жѣзвѣцамъ Мееру Давызову, Беркѣ Лейкину и Мордуху Кевешу.

Къ вечеру 1-го сентября толпы евреевъ и рабочихъ были разсѣяны, и безпорядки прекращены окончательно.

По выясненіи слѣдствіемъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла оказалось, что, кромѣ вышеупомянутыхъ пяти человекъ, умершихъ отъ ранъ и побоевъ, причиненныхъ участниками безпорядковъ, войсками при подавленіи таковыхъ убито четыре человека и ранено—восемь, при чемъ число пострадавшихъ распредѣлилось поровну между евреями и христіанами, а отъ погрома пострадало около 250 еврейскихъ торговыхъ и жилыхъ помѣщеній.

Изъ тѣхъ же данныхъ предварительнаго слѣдствія видно, что какъ при безпорядкахъ 29-го августа, такъ и при погромѣ 1-го сентября евреи дѣйствовали планомерно съ признаками извѣстной организаци. заранее выработанной; по условленнымъ тревожнымъ свисткамъ, они запирали свои дома и магазины, вооружались заранее приготовленными орудіями кто дома, кто изъ тайныхъ складовъ оружія и спѣшили въ опредѣленные мѣста, гдѣ ими руководили опредѣленные лица, по командѣ которыхъ толпа или шла впередъ, или оставалась и производила тѣ или другія дѣйствія.

Громадное большинство активно дѣйствовавшихъ массъ состояло исключительно изъ еврейской молодежи, многіе же изъ лицъ болѣе зрѣлаго возраста, не принимая непосредственнаго участія въ безпорядкахъ, оказывали свое содѣйствіе толпѣ тѣмъ, что вырывали доски изъ тротуаровъ, камни изъ мостовой, выбрасывали изъ дворовъ полѣнья дровъ и даже разламывали на куски лѣстницы, чтобы всѣмъ тѣмъ вооружались тѣ изъ толпы, кто не успѣлъ запариться никакимъ оружіемъ. Были наблюдаемы случаи, что даже дѣти подносили камни взрослымъ въ то время, когда послѣдніе оказывали сопротивленіе войскамъ.

По единогласному удостовѣренію лицъ, призванныхъ подавить безпорядки, скопича русскихъ нигдѣ не оказывали явнаго сопротивленія войскамъ, почти всегда расходились по требованію властей и на глазахъ нигдѣ не производили ни погромовъ, ни насилій надъ личностями. Только тамъ, гдѣ не было ни войскъ, ни полиціи, еврейскія жилища подвергались разгромленію, толпы-же евреевъ, наоборотъ, были крайне озлоблены и даже въ войска, призванныя для защиты ихъ имущества, стрѣляли изъ револьверовъ и забрасывали ихъ камнями.

Въ настоящее время гомельскій процессъ въ полномъ разгарѣ. Уже теперь установлена рядомъ свидѣтельскихъ показаній несостоятельность обвинительнаго акта, пытающагося во что бы то ни стало выставить евреевъ главными виновниками печальныхъ событій. Одинъ изъ главныхъ свидѣтелей бывшій полиціймейстеръ Гомеля Раевскій доказалъ, что дѣйствія евреевъ были вызваны вполне естественной и оправдываемой законами самообороны отъ шайки погромщиковъ—христіанъ.

Вотъ пункты, имъ установленные («Восх.» № 21).

1) 29 авг. евреи превосходили русскихъ численно; впечатлѣніе свидѣтеля таково, что русскіе были побиты; однако свидѣтель наблюдалъ только групповыя драки, въ которыхъ обѣ стороны дѣйствовали, какъ во всякой дракѣ; признаковъ организованнаго евреями погрома свидѣтель не даетъ.

2) 1 сентября—несомнѣнный типичный разгромъ евреевъ съ насиліями надъ личностью и имуществомъ.

3) Погромъ 1 сент. могъ быть прекращенъ въ самомъ началѣ, если бы полиціймейстеръ (свидѣтель) самъ распорядился военной силой; требованіе его дѣйствовать оружіемъ противъ громилъ съ самаго начала не было исполнено

офицеромъ и «такимъ образомъ моментъ подавленія безпорядковъ былъ упущенъ» (подлинныя слова Раевского). Не исполнялись эти требованія и въ дальнѣйшемъ, кромѣ двухъ разъ—послѣ нѣсколькихъ часовъ погрома.

4) Громили неоднократно проходили свободно между рядовъ солдатъ, несмотря на то, что Раевскій кричалъ командиру частей о задержаніи громиль (случай съ капит. Горсткимъ).

5) Евреи 1-го сентября вооруженной толпой сбѣгались къ мѣсту разгрома, обнаруживая желаніе схватиться съ громилами, чтобы предупредить дальнѣйшій разгромъ.

6) Евреи русскаго имущества не громили и ни на кого, кромѣ громиль, они не нападали.

7) 29 сент. евреи русскаго имущества не громили.

Подрывается также въ корнѣ обвиненіе евреевъ въ ненависти къ христіанскому населенію. Врачъ Александровъ (свидѣтель) характеризуетъ отношенія, существовавшія въ Гомелѣ со стороны русскаго населенія къ еврейскому, отмѣчаетъ полную нетерпимость первого. Мнѣніе свое докторъ подтверждаетъ примѣрами изъ жизни мѣстнаго клуба, бойкотирующаго евреевъ. Свидѣтели, враждебныя евреямъ, на показаніяхъ которыхъ построено обвиненіе, противорѣчатъ другъ другу на каждомъ шагѣ...

На это обращаетъ вниманіе корреспондентъ «Восхода»:

36 гомельскихъ евреевъ обвиняютъ въ томъ, что изъ религіозной и племенной ненависти къ русскимъ, они учинили 29 авг. погромъ русскихъ. Для состава 269¹ ст., по которой обвиняются евреи, необходимо, конечно, изслѣдовать мотивы преступленія—религіозную и племенную ненависть. На этотъ пунктъ и направлены усилія обвиненія. Обвинительный актъ устанавливаетъ съ несомнѣнностью необходимые обвиненію мотивы. Какъ поддерживаютъ его свидѣтели обвиненія? Всѣ они дружно говорятъ о еврейской дерзости, невоспитанности, грубости (въ Гомелѣ, конечно). Главнымъ проявленіемъ этихъ преступныхъ качествъ гомельскаго еврея остается до сихъ поръ (въ разказахъ свидѣтелей) — толканіе русскихъ на улицѣ по субботамъ, когда отдыхающіе отъ нелѣпной трудовой каторги евреи разгуливаютъ массами по излюбленной улицѣ. «Евреи толкаютъ русскихъ на улицѣ», «евреи не уступаютъ дороги даже офицерамъ», не говоря уже о простыхъ людяхъ: рабочихъ, крестьянахъ и пр. (съ тѣми евреи совершенно безцеремонны: ругаютъ, третируютъ, а то и бьютъ... Положенія эти иллюстрируются отдѣльными эпизодами, сохранившимися въ памяти свидѣтелей: выругали въ лавкѣ мужика, не разступились предъ офицеромъ, не дали мѣста женѣ офицера и т. д. Таковъ данный до сихъ поръ свидѣтелями матеріалъ для установленія «религіозной и племенной ненависти» гомельскихъ евреевъ къ христіанамъ—необходимой для состава 269¹ статьи. Какъ видите, матеріалъ пока—игрушечный, такъ какъ эпизоды толканія на улицахъ отнюдь еще не могутъ быть обобщаемы въ религіозную и племенную ненависть. Это квалификация субъективно-наблюдательная, но отнюдь не юридическая. Да и помимо юридической неправомерности такой квалификаціи инкриминируемое свидѣтелями гомельскимъ евреямъ неуваженіе къ русскому населенію характерно со стороны общественной, какъ взглядъ русскаго обывателя на обывателя еврея. Вникните въ самую жалобу офицеровъ-свидѣтелей: евреи не уступаютъ дороги офицерамъ... Въ сознаніи свидѣтелей прочно живетъ постулатъ: еврей обязанъ уступать русскому дорогу—и уже исходя изъ этого постулата, который для него не подлежитъ никакому обсужденію, офицеръ-свидѣтель негодуетъ на то, что евреи не сходятъ съ тротуара при встрѣчѣ съ русскимъ. Какой же «племенной ненависти» здѣсь больше: евреевъ къ русскимъ или русскихъ къ евреямъ?

И отъ этихъ то эпизодовъ толканія въ толпѣ, неуступанія дороги и частныхъ обидъ, ссоръ и столкновеній, о которыхъ съ удивительнымъ единодушнымъ

однообразіемъ говорятъ свидѣтели обвиненія отъ мужика до офицера. отъ этихъ до субъективныхъ впечатлѣній свидѣтелей, которыя не могутъ подлежать никакой проверкѣ—можно будетъ перекинуть мостъ къ религіозной и племенной ненависти евреевъ къ русскимъ?... Если обвиненію придется шагать по этому мосту, они подвергнется большой опасности рухнуть...

Чѣмъ бы ни кончилось гомельское дѣло, для каждаго непредубѣжденнаго читателя вполне ясно, какую печальную роль приходится играть въ немъ евреямъ. Болѣе трагичное положеніе трудно себѣ представить даже намъ, извѣдавшимъ всякую скверну...

Обзоръ сіонистской жизни.

Кризисъ организаціонной жизни и его причины.—Проекты новой организаціи.—VII конгрессъ.—О фондѣ Герцля.—Объ Одесскомъ Комитетѣ.—Два слова „Міру Божьему“.

...Въ тревожный часъ нельзя молчать, убажывая себя розовыми надеждами. Мы достаточно окрѣпли уже для того, чтобы не бояться открыто и смѣло признать, что сіонистское дѣло переживаетъ теперь кризисъ и кризисъ довольно серьезный.

Планомѣрная организаціонная работа сіонистовъ въ теченіе VII-го конгресснаго года смѣнилась какимъ-то хаосомъ, гдѣ люди съ инициативой и энергіей дѣлаютъ свое дѣло (конечно, безъ тѣхъ плюсовъ, которые даются всякой стройной организаціей), а остальные вяло и ослабленно кое-какъ сводятъ концы съ концами. Систематической дѣятельности въ истинномъ смыслѣ этого слова нѣтъ; нѣтъ направляющаго центра, ибо уполн. района уже давно фактически (не по своей, пожалуй, винѣ) перестали быть вдохновителями жизни района, а Landes-Comité пока еще ничего не далъ кружкамъ... Столкновения между территориялистами и палестинцами продолжаются донинѣ; молодежь волнуется, ищетъ новыхъ путей, и все настойчивѣе и настойчивѣе говоритъ о Gegenwarts arbeit въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, вызывая рѣзкое сопротивленіе сторонниковъ стараго порядка; партійныя коллизіи обостряются и трудно даже думать о совмѣстной работѣ какого-нибудь «поалей-ціоника» съ какимъ-нибудь, напримѣръ, «мизрахистомъ»... Это броженіе умовъ еще болѣе ослабляетъ разъединенные элементы организаціи и въ общемъ послѣдняя совершенно не напоминаетъ людей опредѣленной, идеи упорно, стойко и непрерывно идущихъ къ намѣченной цѣли, а скорѣе похожа на какую-то армію резерва, которая, правда, довольно легко воспламеняется и достаточно эффектно мобилизуется въ моменты исключительные, но которая все остальное время ничего не дѣлаетъ, а во многихъ мѣстахъ по просту и не знаетъ, что дѣлать.

И по сему *шекельное* ¹⁾ дѣло, давшее намъ въ VI году болѣе 60 ты-

¹⁾ Welt. 31.

сячь рублей, въ VII-мъ году едва ли дать половину. Это весьма важно: шекельный сборъ является самымъ характернымъ показателемъ сіонистской дѣятельности, ибо шекеля у насъ донынѣ наполовину собираются дѣятелями, а не вносятся шекеледателями (съ одной стороны потому, что плоха организованность сіониста, а съ другой стороны потому, что среди нашего еврейства очень много пассивно-сочувствующихъ, весьма охотно и искренне проявляющихъ свой сіонизмъ лишь тогда, когда имъ объ этомъ напоминаютъ).

Банковское дѣло, которое такъ игнорируется въ послѣдніе годы, конечно, и въ этомъ году неважно.

Сборы на *національный фондъ* какъ будто-бы хороши, ибо въ то время, какъ V-й и VI-й годъ вмѣстѣ дали 190 тысячъ рублей, VII годъ одинъ уже далъ 120 тысячъ; но, принимая во вниманіе, что истинная агитація и работа по дѣлу фонда, какъ со стороны «верховъ», такъ и въ самыхъ мелкихъ кружкахъ началась именно въ этомъ году, приходится признать, что и эта область нашей дѣятельности могла быть лучше.

Переходя къ дѣятельности культурной, агитаціонной и ко всѣмъ тѣмъ разнообразнымъ мелочамъ сіонистской работы, которыя составляютъ такъ называемую «жизнь кружковъ», могу отмѣтить весьма мало утѣшительнаго. Повсюду; какая-то путанница, поразительная зависимость отъ той или другой случайности. Агитація велась лишь по инициативѣ отдѣльныхъ личностей; число кружковъ не только не увеличилось, но замѣтно уменьшилось; большая часть энергіи была потрачена на болѣзненные споры о злополучномъ угандскомъ вопросѣ. Новыхъ культурныхъ начинаній весьма мало, а старыя не вездѣ поддерживаются.

Для иллюстраціи приводимъ письмо изъ крупнѣйшаго южнаго еврейскаго центра.

...въ общемъ положеніе у насъ весь годъ было весьма не важное. Несмотря на широкое поле дѣятельности среди нашей стотысячной народной массы, у насъ въ этомъ году почти не было организованной агитаціи. Мы всегда стояли на первомъ мѣстѣ въ отчетахъ Ф. Ц. по шекельному сбору, такъ какъ давали очень крупную сумму (болѣе 5.000), а въ этомъ году дадимъ лишь треть прошлыхъ лѣтъ. Письма уполномочен. появлялись рѣдко. Изъ полусотни сѣвѣншкихъ кружковъ живеть, въ истинномъ смыслѣ этого слова, не больше 20-ти, многіе кружки собираются неаккуратно и весьма рѣдко. Центральный комитетъ долго не созывался. Кое-какъ лишь работали по нац. фонду; въ области культурной дѣятельности все, что ведется, имѣетъ случайный характеръ... А между тѣмъ всего годъ тому назадъ у насъ кипѣла жизнь; народныя кружки и молодежь дружно и успѣшно работали во всѣхъ областяхъ сіонистской дѣятельности... Молодежь, положимъ, и въ этомъ году работала, но она почти выдѣлилась изъ общей организаціи... Лишь въ послѣднее время замѣтно нѣкоторое оживленіе: для „Фонда Герцля“, напр., работа пошла довольно бойко“...

Мы могли-бы дополнить эту картину аналогичными данными изъ другихъ городовъ, но считаемъ это совершенно излишнимъ, ибо ни для кого не тайна, что вездѣ съ большими или меньшими колебаніями дѣло обстоитъ не лучше. II

письма уполномоченныхъ и частныя сообщенія подтверждаютъ, что во всѣхъ пунктахъ переживается кризисъ, что повсюду осложненія постольку серьезныя, кто надъ ними необходимо хорошенько призадуматься. Необходимо каждому сознательному сионисту въ эту тяжелую годину выяснитъ себѣ, какъ мы дошли до этого и какія мѣры нужно предпринять, чтобы пережить этотъ кризисъ съ возможно меньшей потерей силъ; нужно подвергнуть строгому анализу наши ошибки прошлаго и выработать себѣ на этомъ основаніи устойчивое сѣдо къ вопросамъ ближайшаго будущаго. Такъ моряки, вдругъ застигнутые туманомъ, чтобы не разбиться о подводныя скалы и мели, точно и детально стагаются выяснитъ пройденный путь и двигаются впередъ съ напряженной осторожностью и неутомимой зоркостью...

Рамки настоящаго обзора не даютъ мнѣ возможности подробно выяснитъ всѣ причины переживаемаго кризиса, но кое-что я хочу указать. Когда сионистская доктрина выставила свое опредѣленное, столь понятное и близкое народному чувству рѣшеніе еврейскаго національнаго вопроса, мы очень мало и далеко не серьезно обдумали вопросъ о проведеніи въ жизнь этой доктрины. Мы очень много и весьма энергично работали по созданію средствъ для внѣшней политики и, создавая всѣ институты эти, мы много и толково обсуждали детали по ихъ организации. Мы не меньше работали, не жалѣя своихъ силъ, по вопросамъ внутренней политики, но въ этой работѣ не было никакого плана и системы. Между тѣмъ вся наша внѣшняя политика можетъ дать что либо серьезное лишь послѣ того, какъ мы хорошо подготовимся въ области внутренней жизни. Пока во всѣхъ уголкахъ земного шара у насъ не будутъ кадры сознательныхъ работниковъ, все наше дѣло не можетъ имѣть никакого реальнаго значенія, и всѣ наши институты будутъ крайне бѣдны. Это такъ понятно, а мы все же допустили въ этомъ смыслѣ большой промахъ. Мы много работали для распространенія сионизма въ массѣ, работали энергично; наши главари проявили въ этомъ смыслѣ поразительную жертвоспособность и неутомимую настойчивость. Но, къ сожалѣнію, во всей этой гигантской работѣ трудно найти опредѣленную программу, заранѣе начертанный планъ дѣятельности. Мы всецѣло отдавались *волю жизни*, которая увлекала насъ, давала тонъ нашей работѣ, и которая единственно и нормировала характеръ нашей дѣятельности. Рѣшая самыя кардинальныя вопросы внутренней жизни, создавая свою армію, мы больше брали «внутромъ», можетъ быть подчасъ и весьма находчиво поступая при тѣхъ или иныхъ обстоятельствахъ. Такіе важнѣйшіе факторы всякаго движенія (я тѣмъ боляе, столь абстрактнаго, какъ сионистское), какъ агитація (особенно специальная литература), развитіе глубоко обоснованнаго мировоззрѣнія и организациа силъ,— у насъ до сихъ поръ не доведены до сколь-нибудь сноснаго положенія, главнымъ образомъ, потому, что мы съ самаго начала не выработали систематической программы дѣятельности. Въ силу этого же наша работа большей частью была работой «внѣрь», а не «вглубь». Мы слишкомъ шли на компромиссы съ жизнью и по-

этому никогда не могли похвастать качественнымъ составомъ нашихъ adeptовъ. Я никого не обвиняю: эта тактика въ первые годы нашей дѣятельности имѣла успѣхъ, а побѣдителей не судятъ. Но нынѣ оборотная сторона медали дала себя почувствовать. Какъ я уже говорилъ, мы въ своей дѣятельности лишь врывались въ самую гущу жизни, и уже слишкомъ отъ *случайностей* ея зависѣло наше дѣло; въ результатѣ, когда эти случайности сочинили намъ прошлый годъ съ его такъ желѣпо налетѣвшими потрясеніями, мы не выдержали... Весьма вѣроятно, что при спокойныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ мы, пожалуй, мало по малу пополняли бы упомянутые пробѣлы и постепенно внесли бы систему въ нашу внутреннюю жизнь и создали бы средства для стройной организаціи силъ, но судьба, словно задавшисъ цѣлью потрясти до самыхъ основаній сіонистское зданіе, намъ жестоко помѣшала.

Началось это съ печальной памяти Кишиневскаго погрома. Существуетъ ходячее мнѣніе, что этотъ погромъ оказалъ большую услугу дѣлу возрожденія, ибо вернулъ назадъ многихъ ушедшихъ... Мы считаемъ это совершенно неправильнымъ; этотъ погромъ безусловно повредилъ намъ. Въ тѣ ужасные дни никто не занимался историческимъ анализомъ событія, чѣмъ могъ-бы дойти до сіонизма: страданіе было слишкомъ конкретно, все еврейство было охвачено паникой и поэтому сейчасъ же проявилась жажда какого-нибудь *реальнаго* отвѣта на потребности момента, *немедленныхъ* гарантій здѣсь же, *на мѣстѣ*, и сіонизмъ съ его *абстрактной* формулой историческаго идеала не могъ выставить необходимаго рѣшенія, не могъ эксплоатировать народнаго настроенія...

Косвенно Кишиневская трагедія послѣ лѣта (во время котораго намъ пришлось пережить еще одно потрясеніе)¹⁾ была причиной злополучнаго Угандскаго проекта, который вмѣстѣ съ Харьковомъ оказался ураганомъ, опрокинувшимъ все то, что мы создали съ такимъ трудомъ.

Всѣмъ еще памятны тѣ бурные и тяжелые дни, когда сразу обнаружались всѣ наши язвы, когда самое худшее въ сіонизмѣ выплыло наружу. Мы увидѣли, какъ мы не сговорились и вмѣстѣ того, чтобы попытаться сговориться, мы въ какомъ то изступленіи нападали другъ на друга и спорили, спорили... Мы совершенно забыли о работѣ, а можетъ быть и не могли работать, ибо не знали для чего мы работаемъ...

Послѣ этихъ четырехъ потрясеній намъ вскорѣ дала себя почувствовать война, дала себя сильно почувствовать, ибо большинство евреевъ все же живетъ въ Россіи. И когда, наконецъ, мы, обезсиленные, пережили все это, когда злосчастный годъ, казалось, прошелъ и мы начали подумывать о томъ, какъ оправиться отъ этихъ потрясеній, начали готовиться къ планомѣрной работѣ, неумолимая судьба доканала насъ... Нашего вождя не стало...

И неужели, читатель, послѣ все этого намъ стыдно сознаться, что мы переживаемъ кризисъ? Намъ не стыдно, что мы собрали всего 30 тысячъ на шекеля,

¹⁾ Мы говоримъ о цирк. адм.

что мы довели доходъ Национальнаго фонда всего до 120 тысячъ, намъ не стыдно, что худшіе элементы нашей организаціи не выдержали испытанія, не стыдно, ибо мы подверглись слишкомъ тяжелому испытанію. Когда дуетъ противный вѣтеръ, когда шквалъ налетаетъ за шкваломъ, какъ щепку швыряя во всѣ стороны корабль, трудно идти впередъ....

Но, съ другой стороны, въ такой моментъ нужно какъ можно осторожнѣе, какъ можно внимательнѣе отнестись ко всѣмъ вопросамъ ближайшаго будущаго. Первымъ на очереди является вопросъ объ организаціи. Если и прежде при жизни д-ра Герця нашъ организаціонный уставъ не считался удовлетворительнымъ, то несомнѣнно, что теперь, когда со смертью нашего вождя, многое должно радикально измѣниться, намъ необходимо создать новые статуты. И этотъ вопросъ, по нашему крайнему разумнію, настолько важенъ, что мы должны, какъ можно серьезнѣе подготовиться къ его рѣшенію на ближайшемъ конгрессѣ. Это тѣмъ легче, что Большой А. С. съ своей стороны постановилъ опубликовывать всѣ имѣющіеся у него по этому вопросу матеріалы.

До сихъ поръ уже имѣются проекты д-ра Боденгеймера (Кельнъ), Изидора Марморекка (Вѣна), Клее и Гантке (Берлинъ) и Мангейма, съ которыми мы считаемъ необходимымъ познакомить читателей въ виду важности вопроса довольно подробно.

Мы въ настоящемъ обзорѣ ограничимся лишь сообщеніемъ имѣющихся уже проектовъ. Подробному разбору вопроса объ организаціи въ нашемъ журналѣ будетъ посвящена специальная статья послѣ того, какъ мы познакомимъ читателя въ своихъ обзорахъ со всѣмъ, что появится по этому вопросу.

Перехожу ко II-му ¹⁾ по времени проекту д-ра Исидора Марморекка.

Со смерти Герця, говорится въ предисловіи и обоснованіи проекта, почти повсюду проникло убѣжденіе, что вышншій сіонистскій организаціонный уставъ сообразовавшийся съ стоявшей выше всѣхъ личностью учредителя сіонистской организаціи,—что уставъ этотъ нуждается въ измѣненіяхъ Съ заключеніемъ *перваго* періода сіонизма,—периода, въ которомъ *авторитетъ Герцля* былъ въ то же время и *творческой* силой для развитія сіонизма,—долженъ быть оставленъ и организаціонный уставъ этого періода. *Второй* періодъ сіонистскаго движенія который лишь теперь начинается, будетъ періодомъ *накопленія* всѣхъ силъ сіонизма, сохраненіе однихъ, оказавшихся годными для движенія и улучшеніе (измѣненіе) другихъ, которые еще при жизни Герця и особенно послѣ смерти его оказались несостоятельными.

Существующій организаціонный уставъ покоился на той основной мысли, что д-ръ Герцль—*руководящая сила* въ сіонизмѣ и что по этому къ нему должны приспособиться сотрудники его, какъ въ отношеніи мѣстожителства, такъ и въ отношеніи работоспособности; въ виду этого иные достойные претенденты не могли быть избираемы въ А. С. изъ за внѣшнихъ обстоятельствъ.

Теперь, говорится дальше, эти причины уже не могутъ вліять. Поэтому теперь можно избирать въ члены А. С. людей наиболѣе достойныхъ, авторитетныхъ

¹⁾ Съ проектомъ организаціи Боденгеймера мы познакомимъ читателей въ слѣдующемъ обзорѣ.

за которыми имѣются заслуги, не стѣсняясь прежними внѣшними препятствіями. При этомъ необходима такого типа организація и конгресса и А. С., чтобы все движеніе приняло болѣе демократическій характеръ.

Во главѣ сионизма остается конгрессъ. Измѣненіе общаго характера Tagesordnung конгресса излишне пока, во I-хъ, потому, что существующій достаточно полезенъ и, во II-хъ, нельзя сразу пошатнуть всѣ основанія сионизма.

Указывая на различныя неудобства прежней организаціи дѣла, когда и конгрессъ и А. С. были завалены чрезмѣрной работой, д-ръ Марморекъ, считаетъ необходимымъ внутреннее усиленіе Большаго А. С., который онъ переименовываетъ въ „Большой Совѣтъ“, а также укрѣпить силы, „Малаго А. С.“ теперь просто „А. С.“. Одинаковое мѣсто жительства, для членовъ этого А. С. желательно оставить, по прежнему.

А. С. должно взять на себя весь авторитетъ творческой силы прежняго Исполнительнаго Комитета; съ этой цѣлью необходимо избрать изъ самыхъ достойныхъ и дѣльныхъ сионистовъ для работы подъ руководствомъ А. С. особыя секціи:

I. Президентская секція, вѣдающая дѣла конгресса: ея предсѣдатель есть и президентъ конгресса, въ отиѣну до сихъ поръ практиковавшагося обычая, что президентъ Б. Исполнительнаго Комитета былъ и президентомъ конгресса.

II. Политическая секція, предсѣдатель которой вмѣстѣ съ тѣмъ и состоитъ предсѣдателемъ А. С. и самостоятельно ведетъ дѣла, по своему личному усмотрѣнію, выбирая себѣ помощниковъ изъ среды своей секціи или А. С.

III. Научная (по культурной работѣ) секція (она же по работѣ въ Палестинѣ).

IV. Секція Колоніальнаго Банка.

V. Секція Національнаго Фонда.

VI. Русская секція.

Кромѣ сего, д-ръ Марморекъ полагаетъ, что организаціонная работа и работа по отдѣламъ: а) финансовому б) юридическому и с) агитаціи и прессы, тоже должна исполняться многими лицами. При этомъ организаціонная работа можетъ быть распределена слѣдующимъ образомъ: а) руководитель юридической дѣятельностью займется организаціей Востока (Палестина и англійскія страны внѣ Европы); б) руководитель финансовымъ отдѣломъ вѣдаетъ организацію европейскіхъ государствъ, кромѣ Англии и Россіи и с) руководитель отдѣломъ агитаціи и прессы вѣдаетъ организацію странъ англійскаго языка.

Обосновавъ необходимость „русской“ секціи, самостоятельно вѣдающей дѣлами всего русскаго сионизма, д-ръ Марморекъ переходитъ къ организаціи „Большого Совѣта“, который долженъ состоять изъ строго опредѣленнаго числа членовъ (47) и который содѣйствуетъ работѣ А. С. Въ тѣ годы, когда нѣтъ конгресса, Большой Совѣтъ собирается вмѣстѣ съ представителями постоянныхъ секцій и обсуждаетъ всѣ текущія дѣла. Онъ же занимается разработкой вопросовъ о дѣятельности въ отдѣльныхъ странахъ.

Въ общемъ организація составляется изъ слѣдующихъ инстанцій: самой мелкой кѣткой остается кружокъ, далѣе районное управленіе, Landes Comité, Исполнительный Комитетъ. Большой Совѣтъ и, наконецъ, конгрессъ.

Въ «Welt» напечатанъ подробный проэктъ самаго устава, составленный Марморекомъ. Мы позволяемъ себѣ не приводить его, ибо, кромѣ вышеупомянутыхъ измѣненій, въ этомъ проэктѣ §§ стараго устава подверглись лишь перестановкѣ и лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ новой редакціи, почти сходной со старой.

Д-ра Альфредъ Клее и Артуръ Гантке представили ¹⁾ проэктъ измѣненія § 23 устава сионистской организаціи, который въ настоящемъ уставѣ гласитъ: «пять членовъ, живущихъ въ одномъ и томъ же городѣ, составляютъ малый А. С.»

¹⁾ Jüdische Rundschau 32.

Авторы, соглашаясь съ тѣмъ, что старый уставъ, собственно созданный почти цѣлкомъ еще на I-мъ конгрессѣ, былъ въ своемъ опредѣленіи центрального управленія приспособленъ къ личности Теодора Герцля и посему, на основаніи обсужденія этого вопроса въ Кельнѣ (Центральный Комитетъ Германскихъ сіонистовъ), предлагаютъ слѣдующую новую редакцію § 23-го:

„Исполнительный органъ избирается конгрессомъ до слѣдующаго конгресса и только предъ нимъ отвѣтственъ А. С.“.

Малый А. С. состоитъ изъ 9-ти членовъ. Каждый управляетъ самостоятельно въ предѣлахъ ввѣреннаго ему отдѣла. Вопросы, не входящіе въ указаніе ниже отдѣлы, а также разногласія между отдѣльными членами, разрѣшаются общимъ собраніемъ А. С.

Создаются-же слѣдующіе отдѣлы:

I. Политическія дѣла.

II. Внутреннія дѣла.

III. Финансовая дѣятельность.

IV. Палестинскія дѣла.

V. Еврейскій Національный фондъ.

VI. Вопросы подъема національнаго сознанія.

VII. Вопросы русской организаціи.

И два члена А. С.:

VIII. Президентъ Еврейскаго Колон. Банка.

IX. Президентъ послѣдняго конгресса.

Предсѣдатель А. С. и его кандидатъ избираются конгрессомъ. Малое А. С. при необходимости можетъ назначать помощниковъ завѣдующими различныиъ отдѣловъ; эти послѣдніе должны быть членами Большого А. С.; въ противномъ случаѣ требуется согласіе Б. А. С.

Главное бюро сіонистскій партіи находится въ томъ городѣ, гдѣ живетъ предсѣдатель Малаго А. С.

Малый А. С. долженъ собираться по крайней мѣрѣ разъ въ три мѣсяца (14 года); мѣсто собранія назначается предсѣдателемъ Малаго А. С.

Выборы членовъ въ Большой А. С. происходятъ на конгрессѣ по предложенію землячествъ (Landesorganisation).

Въ А. С. можетъ быть избранъ всякій сіонистъ, 3 года платившій шекель.

Большой А. С. избираетъ каждый разъ на своихъ собраніяхъ предсѣдателя изъ своей среды.

Мотивировка авторовъ этихъ предложеній сводится къ слѣдующему:

Подобно Марморекъ они считаютъ несвоевременнымъ радикальное измѣненіе устава; нужно произвести лишь крайне необходимыя реформы и такимъ путемъ избѣгнуть пагубныхъ потрясеній. Посему всѣ эти предложенія постольку важны, поскольку они связаны съ предложеніями организаціонной комиссіи VI конгресса, провѣтомъ Усышкина на V мѣ конгрессѣ, рѣшеніями конгрессовъ, большого А. С., комитетовъ землячествъ и т. д.

Въ общемъ же въ повседневной жизни сіонизмъ долженъ спокойно идти впередъ. Только дѣла высшаго управленія должны быть расширены съ урегулировкой правъ и обязанностей членовъ высшаго органа. Донынѣ члены малаго А. С. не имѣли опредѣленныхъ обязанностей и поэтому Президентъ долженъ былъ разрѣшать одинъ большую часть вопросовъ. Мы должны теперь ограничить дѣятельность каждаго члена А. С. и распределить работу между всеми членами. Въ этомъ случаѣ конгрессу легче будетъ составить мнѣніе о каждомъ изъ кандидатовъ въ А. С. и удобнѣе избрать дѣйствительно подходящаго завѣдующаго каждаго отдѣла. Всѣ эти завѣдующіе смогутъ внести много самостоятельности въ каждую область; чтобы эта самостоятельность не принесла вреда, будетъ наблюдать предсѣдатель и общее собраніе А. С. Авторы особо обосновываютъ необходимость русскаго отдѣла. Изъ за политическихъ причинъ въ Россіи оказывается необходимымъ имѣть особое, заслуживающее довѣрія, лицо, которое принимало бы участіе въ дѣлахъ своего Landes Comité и было бы посредникомъ между послѣднимъ и А. С.

Президенты Еврейскаго Колоніальнаго Банка и послѣдняго конгресса (должность послѣдняго необходимо отдѣлить отъ должности президента А. С.), должны входить въ А. С. какъ лица, занимающія постъ весьма отвѣтственный,

характеризующій большое довѣріе къ нимъ делегатовъ. Президентъ ревизіоннаго комитета Е. К. Б. вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ быть и предсѣдателемъ А. С., такъ какъ столь важную должность можно поручить лишь вождю движенія.

Значеніе большого А. С. авторы хотятъ усилить лишь, какъ высшей контролирующей власти.

Управление засѣданіями большого А. С. а также и конгрессомъ, не дѣло предсѣдателя А. С., а особаго спеціально избраннаго члена большого А. С.

Авторы заканчиваютъ свой проэктъ обоснованіемъ той части, гдѣ они говорятъ о томъ *измѣненіи* стараго порядка, въ силу котораго не всѣ члены А. С. обязательно должны жить въ одномъ городѣ. Это, конечно, желательно выполнить въ будущемъ, если число членовъ малаго А. С. не разроснется; но пока завѣдующіе различными отдѣлами смогутъ самостоятельно рѣшать вопросы своего отдѣла. Для рѣшенія же прочихъ дѣлъ, не входящихъ въ спеціальныя отдѣлы, достаточны объединенныя собранія всего малаго А. С. разъ въ два—три мѣсяца.

Проэктъ организаціи Юлія Симона Мангейма состоитъ въ слѣдующемъ:

Всѣ соглашаются съ важностью и необходимостью того дѣла, которое Теодоръ Герцль взвалилъ на себя по собственной волѣ. Между тѣмъ вся эта работа исчезаетъ, если впередъ не будутъ строго придерживатся драгоцѣннаго правила коллективной работы: *единства мѣста*.

Это само собою понятно, и Зангвиль правъ, говоря, что наше движеніе не должно отягчать работающихъ въ немъ, а должно быть ихъ призваніемъ. Теперь это надо провести на практикѣ. Все, что прежде казалось необходимымъ для Герцля, тѣмъ болѣе должно быть проводимо теперь.

Авторъ понимаетъ, что это сильно оттягиваетъ наши финансы, но полагаетъ, что мы найдемъ средства для уплаты жалованья членамъ Исполн. органа.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признаетъ съ Боденгеймеромъ необходимость раздѣлить власть исполнительную и законодательную и по сему: „Президентомъ конгресса и президентомъ А. С. не можетъ быть одно и тоже лицо“.

Исполнительный органъ засѣдаетъ въ Лондонѣ.

Конечно, не весь Исполнительный комитетъ будетъ состоять изъ однихъ англійскихъ членовъ. Вознагражденіе дастъ намъ возможность имѣть вездѣ достойныхъ людей; вмѣстѣ съ тѣмъ весьма желательно привлечь одного изъ нашихъ русскихъ товарищей.

Члены Исполнительнаго комитета.

1. Президентъ Еврейскаго Колоніальнаго Банка, какъ предсѣдатель и завѣдующій финансами.

2. Завѣдывающій внѣшними дѣлами.

3. Завѣдывающій внутренними дѣлами.

Кромѣ того каждому члену необходимы помощники, которые избираются конгрессомъ. Изъ нихъ важны:

а) Управляющій національнымъ фондомъ (въ помощь завѣдывающему финансами).

в) Управляющій дѣлами по работѣ въ Палестинѣ (въ помощь завѣдывающему внѣшними дѣлами)

с) Корреспондирующій со всѣми странами.

Н В. Желательно раздѣленіе Россіи на районы и существованіе особыхъ корреспондентовъ для фракцій, признанныхъ конгрессами.

д) Управляющій дѣлами по развитію и подъему внутр. самодѣтельности (въ помощь завѣдывающему внутренними дѣлами). ; ;

Исполнительный комитетъ вмѣстѣ со всѣми своими помощниками собирается каждыя 3 мѣсяца. Предсѣдатель комитета вмѣстѣ съ тѣмъ и президентъ этого соединеннаго органа, который соотвѣтствуетъ настоящему большому А. С.

Какъ я уже упоминалъ, мы еще вернемся въ одномъ изъ слѣдующихъ обзоровъ къ этому вопросу объ организаціи, являющемуся кардинальнымъ вопросомъ будущаго конгресса, къ которому намъ нужно какъ можно серьезнѣе подготовиться. Къ сожалѣнію время, (февраль—мартъ), на которое назначенъ конгрессъ не особенно удобно, какъ это было указано группою петербургскихъ

сионистовъ (см. № 9 «Евр. Жизни» стр. 228). Нынѣ въ «Гацофе» появилась телеграмма, гдѣ со словъ базельской газеты сообщается, что VII-ой конгрессъ назначенъ на 11 мая 1905 г. Официальнаго подтвержденія объ этомъ пока еще не имѣется; вмѣстѣ съ тѣмъ намъ достоверно извѣстно, что во время, назначенное годичной конференціей, конгрессъ не состоится; поэтому мы считали бы необходимымъ (если подтвержденія телеграммы «Гацофе» не послѣдуетъ) со стороны кружковъ энергичное воздѣйствіе на Вѣйское А. С. объ отстрочкѣ конгресса до іюля-августа 1905 г. VII-ой конгрессъ является первымъ и серьезнымъ испытаніемъ для нашей организаціи, потерявшей вождя и пережившей такой серьезный кризисъ внутри организаціи, и мы должны принять всѣ мѣры, чтобы это испытаніе мы выдержали блестяще и не дали бы поколебаться престижу нашихъ конгрессовъ. А между тѣмъ по справедливымъ указаніямъ упомянутой группы сионистовъ, конгрессъ въ началѣ дѣла имѣеть много шансовъ быть малолюднымъ и далеко не соответствующимъ своимъ задачамъ.

Наши западные товарищи выражаютъ недовольство по поводу того обстоятельства, что русскіе сионисты весьма мало содѣйствуютъ увеличенію средствъ фонда Герцля. Хотя нашимъ оправданіемъ отчасти и является общій экономическій кризисъ, переживаемый страной (больше всѣхъ отразившійся на евреяхъ, всегда экономически неустойчивыхъ) приходится все же сознаться, что мы по этому вопросу сдѣлали гораздо меньше, чѣмъ могли. Мы много занимаемся теоретическими спорами о томъ, слѣдуетъ ли собирать вмѣстѣ и на фондъ Герцля и на національный подарокъ дѣтямъ его, или отдѣльно; слѣдуетъ ли собирать просто на фондъ Герцля, или на какое нибудь конкретное дѣло его имени, но мы почти что ничего не дѣлаемъ для пополненія суммъ фонда... Краска жгучаго стыда выступаетъ на лицѣ, когда вспоминаешь, что въ такомъ святомъ и чуткомъ вопросѣ мы не можемъ удержаться отъ своей еврейской рефлексіи и больше мудствуемъ и резонерствуемъ, чѣмъ дѣло дѣлаемъ. Такъ много дающая въ такихъ случаяхъ *спеціальная поговорная пошлостъ* очень мало еще примѣнялась у насъ; и въ этомъ тяжеломъ грѣхѣ предъ великимъ покойникомъ можно и должно винять лишь нашихъ интеллигентныхъ работниковъ... Мы глубоко вѣримъ и имѣемъ много данныхъ о томъ, что наша масса готова дать многое, чтобы выразить хотя бы слегка свою горячую любовь и преданность покойному вождю, внесшему въ ея унылую жизнь свѣтъ и надежду послѣ такого длительного мрачнаго ненастья... Нужно только организовать, дать форму этому порыву и въ этомъ несомнѣнна наша вина, вина интеллигенціи... Тяжело и стыдно...

Нашимъ читателямъ извѣстно ¹⁾, что на послѣднемъ общемъ собраніи Одесскаго комитета было принято рѣшеніе объ измѣненіи устава. Нынѣ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ утвержденъ новый уставъ этого общества, которое такимъ образомъ изъ прежняго главнымъ образомъ *филантропическаго* общества приблизилось къ типу *колонизаціоннаго*. Надо надѣяться, что общество благодаря этому сможетъ проявить гораздо болѣе интенсивную дѣятельность и отвѣтить на все опредѣленныя проявляющуюся потребность въ мелкой колонизаціи и *Gegenwartsarbeit* въ Палестинѣ. Въ послѣднее время очень сильно повысилось число эмигрирующихъ въ Палестину; интересъ къ внутренней жизни современнаго 70.000-аго еврейскаго населенія Палестины все усиливается; наша молодежь проявляетъ все чаще и чаще опредѣленное желаніе принять участіе въ реальной современной дѣятельности въ Палестинѣ... Всѣ эти жгучія жизненныя потребности несомнѣнно будутъ использованы и урегулированы Комитетомъ при нынѣшнихъ широкихъ рамкахъ его устава ²⁾.

Въ 10-й книжкѣ «Міра Божьяго» появилась замѣтка о Теодорѣ Герцлѣ (стр. 53), замѣтка, въ которой насъ неприятно поразили цѣлый рядъ допущенныхъ неправильностей.

„Германскій императоръ, говорится въ замѣткѣ, и англійскій король высказали ему (Герцлю) сочувствіе его идеѣ, но къ несчастью для него, какъ разъ тотъ монархъ, въ поддержкѣ котораго онъ больше всего нуждался, а именно турецкій султанъ отнесся несочувственно (?) къ его идеѣ“. Засимъ говорится, что „планъ колонизаціи Палестины рушился (?), такъ какъ Турція не была склонна поощрять сіонизмъ, опасаясь, что онъ породитъ новое (?) національное движеніе въ Палестинѣ“ (?!) Далѣе „Міръ Божій“ сообщаетъ, что и „угандскій проектъ рухнулъ, вслѣдствіе сопротивленія англійскаго парламента. Самъ Герцль не (?) связывалъ своего движенія такъ тѣсно съ какою нибудь топографической цѣлью и вообще имѣлъ въ виду всякую (?) годную для колонизаціонныхъ цѣлей землю, но воодушевленіе, которое вызывалъ сіонизмъ среди широкой массы еврейскаго населенія, вынуждало его держаться узкой (?) программы сіонистскаго движенія“.

Откуда у почтеннаго журнала всѣ эти странныя свѣдѣнія? На какомъ основаніи онъ такъ увѣренно заявляетъ о «территориализмѣ» Герцля, поклявшагося на VI-мъ конгрессѣ въ вѣрности Сіону? Смѣемъ увѣрить редакцію почтеннаго журнала, что информировавшее ее лицо не особенно хорошо освѣдомлено о фактическомъ положеніи дѣлъ.

С. Г.

1) См. „Евр. Жизнь“ 3 кн.

2) Къ намъ поступаютъ по этому поводу запросы отъ различныхъ лицъ. Обращаемъ нынѣ вниманіе нашихъ корреспондентовъ на Комитетъ, адресъ коего: *Одесса*. Комитетъ вспоможенія евреямъ земледѣльцамъ и ремесленникамъ Палестины и Сиріи. Б. Арцутская ул., уг. Ришельевской, д. Варбаша.

П о с т у п и л о в р е д а к ц и ю :

Въ національный фондъ:

1) Кружокъ молодежи въ Слуцкѣ—5 р. 50 к., 2) Собрано З. Старобинецъ—3 р. 60 к., 3) Отъ г-на Лившица (с. Елховна)—1 р., 4) Собрано г. Люксембургъ—2 р., 5) Собрано г. Альбумъ и г. Рабиновичъ—2 р., 6) Собр. М. Натансономъ на помолвкѣ М. Берголь и Д. Левинъ—10 р., 7) Х. Липкинъ—1 р. 50 к., 8) Собр. на Присельскомъ стекольномъ заводѣ—28 р., 9) Л. Гиллодо 20 к., 10) Л. Вейнбергъ—70 к., 11) Кр-онъ въ Орлѣ—14 р. 65 к., 12) Собр. г. Сабсовичемъ (Закрочимъ)—23 р.

Въ пользу Герцлевскаго отдѣленія при Национальной Библиотекѣ:

1) Х. У.—1 р.

Oelbaumspende:

1) Х. У.—1 р.

Въ пользу Национально Библиотеки въ Иерусалимѣ:

1) Отъ г. Лютенбурга—50 к., 2) Кр-онъ въ Орлѣ—8 р.

Въ пользу евреевъ пострадавшихъ въ Быховѣ:

1) Д-ръ Харнасонъ—2 р.

Въ фондъ Теодора Герцля:

1) Черезъ С. Прушицкаго (Ченстоховъ): Блатштейнъ—1 р., А. В. С.—60 к. Баумгартенъ, Вемъ I., Вемъ H., Бессеръ, Копинскій, Каганъ, Зилберминцъ, Х. У., Шварцъ, Шарфъ, Т-ль—по 50 к.; Левновичъ—35 к.; Бирменъ, Бохенекъ, Ласновсна, Шейнвекслеръ—по 30 к.; Гершеновичъ, С-кій—по 25 к.; №№—15 к. Итого 9 р. 30 к., 2) М. З. Гликъ—3 р., 3) Собр. на прощальномъ вечерѣ юноши Галенсона, отправившагося въ Палестину—1 р., 4) Собр. на Присельскомъ стекл. заводѣ 6 р., 5) Черезъ б. Березина: Тарапаній, Траскуновъ, Козловская, Бейчинъ, Клибановъ, Рубинсонъ, Березинъ, Крунаткинъ, Вишневецкій—по 1 р.; Крижунъ, Шамсовъ, Неизвѣстный, Можинская, Кирзонъ, Рейзенсонъ, Гуревичъ, Любовь Сумалинскій, Монозонъ, Канторовичъ, Давидовичъ—по 50 к.; Гуревичъ—30 к.; Милипскій, Брауде, Кузнецкій, Сухановъ, Гольберъ—по 25 к.; Прудкинъ, Залѣскій, Зильберъ—20 к.; Сарапинъ—15 к.; Криксунова—10 к., Итого 18 р. 40 к., 6) Собр. А. Градъ въ м. Плуняны—5 р. 90 к., 7) Д-ръ Харнасонъ—2 р., 8) Д. Н. Л.—3 р.

Въ пользу пострадавшихъ отъ безпорядковъ въ Смѣлѣ:

1) Кр. „Зарубавель“—10 р., 2) Д-ръ С. Л. Друскинъ—3 р., 3) Пров. Г. I. Левинсонъ—2 р., 4) Собрано Л. Шварцбургъ въ м. Ивановкѣ—6 р. 85 к., 5) Женск. кр. „Газахаръ“ (Ростовъ н. Д.)—5 р. 85 к., 6) Собр. на Присельскомъ стеклянномъ заводѣ—6 р., 7) Собр. г. Е. Берзонъ: среди учащихся ввѣреннаго ему училища (кол. Израилевна) 5 р. 27; отъ колонистовъ: Гольдиной, Фрадкина, Цырюльникова, Шулькина, Енгина, Гершанякъ, Мацкина, Ляховецкой, Львовскаго, Полонской, Козоравицкой—по 50 к.; Левина—30 к.; Фрадкина, Цырюльникова, Хейнсона—по 20 к.; Шулькина—25 к.; Фрадкина—15 к.; Раскиной—10 к. Итого (за вычетомъ расходовъ)—12 р. 02 к.; 8) Собр. М. Гликманъ: I. Гликманъ, Я. Коганъ—по 3 р. Петеръ, Д-ръ Коганъ—по 2 р.; Ж. Штеренталь—1 р., Гринбергъ—50 к. Итого 11 р. 50 к., 9) Черезъ г. Волошина (Ивановка): Ямпольскій—3 р., Рубштейнъ, Бухендлеръ—по 2 р.; Волошинъ—1 р. 20 к.; Гридасовъ, Кузьминеръ, Калишъ, Малкинъ, Подольскій—по 1 р.; Шмудевичъ—70 к.; О. Нечипоренко, Памфилова, Никольская, В. Нечипоренко, Мартыненко, Жданко, Трофименко, Коккинъ, Деркаченко, Горенбургъ, Луцкій, Неизвѣстный, Богдановскій, Бородавкинъ, Болтянскій, Гуревичъ, Островскій, Залкиндъ, Свѣтъ, Хейнсонъ—Богдановъ—по 20 к.; Итого 25 р.

Содержаніе

Содержаніе.

1. Оторванный. Очеркъ *И. Д. Берковича*. (Перев. съ евр.).
2. Изъ Бялика. Стихотворенія. I. На поиски свѣта. II. Изъ зимнихъ пѣсень. *Л. Яффе*.
3. Передъ слѣдователемъ. Очеркъ *Иегуды Штейнберга*. (Съ еврейск.).
4. Странникъ духа. *Р. Брайтмана*.
5. Экономическое положеніе русскаго еврейства. *Д. Пасманника*.
6. Вѣчные странники. (Прод.) *А. Свирскаго*.
7. Генезисъ національной идеи и сущность націонализма. *Г. Абрамовича*.
8. Литературныя бесѣды. *Я. Каценельсона*.
9. Въ дни Хануко. *Бенъ-Гилеля*.
10. Обзоръ еврейской печати. *Я. Т.*
11. Палестинскія письма.
12. Хроника внутренней жизни. *Б. Г.*
13. Стихотвореніе *Дмитрія Цензора*.
14. Обзоръ сionистской жизни. *С. Г.*
15. Изъ *Х. Н. Бялика*. Стихотвореніе. Перев. съ евр. *Вл. Ж.*
16. Заграничное обозрѣніе. *А. П—на*.
17. Случайныя замѣтки. *К. Чуковскаго*.
18. Сionъ и Африка на VI конгрессѣ. (Окончаніе). *Е. Членова*
19. Библиографія.

Доволено цензурою. СПб., 9 декабря 1904 г.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	стр.
1. Оторванный. Очеркъ <i>И. Д. Берковича</i> . (Перев. съ евр.)	1
2. Изъ Бялика. Стихотворенія. I. На поиски свѣта. II Изъ взмннихъ пѣсень. <i>Л. Яффе</i>	18
3. Передъ слѣдователемъ. Очеркъ <i>Иегуды Штейнберга</i> . (Съ еврейск.).	23
4. Странникъ духа. <i>Р. Брайнина</i>	31
5. Экономическое положеніе русскаго еврейства. <i>Д. Пасманика</i>	33
6. Вѣчные странники. (Прод.) <i>А. Свирскаго</i>	70
7. Генезисъ національной идеи и сущность націонализма. <i>Г. Абра- мовича</i>	82
8. Литературныя бестѣды. <i>Як. Каценельсона</i>	101
9. Въ дни Хануко. <i>Бень-Гиллеля</i>	108
10. Обзоръ еврейской печати. <i>Я. Т.</i>	113
11. Палестинскія письма	123
12. Хроника внутренней жизни. <i>Б. Г.</i>	132
13. Стихотвореніе <i>Дмитрія Цензора</i>	161 175
14. Обзоръ сіонистской жизни. <i>С. Г.</i>	150
15. Изъ <i>Х. Н. Бялика</i> . Стихотвореніе. Перев. съ евр. <i>Вл. Ж.</i>	160
16. Заграничное обозрѣніе. <i>А. П—на</i>	163
17. Случайныя зашѣтки. <i>К. Чуковскаго</i>	177
18. Сіонъ и Африка на VI конгрессѣ. (Окончаніе). <i>Е. Членова</i>	183
19. Библіографія	206

Оторванный.

Очеркъ І. Д. Берновича.

(Переводъ съ еврейскаго).

Постепенно, послѣ долгихъ колебаній и мытарствъ, молодой докторъ Виникъ добился, наконецъ, въ своемъ родномъ городѣ спокойнаго и обеспеченнаго положенія провинціальнаго интеллигента, который отчасти занимается благотворительными и общественными дѣлами, но въ сущности совершенно обособленъ и живетъ въ своемъ собственномъ міркѣ. Первая молодость прошла, а вмѣстѣ съ ней и юношеская горячность, бурное стремленіе проявить свои силы. Всѣ стремленія и желанія, которыя долго были скрыты въ немъ, теперь, вдругъ, какъ будто, спрятались отъ холоднаго и презрительнаго взгляда почтенныхъ обывателей, которые смотрѣли свысока на этого выскочку, бѣднаго мальчика, выросшаго и волею судьбы ставшаго докторомъ.

Много мелкихъ препятствій, изъ которыхъ каждое въ отдѣльности ничего не значить, но взятыя вмѣстѣ утомляютъ и ломаютъ человѣка, охладили его пылъ. А докторъ Виникъ не сильно противился и постепенно, самъ не замѣчая того, втянулся въ спокойную жизнь мѣстечка. Молодежь, которая раньше группировалась вокругъ него и возлагала на него большія надежды, мало-по-малу оставила его.

— Это карьеристъ — говорили про него.

А докторъ Виникъ не показывалъ виду, что это его огорчаетъ, и продолжалъ сходитьсѣ съ обывателями. Бывало, онъ встрѣчаетъ иногда старика-гвира; онъ раскланивается съ нимъ, а тотъ очень любезно отвѣчаетъ. Вернувшись домой, докторъ долго обдумывалъ и разбиралъ этотъ „инцидентъ“. Когда онъ

еще былъ бѣднымъ мальчикомъ и болтался въ бейсъ-гамедрешъ, гвиръ послалъ его къ себѣ домой посмотреть, готовъ ли самоваръ, а въ награду за это онъ велѣлъ дать ему яблоко.

Между ними онъ чувствовалъ себя, какъ болѣзненный человѣкъ среди здоровыхъ и свѣжихъ людей. Родившись въ бѣдной и простой семьѣ, выросшій въ грязной и темной обстановкѣ, онъ чувствовалъ себя чужимъ среди этихъ почтенныхъ людей. Все имъ идетъ, все у нихъ дѣлается легко, какъ будто само собою.

Его постоянно что-то угнетало, даже въ минуты наибольшаго довольства. Это чувство было похоже на то, что онъ испытывалъ въ дѣтствѣ, когда онъ еще былъ бѣднымъ, прибитымъ мальчикомъ и завидовалъ тогда своимъ богатымъ товарищамъ. Онъ бывало бѣгаетъ съ ними, играетъ вмѣстѣ, но вдругъ въ разгарѣ веселья онъ чувствуетъ себя одинокимъ и брошеннымъ. И теперь то же самое, когда онъ бываетъ въ богатыхъ семействахъ и на первый взглядъ онъ чувствуетъ себя совершенно какъ въ своей средѣ, ему вдругъ становится противнымъ весь этотъ блескъ и счастье, и онъ снова остается одинокимъ, обиженнымъ и завидуеетъ всѣмъ окружающимъ.

Поэтому-то онъ до сихъ поръ еще холостъ. Иногда ему начинаетъ нравиться кто-нибудь изъ его знакомыхъ дѣвушекъ, но онъ тутъ же вспоминаетъ свою сестру, которой онъ помогъ уѣхать въ Америку. Она бывало говорить „туалетъ“ вмѣсто „туалетъ“ и гуляла каждый вечеръ одна, чтобы встрѣтить „своего доктора“, который гуляетъ „въ аристократическомъ обществѣ“. И даже, когда онъ находился въ обществѣ барышень и былъ счастливъ, что и онъ не хуже другихъ, у него появлялась мысль, что это любезничанье—только снисхожденіе съ высоты, и жену изъ этой среды онъ не возьметъ, а купитъ, какъ покупаютъ вещь на базарѣ.

Душа его закрывалась, снимала праздничный нарядъ и пряталась въ темную скорлупу. Домой онъ возвращался сердитый и угрюмый.

Иногда ему казалось, что онъ по ошибкѣ попалъ не въ свой кругъ. Онъ блуждаетъ, колеблется, сомнѣвается и не можетъ уйти изъ него, какъ человѣкъ, который увязъ въ болотѣ и отчаивается когда-нибудь выбраться оттуда.

Отъ бѣдности, въ которой онъ выросъ и благодаря которой онъ научился распознавать свѣтъ, онъ бѣгаетъ и прячется, какъ отъ дурного сна. На первый взглядъ кажется, что онъ забылъ

ее и перестала думать о ней; онъ относится къ ней, какъ чело-вѣкъ увѣренный и обезпеченный. Когда онъ бываетъ у бѣдныхъ пациентовъ, онъ употребляетъ въ разговорѣ еврейскія словечки, шутить надъ женщинами, ласкаетъ дѣтей и хочетъ казаться чело-вѣкомъ, который пришелъ изъ прекраснаго, хорошаго и чуждаго имъ міра... Но въ глубинѣ души онъ чувствуетъ еще связь, которая осталась между нимъ и этими. Даже дѣти знаютъ, по наслышкѣ, что этотъ, который развѣзжаетъ по субботамъ въ своей коляскѣ,—одинъ изъ ихъ среды, котораго когда-то звали „Лейбеле-Мазикъ“. А старики еще помнятъ, когда онъ лазилъ на крышу бейсъ-гамедреша въ поискахъ за птичьими гнѣздами, и имъ до сихъ поръ еще трудно, обращаясь къ нему, сказать „господинъ докторъ“.

Есть въ городкѣ одна улица, подъ горою; тамъ живутъ его братья. Какъ и отецъ ихъ, они торгуютъ по деревнямъ и живутъ бѣдно. Когда онъ проѣзжаетъ по этой улицѣ и ему неловко чувствовать на себѣ взгляды своихъ старыхъ знакомыхъ, онъ испытываетъ непріятное чувство. То онъ пріятно улыбается, то онъ дѣлаетъ сердитую мину или же отъ смущенія не знаетъ, куда бы скрыться. Въ эти минуты ему иногда страшно хочется соскочить съ пролетки и спрятаться въ какой-нибудь знакомый ему уголь.

Издали онъ видитъ своихъ братьевъ, занятыхъ упаковкой яицъ въ длинные деревянные ящики. Оба они сняли свои кафтаны и стоятъ среди двора, наполненнаго мятой соломой, проворно упаковываютъ ящики и прикрикиваютъ на дѣтей, которые шалятъ и возятся въ соломѣ и среди досокъ. Однимъ взглядомъ докторъ Виникъ окидываетъ всѣхъ. Онъ видитъ красный затылокъ Мойше-Арона, старшаго брата, который нагнулся и зашустилъ свою длинную и спутанную бороду въ ящикъ,— черную круглую заплату на брюкахъ младшаго брата, который сидѣлъ съ подогнутыми колѣнями, и считалъ яйца, разложенныя на соломённой подстилкѣ, и грязнаго ребенка, который стоялъ около своего отца и тянулъ его за поясъ...

Услышавъ, что кто-то подъѣхалъ, братья оглянулись.— Докторъ сидитъ въ своей пролеткѣ и смотритъ на нихъ съ улыбкой. Работа прервалась, братья выпрямились и стоятъ смущенно передъ своими ящиками. Пролетка остановилась будто сама собой. Кучеръ держитъ вожжи и смотритъ гордо и хладнокровно на все, что происходитъ во дворѣ. Докторъ улыбаясь обращается къ братьямъ и говоритъ:

— Ну, какъ поживаете?

Мойше-Аронъ дѣлаетъ торопливое движеніе, какъ будто онъ хочетъ подойти къ пролеткѣ и отвѣчаетъ:

— Этъ... мы работаемъ! а чтожъ намъ дѣлать?

Но онъ тутъ же останавливается, стираетъ потъ грязнымъ рукавомъ и ждетъ.

— Такъ... такъ...—бормочетъ докторъ. Онъ хочетъ сказать что-нибудь, но не знаетъ что, и въ смущеніи крутитъ свои черные усы.

Второй братъ тоже стоитъ. Когда онъ чувствуетъ на себѣ взглядъ доктора, онъ улыбается, беретъ своего грязнаго мальчика за руку и притягиваетъ его къ себѣ.

— Юселе...

— Это твой сынъ, Шлойме?

— У-гмъ—улыбается Шлойме и опускаетъ голову къ ребенку.

— Красивый ребенокъ...—хвалитъ докторъ и продолжаетъ покручивать усы улыбаясь.

А когда докторъ Виникъ уѣзжаетъ отъ своихъ братьевъ, онъ начинаетъ упрекать себя и чувствуетъ, будто какая-то грязь пристала къ его душѣ... Онъ думаетъ тогда о своемъ дѣтствѣ, о круглой заплатѣ, которую онъ видѣлъ на брюкахъ брата, о старикѣ—Бергерѣ, отцѣ молодого доктора, который поселился здѣсь. Онъ вспоминаетъ вопросъ старика о его семьѣ. Тотъ удивлялся.

— Абрамъ Виникъ? Абра-амъ Ви-ини-икъ? Должно быть, я не зналъ вашего отца. Странно: Абра-амъ Ви-иникъ... Это имя я слышу въ первый разъ! Можетъ быть вашего отца звали какъ-нибудь иначе?..

II.

Однажды доктора Виника извѣстили, что его братъ Соломонъ боленъ. Онъ только что вернулся съ визитовъ и нашелъ у себя молодую дѣвушку, которая ожидала его. Она встала, немного смущенная внезапнымъ приходомъ доктора, и сказала:

— Мама послала меня сказать, что Соломонъ боленъ. Мама просила придти сейчасъ.

— Кто это Соломонъ?—спросилъ докторъ...

— Соломонъ... братъ...

— А! хорошо, хорошо... сейчасъ...

Онъ посмотрѣлъ на миловидное, продолговатое лицо дѣ-

вушки, которая покраснѣла чуть-чуть отъ смущенія, на ея чистое платье и маленькій зонтикъ, который она держала въ рукахъ, и спросилъ ее:

— А кто твоя мама?

— Рапопортъ... Малка Рапопортъ.

— Ты дочь тети Малки?—удивился докторъ.

Послѣ краткаго размышленія докторъ Виникъ рѣшилъ отпра- виться къ брату пѣшкомъ, чтобы не смугить тамъ всѣхъ сво- имъ величьемъ. Дорогою дѣвушка рассказала ему, что Соломонъ боленъ уже четыре дня. Въ пятницу онъ вернулся изъ какой-то деревни, „черный, какъ земля“, и началъ жаловаться на колики въ груди. Ея мать говорила, что слѣдуетъ позвать „господина Виника“, но больной заупрямился и говорить, что онъ не хо- четъ, что онъ вовсе не боленъ...

— А гдѣ Мойша-Аронъ?—спросилъ ее докторъ.

— Мойше-Аронъ теперь дома. Онъ уже собирался на этой недѣлѣ уѣхать въ Америку со своей старшей дочерью, но бо- лѣзнь Соломона задержала его.

Дѣвушка продолжала рассказывать ему, что ея братъ, ко- торый живетъ въ Лондонѣ, зарабатываетъ три фунта въ недѣлю („это такая монета у нихъ“) и посылаетъ имъ на прожитіе; что онъ не хочетъ жениться, пока не выдастъ своихъ старшихъ се- стеръ замужъ; что она наняла для себя учителя и учится. „Гос- подинъ Виникъ“ знаетъ учителя...

Докторъ шелъ молча рядомъ съ нею. Иногда онъ окинетъ взглядомъ ея быструю походку, ея бѣлый зонтикъ, черные глаза, которые искрятся, когда она говоритъ и вспоминалъ свою ра- сторопную и говорунью тетю Малку. Передъ дѣвушкой онъ чувствовалъ такой же страхъ, какъ и передъ старухой.

Когда они вошли въ домъ, они увидѣли, что Мойше-Аронъ сидитъ у кровати больного и разговариваетъ съ нимъ. Ставни оконъ, обращенныхъ къ улицѣ, были закрыты, чтобы ослабить солнечный свѣтъ, и въ темномъ углу, гдѣ стояла кровать боль- ного, чувствовался холодный гнилой запахъ погреба. Вначалѣ всѣ предметы въ домѣ казались доктору окутанными какимъ-то туманомъ, но постепенно онъ началъ разбираться въ беспорядкѣ, который царилъ тамъ: различные ящики, связки кожи, груды лука были нагромождены въ углахъ. Низкій потолокъ и стѣны были увѣшаны связками грибовъ, которые сушились для про- дажи и наполняли воздухъ теплымъ, удушливымъ и отвратитель- нымъ запахомъ. Больной лежалъ вытянувшись на своей постели,

весь окутанный грязными простынями и одѣялами. На стулѣ, у его кровати, стояла тарелка съ остатками супа.

Докторъ Виникъ оглянулся по сторонамъ, и какое-то тяжелое чувство сжало его сердце. Только, когда онъ подошелъ къ кровати брата, онъ увидѣлъ сморщенное лицо тети Малки и ея чепчикъ. Докторъ кивнулъ ей головой:

— Доброе утро, тетя!

— Доброе утро—добрый годъ...

И больше она ничего не говорила. Изъ какого-то темнаго угла вышла беременная женщина съ безжизненнымъ лицомъ. На рукахъ она держала грязнаго ребенка, и казалось, что она не держитъ ребенка, а онъ самъ спокойно лежалъ на ея выдающемся животѣ и не боялся, что онъ соскользнетъ и упадетъ.

Больной приподнялъ голову съ подушки.

— Рохель-Лея! нужно... вотъ тарелка на стулѣ. Домъ полонъ...

Онъ отрывисто разсмѣялся и посмотрѣлъ смущенно и виновато на доктора. Этотъ смѣхъ былъ жалокъ и не гармонировалъ съ впалыми щеками, измученнымъ лицомъ и дрожащими сухими губами. Беременная женщина съ сердитымъ видомъ взяла тарелку одной рукой. Докторъ сѣлъ на стулѣ.

— Такъ вотъ ты боленъ!—испробовалъ докторъ сказать шутливо, чтобы прервать тягостное молчаніе.—Зачѣмъ? Не стоять... такая глупость!..

Онъ оглядѣлся по сторонамъ, неловко улыбаясь. А тетя Малка откликнулась:

— „Глупость“—ты говоришь... понятно, глупость! Развѣ ты видѣлъ когда-нибудь такую безсердечность. Вотъ ужъ четыре дня я толкую съ ними и кричу имъ: Разбойники! передъ вами опасный больной. Позовите Лейбея, вашего доктора... а они ничего. Я не понимаю,—развѣ онъ можетъ лечить только богатыхъ? Развѣ богачи ему ближе васъ? Стыдиться что-ли вамъ нужно? Онъ братъ—вѣдь этого онъ не можетъ отрицать... Я кричу и кричу, а они ничего... Дураки! Развѣ вы найдете лучший случай: братъ—докторъ. Но что: докторъ не братъ? Докторъ не узнаетъ своей тети, какъ будто у его отца не было никогда сестры. Ну, что-жъ! Не было бы большей бѣды, чѣмъ эта! Не все ли мнѣ равно? „Мой“, слава Богу, не стыдится своей матери. Раньше Богъ, а потомъ мой Бенъяминъ, да будетъ онъ живъ... Такъ я кричу имъ, а они ничего, какъ будто они не видятъ, что передъ ними опасно-больной, „черный, какъ земля...“

А ея дочь все время дрожала. Иногда только она тихо шеп-

тала: „Мама!..“ и кидала испуганные и быстрые взгляды на доктора, который виновато улыбался и считалъ пульсъ больного.

— Ну, тетя... вскопчилъ вдругъ Мойше-Аронъ сердито, но онъ сейчасъ же замолчалъ и снова сѣлъ. Тетя перестала говорить и подошла къ столу, на которомъ были набросаны крошки, огуречная корка и другіе остатки обѣда. Она стояла со сложенными руками, оглядывая съ удовлетвореннымъ видомъ доктора, какъ человѣкъ, который исполнилъ все, что было на него возложено. Жена больного тяжело сѣла на скамейку и молча спустила ребенка съ рукъ. Казалось, что она не принимаетъ участія въ томъ, что дѣлается дома, а ея обязанность—только быть беременной и смотрѣть за грязнымъ ребенкомъ... Докторъ Виникъ почувствовалъ отвращеніе къ этому безразличному лицу и сердитымъ глазамъ, которые смотрѣли на него подозрительно.

Онъ помогъ брату разстегнуть пуговицы сорочки и началъ выслушивать его грудь и спину. Больной опустилъ голову на свою обнаженную грудь и смотрѣлъ на руки; тѣло свое онъ передалъ въ полное распоряженіе своего брата доктора. Во все время изслѣдованія онъ смущенно улыбался и боялся сдѣлать малѣйшее движеніе.

А докторъ Виникъ тоже былъ очень внимателенъ въ своемъ осмотрѣ. Вначалѣ въ его душу вкралось очень приятное чувство: онъ вспомнилъ въ эту минуту стараго доктора поляка Франциска, котораго позвали однажды къ его отцу. Всѣ стояли тогда въ почтительномъ отдаленіи отъ доктора и покорно выслушивали окрики этого старика, который пересыпалъ ихъ еврейскими ругательствами... Старшій Мойше-Аронъ стоялъ тогда передъ нимъ безъ шапки.

— Могли ли они и думать тогда, что *онъ* будетъ докторомъ... Но когда онъ приложилъ свое ухо къ спинѣ больного брата, и его свѣжая чисто выбритая щека почувствовала жаръ воспаленнаго тѣла, это горделивое чувство превратилось въ тяжелое и тревожное. Все это было странно и удивительно. Странно и удивительно, что это тѣло, которое онъ теперь чувствуетъ подъ своими пальцами,—это вѣдь тѣло Шлоймке, этого здороваго и цвѣтушаго мальчика,—а этотъ смущенный еврей съ черной шеей, съ волосатой грудью и волосатыми руками, это тотъ самый шаловливый Шлоймке, съ которымъ онъ вмѣстѣ живо сѣдалъ супъ, который подавала имъ мать, съ которымъ онъ давно спалъ на одной кровати...

— Воспаленіе...—шепнулъ докторъ Виникъ старшему брату

и тетѣ, которые проводили его до дверей, когда онъ уходилъ, прописавъ рецептъ. Тетя Малка всплеснула руками.

— О, горе мнѣ!..

Нѣсколько минутъ они шептались втроемъ у двери. Беременная женщина смотрѣла на нихъ угрюмыми глазами. Большой обернулся къ ней и пробормоталъ что-то. Ребенокъ, который сидѣлъ у ногъ матери, вдругъ разразился плачемъ. Изъ всѣхъ угловъ выглядывало несчастье и открытая безобразная бѣдность... Докторъ вынулъ изъ кармана свой кошелекъ.

— Мойше-Аронъ, вотъ тебѣ... можетъ понадобится... Когда замѣтите въ Соломонѣ перемѣну, дайте мнѣ знать. Завтра утромъ я приду.

Онъ положилъ въ руку брата золотую монету, смущенно посмотрѣлъ на дочь своей тети, которая смотрѣла на нихъ, и поспѣшилъ выйти.

Подъ вечеръ Виникъ гулялъ съ молодымъ докторомъ Бергеромъ, съ его отцомъ и младшей сестрой. Онъ шелъ рядомъ съ высокой и красивой дѣвушкой и молча слушалъ ее. Она говорила о бѣдности и о невѣжествѣ, объ обязанностяхъ интеллигенціи по отношенію къ бѣднымъ и о спектаклѣ, который устраивается въ пользу бѣдныхъ учащихся. Все время глаза ея были опущены, и она смотрѣла на свой шелковый зонтикъ. Говорила она тихо. Въ ея голосѣ слышались строгія нотки, и въ разговорѣ она часто употребляла слова „интенсивность“. Виникъ бывало тогда поднимаетъ голову, оглядываетъ ее, ея черныя брови, легкій румянецъ на щекахъ, ея миловидный и красивый подбородокъ, снова опускаетъ глаза и слушаетъ молча.

Старикъ Бергеръ, который шелъ за ними, рядомъ съ сыномъ, сказалъ:

-- И ты думаешь дѣйствительно, что бѣдные будутъ тебѣ благодарны за твою работу для нихъ? Знаю я ихъ хорошо. Я еще помню своего отца, который былъ габаемъ... теперь говорить „предсѣдатель“, а тогда—просто: габай... габай талмудторы, габай „моайсь-хитимъ“ и т. д. Словомъ, что я хотѣлъ рассказать вамъ? Да... палками бывало стучать въ двери, какъ будто у нихъ есть право требовать... Такъ и теперь... Хотятъ ихъ учить, развивать. Э, это дѣтскія забавы! Очень нужно этимъ ученіе... Развѣ не такъ, господинъ докторъ... Левъ Абрамовичъ?

— Что?—спросилъ Виникъ и почувствовалъ, что онъ весь покраснѣлъ. Всѣ сразу замолчали. Барышня Бергеръ сбивала на ходу зонтикомъ траву, которая росла по бокамъ дорожки. На-

конецъ она прервала молчаніе и начала говорить про оперу „Демонъ“, которая была дана на прошлой недѣлѣ въ губернскомъ городѣ. Отецъ и сынъ сѣли на скамейкѣ подъ двумя старыми дубами, а они пошли дальше, занятые разговоромъ. Вокругъ стояла сумеречная тишина, а изъ дали, затемненной древесной чащей, наступала ночь.

— Можетъ быть, Соломонъ умретъ отъ этой болѣзни? сверкнуло вдругъ въ умѣ доктора Винника. Вслѣдъ за этой мыслью насталь въ его умѣ какой-то хаосъ. Назойливыя мысли вылѣзали изъ всѣхъ угловъ. Ему захотѣлось оставить свою спокойную спутницу и запереться въ своей комнатѣ, чтобы уединиться со своими мыслями.

— Если бы вы видѣли эту артистку, которая играла роль Тамары!—восхищалась она.—Вотъ это искусство! сколько красоты, сколько граціи въ ея голосѣ, въ ея движеніяхъ! А главное—чувство, интенсивность...

А докторъ Винникъ шель съ нею рядомъ молча, опустивши голову, и думаль о томъ, что Мойше-Аронъ уѣдетъ въ Америку, а Соломонъ умретъ. Послѣднія нити, которыя связываютъ его съ бѣдностью, порвутся сами собою... Въ эту минуту душа его была полна тревожнымъ тяжелымъ чувствомъ. Онъ подняль глаза: ночь давно ужъ спустилась.

Докторъ Винникъ долго ворочался на своей постели и никакъ не могъ заснуть. Въ тяжелой, нѣмой тишинѣ его спальни, его мысли были еще темнѣе и тяжелѣе. Онъ бросиль съ себя легкое одѣяло; свои отяжелѣвшія, будто налитыя свинцомъ ноги, онъ положиль на спинку кровати. Затѣмъ онъ вскочиль съ постели, отдернулъ штору и снова легъ. Блѣдный свѣтъ наполниль комнату и освѣтилъ маленькій столикъ у окна, мраморный умывальникъ и чистое полотенце, которое висѣло надъ нимъ. Полузакрытыми отъ боли глазами докторъ оглядѣль все это. Ему страшно хотѣлось въ эту минуту сбросить съ себя все и окунуть свое измученное тѣло въ холодной водѣ. Но онъ чувствуетъ, что даже послѣ такого купанья на его душѣ остался бы толстый слой грязи, что-то отвратительное, которое стѣсняетъ дыханіе... Голова разболѣлась, въ его душѣ ползли грязныя капли. И теперь, когда онъ лежалъ, безсильно вытянувшись на своей постели, ему казалось, что его горло шекочетъ какая-то старая забытая слеза. Онъ хотѣль насильно заставить себя забыть все. Но помимо его воли передъ нимъ всгавало лицо его больного брата съ смущенной улыбкой, которая блуждала по его потем-

нѣвшему лицу. Затѣмъ онъ вспомнилъ свою тетку, которая читала ему нотацию, не обращаясь прямо къ нему. Онъ, навѣрное, былъ очень смѣшонъ тогда, какъ ребенокъ, котораго побили, а затѣмъ успокоили конфеткой...

Отъ досады онъ почесалъ волосы:

— О, Боже мой!..

До чего онъ низокъ. Завтра, когда онъ придетъ къ брату, онъ будетъ особенно любезенъ съ нимъ и, можетъ быть, даже поцѣлуетъ грязнаго ребенка, а передъ уходомъ онъ проявитъ свое благородство: онъ дастъ Мойше-Арону еще золотой. И все это будетъ жертвой за то, что желалъ смерти брата...

Грубый и низкій эгоистъ.

Онъ самъ обвиняетъ себя: Соломонъ еще молодой и жизне-радостный человѣкъ. У него есть свой мѣръ, въ которомъ онъ хочетъ быть счастливымъ, хотя этотъ мѣръ и грязенъ... Можетъ быть, что этотъ несчастный бѣднякъ, даже когда онъ голоденъ и усталъ, не забываетъ и не перестаетъ любить своего важнаго брата чистой и теплой братской любовью. А онъ?.. Развѣ онъ можетъ желать смерти брата? Такая жалость?..

Но въ глубинѣ души онъ чувствуетъ, что смерть брата была бы для него удобна... И даже, когда онъ лечитъ его, эта мысль не оставляетъ его. Хорошо было бы, еслибъ онъ теперь тяжело заболѣлъ. Еслибы это случилось, онъ послалъ бы къ брату молодого Бергера.

— Старикъ Бергеръ самый мерзкій человѣкъ... — вдругъ вспомнилъ онъ—грубый буржуй!

Онъ всталъ съ постели, одѣлъ халатъ и вышелъ на балконъ. На улицѣ была мертвая тишина. Дома стояли далеко другъ отъ друга и темнѣли въ бѣлесоватомъ свѣтѣ ночи. Изъ-за обрывковъ тучъ, которыя плыли по небу, проглядывала луна. Воздухъ былъ свѣжій и сырой. Тѣни плыли и носились надъ землей. Докторъ сѣлъ на стулъ и положилъ голову на перила балкона. Издали донесся слабый пѣтушинный крикъ, который разлился и замеръ въ тишинѣ ночи. Молодой человѣкъ быстро прошелъ мимо дома и еще долго виднѣлась его бѣлая фуражка и слышны были его быстрые шаги по мостовой.

— Навѣрное экстернъ, который только что разстался со своей барышней—подумалъ докторъ.

Какъ странно! Онъ, несчастный и забытый человѣкъ, который всегда бѣгалъ даже отъ тѣни счастливыхъ людей, сидитъ теперь на балконѣ этого дома, укутанный въ халатъ... А десять

лѣтъ тому назадъ, когда онъ собирался въ университетъ, онъ стоялъ у этого дома со своимъ отцомъ, который пошелъ провожать его. И тогда была такая же свѣтлая ночь, какъ теперь. Когда онъ посмотрѣлъ на балконъ, онъ увидѣлъ дѣвушку, одѣтую въ бѣлое съ длинными черными волосами... Сердце его задрожало тогда отъ какого-то нѣжнаго чувства, которое охватило его въ эту минуту отъ страха передъ будущимъ и жалости къ себѣ. Отецъ поцѣловалъ его въ первый разъ въ своей жизни и сказалъ „мой сынъ“... Это былъ дрожащій, слабый голосъ, въ которомъ слышались слезы.

А когда старикъ ушелъ, онъ еще стоялъ со своими товарищами и ждалъ появленія бѣлаго платья и черныхъ волосъ, которые скрылись въ домѣ.

III.

Послѣ недѣли мученій и колебаній между надеждой и отчаянiемъ, Соломонъ умеръ. Когда докторъ Виникъ пришелъ къ брату, онъ нашелъ во дворѣ хлопотавшихъ евреевъ, которые съ озабоченными и опечаленными лицами метались въ разныя стороны. Нѣкоторые сидѣли небольшой кучкой у дома и тихо разговаривали; другіе подошли къ огороду, который былъ около дома, прислонились къ забору и оглядывали зелень, которая росла тамъ. Они были огорчены смертью Соломона, который былъ такимъ хозяиномъ: самъ онъ дѣлалъ заборъ у огорода, самъ онъ полоть траву въ свободное время. Иные выходили на улицу и заглядывали на крестьянскія повозки, ища купить чего-нибудь. Женщины стояли у дверей дома съ покраснѣвшими отъ слезъ глазами. Нѣкоторыя изъ нихъ надѣли теплые платки, несмотря на жаркій лѣтній день. Изъ дому были слышны отдѣльные плачущіе голоса, и было странно, что въ такой ясный день, среди блеска солнца и массы свѣта, который на улицѣ, одинъ домикъ выдѣлился изъ общаго ликованія своимъ плачемъ, стонами и претензіями къ Богу...

Когда докторъ Виникъ подошелъ къ дому, евреи молча дали ему пройти. Онъ вошелъ въ домъ. Нѣсколько секундъ онъ всматривался, пока разобралъ все, что въ комнатѣ. На грязномъ, сыромъ полу, между помятыми соломенными стеблями, лежалъ покойникъ, покрытый чернымъ старымъ платкомъ. У головы его горѣли двѣ стеариновыя свѣчи, вставленныя въ заржавленные мѣдные подсвѣчники. На пустой постели сидѣли двѣ ста-

ря женщины и шили савань. Ихъ пергаментныя лица были угрюмы, на лицахъ была какая-то холодность къ чужому горю. На скамьяхъ сидѣли дѣвушки и женщины; онѣ шептались другъ съ другомъ и покачивали головами со смиреннымъ видомъ, какъ будто указывая, что нельзя роптать. Тѣ, которыя были помоложе, держали въ рукахъ бѣлые носовые платки. Беременная жена покойнаго стояла въ углу около печи и громко рыдала, а ея большой животъ трясся отъ рыданій. Около ея ногъ лежалъ грязный ребенокъ и билъ палкой по землѣ. Вокругъ нея стояли ея старшіе мальчики. Лицо одного изъ нихъ, мальчика лѣтъ девяти, было грязно и мокро отъ слезъ. Онъ плакалъ громко съ открытымъ ртомъ, не обращая ни на кого вниманія. Младшій смотрѣлъ съ широко раскрытыми глазами на ноги покойника, которыя обрисовывались изъ-подъ платка. Его худое лицо было блѣдно, и онъ имѣлъ видъ испуганнаго ягненка. Мойше-Аронъ отвернулся къ стѣнѣ и прикрылъ лицо руками, облокотившись на комодъ. Тетя Малка медленно и печально покачивала головой и не перестала качать, когда вошелъ докторъ. Ему казалось, что этимъ движеніемъ головы она говорила ему: „Смотри, что ты намъ надѣлалъ“...

Докторъ себя чувствовалъ скверно и тяжело, какъ чело-вѣкъ, который не спалъ нѣсколько ночей. Всѣ смотрѣли теперь на него, а онъ смущенно переходилъ съ мѣста на мѣсто. Изъ среды дѣвушекъ, которыя сидѣли на скамьѣ около тети Малки, выглядывала миловидная голова ея дочери. Когда она, бывало, посмотритъ на него своими полными слезъ глазами, ея губы складывались въ едва замѣтную улыбку. При видѣ этой дѣвушки докторъ почувствовалъ какое-то облегченіе, и онъ невольно также улыбнулся ей.

Онъ оглянулся и встрѣтился съ заплаканными глазами беременной женщины. Онъ смутился и вышелъ въ сѣни, а евреи, которые тамъ шептались, замолчали и смотрѣли на него. Одинъ изъ нихъ, невысокаго роста старикъ съ длинной и широкой бородой съ просьбою, подошелъ къ нему. Это-былъ шамешъ бейсъ-гамедраша.

— Да, такъ-то...—началъ онъ—ну, чтожъ дѣлать? Жалко! Молодой чело-вѣкъ, въ цвѣтѣ лѣтъ, честный еврей, самъ зарабатывалъ... Жаль... четверо дѣтей, жена беременна... Ну! помочь нельзя... Нѣтъ ли у васъ папиросы? Кажется, вы курите. Я помню...

Докторъ подаль ему свой портсигаръ и спросилъ.

— Что?

— Ничего... я говорю... э-э... мальчикъ остается мальчикомъ... Вотъ я смотрю въ бейсъ-гамедрашѣ. Прихожане курятъ и кидаютъ окурки, а мальчики подхватываютъ ихъ и берутъ въ ротъ... дурни... И спички есть у васъ? Да, жалко...

Докторъ далъ ему спички и почувствовалъ какое то отвращеніе къ этому старику съ его хриплымъ, картавымъ голосомъ. Онъ подошелъ къ дверямъ сѣней, чтобы скрыться отъ любопытныхъ глазъ, которые смотрѣли на него со всѣхъ сторонъ.

— Вотъ идетъ Симхе Лейбесъ!—возвѣстилъ одинъ еврей, который сидѣлъ на скамьѣ у дома.

— Докторъ посмотрѣлъ и увидѣлъ, что къ дому подходитъ старый кривоногій еврей, медленно ступающій и покачивающій бородой на ходу; кажется, что онъ прыгаетъ на одномъ мѣстѣ, а не подвигается впередъ. Это былъ ребъ Симхе, староста бейсъ-медреша. Хорошій старикъ, надъ которымъ всѣ смѣялись за его страшную скупость и странное обращеніе со своими домашними; а все-таки его почитали и слушались во всѣхъ ритуальныхъ вопросахъ.

— Чего они ждуть? Почему они не обмываютъ покойника? закричалъ ребъ Симхе издали, еще не доходя до двора.—Почему даютъ женщинамъ плакать? Развѣ можно задерживать покойника? Гдѣ Мойше-Аронъ?—Вѣдь онъ братъ!

Изъ всѣхъ людей, которые стояли передъ домомъ и молчали или тихо шептались, чтобы не нарушить горестнаго спокойствія, только одинъ ребъ Симхе позволялъ себѣ держаться совершенно свободно. Видно было, что онъ привыкъ къ такимъ случаямъ. И эти чистые и спокойные глаза не разъ видѣли подобныя печальныя сцены.

Ребъ Симхе направился въ сѣни и увидѣлъ тамъ доктора Виника.

— Вотъ и Лейбель здѣсь. Ну, чтожъ... Я говорю: почему не омывають покойника? Зачѣмъ этотъ лишній плачъ? Развѣ люди оживаютъ отъ этого?...

Онъ покачалъ головой и посмотрѣлъ на доктора. Затѣмъ онъ съ укоромъ обратился къ евреямъ, которые стояли въ сѣняхъ и смотрѣли:

— А, ну!.. стоятъ и смотреть! Развѣ вы пришли сюда смотреть? А!

Докторъ Виникъ посмотрѣлъ удивленно на ребъ Симхе. Шамешъ придвинулся къ нимъ.

— Что такое, ребъ Симхе?

— А, и ты тутъ?— „Что такое!“ Что вы пришли сюда стоять сложа руки? Развѣ ты не видишь, что этотъ не рвалъ еще „криа“? Вѣдь онъ братъ! Что—нѣтъ? Давай ножъ.

Ребъ Симхе замолчалъ и посмотрѣлъ на окружающихъ съ видомъ занятого человѣка, сердито теребя бороду. Когда онъ взялъ ножъ и началъ рѣзать полу доктора, онъ не переставалъ ворчать про себя:

— Стоять и смотреть! Онъ самъ не знаетъ... не привыкъ, но они! •

Онъ отдалъ доктору его полу и указалъ ему, чтобы онъ рвануль.—Такъ, такъ... еще немного... довольно!

Въ голосѣ ребъ Симхе была какая-то пріятная мягкость. Съ докторомъ онъ обращался, какъ съ ребенкомъ, надъ которымъ добрые люди сжалились и защищаютъ его отъ другихъ... докторъ себя дѣйствительно чувствовалъ, какъ ребенокъ, когда ребъ Симхе ушелъ, и онъ остался одинъ среди евреевъ, ошупывалъ надрѣзанную полу и смотрѣлъ на всѣхъ съ смущеннымъ видомъ. Ему казалось, что преграда, которая отдѣляла его отъ всѣхъ остальныхъ, теперь пала, и всѣ эти лица, обрамленныя длинными бородами, сдѣлались ему близкими и милыми, какъ когда-то давно...

Онъ вышелъ на улицу и сѣлъ на скамью около дома. На улицѣ стояла тишина лѣтняго жаркаго дня; иногда только показывалась крестьянская повозка по дорогѣ отъ базара. Во дворѣ текли ручейки, въ которыхъ солнце купало свои горячіе и жадные лучи, а ручейки отъ этого искрились. Высокій, босой парень стоялъ у колодца съ ведрами. Одной рукой онъ придерживалъ коромысло, а въ другой большой огурецъ, который онъ ѣлъ, и прислушивался къ плачу и причитываніямъ, которыя доносились изъ дома. Плачь все усиливался и перешелъ въ потрясающій вой отчаявшихся и разбитыхъ людей, въ истерическія рыданія вдовы и маленькихъ сиротъ. Доктору Винику казалось, что онъ здѣсь уже давно, и все, что происходитъ въ домѣ, тянется безконечно долго...

— А Мойше-Аронъ стоитъ у стѣны и прикрылъ лицо руками,—вспомнилъ вдругъ докторъ.

Удивительный человѣкъ этотъ Мойше-Аронъ! Постоянно онъ молчитъ, постоянно онъ погруженъ въ какую-то спокойную нѣмую печаль. Кажется, что онъ скрываетъ въ душѣ длинную

и большую думу и онъ никогда никому не откроетъ ее... О чемъ онъ думаетъ теперь, стоя у стѣны?

— Ш-ш... папа!.. ш-ш... па-ага!..

Гробъ, покрытый чернымъ сукномъ, стоялъ уже у дома, а старшій мальчикъ-сирота смотрѣлъ на него, стоя на порогѣ, и рыдалъ съ открытымъ ртомъ. Его окружили мальчишки и смотрѣли на него съ любопытствомъ.

— Подойди ко мнѣ!—позвалъ его докторъ.—Ну, подойди, малышъ... Какъ его звать?—обратился докторъ къ мальчикамъ.

— Абрамчикъ.

— Подойди, Абрамчикъ!—Докторъ всталъ и подошелъ къ мальчику. Жалость и состраданіе охватили его въ эту минуту.— Авремеле! Вѣдь я твой дядя! Не бойся... не плачь... Авремеле...

Но мальчикъ не показывалъ расположенія къ ласкамъ дяди и, когда докторъ хотѣлъ погладить его по щекѣ, онъ убѣжалъ отъ него во дворъ. Докторъ смущенно пошелъ за нимъ и вытеръ носовымъ платкомъ руку, которую онъ запачкалъ въ соплѣ мальчика. Когда тотъ скрылся за конюшней, докторъ вернулся въ домъ.

Онъ продвинулся черезъ плотную стѣну евреевъ, которые столпились, чтобы увидѣть голое тѣло, которое отдано въ полное распоряженіе „братчиковъ“. Каждый изъ присутствующихъ старался вытянуться, какъ можно выше, и, сдерживая дыханіе, смотрѣлъ на безцеремонное обращеніе съ тѣломъ.

— Почему не подаютъ воды?—закричалъ нахально одинъ изъ членовъ братства.—Куда всѣ разбрелись? Развѣ въ городѣ нѣтъ воды?

Докторъ подошелъ ближе къ доскѣ, на которой лежалъ покойникъ, чтобы увидѣть его. Черты лица заострились, правая рука бессильно лежитъ съ боку, а жиденькая бородка приподнялась кверху, что придавало лицу выраженіе слабости и усталости. Казалось, что онъ не умеръ, а только закрылъ отъ боли глаза, чтобы не видѣть, какъ безжалостно треплютъ его тѣло. Молча онъ протягиваетъ шею ангелу смерти: „Я усталъ... поди, зарѣжь!..“

— Почему я не плачу?—началъ упрекать себя докторъ—вѣдь это Шлоймке... Шлоймке... Шлоймке...

Ему захотѣлось горько заплакать, но какая-то тьма охватила его душу и закрыла всѣ ея уголки. Одно мгновеніе онъ чувствовалъ, что изъ глубины его души порывается вырваться бурная и теплая искра, что вотъ-вотъ онъ заплачетъ,—но тутъ

же эта искра пропадала и скрывалась во тьмѣ, которая со всѣхъ сторонъ окружала его душу...

— Шлоймке... Шлоймке...

Но передъ собой онъ видитъ только что-то такое длинное, холодное и чужое.

Вотъ голова... худая шея... грудь... животъ... ноги... длинные ногти, черные, отвратительные... сколько такихъ тѣлъ онъ держалъ въ рукахъ въ клиникѣ!

Плачь женщинъ, которыхъ вывели въ другую комнату, гудѣлъ у него въ ушахъ. Это былъ какой-то отчаянный, крикливый, надоѣдливый вой различныхъ голосовъ, изъ которыхъ выдѣлялся усталый голосъ тети Малки, которая не хотѣла примириться и обращалась къ Богу съ претензіями:

— Авремель, Авремель! Мой праведный братъ, мой святой братъ! Ай—чистая душа, ясная душа! Ай—выйди навстрѣчу твоему праведному сыну, твоему младшему сыну... твоему Шлоймке... Идите оба къ Владыкѣ вселенной и скажите ему: Ай—Владыко вселенной! Почему ты наказываешь насъ такъ? Ой-ой, ой-ой; съ кѣмъ мы остались? Кто остался изъ нашей семьи? Ай—одинъ старъ и боленъ, хочетъ уйти въ далекія страны искать кусокъ хлѣба, а второй ушелъ отъ насъ, онъ не нашъ... ой-ой, ой-ой... Шлоймеле, праведникъ ты мой! Вѣдь при жизни ты былъ жалостливымъ и добрымъ... прости своего брата Лейбея... можетъ онъ не обращался съ тобою по-братски... онъ не виноватъ въ этомъ... Прости свою старую тетку Малку! Можетъ она обидѣла тебя словомъ... Вѣдь ты знаешь, что я всегда желала добра... Ай—бѣда моя, бѣ-ѣда!

Докторъ стоялъ и прислушивался къ причитываніямъ тетки и очень удивился! Теперь только онъ разобралъ, что ея голосъ похожъ на голосъ его отца. Она обращается къ брату съ такимъ голосомъ, какъ отецъ... Странно!

— „Абрамъ Виникъ? Кто это Абрамъ Виникъ?“—мелькнуло у него въ умѣ. Онъ оглянулся по сторонамъ: кто это спросилъ?

Затѣмъ онъ подошелъ къ комоду, гдѣ стоялъ Мойше-Аронъ лицомъ къ стѣнѣ. Тотъ поднялъ голову—тяжелая круглая слеза текла по его носу и упала на бороду. Докторъ Виникъ теперь только замѣтилъ сѣдину въ бородѣ брата. Онъ тоже прикрылъ лицо руками, и такъ стояли оба брата рядомъ нѣсколько минутъ. Между ними что-то пронеслось. Докторъ Виникъ почувствовалъ, что его братъ неслышно плачетъ. Мойше-Аронъ—молчальникъ, который всегда думаетъ одну думу,—плачетъ,—и какое-то теплое

чувство охватило душу доктора, онъ началъ подвигаться къ брату...

— Лейбель...—прошепталъ Мойше-Аронъ.

Докторъ приподнялъ голову и почувствовалъ, что тьма, которая окутала его, исчезаетъ, и тысячи теплыхъ капель поднимаются и вьются на ея мѣсто.

— Лейбель... теперъ мы остались... нашъ братъ... Шлоймке...

Больше докторъ Виникъ не могъ сдержатъ себя. Горячія слезы подступили къ горлу. Онъ быстро выбѣжалъ изъ дому и пошелъ въ конюшню; тамъ онъ прислонился къ телѣгѣ и горько разрыдался...

Онъ плакалъ, какъ ребенокъ, прислушиваясь къ своему плачу. Это была исповѣдь прибитаго человѣка, который попалъ среди счастливыхъ, и долго онъ долженъ былъ заставлятъ себя забыть все, что ему дорого и мило, чтобы обмѣнять это на другой, чуждый ему міръ... Теперъ онъ вернулся къ своимъ бѣднымъ братьямъ. Онъ видитъ ихъ нищету и долженъ со стыдомъ сознаться, что онъ ушелъ отъ борьбы, что его руки опустились, что онъ усталъ бороться...

.....

Когда пронесли гробъ мимо дома Бергера, Виникъ увидѣлъ старика съ дочерью на балконѣ. Они смотрѣли на него печально какъ будто соболѣзнуя ему. Докторъ опустилъ голову и думалъ, что онъ вѣчно будетъ колебаться, не зная, куда пойти.

И скверно ему было до боли.

Перев. В. Г.

Изъ Х. Н. Бялика.

На поиски свѣта.

Народное дѣло какъ нѣкогда ждеть...
Остатки героевъ—борцовъ за народъ
Во дни Маккавеевъ въ пещерахъ подземныхъ
Скрывались отъ пытокъ и келій тюремныхъ,
И грохотъ оружья и пѣнье псалмовъ
Пугали безмолвіе скалъ и лѣсовъ,
И въ мрачныхъ пещерахъ народное дѣло
Незримо росло и созрѣло...
Мы жалки, безсильны, но пламеннымъ зовомъ,
Какъ встарь мы къ борьбѣ вдохновимъ,
Какъ молотомъ тяжкимъ, Божественнымъ словомъ
Мы камень сердець раздробимъ!
Не всѣхъ нашихъ силъ мы врагомъ лишены,
Мы Богомъ, мы Богомъ сильны!..

Придите народу родному помочь,
Разсѣять тоски и отчаянья ночи!..
Но чѣмъ же?.. Всѣмъ лучшимъ, что есть и возможно,
И съ кѣмъ?.. Кто на помощь придетъ,
Кто сердцемъ болѣлъ и душою тревожной
Народа почувствовалъ гнеть.
Всѣ жертвы нужны, каждый дорогъ привѣтъ,—
Въ борьбѣ и опасности выбора нѣтъ.
Все лучшее—искры отваги и свѣта,
Что въ сердца остались больномъ,
Сберемъ, сбережемъ и воздвигнемъ все это
На знамени нашемъ родномъ,
И къ намъ соберется отважная рать
Народъ отъ позора спасать.

На поиски свѣта, откройте его,
 Готовьте народныхъ надеждъ торжество!
 Пусть мрачныя горы надъ нами нависли,—
 Подъ ними огонь вдохновенья и мысли!
 Мы пламя добудемъ въ громадѣ холодной,
 И въ каждомъ уступѣ—алмазъ,
 Въ народной душѣ, въ нѣдрахъ жизни народноѣ
 Божественный свѣтъ не угасъ.
 Впередъ на работу, на подвигъ священный,
 Огни зажигать мы пойдёмъ,
 И залежи свѣта въ борьбѣ вдохновенной
 Повсюду безъ счету найдемъ...
 Въ борьбу за народъ, за грядущіе дни,
 На поиски свѣта, зажгите огни!

Изъ зимнихъ пѣсенъ.

I.

Ранній холодъ, крикъ вороны
 Въ щель проникли—я проснулся,
 И внезапно кто-то сердца
 Вѣстью праздничной коснулся;

И нежданную отраду
 Заронилъ мнѣ въ сердце кто-то,
 Сталъ инымъ мой темный угольъ,
 Лучъ покрылъ все позолотой...

На стеклѣ зимы узоры;
 Какъ окошко измѣнилось!
 За ночь, словно жезлъ Арона,
 Цѣлой рощей расцвѣтилось.

Иней пальмы разукрасилъ,
 Сосны стройныя и клены,—
 Вамъ привѣтъ, цвѣты изъ снѣга,
 Здравствуй, лѣсъ, зимой взрощенный!

Блескомъ утреннимъ холоднымъ
 Темный уголь обновился,
 Словно къ празднику приютъ мой
 Ангель выбѣлить спустился...

Свѣтъ холодный, свѣжій, яркій
 Въ грудь вливаетъ страсть и силы,
 Словно въ сердцѣ поселился
 Ангель чистый свѣтлокрылый.

II.

.....Въ яркой упряжи сверкая,
 Кони быстро понесли,
 Снѣгъ копытами взрывая,
 Чуть касаяся земли.

Сани мчатся по простору,
 Колокольчики звенять,
 Нѣтъ вокругъ предѣла взору,
 Лица радостью горять.

Словно всѣ безумной страстью
 Жаждой жгучею зажглись,
 Задыхаясь, по простору
 Неудержно пронеслись.

Воли, воли! О возница!—
 Даль зоветъ, манять лучи,—
 Брось въ просторъ меня безбрежный,
 Душу по вѣтру помчи!

Не спроси: куда помчаться—
 Все равно,—впередъ, впередъ!
 Въ даль, гдѣ жизнь еще трепещетъ,
 Капля крови хоть течетъ!

Я питомецъ Іешивы,
 Худъ и блѣденъ я лицомъ,
 Но во мнѣ таятся силы,
 Какъ зимою подо льдомъ.

Отъ моей, отъ мнимой стужи
Вѣютъ молодости сны,
Силы новой ароматной
И невиданной весны...

Не гудите зимнимъ гуломъ,
Телеграфные столбы!—
Сердце страстно рвется къ жизни,
Жаждетъ жизни и борьбы!

Пусть разсѣется унынье,—
Миръ сіяетъ красотой!
Выпьемъ быстро кубокъ жизни,
Чтобъ не взялъ его другой,

Припадемъ, глоткомъ единымъ
Выпьемъ кубокъ весь до дна,
Въ дикомъ бѣшеномъ порывѣ
Страсти выльется волна,

Сердце страстью истощится,
Словно брошенное въ брань,
И застынетъ,—въ лѣсъ далекій
Понеси тогда—и стань!

Подъ покровомъ стройныхъ сосенъ
Тамъ безмолвно и мертво,
Тамъ все чисто, величаво,—
Неизвѣстно для кого...

Полный тайны, свѣтлый, гордый
Лѣсъ сверкаетъ въ серебрѣ,
Онѣмамъ кадитъ онъ небу
На безгрѣшномъ алтарѣ,

Пелена сверкаетъ снѣга,
Нѣтъ и пятнышка на немъ,
Есть въ лѣсу томъ наковальня,
Въ немъ и молотъ мы найдемъ.

Вырву сердце я изъ груди,
Словно саблю изъ ноженъ,

**Положу на наковальню,
И по немъ удара звонъ**

**Тишь вспугнетъ, и съ каждымъ мигомъ
Тяжкимъ молотомъ сильнѣй
Размахнусь,—и эхо лѣса
Мнѣ откликнется: смѣлѣй!**

**Силъ невѣдомыхъ потокомъ
Сердце снова закипитъ,
Обновится, возродится,
Закалится, какъ гранить...**

Л. Яффе.

Передъ слѣдователемъ.

Очеркъ Іегуды Штейнберга.

(Съ еврейскаго).

Онъ спасся какимъ-то чудомъ.

И помнитъ онъ все отъ начала до конца. Но каждый эпизодъ мелькаетъ въ его умѣ отдѣльно, безъ всякой связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ, какъ будто во времени тогда не было никакой послѣдовательности...

Поэтому-то каждый эпизодъ запечатлѣлся въ его умѣ особенно ярко, почти съ ощущаемой рельефностью, какъ будто все произошло сейчасъ передъ его глазами!..

... Онъ сидитъ въ лавкѣ у стола... трескъ разбитаго стекла... камень падаетъ на письменный приборъ, который стоитъ на столѣ... чернила потекли тонкими ручейками и пролились въ щели доски.

Поповъ... Абрикосовъ... красное число...

Это были этикетки на ящикахъ съ чаемъ и конфетами, и красное число на календарѣ, на который тогда случайно упалъ его взглядъ...

И онъ вспоминаетъ, что тогда дѣлалось на улицѣ... Голоса и лица смѣшались вмѣстѣ, но каждый изъ нихъ запечатлѣлся въ памяти...

Обрывки криковъ изъ оконъ, изъ улицы, изъ его собственной души...

Видитъ ли онъ, слышитъ ли?..

Онъ не можетъ разобрать.

И опять крики,—они исходятъ ужъ отъ него... но тутъ неясность.

Онъ видитъ себя—лежитъ на полу, не въ лавкѣ, а въ.

квартирѣ... и три босяка тамъ... жена его лежитъ на полу—какъ-то странно... между головой и плечами отверстие...

Дочь отбивается отъ двухъ босяковъ... Онъ хочетъ встать—и не можетъ; хочетъ закричать—и не можетъ. Тѣло не слышится его...

Дочь отбивается... падаетъ и встаетъ... Третій босякъ обыскиваетъ его карманы и ящики...

Дочь падаетъ... въ рукѣ у нея клокъ волосъ... и опять не ясно..

Онъ спасся чудомъ.

И онъ вѣритъ, что онъ спасся не для того, чтобы съѣсть столько-то фунтовъ мяса и выпить еще нѣсколько бутылокъ вина. Онъ спасся для того, чтобы свидѣтельствовать противъ убійцы.

Онъ стоитъ передъ слѣдователемъ и передаетъ факты и обрывки фактовъ.

Къ его показаніямъ присоединился еще одинъ еврей, который видѣлъ трехъ извѣстныхъ ему босяковъ. Въ эту лавку они вошли съ пустыми руками, а вышли нагруженные.

Одного изъ трехъ привели къ слѣдователю.

Потерпѣвшій посмотрѣлъ на него и отшатнулся.

Слѣдователь посмотрѣлъ на потерпѣвшаго съ скрытой улыбкой. Видно было, что онъ подозрѣваетъ его въ искусственномъ движеніи.

— Вы узнали его?

Тотъ вздохнулъ, покачалъ головой и сказалъ:

— Да, я узнаю его. Это не убійца моей дочери и не убійца моей жены.

Насмѣшливость слѣдователя сразу пропала.

— Объясните!

— Просто: онъ не могъ убивать, потому что былъ занятъ грабежомъ.

— Вглянитесь хорошенько! Можетъ быть?..

— Не зачѣмъ: я его отлично узнаю! Онъ дѣйствительно подозрѣвается въ убійствѣ, но въ этомъ случаѣ его предупредили другіе.

— Можетъ вы не рассмотрѣли его.

— На двухъ убійцахъ есть примѣты. Одинъ остался безъ носа, а у другого откушенъ конецъ праваго уха. Перваго укусила моя дочь, когда она отбивалась отъ него, а у другого—я не знаю кто; можетъ быть это сдѣлала моя жена.

— А этотъ?

Еврей бросилъ на него взглядъ полный ненависти и презрѣнія:

— Это не убійца моей дочери и жены!

Слѣдователь былъ пораженъ. Онъ былъ предупрежденъ, что обвинителей нужно хорошенько допросить; ихъ начали дозрѣвать, что они обвиняютъ по предположеніямъ и ради мести. Но онъ видитъ, что этотъ еврей знаетъ всѣ послѣдствія ложнаго свидѣтельства, и никакая вражда и ненависть не можетъ сбить его съ истины.

Онъ задумался.

Слѣдователь Василій Мироновичъ Карповъ не былъ антисемитомъ, но особеннымъ расположеніемъ къ евреямъ не отличался. Онъ относился къ нимъ какъ-то недовѣрчиво.

Онъ зналъ, насколько слабы и нелогичны обвиненія антисемитовъ противъ евреевъ. Онъ понималъ, что нельзя сказать значительной массѣ людей, которая въ теченіи цѣлаго ряда вѣковъ росла и развивалась въ одномъ мѣстѣ: у васъ нѣтъ никакого права на это мѣсто, потому что ваши предки не родились здѣсь. Онъ понималъ, что если дойти до такого вывода, то ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не можетъ быть названъ кореннымъ жителемъ.

Онъ зналъ также, что объясненіе антисемитизма экономическими мотивами не имѣетъ подъ собой почвы. Если бы въ несчастной „торговлѣ“ евреевъ стѣснили бы еще большими запретами и ограниченіями и въ то же время имъ дали бы пристроиться къ земледѣлію, — они навѣрное выбрали бы послѣднее вмѣсто своего неопредѣленнаго существованія... Это общій законъ, который примѣнимъ ко всѣмъ народамъ: изъ двухъ золъ выбираютъ меньшее; но, по его мнѣнію, никто не имѣетъ права отнять торговлю у евреевъ, потому что, въ концѣ концовъ, они все-таки самые способные въ этой отрасли и наиболѣе желательный элементъ въ ней.

Онъ зналъ, что всѣ тѣ беспорядки и погромы, отъ которыхъ евреи такъ страдаютъ,—не народный протестъ противъ нихъ, какъ нѣкоторые увѣряютъ, а только результаты происковъ единичныхъ лицъ, которыя распространяютъ ложныя слухи и грубыя небывлицы среди невѣжественной массы.

Онъ зналъ, что еще бессмысленнѣе громить евреевъ во славу вѣры, потому что они принадлежатъ къ другой. По его мнѣнію, наилучшая сторона религіи—это ея моральная часть, и

нѣтъ такой религіи въ мірѣ, въ которой не было бы хоть немного морали, тѣмъ болѣе въ еврейской. Если очень многіе участвовали въ войнахъ грековъ, а русскіе въ борьбѣ болгаръ и сербовъ и проливали кровь за то, что предки однихъ были знаменитые мудрецы, а другихъ—апостолы христіанства, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ за тѣ же заслуги защищать евреевъ.

Все это онъ зналъ хорошо. Но у него была одна слабость: когда дѣло доходило до обвиненія евреевъ въ употребленіи крови съ ритуальными цѣлями,—здравый смыслъ его тотчасъ же оставлялъ.

Причинъ тому было много. Главною была его жена, Марья Васильевна—еврейка, которая крестилась и вышла за него замужъ.

Онъ любилъ и уважалъ ее, когда она была дѣвушкой и жила у своего отца. Къ крещенію принудило ее положеніе вещей. Но онъ самъ въ душѣ сознавалъ, что всѣ качества, которыя онъ нашель въ ней, присущи ей только потому, что она еврейка. Эта скромность, невинность, красивое сочетаніе логическаго расчета и требованія чувства — все это онъ нашель въ ней въ большей степени, чѣмъ у кого бы то ни было. Онъ усталъ уже отъ раннихъ жизненныхъ бурь и стремился къ мирной семейной жизни, а лучшей дѣвушки, чѣмъ эта, онъ не встрѣчалъ.

Она принадлежала къ тому кругу, гдѣ крещеніе не производитъ переполоха; особенно тѣсныхъ сношеній съ евреями ея города у нея не было. Число ея враговъ не увеличилось, благодаря крещенію, а число друзей не уменьшилось.

Когда евреи приходили иногда къ слѣдователю по дѣламъ, онъ чувствовалъ, что ему слѣдуетъ быть съ ними любезнымъ ради жены. Но она, наоборотъ, была съ ними очень непривѣтлива.

Если по ошибкѣ попадали къ нимъ еврей-нищіе, она ихъ грубо выгоняла.

Когда у ея гостей заходилъ разговоръ о еврейскомъ вопросѣ, она неохотно принимала въ немъ участіе. Иногда она, бывало, выскажетъ по этому вопросу такое крайнее мнѣніе, что даже „Новое Время“ могло бы гордиться имъ.

Среди тѣхъ лицъ, которыя бывали у нихъ, были доктора, юристы и другіе интеллигентные евреи. Онъ относился къ нимъ очень любезно. Но она однажды сказала ему, что ей неприятны ихъ визиты.

Ея отношеніе къ своимъ бывшимъ собратьямъ возбуждало въ немъ подозрѣніе.

Слѣдователь Василій Мироновичъ не былъ особенно глубокимъ психологомъ. Онъ не зналъ, что такая явная ненависть можетъ быть слѣдствіемъ скрытой любви. Онъ не зналъ, что когда человѣкъ измѣняетъ опредѣленное мнѣніе или установившіяся отношенія, для того чтобы добиться какой-нибудь практической цѣли, онъ не можетъ остаться довольнымъ, когда онъ уже добился этой цѣли. Такой человѣкъ будетъ всегда находиться между двумя притягательными силами, которыя никогда не могутъ соединиться. Онѣ его тянутъ, толкаютъ и причиняютъ ему страданія. Онъ постоянно хочетъ мстить той силѣ, которая его больше мучаетъ...

Карповъ не нашелъ видимой причины вражды его жены къ ея собратьямъ и началъ подозрѣвать скрытую причину.

— Вѣдь всѣ говорятъ про кагальныя тайны, отлученія, разрѣшенія обѣтовъ, странныя подпрыгиванія передъ луной... Какъ знать, не проистекаетъ ли ея ненависть отъ того, что она знаетъ о какихъ нибудь тяжелыхъ преступленіяхъ, которыя продѣлаваются въ кагалѣ?...

Это подозрѣніе было не ново. Онъ наблюдалъ отношеніе интеллигентныхъ евреевъ къ христіанамъ. Онъ замѣчалъ тутъ какую-то неестественность, желаніе показаться. Ихъ состраданіе къ неевреямъ казалось ему утрированной, особенно въ сравненіи съ ихъ безразличнымъ отношеніемъ къ своимъ. Казалось, что въ обоихъ случаяхъ ярко проглядывали искусственность и преднамѣренность. Достаточно попросить у одного изъ нихъ пожертвованіе на что бы то ни было—на католическій костель, на постройку больницы въ какой-нибудь деревнѣ, только не на еврейское учрежденіе—всѣ они дадутъ очень щедро.

Иногда ему слышалось въ тонѣ ихъ разговоровъ нѣчто въ родѣ извиненія.

Для него было ясно, что если бы интеллигентный еврей былъ судьей, и передъ нимъ предстали бы еврей и не-еврей, то, навѣрное, второй былъ бы оправданъ.

Изъ всѣхъ обвиненій, которыя предъявляютъ этому народу, онъ признаетъ справедливость только одного: всѣ христіанскія служанки, которыя хоть разъ служили у образованнаго еврея, отличаются легкомысліемъ, заносчивостью и непослушны.

Все это, а особенно отношеніе его жены къ своимъ быв-

шимъ собратьямъ, было въ его глазахъ загадкой, которую онъ хотѣлъ разрѣшить другими загадками.

— Кто знаетъ, о сколькихъ тяжелыхъ преступленіяхъ, совершенныхъ массою и кагаломъ, освѣдомлены эти несчастные?... Можетъ быть вся готовность оказать услугу не еврею и щедрость — только желаніе загладить грѣхъ, это протестъ души, стремленіе очиститься жертвой.

Каждый разъ, когда въ послѣднее время возбуждалось обвиненіе евреевъ въ употребленіи крови, онъ цѣлыми часами задумывался надъ этими вопросами.

Иногда ему мерещилось, что онъ видитъ синагогу — безъ оконъ... горять восковыя свѣчи... толпа одѣта въ „кители“, „талесы“ и остроконечныя ермолки... рѣжутъ христіанскихъ дѣтей... ихъ кровь сливаютъ въ золотой бокалъ...

Онъ вздрагиваетъ и отгоняетъ отъ себя кошмаръ.

Однажды онъ рѣшилъ поговорить объ этомъ съ женой.

Сдѣлалъ онъ это съ надлежащей осторожностью.

Но она посмотрѣла на него искоса, лицо ея то блѣднѣло, то краснѣло:

— Я не нашла тебя въ церкви, а ты не взялъ меня изъ синагоги. Въ тотъ день, когда мы узнали другъ друга, я не предполагала услышать отъ тебя такіе вопросы, а потому я не приготовила на нихъ отвѣта.

Послѣ этого она три дня не выходила изъ своей комнаты.

Онъ былъ очень огорченъ этимъ. Она его не поняла. Какъ видно, она подумала, что онъ хочетъ оскорбить ее. Такъ ему казалось, и онъ огорчался этимъ. Но иногда ему какъ будто кто-то шепталъ на ухо: можетъ быть это она прикидывается разсерженной и обиженной, не желая вести неприятнаго разговора.

Онъ самъ старался смѣяться надъ собою и доказать себѣ, что всѣ его предположенія — плодъ богатой фантазіи. Но это продолжалось недолго, и его подозрительность снова возвращалась къ нему.

— Развѣ она не могла отвѣтить кратко и ясно: это ложь!!

Онъ самъ очень хотѣлъ бы, чтобъ это оказалось ложью. Онъ любилъ челоуѣчество и вѣрилъ въ его прогрессъ, а это обвиненіе коробило его. Честность и логическій умъ не позволяли ему не признавать, что представители этого племени — въ извѣстной степени носители прогресса. Ихъ преступленіе было

въ его глазахъ преступленіемъ значительной части человѣческаго общества.

Много безпокойства причинило ему это сомнѣніе.

Онъ уже говорилъ по этому поводу съ однимъ ученымъ раввиномъ. Тотъ старался ему доказать ложность этого обвиненія тѣмъ, что употребленіе крови вообще воспрещается еврейской религіей: „Даже кровь разрѣшенныхъ къ употребленію въ пищу животныхъ запрещена намъ, то какъ можно допустить, что мы ѣдемъ человѣческую кровь въ мацу?!“

Но это доказательство онъ не считаетъ основательнымъ: онъ знаетъ, что всякая религія иногда въ частномъ случаѣ разрѣшаетъ то, что вообще она запрещаетъ. Религія проповѣдуетъ миръ, милосердіе, состраданіе и любовь къ людямъ — и разрѣшаетъ идти огнемъ и мечемъ противъ тѣхъ, кто ея не принимаетъ...

Онъ пробовалъ иногда заговорить объ этомъ съ нѣкоторыми интеллигентными евреями. Но они отвѣчали ему какъ-то несерьезно, съ дѣланной шутливостью и скрытымъ чувствомъ обиды.

Въ его душу иногда западало подозрѣніе: можетъ быть, правы тѣ, которые предполагаютъ, что эта тайна извѣстна только ортодоксальнымъ евреямъ, съ длинными кафтанамъ и пейсами, но интеллигентные ничего объ этомъ не знаютъ, доказательствомъ чего можетъ служить то, что они даже древне-еврейскаго языка не знаютъ, какъ онъ ужъ не разъ имѣлъ случай убѣдиться.

И когда передъ нимъ стоялъ этотъ ограбленный еврей съ опущенной головой и продолжалъ утверждать, что этого босяка нельзя обвинять въ убійствѣ; когда онъ увидѣлъ, что еврей говоритъ прямо, безъ ненависти и безъ тѣни искусственности, — онъ смотрѣлъ на него съ почтеніемъ. Онъ окинулъ глазами его пейсы, спутанную бороду, кафтанъ, его сморщенные лобъ и щеки; и даже единственный цицисъ, который выглядывалъ изъ-подъ жилета старика, не скрылся отъ его взора. Онъ вдругъ подумалъ, что этого еврея онъ спроситъ о своемъ сомнѣніи: „Такой человѣкъ, даже если захочетъ обмануть меня, не сумѣетъ этого сдѣлать: у него языкъ не повернется. И онъ пойметъ меня, несмотря на то, что онъ ортодоксальный еврей и принадлежитъ къ старому поколѣнію. Онъ толковый человѣкъ и понимаетъ по русски“. Такъ онъ рѣшилъ и предложилъ еврею свой вопросъ.

Тотъ выслушалъ. Его нижняя губа задрожала. Онъ выпрямился и вперилъ свой взглядъ въ лицо слѣдователя. Онъ смот-

рѣлъ и молчалъ; — но видно было, что каждая морщина его лица порывается говорить. Онъ хочетъ сказать что-то такое, чего онъ не въ силахъ выразить словами.

Слѣдователь испугался. Онъ не узнавалъ лица старика. Ему казалось, что дрожащій старикъ, согнувшійся подъ тяжестью несчастій, исчезъ. Какой-то старецъ [время] апостоловъ передъ нимъ.

Нѣсколько секундъ старикъ молчалъ, затѣмъ заговорилъ:

„Девятнадцать вѣковъ вы всѣ, гонители евреевъ, оскорбляете насъ. Вы грабите наши деньги, вы разрываете наши Торы, вы убиваете нашихъ дѣвушекъ за то, что онѣ не позволяютъ вамъ осквернить себя... Велики, тяжелы ваши прегрѣшенія передъ нами. Но евреи прощаютъ! Все, все мы можемъ простить.

„Но ложь употребленія крови мы никогда не простимъ вамъ, никогда!... Если даже простятъ васъ тѣ несчастные, которыхъ вы зарѣзали, чтобы обвинить насъ въ ихъ смерти, — то мы не простимъ! Я не прошу! Моимъ дѣтямъ я завѣщаю, чтобы они не простили этого!... И Богъ не проститъ васъ!... Есть справедливость на небѣ! Вы, гонители евреевъ, нуждаетесь въ нашей крови, а мы невинны!“...

Глаза старика горѣли. Онъ забылъ, передъ кѣмъ онъ стоитъ. Видно было, что затронули его самое больное мѣсто. Но онъ тутъ же почувствовалъ, что наговорилъ лишняго. Онъ сдѣлалъ три шага впередъ, нагнулъ голову и протянулъ руки, какъ будто ожидая, чтобы на нихъ наложили желѣзные цѣпи.

Перев. В. Г.

Странникъ духа.

Р. Браинина.

(Съ еврейскаго).

Вездѣ, гдѣ-бы я ни былъ, я вижу его,—въ каждомъ общественномъ мѣстѣ, встрѣчаю его—молодого еврейскаго интеллигента-странника. Онъ является мнѣ въ разнообразныхъ видахъ: внѣшняя его оболочка всегда разная, но по существу своему, по духу и сути своей, онъ представляетъ нѣчто цѣльное, онъ всегда одинъ и тотъ-же.

И я его узнаю, чувствую, обнимаю его со всѣхъ сторонъ, при всѣхъ превратностяхъ и метаморфозахъ, подъ личиной которыхъ онъ такъ умѣло себя маскируетъ. Какъ номадъ, безпокойно бродить онъ, какъ отщепенецъ, какъ блудный сынъ. Онъ вездѣ чужой, какъ мимолетный гость, какъ туристъ, озирающийся кругомъ въ каждой странѣ, въ каждомъ государствѣ. Всегда онъ ищетъ, рыщетъ, чего то докапывается, и никогда ничего не находитъ: ничего не достигнувъ, онъ всегда легко теряетъ, что легко приобрѣлъ. Не доведя до конца созидаемаго, онъ быстро разрушаетъ то, что въ мгновение имъ воздвигнуто, разрушаетъ безпошадно, принципиально, идеи ради, разрушаетъ страстно, безъ всякой необходимости. Едва насаждая одной рукой, онъ другой вырываетъ съ корнемъ то, что пускаетъ пышный цвѣтъ и обѣщаетъ обильный плодъ.

Съ полуоткрытыми глазами онъ блуждаетъ по всѣмъ дорогамъ и тропинкамъ, и нигдѣ не находитъ настоящаго пути. Ступивъ на настоящую дорогу,—онъ скоро ее оставляетъ и опять блуждаетъ, какъ бродяга, ничего не видящій предъ собою впереди. Какъ франтъ мѣняетъ свои перчатки, онъ мѣняетъ свои идеалы, свои кумиры, которымъ поклоняется. Все ему одинаково близко и одинаково далеко; предъ всѣми онъ преклоняется и падаетъ ницъ, и на все плюетъ, все топчетъ ногами и смѣшиваетъ съ грязью. Онъ космополитъ, сынъ всѣхъ народовъ, и

всѣхъ странъ, но только на словахъ, а не сердцемъ, а если сердцемъ, то не всѣмъ сердцемъ, не духомъ и душой... Юный странникъ, братъ мой, плоть отъ плоти моей, куда ты идешь?

Чего ты ищешь? Куда влечетъ тебя духъ? Нѣтъ отвѣта, все молчить.

Молчить и онъ, и самъ не знаетъ, не даетъ себѣ отчета. Человѣкъ-пылинка, онъ несется на крыльяхъ всѣхъ вѣтровъ, бросающихъ его въ разныя стороны, вверхъ и внизъ. Погружаясь, какъ щепка въ морскую пучину, теряясь въ волнахъ морскихъ—онъ хвалится, что буря и волны ему нипочемъ. Человѣкъ-пылинка, въ душѣ онъ думаетъ, что самъ вызываетъ бурю, создаетъ сильное движеніе. Щепка, несущаяся на гребняхъ волнъ, мечтаетъ о томъ, что бушующее море подчиняется ея приказу. Онъ рабъ, находящійся въ порабощеніи рабовъ,—и вѣчно гремитъ о томъ, что всему онъ господинъ, что все въ его рукахъ, какъ глина въ рукахъ ваятеля. Онъ гордится своей духовной мощью, стремленіемъ къ свободѣ, но онъ разрываетъ цѣпи на своихъ рукахъ и ногахъ для того только, чтобы надѣтъ на нихъ еще болѣе тяжелыя и крѣпкія. Онъ всегда философствуетъ, говоритъ о важныхъ матеріяхъ, а въ душѣ его торичеллиева пустота. Онъ ищетъ счастья всего человѣчества а самъ онъ несчастнѣйшій среди несчастныхъ. Онъ несчастенъ потому, что въ глубинѣ сердца своего, въ тайникахъ души, онъ хорошо сознаетъ, что гонится за тѣнью, а быстро притупляющееся и угасающее чувство шепчетъ ему на ухо: „ты пасынокъ для того человѣчества, за которое ты такъ распинаешься и ломаешь копьѣ“.

Сколько превратностей и противорѣчій собрано въ душѣ этого еврейскаго Странника, безпокойно блуждающаго и духовно мятущагося! Онъ достаточно закаленъ духовной мощью, обладаетъ силой и отвагой, чтобы жертвовать собой ради той идеи, которой онъ преданъ и увлеченъ въ данный моментъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ трусливъ, безпомощенъ, безсиленъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Душа этого Странника полна трагизма; но въ ней также преобладаетъ значительная доля смѣха и сатиры. Этотъ Странникъ весь сотканъ изъ духа; но врата духа его народа и его собственной культуры для него закрыты.

И при всѣхъ разновидностяхъ его внѣшней оболочки, во всѣхъ видахъ и образахъ,—онъ всегда остается настоящимъ сыномъ діаспоры. Онъ стремится обнять все человѣчество, обнять весь міръ, а душа его всегда пребываетъ въ голушѣ. Онъ

слѣпъ на оба глаза, а хотѣлъ-бы обладать искусствомъ сдѣлать зрячими слѣпыхъ. Самъ онъ виситъ въ воздухѣ безъ всякой точки опоры, безъ почвы подъ ногами, а въ воображеніи своемъ онъ раздаетъ надѣлы безземельнымъ, снабжаетъ добромъ всѣхъ лишенныхъ собственности. Молодой Странникъ, братъ мой по участи и горю, сознаюсь откровенно, что иногда я благоговѣю предъ тобой, какъ предъ принцемъ, уведеннымъ въ плѣнъ въ чужую страну, въ среду чужихъ народовъ; но часто ты возбуждаешь во мнѣ чувство гадливости, какъ рабъ, драпирующийся въ мантию патриція. Иногда я полонъ гнѣва, смотрю на тебя какъ на измѣнника и блуднаго сына; но бываютъ моменты, что ты возбуждаешь во мнѣ чувство жалости. Я глубоко сожалею тѣбя, вѣчно блуждающій и спотыкающійся на каждомъ шагу дорогой братъ мой...

Меня всегда точитъ червь сомнѣнія, и душу волнуетъ печаль,—всегда невольно является у меня опасеніе: возвратишься-ли ты къ своему народу, которому ты измѣнилъ? Сознаешь-ли свои грѣхи предъ своими братьями, которые стремятся къ самобытности, къ возрожденію своей культуры, своего духовнаго бытія? Начнешь-ли прислушиваться къ голосу своихъ братьевъ, раздающемуся на каждомъ шагу изъ каждой пяди земли, обогреной ихъ кровью?

Пер. съ еврейск. *Станиславскій.*

Экономическое положеніе русскаго еврейства.

Передъ нами лежитъ двухъ-томное сочиненіе, изданное Еврейскимъ колонизаціоннымъ обществомъ, посвященное изслѣдованію экономическаго положенія евреевъ въ Россіи.

Всякій, кто задумывается надъ судьбами еврейства, долженъ будетъ изучать этотъ капитальный трудъ, который впервые раскрываетъ передъ нами почти всѣ проблемы матеріальнаго и духовнаго развитія русскаго еврейства.

Дѣло не въ абсолютной точности данныхъ—авторы сами указываютъ на всю неполноту и нѣкоторую неточность данныхъ—вся важность изслѣдованія лежитъ въ громадномъ значеніи относительныхъ данныхъ. Мы впервые узнаемъ приблизительно вѣрныя цифры о количествѣ земледѣльцевъ, ремесленниковъ и разнаго рода рабочихъ; мы получаемъ сравнительно точное понятіе объ экономической группировкѣ русскихъ евреевъ, о количествѣ совсѣмъ голодающихъ, полуголодныхъ, съ грѣхомъ пополамъ перебивающихся и болѣе или менѣе важиточныхъ; мы можемъ лучше оцѣнить вліяніе законодательства на общее состояніе нашего народа; наконецъ, мы можемъ на основаніи всѣхъ данныхъ, имѣющихся теперь у насъ, представить себѣ дальнѣйшее развитіе жизни евреевъ въ Россіи.

Говорятъ, что цифры сами по себѣ ничего не доказываютъ. Одинъ мой знакомый, выдающійся профессоръ политической экономіи придаетъ такъ мало значенія всякимъ статистическимъ даннымъ, что онъ разъ началъ свою вступительную лекцію по статистикѣ слѣдующими словами: «Господа! Я вамъ читаю лекціи по статистикѣ не потому, что я ее считаю наукой, полезной для васъ, но потому, что статутъ университета требуетъ отъ меня этого. Статистическія данныя вообще рѣдко вѣрны, особенно въ примѣненіи къ экономическимъ явленіямъ; но даже точныя данныя допускаютъ различныя рѣшенія поставленной проблемы.» И дѣйствительно,

если мы припомнимъ, что на основаніи однѣхъ и тѣхъ-же данныхъ доказывали діаметрально противоположные тезисы относительно концентраціи богатствъ, измѣненій въ земельной собственности, положенія рабочихъ въ Зап. Европѣ, развитія ремесла, вліянія эмиграціи на зап.-европейское земледѣліе и т. д., мы должны признать, что даже полная объективность данныхъ еще не гарантируетъ научности и законмѣрности выводовъ, сдѣланныхъ на основаніи этихъ данныхъ. Этотъ фактъ объясняется очень просто. Цифры не раскрываютъ намъ *всѣхъ* факторовъ даннаго явленія: количество коэффиціентовъ, обусловливающихъ то или другое явленіе народной экономики, такъ велико, что цифры не могутъ намъ ихъ выяснить.

И не смотря на всѣ эти оговорки, мы должны признать за статистикой громадное значеніе, которое состоитъ въ томъ, что она намъ даетъ возможность ставить проблемы, обосновывать различныя точки зрѣнія и предлагать извѣстныя мѣры. Не надо забывать, что въ сферѣ общественныхъ явленій разстояніе отъ теоріи до практики очень далеко. Математическая формула экономического равновѣсія имѣетъ только теоретическое значеніе: на практикѣ эта формула никогда не осуществляется, потому что она подвергается различнымъ видоизмѣненіямъ, вносимымъ реальной жизнью. «Сборникъ матеріаловъ объ экономическомъ положеніи евреевъ въ Россіи», который вообще не претендуетъ на абсолютную полноту своихъ данныхъ, все-таки является первой вполне удавшейся попыткой иллюстрировать статику экономической жизни евреевъ въ Россіи, и этимъ самымъ онъ даетъ намъ возможность систематически мыслить надъ проблемами, вызываемыми послѣдней.

Само собою разумѣется, что эти данныя не обосновываютъ возможности только одного рѣшенія «еврейскаго вопроса»: на ихъ основаніи можно предлагать различныя рѣшенія, которыя зависятъ отъ общей точки зрѣнія предлагающаго ихъ. Сіонистъ на основаніи этихъ данныхъ придетъ къ однимъ заключеніямъ, автономистъ къ другимъ, а чистый ассимиляторъ опять къ другимъ. Это вполне естественно.

Поэтому, стараясь въ дальнѣйшемъ изложеніи оставаться вполне объективными въ своихъ выводахъ, мы врядъ ли охранимъ себя отъ упрека, что наше освѣщеніе фактовъ субъективно: инымъ оно вовсе быть не можетъ, такъ какъ освѣщеніе фактовъ вполне зависитъ отъ идеала, съ которымъ мы подходимъ къ нимъ.

I.

Первое впечатлѣніе, получаемое отъ изученія всѣхъ статистическихъ данныхъ, собранныхъ въ разбираемомъ изслѣдованіи, сводится къ слѣдующему. Экономическое положеніе русскаго еврейства такъ плохо, что уже хуже быть не можетъ. Цифры доказали лишь то, что намъ было извѣстно на основаніи простаго наблюденія жизни. Цифры придали лишь большую выпуклость имѣвшимся у насъ на этотъ счетъ представленіямъ. И если мы идемъ дальше и стараемся анализировать причины этого печальнаго явленія, мы опять находимъ въ собранныхъ данныхъ лишь болѣе рѣзкое подтвержденіе имѣвшихся у насъ уже раньше предположеній: еврейство занимается самыми отсталыми формами экономической дѣятельности, осужденными развитіемъ экономической жизни страны—или на полное вымираніе, или по крайней мѣрѣ на сокращеніе въ болѣе или менѣе значительныхъ размѣрахъ.

Къ этому присоединяется тотъ многозначительный моментъ, что еврейская масса скучена въ гетто, лишена свободы передвиженія, вслѣдствіе чего конкуренція между еврейскими производителями и посредниками принимаетъ самые чудовищные размѣры и формы. *Эта* конкуренція, если она продолжится нѣкоторое время, должна привести къ полной дегенерации широкой еврейской массы, къ потерѣ жизнеспособности. Это мы знали раньше. Но мы узнали нѣчто новое, имѣющее рѣшающее значеніе для дальнѣйшаго развитія матеріальной жизни русскаго еврейства. Мы узнали, что евреи принимаютъ очень мало участія въ развитіи экономической жизни Россіи, какъ въ качествѣ фабрикантовъ, такъ и въ качествѣ фабричныхъ рабочихъ.

Еще болѣе: мы узнали, что въ практикѣ экономика сильнѣе всякой идеологіи, что даже на фабрикахъ ортодоксальныхъ и національно *чувствующихихъ* евреевъ рабочіе преимущественно не-евреи, что развитіе фабричнаго производства разрушило тысячи еврейскихъ ремесленниковъ и не дало имъ ничего въ замѣнъ. Евреи имѣютъ нѣкоторое значеніе въ кустарныхъ формахъ производства, т. е. тамъ, гдѣ эксплуатація труда достигаетъ своего максимума, а прогрессъ рабочихъ ничтоженъ. Мы узнали, слѣдовательно, что если статика еврейской экономической жизни можетъ отчасти быть обижена общими условіями правового порядка русско-еврейской жизни, то динамика абсолютно независима отъ специфическаго законодательства о евреяхъ. Мы узнали, что положеніе еврейской массы

можетъ улучшиться при измѣненіи условій жизни въ діаспорѣ, но не можетъ радикально измѣниться: возможны количественныя, но не качественныя измѣненія. Мы узнали приблизительный объемъ улучшеній, возможныхъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ жизни въ діаспорѣ. Мы теперь знаемъ, гдѣ и какъ надо начать процессъ оздоровленія еврейской экономики. Намъ необходимо только вдуматься въ цифры, имѣющіяся теперь у насъ, понять ихъ значеніе, сравнить съ тѣмъ, что мы наблюдаемъ въ другихъ странахъ и мы сможемъ прийти кое къ какимъ результатамъ.

Слѣдующія цифры имѣютъ для насъ рѣшающее значеніе:

Всего среди русскаго еврейства имѣется, если принять за вѣрное предположеніе о томъ, что ваѣ черты осѣдлости имѣется около 9—10 тысячъ евр. ремесленниковъ *), приблизительно . . . 510000, изъ которыхъ въ чертѣ осѣдлости живутъ 501000,

При чемъ оказывается, что несмотря на эмиграцію и увеличеніе фабричнаго производства количество еврейскихъ ремесленниковъ въ періодъ отъ 1887 по 1898 годъ увеличилось не только абсолютно, но и относительно: въ 1887 году 293509 еврейскихъ ремесленниковъ составляли 11,7% соответствующаго еврейскаго населенія, а въ 1898 году 381615 ремесленниковъ составляли уже 14,1% еврейскаго населенія (см. приложение, табл. № 40, гдѣ только необходимо вывести общій итогъ. Эта таблица обнимаетъ всѣ губерніи черты осѣдлости, кромѣ Польши).

При этомъ интересно отмѣтить, что за этотъ періодъ число ремесленниковъ увеличилось только абсолютно, но не относительно, т. е. не увеличивалось параллельно съ ростомъ всего еврейскаго населенія, въ слѣдующихъ губерніяхъ: въ Гродненской, Минской, Полтавской, Бессарабской и Еватеринославской, а въ Виленской число еврейскихъ ремесленниковъ уменьшилось абсолютно (на 1420) и относительно (на 0,7%).

Надъ этимъ явленіемъ стоитъ призадуматься, потому что объясненіе, даваемое составителями сборника, а именно возрастаніе эмиграціи изъ этихъ губерній намъ кажется допустимымъ только для нѣкоторыхъ изъ этихъ губерній и то лишь съ ограниченіями, а для нѣкоторыхъ губерній это объясненіе абсолютно недопустимо. Положительно извѣстно, что изъ Полтавской, Бессарабской и Еватеринославской губерній до 1898 года не только не эмигрировали, а наоборотъ въ эти губерніи происходитъ постоянная иммиграція

*) Сборн. матер. объ эконом. полож. евреевъ въ Россіи Т. I. стр. 392.

изъ сѣверозападной черты осѣдлости, т. е. изъ Литвы и Польши. За періодъ 1881—1897 г. во всѣхъ этихъ трехъ губерніяхъ еврейское населеніе значительно увеличилось: въ Бессарабской на 34%, въ Полтавской на 32%, а въ Екатеринославской даже на 113%. За то мы видимъ, что въ губерніи, откуда евреи эмигрировали массами, количество ремесленниковъ все таки увеличилось. Такъ, напримѣръ, еврейское населеніе Ковенской губерніи уменьшилось на 21%, а число ремесленниковъ увеличилось на 3,4%. Одной эмиграціей едва-ли можно объяснить это явленіе въ какой бы то ни было губерніи, а для нѣкоторыхъ губерній это объясненіе вполне невѣрно. Каковы же, дѣйствительно, причины этого явленія? Намъ кажется, что допустимо только одно объясненіе: здѣсь вліяетъ переходъ части еврейскихъ ремесленниковъ къ другимъ занятіямъ, какъ только къ этому представляется возможность, потому что ремесло низко оплачивается. Интересно было бы знать, въ какія занятія уходятъ отчаявшіеся въ своемъ занятіи еврейскіе ремесленники. Мы для этого никакихъ прямыхъ данныхъ не имѣемъ, но едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что только въ Минской и Гродненской губерніяхъ еврей-ремесленники превращаются въ фабричныхъ или кустарныхъ рабочихъ, а въ южныхъ губерніяхъ есть только двѣ отрасли труда, къ которымъ они могутъ въ крайней нуждѣ обратиться: мелкая торговля и занятіе чернорабочаго. А тамъ, гдѣ число ремесленниковъ увеличивается, это происходитъ не потому, что ремесло способно прилично прокормить семью ремесленника, а потому, что оно спасаетъ хоть отъ голодной смерти.

Мы видимъ, что болѣе всего занято рукъ въ тѣхъ ремеслахъ, которыя болѣе всего подвергаются конкуренціи со стороны концентрированного и фабричнаго производства и менѣе всего въ тѣхъ ремеслахъ, которыя, благодаря необходимости индивидуализаціи продуктовъ, не боятся конкуренціи со стороны фабрики. Чѣмъ болѣе ремесло требуетъ подготовки и индивидуализаціи труда, тѣмъ менѣе оно распространено среди евреевъ. Около 80 процентовъ всѣхъ еврейскихъ ремесленниковъ должны уже выдерживать борьбу съ фабрикой: эта борьба еще болѣе увеличится въ будущемъ, по мѣрѣ развитія въ Россіи капиталистическаго производства. *Caeteris paribus* положеніе еврейскихъ ремесленниковъ должно все болѣе и болѣе ухудшаться, благодаря все увеличивающейся конкуренціи. Впрочемъ увеличеніе конкуренціи вызывается не только крупнымъ производствомъ, но и прогрессивнымъ увеличеніемъ женскаго труда съ одной стороны и увеличеніемъ числа ремесленниковъ среди не-евреевъ съ другой стороны.

Такимъ образомъ получается ужасающая картина положенія еврейскихъ ремесленниковъ.

«Плохая работа мастеровъ» за неимѣніемъ возможности получить необходимую подготовку «служить одной изъ главныхъ причинъ ихъ бѣдности» ¹⁾. Тѣмъ болѣе, что «бѣдный, невѣжественный потребитель,—какимъ является преимущественно крестьянинъ или необезпеченный житель города,—за отсутствіемъ средствъ, отказывается себѣ въ самомъ необходимомъ и ищетъ прежде всего по возможности издѣлій болѣе *дешевыхъ*, каковы бы ни были ихъ качества» ²⁾. По нашему мнѣнію, это послѣднее обстоятельство имѣетъ рѣшающее значеніе, потому что во всѣхъ странахъ и во всѣ періоды процвѣтаніе ремеслъ всегда было тѣсно связано съ процвѣтаніемъ земледѣлія. Плохое положеніе ремесленниковъ гораздо менѣе обусловлено развитіемъ фабричнаго производства, чѣмъ аграрнымъ кризисомъ, переживаемымъ земледѣльцами. Вотъ почему ремесленники Южной Германіи, гдѣ развито мелкое земледѣліе, находящееся въ довольно цвѣтущемъ состояніи, не могутъ особенно жаловаться на свое положеніе, несмотря на то, что какъ разъ въ этой части Германіи и фабричное производство особенно сильно развито. Какъ разъ обратное явленіе замѣчается въ сѣверо-восточной Германіи: тамъ фабрикъ очень мало, но тамъ также не имѣется здороваго класса мелкихъ и среднихъ земледѣльцевъ; мы тамъ встрѣчаемъ главнымъ образомъ съ одной стороны крупныхъ землевладѣльцевъ, а съ другой стороны необезпеченныхъ батраковъ. Въ этой части Германіи и ремесло находится въ плохомъ положеніи. Аналогичныя явленія наблюдаются при сравненіи сѣверной и южной Италіи, западной и восточной Галиціи, Ирландіи и Англій. Мы потомъ еще вернемся къ этому факту, который бросаетъ своеобразный свѣтъ на будущее развитіе ремесленнаго труда въ Россіи, а теперь отмѣтимъ только, что мы видимъ въ бѣдности потребителя главную причину плохого положенія нашихъ ремесленниковъ. Между прочимъ составители сборника сами обратили вниманіе на то, что «развитіе фарбичной промышленности въ Гродненской губерніи не только не повлекло за собой уменьшенія числа лицъ занимающихся ремеслами, но, повидимому, даже содѣйствовало его распространенію и росту» ³⁾. А въ другомъ мѣстѣ они отмѣчаютъ, что наибольшее число ремесленниковъ было констатировано преимущественно въ уѣздахъ, наиболѣе развитыхъ въ культурномъ и промышленномъ отношеніи» ⁴⁾.

¹⁾ Ibid. т. I, стр. 211.

²⁾ Ibid. p. 213.

³⁾ Ibid. т. I, стр. 227.

⁴⁾ Ibid., стр. 194.

Изъ сборника мы также узнаемъ внутреннюю структуру русско-еврейскаго ремесла: на 259396 мастеровъ (52%) приходится 140528 подмастерьевъ (28%) и 101062 учениковъ (20%), или—въ среднемъ выводѣ на одного мастера приходится по одному подмастерью и по одному ученику. Это доказываетъ, что раздѣленіе труда очень мало развито у нашихъ ремесленниковъ. Исслѣдователи констатируютъ, что даже въ ремеслахъ, которыя допускаютъ весьма значительныя техническія усовершенствованія, специализація труда далеко не всегда примѣняется. И это явленіе снова объясняется скромными требованіями бѣднаго потребителя, который «готовъ поступиться изяществомъ, прочностью и аккуратностью работы въ пользу ея дешевизны» ¹⁾).

Всѣ эти причины оказываютъ пагубное вліяніе на благосостояніе ремесленниковъ. «Изъ приведенныхъ данныхъ о размѣрахъ годовыхъ заработковъ евреевъ-мастеровъ видно уже, что если бы эти мастера даже имѣли постоянную работу и изъ года въ годъ были обезпечены указаннымъ среднимъ заработкомъ, *или матеріальное положеніе и тогда было бы далеко неудовлетворительнымъ. Но въ дѣйствительности этотъ жалкій средній заработокъ для огромнаго большинства евреевъ ремесленниковъ является недостижимой мечтой*» (курсивъ нашъ). А подмастерья «вынуждены довольствоваться заработкомъ обыкновенно почти вдвое меньшимъ, чѣмъ мастера» ²⁾ Результатомъ всего этого является, во-первыхъ, «совмѣщеніе профессій самыхъ разнообразныхъ среди евреевъ-ремесленниковъ», т. е. въ періодъ безработицы нашъ ремесленникъ превращается въ черно-рабочаго или мелкаго торговца, а съ другой стороны часть нашихъ ремесленниковъ хронически превращается въ пауперовъ, живущихъ милостыней или просто голодающихъ. «Преобладающее большинство евреевъ ремесленниковъ всѣхъ городовъ черты осѣдлости находится на рубежѣ нищеты»—вотъ печальный результатъ, къ которому пришли наши исслѣдователи. Раньше чѣмъ закончить съ отдѣломъ о ремесленникахъ, мы должны еще отмѣтить имѣющіяся въ сборникѣ данныя о евреяхъ-ремесленникахъ во внутренней Россіи, т. е. въѣ черты осѣдлости. Многие, вѣдь, надѣются, что съ уничтоженіемъ черты осѣдлости положеніе нашихъ ремесленниковъ измѣнится радикально къ лучшему. Мы въ данный моментъ совершенно не касаемся психологическихъ факторовъ, которые не допускаютъ разсѣянія еврейской массы, что особенно ярко выступаетъ въ концентраціи

¹⁾ Ibid. т. I, стр. 200.

²⁾ Ibid. p. 222.

еврейской эмиграціи въ Лондонѣ и Нью-Йоркѣ; обратимъ вниманіе лишь на объективныя данныя. Во-первыхъ, мы видимъ, что и въѣ черты еврейскіе ремесленники распредѣлены по тѣмъ же группамъ производства и почти въ томъ же количественномъ отношеніи какъ въ губерніяхъ черты осѣдлости; и здѣсь и тамъ специализація труда очень мало развита. И здѣсь на одного мастера приходится—въ среднемъ выводѣ—по одному подмастерью и по одному ученику. Но что важнѣе всего, въ еврейскихъ ремесленныхъ заведеніяхъ работаетъ гораздо больше не-евреевъ, чѣмъ евреевъ. Это не случайность и нисколько не вызывается чисто юридическими условіями, въ которыя поставленъ еврейскій ремесленникъ во внутреннихъ губерніяхъ. Здѣсь сказывается вліяніе закона массъ: преобладающая масса населенія въ этихъ мѣстностяхъ не-еврейская, поэтому она должна преобладать во всѣхъ формахъ экономической дѣятельности; такимъ образомъ, чѣмъ больше евреевъ ремесленниковъ переселятся въ внутреннія губерніи, тѣмъ больше не-евреевъ будутъ сначала ихъ учениками, а впослѣдствіи ихъ конкуррентами. Этотъ законъ массъ не имѣетъ вліянія только въ производствахъ, носящихъ монополюсный характеръ или же при условіи очень низкой заработной платы данныхъ производителей. (Напримѣръ, еврейскіе портные Лондона, терпѣливо выносящіе потогонную систему, или итальянскіе землекопы не боятся конкурренціи, потому что они получаютъ самую низкую заработную плату данной страны). Но жизненныя требованія еврейскаго ремесленника по меньшей мѣрѣ не меньше тѣхъ, которыя предъявляетъ не-еврейскій ремесленникъ. Вотъ почему естественное развитіе должно привести все къ большому развитію ремесленныхъ занятій и между не-евреями. Тѣмъ болѣе, что евреи занимаются главнымъ образомъ ремеслами, не требующими особенно сложной подготовки.

II.

Съ развитіемъ крупной промышленности можно было наблюдать во всѣхъ странахъ одну и ту же эволюцію ремесленнаго класса: часть ремесленниковъ превращалась въ фабричный пролетаріатъ, а остальная часть приспособлялась къ новымъ условіямъ жизни путемъ введенія новыхъ формъ организацій ремесленнаго производства и переходомъ къ новымъ ремесламъ, вызваннымъ самой крупной промышленностью. Подобную же эволюцію мы должны наблюдать и въ Россіи. Первое, что наблюдалось во всѣхъ странахъ,— было превращеніе ремесленниковъ въ фабричныхъ рабочихъ. Вотъ

почему изслѣдователи экономического положенія еврейства начинаютъ отдѣль о фабрично-заводской промышленности слѣдующими словами: «Для изслѣдователя экономического положенія евреевъ въ Россіи вопросъ о будущности фабрично-заводской промышленности имѣеть особый интересъ... большинство еврейской массы вполне подходитъ подъ типъ бездомнаго, лишеннаго всякихъ знаній и орудій производства пролетаріата, который необходимъ для крупно-капиталистическихъ предпріятій... Поэтому переходъ Россіи къ крупно-капиталистическому производству могъ-бы открыть путь для миллионовъ голодныхъ евреевъ и дать имъ возможность приложить современемъ свой трудъ въ различныхъ отрасляхъ фабричной промышленности»¹⁾.

Замѣтимъ, что нельзя утверждать, будто пролетаріатъ, необходимый для крупно-капиталистическихъ предпріятій долженъ быть лишенъ орудій производства и всякихъ знаній: первое лишеніе вполне достаточно, но во всякомъ случаѣ второе лишеніе—всякихъ знаній—не только не необходимо, но прямо вредно. Какъ мы увидимъ, авторы «Сборника» сами признаютъ, что отсутствіе «всякихъ знаній» въ средѣ еврейской массы дѣлаетъ ее неспособной къ фабричному труду. Если германская индустрія можетъ побѣдноносно конкурировать съ англійской, то это, несомнѣнно, является результатомъ того факта, что германскій рабочій обладаетъ «всякими знаніями»—общими и профессиональными въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ англійскій. Это ясно доказала, напр., послѣдняя парижская выставка, особенно относительно химическихъ продуктовъ и электрическихъ аппаратовъ. Съ другой стороны, надо быть или непоправимымъ оптимистомъ или ни въ чемъ не сомнѣвающимся теоретикомъ, чтобы предположить, будто «переходъ Россіи къ крупно-капиталистическому производству могъ-бы открыть путь для миллионовъ голодныхъ евреевъ», когда во всей Россіи въ 1897 году имѣлось всего на всего 2 миллиона фабричныхъ рабочихъ. Къ сожалѣнію, этотъ ошибочный взглядъ крайне распространенъ среди передовой части еврейства: многие думаютъ, что рѣшеніе еврейскаго вопроса и состоитъ въ переходѣ всей бездомной еврейской массы къ фабричной дѣятельности, вслѣдствіе чего отождествляютъ еврейскую національность съ еврейскимъ фабричнымъ пролетаріатомъ.

А между тѣмъ какъ далека дѣйствительность отъ всѣхъ этихъ предположеній и чисто спекулятивныхъ тезисовъ! Какъ далека бездомная миллионная еврейская масса отъ фабричнаго пролетаріата!

¹⁾ Ibid. Т. I, стр. 1.

И какъ мы увидимъ, передъ еврейской массой закрыты двери не только не-еврейскихъ, но и еврейскихъ фабрикъ.

Всего имѣется во всей чертѣ осѣдлости, включая и Царство Польское, 45.506 фабричныхъ рабочихъ-евреевъ, а именно:

въ Царствѣ Польскомъ . . .	12.380	евр. фабр. рабоч.
въ Сѣверо-Западномъ краѣ . . .	22.252	» » »
въ Юго-Западномъ краѣ . . .	8.978	» » »
въ Южномъ краѣ	1.896	» » »
Всего	45.506	евр. фабр. рабоч.

По отношенію къ еврейскимъ жителямъ рабочаго и полуробочаго возраста всей черты осѣдлости еврейскіе фабричныя рабочіе составляютъ едва 1¹/₂% и менѣе 1% по отношенію ко всему еврейскому населенію этого края. Слѣдовательно, въ данный моментъ навѣрное нельзя отождествлять судьбы маленькой группы еврейскихъ рабочихъ съ судьбами всего русскаго еврейства. Но не въ этомъ дѣло: гораздо болѣе важно подмѣтить тенденцію въ развитіи еврейскаго фабричнаго пролетаріата. Можетъ быть, теперь мало еврейскихъ ремесленниковъ и бездомныхъ пролетаріевъ превращаются въ фабричныхъ рабочихъ; можетъ быть, это обуславливается исключительно внѣшними причинами временнаго характера; можетъ быть, тенденція экономическаго процесса современемъ приведетъ къ тому, что миллионы еврействъ смогутъ найти свое пропитаніе въ фабричномъ трудѣ.

Посмотримъ, что говорятъ на этотъ счетъ данныя, собранныя авторами сборника.

Къ сожалѣнію, мы не находимъ сравнительныхъ данныхъ относительно числа еврейскихъ фабричныхъ рабочихъ за извѣстный періодъ, но за то мы находимъ цѣлую массу другихъ данныхъ, которыя намъ помогутъ разобраться.

Во первыхъ, отмѣтимъ, что наименьшее число фабричныхъ рабочихъ приходится «именно въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ главнымъ образомъ сосредоточено еврейское населеніе и что обрабатывающая промышленность Сѣверо-Западнаго края, въ который входятъ губерніи съ наиболѣе густымъ еврейскимъ населеніемъ, показываетъ относительное положеніе «за семилѣтіе 1890—1897 гг.». За этотъ періодъ производительность сѣверо-западнаго края увеличилась на 50%, юго-западнаго—на 54,3% (благодаря свеклосахарнымъ заводамъ, гдѣ еврейскихъ рабочихъ почти нѣтъ), а всей остальной Россіи—на 82% ¹⁾.

¹⁾ Ibid. т. II, стр. 10—11.

Но въ данный моментъ насъ не столько интересуетъ вопросъ о фабрикахъ, сколько вопросъ о рабочихъ.

Мы постараемся сопоставить объективно всѣ данныя, имѣющіяся у насъ на этотъ счетъ.

Г. Лѣсное дѣло.

Въ Сѣверо-западномъ краѣ «лѣсопильные заводы чаще всего принадлежать евреямъ», а именно: 63,3% всѣхъ фабрикъ, на которыхъ работаютъ 70,2% всѣхъ рабочихъ, однако «еврейскій трудъ на лѣсопильныхъ заводахъ сѣверо-западнаго края находитъ мало примѣненія», всего 18,3% всѣхъ рабочихъ, и то евреи «большою частью заняты не на самомъ заводѣ, а какъ конторщики, приказчики» и т. д. Авторы сборника даютъ слѣдующее объясненіе: «небольшой процентъ евреевъ рабочихъ объясняется расположеніемъ многихъ (слѣдовательно, не всѣхъ) заводовъ внѣ черты городовъ и мѣстечекъ, *вліяніемъ столь важнаго для участія евреевъ въ фабричномъ производствѣ субботняго отдыха* и отчасти отсутствіемъ кофирной нищи» ¹⁾ (курсивъ нашъ). Мы увидимъ потомъ, насколько это объясненіе вѣрно.

Въ Юго-западномъ краѣ лѣсопильные заводы носятъ «особенно крупный характеръ», особенно въ г. Кременчугѣ, лежащемъ *внутри* черты осѣдлости. И что же оказывается? Число еврейскихъ заводовъ въ этомъ краѣ составляетъ 60% всѣхъ заводовъ; рабочихъ на еврейскихъ заводахъ 55%, а число всѣхъ еврейскихъ рабочихъ всего на всего 6,5% (227 евреевъ на 3514 рабочихъ вообще), причемъ «на 10 существующихъ въ Кременчугѣ крупныхъ лѣсопильныхъ заводахъ не было ни одного еврея рабочаго. Тамъ оказалось лишь 51 чел. евреевъ приказчиковъ» ²⁾.

Точно также обстоитъ дѣло и въ Южномъ краѣ. Уже изъ сравненія этихъ данныхъ видно, что ни ограниченіе черты осѣдлости, ни субботній отдыхъ не могутъ вполне объяснить фактъ отсутствія евреевъ-рабочихъ въ лѣсномъ дѣлѣ. Мы видимъ, что и на лѣсопильныхъ заводахъ, расположенныхъ въ городахъ, гдѣ евреямъ еще пока жить позволяется и гдѣ евреи гораздо легче идутъ на компромиссы относительно субботняго отдыха, они также отсутствуютъ въ качествѣ рабочихъ. Необходимо, слѣдовательно, искать еще и другія причины. Лучше обстоитъ дѣло съ древообдѣлочными фабриками въ губерніяхъ Сѣверо-западнаго края, на которыхъ работаетъ всего

¹⁾ Ibid. стр. 15.

²⁾ Ibid стр. 17.

2240 человекъ, въ томъ числѣ 1012 евреевъ (около 45%), что по мнѣнію составителей сборника «объясняется отчасти мѣстоположеніемъ фабрикъ въ городахъ, а частью тѣмъ, что на эти заводы требуется больше специалистовъ-ремесленниковъ» ¹⁾, говоря другими словами, евреи работаютъ главнымъ образомъ на фабрикахъ, *носящихъ кустарный характеръ*, гдѣ они работаютъ скорѣе въ качествѣ ремесленниковъ, а не фабричныхъ рабочихъ. Но какъ только эти заведенія становятся механическими, т. е. вполне фабричными, сейчасъ-же исчезаетъ еврейскій рабочій. Поэтому въ Южномъ краѣ, гдѣ подобныя заведенія носятъ болѣе или менѣе фабричный характеръ, совсѣмъ мало еврейскихъ рабочихъ. Во всей Одессѣ на всѣхъ фабрикахъ по обработкѣ дерева работало всего 26 евреевъ рабочихъ.

Не иначе обстоятъ дѣло на спичечныхъ фабрикахъ. Въ Сѣверо-западномъ краѣ имѣлось въ 1897 году 13 подобныхъ фабрикъ, на которыхъ было занято 3500 человекъ, и изъ нихъ 2986 евреевъ. На первый взглядъ этотъ фактъ противорѣчитъ общимъ даннымъ, но оказывается, что «преобладающій процентъ рабочихъ занятъ не въ самомъ производствѣ, а при побочныхъ отрасляхъ и не связаны неизбѣжно съ фабрикой», причемъ «субботній отдыхъ не мѣшаетъ приглашать для этого рабочихъ-евреевъ, тѣмъ болѣе, что плата установлена поштучная» ²⁾. Опять таки: евреи работаютъ на спичечныхъ фабрикахъ не въ качествѣ фабричныхъ рабочихъ, а въ качествѣ *кустарниковъ*, что также видно изъ распредѣленія рабочихъ по полу и возрасту, а именно: 902 мужчинъ, 1547 женщинъ и 537 дѣтей (всего 2986).

Разсматривая всѣ данныя, собранныя изслѣдователями въ лѣсномъ дѣлѣ, мы констатируемъ еще очень важное заключеніе, которое бросаетъ очень яркій свѣтъ на одну изъ самыхъ важныхъ проблемъ социологіи: на классовую борьбу въ связи съ національностью. Оказывается, что если евреи могутъ найти примѣненіе своему труду, то исключительно на фабрикахъ, принадлежащихъ евреямъ. На нееврейскихъ фабрикахъ евреи не находятъ примѣненія даже въ формѣ кустарниковъ. Еврейскій «бездомный пролетаріатъ» прямо заинтересованъ въ процвѣтаніи еврейскихъ капиталистовъ. Классовая борьба находитъ свое ограниченіе въ національности борющихся, тѣмъ болѣе, что положеніе еврейскихъ капиталистовъ, какъ мы потомъ увидимъ, совсѣмъ не блестяще: «во всѣхъ производствахъ наблюдается одно и то же явленіе: мелкія заведенія въ большинствѣ

¹⁾ Ibid. стр. 20.

²⁾ Ibid. стр. 27.

случаевъ эксплуатируются евреями. крупныя же, требующія большаго основнаго капитала, чаще всего находятся въ рукахъ неевреевъ» ¹⁾).

Здѣсь, понятно, и рѣчи нѣтъ о гармоніи интересовъ во всѣхъ отношеніяхъ, а только о солидарности нѣкоторыхъ интересовъ чисто экономическаго характера.

Но мы еще вернемся къ этому пункту.

II. Обработка минеральныхъ веществъ.

Въ Сѣверо-западномъ краѣ заняты кирпичнымъ производствомъ 129 фабрикъ, изъ которыхъ половина принадлежитъ евреямъ; на всѣхъ фабрикахъ работаютъ всего 2271 человекъ, на еврейскихъ фабрикахъ—1265 человекъ, изъ которыхъ 1079 евреевъ. И здѣсь сравнительно высокій процентъ еврейскихъ рабочихъ, но и тутъ авторы замѣчаютъ: «Насколько намъ извѣстно, евреи рѣдко заняты при самомъ производствѣ кирпича, они чаще работаютъ въ качествѣ развозчиковъ готоваго кирпича по городу» ²⁾. Исключеніе составляетъ только Гродненская губернія, гдѣ на всѣхъ кирпичныхъ фабрикахъ работаютъ 895 человекъ, на еврейскихъ—634, изъ которыхъ 531 евреевъ (98 мужчинъ, 431 женщинъ и 2 дѣтей).

Совершенно иначе обстоитъ дѣло въ Юго-западномъ и Южномъ краѣ: въ первомъ еврейскія фабрики составляютъ 24,8% общаго числа, число рабочихъ на еврейскихъ фабрикахъ составляетъ 32% всѣхъ рабочихъ (1587 на 4986, а еврейскихъ рабочихъ имѣется всего 65 (1%). А въ Южномъ краѣ на 4087 рабочихъ имѣется всего 368 рабочихъ на еврейскихъ фабрикахъ и всего 4 еврейскихъ рабочихъ ³⁾).

И здѣсь замѣчается тотъ же законъ: даже и на еврейскихъ фабрикахъ очень мало еврейскихъ рабочихъ, но чѣмъ менѣе имѣется еврейскихъ фабрикъ, тѣмъ менѣе еврейскихъ рабочихъ, потому что общее явленіе, отмѣченное по отношенію къ одной отрасли, а именно, что *„на христіанскихъ заводахъ работаютъ исключительно христіане“* ⁴⁾ примѣнимо за ничтожными исключеніями ко всей фабричной дѣятельности въ чертѣ осѣдлости.

То же самое замѣчается и въ изразцовомъ производствѣ. Здѣсь однако незначительное участіе евреевъ въ качествѣ рабочихъ объ-

¹⁾ Ibid. стр. 30.

²⁾ Ibid стр. 73.

³⁾ Ibid стр. 38.

⁴⁾ Стр 43.

ясняется, кромѣ уже знакомой намъ причины (субботнымъ отдыхомъ) еще новой причиной, съ которой мы еще часто будемъ встрѣчаться: „Къ сожалѣнію, отсутствіе обученныхъ мастеровъ евреевъ (к. н.) является не только въ изразцовомъ, но и во многихъ другихъ производствахъ (курс. н.) тормазомъ къ примѣненію еврейскаго труда“¹⁾. Собственно говоря, авторы стараются и эту причину привести въ концѣ концовъ къ субботнему отдыху. «Такъ какъ мастера на изразцовыхъ фабрикахъ сплошь и рядомъ христіане и поэтому фабрики должны соблюдать воскресный отдыхъ, то невыгодно принимать евреевъ, которые соблюдали бы отдыхъ въ субботу». Но вмѣстѣ съ тѣмъ авторы чувствуютъ, что это объясненіе не достаточно: они сами замѣчаютъ, что «впрочемъ, тутъ легче было бы примѣнять еврейскій трудъ, такъ какъ существуютъ группы рабочихъ: формовщики, шлифовальщики и т. п., работа которыхъ не связана непосредственно съ печью и обжиганіемъ изразцовъ». Слѣдовательно, истинная причина вовсе не въ воскресномъ и субботнемъ отдыхѣ, а въ совершенно другомъ. Мы потомъ увидимъ, что на самомъ дѣлѣ причина лежитъ гораздо глубже. Вѣдь имѣются фабрики, гдѣ субботній отдыхъ нисколько не мѣшаетъ евреямъ работать на нихъ. Вотъ, напримѣръ, въ м-кѣ Городницѣ Ново-Волынскаго уѣзда на еврейской фарфоровой фабрикѣ занято 250 рабочихъ, въ томъ числѣ 200 евреевъ, и «евреи работали на формовочныхъ станкахъ, у печей и въ красильномъ отдѣленіи». Въ м-кѣ Полонномъ того же уѣзда существуетъ также еврейская фарфоровая фабрика, гдѣ занято 134 рабочихъ, въ томъ числѣ 120 евреевъ²⁾. Какъ видно изъ этихъ данныхъ, субботній отдыхъ совсѣмъ не является главной причиной, мѣшающей евреямъ вступить на фабрики въ качествѣ рабочихъ. Впрочемъ уже г. Хорошъ отмѣтилъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ Пинскѣ, еврейскіе фабриканты вполне приспособились къ субботнему отдыху ихъ еврейскихъ рабочихъ.

Но вернемся къ даннымъ.

Евреи не работаютъ на цементныхъ заводахъ, они отсутствуютъ также на алебастровыхъ заводахъ; на каменоломняхъ Юго-западнаго края, которыя принадлежатъ всѣмъ евреямъ, еврейскихъ рабочихъ очень мало. Въ стекольномъ производствѣ «еврейскіе рабочіе участвуютъ въ очень незначительномъ числѣ» и то лишь въ роли упаковщиковъ, сортировщиковъ и какъ исполнителей прочей черной работы.

¹⁾ Стр. 42.

²⁾ Ibid. Стр. 45.

«Евреи, какъ рабочіе, теперь не находятъ приложенія своего труда въ шахтахъ и рудникахъ. По всей вѣроятности, евреямъ будетъ довольно трудно проникнуть въ эту область труда» ¹⁾). Не забудемъ при этомъ, что добываніемъ угля и желѣза были заняты въ 1897 году (во всей Россіи) 336,592 рабочихъ.

III. Обработка зерновыхъ продуктовъ и растительныхъ веществъ.

Въ мельничномъ дѣлѣ замѣчается, какъ повсюду, во первыхъ, что евреямъ принадлежатъ заведенія меньшихъ размѣровъ, не требующія большихъ капиталовъ (за исключеніемъ Южнаго края), во вторыхъ, что еврей-рабочіе встрѣчаются только на еврейскихъ мельницахъ, на которыхъ однако $\frac{2}{3}$ — $\frac{3}{4}$ рабочихъ не-евреи, несмотря на то, что въ большинствѣ случаевъ здѣсь требуется трудъ черно-рабочаго. Исключеніе составляютъ маслобойныя заводы, которые большею частью принадлежатъ евреямъ и на которыхъ еврейскіе рабочіе составляютъ $\frac{3}{4}$ общаго числа.

Винокуренные заводы, бывшіе раньше большею частью въ рукахъ евреевъ, съ введеніемъ винной монополіи, теряютъ свое значеніе какъ для еврея-капиталиста, такъ и для еврея-рабочаго. Можно сказать, что тысячи еврейскихъ семействъ были сразу отброшены въ ряды «бездомнаго пролетаріата», благодаря введенію винной монополіи.

Табачное производство представляетъ очень интересныя особенности. «Производство и торговля табакомъ уже съ давнихъ поръ сосредоточены въ значительной мѣрѣ въ рукахъ евреевъ, и изъ существовавшихъ въ 1897 году во всѣхъ трехъ районахъ 110 табачныхъ и махорочныхъ фабрикъ 83 принадлежали евреямъ» ²⁾). Соответственно съ этимъ фактомъ «въ табачномъ производствѣ еврейскій рабочій элементъ достигаетъ 90%». И здѣсь то наконецъ составители сборника рѣшаются раскрыть правду во всей ея наготѣ. А именно «Такого большого числа евреевъ-рабочихъ, замѣчаютъ авторы, мы почти нигдѣ не встрѣчаемъ, и это именно имѣетъ мѣсто въ такомъ производствѣ, которому, вѣроятно, нѣтъ равнаго по вреднымъ послѣдствіямъ для здоровья рабочихъ. Характерно, что табачное производство—единственное изъ рассмотренныхъ нами, гдѣ на не-еврейскихъ фабрикахъ работаютъ евреи въ сравнительно значительномъ числѣ; это объясняется тѣмъ, что кри-

¹⁾ Стр. 50.

²⁾ Ibid. стр. 73.

стіане неохотно идутъ на табачныя фабрики, а тогда, понятно, у фабрикантовъ расовый антагонизмъ отступаетъ на задній планъ»¹⁾. Da liegt der Hund begraben! Этотъ фактъ бросаетъ своеобразный свѣтъ на всю картину, не только на настоящее, но и на будущее экономическое развитіе русскаго еврейства. У еврейскихъ капиталистовъ—по крайней мѣрѣ отчасти еврейскіе рабочіе; у не-еврейскихъ капиталистовъ—евреи находятъ себѣ работу только при самыхъ убійственныхъ условіяхъ. Это видно уже изъ того, что между еврейскими рабочими на табачныхъ фабрикахъ мы находимъ въ среднемъ 70% женщинъ и дѣтей, т. е. элементъ, наиболѣе интенсивно эксплуатируемый и наиболѣе легко подвергающійся вырожденію подѣ влияніемъ антигигіеничныхъ условій труда.

Мы, впрочемъ, еще встрѣтимся съ фактами, аналогичными съ съ тѣми, которые мы встрѣчаемъ въ табачномъ производствѣ.

IV. *Обработка питательныхъ веществъ.*

Эта область фабричной дѣятельности представляетъ для насъ особенный интересъ, потому что здѣсь особенно рельефно выступаютъ характерныя черты громаднѣйшей части еврейской буржуазіи. Мы, говоря о буржуазіи, сейчасъ же представляемъ себѣ толстопузаго человѣка, сидящаго на мѣшкахъ, наполненныхъ золотомъ, ожирѣвшее сердце котораго недоступно никакимъ альтруистическимъ чувствамъ. Чѣмъ то сытымъ и хищническимъ пахнетъ отъ буржуа нашего представленія. И вдругъ мы узнаемъ, что «и самъ предприниматель»—въ области обработки питательныхъ веществъ «въ большинствѣ случаевъ, почти такой же нищій, какъ и они (работники), работающій съ ничтожнымъ капиталомъ и живущій почти исключительно кредитомъ. Таковъ типъ почти большинства еврейскихъ фабрикъ, а производства по выработкѣ пищевыхъ продуктовъ безусловно занимаютъ, въ этомъ отношеніи, первое мѣсто»²⁾ (к. н.).

Количество еврейскихъ рабочихъ въ этой области незначительно.

V. *Производства по обработкѣ металловъ.*

Металлургія вмѣстѣ съ ткацкой промышленностью служитъ термометромъ фабричной дѣятельности данной страны вообще, развитія ея буржуазіи и ея рабочаго класса въ частности. Metallургическое производство требуетъ большіе капиталы и громадныя

¹⁾ Ibid. стр. 76.

²⁾ Ibid. стр. 78—80

массы рабочихъ, причемъ во всѣхъ странахъ рабочіе въ этой сферѣ дѣятельности оплачиваются наиболѣе высоко. Эти рабочіе составляютъ матеріальную и умственную аристократію ихъ класса.

Вотъ почему насъ эта область всего болѣе интересуетъ: на сколько евреи принимаютъ участіе въ этой области въ качествѣ предпринимателей и рабочихъ? Къ сожалѣнію, данныя «Сборника» приводятъ насъ къ очень печальнымъ результатамъ, потому что они доказываютъ двѣ вещи: евреи владѣютъ слишкомъ ничтожными капиталами, чтобы они могли играть значительную роль въ этой области въ качествѣ предпринимателей; но съ другой стороны, евреи—покрайней мѣрѣ до сихъ поръ—не могли проникнуть въ эту область и въ качествѣ рабочихъ.

Вотъ данныя.

Сначала о предпринимателяхъ.

«Въ Екатеринославской губерніи въ 1897 году существовало 109 заводовъ, посвященныхъ обработкѣ металловъ, съ годовымъ производствомъ въ 66,48 милліоновъ рублей и 14.651 рабочими. Евреямъ принадлежали изъ этого числа 23 завода съ производствомъ въ 1,31 милліонъ рублей и 747 рабочими», т. е. еврейскіе заводы занимаютъ менѣе 2% всего производства.

Еще поучительнѣе данныя для Сѣверо-западнаго края. Въ этомъ краѣ имѣлись всего 72 металлургическихъ завода съ годовымъ производствомъ въ 5 милліоновъ рублей; изъ этого числа «на долю еврейскихъ предиріятій приходится лишь 28 заводовъ (39%), съ производствомъ въ 1 милліонъ рублей (20%). Это значитъ, что средняя производительность нееврейской фабрики равняется 91 тысячѣ, а еврейской 38 тысячамъ. Если мы предположимъ, что всѣ 28 еврейскихъ фабрикъ съ производствомъ на 1 милліонъ рублей получаютъ 10% чистаго дохода,—крайне оптимистическое предположеніе,—то получимъ, что всѣ 28 фабрикъ зарабатываютъ ежегодно 100,000 рублей, а каждая фабрика ровно 3,570 рублей, если мы примемъ, что каждая фабрика имѣетъ только одного владѣльца, что въ дѣйствительности очень часто не вѣрно. А если мы еще примемъ во вниманіе, что большинство еврейскихъ фабрикантовъ работаютъ, пользуясь кредитомъ, поглощающимъ громадную часть ихъ прибыли, то мы поймемъ, что не надо быть апологетомъ гармоніи классовъ, чтобы умѣрить наши представленія о еврейскомъ буржуа.

Зная, какую роль играютъ евреи въ металлургіи, какъ предприниматели, мы можемъ а priori опредѣлить роль евреевъ въ этой области, какъ рабочихъ.

Въ Екатеринославской и Херсонской губ. на 32.715 рабочихъ всего 437 евреевъ. На 6 машиностроительныхъ заводахъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ на 905 рабочихъ всего 36 евреевъ. Въ Юго-западномъ краѣ на 6.721 рабочихъ 643 работали на еврейскихъ заводахъ (9,5%). Но сколько изъ этихъ 643—евреевъ, осталось невыясненнымъ. «Какъ видимъ, заявляютъ авторы, евреи составляютъ среди рабочихъ ничтожный процентъ, и то они, въ большинствѣ случаевъ, не фабричные рабочіе, а находятъ занятіе въ качествѣ низшихъ приказчиковъ, магазинеровъ, маляровъ, кузнецовъ и тому подобныхъ вспомогательныхъ работахъ» ¹⁾.

Чѣмъ же объяснить эти явленія?

Оказывается, что субботнимъ отдыхомъ нельзя ихъ объяснить. Во первыхъ, потому, что «на Югѣ Россіи субботній отдыхъ не является такимъ тормазомъ для рабочихъ евреевъ, какъ въ Литвѣ и Польшѣ»; во вторыхъ «машиностроеніе и обработка металловъ, вообще, принадлежатъ къ той незначительной группѣ производствъ, гдѣ субботній отдыхъ не является непреодолимымъ тормазомъ для приложенія еврейскаго труда» ²⁾. Авторы «Сборника» готовы объяснить незначительное участіе евреевъ въ качествѣ рабочихъ «національной рознью» только въ примѣненіи къ заводамъ Сѣверо-западнаго края, но не по отношенію къ фабрикамъ юга, гдѣ «иностранны-предприниматели не придерживаются обыкновенно (!) своихъ національныхъ симпатій и антипатій», какъ будто въ Австріи и Германіи христіанскіе фабриканты не отказываются принимать на службу евреевъ. И вотъ наши авторы нашли новую причину: неподготовленность евреевъ-рабочихъ. Надо только, думаютъ они, подготовить контингентъ хорошо обученныхъ практиковъ евреевъ-рабочихъ при помощи «цѣлой сѣти хорошо поставленныхъ профессиональныхъ школъ и учебныхъ мастерскихъ», и дѣло пойдетъ на ладъ: десятки тысячи евреевъ смогутъ проникнуть на металлургическіе заводы въ качествѣ рабочихъ. Но вѣдь металлургія вообще еще молодая отрасль русской промышленности: какъ же «русскіе, татары, черкесы и осетины» успѣли такъ скоро подготовиться и безъ профессиональныхъ школъ и безъ учебныхъ мастерскихъ? Почему такое проклятіе только надъ евреями? Вѣдь не всегда же евреи занимались производствомъ пуговицъ, а однако оказывается что, на всѣхъ пуговичныхъ фабрикахъ, принадлежащихъ евреямъ, свыше 84% всѣхъ рабочихъ евреи (671 на 796). И субботній отдыхъ не помѣ-

¹⁾ Ibid. стр. 90.

²⁾ Стр. 90—91.

паль и подготовленность какимъ то чудомъ явилась. Вѣрно то, что *все эти фабрики принадлежатъ евреямъ.*

Нѣтъ, причины лежатъ гораздо глубже, чѣмъ это думаютъ составители Сборника. Именно въ области металлургіи, начавшей развиваться лишь съ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, а особенно же въ 90-хъ годахъ, т. е. когда старые экономическіе устои русскаго еврейства окончательно разрушились, когда еврейская масса вполне уже превратилась въ «бездомный пролетаріатъ», когда евреи готовы были взяться за первую попавшуюся работу, лишь бы найти кусокъ хлѣба для себя и для ихъ семействъ—именно въ металлургіи мы должны были найти теперь тысячи и десятки тысячъ еврейскихъ рабочихъ..., если-бы это вообще было возможно, если бы не было психологическихъ и экономическихъ непреодолимыхъ препятствій, коренящихся въ прошломъ и настоящемъ еврейскаго народа, а специально въ его положеніи среди другихъ народовъ. Мы постараемся въ концѣ этой главы выяснитъ истинныя причины этого явленія и тогда читатель пойметъ, почему мы никогда не можемъ предположить не только, что «милліоны голодныхъ евреевъ», но что даже сотни тысячи евреевъ найдутъ свое пропитаніе въ различныхъ отрасляхъ фабричной промышленности. Это невозможно не потому, что имѣются временныя препятствія, а потому, что эти препятствія коренятся глубоко въ социальной психикѣ и экономикѣ народовъ, препятствія или вообще неизмѣнимыя, или измѣняющіяся настолько медленно, что еврейскій народъ не долженъ надѣяться на эти измѣненія.

VI. Производства по обработкѣ животныхъ продуктовъ.

Остановимся только на главныхъ производствахъ.

По даннымъ корреспондентовъ имѣлись въ 15 губерніяхъ черты осѣдлости 91 мыловаренныхъ завода, изъ которыхъ 86 принадлежали евреямъ. Соотвѣтственно съ этимъ распредѣлялись и рабочіе: изъ 447 рабочихъ въ общемъ числѣ—352 еврей. Все эти заводы отличаются патріархальнымъ характеромъ: «большинство заводовъ носятъ скорѣе мелко-кустарный характеръ, чѣмъ фабричный. Мастеромъ чаще всего является самъ владѣлецъ» ¹⁾.

Кожевенное дѣло играетъ извѣстную роль въ экономикѣ еврейства черты осѣдлости. Въ одномъ Сѣверо-западномъ краѣ имѣются 235 заводовъ, изъ которыхъ 222 еврейскихъ, изъ 3,717 рабочихъ

¹⁾ Ibid стр. 99.

²⁾ Ibid стр. 109.

2,403 еврея. Въ Юго-западномъ краѣ корреспонденты опросили 124 завода въ томъ числѣ 108 еврейскихъ. На всѣхъ заводахъ было занято 2,738 человекъ, на еврейскихъ 2,137, въ томъ числѣ 1,258 евреевъ рабочихъ. На югѣ кожевенные заводы слабо развиты и такъ какъ они большею частью принадлежатъ не-евреямъ, то само собой понятно, что мы тамъ встрѣчаемъ очень мало еврейскихъ рабочихъ.

Наконецъ, щетинное производство сосредоточено въ рукахъ евреевъ. Всѣ 17 щетинныхъ заводовъ, существовавшихъ въ Сѣв.-Западномъ краѣ въ 1897 году, принадлежали евреямъ: вотъ почему $\frac{1}{10}$ всѣхъ рабочихъ еврей. Составители Сборника прямо говорятъ: «Торговлей обработанной и необработанной щетиной занимаются въ Сѣв.-западномъ краѣ, по преимуществу, евреи; рабочіе щетинники также (к. н.) почти всѣ евреи»³⁾.

Видно, это не случайное совпаденіе между національностью владѣльца и рабочихъ предпріятія; видно, между ними существуетъ какая-то магическая связь, или, проще сказать, закономерное отношеніе. Но при сравненіи всѣхъ данныхъ, приведенныхъ нами выше, мы приходимъ еще къ одному, странному на первый взглядъ, заключенію. Какъ только еврейское предпріятіе начинаетъ принимать размѣры настоящей фабрики, съ введеніемъ машинъ, съ раздѣленіемъ труда и т. д., т. е. какъ только еврейское предпріятіе теряетъ свой *кустарническій* характеръ, сейчасъ-же какимъ-то чудомъ еврейскіе рабочіе исчезаютъ и замѣняются не-евреями. Эти 17 щетинныхъ заводовъ, принадлежащихъ всѣ евреямъ, производятъ ежегодно на $\frac{1}{2}$ милліона рублей; среднимъ числомъ на каждый заводъ приходится, значить, около 30,000 рублей, а при 10% годичной прибыли каждый предприниматель зарабатываетъ около 3,000 рублей. Видно, неважные капиталисты. Это слѣдуетъ еще изъ того факта, что часто эти «капиталисты» должны «временно прекращать работу за недостаткомъ щетины или оборотнаго капитала», а большинство щетинныхъ заводчиковъ могутъ вообще существовать только благодаря тому, что «въ Лейпцигѣ организованы коммисіонныя конторы, которыя выдаютъ ссуды подъ залогъ выработаннаго товара до 75% его стоимости». Потому то и рабочіе на этихъ фабрикахъ евреи.

Но экономическій процессъ неумолимо ведетъ къ концентраціи производства, къ введенію машинъ и раздѣленію труда. Что тогда будетъ съ еврейскими рабочими мы лучше всего поймемъ, если мы вникнемъ въ данныя, собранныя о фабричной промышленности Польши вообще и о текстильной промышленности въ Западной Россіи. Лишь принявъ во вниманіе всѣ эти данныя, мы сможемъ

понять тенденцію экономического процесса по отношенію къ евреямъ вообще и къ еврейскому пролетаріату въ частности.

III.

Какъ извѣстно, обрабатывающая промышленность Польши развилась въ послѣдніе двадцать пять лѣтъ гигантскими шагами. Въ странѣ, издавна жившей, главнымъ образомъ, земледѣліемъ, въ короткое время появились миллионные капиталы и десятки тысячъ рабочихъ рукъ для самыхъ сложныхъ формъ фабричной дѣятельности.

Какое же участіе приняли въ этой экономической эволюціи польскіе евреи, составляющіе 14% всего населенія страны и 40,9% городского населенія?

Несмотря на всю неполноту собранныхъ свѣдѣній, всякій долженъ согласиться съ основнымъ выводомъ, къ которому пришли составители Сборника: «ведѣ евреи играютъ второстепенную роль въ фабричной промышленности». По официальнымъ свѣдѣніямъ, въ въ Царствѣ Польскомъ считалось въ 1897 году всего 4221 фабрика съ 247041 рабочимъ, а по свѣдѣніямъ корреспондентовъ еврейскихъ фабрикъ оказалось 1416 съ 43011 рабочими, на одну еврейскую фабрику приходилось 30,4 рабочихъ, а на одну не-еврейскую приходилось 101,8 рабочихъ, т. е. въ рукахъ евреевъ находились лишь болѣе мелкія фабрики.

Что касается еврейскихъ рабочихъ, то на 451 нееврейской фабрикѣ имѣлось всего 426 евреевъ рабочихъ, т. е. «въ среднемъ даже меньше одного рабочаго еврея на одну нееврейскую фабрику» И въ Польшѣ, какъ во всей чертѣ осѣдлости *еврейскій пролетаріатъ можетъ надѣяться получить работу только у своихъ собратьевъ по національности*. Къ сожалѣнію, это послѣднее предположеніе только отчасти вѣрно. На осмотрѣнныхъ корреспондентами *еврейскихъ* фабрикахъ было занято всего 43.011 человекъ, изъ которыхъ только 11.941 евреевъ, т. е. 27,7%. Для Варшавы и Лодзи, болѣе точно обследованныхъ, мы получаемъ тѣ же результаты.

И въ Польшѣ «евреи рабочіе находятъ значительно большее приложеніе своего труда на еврейскихъ фабрикахъ безъ двигателей, чѣмъ съ двигателями» ¹⁾, т. е. на болѣе мелкіхъ фабрикахъ, гдѣ производство еще сохранило болѣе старыя формы.

¹⁾ Ibid. стр. 116.

Это не особенно замѣтно при разсмотрѣніи отдѣльных формъ производства.

На 11 еврейскихъ чугунно-литейныхъ заводахъ, гдѣ было занято 959 рабочихъ, имѣлось всего 9 евреевъ рабочихъ. Но если мы даже примемъ во вниманіе всѣ еврейскія фабрики по обработкѣ металловъ—крупныя и мелкія, то мы получимъ, что на 49 фабрикахъ изъ общаго числа 3085 рабочихъ имѣлось 702 еврея, т. е. 22,7%, на 5% меньше общей средней величины. Но и этотъ результатъ получился потому, что въ производствѣ желѣзныхъ издѣлій евреи принимаютъ сравнительно большее участіе. Изъ подробнаго описанія отдѣльныхъ фабрикъ мы узнаемъ въ высшей степени поучительныя данныя.

Такъ, на одной фабрикѣ металлическихъ издѣлій работали въ 1899 году 135 человекъ, въ томъ числѣ 110 евреевъ, послѣдніе работали только въ качествѣ чернорабочихъ. А черезъ два года владельецъ фабрики успѣлъ уже удалить 50 евреевъ рабочихъ и замѣнить ихъ христіанскими дѣвушками. Почему же? Хозяинъ фабрики это объяснилъ субботнымъ отдыхомъ, но это очевидно невѣрно: вѣдь остались же работать у него 30 евреевъ, изъ которыхъ 15 специалистовъ, т. е. наиболѣе дорогихъ рабочихъ, а замѣнилъ онъ христіанскими дѣвушками чернорабочихъ-евреевъ. Истинная причина можетъ быть только разница въ заработной платѣ: христіанскія дѣвушки, навѣрное, довольствовались меньшимъ заработкомъ, чѣмъ еврей-мужчины. Субботній отдыхъ тутъ ни причемъ, а все объясняется страшной конкуренціей со стороны христіанскихъ элементовъ, выбрасываемыхъ изъ деревни въ городъ. Мы еще встрѣтимся съ этимъ явленіемъ впоследствии. Къ сожалѣнію, Сборникъ даетъ намъ очень мало свѣдѣній о высотѣ заработной платы различныхъ группъ рабочихъ: тогда мы скорѣе узнали-бы истину. Но вотъ слѣдующій фабрикантъ, видно довольно хорошо расположенный къ своимъ единовѣрцамъ и справившійся съ затрудненіями субботняго отдыха, прямо заявляетъ: «Недостатокъ евреевъ, что они вводятъ въ некасающіяся иль разсчеты фабрикантовъ, стараются по возможности облегчить себѣ работу, не желаютъ считаться съ конкуренціей, которую перетерпѣваетъ фабрикантъ» ¹⁾ (к. н.) Если мы переведемъ всю эту іереміаду на обыкновенную прозу, то получится слѣдующее: недостатокъ евреевъ, что они требуютъ болѣе высокой заработной платы и уменьшенія рабочаго дня.

Что дѣло въ несподготовленности мастеровъ евреевъ, видно на

¹⁾ Ibid. стр. 121.

примѣръ одной фабрики художественныхъ бронзовыхъ издѣлій, которая подготавливаетъ сама своихъ мастеровъ, такъ что «многіе изъ нихъ, уходя, пристраиваются не только въ Россіи, но и за границей». За то на другой фабрикѣ бронзовыхъ издѣлій «евреями не довольны». Здѣсь вдругъ оказалось, что у «евреевъ нѣтъ достаточныхъ физическихъ силъ» что «евреи не только не знаютъ, но и не даютъ себя учить!» Уму непостижимо! Голодающіе евреи не желаютъ научиться хорошо оплачиваемой профессіи! Здѣсь что-то не ладно. Объяснять же дѣло тѣмъ, что «владѣльцы-бывшіе рабочіе и потому они не любятъ евреевъ рабочихъ» едва ли значитъ проникнуть въ сущность вопроса. Намъ кажется, что дѣло гораздо проще: «недѣльная плата работницы 3 руб., а еврейки работницы не желаютъ работать за 3 руб. въ недѣлю». А что евреи могутъ и хотять научиться самымъ сложнымъ профессіямъ, доказываетъ намъ фабрика стѣнныхъ часовъ Л. Хмѣлевскаго въ Лодзи ¹⁾. Среди 200 рабочихъ этой фабрики — 165 евреевъ, причемъ послѣдніе заняты «весьма деликатными и тонкими работами... дѣвушки заняты разрисовываніемъ часовъ... всѣ эти рабочіе постепенно подучивались на этой же фабрикѣ; многіе изъ нихъ занимались до поступленія на фабрику разными видами разносной торговли. Всѣ главные мастера-евреи...»

А вотъ другая фабрика—для производства вѣсовъ, гдѣ почти всѣ рабочіе-евреи и даже мастеръ-еврей. «Владѣлецъ нашель, что гораздо лучше работаютъ евреи». Что евреи могутъ научиться новымъ занятіямъ, доказывается появленіемъ въ ихъ средѣ совершенно новыхъ отраслей дѣятельности, каковы, напримѣръ, игрушечное и кукольное производство въ Ченстоховѣ, сконцентрированное главнымъ образомъ въ рукахъ евреевъ и производство перламутровыхъ запонокъ. Особенно поучителенъ примѣръ иголочной фабрики въ Ченстоховѣ: на этой фабрикѣ евреи оказались способными работать при машинахъ, и съ субботнимъ отдыхомъ справились, и опытныхъ слесарей подготовили. Все это (благодаря личной инициативѣ директора фабрики, который сумѣлъ согласовать еврейско-національную идеологію съ его экономическими интересами.

Но это исключеніе. Общимъ же правиломъ является, что евреи работаютъ больше всего въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ еще царствуетъ кустарная форма производства, какъ, напримѣръ, въ приготовленіи бѣлья, платьевъ, коробокъ (всѣ 8 коробочныхъ фабрикъ г. Варшавы принадлежатъ евреямъ и занимали всѣ вмѣстѣ 106 рабочихъ, исключительно евреевъ.)

¹⁾ Ibid. стр. 124.

Въ другихъ же отрасляхъ, гдѣ форма производства чисто фабричная, евреевъ рабочихъ очень мало. По обработкѣ минеральныхъ веществъ на 116 *еврейскихъ* фабрикахъ изъ 3270 рабочихъ всего 486 евреевъ. По обработкѣ растительныхъ веществъ на 254 *еврейскихъ* фабрикахъ изъ 3695 рабочихъ— 1915 евреевъ и то лишь потому, что, какъ уже извѣстно, табачное производство составляетъ печальную монополію евреевъ: въ немъ заняты 1298 евреевъ-рабочихъ. Даже на *еврейскихъ* кожевенныхъ заводахъ Польши, принадлежащихъ большею частью къ мелкимъ предпріятіямъ, изъ 1125 рабочихъ всего 678 евреевъ (гораздо меньшій процентъ, чѣмъ въ Сѣв. западномъ краѣ). Это, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что не-еврейскій трудъ еще дешевле еврейскаго. Вѣроятно, по той же самой причинѣ мы наблюдаемъ вытѣсненіе евреевъ даже изъ производства обуви, особенно на крупныхъ фабрикахъ. И здѣсь то мы констатируемъ новое явленіе, съ которымъ мы еще часто встрѣтимся: «евреи на фабрикахъ работаютъ отдѣльно отъ христіанъ, во избѣжаніе какихъ нибудь недоразумѣній, по объясненію владѣльца» ¹⁾.

Кустарная форма щетиннаго производства способствуетъ тому, что въ этой области заняты исключительно евреи.

Но лишь въ одной отрасли промышленности мы можемъ наблюдать всѣ особенности еврейскаго капитала и еврейскаго труда въ самыхъ выпуклыхъ формахъ, тѣмъ болѣе, что эта отрасль, наряду съ металлургіей, является характеристичной для всей промышленности страны: мы имѣемъ въ виду *текстильную индустрію*. И дѣйствительно: производство по обработкѣ волокнистыхъ веществъ занимаетъ первое мѣсто въ Россіи какъ относительно капиталовъ, такъ и въ отношеніи къ числу рабочихъ. Въ одной этой отрасли были заняты во всей Россіи 642.520 рабочихъ.

Какую же роль играютъ въ этой области евреи?

А. Въ Польшѣ.

Въ Царствѣ Польскомъ имѣются всего 305 фабрикъ, имѣющихъ отношеніе къ текстильной промышленности; на этихъ фабрикахъ имѣется всего 1906 рабочихъ, изъ которыхъ только 2934 еврея, т. е. всего 15,4%.

Что касается предпринимателей, то составители «Сборника»

¹⁾ Ibid. стр. 140.

приходятъ къ слѣдующимъ выводамъ: Въ хлопчато-бумажномъ производствѣ еврейскіе предприниматели составляютъ менѣе одной трети всего числа предпринимателей» ¹⁾. А въ Лодзинскомъ и Соновецкомъ районѣ «общая производительность еврейскихъ предприятий составляетъ 40,8% всей производительности. Въ общемъ можно сказать, что по своимъ размѣрамъ еврейскія фабрики значительно меньше нееврейскихъ. Такъ, напримѣръ, «ручная обработка волокнистыхъ веществъ, главнымъ образомъ сосредоточена въ рукахъ евреевъ» ²⁾.

Что же касается участія евреевъ въ этой отрасли въ качествѣ рабочихъ, то и здѣсь повторяется общее правило: «У неевреевъ фабрикантовъ рабочіе евреи совсѣмъ почти не находятъ работы, и на всѣхъ нееврейскихъ фабрикахъ г. Лодзи было занято 63 еврея». Точно также повторяется и другое правило: «въ мануфактурной промышленности Польши евреи заняты лишь въ кустарномъ ткацествѣ, какъ ручные ткачи» ³⁾ Изъ этого слѣдуетъ, что евреи рабочіе не находятъ себѣ примѣненія не только на нееврейскихъ фабрикахъ, но даже «рабочіе въ крупныхъ еврейскихъ мануфактурахъ—не евреи». Какъ типичный примѣръ можетъ послужить тотъ фактъ, что изъ 6300 рабочихъ на фабрикахъ Познанскаго въ Лодзи—евреевъ имѣется лишь нѣсколько десятковъ.

Отмѣтимъ мимоходомъ нѣкоторые интересные факты. Главные акціонеры, директора отдѣленій и 6 главныхъ мастеровъ на фабрикѣ братьевъ Гинсбергъ («Заверце») евреи. И не смотря на это изъ 2400 рабочихъ—всего около 50 рабочихъ-евреевъ, преимущественно дѣвушекъ. При этомъ хозяева сами старались подготовить мастеровъ евреевъ. Несмотря на все расположеніе хозяевъ къ евреямъ, послѣдніе все-таки не могутъ проникнуть въ значительномъ количествѣ на фабрику.

А вотъ противоположный фактъ: на ткацкой фабрикѣ Вакса (въ Лодзи) работаютъ всего 180 человекъ, изъ которыхъ 72 еврея. Къ этому факту авторы дѣлаютъ слѣдующее примѣчаніе: «Г. Ваксъ началъ принимать евреевъ лишь недавно, съ тѣхъ поръ, какъ толки о поднятіи производительности среди евреевъ начали все громче повторяться въ обществѣ и въ печати. Въ случаѣ ухода христіанина мѣсто его занимаетъ еврей» ⁴⁾.

Мы были очень тронуты этимъ фактомъ. Помилуйте: если

¹⁾ Ibid. стр. 147.

²⁾ Ibid. стр. 146.

³⁾ Ibid. стр. 163.

⁴⁾ Ibid. стр. 155.

«толки въ обществѣ и въ печати» могли склонить одного фабриканта при нимаѣ евреевъ рабочихъ, то если эти толки начнутъ еще громче пов торяться, все больше и больше еврейскихъ фабрикантовъ начнутъ принимать евреевъ, и тогда «бездомный еврейскій пролетаріатъ»; если не милліонами, то по крайней мѣрѣ сотнями тысячъ найдетъ себѣ пропитаніе, а тогда... тогда еврейскій вопросъ въ Россіи рѣшенъ; вѣдь для однихъ весь еврейскій вопросъ въ кускѣ хлѣба, а для другихъ всѣ нужды еврейскаго народа идентифицируются съ нуждами его фабричнаго пролетаріата. Да, мы были очень обрадованы этимъ фактомъ, но скоро разочаровались, когда, перелистывая странипы «Сборника» вдругъ прочитали на 166 страницѣ слѣдующія строки: «рассказываютъ, что всемогущій мануфактурный король, покойный И. К. Познанскій, не могъ пристроить нѣсколькихъ рабочихъ-евреевъ у себя въ одномъ изъ многочисленныхъ отдѣленій фабрики изъ-за антисемитизма своего мастера». Прочли,—и наши мысли получили совсѣмъ противоположное направленіе: если «всемогущій мануфактурный король», до котораго разные «толки въ обществѣ и въ печати» навѣрное доходили, про котораго даже рассказывали, что онъ намѣревался купить нѣсколько тысячъ акцій сіонистскаго банка, если онъ не могъ пристроить на своей фабрикѣ нѣсколькихъ рабочихъ евреевъ, то невсемогущіе мануфактурные короли и простые смертные между еврейскими фабрикантами навѣрное окажутся безсильными передъ антисемитизмомъ ихъ мастеровъ и значить еврейскому бездомному пролетаріату такъ-таки и не удастся попасть на фабрики. Значить, еврейскій вопросъ разными «толками» не разрѣшится. Какъ тутъ быть? Надо было вернуться къ фабрикѣ г. Вакса. Оказалось, впервыхъ, что до 200 станковъ работаетъ на эту фабрику по домамъ. «Мужчины—преимущественно ручные ткачи» и наконецъ, что «г. Ваксъ пользуется счастливымъ положеніемъ единственнаго, не имѣющаго конкурентовъ производителя». Значить, толки толками, но реальная дѣйствительность подтверждаетъ общее правило: евреи заняты лишь въ кустарномъ ткачествѣ, а фабрика г. Вакса вполне подходит подъ этотъ типъ.

Мы, понятно, нисколько не желаемъ уменьшать заслуги нашихъ фабрикантовъ, сочувствующихъ своимъ голодающимъ собратьямъ и позволяющихъ имъ производить на себя «прибавочную стоимость», но дѣйствительность сильнѣе доброй воли отдѣльныхъ лицъ. Типичнымъ для русско-еврейской промышленности являются въ области кустарнаго производства—г. Ваксъ, а въ области концентрированно-фабричнаго производства—г. Познанскій. Вотъ, что мы

хотѣли сказать на основаніи ознакомленія со всѣми данными, собранными изслѣдователями еврейской экономической жизни.

Но перейдемъ къ фактамъ.

На фабрикѣ г. Вакса «евреи работаютъ отдѣльно отъ христіанъ, ихъ помѣщаютъ въ особомъ отдѣленіи». Чѣмъ это объясняется намъ не говорятъ, а было-бы очень интересно проникнуть въ сущность этого явленія.

А вотъ другая ткацкая фабрика Бр. Букетъ, которая «въ отличіе отъ фабрики Б. Вакса», работаетъ исключительно на механическихъ станкахъ. Слѣдствіемъ этого является то, что изъ 300 рабочихъ всего 50 евреевъ, большею частью дѣвушки, заняты второстепенными работами. «На механическихъ станкахъ работаютъ лишь 7 евреевъ. Правда, было до 20, но ихъ постепенно расчитывали». Очевидно, что евреевъ принимаютъ лишь на фабрики кустарнаго типа, и ихъ гоняютъ съ фабрикъ съ механическими двигателями, т. е. съ настоящихъ фабрикъ. А для того, чтобы читатель понялъ, какъ осторожно надо относиться къ официальнымъ объясненіямъ подобнаго рода явленій, мы попросимъ его сравнить слѣдующія два мнѣнія: фабрика Бр. Букетъ расчитываетъ еврейскихъ рабочихъ «такъ какъ они ни вырабатываютъ столько, сколько необходимо, по словамъ владѣльца, чтобы станокъ не приносилъ ему убытка». А на ткацкой фабрикѣ Юл. Розенталя оказывается слѣдующее: «несмотря, однако, на то, что евреи работаютъ лишь 5 дней въ недѣлю, они вырабатываютъ столько же, сколько получаютъ лучшіе ткачи христіане въ 6 дней. Получивъ доступъ къ механическимъ станкамъ, еврейскіе ткачи съ жаромъ набрасываются на работу и такъ усердно работаютъ, что постоянно приводятъ въ восторгъ администрацію ткацкой» ¹⁾. И надо замѣтить: обѣ эти фабрики находятся въ томъ же городѣ, въ Лодзи, рабочій элементъ одинъ и тотъ же, условія жизни—одинаковыя.

Здѣсь несомнѣнно играетъ роль, хотя и очень скромную, личные взгляды предприниматели на еврейское дѣло. Мы поэтому часто наталкиваемся на факты самаго противоположнаго характера. Вотъ поучительный примѣръ: «фабрика бр. Розенъ (Lohnweberei) почти единственная въ Лодзи механическая ткацкая, не работающая по субботамъ». Всѣ рабочіе вмѣстѣ съ мастеромъ евреи; «главная причина, по которой введенъ субботній отдыхъ, имѣетъ своимъ основаніемъ религіозные мотивы, такъ какъ владѣльцы фабрики—религіозные евреи». Здѣсь, значитъ, религія не помѣшала устроиться

¹⁾ Ibid. стр. 156.

такъ, чтобы рабочіе были евреи. За то предпріятіе Цигельберга представляетъ совершенно другое: «это—красильня мелкаго типа. Владѣльцы ея—ортодоксальные евреи и по субботамъ они не работаютъ. Въ этомъ случаѣ, казалось бы, имъ было-бы удобнѣй всего имѣть еврейскихъ рабочихъ. Въ дѣйствительности же, они предпочитаютъ останавливать фабрику на два дня (суббота и воскресенье) и имѣть въ качествѣ рабочихъ неевреевъ» ¹⁾. Чѣмъ же объяснить сіе чудо? Очень просто: религиозныя чувства уступаютъ передъ интересами кармана. «Съ трудомъ удалось узнать отъ владѣльцевъ красильной истинную причину ихъ нежеланія имѣть еврейскихъ рабочихъ: оказалось, что предпочтеніе польскихъ рабочихъ имѣетъ основаніемъ *лишь ихъ большую дешевизну*» ²⁾.

Но надо замѣтить, что это не случайный, а общій фактъ. Мы это видимъ лучше всего на Lohnweber'ахъ, истинныхъ представителей кустарничества и наиболѣе эксплуатируемыхъ. Казалось-бы, что здѣсь, по крайней мѣрѣ, евреи могутъ выдержать конкуренцію и найти себѣ заработокъ. Оказывается, что и здѣсь евреи находятся въ невыгодномъ положеніи: заработная плата Lohnweber'овъ въ окрестностяхъ Лодзи упала до самаго низкаго уровня, благодаря системѣ посредничества, безконтрольно эксплуатирующаго трудъ ткачей, а главнымъ образомъ благодаря «конкуренціи деревенскихъ жителей—крестьянъ, начавшихъ въ послѣднее время также заниматься ткачествомъ и *удовлетворяющихся меньшимъ заработкомъ, въ виду того, что ткачество не составляетъ ихъ единственнаго источника средствъ къ существованію, какъ это имѣетъ мѣсто у городского рабочаго населенія*» ³⁾. И само собою понятно, что эксплуатация со стороны посредниковъ возрастаетъ пропорціонально съ увеличивающейся конкуренціей со стороны крестьянъ.

Такимъ образомъ получается общая картина самого печальнаго характера.

Еврейство Польши вытѣсняется съ роковой неизбѣжностью изъ всѣхъ отраслей не только фабричной, но и кустарной промышленности. И чѣмъ больше польская промышленность приметъ крупнокапиталистическій характеръ—а это неизбѣжно, потому что обусловлено объективнымъ ходомъ вещей—тѣмъ болѣе еврейство вытѣсняется даже изъ тѣхъ отраслей труда, въ которыхъ оно уже нашло примѣненіе своимъ силамъ. Бездомному еврейскому пролетариату

¹⁾ Ibid. 159.

²⁾ Ibid. 168.

³⁾ Ibid. стр. 161.

Польша остается только одно средство: эмиграція, потому что его настоящее положеніе не временнаго характера; оно обусловлено не тѣми или другими переходящими или волей людей измѣняемыми причинами, а глубокими національно-соціальными причинами, требующими для своего измѣненія долгія столѣтія.

Чѣмъ объясняютъ составители Сборника печальное положеніе еврейскаго пролетаріата въ Польшѣ?

Коренная причина отсутствія еврейскихъ рабочихъ на фабрикахъ съ паровыми двигателями это—субботній отдыхъ, ¹⁾ заявляютъ авторы. Мы не будемъ разсматривать этотъ тезисъ еврейско-національной точки зрѣнія, потому что это завело бы насъ очень далеко и еще потому, что мы теперь пишемъ объ экономическихъ явленіяхъ, не допускающихъ никакихъ изліяній чувствъ. Хотя не мѣшало бы задуматься надъ этимъ фактомъ тѣмъ, которые проповѣдуютъ намъ духовный и всякій другой «автономизмъ» и которые не желаютъ понять, что всякое меньшинство, не имѣющее корней въ землѣ, т. е. въ историческомъ крестьянствѣ, должно потеряться въ подавляющемъ большинствѣ, даже не зависимо отъ смѣшанныхъ браковъ, а просто путемъ культурно-соціальной нивеллировки. Но не объ этомъ мы хотимъ здѣсь вести рѣчь, а остановимся только на экономической сторонѣ вопроса.

Вѣдь мы выше приводили факты, доказывающіе, во-первыхъ, что еврейскіе рабочіе вытѣсняются даже изъ фабрикъ *безъ* паровыхъ двигателей и вообще изъ кустарной промышленности, гдѣ абсолютно не важно, какой день опредѣленъ для отдыха; во-вторыхъ, мы видѣли, что часто фабриканты сами не работаютъ въ субботу, т. е. работаютъ всего 5 дней въ недѣлю и все таки предпочитаютъ не-еврейскихъ рабочихъ. Но предположимъ на минуту, что еврейство согласится съ мнѣніемъ авторовъ и увѣритъ, что корень всего зла въ субботнемъ отдыхѣ, послѣ чего изъявитъ желаніе работать и въ субботу. Что тогда будетъ? А вотъ что: «Естественно (!), что если-бъ въ настоящее время евреи и пожелали работать въ субботу, или же, если-бъ еврейскій предприниматель пожелалъ завести на фабрикѣ субботній отдыхъ, напр. въ прядильной, аппретурной и въ другихъ производствахъ,—то болѣе выгодными для предпринимателя оказались бы не-еврейскіе рабочіе» ²⁾ (К. н.). А въ этомъ вся суть. Что было, то сплыло. Вопросъ не въ прошломъ, а въ настоящемъ и

¹⁾ Ibid. стр. 165.

²⁾ Ibid.

будущемъ. Важно то, что даже отказавшись отъ субботняго отдыха, еврейскіе рабочіе все таки не открываютъ себѣ дверей фабрики. Но примѣръ съ кустарнымъ ткачествомъ доказываетъ, что и въ прошломъ эта причина — суббота — играла лишь второстепенную роль. Вторая причина — мастера. Авторы отмѣчаютъ однако, что «нерѣдки случаи и теперь уже въ Лодзи, когда при наличности еврейскихъ мастеровъ и техникувъ на крупнѣйшихъ мануфактурахъ нѣтъ евреевъ-рабочихъ»¹⁾ И не только на большихъ фабрикахъ, но и на маленькихъ, гдѣ нѣтъ машинъ и гдѣ мастеромъ зачастую является самъ хозяинъ — еврей. «Очень многія *ручныя* ткацкія, принадлежащія евреямъ, также не имѣютъ еврейскихъ рабочихъ». Почему же? И вотъ наконецъ авторы рѣшаются выставить самую важную причину: «Очевидно, предпринимателямъ *выгоднѣе и удобнѣе* (к. н.) имѣть не-еврейскихъ рабочихъ. Наблюденія, сдѣланныя въ этомъ направленіи, а также мнѣнія, не сдѣланныя въ этомъ направленіи, равно какъ и мнѣнія незаинтересованныхъ компетентныхъ мѣстныхъ жителей *указываютъ, какъ на главнѣйшую причину на то обстоятельство, что у еврейскихъ рабочихъ расходы на жизнь больше, нежели у польскихъ, а доходовъ меньше*»²⁾ (к. н.). Формулировка — расходовъ больше, а доходовъ меньше — немножко странна, немножко бытовая, но абсолютно вѣрная. Еврейство — городской элементъ, не имѣющій корней въ земледѣліи, не имѣющій резервныхъ доходовъ. Его *standart of life*, его жизненныя потребности выше тѣхъ, которыя предъявляютъ польскіе рабочіе. Вотъ почему *выгоднѣе* имѣть не-еврейскихъ рабочихъ. Ихъ также *удобнѣе* имѣть, потому что «еврей фабриканты весьма часто не расположены къ еврейскимъ рабочимъ, ошибочно считая ихъ единственными виновниками стачекъ, происходящихъ на фабрикахъ»³⁾. Они навѣрное ошибаются, но такъ какъ они хозяева положенія, то ихъ ошибки, къ сожалѣнію, имѣютъ вѣсь положительныхъ соображеній. Итакъ, еврейство вытѣсняется изъ польской промышленности, потому что фабрикантамъ-евреямъ «удобнѣе и выгоднѣе» имѣть не-еврейскихъ рабочихъ.

В. Еврейскія фабрики въ Бѣлостокскомъ районѣ.

И по отношенію къ этому району намъ приходится повторить все сказанное относительно Лодзи. Здѣсь, какъ тамъ, можно констатировать, что въ рукахъ еврейскихъ предпринимателей находятся

¹⁾ Ibid. 167.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid. 196.

только болѣе мелкія фабрики: разница только та, что въ Бѣлостокскомъ районѣ это явленіе еще сильнѣе выражено. Средняя производительность суконной фабрики: не-еврейской—73 тысячи, еврейской—17 тысячъ, шерсто-прядильной—не-еврейской—177 тысячъ, еврейской—67 тысячъ, красильной—не-еврейской—492 тысячи, еврейской—24 тысячи. Этихъ нѣсколькихъ цифръ достаточно, чтобы выяснитъ истинное положеніе еврейской промышленности разсматриваемаго края. Евреямъ принадлежатъ главнымъ образомъ фабрики безъ двигателей, т. е. фабрики, носящія болѣе или менѣе кустарный характеръ.

Но и здѣсь мы, главнымъ образомъ, интересуемся положеніемъ еврейскихъ рабочихъ. И здѣсь мы констатируемъ уже извѣстный намъ фактъ, что на не-еврейскихъ фабрикахъ, какъ съ двигателями, такъ и безъ двигателей, евреи почти совсѣмъ не работаютъ. На всѣхъ опрошенныхъ не-еврейскихъ фабрикахъ было занято 134 еврея рабочихъ. Вся слѣдовательно, надежда еврейскаго пролетаріата на предпринимателей изъ единовѣрцевъ. Хорошо-ли это, или нѣтъ, мы не дискутируемъ, но это неоспоримый фактъ, котораго никогда не надо забывать.

Къ сожалѣнію, и эта надежда не очень пречна, даже очень шатка. Результаты изслѣдованія слѣдующія: «Въ преобладающей въ Бѣлостокскомъ районѣ суконной промышленности *евреи встрѣчаются только въ качествѣ ткачей въ ручныхъ ткацкихъ заведеніяхъ. Во всѣхъ же фабрикахъ, занятыхъ обработкой шерсти и другими родственными производствами, въ которыхъ двигателемъ является механическая сила, евреи рабочіе совершенно отсутствуютъ*»¹⁾.

И вотъ, читая подробныя описанія отдѣльныхъ фабрикъ Бѣлостока, вездѣ и повсюду наталкиваешься на характерную фразу, повторяющуюся въ различныхъ варіаціяхъ во всѣхъ описаніяхъ: «Несмотря на то, что фабрикантъ-еврей, среди рабочихъ нѣтъ евреевъ». Между именами фабрикантовъ приходится встрѣчаться и съ именами сіонистовъ, ратующихъ о благѣ Израиля и съ именами прогрессистовъ, ратующихъ за общую справедливость и равенство и все таки всѣ они сходятся въ одномъ: не принимаютъ еврейскихъ рабочихъ. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ предположить, что здѣсь дѣйствуетъ злая воля: здѣсь надо искать болѣе глубокія причины. Ихъ надо найти, потому что только зная истинную причину болѣзни, можно ее лѣчить. А лѣчить надо скорѣе. Теперь еще извѣстная часть рабочихъ евреевъ находятъ себѣ жалкое пропитаніе, работая

¹⁾ Ibid. стр. 171.

въ качествѣ ручныхъ ткачей. Но не далеко то время, когда усовершенствованная техника, возбуждаемая страшной конкуренціей, замѣнитъ ручные станки механическими. «Фабриканты, зорко слѣдящіе за успѣхами техники въ производствѣ, ведалго, вѣроятно, будутъ терпѣть у себя эти ручные станки. Тогда еврей-ткачи вмѣсто того, чтобы перейти къ машинамъ, какъ это дѣлають ихъ христіанскіе собратья по судьбѣ, будутъ вынуждены покинуть фабрику (почему?), не зная, гдѣ примѣнить свои сдѣлавшіяся не нужными знанія и только видя передъ собой страшный призракъ безработицы и голода...» ¹⁾ (к. н.). Эмиграція или медленная смерть путемъ хронической голодовки!

А пока мы присутствуемъ при мучительной агоніи многихъ десятковъ тысячъ еврейскихъ семей. Сколько здѣсь горя, страданій, но и какія изуродованныя формы борьбы за кусокъ хлѣба! Мелкій предприниматель еврей, самъ еле-еле сводящій концы съ концами, боится принимать къ себѣ евреевъ-мастеровъ, потому что онъ видитъ въ нихъ своихъ будущихъ конкурентовъ! А съ другой стороны, «рабочіе организовали очень бдительный надзоръ, который имѣлъ цѣлью препятствовать молодежи обучаться работать на ручныхъ ткацкихъ станкахъ» ¹⁾, такъ что теперь молодой еврей можетъ обучиться ткацкому ремеслу или у локетниковъ, или въ глухихъ мѣстечкахъ. Образцовая классовая солидарность! А съ третьей стороны, взаимныя отношенія между фабрикантами-евреями и рабочими-евреями настолько враждебны, что рассказываютъ, будто «въ періоды острой нужды, въ разгаръ кризиса, нѣкоторые фабриканты отказывались отъ помощи лишеннымъ заработковъ рабочимъ на томъ основаніи, что они не желаютъ помогать своимъ же врагамъ».

И эта вражда установилась не между самоувѣреннымъ, прочнымъ капитализмомъ и фабричнымъ пролетаріатомъ, а между предпринимателями, которые во время кризиса должны пріостановить свои предпріятія, большею частью держащіяся исключительно кредитомъ, и между рабочими, совершенно лишенными работы, не способными выдержать конкуренціи съ не-еврейскими рабочими. Вся ненормальность этой вражды иллюстрируется тѣмъ фактомъ, что взаимная борьба не оканчивается жизнью, а смертью: она заканчивается или закрытіемъ предпріятія, или же—болѣе часто—эмиграціей рабочихъ въ Америку. Вотъ почему мы назвали эту борьбу агоніей.

¹⁾ Ibid. стр. 176.

¹⁾ Ibid 189.

Борьба, ведущая не къ жизни, а къ смерти, представляет собою ничто иное, какъ болѣе или менѣе длительную агонію.

Жизненная проблема въ самой узкой формѣ должна быть поставлена такъ: какъ достигнуть того, чтобы еврейская масса могла проникнуть во все отрасли фабричной дѣятельности, прогрессируя параллельно съ развитіемъ фабричной техники, приспособляясь и къ крупно-капиталистической организаціи фабрикъ. Пока эта проблема не разрѣшена, всяческая борьба между предпринимателями и рабочими принимаетъ случайный характеръ, лишена систематичности и не оставляетъ глубокихъ слѣдовъ. *Сама борьба носитъ кустарный характеръ*, или лучше сказать мелкобуржуазный, соотвѣственно съ экономическимъ положеніемъ борющихся. Сегодня достигнуто, завтра потеряно—вотъ характеристика этой борьбы.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ другихъ—менѣе важныхъ—формахъ обработки волокнистыхъ веществъ. Опять извѣстны намъ явленія: мелкія заведенія принадлежатъ евреямъ, а рабочіе, главнымъ образомъ, не-евреи. На трехъ джутовыхъ фабрикахъ (въ Польшѣ), принадлежащихъ евреямъ, работаютъ 1236 рабочихъ, изъ которыхъ всего 6 евреевъ. То же самое на шелковыхъ фабрикахъ. На одной изъ самыхъ большихъ шелковыхъ фабрикъ въ Варшавѣ, принадлежащей еврею, работаютъ 1000 рабочихъ, изъ нихъ 330 евреевъ. Причемъ, христіане работаютъ на паровыхъ и электрическихъ машинахъ, евреи—въ ручномъ отдѣленіи».

А на одной шелковой фабрикѣ въ Лодзи—еврейской—ни одного рабочаго еврея.

За то чудочное дѣло почти исключительно въ рукахъ евреевъ, потому что онѣ носятъ еще вполне выраженный кустарный характеръ.

Результаты всехъ собранныхъ данныхъ о еврейской промышленности въ чертѣ осѣдлости можно свести къ слѣдующимъ тезисамъ:

1) Еврейскіе предприниматели, бѣдные капиталами, сосредоточиваются, главнымъ образомъ, въ отживающихъ формахъ обрабатывающей промышленности. Еврейскій предприниматель—отсталый элементъ капитализма.

2) Еврейскіе рабочіе находятъ примѣненіе своимъ силамъ только на еврейскихъ фабрикахъ: судьба еврейскаго пролетаріата неразрывно связана съ судьбой еврейскаго капитализма.

3) Еврейскіе рабочіе однако не только не заполняютъ еврейскихъ фабрикъ, но мало по малу вытѣсняются и изъ нихъ по мѣрѣ усиленія крупно-капиталистическаго характера этихъ фабрикъ, т. е. при замѣнѣ ручного—машиннымъ производствомъ.

4) Евреи рабочіе сосредоточиваются, почти исключительно, въ отживающей — кустарной — формѣ индустріальной дѣятельности. Еврейскій рабочій—въ экономическомъ отношеніи отсталый элементъ общаго пролетаріата.

5) Борьба между обоими отсталыми элементами можетъ быть только мелкобуржуазная, кустарная, т. е. отсталая.

Мы закончимъ обзоръ экономическаго положенія еврейскаго пролетаріата сообщеніемъ важнѣйшихъ данныхъ о евреяхъ-чернорабочихъ, которыхъ насчитывается во всей чертѣ осѣдности не мене чѣмъ 105.000 человекъ, т. е. 2% всего еврейскаго населенія черты.

Еврейскіе чернорабочіе представляютъ собою самую измѣнчивую группу въ зависимости отъ индивидуальныхъ и общественныхъ причинъ. Между еврейскими чернорабочими встрѣчаются неудачники всѣхъ профессій; но во время кризисовъ въ эту группу попадаютъ лишившіеся работы фабричныя рабочіе, ремесленники и мелкіе торговцы. Но встрѣчаются и обратныя явленія: удачники изъ чернорабочихъ превращаются въ мелкихъ торговцевъ, факторовъ, прикащиковъ и даже въ мелкихъ предпринимателей. Къ сожалѣнію, первое превращеніе встрѣчается несравненно чаще, чѣмъ второе. Теперь уже имѣются вполне фиксированныя группы чернорабочихъ, рѣдко подвергающихся измѣненіямъ, какъ напримѣръ, пильщики, нашевники, извозчики и т. д. Но съ ухудшеніемъ положенія русскаго еврейства группа чернорабочихъ должна все болѣе и болѣе увеличиваться: всѣ деклассированные элементы попадаютъ въ эту группу. Чѣмъ болѣе развивается промышленность страны и чѣмъ болѣе еврей-рабочіе вытѣсняются изъ фабрикъ, тѣмъ больше становится число еврейскихъ чернорабочихъ. Это видно изъ слѣдующихъ данныхъ: наибольшій процентъ еврейскаго населенія составляютъ чернорабочіе Южнаго края, гдѣ промышленность всего болѣе развита, но гдѣ евреи меньше всего проникли на фабрики: чернорабочіе составляютъ 3,2% всего еврейскаго населенія Юга. Это самая лучшая иллюстрація регрессивнаго характера экономической эволюціи нашего народа: съ развитіемъ промышленности евреи превращаются не въ препринимателя и не въ фабричнаго рабочаго, растущаго вмѣстѣ съ ростомъ индустріи, а въ лишеннаго всякой почвы чернорабочаго. Въ этомъ фактѣ трагизмъ нашего положенія выступаетъ во всей ужасающей силѣ; этотъ фактъ раскрываетъ всю пропасть, предъ которой мы стоимъ. И даже здѣсь мы встрѣчаемся съ уже знакомыми явленіями.

Какъ вамъ нравится слѣдующее наблюденіе: «предпринима-

тели евреи вообще неохотно дают у себя мѣсто кучерамъ и извозчикамъ своихъ единовѣрцевъ, во первыхъ, потому, что они по субботамъ и еврейскимъ праздникамъ не ѣздятъ (опять суббота!), во вторыхъ,— что они, какъ горожане, по большей части, не умѣютъ обращаться съ лошадьми. Извозчики, которымъ не смотря на все это, удалось пристроиться, немилосердно эксплуатируются своими хозяевами»¹⁾).

Но особенно интересна группа чернорабочихъ, состоящая изъ выходящихъ на полевые работы. Авторы «Сборника» совершенно правы, когда они замѣчаютъ, что «выходъ горожанъ на сельскія работы съ экономической точки зрѣнія представляетъ изъ себя нѣчто совершенно исключительное. Повсюду замѣчается обратное явленіе: сельскій работникъ, въ погонѣ за болѣе выгоднымъ заработкомъ, стремится изъ деревни въ городъ». Несомнѣнно, исключительное явленіе, являющееся самымъ яркимъ доказательствомъ регрессивной экономической эволюціи русскаго еврейства. Замѣчаемая во всемъ мирѣ эмиграція деревенскихъ жителей въ города содержитъ въ себѣ, несомнѣнно, болѣзненные, патологическіе элементы; но взятое въ своей цѣлости это явленіе должно въ концѣ концовъ повести къ укрѣпленію и расширенію прогресса. Это горькое лѣкарство для излѣченія больного, или неизбежное зло, ведущее къ добру. Но въ общемъ, линія эволюціи восходящая. Переселеніе же евреевъ въ деревни имѣло-было-бы тогда характеръ оздоровительнаго процесса, если-бы это переселеніе имѣло-бы характеръ колонизаціи, если-бы бездомный еврейскій пролетарій превращался въ истиннаго земледѣльца. Но еврей, выходящій на полевые работы, такой надежды не имѣетъ и имѣть не можетъ: они гонимы въ деревню только голодомъ и все ихъ стремленіе не имѣетъ завтрашняго дня; они желаютъ только удовлетворить моментальный голодъ. Для еврейскаго пролетаріата условія городской жизни такъ плохи, такъ безпадежны, что онъ готовъ довольствоваться хотя-бы мизернымъ заработкомъ деревни, достающимся притомъ путемъ цѣлой массы моральныхъ униженій. Стоитъ вдуматься въ этотъ фактъ, чтобы понять весь ужасъ матеріальнаго положенія 3/4 русскаго еврейства. Кстати отмѣтимъ противорѣчіе между существующею будто-бы неприспособленностью еврея къ фабричной работѣ и способностью того-же городского еврея исполнять полевые работы.

Какъ великъ еврейскій пролетаріатъ въ Россіи?

¹⁾ Ibid. T. I, стр. 407.

Здѣсь возможны различныя отвѣты въ зависимости отъ опредѣленія понятія «пролетарій». Если мы съ этимъ терминомъ связываемъ общее понятіе бѣдности, неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, то 90% всего русскаго еврейства несомнѣнно и принадлежать къ пролетаріямъ, или, какъ мы ихъ назвали въ другомъ мѣстѣ, къ безночвеннымъ (Luftmensch).

Если же возьмемъ слово пролетарій въ научномъ смыслѣ этого слова, т. е. будемъ называть пролетаріемъ всякаго человѣка, лишеннаго орудій производства и созидающаго «прибавочную стоимость», то мы получимъ слѣдующее число:

Ремесленныхъ подмастерьевъ	140.528
Ремесленныхъ учениковъ	101.062
Чернорабочихъ	105.000
Фабрично-кустарныхъ рабочихъ	45.506
Всего	392.096

Если мы прибавимъ къ этому числу всѣхъ служащихъ въ магазинахъ и торговыхъ заведеніяхъ ¹⁾, какъ и вообще всѣхъ, не владеющихъ ничѣмъ другимъ, какъ своими физическими и умственными силами, которые они продаютъ на рынкѣ труда, то мы навѣрное получимъ полъ-милліона пролетаріевъ въ общественномъ смыслѣ этого слова.

Д. Пасманикъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Къ сожалѣнію, Сборникъ не даетъ никакихъ свѣдѣній о евреяхъ, занимающихся торговлей.

Вѣчные странники.

(Записки коми-вояжера).

Продолженіе ¹.

Разговоръ пятый.

Вы, конечно, хорошо помните, въ какомъ видѣ я уѣхалъ изъ Лодзи въ Свѣнцианы? Ну, такъ я не стану вамъ напоминать, что мнѣ тогда было пятнадцать лѣтъ, что я имѣлъ видъ уличнаго оборвыша и былъ такъ мало развитъ, что искренно полагалъ, что пейзажи очень украшаютъ мужское лицо.

Теперь я вамъ нарисую маленькую, но интересную картинку моего возвращенія изъ Свѣнцианъ въ Лодзь.

На другой день, послѣ той невеселой исторіи, которая произошла въ домѣ Стрипунскихъ, я собралъ свои пожитки и уѣхалъ въ Вильно. Вы спросите, почему въ Вильно, а не прямо въ Лодзь? Такъ я вамъ отвѣчу, что у меня на это были двѣ причины; а какія—вы узнаете потомъ.

Уѣхалъ я ужасно печальнымъ. Скажу вамъ по секрету, Рахиль была моя первая любовь. И даю вамъ честное слово, что я ее любилъ сильѣе чѣмъ это описываютъ въ романахъ... А впрочемъ, что я вамъ буду долго расписывать, когда этого словами не расскажешь. Скажу только, что всю дорогу до Вильна, а это длилось добрыхъ три часа, я кромѣ, какъ о Рахиль, ни о чемъ думать не могъ, хотя думать мнѣ было о чемъ.

Долженъ вамъ сказать, что за три года службы у Стрипунскаго я скопилъ около семидесяти рублий. Деньги эти я копилъ, по совѣту Рахиль, на самообразование. Но теперь, когда все такъ неожиданно и печально окончилось, могъ-ли я думать о самообразованіи? Конечно, нѣтъ. И повѣрите, какъ только я уѣхалъ изъ Свѣнцианъ, мой умъ повернулъ въ другую сторону.

Вопервыхъ, мнѣ показалось, что я уже очень самообразованъ; а во-вторыхъ,—я вспомнилъ, что мнѣ восемнадцать лѣтъ и что у меня уже растутъ усы. И знаете, что мнѣ захотѣлось, когда я вспомнилъ, что мнѣ уже восемнадцать лѣтъ? Вы думаете—жениться? Совсѣмъ наоборотъ. Мнѣ захотѣлось быть красиво одѣтымъ; вотъ какъ одѣваются провизора или зубные врачи. Больше всего я мечталъ о мягкой шляпѣ кофейнаго цвѣта и о часахъ съ коротенькой цѣпочкой, которая-бы болталась вдоль жилета. Потомъ мнѣ еще хотѣлось имѣть модный костюмчикъ нѣмецкаго покроя и ботинки съ узенькими носками и со скрипомъ. Тогда была мода на скрипь.

И вотъ всѣ эти желанія заставили меня остановиться въ Вильнѣ. Я такъ и сдѣлалъ, потому что зналъ, что папаша и мамаша все равно деньги у меня отнимуть.

Приѣхалъ я домой на третій день, какъ разъ во время обѣда. И на мое счастье все наше семейство было дома.

Ахъ, какая это была встрѣча! Настоящее театральное представленіе; даю вамъ честное слово. Ну, слушайте, я расскажу вамъ все по порядку.

Было тепло и солнце свѣтило. Черезъ раскрытое окошко я увидалъ папашу, мамашу и цѣлый хейдеръ братьевъ и сестеръ. Всѣ сидѣли за столомъ и обѣдали.

— Ой, къ намъ панычъ подѣхалъ!—крикнула мамаша.

И всѣ вытянули шеи и стали смотрѣть на меня. А я заплатилъ извозчику, схватилъ въ руки узелокъ съ вещами и бѣгомъ отправился въ хату. Когда я вошелъ, все семейство встало и всѣ съ удивленіемъ посмотрѣли на меня. А мнѣ сдѣлалось такъ смѣшно, что я чуть-чуть не расхохотался.

— Папаша и мамаша,—сказалъ я,—развѣ вы меня не узнали? Я—вашъ Велвеле...

— Ой, я въ обморокъ сейчасъ упаду!..—закричала мамаша,—и бросилась ко мнѣ.

Она меня крѣпко обняла и поцѣловала. Потомъ то же самое сдѣлалъ папаша и всѣ мои братья и сестры. А когда цѣлованье кончилось, я хотѣлъ было присѣсть, но негдѣ было: единственный свободный табуретъ былъ мокрый, потому что на немъ сидѣлъ Арончикъ; тотъ самый Арончикъ, который теперь учится на мой счетъ въ Лодзинской гимназій.

— Чтобъ тебя холера задушила!.. Гдѣ-бы онъ ни сѣлъ,—сейчасъ тамъ мокро дѣлается,—закричала мамаша на Арончика и юбкой вытерла табуретъ.

— Садись, Велвеле,—сказала она мнѣ и любовно провела рукой по моей спинѣ. А, можетъ быть, она просто пробовала матерію моего костюма.

Я сѣлъ по серединѣ комнаты, потому что отъ обѣда я отказался. Скажу вамъ по секрету, я кушать очень хотѣлъ, но отказался для форса. А потомъ я цѣлый день объ этомъ жалѣлъ. Но слушайте, что было дальше. Папаша и мамаша не могли на меня насмотрѣться и мнѣ казалось, что они все еще не вѣрятъ, что я ихъ сынъ. А чтобы ихъ еще больше удивить, я сталъ продѣлывать разныя штуки, какъ это дѣлаютъ настоящіе паньчи, когда попадаютъ къ бѣднякамъ. Прежде всего я началъ хвастать своими вещами. Нѣсколько разъ я снималъ шляпу и чистенькимъ платочкомъ вытиралъ лобъ. Потомъ я вытащилъ изъ бокового кармана пиджака жестяной портсигаръ, вынулъ папиросу и закурилъ. Я еще не умѣлъ затягиваться, но въ Вильнѣ я рѣшилъ, что мнѣ пора уже начать курить. За всѣми моими дѣйствіями наша фамилія слѣдила съ такимъ интересомъ, какъ будто я показывалъ волшебные фокусы. Но что было, когда я вынулъ часы,—я и рассказать не могу. Всѣ выскочили изъ-за стола и бросились ко мнѣ.

— Ой, Велвеле, покажи мнѣ...

— Они стучать? Да?..

— Ой, Велвеле, это настоящіе часы?..

Братья и сестры облѣпили меня, какъ мухи. И скажу вамъ по секрету, я очень боялся, чтобы они меня не выпачкали. Но тутъ самъ папаша вмѣшался.

— А ну, покажи, что за часы такіе у тебя?—сказалъ онъ. и осторожно взялъ у меня часы и внимательно сталъ ихъ разсматривать. А я началъ смотрѣть на папашу. И знаете, что я замѣтилъ? Я замѣтилъ, что борода у папаша посѣдѣла, а шея сдѣлалась еще тоньше и длиннѣе чѣмъ была.

Въ то самое время, когда всѣ столпились около меня, проходила мимо наша родственница Енте-Бейле. Мамаша увидала ее изъ окошка и попросила войти на минутку. Та сейчасъ-же исполнила просьбу.

— Что у васъ такое?—громко спросила родственница, когда вошла въ комнату.

— Развѣ вы не видите?—воскликнула мамаша, и указала на меня.—Вы узнаете этого молодого аристократа?

И всѣ раступились, чтобы родственница могла лучше меня разглядѣть.

— Ну, что вы скажете?—спросила мамаша, и лицо ея сдѣлалось веселымъ, какъ у ребенка.

Енте-Бейле долго молчала и все разглядывала меня; а потомъ она обѣ руки положила на животъ и сказала:

— Онъ будетъ комми-вояжеромъ; чтобъ я такъ здорова была.

Повѣрите, слова нашей родственницы были мнѣ до того пріятны, что я даже покраснѣлъ отъ радости. Я, слава Богу, тогда понималъ, что такое—комми-вояжеръ; и скажу вамъ по секрету, я и мечтать не смѣлъ о такой карьерѣ; но разъ сама Енте-Бейле сказала,—сладкая мечта немедленно свила гнѣздо въ моемъ сердцѣ и уже ни о чемъ другомъ я думать не хотѣлъ.

Но можетъ быть, вы хотите знать, какъ отнесся къ словамъ Енте-Бейле мой папаша? Ну, такъ я вамъ скажу. Сначала онъ засмѣялся, а потомъ сдѣлался печальнымъ и сказалъ:

— Велвеле никогда не будетъ комми-вояжеромъ.

— Почему?!—закричали вмѣстѣ Енте-Бейле и мамаша.

— Почему? Да потому, что комми-вояжеръ долженъ быть образованнымъ человекомъ. Вы не думайте, что у меня голова сдѣлана для того, только чтобы ермолку носить. Я тоже, благодареніе Богу, кое-что понимаю...

— Ша, мой мужъ разговорился,—вмѣшалась мамаша. Вотъ это мнѣ нравится; чтобъ я такъ счастлива была! Двадцать лѣтъ живу съ мужемъ и только сегодня я отъ него узнаю, что онъ умный. Ну, объясни-же мнѣ, умный, почему нашъ Велвеле не можетъ быть комми-вояжеромъ и какое для этого нужно образованіе?

— Папаша догадался, что мамаша на него сердится и заговорилъ тише.

— Какое образованіе? Самое большое. Комми-вояжеръ долженъ умѣть писать и читать не только по-еврейски, но и по-русски. Потомъ онъ еще долженъ умѣть говорить на нѣсколькихъ языкахъ...

— На какихъ, напримѣръ?

— На рускомъ, нѣмецкомъ, польскомъ, на малороссійскомъ...

— Ой, замолчи, мой хохемъ годейль,—закричала мамаша.— Отъ твоей свѣтлой мудрости у меня въ глазахъ темнѣетъ. Какое онъ выдумалъ образованіе—нѣмецкій языкъ! А какой еврей не умѣетъ говорить по-нѣмецки?..

Тутъ я не выдержалъ и вмѣшался въ разговоръ.

— Я очень хорошо умѣю писать и читать по-русски. Со мной учила дочь ребъ Мойше-Довида.

Всѣ на меня посмотрѣли съ такимъ удивленіемъ, какъ будто я заявилъ, что ѣмъ людей.

— Такъ ты образованный!?. воскликнула мамаша. — Ой, чтобъ ты мнѣ здоровый былъ...

— А Богу молиться ты не забылъ?—спросилъ папаша.

Но тутъ на бѣднаго папашу набросилась Енте-Бейле.

— А на что ему твои молитвы?

— А вы развѣ не знаете, что мой сынъ-еврей? И знаете, что я вамъ скажу, Енте-Бейле? Вы очень нехорошія слава говорите. Еврей долженъ быть евреемъ. А комми-вояжеры такіе евреи какъ я—губернаторъ. Вотъ что я вамъ скажу, если такъ... закончилъ папаша, и очень заволновался.

Вотъ тутъ и выступила впередъ Енте-Бейле.

— Послушай, мой дорого еврей, зачѣмъ ты на Бога смотришь какъ на квартальнаго? Зачѣмъ ты ему подсовываешь взятки длинными молитвами? Богъ въ твоихъ взяткахъ не нуждается. Вѣдь это же просто несчастье; чтобъ я такъ здорова была!.. Всѣ люди живутъ, какъ люди; а наши евреи только и дѣлаютъ, что молятся и чешутся! Какіе вы мужчины? Жуки вы навозные, а не мужчины... Забрались въ эту проклятую черту осѣдлости и только и дѣлаютъ, что Богу молятся. Всѣ народы имѣютъ мѣсто жительства; а мы отъ времени Адама не можемъ пристроиться къ одному мѣсту. А кто виноватъ? Конечно, наши мужчины...

— Ай, что вы такое говорите, Енте-Бейле, — заговорилъ папаша.—Чѣмъ мы виноваты? Что мы сами выдумали эту черту осѣдлости? Дай намъ свободу и мы будемъ не хуже другихъ народовъ...

— Вы слышите, что онъ говоритъ?—возмутилась Енте-Бейле. Дайте ему свободу... Свобода—не шалехмонесъ и на подносѣ ее тебѣ не принесутъ. Свободу надо умѣть завоевать... А вы только съ геморой и мишнаесомъ воюете... Э, да что съ тобою толковать: Я сама устрою такъ, что Велвеле будетъ комми-вояжеромъ.

Съ этими словами Енте-Бейле повернулась и вышла.

Папаша сдѣлался печальнымъ и ничего не сказалъ. А потомъ онъ ушелъ на фабрику. И знаете, что я вамъ скажу? Мнѣ его было очень жаль, но все-таки мнѣ было грустно, что онъ не думаетъ такъ, какъ Енте-Бейле.

Разговоръ шестой.

Скажите правду, вамъ нравится мое сочиненіе? Мнѣ это нужно знать, потому что я хочу много написать. Скажу вамъ по секрету, мнѣ мое писаніе очень нравится. Даю вамъ честное слово. И знаете, я пишу съ такой охотой, какъ будто мнѣ за это обѣщали большія деньги... Но вернемся лучше къ дѣлу. Ну, слушайте.

Черезъ двѣ недѣли послѣ моего возвращенія въ Лодзь пришла къ намъ Енте-Бейле.

— Ну, Велвеле,—сказала она мнѣ,—одѣвайся и пойдемъ со мною на фабрику Шмерль Бурдесъ и К^о.

— Зачѣмъ?—спросилъ я, и сердце у меня съежилось, какъ шенокъ на морозѣ, потому что я вспомнилъ красильное отдѣленіе, гдѣ я три года тому назадъ только пачкался, а не работалъ.

А мамаша совсѣмъ наоборотъ: очень обрадовалась и сейчасъ же стала благодарить родственницу.

— Ты погоди меня благодарить,—остановила мамашу Енте-Бейле:—прежде дай дѣло сдѣлать.

И она намъ вотъ что рассказала. Фабрика Шмерль Бурдесъ и К^о увеличила свое производство и рѣшила завязать отношенія со всей Россіей. Для этого владѣльцу фабрики нужно было послать комми-вожера.. Но такъ какъ дѣло было новое, фабрика не рѣшилась послать въ вояжъ чужого человѣка. И было рѣшено, что поѣдетъ хозяйскій сынъ, Нотль Бурдесъ или, какъ у него стояло на визитной карточкѣ, Никита Лаврентьевичъ Бурдесъ.

Долженъ вамъ сказать, что этотъ Никита Лаврентьевичъ былъ большой аристократъ и очень образованный. Онъ по субботамъ курилъ на улицѣ папиросы и носилъ цилиндръ и перчатки. И вотъ когда его папаша заявилъ ему, что онъ поѣдетъ по Россіи, молодой Бурдесъ сказалъ:—хорошо, папаша; но только я одинъ не поѣду. Мнѣ нуженъ человѣкъ, который былъ-бы у меня вродѣ лакея.—„Ну, ну, возьми себѣ человѣка,—сказалъ папаша.

Объ этомъ разговорѣ узнала Енте-Бейле и сейчасъ же побѣжала къ Никитѣ Лаврентьевичу и предложила меня въ качествѣ лакея. Тотъ сказалъ:—хорошо, мадамъ, приведите вашего

родственника ко мнѣ л, если онъ мнѣ понравится, я его возьму съ собою.

Вотъ что рассказала намъ Енте-Бейле. Повѣрите, пока она говорила я думалъ, что лопну отъ нетерпѣнія. Шутка ли сказать, что мнѣ предстояло! Я уже и тогда былъ очень не глупымъ человѣкомъ; даю вамъ честное слово, я хорошо понималъ, что значить поѣхать по Россіи съ такимъ господиномъ, какъ молодой Бурдесъ.

Но можетъ быть, васъ пугаетъ слово „лакей“, то прошу васъ успокойтесь: у евреевъ нѣтъ лакеевъ. Скажу вамъ по секрету, среди евреевъ вы можете встрѣтить кого угодно: и подлецовъ, и честныхъ, и богатыхъ, и бѣдныхъ; но лакея вы ни одного не встрѣтите. Даю вамъ честное слово. Я даже и представить не могу еврея съ еврейскимъ лакеемъ!..

И я зналъ, что если поѣду съ молодымъ Бурдесомъ, то не какъ лакей, а какъ помощникъ. А потомъ мы станемъ товарищами, какъ это всегда бываетъ у евреевъ... Но слушайте дальше.

Черезъ часъ я уже входилъ съ Енте-Бейле въ контору фабрики. Сердце у меня стучало и прыгало, какъ языкъ въ колоколѣ. А самому себѣ я все твердилъ: „не бойся, Велвелъ, будь смѣлымъ или, какъ русскіе говорятъ, нахаломъ“. И вотъ мы вошли въ контору. Было обѣденное время и на наше счастье никого кромѣ самага Никиты Лаврентьевича, не было. Онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ.

— Вотъ мой племянникъ, о которомъ я вамъ говорила,— сказала Енте-Бейле, и тихонько толкнула меня, чтобъ я подошелъ ближе.

Хотя я зналъ, что долженъ понравиться новому хозяину, потому что, я былъ одѣтъ довольно шикарно; но все-таки, скажу вамъ секрету, я немного боялся. И я осторожно подошелъ къ столу, поклонился и, сложивъ ладонь правой руки въ видѣ лодочки, протянулъ ее Никитѣ Лаврентьевичу. Тотъ неохотно дотронулся до моей руки и спросилъ.

— Это тотъ самый, который когда-то у насъ въ красильнѣ вергѣлся?

— Да, тотъ самый,—отвѣтила Енте-Бейле.

— А гдѣ ты потомъ служилъ?

— Приказчикомъ въ магазинѣ Стрипунскаго, что въ Свѣнцианнахъ,—довольно бойко отвѣтилъ я.

И знаете, что я вамъ скажу? Я почему-то сразу пересталъ бояться его. И онъ тогда хорошимъ глазомъ посмотрѣлъ на меня.

— Я слышалъ, что Стрипунскій закрылъ свою торговлю?

— Да, онъ больше торговать не будетъ.

— Очень жаль: хорошій былъ покупатель. А почему онъ прекратилъ дѣло?

Тутъ я почувствовалъ, что могу заинтересовать молодого хозяина и началъ рассказывать семейную исторію Стрипунскихъ.

Никита Лаврентьевичъ слушалъ внимательно, а потомъ вздохнулъ, покачалъ головой и закурилъ сигару. Вдругъ онъ посмотрѣлъ на меня и заговорилъ по-русски... Здѣсь, скажу вамъ по секрету, Никита Лаврентьевичъ, хотя, и былъ образованный человѣкъ и курилъ въ субботу, а по-русски, какъ я теперь понимаю, говорилъ очень плохо; но тогда я ему искренно завидовалъ и думалъ, что никогда не научусь такъ говорить. Но не будемъ залѣзать впредь.

— А ты много себѣ понимаешь говорить по-русски?—спросилъ у меня Никита Лаврентьевичъ.

— Да, я очень много понимаю говорить,—отвѣтилъ я.

— Ну, поговори себѣ немного.

Что-же вы думаете, я сдѣлалъ? Я сейчасъ же пошарилъ въ своей головѣ и вспомнилъ Пульсона.

Это такая книга была у Рахили, по которой она учила меня читать. И когда я все вспомнилъ, я выпрямился, опустилъ руки, поднялъ глаза на молодого хозяина и быстро быстро сталъ читать наизусть: „Мы вышли изъ кустовъ затаивали собаки матери бѣлякъ покатилъ за овсомъ потомъ выскочили собаки и самъ чортъ а потомъ Хановъ“... *)

Когда я читалъ, я замѣтилъ, что глаза у хозяина дѣлаются большими, а лицо вытягивается. Онъ навѣрно ничего подобнаго не ожидалъ отъ меня и очень удивился. Даю вамъ честное слово. А Енте-Бейле благодарно поглядывала на меня и улыбалась.

— Хорошо, — сказалъ молодой Бурдесъ, а потомъ прибавилъ:—ну, а что нибудь по торговому дѣлу можешь поговорить себѣ?

— Могу.

И я сейчасъ-же началъ:

„Флагъ поднялся. Ярманка открылась.

„Изъ деревень народы площадью закрылись.

„Понявы, бичерь, кички, ленты,

„Серожки съ пухомъ пожументы...

*) Записки Охотника. Чертопхановъ.

— Хорошо,—перебилъ меня Никита Лаврентьевичъ.—Завтра приходи и мы поѣдемъ.—Ты себѣ будешь у меня лакеемъ.

— Благодарю вамъ,—сказаль я, и пожалъ хозяину руку.

Повѣрите, когда я отъ Бурдеса возвращался домой, мнѣ казалось, что я не по землѣ хожу, а летаю по воздуху.

Даю вамъ честное слово.

Разговоръ седьмой.

На вокзалъ пріѣхали провожать насъ самъ Шмерль Бурдесъ, жена его, старшая сестра Никиты Лаврентьевича съ мужемъ и дѣтьми и управляющій фабрики, инженеръ Иванъ Сидоровичъ Кохлефль. Со всѣми этими лицами я быстро перезнакомился и пилъ съ ними въ первомъ классѣ чай.

Старику я тоже очень понравился. Онъ все мнѣ порученія давалъ: то выйти на платформу узнать, не поданъ-ли поѣздъ, то на телеграфъ провѣрять часы. Я быстро все это исполнялъ и когда возвращался, старикъ все спрашивалъ, зачѣмъ я такъ скоро возвращаюсь, а остальные смѣялись.

— Ты себѣ поѣдешь въ третьемъ классѣ, а я во второмъ,—сказаль мнѣ Никита Лаврентьевичъ, когда я пошелъ билеты покупать.

— Почему вы не хотите въ третьемъ классѣ ѣхать?—спросилъ я.—Тамъ очень хорошо и вдвое дешевле...

— Ты себѣ, пожалуйста, меньше разговаривай,—оборвалъ меня хозяинъ.

И скажу вамъ по секрету, я очень за это на него обидѣлся и рѣшилъ больше съ нимъ не разговаривать.

А теперь я о немъ расскажу вамъ совсѣмъ другое. Прежде всего—я разсердился на своего хозяина совсѣмъ напрасно: онъ оказался очень хорошимъ человѣкомъ. Даю вамъ честное слово. Вотъ это, я понимаю, былъ учитель! Рахили я, можетъ быть, обязанъ тѣмъ, что сдѣлался развитымъ и благороднымъ человѣкомъ. И только. А молодому Бурдесу я всѣмъ обязанъ, потому что онъ меня сдѣлалъ комми-вояжеромъ!

Въ дорогѣ мы съ нимъ сошлись, какъ родные братья. Даю вамъ честное слово. Вторымъ классомъ онъ ѣздилъ только въ чертѣ осѣдлости; а когда мы изъ нея вырвались, онъ сталъ ѣздить третьимъ классомъ. И онъ мнѣ объяснилъ, что съ евреями иначе нельзя; потому что они шикъ любятъ. А потомъ онъ

сталъ учить меня комми-вояжерскому искусству. Повѣрите, слушать его для меня было одно наслажденіе. И знаете, что я вамъ скажу, я скорѣе десять заповѣдей забуду, чѣмъ уроки Никиты Лаврентьевича.

Первый урокъ хозяинъ далъ мнѣ въ Варшавѣ... Но это нужно вамъ рассказать подробно, потому что, вы навѣрно не знаете нашей комми-вояжерской науки. Ну, такъ слушайте.

Приѣхали мы въ Варшаву и остановились въ одной изъ самыхъ лучшихъ гостинницъ. За одинъ только номеръ взяли съ насъ рубль семьдесятъ пять копеекъ! Городъ я не стану описывать. И знаете почему? Я увѣренъ, что вы были въ Варшавѣ, если только вы—еврей. Скажу только, этотъ городъ мнѣ страшно понравился своей аристократичностью. Нигдѣ вы не встрѣтите такъ много настоящихъ тонкихъ аристократовъ, какъ въ Варшавѣ. Даже евреи показались мнѣ здѣсь болѣе деликатными. Ну, а поляки... Господи, Боже мой! какой это красивый народъ! Повѣрите, среди нихъ нѣтъ ни одного простого человѣка: всѣ—паны. Даю вамъ честное слово. А какъ они всѣ улыбаются! Какъ красиво и деликатно говорятъ! Какіе у нихъ зубы! А женщины—одно удовольствіе... Изъ-за этихъ женщинъ и городъ кажется красивымъ. Но я все таки сердить на поляковъ. Почему они юдофобы? Такіе деликатные люди; такъ хорошо одѣваются и вдругъ, точно простые мужики, называютъ евреевъ жидами... Но я опять отскочилъ въ сторону. Ну слушайте.

Какъ только мы приѣхали, намъ подали чай. Мы съ хозяиномъ напились; потомъ я почистилъ себѣ и ему сапоги; потомъ мы одѣлись, я взялъ хозяйскій чемоданчикъ съ образцами и мы отправились по торговымъ дѣламъ.

Мы шли черезъ Саксонскій садъ. Погода была хорошая, теплая и въ саду было народу больше чѣмъ на нижегородской ярмаркѣ. Ахъ, какъ я тогда гордился своимъ хозяиномъ! Онъ былъ одѣтъ по самой послѣдней модѣ. И если-бы онъ не разговаривалъ, никто-бы не догадался, что онъ—еврей. Но, какъ это всегда бываетъ съ евреями, онъ очень любилъ говорить по-русски и всѣ черезъ это узнавали, что онъ—еврей.

И вотъ мы себѣ шли, вдругъ наскочили на такую исторію. Какой-то приличный немолодой уже человѣкъ вмѣстѣ съ нами сталъ переходить дорогу, и какъ разъ въ это время на приличнаго человѣка наскочила вельможная карета и сшибла его съ ногъ. Первымъ подбѣжалъ къ упавшему Никита Лаврентьевичъ и помогъ ему встать. Ну, а потомъ собралась толпа и цѣлыхъ

три городовыхъ. Долженъ вамъ сказать, что въ Варшавѣ и городовые очень деликатный народъ. Они всѣмъ говорятъ „вы“; даже тѣмъ, кого бьютъ. Даю вамъ честное слово.

Такъ вотъ одинъ городской сейчасъ это вынулъ книжку и приступилъ допросу; а пострадавшій не могъ на ногахъ стоять. Но разъ онъ пострадалъ, онъ обязанъ былъ отвѣчать на вопросы городского. И вотъ мы узнали, что человѣкъ этотъ только вчера пріѣхалъ въ Варшаву по дѣламъ и что онъ ковенскій купецъ. Мой хозяинъ ухаживалъ за пострадавшимъ, какъ родной сынъ. И тогда я только понялъ, какой онъ добрый. Потомъ Никита Лаврентьевичъ посадилъ больного на извозчика и самъ поѣхалъ съ нимъ; а мнѣ велѣлъ отправиться въ нашу гостиницу и ждать, пока онъ не вернется. Я такъ и сдѣлалъ. И вотъ я себѣ сижу въ номерѣ часъ, другой, третій, а хозяина все нѣтъ. Ужъ мнѣ, скажу вамъ по секрету даже кушать захотѣлось. Наконецъ хозяинъ вернулся. Смотрю, веселый онъ такой и глаза у него смѣются.

— Ну, Вольдемаръ (онъ такъ меня назвалъ, когда мы выѣхали изъ Лодзи),—сказалъ онъ,—починъ сдѣланъ. Получилъ ежегодный заказъ тысячъ на двадцать и деньги очень аккуратныя.

— У кого?—спрашиваю.

— У кого? А вотъ у того самаго, который упалъ себѣ подъ лошадей.

И тутъ Никита Лаврентьевичъ сталъ мнѣ давать урокъ.

— Садись и слушай себѣ внимательно,—сказалъ онъ мнѣ и началъ.—Прежде всего ты долженъ знать, что комми-вояжеръ есть приказчикъ, который всю жизнь себѣ разъѣзжаетъ. Его магазинъ—это весь свѣтъ. И онъ долженъ умѣть разговаривать, смотрѣть и понимать. Комми-вояжеръ долженъ всегда понимать, что онъ себѣ не простой приказчикъ маленькаго магазина, а представитель солидной фирмы. И вотъ поэтому онъ долженъ разговаривать солидно. Никого не упускать изъ виду, но и за фалды никого не хватать, потому что это будетъ не деликатно. Комми-вояжеръ не долженъ обсыпать кліента словами, какъ мелкій приказчикъ галантерейнаго магазина грошовую покупательницу. И не долженъ онъ божиться Богомъ, дѣтьми или собственной жизнью, какъ это дѣлаютъ на толкучкѣ. А ужъ если нужно, онъ долженъ солидно положить себѣ руку на сердце и сказать: „даю вамъ честное слово“ или „скажу вамъ по секрету, что уступки мы вамъ сдѣлать не можемъ“. Потомъ, если ты хо-

чешь быть настоящимъ комми-воажеромъ, ты долженъ научиться находить кліентовъ повсюду, гдѣ-бы ты ни былъ: на желѣзной дорогѣ, на конкѣ, при несчастномъ случаѣ,—вотъ какъ сегодня,—въ театрѣ и даже въ банѣ. Ты слыхалъ когда нибудь про Файвиша Рейткера? Это былъ самый замѣчательный комми-воажеръ въ нашемъ краѣ. Онъ умеръ въ Самаркандѣ. Такъ вотъ этотъ Рейткеръ находилъ кліентовъ въ банѣ. Ужъ, кажется, какъ можно въ голомъ человѣкѣ узнать покупателя? А вотъ онъ узнавалъ, потому что былъ гениальный человѣкъ. Потомъ я долженъ тебѣ сказать, что есть на свѣтѣ хорошіе и скверные покупатели. Хорошіе это тѣ, которые выдаютъ векселя и платятъ по нимъ, и скверные тѣ, которые выдаютъ векселя и не платятъ.

— А какъ-же это узнать?—спросилъ я.

— Вотъ объ этомъ я съ тобою особо поговорю, потому что это самое важное въ нашемъ дѣлѣ; а теперь сбѣгай и скажи, чтобы намъ подали обѣдъ.

Я, конечно, со всѣхъ ногъ бросился исполнять приказаніе.

А. Свирскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Генезисъ національной идеи и сущность націонализма.

Два общественных феномена составляют содержание современной эпохи: съ одной стороны развивается націонализмъ, съ другой— интернационализмъ мощно и сильно подвигается къ своему торжеству. Национализмъ и его противоположность въ одно и тоже время, не кроется ли въ этомъ недоразумѣніе? Можетъ быть, современный націонализмъ это только послѣдняя вспышка отжившаго свой вѣкъ и умирающаго общественнаго явленія, или развитіе интернационализма только фикція—оптимистическое толкованіе незначительныхъ симптомовъ, или наконецъ, быть можетъ, между однимъ и другимъ явленіемъ никакого противорѣчія нѣтъ, а «діаметральная противоположность» ихъ тенденціи только кажущаяся и основана на неправильномъ пониманіи этихъ феноменовъ или хотя бы одного изъ нихъ?..

На всѣ эти вопросы намъ сможетъ отвѣтить анализъ генезиса національной идеи и разборъ тенденціи и сущности націонализма и интернационализма.

Мы тогда убѣдимся, что комплексъ идей и явленій, сдѣлавшихъ возможнымъ развитіе націонализма, не пересталъ вліять и развиваться въ томъ же направленіи, что слѣдовательно націонализмъ не можетъ считаться отжившимъ явленіемъ; что развитіе интернационализма лежитъ въ томъ же направленіи, что и развитіе націонализма и во многомъ зависитъ отъ него, что интернационализмъ явленіе въ высшей степени реальное, а кажущееся противорѣчіе между націонализмомъ и интернационализмомъ нужно въ одинаковой степени приписать какъ нѣкоторымъ уродливымъ формамъ «націоналистическаго» ослѣпленія, такъ и нѣкоторымъ пережиткамъ утопическаго космополитизма въ современномъ интернационализмѣ. Основная сущность націонализма не можетъ исключаться интернационализмомъ, такъ какъ является его предпосылкой.—

Но раньше чѣмъ говорить о генезисѣ національной идеи, мы должны выяснить, какъ мы понимаемъ націонализмъ, тѣмъ болѣе, что націонализмъ допускаетъ два различныхъ толкованія и мы считаемъ полезнымъ съ самаго начала ясно и опредѣленно выяснять нашъ взглядъ, чтобы, по возможности, избѣгать недоразумѣній. Национализмъ можетъ пониматься и понимается различно; во первыхъ, какъ принципъ, стремящійся всѣ социальныя и историческія силы *подчинить* національнымъ интересамъ, во вторыхъ, какъ принципъ, организующій социальныя силы національно, т. е. солидаризирующей социальныя силы съ національными интересами.

Первое изъ этихъ представленій будетъ соответствовать тому, что принято называть «национальнымъ эгоизмомъ» и легко можетъ перейти въ шовинизмъ; оно всегда реакціонно, такъ какъ не только не руководится развитіемъ социальныхъ силъ, но даже наоборотъ, стремится ихъ измѣнить въ интересахъ какого-то иного принципа.

Другое же, наоборотъ, исходя изъ факта національной организациі социальной жизни, по самой своей сущности будетъ соответствовать общечеловѣческому прогрессу. Оно идетъ съ социальнымъ прогрессомъ въ одномъ и томъ же направленіи и, согласуя социальныя силы общества съ національными интересами, способствуетъ максимальному развитію этихъ силъ.—Едва ли необходимо прибавить, что мы принимаемъ второе изъ этихъ толкованій, отбрасывая первое, какъ ложное и реакціонное. Ниже мы еще будемъ имѣть случай остановиться на выясненіи сущности націонализма и нашей точки зрѣнія, теперь мы можемъ ограничиться только этими общими замѣчаніями.—Здѣсь же намъ важно выяснить, что такое націонализмъ безразлично отъ того содержанія, которое въ это понятіе вкладывается. Что такое націонализмъ самъ по себѣ, не какъ принципъ социальной политики, а какъ общественный феноменъ? И воть: понимается ли націонализмъ въ соответствіи или въ противорѣчій съ общественнымъ прогрессомъ—все равно, *націонализмъ это есть сознаніе единства индивидуума съ опредѣленной матеріальной и духовной средой, въ то же время сознаніе различія этихъ средъ.*

Национализмъ это *солидаризація членовъ общественныхъ коллективностей и индивидуализація этихъ коллективностей*;—это, если такъ можно выразиться, коллективный индивидуализмъ.

Когда и при какихъ условіяхъ могъ выкристаллизоваться этотъ коллективный индивидуализмъ? Каковъ генезисъ національной идеи?

Въ среднихъ вѣкахъ національное сознаніе или сознаніе національной общности и различія национальныхъ интересовъ не могло развиваться, такъ какъ средніе вѣка противодѣйствуютъ національной

идеѣ сразу съ двухъ сторонъ. Сознаніе національной общности разбивается о феодальный и общинный партикуляризмъ; представленіе о различіи національныхъ интересовъ поглощается идеей всемірнаго христіанскаго братства—католическимъ космополитизмомъ. Взаимная рознь городовъ, общинъ и провинцій, экономическая и политическая исключительность ихъ, вражда, хищническіе набѣги феодальныхъ правителей, антогонизмъ сословій—все это мѣшаетъ объединенію націи; равенство всѣхъ людей, привозглашенное христіанствомъ, не даетъ развиться реальнымъ различіямъ національностей. Дѣйствуя въ діаметрально противоположныхъ направленіяхъ, феодализмъ и католицизмъ въ одинаковой мѣрѣ противодействуютъ національному объединенію.

Уже съ первыхъ шаговъ христіанство начало осуществлять свой космополитической идеаль: «и будетъ одно стадо и одинъ пастырь!» Это былъ практической космополитизмъ, достигшій своего апогея въ католичествѣ и папствѣ. Католичество не знало ни отечества, ни государства, ни національности: для христіанина всѣмъ должна была быть церковная община. «Своимъ» былъ только христіанинъ, безразлично каково бы ни было его происхождение; «чужимъ» всякій «невѣрный», будь онъ даже роднымъ братомъ. И этотъ принципъ проводился не только съ рѣдкой настойчивостью, но и съ необыкновеннымъ успѣхомъ: гордые своимъ патриціанствомъ римляне объединялись въ дѣлѣ церкви съ «варварами», сливались съ ними въ одно цѣлое, забывали свою прежнюю вражду къ нимъ.

Для образованія національныхъ особенностей не было мѣста. «Вся матеріальная, а вмѣстѣ съ нею и духовная, жизнь людей, говоритъ Каутскій, была эманацией церкви. Неудивительно, что она овладѣла всѣмъ человѣкомъ, что она стала опредѣлять не только его мысли и чувства, но и всю его дѣятельность. Не только рожденіе, бракъ, смерть давали ей поводъ вмѣшиваться въ частную жизнь, она регулировала, контролировала также трудъ, отдыхъ, «праздники»¹⁾

Поэтому націонализмъ, какъ организаціонный принципъ, могъ начать развиваться только къ тому времени, когда устои католицизма начали расшатываться, когда универсальный принципъ церкви палъ. Эпоха реформаціи—это эпоха зарожденія національной идеи.

Уже однимъ своимъ существованіемъ реформація пробиваетъ брешь въ универсализмъ церкви. Реформація дифференцируетъ и индивидуализируетъ общество. Но этого мало: своимъ союзомъ съ

1) Этюды и Очерки СПб. 1901: «Вѣкъ гуманизма и реформаціи» Стр. 161.

народами и государями реформація подрываетъ и политическое господство церкви, а предпочтеніемъ національнаго языка передъ универсальною латынью она создаетъ важнѣйшій факторъ національнаго развитія. Если къ этому еще прибавить, что эпоха реформаціи была въ тоже время эпохой борьбы съ феодализмомъ, эпохой укрѣпленія центральной власти, чѣмъ съ другой стороны разрушались препятствія, стоявшія на пути національнаго развитія, то мы сумѣемъ оцѣнить все значеніе реформаціи въ этомъ отношеніи.

Резюмируя результаты эпохи реформаціи, мы можемъ сказать, что они выражаются въ уничтоженіи феодальнаго партикуляризма и католическаго универсализма и утвержденія на ихъ развалинахъ политическаго централизма и національной церкви.

Политическій же централизмъ и національная церковь—эти двѣ силы, которыя въ дѣлѣ національнаго развитія играютъ роль гигантскаго молота, сковывающаго отдѣльныя части въ связное цѣлое. Отдѣльныя города, общины и провинціи, враждовавшіе между собою, начинаютъ объединяться — національности начинаютъ образовываться ¹⁾.

Особенно значительна была роль абсолютной власти въ этомъ процессѣ, и поэтому отношеніе народа, въ частности крестьянства, къ развитію ея очень интересно. Крестьянство поддерживаетъ монархію въ борьбѣ противъ феодализма, такъ какъ монархія уничтожаетъ экономическую и національную раздробленность и исключительно можетъ укрѣпить народную жизнь. Абсолютная власть государя была поэтому не только «экономической необходимостью въ вѣкъ реформаціи», что подчеркиваетъ Каутскій, но и національной потребностью массъ.

И дѣйствительно, скоро мы замѣчаемъ начинающуюся національную группировку. Развитіе государства идетъ въ одномъ направленіи съ развитіемъ національности. Абсолютное государство эпохи реформаціи стремится стать національнымъ государствомъ новѣйшихъ временъ. Но чтобы стать имъ, абсолютной монархіи XVII и XVIII вв. необходимо продѣлать еще значительную эволюцію: имѣется еще достаточно силъ *внутри* этихъ государствъ, противодействующихъ развитію національной идеи. Экономическій антагонизмъ между городомъ и деревней, экономическія и социальныя перегородки между отдѣльными провинціями, а въ особенности между

¹⁾ Это образованіе національности зависитъ, конечно, и отъ цѣлаго ряда положительныхъ силъ. О нихъ сейчасъ ниже.

сословіями, являются послѣдними, но и наиболѣе глубокими препятствіями для развитія національной идеи. Вѣкъ гуманизма и великая французская революція разрушаютъ и эти послѣднія преграды для развитія идеи національной общности, и для развитія націонализма наступаетъ творческая эпоха.

Такимъ образомъ мы очертили тѣ условія, ту среду, въ которой національная идея сложилась, но изъ этихъ, такъ сказать, пассивныхъ факторовъ развитія національной идеи только выясняется, почему націонализмъ зарождается и созрѣваетъ въ XIX-мъ вѣкѣ, но еще далеко не опредѣляются тѣ силы, которыя сдѣлали развитие національной идеи необходимымъ.

Этими позитивными факторами мы теперь и займемся.

Въ своей, вышедшей въ 1887 году статьѣ: «Die moderne Nationalität» ¹⁾ Каутскій развиваетъ тотъ взглядъ, что національность и современная національная идея чисто экономического происхожденія и развилась изъ потребностей торговаго капитала: «Торговья сношенія съ востокомъ, пишетъ онъ тамъ, до крайнихъ предѣловъ развили въ Европѣ жажду обогащенія, придали особое значеніе деньгамъ и выдвинули на первый планъ торговый классъ. вмѣстѣ съ нимъ проникли въ общество новые взгляды, возникла новая жизнь: *національность нашего времени родилась!*» ²⁾).

Близорукость этого взгляда на факторы, образовавшіе національность и соответствующіе выводы отсюда, на которыхъ мы ниже еще остановимся, стала скоро очевидной и Каутскому, такъ какъ въ своихъ дальнѣйшихъ работахъ онъ не останавливается на однихъ экономическихъ факторахъ и, не оставляя ихъ, старается глубже проникнуть въ причины возникновенія и развитія націонализма. Въ статьѣ: «Der Kampf der Nationalitäten und das Staatsrecht in Oesterreich» ³⁾ онъ указываетъ на два дальнѣйшихъ фактора, которые дѣйствительно играли огромную роль въ образованіи національной идеи XIX вѣка.

Кромѣ экономического фактора, источниками развитія національной идеи являются съ одной стороны стремленіе массъ къ политической свободѣ, къ демократіи, съ другой—распространеніе національнаго литературнаго образованія въ массахъ. Съ нѣкоторыми ограниченіями и мы согласны съ этой схемой силъ и поэтому подробнѣе остановимся на ихъ разборѣ.

¹⁾ Русскій переводъ въ Сборникъ „Этюды и Очерки“.

²⁾ Русскій переводъ стр. 119.

³⁾ „Neue Zeit“ 1897—98 № 17.

Раньше всего объ экономическомъ факторѣ. Считая его однимъ изъ важнѣйшихъ стимуловъ объединенія людей, мы въ дѣлѣ образованія національностей и развитія національной идеи не можемъ приписать ему такой огромной роли, какую за нимъ признаетъ Каутскій. Дѣло въ томъ, что, по Каутскому, экономическіе интересы, которые онъ отождествляетъ съ интересами торговаго капитала, для своего процвѣтанія выдвигаютъ и организуютъ *національное* государство. Онъ указываетъ на рядъ преимуществъ, которыя торговый капиталъ пріобрѣтаетъ благодаря защитѣ государства и отсюда выводитъ экономическую необходимость *національнаго* государства. Между тѣмъ изъ его аргументовъ съ *необходимостью* вытекаетъ только организація государства вообще, а нисколько не національная форма его. Поэтому мы считаемъ этотъ опытъ чисто-экономическаго обоснованія образованія національностей и національной идеи, неудачнымъ. Присмотримся, въ самомъ дѣлѣ, къ его аргументаціи и мы убѣдимся, что она не выдерживаетъ даже поверхностной критики. «Чтобы національная жизнь въ нашемъ смыслѣ слова стала возможной, разсуждаетъ Каутскій, необходимо было разрушить общину, ослабить экономическія организаціи, стоявшія между индивидуумомъ и націей, такъ, чтобы національная организація регулировала всю экономическую жизнь народа... Это разрушеніе первобытной общины и совершилось, когда товарное производство и обмѣнъ товаровъ достигли извѣстной высоты. Но и въ это время нужны были особенныя условія для того, чтобы могла возникнуть современная національность. Торговля должна была развиться до извѣстныхъ размѣровъ, чтобы она могла дать занятія особому классу—классу купцовъ... Интересы торговаго класса заставляли его все больше и больше расширять кругъ своихъ дѣйствій. Въ погонѣ за наживой купецъ устремился въ чужія страны... По мѣрѣ развитія внѣшней торговли интересы купцовъ различныхъ общинъ приходили во все большее и большее противорѣчіе на иноземномъ рынкѣ. Явилась настоящая потребность образованіи *большихъ сильныхъ* общественныхъ организмовъ, въ развитіи націй. Такимъ образомъ торговые интересы стали интересами національными, а противоположности интересовъ купцовъ на чужеземномъ рынкѣ — національными противоположностями ²⁾».

Основа этой аргументаціи сводится къ тому, что общинную исключительность, въ экономическомъ отношеніи, разрушаетъ товарное производство и это вполне справедливо. Также несомнѣнно

²⁾ Стр. 115—119. Курсивъ мой.

справедливо то утверждение, что выдвигаемая товарным производством крупная торговля заинтересована въ защитѣ «большихъ и сильныхъ общественныхъ организмовъ». Однако мы никакъ не можемъ понять, почему эти большіе и сильные общественные организмы *необходимо* должны оказаться національностями. Почему создаются именно національности, а не просто большіе союзы разнородныхъ общинъ для защиты и покровительства производства и торговли. Этого ни товарное производство, ни Каутскій объяснить не въ состояніи. Образование большихъ и сильныхъ общинъ (государствъ) *несомнѣнно* экономического происхожденія. *Національная форма* этихъ общинъ (національныя государства) очевидно не экономического происхожденія, если и не независима отъ экономическихъ условій. Это можно прослѣдить даже у самаго Каутскаго и именно въ той самой статьѣ, въ которой онъ старается объяснить образование національности именно одними экономическими мотивами. Въ «*Національности нашего времени*» Каутскій наталкивается на противорѣчія со своей основной точкой зрѣнія. Онъ, однако, очевидно не смущается ими и проходитъ мимо нихъ съ завиднымъ догматическимъ спокойствіемъ. Вотъ важнѣйшее изъ этихъ противорѣчій: «*Однако важнѣйшимъ факторомъ*, пишетъ онъ на стр. 123, 124, при образованіи націи служить тотъ, который является самымъ необходимымъ средствомъ сношеній,—*языкъ* (курс. автора). Безъ взаимнаго пониманія людей, безъ языка общественное производство невозможно. И чѣмъ сложнѣе, чѣмъ развитѣе и неустойчивѣе система производства, тѣмъ важнѣе языкъ, тѣмъ обширнѣе должна быть область, которая говоритъ однимъ и тѣмъ же языкомъ ...*Различія въ языкѣ представляютъ собою одно изъ важнѣйшихъ препятствій для общественныхъ сношеній*, для общественнаго производства. Поэтому товарное производство и торговля *заранѣе должны были легче всего объединить въ единую націю такія общества, члены котораго безъ труда понимаютъ другъ друга*» ¹⁾).

Такимъ образомъ оказывается, что различіе въ языкахъ могло воспрепятствовать слянію тѣхъ или иныхъ группъ, даже и въ томъ случаѣ, если это было противъ интересовъ товарнаго производства; во вторыхъ, что интересы товарнаго производства и торговли должны были *считаться* съ существовавшими *еще до нихъ* различіями и «заранѣе должны были легче всего объединить въ единую націю такія общества, члены котораго безъ труда понимаютъ другъ друга», т. е. окончательно разбивается мнѣ о томъ, что интересы

¹⁾ Гдѣ не указано, курсивъ всюду мой.

производства и торговли, и только они, создали современную національность. И въ самомъ дѣлѣ: почему экономическія условія не могутъ побороть этого противорѣчія въ языкѣ, въ то время какъ они способны нивелировать и перекраивать общество до самаго основанія? Не потому ли, что нѣкоторые культурно-историческіе и расово-психологическіе элементы (напр. *языкъ*) сильнѣе, а главное *первичнѣе* производственныхъ отношеній? Каутскій утверждаетъ, что, въ силу экономическихъ интересовъ, общества съ одинаковымъ языкомъ «легче» объединяются и образуютъ націю, не правильнѣе ли было бы сказать, что общества съ одинаковымъ языкомъ, именно въ силу этой одинаковости языка и объединяются, а объединившись создаютъ наряду съ національной культурой и національное производство и національную торговлю, и, такимъ образомъ, въ историческомъ развитіи образуютъ національное государство. Положительный отвѣтъ на эти вопросы, а иныхъ даже придерживаясь конструкціи Каутскаго логически невозможно дать, разрушаетъ, однако, утвержденіе, что національное государство продуктъ исключительно, или даже только преимущественно, экономическихъ факторовъ. И не только въ объясненіи происхожденія, но и въ толкованіи Каутскимъ соотношенія національности и государства, кроется глубокая ошибка. По Каутскому національность это только служебный принципъ современнаго государства. Мы полагаемъ, что правильнѣе діаметрально-противоположное мнѣніе, по которому государство выдвинуто національностью въ ея интересахъ. Это вытекаетъ уже изъ того обстоятельства, что начинающее пробуждаться національное самосознаніе массъ спѣшитъ укрѣпить государство и регулируетъ формы государственной жизни соответственно со своими развивающимися интересами и ссзнаніемъ. Если же государство въ свою очередь въ своихъ, а это значить въ производственныхъ, интересахъ старается укрѣпить и расширить національную основу, то это только по близорукости можетъ быть понято какъ первичная задача современнаго государства. Если бы экономическіе факторы и государство могли въ своихъ интересахъ измѣнять и направлять національныя силы народовъ, то было бы непонятно, какимъ образомъ упѣлѣли не организованные въ самостоятельныя экономическіе или государственныя организмы, національности; какимъ образомъ подчиненныя національности продолжаютъ бороться за свою національную самобытность и самоопредѣленіе, въ то время какъ *экономически* имъ было бы полезнѣе слиться съ господствующимъ народомъ и такимъ образомъ пріобрѣсти вліяніе на внутреннемъ и успѣхъ на вѣншнемъ рынкѣ. Впрочемъ такое сліяніе изъ экономическихъ и политиче-

скихъ интересовъ, дѣйствительно имѣеть мѣсто у нѣкоторыхъ высшихъ слоевъ угнетенныхъ національностей, но противодѣйствіе, борьба массъ съ этой ассимиляціей лучше всего показываетъ, что сила національной энергіи и національнаго сознанія не исчерпывается однимъ экономическимъ мотивомъ.

Раньше чѣмъ перейти къ характеристикѣ другихъ силъ націонализма, мы считаемъ необходимымъ резюмировать въ нѣсколькихъ ясныхъ и точныхъ выраженіяхъ нашъ взглядъ на экономическій факторъ націонализма: Не считая его доминирующимъ, мы его однако не отрицаемъ и видимъ его главное значеніе въ томъ, что онъ *помогъ* объединенію разрозненныхъ общинъ, разрушивъ ихъ экономическую особенность.

Критика же наша сводится главнымъ образомъ къ тому, что экономическіе интересы національнаго объединенія не могутъ быть первичными факторами, такъ какъ, констатируемая Каутскимъ общность языка *еще до объединенія* на почвѣ экономическихъ интересовъ, доказываетъ, что нѣкоторый иной критерій симпатій существовалъ уже, если и въ скрытомъ состояніи у политически и экономически раздробленныхъ и антагонистическихъ общинъ. Заслуга экономической эволюціи (и политическаго централизма) состоитъ только въ организаціи уже существовавшихъ, но дремавшихъ національныхъ силъ ¹⁾.

Перейдемъ теперь къ другимъ факторамъ развитія національной идеи. Слѣдующимъ факторомъ Каутскій, какъ мы видѣли, считаетъ развитіе политическаго самосознанія народовъ — стремленіе къ демократіи. Онъ характеризуетъ это стремленіе слѣдующимъ образомъ: «Оно (стремленіе къ демократіи) означаетъ стремленіе къ полному суверенитету народа, который хочетъ свободно направлять свои судьбы и противодѣйствовать всякому внѣшнему гнету—безразлично исходитъ ли онъ отъ одной личности, класса или чужой національности». Больше онъ объ этомъ стремленіи не говоритъ, ни въ этой статьѣ, ни въ другихъ по этому же вопросу. Между тѣмъ по нашему мнѣнію здѣсь лежитъ центръ тяжести всего вопроса о націонализмѣ: въ какомъ отношеніи находится націонализмъ къ развитію демократическихъ идей? Попробуемъ это разобрать.

Демократическія тенденціи намѣчаются къ концу XVIII и къ началу XIX вѣковъ, какъ непосредственный продуктъ идей эпохи Французской Революціи.

¹⁾ Объ этомъ же см. статью: Основы и факторы національнаго характера Евр. Жизнь. Октябрь, стр. 63—88.

Посмотримъ, каковы эти идеи и какимъ образомъ политическія и демократическія задачи начала XIX вѣка становятся, главнымъ образомъ, задачами національными? Французская Революція выдвигаетъ въ Европѣ двѣ взаимно исключаютія другъ друга идеи; она пробуждаетъ сознаніе дремавшихъ народовъ, сознаніе, принимающее единственно реальную форму націонализма, и бросаетъ въ міръ идею о всемірномъ братствѣ народовъ, незнающемъ никакихъ національныхъ и политическихъ границъ. Сознаніе народовъ крѣпнетъ и развивается подъ вліяніемъ побѣдныхъ возгласовъ революціи и народы всюду поднимаются противъ своихъ притѣснителей. Сначала ими оказываются абсолютистскій и феодальный строй и народы требуютъ политическихъ правъ, сметають феодализмъ и провозглашаютъ «свободу и равенство». Но приобрѣтая политическую свободу, народы теряють свою національную независимость, такъ какъ лозунги французскаго освобожденія народовъ изъ подъ ига «тирановъ» носятъ специфическій французскій характеръ, а космополитическій идеаль французской революціи—это идеаль мірового французскаго государства.

Французская свобода становится для народовъ чужеземнымъ итогомъ, и пробужденная демократія во имя національной свободы подымаетъ снова знамя возстанія и на этотъ разъ въ союзѣ съ «тиранами» противъ «избавителей». Наболѣе передовые люди этого времени становятся во главѣ этого движенія и весь народъ подхватываетъ боевые лозунги. Начинается «борьба народовъ», которая является истинно народнымъ дѣломъ, актомъ пробужденной демократіи.

Періодъ французской революціи и наполеоновскихъ походовъ—это періодъ пробужденія демократіи почти на всемъ континентѣ и этотъ періодъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и періодъ пробужденія и развитія національной идеи. И эта связь между демократическими и національными идеями не исчерпывается совпадениемъ во времени: демократія и націонализмъ вытекають изъ одного и того же источника, и вотъ почему мы не можемъ указать въ новѣйшей исторіи факта, гдѣ демократическія идеи противорѣчили бы національнымъ интересамъ. Политическая и національная свобода—это двѣ стороны одного и того же требованія—требованія народнаго суверенитета или полнаго верховенства народа. И въ самомъ дѣлѣ: совпадаетъ ли понятіе народнаго суверенитета съ политическимъ гнетомъ, какой царилъ надъ Европой въ концѣ XVIII вѣка, и соответствуетъ ли этому понятію національное порабощеніе? Какъ одно, такъ и другое положеніе противорѣчитъ демократическимъ требова-

ніямъ и здоровая демократія первой половины XIX вѣка не дѣлала и не могла дѣлать различія между политической и національной свободой.

«Народы чувствовали, говоритъ Гумпловичъ, что національная свобода необходима сама по себѣ, что политической свободой она не покрывается и съ прокламированіемъ ея далеко еще не осуществлена. Народы не хотѣли быть свободны отъ королевской тираніи и юнкерства, они, именно, какъ итальянцы, голландцы, нѣмцы, хотѣли быть свободны. И особенно нѣмцы, въ своемъ большинствѣ стремились къ свободѣ. Они согласны были скорѣй снова нести тиранію королей и юнкерства, чѣмъ подпасть подъ французское иго» ¹⁾.

И это сознаніе—это стремленіе къ національной свободѣ скоро воплощается въ жизнь, становится живымъ дѣломъ демократіи и куется національную жизнь.

Раньше всего это проявляется на самой Французской Революціи, которая въ сущности является продуктомъ той же комбинаціи силъ: поднявшійся во имя политическаго освобожденія, французская демократія скоро вынуждена бороться за національную свободу и, защищая свою національную независимость противъ хищническихъ поплзновеній почти всѣхъ европейскихъ державъ, проявляетъ величайшее геройство. Скоро стремленіе къ національному освобожденію—национальная идея охватываетъ всю Европу и становится величайшей и могущественнѣйшей идеей XIX вѣка, силой, до сихъ поръ еще не закончившей своей творческой работы.

Раньше всѣхъ подымается Испанія и, не смотря на свою отсталость и низкій уровень культурнаго развитія, въ партизанской войнѣ разбиваетъ наполеоновскія войска.

«Только этой искры недоставало, пишетъ проф. Трачевскій ¹⁾, чтобы пожаръ овладѣлъ всей Европой. Всѣ угнетенные встрепенулись отъ изумленія и радости: «непобѣдимые» пасуютъ передъ народными толпами!.. Началась великая «война народовъ», еще больше оттѣнившая колоссальную фигуру генія начала вѣка. Въ силу естественнаго роста невиданнаго, непостижимаго для него націонализма, чѣмъ рѣшительнѣе, чѣмъ молодцоватѣе истреблялъ Наполеонъ своихъ враговъ, чѣмъ могущественнѣе казался онъ съ каждымъ новымъ завоеваніемъ, тѣмъ слабѣе становился онъ въ сущности. Сначала съ нимъ боролась затхлая рутина, въ лицѣ отжившихъ прави-

¹⁾ Nationalität und Internationalität im XIX Jahrhundert. S. 32.

¹⁾ Историческіе очерки XIX вѣка. „Научное обозрѣніе“ Май 1901 г. Стр. 91.

тельствъ и ихъ рабскихъ армій; теперь же выступили цѣлые народныя организмы, съ ихъ свѣжими силами, съ жаждой жить посвоему, во всеоружіи самозабвеннаго патріотизма и просвѣщенія. И въ результатъ? Освобожденіе Греціи, Сербіи, отпаденіе Бельгіи, польскія возстанія, венгерская война за независимость, объединеніе Италіи и Германіи—цѣлый рядъ глубочайшихъ встряхиваній: всѣ въ духѣ революціонной демократіи, подъ флагомъ національной автономіи».

Таковы факты. Какъ ихъ понять? Какъ объяснить себѣ это элементарное движеніе народной души, эту необыкновенную силу стремленія къ автономіи народа? Иными словами: почему и въ силу какихъ причинъ появляется демократія и націонализмъ въ XIX вѣкѣ?

Своимъ «третьимъ факторомъ развитія національной идеи» Каутскій отчасти указываетъ на эти причины, но только отчасти, такъ какъ онъ больше имѣетъ въ виду современную дѣйствительность, и то, главнымъ образомъ, дѣйствительность восточной Европы, чѣмъ условія возникновенія и развитія національной идеи въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка. Однако отъ его указанія на значеніе національной литературы для развитія національной идеи, не трудно перейти къ тѣмъ факторамъ, подъ влияніемъ которыхъ зрѣла и развивалась національная идея въ творческую эпоху европейскаго развитія.

Мы видѣли, что необходимо было разрушить экономическую и сословную обособленность отдѣльныхъ общинъ, для того, чтобы идея національной общности могла начать развиваться, но рядомъ съ экономической и сословной обособленностью средніе вѣка знали еще болѣе глубокую, рѣзче разграниченную культурную обособленность.

Духовная культура (наука, поэзія и искусство) была доступна только верхнимъ слоямъ общества, аристократическому меньшинству. Въ массы она не могла проникнуть, помимо цѣлаго ряда другихъ факторовъ изъ за двухъ причинъ, на которыя мы здѣсь укажемъ. Во первыхъ, потому, что языкъ, на которомъ ведется культурная жизнь (латынь) не доступна массамъ; во вторыхъ, нѣтъ еще средствъ распространенія культурныхъ цѣнностей въ массахъ. Широкія народныя массы остаются совершенно чужды этой культурной жизни. Только съ паденіемъ латыни и развитіемъ изъ отдѣльныхъ говоровъ національнаго языка и открытіемъ средствъ распространенія произведеній литературы искусствъ и науки въ широкія народныя массы, могла начать развиваться національная жизнь, а

національная литература и искусство проникнуть въ самую глубину народной жизни, въ послѣднюю избушку пахаря и работника, всюду будя сознание, всюду развивая національное и человѣческое самочувствіе.

Лютеръ и Гуттенбергъ осуществляютъ величайшій переворотъ въ экономической, политической и духовной жизни народовъ. Они являются поэтому величайшими апостолами демократизаціи духовной культуры.

Демократизація духовной культуры и переворотъ вызванный ею перерождаетъ народы: изъ пассивныхъ, подчиняющихся безъ всякаго сопротивленія насилію, покорныхъ массъ, народы становятся современными демократіями, сознательно отстаивающими свои политическіе и національные интересы.

Демократизація духовной культуры не могла ужиться съ феодальнымъ строемъ и политическимъ гнетомъ XVIII вѣка, не могла и ужиться съ чуждымъ національнымъ гнетомъ, какъ мы это выше старались показать: демократизація духовной культуры привела къ демократизаціи государственной жизни и *націонализму*.

И могло ли быть иначе? Могли ли народы, создавшіе къ тому времени величайшія произведенія своего литературнаго генія, проникнутые, вслѣдствіе этого, національнымъ духомъ и национальнымъ образомъ мышленія, не возмутиться противъ французскаго «освобожденія», навязавшаго имъ рядомъ съ политической свободой французскіе законы, нравы и даже языкъ?

Сознающая себя личность народовъ не могла остановиться на полпути: выставивъ своимъ требованіемъ верховенство народа, демократія должна была это требованіе реализовать какъ въ политическомъ, такъ и въ національномъ отношеніи.

Демократизація духовной культуры, образованіе національной литературы, поэзіи и искусства, являются поэтому важнѣйшими и глубочайшими причинами возникновенія національной идеи; ихъ сохраненіе и развитіе—величайшая задача современнаго націонализма.

Кромѣ демократизаціи духовной культуры, можно указать на цѣлый рядъ другихъ факторовъ возникновенія и развитія національной идеи. Это факторы, впрочемъ, находятся въ тѣсной зависимости отъ только что указаннаго. Подробно останавливаться на нихъ мы, къ сожалѣнію, не можемъ. Мы поэтому только слегка намѣтимъ ихъ.

Раньше всего сюда относится развитіе идеи «неотчуждаемыхъ или неотъемлемныхъ правъ личности», которая, какъ это показалъ

Теллиннекъ, не столько результатъ литературной пропаганды энциклопедистовъ и французской революціи, сколько продуктъ религіозныхъ броженій XVI и XVII вѣковъ ¹⁾).

Въ этомъ же направленіи, освобождая народы, демократизируя и націонализируя ихъ сознание, вліяютъ философія и искусство, политическая литература, демократизація техники, общественная жизнь и проч.

Такое, въ общихъ чертахъ, генезисъ національной идеи. Она появляется въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣковъ «какъ результатъ уничтоженія религіозныхъ и сословныхъ различій», превозглашенія народнаго суверенитета, «правъ человѣка», углубленія и демократизація культуры; развитія социальныхъ и демократическихъ идей.

Выяснивъ генезисъ національной идеи, мы можемъ попытаться опредѣлить, въ чемъ сущность націонализма, или что слѣдуетъ понимать подъ «сущностью» его.

Въ согласіи съ нашимъ общимъ опредѣленіемъ націонализма, даннымъ вначалѣ этой статьи, мы можемъ сказать, что основой націонализма является коллективное чувство, которое принято называть «любовью или привязанностью индивидуума къ родинѣ и его народу». Это есть сознание своего единства съ опредѣленной средой. Откуда оно однако берется? Выражаясь вульгарно, почему я люблю свой народъ? Эта связь, есть съ одной стороны безотчетное, лежащее внѣ нашего сознанія чувство, обоснованное чисто физиологически, съ другой сознательная исторически сложившаяся общность. Помимо физиологическихъ причинъ, эта связь имѣетъ своимъ непосредственнымъ и главнымъ источникомъ общность переживаній и представленій, которая въ свою очередь обоснована общностью исторической и социальной среды. Иными словами: общность исторической и социальной среды—коллективное творчество—составляетъ сущность націонализма.

На это могутъ, однако, быть сдѣланы два взаимно исключая другъ друга, возраженія: Противъ общности коллективныхъ переживаній и представленій національности можетъ быть, во первыхъ, возражено, что коллективныя переживанія это вообще фикція, что реальны только индивидуальныя переживанія; во-вторыхъ, — что національныхъ переживаній нѣтъ, потому что сама національность, въ духовномъ отношеніи, только фикція: реальны только составляющіе національность классы и ихъ классовыя переживанія.

¹⁾ Объ этомъ подробнѣе у П. Струве: „На разные темы“, стр. 536 и слѣд.

Коллективный духовный процесс охватывает только отдельные классы, а классовые переживания противоречат друг другу.

Первое из этих возражений мы только отмечаем. Отвечать на него значило бы заняться обоснованием теории массовой психологии наряду с индивидуальной, что отвлекло бы нас слишком далеко от задачи этой статьи. Гораздо важнее второе, на нем мы несколько остановимся.

Во всяком сомнительном классовое деление общества нарушает общность национальных переживаний и представлений. Но в какой мере? Уничтожают ли классовые переживания—классовая психология национальную или, несмотря на классовые различия и классовую психологию, рядом или над ней, имеется еще и национальная? Мы утверждаем, что классовое самосознание не уничтожает национального, а является его существенной частью. Не говоря уже о том, что психическая жизнь всех индивидуумов и классов какого нибудь народа, в силу общей им всеобщей психо-физической основы, должна быть вообще очень близка, классовое сознание не может и в отношении исторических и социальных факторов быть совершенно отделено от национального.

Классовое сознание может быть понято только как видоизменение или эволюция национального, а национальное в свою очередь только как равнодействующая классового и индивидуального сознания.—Но помимо этих абстрактных логических рассуждений мы чисто эмпирически можем выставить два положения; во-первых: классовое самосознание растет с ростом сознания вообще и с ростом национального самосознания в частности. Это такое знакомое и понятное явление, что обосновывать и иллюстрировать его примерами я считаю излишним. Во-вторых, *национальное самосознание растет с ростом классового*. Это явление тоже в достаточной мере проявилось в XIX-м веке, но так как это имеет огромное значение, то мы позволим себе привести небольшой отрывок из уже цитированной брошюры Гумпловича ¹⁾: «*Национальное сознание, говорит он, неразрывно связывается с классовым сознанием рабочего населения*. Так было у русинов, дворянство которых дезертировало от XVI до XVIII столетия частью к русским, частью к полякам, также шло развитие у словаков, история которых в течение тысячи лет—от IX до XIX столетия состояла из целого ряда кровопролитных крестьянских восстаний, которые были направлены против говорящего по

¹⁾ Цитированная брошюра стр. 43, 44.

нѣмецки, частью только германизованнаго феодальнаго дворянства; тоже замѣчается у ирландцевъ, у которыхъ съ ранняго средневѣковья понятіе податной крестьянинъ совпадало съ понятіемъ «ирландецъ», а понятіе помѣщикъ съ понятіемъ «саксонецъ»; тоже замѣчается и у говорящихъ на нижне-нѣмецкомъ нарѣчїи фламандцевъ, у которыхъ современное социаль-демократическое движеніе съ необходимостью принимаетъ національную окраску, направленную противъ «офранцузиванія».

Эти примѣры можно было бы во многократъ увеличить, но мы надѣемся, что и приведенныхъ достаточно, чтобы показать, насколько развивающееся классовое самосознаніе вліяетъ на развитіе національнаго. Но съ другой стороны, всѣ эти разсужденія показываютъ, что національное сознаніе не можетъ быть выражено въ какой нибудь опредѣленной и рѣзко ограниченной формулѣ. Это, однако, насъ нисколько не смущаетъ: мы не только не считаемъ такую формулировку необходимой, но даже наоборотъ всякое желаніе выставить ее—вреднымъ поползновеніемъ. Национальность для насъ, а въ этомъ мы вполне согласны съ П. Струве, не какое нибудь разъ навсегда застывшее содержаніе, а только, вѣчно обновляющаяся форма, постоянный творческій процессъ. «Формальная идея національнаго духа, замѣчаетъ онъ, выражаетъ безконечный—съ точки зрѣнїя отдѣльныхъ личностей и поколѣній—процессъ, содержаніе котораго постоянно течетъ, въ которомъ «сегодня» всегда спорить съ «вчера и «завтра», въ которомъ все, какъ бы она ни строилась основательно, столь же основательно разрушается и перестраивается. Нѣтъ никакого опредѣленнаго психическаго содержанія, которое могло бы заявлять и поддерживать претензію на монопольное обладаніе формой національнаго духа. Сегодня ты, завтра я, такъ можеть сказать одно содержаніе, теченіе, направленіе другому» ¹⁾).

Далекіе отъ того, чтобы приписывать національной идеѣ какое-нибудь разъ навсегда опредѣленное и ограниченное содержаніе, мы не можемъ согласиться и съ Каутскимъ, который въ силу чисто условныхъ признаковъ считаетъ націонализмъ буржуазной идеей. «Буржуазія и національность нашего времени утверждаетъ, онъ, выросли на одной и той же почвѣ, развитіе одной изъ нихъ способствовало развитію другой и наоборотъ» ¹⁾—слѣдовательно, націонализмъ и интересы буржуазіи совпадаютъ, т. е. націонализмъ—буржуазная идея. Насколько интересы буржуазіи совпадаютъ или противо-

¹⁾ Тамъ же стр. 529.

¹⁾ Нац. нашего времени, стр. 124.

рѣчать національнымъ интересамъ, мы выше уже показали. Но не въ этомъ дѣло. Эта точка зрѣнія не потому только глубоко ошибочна, что не всюду совпадаетъ съ эмпирической дѣйствительностью, но и потому, что временное или случайное содержаніе національнаго духа смѣшивается съ его сущностью, выставляется какъ эта сущность. Но, съ такимъ же успѣхомъ и въ силу тѣхъ же обстоятельствъ, можно было бы утверждать, что націонализмъ государственная или антигосударственная, религиозная или антирелигиозная, революціонная или антиреволюціонная, прогрессивная или реакціонная идея и т. д. И въ самомъ дѣлѣ! Национальная идея способствовала развитію государства, и потому мы можемъ назвать ее государственной, но націонализмъ народностей, населяющихъ Австро-венгрію расшатываетъ государство и мы поэтому, на основаніи критерія Каутскаго, можемъ сказать, что націонализмъ антигосударственная идея.

Критерій Каутскаго только случайный и слишкомъ внѣшній, поэтому глубоко ошибоченъ. Во времени націонализмъ совпадаетъ то съ прогрессомъ, то съ реакціей, на самомъ дѣлѣ онъ не имѣетъ ни прогрессивной, ни реакціонной «сущности».

«Никакая мысль, никакая форма, замѣчасть Струве, не можетъ быть неприкосновенна передъ этимъ могущественнымъ сверхъ индивидуальнымъ и соборнымъ творчествомъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя обезпечиваютъ свободный ходъ и богатство самаго великаго творческаго процесса»¹⁾.

И такъ какъ этому процессу наиболѣе способствуетъ свобода личности, то мы, не на основаніи «сущности» націонализма, а его *предпосылокъ и необходимыхъ результатовъ*, считаемъ націонализмъ *могущественнѣйшимъ двигателемъ прогресса*.

Нашимъ критеріемъ является историческая и внутренняя связь генезиса націонализма съ развитіемъ демократіи. Вытекая изъ одного источника, демократія и націонализмъ, имѣютъ одну и ту же цѣль: *всестороннее освобожденіе личности*.

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ: «въ чемъ сущность націонализма», мы какъ намъ кажется, подтвердили первое наше утвержденіе, выставленное вначалѣ статьи: мы утверждали, что анализъ генезиса національной идеи и сущности націонализма покажетъ намъ, что комплексъ явленій и идей, выкристаллизовавшій національную идею въ началѣ XIX вѣка, не пересталъ развиваться въ томъ же направленіи, и, что націонализмъ поэтому не можетъ считаться от-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 530.

жившимъ явленіемъ. И въ самомъ дѣлѣ, можно ли считать эти силы угаснувшими? могутъ ли онѣ вообще перестать развиваться, прекратить свою творческую работу? Это противорѣчило бы безконечности творческаго процесса, обозначало бы, выражаясь реально, не только уничтоженіе физической основы національной жизни, но и прекращеніе исторической жизни народовъ, прекращеніе ихъ психическаго и интеллектуальнаго взаимодействія.

До тѣхъ же поръ, покуда все это существуетъ, живая сила національной идеи не можетъ прекратиться, націонализмъ всегда будетъ развиваться, всегда черпать новую силу для своего развитія.

«Хорошо, скажутъ намъ, но вы позабыли о могущественномъ развитіи идеи интернаціонализма: интернаціонализмъ, если и не является еще концомъ націонализма, то, по крайней мѣрѣ, предвозвѣстникомъ этого конца.»

Такое возраженіе часто дѣлается, между тѣмъ оно всецѣло основано на недоразумѣніи, на полномъ непониманіи сущности и характера интернаціонализма.

«Интернаціонализмъ» это только принципъ сближенія *національностей*, форма интернаціональной солидарности. Интернаціонализмъ не отрицаетъ національной жизни. И можетъ ли онъ ее отрицать, если онъ, въ сущности, есть продуктъ развитія тѣхъ же силъ, что и націонализмъ.

Интернаціонализмъ нашего времени основанъ на реальныхъ культурныхъ и экономическомъ потребностяхъ и не содержитъ въ себѣ ни одного зерна стараго утопическаго космополитизма. Если же это смѣшеніе понятія интернаціонализма съ космополитизмомъ удержалось еще до сихъ поръ, то это надо отнести къ тому, что основатели «Интернаціонала» видѣли въ немъ осуществленіе *своихъ* космополитическихъ идеаловъ. Но скоро оказалось, что интересы, которымъ призванъ былъ служить интернаціонализмъ, лежатъ не въ абстрактныхъ, далекихъ отъ жизни, космополитическихъ вождельніяхъ, а въ реальныхъ экономическихъ и культурныхъ интересахъ массъ, которые принимали все болѣе опредѣленные національныя формы. Космополитскій духъ «интернаціонала» сталъ ослабѣвать, а вмѣстѣ съ нимъ и самый интернаціонализмъ сталъ принимать новую реальную окраску: національныя организаціи стали все больше укрѣпляться. Интернаціонализмъ не исчезъ: утопическая форма его только уступила мѣсто болѣе реальной. Усиливая національныя организаціи, рабочіе съ тѣмъ болѣею силой осуществляютъ интернаціональный идеалъ.

Может ли такой интернационализм противорѣчить національнымъ интересамъ? Само собою понятно, что нѣтъ. Реальный интернационализмъ исходитъ изъ національности, и базируется на ней, его направленіе и историческая цѣль та же, что и у націонализма: осуществить полную побѣду демократіи, всестороннюю свободу личности.

Если интернационализмъ чему нибудь и противорѣчитъ и противодѣйствуетъ, такъ это шовинизму, такъ какъ этотъ послѣдній противодѣйствуетъ сближенію и братству народовъ. Но полная побѣда націонализма—это полное пораженіе шовинизма, такъ какъ *только тамъ не можетъ быть угнетателей, гдѣ нѣтъ угнетенныхъ.*

Освобожденіе всѣхъ угнетенныхъ національностей создаетъ единственно реальную основу для ихъ сближенія: покуда есть угнетенныя національности, шовинизмъ будетъ расти и развиваться, а осуществленіе интернационализма при этихъ условіяхъ чистѣйшая утопія. Только торжество націонализма подготавливаетъ и дѣлаетъ торжество интернационализма возможнымъ!

Г. Абрамовичъ

Литературныя бесѣды.

І. Х. Бренеръ.

VI.

Я уже упомянулъ, что къ характернымъ особенностямъ произведеній Бренера принадлежитъ отсутствіе или слабое развитіе въ нихъ того, что называется «фабулой», съ ея обычными «завязкой», «развязкой» и прочими общепотребительными у беллетристовъ аксессуарами. Послѣдніе облегчаютъ работу и дѣлаютъ ее болѣе «интересной», съ точки зрѣнія массоваго читателя. Только большой талантъ можетъ пренебречь этимъ «интересомъ» и, отвергнувъ шаблонныя формы, давать однѣ лишь «сцены изъ жизни», безъ обычныхъ приѣмовъ литературно-повѣствовательной техники. Только въ талантливомъ изображеніи такія «сцены» говорятъ сами за себя и не нуждаются въ искусственныхъ приспособленіяхъ внѣшне-архитектурнаго свойства. Таковы, напримѣръ, многія творенія Толстого или Чехова. Припомните «Мужиковъ» и «Въ оврагѣ» послѣдняго. Безъ интересныхъ «концепцій», безъ «развивающихся» дѣйствій, интригъ и проч., эти яркія жизненныя сцены захватываютъ читателя своей самодовлѣющей реальной силой и непосредственной мощью раскрывающейся въ нихъ внутренней правды. Какъ самородный камень, онѣ сохраняютъ свою цѣнность и безъ приспособленной для нихъ внѣшней оправы.

Бренеръ также не заботится объ искусственной оправѣ для своихъ картинъ: ихъ собственная, самородная художественная цѣнность должна гарантировать имъ вниманіе читателя, помимо внѣшне-обстановочныхъ, декоративныхъ прикрасъ. Таковы были разсмотрѣнныя уже нами произведенія его, и такими же являются прочія его вещи, съ которыми намъ еще предстоитъ ознакомиться.

Напримѣръ — рассказъ «Гендель». Это даже и не рассказъ въ общепринятомъ смыслѣ, а рядъ сценокъ съ натуры: небольшая галерея типовъ и фигуръ, простыхъ, заурядныхъ, почти примелькавшихся въ еврейской средѣ, но тѣмъ не менѣе исполненныхъ своеобразнаго интереса въ живомъ, художественномъ изо-

браженіи. Кажется, всякій и всюду встрѣчалъ эти лица и портреты, и никто при встрѣчѣ съ ними не думалъ дарить ихъ своимъ вниманіемъ; въ ихъ чертахъ не видно слѣдовъ «думъ высокихъ и чувствъ глубокихъ», въ нихъ ничто не говоритъ объ испытанныхъ «волненьяхъ страсти», о красивыхъ подвигахъ и красивыхъ страданіяхъ, объ увлекающей мощи демоническихъ порывовъ и гордой силѣ бурныхъ стремленій,—нѣтъ: это простые, маленькіе люди, которымъ въ удѣлъ дано судьбой

Молить свободы, жаждать свѣта,
 Безъ ласки братской, безъ отвѣта,
 Молить бесплодною мольбой,
 Рыдать бессильными слезами...

Мы проходимъ мимо этихъ незамѣтныхъ людей, но художникъ останавливаетъ на нихъ свое вниманіе: солнце искусства отражается и въ малой каплѣ житейскаго моря. Не только великіе міра, но и «ничтожныя міра» попадаютъ въ поле зрѣнія писателя и становятся объектомъ его творчества.

«Гендель»—такой именно ничтожный, изъ маленькихъ маленькій человекъ. Это слабое, жалкое созданіе, съ блѣдными, впалыми щеками, съ тихимъ надтреснутымъ голосомъ, неслышными, робкими шагами. Никто никогда не произноситъ его настоящаго имени: «Генехъ», потому что къ его смѣшному, жалкому виду болѣе подходитъ ироническое «Гендель» или «Генделе»... Люди обижаютъ его, потому что его обидѣла природа: онъ слабъ, тихъ, неповоротливъ и мало успѣваетъ въ жизни,—въ подневольной жизни писца «музузось» у хозяина-софера, Ерухемъ-Ноаха, соединяющаго въ своемъ лицѣ ремесленника и купца. Гендель даже въ своемъ дѣлѣ неуксусенъ; онъ не можетъ угнаться за своими болѣе ловкими товарищами, пишетъ медленно и некрасиво, то и дѣло ошибается, портитъ священный текстъ, стираетъ и исправляетъ, вызывая насмѣшки коллегъ и самаго хозяина, эксплуатирующаго въ свою пользу неловкость безотвѣтнаго писца. Гендель позволяетъ смѣяться надъ собою и эксплуатировать себя: онъ не смѣетъ громко протестовать противъ чинимыхъ ему обидъ. Онъ только тихо вздыхаетъ и думаетъ про себя: если бы онъ былъ на его мѣстѣ! если бы имъ далась такая жизнь,—жизнь одинокаго бобыля, разведеннаго съ женою по ихъ же подговору... Но никого не интересуютъ его думы среди монотоннаго скрипа гусиныхъ перьевъ, выдѣлывающихъ на твердомъ пергаментѣ свое канъ-канъ-канъ...

И Гендель тоскуетъ въ своемъ одиночествѣ и глотитъ свою душевную тоску отъ окружающихъ людей, умиющихъ только высмѣивать, но не жалѣть бѣднаго человека...

„Онъ бродитъ себѣ одиноко своими разсчитанными, мелкими шажками, съ опущенной головой, мучимый своей меланхоліей. Никто-то имъ не интересуется, и никого-то онъ не беретъ за пуговицу, чтобы вступить въ бесѣду. Синагогальный дворъ шумитъ и волнуется; всякій занять тѣмъ или инымъ дѣломъ; продавцы книгъ, цидицы и „сельтерской“ зазываютъ покупателей, и когда у Генделя оказывается въ карманѣ монета, онъ не прочь иногда потратить ее на себя; но, въ сущности, ничто его не касается; онъ точно временный, ночной гость на этомъ

свѣтъ. Онъ заглянеть въ переднюю большой синагоги, помолится въ клаузе-
mischpajoss, послушаетъ анекдоты магида въ мясницкой модельнѣ, отстоитъ
„кедушо“ и „борху“ въ старомъ бесъ-мидрашѣ.—но все это безсознательно, мимо-
ходомъ, между прочимъ, и все—однѣ, однѣ...

Жизнь человѣка...—размышляетъ онъ: что такое жизнь человѣка? сонъ, и
больше ничего. Лучше не родиться человѣку. Никто-то его не приласкаетъ, не
пожалеть. Нѣтъ жалости на свѣтъ“... ..

Въ другой разъ—

„Словно изсохшій древесный обрубокъ среди пустыни, стоитъ Гендель
въ синагогальной прихожей. Улица движется, шумитъ, женщины и дѣвушки гуля-
ютъ въ пестрыхъ нарядахъ. Стихъ псалма обрывается въ его устахъ, и онъ
поварачиваетъ голову по сторонамъ: не замѣчаетъ-ли кто его жаднаго взора?
Онъ не успокаивается на этомъ, оставляетъ свое мѣсто и тихо шагаетъ. Встрѣчныя
дѣвушки шепчутся между собою и громко смѣются. Гендель ошупываетъ на головѣ
своей шапку,—онъ чувствуетъ, что этотъ смѣхъ задвигаетъ его: но онъ не глядитъ
на нихъ, и его изсохшія губы шепчутъ: „грѣшныя мысли... грѣшныя мысли“...

Особенно часто стали одолавать Генделя эти мысли съ тѣхъ поръ, какъ
онъ развѣлся съ своей Цирлей. Гендель—не только неудачный писецъ мезузося,
но и неудачный семьянинъ. Люди знали про его нелады съ сварливой женою и
уговорили его развзаться съ этой «фуріей», мѣшающей-де ему спокойно работать,
а онъ не протестовалъ и поддался ихъ хитрому совѣту. Но теперь онъ видитъ,
что ошибся, что такъ ему еще хуже, что работа еще менѣе ладится,—тѣмъ
болѣе, что и въ Талмудѣ на этотъ счетъ имѣется надлежащее указаніе... Теперь
личность «фуріи» представляется ему въ иномъ, лучшемъ свѣтѣ, и онъ подо-
зрѣваетъ даже, что его коллега, насмѣшникъ и обжора Давидка, имѣетъ виды
на Цирль, а вмѣстѣ съ нею—и на мѣсто синагогальнаго шамеса, имѣющее
остаться вакантнымъ по смерти ея стараго, больного отца. И Гендель самъ на-
чинаетъ мечтать объ этомъ мѣстѣ и о новомъ союзѣ съ прежней женою;
кстати же, и по этому поводу также имѣется талмудическое указаніе, и шад-
хень Файвель готовъ придти на помощь...

И пришелъ таки. И спустя одиннадцать мѣсяцевъ Гендель, приглашая гостей
на «брисъ», жаловался на жену, настаивающую на немедленномъ совершеніи
этого обряда надъ килымъ, больнымъ ребенкомъ. Гендель сознаетъ, что это
грѣшно и жестоко,—но развѣ смѣетъ онъ, безвольный, противиться чьей бы то
ни было волѣ?

И только въ этотъ единственный моментъ, быть можетъ, его пожалѣлъ
бывшій его хозяинъ, со вздохомъ пустившій ему вслѣдъ:

— Ай, Гендель, Гендель!..

Такова незамѣтная фигура главнаго «героя», вокругъ которой группируются
прочіе персонажи—типичные представители разнаго рода «священныхъ сосудовъ»
(klei-keidesch), во главѣ съ самымъ хозяиномъ, вѣчно подвижнымъ и хлопотли-
вымъ р. Брухемъ-Ноахомъ, очень любящимъ «вертѣть колесо», чувствующимъ
себя неудовлетвореннымъ у своего соферскаго стола и испытывающимъ большое
удовольствіе отъ того, что его домъ походить на шумную ярмарку. И чего только
нѣтъ въ этомъ затхлоу и спрыомъ домѣ?

„Всюду, по всем углам, на запыленных столах, на грязном диване, на хромоногих скамьях валяются куски пергамента, полоски от свитков Торы, футляры, коробки, жиры, ремни, филактерии, мезузошь... И разнообразная смесь евреев, „священных сосудов“, — соферы, шашесы, канторы, магиды, члены братств, коробейники, мѣнялы, одѣтые въ костюмы всевозможных фасонов и стилей, — все это шумитъ на жаргонѣ съ примѣсью „священного“ языка, съ литовскими, польскими, жмудскими или бѣлорусскимъ говоромъ, сталкивается между собою, заводитъ дѣла, продаетъ, покупаетъ, споритъ, ругается, торгуется, мѣняетъ... И Ерухемъ-Ноахъ наслаждается видомъ своего дома, наполненнаго торговымъ людомъ. Правда: заработокъ, выручка — въ руцѣ Божіей; но вѣдь это, во всякомъ случаѣ, дѣло, торговля... Главное — что колесо вертится... Особенно великъ бываетъ этотъ пріятный ему шумъ передъ „страшными днями“, въ мѣсяцѣ Элуль, въ періодъ обильныхъ рекламъ и длинныхъ предостереженій печатными буквами о модельныхъ, синагогальныхъ мѣстахъ, должностяхъ, братствахъ, контролахъ, магидахъ, эрогахъ и общественныхъ дѣлахъ. Въ это время къ р. Ерухемъ-Ноаху съѣзжаются соферы изъ окрестныхъ городовъ — люди съ согнутыми спинами, расстегнутыми воротами рубашекъ и съ странной, исполненной особенной важности походкой: они галдятъ, изрекаютъ „слова Торы“, пьютъ холодный чай изъ глиняной корчаги и унимаютъ громкіе голоса продолжительными „ш-ш-а“; а самъ Ерухемъ-Ноахъ, пріявъ въ экстазъ, хватается руками за голову у обояхъ висковъ, засовываетъ по толстому пальцу въ каждое ухо — и кричитъ... И этотъ дикій, смѣшанный аккордъ, еще усиливается стараніями „безумца“ Зелига, старшаго сина и „правой руки“ хозяина, страшнаго и грубоватаго юноши, фанатическаго исполнителя религиозныхъ „законовъ“, подслѣповатаго обладателя дикаго смѣха, чудеснымъ образомъ научившагося писать „адресъ“ и умѣющаго получать на станціи товаръ, присылаемый его отцу изъ городовъ Слонима и Варшавы“...

На этомъ яркомъ, характерномъ фонѣ «дома» вырисовываются характерныя же фигуры постоянныхъ и случайныхъ его обитателей; здѣсь, кромѣ отца и сына, и хозяйка дома — благочестивая и молчаливая на видъ женщина съ восковымъ лицомъ, прозрѣвающая гибель семьи въ запутанныхъ „дѣлахъ“ мужа и потому не перестающая внутренно „кипѣть“ на своего „купца“, этого „разбойника“, у котораго нѣтъ ничего своего, вплоть до желудей, употребляемыхъ для выдѣлки кошерныхъ чернилъ, и котораго, по ея убѣжденію, ждетъ самая печальная перспектива — быть похороненнымъ „въ чужомъ саванѣ“: здѣсь упомянутый уже легкомысленный и прожорливый Давидка, этотъ Лукуллъ, не останавливающийся передъ расходомъ на сыръ и варенныя легкія даже въ будни, не говоря уже о субботнихъ трапезахъ, на которыя онъ не прочь затрачивать цѣлыя полтинники; здѣсь странствующій торговецъ священными предметами, протестующій противъ такого „разбоя“, какъ требованіе цѣлыхъ семидесяти копѣекъ за десятокъ мезузошь работы Генделя, чего, по его мнѣнію, еще не было съ самаго сотворенія міра; здѣсь Элюкимъ-Ицхокъ Бимбамъ, свѣдущій въ медицинѣ хасидъ, горящійся своею близостью „къ нему (къ цадіку) чтобы онъ жилъ“, и богатый ешиботникъ изъ Вольми, противникъ „нынѣшнихъ“, haskol'ы и сіонистовъ, аккуратно получающій изъ дому ежемѣсячныя суммы и ссужающій иногда нашего софера малой толікой подъ небольшіе проценты; и свободомыслящій переплетчикъ Хавмке — schekez, называющій эту компанію „досами“ и сообщающій имъ новости изъ газетъ, и проч. и проч.

И въ этой специфической сферѣ, пропитанной интересами „колесной вы-

ручки, продажи жилья и мезузось, уплаты процентовъ, насущнаго хлѣба, болѣзней и постановленій шуланъ-аруха“, чувствуетъ себя чужимъ, не смотря на видимую къ ней близость, нашъ герой, всѣми пренебрегаемый „Генделе“, съ его лѣтностью, одиночествомъ, жалкимъ прозябаніемъ, скорбными думами и мучительной душевной тоской...

VII.

Много общаго съ молчальникомъ Генделемъ, плохо пишущимъ мезузы, имѣеть и сторожъ Хаимъ-Мотя—герой очерка «Во дворѣ» *). Этотъ — тоже молчальникъ и тоже изъ маленькихъ маленькій человѣчекъ, незамѣтный, безвѣстный и комичный, надъ которымъ упражняетъ свое остроуміе всякій, кому есть охота, не исключая и извозчика Рувина, его квартирнаго хозяина. Этотъ тоже не дѣлится ни съ кѣмъ своими тяжелыми думами и живетъ въ своемъ внутреннемъ мірѣ, наподневномъ мрачными образами и гнетущими воспоминаніями прошлаго, дѣлающими его безотрадное настоящее еще болѣе безотраднымъ.

И въ „хорошія“ времена, когда Хаимъ-Мотя былъ еще ткачемъ на фабрикѣ и получалъ три рубля въ недѣлю, не особенно красна была его жизнь; но развѣ можно сравнить ее съ тѣмъ, что сразу надвинулось на него потомъ, подъ старость, когда умерла жена, а дѣти разбрелись кто куда: одни уѣхали въ Америку, другой пошелъ въ солдаты, а третій, самый младшій, работавшій на фабрикѣ, внезапно какъ бы канулъ въ воду. Съ тѣхъ поръ Хаимъ-Мотя одряхлѣлъ, осунулся, согнулся, сталъ кашлять; глаза помутнѣли и начали слезиться, — и онъ сталъ ночнымъ сторожемъ въ фабричномъ дворѣ Гдалии Гросмана. Теперь —

„его встрѣчаетъ морозная ночь, полная какого-то жалостливаго гвѣва; надъ нимъ — темное, словно закоптѣлое, молчаливое небо, а передъ его слезящимися мутными глазами — унылая темь, въ которой выступаютъ контуры большого дома, стараго и крѣпкаго, край конторы во второмъ этажѣ и широкая фабрика по ту сторону пруда. Часъ тому назадъ здѣсь шумѣли, двигались, обливались потомъ рабочіе... Когда-то и онъ былъ между ними... ткаль... Загудитъ гудокъ — и онъ тоже спѣшитъ въ толпѣ домой... Такъ было много лѣтъ... Все это было когла-то... А теперь? — теперь нѣтъ ничего; тамъ не видно свѣта; окна — мрачны, словно слѣпы... А его поставили сторожить“...

Теперь у него, кромѣ „двора“, есть еще только грязный уголь въ квартирѣ пьянаго извозчика и его сварливой бабы, да иногда—край теплой печи въ «дворовой» молельнѣ, гдѣ онъ обыкновенно, въ субботнія сумерки, дремлетъ подъ тихое пѣніе псалмовъ, служа въ это время предметомъ веселыхъ остротъ для скачущихъ прихожанъ.

Но не одни матеріальныя, физическія лишенія одолеваютъ старика: у него есть большая душевная рана, отнимающая его покой, превращающая въ гнетущій кошмаръ его старческій сонъ и особенно мучительно раскрывающаяся тогда,

*) Переводъ его напечатанъ въ „Еврейской Жизни“ (февраль), съ нѣкоторыми, однако, отступленіями отъ оригинала.

когда онъ, съ сторожевой палкой въ рукахъ, уныло бродить по темному двору среди ночной тишины. Причина этой раны—невѣстка Шейне-Рохель, жена его сына-солдата. Она служить въ домѣ „гвира“ Гросмана, живетъ въ томъ же дворѣ, на господской кухнѣ. Но тутъ же по сосѣдству, въ фабричной конторѣ, находится и молодой «принцъ», легкомысленный сынъ хозяина, искусный велосипедистъ и любитель веселыхъ ресторановъ. Хаимъ-Мотя знаетъ, что его красивая невѣстка часто, по вечерамъ, ходитъ въ контору подъ разными предложениями и остается по-долгу. Онъ знаетъ, откуда берутся ея кольца и браслеты... Да и всѣ это знаютъ, пожалуй, еще его, старика, обвиняютъ... И онъ дѣйствительно, чувствуетъ себя виновнымъ: онъ молчитъ, не поднимаетъ скандала, какъ бы слѣдовало; а вѣдь она—eisches-isch... Какой грѣхъ! Вѣдь на томъ свѣтѣ его за это накажутъ, и потеряетъ онъ свое «olam-habbo».

Для старика ясно, что Шейне-Рохель и думать забыла о своемъ мужѣ. Когда онъ сообщил невѣсткѣ, что пришло письмо отъ сына, она не обнаружила къ этому извѣстію особаго интереса; ей было „некогда“: она спѣшила *туда*, къ „принцу“...

И онъ молчитъ, хотя сознаетъ, что молчать не слѣдуетъ что нужно, кричать, проклинать, потрясти небо и землю... А она долго не возвращается... *оттуда* доносится громкій, веселый смѣхъ... И онъ рѣшился:

„Онъ останавливается и, задыхаясь, поднимаетъ палку; минутная тишина,—и затѣмъ—трескъ стекла: тррр!..

И все осталось по старому. Небо застыло“.

Заключительный аккордъ соотвѣтствуетъ общему тону разсказа, все время держащаго читателя въ напряженномъ и грустно подавленномъ настроеніи. Авторъ и здѣсь, какъ всегда, не переходитъ границъ художественной мѣры, не сгущаетъ красокъ, но это настроеніе само собою навѣвается на васъ яркой картиной, написанной сжато, и сильно, въ нѣсколько суровомъ, строгомъ стилѣ, гармонирующемъ съ ея внутреннимъ содержаниемъ. Немало такихъ картинъ въ тѣхъ «низахъ», въ тѣхъ скорбныхъ долинахъ, куда неохотно заглядываетъ обитатель «верховъ», но откуда нашъ авторъ любитъ ихъ извлекать и показывать во всемъ суровомъ реализмѣ, способномъ нарушить вашъ обывательскій покой.

Сторожъ-инвалидъ, молчаливо мерзнушій «во дворѣ», на одинъ только мигъ нарушилъ покой фабричной «конторы»,—и затѣмъ все осталось по-старому; только тѣ, которыя и раньше были невысокаго мнѣнія о «старомъ дурнѣ», еще болѣе убѣдились въ его безумствѣ... Вѣроятно, все также осталось по старому и послѣ того, какъ покой богача Пейсаха Сигнацина былъ внезапно потревоженъ настоящимъ безумцемъ, героемъ очерка «Hájeruschalmi».

Господинъ Сигнацинъ жилъ «на верху», на Дубовой улицѣ, а юродивый Мордухай («Jeruschalmi») ютился въ одномъ изъ угловъ старой, покосившейся моленной внизу, въ «оврагѣ».

„Оврагъ этотъ—обиталище исконнаго еврейскаго далеса; это—злосчастный городской участокъ, гдѣ грязныя лужи никогда не высыхаютъ, погнувшіяся избушки никогда не выпрямяются и руины крышъ вѣчно остаются въ развалинахъ. Онъ словно плачетъ слезами, этотъ грязный пригородъ, въ помояхъ котораго измарываются маленькія тѣльца его дѣтишекъ, котораго липкій навозъ не перестаетъ засасывать ноги, а смрадный воздухъ—омрачать душу.

Заброшенно и одиноко спускается и располагается тамъ еврейскій поселокъ. И когда прохожій, по залѣсѣннымъ ямамъ и шатающимся, сгнившимъ ступенкамъ, поднимается оттуда вверхъ, на Дубовую улицу,—передъ нимъ открывается справа красивая каменная ограда княжескаго сада на горѣ, а слѣва — большая золоченая надпись: „Торговый домъ Н. Г. Сигнацина и сына“.

Унылая, нѣмая тишина господствуетъ въ оврагѣ днемъ и ночью. Мертвеннымъ сномъ, сномъ печали и голода, спятъ его тѣни—обитатели, съ открытыми, высохшими устами, безъ грёзъ и ночныхъ видѣній. *Нечѣмъ жить!* Безмолвіе. Только порой, когда на Дубовой улицѣ застучать колеса нарядныхъ экипажей,—этотъ стукъ отдается въ оврагѣ“.

Никогда не покидалъ оврага юродивый Мордухай; здѣсь онъ забиралъ съ лавочниковъ свою скудную дань сырымъ картофелемъ; здѣсь со смѣхомъ, а то и камнями, преслѣдовали его уличные мальчуганы, и здѣсь же, прислонясь къ забору, онъ произноситъ свои безумныя рѣчи о скоромъ пришествіи Мессіи... Только одинъ разъ, когда г. Сигнацинъ, сдѣлавшись габбаемъ молельни, пожелалъ смѣстить ея стараго шамеса, безумецъ побѣжалъ туда, на верхъ, и на парадномъ подъѣздѣ новаго габбая издиль свой безумный протестъ, тутъ же получивъ должное возмездіе отъ руки джюгаго Ивана...

И надо думать, что и въ этомъ случаѣ все также осталось по старому, хотя авторъ объ этомъ ничего не сообщаетъ. Вѣроятно, Мордухай-Jeruschalmi, по прежнему, стоя у забора, бормоталъ свои Мессіанскія пророчества, непонятныя никому ни на горѣ, ни въ оврагѣ...

Самъ по себѣ типъ еврейскаго юродиваго, одержимаго той или иной «идейной» маніей, не новъ въ еврейской литературѣ, какъ и въ жизни, и не въ изображеніи этой личности оригинальная сила разсказа Бренера. Последняя оказывается въ вставочныхъ эпизодахъ и характеристикахъ (напр. приведенное описаніе «оврага», сцены въ синагогѣ, личность матери разсказчика), исполненныхъ талантливей кистью и дающихъ вмѣстѣ съ художественнымъ удовлетвореніемъ и впечатлѣніе живой *еврейской* дѣйствительности, гдѣ со многими вариациями доминируетъ одинъ скорбный мотивъ:

Нечѣмъ жить!

Як. Каценельсонъ.

Въ дни Хануки.

Снова Ханука! Снова горятъ передъ нами неугасимые свѣточи Маккавеевъ. Горять и будять своимъ робкимъ скромнымъ свѣтомъ все то лучшее завѣтное, что осталось въ насъ нетронутымъ, несмотря на тысячелѣтнее рабство, несмотря на всѣ гоненія и издѣвательства надъ бездомнымъ бродягою.

Не веселыя думы возбуждаетъ въ насъ воспоминаніе о славномъ историческомъ событіи. Грубо вторгается въ наши воспоминанія настоящее, полное жгучей обиды и невыносимой боли. И мигомъ наше торжество обращается въ трауръ, наши хвалебныя гимны — въ погребальныя пѣсни...

Преданіе о томъ моментѣ, когда впервые были зажжены ханукальные свѣчи, зажжены въ Иерусалимскомъ храмѣ, очищенномъ отъ кощунственныхъ рукъ сирійцевъ-язычниковъ, рассказываетъ, что многотысячная толпа во главѣ съ Маккавеями разразилась громкими рыданіями при видѣ опустошеній, произведенныхъ въ храмѣ. И тогда въ тѣ свѣтлые дни къ слезамъ радости присоединились слезы печали.

Не то же ли самое происходитъ и нынѣ? Зажигая свѣчи въ честь великихъ героевъ древности, мы испытываемъ радость отъ сознанія, что мы живы, какъ народъ, что мы страхнули съ себя — по крайней мѣрѣ лучшая часть нашего народа — духовныя цѣпи рабства, что всѣ наши помыслы обращены къ свободѣ, за которую боролись чествуемые нами герои. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы оплакиваемъ опустошенія, произведенныя въ нашихъ родахъ тысячелѣтіями голуса. Они необъятно велики. Сколько изъ насъ, жалкихъ потомковъ Маккавеевъ, продало свою душу за чечевичную похлебку? Сколько превратилось въ безчувственныхъ столбовъ, сколько такихъ, кому дороже всего жвачка и пойло? Потеря наши необъятно велики. Звуки радости заглушаются плачемъ голодныхъ, разгромленныхъ,

изнасилованныхъ, задыхающихся въ духотѣ и слѣпнущихъ во мракѣ. Усмѣшки рабовъ и безчувственныхъ нарушаютъ наше веселіе...

Но и здѣсь утѣшеніемъ и урокомъ можетъ служить намъ борьба Маккавеевъ. Іудея пережила подъ сирійскимъ владычествомъ (202—168 г.) одну изъ самыхъ тяжелыхъ эпохъ своей исторической жизни. Не столько страшны были руки сирійскихъ деспотовъ и вѣншній гнетъ, сколько внутреннее состояніе Іудеи, распадъ еврейской интеллигенціи, междоусобія правящей аристократіи. Не останавливаясь на подробностяхъ этой эпохи, обратимъ вниманіе на коренной распадъ между эллинистами и хасидеями.

Эллинисты въ Іудеѣ были не только поклонниками греческой культуры и ревностными послѣдователями.

Въ этомъ ихъ важное положительное значеніе. Но они подъ вліяніемъ крайняго увлеченія и политическихъ условій, которыя ставили ассимилирующійся еврейскій элементъ въ положеніе привилегированныхъ, сдѣлались недругами еврейской самостоятельности. «Цѣлью ихъ желаній—говоритъ проф. Грець—было полное сліяніе съ греками-язычниками».

Отъ эллинистовъ той эпохи недалеко жили и нынѣшніе „эмансипированные“ евреи на западѣ. Они также исходятъ изъ ложнаго понятія о силѣ культуры, какъ средствѣ уничтожить естественныя національныя перегородки, хотя жизнь доказываетъ на каждомъ шагу ихъ роковое заблужденіе, выдвигая вражду съ евреями какъ разъ тамъ, гдѣ они тщетно пытались искоренить свой національный типъ.

Эллинизмъ своими крайними формами вызвалъ къ жизни противоположную партію, доходившую также до крайностей, по закону естественнаго сопротивленія. Міровоззрѣніе хасидеевъ замкнулось въ рамкѣ религіознаго культа, и малѣйшее отступленіе отъ него было равносильно измѣнѣ. Патріотизмъ этой партіи, ея стремленіе сбросить съ себя цѣпи рабства не подлежитъ, конечно, ни малѣйшему сомнѣнію. Но при всемъ томъ патріотизмъ этотъ носилъ характеръ болѣе пассивный, чѣмъ активный. Нуженъ былъ цѣлый рядъ лѣтъ, нужны были страшныя пытки Антіоха, чтобы поднять хасидеевъ на борьбу за свободу Іудеи. Мрачная картина ужасовъ, порезитыхъ еврействомъ въ ту эпоху, повторялась безъ счета въ нашей исторіи. Мы видимъ ее передъ собою и въ наши дни...

«Стенали начальники и старѣйшины,—говоритъ лѣтописецъ—изнемогли дѣвы и юноши, и измѣнилась красота женская. Всякій женихъ предавался плачу, и сидящая въ брачномъ чертогѣ была въ скорби. Вострепетала земля за обитающихъ на ней, и весь домъ Іакова облекся стыдомъ».

Въ эти трудныя минуты, когда лилась рѣкою кровь мучениковъ за вѣру, большая часть религиозно настроеннаго народа выжидала небеснаго чуда и молчаливо искала утѣшеній въ религиозномъ экстазѣ.

Изнемогающій подъ игомъ народъ прятался въ ущельяхъ пустыни, бѣжалъ вразсыпную, кто куда могъ.

Немногихъ собралъ вокругъ себя величавый старецъ Матаѳій, кликнувшій кличь: «всякій, кто ревнуетъ по законѣ и стоитъ въ завѣтѣ, да идетъ вслѣдъ за мною!»

И эти немногіе предпочли умереть, чѣмъ проявить свой гнѣвъ въ день субботній и дать отпоръ насильникамъ. Буква закона была сильнѣе чувства протеста. Они пали жертвами непротивленія злу.

Но этотъ печальный опытъ заставилъ образумиться безпечно ожидавшихъ чуда, исторгавшихъ одни лишь стоны. Они поняли, что не пассивный героизмъ спасетъ ихъ, но активная мощь духа, для котораго нѣтъ условныхъ рамокъ, который не мирится, какъ безвольный рабъ, подъ бичемъ своего хозяина.

«И говорили они другъ другу: если всѣ мы будемъ поступать такъ, какъ поступали эти братья наши и не будемъ сражаться съ язычниками за жизнь нашу и постановленія наши, то они скоро истребятъ насъ съ земли»...

Въ этомъ сказаніи ярко проявляется психологія еврейской массы, ея религиозный квіетизмъ, ея инертность къ освободительному движенію, та психологія, которая въ обнихъ чертахъ характеризуетъ и нашу современность. Какъ и въ тѣ далекія времена такъ и въ наши дни еврейство выдвинуло немного силъ для своего избавленія, котораго мы должны добиться не оружіемъ, не пролитіемъ крови, но мирной сознательной работой. Такъ же, какъ и тогда, необходима готовность къ самопожертвованію во имя намѣченной великой задачи. Эта готовность можетъ служить мѣриломъ жизнеспособности нашего движенія, какъ служила она въ глазахъ Иуды Макавея, когда онъ озираетъ свое малочисленное войско.

При видѣ многочисленнаго врага дрогнули сердца многихъ. И вопрошали — говорить лѣтописецъ — Иуду соратники: «Какъ можемъ мы въ такомъ маломъ числѣ сражаться противъ такого сильнаго множества? И мы же совсѣмъ ослабѣли, еще не ѣвши нывѣ?»

Не обращаются ли съ подобнымъ вопросамъ къ вождямъ сіонистскаго движенія малодушные наши братья, не смущаются ли они еа каждомъ шагѣ трудностью нашего дѣла?

Лучшимъ отвѣтомъ имъ, неоднократно раздававшимся изъ устъ

нашего новаго Маккавея, создателя движенія Теодора Герцля, могутъ служить слова безсмертнаго Іуды:

«Легко и многимъ попасть въ руки немногихъ, и у Бога небеснаго нѣтъ различія, многими ли спасти, или немногими; ибо не отъ множества бываетъ побѣда на войнѣ, но съ неба приходитъ сила»...

«Сила съ неба»—это убѣжденность въ правотѣ дѣла, та убѣжденность, которая рождаетъ героевъ, дѣлаетъ страстное желаніе реальнымъ фактомъ.

Словъ нѣтъ, трудно ждать желаннаго конца великой задачи. Не въ могути видѣть повседневною горе, которое растетъ съ каждымъ годомъ и грозитъ стереть съ лица чахнуцій народъ. Много усилій требуетъ отъ насъ работа въ «голусѣ», и мы не вправѣ оказываться отъ нея. Но и она пойдетъ спорнѣе, когда ясна будетъ конечная цѣль, во имя которой мы трудимся. Безсмысленно зашивать отверстия въ рѣшетѣ. А вѣдь этимъ бесплоднымъ занятіемъ является наша грошовая филантропія. Только вѣра въ будущее еврейскаго народа, въ его свободную жизнь, можетъ вооружить насъ терпѣніемъ и энергіей для общественной помощи страдальцамъ. Безъ твердой вѣры нѣтъ терпѣнія, нѣтъ и не можетъ быть плодотворнаго труда.

Лѣтописецъ Маккавейской эпохи даетъ намъ иллюстрацію къ этому положенію. Нетерпѣливыхъ было много и въ Маккавейскіе дни. Не меньше и такихъ, кто интересы личной славы ставилъ выше плановѣрной организаціонной работы, т. е. такихъ, какихъ много въ нашемъ движеніи, кто не служитъ намъ большой пользой.

«Въ тѣ дни, когда Іуда и Іонаанъ находились въ Галаадѣ—говорить лѣтописецъ—услышали Іосифъ, сынъ Захаріи и Азарій, военачальники о славныхъ воинскихъ подвигахъ, совершенныхъ ими, и сказали: «сдѣлаемъ и мы себѣ имя; пойдѣмъ воевать съ звъчниками, окружающими насъ».

И пали честолюбцы, которые, по образному и глубокому выраженію лѣтописи, «не были отъ сѣмени тѣхъ мужей, рукъ которыхъ предоставлено спасеніе Израиля».

Такъ далекое прошлое, славнѣйшая страница нашей исторіи, воскрешаетъ передъ нами современность: движеніе «новыхъ Маккавеевъ» во имя безсмертнаго завѣта древнихъ героевъ.

Эти скромныя свѣчи должны быть постоянной эмблемой сіонистовъ. Онѣ говорятъ намъ о той небесной силѣ, о томъ мужествѣ духа, который былъ и будетъ залогомъ еврейскаго національнаго возрожденія. Онѣ громче всякихъ теорій и философствованій говорятъ уму и сердцу о нашихъ ошибкахъ и достоинствахъ, укоряютъ

измѣнниковъ народному дѣлу, срываютъ покровъ съ узкихъ безпечныхъ фанатиковъ, гонителей свѣта, выжидающихъ чуда для своего спасенія. Онѣ говорятъ о трудностяхъ нашего пути, о томъ, что преодолѣть ихъ съумѣютъ лишь истинные потомки Маккавеевъ, способные принести въ жертву народному дѣлу свои личные интересы и жизненные помыслы.

Пусть же вѣчно горитъ въ нашихъ душахъ неугасимый огонь Хануки! И мы побѣдимъ...

Бенъ-Гилель.

Обзоръ еврейской печати.

Не прошло еще пяти мѣсяцевъ со дня смерти вождя сіонистскаго движенія. Для правильной и всесторонней оцѣнки значенія покойнаго, какъ организатора и руководителя національнаго еврейства, наступить моментъ только въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, когда на переживаемую нами эпоху установится требуемая историческая перспектива. Тѣмъ не менѣе уже и теперь, надъ свѣжей могилой покойнаго вождя еврейская печать вполне естественно обнаруживаетъ стремленіе дать предварительную общую характеристику личности и дѣятельности Т. Герцля на основаніи богатаго матеріала, относящагося къ восьмилѣтнему «сіонистскому» періоду его жизни. Общую чертою этихъ опытовъ является глубокое преклоненіе преимущественно передъ *личностью* Герцля.

Въ прекрасномъ психологическомъ этюдѣ о Герцлѣ (Herschloah, September) д-ръ М. Эренпайзъ формулируетъ значеніе покойнаго сіонистскаго вождя въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «*внутренняя свобода* наложила свою печать на личность Герцля, и сдѣлала его народнымъ избранникомъ, ангеломъ-избавителемъ. Внутренняя свобода создала изъ него народнаго воспитателя, подчинявшаго своему вліянію народныя массы не столько внѣшней дѣятельностью, сколько непосредственнымъ обаяніемъ своего внутренняго благородства. Значеніе Герцля, какъ воплощенія нашего идеала личности, по моему, много превышаетъ значеніе, принадлежащее ему, какъ политическому дѣятелю и организатору партіи.

Двѣ тысячи лѣтъ—продолжаетъ г. Эренпайзъ—изнывали мы подъ бременемъ goluth'a, подъ гнетомъ общей вражды: нашъ станъ согнулся, наши чувства притупились, нашъ разумокъ приспособили къ условіямъ рабскаго существованія. Двѣ тысячи лѣтъ мы ждали появленія въ нашей средѣ *свободнаго* еврея, съ разогнутой спиной, съ человѣческими чувствами и здоровымъ, яснымъ разумомъ, не омраченнымъ безпросвѣтною тьмою рабства. Наконецъ явился онъ, тотъ, котораго мы ждали, о которомъ мы молились, по которомъ мы тосковали. Что удивительнаго въ томъ, что онъ показался намъ существомъ не изъ міра сего? Что удивительнаго въ томъ, что народъ пошелъ за нимъ, влекомый тайной, загадочной силой? Онъ явился среди насъ воплощеніемъ образа идеальнаго

еврея, какимъ мы его себѣ представляемъ въ прошломъ и будущемъ. Какъ мало мы знали въ Goluth'ѣ свободныхъ евреевъ, и какъ далеко были тѣ немногіе отъ еврейства! Но Герцль былъ первымъ свободнымъ евреемъ, вернувшимся къ намъ, принадлежавшимъ намъ и служившимъ для насъ своею свободною личностью примѣромъ, образцомъ, творческою силою въ духовномъ развитіи еврейскаго народа. Онъ воспитывалъ націю силою своего нравственнаго «я». Въ его личности воплотился новый типъ еврея. Это было живое воплощеніе «переоцѣнки цѣнностей», составляющей конечный пунктъ стремленій молодого еврейскаго поколѣнія. Это былъ еврей, къ которому не прилипла ни одна капля грязи отъ Goluth'a, человекъ, одаренный величественной красотой древнихъ іудеевъ, ихъ духомъ мощи и міровой печали. Онъ явился къ намъ какъ чужой, изъ чуждаго намъ міра, но отъ него повѣяло на насъ далекое родное прошлое. — Признаки его воспитательнаго вліянія обнаруживаются уже и теперь, и еще обнаружатся во всемъ ихъ объемѣ въ близкомъ будущемъ. Новые элементы, составлявшіе личность Герцля, постепенно проникнутъ въ народное сознаніе евреевъ и создадутъ новыхъ людей. Появленіе среди насъ личности Герцля само по себѣ должно быть разсматриваемо какъ крупное историческое событіе, независимо отъ политической дѣятельности покойнаго».

Историческое значеніе личнаго вліянія Т. Герцля на народныя массы подчеркивается и г. Ахадъ-Гаамъ въ предисловіи къ появившемуся на дняхъ въ печати третьему тому сборника его статей ¹⁾. «Мы несомнѣнно переживаемъ историческій моментъ, вызванный смертью человека, облекшаго еврейское національное движеніе въ новую форму и съумѣвшаго сгруппировать вокругъ себя въ короткое время десятки тысячъ людей. Можно спорить о томъ, насколько цѣлесообразна была его программа и насколько онъ себѣ представлялъ конечную цѣль движенія, но одно не подлежитъ сомнѣнію: только выдающаяся личность, одаренная духовной силою немногихъ «чудотворцевъ» исторіи, прокладывающихъ своею грудью новые пути народамъ, могла создать такое движеніе, правда недостаточно глубокое и черезъ мѣру крикливое. Для идейныхъ противниковъ покойнаго вождя, къ числу которыхъ я принадлежу, свершенное имъ чудо еще болѣе поразительно, чѣмъ для его единомышленниковъ. Какъ могла одна личность внушить огромной массѣ людей сильную вѣру въ достиженіе цѣлей, лежащихъ за предѣломъ возможнаго, и увлечь за собою народъ «упрямцевъ», искушенныхъ опытомъ, по пути своихъ стремленій, несмотря на раздѣлявшую ихъ пропасть? Сравнивая Герцля по обнаруженной имъ силѣ личнаго гипноза — съ «мессіями» предыдущихъ вѣковъ, г. Ахадъ-Гаамъ заключаетъ, что именно благодаря этой силѣ, значеніе вождя и его вліяніе на развитіе сіонистскаго движенія

¹⁾ О сборникѣ «Al ragazbath drachim», новое изданіе котораго закончено теперь III томомъ, мы будемъ говорить съ читателями «Евр. Ж.» въ одной изъ ближайшихъ книжекъ.

не можетъ прекратиться послѣ его смерти. Главная сила и историческое значеніе людей, какъ Герцль, не въ нихъ самихъ и не въ свершенномъ ими дѣлѣ, а въ томъ идеальномъ образѣ, который они принимаютъ въ представленіи народа. Созданный народомъ идеальный образъ превращается въ творческую силу, питающую его чувства и волю въ борьбѣ за существованіе и національное самоопредѣленіе. Въ этомъ смыслѣ вліяніе народнаго героя послѣ его смерти только усиливается. Не стѣсняемое реальною дѣятельностью народное воображеніе лишь только послѣ смерти героя начинаетъ вполнѣ свободно создавать его идеальный образъ во всемъ блескѣ совершенства.

«Какъ живой человѣкъ Герцль встрѣчалъ нерѣдко возраженія и даже рѣзкій протестъ въ отдѣльныхъ случаяхъ. Но Герцль какъ идеальный образъ, въ томъ видѣ, какъ онъ складывается теперь въ народномъ воображеніи,—какая великая моральная сила, какой могущественный новый факторъ въ дѣлѣ національнаго перерожденія! Признаки его вліянія замѣтны уже и теперь... когда работа народнаго воображенія еще не закончена. Пройдетъ вѣкоторое время пока идеальный образъ народнаго героя будетъ завершенъ,—и тогда современный намъ еврейскій народъ, быть можетъ, свяжетъ съ нимъ *свой* національный идеалъ во всей его чистотѣ и найдетъ въ немъ по истинѣ источникъ силъ для продолженія своего труднаго пути».

«Насколько велико значеніе герцлевской дѣятельности, давшей намъ конгрессъ, организацію, банкъ, національный фондъ—теперь еще знать нельзя. Все будетъ зависеть отъ того, какъ долго и въ какомъ видѣ эти учрежденія сохранятся. Но одно великое наследіе оставилъ намъ Герцль независимо отъ своего сознанія, наследіе, превышающее по своему значенію, быть можетъ, всю его сознательную дѣятельность: онъ оставилъ намъ *себя*, какъ носителя идеала возрожденія, какъ образъ, который народное воображеніе дополнитъ идеальными чертами еврейскаго національнаго героя и въ которомъ народъ воплотитъ свои стремленія въ ихъ истинной формѣ».

Г. Ахадъ-Гаамъ говоритъ о Герцлѣ, какъ объ отвлеченной исторической идеѣ-силѣ, г. Эренпрейсъ—какъ о конкретной личности, воплощающей въ себѣ аристократическій идеалъ въ лучшемъ смыслѣ слова. Но оба сходятся въ признаніи огромнаго воспитательнаго значенія личности Герцля для забитаго, общественнаго и нравственно-приниженнаго еврейскаго народа. Насколько даже «передовые» элементы еврейства нуждаются въ коренномъ общественномъ перевоспитаніи, можно судить по хорошо извѣстному читателямъ воззванію о «национальномъ дарѣ» въ пользу дѣтей Герцля изданному группою вѣнскихъ сионистовъ. По жестокой ироніи судьбы общественная безтактность вѣкоторыхъ представителей партій всею своею оскорбительной грубостью дѣла послѣ смерти вождя прежде всего его-же гордую чинитъ. Невѣрнее возмущеніе многихъ, вызванное безтактнымъ поступкомъ вѣнскихъ сионистовъ, крѣпко себя выразило въ еврейской печати въ открытомъ письмѣ г. С. Якоби (Mador № 28), не большую

часть котораго считаемъ нелишнимъ привести въ заключеніе нашего обзора еврейской печати о смерти Герцля:

«Во всѣхъ рѣчахъ, посвященныхъ памяти Герцля, говорилось почти въ стереотипныхъ выраженіяхъ о томъ, что Герцль не умеръ, что духъ его живетъ и будетъ направлять нашу національную работу. Отдали-ли себѣ гг. ораторы отчетъ въ томъ, что такое духъ Герцля и какъ надо направлять работу въ этомъ духѣ? Обратили-ли они вниманіе на основную черту этого духа, отъ которой вѣсть на народъ свѣтлой радостью еще до его перехода въ страну предковъ? Поняли-ли они, что главнымъ стремленіемъ Герцля было поднять національное самочувствіе и внушить забытымъ и приниженымъ еврейскимъ массамъ чувство собственнаго достоинства?»

«Способны-ли они жить и дѣйствовать въ духѣ этого стремленія?»

«Нѣтъ!»

«Доказательство—изданное ими воззваніе о денежныхъ пожертвованіяхъ въ пользу осиротѣлыхъ дѣтей Герцля.

«Герцль и пожертвованія! Какая злая пронія судьбы! Какъ жестоко оскорблена память вождя! Какъ грубо нарушена воля покойнаго! Если допустить, что назначеніе «дара» засвидѣтельствовать благодарность и уваженіе народа, то и въ этомъ случаѣ развѣ нельзя было прибѣгнуть къ другому, болѣе достойному средству, чѣмъ воззваніе «о помощи» въ печати?»

Обостреніе влѣдствіе трагическихъ событій прошлаго года переживаемаго еврействомъ въ настоящее время кризиса и предложеніе англійскаго правительства шестому конгрессу проекта засѣденія евреями Уганды на автономныхъ началахъ, вызвали въ сіонистской средѣ коренное разногласіе по вопросу о мѣстѣ Палестины въ программѣ. Въ еврейской печати, не подвергавшей до шестого конгресса этого вопроса обсужденію, за неизмѣнимъ на этотъ предметъ двухъ мнѣній, послѣ конгресса сомнѣнія въ пригодности Палестины, какъ правоохраненнаго убѣжища, стали высказываться все съ большей и большей силой. Подъ вліяніемъ знаменитой рѣчи Герцля къ *Nein-Sager* амъ о встрѣченныяхъ имъ *временныхъ и условныхъ* затрудненіяхъ со стороны турецкаго правительства, свершилась въ сіонистскомъ мірѣ неожиданная метаморфоза, и многіе сіонисты заговорили противъ Палестины языкомъ ихъ вчерашнихъ противниковъ... «(сіонисты) заговорили о Палестинѣ, какъ о «пустынной мрачной странѣ дикарей и башибузуконъ, бакшиша и жестокихъ насилій, суевѣрій и мракобѣсовъ-раввиновъ», иные стали подтрунивать надъ своими «наивными» единомышленниками, въ средѣ которыхъ «горитъ огонь любви къ смуглолицей и прекрасной дщери Сіона»... Лозунгомъ анти-палестинской группы сіонистовъ является *территорія, правоохраненное убѣжище, гдѣ-бы то ни было, только не въ Палестинѣ*.

Съ большимъ усердіемъ проповѣдуетъ въ еврейской печати территориализмъ

г. Гилель Цейтлинъ. Появившіяся въ Nadog'ѣ одна вслѣдъ за другой его статьи «Вещи въ ихъ истинномъ свѣтѣ» (№№ 21—22), «Новыя размышленія» (№ 32) и «Открытое письмо Зангвилю» (№ 28) представляютъ собою развитие въ своеобразной стилистической формѣ точки зрѣнія территориалистовъ на сіонизмъ и рѣзкую критику противоположной, палестинской точки зрѣнія. Въ статьѣ «Новыя размышленія» г. Цейтлинъ обращается къ «палестинцамъ» со слѣдующими увѣщаніями:

«Думаете-ли вы въ самомъ дѣлѣ, что я не слышу подобно вамъ звуковъ, исходящихъ изъ развалинъ Іерусальма, и рыданія Рахили надъ ея дѣтьми? Думаете-ли вы въ самомъ дѣлѣ, что я не чувствую подобно вамъ *святости* земли, въ которую не удостоились войти даже Моисей и Ааронъ?»

«Думаете-ли вы въ самомъ дѣлѣ, что я не способенъ проникнуться высшей красотой земли, по которой тосковали души Іегуды Галеви, раби Израіля Бешта и раби Нахмана изъ Браслава?»

«Думаете-ли вы въ самомъ дѣлѣ, что рѣчь о современномъ политическомъ и социальномъ положеніи Палестины можетъ оскорбить святость Палестины по существу?»

«Извѣстно-ли вамъ, что я гораздо лучше васъ знакомъ съ міровой трагедіей еврейской исторіи и связанными съ нею идеалами?»

«Нѣтъ дня, въ который я не молился бы вмѣстѣ съ «нищимъ»: «услышь стонъ узника и освободи его отъ оковъ; дай провозгласить въ Сіонѣ имя Господа и славу его въ Іерусалимѣ; собери-воедино народы и земли на служеніе Богу.»

«И развѣ вы, шуцы, дѣйствительно понимаете тоску «плачущаго», его надежды и идеалы?»

«И развѣ я дѣйствительно долженъ метать бисеръ передъ свиньями и говорить съ вами о моихъ идеалахъ, которые вы можете осквернить вашимъ грязнымъ прикосновеніемъ?»

«Но какое все это имѣетъ отношеніе къ современной Палестинѣ, находящейся въ сильныхъ рукахъ другого народа и которую нѣтъ надежды спасти?»

«Какое все это имѣетъ отношеніе къ современной Палестинѣ, гдѣ мы можемъ сдѣлаться лишь жалкими рабами, а не свободными людьми съ разогнутой спиной?»

«Какое все это имѣетъ отношеніе къ современной Палестинѣ, находящейся въ рукахъ у сильнаго правительства и отъ которой насъ отстраняютъ также и другія сильныя правительства (²)?»

«Какое все это имѣетъ отношеніе къ *правоограниченному убѣжищу*, составляющему предметъ нашихъ стремленій? *Палестина никогда не была и не будетъ правоохраненнымъ убѣжищемъ*. Палестина священное достояніе Бога на землѣ. *Палестина наша дорогая святыня* ¹). Мы отъ нея

¹) Курсивъ нашъ.

никогда не отказывались и не откажемся. Но святость — сама по себе, а правохраненное убъжище — само по себе.

«Мы хотимъ основать правохраненное убъжище для наиболѣе преслѣдуемой части нашего народа, которая сильнѣе всѣхъ другихъ чувствуетъ свое горе и рабство и вмѣстѣ съ тѣмъ стремится къ освобожденію и достойной жизни.

«Мы стремимся къ правохраненному убъжищу *гдѣ бы оно ни было*, но въ возможно болѣе близкомъ будущемъ и при возможно болѣе легкихъ и выгодныхъ условіяхъ».

Въ томъ-же приподнятомъ тонѣ спорить г. Цейтлинъ съ «палестинцами» и въ другихъ своихъ статьяхъ. «Пусть мертвые хоронятъ мертвыхъ, восклицаетъ онъ въ «открытомъ письмѣ Зангвиллю», пусть разные бездѣльники, всѣ эти жакія души и мелкіе умы, займутся могильнымъ прахомъ, мы же будемъ печаль живую страну для живыхъ людей, жаждущихъ жизни, свѣта и простора. Ибо я говорю: постоямъ за возвышенную идею, составляющую предметъ стремленія лучшихъ сыновъ нашего народа, не потерявшихъ надежды на народное освобожденіе и счастливое будущее. Мы должны выйти изъ гетто! Выйти во чтобы бы то ни стало! Мы должны выйти изъ гетто въ страну, гдѣ нашъ народъ найдетъ условія для свободнаго развитія, а не въ пустынную и мрачную страну башибузуконъ и дикарей, бакшиша и жестокихъ насилій, суетврій и мракобсовъ-раввиновъ».

По очередному вопросу дня высказался также старый глубокий теоретикъ сіонизма г. Mathias Acher, занимающій позицію, противоположную территориалистамъ. Въ статьѣ «Предѣлы обоснованія сіонизма», появившейся въ первой книжкѣ новаго лондонскаго журнала на «Die Jüdische Zukunft», г. Mathias Acher ставитъ себѣ тотъ-же жгучій вопросъ: почему мы стремимся только къ Сіону, а не къ иной территоріи? Если дѣйствительно гдѣ-либо существуетъ территорія, приобрѣтеніе которой потребовало-бы отъ насъ меньше усилій, чѣмъ приобрѣтеніе Палестины, и къ которой еврейскій народъ могъ-бы привязаться хотя-бы и не въ такой сильной степени какъ къ Палестинѣ, — не лучше-ли, не разумнѣе-ли было-бы отказаться отъ нашего стремленія къ Палестинѣ и обитать на другой территоріи? Указывая на то, что обосновать историческій инстинктъ народа теоретическими разсужденіями невозможно, г. Mathias Acher говоритъ: но развѣ существуетъ необходимость въ теоретическомъ обоснованіи инстинкта? Дѣйствительно-ли мы обязаны въ дашемъ случаѣ подчинить чувство разсудку? Не лучше-ли намъ открыто заявить: Палестина не представляетъ собою незамѣнимой величины для нашей жизни, но она незамѣнима для нашего сердца? И есть-ли что-нибудь вѣхоршее въ такомъ заявленіи? *Вѣдь и стремленіе къ правохраненному убъжищу по существу своему основано не на теоретическихъ разсужденіяхъ, а на чувствѣ* ¹⁾. Положительнымъ основаніемъ сіонизма служить

¹⁾ Куревъ нашъ.

не Judenpoth, а національное единство евреевъ. Если-жи отъ насъ требуютъ доказательствъ, развѣ не можемъ мы указать на самый фактъ сionистскаго движенія, какъ на доказательство незамѣнимости для народа Палестины? Не сильнѣе ли это доказательство тысячи другихъ?

Сенсаціонный инцидентъ въ еврейской печати—полемика по поводу статьи г. Браинина о еврейскихъ студентахъ заграничѣй. Во «Фрайндъ» г. Браинина сравнили съ княземъ Мещерскимъ, въ «Будущности» нѣкій I. Лисбаронъ обратился къ учащейся молодежи съ призывомъ о протестѣ, и инцидентъ, повидимому, грозилъ принять широкіе размѣры общественнаго движенія. Тѣмъ не менѣе мы не сочли-бы пужнымъ остановиться на немъ, если-бы онъ не представлялъ собою рельефнаго примѣра тѣхъ способовъ полемики, къ которымъ еще прибѣгаютъ и теперь нѣкоторые представители еврейской печати, не доросшіе до пониманія значенія печатнаго слова.

Не подлежитъ сомнѣнію, что г. Браининъ неправильно обобщилъ бывшіе въ его наблюденіи единичные факты. Не менѣе очевидно также и то, что г. Браинину, несмотря на его стараніе, не удалось взять надлежащаго тона, соответственно обсуждаемой имъ щекотливой темѣ. Въ виду этого, мы могли-бы, конечно, только привѣтствовать отвѣтъ *по существу* на статью г. Браинина въ другомъ органѣ еврейской печати. Къ сожалѣнію, дѣло было сейчасъ-же самымъ непонятнымъ образомъ поставлено на *личную* почву.

Въ статьѣ «Nazofe à la Мещерскій», помѣщенной въ № 239 «Фрайнда», въ отвѣтъ на статью г. Браинина, почему-то была приведена совершенно неинтересная для читателей параллель между еврейскими студентами заграничныхъ университетовъ и... г. Браининимъ. «Онѣ (студентки) живутъ въ нищетѣ—и учатся. Мы сильно сомнѣваемся въ томъ, *имѣтъ-ли г. Браининъ хотя-бы малѣйшее представленіе* о такомъ ученіи, о такомъ прилежаніи. Онъ не имѣетъ понятія ни о радостяхъ, доставляемыхъ наукой, ни о душевныхъ мукахъ, переживаемыхъ 90 % еврейскихъ студентокъ, прежде чѣмъ онѣ находятъ отвѣтъ на проклятые вопросы, волнующіе умъ и сердце каждаго мыслящаго человѣка, *за исключеніемъ извѣстнаго рода еврейскихъ писателей*»¹⁾.

Въ защиту г. Браинина выступилъ въ Nazofe (№ 244) г. Раатон съ тѣмъ-же оружіемъ въ рукахъ. Довольствуемся небольшою цитатою изъ его фельетона «kefaam-befaam»:

«Сидитъ себѣ въ редакціи «Фрайнда» за печкой какая-то никому не извѣстная личность, съ больными нервами²⁾. И нѣкоторыя имена, принадлежащія частнымъ лицамъ, раздражаютъ эту личность, портать ей кровь»... Разъ это сказалъ или сдѣлалъ *такой-то*, неизвѣстная личность теряетъ способность слушать и понимать... Какъ укушенная змѣей вскочила эта личность при чтеніи

¹⁾ Курсивъ нашъ.

²⁾ Статья „Nazofe à la Мещерскій“ появилась безъ подписи.

статья «о новых агашотн». Оттого-ли, что этотъ вопросъ интересуеть ее существо? Нѣтъ. Нервы разошлись. И никакъ не поймешь, что послужило причиной нервнаго припадка: неприятныя-ли воспоминаія о старомъ грѣхѣ и т. д.

На это послѣдоваль въ № 246 «Фрайнда» новый отвѣтъ, въ которомъ главная политическая прелесть состояла въ остроумномъ выраженіи «*der glock vin Nazofe* ¹⁾ пущенномъ многократно съ большой экспрессіей по адресу бѣднаго фельетониста «Назофе»...

Въ заключеніе считаю своимъ долгомъ увѣрить читателя, что проявленіе подобныхъ нравовъ въ еврейской печати не нормальное явленіе, о случайное.

Иври.

¹⁾ Раашон—колоколъ.

Изъ Х. Н. Бялика.

I.

По возвращеніи.

Тотъ же старецъ ветхій, хилый,
Весь онъ высохъ, весь въ морщинахъ,
Такъ-же возится унылый
Онъ средь книгъ своихъ старинныхъ.

Та же ветхая старушка
Все чулки чинить и вяжетъ,
Вѣчно молится, безъ клятвы
Слова старая не скажетъ

Такъ живутъ полъ вѣка вмѣстѣ,
Съ каждымъ годомъ жизнь ихъ тише;
Тотъ же котъ на томъ же мѣстѣ
Полусонный ждетъ онъ мыши.

Въ паутинѣ стѣны всюду,
Какъ въ запыленныхъ волокнахъ,
Какъ когда-то вижу груды
Мертвыхъ мухъ на нихъ, на окнахъ.

Міръ остался юный свѣжій
Тамъ за этими стѣнами,
Здѣсь все тихо, здѣсь вы тѣ-же,
Здѣсь ислѣтъ бы вмѣстѣ съ вами!

Л. Яффе

II.

Просочилась слеза..

Просочилась слеза... Раздробилъ ее свѣтъ,
 Замерцавшій...
 Стужа сердце мертвитъ,—и слезы моей нѣтъ,
 Какъ алмазь заигравшій..

Мое сердце слезой изошло и темно,
 Какъ могила,
 И хотъ сердце слеза та пронзила-бъ одно
 И покоя лишила.

Я таю свою скорбь, задыхаясь въ тиши,
 И на ложѣ
 По ночамъ жду напрасно я слезъ изъ души,
 Слезъ томленья и дрожи..

Поздно свѣтъ мнѣ блеснулъ, мою душу весна
 Не разбудить...
 Въ небѣ—солнце одно, въ сердцѣ пѣсня одна,
 Нѣтъ другой и не будетъ...

Л. Яффе.

Палестинскія письма.

(Изъ частной переписки эмигранта).

I.

Мой другъ! Мое первое письмо къ тебѣ изъ Палестины естественно начать съ описанія впечатлѣнія, какое страна произвела на меня. Но я пока не могу о немъ отдать себѣ яснаго отчета: что-то смутанное, странное. Не знаю, въ чемъ причина такого настроенія: въ томъ-ли, что я выѣхалъ изъ Россіи съ тяжелымъ чувствомъ, которое не покладаетъ меня до сихъ поръ; или въ томъ, что я не могу забыть разъ полюбившуюся мнѣ русскую природу и скоро привыкнуть къ другой. Можетъ быть, и въ томъ, и въ другомъ. Немало способствовало нарушенію душевнаго равновѣсія, порчѣ негатива при полученіи перваго впечатлѣнія, если можно такъ выразиться, которое обыкновенно налагаетъ свою печать на всѣ послѣдующія впечатлѣнія, еще слѣдующее обстоятельство. Открытое море произвело на меня неожиданное, сильное, глубокое дѣйствіе. Открытое море привело меня въ никогда неслытанный мной восторгъ своимъ безконечнымъ просторомъ и своей, нельзя не сказать: небесной чистотой. Оно сразу заставило меня забыть всѣ условности, которыя душатъ насъ гораздо больше, чѣмъ мы того подозреваемъ, и заговорило со мною такъ просто, такъ естественно о такихъ вещахъ, о которыхъ нельзя говорить въ человѣческомъ обществѣ безъ нѣкотораго стѣсненія. Оно говорило мнѣ, какъ о чемъ-то само собою понятномъ, о безконечности, о безконечной любви ко всему живущему, о человѣкѣ, о Богѣ. И вдругъ, отъ этой чистоты, отъ этого простора—да въ самый омутъ безобразнаго, тѣснаго, нечистоплотнаго азіатскаго города Яффы, отъ котораго слышится эхо совершенно другихъ рѣчей. Этотъ рѣзкій переходъ не могъ не подѣйствовать на меня тяжело. И дѣйствительно, великій разъ, какъ нашъ пароходъ подходилъ къ какому-нибудь городу, напримѣръ, къ Константинополю, Смирнѣ, Александріи, я испытывалъ нѣчто очень непріятное. Нѣкоторымъ плюсомъ ко всѣмъ изложеннымъ причинамъ, возможно, послужило и то, что въ Палестину мы обыкновенно ѣдемъ какъ бы съ готовымъ заказомъ на извѣстнаго рода впечатлѣніе. Какъ бы то ни было, но сознаю, что при вступленіи въ Святую Землю

я далеко не чувствовал того, что, согласно преданію, чувствовалъ, напримѣръ, рабби Іегуда-Галеви въ подобномъ случаѣ, да и впоследствии, при посѣщеніи колоній, не испытывать того, что по заказу, а можетъ быть, и естественно долженъ испытывать хорошей сіонистъ.

Впрочемъ, природа здѣсь (я говорю о колоніяхъ Іудей) дивно красива. Но въ этой красотѣ мнѣ какъ будто чего-то недостаетъ, или какъ-будто что-то слишкомъ красиво. Не привыкъ я къ здѣшней перспективѣ, въ которой, благодаря особенной прозрачности воздуха, все видно на далекомъ разстояніи, какъ на ладони, безъ видимой постепенности, съ поразительной ясностью, которая непривычному кажется рѣзкой, и въ первую минуту все вмѣстѣ производитъ впечатлѣніе какъ бы не природы, а чего-то намалеваннаго; не привыкъ къ этому однообразію, къ этому постоянству ничѣмъ не омрачаемой красоты и ничѣмъ не возмутимаго спокойствія; не привыкъ къ этому особенно выразительному безмолвію и серьезности, которыя говорятъ о великой міровой мысли и великой міровой скорби. Въ здѣшней природѣ я чувствую себя словно гостемъ, можетъ быть, желаннымъ, если хочешь, даже долго-жданымъ, роднымъ, дорогимъ гостемъ, но все-таки гостемъ. Фамильяричатъ съ этой природой какъ-то не можешь и не позволишь себѣ. Это не то, что русская природа, къ которой ты привыкъ, съ которой, такъ сказать, сжился душа въ душу, которая не только понимаетъ тебя, но которую и ты понимаешь насквозь во всей ея безхитростной простотѣ, которая, наконецъ, и по-журить, и приголубить тебя совершенно запросто, какъ простая, беззаветно любящая мать. Нѣтъ, это не то! Это также нѣжно любящая мать, можетъ быть, даже гораздо глубже любящая, но неизмѣримо высшая по своему духовному величію, съ печатью великой мысли на челѣ, съ великой скорбью во взорѣ. Чувствуешь себя словно въ нѣжныхъ объятіяхъ мудрой, величественной, царственной матери, которая смотритъ на тебя такъ, какъ на нѣжно любимаго, выросшаго въ рабствѣ и вернушагося къ ней забытымъ, невоспитаннымъ, умственно неразвитымъ, духовно отсталымъ сына, котораго она своимъ великимъ материнскимъ сердцемъ глубоко понимаетъ, но который ея не въ состояніи понимать.

И кажется тебѣ, что здѣшній человѣкъ такъ-таки не понимаетъ здѣшней природы: до того онъ далекъ отъ нея, до того онъ составляетъ съ ней рѣзкій контрастъ! Чудно красивая, живописная, полная величія природа,—а ея обитатель арабъ—какое-то грязное, забытое, едва прозябающее существо! А общая поражающая некультурность и пустынность мѣстности въ свою очередь говорятъ о томъ, что здѣшній человѣкъ не доросъ до здѣшней природы. Это явленіе въ связи съ тѣмъ, что и колонисты не отличаются особенно здоровымъ, свѣжимъ, бодрымъ видомъ, а главное, что и дѣти колонистовъ въ большинствѣ хилыя, слишкомъ тихія для дѣтскаго возраста (рѣдко встрѣчаешь здѣсь ребенка съ полнымъ, здоровымъ, цвѣтущимъ лицомъ, а настоящаго сорви-голову и того рѣже) наводитъ въ первый моментъ на грустные размышленія. Какая будущность ждетъ здѣсь, въ этой подавляющей своимъ излишнимъ свѣтомъ или своей излишней

теплотой странѣ, нашъ возрождающійся народъ? — думается невольно. Но мысль на этомъ не останавливается. Съ одной стороны, каждый клочекъ земли, каждый холмъ и каждое ущелье, словомъ все и вся напоминаетъ тебѣ, что здѣсь родился и выросъ нашъ живучій, сильный и великій народъ и здѣсь создалась его великая, имѣющая всемірное значеніе культура. Съ другой стороны, въ районѣ еврейскихъ колоній тѣмъ годомъ дальше, тѣмъ больше насаждается деревневъ и культивируется земли; тѣмъ климатъ становится лучше, тѣмъ жизнь—легче, тѣмъ человекъ—здоровѣе, жизнениѣе. Отсюда—переходъ къ совершенно другого рода размысленію. Думается, что въ настоящее время эта страна велика не тѣмъ, что течетъ или что текла млекою и медомъ, но тѣмъ, что, представляя будущему человекъ великую и многообъщающую работу, она этимъ самымъ представляетъ благодатную почву для произрастанія новыхъ силъ. Великая плодотворная работа родитъ великія силы. Нашъ народъ долженъ это понять и считать себя счастливымъ, что онъ является призваннымъ къ этой работѣ.

Такимъ образомъ, я мало-по-малу начинаю приглядываться, привыкать къ здѣшней природѣ, такъ сказать, понимать ея языкъ и ее самое.

Здѣшніе евреи, а въ особенности, колонисты (т. е. колонисты Іудеи) произвели на меня въ общемъ съ перваго же разу хорошее впечатлѣніе. Встрѣчалось мнѣ много хорошихъ, открытыхъ, честныхъ лицъ. Это впечатлѣніе меня въ общемъ не обмануло. Но сразу же мнѣ почувствовалось въ отношеніяхъ между людьми и въ общемъ строѣ здѣшней жизни какая-то сухость, какое-то отсутствіе поэзій. И это ощущеніе меня въ общемъ не обмануло. Въ чемъ выражается эта сухость, это отсутствіе поэзій мнѣ теперь трудно уловить, а тѣмъ болѣе передать. Можетъ быть, въ другое время мнѣ удастся пополнить этотъ пробѣлъ. Пока я пишу подъ диктовку непосредственнаго чувства. Долженъ однако оговориться. Выраженіе «отсутствіе поэзій» не совсемъ точно передаетъ мою мысль. Поэзій, въ еврейскомъ смыслѣ, вообще мало въ нашей еврейской жизни: ужъ слишкомъ много она грѣшитъ противъ эстетики. Но въ еврейскомъ народѣ и подъ корою сѣрыхъ будничныхъ интересовъ всегда живъ духъ возвышеннаго, стремленіе къ идеалу, словомъ то, что называется «искрой Божіей» въ человекѣ. Я сдѣлалъ оговорку только изъ желанія быть точнымъ въ выраженіи. Скажу тебѣ только, что эта сухость, это отсутствіе того неувлимаго, что дѣлаетъ жизнь наиболѣе человекной, благодаря чему она является, если умѣстно въ данномъ случаѣ, старинное библейское выраженіе, созданной по образу и подобию Божьему, даетъ себя мнѣ чувствовать. Не умѣщаются у меня въ головѣ—а тѣмъ болѣе въ сердцѣ—эти два понятія рядомъ: идеализмъ и сухость! Національное движеніе—и отсутствіе поэзій!

Впрочемъ, вся наша національная работа здѣсь представляетъ широкое поле для размысленій гораздо болѣе серьезнаго характера. Наши писатели обыкновенно жалуются на то, что въ Палестинѣ очень мало или ничего не

сдѣлано въ сравненіи съ затраченными энергіей, трудомъ и капиталомъ. Но не въ этомъ бѣда и не въ этомъ вся суть. Какъ мало ни сдѣлано и какъ плохо оно ни сдѣлано, но это малое и слабое стоитъ именно столько, сколько на него затрачено. Въ такомъ великомъ дѣлѣ, какъ возрожденіе или воскрешеніе умершей страны, главное есть начало, первое пробужденіе первыхъ признаковъ жизни. На эту первую попытку сколько ни положено усилій, все стоитъ, если попытка оказалась не безплодной. Здѣсь даже ошибки и погрѣшности нѣкоторыхъ дѣятелей, неизбежныя ни въ какой великой попыткѣ, составляютъ извѣстный активъ. Зло заключается совсѣмъ въ другомъ, что бросается въ глаза всякому, кто пріѣхалъ сюда съ серьезными намѣреніями поселиться здѣсь и работать. При первомъ знакомствѣ съ здѣшней колонизаціей и съ колонистами нельзя не замѣтить, что тѣ, которые являлись первыми пионерами и первыми же идеалистами, утомлены, пришиблены; у нѣкоторыхъ опустылись руки, а нѣкоторые прямо таки ошолчились. И тѣ, и другіе обыкновенно встрѣчаютъ новоприбывшаго, чувствующаго въ себѣ достаточно силы и воли, чтобы работать, съ неизмѣннымъ пророчесствомъ, что и онъ по истеченіи извѣстнаго времени утомится, что и у него опустятся руки или—что еще хуже—что и онъ ошолчится. И нельзя не считаться съ ихъ пророчесствомъ. Вѣдь они люди опытные, уже сдѣлавшіе во имя идеала гораздо больше, чѣмъ намъ, новоприбывшимъ, можетъ быть представится возможность и вѣроятность сдѣлать, на своихъ плечахъ вынесшіе все, что возможно, пока не пришли къ такому плачевному результату! Нужно быть очень узкимъ «идеалистомъ», чтобы послѣ этого успокоить себя увѣреніемъ, что я, молъ, устою противъ всѣхъ искушеній. Существуютъ же, должно быть, причины послышѣе всякихъ самоувѣреній, если такія силы оказались не въ состояніи устоять противъ нихъ! Является грозный вопросъ: что же это будетъ? и чѣмъ это кончится? Что если мы, новоприбывшіе, послѣдуемъ за старыми, а вновь прибывающіе послѣдуютъ за нами: чѣмъ же это кончится? И что дѣлать? а главное, гдѣ причина такого печальнаго явленія? Можетъ быть, если намъ удастся найти причину, мы сумѣемъ устранить ее и такимъ образомъ сдѣлать возможнымъ то, что до сихъ поръ было невозможно.

Не нужно быть особенно находчивымъ, чтобы находить то, что уже давно найдено и что считается аксіомой. Обыкновенно считаютъ виновными всѣхъ бѣдъ палестинской колонизаціи систему опеки *Ело* и Палестинскаго Общества. Но все это козлы отпущенія, болѣе или менѣе годныя для этой роли, болѣе или менѣе достойныя этой роли. Ими впрямъ проваляются заправскимъ дѣятелямъ и присяжнымъ публицистамъ... Намъ не до козловъ отпущенія. Для насъ это вопросъ жизни! быть или не быть, жить и работать или погибнуть!

Кажется мнѣ, что, если подойти къ этому вопросу съ другой стороны, то удастся, можетъ быть, найти путь къ его рѣшенію. Если сравнить наше національное движеніе съ движеніями другихъ національностей, поставленныхъ въ менѣе неблагоприятныя условія, намъ сейчасъ же бросится въ глаза одна крайне не-

выгодная особенность нашего движенія, именно: оторванность его от почвы, от той земли, которая является базисомъ и конечной цѣлью всего движенія. Ни балканскія народности, ни ирландцы, не оторваны от почвы. Центръ ихъ движенія находится въ той странѣ, которая составляетъ ихъ національный идеалъ; и сколько бы ихъ движеніе не питалось извнѣ, сколько бы не получало поддержки извнѣ, — источникъ его жизни всегда останется въ родной почвѣ. У насъ не то. У насъ какъ разъ наоборотъ: все движеніе находится внѣ родной почвы, а въ родной почвѣ никакого движенія; здѣсь все является импортомъ: и идеалъ, и движеніе, и населеніе, и дѣятеля, и средство, и даже укладъ жизни, такъ сказать, сама жизнь. Она — родная почва-то — служить во всемъ движеніи лишь какимъ-то придаткомъ. Такой порядокъ вещей, понятнo, ненормаленъ и неизбежно ведетъ къ печальнымъ послѣдствіямъ. Но если въ началѣ движенія эта ненормальность являлась неизбежнымъ зломъ, какъ прямое послѣдствіе нахождения нашего народа въ изгнаніи, то въ настоящее время, когда въ родной странѣ уже имѣется населеніе, достаточное для зарожденія перваго зародыша національной жизни, мы уже сами отчасти являемся виновниками этой ненормальности. И видѣли мы уже, кажется, достаточно, къ какимъ горькимъ недоразумѣніямъ и печальнымъ послѣдствіямъ это насъ привело! Подняли мы наше національное знамя во имя Сіона, выставили на немъ нашъ національный лозунгъ לֵב נָחַם לֵב נָחַם לֵב נָחַם толкуемъ этотъ лозунгъ на тысячу ладовъ, жуемъ и пережевываемъ его до того, что договорились до никому неизвѣстной Уганды, а не додумались до той простой мысли, что пока нашъ лозунгъ не будетъ исходить изъ его естественнаго центра — изъ Сіона, пока не будетъ вскрытъ естественный родникъ нашей народной жизни въ его родной почвѣ, до тѣхъ поръ все наше національное движеніе является чѣмъ-то искусственнымъ, чѣмъ-то въ родѣ комнатнаго растенія! 70 или 80 тысячъ населенія вовсе ужъ не такое ничтожное количество, чтобы въ немъ немисливо было первое зачатіе народной жизни, тѣмъ болѣе, что мы помышляемъ лишь о *мирной національной работѣ* (я подчеркиваю особенно слова: «мирная работа», чтобы не подавать повода къ недоразумѣніямъ и злостнымъ, ложнымъ толкованіямъ. И во всемъ дальнѣйшемъ, когда я говорю о свободѣ, возрожденіи и т. п., я имѣю въ виду *исключительно мирную внутреннюю національную работу*). Не лишне добавить, что въ своей внутренней жизни евреи поставлены здѣсь въ самыя выгодныя условія: никто имъ ни въ чемъ не мѣшаетъ и ни въ чемъ не благодѣтельствуетъ. Теперь представимъ себѣ на минуту, что мы имѣемъ въ Палестинѣ 70 или хотя бы только 50 или 40 тысячъ сознательныхъ еврейскихъ душъ, не פְּשׁוּבֵי פִּזְזוּזוּ, но живыхъ, готовыхъ на всѣ жертвы, во имя національнаго возрожденія и свободы, людей! Какой притягательной силой служила бы тогда Палестина для всего еврейства! Какія агитаціи, пропаганды, проповѣди устныя и печатныя могутъ идти въ сравненіи съ живымъ источникомъ національной жизни!

Итакъ, задача новоприбывшихъ и вновь прибывающихъ въ Палестину должна состоять въ томъ, чтобы, сообщаясь съ тѣми изъ мѣстнаго населенія, кто готовъ и способенъ работать и кого можно подвинуть къ этому, возбудить здѣсь въ колоніяхъ и городахъ, особенно въ Іерусалимѣ, оригинальное, самостоятельное национальное движеніе, независимое ни отъ кого и ни отъ чего. Нужно будить всякаго, въ комъ есть признакъ жизни, къ свободѣ, къ дѣятельности. Нашъ палестинскій девизъ долженъ быть: *im ein aní li mi li* по отношенію къ остальному еврейству почти въ такой же мѣрѣ, въ какой онъ уже нынѣ является девизомъ еврейства по отношенію къ остальному человѣчеству. Это, разумѣется, не значить, что мы станемъ обособляться отъ остальныхъ евреевъ, перестанемъ имѣть съ ними тѣсную, неразрывную связь. Но пока мы не перестанемъ обращать наши взоры къ діаспорѣ, пока мы не продумаемъ, не поймемъ и не порѣшимъ безповоротно, что наша помощь исключительно въ насъ самихъ, мы не вычленимся отъ заѣдающей насъ гнили. Мы, палестинскіе евреи, должны встать сами, безъ всякой посторонней помощи. Это волюнѣ соответствовало бы и волю покойнаго нашего великаго творца сіонизма. Если его воля была, чтобы нашъ народъ перенесъ его останки въ Палестину, то развѣ не слѣдуетъ перенести сюда вмѣстѣ съ его тѣломъ и его духъ? И какой вѣковѣчный памятникъ это было бы для его великаго духа!

И не касаюсь здѣсь ни общаго хода, ни направленія нашего движенія, но позволяю себѣ думать, что отнынѣ наше движеніе должно черпать побольше жизни изъ его естественнаго источника. И не буду также говорить объ «организациі» Усышкина и его идеи, которую прошу однако не смѣшивать съ изложенной здѣсь мыслью. Но намъ, т. е. всѣмъ тѣмъ, которые выбрали Палестину своимъ постояннымъ мѣстомъ жительства, ужь никто, кажется, не откажетъ въ правѣ предпочитать работу въ Палестинѣ всякой другой работѣ; никто не откажетъ намъ въ правѣ думать, что и изъ остальныхъ евреевъ наибольшее сдѣлаетъ для нашего движенія тотъ, кто поселится здѣсь, чтобы жить здѣсь, и здѣсь работать въ пользу народа или хотя бы только для себя, лишь бы работать, въ самомъ примитивномъ смыслѣ этого слова.

Скажу тебѣ откровенно, мой другъ, мнѣ часто стыдно передъ нашей родной землей, тѣмъ болѣе стыдно, что очень мало чувствуютъ это. Вездѣ работаютъ арабы; почти все, что здѣсь воздѣлано и обработано, сдѣлано въ значительной части руками арабовъ. А теперь? И теперь самую тяжелую работу дѣлаютъ они, а мы, т. е. даже тѣ, которые пріѣхали въ этомъ году съ свѣжими силами и съ свѣжимъ увлеченіемъ, готовые, кажется, исполнять всякую работу, лишь бы работать на родной землѣ, въ большинствѣ пока и мы работаемъ... но больше добавить, кажется, нечего, достаточно сказано: и мы работаемъ! Но хоть бы побольше такихъ рабочихъ! А то спрашивается: чѣмъ мы, т. е. еврейской народъ, приобретаемъ нравственное народное право на культурную Палестину, если не работой? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, деньгами! Право, мой

другъ, обидно, стыдно и больно! Иной, пожалуй, найдетъ, что я напрасно горячусь, что работаль бы, кто работаль, лишь бы было много сдѣлано въ Палестинѣ. Блаженъ, кто умѣеть довольствоваться малымъ, кто умѣеть не волноваться, а «понимать», не увлекаться, а смотрѣть на дѣло «реально», такъ какъ къ его услугамъ существуетъ всеобъясняющая экономика! А на мой взглядъ, если мы не чувствуемъ стыда при видѣ каждаго клочка родной земли, который уже достался намъ съ такимъ трудомъ и страданіями, обрабатываемымъ чужими руками—если мы этого не умѣемъ чувствовать или умѣемъ не чувствовать, тогда значитъ, намъ еще далеко до истиннаго національнаго возрожденія! Мы согрѣшили и грѣшимъ противъ нашей родной земли и должны искупить этотъ грѣхъ нашимъ трудомъ, если дѣйствительно желаемъ жить національно! Въ работѣ наше спасенье! Скажу тебѣ больше,—даже улучшеніе воспитанія здѣсь въ Палестинѣ должно быть начато съ улучшенія отношенія здѣшнихъ евреевъ къ работѣ на землѣ. Но объ этомъ въ другое время. Словомъ, съ какой бы стороны ни смотрѣть, намъ нужны люди и нужна работа. Нужно Сиону возродиться въ самомъ себѣ!

Однако, обманывать себя на счетъ удобоисполнимости изложенной здѣсь задачи мы не станемъ. Для того чтобы сказать, какъ велика задача, какъ громадны, непреодолимы имѣющіяся препятствія и какъ ничтожны наши силы, намъ не нужно много говорить. Достаточно резюмировать въ нѣсколькихъ словахъ:

1) Прежде всего, разумѣется, тѣ преграды, инвентарь которыхъ такъ исправно ведутъ наши сіонисты-угандисты, особенно здѣшніе. Эти преграды одной рукой не устранишь. Не нужно вовсе быть угандистомъ, чтобы понимать это почти также какъ угандистъ. Но нужно быть неугандистомъ, чтобы понимать, что возрождающемуся народу какъ разъ по плечу такія преграды. И гдѣ то освободительное движеніе, которое не имѣло бы чрезвычайныхъ преградъ. Во всякомъ случаѣ фактъ остается фактомъ: преграды эти существуютъ.

2) Экономическія условія страны. И здѣсь не нужно особеннаго, «экономическаго» склада ума, чтобы понимать, что безъ хлѣба далеко не уйдешь, а часто и съ мѣста не двинешься.

3) Изъ внутреннихъ болѣзней самой тяжелой и самой страшной является халука, т. е. не та часть халуки, которая идетъ на пособія бѣднымъ старикамъ и больнымъ и на поддержку разныхъ благотворительныхъ учреждений, но та часть (какъ говорятъ, львиная доля) ея, которая идетъ на разныхъ здоровыхъ, работоспособныхъ, часто состоятельныхъ мекохосимъ. Въ Палестины и понятія не имѣютъ, какая отвратительная язва эта халука, тѣмъ болѣе опасная и заразительная, что она имѣетъ свои корни въ экономическихъ условіяхъ страны. Здѣсь не только не стыдно получать халуку—напротивъ, это даже въ нѣкоторомъ родѣ аттестація добропорядочности и хорошаго происхожденія. Достаточно сказать, что здѣсь есть колонисты, имѣющіе виноградники и даже бояры, которые получаютъ халуку, но не ничтожную халуку, какая обыкновенно достается бѣд-

няку, а по сто франковъ въ мѣсяцъ и больше! Есть и интеллигенты, которые не брезгаютъ халукой. Не удивительно, что въ самомъ Иерусалимѣ, населеніе котораго въ большинствѣ живетъ на халукѣ, царствуетъ въ этомъ отношеніи полный произволъ, и нѣсколько заправиль халуки держитъ весь Иерусалимъ въ ежесвыхъ рукавицахъ. Можно себѣ представить, сколько ханжества, лицемѣрія и т. п. расплодилось при такомъ режимѣ!

4) О живомъ народномъ самосознаніи и самочувствіи въ колоніяхъ, а тѣмъ болѣе въ городахъ я пока говорить не буду. Достаточно сказать, что въ колоніяхъ мало молодежи. А духовная жизнь, идеи, литература выписывается отчасти изъ Россіи, отчасти изъ Европы и Америки.

5) Не нужно упускать изъ виду еще одно обстоятельство, далеко немаловажное. Когда предпринимается что-нибудь новое, выходящее изъ ряда обычнаго соннаго прозябанія въ Палестинѣ, то это не можетъ не взбудоражить въ извѣстной мѣрѣ всю діаспору. Устремляются сюда всѣ взоры, всѣ требуютъ отчета и всѣ считают своимъ долгомъ понадавать совѣтовъ, но прежде всего, разумеется, показать свои добрыя намѣренія.

Какія же у насъ силы и средства? Пока надо прямо сказать: ничтожныя. Есть среди мѣстныхъ жителей нѣсколько разрозненныхъ единицъ, есть нѣсколько единицъ изъ прибывшихъ молодыхъ людей—вотъ и все! Но хоть бы эта горсть соединилась и приступила къ работѣ! И наши средства также ничтожны и еще пока даже не выяснились. Нужно много, много думать и обдумывать дѣло со всѣхъ сторонъ, пока что-нибудь выяснится, и явится хотя бы только какой-нибудь набросокъ программы дѣйствій въ самыхъ общихъ чертахъ. Было бы поэтому очень неосторожно съ моей стороны уже говорить объ этомъ здѣсь. Достаточно съ насъ пока сознанія, что мы должны что-нибудь предпринять въ изложенномъ здѣсь направленіи и что только въ этомъ наше спасеніе. Чувство самосохраненія въ духовномъ смыслѣ, время и терпѣніе намъ подскажутъ, что намъ слѣдуетъ дѣлать. Мы должны еще помнить, что это дѣло хватить, по крайней мѣрѣ, на цѣлое поколѣніе и не намъ его довести до конца, но сама работа въ этомъ направленіи дать намъ жизнь и силы.

Какъ видишь, мой другъ, я не дѣлаю себѣ иллюзій, а сдѣлать расчетъ вѣрный. Получается громаднѣйшій пассивъ при ничтожномъ активѣ. Чѣмъ мы покроемъ дефицитъ?—смѣшно даже называть это дефицитомъ! Чѣмъ же мы покроемъ это, какъ бы оно тамъ ни называлось?—Нашей волей, нашей беззавѣтной преданностью дѣлу, нашей готовностью на все! Существуетъ преданіе, что если бы евреи при выходѣ изъ Египта опоздали на одинъ моментъ, они бы уже никогда не были освобождены. Я себѣ объясняю это такъ, что у нихъ былъ тогда моментъ такого подъема силъ, какой обыкновенно является у человѣка, застигнутаго врасплохъ какой-нибудь внезапной катастрофой, когда въ порывѣ испуга и желанія спасти возможное, онъ схватить и потащить что-нибудь не по силамъ тяжелое, почти не чувствуя тяжести. Потомъ по минованіи опасности

онъ только удивляется, какъ онъ могъ поднять такую тяжесть. Такіе моменты не повторяются. И намъ нужно подготовить именно такой моментъ.

Скажутъ: это утопія, это нѣчто невозможное. Да, другъ мой, это дѣйствительно нѣчто невозможное! Но не забывайте, что и весь сіонизмъ есть нѣчто невозможное, и не только сіонизмъ, но и всякое освободительное движеніе является вначалѣ утопіей, чѣмъ-то невозможнымъ! Если бы наши предки при Маккавеяхъ стали строить свои планы исключительно на вѣрномъ расчетѣ, еслибы они руководствовались исключительно реальной политикой и «трезвымъ разсудкомъ», то у нихъ бы безъ всякаго сомнѣнія опустылись руки, и еврейскій народъ уже не существовалъ бы. Вообще, какъ мы ни склонны упрекать себя въ излишнемъ увлеченіи, вся бѣда наша, я думаю, въ томъ, что наши идеалисты слишкомъ реальны, слишкомъ «трезвы», и все наше движеніе во имя идеала слишкомъ проникнуто духомъ «трезваго реализма». Нѣтъ у насъ той пламенной вѣры, того страстнаго, бурнаго увлеченія, того стремительнаго самоотверженія, которыя не останавливаются ни предъ чѣмъ и которыя потому способны уносить все въ своемъ стремительномъ потокѣ и побѣдить все. Мы слишкомъ разсудительны, слишкомъ склонны играть навѣрняка, слишкомъ боимся идти противъ всѣхъ вѣроятностей, слишкомъ боимся цифръ (это тамъ, гдѣ для цифръ мѣста нѣтъ, но за то, гдѣ дѣйствительно нужны цифры, умѣемъ уноситься въ облачныя и довольствоваться «насъ возвышающимъ обманомъ!»). Но мы должны знать, разъ навсегда, что въ дѣлѣ нашего національнаго движенія всѣ вѣроятности и всѣ цифры противъ насъ, и всякій «здравый разсудокъ», всякое «благоразуміе—противъ насъ! И если у насъ не хватитъ силы, чтобы идти на проломъ всѣхъ цифръ и всѣхъ вѣроятностей, наперекоръ всякимъ «здравымъ разсудкамъ»,—тогда, значить, нечего обманывать себя, нечего играть въ идеалы, въ сіонизмъ, въ національное движеніе! Нашъ покойный великій вождь показалъ намъ своимъ личнымъ примѣромъ, какъ нужно идти напроломъ. Онъ шелъ противъ всѣхъ цифръ, противъ всѣхъ вѣроятностей; онъ шелъ непреклонно, пока жизнь его разбилась, но онъ сдѣлалъ очень замѣтную брешь въ «стѣнѣ нашего гетто».

Еслибы мой голосъ могъ быть услышанъ, я бы призывалъ всѣхъ, кого можно призвать, къ работѣ здѣсь, на почвѣ Палестины. Возрождающемуся Сіону не нужно отъ еврейства ничего: ни денегъ, ни совѣтовъ, ни даже нравственной поддержки. Одно только онъ приметъ съ распростертыми объятіями: способныхъ, преданныхъ, готовыхъ на все работниковъ, которые бы поселились здѣсь и работали здѣсь. Вотъ настоящая національная работа, которая поистинѣ даетъ право называться сіонистомъ.

Твой другъ Д. Г.

Хроника внутренней жизни.

Глубоко интересный момент переживаетъ въ настоящее время вся Россія. Событія на Дальнемъ Востоку всколыхнули застоявшуюся русскую жизнь, приковали общее вниманіе къ первоисточникамъ кровавой драмы, которая разыгрывается на нашихъ глазахъ. Снизу давно уже указывали на необходимость крупныхъ реформъ во всѣхъ областяхъ русской жизни, которая остановилась послѣ 60-хъ годовъ, несмотря на растущій съ каждымъ годомъ потребности многомилліоннаго населенія, несмотря на ростъ общественнаго самосознанія, не укладывающагося въ бюрократическія рамки.

Нынѣ заговорили о томъ же сверху. «Довѣріе» къ общественной самодѣятельности и «приближеніе народа къ Престолу» — вокругъ этого основнаго принципа нормальной государственной жизни возвращаются теперь помыслы русскаго общества. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что и мы, евреи, присоединяемся къ дружному хору нашихъ соотечественниковъ, привѣтствующихъ наступленіе новой эры въ исторіи Россіи. Оздоровленіе русской жизни должно отразиться благотворно на застарѣломъ ея недугѣ—положеніи всѣхъ инородцевъ. Не обольщая себя преждевременными надеждами, не забывая печальнаго урока, даннаго западно-европейскою жизнью, мы тѣмъ не менѣе утверждаемъ, что и для еврейскаго вопроса въ Россіи долженъ наступить болѣе благоприятный моментъ. Острота его достигла своего апогея. Эпидемія погромовъ завершила собою трагическую повѣсть еврейскаго безправія, нищеты и невѣжества. Дальше идти некуда. И правительство и общество не могутъ не сознавать этой опасности, которою грозитъ всей русской жизни враждебное отношеніе одной части гражданъ къ другой. Послѣдніе погромы особенно поучительны въ этомъ смыслѣ. «Сѣмя антисемитизма—говорить «Восходъ»—десятки лѣтъ разбрасываемое среди малокультурныхъ умовъ съ необычайнымъ постоянствомъ и прямо-

линейностью, находившее косвенно большую поддержку въ правовыхъ условіяхъ, нынѣ даетъ свои плоды. Уже не еврейская эксплуатація, этотъ миѳъ рухнувшій подъ напоромъ жизни, а еврей, какъ таковой, какъ племенная и вѣроисповѣдная единица, становится объектомъ нападенія». Развращаемое юдофобіей населеніе страшно и для общегражданскаго правопорядка. Оно переноситъ свою необузданную стихійную силу на личность и имущество всего того, что попадаетъ ему по дорогѣ, оно развращается до полной анархіи... Пора энергично выступить на борьбу съ этимъ страшнымъ зломъ!

Новый курсъ ясно отражается во сей русской прессѣ, получившей, наконецъ, нѣкоторую возможность говорить правду. Петербургская газета «Наша Жизнь», говоря въ первомъ номерѣ о своемъ отношеніи къ кореннымъ вопросамъ, подчеркиваетъ необходимость свободы совѣсти въ тѣхъ широкихъ размѣрахъ, которыхъ она достигла на западѣ. «Ограниченіе въ правахъ—замѣчаетъ газета—слѣдуетъ допускать не иначе, какъ по судебному приговору. Вообще господство строгой законности должно замѣнить всякія усмотрѣнія, даже искренно благожелательныя, такъ какъ они никогда не могутъ обезпечивать спокойную увѣренность даже за завтрашній день и сковываютъ столь необходимую для насъ инициативу во всѣхъ родахъ частной дѣятельности».

Нарушеніе этихъ элементарныхъ принциповъ, которые сдѣлались теперь какъ будто новымъ откровеніемъ, составляетъ альфу и омегу еврейской жизни. По пятамъ русскаго еврея слѣдуетъ въ видѣ грознаго призрака «усмотрѣніе» начальства, вплоть до городского, требующаго на улицѣ видъ на жительство. Намъ хорошо извѣстенъ рядъ случаевъ, когда «благожелательныя усмотрѣнія» и обѣщанія начальства не могли предотвратить погромовъ. Еврейскія спины—одно изъ самыхъ блестящихъ доказательствъ того, что не обезпечена «спокойная увѣренность даже за завтрашній день».

«Дальше такъ продолжаться не можетъ, не должно—говоритъ «Бессарабская Жизнь».—Нужно понять, что государство, какъ и всякій другой живой организмъ, только тогда и могуче, когда не раздѣдается внутренними междоусобицами, когда неуклонно и поспѣшно слѣдуетъ закономъ развитія».

Въ ожиданіи момента, когда эта простая истина будетъ понята и закреплена дѣломъ, русское еврейство переживаетъ необыкновенно тяжѣлые дни. Никогда не была такъ сильна нужда, какъ въ эти дни. Разгромленные, безработныя, семьи запасныхъ составляютъ миллионную армію нищихъ и голодныхъ, которую не накормить

тѣмъ жалкими крохами, на которыя раскопеливается наша убогая филантропія.

Во всей наготѣ обнаруживается въ эти дни еврейская неподготовленность къ серьезной общественной работѣ.

Силы наши разрознены. Учрежденія не имѣютъ работниковъ. Всюду царить всевластная ожирѣвшая длань нашего «кулака» — балабоса.

И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Тутъ виною — не оскудѣніе способными и преданными дѣятелями, а тѣ условія, въ которыя поставлена наша общественная работа.

Она ограничена съ одной стороны административнымъ усмотрѣніемъ, съ другой же къ ней присосались масса паразитовъ изъ нашей же братіи. Борьба съ ними трудна.

Посмотрите на такъ называемыя еврейскія общинныя дѣла! Чего не творится здѣсь? Начать хотя-бы съ коренного вопроса — права сдѣлаться членомъ общины. Въ цѣломъ рядѣ городовъ требуется для этого ежегодный взносъ въ размѣрѣ 25 рублей. Само собою разумѣется, что могутъ попасть въ общину именно тѣ толстосумы, которые тормозятъ всякое свѣтлое начинаніе, которымъ важно не дѣло, а пресловутое «Jiches», «почеть».

И въ концѣ концовъ непризванные радѣтели объ еврейскихъ мѣстныхъ нуждахъ становятся несмѣняемыми диктаторами. Талмудторы, больницы, синагоги — все это въ ихъ рукахъ. Десятки же тысячъ евреевъ, съ которыхъ собирается общественная подать — коробочный сборъ и всякія другія обложенія — должны только повиноваться, не смѣя имѣть своего сужденія. Нужно ли подтверждать это фактами? Да они у всѣхъ на глазахъ. Возьмите нашу столичную Петербургскую общину, которая, кажется, претендуетъ быть образцомъ...

Тридцать лѣтъ къ ряду казенный раввинъ остается несмѣняемымъ, безъ выборовъ, по волѣ правленія синагоги. Неоднократно выражались мѣстными евреями протесты противъ этого нарушенія законныхъ правъ общины. Года два, три тому назадъ зашла уже серьезно рѣчь о выборахъ раввина. И надо было увидѣть радость лучшихъ представителей петербургскаго еврейскаго общества, радость молодыхъ энергичныхъ силъ, чтобы понять, какимъ зломъ является несмѣняемость раввина, человека инертнаго, игнорирующаго самыя жгучія потребности общества. Но къ сожалѣнію, радость оказалась преждевременною. Когда стало извѣстно, что агитируютъ за другого кандидата на мѣсто петербургскаго раввина, выборы были упразднены. Не насмѣшка ли это надъ общественнымъ дѣломъ?

То же творится и въ «чертѣ». Должности казенныхъ раввиновъ занимають ростовщики, дѣльцы на всякія руки, люди, ищущіе хлѣбнаго мѣстечка, и только какъ рѣдкія исключенія встрѣчаются преданные еврейскіе «трибуны».

Это зло не будетъ устраниено до тѣхъ поръ, пока не будетъ упорядочена еврейская общинная организація на демократическихъ началахъ, пока не будетъ установленъ подходящий налогъ въ пользу общественныхъ учреждений. Тогда только на первый планъ выступятъ истинныя потребности еврейской массы, тогда мы освободимся отъ модныхъ филантроповъ и прислужниковъ ихъ.

Бень-Гилель.

Изъ разгромленныхъ городовъ и мѣстечекъ взываютъ о помощи. Вездѣ обнаруживается недостатокъ нашей общественной организаціи. Нужда стучится во всѣ еврейскія двери. Страшно становится при мысли, что будетъ дальше, если не подоспѣетъ своевременная помощь.

Тяжело приходится семьямъ, главы которыхъ, какъ запасные, призваны въ ряды русской арміи. На земскую помощь рассчитывать не приходится. Среди призванныхъ много отцовъ семействъ, состоящихъ изъ пяти дѣтей. Семьи эти въ большинствѣ случаевъ остаются безъ всякихъ средствъ къ существованію. Въ Одессѣ кое что дѣлается для облегченія участи оставшихся семействъ. Alliance пожертвовалъ 20.000 франковъ. Общество помощи бѣднымъ евреямъ организовало сборъ пожертвовацій. Городъ раздѣленъ на нѣсколько участковъ, въ которыхъ находится по сборщику. Прошеній о пособіяхъ поступаетъ масса. До сихъ поръ поступило такихъ прошеній свыше 3.000. Надо надѣяться, что во всѣхъ тѣхъ пунктахъ, гдѣ евреи призваны на службу, мѣстное еврейское общество придетъ на помощь ихъ семействамъ, оставшимся безъ своихъ кормильцевъ. Въ этомъ дѣлѣ нужна широкая помощь. Большой процентъ принятыхъ на службу приходится на города Херсонской, Бессарабской, Екатеринославской и отчасти Таврической губерній. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ получились запросы изъ земскихъ управъ о положеніи оставшихся семействъ, но рассчитывать на большія пособія со стороны земства едва ли возможно.

* * *

Какъ сообщаютъ изъ многихъ пунктовъ, эмиграція въ Америку все растетъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Волынской губерніи эмиграція приняла грандіозные размѣры. Въ Летичевскомъ уѣздѣ эмигрируютъ

преимущественно ремесленники, заработки которых, вследствие общаго кризиса, сведены до минимума. На желѣзнодорожныхъ станціяхъ часто приходится наблюдать печальныя сцены прощанія уѣзжающаго со своими семьями, часто оставляемыми безъ копѣйки денегъ на произволъ судьбы. Потрясающія впечатлѣнія производятъ эти сцены на зрителей: плачутъ бѣдные скитальцы, уѣзжающіе въ невѣдомый имъ свѣтъ въ поискахъ за хлѣбомъ, плачутъ провожающіе ихъ родные, плачутъ и тѣ, кому, случайно, приходится быть свидѣтелями печальныхъ разлукъ. Изъ Готчи (Вол. губ.) сообщаютъ, что эмигрируютъ ремесленники, не имѣющіе никакихъ заработковъ, эмигрируютъ и болѣе состоятельные вследствие застоя въ дѣлахъ. Въ результатѣ—нищета, которая растетъ по мѣрѣ эмиграціи, такъ какъ мѣстечко остается безъ работниковъ и болѣе состоятельныхъ обывателей.

* * *

Большимъ подспорьемъ для эмигрантовъ явится открывающееся при Петербургскомъ центральномъ комитетѣ Евр. колонизаціоннаго общества інформаціонное бюро, которое въ скоромъ времени приступитъ къ дѣйствию. Достаточно привести нѣсколько новыхъ примѣровъ, чтобы увидѣть всю необходимость такого бюро и непростительную запоздалость его организаціи. Изъ Курляндской губерніи пишутъ во «Фрайндъ» о томъ, какія душу раздирающія сцены приходится наблюдать на границѣ между эмигрантами и агентами. За 10—20 рублей агентъ обязуется переправить черезъ границу. Деньги, понятно, уплачиваются впередъ. По уплатѣ агенты направляютъ эмигрантовъ цѣлыми партіями въ пограничныя деревни, гдѣ они остаются иногда по двѣ недѣли и болѣе, ночуя въ холодныхъ сараяхъ, на чердакахъ. Ночлеги эти обходятся не меньше рубля. При всѣхъ мытарствахъ очень немногимъ удается при помощи агентовъ переправиться черезъ границу, такъ какъ не только граница охраняется, но и всѣ дороги на разстояніи нѣсколькихъ миль. Въ октябрѣ вернули въ Либаву нѣсколькихъ эмигрантовъ этапнымъ порядкомъ. Въ случаѣ невозможности переправы деньги не возвращаются эмигрантамъ. Изъ Пинска пишутъ: «нѣсколько женщинъ, мужья которыхъ были возвращены съ границы, собрались у дома одного изъ агентовъ и требовали отдачи денегъ, но требованія, понятно, ни къ чему не привели». Агенты являются настоящими грабителями эмигрантовъ. Да и помимо агентовъ, сколько приходится терпѣть эмигрантамъ въ мѣстахъ стоянки, эмигрантамъ, не знающимъ языка и лишеннымъ возможности получить необходимыя справки. Объ учрежденіи бюро была рѣчь уже лѣтъ 10 тому назадъ, еще при

жизни барона Гирша. Последній сочувственно отнесся къ учрежденію бюро въ Россіи и изъявилъ свое согласіе на открытіе его. Въ 1894 г. при петербургскомъ центральномъ комитетѣ было открыто отдѣленіе для оказанія помощи эмигрантамъ въ видѣ всевозможныхъ справокъ и указаній. Дѣятельность этого отдѣленія скоро прекратилась и возобновится только теперь въ информационномъ бюро. Последнее денежнаго вспомошествованія не будетъ получать отъ «ЕКО», а расходы должно будетъ покрывать частными пожертвованіями. Большихъ расходовъ и не предвидится, такъ какъ денежной помощи эмигрантамъ не будетъ оказываться. Дѣятельность бюро будетъ сводиться къ слѣдующему: эмигрантамъ будутъ выдаваться справки, которыя могли бы имъ быть полезны во время путешествія, а также и на мѣстѣ. Бюро будетъ собирать всѣ книги, брошюры, газеты, всевозможные матеріалы, которые имѣютъ отношеніе къ эмиграціи и колонизаціи. Предполагается издавать на еврейскомъ языкѣ брошюры, которыя будутъ знакомить читателя съ эмиграціей вообще, со странами, куда направляются эмигранты. На всякій запросъ бюро будетъ отвѣчать письмами. Отдѣленія бюро въ провинціи, такъ называемые провинціальныя комитеты будутъ непосредственно входить въ сношенія съ эмигрантами и давать имъ указанія. Бюро приложитъ старанія, чтобы предостеречь эмигрантовъ отъ «агентской» эксплуатаціи. Провинціальныя комитеты будутъ выдавать свѣдѣнія относительно полученія губернаторскихъ паспортовъ и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, будутъ приходить на помощь для полученія таковыхъ.

Представители бюро, которые будутъ жить на границѣ, будутъ, по возможности, облегчать переѣздъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ бюро будетъ доставлять эмигрантамъ документы, которые замѣнятъ губернаторскій паспортъ и свидѣтельства для проѣзда по льготному тарифу. Центральное бюро въ Петербургѣ будетъ сноситься съ провинціальными комитетами въ большихъ еврейскихъ центрахъ и разсылать послѣднимъ циркуляры, свѣдѣнія о состояніи эмиграціи. Центральное бюро контролируетъ дѣйствія провинціальныхъ комитетовъ, которыя должны дѣйствовать согласно принципамъ бюро. Последнее входитъ также въ сношенія со многими общественными учрежденіями, отъ которыхъ оно можетъ получить касающіяся эмиграціи свѣдѣнія и передаетъ эти свѣдѣнія провинціальнымъ комитетамъ. Отъ времени до времени будутъ издаваться отчеты о дѣятельности бюро. Общество такимъ образомъ будетъ знакомо съ дѣятельностью бюро и сумѣетъ, посколькѣ возможно, приходить ему на помощь.

* * *

Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія снова поднять въ настоящее время по газетнымъ сообщеніямъ вопросъ объ увеличеніи процентной нормы евреевъ въ университетахъ. Масса неудачниковъ не попала въ нынѣшнемъ году въ учебныя заведенія, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ результаты приѣма оказались болѣе неблагоприятными, чѣмъ въ предыдущіе годы. Однако хочется вѣрить, что запретъ учиться будетъ, наконецъ, снятъ съ нашей молодежи. Давно, давно пора! Дополнительный приѣмъ въ этомъ году далъ слѣдующіе результаты: Въ Харьковскомъ университетѣ увеличена норма для евреевъ до 7 процентовъ общаго числа наличныхъ студентовъ. Сверхъ того разрѣшено принять въ Харьковскій университетъ еще 10 человекъ евреевъ. Въ Новороссійскій университетъ принято сверхъ нормы 18 человекъ, при чемъ норма увеличена до 15 процентовъ общаго числа студентовъ. Въ Московскомъ университетѣ приѣмъ евреевъ увеличенъ съ 3-хъ до 3¹/₂ процентовъ общаго числа зачисленныхъ по приѣму. Въ Томскомъ университетѣ приѣмъ увеличенъ до 10%; въ Варшавскомъ и Кіевскомъ до 15%. Въ Рижскій Политехникумъ принято по Высочайшему повѣленію сверхъ комплекта 18 человекъ и 21 по распоряженію министра; большинство изъ нихъ евреи. На петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ увеличено число слушательницъ евреекъ до 5% сверхъ комплекта, установленнаго для евреевъ. Не смотря на упомянутыя увеличенія въ приѣмъ чувствуется съ прежней силой вся тягость процентной нормы, такъ какъ большинство молодыхъ людей остались внѣ стѣнъ учебныхъ заведеній.

* * *

28 октября, какъ сообщаютъ «Бирж. вѣдом.» министру внутреннихъ дѣлъ представлялась депутація отъ петербургской еврейской общины въ лицѣ барона Г. О. Гинцбурга, А. Н. Драбкина, Б. А. Каменки, Ю. Б. Бака, Б. Р. Александрова и М. П. Шафира. Въ бесѣдѣ съ депутаціей по вопросамъ объ общихъ нуждахъ еврейскаго народа и въ частности о петербургской общинѣ князь Святополкъ-Мирскій высказалъ, что идеалы, къ которому, по его мнѣнію, слѣдуетъ *постепенно* стремиться, является равноправность всѣхъ элементовъ населенія и государства.

* * *

Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, какъ пишетъ «Фрайндъ», организуется особая комиссія подъ предѣлательствомъ товарища министра Дурново, которая займется рассмотрѣніемъ тѣхъ вопросовъ и неточностей, которые вызываются распоряженіемъ отъ 11 августа

о правѣ жительства и о правѣ селиться въ деревняхъ «черты». Однимъ изъ важныхъ вопросовъ, которымъ теперь займется министерство внутреннихъ дѣлъ, является положеніе еврейскихъ ремесленниковъ, которые *фактически* лишены возможности селиться внѣ черты, такъ какъ съ упраздненіемъ ремесленныхъ управъ они не получаютъ надлежащихъ свидѣтельствъ, дающихъ право на жительство.

* * *

Нѣкоторыя городскія управы, какъ сообщаютъ «Восходъ» и «Фрайвудъ» ходатайствуютъ объ увеличеніи числа гласныхъ евреевъ. Въ Симферопольской думѣ, въ виду предстоящихъ выборовъ, городская управа намѣревается просить объ увеличеніи числа гласныхъ евреевъ. При Полтавской думѣ также возбужденъ вопросъ о ходатайствѣ передъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, чтобы евреямъ разрѣшено было избираться въ гласные на одинаковыхъ правахъ съ христіанами. Въ Одессѣ надѣются, что вопросъ, поднятый думой о выборахъ еврейскихъ гласныхъ на одинаковыхъ началахъ съ христіанами и объ увеличеніи ихъ числа до нормы, установленной городовымъ положеніемъ 1870 г., будетъ разрѣшено въ Петербургѣ въ благопріятномъ смыслѣ. Вопросъ о еврейскихъ гласныхъ—это одинъ изъ наболѣвшихъ вопросовъ нашей внутренней жизни. Еврейское населеніе не имѣетъ своихъ представителей въ думѣ, которая остается чуждой интересамъ еврейской части населенія. Въ такомъ крупномъ еврейскомъ центрѣ, какъ Одесса, гдѣ треть населенія составляютъ евреи, особенно сильно чувствуется эта ненормальность.

Но и въ другихъ городахъ черты она отражается гибельно на городскомъ хозяйствѣ вообще, независимо отъ ущерба, наносимаго евреямъ. Объ этой ненормальности говорилось уже много, а разрѣшенія все нѣтъ и нѣтъ...

* * *

— Въ засѣданіи одесскаго комитета „Общ. вспомоствъ евреямъ-землѣд. и ремес. въ Сири и Палестинѣ“ доложено заявленіе правленія Общества пособія бѣднымъ евреямъ въ Кишиневѣ“ слѣдующаго содержанія.

Существовавшій въ Кишиневѣ комитетъ для оказанія помощи пострадавшимъ отъ погрома въ засѣданіи своемъ отъ 8 іюня 1903 года выдѣлить сумму въ 50,000 руб. на предельно устройство 50 семействъ изъ числа разгромленныхъ — колонистами въ Палестинѣ на извѣстныхъ условіяхъ. Въ ликвидаціонномъ своемъ засѣданіи, происходившемъ 25 января 1904 г. комитетъ рѣшилъ передать эту сумму на извѣстныхъ условіяхъ одесскому комитету.

При этомъ доложены были выписки изъ протоколовъ вышеупомянутыхъ засѣданій, въ которыхъ значится; 8 іюня 1903 г. принято было слѣдующее постановленіе: ассигновать сумму въ 50,000 руб. для 50 семействъ изъ числа разгромленныхъ, кои пожелаютъ колонизироваться въ Палестинѣ и окажутся для сего пригодными, съ условіемъ, если отъ другихъ учрежденій поступитъ необходимое для окончательнаго устройства этихъ семействъ до 150,000 руб. Затѣмъ, на ликвидаціонномъ засѣданіи отъ 25 января сего 1904 г. принято было слѣ-

дующее рѣшеніе: 50,000 р., ассигнованных на устройство колоніи для 50 еврейскихъ семействъ въ Палестинѣ, передать въ одесскій комитетъ „Общества вспомоществованія евреямъ-земледѣльцамъ и ремесленникамъ въ Сиріи и Палестинѣ“ на срокъ до 3 л. для устройства этой колоніи на условіяхъ, изложенныхъ въ протоколѣ комитета отъ 8-го іюня 1903 г. съ тѣмъ, чтобы въ совѣщаніи по поводу устройства колоніи принимали участіе лица, избранныя для сего въ этомъ засѣданіи. Если по истеченіи 3-хъ лѣтъ колонія по какимъ-либо причинамъ не будетъ устроена, то вся сумма вмѣстѣ съ наросшими ⁰о передается кишиневскому обществу пособія бѣднымъ евреямъ на предметъ поддержка просвѣдательныхъ и благотворительныхъ учрежденій г. Кишинева, какъ существующихъ, такъ и могущихъ возникнуть. Для участія въ засѣданіяхъ избраны гг. Мучникъ, Л. Коганъ и Рейхманъ, кандидатами къ нимъ— гг. Коганъ, И. Красильникъ, Г. Шейнбергъ и Дайлисъ.

Въ виду того, что со дня составленія послѣдняго протокола прошло уже болѣе 9-ти мѣсяцевъ, а вышеозначенные 50,000 руб. все не были получены одесскимъ комитетомъ, комитетская коммиссія, не предѣлая еще вопроса, возможно ли будетъ комитету использовать вышеуказанные 50,000 руб. въ теченіе 3-хъ лѣтъ и при условіяхъ, поставленныхъ кишиневскимъ комитетомъ, находить, что стараться пока получить эту сумму есть прямая обязанность нашего комитета. А по сему, чтобы дѣло это не затянулось и не осложнилось, коммиссія предлагаетъ комитету немедленно откомандировать въ Кишиневъ двухъ своихъ членовъ, а можетъ быть еще совмѣстно съ юристомъ, чтобы столкнуться съ членами бывшаго кишиневского комитета, или же, въ случаѣ, если переговоры съ послѣдними ни къ чему не поведутъ, принять надлежащія мѣры къ полученію ассигнованныхъ 50-ти тысячъ руб. Комитетомъ предложено это принять.

* *

Въ Одессѣ возбужденъ, по словамъ «Од. Лист.» вопросъ о замѣнѣ коробочнаго сбора другимъ способомъ взиманія сбора съ евреевъ для содержанія мѣстныхъ еврейскихъ общественныхъ учреждений. Доходъ этотъ равенъ почти 320 тысячъ руб. въ годъ, кромѣ 100 тысячъ добровольныхъ пожертвованій. Ввиду того, что состоятельные классы коробочнаго сбора не платятъ, необходимо замѣнить его другимъ. Вопросъ этотъ можетъ быть разрѣшенъ только въ законодательномъ порядкѣ. По этому поводу «Восходъ» замѣчаетъ:

„Недостатокъ средствъ на содержаніе еврейскихъ общественныхъ учреждений становится съ каждымъ днемъ все болѣе ощутительнымъ, и поэтому крайне необходимо скорѣйшее преобразование коробочнаго сбора и замѣна его подходящимъ раскладочнымъ сборамъ; но при этомъ является, конечно, неизбежнымъ кореннымъ образомъ измѣнить и самую организацію еврейскихъ общинъ на началахъ самоуправленія и самостоятельности“.

* *

Въ «Сѣверо—зап. краѣ» находимъ сообщеніе изъ Бѣлостока, поучительное для тѣхъ, кто выставляетъ уклоненіе отъ военной службы какъ спеціально еврейское преступленіе. Призывъ, закончившійся 18 октября, далъ слѣдующіе результаты: принято на действительную службу 134 человека, изъ нихъ 103 христіанина и 31 еврей. Изъ подлежащихъ призыву не явились 61 христіанинъ и 35 евреевъ; причемъ нельзя забывать и того, что значительный процентъ уклонившихся евреевъ принадлежитъ къ числу эмигрантовъ, покинувшихъ Россію много лѣтъ тому назадъ.

* *

Въ газеты продолжаютъ поступать свѣдѣнія о погромахъ. Число пунктовъ, охваченныхъ этой эпидеміей, растетъ.

— Рос. тел. агентству сообщаютъ изъ Ковны отъ 30 октября: Въ предупрежденіе распространенія тревожныхъ, преувеличенныхъ слуховъ

о беспорядкахъ въ Вилькомиръ по случаю призыва изъ другихъ губерній запасныхъ для укомплектованія 45-й артиллерійской бригады, выступающей на Дальній Востокъ, сообщено, что дѣло ограничилось единичными пьяными выходками, отъ которыхъ пострадала одна пивная, разбиты витрины въ двухъ магазинахъ и похищено нѣсколько вещей въ мелочной лавкѣ. Сами нижніе чины удерживали товарищей отъ буйныхъ поступковъ. Принятыми мѣрами спокойствіе обезпечено. Еврейское население въ нѣсколькихъ мѣстечкахъ прислало губернатору благодарственные телеграммы по поводу распоряженій, предупредившихъ всякія безчинства въ Ново-александровскомъ уѣздѣ, гдѣ происходила и благополучно закончена мобилизація.

— Изъ м-ка Журавичи, Могил. губ., пишутъ «Новостямъ»:

„Въ воскресенье, 17-го октября, здѣсь произошелъ погромъ. Еще въ пятницу, 15-го октября, толпа буяновъ напала на бѣднаго еврея-булочника и расхитила весь его товаръ. Урядники Косаревъ и Ковалевъ пытались арестовать грабителей, но послѣдніе бросились на полицейскихъ чиновъ съ кольями. Только съ появленіемъ мѣстнаго пристава удалось усмирить толпу. Къ воскресенью вся базарная площадь была усеяна пришлымъ народомъ. Около 2 час. дня нѣсколько человекъ безпрічинно напали на одного еврея, торговавшего упряжными принадлежностями. Ихъ примѣру послѣдовали другіе, бросившіеся на шапочниковъ, булочниковъ. Начался погромъ. Промили и грабили лавки. Мѣстный приставъ Мионовъ, несмотря на энергичныя дѣйствія, оказался безсильнымъ. Наконецъ, имъ были вызваны на помощь крестьяне нашего мѣстечка и, благодаря ихъ содѣйствію, громилы были прогнаны. Разграблены 26 лавокъ. Разоренные остались буквально безъ куска хлѣба, такъ какъ изъ лавокъ увезено рѣшительно все. Какъ оказывается, предупредительные громилы пріѣхали съ возами...”

Той же газетѣ пишетъ очевидецъ изъ мѣстечка Ракишки (Ковенскій губ.)

2-го ноября, во время призыва новобранцевъ у насъ возникли еврейскіе беспорядки. Съ утра толпа буяновъ, числомъ около 200 человекъ, бросилась на мелкія еврейскія лавочки, торгующія съѣстными припасами, и разграбила ихъ. Затѣмъ озвѣрѣвшая толпа съ криками „ура“ начала разбивать окна въ жилыхъ домахъ евреевъ почти во всѣхъ частяхъ мѣстечка и въ молитвенной школѣ на Комайской улицѣ. При возникновеніи беспорядковъ, всѣ еврейскія лавки были тотчасъ-же закрыты. Евреи прятались, куда только могли, а тѣ немногіе, которые не успѣли скрыться, были безпощадно избиты буянами. Во время беспорядковъ мѣстный урядникъ, Яковлевъ, проявилъ энергичную дѣятельность, усердно стараясь разсѣять бушевавшую толпу. Къ полудню всѣ бывшіе здѣсь волостные старшины и сельскіе старосты были приглашены въ мѣстное воинское присутствіе. Предсѣдательствующій и члены присутствія приказали имъ принять мѣры къ немедленному прекращенію беспорядковъ съ предупрежденіемъ, что въ противномъ случаѣ старшины и старосты будутъ строго отвѣчать за всякія дѣйствія и насилія членовъ ихъ сельскихъ обществъ. И дѣйствительно, старшины и старосты вскорѣ усмирили толпу.

Съ пріѣздомъ 3-го числа уѣзднаго исправника г. Афросимова порядокъ былъ окончательно восстановленъ. Исправникъ заявилъ, что вся сумма убытковъ, повнесенныхъ населеніемъ отъ беспорядковъ, будетъ возложена на взрослыхъ старшинъ.

О погромахъ пишутъ также изъ Рудни, станціи Р.-Орл. жел. дор., изъ мѣстечка Сѣнно (Могил. губерніи), Мстиславля (Мог. губ.) и другихъ.

* * *

Характеристику еврея—героя на Дальнемъ Востокѣ дастъ командиръ 121 пѣхотнаго Пензенскаго полка С. Д. Марковъ. Онъ сообщилъ слѣдующее хроникеру «Вирж. Вѣд.»

Есть еврей Дубовисъ, рядовой охотничьей команды. Онъ самоотверженно доставалъ раненымъ товарищамъ воду подъ японскимъ огнемъ. За подвиги личной храбрости Дубовисъ награжденъ знакомъ отличія Военнаго ордена; вмѣсто изображенія св. Георгія Побѣдоносца изображенъ государственный гербъ. Такое

исключение сдѣлано для евреевъ. Товарищи смѣялись надъ нимъ:— „Какъ-же ты будешь носить православный крестъ“? А онъ отвѣтилъ: „Это не худо: мой отецъ тоже георгиевскій кавалеръ“.

Дѣйствительно, отецъ Дубовиса награжденъ Георгіевскимъ крестомъ за русско-турецкую кампанію.

* * *

«Кіевское слово» рассказываетъ о результатахъ развѣдчиковъ изъ мѣс. Жмеринки (Польской губ.), которые были отправлены еврейскимъ обществомъ на островъ Кипръ для ознакомленія съ мѣстностью въ цѣляхъ эмиграціи:

Все усиливающейся экономической кризисъ заставляетъ многихъ покидать свои насиженные гнѣзда и предпринимать въ другихъ странахъ поиски за кускомъ насущнаго хлѣба. Америка перестаетъ уже привлекать къ себѣ; мало заманчиваго, по получаемымъ свѣдѣніямъ, представляетъ нынѣ и Аргентина; а потому эмигранты крайне озабочены избраніемъ новыхъ мѣстъ для своего водворенія. На этой почвѣ возникла мысль о переселеніи на островъ Кипръ. Рѣшивъ вопросъ принципиально, семейства, готовые къ эмиграціи, командировали предварительно на указанный островъ двухъ развѣдчиковъ для ознакомленія съ мѣстностью, условіями жизни и выгодностью заселенія. Нынѣ развѣдчики уже возвратились и свѣдѣнія привезли благопріятныя, вслѣдствіе чего цѣлая группа эмигрантовъ, изъ 20 семействъ, на этой недѣлѣ выѣзжаетъ отсюда на островъ Кипръ. Тамъ эмигранты разсчитываютъ приобрести участки земли и превратиться въ хуторяны-землевладѣльцевъ.

Изъ Кишинева новая газета «Бессарабская жизнь» сообщаетъ слѣдующее о ростѣ еврейской эмиграціи:

Въ мѣсячной управѣ въ теченіе текущаго года замѣчался и нынѣ замѣтенъ усиленный спросъ на выдачу паспортовъ, преимущественно со стороны лицъ іудейскаго вѣроисповѣданія, что слѣдуетъ объяснить продолжающимся эмиграционными движеніемъ, охватившимъ евреевъ еще со времени прошлагодняго погрома. Интересно замѣтить, что усиленію эмиграціоннаго движенія въ значительной степени способствовалъ рядъ антиеврейскихъ погромовъ послѣдняго времени.

* * *

Гомельское дѣло все еще далеко до конца. Десятки свидѣтелей приходятъ передъ судомъ, не прибавляя уже ничего новаго къ тому, что выяснилось при допросѣ первыхъ для всѣхъ безпристрастныхъ зрителей этого небывалаго процесса. Ясно, какъ Божій день, что не можетъ быть рѣчи о племенной и національной враждѣ евреевъ, какъ источникѣ погрома. Какъ ни лѣзутъ изъ кожи вонъ свидѣтели обвиненія, чтобы очернить евреевъ, какъ нахаловъ, не снимающихъ шапки передъ начальствомъ, и толкающихся на улицѣ, всѣ эти заявленія производятъ впечатлѣніе соломинокъ, за которыя хватаются господа Шмаковы, чтобы утопить въ ложкѣ воды ненавистное имъ еврейство.

«Гдѣ же доказательство того, что евреи приготовили погромъ на 29 авг.»—спрашиваетъ корреспондентъ «Восхода».

Вотъ они въ показаніяхъ свидѣтелей:

1) Евреи собрались на базаръ мгновенно по сигналу—свистку...

2) Евреи первые затѣяли ссору (исторія съ селедками), какъ поводъ къ погрому.

3) Евреи упражнялись задолго до погрома въ стрѣльбѣ (очевидно съ цѣлью подучиться погромной работѣ) и распѣвали антихристіанскія пѣсни.

4) Нѣкій еврей—подмастерье, за двѣ недѣли до погрома, увѣжая, говорилъ своимъ русскимъ товарищамъ: «желаю видѣть васъ по возвращеніи живыми и здоровыми», очевидный намекъ на грозящую русскимъ опасность.

5) По городу ходили саухи отъ евреевъ же о готовящихся *важныхъ событіяхъ*.

Вотъ существеннѣйшіе моменты, въ которыхъ заключены признаки предварительной организаціи евреями погрома. Это фактическіе, такъ сказать, моменты на общемъ фонѣ уже нарисованнаго выше антихристіанскаго настроенія евреевъ. Доказали ли свидѣтели несомнѣнность этихъ моментовъ? Вотъ что дали ихъ показанія.

1) О свисткѣ—сигналѣ къ нападенію. Одни свидѣтели устанавливаютъ, что свистали евреи; другіе,—что самъ дѣшникъ, виновникъ столкновенія; третьи,—что свистали городовые...

2) *Евреи первые затѣяли ссору*—говорятъ одни. Еврейка плюнула въ лицо дѣшнику; еврей ударилъ его; подбѣжали другіе евреи и избивъ дѣшника, накинулись на русскихъ. Другіе свидѣтели говорятъ, что дѣшникъ первый толкнулъ еврейку, что русскіе бросились ему на помощь и завязалась драка. По однимъ показаніямъ еврей кричалъ: «еврей, русскій погромъ! Идите на базарь». По другимъ, еврей кричалъ: *русскіе погромъ стѣлаютъ, заграйте лавки*. При этомъ еврей просилъ полицію ихъ защитить (погромщики, просящіе о защитѣ отъ тѣхъ, кого они громятъ!).

3) Объ упражненіяхъ въ стрѣльбѣ и воинственныхъ пѣсняхъ... Удивительно въ этомъ отношеніи то, что всѣ знали объ этихъ упражненіяхъ; знали мѣсто, дни сборищъ—и никого не удавалось никогда задержать. Тѣмъ болѣе сно удивительно, что распорядительность уѣзднаго исправника Еденскаго, въ вѣдѣніи котораго находится знаменитый островъ воинственныхъ сборищъ—въ всякаго сомнѣнія. Къ этимъ рассказамъ о сборищахъ, подготовлявшихъ погромъ, слѣдуетъ присоединить еще неоднократно фигурировавшее на судѣ апокрифическое сказаніе о «еврейской субботѣ, похавшей верхомъ на русскомъ воскресеніи» (такъ, будто, бахвалились гомельскіе евреи предъ русскими)...

4) Еврей подмастерье, гомельская Кассандра, возвѣщавшая товарищамъ о погромѣ, только всего и говорилъ, что пожелалъ товарищамъ быть живыми и здоровыми ко времени его возвращенія. И то, по указанію одного изъ защитниковъ, онъ произнесъ только: *желаю васъ видѣть здоровыми*, а слова «живыми» не было имъ произнесено... Есть ли пожеланіе здоровья достаточное доказательство грозящаго погрома?

5) О «важныхъ событіяхъ» дѣйствительно говорили (кто говорилъ—неизвѣстно), но полиціймейстеръ Раевскій, который слышалъ объ этомъ, отнесъ эти «событія къ категоріи политическихъ». Вотъ и матеріалы, которыми до сихъ поръ свидѣтели устанавливаютъ элементы организованнаго евреями погрома. Если рядомъ съ этими признаками «русскаго погрома» поставить установленные отвѣтами на вопросы Раевского и нѣкоторыхъ другихъ свидѣтелей слѣдующіе признаки: еврей въ пятницу 29 авг. просилъ полицію о помощи; еврей былъ напуганъ и до 29 авг.; въ день 29 авг. полиціймейстеръ съ 14 нижними чинами отбѣсняетъ огромную—до 300 чел. толпу евреевъ, при чемъ толпа слушается увѣщаній; еврей помогаетъ полиціймейстеру успокоить своихъ; еврей не нападаетъ на отдѣльныхъ русскихъ, а дерется только массами; еврей не громятъ русскаго имущества; и т. д.--Если сопоставить все это съ указанными выше признаками «организованнаго евреями погрома», то—то подтвердится ли положеніе обвинительнаго акта?..

Развѣ только въ будущемъ!.. Пока же подтвержденія его тезисовъ еще не вылазятъ. Не только общая картина преступленія и его основные элементы, но даже частности,—отдѣльные факты наиболѣе, казалось бы, легко опредѣляемые, въ силу ихъ конкретности—не устанавливаются опредѣленно и прочно».

Многое въ судебномъ процессѣ наводитъ на грустные и тяжелыя размышленія. Прежде всего поражаетъ сплоченность свидѣтелей обвиненія, отказывающихся отвѣчать на многіе вопросы за

щиты. Требования адвокатовъ объ оглашеніи показаній, данныхъ на предварительномъ слѣдствіи, большею частью палатой отвергаются. Палата не соглашается видѣть разногласія въ свидѣтельскихъ показаніяхъ, гдѣ они очевидны для защиты. Предсѣдатель очень часто останавливаетъ защитниковъ евреевъ по вопросамъ, касающимся погрома 29 августа, хотя выясненіе послѣдняго необходимо для установленія истинныхъ причинъ еврейскаго погрома.

Б. Г.

Стихотворенія Дмитрія Цензора.

1.

Въ этихъ глазахъ, потускнѣвшихъ отъ слезъ,
Въ душахъ, замкнутыхъ пугливо,
Есть ли безумье желаній и грезъ,
Пламя тоски и порыва?
Если въ тебѣ не угасла вполнѣ
Гордая страсть возмущенья—
Что же ты, блѣдный, стоишь въ сторонѣ,
Съ краской стыда и смущенья?

Празднествомъ свѣтлымъ нетлѣнно горять
Будущей жизни чертоги.
Ты-же, какъ нищій, потупилъ свой взглядъ,
Молча стоишь у дороги...
Шумно струится великій походъ
Къ двери, открытой для смѣлыхъ..
Что-же ты медлишь, Изгнанникъ-народъ,
Въ чуждыхъ и темныхъ предѣлахъ?

Солнце—для тѣхъ, кто свободу любилъ,
Счастье—для жаждущихъ счастья...
Если ты жажду святую убилъ
Въ темной печали ненастья,
Если ты снова повѣрить не могъ,—
Лучше умри на дорогѣ!..
Жалкихъ не любить безжалостный рокъ,
Слабыхъ казнить на порогѣ.

Время бѣжить, какъ движенье воды,—
 Время смываетъ бывшее.
 Жизни минувшей блѣднѣютъ слѣды,
 Мощно цвѣтеть молодое.
 Если твой духъ навсегда обнищаль,
 Если ты старъ и безсиленъ,—
 Лучше умри, какъ разбившійся валъ,
 Въ мракѣ скалистыхъ извилинъ!

2.

Я рожденъ отъ рабовъ, и въ душѣ у меня
 Есть недугъ безошадный и темный...
 Озираясь иду и тревогу кляня
 Все боюсь, беззащитный, бездомный.

Все въ испугѣ смотрю—не подходитъ ли врагъ...
 Сердце ждетъ незаслуженной раны...
 И пугаетъ меня притаившійся мракъ,
 И пугаютъ меня ураганы...

Я иду-сторонюсь, какъ угрюмый злодѣй,
 Угнетенный какой-то виною...
 О, зачѣмъ-же люблю я мечты и людей!
 О, зачѣмъ я стою за стѣною!

Я рожденъ отъ рабовъ и не смѣю войти.
 Въ сердца гаснуть святыя порывы...
 Озираясь бѣгу по ночному пути,
 Беззащитный, бездомный, пугливый...

3.

Испугала меня роковая судьба
 И вѣнецъ ратоборца суровый—
 И хотѣлъ я сорвать одѣянье раба,
 Расковать вѣковыя оковы.

Я на праздникъ пошелъ. Я сказалъ палачамъ:
 „Это сердце покорное—ваше!“—
 И со смѣхомъ внималъ ненавистнымъ рѣчамъ,
 И прильнулъ къ окровавленной чашѣ.

Но не могъ я уйти отъ гнетущей тоски,
 Отъ родныхъ безнадежныхъ видѣній.
 И разбилъ я бокаль трепетаньемъ руки
 И бѣжалъ для борьбы и мученій...

4.

Ты навсегда заклею
 Темной печатью.
 Въ безднѣ минувшихъ временъ
 Богомъ ты преданъ проклятью.

Блѣдный, измученный ликъ,
 Взоръ твой, горящій сурово,
 Скорби отчаянный крикъ —
 Рѣютъ въ молчаньи былого.

Ты не уйдешь никогда
 Въ новыя жизни и звуки!
 Скванъ твой духъ навсегда
 Прошлымъ гоненій и муки.

Въ пирѣ подъ хохотъ и звонъ,
 Средь палачей и позора,
 Страшный увидишь ты сонъ,
 Полный мольбы и укора.

Въ страхѣ ты звеня порвешь,
 Злобныхъ отторгнешь объятя—
 Снова къ проклятымъ придешь,
 Сынъ вѣкового проклятья.

Снова придешь ты къ роднымъ
 И позабытымъ кладбищамъ
 Плакать надъ горемъ своимъ
 И надъ роднымъ пепелищемъ...

5.

Если настанетъ божественный судъ,
 Судъ справедливый и строгій,—
 Блѣдной толпой мои братья придутъ
 Съ воплемъ мольбы и тревоги.

Будеть преступень и жалокъ ихъ видъ,
 Въ темномъ пути загрязненный...
 Грозно тогда судія возгласить:
 „Горе душѣ оскверненной!“

И развернетъ онъ страницы судьбы,
 Повѣсти скорбной и длинной—
 Повѣсти мрака и тяжелой борьбы,
 Смерти и крови невинной,

Жуткихъ паденій, позора, стыда,
 Пытки, костровъ и гоненья...
 О, справедливый! прости ихъ тогда,
 Въ жизни пріявшихъ мученья!

6.

Въ темной враждебной странѣ
 Я одинокій иду.
 Кто-то зоветъ въ тишинѣ,
 Стонетъ въ предсмертномъ бреду...

Слышу отчаянья крикъ:
 „Гибну! спаси! пощади!“
 Вижу я: кто-то приникъ
 Къ мертвой любимой груди...

О, узнаю, узнаю
 Стоны родныхъ голосовъ!
 Въ темномъ, враждебномъ краю
 Слышу твой горестный зовъ!

7.

Я вернулся къ тебѣ. Не отвергни, прости!
 Я покорень мечтѣ неизбежной...
 Я вернулся къ тебѣ, чтобъ съ тобою пойти
 Къ высотѣ красоты безмятежной.
 О, воскресни! пойдёмъ къ неизвѣданнымъ днямъ,
 Освѣщая отставшимъ дорогу!
 Создадимъ на горахъ человѣческой храмъ,
 Чтобъ молиться безсмертному богу.

Еслибъ зналъ я, что ты на пути вѣковомъ
 Растерялъ благородныя силы,
 И стоишь, одряхлѣвъ, терпѣливымъ рабомъ,
 На краю неизбежной могилы,
 Что упалъ ты навѣкъ предъ кумиромъ земнымъ,
 Предъ кумиромъ Тельца-властелина,—
 Никогда не пришелъ бы я къ двѣрямъ твоимъ
 Съ покаяніемъ блуднаго сына!

Но гонимый, какъ звѣрь, на кровавомъ пути
 Ты въ душѣ сохранилъ Маккавея,
 И готовъ за мечту на страданіе пойти,
 И пойти на костеръ, не блѣднѣя...
 Но подъ тяжелой стопой беспощадной судьбы,
 Обезсиленный рабствомъ бесплоднымъ,
 Ты способенъ возстать для великой борьбы
 Непокорнымъ и гордо свободнымъ.

Такъ иди же впередъ! Будь спокоенъ и твердъ,
 Бросивъ вызовъ земнымъ исполинамъ!
 Только тотъ, кто могучъ и возвышенно гордъ,
 Подойдетъ въ лучезарнымъ вершинамъ.
 И возьми всю мятежную силу мою,
 Весь полетъ мой къ небесному своду—
 Я тебѣ всѣ завѣтныя пѣсни спою
 И съ тобою умру за свободу!

Дмитрій Цензоръ.

Обзоръ сіонистской жизни.

О Gegenwarts-programm.—Положеніе угандскаго вопроса.—Дальнѣйшіе матеріалы по вопросу объ уставѣ организаціи.—Хроника.

Несомнѣнно, что вопросъ о Gegenwarts programm—самый жгучій вопросъ настоящаго момента сіонистской жизни. Оно и понятно: намъ пришлось слишкомъ много пережить и перечувствовать за минувшій годъ...

Правда, въ области конкретныхъ начинаній по этому вопросу трудно отмѣтить много новаго. По прежнему кое-гдѣ и кое-какъ сіонистскіе кружки безъ всякаго направляющаго и систематизирующаго центра создаютъ «образовые» хедеры, бібліотеки, курсы для изученія еврейской исторіи и языка, а въ нѣкоторыхъ пунктахъ и по общимъ наукамъ. По прежнему благодаря личной инициативѣ и тѣмъ пли инымъ случайнымъ обстоятельствамъ сіонисты принимаютъ участіе въ созданіи и поддержаніи различныхъ учреждений матеріальной самопомощи, (ссудо-сберегательныя товарищества, артели и т. д.) и по прежнему говорятъ о завоеваніи общинъ и обществъ пособія. Слегка выдѣляются на этомъ однообразномъ фонѣ два факта. Съ одной стороны одесскіе сіонисты, какъ общаются корреспондентъ «Фрайнда», во время мобилизаціи южнаго округа приняли на основаніи цѣлаго ряда рѣшеній Центральнаго Комитета горячее участіе въ дѣлѣ матеріальной помощи запаснымъ солдатамъ-евреямъ, призваннымъ на дѣйствительную службу, семейства которыхъ остались буквально безъ всякихъ средствъ къ существованію. Кромѣ того пинскіе сіонисты въ виду все болѣе и болѣе осложняющейся и увеличивающейся массовой эмиграціи евреевъ изъ Россіи рѣшили издать особую брошюру-путеводитель для эмигрантовъ и посему обратились къ различнымъ компетентнымъ лицамъ и въ «Welt» съ слѣдующимъ письмомъ:

Въ редакцію „Welt“.

Мы рѣшили издать брошюру, которая должна быть путеводителемъ еврейскихъ эмигрантовъ и для этой цѣли разослали анкету различнымъ ферейнамъ и лицамъ. На основаніи матеріала, который дадутъ отвѣты, будетъ составлена наша брошюра.

Такъ какъ выясненіе этого вопроса зависить также отъ различныхъ мѣстностей, изъ коихъ мы не имѣемъ возможности получить свѣдѣнія, и въ виду его общественнаго значенія, мы просимъ Васъ опубликовать прилагаемую анкету въ „Welt“ и мы надѣемся, что всякій, кто можетъ дать намъ совѣтъ, свѣдѣнія

или сдѣлать какое-либо указаніе по выставленнымъ вопросамъ, окажетъ намъ немедленно свое содѣйствіе.

Кружокъ „Теодоръ Герцль“.

Адресъ: Григорій Лурье, г. Пявскъ.

Интересующихся самой анкетой отсылаемъ къ № 42 «Welt», гдѣ она напечатана цѣликомъ (три отдѣла; А—выясненіе законовъ объ эмиграціи, В—урегулировка передвиженія, С—свѣдѣнія о странахъ поселенія; всего 21 вопросовъ).

Но если мы перейдемъ изъ области практической дѣятельности по вопросамъ (Gegenwarts-programm (дѣятельности, нормируемой уже очень давно установленнымъ *stredo* къ этому вопросу) къ тѣмъ настроеніямъ по этому вопросу, которыя господствуютъ во всей организаціи, взволнованной и захваченной лихорадочнымъ темпомъ жизни окружающей дѣйствительности, мы увидимъ совершенно новую постановку вопроса, новую точку зрѣнія, а посему и новыя программы...

Прослѣдимъ эволюцію этого вопроса. Не такъ давно еще у насъ боялись расширения «границъ сіонизма», говорили, что у насъ слишкомъ мало силъ, чтобы разбрасываться въ разныя стороны. Но неумолимая дѣйствительность настойчиво выставила свои требованія и приходилось идти на уступки: начали заниматься культурной дѣятельностью, экономической, завоеваніемъ общинъ etc. Но во всей этой дѣятельности (кромѣ нѣкоторыхъ областей работы по культурѣ) установилось опредѣленное отношеніе къ программѣ настоящаго, какъ къ *необходимому злу*. Правда въ *теоретическихъ* разсужденіяхъ по этому вопросу отмѣчалось и другое значеніе его. Культуртрегеры подчеркивали иногда, что культурная дѣятельность является единственнымъ *средствомъ* для созданія надежныхъ кадръ сіонистскихъ работниковъ *). Х. Д. Гурвичъ въ своемъ докладѣ объ экономикѣ ясно говорилъ, что тенденціи экономической жизни евреевъ создаютъ изъ нихъ особыхъ людей съ «пенхикой нищаго», который способенъ лишь ждать случайно съ неба свалившагося счастья, а не стойко организованно и сознательно работать для достиженія историческаго идеала. Но такая точка зрѣнія нигдѣ не отражалась въ тенденціяхъ практической работы. Сіонистскіе дѣятели, откладывая широкую культурную дѣятельность до того момента, когда мы будемъ свободно творить свою исторію, лишь реагировали и не очень уже системно на крайнія культурныя потребности, выдвинутыя жизнью. Наша доктрина, полагали дальше они, дасть свое опредѣленное рѣшеніе еврейскаго экономического вопроса, но если евреи эмигрируютъ, нужно урегулировать эту эмиграцію; если евреямъ уже нестерпимо плохо жить — симферопольскіе и двинскіе сіонисты создаютъ судо-сберегательныя товарищества, а виленскіе работаютъ по

*) Характерно, наприм., что І. Клаузнеръ, защищая такое отношеніе къ культурѣ въ своей статьѣ „Границы сіонизма“ не могъ допустить этого для экономики.

учрежденію «общества трудовой помощи». И въ общемъ вся работа не ведется въ широкихъ рамкахъ переходной ступени, средства для цѣли, а съ ней только считаются какъ съ чѣмъ то хотя и необходимымъ, но какъ бы противорѣчащимъ основной задачѣ движенія.

Это было еще совсѣмъ недавно... А между тѣмъ теперь по этому вопросу господствуютъ совершенно другія настроенія. Среди молодежи, напримѣръ, мы встречаемъ такого рода credo

«Несомнѣнная заслуга сіонизма заключается въ томъ, что имъ была признана вся великая важность еврейскаго вопроса, какъ самостоятельной національной проблемы, которая предъ лицомъ всего міра и была имъ поставлена во всей своей рѣшительной полнотѣ, со всей рѣзкостью и опредѣленностью. Въ практическомъ примѣненіи сіонизмъ вдохнулъ новую силу въ живущее въ евреяхъ чувство національнаго единенія, освѣтивъ и значительно подвинувъ впередъ стремленіе евреевъ къ національной эмансипаціи.

Но съ другой стороны, полагая, что внѣ своей самостоятельной территоріи невозможна никакая плодотворная работа, сіонисты весь комплекс своихъ теоретическихъ воззрѣній, всю силу своихъ стремленій, *весь запасъ практическихъ силъ перемѣстили въ область будущаго*, въ тотъ пунктъ пространства и въ тотъ моментъ времени, гдѣ и когда у насъ будетъ свое государство. Здѣсь, на мѣстѣ, они оказались оторванными отъ реальныхъ интересовъ исторической минуты, разыгрывая роль временныхъ гостей на бурномъ пиру современной общестственности. Въ живыхъ практическихъ проявленіяхъ такое отношеніе къ жизни превращается въ полный индифферентизмъ, находящійся въ самой рѣзкой дисгармоніи съ насущными кровными интересами дѣйствительности. Они совершенно забывали забитую, копошащуюся въ своихъ мелкихъ заботахъ еврейскую массу, которая (помимо нужды отвѣта на жгучіе вопросы дня) гибнетъ отъ экономическаго и общественно-духовнаго рабства на мѣстахъ своей осѣлости и, забитая вѣковымъ гнетомъ, она до самостоятельнаго государства, даже при наличности территоріи, можетъ добраться не иначе, какъ сбросивши съ себя иго вѣкового «голуса» со всѣмъ его ужаснымъ наслѣдіемъ и возродившись умственно и нравственно путемъ длиннаго процесса національнаго перевоспитанія. *Не меньше территоріи намъ для торжества нашего національнаго идеала нужна долгая, живая, кипучая дѣятельность національнаго объединенія и самовоспитанія здѣсь на мѣстѣ.*

Национальное возрожденіе возможно только для духовно-здороваго народа, а такимъ народомъ еврей не будутъ, если мы будемъ игнорировать современное экономическое и культурное положеніе еврейскаго народа... Созданъ общественный отдаленный идеаль, но не создано соответствующее реальное движеніе массъ, исходящее изъ реальныхъ интересовъ, и которое опираясь на нихъ, вызвало-бы опредѣленныя, могучія и стойкія соціальныя силы, необходимыя для осуществленія идеала. Нашу гигантскую, небывалую въ исторіи человѣчества задачу нельзя

выполнить, оставивъ совершенно въ сторонѣ настоящую реальную жизнь народа въ голусѣ, внѣ всякой связи съ ходомъ и развитіемъ этой жизни, нисколько не стремясь къ пробужденію народной воли, не развивая національной активности, а наоборотъ политикой лояльности и фаталистическимъ игнорированьемъ систематически воспитывая и узаконяя нашу національную пассивность и безпомощность. Намъ нужно создать, воспитать и пробудить ту, полную творческихъ смѣлыхъ и здоровыхъ силъ, массу, которая будетъ дѣлать нашу исторію, которая способна бороться, чтобы достичь идеала, а для этого партія должна рѣзко реагировать на всѣ явленія обружающей гнетущей дѣйствительности, должна охватить всѣ интересы еврейскаго народа въ ихъ настоящемъ, въ ихъ исторической эволюціи и въ связи съ идеалами и задачами будущаго. Нужна немедленная широкая *Gegenwarts-arbeit*, которая охватитъ всѣ лучшіе, здоровые элементы еврейскаго народа, создастъ кадры смѣлыхъ, свободолюбивыхъ работниковъ общественнаго движенія и которая явится глубоко-продуманной *національной политикой*. Эта *Gegenwarts-programm*—есть необходимое *средство* для достиженія *цѣли*, необходимый этапный пунктъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ историческій *успѣхъ нашей дипломатіи* всецѣло зависитъ отъ нашей широкой современной національной политики, которая *создастъ* среди окружающихъ народовъ *благопріятное цѣлямъ и интересамъ сіонизма* могучее, истинно—властное общественное мнѣніе».

Таково крайнее, можетъ быть, слишкомъ радикальное, (особенно въ своихъ конкретныхъ предложеніяхъ, которыя мы опускаемъ) отношеніе къ вопросу о *Gegenwarts-programm*, вызывающее необходимость «пересѣнки всѣхъ цѣнностей» сіонизма. Если въ другихъ сіонистскихъ сферахъ вопросъ, конечно, не ставится съ такой рѣзкостью и прямолинейностью, нельзя не отмѣтить, что броженіе по вопросу о программѣ внутренней политики существуетъ повсюду.

Кризисъ выяснилъ, что у насъ было достаточно много ненадежнаго, нежизнеспособнаго элемента, который могъ примкнуть къ намъ лишь благодаря нашему индифферентизму къ современнымъ внѣшнимъ условіямъ, въ которыхъ воспитываются наши агенты. Всѣ говорятъ о наступленія второго періода сіонистской дѣятельности, *періода накопленія силъ* и нужно быть слишкомъ близорукимъ, чтобы разумѣть подъ этимъ лишь укрѣпленіе нашихъ институтовъ, а не созданіе творческихъ и соціальныхъ народныхъ силъ...

Вмѣстѣ съ тѣмъ всюду проникаетъ сознание, что вліяніе на общественное мнѣніе и созданіе такого положенія вещей, чтобы для всей Европы выяснилась *необходимость* сіонистскаго рѣшенія еврейскаго вопроса, не менѣе важны, чѣмъ дипломатическіе переговоры съ представителями державъ. Весьма любопытно, что этотъ пунктъ нашей программы, провозглашенный теперь молодежью, еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ защищала сіонистъ, совершенно противоположнаго полюса, М. М. Усышкинъ, довольно подробно разъяснявшій его въ своемъ докладѣ о современной работѣ въ Палестинѣ, читанномъ имъ въ Петербургѣ...

Наконецъ, окружающая дѣйствительность, все больше и больше обостряясь, создаетъ такіа лихорадочныя и болѣзненныя нормы жизни, на которыя не можетъ не отозваться все чуткое и мыслящее въ еврействѣ...

Всѣ эти настроенія и исканія пока еще бродятъ и выясняются, рѣзче или слабѣе преломляясь въ психикѣ отдѣльныхъ сіонистовъ... Трудно предугадать и опредѣлить тѣ формы, въ которыя выльется это исканіе программы настоящаго. Но вопросъ слишкомъ назрѣлъ, слишкомъ рѣзко выставленъ и слишкомъ властно захватилъ думы большинства, чтобы на него можно было не дать раньше или позже опредѣленнаго и реальнаго отвѣта...

Въ виду приближенія времени VII-го конгресса слишкомъ ярые защитники и противники угандскаго проекта начинаютъ волноваться. Въ «*Nazofe*» появилось письмо отъ имени комитета «палестинскихъ» сіонистовъ, въ коемъ просятъ сообщить адреса для объединенія всѣхъ палестинскихъ кружковъ и сіонистовъ къ VII-му конгрессу. Подобное же броженіе замѣтно и въ лагерѣ территориалистовъ и тактическихъ угандистовъ.

Вопросъ о «Сіонѣ» или «территоріи», конечно, долженъ быть выясненъ, но далеко еще не установлено, что это дѣло VII-го конгресса.

Въ этомъ смыслѣ весьма интересно слѣдующее интервью М. Нордау и мистера Гринберга г. S. D. B. 1).

На мой вопросъ, почему „*die Welt*“ такъ скудно снабжаетъ большую публику подробностями о дебатахъ на вѣнскомъ сѣздѣ по вопросу объ Угандѣ и пр., д-ръ Нордау отвѣтилъ слѣдующее:

— Всѣ вопросы, подлежащіе обсужденію конгресса, отнынѣ будутъ печататься въ „*Welt*“, какъ въ нашемъ официальномъ органѣ, и такимъ образомъ широкіе сіонистскіе круги будутъ теперь имѣть полную возможность предварительно обсудить всѣ безъ исключенія, вопросы, представляемые конгрессу. Исполнительный комитетъ несомнѣнно, приметъ всѣ надлежащія къ тому мѣры. Такимъ образомъ каждый делегатъ сможетъ явиться на конгрессъ съ заранее составленнымъ мнѣніемъ по всѣмъ обсуждаемымъ вопросамъ.

— Назначенъ ли день отъѣзда экспедиціи въ Уганду и будетъ ли представленъ ближайшему конгрессу отчетъ экспедиціи, каковы бы ни были результаты осмотра страны?

— О, вы должны были поставить вопросъ иначе, — отвѣтилъ д-ръ Нордау: — Отправится ли вообще экспедиція?

— Но вѣдь вѣнскій сѣздъ постановялъ отправлять ее въ ближайшемъ будущемъ?

— Это такъ. Но могу вамъ сообщить для свѣдѣнія, что не только не назначенъ еще день отъѣзда, но что сама экспедиція не состоится. Дѣло въ томъ, что африканскій банкиръ, обѣщавшій дать всѣ необходимыя средства въ распоряженіе комиссіи, въ послѣднюю минуту взялъ свое предложеніе назадъ. Это, и замѣтите только это, служить причиною отмены постановленія вѣнскаго сѣзда.

— Вѣрно ли, что англійское правительство взяло назадъ, по требованію парламента, свое предложеніе объ Угандѣ?

— Нѣтъ, повторяю, что единственная причина—это неимѣніе средствъ къ отправленію угандской экспедиціи. Такимъ образомъ этотъ важный вопросъ совершенно не будетъ обсуждаться на будущемъ конгрессѣ въ маѣ будущаго года.

— Вѣдь конгрессъ назначенъ въ мартѣ мѣсяцѣ?

1) Будущность N 43.

Да, вопросъ о времени созыва конгресса вызвалъ оживленные дебаты въ собраніи Actions Comité, но соображенія чисто технического свойства принудили, не смотря на постановленіе съѣзда, отложить конгрессъ на май“.

На другой день я выѣхалъ въ Лондонъ. Вскорѣ по приѣздѣ, я получилъ собственноручно письмо отъ д-ра Нордау, для опубликованія, слѣд. содержанія.

„Поррижъ, 28 октября 1904. Дорогой единомышленникъ! Одинъ благородный человекъ, желающій остаться неизвѣстнымъ, предоставилъ въ распоряженіе м-ра Greenberg'a необходимую сумму на отправку комиссіи въ Уганду. Такимъ образомъ экспедиція все-таки можетъ состояться. Что придется дѣлать, когда получитъ отчетъ комиссіи и притомъ благопріятный? По этому вопросу еще ничего окончательно не рѣшено. Конгрессъ, если не произойдетъ ничего непредвидѣннаго, состоится въ Базелѣ въ маѣ. Съ сердечнымъ привѣтомъ Сіона д-ръ М. Нордау“.

За полученіемъ подробныхъ свѣдѣній, какъ объ экспедиціи въ Уганду, такъ и по другимъ существеннымъ вопросамъ, я въ Лондонѣ обратился къ председателю угандской комиссіи и автору проекта.

На мой вопросъ о времени отъѣзда экспедиціи М-г Greenberg отвѣтилъ мнѣ слѣдующее: „Время отъѣзда угандской комиссіи еще не извѣстно. На дняхъ состоится совѣщаніе, которое разрѣшитъ этотъ вопросъ окончательно. Такимъ образомъ пока не представляется возможнымъ точно опредѣлить день выѣзда комиссіи. Точно также не могу утвердительно отвѣтить, успеетъ ли комиссія представить ближайшему конгрессу отчетъ о своихъ наблюденіяхъ. По моему мнѣнію, слѣдовало бы назначить ближайшій конгрессъ въ ноябрѣ или декабрѣ, для *обсужденія* жгучихъ вопросовъ по *организации* и для *выбора президента*. Дѣло въ томъ, что эти вопросы настолько сложны, что ихъ хватить для заполнения ближайшаго конгресса. Что же касается до выслушанія отчета объ экспедиціи, то необходимо было бы созвать конгрессъ по возвращеніи ея. А опредѣлить точно время возвращенія экспедиціи нѣтъ возможности.“

Вмѣстѣ съ тѣмъ ни для кого не тайна, что большинство членовъ б. А. С. за то, чтобы VII-ой конгрессъ былъ приуроченъ къ тому времени, когда угандская экспедиція ни въ коемъ случаѣ не успеетъ вернуться. Посему, будемъ откровенны, VII-ой конгрессъ не будетъ заниматься угандскимъ проектомъ. Въ настоящее критическій моментъ для перваго послѣ Смерти Теодора Герцля конгресса найдется достаточно много весьма важной, требующей немедленнаго исполненія, другой работы...

Переходимъ къ новымъ матеріаламъ по вопросу о созданіи новаго устава организаціи. Въ № 45-мъ и 46-мъ «Welt» напечатана статья д-ра Кокеша, члена Вѣнскаго А. С., суть которой сводится къ слѣдующему:

Д-ръ Кокешъ весьма недоволенъ тѣмъ, что послѣ смерти Герцля повсюду говорятъ о необходимости „спасти“ организацію путемъ измѣненія ея устава. „Спаси насъ, Господи, говоритъ онъ, отъ такихъ друзей, а съ врагами мы сами справимся“, ибо, во 1-хъ, сіонизмъ не нуждается въ „спасителяхъ“ и, во-вторыхъ, разрушеніе созданнаго за семь лѣтъ будетъ чѣмъ-то другимъ, а не спасеніемъ.

Идеаломъ организаціи, говоритъ онъ далѣе, такого движенія, адепты котораго распространены по всему земному шару, явится такая, гдѣ будетъ строго установленъ принципъ *централизации*, при которомъ на каждое движеніе центра немедленно и чутко реагируетъ вся периферія. Успѣхъ такой организаціи, конечно зависитъ отъ той или иной интенсивности центра въ отпавленіи имъ своихъ функций. Но нѣтъ абсолютной возможности приблизиться къ этому идеалу, если нѣтъ никакого центра или ихъ будетъ цѣлыхъ девять, при чемъ одинъ не будетъ имѣть свѣдѣній о положеніи дѣлъ другого.

Самыми лучшими предложеніями для достиженія идеальной организаціи д-ръ Кокешъ считаетъ проекты Шнирера и Юрк-Штейнера. Основаніемъ системы Шнирера является *сотня* шекеделателей. Представители десяти сотенъ выдвигаютъ представителя тысячи, а пять тысячъ создаютъ группу, представитель коей уже

сносится съ А. С. Йоркъ-Штейнеръ, полагая, что одному человеку трудно сноситься съ цѣлою сотней, предлагаетъ за базисъ десятиокъ (Minjansysteme). И оба настаиваютъ на строгой централизаци.

Къ этому типу идеальной организаціи, полагаетъ д-ръ Кокешъ, мы рано или поздно придемъ. Но и современная наша организація, хотя и не достигла этого идеала, далеко не такъ плоха. Имѣется постоянное общеніе между Вѣнскими центромъ и членами Большого А. С., между послѣдними и Landes-Komites, между районнымъ управленіемъ, кружками и отдѣльными сипистами. Самыя важнѣйшія постановленія А. С. весьма быстро дѣлаются достояніемъ всей сипистской организаціи. Д-ръ Кокешъ, какъ постоянный докладчикъ по внутреннимъ вопросамъ, на основаніи своей освѣдомленности увѣряетъ, что внутренняя организація въ общемъ еще надежна.

Защитники-же идеи измѣненія статутовъ главнымъ образомъ обосновываютъ это на томъ, что статуты стараго устава были всецѣло приурочены къ личности покойнаго президента. Д-ръ Кокешъ горячо протестуетъ противъ этого. Оно было бы правильно, если бы въ §§-хъ устава, напримѣръ, значилось, что мѣстонахождение А. С. должно быть обязательно въ Вѣнѣ, что конгрессъ выбираетъ лишь президента А. С., а послѣдній уже самъ находитъ себѣ сотрудниковъ. У насъ въ организаціи нѣтъ ни одного института, во главѣ котораго была бы *одна личность* и поэтому нельзя говорить о существованіи такого принципа въ уставѣ организаціи по отношенію къ Герциу.

То обстоятельство, что всѣ члены А. С. должны жить въ одномъ городѣ является результатомъ желательности близкаго общенія членовъ управленія организаціи, а не приуроченія къ д-ру Герциу, ибо въ послѣднемъ случаѣ, уставъ бы гласилъ, что всѣ члены А. С. должны жить не просто въ *одномъ* городѣ, а только въ городѣ *Вѣнѣ*.

Засимъ, д-ръ Кокешъ переходитъ къ разбору проектовъ Марморека, Клее и Гантке. Основнымъ принципомъ этихъ проектовъ онъ считаетъ *децентрализацию*. Хотя они и считаютъ необходимымъ поставить во главѣ яко-бы одну центральную коллегію, А. С., но этотъ А. С. получаетъ совершенно новый характеръ; въ немъ будетъ девять членовъ, изъ которыхъ каждый живетъ въ особомъ городѣ и вѣдаетъ особымъ дѣломъ. Правда, они будутъ сѣзжаться разъ въ три мѣсца, но фактически каждый будетъ управлять своимъ отдѣломъ совершенно независимо отъ другихъ.

Помимо вышеупомянутаго мотива необходимости такой реформы въ виду смерти Герциа, есть еще обоснованіе другое, положительное: многіе достойные и подходящіе дѣятели живутъ въ различныхъ городахъ. И этотъ мотивъ д-ръ Кокешъ считаетъ необоснованнымъ, ибо тѣхъ лицъ, въ совѣтъ и содѣйствія коихъ А. С. будетъ нуждаться, можно будетъ привлекать, какъ это дѣлалось донинѣ, (М. Нордау, Каценельсонъ, Коуень, Гринбергъ etc.) и непозволнимъ, ибо, говоря образно, три простые крестьянскія лошади, дѣйствующія объединенно, гораздо скорѣе достигнутъ цѣли, чѣмъ девять арабскихъ скакуновъ, изъ которыхъ каждый двигается по своему направленію. Тѣмъ болѣе еще у насъ вовсе не видно особуихъ гонимъ и выдающихся работниковъ! Кромѣ того, д-ръ Кокешъ не понимаетъ, почему нужно разъединить нашъ высшій органъ изъ за созданія особуихъ „отдѣловъ“. Дифференціація работы существовала уже давно: д-ръ Герциъ вѣдалъ дѣлами внѣшней политики, Кременецкій—національнымъ фондомъ, Марморекъ—прессой, Кокешъ—финансами и внутр. дѣлами, Канъ—культурной, и обл. послѣдніе вмѣстѣ—юридическими дѣлами. И, конечно, это распредѣленіе гораздо лучше могутъ сдѣлать сами члены А. С., другъ друга близко знающіе. чѣмъ конгрессъ, делегаты котораго сѣзжаются разъ въ два года и совершенно не знаютъ кандидатовъ.

Помимо безполезности *децентрализаци* д-ръ Кокешъ считаетъ ее безусловно вредной. Во-первыхъ, необходимо постоянное общеніе между членами А. С. Завѣдующій внутренними дѣлами, напр., ничего не можетъ предпринять, если онъ не можетъ постоянно сноситься съ своимъ товарищемъ, вѣдающимъ внѣшней политикой и знающимъ, что необходимо предпринять въ той или другой странѣ: всѣ члены А. С. ничего не могутъ предпринять не будучи au courant положенія финансового дѣла. Во-вторыхъ, событія иногда такъ измѣняются, что А. С. приходилось на послѣобъденномъ засѣданіи измѣнять утреннія постановленія. Въ третьихъ, постоянный обмѣвъ мнѣній членовъ А. С., сженедѣльно засѣзавшихъ,

создавалъ очень часто новые проекты и совершенно измѣняли мнѣніе одного члена А. С., который узнавалъ положеніе дѣлъ въ другомъ отдѣлѣ.

Помимо абстрактныхъ разсужденій вся наша семилѣтняя практика показываетъ неустѣпность децентрализованной работы: у насъ были агитационная, культурная, организационная и колонизационная коммисіи, члены которыхъ жили въ различныхъ городахъ и которыя совершенно бездѣйствовали. Особенно ясно выступаетъ это въ коммисіи по легализации національнаго фонда, члены коей желали работать и вмѣстѣ съ тѣмъ три года тянули свое дѣло; съ другой стороны недавно созданная палестинская коммисія, члены которой живутъ въ одномъ городѣ, оказалась весьма дѣятельной.

Далѣе д-ръ Кокешъ, находя, что всѣ эти проекты только разъединяютъ членовъ Исполнительнаго Комитета движенія, оставляютъ послѣднее безъ центра, безъ главы, и посему не имѣютъ никакого смысла и вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ вызвать необходимость измѣненія устава Банка, что весьма трудно, заявляетъ, что *въ общемъ организація можетъ быть прежняя и нужно ввести только нѣкоторыя детальныя поправки*. Изъ послѣднихъ онъ указываетъ, во-первыхъ, на необходимость выясненія отношеній между малымъ и большимъ А. С., и, во-вторыхъ, отдѣленіе должности президента Исполнительнаго Комитета и президента Конгресса.

Кромѣ сего на страницахъ «Welt» сторонники *централизованной* организаціи выясняютъ вопросъ о томъ, гдѣ быть этому центру.

Съ одной стороны Фридеманъ ¹⁾ полагаетъ, что Вѣна не должна остаться мѣстомъ пребыванія центральнаго сіонистскаго органа, какъ она и не была бы имъ никогда, еслибъ Герцль не жилъ бы тамъ. Вѣна уже давно перестала быть тѣмъ пунктомъ, гдѣ рѣшаются вопросы европейской политики; вмѣстѣ съ тѣмъ Вѣна столь бѣдна сіонистскими силами, что даже современное малое А. С. было довольно трудно составить. Подходящимъ пунктомъ Фридеманъ считаетъ Лондонъ. Тамъ живутъ еврейскія народныя массы, тамъ находится нашъ Банкъ, тамъ, несомнѣнно, одинъ изъ главныхъ центровъ современной всемірной политики, и вмѣстѣ съ тѣмъ тамъ легко можно будетъ найти пять человѣкъ, которые могли бы стать во главѣ нашего движенія. Предполагая-же, что только три члена А. С. будутъ изъ англійскихъ сіонистовъ, можно быть увѣреннымъ, что тотъ или другой представитель русскихъ сіонистовъ сможетъ переселиться въ Лондонъ; пятый же членъ А. С., намѣчаемый теперь многими кѣльскій товарищъ, и нынѣ по дѣламъ нашего Банка долженъ весьма часто бывать въ Лондонѣ.

Съ другой стороны Л. Паперинъ ²⁾ считаетъ совершенно излишнимъ перенесеніе центра изъ Вѣны въ Лондонъ. Онъ полагаетъ, что Вѣна и Базель въ силу традиціи уже завоевали себѣ большую популярность и авторитетъ среди сіонистскихъ массъ. Какъ устройство конгресса въ Лондонѣ, такъ и проекты устройства ихъ въ Амстердамѣ, Гаагѣ etc. встрѣчены были весьма холодно. Кочеваніе нашего центра создаетъ впечатлѣніе чего то мало-солиднаго и плохо-организованнаго. За Вѣну же говорить ея нѣмецкій языкъ (болѣе знакомый еврею) и ея удобное географическое положеніе.

По вопросу о роли Лондона въ политической жизни Европы, Паперинъ говоритъ, что сіонизмъ долженъ занять нейтральное и самостоятельное поло-

¹⁾ Welt № 45.

²⁾ Welt № 47.

женіе въ вопросахъ европейской политики, дабы не подпасть подъ вліяніе и не оказаться орудіемъ въ рукахъ *одной* державы, а стремится къ сочувствію *всѣмъ* державъ; въ этомъ смыслѣ сознаніе центра въ Лондонѣ представляеть опасность.

По поводу же подходящихъ кандидатовъ Наперинъ, не называя подобно Фридеману именъ, полагаетъ, что таковыя несомнѣнно найдутся въ Вѣнѣ, гдѣ живутъ сотрудники Герцля, столько лѣтъ съ нимъ вмѣстѣ работавшіе. ¹⁾

Въ заключеніе, считаемъ необходимымъ отмѣтить, что всѣ эти матеріалы по вопросу о некой организаціи понемногу начинаютъ обсуждаться кружками. Въ этомъ смыслѣ весьма интересно послѣднее письмо минскаго уполномоченнаго, подробно остановившагося на вопросѣ объ организаціи и обратившаго на него вниманіе кружковъ. Надо надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ уполномоч. другихъ раіоновъ также подвергнутъ обсужденію въ своихъ письмахъ этотъ важнѣйшій вопросъ ближайшаго конгресса.

Отмѣчаемъ важнѣйшія событія сіонистской хроникки.

— Малый А. С. постановилъ созвать въ Вѣнѣ 22-го декабря (4 января по Н. С.) собраніе Большого А. С. Программа засѣданій: 1. Точное опредѣленіе мѣста и времени VII конгресса. 2. Разсмотрѣніе организаціоннаго статута. 3. Разсмотрѣніе нѣкоторыхъ другихъ предложеній на конгрессѣ. 4. Частныя предложенія.

Мы считали бы весьма необходимымъ со стороны кружковъ обсужденіе нѣкоторыхъ пунктовъ этой программы (главнымъ образомъ перваго) и немедленное сообщеніе своихъ рѣшеній по этимъ вопросамъ уполномоченнымъ.

— Вопросъ объ открытіи отдѣленія Евр. Кол. Банка въ восточной части города Лондона отложенъ.

— 27 ноября с. г. въ Краковѣ состоится районный съѣздъ западно-галиційскихъ сіонистовъ. Tagesordnung: I. 1. *Открытіе*. 2. Выборы. 3. *Gescheft-sordnung*; II. *Отчетъ районнаго комитета*. 1. Общій отчетъ. 2. Финансовый отчетъ. 3. Административный отчетъ. III. *Организація*. IV. *Агитація и пресса*. V. *Наши финансовыя институты*. VI. *Партійная тактика*. 1. Отношеніе къ угандскому вопросу. 2. Отношеніе къ мизрахизму. 3. Отношеніе къ еврейскимъ несіонистскимъ партіямъ. 4. Отношеніе къ политическимъ партіямъ Галиціи. VII. *Выборы новаго районнаго комитета*. VIII. *Предложенія*. IX. *Закрытіе съѣзда*.

— Въ работахъ предстоящаго Франкфуртскаго съѣзда по вопросу объ урегулированіи эмиграціи принимаютъ участіе представители сіонистовъ съ д-ромъ Вольфсономъ во главѣ.

— Въ выборахъ и предвыборной агитаціи во время избранія президента

¹⁾ Какъ мы уже говорили мы пока ограничиваемся лишь сообщеніемъ матеріаловъ по вопросу объ организаціи. Нѣкоторое освѣщеніе вопроса о „Вѣнѣ и Лондонѣ“ читатели найдутъ въ отдѣлѣ „Иностр. обозрѣніе“.

Сѣверо-америк. Соединенныхъ штатовъ принимали горячее участіе американскіе сіонисты. Всѣ они (по совѣту М. Нордау) агитировали и голосовали за нынѣ избраннаго президента Рузвельта.

— Въ Берлинѣ скончался Вилли Бамбусъ, одинъ изъ старыхъ палестинофиловъ, который несмотря на свою долготѣнную активную дѣятельность въ нѣмецкихъ палестинофильскихъ обществахъ, не могъ акклиматизироваться въ новой атмосферѣ политическаго сіонизма.

— Товарищество «Геуло» для покупки частными лицами земель въ Палестинѣ нынѣ уже учреждено. Надо надѣяться, что съ легализаціей этого учрежденія сіонисты проявятъ болѣе интенсивную дѣятельность въ этомъ смыслѣ.

— Въ послѣднемъ № 48 «Welt» напечатано слѣдующее сообщеніе:

⁹/₁₈ ноября сего года депутація русскихъ сіонистовъ представлялась Министру внутреннихъ дѣлъ. Депутація состояла изъ д-ра Н. Каценельсона (Либава) (еще раньше представлявшагося г. Министру), прис. пов. І. Ясиновскаго (Варшава), д-ра Е. В. Чденова (Москва) и пом. прис. пов. Г. Бѣлковскаго (Петербургъ). Г. Министръ благосклонно выслушалъ ихъ сообщеніе объ основныхъ положеніяхъ и стремленіяхъ сіонистскаго движенія и сообщилъ, что онъ обратитъ серьезное вниманіе на этотъ важный вопросъ. ¹⁾

С. Г.

1) Мы желаемъ расширить въ нашихъ обзорахъ освѣщеніе провинціальной сіон. жизни и посему покорно просимъ читателей—товарищей дѣлиться съ нами *всевозможными* свѣдѣніями о сіон. жизни въ провинціи. Будемъ особенно благодарны за регулярныя сообщенія. Для удобства сортировки просимъ подписывать для С. Г.

Х. Н. Бяликъ *)

Мартъ 1904. Передъ Пасхой.

„Im ên ani li mi li?“
„Если не я за себя, то кто-же?“.

Мой старшій братъ по духу, чародѣй
и властелинъ той рѣчи музыкальной,
что звалъ своей давно мой пращуръ дальный
и внукъ мой назоветъ опять своей,—
простите мнѣ большіе недочеты
поспѣшной и взволнованной работы:
я былъ бы гордъ и радъ, когда-бы могъ
воспроизвестъ на языкѣ изгнанья
всю глубину и мощь негодованья,
которое гремитъ изъ вашихъ строкъ,—
но не успѣть съ отдѣлкою до срока:
уже гремитъ, и буря недалеко..

.....
Просыпайся, родъ Егуды!
Ждетъ весны кругомъ природа:
близко Пасха—день Исхода
на свободу изъ оковъ.

Ужъ гремятъ за нами снова,
какъ тогда, во время оно,
колесницы Фараона
съ дикимъ полчищемъ враговъ.

*) Предисловіе къ русскому переводу поэмы «Сказаніе о Немировѣ»
(Massa Nemirow).

Всѣ друзья намъ измѣнили,
мы одни въ бою со зломъ.
Mi li, mi, im én ani li?
Дружно, братья—напроломъ!

Слушай, племя Израэля!
Въ васъ однихъ у васъ опора:
злѣй и горше нѣтъ позора,
чѣмъ насилье перенести.

Брось униженнымъ презрѣнье,
чтобъ оно ихъ оживило,
и воскресла въ мышцѣ сила,
въ сердцѣ мужество и честь.

Кто не съ нами, тѣ изгнали,
тѣмъ мученья подѣломъ.

Mi li, mi, im én ani li?

Дружно, братья—напроломъ!

Наше прошлое донинѣ
создала не наша сила:
нашу лѣтопись творило
племя чуждое вокругъ:

выходите на арену,
чтобъ отнынѣ наша доля—
наше рабство, наша воля,
стали дѣломъ нашихъ рукъ!

Мы бывшее схоронили,
мы грядущее куемъ

Mi li, mi, im én ani li?

Дружно, братья—напроломъ!..

.....
.....

Ждать некогда, немного дней до срока:
пора пустить, не мѣшкавая, въ борьбу
хоть слабый отзвукъ вашего упрека—
могучаго упрека и урока
несчастному „побитому рабу“.
Пускай прочтутъ рабы страницу гнѣва,
и да взойдетъ изъ вашего посѣва
благой ростокъ...

И все же, кромѣ васъ,
(мнѣ хочется напомнить вамъ объ этомъ)

про тотъ погромъ еще другимъ Поэтомъ
написанъ потрясающій рассказъ.
Вашъ—полонъ мощи страстной и могучей,
но тотъ сильнѣй.—Однажды, въ сорной кучѣ,
въ *томъ городѣ* замѣтилъ я клочекъ
пергамента—изорванную Тору.
Я взялъ его, и вынулъ свой платокъ,
и бережно стряхнулъ пылинки сору,
и прочиталъ: „бе-эрецъ нохрія“—
„въ чужой землѣ“.

Его прибилъ я дома:
въ тѣхъ двухъ словахъ изъ книги Бытія
разсказана исторія погрома.

Вл. Ж.

Иностранное обозрѣніе.

Эмиграціонный вопросъ; Прусское правительство и эмигранты; Hilfsverein; Эмиграціонное бюро; Fremden gesetz въ Швейцаріи. — Еврейскіе студенты и г. Брайнинъ. — О сіонистскомъ партійномъ судѣ; Станиславская стачка. — Англо-Американская партійная и „безпартійная“ жаргонная пресса. Поѣздка Зангвилья въ Америку. — Экспедиція въ Уганду. — Бюдовъ о Герцлѣ, сіонизмъ и гипотезахъ. — Герцль и Лассаль — Люгеръ. Вѣна или Лондонъ; сіонизмъ и англійскій имперіализмъ; новыя „традиціи“. — Борьба въ еврейскихъ общинахъ. — „Новый курсъ“. — Жаргонъ на западѣ. — Вилли Бамбусъ.

Въ послѣднее время эмиграціонный вопросъ вновь обострился и занялъ первое мѣсто среди другихъ вопросовъ еврейской жизни; и вся наша пресса заволновалась и заговорила о невозможныхъ условіяхъ еврейской эмиграціи. Все это было вызвано *главнымъ образомъ* тѣми притѣсненіями, которымъ еврейскіе эмигранты подвергались въ Пруссіи. По пути изъ душной «черты» въ столь же, или почти столь же, душное гетто Лондона и Нью-Йорка, эти бѣдняки почувствовали тройное проклятіе — быть бѣднымъ еврейскимъ эмигрантомъ. При открытомъ содѣйствіи прусскаго правительства агенты нѣмецкихъ пароходныхъ обществъ возмутительнѣйшимъ образомъ выманивали у эмигрантовъ послѣдніе гроши, заставляли ихъ покупать билеты нѣмецкихъ пароходныхъ обществъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда эмигранты уже имѣли англійскія Schiffskarten, стоящія въ три раза дешевле. И не нѣмецкіе *евреи*, не нѣмецкіе *влиятельные евреи* были первыми, поднявшими протестъ противъ этого позорнаго поведенія прусскаго правительства! И не имъ принадлежитъ заслуга ограниченія этихъ притѣсненій, какъ они теперь хотятъ въ этомъ увѣрить общество! Заслуга въ данномъ случаѣ принадлежитъ безспорно берлинской газетѣ «Vorwärts», первой поднявшей кампанію противъ этой тактики правительства и заставившей его измѣнить курсъ.

Въ то время, какъ нѣмецкая пресса, находящаяся въ еврейскихъ рукахъ, какъ, напримѣръ «Berliner Tageblatt», «Vossische Zeitung» и другія, кричала о преувеличеніяхъ Vorwärts'a, невѣроятности и неправдоподобности его рассказовъ, и продолжала распаркиваться передъ директоромъ гамбургскаго пароходнаго общества Баллиномъ (къ стыду нашему, Баллинъ еврей), Vorwärts собиралъ

данныя о случаях безчеловѣчнаго обращенія съ евреями-эмигрантами на пути слѣдованія черезъ Пруссію и день за днемъ опубликовывалъ ихъ. Наконецъ онъ командировалъ своего сотрудника для точнаго изслѣдованія положенія эмигрантовъ на такъ называемыхъ контрольныхъ станціяхъ. При этомъ разыгрался комичный эпизодъ, по существу собственно болѣе печальный, чѣмъ смѣшной, помогшій окончательно выяснитъ, что факты, которые считали или хотѣли считать преувеличенными, вполне соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Командированный *Vorwärts*'омъ сотрудникъ переодѣлся эмигрантомъ, отправился на *Lehrter Bahnhof* (вокзалъ, съ котораго отправляется большинство еврейскихъ эмигрантовъ) и взялъ билетъ въ Гамбургъ. Но тутъ же на вокзалѣ онъ былъ задержанъ агентомъ Баллина и, несмотря на всѣ протесты его и увѣренія, что онъ ѣдетъ въ Гамбургъ, а не въ Америку, былъ отправленъ на контрольную станцію *Ruheleben*. Тамъ съ нимъ продѣлали все, что продѣлывается съ остальными эмигрантами, всѣ деньги забрали, хотѣли заставить купить билетъ въ Америку и, такъ какъ это не удавалось, собирались наконецъ отправить его обратно на русскую границу... но тутъ онъ вынулъ и показалъ карточку: «Сотрудникъ нашей газеты *X.* уполномоченъ изслѣдовать положеніе эмигрантовъ на контрольной станціи *Ruheleben*.—Ред. *Vorwärts*.» Эффектъ получился полный! Сотрудника *Vorwärts*'а сейчасъ же отпустили, конечно. На второй день вся эта исторія была напечатана.

Дѣло приняло новый оборотъ. Кричавшіе прежде о преувеличеніяхъ должны были волей неволей признать истинное положеніе вещей. А правительство увидѣло, что ему предстоятъ по этому поводу крупныя объясненія въ парламентѣ—а что ни говори, съ представителями «3-хъ миллионной партіи» приходится считаться—и сочло за болѣе благоразумное, послѣ софлѣціи между Бюловомъ и Баллиномъ, пойти на уступки. Чтобъ, однако, не показатъ виду, что это было сдѣлано подъ давленіемъ *Vorwärts*'а, устроили конференцію между Баллиномъ и Симономъ, представителемъ *Hilfsverein*'а и... Баллинъ «снизошелъ» къ просьбамъ *Hilfsverein*'а. Теперь почти всѣ газеты указываютъ на то, что хлопоты *Hilfsverein*'а увѣличались успѣхомъ; на самомъ же дѣлѣ не «хлопоты» увѣличались успѣхомъ, а повліяла сила общественнаго мнѣнія.

Сильно возбужденное общественное мнѣніе заставило западно-европейскихъ евреевъ серьезно запятаться вопросомъ урегулированія еврейской эмиграціи. Большая въ этомъ дѣлѣ заслуга по справедливости должна быть приписана нѣмецкому *Hilfsverein*'у. Надо признаться, что за короткое время своего существованія *Hilfsverein* развилъ обширную дѣятельность, какую рѣдко приходится отмѣчать среди западно-европейскихъ еврейскихъ учреждений.

И теперь онъ первый взялся за то, о чемъ много говорили (но только говорили) за устройство эмиграціоннаго бюро. О необходимости такого бюро здѣсь изъяснить. Что мы особенно можемъ привѣтствовать въ разосланномъ *Hilfsverein*'омъ воззваніи — это широкое пониманіе своей задачи, выразившееся

въ предложеніи созвать обще-еврейскій съѣздъ для регулированія еврейской эмиграціи. Если при этомъ вспомнить тѣ побужденія, которыми, всего три года тому назадъ, учредители этого ферейна мотивировали невозможность совмѣстной работы съ Alliance'омъ; если вспомнить, что мотивы эти, главнымъ образомъ, сводились къ тому, что задачи нѣмецкихъ евреевъ—насаждать нѣмецкую культуру среди своихъ «единовѣрцевъ»—какъ разъ противоположны задачамъ французскихъ евреевъ—если, говоримъ мы, вспомнить эти мотивы и сопоставить ихъ съ теперешней агитаціей этого ферейна за обще-еврейскій съѣздъ и съ тѣмъ новымъ тономъ, которымъ вѣтъ отъ этого воззванія, гдѣ рядомъ съ постояннымъ «Glaubensgenossen» прокрадывается иногда и запрещенное »Stammesgenossen» и гдѣ вмѣсто «насажденія нѣмецкой культуры» признано нужнымъ обращаться къ народу на понятныхъ для него языкахъ—жаргонѣ или еврейскомъ—то мы увидимъ, какъ много измѣнилось за послѣднее время и въ западной Европѣ.

Одновременно съ Hilfsverein'омъ и другія еврейскія учрежденія приступили къ организаціи эмиграціонныхъ комитетовъ. Кромѣ существующаго въ Базелѣ комитета, организовались комитеты въ Лондонѣ, Нью-Йоркѣ, Вѣнѣ и другихъ центрахъ. Объединеніе всѣхъ этихъ комитетовъ, какъ и остальныхъ крупныхъ благотворительныхъ еврейскихъ учреждений можетъ, при широкомъ пониманіи общихъ задачъ, принести грандіозную пользу еврейской эмиграціи. Изъ упомянутыхъ выше комитетовъ особенный интересъ представляетъ базельскій комитетъ, основанный въ іюлѣ 1902 года.

Черезъ Базель ежегодно эмигрируетъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, ѣдущихъ на французскихъ пароходахъ черезъ Базель-Парижъ-Гавръ въ Америку. Базельская еврейская община не проявила особыхъ симпатій по отношенію къ этимъ эмигрантамъ. Она, главнымъ образомъ, старалась предохранить себя отъ того, чтобы—чего добраго—нѣкоторые эмигранты не остались въ Базелѣ. Въ этомъ смыслѣ они и работали и въ концѣ концовъ добились *неофициальнаго* обѣщанія директора полиціи не допускать того, чтобы эти евреи оставались въ Базелѣ: сейчасъ же по прибытіи ихъ отправляютъ дальше. Но къ чести базельскихъ сіонистовъ должно быть отмѣчено, что они самымъ энергичнымъ образомъ выступили противъ позорнаго поведенія базельской общины, и двое изъ нихъ взялись организовать кой-какую помощь проѣзжающимъ эмигрантамъ. Энергичной работѣ этихъ двухъ лицъ мы обязаны тѣмъ, что разросшійся «Hilfskomité für jüdische Auswanderer in Basel» имѣетъ теперь возможность помогать еженедѣльно свыше 100 проѣзжающимъ эмигрантамъ.

Несмотря на то, что очень незначительное число эмигрантовъ остается въ Швейцаріи (во всей Швейцаріи находится около 2000 русскихъ и галиційскихъ евреевъ), Fremdenfrage и тамъ уже волнуешь умы. Недавно въ «Neue Züricher Zeitung» появилось симптоматичное письмо, гдѣ указывается весь вредъ, приносимый странѣ русскими евреями, и правительство призывается къ закрытію границы передъ русско-еврейскими эмигрантами. Хотя эта статья вызвала офи-

ціальное опроверженіе, но поговариваютъ, что проэктъ о закрытіи границы для русско-еврейскихъ эмигрантовъ будетъ скоро внесенъ и въ парламентъ.

Недружелюбный приѣмъ въ Швейцаріи встрѣчаютъ не только русско-еврейскіе эмигранты, но и русско-еврейское студенчество. Собственно говоря, послѣднія ограниченія въ университетахъ направлены противъ русскихъ вообще, но страдаютъ отъ этого, понятно, главнымъ образомъ еврей-студенты, а еще больше еврейки-студентки. Приѣмъ этихъ послѣднихъ все больше и больше ограничивается, а отношеніе мѣстнаго населенія все обостряется. Экспансивность этихъ студентокъ и ихъ простое, товарищеское отношеніе къ своимъ коллегамъ непонятно для швейцарскихъ мѣщанъ и возбуждаетъ среди нихъ различные толки и сидетни. Но что удивительнаго въ томъ, что швейцарскія мѣщанки не понимаютъ этихъ отношеній, если даже нѣкоторые русско-еврейскіе интеллигенты, или считающіе себя интеллигентами, не могутъ или не хотятъ разобраться въ этихъ простыхъ человѣческихъ отношеніяхъ? Мы не хотимъ говорить о тѣхъ грязныхъ пасквильяхъ, съ которыми одинъ изъ бернскихъ русско-еврейскихъ студентовъ выступилъ въ прошломъ семестрѣ въ швейцарской прессѣ — мы здѣсь имѣемъ въ виду недостойный поступокъ г. Брайнина. Отъ такого серьезнаго писателя, какъ г. Брайнинъ, мы вправѣ были ожидать болѣе тонкаго пониманія такихъ простыхъ вещей или хотя бы болѣе приличнаго сужденія о томъ, что *ему* непонятно. Мы не принадлежимъ къ апологетамъ заграничнаго еврейскаго студенчества—и это не только слѣдствіе нашего близкаго знакомства съ нимъ, но и нашего мнѣнія, что, «заграничное студенчество» далеко не однородно, и о немъ нельзя говорить, какъ бы объ особомъ классѣ съ общими интересами и общей психической и соціальной физиономіей. И если «Фрайндъ» убѣжденъ, что каждый заграничный студентъ или студентка живетъ непременно впроголодь и живетъ только «идеалами и ради идеаловъ», то мы можемъ только сказать: — блаженъ, кто вѣруетъ. Мы отлично знаемъ, что за границу теперь ѣдетъ не тотъ, кто хочетъ, а тотъ, кто можетъ... и на ряду съ глубиной и нравственной красотой вы очень часто встрѣтите ординарность и мелкоту. Мы это знаемъ и знаемъ, что иначе и быть не можетъ, такъ какъ различіе, созданное цѣлымъ рядомъ соціальныхъ факторовъ, не уничтожается съ приѣмомъ въ университетъ и пріобрѣтеніемъ званія студента. Но подойти съ грязными мыслями къ одной изъ *лучшихъ* сторонъ этой студенческой жизни, набросать тѣнь на тѣ хорошія простыя товарищескія отношенія, которыя существуютъ между студентами и студентками, основываясь при этомъ на сидетняхъ и разсказахъ,—это поступокъ до того недостойный, что долженъ вызвать общій протестъ.

Мы думаемъ, что такой пасквиль не можетъ остаться безъ отвѣта. Еслибы еврейскіе литераторы имѣли свой товарищескій судъ, то они должны были бы привлечь г. Брайнина къ этому суду.

Къ сожалѣнію, не можетъ быть рѣчи о корпоративности еврейскихъ литераторовъ, не говоря уже о товарищескомъ судѣ. Можно было бы говорить о

другомъ судѣ: г. Брайнницъ—сіонистъ и могъ бы быть привлеченъ къ суду партіи; мы не знаемъ только, на сколько партія можетъ вдаваться въ разборъ этого поступка, являющагося главнымъ образомъ прегрѣшеніемъ противъ *литературной* этики.—Что въ другихъ частныхъ случаяхъ, принимающихъ общественный характеръ, партія имѣетъ право судить своихъ членовъ—въ этомъ мы глубоко убѣждены; это подтверждаетъ и редакціонная замѣтка въ № 43 «Welt» по поводу воззванія Станиславскаго стачечнаго комитета. Еврейскіе приказчики колоніальныхъ магазиновъ въ Станиславѣ (Галиція), вынужденные ужасающими условіями своего труда—они работаютъ отъ 6 часовъ утра до часу ночи—устроили стачку, требуя сокращенія рабочаго времени на 5 часовъ—и установленія его отъ 6 часовъ утра до 8 часовъ вечера. Хозяева не соглашаются и грозятъ служащимъ различными репрессіями.

Между этими хозяевами находятся нѣкоторые сіонисты. И вотъ по этому поводу «Welt» замѣчаетъ, что станиславская сіонистская организація должна опровергнуть это утвержденіе или же, если это правда,—привлечь этихъ сіонистовъ хозяевъ къ суду организаціи. Мы находимъ эту редакціонную замѣтку вполне справедливой: сіонистская партія не можетъ и не должна допустить, чтобы члены ея совершали поступки не соответствующіе, даже противорѣчащіе освободительному характеру сіонистскаго движенія.

На дняхъ въ Лондонѣ происходилъ судъ надъ участниками извѣстнаго ирландскаго скандала въ іомъ-кипуръ, и газеты снова заговорили объ этой дикой исторіи. Одинъ изъ представителей евреевъ-анархистовъ выступилъ въ Jewish Chronicle съ объясненіемъ, что не ихъ партія вызвала скандалъ, а ортодоксы. Мы очень далеки отъ того, чтобы защищать лондонскихъ ортодоксовъ и ихъ дикій поступокъ, но нельзя отрицать, что скандалъ этотъ былъ провозглашенъ не той темной невѣжественной массой, которая его устроила, а какъ разъ тѣми, которые при лучшемъ пониманіи своихъ задачъ и при болѣе умѣломъ и разборчивомъ выборѣ средствъ могли бы внести много свѣта въ темное еврейское лондонское гетто. Въ своей борьбѣ противъ религіи они настолько примитивны, и въ своихъ средствахъ они впадаютъ въ такой грубый бульварный тонъ, что это скорѣй способно оскорбить чувства еврейской массы, чѣмъ повліять на нее въ смыслъ просвѣщенія. Въ литературѣ ихъ вы часто встрѣтите на ряду съ какой-нибудь переводной статьей Гекеля, и плоды «самобытной» мысли, въ которыхъ обнаруживается такое грубое непониманіе сущности религіознаго вопроса и формъ борьбы противъ религіи, что вы получаете впечатлѣніе, будто имѣете дѣло съ эпикурействующимъ ешиботникомъ или съ вольнодумцемъ—гимназистомъ 2-го класса. Какъ на курьезъ стоитъ указать на слѣдующій случай. Въ Нью-Йоркѣ издается газета «Freie Arbeiterstimme»; она постоянно водеть съ другой нью-йоркской газетой «Vorwärts». Недавно между этими двумя

газетами произошел споръ о томъ, кто изъ читателей этихъ двухъ газетъ наиболѣе способенъ понимать новую пьесу Гордина «Gott, Mensch und Teiweil». При этомъ «Freie Arbeiterstimme» утверждаетъ, что читатели «Vorwärts'a» не въ состояніи понять этой пьесы и что вообще Vorwärts негодная бульварная газета, и доказываетъ это слѣдующимъ остроумнымъ способомъ. Въ Vorwärts'ѣ, видите ли, печатаются иногда объявленія о продажѣ Chanukalichtlech—а разъ продавцы этихъ свѣчъ рекламируютъ свой товаръ въ Vorwärts'ѣ, слѣдовательно они рассчитываютъ на читателей этой газеты; а если читатели этой газеты еще употребляютъ Chanuka-lichtlech, то само собой понятно, что они, во-первыхъ, неспособны понять хорошую пьесу, а во-вторыхъ, неспособны быть читателями приличной газеты; если же они абонируютъ Vorwärts,—то это доказываетъ, что Vorwärts никуда не годится.

Передача этого талмудическаго Pilpul можетъ нѣкоторымъ показаться тенденціозной—я поэтому прибавляю, что все это передано почти дословно.

Интересенъ этотъ новый критерій для опредѣленія степени развитія и сознательности еврейскихъ массъ.—И этотъ курьезный Pilpul не самое достопримѣчательное въ ихъ литературѣ—вы тамъ встрѣтите перлы еще болѣе блестящіе...

И такъ они думаютъ «воспитать народъ для серьезнаго (!) отношенія къ религиозному и социальному вопросу!» Но въ то же время надо признаться, что среди англо-американской еврейской прессы эта часть прессы, т. е. ея партійная часть, является дѣйствительно наиболѣе серьезной; въ ней все же часто можно встрѣтить хорошія переводныя статьи и полезныя популяризаціи. Если же посмотреть на т. н. «безпартійную прессу», то вась охватываетъ ужасъ при мысли, въ чьихъ рукахъ находится такой могучій общественный факторъ, какъ пресса; самый ничтожный бульварный листокъ любого европейскаго центра является серьезнымъ органомъ по сравненію съ этими... я затрудняюсь назвать ихъ газетами. Весь листокъ заподняется самыми сенсаціонными небылицами, которыя рассказываются при этомъ на какомъ-то невѣроятномъ языкѣ, или же, *съ лучшемъ случаемъ*, романами Шомера, который теперь въ Америкѣ въ большомъ фаворѣ.

Таково состояніе еврейской прессы въ Америкѣ и Англіи. Она могла бы стать могучимъ культурнымъ факторомъ для еврейства этихъ странъ—теперь же она служитъ дѣлу деморализаціи еврейской массы. Еслибы англійскія и американскія сіонистскія федераціи ясно сознавали свои задачи, то онѣ всѣ свои силы направили бы въ эту сторону; но онѣ къ этому не способны,—въ лучшемъ случаѣ онѣ стараются привлечь еще одну «крупную» личность, но не въ состояніи совершить самый крупный сіонистическій актъ—дать толчекъ сознанію широкихъ еврейскихъ массъ.

Газеты извѣщаютъ, что Зангвиль поѣхалъ въ Америку, чтобы привлечь нѣкоторыхъ «сильныхъ» американскаго еврейства къ сіонизму и агитировать за угандскій проєктъ. При всемъ нашемъ отрицательномъ отношеніи къ Угандѣ мы

все такъ очень далеки отъ того, чтобы, подобно нѣкоторымъ еврейскимъ газетамъ, упрекать Зангвилля за агитацію въ пользу Уганды—убѣжденный угандистъ, Зангвилль, само собой понятно, будетъ агитировать и долженъ агитировать за Уганду. Но мы думаемъ, что вмѣсто привлеченія «сильныхъ», Зангвилль нашелъ бы въ Америкѣ болѣе важную работу. И намъ кажется, что обязанность *общей* сионистской организаціи—обратить больше вниманія на американское еврейство, захватить въ свои руки его прессу и, такимъ образомъ, предохранить 1½ милліонное еврейство отъ деморализующаго вліянія всѣхъ этихъ «безпартийныхъ», а можетъ быть и многихъ партийныхъ органовъ...

Экспедиція въ Уганду, которая уже цѣлый годъ «уѣзжаетъ», оказывается, не можетъ уѣхать, какъ газеты сообщаютъ, изъ-за отсутствія небольшой суммы въ 20000 рублей. Какъ бы мы ни относились къ угандскому проекту вообще, но тотъ фактъ, что при всѣхъ этихъ крикахъ и спорахъ объ Угандѣ нельзя было собрать 20 тысячъ рублей для экспедиціи, мы должны признать очень печальнымъ. Странно однако, что въ теченіе цѣлаго года ни разу не заявили прямо, что денегъ на экспедицію нѣтъ; вспомнили объ этомъ только теперь — да и теперь еще намекаютъ на какія-то «обѣщанія». Можетъ быть, еслибы поменьше вѣрили «обѣщаніямъ», деньги давно были бы собраны. До послѣдняго времени все говорили о пожертвованіи Гольдрайха изъ Трансваала въ 100 тысячъ франковъ. Объ этомъ писалось повсюду, а г. Гольдрайхъ благоразумно молчалъ, не торопясь опровергнуть этотъ слухъ. Теперь же г. Гольдрайхъ рѣшился наконецъ сдѣлать это въ своей бесѣдѣ съ редакторомъ трансваальскаго «*Nachbar*». Слѣдовало бы, въ концѣ концовъ, выяснить этотъ вопросъ: способны ли и въ состояніи ли территоріалисты и угандисты собрать сумму въ 20000 рублей? или же эта сумма вовсе не должна быть собрана!?

А между тѣмъ угандскій проектъ находятъ много сторонниковъ и среди богатой еврейской буржуазіи. *Jewish Chronicle*, органъ богатыхъ англійскихъ евреевъ, сталъ теперь, такъ сказать, официальнымъ органомъ угандизма. Вообще въ послѣднее время изъ яраго противника сионизма онъ превратился въ полусионистскій органъ — въ Англии шутники утверждаютъ, что онъ официальнѣе «*Welt*»,—противникомъ палестинскаго сионизма однако онъ остался попрежнему и очень энергично выступаетъ за Уганду и Аргентину. Въ послѣднемъ онъ сошелся во взглядахъ съ германскимъ кандлеромъ Бюловомъ.

Сотрудникъ *Neue Freie Presse*, Siegmund Münz, въ бесѣдѣ съ Бюловомъ въ *Norderney*, между прочимъ заговорилъ о Герцлѣ и, конечно, о сионизмѣ. Бюловъ наговорилъ массу похвалъ личности Герцля, съ которымъ онъ два раза видѣлся (разъ въ Палестинѣ, а другой разъ въ Берлинѣ) и говорилъ о сионизмѣ, но тутъ же высказалъ Münz'у свое отрицательное отношеніе къ сионизму. По его мнѣнію, государство не можетъ быть создано только изъ шнореровъ (читай—русское еврейство), а такъ какъ нѣмецкимъ евреямъ живется

хорошо и въ Германіи, то сіонизмъ—утопія. Какъ видите, мнѣніе, которое съ такимъ же успѣхомъ, хотя и въ менѣе вѣжливой формѣ, могло бы быть высказано любымъ другимъ графомъ, хотя бы графомъ Ruckler'омъ. Но графъ Бюловъ—германскій канцлеръ—я еврейская... *raison*, австрійская Neue Freie Presse подхватила это мнѣніе какъ очень вѣскій аргументъ противъ сіонизма. Вслѣдъ за Neue Freie Presse за этотъ аргументъ ухватились остальные еврейскіе антисіонистическіе органы. Неважно то, что для Бюлова всякій еврейскій пролетарій или вообще всякій русскій еврей шнореръ—онъ уже разъ въ парламентъ—въ дѣлѣ Зильберфарба и Мандельштама—не стѣсняясь и не скрывая своего антисемитизма, обозвалъ всѣхъ русско-еврейскихъ студентовъ шнорерами. Теперь же онъ пошелъ дальше и обозвалъ ужъ сразу *все* русское еврейство шнорерами; но въ виду того, что собесѣдникомъ былъ сотрудникъ сильной еврейской газеты, все это прикрывалось самой благосклонной юдофильской маской. Неважно и то, что Бюловъ забылъ, что нѣкоторыя колоніи (напр. Австралійскія) были созданы именно пролетаріями—важно было для всѣхъ этихъ газетъ только то, что Бюловъ говорилъ *противъ* сіонизма. Интересно, что въ этой же бесѣдѣ Бюловъ выступилъ за аргентинскую колонизацію и доказывалъ цѣлесообразность ея, забывая, что и тамъ придется имѣть дѣло съ еврейскимъ «шнореромъ»—какимъ же образомъ тамъ можно будетъ построить еврейское государство!

Но Бюловъ дипломатъ, который по мѣткому выраженію Павла Зингера, «hat die merkwürdige Eigenschaft mit vielen Worten nichts zu sagen». Мы поэтому не будемъ искать противорѣчія въ его словахъ. Въ концѣ своей бесѣды Бюловъ снова говорилъ о высокихъ личныхъ качествахъ Герцля, о томъ, какъ Герцль старался склонить его на сторону сіонизма и о томъ, съ какимъ удовольствіемъ онъ вспоминаетъ свои бесѣды съ Герцлемъ. Все это намъ напоминаетъ встрѣчи и бесѣды другого еврея—вообще во многомъ сходнаго съ Герцлемъ—съ другимъ канцлеромъ, хотя *эти* бесѣды ничего общаго съ еврейскимъ вопросомъ не имѣли. Мы говоримъ о встрѣчахъ Лассалья съ Бисмаркомъ.

Недавно исполнилось 40-лѣтіе со дня смерти Фердинанда Лассалья. Къ этому времени появились двѣ интересныя біографіи Лассалья—берлинскаго доцента Онкена и Эдуарда Бернштейна. Невольно при чтеніи этихъ двухъ книгъ навязывается аналогія между Лассалемъ и Герцлемъ: оба они обладали необыкновенной силой воли и колоссальной энергіей, оба отличались организаторскими талантами, оба были вожаками-диктаторами своихъ партій, оба были одарены дипломатическими способностями, оба были политиками-опортунистами. Есть еще много аналогичнаго въ ихъ *партійной* жизни и тактикѣ—въ томъ, напр., что оба они опирались на «низы» и заигрывали съ «верхами». И Лассаль искалъ въ Бисмаркѣ поддержки для своихъ плановъ, и о его личности Бисмаркъ отзывался очень почтительно, но и онъ отъ Бисмарка ничего не добился. Если Бисмаркъ въ концѣ концовъ далъ нѣмцамъ общее избирательное право (за что Лассаль боролся), то онъ при этомъ руководствовался *своими* расчетами, а не идеями Лассалья.

Партія Лассалья отказалась вполнѣ отъ его политики: она перестала заигрывать съ сильными и стала опираться *только* на свои собственныя силы—она теперь представляетъ могущественную 3-хъ-милліонную партію. Мы, сіонисты, могли бы въ исторіи этой партіи многому научиться.

Небезынтересно, что Онкенъ Больше чѣмъ всѣ остальные біографы Лассалья останавливается на его еврейскомъ происхожденіи; это безусловно одна изъ заслугъ его книги. Соціальное и политическое положеніе евреевъ внѣ всякаго сомнѣнія повліяло на политическое развитіе и направленіе мыслей и дѣятельности Лассалья; и если Лассаль абсолютно не интересовался еврействомъ, то въ этомъ виновата эпоха и еще больше то еврейство, которое его окружало. Лассаль не зналъ широкихъ еврейскихъ массъ—передъ нимъ было вырождающееся германское еврейство. Его кипучая натура требовала живой дѣятельности, онъ неспособенъ былъ отдаваться мечтаніямъ, какъ это дѣлалъ его современникъ Moses Hess, а такой дѣятельности онъ въ тогдшнемъ еврействѣ не могъ найти. Его отталкивала еврейская слабость и безсиліе, вѣчное исканіе опоры у чужихъ и отсутствіе смѣлости противопоставить силу силѣ.

Вѣна, вѣрнѣе, вѣнская «улица» недавно праздновала 60-ти-лѣтній день рожденія Люгера. Партія его, Christlich-soziale, хотѣла придать этому характеръ народной манифестаціи, но въ дѣло вмѣшались вѣнскіе рабочіе. Пестѣняющійся въ своихъ выраженіяхъ Люгеръ недавно въ ландтагѣ обозвалъ ихъ Lumpen, и рабочіе рѣшили дать ему достойный отвѣтъ въ день его юбилея. И предполагавшаяся манифестація въ честь Люгера превратилась въ грандіозную демонстрацію противъ него.

Сколько разъ и какъ грязно ругалъ Люгеръ вѣнскихъ евреевъ—попробовали ли она дать достойный отпоръ пресловутому Bürgermeister'у? Они находили въ себѣ лишь настолько мужества, чтобы поднять плачъ въ своей прессѣ и апеллировать къ «добрымъ людямъ», безъ активнаго сопротивленія отступая передъ его силой.

Трудно сказать, въ чемъ наше несчастье—въ дѣйствительной ли слабости нашей или въ неумѣннн превратить наши потенциальныя силы въ открытую силу...

Вѣна или Лондонъ—какому изъ этихъ двухъ городовъ должно быть отдано преимущество при новыхъ выборахъ членовъ малаго Actions-Comite?—Этотъ вопросъ сталъ теперь предметомъ оживленныхъ споровъ среди западно-европейскихъ сіонистовъ.

Вопросъ о «центрѣ» существуетъ въ сіонистическомъ мірѣ со времени смерти Герцля. D-r Friedemann вновь возбудилъ его теперь въ статьѣ «Die zukunfts-tige Leitung der Bewegung» ¹⁾, гдѣ онъ доказываетъ необходимость перенесенія центра въ Лондонъ. Мы здѣсь не хотимъ останавливаться на вопросѣ о томъ,

¹⁾ „Welt“, № 45.

найдутся ли въ Лондонѣ люди, способные стать во главѣ сїонистической организаціи. Для насъ вопросъ о центрѣ связанъ съ двумя другими, очень важными вопросами, которые должны быть разрѣшены до того, какъ мы приступимъ къ выбору мѣста для центра—а именно: съ вопросомъ о характерѣ малаго А. С.—будетъ ли онъ имѣть характеръ коллегіи съ твердо установленными прерогативами, находящейся подъ постояннымъ контролемъ большого А. С., или же онъ будетъ имѣть тотъ же характеръ, который онъ имѣлъ до смерти Герцля. Второй вопросъ—это вопросъ о денежномъ вознагражденіи членовъ малаго А. С.: дадимъ ли мы членамъ малаго Actions Comité возможность заниматься *только* дѣлами организаціи—а для этого мы, конечно, должны обезпечить ихъ существованіе—тогда мы не будемъ принуждены ограничивать свой выборъ людьми изъ одного города—или же мы останемся при старомъ принципѣ безвозмезднаго труда—и тогда, конечно, мы связаны матеріальнымъ положеніемъ избираемыхъ и ихъ мѣстожительствомъ. Только послѣ разрѣшенія этихъ двухъ предварительныхъ вопросовъ мы можемъ заговорить о городѣ-центрѣ. При старыхъ условіяхъ, которыя d-r Friedemann отстаиваетъ и теперь, роль малаго А. С. была чрезвычайно отвѣтственная, до того отвѣтственная, что даже при жизни Герцля очень многіе, и вполне справедливо, считали это положеніе А. С. ненормальнымъ, а по смерти Герцля считаютъ абсолютно невозможнымъ: при старыхъ условіяхъ мы должны были искать городъ, въ которомъ было бы нѣсколько подходящихъ людей. При вышеуказанныхъ же новыхъ условіяхъ выборъ нашъ дѣлается шире и, не будучи связаны матеріальнымъ положеніемъ избираемыхъ, мы гораздо легче сумѣемъ разрѣшить вопросъ о городѣ, гдѣ малое А. С. должно имѣть постоянное мѣстожителство.

Если мы тогда, при новыхъ условіяхъ остановимся на Лондонѣ, мы не должны будемъ непременно выбрать трехъ лондонскихъ сїонистовъ, какъ D-r Friedemann это думаетъ; мы, можетъ быть, найдемъ людей, которые согласятся для этого переѣхать въ Лондонъ.

Это тѣ вопросы, которые мы должны рѣшить, раньше чѣмъ приступить къ выбору членовъ малаго А. С. Какъ на преимущества Лондона d-ръ Friedemann вполне справедливо указываетъ на то, что Лондонъ является міровымъ политическимъ центромъ, и на то, что въ Лондонѣ мы имѣемъ большую рабочую еврейскую массу.

И первое и послѣднее можетъ безусловно имѣть благотворное вліяніе на работу малаго А. С. При близкомъ соприкосновеніи съ рабочими еврейскими массами наши представители научились бы больше понимать и лучше цѣнить ихъ. И еслибы d-ръ Friedemann лучше зналъ эти массы, онъ бы не утверждалъ съ такимъ апломбомъ, что «массы хотятъ имени!», что они хотятъ «персонифицировать свои идеи и надежды, олицетворить все движеніе въ одномъ имени».

Жизнь въ любомъ рабочемъ еврейскомъ центрѣ показала бы ему, что массы вдохновляются *дѣломъ*, а не личностями.

Мы переходимъ къ другому защитнику того же взгляда, д-ру M. de Jonge ¹⁾. De Jonge, видите ли, большой англоманъ, даже больше — онъ англійскій имперіалистъ, и для него весь сіонизмъ есть только часть другого вопроса, а именно англійскаго имперіализма. Опъ такъ и говоритъ: «Я убѣжденъ со всей силой догмы сіонистическаго символа вѣры, что сіонистическая политика можетъ развиваться только при ея приобщеніи къ британской міровой власти (das britische Weltreich); что сіонизмъ долженъ быть и будетъ органически связанъ съ британскимъ имперіализмомъ». При такихъ «догматическихъ убѣжденіяхъ» нечего удивляться, что г. de Jonge требуетъ не только, чтобы малое А. С. переселилось въ Лондонъ, но чтобы и конгрессъ собирался только въ Лондонѣ.. Подождемъ только пока восторжествуетъ англійскій имперіализмъ, тогда мы навѣрно уже получимъ территорію и можетъ быть даже и Палестину, и получимъ мы ее на вполнѣ автономныхъ началахъ, и наше правительство будетъ въ тѣхъ же отношеніяхъ къ Англій, въ какихъ баварскій король находится къ германскому императору (!). «Выборъ Лондона, кончаетъ de Jonge свою статью, какъ города сіонистической резиденціи и парламентскаго города (Parlamentsstadt), означаетъ поворотъ въ исторіи сіонизма—переходъ изъ области идеологіи въ область реальной политики (!)».

Собственно говоря, не стоило бы останавливаться на этой болтовнѣ, еслибъ она не появилась въ официалномъ органѣ нѣмецкихъ сіонистовъ. Редакція этой газеты пропускаетъ эту статью безъ всякой замѣтки со своей стороны. И это очень характерно для нѣкоторой части нашей партійной прессы.

Совсѣмъ другого мнѣнія на этотъ счетъ держится г. Паперинъ ²⁾. Онъ хочетъ жить со всѣми въ мирѣ; онъ хочетъ сохранить нейтралитетъ по отношенію ко всѣмъ современнымъ политическимъ факторамъ—и потому онъ противъ Лондона, боясь, чтобы Лондонъ не вызвалъ нарушенія «нейтралитета». Это его «Vernunftsgründen». По главное, изъ-за чего онъ противъ Лондона—это мотивы чувства: Вѣна имѣетъ за собой 8-лѣтнія традиціи: въ Вѣнѣ жилъ и работалъ Герцль, и потому мы должны малое А. С. отставить въ Вѣнѣ. Странствованіе и перенесеніе шатра съ мѣста на мѣста, говоритъ онъ, часто такъ затемняетъ нашу жизнь, что только сіонизмъ своимъ постояннымъ центромъ можетъ намъ дать иллюзію успокоенія и концентраціи. Будемъ ли мы и съ сіонизмомъ вѣчно странствовать?» Интересно то, что эти новыя «традиціи», которыя намъ хотять навязать, эта болзнь передъ странствованіемъ Actions-Comité'тскихъ «шатровъ» исходятъ изъ тѣхъ круговъ, которые не боятся перенесенія, вѣрнѣе, желанія перенесенія всего народа на новыя невѣдомыя мѣста, не считаясь при этомъ съ болѣе старыми, чѣмъ 8 лѣтними, и болѣе глубокими, чѣмъ въ данномъ случаѣ, традиціями. При выборѣ общественныхъ дѣятелей мы ни съ какими традиціями считаться не должны и не можемъ. И смѣшно память Герцля, какъ народнаго

1) „Jüdische Rundschau“ № 46.

2) „Welt“ № 47.

героя, связывать съ какимъ-либо городомъ. Мы не высказываемся этимъ за Лондонъ или *противъ* Вѣны. Вопросъ: Вѣна или Лондонъ, для насъ далеко не первостепенный и въ настоящее время насъ ничуть не занимаетъ; но мы считаемъ необходимымъ протестовать, когда хотятъ къ безконечной массѣ еврейскихъ традицій прибавить еще какую-то новую «традицію», стараясь обосновать ее «народными чувствами», въ самомъ же дѣлѣ затемняя этимъ народное сознание.

Пароль «завоеваніе общинъ», данный Герцлемъ на 2-омъ конгрессѣ, нашелъ откликъ среди западно-еврейскихъ сіонистовъ, и съ тѣхъ поръ борьба въ еврейскихъ общинахъ усиливается, и сіонисты постепенно укрѣпляютъ свои позиціи. Теперь происходитъ такая борьба одновременно въ двухъ крупныхъ еврейскихъ центрахъ въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ. Сіонисты этихъ двухъ городовъ уже добились кой-какихъ успѣховъ въ этихъ двухъ общинахъ, но они на этомъ не успокаиваются.

Мы сильно сомнѣваемся въ томъ, что западные сіонисты такъ скоро завоеуютъ общины, но борьба эта безусловно имѣетъ большое воспитательное значеніе для самихъ сіонистовъ, и подъ натискомъ этой борьбы въ окаменѣвшихъ еврейскихъ общинахъ начинается пробуждаться жизнь, имъ *volens volens* приходится дѣлать уступки жизни и времени. Почти повсюду въ этой борьбѣ сіонисты выступаютъ за демократизацію общинъ. И еслибъ имъ дѣйствительно удалось изгнать тотъ буржуазно-филистерскій духъ, который теперь господствуетъ во всѣхъ этихъ общинахъ, заслуга ихъ была бы по истинѣ велика. При общемъ вліяніи сіонистовъ на общинныя дѣла скажется, конечно, и ихъ вліяніе на еврейскую школу, которая нуждается въ коренной реформѣ. Еврейское юношество на западѣ воспитывается или совершенно вдали отъ еврейства или въ духѣ еврейства сухого, догматическаго. До послѣдняго времени западные сіонисты въ своей борьбѣ за еврейское воспитаніе выступали только противъ индифферентности его, считая плюсомъ сухую догматичность ортодоксальной части общины. Мы не можемъ сказать, что мнѣніе большинства на этотъ счетъ теперь измѣнилось, но въ этой борьбѣ, среди сіонистскихъ голосовъ уже можно услышать новыи голосъ, сознающій все отрицательное значеніе этого мнимаго плюса, съ точки зрѣнія національнаго воспитанія.

«Новый курсъ» появился на западѣ и по отношенію къ «мизрахи». Западные сіонисты долгое время относились съ большимъ почтеніемъ къ «die Netten von Misrahi», ихъ считали представителями всей еврейской массы, всячески старались не вступать съ ними въ конфликтъ, смотря на нихъ, какъ на сильнѣйшую фракцію въ сіонизмѣ.

Благодаря этому отношенію аппетитъ мизрахи разыгрался, и на своемъ «всемирномъ» пресбургскомъ конгрессѣ они показали себя, какъ слѣдуетъ, а можетъ быть и больше, чѣмъ слѣдуетъ... Этотъ Uebereifer, къ счастью, дока-

залъ и ихъ безсиліе. На западѣ увидѣли, какъ ошибочно считать ихъ представителями массы, и какъ опасна вся ихъ ретроградная политика, подправленная сіонистическимъ соусомъ.

Отношеніе къ нимъ совершенно измѣнилось—и не только неофициальная пресса и публика заговорила о борьбѣ съ ними, но даже официальные сіонистическіе органы, какъ «Welt» и «Jüdische Rundschau», и официальные представители партіи, какъ д-ръ А. Марморекъ, выступили открыто противъ нихъ. Нѣкоторыя еврейскія газеты стараются доказать, что напрасно забили на западѣ тревогу, что «мизрахи» въ сущности никакой опасности не представляютъ. Мы этого мнѣнія раздѣлять не можемъ: «мизрахи» не были бы для насъ опасны, еслибы они стояли въ рядахъ нашихъ противниковъ, но они составляютъ часть нашей партіи, они вліяютъ на ходъ развитія партійной жизни—и въ этомъ вся опасность ихъ для сіонизма.

Конечно, они были бы гораздо менѣе опасны для націи, еслибы западные сіонисты были болѣе знакомы съ жизнью и настроеніемъ еврейскихъ массъ, еслибы они имѣли понятіе о тѣхъ новыхъ вліяніяхъ, которыя теперь чувствуются среди нихъ, еслибы они глубже знали народную душу, ближе присмотрѣлись и лучше познакомились бы съ повседневнымъ страданіями и нуждами народа. И въ этомъ отношеніи мы безусловно можемъ констатировать прогрессъ среди нашихъ западныхъ сіонистовъ. Лучшая часть изъ нихъ начинаетъ знакомиться съ народнымъ языкомъ и народной литературой. Усиливается интересъ къ жаргону и знакомство съ нимъ: вслѣдъ за переводами съ жаргона появляются статьи о жаргонной литературѣ, устраиваются жаргонные вечера, читаются лекціи и рефераты о жаргонѣ и жаргонной литературѣ, и западная публика все болѣе знакомится съ «жаргоннымъ міромъ».

При этомъ, правда, не обходится безъ курьезовъ: лекторомъ иногда выступаетъ человѣкъ, прочитавшій на своемъ вѣку одну—двѣ статьи о жаргонѣ. Недавно, напримѣръ, въ Берлинѣ говорилъ о жаргонѣ Д-ръ Moses—и вышло такъ, что единственный крупный талантъ въ жаргонной литературѣ это Морисъ Розенфельдъ, а кромѣ него есть еще нѣсколько писателей, какъ Менделемохеръ-сформиръ, Шолемъ-Алейхемъ, Перець и др. Этотъ курьезъ объясняется конечно тѣмъ, что Морисъ Розенфельдъ нашелъ себѣ прекраснаго нѣмецкаго переводчика въ лицѣ Файвеля, въ то время, какъ остальные мало переводились на нѣмецкій языкъ; а д-ръ Moses, вѣроятно, только и знаетъ о жаргонѣ по переводу М. Розенфельда, сдѣланному г. Файвеломъ.

Во всякомъ случаѣ интересъ къ жаргону растетъ, и для ознакомленія публики съ нимъ даже организуются ферейны. Недавно организовавшійся въ Вѣнѣ для этой цѣли комитетъ, среди членовъ котораго находится и извѣстный писатель Mathias Acher, выступилъ съ воззваніемъ о значеніи изученія жаргона.

«Знаніе народнаго духа, говорится въ этомъ воззваніи, собственнаго языка литературы и искусства—это первое условіе народнаго движенія для насъ, евреевъ.

Для насъ, только начинающихъ бороться за самопознаніе, для насъ, чья культура еще находится въ періодѣ созиданія, для насъ, стоящихъ на порогѣ возрожденія нашей народности—изученіе нашей письменности, культурныхъ памятниковъ настоящаго, равносильно изученію языка народа.

До сихъ поръ у насъ занимались только исторіей, мы интересовались только прошлымъ—настоящее важнѣе.

Чтобы узнать народъ во всей его глубинѣ, чтобъ познать самихъ себя, свою индивидуальность, мы должны знать народный языкъ, народную литературу.

Въ жаргонную литературу, ему одному присущій духовный продуктъ нашего народа, культурную печать жизни гетто—литературу пульсирующую, какъ жизнь, какъ настоящее—вотъ куда мы хотимъ и должны проникнуть».

Знакомство съ языкомъ и литературой безусловно приблизитъ западныхъ сіонистовъ къ народу, что вызоветъ и съ его стороны большее довѣріе къ нимъ.

Въ Берлинѣ недавно умеръ Вилли Бамбусъ—и съ нимъ сошелъ въ могилу одинъ изъ наиболѣе яркихъ представителей нѣмецкаго филантропическаго палестинифильства. Бамбусъ былъ однимъ изъ наиболѣе крупныхъ предвѣстниковъ сіонизма на западѣ: еще въ началѣ 80-ыхъ годовъ онъ вмѣстѣ съ русскимъ евреемъ Туровымъ выступилъ съ журналомъ «Зерубавель» противъ ассимиляціонныхъ тенденцій германскихъ евреевъ и въ защиту палестинифильства.

Отличаясь большою энергіей онъ развилъ обширную дѣятельность: организовалъ палестинифильскіе ферейны, выступалъ на собраніяхъ, агитировалъ въ прессѣ, ѣздилъ самъ въ Палестину знакомиться съ состояніемъ колоній, писалъ книги о Палестинѣ и старался привлечь «сильныхъ» къ палестинскому дѣлу. Онъ организовалъ общество «Эзра», содѣйствовалъ открытію учительскаго института въ Палестинѣ, старался привлечь Іса къ дѣлу колонизаціи Палестины и организовалъ въ Европѣ продажу палестинскаго вина.

Къ сожалѣнію, Бамбусъ не въ состояніи былъ совершенно освободиться отъ психологіи того круга, въ которомъ онъ выросъ и жилъ, и не былъ способенъ подняться до пониманія *національно-политическаго* идеала сіонизма. Въ погонѣ за богатой еврейскою буржуазіей, въ своемъ уваженіи къ «сильнымъ» въ еврействѣ, Бамбусъ не замѣтилъ новой надвинувшейся силы и очутился въ рядахъ противниковъ сіонизма.

Много отрицательнаго, непривлекательнаго есть въ послѣднемъ, антисіонистическомъ періодѣ жизни Бамбуса... но не будемъ объ этомъ говорить.

Эта раздвоенность, нецѣльность имѣетъ глубокія причины во всей нашей ненормальной жизни. У другого народа, при нормальной жизни Бамбусъ безусловно занялъ бы крупное мѣсто и былъ бы однимъ изъ полезнѣйшихъ общественныхъ дѣятелей—у насъ Бамбусъ умеръ чиновникомъ Іса...

А. П.—анъ.

Случайныя замѣтки.

I.

Небольшое обстоятельство причиной этихъ строкъ. Не такъ давно въ Одессѣ въ нашемъ «Литературно-аристическомъ кружкѣ» прочитанъ былъ рефератъ о націонализмѣ. Вотъ объ этомъ рефератѣ мнѣ и хочется поговорить здѣсь, хотя онъ рѣшительно ничѣмъ—таки не выдѣляется. Или вѣрнѣе: *именно потому*, что ничѣмъ не выдѣляется. Въ этомъ-то и вся его привлекательность. Ибо онъ изображаетъ собою—во всей блѣдности своей—*типичнѣйшее* мнѣніе русскаго «хорошаго человѣка», среднее, такъ сказать, пропорціональное всѣхъ подобныхъ мнѣній. Сколько нибудь выраженная индивидуальность только помѣшала-бы его химической чистотѣ, она подвергла бы его тѣмъ или инымъ случайнымъ уклоненіямъ.

А теперь такое удобство: считаясь съ однимъ этимъ мнѣніемъ, мы уже считаемся съ тѣми тысячами и тысячами другихъ, которыя тускло глядятъ изъ газетныхъ передовицъ, уныло-либеральныхъ статей. Какъ же не воспользоваться такимъ исключительнымъ случаемъ?

II.

Раньше всего рефератъ конечно извѣстилъ насъ, что національности, вообще-то говоря, нѣтъ, что она фикція нашего разума, что ходячія мнѣнія о французѣ, нѣмцѣ, грекѣ—суть, собственно говоря, мнѣнія о томъ или другомъ общественномъ классѣ у французовъ у нѣмцевъ, у грековъ; или—объ извѣстной эпохѣ въ жизни этихъ народовъ. Что—стало быть—говоря о національности, мы принимаемъ за абсолютъ нѣчто частичное и временное. Абсолютной же національности мы представить себѣ не можемъ, какъ не можемъ представить себѣ абсолютнаго треугольника, а мысля треугольникъ, представляемъ косоугольный или прямоугольный—и такъ далѣе по установленному канону.

Далѣе мы, конечно, ушасали то, что всегда говорится въ подобныхъ случаяхъ: раса-не мѣрило національности; религія-не мѣрило національности; языкъ-не мѣрило національности. Съ тѣмъ неизбежнымъ выводомъ, что, значить, на-

циональность—есть нѣкоторое заблужденіе ума человѣческаго, разъ онъ—умъ этотъ—никакъ не можетъ подыскать къ ней мѣрку, опредѣлить ей границы и привѣсить соответствующій ярлычекъ.

Почему все это такъ, было, конечно, разъяснено цитатами изъ разныхъ хорошихъ книжекъ,—послѣ чего осталось одно: кликнуть призывъ «отъ національнаго къ общечеловѣческому»,—что рефератъ съ успѣхомъ и сдѣлалъ. Газетному репортеру, который на другой день напечаталъ отчетъ объ этомъ рефератѣ—и такая постановка вопроса показалась недостаточно пошлой, — почему онъ поспѣшилъ прибавить отъ себя:

—„Не проще ли сказать, что культура ведетъ человѣчество къ полному космополитизму?“ («Од. Нов.» № 6442).

Оно, дѣйствительно, проще...

III.

Бороться съ пошлостью труднѣе всего именно потому, что она страшно похожа на правду. Вѣдь какъ хотите, а это правда, что нѣтъ ни абсолютнаго нѣмца, ни абсолютнаго грека, и что когда я хочу опредѣлить націю—я опредѣляю либо какойнибудь общественный классъ ея, либо какуюнибудь эпоху. Все это правда, — но мало ли правдъ на свѣтѣ. Важно, какую правду когда взять.

Представьте себѣ, что явится къ вамъ господинъ и прочтетъ рефератъ на такую тему:

— Раздѣленіе органическаго міра на міръ животный и растительный—фикція нашего ума. Умъ нашъ не знаетъ критерія для такого подраздѣленія.

Попробуйте сдѣлать признакомъ растительнаго царства его неподвижность. Но развѣ зооспоры папоротника, осцилляріи, діатомеи—не суть произвольно движущіяся растенія?

Попробуйте сдѣлать признакомъ животнаго царства его способность къ передвиженію. Но развѣ гидрополипы, обладающіе корнями и вѣтвями, развѣ анемоны, неподвижно сидящіе въ оставленной приливомъ водѣ, развѣ кораллы наконецъ,—не суть животныя?

Не существуетъ никакихъ признаковъ для опредѣленія этихъ группъ органическаго царства. У водорослей нѣтъ ни корня, ни стеблей, ни листьевъ, — почему же мы считаемъ ихъ растеніями?

У змѣи нѣтъ оконечностей, черви—лишены зрѣнія и слуха—почему же мы считаемъ ихъ животными?

И кто знаетъ, что такое шампиньонъ — разъ онъ, подобно животнымъ, выдѣляетъ углекислоту и лишенъ зеленаго цвѣта растеній?

— Нѣтъ, скажетъ вамъ мой проблематическій господинъ, въ природѣ нѣтъ ни растеній, ни животныхъ, а есть цѣлый единый, недѣлимый органическій міръ.

Дѣленія же и рамки придуманы нашимъ разумомъ—у котораго уже несчастное свойство такое: познавать классифицируя. А посему — долой всѣ эти подраздѣленія!»

IV.

Правъ ли будетъ мой господинъ или нѣтъ? Конечно, правъ,—тысячу разъ правъ, за однимъ только исключеніемъ: если онъ не потребуетъ отъ насъ, чтобы мы, отбросивъ ложныя преграды между растеніями и животными, посадили на цѣпь розу и стали нюхать собаку,—т. е. если онъ не захочетъ сдѣлать свои выводы нѣкоторымъ императивомъ для живой дѣйствительности.

А г. Славинскій (авторъ реферата о націонализмѣ) именно такъ и поступилъ. Доказавши, что критерія національности, собственно говоря, не существуютъ—онъ смѣло порешель къ императиву: а потому не должно существовать и націонализма. То есть точъ въ точъ какъ мой проблематическій господинъ:

Критерія для разграниченій органическаго міра нѣтъ, а потому нюхай собаку и посади на цѣпь розу.

Это въ равной степени нелѣпо. Такъ же нелѣпо, какъ если бы ктонибудь доказавъ (и вполнѣ основательно), что боль есть наше представленіе о боли требовалъ бы, чтобы мы положили руку въ огонь. Или доказавъ—(и опять таки вполнѣ основательно), что виѣшній міръ существуетъ исключительно въ субъективномъ нашемъ ощущеніи, требовалъ бы, чтобы мы ходили сквозь стѣну—пбо ея, собственно говоря, нѣтъ и т. д.

Г. Славинскій говоритъ: національности нѣтъ, ибо нѣтъ объективныхъ признаковъ ея бытія; она субъективное наше представленіе. Поэтому—да здравствуйтъ общечеловѣкъ!

Но позвольте—какое здѣсь «*поэтому*»? Почему, скажите, мнѣ уходить отъ субъективныхъ своихъ представленій? Я весь живу ими. И, полагаю, г. Славинскій тоже. Иначе онъ не писалъ бы своего реферата. Вѣдь бумага, на которой тотъ былъ писанъ—субъективное его представленіе. И перо, и чернила, и публика, и литературный клубъ—все это существуетъ только въ ощущеніи г. Славинскаго. Однако, онъ удовольствовался ими вполнѣ, пбо ежели бы онъ и здѣсь пожелалъ объективныхъ признаковъ ихъ существованіи, то рефератъ его понятнo никогда не былъ бы написанъ. Этакъ мало ли до чего можно дойти. Почему, напр., не выйти на улицу голышемъ, ибо платья—объективнаго, абсолютнаго платья, не существуетъ, и тотъ городской, который возьметъ васъ за это въ участокъ, тоже вѣдь одна фикція. Развѣ не такъ поступали мольтеровскіе каррезіанцы, когда били другъ друга палкой и увѣряли, что это «не реально»...

А разъ во всемъ прочемъ г. Славинскій (и иже съ нимъ) довольствуется міромъ ощущеній,—то почему же въ одномъ только вопросѣ—въ вопросѣ о

национальности—ему непременно надобенъ абсолютъ? Что это за неискренность мышления такая? Бумага для него бѣлая, чернила черныя—онъ воспринимаетъ ихъ ощущеніемъ, и вѣрить ощущенію ¹⁾, а чуть дѣло до націонализма дошло—онъ сейчасъ и усумнился: а можетъ быть это только ощущеніе мое—и ничего больше? Странная подтасовка предпосылокъ.

Всякое настоящее, почвенное, искреннее мышленіе—чуетъ свой постулатъ и считается съ нимъ. Въ наукахъ экономическихъ оно постулируетъ стремленіе человѣка къ собственному благу, въ познаніи природы—реальность чувственнаго міра и т. д. Въ практическомъ вопросѣ—вопросѣ о націонализмѣ—постулировать нужно реальность нашего «субъективнаго представленія», вѣдь это же требованіе гносеологической честности, *sine qua non* всякой истины.

И ежели бы всѣ эти пѣвцы *citoyen'овъ du monde* дѣйствительно добивались истины, а не хотѣли заднимъ счетомъ защищать нѣкоторую предвзятую идею, они отказались бы отъ всякихъ «объективныхъ критеріевъ», а признали бы непосредственное сенсуальное познаніе единственно возможнымъ въ рѣшеніи вопроса о націонализмѣ.

Отвѣтъ получился бы у нихъ другой. Менѣе либеральный, можетъ быть но во всякомъ случаѣ болѣе правдивый. И къ какимъ бы выводамъ они не пришли,—одно было бы для нихъ несомнѣнно: реальное бытіе національности... Субъективное бытіе это правда, но что же изъ этого? Это только больше придастъ ей значенія въ жизни народа, это только заставляетъ насъ серьезнѣе съ нею считаться.

Референтъ привелъ одну хорошую легенду, которая можетъ быть направлена противъ него же самого.

Когда половцы были подавлены русскими князьями, одинъ изъ хановъ-половецкихъ бѣжалъ на Кавказъ, тамъ онъ перенялъ обычай горцевъ—и сталъ забывать про свою степную родину. Половцы между тѣмъ высвободились изъ-подъ русскаго ига—и пошли просить хана,—чтобъ онъ вернулся домой. Онъ отказался. Даже національныя пѣсни—не тронули его. Но тутъ кто то изъ пословъ далъ ему понюхать родной травы. Ханъ, устоявшій противъ всѣхъ соблазновъ, не могъ устоять противъ благоуханія травы—и уѣхалъ вмѣстѣ съ посольствомъ обратно.

Какъ счастливы ханы, что они не знаютъ слова—абсолютъ—и вѣрятъ своему сенсуализму.

V.

А вѣдь, если хотите, рефератъ этотъ, имѣющій дѣло со словами, а не понятіями, лучше всего показалъ необходимость національнаго... Вѣдь только въ

1) Ибо въ борьбѣ за существованіе—человѣкъ приспосаблился, къ ощущенію своему—а не къ отвлеченнымъ представленіямъ.

такоемъ беспочвенномъ мышленіи «слова пускаютъ корни тамъ, куда вещи безсилны проникнуть» по слову Hazlitt'a. Или вы думаете, что самые законы логики изъяты изъ національныхъ вліяній? И что Локкъ былъ случайно англичаниномъ, Спиноза—евреемъ, а Декартъ—французомъ?

Пушкинъ, Толстой, Достоевскій потому такъ безконечно громадны, что чуяли за собою, за каждымъ своимъ шагомъ—не свою только волю, не свой только починъ, а волю кого-то громаднаго, многовѣковаго, многомилліоннаго, имя которому—народъ. У нихъ было, на что опереться и потому-то они ни разу не поддавались выдуманной логикѣ, логикѣ словъ, а не понятій,—передъ ними всегда была твердая, неколебимая, несомнѣнная правда, правда не класса только, не эпохи, а народа, націи. Предъ ними была плоть, была кровь; у нихъ не было ничего случайнаго. ибо все было національно...

И только при такомъ національномъ познаніи вещей—умъ человѣческій можетъ создать то великое, вѣковое, несомнѣнное, что волшебнымъ какимъ-то образомъ—создаетъ цѣлокупность правды-истины и правды-справедливости—единой и нераздѣльной.

Логика же, оторвавшаяся отъ народности, отъ этого громаднаго дерева, на которомъ она разцвѣтала и жила съ тысячею другихъ листьевъ—немедленно вянетъ и сохнетъ. Правда, вѣтеръ можетъ занести ее подъ небеса, но нѣтъ уже въ ней благодатныхъ соковъ роднаго дерева—и, изсохнувъ, она неминуемо разлетится во прахъ. Такая логика—безъ почвы, безъ поддержки, безъ связи съ народной правдой всегда измышлена, случайна, сомнительна—ибо, кромѣ самой себя, у нея нѣтъ никакого иного измѣренія истинности. Правда, справедливость въ ней не сходятся съ правдой-истиной и горе тому народу, который знаетъ только эту вторую правду. Творчество духа покинетъ его—и голая логика, вырвавшаяся въ пустоту беспочвенности—всегда создаетъ что нибудь этакое вроде лающей розы и благоуханной собаки.

VI.

Именно, въ такомъ ужасномъ положеніи и находится теперь большая часть еврейской молодежи. У насъ въ Одессѣ, гдѣ она вѣдаетъ почти всю нашу духовную культуру, гдѣ литераторы, референты, ораторы въ нашемъ клубѣ, посѣтители библиотекъ, аудиторій и т. д. почти сплошь евреи,—можно вполне оцѣнить весь трагизмъ такого положенія. Отъ собственнаго еврейскаго національнаго творчества—они оторваны, а русская культура,—они воспринимаютъ ее лишь постольку, *поскольку она классовая, а не національная*; отсюда такая поразительная легкость, съ которою у насъ мѣняются всякія теченія, направленія, идеологіи: самопожирающая беспочвенная мысль летитъ, куда придется, безплодная, лишенная благодати творчества, оторванная отъ внутренней, сердечной, народной правды...

Возьмите хотя бы приведенный рефератъ. Въ немъ логика подошла къ вопросу, который для жизни, для сердца несомнѣнно существуетъ—и однимъ

взмахомъ уничтожила его, съ удивительной легкостью и простотой; вышла нелѣпость—ничуть не лучше той, которую объявилъ мой «проблематическій господинъ» въ рефератѣ о разграниченіяхъ въ органическомъ мірѣ.

И нелѣпость вышла именно благодаря оторванности отъ живой, несомнѣнной внутренней правды,—правды національной... Здѣсь эта нелѣпость—пустякъ,—но если принять во вниманіе, что она только среднее пропорціональное всѣхъ подобныхъ нелѣпостей—то врядъ ли найдется вещь значительнѣе ея...

Корнѣй Чуковский.

Сіонъ и Африка на VI-мъ конгрессѣ.

(Окончаніе ¹⁾).

ГЛАВА V.

Послѣ исхода.

Перехожу теперь къ продолженію прерваннаго разсказа. Послѣ всего изложеннаго, намъ стало, я думаю, ясно, почему и въ какомъ настроеніи мы удалялись; теперь предстоитъ намъ уяснить, почему мы вернулись.

Итакъ, мы вышли. Большой толпой, состоящей изъ 7 уполномоченныхъ и 178 делегатовъ, которая вся, въ эту минуту, была крѣпко сплочена, объединена однимъ чувствомъ, однимъ стремленіемъ. Что дѣлалось въ залѣ, я не видалъ, хотя, признаюсь, порывался оглянуться назадъ. Въ эту минуту, когда я шелъ и чувствовалъ, что за мной идутъ другіе, всякій поворотъ назадъ, или въ сторону казался мнѣ невозможнымъ.

Что будетъ теперь?

Моментъ былъ чрезвычайно серьезный. Въ этотъ моментъ и при проявившемся столь ясно настроеніи, могли быть сдѣланы шаги, которые явились бы безповоротными, роковыми. Взявшіе себѣ сами слово, ораторы проявили вполнѣ тенденцію пойти далѣе по пути разрыва. Это было слишкомъ опасно и слишкомъ мало обдуманно. Правда, подъ влияніемъ сильныхъ импульсовъ люди способны на большее напряженіе энергии, на проявленіе большей силы; и иногда это ведетъ ко благу. Но только иногда. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ такіа импульсивныя дѣйствія приводятъ къ самымъ роковымъ послѣдствіямъ, дальнѣйшее развитіе которыхъ потомъ уже очень трудно предвидѣть и еще труднѣе остановить. Казалось наиболѣе необходимымъ, чтобы здѣсь, теперь, на горячихъ слѣдахъ,

¹⁾ См. „Евр. Жизнь“, Октябрь.

ничего не произошло. Съ этой простой моей мыслью сразу всё согласились. Мы разошлись. Каждый долженъ былъ собраться съ мыслями и чувствами, чтобы къ вечеру уяснить себѣ все то, что произошло, и установить свое отношеніе къ фактамъ и будущему. И мы, часть уполномоченныхъ, также собрались съ этой цѣлью небольшой группой.

Первос, что раскрылось тутъ передъ нами, не сговаривавшимися, а подѣлившимися своими мыслями и ощущеніями, было сознаніе глубокой опасности, грозящей нашей организаціи; у всѣхъ проявилась потребность охранить ее отъ этой опасности. Подобно тому, какъ опасность Сіону раскрыла передъ нами, какъ крѣпко мы къ нему привязаны, такъ и опасность для организаціи показала намъ, какъ сильно мы ею дорожимъ. А опасность была велика, очень велика.

Наша организація создалась изъ разнородныхъ элементовъ. Идея, общее конечное стремленіе объединили эти элементы; но помимо этого объединяющаго начала, они въ очень многомъ расходились. Сила и великое значеніе нашей организаціи въ томъ, что она *единая* въ еврействѣ. Въ ней, годами совместной работы, должно произойти то сближеніе, а потомъ и сплоченіе разныхъ, подчасъ враждебныхъ элементовъ, которое столь необходимо для будущаго возрожденія единой націи. За короткіе годы политическаго сіонизма уже достигнуто весьма много, въ смыслѣ ознакомленія, взаимопониманія и сближенія оевреѣвъ разныхъ странъ и словъ; но это, конечно, только начало. Роль конгрессовъ и организаціи въ смыслѣ политическаго и національнаго воспитанія должна расти и крѣпнуть, по мѣрѣ роста политическаго сіонизма. Къ глубокому при- скорбію, про это начинаютъ уже забывать даже такіе люди, которые сами участвовали въ созиданіи организаціи. Проявляется черта, столь знакомая изъ исторіи: современники далеко не всегда способны оцѣ- нивать значеніе явленій и фактовъ, происходящихъ на ихъ глазахъ, только перспектива даетъ эту возможность среднему человѣку. Но опас- ность грозитъ главнымъ образомъ не со стороны этихъ людей, а со стороны тѣхъ, которые, по той, или иной причинѣ, не вошли въ единую во Израилѣ организацію, которые, по мѣткому выраженію одного нѣмецкаго товарища, *haben den Anschluss verspätet*. Эти люди вѣчно ищутъ недостатковъ и видятъ однѣ только отрицательныя стороны. Были такіе въ Базелѣ, еще больше было ихъ не здѣсь, и они, несомнѣнно, выступаютъ теперь на сцену. Объ антисіонистахъ и ихъ усиліяхъ мы не думали; до сихъ поръ они были слишкомъ слабы, чтобы серьезно вредить намъ въ тѣхъ слояхъ, гдѣ мы работаемъ. Но сіонисты безъ *Anschluss'a* и разгорѣвшіяся чувства образовавшихся сразу двухъ враждебныхъ лагерей — все это должно было углубить и усилить расколъ и загубить то, что сіонизмъ создалъ до сихъ поръ наиболѣе цѣннаго и крупнаго—

едную народную организацію. Эти люди навострились, глаза ихъ разгорѣлись, они потирали руки; точно запахъ падали, вѣяніе смерти почувяли они... На развалинахъ можно будетъ строить по своему, теперь можно будетъ потянуть въ свою сторону. Они забыли, что на развалинахъ только плѣсень растетъ, а чтобы вышли хорошіе ростки, надо все убрать и заново перопахать; они упустили изъ виду, что тянуть можетъ тотъ, кто имѣетъ силу и авторитетъ, и что одно отыскиваніе чужихъ грѣховъ не даетъ первой и не создаетъ второго. Эту опасность, которая была въ Базелѣ и внѣ его, необходимо было предупредить.

Не было ничего легче, какъ создать въ этотъ моментъ организацію меньшинства. Наоборотъ, требовалось не мало стойкости и мужества, чтобы ея не создавать. Элементы, въ душѣ которыхъ все клокотало, требовали ея всѣми своими чувствами и поступками. Тотъ, кого въ сферахъ отеля «Les trois roix» одни называли «Führer der Opposition», а другіе — «der erste Nein-Sager», прямо ронялъ и прижималъ себя въ глазахъ оппозиціи, старательно избѣгая консолидированія ея теперь и здѣсь. Но онъ это дѣлалъ вполне сознательно, готовый, конечно, нести всю отвѣтственность за такой образъ дѣйствій. И дѣлалъ онъ это въ полной солидарности съ настроеніемъ своихъ товарищей.

Всѣ мы были убѣждены, что нашъ долгъ противодѣйствовать дробленію организаціи, что наша обязанность сохранить поле битвы и никоимъ образомъ не уступать его большинству. Мы вѣрили въ возможность и во всякомъ случаѣ считали своимъ священнымъ долгомъ сдѣлать все, что есть и будетъ въ нашихъ силахъ, чтобы сохранить Сіонъ для организаціи и организацію для Сіона. Дробленіе теперь толкнуло бы враждебный лагерь въ крайность, мы получили бы готовую угандистскую организацію, которая на своей сторонѣ имѣла бы большинство и фактическое обладаніе тѣми учрежденіями, которыя были созданы общими нашими работами. Правда, на нашей сторонѣ было бы нравственное право утверждать, что мы истинные, настоящіе представители сіонизма, что мы настоящіе хозяева этихъ учрежденій. Но вѣдь намъ лучше, чѣмъ кому либо другому знакомо это состояніе, вѣдь и на Палестину мы имѣемъ больше правъ, чѣмъ какой-либо другой народъ...

Всѣ мы, повторяю, считали такой образъ дѣйствій, разрывъ не только безразсуднымъ, но и преступнымъ. Мы не отчаялись въ илѣ сіонизма, не отчаялись и во всѣхъ Nein-Sager'ахъ; мы вѣрили въ то, что пройдетъ миражъ, разбѣется иллюзія и мы вновь объединимся всѣ вокругъ общаго идеала и общей работы. А покуда мы вѣрили, покуда мы надѣялись, имѣли ли мы право дѣйствовать иначе, чѣмъ мы поступили?..

Наше рѣшеніе было ясно: надо вернуться въ залъ.

Означало ли это возвращеніе одно признаніе факта, или примиреніе съ нимъ, а за одно и съ тѣми обстоятельствами, которыя породили его? Признаніе—да; но примиреніе—никоимъ образомъ. Между тѣмъ и другимъ есть огромное, колоссальное различіе, которое постоянно упускаютъ изъ виду у насъ очень многіе. Мы возвращались для того, чтобы успѣшнѣе вести борьбу; это должно быть, въ той или иной формѣ, но ясно отмѣчено при самомъ возвращеніи. Каждому тогда будетъ ясна наша позиція и извѣстны наши стремленія. Всякій долженъ будетъ понять, что наше возвращеніе означаетъ только признаніе того, что все, что мы желаемъ проводить, измѣнять, или устранять, должно проходить черезъ конгрессъ и черезъ нашу организацію. Оставляя за собой право борьбы, мы своимъ возвращеніемъ выражаемъ желаніе сохранить и поддерживать авторитетъ того учрежденія, которое является, быть можетъ, величайшимъ за время діаспоры, конгресса. Нравственное право на разрушеніе этого учрежденія, — ибо созданіе двухъ организацій, несомнѣнно, повело бы къ гибели его,—мы имѣли бы только тогда, если бы потеряли вѣру въ возможность возвращенія на тотъ путь, который мы считали единственно правильнымъ для народа. Между тѣмъ, какъ ни тяжело было у насъ на душѣ, мы надежды не теряли; нѣтъ, мы ее имѣли.

Мы рѣшили, чтобы объясненіе, котораго отъ насъ, естественно, ждутъ товарищи, было фактическаго содержанія, носило бы спокойный, безстрастный характеръ и указывало бы на наше рѣшеніе вернуться и сплотить то, что казалось готовымъ расколоться; все это, въ духѣ нашего общаго рѣшенія, было исполнено товарищемъ Темкинымъ. Мы, конечно, отлично знали, что ни форма, ни содержаніе нашего объясненія не оправдаютъ ожиданій очень многихъ, не будутъ соответствовать настроенію и многихъ разочаруютъ. Но мы рѣшили такъ поступить, ибо считали это за благо для движенія.

Настала знаменательная ночь, когда расколъ проявился въ очевидной формѣ: то, что было едино въ большомъ залѣ конгресса, собиралось раздѣльно, въ двухъ большихъ группахъ. Измученный, душевно израненный побѣдитель, несомнѣнно, глубоко, сильно страдавшій послѣдніе часы, былъ у тѣхъ и другихъ, стараясь вызвать «пониманіе», потому что тамъ, гдѣ есть пониманіе, говорилъ онъ, не должно быть мѣста такому расколу. Но представлялъ ли онъ себѣ самъ въ эту минуту причину того, почему мы, 6 лѣтъ все понимавшіе и во всемъ помогавшіе, вдругъ перестали понимать и помогать? Не знаю. Рѣчь, которую онъ произнесъ у Nein-Sager'овъ не обнаружила этого. Она насъ не примирила, и я потомъ съ удивленіемъ читалъ въ реляціяхъ корреспондентовъ о сильномъ впечатлѣніи, произведенномъ этой рѣчью. Не устранила она также «недоразумѣній» и не могла ихъ устранить, ибо корень ихъ скрывался

очень глубоко, истекая изъ различнаго пониманія не одного этого вопроса, а всего сионизма. Одно видѣли мы всѣ предъ собой: глубоко, сильно страдающаго любимаго человѣка. Всѣ пути къ отступленію отрѣзаль онъ, всѣ корабли сжегъ въ тотъ моментъ, когда геройски ринулся въ бой, за свой народъ. И впервые ему здѣсь, въ средѣ своихъ, приходится поставить себѣ вопросъ; понимаютъ ли его, цѣнятъ ли его труды? Въ средѣ Ja-Sager'овъ онъ только что выслушалъ заявленія, которыя, какъ пожемъ, должны были рѣзать ему сердце. Съ безпримѣрной, чисто еврейской глупостию и съ непростительной рѣзкостью, ему былъ тамъ брошенъ юношей Б., ничего еще не сдѣлавшимъ для народа, упрекъ, который долженъ былъ ядовитой стрѣлой вонзиться въ его душу, полную любви и страданій. Здѣсь люди были сдержаннѣе, Герцль самъ констатировалъ широкое пониманіе интересовъ сионизма, когда ознакомился съ подкладкой нашего выхода и сдѣланнымъ недавно заявленіемъ; но не мало тяжелаго переживалъ онъ и здѣсь, и долго еще, я думаю, памятенъ былъ ему этотъ вечеръ, какъ не забыли и мы его. Чувствовалось, что отрывается что то близкое, дорогое, ставшее роднымъ, почти сросшееся. И языкъ не поворачивался спорить, возражать; тѣмъ болѣе, что было ясно, что здѣсь и сейчасъ объясненіями не устранишь «недоразумѣній», ибо глубоки ихъ корни, и много и долго надо будетъ поработать, чтобы все расчислить...

Несомнѣнно историческими были событія пережитаго дня. Всѣ участники ихъ *ясно это чувствовали*; это одно было дорого и цѣнно, всякіе комментаріи являлись ненужнымъ, оскверняющимъ переживаніемъ и не вносили ни большаго пониманія, ни облегченія, ни просвѣтленія.

Одно интересовало меня тогда: ясно ли было Герцлю, побывавшему у Ja-Sager'овъ, потомъ у Nein-Sager'овъ, гдѣ сила, истинная сила движенія? Тамъ большинство, здѣсь меньшинство; тамъ люди, готовые слѣпо идти за руководителемъ; нѣкоторымъ это «я» стояло тяжелой борьбой, но они произнесли его; тамъ почти всѣ культурные элементы запада и «устой» востока. Здѣсь меньшинство, проливающее слезы, когда требуется политическій «сейхель» (Зангвиль), нарушающее возможность совмѣстной работы, подрывающее столь трудно дающіеся успѣхи по пути политическаго сионизма. Тѣхъ можно вести куда угодно; этихъ тоже можно вести, но только туда, куда они сами хотятъ идти. Гдѣ сила, на кого можетъ опираться движеніе? Можетъ ли оно дальше идти безъ меньшинства?

Вопросъ, близкій къ этому, былъ поставленъ Герцлю делегаткой Кричевской. «Пока я имѣю большинство за собой», — уклончиво отвѣтилъ президентъ. Но это былъ только ловкій дипломатическій отвѣтъ. Послѣдующіе дни принесли однако разрѣшеніе интересовавшаго меня вопроса.

Герцль, несомнѣнно, сознавалъ, гдѣ сила; онъ дѣлалъ потомъ все возможное, чтобы вновь имѣть ее. Она вернулась въ залъ, но онъ чувствовалъ, что она еще не вернулась ему. Еще предъ самымъ закрытіемъ конгресса онъ сдѣлалъ попытку въ этомъ направленіи; но и не получивъ того, что ожидалъ, онъ со свойственнымъ ему тактомъ и чутъемъ, заключилъ конгрессъ заявленіемъ, что *on ne se rend pas à ce qui résiste*. Да, на это устойчивое можно опираться, но только при одномъ условіи: неизмѣнномъ, неуклонномъ и очевидномъ стремленіи въ Сіонъ...

Не буду излагать дальнѣйшихъ деталей этой ночи и слѣдующаго утра, имѣвшихъ мѣсто вплоть до возвращенія нашего: обнаружались жалкія тенденціи «учесть» пережитое, выговорить мелкую колонизацію, закупку земли на средства фонда, поддержку Геулы и т. д. Все это было мелко, ничтожно, жалко, по сравненію съ событіями дня. Къ счастью, аудиторія долго на всемъ этомъ не останавливалась. Для насъ, въ дѣйствительности, важны были только два обстоятельства. — Разъ мы возвращаемся въ организацію и возвращаемся для борьбы въ предѣлахъ ея и вліянія на нее, необходимо было въ нашемъ заявленіи ясно отгнѣнить наше отношеніе къ совершившемуся факту, и во 2-хъ, обезпечить себѣ *своевременное* ознакомленіе съ результатами экспедиціи, если бы таковая была отправлена. Первая часть предусматривала рѣшеніе вопроса, который имѣлъ, несомнѣнно, очень серьезное значеніе. Она должна была установить нашъ взглядъ на образъ дѣйствій большинства. Мы ниже остановимся подробнѣе на психологіи Ja-Sager'овъ; мы увидимъ, что и она далеко не проста и не однообразна. Но въ Базелѣ, въ эту ночь, намъ было не до тонкостей. Необходимо было отгнѣнить общую, основную черту: объединившую, если не побудительныя причины, то образъ дѣйствій большинства; необходимо было дать отвѣтъ на вопросъ: что означаетъ Ja-Sager'ство?

Уже въ Базелѣ, а еще болѣе послѣ того, у многихъ изъ насъ проявилась тенденція бросать Ja-Sager'амъ огульные упреки то въ открытой измѣнѣ, то въ вѣроломствѣ, прикрытомъ сладкозвучными увѣреніями въ преданности. Мы увидимъ, въ огромной массѣ Ja-Sager'овъ есть и такая горсть; но имѣть ничего преступнаго, какъ приписывать такія чувства всемъ имъ. Впрочемъ, читателямъ, быть можетъ интересно будетъ узнать, что первое серьезное обвиненіе въ измѣнѣ Сіону я услышалъ, послѣ отъѣзда изъ Базеля, направленнымъ по адресу нашему, т. е. меньшинства. Въ письмѣ одного изъ наиболѣе уважаемыхъ мной работниковъ палестинскаго дѣла, я съ горечью прочиталъ, вырвавшіеся изъ глубины наболѣвшей души упреки по адресу «банды измѣнниковъ» (הברבורים), не понявшихъ, что изъ малаго зала казино для нихъ былъ только одинъ выходъ — на улицу, а не опять въ большой. Съ горечью прочитали мы, группа измѣнниковъ, это письмо, мы поняли душу писавшаго; но вмѣстѣ съ

тѣмъ, еще разъ все взвѣсивши, сказали себѣ, что исполнили свой долгъ передъ Сиономъ и народомъ такъ, какъ мы его понимали. Столь же справедливы были упреки въ измѣнѣ, когда они дѣлались всѣмъ Ja-Sager'амъ, огульно и безъ разбора. Мы теперь остановимся на разсмотрѣннн мотивахъ Ja-Sager'снва и это отступленіе поможетъ намъ, надѣюсь, уяснить ту формулу, въ которой меньшинство выразило свое отношеніе къ совершившемуся историческому факту.

Были-ли среди Ja-Sager'овъ такіе, которые въ своемъ «Ja» видѣли прямое отреченіе отъ Палестины и выразили этимъ желаніе продѣлать, опытъ Judenstaat'a въ ея и вѣру въ осуществимость этого опыта? Несомнѣнно, были. Во главѣ этой группы стоялъ Зангвилль. Вы помните его заявленіе, во время описанной выше субботней бесѣды, гдѣ онъ все сводилъ къ неопредѣленной ловлѣ, «Fischerei», на которое я еще тогда обратилъ ваше вниманіе. Онъ пошелъ потомъ еще далѣе и высказалъ въ одной обнародованной бесѣдѣ, что Палестина для нашей цѣли менѣе удобна, чѣмъ другая страна, ибо мы туда потащили бы слишкомъ много стараго хлама. Таковъ наиболѣе яркій представитель чистаго угандизма на конгрессѣ. Онъ передъ нами все теперь открылъ, и мировоззрѣніе его ясно. Зангвилль могъ при этомъ говорить, сколько ему угодно, что Палестина ему дороже, чѣмъ кому либо изъ насъ: это несколько не измѣнить взгляда нашего на него и его сионизмъ.—Другимъ виднымъ представителемъ этой группы чистыхъ Ja-sager'овъ былъ мистръ Greenberg. И этотъ делегатъ въ Лондонѣ раскрылъ свои карты, котрыхъ не рѣгался показать въ Базелѣ. Не сионистскимъ, а націоналистическимъ надо называть наше движеніе, увѣщевалъ онъ слушателей во время рѣчи въ Лидсѣ. Откровенно и ясно. Но много-ли было такихъ въ средѣ Ja-Sager'овъ, на конгрессѣ? Безусловно, ничтожная горсть. Мало того, даже эти наиболѣе яркіе и прямолинейные послѣдователи территориализма не считали возможнымъ въ Базелѣ открыто выступить.

Вы помните, что проводя свой циническій взглядъ на работу Герцля, какъ на Fischerei, не имѣющую опредѣленнаго направленія, Зангвилль при этомъ счелъ нужнымъ увѣрять всѣхъ, что онъ любитъ Палестину глубже всѣхъ насъ, и что Уганда для него только политическій путь къ Сиону. И то, что сказалъ Зангвилль въ нашемъ тѣсномъ кругу, то повторилъ потомъ Greenberg на конгрессной трибунѣ. Этотъ послѣдній пошелъ впоследствии еще дальше, по пути реабилитаціи своего сионистскаго credo. Узнавъ о впечатлѣннн, произведенномъ его лидерской рѣчью въ сионистскихъ кругахъ, онъ, во время Вѣнской конференціи, постѣшился придать своимъ словамъ такое толкованіе, котораго никто, кромѣ автора, придать имъ бы не могъ *). Таковы наиболѣе яркіе, повторяю, представители этого

*) См. Welt, 1904 г. № 17.

теченія изъ среды делегатовъ. Впослѣдствіи дѣла измѣнились. У насъ, въ Россіи, нарождаются теперь территоріалистскіе кружки въ разныхъ мѣстахъ, идущіе по стопамъ Запгвилля. Лично я, изъ круга моихъ или-жайшихъ наблюденій, имѣю мало объ этомъ свѣдѣній, но издали очень внимательно слѣжу за нарождающимся явленіемъ. Мнѣ представляется это теченіе весьма поверхностнымъ, возможнымъ до тѣхъ поръ, покуда мы находимся въ области силлогизмовъ отвлеченныхъ разсужденій и обреченнымъ на полное крушеніе, при первомъ соприкосновеніи съ дѣйствительностью. Но во всякомъ случаѣ, это теченіе, если оно, дѣйствительно, имѣетъ теперь болѣе широкіе размѣры, представляетъ собой явленіе послѣ—конгрессное; тамъ, повторяю, чистыхъ угандистовъ была ничтожная горсть. Тогдашнее огромное большинство составилось изъ другихъ совсѣмъ группъ, которыя не думали измѣнять Сіоніу. У этихъ людей сыграли большую роль тѣ ошибочныя представленія, которыя до сихъ поръ держатся въ ашей печати.

Одни вѣрили, что Уганда можетъ сразу принять большія массы евреевъ и этимъ сразу облегчить невыносимое положеніе нашей массы. Я уже указывалъ, какъ мало было знаній по этой части, а отъ Нордау делегаты слышали слова, которыя могли ихъ поддержать въ ихъ вѣрѣ. Впрочемъ, слѣдуетъ ли этому удивляться, если и теперь, спустя годъ послѣ конгресса, когда можно было уже вникнуть въ детали вопроса и справиться въ какой либо книжкѣ, публицисты и общественные работники позволяютъ себѣ, какъ мы видѣли, говорить, что мы можемъ переселить туда милліоны и черезъ какихъ нибудь 2 десятка лѣтъ имѣть своего государство. Въ Базелѣ вѣрили, а если человекъ вѣритъ, что есть возможность спасти милліоны изнывающихъ братьевъ, и притомъ сойчасъ, развѣ хватитъ у него мужества отвергнуть эту возможность спасенія, зная, что палестинскій идеаль, которому онъ вѣренъ, еще очень не скоро принесетъ желанное спасеніе? И такіе вѣрующіе составляли очень видную часть Jasager'овъ.

Нѣсколько слабѣ ихъ по вѣрѣ была другая группа. Она представляла себѣ, что переселеніе въ первобытную страну дѣло трудное и дорогое. О милліонахъ ja-Sager'ы этой группы не мечтали; но десятки, сотни тысячъ переселенцевъ, почему нѣтъ? Не опредѣляя количества и не уносясь въ милліонныя исчисленія, они сосредоточивали свои мысли главнымъ образомъ на возможности созданія самостоятельной еврейской колоніи. Эта колонія манила ихъ многими прекрасными сторонами; Nachtasy! ослѣпилъ ихъ. Они не думали измѣнять Сіону ни минуты; но вѣдь эта колонія явится наиболѣе могучимъ средствомъ для достиженія Сіона и устройства тамъ нормальной пародной жизни. И въ ихъ *желаніяхъ* было много естественнаго и понятнаго. Если бы основаніе такой самостоятельной колоніи было дѣломъ возможнымъ, при продолженіи общей работы для Сіона, то это имѣло бы,

дѣйствительно, крупное народное значеніе. Къ сожалѣнію, это такъ же возможно, какъ переселеніе миллионѡвъ. Но въ Базелѣ вѣрили въ возможность работы для этой цѣли, безъ ущерба для работы въ Палестинѣ и для Палестины. И вѣрующіе делегаты находили опору въ лицѣ видныхъ и виднѣйшихъ. Вѣдь даже послѣ конгресса Нордау въ собраніи заявилъ, въ Парижѣ что мы, сионисты, не дадимъ для этой задачи ни одного су, ни одного человѣка, ни минуты, считалъ задачу осуществимой силами другихъ организацій; мудро ли, что въ Базелѣ многіе, вѣруя въ эту возможность работы для Уганды безъ ущерба для Сиона, искренно произносили свое «*ja*», оставаясь добрыми сионистами? А такихъ, повторяю, было много.

За указанными группами слѣдовала третья, у которой главными двигателями являлись требованія дисциплины и соображенія дипломатическія, вождя или собственныя. Вы помните, какъ настойчиво президентъ добивался этого *Ja*, что онъ, подъ конецъ, въ самый рѣшительный моментъ, прямо заявилъ, что отрицательный отвѣтъ лишитъ его возможности дальше вести народное дѣло. Трудность его положенія, съ случаѣмъ прямого отклоненія конгрессомъ этого предложенія, даже безъ назначенія комиссіи, была бы, по истиннѣ, ужасающей. И не только положеніе Герцля, какъ вождя, пошатнулось-бы; возможно, что подрѣзаны были бы всѣ пути, ведущіе къ политическимъ сферамъ Англіи; а между тѣмъ, эта Англія, устами Лансдоуна заявила, что она готова оказать содѣйствіе всякому, разумному плану, направленному ко благу еврейской расы», слѣдовательно, и Палестинскому. И эти люди не считали себя вправѣ, своимъ *Nein*, брать на себя тяжелую отвѣтственность.

Другіе *Ja-Sager*'ы изъ этой группы не пускались въ сложныя разсужденія. Они видѣли, что президентъ этого требуетъ, а этому президенту они вѣрили безусловно, и готовы были идти за нимъ всюду, куда онъ ни позоветъ, вѣря, что его путь—лучшій путь, наиболѣе соответствующій интересамъ народа. Среди этихъ, слѣпо идущихъ за вождемъ, не мало было такихъ, которые, вѣря ему, въ то же время, ни на минуту не сомнѣвались въ его преданности Сиону. Я привожу здѣсь выдержки изъ 2 писемъ ко мнѣ виднѣйшихъ *Ja-sager*'овъ. Одно отъ лица, очень близкаго къ Герцлю и принадлежащаго къ небольшому кругу лучшихъ работниковъ нашихъ. Возмущаясь грубыми и дерзкими упреками въ измѣнѣ Палестинѣ, которые бросаются имъ и не останавливаются даже предъ лицомъ Герцля, готоваго «за наше дѣло отдать кровь своего сердца», онъ говоритъ: «Что до меня, то я скорѣе дамъ отрѣзать себѣ ноги прежде, чѣмъ пойду въ Остѣ-Африку, или допущу, чтобъ туда повели нашъ народъ»... А вотъ что пишетъ другой «измѣнчикъ», одинъ изъ видныхъ и старыхъ работниковъ нашихъ. «Наша задача теперь—

твердить и доказывать, что нѣтъ для насъ спасенія внѣ Палестины, и что пусть Уганда будетъ страной, текущей млеко́мъ и медомъ, сіонистская организація не можетъ заниматься этой задачей». Этимъ людямъ, которые такъ преданны и такъ ясно сознаютъ значенію Сіона, бросали съ такой легкостью упрекъ въ измѣнѣ... И тѣ, которые дѣлали это, увѣрили себя и другихъ, что они спасаютъ народъ и страну отъ измѣнниковъ...

Говоря о группѣ ja Sagor'овъ, дѣйствовавшей по соображеніямъ дипломатическимъ, я долженъ къ ней отнести и группу Мизрохи. Говорю: группу а не мизрохистовъ, потому что изъ отдѣльныхъ членовъ этой группы многіе руководствовались однимъ изъ указанныхъ выше мотивовъ; одни вѣрили въ возможность облегченія массы, или созданія колоніи рядомъ съ Сіономъ, другіе слѣпо вѣрили вождю и уступали его требованію. Но несомнѣнно, что въ голосованіи большинства Мизрохи сказалась тактика цѣлой организаціи, проводимая и руководимая главарями, которой только немногіе, смѣлые, не подчинились. А между тѣмъ отъ Мизрохи, людей традиціи, вѣры, вѣчно молящихся о возвращеніи нашемъ въ Палестину, всего менѣе можно было ожидать согласія на Уганду. Я не былъ на ихъ совѣщаніяхъ,—говорятъ, что они были очень бурныя,—но думаю, что тутъ сыиграли роль отчасти религіозныя, отчасти тактическія соображенія.

Мизрохистамъ всего чаще приходится сталкиваться съ возраженіями изъ ортодоксальнаго же міра, что мы, сіонисты, покушаемся «ускорить конецъ» и хотимъ предвосхитить дѣло, которое должно совершиться Мессіей. Безпочвенность этого возраженія, именно съ точки зрѣнія религіи, сто разъ доказывалась въ литературѣ и жизни; но его продолжаютъ ставить, ибо противники рѣдко имѣютъ мужество вникать въ разсужденія, подрывающія ихъ предрасудки. Далѣе, нашихъ мизрохистовъ смущаютъ «религіозныя предписанія, связанная только съ Палестиной», неувѣренность, что проведеніе ихъ не встрѣтитъ коллизіи съ жизненными условіями. Уганда снимала и то, и другое; она устраняла съ пути препятствія, которыя имъ кажутся очень большими и трудными. Они хотѣли Уганды, не для вида, а таки работы въ ней, сосредоточенія силъ на ней. Ну, а какъ же Палестина?—Она намъ обѣщана и будетъ наша; пусть ее теперь заселяютъ другіе, все равно, придетъ время, она будетъ наша. Но вѣдь это противорѣчитъ совершенно нашей программѣ, которая вся говоритъ объ активной работѣ для полученія Сіона? Не знаю, какой отвѣтъ мизрохисты давали себѣ на этотъ вопросъ; быть можетъ, они полагались на вождей, которые создавали программу и которые увѣрили ихъ, что здѣсь нѣтъ противорѣчій...

Мы разсмотрѣли моменты, которые привели въ общей сложности, къ созданію большинства 13-го августа. Мы видѣли здѣсь пеструю группу,

элементы которой пришли разными путями къ одному и тому же конечному пункту. Но прежде чѣмъ перейти къ выводу, для котораго мы предприняли это обзорнiе, я хочу еще остановиться на психологiи одного Ja-Sager'a, перваго, влиянiе котораго сыграло такую крупную роль въ этой борьбѣ.

Что привело д-ра Герцля къ Угандѣ и какова его истинная позицiя въ этомъ вопросѣ?

Много разъ задумывался я надъ этимъ, взвѣшивалъ разныя данныя, вспоминалъ слышанное, видѣнное и читанное, и все-таки не могу считать вопросъ для себя окончательно рѣшеннымъ. Когда думаешь объ этомъ, поражаешься прямо той легкости и увѣренности, съ какими рѣшаютъ его у насъ нѣкоторые публицисты и общественные работники; какъ у нихъ все просто и ясно!.. Предупреждаю заранѣе, что определеннаго отвѣта на поставленный вопросъ не имѣю; но и соображенiя, материалъ для будущаго отвѣта считаю не лишними.

Какимъ явился Герцль къ намъ, когда раздался призывный кличъ его ко всѣмъ намъ, до него работавшимъ, а также къ тѣмъ, кто стоялъ вдали? На этотъ вопросъ мы находимъ очень ясный и вполне опредѣленный отвѣтъ въ его *Judenstaat*'ѣ.

Разбирая вопросъ о мѣстѣ для будущаго государства, Герцль говоритъ, что о двухъ странахъ приходится главнымъ образомъ думать: о Палестинѣ и Аргентинѣ. «Мы возьмемъ, заявляетъ онъ, то, что намъ дадутъ и за что выскажется общественное мнѣнiе еврейскаго народа» ¹⁾. Не знаю, была ли знакома тогда Герцлю брошюра Пинскора; полагаю, что нѣтъ. Но высказанный имъ взглядъ совершенно, точь въ точь совпадаетъ съ тѣмъ, который проводился въ *Autoemancipation*. «*Der Judenstaat*, заявляетъ Герцль въ той же брошюрѣ, *ist ein Weltbedürfniss, folglich muss er entstehen*» ²⁾; гдѣ,—это въ принципѣ безразлично. «*Man gebe uns die Souveränität eines für unsere gerechten Volksbedürfnisse genügenden Stückes der Erdoberfläche, alles andere werden wir selbst besorgen*» ³⁾.

Стоя на такой, чисто территориалистической точкѣ зрѣнiя, авторъ *Judenstaat*'а, однако, говоритъ слѣдующее: «Палестина,—это наша незабвенная историческая родина. Одно это имя явилось бы громадно-захватывающимъ призывомъ для нашего народа» ⁴⁾. И только. Палестина имѣетъ одинъ плюсъ, но итогъ зависитъ отъ соотношенiя всѣхъ плюсовъ и минусовъ; этотъ итогъ должно подвести «общественное мнѣнiе

¹⁾ Th. Herzl: *Judenstaat*, 1896, S. 29.

²⁾ Ibid., S. 5.

³⁾ Ibid., S. 22.

⁴⁾ Ibid., S. 29.

еврейскаго народа». Самъ авторъ тогда, очевидно, особаго значенія этому плюсу не придавалъ; это былъ чистѣйшій типъ *Judenstaat'ler'a*, какъ онъ самъ впоследствии охарактеризовалъ свое тогдашнее состояніе. Больше и подробнѣе онъ надъ этимъ вопросомъ не останавливается, и только въ концѣ своей работы Герцль, какъ бы забывая о первѣнственности вопроса и необходимости выбора еще, заявляетъ, что задача сionизма указать народу путь *in das Gelobte Land* ⁵⁾.

Такимъ былъ Герцль въ 1896 г., до конгрессовъ.

Но вотъ насталъ августъ 1897 г. Впервые собрались представители движенія въ Базелѣ, и д-ръ Герцль произноситъ свою первую рѣчь. Никакихъ колебаній, ни слова о выборѣ. Сionизмъ есть возвращеніе къ іуданзму и въ Сionъ. Ясно и опредѣленно.

На этомъ конгрессѣ вырабатывается программа, которая должна обнять суть нашихъ стремленій и указать пути къ ихъ осуществленію. Много было борьбы, много споровъ; различныя воззрѣнія на вопросы сущности и тактики столкнулись тутъ; но ни одного слова о томъ, чтобы мѣстомъ осуществленія сionистскаго идеала могла быть другая страна, кромѣ нашей Палестины. Почему у инициаторовъ, подготовлявшихъ конгрессъ, не явилась потребность включить этотъ вопросъ въ область обсужденія? Они, впрочемъ, сдѣлали это отчасти. Д-ръ Бирнбаумъ, одинъ изъ двухъ ораторовъ, которымъ заранѣе поручено было представить теоретическое обоснованіе сionизма, коснулся и вопроса о значеніи Сionа ¹⁾. Но прочтите, какъ онъ это сдѣлалъ: только вскользь и слегка упомянулъ, какъ о чемъ-то, что собственно ясно каждому, но чего все-таки нельзя обойти. Онъ такъ и заявляетъ, что ему лично, для себя, этотъ вопросъ представляется излишнимъ, но онъ разсматриваетъ его для другихъ. А дебаты показали, что и другимъ это не нужно было. Никто не возбуждалъ ни вопросовъ, ни сомнѣній. Сила этого *gewaltig ergreifenden Sammelrufes*, очевидно, чувствовалась всѣми, собравшимися въ Casino.

Съ тѣхъ поръ началась работа, созидательная и непрерывная, по нахѣченному пути. За протекшіе годы совмѣстной работы для народа и Сionа, эта связь у большинства окрѣпла и разрослась, превратившись изъ смутнаго представленія въ ясный органическій факторъ. Трудъ и надежда укрѣпляли и любовь, и сознаніе. Трудился ли въ эти долгіе годы кто либо больше, беззаветнѣе и плодотворнѣе для страны и народа, чѣмъ д-ръ Герцль? На чемъ были сосредоточены всѣ помыслы его крупнаго ума и всѣ движенія его чуткаго сердца постоянно, непрерывно въ эти годы? На народѣ и Палестинѣ, на Палестинѣ и народѣ. Объ одномъ онъ

⁵⁾ Ibid., S. 84.

¹⁾ Stenogr. Protoc. des I Congr. S. 91.

мечталъ, одно онъ видѣлъ предъ собою днемъ и въ частія безсонныя ночи. Вліяніе этого сосредоточенія всѣхъ силъ на одномъ стремленіи мы видимъ уже въ маленькой замѣткѣ, написанной въ 1898 г., послѣ того, какъ онъ впервые пришелъ въ соприкосновеніе съ предметомъ своихъ мечтаній, со страной.

Не знаю, многіе ли въ свое время обратили вниманіе на эту статью; она прошла, помнится, незамѣченной. Но меня она тогда же поразила. Въ отрывочныхъ и короткихъ фразахъ, статья представляетъ отраженіе глубокихъ и долгихъ размышленій автора, это первые штрихи, наброски давно задуманной и глубоко продуманной большой картины; но гораздо болѣе дѣйствуетъ тотъ духъ, которымъ вся она проникнута, который чувствуется въ каждомъ выраженіи, въ каждой строкѣ ея, указывая на духовную близость автора къ тому, о чемъ онъ говоритъ. Такъ озирается, строить планы и разсуждаетъ велухъ сынъ, когда онъ впервые пріѣзжаетъ, послѣ смерти отца, въ давно покинутое и запущенное, родное гнѣздо. Теплое чувство *своего*, сознаніе свѣтлыхъ сторонъ и силъ, таящихся подъ непривлекательнымъ вѣшнимъ видомъ, и на каждомъ шагу рвущіеся наружу пламя для созданія здѣсь новой жизни:— вотъ что чувствуется въ этой замѣткѣ Герцля. Задуманные планы требуютъ гигантскихъ усилій, страна очень запущена, она должна быть снабжена всѣми новѣйшими усовершенствованіями, согласно требованіямъ техники, гигиены и людскаго общенія. Но всѣ труды подъ этимъ чуднымъ небомъ будутъ вознаграждены. «Мы вѣримъ теперь, какъ прежде, особенно сильно съ тѣхъ поръ, какъ посѣтили ее, что эта страна, такъ щедро одаренная природой, есть страна будущаго»¹⁾.

Шли годы, Герцль все болѣе и болѣе уходилъ въ работу для заброшеннаго роднаго угла; его близость все болѣе росла и крѣпла, она стала физической, и вылилась съ особой силой въ его новую книгу «*Altnouland*».

Я читалъ эту книгу еще задолго до Африки и вызвавшихъ ею сомнѣній, но уже послѣ известной критики. Я не буду теперь останавливаться ни на книгѣ, ни на критикѣ. Скажу только, что самъ я прочиталъ ее съ захватывающимъ интересомъ, отъ начала до конца, и не смотря на отдѣльные эпизоды, которые шокировали мои представленія, я всецѣло былъ охваченъ обаяніемъ развертывающейся предо мной картины счастливой соціальной жизни возрожденной страны, которая была столь глубоко продумана и такъ детально разработана. На эту сторону работы Герцля, которая составляетъ вѣдь суть книги, Ах.-Гаамъ, какъ известно, не обратилъ никакого вниманія, что справедливо было уже отмѣчено въ литера-

¹⁾ «*Die Welt*», 1898, November.

туръ ¹⁾. Но меня еще болѣе поразило, какъ могъ этотъ тонкій умъ незамѣтить того, что составляетъ лучшее украшеніе книги, что одухотворяетъ весь этотъ трудъ: это любовь автора,—да, любовь къ странѣ, которую онъ рисуетъ. Прочитайте тѣ страницы, гдѣ авторъ описываетъ разныя мѣстности Палестины или говоритъ о расцвѣтѣ и силѣ этого клочка Средиземнаго берега, и вы невольно поддадитесь обаянію тихаго, подчасъ грустнаго, подчасъ восторженнаго, но всегда крѣпкаго, сыновняго чувства, которое тамъ разлито. Это не рисовка, не искусственное, кричащее, а естественное, физическое чувство привязанности, которое пробудилось въ чуткой душѣ автора, какъ только онъ пришелъ въ соприкосновеніе со старой родиной, и крѣпло съ тѣхъ поръ, благодаря постояннымъ думамъ. На конгрессѣ и послѣ него вождю сіонистовъ приходилось не разъ увѣрять въ своей любви и преданности Сіону; тогда не всѣ вѣрили его искренности. Но когда вспоминаешь его книгу, отлетаютъ сомнѣнія и, не колеблясь, признаешь этотъ теплящійся источникъ любви въ сердцѣ великаго сына къ маленькой странѣ...

Но обозрѣвая прошлое и ища въ немъ указаній для характеристики «перваго Ja-Sager'a», мы не можемъ обойти и другой группы фактовъ. Она говоритъ иное.

Мы видѣли, какъ опредѣленно и ясно было отношеніе президента 1-го конгресса къ Палестинѣ, точнѣе, къ мѣсту разрѣшенія сіонистскаго идеала; тутъ не могло быть мѣста никакимъ сомнѣніямъ. Но вотъ настала 2-й конгрессъ. Два раза былъ здѣсь поводъ выяснить отношеніе участниковъ конгресса къ этому вопросу, хотя онъ прямо и не былъ поставленъ: по поводу Кипра и устава банка. И оба раза ясно проявилось, что Герцлю не желательно было, чтобы конгрессъ закрылъ движенію возможность всякаго другого выхода, помимо Палестины. Я уже указывалъ выше, что незадолго до конгресса, самъ онъ, въ замѣткѣ въ Berliner Tageblatt, выдвигалъ возможность колонизаціи Кипра; на конгрессѣ Тритчъ пользовался его видимой поддержкой; рѣчь Боденгеймера, ясно указывавшаго ²⁾, что можетъ оказаться необходимость направить колонизацію въ другую страну, не встрѣчала коррективы въ президентскихъ устахъ. Но виѣсть съ тѣмъ, президентъ при этихъ спорахъ имѣлъ случай ясно убѣдиться, какъ опасно затрагивать этотъ вопросъ. Взрывы протестующаго чувства при попыткѣ Тритча, не успокаивавшіяся, несмотря на все обаяніе президента, до тѣхъ поръ, пока инициаторъ предложенія о Кипрѣ не оставилъ трибуны, служили для чуткаго и вдумчиваго президента достаточнымъ моментомъ. Онъ оставилъ это. Его отношеніе на слѣдующихъ конгрессахъ къ Палестинѣ было безупречно. Надо, впрочемъ, замѣтить, что не было

¹⁾ См. напр. статью Л. Паперина въ „Будущность“—

²⁾ *Stenogr. Prot. des II Congr.*, S. 173.

и поводовъ къ дисгармоніи въ этомъ отношеніи: дипломатическіе успѣхи въ это время не оставляли желать лучшаго, и Герцль былъ полонъ вѣры въ скорое осуществленіе своего назначенія, которое онъ считалъ исполненнымъ въ моментъ полученія чартера. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, когда 3-й конгрессъ возложилъ на свой Исполнительный комитетъ проведеніе въ законодательномъ порядкѣ измѣненія пресловутаго 3-го § устава банка, которое должно было сдѣлать тѣснѣе связь движенія съ Палестиной, онъ, сдѣлавъ, правда, предварительные шаги по этому пути, остановился среди работы, которая не закончена до сихъ поръ.

Конечно, значеніе указаннаго § переоцѣнено; существованіе желательнаго палестинцамъ измѣненія лишило бы банкъ, правда, возможности прямого участія въ самой колонизаціи другой страны, кромѣ Палестины и близъ лежащихъ мѣстъ, но отнюдь не отнимало бы права вести переговоры, вплоть до заключенія разныхъ договоровъ, для реализаціи которыхъ онъ могъ бы привлечь, или создать какое нибудь иное учрежденіе. Суть здѣсь, конечно, не въ формулѣ только и параграфѣ устава, а главнымъ образомъ во взглядѣ и рѣшеніи конгресса. Измѣненіе §, такимъ образомъ, не являлось бы той гарантіей, которую усматриваютъ въ немъ многіе. Но съ другой стороны, такое промедленіе въ исполненіи желанія конгресса, столь демонстративно и притомъ неоднократно проявленнаго, не могло быть случайностью и, естественно, подавало поводъ къ размышленіямъ и разнымъ комбинаціямъ.

Указывали, что измѣненіе основнаго акта въ Англии обставлено разными хлопотливыми трудностями; вѣрно и то, что это сопряжено съ значительными затратами, которыя директора банка, съ своей точки зрѣнія, конечно, признаютъ непроизводительными; они указываютъ, кромѣ того, что въ равной степени связаны постановленіями общихъ собраній акціонеровъ, для нихъ безусловно обязательными. Все это такъ; но все это, вмѣстѣ взятое, не можетъ, тѣмъ не менѣе, служить ни достаточнымъ оправданіемъ, ни удовлетворительнымъ объясненіемъ прекращенія работъ по уже начатому проведенію рѣшеннаго измѣненія въ законодательномъ порядкѣ. Это обстоятельство, однако, до VI конгресса, мало кого беспокоило. Никому изъ сіонистовъ въ голову не могло придти то, что задумалъ Чемберленъ, на пути своемъ въ Южную Африку. Но вотъ насталъ VI-й конгрессъ, Герцль внесъ свое предложеніе объ Угандѣ, все всколыхнулось, пошла всеобщая провѣрка всего, и тутъ оставшійся неизмѣненнымъ параграфъ, естественно, опять привлекъ къ себѣ вниманіе. Сіонистовъ не могла уже успокаивать увѣренность, многими высказывавшаяся, что ограниченіе, наложенное конгрессомъ, затруднило бы еще болѣе веденіе переговоровъ съ Турціей, которая въ этомъ увидитъ безпомощность претендентовъ, связывающихъ себя сами заранѣе, по рукамъ и ногамъ. Мы

знаемъ, что и Герцль не разъ указывалъ, официально и въ интимныхъ бесѣдахъ, на этотъ мотивъ. На первой годичной конференціи онъ выдвинулъ необходимость искать Umweg; въ отвѣтъ тов. Усышкину онъ говоритъ о непрактичности купца, заявляющаго продавцу, что только его домъ хочетъ и можетъ купить. Сіонистовъ, повторяю, это не могло успокаивать и они, естественно, спрашивали себя, не кроется-ли здѣсь стремленіе оставить движенію законный выходъ по другому направленію, помимо Палестины... Но отвѣтить на этотъ вопросъ значило—выяснить себѣ опредѣленно отношеніе Герцля къ Палестинѣ и быть въ состояніи съ увѣренностью сказать, территоріалистъ онъ, или сіонистъ; а это выяснилось только впоследствии, послѣ конгресса, какъ мы это скоро увидимъ. Въ Базелѣ мы этого знать не могли. И озираясь на прошлое, въ частности на факты послѣдняго времени, сопоставляя ихъ съ его сіонистскимъ міровоззрѣніемъ, изложеннымъ въ *Judenstaat*'ѣ, и характеромъ работы, мы приходили къ грустному выводу и были полны тревожныхъ опасеній...

«Палестина наша историческая родина», говоритъ Герцль въ своемъ *Judenstaat*'ѣ. Онъ предпочитаетъ ее всякой другой странѣ. Онъ работалъ съ безпримѣрнымъ рвеніемъ для полученія ея всѣ эти годы; наткнувшись на затрудненія, выяснившія ему, что достиженіе желанія требуетъ времени, труда, жертвъ бѣльшихъ, чѣмъ онъ ожидалъ, онъ ухватился всѣми силами за Эль Аришъ. Съ необыкновенной быстротой и энергіей мобилизовалъ онъ все это дѣло. Пока онъ имѣлъ малѣйшую надежду на скорое полученіе Аришскаго чартера, онъ отказывался отъ Уганды. Но вотъ и эта надежда не то, что лопнула, а пошатнулась, отодвинулась въ даль. Опять ждать и бездѣйствовать. Но вправѣ ли мы ждать?—спрашивалъ себя Герцль. И когда онъ передумывалъ все то, что переживалъ съ тѣхъ поръ, какъ сблизился со своимъ народомъ, особенно же то, что собственными глазами видѣлъ при своей поѣздкѣ въ Россію, онъ, очевидно, хотя не рѣшилъ еще, но склонялся къ мысли, высказанной въ томъ же *Judenstaat*'ѣ: *Wir müssen nehmen dasjenige, was man uns geben wird...* Мнѣ становилось ясно то, что онъ высказалъ мнѣ и тов. Когану-Бернштейну, когда мы были посланы къ нему въ субботу, наканунѣ открытія конгресса (гл. II). Палестина еще не скоро будетъ наша; народная нужда вопіетъ; филантропія безсильна; страны иммиграціи грозятъ закрытіемъ, по крайней мѣрѣ затрудненіями. Ждать нельзя. И онъ ухватился за Уганду. Что будетъ съ этимъ, онъ еще окончательно не рѣшилъ; но выпускать изъ рукъ нельзя: можетъ понадобится народу...

Такимъ явился д-ръ Герцль на VI конгрессѣ.

Думалъ ли онъ при этомъ оставить Палестину? Полагаю, что никакъ образомъ. Уже имѣя агліійское предложеніе, онъ и до, и послѣ

конгресса, не прерывалъ, ни на одинъ день, работы для Сиона. Мало того; онъ былъ увѣренъ, что предложеніе объ устройствѣ автономной колоніи въ Угандѣ, принятое съ радостью конгрессомъ, подниметь сильно его шансы на Босфорѣ. Нѣтъ, онъ не думалъ измѣнить Сиону. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, я полагаю, что привезъ онъ Уганду не для дипломатин только. Если бы Палестина продолжала еще долго оставаться непреступной для массъ и полученіе чартера все отодвигалось бы, то эти массы надо было бы двинуть въ Уганду, отсрочивъ работу для добыванія Палестины на болѣе отдаленное будущее. Онъ былъ глубоко увѣренъ, что для Уганды легко будетъ получить Колонизаціонное общество, Ротшильдovy и другія силы въ еврействѣ, которыя стоятъ вдали отъ сионизма. А у народа достаточно силъ, чтобы разрѣшить такихъ двѣ задачи. Его необыкновенно глубокая, безотчетная вѣра въ еврейскій народъ, вѣра, которая давала ему его специфическую мощь, она иногда приводила его къ слишкомъ оптимистическимъ мыслямъ и надеждамъ. Только этимъ объясняется то, что онъ самъ могъ выдвинуть такую сильную опасность для своего же дѣла.

VI-й конгрессъ не прошелъ даромъ для участниковъ его, тѣмъ менѣе для его президента. Всѣ мы многому научились въ эти дни. Работа душевная, тамъ начатая, продолжалась и дальше. Результаты ея первый Ja sager выразилъ самъ, со свойственной ему ясностью и красотой, во время Апрельской конференціи въ Вѣнѣ. «Als Judenstaatler habe ich mich Ihnen vorgestellt. Im Verlaufe unserer Arbeit habe ich viel gelernt, und habe einsehen gelernt, dass die Lösung für uns *nur* in Palästina liegt» ¹⁾). Эти слова являются выраженіемъ завершенія въ душѣ автора продолжительной и упорной борьбы.

Его сионизмъ не есть только продуктъ чувства, или вѣры. Никогда Герцль не сказалъ бы народу: предпочтите каменные скалы цвѣтущимъ полямъ. Политическій дѣятель, онъ понимаетъ, что прежде всего народу жить нужно. Но убѣдившись, что эта жизнь въ Палестинѣ возможна, онъ тѣмъ болѣе ухватывается за нее, что она отвѣчаетъ и чувству, и вѣрѣ. Приведенный путемъ мозговой работы къ сионизму, онъ ощутилъ скоро живой откликъ въ своемъ сердцѣ, укрѣпленный соприкосновеніемъ его съ древней родиной; но испытавъ это чувство, онъ долго и много провѣрялъ и обдумывалъ, онъ семь разъ мѣрилъ, прежде чѣмъ отрѣзалъ. И сдѣлавъ это, онъ еще болѣе привязался къ тому, что соответствовало требованіямъ необходимости. Der Zionismus ist nicht nur eine Nothwendigkeit, er ist auch ein glorreiches Ideal, сказалъ онъ на 5 конгрессѣ. И сила сионизма тѣмъ именно и крѣпка, что онъ отвѣчаетъ и желѣзной необходимости, и вѣковымъ стремленіямъ народной души.

¹⁾ Die „Welt“, 1904, № 16.

Мы рассмотрѣли мотивы, двигавшіе Ja-Sager'ами. Предъ нами пестрая группа, которая, идя различными совершенно психическими путями, сошлась на одномъ конечномъ выводѣ.

Мы спросимъ себя вновь: много-ли было въ этой пестрой толпѣ такихъ, которые тогда, въ Базелѣ, съ легкимъ сердцемъ готовы были порвать съ Палестиной и пойти злѣпо туда, куда поведутъ ихъ вождь, или прерратности случая?—Ничтожная горсть. Гораздо больше было такихъ, которымъ «Ja» стоило тяжелыхъ мученій борьбы, и произнесли они это потому только, что были увѣрены, что такимъ путемъ, въ данный моментъ и при наличныхъ условіяхъ, вѣрнѣе всего служатъ Сіону. Но огромное большинство состояло изъ людей *зablуждающихся*, которые мало знали, нетерпѣливо желали и легко вѣрили. Поверхностный взглядъ на задачи, средства и пути сіонизма; непониманіе его *основной цѣли* и плохая оцѣнка факторовъ и силъ, на которые онъ можетъ рассчитывать; готовность, вслѣдствіе этого, увлечься проектами, которые, быть можетъ, имѣя свои заманчивыя стороны, совершенно не отвѣчаютъ нашей народной задачѣ:—вотъ что съ поразительной и ужающей ясностью раскрыло передъ нами Ja-Sager'ство. Здѣсь не было измѣнъ; здѣсь проявилась опасность, серьезная, глубокая, роковая, и при томъ въ такомъ пунктѣ программы, гдѣ мы всего меньше ее ждали. Вотъ на эту опасность должны мы самымъ яснымъ образомъ указать, когда вернемся въ залъ. Но не только тутъ возвѣститъ. Потомъ, въ жизни, мы должны будемъ постоянно о ней помнить и твердить заблуждающимся, пока они не прозрѣютъ и не поймутъ, въ чемъ истинная цѣль сіонизма. Устраненіе этой опасности, охраненіе движенія отъ нея должно стать нашей важнѣйшей задачей послѣ конгресса.

Въ этомъ смыслѣ была принята резолюція Nein-Sager'ами и внесена въ конгрессъ ¹⁾. Она не говорила ни объ измѣнѣ, ни о ломкѣ Базельской программы. Она возвѣщала, съ трибуны конгресса, всему сіонистскому міру, что наступаетъ *роковая опасность* для движенія, ибо его хотятъ *уклонить въ сторону* отъ того пути, который является единственно вѣрнымъ.

Принявъ эту резолюцію, Nein-Sager'ы вернулись въ большой залъ конгресса.

На этомъ обрываю я свою работу.

Мои черновые наброски, слѣдуя намѣченному вначалѣ ряду вопросовъ, содержали еще страницы, въ которыхъ я стремился разобраться въ причинахъ, приведшихъ къ Угандѣ, и выяснить пути, по которымъ наша

¹⁾ Stenogr. Prot. des VI Congr., S. 257.

организація должна впредь идти. Установивъ, что причинъ этихъ, конечно, главныхъ, было три:—недостаточная подготовка сионистовъ, пробѣлы центральной организаціи и отсутствіе работы въ Палестинѣ,—я старался освѣтить и выяснитъ, относительно каждой, размѣры, значеніе и способъ борьбы. Теперь-же я опускаю разборъ 2-го и 3-го пунктовъ, и ниже коснусь только перваго.

Мои замѣтки были писаны еще задолго до 3 Іюля н. ст., того дня, который, несомнѣнно, составитъ грань въ развитіи нашего движенія. Все, что происходило до этого дня, находилось такъ сильно подъ влияніемъ индивидуальности вождя, его твердой воли и широкаго ума, его личныхъ взглядовъ и влеченій, его колоссальнаго обаянія, что разбирать это прошлое значило бы разбирать Герцля. Точно такъ же, когда мы строили планы относительно будущаго, мы всегда считались съ двумя факторами: народнымъ и личнымъ. Почившій вождь отдалъ себя всего движенію, свои силы, время, средства, мозгъ и сердце; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, такъ сказать, воплотилъ въ себѣ движеніе. Такое сліяніе имѣло свои важныя положительныя стороны, преимущественно для перваго, строительнаго періода, когда приходилось придавать формы существовавшему уже и создавать новыя учрежденія. Но оно имѣло и свои серьезныя отрицательныя стороны. Вліяніе этого сліянія личности и движенія сказывалось повсюду, и въ частности очень рельефно по отношенію къ двумъ изъ указанныхъ причинъ: центральной организаціи и текущей работѣ въ Палестинѣ.

Много разъ, съ разныхъ сторонъ, указывалось на значеніе сложившагося у насъ соотношенія силъ; мы разбирали эти вопросы широко и свободно, при чемъ, какъ оно естественно происходитъ въ политической борьбѣ, на первый планъ выдвигались отрицательныя явленія, привлекалось вниманіе къ тому, что требовало измѣненія. Мы дѣлали это свободно, въ сознаніи, что всякое преувеличеніе, или извращеніе истины легко могли бы быть исправлены и правда восстановлена. Теперь все измѣнилось. Теперь для того, чтобъ говорить и судить о дѣйствіяхъ и психологіи нашего перваго президента, надо быть во всеоружіи того богатаго матеріала, который остался послѣ него. Этотъ матеріалъ очень обширенъ, интересенъ и многое, многое освѣщаетъ и выясняетъ; онъ броситъ свѣтъ и на причины, приведшія къ Угандѣ, и на отношеніе Герцля къ ней. Къ сожалѣнію, не скоро еще дано будетъ имъ пользоваться. Приходится ждать. Но о первомъ изъ упомянутыхъ трехъ пунктовъ, гдѣ вліяніе почившаго вождя тоже, конечно, очень сильно сказывалось, но гдѣ, все-таки, главная доля отвѣтственности лежитъ на насъ, всѣхъ участникахъ движенія, я считаю возможнымъ и нужнымъ поговорить сейчасъ.

Кто вникалъ глубже въ сущность сионизма и задумывался надъ

будущностью движения, тотъ, навѣрное, не разъ съ горечью думалъ о томъ, какъ скуденъ багажъ, которымъ мы снабжаемъ адептовъ нашего движения. Правда, идея въ основѣ своей такъ ясна и проста, что она могла привлечь значительную часть народа, и при такой бѣдности литературы и скудости разработки. Но насколько прочна связь адептовъ съ движениемъ, смогутъ ли они выдерживать испытанія, надъ этимъ вопросомъ мало задумывались. Между тѣмъ такія испытанія обычно встрѣчаются въ жизни, въ видѣ разныхъ теченій, борющихся съ нашимъ и зовущихъ къ себѣ еврейскія массы; а помимо того жизнь выдвигаетъ и неожиданныя проблемы, какъ это было, напр., на VI конгрессѣ, которыя своей неожиданностью еще болѣе смущаютъ. Человѣку съ ясно и твердо обоснованнымъ мировоззрѣніемъ не страшны ни тѣ, ни другія: онъ находитъ въ запасѣ своихъ свѣдѣній готовый отвѣтъ, или данныя для него. Но тамъ, гдѣ этого яснаго, обоснованнаго мировоззрѣнія нѣтъ, тамъ рѣдкій проходитъ пороги неповрежденнымъ.

Много-ли мы, сіонисты, удѣляли вниманія этой сторонѣ работы? Часто ли, усердно ли старались мы выяснять себѣ и другимъ всесторонне сущность, историческія и социологическія основы нашего движения и наиболѣе крупныя проблемы, съ нимъ связанныя? Развѣ мало среди насъ такихъ, которые наивно думаютъ, что Герцль создалъ сіонизмъ, и не сознаютъ, что онъ такой же продуктъ историческаго развитія движения, хотя и несравненно болѣе богато одаренный, какъ и всякій изъ насъ?.. И удивляться этому нечего, ибо слишкомъ мало культивировали мы въ своей средѣ тѣ элементы знанія, какъ общаго, такъ и еврейскаго, на основѣ которыхъ только и можетъ расти и крѣпнуть здоровое народное движение.

Среди насъ, въ этомъ отношеніи, рѣзко выдѣлялись двѣ крайности, которыя, правда, не составляли всей организаціи, оставляя мѣсто третьему, среднему теченію, но являлись доминирующими.

Было у насъ меньшинство, глубоко понимавшее необходимость этого элемента, прозваннаго у насъ «культурой», ратовавшее за нее и возмущавшееся поверхностностью и легкостью, какія замѣчались въ пониманіи сіонизма у очень многихъ. Но эти люди не были людьми жизни и труда, а потому не могли имѣть успѣха въ широкихъ слояхъ организаціи. Они дѣлаютъ изъ культуры самоцѣль, создаютъ культъ культуры; они ставятъ въ противовѣсъ іудаизмъ іудеямъ, служа первому и отодвигая на второй планъ нужды послѣднихъ. Стремясь въ высь небесъ, готовя очагъ для избранныхъ, они забываютъ, что всѣ мы, грѣшныя, созданы изъ плоти, обречены жить на землѣ и на землѣ-же совершенствоваться. Колоссальныя усилія сіонистовъ, направленныя на организацію народныхъ массъ, привитіе и развитіе дисциплины, созданіе народныхъ

учрежденій, представляются имъ жалкими, и своимъ непростительно-насмѣшливымъ отношеніемъ они шатаютъ съ такимъ трудомъ создаваемые практическіе устои. Они были меньшинствомъ и будутъ имъ, что, видимо, и сами сознаютъ. Но благодаря своей односторонности, они не смогли привить организаціи и того, что есть безусловно здороваго въ ихъ стремленіяхъ, и имѣли, такимъ образомъ, ничтожное вліяніе. Впрочемъ, не одна односторонность тутъ виной; виновата и ихъ бездѣятельность. Они просто почти не работали, не шли въ организаціонные слои и не подготовляли почвы для своихъ идей и воззрѣній.

Рядомъ съ этимъ меньшинствомъ, стояло всеильное большинство. Это люди практической жизни, люди дисциплины, организаціи и «политики». Ихъ формула сионизма очень ясна и проста, требованія, предъявляемая къ сионисту, тоже очень не сложны.. Плати шекель, купи акцію, пожертвуй на фондъ и исполняй то, что исходить свыше; остальное исполнится за тебя въ цѣнтрѣ, источникъ всего. Восторгъ, вызванный словами: «die Kultur, was ist das?» исходилъ именно отсюда. Этимъ людямъ была высказана въ Минскѣ Ахадъ-Гааомъ, и еще раньше другими простая правда, что не столько культура нуждается въ сионистахъ, сколько сионизмъ въ культурѣ, что механическая формула «политиковъ» не гарантируетъ ни отъ истощенія, ни отъ неожиданностей. Но на это не обратили вниманія: большинство такъ вѣрило въ *скорое* осуществленіе сионистскихъ желаній, что всякія укрѣпленія и углубленія здѣсь, въ діаспорѣ казались излишними. Въ простотѣ и ясности душевной эти элементы также смѣшались надъ культурными устоями, какъ тѣ надъ шекелемъ и акціей... Поразительно и больно, что такіе насмѣхающіеся встрѣчались не только въ средѣ свѣжихъ сионистовъ, но и среди вскормленныхъ на «chibas-Zion»: все мы помнимъ еще насмѣшки надъ «берлинскими и женевскими говорильнями» и съ такимъ пафосомъ провозглашенный въ Минскѣ идеаль «сильной руки».

Среди этихъ двухъ крайностей была и третья группа, къ которой и я себя причисляю. Она глубоко цѣнитъ практическіе устои, проводимые большинствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ, что ихъ существованіе непрочно и безцѣльно, если они не одухотворяются знаніями и любовью. Смотра на движеніе, какъ на результатъ аномальнаго состоянія всѣхъ сторонъ національной жизни, она требуетъ гармоничныхъ усилій, какъ въ области практической работы, такъ и духовнаго развитія организующагося для новой жизни еврейства. Сосредоточеніе силъ на одной только какой-либо сторонѣ равносильно отдѣленію души отъ тѣла, или наоборотъ, т. е. смерти. Такъ думаетъ эта группа. И было время, когда такое сознаніе, казалось, проникало во все слои и могло явиться дѣйствительно сплывающимъ. Но люди любятъ крайности, и успѣхъ имѣютъ тѣ, которые соединяютъ крайность съ глубокой вѣрой и энергіей. Глубокая, сильная вѣра чаруетъ, манитъ, внушаетъ вѣру и влечетъ колеблющихся и нестойкихъ. А

нигдѣ не было такой мощной вѣры, какъ въ средѣ тѣхъ, которымъ все казалось столь просто, ясно и столь скоро достижимо. Отсюда порешла эта окраска на всю организацію. А элементы, которые ратовали преимущественно за культурные интересы сiонизма, которые писали громовыя статьи, или демонстративно выходили изъ зала, эти элементы, какъ мы уже указали, *дѣлали* слишкомъ мало для того, чтобы упрочить за собой почву, развивать и готовить организацію.

Когда вспоминаешь ту растерянность, которую проявили даже наиболѣе интеллигентные участники конгресса, когда жизнь выдвинула предъ нами вопросъ о значеніи Сiона въ сiонизмѣ, то не можешь не признать въ этомъ кричащаго доказательства того, какъ недостаточна и неудовлетворительна была наша пропаганда, даже собственная подготовка многихъ изъ видныхъ работниковъ... Многие изъ делегатовъ VI-го конгресса не забыли, навѣрное, многочасовой бесѣды *Nein-Sager*'овъ, устроенной молодыми фракціонными элементами послѣ конгресса. *Ja-Sager*'ы туда не допускались; но если бы они были, не думаю, чтобы многие измѣнили свои воззрѣнія подъ вліяніемъ того, что они тамъ услышали бы. Много было обрывковъ мыслей и доказательствъ; но ничего стройнаго, до конца продуманнаго и вполне разработаннаго. Здѣсь, въ этой средѣ *Nein-Sager*'овъ, очевидно, не удовлетворялись доводами, вродѣ предпочтенія каменныхъ скалъ, нерушимости догмата вѣры, или преступности «развода».. Никто ихъ, впрочемъ, тутъ и не высказывалъ. Хотѣли доказательствъ, искони прочной опоры, жаждали багажа для дальнѣйшей работы, при осложнившихся условіяхъ. И когда мы разошлись, чувствовалась общая неудовлетворенность...

Говорятъ, никому не могло до VI конгресса придти въ голову то, что пришло Чемберлену. Указываютъ также на то, что культура была падчерицей, которую творецъ конгрессовъ не любилъ и держалъ въ черномъ тѣлѣ. Со всѣмъ этимъ, конечно, нельзя не считаться; но развѣ это оправдываетъ въ достаточной степени существованіе указанныхъ проблемъ? Вопросъ о мѣстѣ будущаго *Judenstaat*'а настолько тѣсно связанъ съ основами программы, что на насъ, несомнѣнно, падаетъ тяжелая отвѣтственность за недостаточную его разработку. Стѣсненія культурной дѣятельности, проявляющіяся на конгрессахъ, не оказали бы сильнаго вліянія на культурную работу тѣхъ элементовъ, которые сознавали ея необходимость и значеніе, если бы у нихъ только было энергичное желаніе *работать*. Не забудемъ, что извѣстныя ограниченія конгрессъ въ этомъ отношеніи вѣдь самъ долженъ на себя наложить, ибо вопросы духовной жизни, кромѣ немногихъ случаевъ, не поддаются голосованію и рѣшенію по большинству; конгрессъ въ этомъ отношеніи можетъ являться, главнымъ образомъ, мѣстомъ информации, стимула, инициативы, но не предписывающей инстанціей. Центръ тяжести культур-

турной работы долженъ быть на мѣстахъ, во всей діаспорѣ, сообразно съ мѣстными условіями и потребностями каждой страны. А такая работа была вполне возможна и раньше, всегда. И если она мало подвигалась и слабо развивалась, то напрасно мы будемъ искать причины внѣ насъ, въ стѣсненіяхъ со стороны «начальства»; нѣтъ, тутъ вина паша, и мы должны, наконецъ, сознать ее; сознать для того, чтобы исправить.

Вотъ и теперь, рядомъ съ территоріализмомъ, на наше движеніе. котораго задачи и пути, казалось намъ, столь ясно очерчены въ Базельской программѣ, покушаются разныя другія теченія, смущаютъ наши ряды и дѣлаютъ ихъ болѣе рѣдкими. И это опять таки не по существу, — ибо по существу движеніе легко можетъ выдерживать натиски, — а только въ силу того, что элементы движенія недостаточно обоснованы и ясны въ глазахъ adeptовъ его, и они часто оказываются безпомощными предъ выдвигающимися испытаніями. Гдѣ мало знаній, гдѣ необосновано мировоззрѣніе, тамъ жатва легка.

Этой легкости пониманія однихъ и бездѣятельности другихъ долженъ быть положенъ предѣлъ, если мы желаемъ оградить наше движеніе въ будущемъ отъ такихъ посягательствъ и неожиданныхъ потрясеній. Онѣ являются, конечно, не единственными, но весьма важными причинами переживаемаго нами тяжелаго времени. Знаній, возможно больше знаній и пониманія въ нашу среду! Не актами духовнаго насилія, значительно повліявшаго на вотумъ 13 августа, не бранными криками и обвиненіями въ измѣнѣ, и не патетическими изліяніями и общапіями несбыточныхъ царствъ разъясняются народу такія сложныя проблемы, а словомъ убѣжденія, свѣтомъ правды и знанія. Нашъ народъ интеллигентенъ болѣе, чѣмъ какой либо другой; онъ хочетъ знать и способенъ понять; онъ разберетъ, что иллюзія и что вѣрный путь, ведущій къ его спасенію. Народъ просыпается теперь для новой жизни; онъ не хочетъ больше цѣпей ни для ногъ, ни для души. Онъ ищетъ свободы для тѣла и духа, труда и самостоятельности, а найти онъ это все можетъ только въ Палестинѣ и при помощи Палестины. И это надо ему указать.

У народа еврейскаго нѣтъ нѣсколькихъ путей для спасенія; есть одинъ только, единственный, и онъ долженъ пойти по нему раньше, или позже, если только не изсякло въ немъ желаніе жить. Но для того, чтобы онъ пошелъ скорѣе, успѣшнѣе и единодушнѣе, мы все должны неустанно культивировать въ немъ чувство любви къ странѣ и постоянно сѣять истинное знаніе нашей идеи.

Не криками объ измѣнѣ, повторяю, и не картинами несбыточныхъ царствъ можно служить еврейскому народу, а трудомъ и словомъ правды и знанія...

к о н е ц ъ.

Е. В. Членовъ.

Библіографія.

Русское законодательство о евреяхъ въ Сибири. Г. А. Бѣлковскаго. С.-Петербургъ, 1905 г.

Русское законодательство о евреяхъ со своими многочисленными циркулярными разъясненіями представляетъ такую запутанную сѣть, выбраться изъ которой, даже при добромъ желаніи, не подѣ силу не только какому-нибудь становаму приставу, или исправнику, въ рукахъ которыхъ находится нерѣдко судьба цѣлыхъ еврейскихъ семействъ,—но иногда и Сенату который впадаетъ въ противорѣчія.

Шутемъ всевозможныхъ напластываній и наслоеній образовалось нѣчто чудовищное, противъ чего возстаетъ сама жизнь.

При такой сложности русскаго законодательства о евреяхъ нельзя не привѣтствовать каждую попытку къ освѣщенію этого лабиринта.

Самымъ тяжелымъ бременемъ для еврейскаго населенія, какъ съ моральной, такъ и съ экономической стороны, является, безспорно, запрещеніе свободнаго передвиженія, такъ называемая «черта осѣдлости».

Это, казалось бы, предѣль, дальше котораго итти нельзя. Да вотъ подите же. Находятся, оказывается, у насъ же, въ Россіи. люди, которые и намъ завидуютъ—жаждутъ хотя бы черты осѣдлости.—Это ни кто иные, какъ наши братья, сибирскіе евреи (не ссыльные и не отбывающіе наказаніе), для которыхъ, по какому-то недоразумѣнію, существуетъ по отдѣльной «чертѣ» для каждаго отдѣльнаго еврея.

Авторъ книги «Русскаго законодательства о евреяхъ въ Сибири» не ставитъ цѣлью своего изслѣдованія этическую сторону ограничительныхъ мѣръ для сибирскихъ евреевъ; не думаетъ разсматривать эти ограниченія со стороны ихъ гуманности и справедливости въ отношеніи къ мирному населенію, не подававшему никогда ничѣмъ никакого повода къ подобнымъ мѣрамъ. Трудъ г. Бѣлковскаго «имѣетъ главнѣйшей своей задачей установить неправильность сенатской практики по вопросамъ, касающимся правового положенія евреевъ въ Сибири» (стр. 19—прим.).

«Раскрывая смыслъ законоположеній о правовомъ положеніи евреевъ въ Сибири, мы видѣли предъ собою лишь текстъ закона, а не живыхъ людей, которые изнемогаютъ подѣ его бременемъ.»

Мы хотѣли лишь познать духъ и смыслъ закона, какъ бы онъ ни былъ суровъ», заявляетъ авторъ въ своемъ послѣсловіи (стр. 156).

Г. Бѣлковскій юристъ и умѣетъ уважать законъ. Пусть намъ приходится «наблюдать такое явленіе, что евреи изъ Омска подлежали водворенію въ Томскъ и Маріинскъ, а евреи изъ этихъ послѣднихъ городовъ подлежали выселенію въ Омскъ»; пусть эти распоряженія приводятъ въ исполненіе «наканунѣ и въ дни еврейскихъ пасхальныхъ праздниковъ»: законъ, какъ бы онъ ни былъ суровъ, долженъ быть исполненъ, соглашается авторъ. Но если это лишь произвольное толкованіе закона?

Г. Бѣлковскій въ своемъ вышеназванномъ изслѣдованіи весьма доказательно оспариваетъ сложившееся у Сената и сибирскихъ административныхъ властей мнѣніе, что Сибирь занимаетъ исключительное мѣсто по своему законодательству о евреяхъ. По мнѣнію автора «надлежитъ признать, что Сибирь, не составляя вообще въ порядкѣ законодательства и управленія обособленнаго края, была такою же запрещенной для постоянного жительства всякаго еврея чертой осѣдлости мѣстностію, какъ и всякая другая внутренняя губернія» (стр. 22).

Подвергая анализу ст. 23 уст. пасп., изд. 1890 г., такъ называемаго «основнаго закона объ ограниченіи пребыванія евреевъ въ Сибири», который «послужилъ базисомъ для построенія ученія о томъ, что нашъ законодатель поставилъ Сибирь спеціальнымъ закономъ въ исключительное положеніе не только относительно водворенія и поселенія евреевъ, проживающихъ въ чертѣ осѣдлости и вне оной въ предѣлахъ Европейской Россіи, но даже относительно передвиженія и отлучки тѣхъ, которые уже поселились въ ней добровольно или принудительно»¹⁾, авторъ приходитъ къ убѣжденію, что эта 23 ст. «обязана своимъ возникновеніемъ сдѣланному государствомъ опыту устройства еврейскихъ земледѣльческихъ поселеній»²⁾. Законы 5 января и 15 мая 1837 г., изъ которыхъ первый гласитъ: «переселеніе евреевъ въ Сибирь пріостановить», а второй—«поселеніе евреевъ въ Сибири рѣшительно и навсегда прекратить»,—имѣли лишь въ виду «уничтоженіе права образованъ на казенныхъ земляхъ Сибири поселенія евреевъ», т. е. только отнялъ льготу, но не создалъ какого либо новаго, исключительно до Сибири относящагося запрещенія жительства евреевъ. не существующаго относительно другихъ мѣстностей, и вообще никакого спеціально для Сибири правила, кромѣ лишь воспрещенія образованія казенныхъ еврейскихъ поселеній, не установилъ» (стр. 22). На самомъ же дѣлѣ выходитъ такъ, что «то самое благо, которое предполагали сдѣлать евреямъ, превратилось въ источникъ какого-то спеціальнаго запрещенія, которое однако никогда не входило въ намѣреніе законодателя» (стр. 32). Само собою разумѣется, что ст. 23, образовавшаяся изъ упомянутыхъ законовъ путемъ разныхъ наслоеній, должна была при правильной кодификаціи быть показана отмѣненной.

¹⁾ Стр. 19.

²⁾ Стр. 32.

Выяснив таким образом, что Сибирь представляет для евреевъ такое же «заповѣдное мѣсто», какъ и всякая другая мѣстность внутренней Россіи, авторъ приходитъ къ тому логическому заключенію, что «всякая льгота въ отношеніи права жительства евреевъ внѣ черты осѣдлости распространяется *ipso jure* и на Сибирь» (стр. 142).

Вникая въ смыслъ закона 11 ноября 1847 г., «коимъ пользуются, какъ операціонной базой для утвержденія, что онъ именно послужилъ первообразомъ для установленія требованія закона, въ силу коего каждый еврей въ Сибири имѣетъ право жительства будто бы лишь въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ, а именно въ мѣстѣ приписки» (стр. 26), авторъ убѣждается «въ полной неосновательности такого утвержденія».

«Законодатель не только ничѣмъ не проявилъ своего желанія, чтобы каждый еврей въ Сибири былъ прикрѣпленъ къ опредѣленному мѣсту, но, напротивъ того, прямо установилъ, что вся Сибирь, а не какая либо отдѣльная мѣстность, должна считаться мѣстомъ постоянной осѣдлости сибирскихъ евреевъ» (*ibid*). Что постоянная «осѣдлость» и «мѣсто поселенія» означаетъ не только мѣсто приписки, а всю Сибирь, уже видно изъ самаго текста закона 11 ноября 1847 г.: «О выдачѣ торговыхъ свидѣтельствъ евреямъ, въ Сибири находящимся».

Упомянутый сейчасъ законъ, между прочимъ, гласитъ, что «въ отношеніи къ находящимся въ Сибири до 15 мая 1837 г. евреямъ и т. д., которымъ дозволено остаться на мѣстахъ ихъ жительства, *т. е. въ Сибири* ¹⁾, мѣсто ихъ поселенія должно считать постоянной для нихъ осѣдлостью» (стр. 25).

Далѣе авторъ «съ скрупулезной точностью», какъ онъ самъ выражается, прослѣдилъ всѣ узаконенія, противорѣчивыя сенатскія рѣшенія и правительственныя мѣропріятія, стараясь «опредѣлить ихъ истинное юридическое значеніе».

Касаясь послѣднихъ рѣшеній Сената (14 апр. 1900 г. и 8 февр. 1902 г.), которыми «свободное переселеніе сибирскихъ евреевъ и ихъ потомковъ, а также и переселеніе изъ одного округа въ другой не можетъ быть допущено» (стр. 93 и 94), а перемѣна мѣста приписки сибирскихъ евреевъ и отлучки внѣ сихъ мѣстъ ставится въ зависимость отъ разрѣшенія мѣстнаго начальства, г. Бѣлковскій, напомнивъ о 767 ст. т. IX. зак. о сос. изд. 1899 г. ¹⁾ и установивъ карательный характеръ воспрещенія отлучки на основаніи прим. къ 500 ст. уст. о ссыл., гдѣ «законъ приравниваетъ воспрещеніе отлучки изъ мѣста, назначеннаго для жительства, заключенію въ острогѣ»,—недоумѣваетъ, за какія-такія тяжкія преступленія сибирскіе евреи (неотбывающіе наказаніе) подвергаются наказанію, равносильному по нашему закону вѣчному заключенію въ острогѣ.

¹⁾ «Евреи, состоящіе въ подданствѣ Россіи, подлежатъ общимъ законамъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ какихъ не постановлено особыхъ о нихъ правилъ».

Не отличается новизной, хотя и не лишено трагизма, и то обстоятельство, что Высочайшіе манифесты и указы 15 мая 1883 г. 14 ноября 1894 г., 14 мая 1896 г. и 17 апр. 1891 г., даровавшіе нѣкоторыя милости ссыльно-поселенцамъ, не только не облегчили участь ссыльно-поселенцевъ изъ евреевъ, но еще, породили цѣлый рядъ новыхъ, довольно обременительныхъ для нихъ, оградиченій. Слова манифестовъ, что «ссыльно-поселенцамъ, перечисленнымъ въ крестьяне, по истеченіи 10 лѣтъ со дня перечисленія, разрѣшается избраніе мѣста жительства, за исключеніемъ столицъ и столичныхъ губерній» (стр. 106 и 107), стали толковать въ томъ смыслѣ, что такіе ссыльные изъ евреевъ обязаны переселиться въ губерніи черты осѣдлости.

Казалось бы, что одно отсутствіе столицъ и столичныхъ губерній въ чертѣ осѣдлости дѣлаетъ подобное толкованіе манифестовъ невозможнымъ.

Какъ бы то ни было, а губернскія власти выдавали ссыльнымъ евреямъ разрѣшенія на переселеніе лишь въ черту осѣдлости. Наконецъ, начали даже прибѣгать къ принудительной высылкѣ въ черту осѣдлости тѣхъ ссыльныхъ изъ евреевъ, къ которымъ слѣдовало примѣнять упомянутые манифесты.

Въ какое положеніе такое произвольное толкованіе Высочайшихъ манифестовъ ставило ссыльныхъ, читатель увидитъ изъ слѣдующаго повѣствованія ссыльнаго Березина, которое приводитъ г. Бѣлковскій въ разбираемой нами книгѣ: «Онъ не имѣетъ въ настоящее время ни желанія, ни средствъ ѣхать въ Европейскую Россію и ни малѣйшей надежды найти тамъ такое общество, которое приняло его въ свою среду, между тѣмъ для свободнаго проживанія не только по всей Россійской Имперіи, но даже въ Сибири не даютъ ему паспорта. Что съ нимъ будутъ дѣлать и куда пошлютъ его за бесписьменностью, онъ не знаетъ: въ Минусинскъ ли, гдѣ онъ, по распоряженію мѣстной власти, не долженъ жить, или въ Европейскую Россію, гдѣ онъ пока не можетъ и не хочетъ жить. Однако онъ желалъ бы, хотя бы въ силу послѣдовавшихъ трехъ Всемилостивѣйшихъ манифестовъ, чтобы его не наказывали безвинно, не лишали бы свободы посредствомъ отказа въ выдачѣ паспорта и не посылали бы въ Европейскую Россію противъ его желанія»— (стр. 107 и 108).

Размѣры данной статьи мѣшали намъ представить передъ читателемъ полную картину той кропотливой работы, которую пришлось автору выполнить при сопоставленіи, сличеніи и выясненіи многочисленныхъ законовъ, указовъ, рѣшеній, примѣчаній и т. п. Но даже послѣ такого бѣлаго и далеко неполнаго обзора, читатель, надѣюсь, согласится съ г. Бѣлковскимъ, «что вопросъ о правовомъ положеніи евреевъ въ Сибири есть одинъ изъ жгучихъ и наболѣвшихъ вопросовъ нашей внутренней жизни» (стр. 160): И мы послѣ этого не станемъ удивляться скромному желанію автора, чтобы сибирскимъ евреямъ предоставили «хоть ту минимальную свободу передвиженія въ предѣлахъ Сибири, которая (свобода) предоставлена евреямъ въ чертѣ осѣдлости» (ibid).

Д. Гохбергъ.

Die neue Bibliothek. Издательство на жаргонѣ.

Въ то время, какъ для народа въ стадіи зарожденія и формировки разговорный языкъ является только средствомъ, помогающимъ общенію другъ съ другомъ,—для народа уже сложившагося, или такъ сказать сформировавшагося, тотъ же языкъ изъ средства превращается въ самоцѣль.

Народъ любитъ свой языкъ, который сопутствовалъ ему на историческомъ пути и который, точно гибкая проволока, подавался каждый разъ въ ту сторону, куда судьба толкала самый народъ,—и ни на какомъ другомъ языкѣ, какъ бы онъ ни былъ богатъ, не могутъ съ достаточной ясностью отражаться всѣ тѣ оттѣнки народной души, которые такъ отчетливо вырисовываются даже на бѣднѣйшемъ изъ бѣднѣйшихъ народныхъ разговорныхъ языковъ.

Невѣрно, по нашему, мнѣнію, что жаргонъ есть языкъ еврейской невѣжественной массы. Не говоря уже о томъ, что даже интеллигентные евреи, говорящіе свободно на нѣсколькихъ европейскихъ языкахъ, очень часто прибѣгаютъ къ жаргону не случайно, не по привычкѣ только, а потому, что ни одинъ изъ знакомыхъ имъ языковъ не въ состояніи передать точно ту мысль, которая такъ легко выражается на жаргонѣ,—не говоря объ этомъ, было бы прямо нелѣпо сваливать въ одну кучу съ невѣжественной массой всѣхъ почти талмудистовъ, многихъ еврейскихъ писателей и т. п. только потому, что ихъ разговорный языкъ—еврейскій жаргонъ. Мы этимъ отнюдь не думаемъ сказать, что жаргонъ долженъ разъ навсегда остаться еврейскимъ народнымъ языкомъ. Напротивъ того, мы надѣемся, что когда намъ удастся направить теченіе еврейской жизни по нормальному руслу, и тѣмъ временемъ сдѣлать библейскій языкъ достояніемъ широкихъ еврейскихъ массъ, то языкъ пророковъ перестанетъ быть древне—еврейскимъ, а займетъ мѣсто жаргона. Но пока мы не можемъ оставаться совершенно равнодушными, когда еврейская масса должна для утоленія своей жажды къ чтенію питаться произведеніями «знаменитаго» Шайкевича и многотомными американскими романами типа „Графиня-нищая“.

Поэтому мы съ большимъ удовольствіемъ встрѣтили появленіе издательства „Новая библиотека“, которое поставило себѣ цѣлью „доставлять для еврейской массы, понимающей только жаргонъ, хорошую и полезную литературу для чтенія“. Упомянутое издательство, приступая сначала къ переводу на еврейскій языкъ „лучшихъ и наиболѣе подходящихъ беллетристическихъ произведеній знаменитыхъ европейскихъ писателей“, обѣщаетъ издать, кромѣ того, цѣлый рядъ оригинальныхъ рассказовъ лучшихъ еврейскихъ писателей, а также научно-популярныя книжки по исторіи, политической экономіи, естествовѣдѣнію, гигиенѣ и т. п. по весьма доступной цѣнѣ (отъ 8 до 20 коп.). Намъ удалось прочесть только первыя три книжки: „Сказаніе о Флорѣ“, „Огоньки“ Короленко, „Теленокъ“ и „Вечеромъ“ Файерберга, „Исайка“ Станюковича. Переводы можно въ общемъ считать довольно удачными, если не принимать во вниманіе нѣкоторыхъ словъ, совершенно непонятныхъ для говорящихъ

на жаргонѣ, а также и въ некоторыхъ выраженіяхъ, употребляемыхъ, правда, на языкахъ, съ которыхъ приходилось переводить, но совершенно неупотребительныхъ на жаргонѣ.

Очень хорошимъ вышелъ „Исайка“ въ переводѣ г. Ліокумовича. Этотъ разсказъ не только ничего не проигралъ отъ перевода, но прямо-таки выигралъ.

Можно было бы кое-что сказать относительно разсказовъ, напечатанныхъ издательствомъ для перевода

Что Тургеневъ и Гоголь знаменитые писатели—объ этомъ мы спорить не станемъ; но есть ли необходимость для еврейской массы имѣть „Муму“ и „Ревизора“ на жаргонѣ—это уже совсѣмъ другое дѣло.

Впрочемъ, къ этому вопросу мы еще вернемся. Пока пожелаемъ молодому симпатичному дѣлу полного успѣха и самаго широкаго распространенія среди еврейской массы.

Напоп.

К. К. Арсеньевъ. Свобода совѣсти и вѣротерпимость. Сборникъ статей. Спб. 1905.

Новая книга К. К. Арсеньева составлена изъ ряда его отдѣльныхъ статей о вѣротерпимости, печатавшихся въ „Вѣстникѣ Европы“ въ періодъ времени съ 1880 по 1904 годъ. Всѣ онѣ посвящены вопросамъ сектантства и раскола въ дѣйствующемъ правѣ, проектѣ новаго Уложенія, практикѣ судовъ, и еврейскаго вопроса не затрагиваютъ совершенно, но по характеру своему и методу изслѣдованія, по той, главнымъ образомъ, трактовкѣ авторомъ центрального вопроса о свободѣ совѣсти, которая сходна съ трактовкой его на западѣ, но рѣзко отличается отъ постановки этой проблемы въ современной русской журналистикѣ—книга Арсеньева рельефно выдѣляется и представляетъ значительный общій интересъ.

Общественно-политическая жизнь сосѣднаго запада давно уже обрѣла неизмѣнныя категоріи своего бытія, въ которыхъ ея быстрый творческій потокъ не могъ бы улечься. Это были тѣ принципы индивидуальныхъ правъ, гарантирующихъ сомоцѣльной личности ея внѣшнюю и внутреннюю свободу, которыя, по мѣрѣ того, какъ исторія раскрывала важность каждаго изъ нихъ, сводились къ двумъ основнымъ: гражданскому равенству и личной свободѣ. Последняя подъ сильной закваской философіи XVIII вѣка широко раскрылась въ современныхъ теоріяхъ государственной науки, опредѣляясь уже не только защитой матеріальныхъ интересовъ личной безопасности, но и столь же безусловныхъ духовныхъ интересовъ: свободы совѣсти, мысли и пр. По такому пути шла научная и общественная мысль запада, воспринявъ тотъ принципъ, что автономная личность есть краеугольный камень всего общественнаго бытія и единственный источникъ права—со всѣми его неизбежными слѣдствіями—индивидуальными правами, списокъ которыхъ постепенно пополнялся. Такимъ образомъ создался общій источникъ принциповъ и учрежденій, явившихся выразителями но-

вѣйшей свободы и создавшихъ тѣ живыя формы общественнаго бытія, въ которыя широко вливается богатое содержаніе нашего вѣка со всей калейдоскопической смѣной его умственныхъ теченій. За послѣдніе годы тѣ же проблемы оказались выдвинутыми въ русской журналистикѣ ¹⁾, но здѣсь, волею неисповѣдимыхъ судебъ, онѣ явились въ иной постановкѣ. Попадъ въ струю возрождающейся религіозно-философской мысли, теорія индивидуальныхъ правъ, изъ среды вопросовъ конституціоннаго права и социальной политики, конструировавшихъ ее, какъ гарантію личности въ правовомъ государствѣ, перешла въ надзвѣздныя сферы и стала трактоваться съ точки зрѣнія метафизики исторіи, даже позитивной вѣры въ Промыселъ и, наконецъ, церковной политики. Такимъ образомъ надъ ясной азбучной истиной, что свобода совѣсти и мысли логически вытекаетъ изъ юридической природы современнаго государства, стали нынѣ возводить столь искусственную діалектическую постройку, что вся самоочевидность принципа становится подозрительной. Переходя же къ общественной сторонѣ вопроса, они даютъ еще болѣе окрыляющую надеждами программу. Такъ, напримѣръ, по мнѣнію Минскаго ²⁾, наступила нынѣ пора, когда свѣтскіе писатели рѣшаются говорить о свободѣ религіозной совѣсти съ такой же легкостью, какъ объ отбѣнѣ паспортной системы, забывая, что исповѣданіе религіознаго ученія связано съ его пропагандой, а свободная пропаганда сектантства есть свободная продажа опиума, но „церковь употребляетъ *усиліе*, а не *насиліе*, вправѣ отвѣтить интеллигенціи, что никакихъ насильственныхъ мѣръ она не принимаетъ, но на вопросъ государства о томъ, что такое сектантство—она, церковь, въ качествѣ эксперта, отвѣчаетъ: сектантство—абсолютное зло. А уже затѣмъ государство поступаетъ относительно этого зла такъ, какъ вообще поступаетъ со всѣмъ, что считаетъ противнымъ общему благу“.—*Sapienti sat!*

Такую метафизику Арсеньевъ оставилъ въ покоѣ, полагая, какъ то дѣлала и западная мысль, что въ юдоли земной, и именно въ борьбѣ угнѣсняющихъ началъ общественной жизни съ прогрессивными свѣтлыми силами—заключается центръ тяжести этого большого вопроса, а отнюдь не за гранью суетнаго міра, внѣ реальныхъ потребностей общежитія. И подходя къ этому вопросу, Арсеньевъ измѣряетъ его общественный ростъ простымъ и яснымъ взглядомъ человѣка, признающаго за всѣми нормальными людьми одинаковую правоспособность и въ свободѣ совѣсти видящаго первое изъ индивидуальныхъ правъ, которое въ новѣйшее время утвердилось, какъ абсолютное и неприкосновенное. Опредѣляя свободу вѣроисповѣданій, какъ „совокупность правъ, предоставленныхъ законодателемъ давнишнимъ исконнымъ послѣдователямъ одного изъ признанныхъ государствомъ вѣроученій“ (стр. 9), Арсеньевъ указываетъ, что вѣротерпимость въ истинномъ смыслѣ слова существуетъ лишь тамъ, гдѣ кромѣ такой свободы вѣроисповѣданій есть

¹⁾ Статьи Минскаго, Мережковскаго, кн. Волконскаго и др. въ „Новомъ Пути“. 1903 г. I-V, 1904 г. X. Тамъ же отчеты засѣданій религіозно-философскаго общества

²⁾ „О свободѣ религіозной совѣсти“, „Новый Путь“, 1903 г. I.

еще и болѣе широкое право личного самоопредѣленія въ вопросахъ вѣры: свобода совѣсти. И „указывать, говорить онъ, на существованіе первой, когда оплакивается недостатокъ второй, значитъ переносить вопросъ на совершенно иную почву, предлагать камень вмѣсто хлѣба“ (стр. 15). Конечно, разрѣшеніе спектаклей въ дни нѣмецкой масляницы есть еще слабое доказательство вѣротерпимости!

По такой ясной принципиальной постановкѣ вопроса, по отсутствію всякаго лукаваго мудрствованія тамъ, гдѣ безхитростный лапидаръ открывается безъ «усилій» и «насилій» — новая книга Арсеньева представляетъ весьма значительный общій интересъ и освѣжаетъ начавшую уже сгущаться атмосферу.

Гр. Португаловъ.

ОПЕЧАТКИ.

Въ X. кн. «Евр. Ж.» на стр. 1-ой въ стих. «Послѣдніе въ пустыни» пропущена 2-ая строка: изъ Хаима Балика.

Редакторъ-Издатель І. В. Соринъ.

Поступило въ редакцію.

Въ національный фондъ.

- 1) Изъ Запорожья отъ кружка дѣтей 1 р. 56 к.
- 2) Изъ Орши по сѣнагомамъ (черезъ З. Златина—5 р. 97 к., Х. Моделя—1 р. 62 к., М. Песина—3 р. 64½ к., Либстера—87 к., П. Хейфеца—1 р. 21 к., С. Гутсона—1 р. 61 к., І. О. Шульковского—2 р. 10 к., З. Энглина—77 к., П. Михановскаго—2 р. 50 к., Авирара и З. Тодрина—1 р. 79½ к., Хейна—30 к., З. Залтсневера—2 р. 40 к., Г. Завѣсо—1 р., Прузнера—2 р. 50 к.) всего 28 р. 29 к.
Изъ Орши взаимнъ новогодн. поздравленій черезъ З. Златина, Авирара, Песину и Стеркину (по 1 р.:—Х. Златинъ, М. Рожанскій, В. Ариель, М. А. Кабалкинъ, Г. М. Эйтингонъ, Д-ръ Зархи, В. Михановскій, Я. Михановскій, Б. Вейнбергъ, М. Бѣлоусовъ, К. М. Симкинъ, І. М. Симкинъ, Н. Шаширо, І. Т. Хваливицкій, Е. Левинъ, Г. Перлинъ, Брауде, С., Н. Рабиновичъ, Г. Слонимскій, С. Ласкинъ, кружокъ „ונונו“; по 75 к.—Н. Леутманъ, И. Гуревичъ,— по 50 к.—М. Тарнинъ, В. Кичинъ, Д-ръ Бѣлякинъ, М. Лакто, З. Зархи, М. Гуревичъ, Амнуголь, С. Рабиновичъ, А. Модель, Л. Канторъ, Г. Подземскій, А. Розенбергъ, Х. Ханинъ, Е. Гутсонъ, М. Песинъ, рав. Вояшинъ, М. Соколовская, М. Златинъ, С. Гутсонъ, В. Гуревичъ, А. Гафманъ, М. Штейнгартъ, Н. Буровой, Р. Гуркова, М. Гинзбургъ, Я. Бялый, Д. Каценеленбогенъ,—Н. Модель, М. Гинзбургъ, Б. Гофеншеферъ, С. Ицхокинъ, Ш. Авираръ, М. Паперно, Г. Шениъ; по 40 к. Л. Зальманзонъ, по 35 к.—С. Тлюкзонъ и З. Халфинъ, по 30 к.—Я. Коллеръ, М. Гуровичъ, М. Соколовская, М. Фичкинъ, Н. Кабалкинъ, М. Энгельсонъ, Я. Халфинъ, А. Вассеръ, М. Давыдовъ, Б. Каганъ, Н. Канторъ, Х. Гутманъ, С. Айзенштадтъ, З. Зальманзонъ, Ш. Краскинъ, М. Лаицкій, З. Голомштакъ; по 25 к. И. Голомштакъ, Д. Энцигейнъ, С. Брукъ, М. Лабковская, Н. Гдалевичъ, Э. Ласкинъ, І. Аболиць, І. Лабковскій, Ш. Прузнеръ, З. Валтскверъ, С. Шенеровъ, П. Зархи, Л. Фридманъ; по 20 к.—Я. Песинъ, А. Хейнъ, Л. Смолянскій, Ф. Гивдинъ, В. Гуревичъ, С. Гутманъ, Н. Каценеленсонъ, М. Ласкинъ, А. Хайтинъ, М. Михановскій, Г. Завѣса; по 15 к.—С. Ваду, Г. Нейштадтъ, Х. Чернякъ, Колдабекинъ, Г. Шулькинъ, В. Короткинъ; по 10 к. Л. Эйдиновъ, З. Энглинъ, Я. Гонкинъ; ученики 2-го класса Евр. Учил. 60 к. на „Brig milo“ у У. М. Златина—6 р. Всего изъ Орши 87 р. 24 к.
- 3) Изъ Москвы черезъ М. Выдрина 1 р.
- 4) Изъ Туккума отъ Л. Вейнберга 1 р.
- 5) Изъ Козлова отъ М. Хасцкина 8 р. 80 к.
- 6) Отъ группы «Пирхей Ціонъ» въ г. Винницѣ 70 р.
- 7) Отъ М. З. Брука изъ Запорожья 1 р.
- 8) Отъ товарищества «Ливанонъ» 250 р. (отправлено въ Е. К. Б).

На фондъ имени Т. Герцля.

- 1) Изъ с. Б-Ленетизи 154 р. (Ар. Абр. Литинскій 20 р., П. Подржанскій 6 р., Ал. Литинскій 5 р., Б. Райхманъ 5 р., И. Вл. Фаерманъ 3 р., Ш. Дайчманъ 3 р., Сам. Бланкъ 3 р., М. Юдильевичъ 3 р., Ш. Либермонъ 3 р., Дѣти С. Ицкова 5 р., А. Гольдштейнъ 2 р., А. Хазановичъ 3 р., отъ А. Бердичевского за прод. брелоки и брошки съ портрет. Герцля 3 р., 70 к. А. Люгровникъ 1 р., А. Бердичевскій 1 р., К. Дорфманъ 1 р., Б. Мительманъ 1 р., Х. Фейманъ 1 р., Р. Чернякъ 1 р., М. Хайковъ 5 р., Я. Зельдинъ 5 р., К. Броншпизъ 1 р., Бронфенбреннеръ 1 р., А. Рогачевскій 1 р., Б. Хайковъ 1 р., А. Лезинскій 1 р., М. Либерманъ 3 р., Ф. Олевскій 3 р., С. Подгаецъ 3 р., С. Олевскій 1 р., Фингельгольдъ 3 р., Е. Голосовскій 1 р., Х. Литинскій 1 р., Н. Скляръ 1 р., К. Фикманъ 3 р., А. Кеслеръ 3 р., Е. Вербицкій 1 р., М. Виденскій 5 р., Э. М. Животинскій 1 р., Ц. Гуревичъ 1 р., Я. Винецкій 1 р., Т. Коломбець 1 р., Г. Малкинъ 3 р., А. Заманскій 1 р., Х. Н. Гуревичъ 1 р., Е. Баршай 1 р., Л. Катель 1 р., М. Худоминская 1 р., Л. Цырлинъ 2 р., 20 к. И. Мошковичъ 1 р., А. Вестерманъ 1 р., В. Жукъ 1 р., Л. Крымкеръ 1 р., М. Цитронъ 1 р., Д. Рогачевскій 25 к., А. Животинскій 50 к., І. Коппъ 50 к., М. Оберталлеръ 25 к., Г. Животинскій 50 к., З. Либерманъ 25 к., Б. Бердичевскій 50 к., Я. Волошинъ 50 к., Я. Рогачевскій 50 к., И. Рогачевскій, Я. Баштокъ 50 к., Іос. Вербицкій 50 к., Ш. Кивелевичъ

25 к., А. Лезинскій 50 к., И. Животинскій 50 к., С. Бароновъ 50 к., Ш. Бароновъ 50 к., С. Зайдъ 50 к., А. Хазончукъ 40 к., Б. Баршай 50 к., Л. Лифшиць 25 к., Х. Гликмонъ 15 к., К. Кеслеръ 50 к., А. Ольховскій 25 к., I. Броншпизъ 25 к., П. Юдельсонъ 20 к., Ш. Подольскій 30 к., Е. Мосарскій 20 к., И. Ицковъ 50 к., Я. Рубинъ к., Л. Левиштейнъ 50 к., №№ 05, П. Подольскій 20 к., А. Найдинъ 15 к., Л. Дворинъ 50 к., Б. Бизеръ 15 к., С. Свиниць 50 к., И. Поляковъ 30 к., Б. Городецкій 50 к., И. Могилевскій 50 к., С. Рогачевскій 25 к., Х. Гитинъ 15 к., И. Любовскій 30 к., В. Нафтулинь 50 к., А. Дайчманъ 50 к., Г. Гликманъ 10 к., Б. Аврасинъ 50 к., М. Голозовскій 50 к., М. Ягербергъ 50 к., Р. Чернякъ 50 к., N.N. 5 к., Г. Берманъ 50 к., Л. Клящицкій 50 к., Ар. Рогачевскій 50 к., Дифочки Подражавской 50 к.).

2) Отъ Ульскихъ сіонистовъ—2 р.

3) Отъ М-Вишерскаго кружка—5 р.

4) Черезъ И. И. Шейкина изъ м. Ялтушкова 7 р. 30 к. (И. И. И. Шнейкинъ, М. Гольбергъ, Сморионскій и Флейтманъ—по 1 р.; I. Зайцевъ Ю. Любинскій, Н. Рудяковъ, А. Фельдманъ, Е. Бервштейнъ, Ю. Вайнштейнъ—по 50 к., А. Марковская—30 к.).

5) Отъ Ш. Бланка изъ Дунаевць—5 р.

6) Отд I. Фингерта изъ Городища—1 р.

На націон. подарокъ семьѣ Теодора Герцля.

1) Черезъ И. Геца 4 р. 50 к. (М. Рабиновичъ—2 р. Г. Рабиновичъ и М. Берлина по 1 р. и И. Геца—50 к.)

2) Отъ М. Вишерскаго кружка—5 р.

Въ пользу пострадавшихъ отъ погрома въ Смѣлѣ.

1. Черезъ д-ра Когана изъ Севастополя за вычетомъ почтовыхъ расходовъ 77 р. 9 к. Черезъ г-жу Д. Я. Файнбергъ и г. Н. А. Рембашевского: И. П. Зусманъ 10 р., А. Я. Гидалевичъ, И. Ф. Коппъ, Семья Пекеръ П. О. Гефманъ—по 3 р., Д. Я. Файнбергъ, М. Г. Гуревичъ, М. И. Юлиянъ, Н. И. Файнбергъ, Я. Б. Гольбергъ по 2 р., М. О. Милославскій, Л. Н. Коганъ, Мордоховичъ, Хиромъ г-жа, Б. Юффе г-жа, Г. А. Бронштейнъ, А. Колманъ, И. Юффе, Кажданъ, Г. Видунцкій, С. Браиловскій, Окуневъ. №№, Я. Д. Новикъ, А. Левинъ, С. М. Брунъ, Клотницкій, И. Эпштейнъ, Н. Эпштейнъ, И. Анкъ, С. М. Любецкій, Шпигельгузъ, И. А. Гинзбургъ, Вайкусъ Криворучка, Л. Шульманъ, А. Б. Лурьевъ, Костюковъ, Г. Гонзва, Я. Гонзва, С. Эдельманъ, Юфа—по 1 р.; Н. А. Рембашевскій, И. Файнбергъ, Фридманъ, Г. А. Юффе, М. Штейнбергъ, М. А. Каганъ, Г. Мейнгартъ, Минстеръ, Райдбергъ, Г. Б. Левинзонъ, В. Дикинъ, Фастовская, С. Генесинъ, Побережскій, Фельдманъ, С. Шульманъ, Я. Розенштейнъ, Р. Дворкина, В. М. Грабойсъ, И. Бродскій, Д. Половскій, И. Пергаментъ по 50 к.; Арбитжеръ 40 к., Тубманъ, Капелюшниковъ—по 30 к.; Б. Островскій, Мордхе Юфа, Б. Амнуэль, Я. Канторовичъ, И. Вейцманъ, Н. Шафаръ, Кожевниковъ—25 к.).

2) Отъ М. Хаецкина изъ Козлова—1 р. 30 к.

3) Отъ М. Д. Триерса—2 р.

4) Отъ А. Гефшера въ пользу пострадавшихъ въ Быховѣ—2 р. 31 к.

Въ пользу національной бібліотеки.

1) Отъ Товарищества „Ливанонъ“ 250 р. (отправлено въ Бѣлостокъ д-ру Хазаковичу).

На оливковыя роши въ Палестинѣ.

1) Отъ С. Масленикова изъ Вязьмы 3 р.

На школы въ Палестинѣ.

1) Отъ Х. Вайблюда изъ Опатова—60 к.

Объявленія.

Издание I. Лурье. С.-Петербургъ, Гороховая, 48.

ЕВРЕЙСКІЙ ЕЖЕГОДНИКЪ

на 5665-й годъ, годъ IV (1904—1905).

СОДЕРЖАНИЕ: Календарь еврейскій и общій. Обзоръ праздниковъ. Некрологи. Лѣтопись. Законы о правѣ жительства (подробно).

Цѣна 25 коп., съ перес. 35 коп., съ налож. плат. 50 коп.

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

ПРИЛОЖЕНИЕ: Стѣнной синагогальный календарь Цѣна 15 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ НА

„Die Jüdische Zukunft“

Ежемѣсячный общественный, литературный и научный журналъ
на жаргонѣ.

(II ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

выходящій нынѣ по удешевленной цѣнѣ

Въ годъ 2 р. 50 к.
„ 1/2 года 1 р. 25 к.

для шекедательей выписывающихъ чрезъ кружки

Въ годъ 2 р.
„ 1/2 года 1 р.

Программа: 1) Статьи по національному вопросу. 2) По колонизационному вопросу. 3) Романы, рассказы, эскизы, стихи. 4) Научный отдѣлъ. 5) Литературная критика. 6) Еврейская хроника (обзоръ жизни евреевъ во всѣхъ странахъ 7) Пресса.

Направленіе журнала: прогрессивно-національное, „палестинско“-сіонистское;

Съ 1905 года журналъ привлекаетъ къ сотрудничеству много новыхъ силъ и будетъ съ каждымъ мѣсяцемъ совершенствоваться.

Въ 1905 году издательство выпуститъ большой (болѣе 20 печатныхъ листовъ) литературно-научный и критическій сборникъ

„Der Jüdischer Oizer“.

Сборникъ будетъ стоить въ отдѣльной продажѣ 1 р. 50 к. безъ пересылки, для годовыхъ же подписчиковъ—50 к. (съ пересылкой), полугодовыхъ—75 к. (съ пересылкой).

Въ видѣ приложения къ этому сборнику будетъ напечатана извѣстная драма въ жизни евреевъ въ Италіи „Даніель Даніели“ Рихарда Фосса.

Адресъ (исключительно) для всей Россіи:

Д-ръ X. ВОРТСМАНЪ. Варшава, Новолипки 36—77.

Нужны агенты.

Содержаніе

Содержаніе.

1. Вѣчные странники. (Окончаніе). *А. Смирская.*
2. Экономическое положеніе русскаго еврейства. (Окончаніе). *Д. Пасманика.*
3. Цирндорфскіе евреи. (Окончаніе). *Я. Вассермана.*
4. Наша программа. *М. Усышкина.*
2. Изъ Бялика. Стихотвореніе. *Л. Яффе.*
6. Внутреннее обозрѣніе. *Г. Португалова.*
7. Обзоръ еврейской печати. *Иери.*
8. Заграничное обозрѣніе. *А. П—на.*
9. Къ вопросу о высшемъ образованіи евреевъ въ Россіи. (Окончаніе) *М. Коссова.*
10. Литературные бесѣды. *Я. Каценельсона.*

Дозволено цензурою. СПб., декабря 1904 г.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	СТР.
1. Вѣчные страчники. <i>А. Свирскаго.</i> (Окончаніе).	1
2. Экономическое положеніе русскаго еврейства. (Окончаніе). <i>Д. Пасманика</i>	24
3. Циндорфскіе евреи. <i>Я. Вассермана.</i> (Окончаніе).	52
4. Наша программа. <i>М. Усышкина</i>	78
5. Изъ Бялика. Стихотвореніе. <i>Л. Яффе</i>	112
6. Внутреннее обозрѣніе. <i>Г. Португалова.</i>	113
7. Обзоръ еврейской печати. <i>Иври</i>	127
8. Заграничное обозрѣніе. <i>А. П—на.</i>	138
9. Къ вопросу о высшемъ образованіи евреевъ въ Россіи. (Окон- чаніе). <i>М. Косвена.</i>	152
10. Литературныя бесѣды. <i>Як. Каценельсона</i>	166

Вѣчные странники.

(Записки комми-вояжера).

(Окончаніе ¹⁾).

Разговоръ восьмой.

Я пишу и наслаждаюсь. Даю вамъ честное слово. Мнѣ такъ пріятно вспоминать молодость, какъ пріятно чѣловѣку найти свой утерянный бумажникъ съ деньгами.

А теперь слушайте дальше. Черезъ три недѣли мы были съ хозяиномъ уже въ Одессѣ и остановились въ „Центральной“ гостинницѣ.

И знаете, что я вамъ скажу? Я двадцать два года вояжирую и былъ я во всѣхъ, какихъ вамъ угодно, городахъ Россіи; но ни одинъ городъ мнѣ такъ не понравился, какъ Одесса. И знаете почему? А потому, что я въ немъ что-то родное нашель. Онъ такъ красиво одѣтъ бѣлыми домами, деревьями и моремъ, что похожъ на очень большого франта. А весной, когда цвѣтутъ акаціи, отъ него пахнетъ какъ въ аристократической парикмахерской.

Ахъ, какой удивительный городъ! Пускай сюда пріѣдетъ самый послѣдній лѣнтяй и онъ сдѣлается дѣловымъ челоуѣкомъ. Скажу вамъ по секрету, ни одинъ университетъ не даетъ вамъ такого образованія, какъ Одесса. Даю вамъ честное слово.

Но чѣмъ особенно дорогъ моему сердцу городъ Одесса,--это тѣмъ, что нашего брата, комми-вояжера, здѣсь больше, чѣмъ въ Москвѣ актеровъ. Оееню они сѣзжаются сюда со всѣхъ городовъ Россіи и тогда въ Одессѣ есть съ кѣмъ поговорить. Не стану хвастать, а скажу по чистой совѣсти; я не знаю людей

¹⁾ См. „Евр. Ж.“, Ноябрь.

болѣе элегантныхъ и умныхъ. О себѣ я промолчу; но повѣрите, я знаю комми-вояжеровъ, которые до того образованы и элегантны, что ихъ легко можно принять за настоящихъ графовъ, хотя они и евреи. Даю вамъ честное слово.

Въ Одессу мы съ хозяиномъ пріѣхали въ самое глухое время—въ маѣ, и все таки комми-вояжеровъ мы встрѣтили не мало. Въ одной только „Центральной“ гостинницѣ ихъ было человѣкъ двадцать. И всѣ они были хорошіе знакомые Никиты Лаврентьевича. И знаете почему? Потому что мой хозяинъ самъ былъ еще недавно комми-вояжеромъ.

Теперь слушайте дальше. Пріѣхали мы въ Одессу, сняли очень хорошей номеръ и стали дѣло дѣлать. Я первымъ долгомъ почистилъ себѣ и хозяину одежду (мы уже съ нимъ были вродѣ какъ товарищи) и побѣждалъ купить себѣ свѣжее бѣлье-мононоль. Возвращаюсь и смотрю, у насъ уже гости сидятъ—все комми-вояжеры. Я сейчасъ это съ ними перезнакомился, крѣпко пожалъ всѣмъ руку и спросилъ не хотятъ-ли они чаю; а ихъ было шесть человѣкъ.

Никита Лаврентьевичъ посмотрѣлъ на меня такъ какъ, обыкновенно смотрятъ на человѣка, которому хотятъ дать пощечину.

— Ты себѣ, Вольдемарке, меньше старайся,—сказалъ хозяинъ, а потомъ спросилъ у гостей, не хотятъ-ли они на самомъ дѣлѣ чаю.

Но тѣ послѣ всего этого отказались и продолжали свой разговоръ; а я сѣлъ на кровать и началъ слушать. И знаете, что я узналъ въ тотъ день? Я узналъ, что одинъ комми-вояжеръ жить не можетъ безъ другого, потому что они другъ другу очень много помогаютъ. Во первыхъ,—они рекомендуютъ другъ-другу покупателей; а во вторыхъ,—они даютъ одинъ другому свѣдѣнія о кредитоспособности. Вотъ это послѣднее есть самое главное въ нашемъ дѣлѣ. И сейчасъ я вамъ все это объясню по порядку.

Прежде всего вы должны знать, что найти покупателя, который платилъ-бы за товаръ наличными деньгами, въ наше время такъ же трудно, какъ найти монету времени Каина и Авеля. И, конечно, вся наша коммерція стоитъ себѣ на векселяхъ. Теперь я васъ спрашиваю, что такое вексель? Вы мнѣ отвѣчаете, что вексель есть приказъ. Очень хорошо. Но что такое приказъ? Вѣдь не всякій приказъ имѣетъ значеніе. Если прикажетъ варшавскій или московскій полицмейстеръ—о, такъ это таки будетъ приказъ! Ну, а если прикажетъ какой-нибудь шамэсъ

изъ Рѣжицы... То я васъ спрашиваю, кто его послушаетъ, этого шамэса? Теперь вы понимаете? Однимъ словомъ, нужно, чтобы вексель имѣлъ значеніе. И вотъ нашъ братъ, комми-вояжеръ, когда разъѣзжаетъ по разнымъ городамъ, не столько ищетъ покупателей, сколько вѣрныхъ векселей. И вотъ тутъ-то мы другъ-другу и помогаемъ. Но, между прочимъ не будемъ залѣзть впередъ, и лучше слушайте, что было дальше.

Комми-вояжеры посидѣли себѣ у насъ, сколько хотѣли, поговорили о разныхъ торговыхъ дѣлахъ, нѣсколько разъ повторили, что Одесса падаетъ и ушли. И вотъ только они ушли, ко мнѣ подходитъ Никита Лаврентьевичъ. Смотрю, въ рукахъ у него письмо; а самъ ничего себѣ довольно ласковый.

— Вольдемаръ, голубчикъ, — говоритъ онъ, — вотъ тебѣ письмо и пойдѣ себѣ съ нимъ на Базарную улицу... Здѣсь на конвертѣ стоитъ весь адресъ. Ты себѣ пойдешь и спросишь домъ Черепенникова... Онъ большой такой и выходитъ себѣ на три улицы. Придешь туда и спросишь у дворника, гдѣ живетъ вотъ эта барышня, которая стоитъ здѣсь, на конвертѣ...

— Ну, и что тогда?—спросилъ я

— Ну, пойдешь и отдашь письмо.

— Больше ничего.

— Больше ничего.

И я ушелъ съ письмомъ. Скажу вамъ по секрету, я былъ очень заинтересованъ, потому что до сихъ поръ мы съ хозяиномъ дѣлъ съ женщинами не имѣли. Но я же все таки былъ служащій и поэтому долженъ былъ исполнить приказаніе.

Домъ Черепенникова я нашелъ очень легко, но съ дворникомъ я таки помучился. Долженъ вамъ сказать, что въ Одессѣ такая мода: дворники сидятъ не у воротъ, а въ трактирахъ и ихъ очень трудно найти. Но я, слава Богу, какъ вамъ уже извѣстно, и въ то время былъ довольно не глупымъ человѣкомъ и дворника все таки нашелъ.

Онъ взялъ отъ меня письмо, прочиталъ адресъ и сказалъ:— хорошо.

— Что хорошо?—спросилъ я.

— Отдамъ письмо кому надо. Не понимаешь, что-ли?..

— Ну ну,—сказалъ я, и тихонько пошелъ себѣ домой.

И что—же вы думаете? Только я подошелъ къ гостинницѣ— какъ смотрю, подъѣзжаетъ шикарно одѣтая барышня и прямо спрашиваетъ у швейцара, въ какомъ номерѣ мы остановились, т. е. Никита Лаврентьевичъ. Я сейчасъ-же вмѣшался въ разговоръ.

— А вамъ зачѣмъ нуженъ мусье Бурдестъ?

Тутъ барышня повернулась ко мнѣ лицомъ, и я услыхалъ такой пріятный запахъ, что у меня голова закружилась.

— Мнѣ очень его нужно видѣть...

— Вамъ очень нужно? Ну, хорошо. Идите за мной, а я побѣгу впередъ.

И я со всѣхъ ногъ бросился вверхъ, по лѣстницѣ. Черезъ минуту я, какъ вѣтеръ, влетѣлъ въ номеръ и крикнулъ:

— Ой хозяинъ, встаньте, къ намъ шикарная барышня идетъ..

— Ну, ну, идетъ такъ идетъ... Что ты себѣ, Вольдемаръ, такой горячій?..

Никита Лаврентьевичъ хотѣлъ еще что-то сказать, но тутъ вошла барышня и прямо бросилась моему хозяину на шею. А мнѣ стало такъ стыдно и смѣшно, что я даже закрылъ глаза. Первый разъ я увидалъ такую манеру, чтобы чужая барышня такъ обнималась.

— Ахъ, безсовѣстный Никешка,—сказала барышня моему хозяину.— Ослашалъ пріѣхать зимой, а явился когда?

Никита Лаврентьевичъ улыбался и глаза у него сдѣлались маленькими и мокрыми.

— Ну, садись себѣ, Анюта,—сказалъ хозяинъ, и посмотрѣлъ на меня.

А я уже сидѣлъ на кровати и любопытствовалъ. Кто была эта барышня: еврейка или русская—я не знаю; но порусски она говорила какъ настоящій бурлакъ.

— Ну какъ ты себѣ, Анюта, поживаешь?—спросилъ у барышни Никита Лаврентьевичъ.

— Ничего, спасибо... По тебѣ скучала...

— Ну, а ты себѣ здорова...

Тутъ барышня стала божиться всѣми богами, что она здорова; а потомъ даже обидѣлась и сказала:

— За кого ты меня, Никеша, принимаешь...

Тутъ хозяинъ подошелъ ко мнѣ, почему-то подмигнувъ лѣвымъ глазомъ, посмотрѣлъ на меня, а потомъ на дверь и спросилъ:

— А что, Вольдемаръ, погода сегодня хорошая?

— Да, очень, хорошая.

— Такъ ты себѣ пойдѣ, погуляй.

— Благодарю я уже гулялъ. Я себѣ лучше тутъ посижу.

Хозяинъ поднялъ плечи до ушей и отошелъ отъ меня.. Анюта посидѣла у насъ недолго, потомъ надѣла свою шляпку и

ушла; а хозяйнъ, когда она уже была въ корридорѣ, подошелъ къ дверямъ и крикнулъ:

— Ну, такъ я черезъ десять минутъ буду.

Я хотѣлъ было у Никиты Лаврентьевича спросить, кто это барышня и что ей отъ насъ нужно; но тутъ хозяйнъ совсѣмъ неожиданно набросился на меня, какъ собака на кость. Господи, Боже мой! Я никогда бы не могъ подумать, чтобы такой интеллигентный господинъ умѣлъ такъ ругаться.

— Что ты себѣ думаешь, идѣть паршивый!.. Ахъ ты, шволицъ!.. Чортъ въ твоемъ отцѣ!.. Пся кровь...

Повѣрите, онъ меня ругалъ на всѣхъ языкахъ, а я сидѣлъ ни живой, ни мертвый. Даю вамъ честное слово, что я не понималъ, за что хозяйнъ на меня напалъ.

— Завтра ты себѣ можешь домой поѣхать... Мнѣ такого идѣта не нужно...—закончилъ хозяйнъ, и ушелъ.

Можете себѣ представить мое положеніе! Я чуть не умеръ отъ страха и горя. Легко сказать, послѣ такого почета, послѣ того, какъ я перезнакомился со столькими порядочными людьми— и вдругъ я долженъ вернуться въ Лодзь безъ хозяина, съ пустыми руками и съ позоромъ на головѣ. Ахъ, чтобы ее чортъ взялъ, эту барышню—Анюту...

Но тутъ я чувствую, что вамъ хочется скорѣе узнать, что было дальше. Ну, такъ слушайте.

Никита Лаврентьевичъ вернулся домой довольно скоро. Я боялся ему въ лицо взглянуть и молчалъ, какъ покойникъ.

— Вольдемаръ, ты себѣ кушать хочешь?—спросилъ Никита Лаврентьевичъ.

Я молчалъ, но даю вамъ честное слово, что если-бы хозяйнъ мнѣ сказалъ:—Вотъ тебѣ, Вольдемаръ, тысячу рублей и дѣлай съ ними, что хочешь,—то и тогда я-бы такъ не обрадовался, потому что я по голосу понялъ, что Никита Лаврентьевичъ на меня не сердится и что въ Лодзь онъ меня не отправитъ.

— Что-же ты себѣ молчишь, Вольдемаръ?—опять заговорилъ хозяйнъ, и закурилъ сигару.—Ты, можетъ быть, на меня сердиться?..

Тутъ мнѣ захотѣлось немножко похитрить и я сказалъ:

— Какъ-же мнѣ не сердиться, если вы меня идѣтомъ называли?

— Ну, ну, ты себѣ не сердись на меня... Эго я себѣ такъ погорячился. Только слушай, Вольдемаръ, ты себѣ ничего не бодтай, когда прїѣдешь въ Лодзь... Понимаешь?

— Пускай у меня языкъ отсохнетъ, если я кому что скажу!—воскликнулъ я.

— Ну, вотъ и хорошо. Теперь давай мы себѣ покушаемъ, а потомъ пойдемъ по мануфактурнымъ магазинамъ.

Я сейчасъ-же побѣжалъ въ корридоръ и сказалъ, чтобы намъ подали обѣдъ.

Разговоръ девятый.

Черезъ недѣлю мы уѣхали изъ Одессы въ Москву. Насъ провожалъ Николай Степановичъ Залцхрейнфеферъ, знаменитый варшавскій комми-вояжеръ, очень образованный и элегантный господинъ. Хозяинъ далъ мнѣ деньги и тихо сказалъ мнѣ на ухо, чтобы я взялъ два билета третьяго класса.

Когда раздался звонокъ, я съ вещами зашелъ въ поѣздъ, а хозяинъ поднялся на площадку вагона второго класса и раскланивался съ господиномъ Залцхрейнфеферомъ. А потомъ, когда поѣздъ тронулся и миновалъ платформу, Никита Лаврентьевичъ вошелъ въ нашъ вагонъ.

Въ Москву мы приѣхали на третій день утромъ. Вы, конечно, хотите знать, понравилась-ли мнѣ Москва. Ну, такъ я вамъ скажу по секрету, что не очень. Съ Одессой ее даже и сравнить нельзя. Это все равно, что сравнить парфюмерный магазинъ съ лѣснымъ складомъ. Конечно, Москва городъ очень большой, торговый и богатый, по порядку никакого въ немъ нѣтъ. А на нѣкоторыхъ улицахъ, извините за выраженіе, такъ воняетъ, что свѣжаго человѣка стошнить можетъ... Но я не стану описывать вамъ Москву, потому что о ней уже писали другіе писатели и тоже очень талантливые. Скажу только, что въ Москвѣ мы съ Никитой Лаврентьевичемъ получили большую неприятность. Но между прочимъ, не будемъ залѣзать впередъ; а слушайте, что было дальше.

Какъ только мы стали подъѣзжать къ Москвѣ, мой хозяинъ сдѣлался другимъ человѣкомъ. Всю дорогу онъ былъ очень веселымъ простымъ и ласковымъ. Много разговаривалъ съ пассажирами и со мною, но какъ только показалась Москва, съ Никитой Лаврентьевичемъ случилось просто не понятное. Онъ сдѣлался гордымъ и неприступнымъ. И манеры у него стали совсѣмъ другія, точно у настоящего принца. На вокзалѣ онъ носилъ шикомъ командовалъ, какъ генераль солдатомъ. А когда мы проходили мимо жандармовъ, Никита Лаврентьевичъ принялъ

такую позу, какая бываетъ у командующаго на парадѣ. Всю дорогу отъ вокзала до гостинницы мы съ хозяиномъ молчали, какъ будто мы никогда знакомы не были. Два часа наши кости тряслись на пролеткѣ, пока не пріѣхали, какъ сейчасъ помню, на Тверскую улицу. Тамъ мы остановились въ гостинницѣ „Бристоль“.

Какъ только швейцаръ посмотрѣлъ на насъ, онъ сейчасъ же надѣлъ шапку и сказалъ:—„ваши документы“..

— Документы? — переспросилъ Никита Лаврентьевичъ,— хорошо, получишь. Ты, пожалиста, меньше себѣ разговаривай и покажи намъ номеръ.

Послѣднія слова хозяинъ сказалъ такимъ тономъ, что швейцаръ сейчасъ-же отвѣтилъ: слушаю-сь,—и снялъ шапку. Швейцаръ показалъ намъ двухрублевый номеръ.

— А скажи, голубчикъ, клоповъ нѣтъ здѣсь?—спросилъ Никита Лаврентьевичъ, а самъ желтой перчаткой размахивалъ передъ носомъ швейцара.

— Никакъ нѣтъ-сь; ужъ будьте покойны-сь...

Я самъ видѣлъ, какъ швейцаръ все больше и больше начиналъ уважать насъ... Но не будемъ затягивать исторію. Слушайте дальше.

Швейцаръ получилъ документы и ушелъ. Когда мы остались вдвоемъ, Никита Лаврентьевичъ посмотрѣлъ на меня и засмѣялся. Потомъ онъ сказалъ:

— Ну, Вольдемаръ, что ты скажешь, хорошо мы себѣ въ Москву въѣхали? А?

Тутъ хозяинъ догадался, что я ничего не понимаю и сталъ мнѣ объяснять, что такое Москва, что такое еврей и что такое право жительства.

— Самые скверные города на счетъ права жительства, продолжалъ объяснять хозяинъ,—это Москва, Кіевъ и Петербургъ. И вотъ, когда еврей въѣзжаетъ въ одинъ изъ этихъ городовъ,—все равно, есть-ли у него право жительства или нѣтъ, онъ долженъ себя держать смѣло, какъ будто онъ въ синагогѣ или на конгрессѣ сіонистовъ.

— Почему?—спросилъ я.

— А потому, что трусъ всѣмъ въ глаза бросается. Сейчасъ я тебѣ расскажу одинъ примѣръ. Мой папаша—купецъ первой гильдіи и фабрикантъ. У него значитъ право жительства есть. Хорошо. Вотъ это онъ поѣхалъ въ Москву. Всю дорогу онъ себѣ былъ покоенъ, потому что онъ зналъ, что право жительства лежитъ у него въ карманѣ. Но когда поѣздъ сталъ под-

ходить къ Москвѣ, мой папаша вспомнилъ, какъ ему кто-то рассказывалъ, что въ Москвѣ городовые и жандармы охотятся за евреями, какъ за волками, и что гдѣ-бы они не увидали еврея, они его ловятъ и тащутъ въ полицію. Ну, какъ ты себѣ думаешь: что долженъ былъ почувствовать мой папаша, когда вспомнилъ такой рассказъ? Конечно, у него всѣ жилки затряслись. А когда поѣздъ подошелъ и онъ увидалъ большихъ людей съ бѣлыми кисточками на головахъ, онъ такъ испугался, что сдѣлался глупымъ, какъ ребенокъ. И что-же онъ сдѣлалъ? Онъ взялъ свой чемоданчикъ и вышелъ не туда, куда всѣ пассажиры выходили, а на другую сторону и, конечно, не могъ выбраться, потому что платформа въ Москвѣ закрытая. А тутъ очень скоро поѣздъ двинули впередъ, и мой папаша бросился всѣмъ въ глаза. Онъ одинъ стоялъ на рельсахъ съ чемоданомъ въ рукахъ. Тутъ его сейчасъ-же подозвалъ жандармъ и строго сталъ спрашивать, кто онъ и почему прячется. А папаша отъ страха потерялъ языкъ и молчалъ, какъ виноватый. Ну тутъ его сейчасъ потащили въ полицію и, хотя документы его были въ порядкѣ, но онъ все такъ показался подозрительнымъ и его попросили убраться изъ Москвы. И вотъ съ тѣхъ поръ мой папаша никуда не ѣздитъ и сдѣлался сѣнистомъ.

Рассказъ хозяина мнѣ очень понравился и я долго смѣялся

— И еще у нашихъ еврейчиковъ,—продолжалъ хозяинъ,—есть глупая привычка: какъ только они прѣзжаютъ въ Москву, они сейчасъ себѣ отправляются въ Зарядье. А тамъ всѣ евреи у полиціи на счету. Вотъ я никогда этого не дѣлаю. Я себѣ заѣзжаю въ самый центръ и живу себѣ покойно... Ну, довольно болтать, еще кто-нибудь подслушаетъ.

Послѣднія слова Никита Лаврентьевичъ произнесъ шопотомъ. И повѣрите, мнѣ отъ этого шепота вдругъ сдѣлалось холодно. Скажу вамъ по секрету, мнѣ показалось, что мы съ хозяиномъ забрались въ чужую квартиру и собираемся ее обокрасть. Даю вамъ честное слово.

— Ну, Вольдемаръ, давай дѣло дѣлать—сказалъ Никита Лаврентьевичъ.—Я буду письма писать, а ты развяжи чемоданъ и разложи вещи.

Мы приступили къ дѣлу. Прошло, чтобъ вамъ не соврать, часа три.

— Ну, Вольдемаръ,—сказалъ хозяинъ—теперь давай пообѣдаемъ, а потомъ мы себѣ отправимся по дѣламъ. Ужъ я тебѣ покажу Москву.

Черезъ полчаса мы съ Никитой Лаврентьевичемъ сидѣли въ своемъ номерѣ за круглымъ столомъ и обѣдали. Сначала намъ подали супъ съ пирожками, а потомъ котлеты. Вотъ это мы сидимъ и кушаемъ. Вдругъ хозяинъ меня спрашиваетъ:

— Вольдемаръ, а ты знаешь, какія мы съ тобой котлеты кушаемъ?

— Нѣтъ, не знаю,—отвѣтилъ я.

— Ну, такъ ты себѣ знай: эти котлеты—свинья.

Скажу вамъ по секрету, я не совсѣмъ хорошо понялъ хозяина; но при словѣ „свинья“ у меня кусокъ застрялъ въ горлѣ и я не могу его ни выплюнуть, ни проглотить. Какъ разъ въ эту минуту вошелъ швейцаръ.

— Васъ, господа, приглашаютъ въ полицію,—сказалъ онъ.

— Кто приглашаетъ?—спросилъ Никита Лаврентьевичъ, и лицо его сдѣлалось бѣлымъ, какъ бумага.

— Господинъ приставъ приглашаетъ.

— Кого?

— Васъ обоихъ.

Швейцаръ ушелъ, а мы съ хозяиномъ сидѣли передъ свинными котлетами и праздновали труса.

— Ужъ я лучше не пойду,—сказалъ я, послѣ долгаго молчанія.

— Нѣтъ, ужъ ты пойдѣ, съ полиціей шутить нельзя.

— Ой, я боюсь...

— Вотъ начинается еврейская исторія!—воскликнулъ Никита Лаврентьевичъ. — Кто мы себѣ такіе? Бродяги, воры, разбойники? Мы себѣ честные люди и пріѣхали въ Москву не воровать, не кутить и не безобразничать, а по дѣлу!.. Мы себѣ не должны бояться... Пойдемъ, я и въ полицію это скажу...

И мы ушли. Не стану вамъ описывать, какія мысли царапали мою голову, когда мы вошли въ полицію. Скажу только, что ноги мои не шли, а болтались, какъ у пьянаго. Повѣрите, я-бы за такія страданія не хотѣлъ-бы имѣть капиталъ Морозова. Даю вамъ честное слово. Но не будемъ затягивать исторію, а слушайте дальше.

Мы съ хозяиномъ долго стояли въ большой комнатѣ, въ обществѣ городскихъ, пьяныхъ, околоточныхъ и воровъ. Каждую минуту кого-нибудь приводили, то вора, то пьяницу. А въ воздухѣ висѣли слова: „морда, скотина, сволочь“ и другія еще болѣе крѣпкія.

И долго мы такъ стояли съ хозяиномъ; а потомъ насъ позвали къ приставу. Мы вошли въ кабинетъ и остановились передъ столомъ, за которымъ сидѣлъ самъ приставъ. Какъ я ни былъ молодъ, но большихъ начальниковъ, повѣрьте, я видалъ.

Видалъ я виленскаго губернатора, видалъ двухъ архіереевъ, варшавскаго полицмейстера и самого одесскаго градоначальника. Но ни одинъ изъ нихъ мнѣ не показался такимъ страшнымъ, какъ вотъ этотъ московскій приставъ. Глаза у него были свинцовые и выглядывали какъ пули изъ заряженнаго револьвера, а усы мѣдно-краснаго цвѣта, какъ два раскаленныхъ штыка торчали вверхъ, до самыхъ глазъ.

Когда мы вошли, онъ правую руку, украшенную рыжими волосами и большимъ перстнемъ, положилъ на наши документы, поднялъ на Никиту Лаврентьевича глаза - пули и тяжелымъ басомъ спросилъ:

— Это вы, Нотль Шмерелевъ Бурдесъ?

— Я,—отвѣтилъ Никита Лаврентьевичъ.

— А вотъ этотъ гусь, кто такой?

— Его фамилія Краснополянскій.

— Я безъ васъ знаю, какъ его фамилія!—закричалъ приставъ и сдѣлался краснымъ, какъ кумачъ. — Вы мнѣ скажите, зачѣмъ онъ въ Москву пожаловалъ?

— Онъ себѣ лакеемъ у меня служить.

— А вы себѣ его хозяинъ?

— Да.

Тутъ приставъ стукнулъ кулакомъ по столу и сказалъ:

— Ахъ, нахальный народъ! Что мнѣ съ ними дѣлать? Нѣтъ, каково!—обернулся онъ къ своему помощнику, который сидѣлъ за другимъ столомъ.—Ему мало одному въ Москву пробраться, онъ еще другихъ за собою ташить. Такъ я вамъ вотъ что скажу, — обернулся приставъ къ хозяину: — сейчасъ-же, слышите; возьмите этого гуся (онъ опять указалъ на меня) и немедленно отправьте его на родину. Иначе я васъ обонхъ вышлю отсюда.

— Хорошо,— тихо сказалъ Никита Лаврентьевичъ и любезно, какъ съ приятнымъ знакомымъ, раскланялся съ приставомъ и мы вышли изъ полиціи.

Когда мы очутились на улицѣ, мой хозяинъ такъ разсердился, что мнѣ за него страшно стало; даю вамъ честное слово.

Вы, конечно, помните, какъ онъ на меня набросился въ Одессѣ за барышню Анюту? ну, такъ я вамъ скажу, что это

былъ пустякъ въ сравненіи съ той злостью, которая обуяла моего хозяина, когда мы вышли изъ полиціи.

— Ну, я-же тебѣ покажу теперь,—говорилъ Никита Лаврентьевичъ по адресу пристава и скрежеталъ зубами. Я тебѣ покажу какъ оскорблять представителя крупной фирмы... О, я этого такъ не оставлю...

— Ой, пожалуйста, не надо ничего дѣлать... Я боюсь, — сталъ я упрашивать хозяина.

— Не твое дѣло!.. Молчи себѣ, жидовская морда! — закричалъ на меня Никита Лаврентьевичъ.

И я замолчалъ, потому что у меня языкъ отнялся.

Когда мы пришли домой, хозяинъ приказалъ мнѣ немедленно собрать всѣ наши вещи и укладывать ихъ въ чемоданы.

Онъ говоритъ, что евреи нахалы, такъ я ему покажу, что онъ вреть!.. громко говорилъ хозяинъ, пока я завязывалъ чемоданъ. Вотъ я себѣ имѣю право жительство и у меня тутъ большее дѣло есть, а я возьму и уѣду. Пусть онъ знаетъ, какіе мы нахалы!..

И что вы думаете? Мы въ тотъ-же день уѣхали съ хозяиномъ изъ Москвы прямо въ Лодзь. Даю вамъ честное слово.

Разговоръ десятый.

Скажу вамъ по секрету, нашему пріѣзду никто не обрадовался. Мои родители, когда увидали меня, такъ посмотрѣли на мое лицо, какъ будто я имъ былъ долженъ. Папаша сказалъ: „что такъ скоро?“ а мамаша печально вздохнула и сказала: „уже?..“

Но еще больше досталось Никитѣ Лаврентьевичу. Старикъ Бурдесъ такъ на него разсердился, что заговорилъ съ нимъ по-русски и послалъ къ черту. А потомъ папаша назвалъ родного сына „свиньей въ цилиндрѣ“ и далъ слово, что пока живъ будетъ, онъ его никуда больше не пошлетъ по дѣламъ фабрики. И что вы думаете? Я уже сколько лѣтъ знакомъ съ Никитой Лаврентьевичемъ; онъ уже давно сдѣлался владѣльцемъ фирмы Шмерль Бурдесъ и К^о, а изъ Лодзи шагу не дѣлаетъ и, какъ папаша, онъ сдѣлался большимъ сіонистомъ. Но не будемъ затягивать исторію, а слушайте дальше.

Наша родственница Енте-Бейле посмотрѣла на это дѣло совсѣмъ наоборотъ. „Ну, пріѣхалъ скоро, такъ что изъ этого?“— сказала она. „Главное намъ нужно, чтобы весь городъ зналъ,

что нашъ Велвеле развѣзжалъ по Россіи не съ кѣмъ нибудь, а съ сыномъ Бурдеса. Объ этомъ, ужь будьте покойны, я постараюсь. И, можетъ быть, очень скоро Велвеле опять уѣдетъ...“

Больше Енте-Бейле ничего не сказала; но за то много сдѣлала. Ахъ, какъ я благодаренъ этой женщинѣ! Ужь если хотите знать, то я вамъ скажу по секрету, ей одной я обязанъ тѣмъ, что сдѣлался первокласснымъ комми-вояжеромъ. Но что значить судьба! Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ предсказаніе Енте-Бейле исполнилось и я уѣхалъ изъ Лодзи въ качествѣ представителя бумагопрядильной фабрики Карль Шмитъ и К^о.

Но здѣсь я долженъ вамъ дать маленькое объясненіе. Въ тѣ времена городъ Лодзь поднимался, какъ хорошее тѣсто.

На всѣхъ концахъ города строились фабрики и заводы. Изъ за-границы наѣхали нѣмцы и такую завели промышленность или, какъ гимназисты говорятъ, индустрію, что даже въ Москвѣ испугались. И знаете, за кого русскіе приняли этихъ нѣмцевъ? За евреевъ. Даю вамъ честное слово. Въ петербургской газетѣ „Готовое Время“ такъ и было начечатано, что евреи завладѣли Лодзью. А на самомъ дѣлѣ евреи были только комми-вояжерами. Вотъ почему и я сдѣлался комми-вояжеромъ.

Какое это было для меня счастливое время! Повѣрите, я и сейчасъ не могу объ этомъ вспомнить безъ восторга. Нѣтъ, вы только подумайте: какой-то сморкачъ Велвеле, бѣдный еврейчикъ безъ право жительства—вдругъ превращается въ настоящего комми-вояжера! Я хорошо помню, какъ я уѣзжалъ изъ Лодзи. На мнѣ былъ одѣтъ модный дорожный плащъ, шляпа котелокъ и шикарный костюмъ изъ настоящей заграничной матеріи (комми-вояжеры изъ лодзинскихъ матеріаловъ ничего себѣ не шьютъ). Черезъ плечо у меня висѣлъ красивый кожаный сакъ-вояжъ; въ рукахъ я несъ изящный чемоданчикъ, наполненный образцами; а въ боковомъ карманѣ лежало шесть сотенокъ, новенькихъ, трескучихъ. И еще у меня были визитныя карточки, на которыхъ стояло: „Вольдемаръ Львовичъ Краснополянский, представитель фабрики Карль Шмитъ и К^о въ Лодзи“.

На вокзалѣ я увидѣлъ цѣлую компанію комми-вояжеровъ, которые тоже уѣзжали въ Россію. Тутъ былъ знаменитый Залцхрейнфеферъ, съ которымъ я еще въ Одессѣ познакомился; потомъ былъ Петръ Константиновичъ Вейдль, представитель братьевъ Познанскихъ и Алексѣй Александровичъ Мицвесь, представитель фирмы „Всероссійская мануфактура Августъ Крамеръ и К^о. Я, конечно, сейчасъ-же присоединился къ этой ком-

паніи и сказалъ имъ, что охотно поѣду въ одномъ съ ними вагонѣ. На это они мнѣ поклонились и сказали: „мы вамъ очень благодарны“. И я былъ этимъ очень польщенъ.

Но знаете, что я вамъ скажу? Самая скверная вещь въ жизни порядочнаго еврея—это его родственники. Даю вамъ честное слово. Меня, напримѣръ, провожали мамаша и Енте-Бейле, хотя я ихъ объ этомъ не просилъ. И онѣ мнѣ много крови испортили. Скажу вамъ по секрету, я все время старался дѣлать видъ, что я не знаю этихъ женщинъ; но мамаша все дѣло портила. Она громко разговаривала по-еврейски и очень этимъ меня оскорбила. Но будемъ немножко покороче.

Мы, комми-вояжеры, вошли въ вагонъ, конечно, первыми и каждый изъ насъ занялъ по три мѣста; а остальные пассажиры сидѣли такъ тѣсно, какъ будто ихъ кто прижалъ другъ къ другу.

И вотъ пошли между нами разговоры. Со мною компанія обращалась очень хорошо. Всѣ мнѣ говорили „вы“ и я нѣсколько разъ бѣгалъ за кипяткомъ. Всю дорогу мы пили чай, закусывали и играли въ шестьдесятъ шесть.

Для меня время летѣло незамѣтно, потому что я былъ счастливъ и очень гордился своимъ положеніемъ.

Мои товарищи тоже были очень веселы и много рассказывали анекдотовъ. Одинъ только Залцхрейнфеферъ былъ очень серьезенъ и смотрѣлъ на насъ, какъ на дѣтей. А когда я сказалъ, что считаю комми-вояжерство самымъ пріятнымъ и порядочнымъ занятіемъ, онъ печально улыбнулся, покачалъ головой, а потомъ спросилъ:

— У васъ какой маршрутъ?

Я вынулъ записную книжку и сталъ ему читать: „Курскъ, Орель, Тула, Харьковъ, Кіевъ, Область войска Донскаго, Царицынъ, Саратовъ, Самара..“

— Довольно,—перебилъ онъ меня. Вамъ очень скоро надоѣстъ вояжировать.

— Почему?

— Потому что во всѣхъ этихъ городахъ у васъ будутъ неприятности съ полиціей.

— У меня документы въ порядкѣ.

— Это ничего не значить.

И знаете, что я вамъ скажу? Этотъ Залцхрейнфеферъ отравилъ мою радость и я сталъ думать о будущемъ съ большою тревогой.

Очень мнѣ стало грустно на Брестъ-Литовскомъ вокзалѣ, потому что отсюда мы разъѣхались въ разныя стороны и я остался одинъ. Не стану вамъ описывать подробно свой первый вояжъ, а скажу только, что все кончилось гораздо лучше, чѣмъ я ожидалъ. Три мѣсяца я разъѣзжалъ по большимъ русскимъ городамъ и отлично дѣлалъ свое дѣло. Съ полиціей у меня ничего непріятнаго не случилось.

Поѣздка эта принесла мнѣ очень много пользы. Скажу вамъ по секрету, я самъ чувствовалъ, что съ каждымъ днемъ дѣлаюсь умнѣе и образованнѣе. По-русски я научился такъ хорошо говорить, что многіе не узнавали во мнѣ еврея, а думали, что я грузинъ или болгаринъ. Даю вамъ честное слово.

А что меня особенно радовало, это то, что я очень близко ознакомился съ Россійской имперіей и со всѣми ея городами. Во первыхъ я узналъ, что всѣ Тулы и Калуги похожи другъ на друга, какъ родные братья или сестры.

И случается такъ, что ходишь по Курску, а думаешь, что ходишь по Орлу или Тамбову. И еще узналъ я, что въ каждомъ русскомъ городѣ имѣются три улицы одинаковаго названія — это: Московская, Дворянская и Губернаторская. Въ каждомъ городѣ Московская улица самая торговая, а самая тихая — Дворянская. И вотъ я дѣлалъ такъ: пріѣзжаю въ первый разъ въ Хорьковъ или Орель, сажусь на извозчика и приказываю: „вези въ гостинницу на Московскую“. И извозчикъ думаетъ, что я здѣсь родился; и беретъ съ меня по таксу и подвозитъ къ „Европейской“ гостинницѣ, потому что, въ каждомъ русскомъ городѣ, на каждой Московской улицѣ имѣется гостинница „Европа“.

И вотъ я снимаю номеръ, отдаю документы и первый день никуда не выхожу: жду, что скажетъ полиція. И когда полиція ничего не говоритъ, я призываю комиссіонера и спрашиваю его, есть-ли въ этомъ городѣ евреи.

— Сколько угодно, — отвѣчаетъ каждый комиссіонеръ. Тогда я начинаю его распрашивать, какіе здѣсь евреи, чѣмъ занимаются они и богаты ли они. Тогда комиссіонеръ отвѣчаетъ, что бѣдныхъ евреевъ на всемъ свѣтѣ нѣтъ. И кончается нашъ разговоръ тѣмъ, что я прошу его пригласить ко мнѣ бойкаго и знающаго городъ еврея и когда послѣдній приходитъ, я прошу его за извѣстный процентъ собрать точныя свѣдѣнія о кредитоспособности мѣстныхъ купцовъ; а на другой день у меня въ карманѣ уже лежитъ списокъ мѣстныхъ торговцевъ и я съ

образцами отправляюсь по магазинамъ. Теперь вы понимаете, какъ я все это тонко дѣлалъ? Не даромъ я вернулся въ Лодзь съ перваго вояжа съ большимъ триумфомъ, какъ какой-нибудь Юлій Цезарь въ древнемъ Римѣ. Но, между прочимъ, не будемъ залѣзать впередъ, а слушайте дальше.

Три мѣсяца у меня все шло какъ по рельсамъ, пока я не попалъ въ область войска Донскаго. Вотъ тутъ я получилъ первую большую неприятность. Скажу вамъ по секрету, когда я изъ Екатеринослава поѣхалъ въ Ростовъ, я уже почувствовалъ маленькую тошноту подъ ложечкой. И знаете почему? Я все думалъ о казакахъ. Мнѣ говорили, что тамъ, куда я ѣду, всѣ люди давно уже сдѣлались казаками. Ну, какъ вы думаете, могло это меня радовать? Конечно, нѣтъ! И я очень безпокоился. И на этотъ разъ я напрасно безпокоился, потому что въ Ростовѣ оказалось очень мало казаковъ, если не считать полицію

Ахъ, какой прекрасный городъ Ростовъ! Послѣ Одессы это самый лучший городъ въ Россіи. Даю вамъ честное слово. Вотъ ужъ гдѣ настоящіе комерсанты живутъ! Вотъ ужъ гдѣ истинное царство ума и денегъ! Но лучше я расскажу все по порядку.

Прежде всего долженъ вамъ сказать, что Ростовъ состоитъ изъ четырехъ городовъ и вотъ ихъ названія: Ростовъ, Нахаловка. Нахичевань и Собачій хуторъ. Во всѣхъ этѣхъ городахъ евреи не имѣютъ права жительствова, даже въ Собачьемъ хуторѣ. Всѣ эти города слились въ одно цѣлое и за пять копеекъ вы можете по конкѣ попасть въ любой изъ этихъ городовъ. Самымъ крупнымъ центромъ, послѣ самаго Ростова,—это Нахичевань. Тамъ живутъ армяне или, вѣрнѣе, ихъ жены и лошади, а мужчины приѣзжаютъ туда только за тѣмъ, чтобы переночевать и спрятать дневную выручку. Вотъ почему въ Ростовѣ много торговли, а въ Нахичевани много денегъ. Кромѣ армянъ въ Ростовѣ можно встрѣтить и русскихъ, и нѣмцевъ, и татаръ, и грековъ, и турокъ, и евреевъ, и казаковъ. Послѣдніе занимаютъ въ полиціи и торговлей. Но вы навѣрно хотите меня спросить: Ну, а евреи? А евреи тоже живутъ себѣ не дурно. Дай Богъ всѣмъ виленискимъ, ковенскимъ или гомельскимъ евреямъ такъ жить, какъ живутъ ростовскіе евреи. Жизнь они ведутъ тихую, скромную; ни съ кѣмъ не ссорятся и даже съ русскими играютъ въ карты и пьютъ водку. Вы, можетъ быть, хотите знать, сколько въ Ростовѣ евреевъ; такъ на этотъ вопросъ я вамъ могу дать три отвѣта. Евреи говорятъ, что ихъ всего 12 тысячъ, полиція говоритъ, что евреевъ въ Ростовѣ 17 тысячъ, а русскіе говорятъ,

что евреевъ въ Ростовѣ 120 тысячъ. Ну, скажите сами, кому здѣсь вѣрить можно? Я больше довѣряю полиціи, а вы думайте, какъ хотите. Но будемъ немножко покороче. А о ростовскихъ евреяхъ еще прибавлю, что они себя чувствуютъ здѣсь очень хорошо и покойно. Христіане относятся къ нимъ дружелюбно и за все время существованія этого города было всего два погрома: одинъ большой, а другой маленькій. Теперь буду говорить о себѣ.

Въ Ростовѣ счастье само шло мнѣ на встрѣчу. И знаете, что я вамъ скажу? Если бы я не былъ комми-вожатеромъ, я бы тамъ могъ жениться. Даю вамъ честное слово. Прожилъ я тамъ двѣ недѣли и отправилъ въ Лодзь до десяти крупныхъ заказовъ. Потомъ я поѣхалъ въ ближайшіе города—Таганрогъ и Новочеркасскъ, гдѣ тоже взялъ нѣсколько заказовъ. И все шло такъ хорошо, и я былъ такъ доволенъ, — и вдругъ вздумалось мнѣ по дорогѣ заглянуть въ Аксай. Спросите, зачѣмъ это мнѣ нужно было? Я и самъ не знаю. Долженъ вамъ сказать, что Аксай — это большая станица, гдѣ ужъ дѣйствительно живутъ одни казаки. Заѣхалъ я сюда изъ любопытства: мнѣ хотѣлось узнать, есть ли тамъ мануфактурные магазины или нѣтъ. Чемоданчикъ я оставилъ на вокзалѣ, а самъ отправился пѣшкомъ. И только я вошелъ въ станицу, смотрю, изъ трактира выходитъ громадный казакъ съ длинными опущенными внизъ усами. Увидаль онъ меня, съ удивленіемъ остановился и спросилъ:

— Вы кто такой будете?

Я, какъ человекъ воспитанный, вмѣсто отвѣта досталъ свою визитную карточку и красивымъ движеніемъ руки подаль ее казаку. Тотъ поднесъ карточку къ глазамъ и медленно, какъ дитя, сталъ читать вслухъ: „Вольдемаръ Львовичъ Краснополянскій, представитель и т. д..“

— А вашъ пачпортъ?—вдругъ задалъ онъ мнѣ вопросъ, когда прочиталъ карточку.

Скажу вамъ по секрету, при этомъ вопросѣ у меня ноги ослабли, какъ у пьянаго. Но все-таки я досталъ всѣ свои документы и вѣжливо подаль ихъ ему. Къ намъ подошли еще два казака, а потомъ еще... И повѣрите, когда меня со всѣхъ сторонъ окружили казаки, я себя сталъ чувствовать, какъ теленокъ, котораго привели на бойню. А громадный казакъ съ китайскими усами развернулъ мой паспортъ, долго читалъ его, потомъ на карточку посмотрѣлъ, а потомъ поднялъ на меня круглые глаза и сказалъ:

— Эге, братецъ мой, вѣдь—ты не ты...

Повѣрите, какъ сказалъ онъ это, у меня на душѣ сдѣлалось тошно и холодно, какъ въ погребѣ.

— А почему я—не я? — тихо спросилъ я и почувствовалъ, что начинаю дрожать.

А казаки стали между собою переглядываться, и покачивать головами.

— А вотъ почему: тутъ на карточкѣ тебя зовутъ Вольдемаръ, а въ пачпортѣ... (казакъ поднесъ паспортъ къ глазамъ), а въ пачпортѣ тебя зовутъ... не то Волкъ, не то Воль... Самъ чортъ не разберетъ!

— Ой, что вы такое говорите! — воскликнулъ я. — Въ паспортѣ стоитъ Велвлъ Лейбовъ Краснопоцинскій, а не Воль. Это такъ говорятъ по-еврейски...

— А почему же на карточкѣ не такъ? Чортъ возьми! — крикнулъ казакъ.

— Извините, карточка по-русски написана.. И карточка не документъ...

— Ладно, меня не обморочишь. Вишь поблѣднѣлъ какъ, чортовъ внукъ, — сказалъ онъ, и обернулся къ другимъ казакамъ: — отведите его въ угравленіе и посадите въ арестантскую, а я снесусь съ Новочеркасскомъ.

Только онъ это сказалъ, какъ два казака схватили меня подъ руки и повели, какъ это дѣлаютъ съ двумя дамами въ кадрили. Что потомъ было я и рассказать не могу. Даю вамъ честное слово. Меня обыскали, какъ настоящаго жулика и посадили въ арестантскую. И тутъ только я узналъ кто былъ тотъ казакъ, который приказалъ меня арестовать. Это былъ самъ атаманъ. А вы знаете, что такое станичный атаманъ? Не дай Богъ знать этого. Станичный атаманъ, пока онъ живетъ въ станицѣ, онъ все равно, что губернаторъ: выше его начальства нѣтъ, а когда онъ поступаетъ въ ростовскую полицію, его сразу дѣлаютъ околоточнымъ надзирателемъ. Но не будемъ затягивать исторію, а слушайте дальше.

Документы мои были отправлены въ Новочеркасскъ съ вопросомъ, что со мною дѣлать. Долженъ вамъ сказать, что отъ Аксая до Новочеркасска можно пѣшкомъ добѣжать, такъ это близко; а я сидѣлъ, день, два, а отвѣта не было. Атаманъ обращался со мною очень добродушно, шутилъ и называлъ меня жидкомъ. На третій день пришелъ отвѣтъ: „выпустить“. И меня выпустили. Я даже заплакалъ отъ радости. Даю вамъ честное слово.

Разговоръ одиннадцатый.

Черезъ три дня послѣ аксайской исторіи я уже сидѣлъ на пароходѣ и катался по Дону, направляясь въ Царицынъ. Здѣсь я чувствовалъ себя очень хорошо, потому что зналъ, что полиція меня не тронетъ. Но на душѣ все-таки у меня было печально. И знаете почему? Потому что въ Царицынъ, куда я ѣхалъ, евреи тоже не имѣютъ право жительства и я очень боялся всякихъ неприятностей. Но будемъ немножко покороче.

Скажите, вы никогда не ѣздили по Тихому Дону? Ну, такъ вы ничего хорошаго не выдали. Если бы вы знали какая прекрасная природа лежитъ по обѣимъ сторонамъ этой рѣкой, вы бы навѣрно мнѣ позавидовали. А впрочемъ, знаете, что я вамъ скажу? Я думаю, что писать сочиненіе надо безъ природы. Это гораздо легче для писателя и читателя. Есть, на примѣръ, одинъ русскій писатель по фамиліи Тургеневъ. У этого писателя такъ много природы, что просто ужасъ. И что вы думаете? Я таки не могъ читать. А вотъ есть другой русскій писатель по фамиліи Семень Юшкевичъ, такъ у него совсѣмъ никакой природы нѣтъ. И что вы думаете? Мнѣ таки было очень легко читать его сочиненія, потому что ничего лишняго въ нихъ нѣтъ; а одни только разговоры и больше ничего. Но не будемъ затягивать исторію; а слушайте дальше.

На пароходѣ я познакомился съ однимъ очень пріятнымъ и умнымъ офицеромъ. Онъ первый со мною заговорилъ и задалъ мнѣ вѣжливый вопросъ, не изъ Бобруйска-ли я.

— Извините, я изъ Лодзи, — тоже очень вѣжливо отвѣтилъ я.

— О, я и Лодзь знаю. Мнѣ долго приходилось служить въ чертѣ еврейской осѣдлости и я очень хорошо ознакомился съ вашимъ народомъ.

— Это мнѣ очень пріятно. А извините за одинъ вопросъ: какъ вы смотрите на евреевъ?

— Очень хорошо. Люди, какъ люди. Я — не юдофобъ. Мнѣ, на примѣръ, еврейки очень нравятся...

И такъ мы съ нимъ разговаривали очень долго. А потомъ онъ мнѣ рассказалъ исторію русскаго народа. И знаете, что я вамъ скажу? Если бы я не зналъ еврейской исторіи, я бы сказалъ, что самая интересная исторія — это русская. Повѣрите, я слушалъ офицера съ такимъ интересомъ, какъ будто онъ мнѣ

разсказывалъ волшебную сказку. Прежде всего я узналъ, что русскіе когда-то были какими-то славянами и въ Бога не вѣрили, пока ихъ не окрестилъ одинъ князь по фамилии Красное Солнышко. Потомъ я узналъ, что на Россію наскочили татары и устроили такой погромъ, что просто ужась. И, представьте себѣ, двѣсти лѣтъ татары дѣлали съ русскими, что хотѣли. Отнимали женъ и дочерей, грабили, били и жгли. Даже самыхъ тонкихъ аристократовъ они выводили на площадь, раздѣвали и сѣкли по чемъ попало. Ну, а потомъ явился одинъ русскій князь и всѣхъ татаръ прогналъ. И съ тѣхъ поръ Россія всѣхъ стала побѣждать и сдѣлалась самымъ большимъ государствомъ на свѣтѣ.

Когда офицеръ все это мнѣ разсказалъ, я его спросилъ:

— Извините меня за одинъ маленькій вопросъ. А гдѣ теперь эти татары?

— Какіе татары?

— Вотъ тѣ, которые такъ не вѣжливо поступали съ русскими?

— Какъ гдѣ они? Они вездѣ живутъ: и на Волгѣ, и въ Крыму, и на Кавказѣ...

— А вы не знаете, они имѣютъ право жительства?

— Конечно, конечно... Полное право.

Тутъ я замолчалъ, потому что мнѣ стало очень обидно, и я вспомнилъ какъ со мною поступили въ Аксаѣ...

Въ Царицынѣ я провелъ всего три дня, хотя меня полиція и не трогала; но отсюда я самъ бѣжалъ. И знаете почему? Я здѣшнихъ купцовъ испугался. Это не купцы, а настоящіе разбойники. Даю вамъ честное слово. Они не только не имѣютъ денегъ и кредита, но даже не имѣютъ понятія о чужой собственности и очень дорожатъ русской загадкой: „ваше будетъ наше“.

Изъ Царицына я на пароходѣ уѣхалъ въ Саратовъ. Тутъ мнѣ пришлось прокатиться по Волгѣ-матери, какъ говорятъ русскіе.

Вы когда нибудь видали Волгу? Ахъ, какая это замѣчательная рѣка! Не даромъ русскіе называютъ ее мамашей.

Къ Саратову пароходъ подошелъ рано утромъ. Я сошелъ на берегъ, взялъ извозчика и, какъ всегда, сказалъ ему: „въ гостиницу на Московскую“. А онъ обернулся и сказалъ: „полтора цалковыхъ“.

— За что?—спросилъ я.

— Какъ за что? До города семь версты!

А у Пульсона сказано, что Саратовъ стоитъ на Волгѣ. Вотъ и вѣрь ученымъ книгама. А впрочемъ, лучше бы этого Саратова совсѣмъ на свѣтѣ не было. А говорю я это потому, что я тамъ тоже большую неприятность получилъ. Не знаю за что, но я не понравился саратовскому полицмейстеру и онъ меня въ тотъ же день выгналъ изъ города, какъ собаку. И при этомъ еще оскорбилъ, назвавъ меня социалистомъ.

Вы помните, какъ въ Москвѣ разсердился на полицію мой первый хозяинъ, Никита Лаврентьевичъ? Ну, такъ я вамъ скажу, что въ Саратовѣ и у меня терпѣніе лопнуло и я взялъ билетъ прямо въ Лодзь.

Всю дорогу я не могъ успокоиться и все думалъ о русскомъ законѣ и о полиціи. Я никакъ не могъ понять за что насъ комми-вожеровъ такъ преслѣдуютъ. Всѣмъ извѣстно, что правительство очень желаетъ, чтобы русская индустрія сильно распространилась. Напримѣръ, министръ финансовъ г. Вышнеградскій недавно вотъ-что заявилъ всѣмъ московскимъ, лодзинскимъ, варшавскимъ и другимъ фабрикантамъ: „Милостивые государи, фабриканты и заводчики, отправляйте скорѣе ваши издѣлія въ Персію и Среднюю Азію, потому что англичане дѣлаютъ намъ большую конкуренцію. А я вамъ за это сдѣлаю дешевый тарифъ, а за такіе товары, какъ сахаръ и ситецъ, вы еще премію получите“. Значитъ, вы видите какъ нужна эта самая индустрія правительству? Ну, хорошо... Вотъ это со всѣхъ городовъ отправились комми-вожеры въ Среднюю Азію. И что же вышло? Пріѣзжаетъ, напримѣръ, въ Самаркандъ представитель Саввы Морозова, а ему говорятъ, что онъ не имѣетъ права жительства, потому что онъ—еврей. Ну, я васъ спрашиваю, гдѣ здѣсь смыслъ? Или еще такъ бываетъ. Завоюетъ Россія новую страну. Еще не извѣстно будетъ-ли она наша или ее отнимутъ обратно; а евреевъ уже гонять оттуда. Гдѣ же справедливость? Мнѣ могутъ сказать: „Что вы плачете? Вѣдь комми-вожеры имѣютъ право жительства отъ трехъ дней до трехъ недѣль? Ахъ, оставьте! какое это право, когда всякій городской гонитъ тебя какъ собаку?

Вотъ объ этомъ самомъ я думалъ всю дорогу.

Разговоръ двѣнадцатый.

Здѣсь я чувствую, что мнѣ надо сдѣлать большой скачекъ. И знаете почему? Я боюсь, что мое сочиненіе вамъ покажется.

длиннымъ и скучнымъ, какъ сочиненія одного русскаго писателя по фамилии Бенъ-Ами. И вотъ я этотъ скачекъ и дѣлаю.

Прошло уже десять лѣтъ, какъ я вояжирую. За это время я былъ представителемъ очень многихъ фирмъ. Я развѣзжалъ съ образцами суконъ, ситцевъ, стальныхъ перьевъ, пуговицъ, кружевъ и даже конвертовъ. Не стану хвастать, а скажу по секрету, меня теперь знаетъ вся Россія. И что вы думаете, — я счастливъ?

Совсѣмъ наоборотъ. Чѣмъ дальше я живу на свѣтѣ, тѣмъ становится печальнѣй. Даю вамъ честное слово. Подумайте сами, какая можетъ быть жизнь у вѣчнаго странника. Десять лѣтъ я развѣзжаю съ образцами чужихъ товаровъ, нахожу для не принадлежащихъ мнѣ фабрикъ покупателей, а для самого себя не могу найти даже такого пустяка, какъ жена. А жениться, скажу вамъ по секрету, мнѣ очень хочется. Я, слава Богу, еврей и мнѣ необходимо имѣть жену и дѣтей. Но мнѣ некогда! Ужъ сколько разъ я влюблялся, сколько разъ я доходилъ до поцѣлуевъ, а дальше не пошелъ, потому что, увѣзжать надо было. И не я одинъ, а тысячи комми-вояжеровъ живутъ противъ природы, не имѣя жены и дѣтей. Подумайте сами, что я получаю за свои вѣчныя странствованія? Что у меня есть? Есть у меня нѣсколько костюмовъ, золотые часы, кольцо съ брилліантомъ; Арончикъ учится за мой счетъ въ гимназій—и больше ничего. Развѣ это счастье? А какъ мы, комми-вояжеры живемъ? Какъ бродяги, даю вамъ честное слово. Шутка-ли сказать, всю жизнь пробывать въ дорогѣ и еще безъ права жительства.

Вотъ я теперь пишу свои записки. А почему я ихъ пишу? Потому что случилось такъ, что я сижу безъ дѣла на одномъ мѣстѣ вотъ уже скоро мѣсяцъ. Можетъ быть, вы думаете, что я сижу по доброй волѣ? Ошибаетесь. Сейчасъ я вамъ расскажу какъ это случилось.

Два мѣсяца тому назадъ я выѣхалъ изъ Лодзи прямо въ Бухару отъ одной очень крупной фирмы. Только я приѣхалъ, какъ въ Бухарѣ началась холера. Русскіе подданные сейчасъ же, конечно, стали удирать, потому что,—кому пріятно умереть отъ холеры? Я, конечно, тоже удралъ вмѣстѣ съ другими. Но въ Мервѣ насъ задержало начальство и подъ конвоемъ отправило насъ въ какую то песчаную пустыню, между Асхабадомъ и Кизиль-Арватомъ. Мѣсту этому дали названіе Александровскій карантинъ, поставили нѣсколько бараконъ и всѣхъ насъ туда загноули; а солдаты насъ сторожили. И что вы думаете? Холера и

туда заглянула. И изъ 120 человекъ въ первую же недѣлю осталось живыхъ только 70.

Можете себя представить, какъ мнѣ здѣсь весело. Жара такая, какъ въ дешевой банѣ на верхнихъ полкахъ. А холера каждый день входитъ въ баракъ и хватаетъ кого ей угодно. Повѣрите, если бы не Иванъ Лазаровичъ я бы навѣрно покончилъ съ собою; до того мнѣ скучно и печально.

Но вы быть можетъ, хотите знать, кто такой Иванъ Лазаровичъ? Ну, такъ я вамъ скажу. Это представитель сахарнаго завода Бродскаго. Онъ небольшого роста черный еврейчикъ, съ такой наружностью, что вы за него и двухъ копеекъ не дали бы. А, между тѣмъ, это такой умный человекъ, какого я никогда не встрѣчалъ. Настоящій докторъ философи. Даю вамъ честное слово.

Вчера вечеромъ я сталъ жаловаться Ивану Лазаровичу на свою судьбу. Говорилъ я ему о томъ, какъ тяжело приходится намъ, комми-вояжерамъ; а потомъ я у него спросилъ, почему всѣ комми-вояжеры—евреи. И вотъ, что онъ мнѣ на это отвѣтилъ:

— Очень просто почему. Потому что еврейскій народъ есть одинъ большой комми-вояжерь. Я вамъ сейчасъ расскажу одну легенду и вы меня поймете. Когда Богъ увидалъ, что люди очень размножились, а о Немъ они забыли, Онъ сталъ выбирать среди народовъ и выбралъ народъ еврейскій и сказалъ ему: „Слушайте еврей, мнѣ нуженъ комми-вояжерь, который бы разносилъ по своему Имя Мое и Заповѣди Мои. Тебя, Израиль, я выбираю. Ты будешь бродить по землѣ и разносить Слово Божье. Я все дамъ тебѣ: и умъ, и энергію, и талантъ, и крѣпость духа и долгую, долгую жизнь. Одного только не дамъ Я тебѣ—это право жителя. Тебя будутъ гнать изъ одного конца земли до другого; ты всюду будешь съять Разумъ, Вѣру и Справедливость, а тебя будутъ презирать и нигдѣ ты себя мѣста не найдешь...“ За что?—спросилъ народъ еврейскій“. „Для того Я это дѣлаю, чтобы ты не засидѣлся на одномъ мѣстѣ, не облѣнился; и исходилъ бы всю землю, дабы всѣ народы вѣдали Имя Мое и Заповѣди Мои“.

Теперь вы понимаете почему евреи комми-вояжируютъ,—закончилъ Иванъ Лазаровичъ.

— Мнѣ очень приятно было васъ слушать,—сказалъ я.—Но позвольте у васъ спросить: развѣ есть теперь на свѣтѣ такой народъ, который не зналъ бы Бога и Его заповѣдей?

— Я васъ понимаю. Вы хотите этимъ вопросомъ сказать, что евреи уже свое дѣло сдѣлали. Ну, такъ я вамъ скажу на это вотъ что скажу. Недавно въ Германіи нашелся одинъ замѣчательный еврей, Теодоръ Герцель. Онъ теперь собираетъ всѣхъ евреевъ, хочетъ устроить всемірный конгрессъ и тамъ сказать еврейскому народу: „Израильтяне, вы Волю Божью исполнили, довольно вамъ вояжировать и собирайтесь домой, въ Палестину“.

— А евреи его послушаютъ?—спросилъ я.

— Не знаю.—Должны послушать...

— А я вотъ что сдѣлаю. Если меня холера не возьметъ, я отправлюсь домой, въ Лодзь, женюсь и навсегда брошу коммивояжерство. Даю вамъ честное слово“...

На этомъ рукопись моего случайнаго спутника обрывается.

А. Свирскій.

Экономическое положеніе русскаго еврейства.

(Продолженіе).

IV.

Основой всякой экономики является земледѣліе. Всѣ формы хозяйства, отъ наиболѣе простыхъ до наиболѣе сложныхъ развились изъ земледѣлія. Эту простую истину, такъ горячо защищаемую физиократами 18-го столѣтія, приходится теперь, въ эпоху самаго интенсивнаго индустріализма, снова доказывать. Классическая политическая экономія, равно какъ и социалистическая школа совершенно упустили изъ виду эту основную силу всѣхъ хозяйственныхъ отношеній и выставили индустро-центрическую точку зрѣнія, которая въ концѣ концовъ оказалась не только ложной, но и пагубной для всякаго дальнѣйшаго прогресса. Современный аграрный кризисъ стоитъ теперь грознымъ фантомомъ какъ передъ буржуазіей, такъ и передъ рабочими. Не будучи въ состояніи освободиться отъ индустроцентрической точки зрѣнія, буржуазія видитъ спасеніе въ дорожающихъ колоніяхъ, а рабочіе до сихъ поръ вообще не нашли рѣшенія. Они мучаются надъ аграрнымъ вопросомъ, надъ выработкой аграрной программы, но безрезультатно. Дѣло въ томъ, что законы концентрации, подмѣченные Марксомъ въ области промышленности, абсолютно непримѣнимы къ аграрнымъ явленіямъ. Неоспоримый фактъ, что мелкая крестьянская собственность увеличивается прогрессивно во всѣхъ странахъ на счетъ крупнаго землевладѣнія, и что мелкое земледѣліе при извѣстныхъ условіяхъ, легко могущихъ быть удовлетворенными, выгоднѣе крупнаго землевладѣльческаго хозяйства. Антитеза между индустріей и земледѣліемъ приняла теперь самыя острыя формы и заставляется задумываться всѣ политическія партіи и всѣ правительства; послѣднія должны часто принимать мѣры столь противоположнаго характера, что прямо уму непостижимо. Такъ, на примѣръ, Германія, стремящаяся стать первоклассной индустріальной державой, въ то же время облагаетъ земледѣльческіе

продукты очень высокой ввозной пошлиной, чтобы хоть немного улучшить положеніе германскаго земледѣлія. Эти противорѣчія только отчасти вызываются эгоистическими интересами юнкеровъ—крупныхъ землевладѣльцевъ: среди представителей германскаго четвертаго класса все болѣе и болѣе находятся люди, признающіе существованіе аграрнаго кризиса, обхватывающаго равномѣрно всѣхъ земледѣльцевъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что при обсужденіи экономическаго состоянія даннаго народа необходимо раньше всего принять во вниманіе состояніе его земледѣльческаго класса. Тѣмъ болѣе это необходимо сдѣлать, когда хотятъ реформировать матеріальное положеніе народа.

Но не надо забывать еще другого фактора, имѣющаго рѣшающее значеніе особенно при разсмотрѣніи экономики еврейскаго народа.

Земледѣліе является не только экономической, но и биологической основой народнаго существованія. Замѣчаемая повсюду эмиграція сельскихъ жителей въ города не только усиливаетъ существующій экономическій кризисъ, но грозитъ національному здоровью въ биологическомъ смыслѣ этого слова. Городская, а въ особенности фабричная жизнь подтачиваетъ физическія силы народа. Этотъ фактъ подмѣченъ во всѣхъ индустріальныхъ центрахъ. Если же это явленіе не приняло до сихъ поръ особенно ужасающихъ размѣровъ, то это благодаря непрерывному освѣженію крови городскихъ жителей прибывающимъ населеніемъ изъ деревень. Пока слѣдовательно, земледѣльческая масса еще содержитъ въ себѣ достаточно резервныхъ силъ, чтобы сглаживать пагубныя вліянія, индустріи на городскихъ жителей.

Вѣчно, однако, это не можетъ продолжаться, и поэтому лучшіе умы міра начинаютъ задумываться надъ этой проблемой и даже начинаютъ предлагать практическія мѣры. Насколько онѣ практичны—другой вопросъ, который мы здѣсь обсуждать не будемъ. Мы только хотѣли указать на всю важность проблемы и этимъ самымъ выяснить, что вопросы народнаго хозяйства не могутъ быть рѣшены исключительно съ индустроцентрической точки зрѣнія.

Идентифицировать интересы всего народа съ интересами одной его части, а именно съ отдѣльнымъ классомъ индустріальныхъ рабочихъ, значить закрывать глаза передъ сложностью поставленной задачи, даже если разсматривать всѣ явленія съ исключительно экономической точки зрѣнія, т. е. даже абстрагируя отъ всѣхъ національно-культурныхъ вопросовъ.

Тѣмъ менѣе неповолено стѣзуть задачу при разсмотрѣніи экономическаго положенія еврейскаго народа, состоящаго главнымъ образомъ изъ городскихъ жителей. По отношенію къ нашему народу аграрный вопросъ пріобрѣтаетъ рѣшающую силу—живни или смерти народа—экономически и биологически.

Если мы желаемъ—по отношенію къ еврейству—поставить правильно экономическую проблему, то мы должны ее формулировать слѣдующимъ образомъ: *какимъ образомъ и гдѣ мы можемъ лучше и скорѣе всего достигнуть правильнаго распределенія экономическихъ функций въ средѣ еврейскаго народа, т. е. образованія въ его средѣ широкаго земледѣльческаго класса, какъ фундамента народно-соціального хозяйства, класса промышленно-индустриальныхъ рабочихъ и класса посредниковъ между потребителями и производителями, притомъ въ пропорціяхъ, гарантирующихъ прогрессивное развитіе цѣлаго народа, во всѣхъ отношеніяхъ?* По нашему скромному мнѣнію, это единственно правильная формулировка экономической задачи въ примѣненіи къ современному еврейству, живущему въ эпоху, когда всѣ нормально живущіе народы состояются изъ трехъ вышеозначенныхъ экономическихъ группъ. Только эта формулировка охватываетъ всѣ слои и всѣ интересы еврейства, потому она содержитъ въ себѣ въ скрытомъ видѣ и всѣ культурно-національныя проблемы еврейства, даже юдаизмъ Ахадъ-Гаама.

Намъ кажется, что составители «Сборника», если и не вполне сознательно, то инстинктивно стали на эту точку зрѣнія. Во всякомъ случаѣ они поняли всю важность вопроса объ образованіи земледѣльческаго класса среди евреевъ и попытались отвѣтить на вопросъ, насколько созданіе еврейскихъ земледѣльцевъ возможно въ Россіи.

Поэтому авторы «Сборника» начинаютъ свое изслѣдованіе экономическаго положенія русскаго еврейства именно изслѣдованіемъ состоянія русско-еврейскаго земледѣлія. И надо признать, что какъ разъ эта часть ихъ труда—самая образцовая и можетъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ самой строгой критики. Видно, что эта область еврейскаго хозяйства изслѣдована съ особенной любовью и подробностью.

Посмотримъ теперь, какія данныя наши изслѣдователи собрали и къ какимъ результатамъ пришли.

Еще съ 1804 года русское правительство начало привлекать евреевъ къ земледѣлію; но особенно усиленно старалось насаждать земледѣліе между евреями «Положеніе о евреяхъ» 1835 года.

Въ 1859 году наступило обратное вѣяніе: съ этого момента не

только не содѣйствовали превращенію евреевъ въ земледѣльцевъ, но въ 1864 году было воспрещено евреямъ покупать землю въ 9 губерніяхъ, а «Временныя правила 1882» года совсѣмъ отрѣзали евреевъ не только отъ пріобрѣтенія въ собственность, но даже и отъ аренды земли. Нельзя сказать, чтобы опытъ внутренней колонизаціи евреевъ отличался большою систематичностью и постоянствомъ. Нельзя также сказать, чтобы колонизація проводилась особенно удачно: мотивы ея были чисто утилитарныя, безъ всякихъ духовныхъ побужденій. И несмотря на все это, въ моментъ изслѣдованія (1897 г.) констатировано, что «въ Западной Россіи (включая Царство Польское) живетъ въ земледѣльческихъ (еврейскихъ) поселеніяхъ 13.059 семействъ съ 75.887 душами коренного населенія. Въ нихъ пользованіи находится 113030 дес. земли» ¹⁾.

Однако въ виду низкой доходности хозяйства, недостатка въ землѣ и отсутствія инвентаря «не все коренное населеніе колоній живетъ сельско-хозяйственнымъ трудомъ» ²⁾.

Мѣстное обслѣдованіе колоній доказало что изъ 75887 душъ кореннаго населенія еврейскихъ колоній дѣйствительно занимаются «хлѣбопашествомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова» только 8927 семействъ съ 51.539 душами, т. е. около $\frac{2}{3}$ всего кореннаго населенія.

Но не надо забывать, что имѣются еще другіе еврейскіе элементы, занимающіеся земледѣліемъ. Когда начали рушиться устой традиціонной еврейской экономикки, евреи безъ всякихъ внѣшнихъ побужденій, гонимые внутренними причинами, или проще сказать, нуждой, пытались, несмотря на всѣ ограниченія, найти спасеніе въ земледѣліи. «Чрезвычайно важнымъ результатомъ настоящаго изслѣдованія, заявляютъ его авторы, слѣдуетъ признать констатированіе факта, что значительное число евреевъ внѣ колоній занимается сельскимъ хозяйствомъ», а именно, специальными отраслями сельскаго хозяйства. Сюда принадлежатъ: огородничество и плодоводство, молочное хозяйство, табаководство, виноградарство и винодѣліе, пчеловодство и другія специальныя культуры. Всего въ этой отрасли земледѣлія занято 21.521 лицо, или принимая во вниманіе, что «каждое трудоспособное лицо содержитъ лишь 2 нетрудоспособныхъ, то мы получимъ, что специальными отраслями сельскаго хозяйства живутъ около 65.000 душъ еврейскаго населенія».

Принимая еще во вниманіе еврейскихъ землевладѣльцевъ и

¹⁾ Ibid. т. I, стр. 4.

²⁾ Ibid. стр. 7.

арендаторовъ, самостоятельно ведущихъ хозяйство и, наконецъ, выходящихъ на полевые работы, получается слѣдующая картина еврейскаго сельскаго хозяйства:

Хлѣбопашествомъ въ колоніяхъ занимаются .	51.539	душъ
Спеціальными отраслями сельскаго хозяйства занимаются	64.563	»
Землевладѣніемъ и арендой занимаются	19.930	»
Полевыми работами занимаются	12.901	»
Итого		148.933 душъ

«Итакъ, около 150.000 еврейскаго населенія живутъ сельскохозяйственными промыслами» ¹⁾. По отношенію ко всему еврейскому населенію Россіи это составляло бы 3⁰/₀ земледѣльческаго населенія. Даже самая индустріальная страна міра, Англія, имѣетъ въ десять разъ большій процентъ земледѣльцевъ. Но, къ сожалѣнію, авторы сборника въ этомъ пунктѣ сдѣлали крупную ошибку, замѣнивъ слово «занимаются» словомъ «живутъ». Неужели 12901 евреевъ, выходящихъ на полевые работы *живутъ* отъ сельскаго хозяйства, хотя бы въ качествѣ батраковъ? Вѣдь авторы «Сборника», говоря въ другомъ мѣстѣ объ этихъ евреяхъ, сами указываютъ на временный характеръ, даже на эфемерность ихъ заработковъ.

Главное занятіе этихъ людей—факторство, торговля, трудъ чернорабочихъ, а главное—хроническая голодовка, а лишь лѣтомъ, въ страдную пору, когда у помѣщика не хватаетъ не-еврейскихъ рабочихъ, эти евреи зарабатываютъ кое-что, едва ли позволяющее дѣлать большія экономіи. Точно также преувеличена цифра *живущихъ* отъ землевладѣнія и аренды, гдѣ очень часто сельское хозяйство абсолютно недостаточно для прокормленія всей семьи, такъ что для пополненія бюджета одинъ или нѣсколько членовъ семьи занимаются побочными промыслами. Точно также мы должны уменьшить цифру *живущихъ* исключительно отъ спеціальныхъ отраслей сельскаго хозяйства, потому что въ число занимающихся ими вошли навѣрное и подростки. Мы поэтому нисколько не согрѣшимъ, если мы скажемъ, что дѣйствительно живущихъ отъ сельскаго хозяйства едва наберется 100.000 евреевъ, т. е. 2⁰/₀ всего еврейскаго населенія. Намъ вовсе не надо выставлять оптимистическихъ цифръ, чтобы имѣть право провозгласить передъ всѣмъ міромъ, не только передъ не-еврейскимъ, но главнымъ образомъ передъ еврейскимъ, слѣдующій тезисъ: «Приведенными данными съ несомнѣнностью

¹⁾ Ibid. стр. 10.

доказывается, что обращеніе еврейскаго населенія къ земледѣльческому труду возможно»¹⁾). Если при всѣхъ сдѣланныхъ ошибкахъ и несистематичности предпринятой колонизаціи, если при всѣхъ тяжелыхъ ограниченіяхъ, которымъ подверглось русское еврейство какъ разъ въ критическій моментъ его экономической эволюціи, мы все-таки находимъ 100.000 евреевъ, занимающихся земледѣліемъ и живущихъ отъ него, то этотъ результатъ является самымъ блестящимъ доказательствомъ способности евреевъ послѣ 2000-лѣтней городской жизни снова приспособиться къ земледѣльческому труду. Какъ уже сказано, особенно поучителенъ примѣръ евреевъ занявшихся селскимъ хозяйствомъ безъ всякой внѣшней помощи, ни со стороны правительства, ни со стороны еврейскихъ благотворительныхъ обществъ, а благодаря собственной инициативѣ, возбуждаемой исключительно матеріальной нуждой, т. е. не одухотворенной высшей идеей.

Но изслѣдователи не ограничились констатированіемъ этого въ высшей степени важнаго факта; они пошли дальше. Они себя спросили: «а что будетъ въ будущемъ? Можетъ ли еврейское земледѣліе въ Россіи развиваться? Этотъ вопросъ слишкомъ важенъ и поэтому мы себя позволимъ цитировать весь относящійся сюда пассажъ: «Въ заключеніе, остановимся на вопросѣ, возможно ли дальнѣйшее привлеченіе къ сельско-хозяйственному труду въ чертѣ осѣдлости. Что касается евреевъ колонизаціи съ цѣлью занятія хлѣбопашествомъ, то она встрѣтила бы нынѣ большія затрудненія. Значительно размножившееся крестьянское населеніе, страдая отъ малоземелья, повсюду подняло цѣну земли безъ достаточнаго соотвѣтствія съ ея дѣйствительной доходностью. Въ чертѣ осѣдлости цѣна десятины чернозема уже повсюду превосходитъ 100 рублей. Въ нечерноземной полосѣ, если и встрѣчается дешевая земля, то она плохаго качества. При весьма неблагоприятныхъ условіяхъ, въ которыхъ находится нынѣ русское сельское хозяйство (вѣрнѣе было бы сказать—европейское сельское хозяйство), трудъ земледѣльца, по прежнему, оплачивается крайне скудно. Въ виду этого евреямъ, которымъ придется приспособляться къ новому для нихъ труду и образу жизни, будетъ весьма трудно выплатить стоимость значительнаго участка земли, который потребуетъ для занятія хлѣбопашествомъ»²⁾). Коротко сказать: *превращеніе евреевъ въ хлѣбопашцевъ въ Россіи невозможно по чисто экономическимъ причинамъ*. И чѣмъ болѣе положеніе русскаго крестьян-

¹⁾ Ibid. стр. 8.

²⁾ Ibid. стр. 11.

ства улучшится, тѣмъ его покупательная сила на землю увеличится, т. е. тѣмъ болѣе возвысится цѣна на землю. Аналогичный процессъ можно было наблюдать во Франціи въ продолженіи всего XIX-го столѣтія, а теперь мы можемъ его констатировать въ южной Германіи, гдѣ крестьянство все болѣе и болѣе вытѣсняетъ крупное землевладѣніе.

Но надо указать на другое предположеніе авторовъ Сборника: они считаютъ возможнымъ широкое развитіе между евреями занятія различными специальными отраслями сельскаго хозяйства, какъ не требующими большихъ участковъ земли и довольно хорошо оплачиваемыми, во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ хлѣбопашество.

Здѣсь однако авторы забываютъ, что и все русское земледѣліе должно будетъ мало по малу перейти къ новымъ культурамъ. Мы абстрагируемъ отъ юридическихъ ограниченій, тяготящихся надъ евреями и которыя, чѣмъ дольше они продолжаются, въ тѣмъ менѣе выгодное положеніе ставятъ евреевъ въ сравненіи съ ихъ конкурентами. Мы здѣсь, какъ и вездѣ, стараемся себѣ представить наилучшія юридическія условія, т. е. полное равноправіе евреевъ. И вотъ даже при этомъ условіи не можетъ быть рѣчи о массовомъ обращеніи евреевъ къ занятію специальными отраслями сельскаго хозяйства, потому что и здѣсь они встрѣчаются съ массовой конкуренціей крестьянъ какъ въ покупкѣ земли, такъ и въ сбытѣ продуктовъ. Мы не отрицаемъ возможности устроить въ этой отрасли хозяйства нѣсколько тысячъ еврейскихъ семействъ—понятно, при благоприятныхъ внѣшнихъ условіяхъ,—но это не есть рѣшеніе еврейскаго вопроса въ Россіи, это даже не оздоровленіе нашего еврейства хотя-бы въ экономическомъ отношеніи. Это палліативъ, притомъ требующій много усилій для его реализаціи.

Намъ остается рассмотреть данныя о внутреннемъ состояніи русско-еврейскихъ колоній въ Россіи. Это необходимо не только для того, чтобы составить себѣ представленіе о томъ, насколько земледѣліе при данныхъ условіяхъ можетъ гарантировать нормальное существованіе занимающимся имъ: для насъ анализъ внутренней жизни этихъ колоній имѣетъ значеніе социальнаго опыта; на этомъ примѣрѣ мы можемъ видѣть не только, какъ надо колонизировать, но какъ *не надо* колонизировать. И намъ кажется, что мечтающіе о массовой земледѣльческой колонизаціи евреевъ—къ нимъ принадлежатъ и сіонисты—должны быть особенно благодарны составителямъ «Сборника» за ихъ детальное изслѣдованіе существующихъ въ Россіи еврейскихъ колоній.

Данныя, дѣйствительно, весьма поучительныя.

Возьмемъ, напримѣръ, еврейскія колоніи Херсонской губерніи. «При поселеніи каждая семья евреевъ земледѣльцевъ получила въ надѣль по 30 дес. земли, и кромѣ того по 10 дес. отчислялось въ запасный участокъ при колоніи» ¹⁾. Значить—полное равенство между всѣми членами колоній.

Черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ это первоначальное равенство совершенно исчезло.

Во-первыхъ, размѣры землевладѣнія каждой семьи упали съ 30 десятинъ на 11,27 дес. т. е. уменьшились въ 2,7 раза. Это естественное слѣдствіе размноженія населенія въ колоніяхъ. Отъ 1859 до 1898 года число семействъ увеличилось на 127,7% (вмѣсто 1428—3252 семьи), а число душъ на 124,6% (вмѣсто 10.641—23.901 душъ). Но распредѣленіе земли между семьями и дворами подверглась значительнымъ измѣненіямъ. Мы считаемъ необходимымъ привести всю таблицу цѣликомъ, потому что она въ высшей степени поучительна ¹⁾.

Группы дворовъ по размѣрамъ надѣла.	Средній размѣръ владѣнія.	Абсол.	Въ %
Безземельные	—	611	19,1
Имѣющіе до 5 дес.	3,8	483	15,2
Имѣющіе 5—10 дес.	8,5	836	26,2
Имѣющіе 10—20 дес.	15,3	728	22,9
Имѣющіе болѣе 20 дес.	30,0	529	16,6
	11,3	3187	100

Послѣдняя группа обнимающая всего $\frac{1}{6}$ часть всѣхъ дворовъ, владѣетъ 44,1 (почти половиной) всей надѣльной земли. А $\frac{1}{6}$ дворовъ совсѣмъ лишена земли. При этомъ 62,8% (почти $\frac{2}{3}$ всѣхъ дворовъ, имѣющихъ болѣе 20 десятинъ земли, не въ состояніи обрабатывать собственную землю, потому что они или совсѣмъ не имѣютъ (12,9%) или имѣютъ лишь одного работника (49,9%), т. е. они должны нанимать рабочую силу. Всѣ эти неравенства, столь вредныя для успѣха колонизаціи, явились результатомъ не социальныхъ или искусственныхъ неравенствъ, а вслѣдствіе естественныхъ измѣненій въ составѣ разныхъ семействъ. «Такое положеніе вещей, съ точки зрѣнія хозяйственной, нельзя признать желательнымъ, такъ какъ значительная часть населенія, и притомъ наиболѣе молодаго, не имѣя земли, вынуждена обращаться къ постороннимъ промысламъ ²⁾.

¹⁾ Ibid., стр. 19.

²⁾ Ibid., стр. 20.

³⁾ Ibid., стр. 51.

Собственно, это положеніе не только нежелательно, но прямо пагубно, что особенно ярко иллюстрируется слѣдующимъ фактомъ:

Группы дворовъ.			
Безъ лошадей	1018 дворовъ	или	31,9%
Съ 1 лошадыю	216	»	» 6,8%
Съ 2 и болѣе лошадыми	1953	»	» 61,3%
	3187 дворовъ		100%

Земледѣлец I-ой группы лишенъ возможности вести самостоятельное хозяйство: чаще всего онъ идетъ въ батраки или обращается къ другимъ промысламъ. А такихъ хозяевъ имѣется въ Херсонскихъ колоніяхъ $\frac{2}{3}$ общаго числа. Эти факты были-бы невозможны, если бы колоніи были основаны на началахъ, изложенныхъ нами на страницахъ этого журнала, т. е. на кооперативныхъ началахъ, причемъ право собственности замѣщается правомъ наследственнаго пользованія, такъ что каждый дворъ сохраняетъ лишь столько земли, сколько онъ въ состояніи обработать собственными силами. Въ колоніяхъ, основанныхъ по системѣ Оппенгеймера, не могло-бы случиться, чтобы безработныя семьи имѣли надѣлы въ 20 и болѣе десятинъ, чтобы наиболѣе молодое населеніе, за неимѣніемъ земли, вынуждено было обращаться къ постороннимъ промысламъ.

Авторы «Сборника», хотя и робко, но все таки указываютъ на кооперацію, какъ на единственное средство улучшить положеніе колонистовъ. Говоря объ организаціи ссудосберегательныхъ товариществъ для удовлетворенія нужды колонистовъ въ кредитѣ, они замѣчаютъ: «Эти учрежденія, нужно надѣяться, будутъ первымъ шагомъ къ развитію другихъ формъ коопераціи, которая, какъ показываетъ опытъ Западной Европы, имѣютъ столь крупное значеніе для прогресса мелкаго хозяйства»¹⁾. Мы прекрасно знаемъ, что авторы не имѣли въ виду полную кооперацію, какъ мы ее понимаемъ, а лишь кооперацію относительно кредита, покупки машинъ, пользованія земледѣльческими орудіями, сбыта продуктовъ и т. д. Но жизнь должна будетъ довести кооперативный принципъ до его логическаго конца, потому что всѣ другія формы коопераціи могутъ вполнѣ раскрыть свое благотворное вліяніе лишь при наличности главной формы коопераціи, коопераціи въ пользованіи землей.

Все вышесказанное вѣрно не только относительно еврейскихъ колоній Херсонской губерніи, но и въ примѣненіи ко всѣмъ коло-

1) Ibid. стр. 51.

ніямъ. Пусть же этотъ примѣръ, имѣющій цѣнность и значеніе научнаго эксперимента, послужитъ въ прокъ всѣмъ занимающимся вопросомъ о еврейской колонизаціи.

V.

Мы закончили разсмотрѣніе статистическихъ изслѣдованій экономическаго положенія русскаго еврейства. Мы старались сконцентрировать въ этой статьѣ всѣ важнѣйшія данныя этого серьезнаго труда, чтобы познакомить съ ними какъ можно большее количество читателей.

Но раньше чѣмъ перейти къ выводамъ, которые сами запрашиваются всякому безпристрастному читателю, намъ остается разсмотрѣть цифровое изображеніе еврейскаго пауперизма. Этому вопросу посвящена специальная глава «Сборника» подъ названіемъ: «Нужда и благотворительность».

Само собой понятно, что никакая благотворительность не въ состояніи бороться противъ пауперизма: благотворительность экономически не продуктивна. Поэтому число семействъ, нуждающихся въ благотворительности, представляетъ собой истинную цифру систематически голодающихъ, т. е. совершенно безпочвенныхъ. И вотъ на основаніи самыхъ точныхъ данныхъ оказывается, что въ обслѣдованныхъ районахъ на 709.248 еврейскихъ семействъ 132.855 нуждались въ помощи, т. е. не могли заработать на свое существованіе. *Почти пятая часть (18,8%) всего еврейства принадлежитъ къ классу пауперовъ.* Это небывалый фактъ, не встрѣчаемый ни у одного цивилизованнаго народа. Если мы приѣмемъ во вниманіе только городское и мѣстечковое населеніе (евреи, вѣдь, сконцентрированы въ городахъ и мѣстечкахъ), то «одни еврейскіе бѣдняки составляютъ не менѣе 7% *общаго* населенія.» т. е. «въ Западной Россіи одни евреи заполняютъ весь тотъ процентъ нуждающихся, который даетъ въ Европѣ (общее) населеніе городовъ, да и то лишь наиболѣе крупныхъ». Но если мы приѣмемъ во вниманіе лишь крупные города, гдѣ имѣются большія еврейскія общины, мы получаемъ еще болѣе ужасныя цифры. Число нуждающихся семействъ въ крупныхъ городахъ:

Вильно	4830	семействъ или	37,7%
Двинскъ	1996	»	» 30,9%
Житомиръ	1300	»	» 29,5%
Николаевъ	920	»	» 28,7%
Кременчугъ	1610	»	» 26,7%
Екатеринославъ	1830	»	» 25,4%
Минскъ	1719	»	» 17,2%

«Такимъ образомъ въ большей части зарегистрированныхъ крупныхъ пунктовъ процентъ нуждающихся семействъ колеблется отъ 25 до 37,7 т. е. *отъ четверти до трети еврейскаго населенія обращается къ общественной благотворительности*» ²⁾. (Курс. въ оригинал.).

Эти данныя статьи русско-еврейскаго пауперизма (1898 г.) Но еще болѣе печальны данныя динамики, указывающія на развитие этого страшнаго бича. Несомнѣнно, что это развитіе прогрессируетъ все больше и больше благодаря экстраординарнымъ причинамъ (война) а, главное, вслѣдствіе чисто нормальныхъ причинъ, кроющихся не въ юридическихъ условіяхъ еврейской жизни, а въ общемъ экономическомъ развитіи страны и въ національномъ антагонизмѣ. На эти причины указываютъ сами авторы «Сборника,» которые, въ общемъ, очень сдержаны въ своихъ объясненіяхъ фактовъ. Въ районахъ, откуда можно было получить сравнительныя данныя за 5 лѣтъ, съ 1894 по 1898 годъ число нуждающихся семействъ возрасло съ 85.183 до 108.922, т. е. число нуждающихся семействъ за 4 года увеличилось на 27,9%, въ то время какъ приростъ населенія за этотъ періодъ не превосходитъ 6% (5,04%). Чѣмъ же объясняютъ этотъ страшный ростъ пауперизма? Кромѣ разныхъ кризисовъ и другихъ случайныхъ причинъ главную роль здѣсь играли слѣдующія обстоятельства ¹⁾: «*при развитіи и улучшеніи экономическаго оборота въ странѣ роль еврейскихъ посредниковъ (въ широкомъ смыслѣ) должна была сократиться: такъ, развитие сѣти желѣзныхъ дорогъ, устройство хлѣбныхъ элеваторовъ при станціяхъ расширеніе банковаго кредита для крупныхъ и среднихъ торговцевъ, убило дѣятельность многихъ тысячъ извозопромышленниковъ, комиссіонеровъ по кредитнымъ сдѣлкамъ, мелкихъ торговцевъ. Гибельно отражалась на экономическомъ положеніи еврейскаго торговаго класса—упадокъ хлѣбной торговли, разореніе многихъ помѣщиковъ, движеніе въ пользу экономической самопомощи въ польскомъ обществѣ и, какъ слѣдствіе этого—бойкотъ еврейскихъ ремесленниковъ и торговцевъ, распространеніе хозяйственной системы для казенныхъ сооружений и поставокъ.... и введеніе казенной винной монополіи* ¹⁾ (Курс. нашъ.) Всѣ только что перечисленныя причины совсѣмъ не случайнаго или субъективнаго характера, а коренятся въ объективныхъ условіяхъ реальной жизни; «развитіе и улучшеніе экономическаго оборота въ странѣ»—несомнѣнно объективная причина, развитіе которой никакая сила въ мірѣ не можетъ задержать. Но по нашему мнѣнію, основывающемуся на фактахъ изъ жизни западно-

¹⁾ Ibid. стр. 234.

европейскихъ странъ, даже и такая причина, какъ бойкоттъ еврейскихъ ремесленниковъ и торговцевъ» нисколько не зависятъ отъ объема гражданскихъ и политическихъ правъ, которыми пользуются евреи; это причина существуетъ и въ странахъ, гдѣ евреи *de jure* пользуются абсолютнымъ равноправіемъ, даже во Франціи, гдѣ влияние этой причины не такъ замѣтно, потому что тамъ мало евреевъ.

Это собственно *основной выводъ* изъ всѣхъ изслѣдованій относительно экономическаго положенія евреевъ въ Россіи: среди русскихъ евреевъ пауперизмъ растетъ прогрессивно и непрерывно; такъ какъ ростъ пауперизма обусловленъ объективными причинами національно-экономическаго характера, то всяческія внѣшнія измѣненія юридическаго характера не смогутъ задержать этого роста, а въ лучшемъ случаѣ только его замедлятъ, и то въ незначительной степени. Отрицать вѣрность этого вывода могутъ лишь поклонники Тришкина кафтана, успокаивающіяся при проведеніи въ жизнь ничтожныхъ палліативовъ, или люди, принимающіе свои фантазіи за реальную дѣйствительность и вѣрующіе въ немедленное осуществленіе всемірной справедливости.

Этотъ выводъ еще доказывается слѣдующими данными: мы видимъ, что пауперизмъ распространенъ среди евреевъ и тѣхъ губерній, гдѣ имѣется довольно развитая фабричная промышленность. Гродненская губернія принадлежитъ къ наименѣе благоприятнымъ районамъ. А съ другой стороны, мы замѣчаемъ, что въ южныхъ губерніяхъ, гдѣ индустрія особенно сильно развивалась, число нуждающихся семействъ увеличилось гораздо больше, чѣмъ въ индустриальныхъ губерніяхъ Сѣв.-Западнаго края и Польши. Въ то время какъ въ Екатеринославской губерніи это увеличеніе за періодъ 1894—1898 достигло 41,9%, въ Херсонской губерніи — 39,6%, мы находимъ въ Гродненской лишь 20,8%, въ Минской — 17,3%, а въ Варшавской лишь 6,7%. Если мы припомнимъ, что евреи принимаютъ участіе главнымъ образомъ въ индустріи Сѣв.-Западнаго Края и Польши и что еврейскіе рабочіе находятъ работу почти исключительно у еврейскихъ предпринимателей, то этотъ результатъ насъ не удивитъ: тамъ гдѣ есть еврейская индустрія, тамъ известная часть бездомнаго еврейскаго пролетаріата гарантирована отъ пауперизма. Но современемъ цѣлая масса мелкихъ еврейскихъ индустрій должна будетъ исчезнуть, благодаря появленію крупно-капиталистическихъ фабрикъ, принадлежащихъ обыкновенно не-евреямъ, куда еврей-рабочіе проникнуть не могутъ.

Возьмемъ хоть такой городъ, какъ Одесса, центръ индустріи и торговли. Изъ 150,000 душъ еврейскаго населенія въ 1900 году

насчитывалось 48.549 душъ, т. е. *одна треть* еврейскаго населенія. За одинъ годъ только число пауперовъ въ Одессѣ увеличилось на 7,7%.

Еще одинъ фактъ: по точнымъ даннымъ, собраннымъ въ г.г. Одессѣ и Екатеринославѣ оказалось, что всего больше пауперовъ между ремесленниками, которые на собственныхъ плечахъ выносятъ лишь отрицательныя послѣдствія индустриальнаго развитія, не получая ничего взамѣнъ; лишаются возможности найти заработокъ въ ремеслѣ, но не находятъ примѣненія своимъ силамъ на фабрикахъ.

Какъ и въ своей внутренней экономической жизни, такъ и въ борьбѣ противъ главнаго экономического бѣдствія—пауперизма, русское еврейство составляетъ органическое цѣлое, дѣйствующее собственными силами. Самый распространенный пока способъ борьбы противъ еврейской безысходной бѣдности—благотворительность, которая «конечно, не въ силахъ улучшить экономического положенія евреевъ», но которая «при существующихъ условіяхъ жизни и дѣятельности евреевъ является необходимымъ элементомъ во всемъ строѣ еврейской жизни» ¹⁾.

И вотъ около двухъ тысячъ благотворительныхъ организацій всевозможныхъ типовъ дѣйствуютъ среди русскихъ евреевъ. Большинство изъ нихъ совсѣмъ непродуктивны, потому что удовлетворяютъ непосредственнымъ нуждамъ. Однако одинъ видъ благотворительности могъ-бы при болѣе широкой постановкѣ и организаціи мало по малу возбудить въ массѣ самодѣятельность и духъ инициативы и тогда онъ получилъ-бы болѣе общее значеніе: мы имѣемъ въ виду ссудныя кассы. Даже и теперь онѣ оказываютъ благотворное вліяніе на пользующуюся ими массу ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ. Но для того чтобы эта благотворительность могла оказать всю ожидаемую отъ нея пользу, она должна перестать быть благотворительностью.

VI.

Къ какимъ выводамъ приводитъ насъ изученіе матеріаловъ объ экономическомъ положеніи евреевъ въ Россіи?

Мы снова должны вернуться къ нашей формулировкѣ основной экономической проблемы русскаго еврейства, которая съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями примѣнима ко всему еврейскому народу: оздоровленіе экономического положенія еврейства возможно лишь при установленіи правильнаго распредѣленія эконо-

¹⁾ Ibid стр. 239.

мических функций въ его средѣ, т. е. еврейство, какъ и всѣ другіе нормальные народы, должно распредѣляться на земледѣльцевъ—основа всего народно-соціального хозяйства,—на ремесленниковъ и промышленно-индустріальныхъ рабочихъ и на посредниковъ между производителями и потребителями, между индустріей и земледѣліемъ, причѣмъ групповая дифференціація должна совершиться въ размѣрахъ, гарантирующихъ прогрессивное развитіе цѣлаго народа во всѣхъ отношеніяхъ.

Очевидно, что народъ исключительно земледѣльческой или исключительно индустріальный также не можетъ нормально развиваться, какъ и народъ, который состоялъ бы изъ посредниковъ, хотя надо сказать, что земледѣльческой народъ содержитъ въ себѣ потенциально всѣ элементы развитія, въ то время какъ народы двухъ другихъ типовъ навѣрное не могутъ нормально развиваться.

И вотъ первый вопросъ, который мы должны себѣ поставить, долженъ гласить слѣдующимъ образомъ: возможно ли ожидать перераспредѣленія экономическихъ функций въ указанномъ смыслѣ среди русскаго еврейства? При этомъ, понятно, мы должны считаться съ реальностью, а не съ мечтаніями о томъ что будетъ, или что можетъ случиться этакъ лѣтъ черезъ 200 или 300. Мы имѣемъ въ виду не теоретическія спекуляціи, а практическія нужды нашего народа.

На только что поставленный вопросъ мы должны, на основаніи всѣхъ выше представленныхъ данныхъ, отвѣтить отрицательно. Широкое, *массовое* превращеніе русскихъ евреевъ въ земледѣльцевъ въ самой Россіи, абсолютно невозможно по чисто соціально-экономическимъ причинамъ. Эволюція земельной собственности тутъ ни при чемъ. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ областяхъ господствуетъ принципъ: *Beati possidentes*. Чѣмъ болѣе положеніе русскаго крестьянства улучшится, тѣмъ болѣе земли оно сможетъ приобрести и, принимая во вниманіе культурно-историческіе моменты, надо признать, что въ области земледѣлія крестьянинъ въ состояніи побить всякую конкуренцію. При нормальныхъ условіяхъ онъ долженъ одержать экономическую побѣду даже надъ крупно-землевладѣльческимъ хозяйствомъ.

Если мы припомнимъ то громадное значеніе, которое имѣетъ наличность земледѣльческаго класса для нормального-біологическаго и экономическаго развитія даннаго народа, мы должны сказать, что, отрицая возможность создать такой классъ среди русскихъ евреевъ, мы въ тоже время отрицаемъ возможность радикальнаго оздоровленія экономическаго состоянія нашего народа въ діаспорѣ.

Но мы должны считаться и съ тѣми, которые разсматриваютъ еврейство, какъ интегральную часть окружающихъ народовъ или того общаго государственнаго организма, къ которому оно юридически принадлежитъ. Тогда выходитъ такъ: имѣется русское крестьянство, какъ основа общерусскаго хозяйства; затѣмъ необходимъ классъ ремесленниковъ и промышленныхъ рабочихъ и классъ посредниковъ (мы говоримъ о современныхъ хозяйственныхъ формахъ). И вотъ еврей, какъ часть російскаго населенія, принадлежать только къ двумъ послѣднимъ классамъ. Такъ разсуждаютъ не только оппортунисты, но и принципиальные защитники индустриализма.

Мы оставимъ на минуту біологическую сторону вопроса и остановимся только на его экономической сторонѣ. Во-первыхъ, чѣмъ объяснить тотъ фактъ, что всякій кризисъ, какъ война, неурожай, экономической застой прежде и сильнѣе всего отзывается на еврействѣ? Будучи вполнѣ безпристрастнымъ, надо признать, что настоящая война оказала самое пагубное вліяніе на все русское еврейство. Приведеніе фактовъ совершенно излишне, потому что вліяніе кризиса слишкомъ очевидно во всей чертѣ осѣдлости; каждый еврей его чувствуетъ на собственныхъ плечахъ. Этотъ кризисъ ощутителенъ не только для евреевъ-торговцевъ и посредниковъ, но и для разныхъ предпринимателей, ремесленниковъ и фабричныхъ рабочихъ, однимъ словомъ, для всѣхъ профессій, въ которыхъ заняты евреи. Особенно ярко это видно въ такихъ центрахъ, какъ Одесса, Варшава, Лодзь и Бѣлостокъ.

Чѣмъ другимъ это можно объяснить, какъ неправильнымъ распредѣленіемъ экономическихъ функцій среди русскаго еврейства, тѣмъ, что у него отсутствуетъ единственная резервная сила, которая въ состояніи выдержать всякіе кризисы, тѣмъ, что у евреевъ нѣтъ широкаго земледѣльческаго класса?

Но необходимо также задуматься надъ болѣе важнымъ вопросомъ, потому что онъ имѣетъ для насъ непосредственное значеніе, потому что онъ касается злобы дня: какъ мы должны себѣ представить индустриализацію еврейской массы? На дняхъ одинъ русско-еврейскій органъ, критикуя дѣятельность ЕКО въ Россіи и указавъ на то что земледѣльческій трудъ «фактически играетъ въ жизни этой (еврейской) массы наименьшую роль», разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: «Съ другой стороны, оставляется совершенно безъ вниманія категорія фабричныхъ рабочихъ, число которыхъ растетъ съ каждымъ годомъ. Огромный излишекъ евреевъ ремесленниковъ, который долженъ будетъ въ концѣ концовъ приспособиться къ какой нибудь другой отрасли труда, если въ книгѣ судебъ не назначено

ему вымереть безъ остатка голодной смертью,—этотъ многочисленный пролетаріатъ скорѣе, конечно, устроится на фабрикахъ, чѣмъ на землѣ» ¹⁾). Очевидно здѣсь принимается за аксіому, что еврейскій пролетаріатъ, «конечно», *сможетъ* устроиться на фабрикахъ. А, вѣдь, это вовсе не аксіома, а требуетъ доказательствъ. Что говорить на этотъ счетъ данныя статистическихъ изслѣдованій? Мы уже ихъ знаемъ: съ одной стороны, число ремесленниковъ не только не уменьшается, а постоянно увеличивается, несмотря на то, что многочисленные ремесленники эмигрируютъ въ Англію и Америку; съ другой стороны, евреи должны оставлять фабрики, какъ только ручной трудъ замѣняется механическимъ—по крайней мѣрѣ ихъ не принимаютъ на фабрики съ механическими двигателями.

Это факты, констатированные безпристрастными изслѣдователями, во всѣхъ отрасляхъ фабричной промышленности и во всей чертѣ осѣдлости.

Но таково настоящее положеніе. Можетъ быть, что при другихъ условіяхъ общегражданственнаго положенія русскихъ евреевъ индустриализація еврейской массы пойдетъ впередъ гигантскими шагами? Можетъ быть, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ, несоотвѣтствующимъ матеріалистическому мировоззрѣнію, по которому не экономика зависитъ отъ политики, а наоборотъ? Можетъ быть, истинное рѣшеніе русско-еврейскаго вопроса лежитъ въ явленіи политическаго характера, въ полученіи евреями равноправія? Посмотримъ, вѣрно ли послѣднее предположеніе.

Совершенно случайно въ томъ же номерѣ журнала, который принимаетъ за аксіому возможность устройства на фабрикахъ многочисленнаго еврейскаго пролетаріата помѣщена статья: «Изъ польской печати». Въ этой статьѣ мы читаемъ любопытное мнѣніе извѣстнаго польскаго органа «Крај» о причинахъ еврейской эмиграціи изъ Галиціи, гдѣ существуетъ *de jure* равноправіе евреевъ. «Любопытнѣе та причина, которою объясняется ростъ еврейской эмиграціи. Это оказываются не фактическія правовыя ограниченія (!), не погромы и антиеврейская пропаганда, не полный индифферентизмъ галиційской автономіи къ экономическимъ нуждамъ евреевъ—а хозяйственная самодѣятельность христіанскаго населенія».

Почтенный русско-еврейскій органъ какъ будто возмущенъ этимъ объясненіемъ. Но онъ ему ничего не можетъ противопоставить, кромѣ платоническихъ взываній къ логикѣ. Но то что для насъ важно—это не логика отдѣльныхъ личностей, а логика жизни.

¹⁾ Восходъ 1904. № 20 стр. 2.

А эта логика несомнѣнно за только что данное объясненіе еврейской эмиграціи изъ Галиціи, потому что въ Галиціи къ «хозяйственной самодѣятельности христіанскаго населенія» принадлежать и фактическія правовыя ограниченія, и антиеврейская пропаганда, а отъ времени до времени и погромы. Но это случайность. Въ Вѣнѣ, напримѣръ, погромовъ не бываетъ, а только «антиеврейская пропаганда». Это только вариация основнаго Leitmotiv'a, извѣстнаго подъ названіемъ «хозяйственная самодѣятельность христіанскаго населенія». Вотъ почему мы думаемъ, что и въ Россіи тотъ-же мотивъ сохранить свою силу при всякихъ условіяхъ жизни, даже и при наличности абсолютнаго равноправія de jure, можетъ быть только съ другими вариантами.

Но намъ вовсе не надо заходить въ такую даль.

Факты современной жизни намъ показываютъ, что евреи не допускаются не только на христіанскія, но даже и на крупныя еврейскія фабрики. Вѣдь читатель еще помнитъ легенду о «всемогущемъ мануфактурномъ королѣ» Познанскомъ, который при всемъ своемъ добромъ желаніи не могъ пристроить на своей фабрикѣ нѣсколькихъ евреевъ-рабочихъ. Это всего лучше доказываетъ, что равноправіе тутъ ни при чемъ. И теперь никакому христіанскому фабриканту не запрещено принимать къ себѣ на работу евреевъ; и теперь не существуютъ никакія внѣшнія причины, мѣшающія еврейскимъ фабрикантамъ пользоваться трудомъ еврейскихъ рабочихъ.

Мы видѣли уже, что непринятіе евреевъ на еврейскія фабрики пытаются объяснить субѣтнимъ отдыхомъ и отсутствіемъ еврейскихъ мастеровъ. Если-бы эти причины даже были вѣрны, то и тогда онѣ находятся внѣ всякой зависимости отъ размѣра гражданскихъ правъ, которыми пользуются евреи. Празднованіе субботы—фактъ чисто культурнаго характера, который, оказывается, выдерживаетъ натискъ всѣхъ новыхъ вѣяній ассимиляціоннаго и интернаціональнаго характера. Что касается отсутствія мастеровъ, мы находимся въ заколдованномъ кругу: для того чтобы евреевъ принимали на *еврейскія* фабрики нужны еврейскіе мастера; но для того чтобы послѣдніе появились, необходимо допущеніе евреевъ на фабрики, потому что только на нихъ могутъ быть подготовлены кадры опытныхъ мастеровъ.

Но на самомъ дѣлѣ многочисленныя данныя доказываютъ, что въ концѣ концовъ ни субботній отдыхъ, ни отсутствіе мастеровъ не представляютъ истинныхъ причинъ, мѣшающихъ индустриализаціи еврейскаго пролетаріата.

Вѣдь видѣли же мы, что имѣются еврейскія фабрики не рабо-

таюція ни въ субботу, ни въ воскресенье; мы видѣли также, что на нѣкоторыхъ фабрикахъ имѣются мастера-евреи, но все таки рабочіе—не-евреи. Мы видѣли также, что въ концѣ концовъ авторы «Сборника» должны были указать, какъ на истинную причину, на тотъ фактъ, что у еврейскихъ рабочихъ «расходовъ много, а доходовъ мало», и что фабрикантамъ *выгоднѣе* имѣть рабочихъ христіанъ, а не евреевъ. Масса крестьянства выбрасываемаго нуждой изъ деревень въ города понижаетъ заработную плату до минимума, недостаточнаго для еврея, какъ болѣе культурнаго жителя городовъ. Здѣсь то отсутствіе земледѣльческаго класса у евреевъ имѣло двоякое вліяніе—положительное и отрицательное—на еврейскій пролетаріатъ. Не будучи земледѣльцемъ, еврей является исключительно городскимъ жителемъ, вслѣдствіе чего его *standart of life*, его жизненныя потребности выше, чѣмъ у рабочихъ неевреевъ. Это положительное вліяніе, выражающееся въ формулѣ: «расходовъ больше». Съ другой стороны, не будучи земледѣльцемъ, еврей со всѣмъ его семействомъ долженъ жить исключительно отъ своего заработка на фабрикѣ въ то время какъ семья рабочаго не-еврея можетъ удовлетворить хоть часть своихъ нуждъ земледѣльческимъ трудомъ. Это отрицательное вліяніе, выраженное въ классической формулѣ: «доходовъ меньше». Мы могли бы, понятно, указать еще на третье вліяніе: благодаря тому, что не-евреи рабочіе выходятъ изъ крестьянства, они и физически болѣе здоровы, чѣмъ горожане евреи. А вѣдь мы видѣли, что на нѣкоторыя фабрики евреевъ не принимаютъ потому, что они физически слабы. Но мы здѣсь оставляемъ въ сторонѣ биологическую сторону проблемы.

Эта неравная борьба между громаднымъ большинствомъ не-еврейскихъ рабочихъ и меньшинствомъ еврейскихъ рабочихъ должна чѣмъ дальше, тѣмъ больше ставить первыхъ въ прогрессивно-лучшія условія, чѣмъ вторыхъ, потому что первые пользуются преимуществами уже завоеванныхъ позицій.

Вотъ почему, между прочимъ, евреи могутъ эмигрировать только въ страны, гдѣ средняя заработная плата рабочихъ страны довольно высокая, какъ въ Англіи и Америкѣ. Только тамъ еврей можетъ индустриализироваться, потому что, какъ бы высока ни была его заработная плата, она все-таки ниже той, которую получаютъ рабочіе-уроженцы: поэтому еврей тамъ *konkurrenzfähig*, но все-таки только въ извѣстныхъ областяхъ промышленности, потому что часто фабриканту выгоднѣе платить высокую плату хорошему рабочему, чѣмъ низкую—плохому рабочему. По той же причинѣ долженъ наступить моментъ, когда рабочіе-уроженцы требуютъ настоятельно

ограниченія иммиграціи, а именно—когда масса иммигрантовъ грозитъ понизить среднюю заработную плату страны. Тогда появляется антисемитизмъ, имбюцій дѣлью защитить «національный трудъ». И не надо думать, что это зависитъ отъ неорганизованности рабочихъ: еще недавно мы видѣли, какъ швейцарскіе социалистическіе рабочіе преслѣдовали итальянскихъ рабочихъ, сильно понижающихъ заработанную плату. Тоже мы видѣли на югѣ Франціи, на франко-бельгійской границѣ и т. д.

Мы поэтому можемъ быть увѣрены, что еслибы въ самомъ дѣлѣ, какимъ-то чудомъ, евреи начали проникать на фабрики въ значительномъ количествѣ, первымъ слѣдствіемъ этого факта было бы усиленіе «хозяйственной самодѣятельности христіанскаго населенія», какъ мы это уже наблюдаемъ въ Царствѣ Польскомъ. Или, можетъ быть, кто либо смѣетъ утверждать, что «національный антагонизмъ», о которомъ робко заявляютъ авторы «Сборника», исчезнетъ въ тотъ моментъ, когда евреи получаютъ равноправіе? На чемъ же основываются надежды, что въ будущемъ это положеніе дѣль измѣнится? Неужели можно серьезно надѣяться, что евреи, получивъ свободу передвиженія, смогутъ вступить на фабрики центральной Россіи?

Вотъ почему мы считаемъ всѣ надежды на превращеніе большой части еврейскихъ ремесленниковъ и вообще еврейской массы въ фабричный пролетаріатъ безплодными мечтаніями, ни на чемъ не основанными; но эти мечтанія довольно опасны, потому что онѣ направляютъ энергію еврейскаго народа на ложный путь. Никакія измѣненія въ гражданскомъ положеніи еврейской массы не могутъ бороться противъ глубокихъ экономическихъ и національныхъ причинъ, противъ экономической конкуренціи между рабочими и «рабскаго антагонизма» со стороны фабрикантовъ.

Если же евреи не смогутъ въ Россіи образовать земледѣльческаго класса и не смогутъ индустриализоваться, т. е. превратиться въ фабричныхъ рабочихъ, что же имъ остается?

Остается только одно изъ трехъ: «цѣпляться за открывающія ремесла и мелкую торговлю», или же «вымереть безъ остатка голодной смертью», или, наконецъ, эмиграція.

Намъ остается, наконецъ, указать на послѣднюю причину неприниманія евреевъ-рабочихъ на еврейскія же фабрики: это—усилившееся движеніе специально среди еврейскихъ рабочихъ, вслѣдствіе чего «фабриканты и рабочіе заняли позиціи двухъ враждующихъ сторонъ». Здѣсь особенно рѣзко выступаетъ наружу весь трагизмъ положенія еврейскаго пролетаріата: онъ не допускается на

фабрику по самымъ разнообразнымъ причинамъ. То его не принимаютъ, потому что онъ еще слишкомъ ортодоксаленъ и не желаетъ отказаться отъ субб-тняго отдыха, то его прогоняютъ съ фабрикъ, потому что онъ слишкомъ прогрессивенъ и рѣзко заявляетъ о своихъ правахъ. Двѣ противоположныя причины приводятъ къ одному и тому же результату, крайне печальному для нашей массы, къ лишенію хлѣба. Однако этотъ результатъ — социологическая необходимость: *въ борьбѣ за существованіе погибаютъ всѣ, которые находятся подъ и надъ массовой средней линіей*, и тѣ, которые еще не достигли средней линіи борьбы, и тѣ, которые ее слишкомъ далеко перешагнули. Поэтому мечтатели, надѣющіеся путемъ классовой организаціи еврейскихъ рабочихъ улучшить ихъ положеніе, глубоко ошибаются: реальная жизнь отвѣчаетъ на эту попытку тѣмъ, что она выбрасываетъ изъ колеи сотни и тысячи индивидуумовъ и лишаетъ ихъ средствъ къ существованію. Между прочимъ и этотъ фактъ находится въ всякой зависимости отъ юридическаго положенія нашего еврейства: еврейскіе фабриканты при всякихъ вѣшнихъ условіяхъ будутъ враждебно относиться къ классовой организаціи рабочихъ.

Необходимо наконецъ призадуматься надъ экономическими результатами измѣненія юридическаго положенія евреевъ въ Россіи. Скажемъ, евреи пользуются уже равноправіемъ. Скажемъ, что общія условія тоже измѣнились въ смыслѣ большей свободы проявленія личной и общественной инициативы во всѣхъ ея формахъ и проявленіяхъ. Что тогда будетъ?

Евреи ремесленники, предприниматели и рабочіе могутъ пользоваться правомъ свободнаго передвиженія. Несомнѣнно еврейскіе ремесленники смогутъ улучшить свое положеніе, но только на время, т. е. до тѣхъ поръ, пока не явится сильная конкуренція сначала въ лицѣ не-еврейскихъ ремесленниковъ, а потомъ въ лицѣ крупно-капиталистическаго производства. Евреи-предприниматели смогутъ основывать фабрики и въ центральной Россіи. Имъ будетъ, несомнѣнно, «выгоднѣе и удобнѣе» имѣть на своихъ фабрикахъ рабочихъ уроженцевъ изъ не-евреевъ, чѣмъ приглашать къ себѣ рабочихъ-евреевъ изъ черты осѣдлости, которыхъ они теперь не хотятъ принимать на свои фабрики. Вѣдь экономическія соображенія останутся тогда тѣ же, что и теперь. Что же собственно измѣнится?

А вотъ что: нѣсколько тысячъ евреевъ, занятыхъ различными кустарными производствами, смогутъ поселиться, гдѣ имъ угодно будетъ и у нихъ, вѣроятно, нѣсколько тысячъ евреевъ-рабочихъ найдутъ примѣненіе своимъ силамъ.

Затѣмъ улучшится, несомнѣнно, положеніе еврейскихъ фабрикантовъ черты осѣдлости, которые смогутъ болѣе свободно развить сбытъ ихъ продуктовъ: но это поведетъ къ скорѣйшей замѣнѣ кустарныхъ формъ производства крупно-капиталистическими, т. е. къ замѣнѣ ручнаго труда механическимъ. А какое вліяніе эта трансформация имѣетъ на евреевъ-рабочихъ, мы уже знаемъ: она заканчивается лишеніемъ заработка сотенъ и тысячъ евреевъ, работающихъ въ кустарномъ производствѣ.

Наконецъ, отъ новаго положенія вещей выиграетъ весь классъ евреевъ-посредниковъ, т. е. различные торговцы, которые найдутъ болѣе широкое поле дѣятельности.

Однимъ словомъ: *главнымъ образомъ выиграютъ тѣ еврейскія группы, экономическая функція которыхъ осуждена или на полное вымирание или на значительное сокращеніе.*

Улучшеніе, слѣдовательно, довольно значительное въ началѣ, довольно скоро должно будетъ пойти обратно, пока снова не возстановится старое состояніе. Во всякомъ случаѣ рѣчи быть не можетъ о превращеніи милліоновъ «бездомныхъ еврейскихъ пролетаріевъ» въ фабричныхъ рабочихъ.

При этомъ мы все время совершенно абстрагировали отъ «хозяйственной самостоятельности христіанскаго населенія», отъ «фактическихъ ограниченій» съ «антиеврейской пропагандой или безъ нея». Мы себѣ представляли идеальное время, когда не будетъ ни эллина, ни іудея, когда, однимъ словомъ, никакого антисемитизма не будетъ. Немножко невѣроятно, но всяко бываетъ на семь свѣтѣ. Наконецъ, мечтать о такомъ времени очень пріятно.

И несмотря на всѣ эти пріятныя мечтанія мы должны прійти къ заключенію, что социальная сторона еврейскаго вопроса не только радикально, но вообще никакъ не разрѣшается, ни при данныхъ, ни при другихъ реально-возможныхъ общихъ условіяхъ жизни.

Хотя мы во всей статьѣ строго придерживались только социально-экономической стороны еврейскаго вопроса, мы всетаки не можемъ удержаться отъ краткаго указанія на національно-культурную сторону этого вопроса, тѣмъ болѣе что разбираемое нами сочиненіе удѣляетъ и этой сторонѣ проблемы довольно большое вниманіе. VI ой отдѣлъ втораго тома специально посвященъ образованію среди евреевъ. Мы теперь не будемъ заниматься этимъ вопросомъ предоставляя эту работу болѣе компетентнымъ лицамъ. Мы только укажемъ на одну маленькую черту, мастерски обрисованную авторами «Сборника», изъ культурной жизни нашего пролетаріата.

«Въ классѣ еврейскихъ ткачей очень сильно замѣтна разница между «отцами и дѣтьми». Среди болѣе пожилыхъ ткачей—значительный процентъ образованныхъ въ еврейской религіозной письменности... Но не таково молодое поколѣніе. Съ ранняго дѣтства. оторванное отъ религіознаго ученія ради куска хлѣба, оно воспитывается уже въ совершенно иномъ духѣ. Здѣсь имѣютъ силу идеи новыхъ движеній, жажда общаго образованія, удовлетворяемая частными уроками въ складчину у частныхъ учителей, а также русской и американской жаргонной литературой»¹⁾. По-вѣрно, здѣсь дѣло не въ знаніи Талмуда, а дѣло въ общемъ духѣ культуры. Получается полный разрывъ между старымъ и новымъ поколѣніемъ; этотъ разрывъ выражается не только въ количествѣ, но и въ качествѣ культуры. Еврейская культура, къ которой несомнѣнно, принадлежитъ и Талмудъ, замѣняется новой культурой имѣющей въ себѣ—въ лучшемъ случаѣ—одинъ единственный элементъ еврейской культуры голуса: жаргонный языкъ. Но жизнь на этомъ не остановится, а пойдетъ дальше и тогда отъ еврейской культуры и слѣда не останется: она должна будетъ ступеваться передъ напоромъ господствующей культуры страны.

Этимъ мимоходомъ сдѣланнымъ замѣчаніемъ, мы только хотѣли дополнить наши общіе результаты разсмотрѣнія всѣхъ данныхъ, собранныхъ объ экономическомъ положеніи евреевъ въ Россіи.

Эти результаты мы можемъ резюмировать въ слѣдующихъ пяти тезисахъ:

1) Соціальная сторона еврейскаго вопроса состоитъ въ томъ, какъ достигнуть правильнаго распредѣленія экономическихъ функций въ средѣ еврейскаго народа, т. е. его распредѣленія на классъ земледѣльцевъ, на классъ занимающихся ремесленно-фабричной промышленностью (предприниматели и рабочіе) и на классъ торговцевъ-посредниковъ, притомъ въ пропорціяхъ, гарантирующихъ прогрессивное развитіе еврейства.

2) Образованіе широкаго земледѣльческаго класса въ средѣ русскаго еврейства въ самой Россіи невозможно.

3) Превращеніе большей части еврейскаго бездомнаго пролетаріата въ фабричный пролетаріатъ невозможно ни теперь, ни при другихъ реально-возможныхъ формахъ общежитія.

4) Эта невозможность обуславливается не юридическимъ положеніемъ русскаго еврейства, а глубокими экономическими причинами, независящими отъ внѣшнихъ формъ жизни.

¹⁾ Сборникъ Т. II. стр. 189.

б) Уравненіе евреевъ въ правахъ съ общимъ населеніемъ будетъ полезно только тѣмъ евреямъ, которые заняты въ экономическихъ функціяхъ, осужденныхъ объективнымъ ходомъ вещей на вымирание или значительное сокращеніе.

VII.

Мы упустили изъ виду самый важный результатъ, логически вытекающій изъ всѣхъ данныхъ объ экономикѣ русскаго еврейства.

Существованіе еврейской національности, какъ культурной единицы—общепризнанный фактъ, по крайней мѣрѣ среди всѣхъ слоевъ русскаго еврейства. Споръ идетъ лишь о ея будущемъ развитіи. Для однихъ она существуетъ и будетъ существовать при всякихъ условіяхъ, для другихъ она *должна* существовать и поэтому они стараются создать условія, при которыхъ она *сможетъ* нормально развиваться; третьи признають фактъ ея существованія въ настоящемъ и не желаютъ думать о завтрашнемъ днѣ—лицемѣрный методъ провозглашать себя еврейскимъ націоналистомъ, а въ дѣйствительности работать въ пользу ассимиляціи; четвертые, наконецъ, исходя изъ различныхъ принциповъ приходятъ къ идентичному заключенію о необходимости для еврейскаго народа исчезнуть съ лица земли, т. е. раствориться въ господствующей культурѣ сегодняшняго или завтрашняго дня. Но если за еврействомъ признавалась культурная сторона національности, то рѣдко кто считалъ возможнымъ признать за русскимъ еврействомъ единство экономической жизни. Авторы «Сборника» теперь намъ дали неоспоримыя доказательства, опровергающія господствовавшій взглядъ.

Всѣ части еврейства связаны между собой неразрывными узами. Еврейскіе рабочіе находятъ работу почти исключительно на еврейскихъ фабрикахъ; тоже самое, если и въ немного меньшихъ размѣрахъ, можно констатировать и относительно еврейскихъ чернорабочихъ; наши ремесленники находятъ извѣстную, хотя и незначительную, помощь въ различныхъ организаціяхъ, созданныхъ еврейской инициативой; до извѣстной степени это вѣрно даже и въ примѣненіи къ еврейскимъ земледѣльцамъ; въ моментъ различныхъ кризисовъ снова мы видимъ, въ большей или меньшей степени, проявленіе солидарности между различными группами еврейства.

Въ концѣ концовъ различные еврейскіе ремесленники и рабочіе, оставшіеся по случаю войны безъ работы, находятъ извѣстную, хотя-бы и незначительную, помощь со стороны еврейства-же вмѣстѣ съ его буржуазіей: особенно интересны факты современной

жизни въ Бѣлостокѣ, Лодзи и Варшавѣ. Вѣдь и суммы, отпускаемыя изъ коробочнаго сбора, тоже еврейскія деньги. Мы, однимъ словомъ, убѣждаемся все болѣе и болѣе въ томъ, что русское еврейство связано между собой не только идеологическими узами общей культуры, но и матеріальными цѣпями общей экономики.

Если мы, слѣдовательно, пришли къ убѣжденію что наша народность, оставаясь въ діаспорѣ, не только не можетъ жить и развиваться нормально въ культурномъ отношеніи, но что она не можетъ на мѣстѣ разрѣшить народно-соціальной проблемы, что она даже экономически существовать не можетъ, какъ это ярко доказали авторы «Сборника», тогда остается придти лишь къ одному логически-необходимому заключенію: сіонизмъ—единственно радикальное рѣшеніе не только всѣхъ культурныхъ задачъ еврейства, какъ націи, но и соціальной задачи его экономического оздоровленія. Только осуществленіе сіонистскаго идеала дастъ нашему народу возможность установить въ своей средѣ нормальное распределеніе экономическихъ функцій, между прочимъ и созданиемъ широкаго класса земледѣльцевъ. По нашему мнѣнію, главная заслуга авторовъ «Сборника матеріаловъ объ экономическомъ положеніи евреевъ въ Россіи» состоитъ въ томъ, что они своимъ трудомъ дали *самое блестящее обоснованіе сіонизма съ соціально-экономической точки зрѣнія*. Выстѣ съ тѣмъ этотъ трудъ служить чудной демонстраціей теоретической вѣрности и научной цѣнности сіонизма какъ міровоззрѣнія. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, допустить, чтобы Еврейское Колонизаціонное Общество задалось цѣлью доказывать вѣрность сіонизма. Оно хотѣло только безпристрастно изслѣдовать экономическое состояніе русскихъ евреевъ. Но жизненная правда взяла верхъ.

Въ томъ то и сила научной теоріи: изученіе жизненныхъ факторовъ, съ какой бы точки зрѣнія оно не было бы предпринято, должно привести къ результатамъ, подтверждающимъ вѣрность той теоріи, которая вѣрно синтезировала жизнь.

Вотъ почему мы думаемъ, что въ настоящій моментъ шатанія умовъ въ еврейскомъ лагерѣ вообще и въ сіонистскомъ въ частности, изученіе «Сборника», изданнаго Е. К. О. доставитъ громадную пользу всѣмъ, которые вообще способны мыслить реально и безпристрастно. Къ сожалѣнію, еврейскій умъ воспитанъ не только въ «галаха», но и въ «гагада», не только логически, но и фантастически. Намъ пришлось встрѣчаться съ такими типами еврейской молодежи, которые потеряли всякое чутье реальности и въ своемъ стремленіи къ духовному содержанію доходятъ до галлюцинаціи.

А цифры имѣютъ особенное свойство: какъ ихъ ни толкуй, все таки онѣ тебя удерживаютъ въ области реальностей.

Утверждая, что сіонизмъ является единственно логическимъ результатомъ настоящаго положенія евреевъ, потому что только сіонизмъ разрѣшаетъ всѣ культурныя и соціальныя проблемы живого еврейства, мы этимъ нисколько не хотимъ сказать, что теперь намъ нечего дѣлать, какъ только проповѣдывать сіонизмъ. Такая мысль далека отъ насъ. Жизнь не ждетъ и ждать не можетъ. Если мы въ діаспорѣ не можемъ радикально рѣшить всѣхъ вопросовъ, изъ этого не слѣдуетъ, что мы не должны пытаться улучшить положеніе евреевъ сейчасъ-же, на мѣстѣ. И несомнѣнно, что въ этомъ отношеніи мы имѣемъ массу работы передъ нами. Только не надо ограничиваться общими фразами, а ясно начертать планъ, который долженъ имѣть руководящимъ принципомъ помощь личной инициативѣ страждущихъ. Поэтому мы думаемъ, что помощь кредитомъ и распространеніе профессиональныхъ знаній между ремесленниками и фабричными рабочими являются самыми лучшими средствами хоть нѣсколько улучшить положеніе извѣстной части русскаго еврейства. Правда, въ уже разъ нами цитированной статьѣ: «объ общественной организаціи помощи народному труду» ¹⁾ мы встрѣтили критику какъ разъ этихъ двухъ способовъ помощи еврейской нуждѣ. Въ этой статьѣ говорится о томъ, что земледѣльческія школы приносятъ слишкомъ мало пользы, что профессиональныя школы для ремесленниковъ тоже не много пользы приносятъ, потому что онѣ ограничиваются «помощью будущему поколѣнію ремесленниковъ, предоставляя нынѣшнее его жалкой участи», а въ то же время «оставляется совершенно безъ вниманія категория фабричныхъ рабочихъ, число которыхъ растетъ съ каждымъ годомъ». Къ сожалѣнію, мы не нашли въ этой статьѣ указаній на то, какъ собственно, ЕКО могло бы помочь «категорія фабричныхъ рабочихъ». Вѣдь не можетъ это общество заставить фабрикантовъ—не только христіанскихъ, но даже и еврейскихъ—принимать на свои фабрики евреевъ рабочихъ. Мы не думаемъ, что кто либо серьезно предложитъ теперь устройство кооперативныхъ фабрикъ, или же, чтобы ЕКО само строило фабрики. Если бы даже рѣшились на послѣднее, то это могло бы быть сдѣлано въ такихъ незначительныхъ размѣрахъ, что помощь, оказанная нашимъ рабочимъ, «число которыхъ растетъ съ каждымъ годомъ», была-бы только каплей въ морѣ.

¹⁾ «Восходъ» № 20, 1904.

Единственная помощь, которая может быть оказана рабочимъ извнѣ, состоитъ только въ подготовленіи опытныхъ мастеровъ по различнымъ отраслямъ фабричной промышленности. Эту цѣль можно достигнуть только путемъ распространенія профессиональнаго образованія, всего лучше—организацией цѣлой сѣти профессиональныхъ школъ.

Послѣднія одинаково полезны для ремесленниковъ и для рабочихъ. И это вовсе не значитъ «ограничиться помощью будущему поколѣнію», потому что молодые юноши 15—20 лѣтняго возраста уже принадлежатъ къ настоящему поколѣнію, тѣмъ болѣе, что помогая имъ, мы косвенно приходимъ на помощь и ихъ семействамъ. А на ряду съ этой мѣрой необходимо увеличить число ссудо-сберегательныхъ кассъ и другихъ кредитныхъ учреждений, которыя могутъ оказать громадную пользу какъ ремесленникамъ такъ и мелкимъ торговцамъ. Не забудемъ, что въ народномъ хозяйствѣ всѣ элементы связаны между собой: помогая мелкимъ торговцамъ, мы увеличиваемъ ихъ покупательную силу на ремесленныя произведенія и vice versa.

Что же касается нашихъ фабричныхъ рабочихъ, то они извнѣ могутъ получить помощь только полученіемъ возможности увеличить свое профессиональное образованіе. А затѣмъ остается только самопомощь.

По нашему глубокому убѣжденію наши рабочіе должны прежде всего проникнуться сознаніемъ, что ихъ интересы связаны съ интересами *еврейской* промышленности вообще, и сообразно съ этимъ должны опредѣлять свои дѣйствія.

Вмѣсто озлобленія и вражды необходимо установить взаимное пониманіе между фабрикантами и рабочими. Интересы между факторами, навѣрное, не тождественны, но это не исключаетъ возможности сглаживать противорѣчія или, по крайней мѣрѣ, *удержать ихъ на высотѣ, характерной для общей индустріи всей страны*. А теперь дѣло обстоитъ иначе. Вотъ что мы читаемъ по этому поводу въ «Сборникѣ»: «между еврейскими фабрикантами, какъ крупными такъ и кустарями, и между ихъ рабочими установились своеобразныя отношенія, не замѣчасмыя, на примѣръ, между работодателями и рабочими въ центральныхъ губерніяхъ. Въ Вѣлостокскомъ районѣ рабочій считаетъ себя равнымъ своему принципалу; онъ постоянно слѣдитъ за балансомъ своего патрона и при малѣйшемъ его повышеніи заявляетъ свои требованія. Рассказываютъ, что нѣкоторые изъ ткачей, подавая сотканный товаръ, прилагали при этомъ полную калькуляцію всѣхъ расходовъ своего принципала и его чистый

заработокъ, какъ бы упрекая своего патрона въ незначительной долѣ своего участія въ прибыли» ¹⁾). Кто хотя немного лучше съ отношеніями работодателей и рабочихъ въ другихъ странахъ Западной Европы, даже въ такихъ, гдѣ рабочіе имѣютъ могущественныя организаціи, какъ напримѣръ въ Англии, Франціи или Германіи, согласится съ нами, если мы скажемъ, что не только «въ центральныхъ губерніяхъ» такихъ отношеній нѣтъ, но нигдѣ въ Европѣ ихъ нѣтъ и быть не можетъ. Уже потому одному, что европейскій рабочий знаетъ, что не такимъ путемъ можно достигнуть увеличенія заработной платы.

Но какъ бы тамъ ни было въ другихъ странахъ, каждая страна имѣетъ свое опредѣленное отношеніе между фабрикантами и рабочими, такъ сказать, опредѣленную высоту отношеній, которую перескочить могутъ только спеціальныя рабочіе, пользующіеся монополіей своего искусства. Результатомъ установившихся въ Бѣлостокскомъ районѣ отношеній можетъ быть только одно: замѣна еврейскихъ рабочихъ не-еврейскими, что на самомъ дѣлѣ и замѣчается.

Отмѣтимъ здѣсь, между прочимъ, фактъ, указываемый всѣми наблюдателями индустріальной жизни различныхъ странъ: чѣмъ рабочіе развитѣе, чѣмъ болѣе они понимаютъ свои интересы и чѣмъ они сильнѣе, тѣмъ внимательнѣе они относятся къ интересамъ работодателей и къ колебаніямъ всемірнаго рынка. Вотъ почему англійскіе рабочіе не дѣлали стачекъ во время трансваальской войны, вотъ почему нѣкоторые изъ ихъ представителей не совѣмъ отрицательно относятся къ политикѣ таможенныхъ пошлинъ, наконецъ, вотъ почему вообще идея арбитража (третейскаго суда) начинаетъ все болѣе и болѣе проникать въ отношенія между работодателями и рабочими. Мы смѣемъ думать, что именно въ сферѣ еврейской индустріи эта идея арбитража можетъ найти благодарное поле примѣненія.

Мы, понятно, имѣемъ въ виду только экономическую сторону вопроса. Мы, въ данномъ случаѣ, не желаемъ коснуться другой стороны вопроса: чисто идеологической, создаваемой сіонизмомъ, который объединяетъ и долженъ объединить всѣ слои еврейства въ общемъ стремленіи къ новой, независимой жизни. Мы думаемъ, что даже съ точки зрѣнія узко-экономическихъ, злободневныхъ интересовъ евреевъ-рабочихъ, рѣзкіе конфликты съ работодателями должны всегда являться *ultima ratio*, послѣднимъ средствомъ, и что, наобо-

¹⁾ Сборникъ т. II, стр. 188.

ротъ, нормой долженъ служить арбитражъ. И при этомъ способѣ мы не разрѣшимъ радикально вопроса, но мы несомнѣнно откроемъ больше еврейскихъ фабрикъ для нашего пролетаріата, чѣмъ теперь.

Тогда можно будетъ общими силами сдѣлать многое для улучшения печальной участи громадной части бѣдствующаго еврейства. Не здѣсь мѣсто представлять программу дѣйствій: не это цѣль настоящей статьи, тѣмъ болѣе что мы уже разъ говорили объ этомъ на страницахъ «Евр. Жизни».

Мы только хотѣли указать на то, что если статистическія изслѣдованія экономическаго положенія евреевъ въ Россіи намъ доказали, что сіонизмъ является единственно возможнымъ рѣшеніемъ соціальной стороны еврейскаго вопроса, то въ то же время они указываютъ намъ цѣлый рядъ палліативовъ, могущихъ хотя отчасти улучшить экономическое состояніе евреевъ.

Въ основѣ всѣхъ этихъ палліативовъ лежитъ самодѣятельность объединеннаго еврейства съ одной стороны, взаимопомощь между его составными частями съ другой стороны.

Въ началѣ статьи мы заявили, что цифры можно толковать различно въ зависимости отъ исходной точки зрѣнія. Мы стоимъ на сіонистской точкѣ зрѣнія. Но мы, въ концѣ концовъ, глубоко убѣждены, что мы не насилывали цифръ, чтобы доказать вѣрность нашего міровоззрѣнія.

Впрочемъ, пусть судить объ этомъ непредубѣжденный читатель.

Д. Пасманикъ.

Прологъ къ роману „Цирндорфскіе еврей“.

Якова Вассермана.

(Окончаніе ¹⁾).

Ночь превратилась въ шумный день на улицахъ и площадяхъ Фюрта. На каждомъ шагу можно было наткнуться на возбужденную толпу людей. Изъ сосѣднихъ сель и деревень прибыли евреи. Никто не зналъ какимъ образомъ такъ быстро распространилось извѣстіе о чудѣ, происшедшемъ на кладбищѣ въ Фюртѣ. Два еврея, Рамуиль Ермрейтеръ и Нахманъ Сандель, разостлали на улицѣ большіе цѣнные ковры и усыпали ихъ цвѣтами: розы, левкой, гвоздики, орхидеи были доставлены изъ оранжерей извѣстнаго садовника. На окнахъ, обвивая стоящіе на подоконникахъ золотые и серебряные подсвѣчники, висѣли гирлянды цвѣтовъ;— все это мало гармонировало съ видомъ старыхъ ветхихъ лачугъ. Шире и шире, подобно бурному потоку, разливалось волненіе толпы. Давидъ Тишбекъ, умный, опытный, много путешествовавшій еврей, рассказывалъ на площади, что вездѣ въ Германіи, Австріи, Итали и Испаніи, царитъ возбужденіе, замѣшательство настолько сильное, что никто не знаетъ, не впалъ ли въ безуміе его сосѣдъ, жена, сынъ или дочь. Самый воздухъ, казалось, превратился въ тяжелое, бьющее въ голову вино, и всякій, дышащій имъ, пьянѣетъ. Никто не оставался трезвъ. Всѣ потеряли разумъ, и короли трепещутъ за свой тронъ.

При первомъ проблескѣ зари Захарія Нааръ проходилъ мимо дома главнаго раввина, въ которомъ еще горѣли свѣчи. Сдавленные хриплые призывы, дикіе крики, страстныя молитвы, болѣзненные стоны доносились оттуда. Нааръ, погруженный въ

¹⁾ См. „Евр. Ж.“, Октябрь.

свои мысли, спокойно прошелъ мимо, направляясь къ западу; дома вскорѣ исчезли въ утреннемъ туманѣ. Худой мужчина въ своемъ цилиндрообразномъ головномъ уборѣ, оранжевомъ съ бѣлымъ кантомъ по модѣ того времени, шелъ подѣ низко свисающими вѣтвями деревьевъ, задѣвая высокой шляпой желтые поблекшіе листья. Захарія Нааръ уѣлся подѣ яблоней и сталъ смотрѣть на востокъ. Равнина, казалось, вытягивалась и расширялась; сонъ покидалъ ее въ образѣ воронъ и вороновъ. Нааръ вытащилъ изъ кармана черную доску и грифель и задумчивый сталъ набрасывать буквы и слова сначала медленно, а потомъ все рѣшительнѣе, все быстрѣе: „Мои уста молчатъ, какъ уста убійцы. Мой духъ взываетъ къ тебѣ. Блѣдное утро опускаетъ свои дрожащія вѣки, потому что ты приближаешься. Ты еще спишь, и я цѣлую твою одежду сквозь зеленатое мерцанье ранняго утра. Что предѣ тобой сила и храбрость, гордость и удовлетвореніе? Могу ли я встрѣтить наступающій день съ улыбкой, если ты уходишь? Любовь шествуетъ ликуя къ мраку и презираетъ туманный день. Что есть на землѣ и на небесахъ внѣ любви? Тайный жаръ, которымъ дышетъ земля, горитъ въ тебѣ. Я погружаюсь сумерками въ безконечное одиночество великой вѣчности. Я иду искать Бога“. Онъ быстро вычеркнулъ все написанное, затѣмъ вытеръ доску влажной травой и опять началъ писать грифелемъ, осторожно и напряженно, какъ бы вырѣзая каждое слово: „Есть ли Богъ въ этой пустой вселенной? Я взываю къ нему, я хочу принести ему въ жертву весь пылъ моей души. Есть ли Богъ, мстящій за зло, за униженную гордость, Богъ, смиряющій надменнаго вельможу? Есть ли милосердный отецъ, который тушитъ огонь, пожирающій крышу бѣдняка, охраняетъ спящаго на голой землѣ, даетъ конуру мерзнущей собацѣ? Я призываю Тебя, Вѣчный, а Твой міръ, Твои свѣтила отрицаютъ Тебя. Я ишу и нигдѣ не могу найти тебя. Небо молчитъ, когда я зову Тебя; неподвижно молчатъ и лѣса. Одинъ шелъ я темной ночью; мракъ служилъ мнѣ покровомъ, онъ же прикрывалъ и мою скорбь; обширно и бездонно море, безмѣрно тянутся небеса, но Тебя нѣтъ. Тысячелѣтія исчезаютъ, какъ улыбка, добрые превращаются въ злыхъ, обманщики и лжецы въ пророковъ. Но оставь свой народъ, дай ему бѣжать къ безднѣ смерти. Гдѣ ты, Господь? Или ты тамъ, гдѣ годъ не имѣетъ значенія времени и безконечность разрушается, какъ трупъ? Не тамъ ли ты, гдѣ солнце восходитъ на западѣ и гдѣ луна свѣтитъ изъ глубины? Или ты на пиршествѣ мертвыхъ проспалъ новый

разсвѣтъ міра? О, куда мнѣ бѣжать? Небо только во мнѣ. Гдѣ просторъ для моей души“?

Исписавъ всю доску, Захарія Нааръ швырнулъ ея въ дерево, а осколки разбросалъ во всѣ стороны. Затѣмъ онъ поднялся и пошелъ по направленію къ домамъ.

Близъ городскихъ воротъ онъ встрѣтилъ шествіе изъ еврейскихъ мушинъ и женщинъ съ горящими свѣчами въ рукахъ. Четыре дѣвушки несли красный балдахинъ, подъ которымъ шагали мальчикъ и дѣвочка, почти дѣти. Ихъ должны были обвѣнчать. По повѣрію того времени, такой бракъ дѣлалъ еще не рожденныя души тѣлесными и устранялъ, такимъ образомъ, послѣднюю помѣху къ наступленію царства Божьего. Дѣти—Веньяминъ и Ева,—держались крѣпко за руки, глаза ихъ были полны слезъ; встрѣчаясь глазами, они улыбались грустно и тоскливо, какъ дѣти, которымъ грозитъ незаслуженное и неизбежное наказаніе.

— Къ чему они носятъ свѣчи? сказалъ маленькій Веньяминъ.

— Безъ этого нельзя вѣнчаться, возразила Ева, впрочемъ, я рада,—добавила она задумчиво,—я уже давно хотѣла выйти замужъ, со мной всѣ такъ плохо обращаются.

— Всѣ дѣвочки и мальчики будутъ повѣнчаны, прошептавъ въ отвѣтъ мальчикъ,—они ждутъ насъ на школьномъ дворѣ.

Жгучая краска залила вдругъ лицо Евы.

На улицѣ показалась красавица Ноэми со своей подругой, обѣ нагія, и, несмотря на холодный воздухъ осенняго утра, ихъ тѣла казались горячими отъ танцевъ и движеній. Какъ бы въ дурманѣ, бѣгали онѣ по улицѣ съ граціей газели, и въ каждомъ движеніи ихъ было что то дикое, сильное и въ звукахъ ихъ голосовъ таилось что-то вакхическое. Маленькая Ева не знала, куда дѣваться отъ стыда и, въ отчаяніи, она одной рукой обняла шею мальчика, а другой, свободной, прикрыла ему глаза.

Оригинальное свадебное шествіе скрылось въ толпѣ. По площади тянулась дѣтская процессія; каждый ребенокъ несъ тяжелое блюдо южныхъ плодовъ, или чашу съ виномъ и печеньемъ. Это предназначалось, во имя Мессіи, для нищихъ и голодныхъ. Въ эти дни безумія христіане также не занимались своими дѣлами. Даже самый могущественный не посмѣлъ ни осмѣять, ни потушить страстное пламя, охватившее презрѣнный и ненавистный еврейскій народъ. Еврейскіе мелодіи раздавались во многихъ домахъ, зажигая души слабыхъ и робкихъ. Чужіе музыканты приходили неизвестно откуда и играли на невиданныхъ

до сихъ поръ инструментахъ. Все носило волшебный, сверхъестественный, возбуждающій отпечатокъ.

На площади у церкви произошло нѣчто неслыханное. Молодой красивой дѣвушкѣ явилось видѣніе, гласившее, что звѣри также войдутъ въ царство Мессіи. Дѣвушка расхаживала съ огромной собакой, пѣла дикія пѣсни или издавала восторженные возгласы. Окружавшіе ее были частью возмущены, частью потрясены или изумлены, но всѣ стояли вокругъ блѣдные и дрожащіе отъ ужаса. Въ синагогѣ трубили шофаръ—и эти звуки носились по всѣмъ улицамъ, надъ всѣми домами, какъ одинокій кличъ къ пробужденію, какъ зовъ изъ мрачныхъ глубинъ каббалы. Появилась Цирль съ короной на головѣ, окруженная свитой, какъ настоящая царица. Она очаровывала всѣхъ, и каждый невольно вѣрилъ въ нее, какъ въ самага избавителя. Молодой христіанинъ, по имени Вагензейль, сынъ пастора, слѣдовалъ за ней, какъ очарованный. Наконецъ, онъ запѣлъ въ поэтическихъ образахъ хвалу Саббатаю, и Цирль вняла его мольбѣ прежде, чѣмъ день склонился къ вечеру. Робость была чужда ея существу. Въ каждомъ ея жестѣ было что-то блестящее. Мужчины теряли разсудокъ, стоя передъ ней, а ореолъ невѣсты Мессіи придавалъ ея словамъ отпечатокъ неодолимости. Она обходила постыющихся и приводила ихъ въ себя. Многіе валялись цѣлыми днями на землѣ, воздерживаясь отъ всякой пищи, другіе сидѣли неподвижно въ темныхъ углахъ сырыхъ подваловъ, наслаждаясь видѣніями, галлюцинаціями или, какъ они говорили, „лучезарными ночами“. Избѣгая дьявольскихъ искушеній, они наполняли ночной воздухъ жалобными пѣснями. Безъ усталы изучали они всѣ книги каббалы, изыскивая все новыя и чудесныя толкованія главъ Талмуда. А жены предавались, въ свободные отъ оргій дни, безграничному фанатизму. Онѣ проповѣдывали на базарѣ и, съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, побуждали толпу къ бесполезнымъ жестокостямъ, осыпая христіанъ горькими проклятiями. Дѣти, даже самыя маленькія, были предоставлены самимъ себѣ; многіе грудные младенцы тщетно кричали цѣлыми днями и умирали въ большомъ количествѣ. Голодъ и изобиліе, роскошь и нищета подали другъ другу руки. Правильныя богослуженія болѣе не происходили, и если толпа молилась у алтаря, то эта молитва походила на оскорбленіе стараго Бога. Цыгане шатались по городу и еще болѣе увеличивали замѣшательство и панику. Папа и король послали сюда, какъ и въ другіе города, чиновниковъ и пословъ, но они должны были вернуться, ничего не сдѣлавъ.

Свободный городъ Нюрнбергъ послалъ начальника во главѣ 50 всадниковъ, но въ тотъ же вечеръ можно было видѣть капитана и весь отрядъ, шатающимися съ пьяными криками по городу. У самой рѣки жилъ почтенный христіанинъ, славившійся своей ученостью. Онъ въ совершенствѣ владѣлъ классическими языками и занимался также астрологіей и алхиміей. Многіе утверждали, что онъ уже давно открылъ камень мудрости и продалъ его за безчисленные сокровища турецкому султану. Вотъ этотъ ученый, когда его спросили, что онъ думаетъ о возбужденіи среди евреевъ, сказалъ:

— Еврей—дикое животное. Какъ только вы его выпустите изъ клѣтки, онъ васъ сожретъ живьемъ. Но пока вы держите его въ клѣткѣ, онъ кротокъ, какъ собака. Еврей уменъ и хитеръ: если вы его разрубите пополамъ, то изъ подъ вашего топора выползутъ мѣдьяницы.

Никогда еще анархія не угрожала такъ народамъ, какъ въ это время демонизма и экстаза. Когда пронеслась вѣсть, что евреи Франкфурта, Майнца и Вормса готовятся къ переселенію въ Сіонъ, всѣхъ охватило настроеніе, подобное долгому пламенному благоговѣнію. Вся вѣковая тоска вылилась въ стремленіи къ одной цѣли;— каждый думалъ: и я послѣдую зову пророка.

Въ тотъ же день Рахиль лежала въ глухой апатіи на диванѣ и равнодушно смотрѣла сквозь оконныя стекла на вечернее небо. Дома никого не было: Рахиль уже два дня не видала матери; отецъ тоже ушелъ съ утра изъ дому. Въ послѣднее время о ней никто не заботился—ни одна изъ женщинъ болѣе не заглядывала, чтобы посидѣть у ея дивана. Но она объ этомъ не думала. Она была рада наступающей ночи, когда ничего не будетъ видно и, пожалуй, можно будетъ заснуть.

Когда стемнѣло, пришелъ домой Мсеръ-Натанъ. Онъ былъ разстроены и часто безпричинно смѣялся. При свѣтѣ масляной лампы, онъ пересчиталъ свои деньги и зарылъ сундукъ съ драгоценностями и жемчугомъ во дворѣ близъ колодца. Разгоряченный работой, пыхтя и задыхаясь, онъ взобрался къ дочери и съѣлъ возлѣ нея. Онъ вздыхалъ, тербилъ волосы, махалъ руками въ воздухѣ, и вдругъ разразился жалобнымъ плачемъ. Рахиль не двинулась съ мѣста. Она привыкла къ такимъ сценамъ съ тѣхъ поръ какъ появилась Цирль.

— Шатай, Шатай милостивый, кричалъ, плача, Кнекеръ,—я слышалъ небесный голосъ, я его такъ ясно слышалъ собствен-

ными ушами. Пусть меня Господь накажетъ, но моя Рахиль вѣдь не распутница.

Онъ сталъ на колѣни предъ Рахилью, гладить ея волосы и шепталъ.

— Ты вѣдь моя Рахиль, мое дитяtko, мой добрый ангелъ. Чертъ съ ними, съ дураками, которые вѣрятъ въ фальшивую невѣсту. Пусть она умретъ, пусть ее поразитъ язва!

Онъ вдругъ поднялся и бросился бѣжать, какъ преслѣдуемый дикими животными.

Ночь была темная и бурная. Съ юга проносились бурные вѣтры, которые гудѣли въ равнинѣ, подобно рокочущему водопаду. Мѣсяцъ слабо улыбался сквозь надорванныя облака. Казалось, что онъ самъ разорвалъ ихъ и разогналъ по небеснымъ равнинамъ. Около полуночи разразилась осенняя буря. Тяжелый сѣрый, поглощающій свѣтъ, туманъ нависъ надъ землей, и молніи разсѣкали его своимъ мягкимъ блѣдно-желтымъ сіяніемъ. Рахиль наблюдала за погодой и ужасъ все болѣе овладѣвалъ ею. На дворѣ позади дома птица подняла шумъ, кудахтала, хлоптала наперерывъ, и пѣтухъ кричалъ во все горло. Вдали завывали собаки.

Рахиль была утомлена. Ее мало задѣвало все то, что происходило внѣ ея. Она ни во что не вѣрила: среди толпы безумныхъ она одна оставалась спокойной и разумной. Но она боялась будущаго. Она думала: „если они все узнаютъ, они меня закидаютъ камнями. И что станетъ съ ребенкомъ?“ Эти мысли ее терзали. Около двухъ часовъ, когда буря немного затихла, раздались звуки шофера, призывающіе евреевъ на синагогальный дворъ. Здѣсь Захарія Нааръ прочиталъ письмо Саббатаея къ его невѣстѣ Цирль, которую онъ называлъ Циллой. Это было пламенное страстное любовное стихотвореніе въ концѣ котораго сказано было, что онъ ждетъ ее со всѣмъ ея народомъ и тѣми евреями, которые возстанутъ изъ мертвыхъ къ 17 му Таммузу въ Салоникахъ. Прочитавъ письмо, Захарія Нааръ предложилъ общинѣ три вопроса: хотять ли они довѣрить свою жизнь и состояніе Мессіи? Не остановитъ ли ихъ страхъ предъ трудностями длиннаго пути? Готовы ли они безъ колебанія и ропота признать божественность невѣсты Мессіи и подчиняться ея приказаніямъ? Тихое, дрожащее *да*, произнесенное многими сотнями устъ, послужило ему отвѣтомъ. Тогда Цирль выступила въ середину круга, благоговѣйно подняла руки, и ея страстная горячая молитва понеслась къ небесамъ, обдавая всѣхъ слушателей горячею:

волной желанія и тоски по тому новому, великому и чудесному, которое ихъ ждеть. Они еще не знали ничего положительнаго, но и того, что они видѣли, было достаточно, чтобы вѣрить и идти навстрѣчу Приходящему съ пламеннымъ и безграничнымъ увлеченіемъ. Ликуя, хотѣли они покинуть страну, которая не имѣла для нихъ ничего, кромѣ презрѣнія и нечеловѣческихъ жестокостей. Оставить все позади себя и уйти казалось легкимъ, когда на востокъ манятъ богатыя настища наслѣдственныхъ усадебъ, и когда божественный пророкъ зоветъ для заключенія неразрывнаго союза.

Эта страна, здѣсь, не была для нихъ родиной и не могла ею стать, какъ бы времена ни перемѣнились.

Старѣйшины общины объявили, что они готовы покинуть насиженные мѣста; съ наступленіемъ дня должны были начаться сборы. Когда толпа стала расходиться, Мееръ-Натанъ Кнекеръ вдругъ бросился къ Цирль, схватилъ ее за волосы и бросилъ на землю. Возмущенные и негодующіе зрители разорвали бы его на куски, если бы не жена его Тельзела и не добродѣтельная Трейна, жена раввина, которыя бросились къ нему и стали умолять толпу о пощадѣ.

Первые лучи утренняго солнца мрачно загорѣлись на востокѣ подобно отблеску далекаго пожарища. Высоко въ небесахъ тянулись стаи птицъ, наполняя воздухъ короткимъ звонкимъ чириканьемъ.

Мееръ-Натанъ, вернувшись домой, нашель свою дочь спящей. Но при его появленіи она проснулась и открыла глаза. Ея взглядъ былъ запуганъ, робокъ и возбужденъ.

— Ну, слава Богу, я ее отдѣлалъ, заявилъ онъ, сіяя отъ радости,—я ей вырвалъ волосы, этой ложной невѣстѣ. — Онъ пристально посмотрѣлъ на Рахиль и, озабоченно кивая головой, спросилъ Тельзелу сколько, времени еще можетъ пройти до родовъ.

Несчастливая женщина, внѣ себя отъ горя, отвѣчала, что она этого не знаетъ; во всякомъ случаѣ, не менѣе 4—6 недѣль. Въ полдень пришелъ главный раввинъ, сопровождаемый пятью старѣйшинами. Въ рѣзкихъ словахъ сталъ онъ допрашивать Кнекера и выразилъ подъ конецъ сомнѣніе въ томъ, что послѣдній дѣйствительно слышалъ голосъ съ неба. Кнекеръ при этомъ предположеніи совершенно вышелъ изъ себя. Его страстныя увѣренія и скорбныя подтвержденія со стороны Тельзелы смягчили раввина: Хаимъ Рапортъ благодушно замѣтилъ, что можно

подождать до конца беременности, что не исключена возможность въ томъ, что Мессіи предназначены двѣ невѣсты, хотя Захарія Нааръ и является противникомъ этого взгляда.

На Меера-Натана съ этихъ поръ стали смотрѣть подозрительно и недружелюбно; его прежніе друзья старались его избѣгать. Лишь живая, возбужденная, муравьиная дѣятельность, царившая повсюду, спасала его отъ худшаго. Но онъ все же нигдѣ не находилъ себѣ покоя.

Незавидное положеніе, которое онъ занялъ, причиняло ему мучительную боль. Онъ обходилъ всѣхъ своихъ должниковъ, ругался и грозилъ подать въ судъ.

Затѣмъ онъ быстрымъ шагомъ спѣшилъ домой въ погребъ къ своимъ сокровищамъ, векселямъ и закладнымъ. Видя себя окруженнымъ презрѣніемъ, онъ почувствовалъ еще большую любовь къ своимъ сокровищамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ все росла вѣра въ священную миссію дочери, и онъ съ злобнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ рожденія божественной внучки, убѣжденный, что въ небесныхъ указахъ недостатка не будетъ.

Вечеромъ 4-го ноября, у воротъ одного дома стояли Аншель Обадія и Гутцль-Давидъ и шопотомъ жаловались другъ другу на полное отсутствіе богослуженія.

Праздникъ Кушей, вносившій въ теченіи столѣтій идиллическое очарованіе въ еврейскую жизнь, на этотъ разъ прошелъ незамѣтно, потерявшись въ шумѣ и хлопотахъ наступающаго великаго переселенія. Широкіе, купленные у крестьянъ возы непрерывно грохотали мимо еврейскихъ домовъ. Голоса возницъ смѣшивались съ визгомъ женщинъ; лошади, коровы, ослы продавались послѣ шумныхъ торговъ; на улицахъ валялись разбитая посуда, пустые ящики, лохмотья, тряпки, солома, бумага и щепки. Проходящіе мимо христіане глядѣли мрачно и казалось изыскивали средства для прекращенія всѣхъ этихъ сборовъ.

На одномъ изъ пустыхъ ящичковъ, сидѣлъ, задумчиво болтая ногами, маленькій Веніаминъ. Онъ думалъ: „куда же дѣвалась Ева?“ Ему было жутко. Въ открытое окно Меера-Ламдена онъ увидалъ, какъ обвязанныя бѣлыми платками, женщины суетились, вынимая изъ шкафовъ вещи и упаковывая посуду; онъ прислушивался къ звону серебра, къ ударамъ топора и молота. А рядомъ стоялъ домъ Самуила Ермрейтера, который велѣлъ сыновьямъ снести крышу, чтобы христіане не воспользовались остатками его имущества. У Ицика Генсхенкера собрались молодья дѣвушки, которыя прилежно шили парусиновыя палатки

для кибитокъ и дорожныя платья, распѣвая при этомъ старинныя пѣсни. Черезъ главныя улицы города непрерывно тянулась толпа бѣдныхъ евреевъ изъ другихъ городовъ; ихъ возбужденіе было такъ сильно, что они отдыхали лишь столько времени, сколько необходимо было для совершенія молитвы. А затѣмъ они спѣшили дальше, унося съ собой свое жалкое имущество.

Еле волоча ноги, грустно ходилъ маленькій Веніаминъ мимо домовъ. Онъ заглянулъ въ сады, гдѣ цвѣты давно завяли и листья густымъ слоемъ покрыли землю. Разъ онъ увидѣлъ маленькую Еву, поспѣшно проходящую по улицѣ и съ восторгомъ бросилъ къ ней. Но малютка съ озабоченнымъ видомъ покачала головой и заявила, что она слишкомъ занята, что ей некогда болтать. Веніаминъ былъ голоденъ. Дома ему не дали вѣсть; онъ пошелъ на берегъ рѣки, гдѣ росли орѣхи, думая ими утолить свой голодъ. Веніаминъ принадлежалъ къ разряду дѣтей всегда живущихъ въ мірѣ фантазіи, дѣтей, которымъ жизнь даетъ такъ мало, что они обречены на гибель. И, несмотря на свое тоскливое настроеніе, онъ мигомъ перенесся въ прелестный и чарующій міръ, яркія краски, блескъ и геройство, созданные фантазіей, привели его въ восторгъ и всколыхнули въ бурной тоскѣ его маленькое сердце. Онъ думалъ, задыхаясь отъ волненія, объ обѣтованной землѣ, гдѣ нѣтъ ни христіанъ, ни городскихъ старшинъ, ни пытокъ, ни наказаній. Онъ помнитъ ясно, какъ однажды, его отецъ былъ заподозрѣнъ въ кражѣ солнечныхъ часовъ и преданъ пыткѣ. А его дядя былъ изгнанъ изъ Нюрнберга ударами прутьевъ за то, что онъ тамъ разъ переночевалъ. А мать рассказывала, что ея тетку сожгли на кострѣ, какъ колдунью, хотя она была набожная и кроткая женщина. Эти рассказы вызвали въ немъ мечты о томъ времени, когда онъ будетъ силенъ и могучъ.

Со стороны еврейскихъ домовъ къ нему донеслась ликующая пѣсня. Веніаминъ, прислушиваясь къ пѣнію, сталъ думать о томъ, почему евреи, собственно говоря, такъ презираемы? Но онъ не могъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Въ глубинѣ души ему было больно покинуть эти поля и уйти Богъ вѣсть, какъ далеко. Здѣсь такъ красиво! Какъ привольно и широко раскинулась земля. Сѣрый матовый туманъ окуталъ далекія пашни, а тамъ, за ними высится Нюрнбергъ съ его мощной крѣпостью, толстыми стѣнами, и стройными гордыми куполами. „Всѣ дома вѣрно высѣчены изъ мрамора,—а ковры и обильное золото, а дивныя лошади и военныя игры, а ярмарка на насыпи,—какъ не-

стро, какъ измѣнчиво, какъ полно все это радости и блеска“. Земля и небо мало-по-малу потонули въ сумеркахъ. Веніаминъ пошелъ обратно. Тупая, какъ-бы угрожающая хлопотливость, все нарастающая и замѣтная повсюду, пробудила въ мальчикѣ неопредѣленный страхъ. У калитки ближайшаго сада лежалъ камень, на который онъ опустился, истощенный голодомъ и продолжительной прогулкой. Самсонъ Вейншенкъ и его семья уложили свои вещи на двухъ подводахъ и сидѣли теперь въ пустыхъ комнатахъ. Давидъ Тшибекъ, Самуиль Шренцъ, Гутцль, Давидъ, Кезбайеръ, и всѣ другіе евреи были уже готовы и собирались навсегда покинуть долину Пегница. Мальчикъ какъ будто почувствовалъ цѣлый рядъ тяжелыхъ судебъ,—до того онъ былъ грустенъ и озабоченъ; но потомъ на него опять нахлынула сказочная волна, которая придавала всякому событію другую окраску; вотъ на его глазахъ вырастаютъ рядомъ съ каждымъ предметомъ огромные кусты цвѣтовъ, вотъ до его слуха доносится заунывная прекрасная музыка, которая непрерывно раздается на жалкихъ лицахъ еврейскаго гетто...

Мальчикъ поднялъ глаза и увидаль Рахиль Кнекеръ, которая приближалась тяжелыми, но быстрыми шагами. Она хотѣла пройти мимо, но Веніаминъ ее окликнулъ. Она вздрогнула, махнула рукой и пошла впередъ по направленію къ христіанскимъ домамъ. Но потомъ она, какъ будто о чемъ-то вспомнила, остановилась и присѣла къ Веніамину на камень.

— Завтра уже тронутся въ путь, ты это знаешь, мальчикъ?—Она не выговаривала буквы р, и это придавало ея голосу, что-то трогательное. Огвѣта она, казалось, не слыхала. Видно было, что она опять погрузилась въ свои мысли. Веніаминъ видѣлъ, какъ она закрыла лицо руками, какъ ея локти отъ неудобной позы опустились глубоко въ складки платья. Онъ вспомнилъ, что законъ запрещаетъ сидѣть такъ низко, — лишь оплакивающіе близкаго покойника могутъ такъ сидѣть. И онъ поспѣшно вскочилъ на ноги. Но не успѣлъ онъ встать, какъ молодая дѣвушка порывисто схватила его за руку, притянула къ себѣ и страстно прильнула горячими сухими губами къ его устамъ. Веніамину казалось, что онъ куда-то проваливается, на лбу его выступили крупныя капли пота, которыя кололи его, какъ иголки. Онъ слышалъ, какъ громко бьется сердце Рахили; теплота ея тѣла согрѣвала его; волна ея волосъ залила его голову. Вотъ на его щеку упали теплыя влажныя капли. Онъ догадался, что это слезы лишь тогда, когда услышалъ громкое ры-

данье дѣвушки. Вдругъ Рахиль встала, рѣзко оттолкнула его и пошла впередъ. Но она тотчасъ же вернулась. Ея голосъ былъ спокоенъ, но очевидно было, что она чувствуетъ себя крайне неловко:

— Не говори никому, куда я пошла, пробормотала она. Господь вознаградитъ тебя за это.

На Розовой улицѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь сиротская синагога, стоялъ небольшой зеленый домикъ. Въ немъ жилъ Томасъ-Петръ Гуммель. Было темно и Рахиль ошупью добралась къ дверямъ. Она сама не знала, почему ей вспомнился стихъ изъ талмуда: „я нарушу ихъ ликованье и ихъ празднества“.

Изъ задней комнаты доносились хриплое пѣнье, гулъ голо-совъ, неопредѣленный шумъ, чоканье и звонъ стакановъ. Потомъ все сразу смолкло. Мягкій, гибкій теноръ затянулъ пѣсню. Рахиль знала этотъ обольстительный голосъ, противъ котораго, какъ ей казалось, никто не въ силахъ устоять. Это былъ голосъ, о которомъ она мечтала долгими ночами. Онъ пѣлъ старую пѣсню, полную грусти и смертельной тоски. Тому, кто ее пѣлъ, не могутъ быть чужды муки любви. Точно птичка, для которой вся жизнь—свобода, попала въ тѣсную клѣтку и отъ попытокъ взлетѣть на воздухъ обинаетъ себѣ крылья. Пѣсня уже давно кончилась, но Рахиль все еще стояла неподвижно. Узкая полоска свѣта, падающая черезъ пріоткрытую дверь, освѣщала ея лицо. Вдругъ дверь открылась, и на порогѣ появился съ кувшиномъ изъ подъ вина въ рукѣ веселый и оживленный Томасъ-Петръ Гуммель. Комната утопала въ густыхъ облакахъ дыма, такъ какъ всѣ молодые люди курили трубки. Гуммель закрылъ за собой дверь и зажегъ при помощи кремня свѣчу, чтобы спуститься въ погребъ. Когда онъ со свѣчей въ рукахъ повернулся, онъ замѣтилъ Рахиль. Юноша поблѣднѣлъ и не могъ произнести ни слова. Его маленькій ротъ сжался, а зрачки глазъ расширились, какъ у кошки. Наконецъ, онъ издалъ глухой вопросительный звукъ.

— Мы уѣзжаемъ отсюда, прошептала Рахиль, и голова ея опустилась на грудь. Студентъ незамѣтно улыбнулся подъ своими черными кокетливыми усиками и сказалъ,—что у себя въ комнатѣ онъ ее не можетъ принять,—пусть сойдетъ съ нимъ въ погребъ. Онъ побѣждалъ обратно, выдумалъ какой то предлогъ, для пирующихъ товарищей, чтобы можно было больше времени пробыть въ отсутствіи, и сейчасъ-же вернулся. Рахиль послѣдовала за нимъ въ сырой погребъ. Гуммель усадилъ ее на пустой боче-

но ѣ, взявъ ее за руку и сталъ ей мягко и красиво говорить. Красиво говорить это было его искусство. Въ такіе моменты онъ забывалъ себя и другихъ, даже цѣль своей рѣчи; онъ затрагивалъ сотни вещей, которыхъ ни одинъ человекъ не могъ предвидѣть, перескакивалъ съ предмета на предметъ, не прерывая ни на минуту потока своей рѣчи, вставлялъ вмѣсто собственного мнѣнія ученую цитату, рассказывалъ поучительную исторію, созданную фантазіей, словомъ, онъ владѣлъ рѣчью въ такомъ совершенствѣ, что въ самое короткое время успѣлъ выставить большое несчастье незначительнымъ. При этомъ его рѣчь была убѣдительна, мягка и поучительна. Его движенія были предупредительны и закруглены, умѣрены и доброжелательны. Онъ казался олицетвореніемъ любви и безкорыстія, все что онъ говорилъ было такъ закончено, что слушатель забывалъ свое горе и чувствовалъ себя насыщеннымъ этимъ потокомъ словъ, какъ будто бы онъ вкусилъ изъ всѣхъ яствъ за столомъ великаго могола.

Рахиль встала, подала студенту руку и пошла, какъ разъ въ то время, когда слышались голоса и шаги нетерпѣливыхъ студентовъ. Она вышла въ темную ночь. Смутно помнила она, что Гуммель просилъ ее предупредить евреевъ, что противъ нихъ что то затѣвается, но ее это мало трогало. Она чувствовала себя мертвымъ орудіемъ въ чужой сильной рукѣ. Она думала о возлюбленномъ, съ которымъ она только что такъ странно простилась на вѣки,—и при этой мысли она задрожала всѣмъ тѣломъ и ея сердце мучительно сжалось въ груди.

Ночь была темная и холодная. Облака съ ихъ желтоватымъ свѣтомъ таили въ своихъ неопредѣленныхъ очертаніяхъ что то таинственное и индивидуальное. У многихъ христіанскихъ домовъ стояли мужчины, обсуждая, очевидно, событія въ еврейскомъ кварталѣ. Они казались озабоченными; хотя они и ненавидѣли евреевъ, но всѣ эти происшествія оскорбляли ихъ владѣльческое чувство; они не могли помириться съ тѣмъ, что рабъ можетъ такъ легко освободиться и уйти. Лишь тѣ, которые были въ долгу у евреевъ, потирали себѣ втихомолку руки—и радовались такъ легко приобрѣтеннымъ деньгамъ.

Рахиль не рѣшалась пойти домой. Она не знала, что именно ее отъ этого удерживало, но ея душа замирала отъ ужаса. Она безцѣльно бродила по улицамъ. Дѣвушка жила лишь своимъ внутреннимъ міромъ, и взгляды, которые она бросала въ освѣщенные окна домовъ, имѣли въ себѣ что то блуждающее и безразличное.

Она зашла, какъ это часто дѣлала, въ домъ набожнаго Элеазара Раппопорта, который приходился ей родственникомъ. Вся семья сидѣла вокругъ большого стола; у стѣнъ ничего не было; шкафы, посуда, постели, платье и бѣлье—все было вынесено. Жутко было видѣть этихъ людей, сидящихъ вокругъ дымящей тусклой свѣчи, съ ихъ блѣдными напряженными лицами, въ которыхъ отражались мимолетная тоска и робкая надежда. А вѣтеръ завывалъ и гудѣлъ, потрясая ветхіе домишки; изрѣдка доносился жалостный ревъ испуганныхъ быковъ и громкое ржанье лошадей.

Рахиль сѣла въ углу на выступѣ стѣны. На нее не обратили вниманія, такъ такъ всѣ привыкли къ ея незамѣтному тихому появленію и такому же исчезновенію. Элеазаръ читалъ книгу—Simchas Hanefesch—„Радость души“, которая незадолго до того появилась во Франкфуртѣ. Старикъ читалъ дрожащимъ голосомъ главу о силѣ вѣры: „У одного человѣка было три друга. Одного онъ считалъ закадычнымъ другомъ, второй также слылъ его хорошимъ пріятелемъ, третьяго же онъ ни во что не ставилъ. Внезапно, король черезъ посла зоветъ этого человѣка къ себѣ. Человѣкъ испугался и тщетно сталъ думать о томъ, что бы это могло означать. Когда король послалъ за нимъ вторично, онъ отправился къ своему лучшему другу просить сопровождать его къ королю. Но тотъ отказался. Второй пріятель согласился пойти съ нимъ, но лишь до воротъ замка. Тогда человѣкъ пошелъ къ третьему другу, дружбу котораго онъ ни во что не ставилъ. Этотъ другъ вызвался пойти съ нимъ и оправдать его передъ королемъ. И онъ пошелъ съ нимъ и защитилъ его. Точно также каждый человѣкъ имѣетъ трехъ друзей: одинъ другъ это деньги, второй жена и дѣти, третій другъ, на котораго онъ мало надѣется,—это Тора, Заветы, добрая дѣла, которыя человѣкъ ни во что не ставитъ. Король—это Богъ; посолъ—это смерть, которую Господь внезапно посылаетъ за человѣческой душой. Лучшій другъ—деньги остаются на землѣ: взять съ собой ихъ нельзя; второй другъ—жена и дѣти провожаютъ его до могилы; они кричатъ и плачутъ, но не могутъ ему помочь. Но третій другъ, котораго человѣкъ не цѣнитъ,—добрыя дѣянія—сопровождаютъ его къ самому Богу“.

Ночь была проведена въ молитвѣ и постѣ. Было, конечно, много и такихъ, которые трусили и охотнѣе всего остались бы на мѣстѣ. Но къ этимъ приходилъ Захарія Нааръ. Казалось, что онъ при мимолетномъ взглядѣ узнавалъ слабыхъ и робкихъ.

Когда онъ говорилъ съ ними, они становились послушными, какъ собаки, а подъ его взорами ихъ рѣшенія складывались такъ, какъ ему было угодно.

А потокъ странствующихъ евреевъ не уменьшался.

Въ Германіи возбужденіе все усиливалось. На востокѣ одно событіе омѣнялось другимъ. Разнеслась вѣсть, что Саббатай былъ приглашенъ въ гости къ турецкому султану; что онъ теперь ѣдетъ въ Салоники на кораблѣ въ сопровожденіи 10 апостоловъ и огромной толпы ученыхъ талмудистовъ; цѣлая флотилія смирнскихъ кораблей составляетъ его свиту. Жены покинули изъ за него своихъ мужей, матери бросили своихъ дѣтей, дѣвушки и юноши оставили дома своихъ родителей. Золото и драгоценности стекаются къ нему неистощимой струей; бухарскіе калифы, афганскіе князья, индійскіе раджи посылаютъ ему жемчугъ и драгоценныя уборы, и рѣдкія блюда для его стола, и пышныя пурпурныя одежды, шелкъ и бархатъ. Эти слухи опьяняли евреевъ всѣхъ странъ. Они едва сдерживали свое нетерпѣніе, безумное обожаніе бога-человѣка наполнило ихъ души, и еврей, такъ легко поддающійся всякому безумію, забылъ при этомъ о своемъ земномъ достояніи и обо всѣхъ земныхъ вещахъ. Ангелы зыграли въ небесахъ, и старый мрачный Богъ евреевъ, который поднялъ Моисея и наказалъ Фараона, самъ шествуетъ впереди Мессіи.— Поэтому не было ничего удивительнаго въ томъ, что Цирль вскорѣ почувствовала себя на недосыгаемой высотѣ. Ея душа, чуждая вначалѣ своей великой миссіи, теперь воспламенилась и утопала въ чудодѣйственныхъ таинствахъ. Цирль не была цѣломудренна: она отдавалась тому, кто ей нравился, дѣлая это болѣе изъ сожалѣнія, чѣмъ изъ любви, такъ какъ она видѣла, что мужчины изнываютъ отъ страсти къ ней. Несмотря на это, она думала съ трепетомъ благоговѣйнаго ужаса о святой землѣ, гдѣ ее поджидаетъ сынъ неба, чарующая красота котораго ослѣпляетъ всѣхъ подымающихся на него глаза.

Она получала отъ него загадочнымъ путемъ посланія, содержаніе которыхъ вносило въ ея жизнь и мечты неизсякаемый источникъ счастья и блаженства.

Однажды она проходила мимо дома Кнекера и увидѣла сидящую у дверей Рахиль. Ее привлекло что-то въ лицѣ молодой дѣвушки — можетъ быть, эти скорбные глаза и безпомощный, слегка пріоткрытый ротъ. Цирль подошла, стала передъ Рахилью, взяла ея руку и тихо пожала ее. Рахиль холодно покачала го-

ловой и упрямо улыбнулась. Но вдругъ въ ней какъ будто что то сразу надломилось; она упала на колѣни и, рыдая, спрятала лицо въ складкахъ платья Цириль, которая была глубоко потрясена горемъ дѣвушки. На улицахъ стояли нагруженные телѣги, готовые двинуться въ путь. Въ этихъ телѣгахъ, и въ озабоченности стариковъ, которые старались придать своимъ лицамъ выраженіе радостной увѣренности, Цириль вдругъ почувствовала что-то потрясающее...

Мееръ-Натанъ съ каждымъ днемъ становился все безпокойнѣе; онъ не переставалъ разспрашивать свою дочь, когда, наконецъ, свершится великое событіе; онъ уже говорилъ съ Песлей, опытной повитухой, о которой въ старой хроникѣ говорится, что она каждое утро спѣшила въ храмъ, и что она многіе годы не ѣла мяса, не пила вина и спала на голой землѣ безъ постели. Когда Кнекеръ смотрѣлъ на свою жену, которая совершенно погрузилась въ тихое отчаяніе и часами сидѣла въ углу съ закрытыми глазами, его сердце сжималось отъ горя, и онъ находилъ утѣшеніе только въ своихъ сокровищахъ. Онъ всѣми силами старался обратить на себя вниманіе, и эти старанія все увеличивались по мѣрѣ того, какъ росло презрѣніе къ нему сосѣдей. Такъ, онъ однажды ночью сложилъ большой костеръ позади своего дома, зажегъ его и сталъ молиться, какъ передъ алтаремъ, въ то время, какъ огненные языки съ трескомъ подымались къ небу. Испуганные мужчины прибѣжали со всѣхъ сторонъ и стали его разспрашивать, что это означаетъ.

— Я бросилъ лень въ огонь,—сказалъ Натанъ,—но его не поняли. Я пощусь,—продолжалъ онъ,—чтобы забыть одинъ сонъ, и рабби Мехасія говоритъ, что постъ для сновидѣнья-то же, что огонь для льна.

Слушатели, насмѣшливо покачавъ головами, разошлись. О Рахили возникали и распространялись все болѣе отвратительные и странные слухи; она наконецъ, прослыла нечистой. Сама же она, какъ лунатикъ, ходила по улицамъ и думала о томъ времени, когда любовь скрашивала ея жизнь, когда короткія ночи насыщались свѣжимъ напиткомъ счастья, когда весь свѣтъ походилъ на рай земной. Увы, все это уже ушло въ область минувшаго!

Въ воскресенье, 28-го ноября, рѣшено было пуститься въ путь. Рано утромъ, задолго до восхода солнца, вся община собралась въ синагогѣ. Священное писаніе было вынуто изъ кивота, и блѣдный, какъ полотно, старѣйшина смиренно понесъ его къ дверямъ, сопровождаемый молящимися евреями; шамесь

потушилъ свѣчи, плотно притворилъ двери, заперъ ихъ на замокъ и большой ключъ зарылъ въ землю возлѣ сторожки. Во многихъ домахъ послышался плачь—это женщины прощались съ мѣстомъ горя и униженія.

Телѣги съѣхались недалеко отъ кладбищенской стѣны, гдѣ теперь раскинутъ большой садъ. Густой, наполняющій сѣрый день, дождь лилъ, какъ изъ ведра; бурный вѣтеръ ревѣлъ, раздувая палатки телѣгъ. Далекія поля казались въ сумеркахъ еще болѣе пустынными; покинутые дома, казалось, звали обратно своихъ обитателей, а ихъ голыя окна таили въ себѣ что-то манящее и предостерегающее.

Женщины рыдали, стоя на сырой площади, собаки лаяли, дѣти пищали, мужчины искали своихъ родныхъ, животныя немилосердно ревѣли. Шумъ все усиливался. Къ поѣзду присоединились цыгане; ихъ терпѣли потому, что они могли быть полезны какъ проводники. Сквозь бушующій вѣтеръ разносились крикливые голоса цыганокъ, а изъ нѣкоторыхъ кибитокъ беззаботно лились протяжные скорбные звуки скрипки. Но вотъ явился посоль съ извѣстіемъ, что свободный городъ Нюрнбергъ не хочетъ пропустить поѣздъ черезъ свою область. Шведское укрѣпленіе на югѣ, поэтому, стало ближайшей цѣлью евреевъ, откуда имъ опять предстояло итти по неудобной дорогѣ, частью каменистой и частью болотистой. При этомъ возникло опасеніе, какъ-бы Нюрнбергъ не отрядилъ войска, чтобы помѣшать евреямъ покинуть страну. Многимъ казалось, что эти событія повторялись уже втеченіи многихъ вѣковъ. А небо подтверждало самыя худшія опасенія. Несмотря на то, что деңь уже давно насталь, было темно, какъ ночью. Дорога разрыхлѣла, и колеса завязли глубоко въ землѣ. Цирль, которой отвели нѣчто въ родѣ почетной кареты, откинулась, блѣдная, съ дрожащими губами, въ глубину сидѣнья. Молодой Вагензейль стоялъ, несмотря на проливной дождь, у кибитки. Онъ какъ-бы опьянѣлъ отъ своей любви. Наконецъ, онъ торжественно отрекся отъ христіанства и примкнулъ къ апосталамъ Мессіи. А теперь онъ хотѣлъ уйти съ евреями, покинуть родину, порвать съ нею всѣ связи за одно лишь блаженство смотрѣть въ это чудное лицо. Онъ не думалъ о томъ, что Цирль была невѣстой Саббатая; въ этомъ было такъ много сверхестественнаго и немыслимаго, что будущее его не безпокоило. Онъ, конечно, не зналъ, что приноситъ съ собой несчастье общинѣ. Старый пасторъ Вагензейль раздулъ тихое недовольство христіанъ, и оно вспыхнуло

въ открытую ненависть: въ тотъ же день снесли съ Нюрнбергомъ, чтобы помѣшать евреямъ слѣдовать дальше.

Настроеніе возвышеннаго, чудеснаго, которое витало въ воздухѣ, удержало враждебную руку отъ болѣе энергичныхъ мѣръ.

Чтобы охранить кладбище отъ богохульныхъ рукъ, на ворота были наложены пять святыхъ печатей. Около 8 часовъ былъ, наконецъ, поданъ, среди всеобщаго смятенія, сигналъ, что пора тронуться въ путь. Цыгане между тѣмъ набросились, какъ голодные волки, на телѣги, наполненныя провизіей. Въ суматохѣ нельзя было понять другъ друга. Ободренія и успокоенія пропадали безслѣдно въ шумѣ. Во многихъ глазахъ вспыхнуло то тайное отчаяніе, которое своимъ горящимъ и безпокойнымъ блескомъ такъ походить на бодрость и воодушевленіе. Шумъ и крики все росли и, выходя далеко за предѣлы площади, спугнули воронъ на пустынныхъ поляхъ; хлопанье кнутовъ гулко разносилось до самаго лѣса и отдавалось вдали робкимъ дрожащимъ эхо. Облака имѣли видъ грязныхъ лохмотьевъ, а все небо походило на сѣрое колеблющееся полотно. При поворотѣ дороги въ Унтерфарнбахъ къ поѣзду присоединились еврейскіе обитатели трехъ небольшихъ деревень. Плохо прикрѣпленныя палатки мѣстами оторвались, и легкія вещи разлетѣлись въ воздухѣ при первомъ порывѣ вѣтра.. Много-ли помогли молитвы и толкованія талмудистовъ? Много-ли помогли безграничная вѣра и полное воодушевленіе? Мрачный Богъ евреевъ не позволить съ собой шутить,—онъ протянулъ свою грозную руку — и каменная стѣна выросла между народомъ и сладкой чарующей грезой, которую извлекла изъ глубины вѣковъ яркая восточная фантазія... Возы то и дѣло увязали въ болотѣ, и полсотни людей съ трудомъ извлекали ихъ оттуда, напрягая всѣ свои силы. Одна кибитка служила молельней: въ ней находился разукрашенный ящикъ со свитками Заѣта. Главный раввинъ, канторъ и другіе старѣйшины общины сидѣли въ этой кибиткѣ и пѣли пѣсни Саббата. На другомъ возу сидѣлъ Борухъ Клоссъ со своей женой. Возлѣ нихъ стояла мучная похлебка, которая должна была замѣнить обѣдъ. Они не ѣли и тупо смотрѣли въ застывающее блюдо. Глухіе крики слышались во всѣхъ этихъ жалкихъ палаткахъ. Многія хозяйки взяли съ собой своихъ кошекъ, которыя безпрестанно мяукали въ темныхъ углахъ. Моментами все заглушалось шумными порывами вѣтра. По дорогѣ носились въ причудливой пляскѣ желтые и коричневые мокрые

листья. Деревья съ трескомъ наклоняли свои вершины къ землѣ. Дождь лилъ и барабанилъ по тонкимъ крышамъ палатокъ; колеса скрипѣли и трещали; многія лошади стояли неподвижно, и ни ласки, ни угрозы, ни побои не могли ихъ побудить сдѣлать шагъ впередъ. Вся природа превратилась въ сплошной ужасъ.—Въ повозкѣ Меера Кнекера было спокойно и тихо, такъ какъ Тельзела сидѣла безучастно въ одномъ углу, а Рахиль въ другомъ. Одинъ Натанъ казался оживленнымъ. Онъ чувствовалъ себя почему-то счастливымъ. не и переставалъ улыбаться и спрашивать Рахиль:

— Рахилинька, когда появится золотая дѣвочка? Когда родится небесная дочурка?—Его нижняя губа еще болѣе выдвинулась. сдѣлалась еще безформеннѣе, а глаза были воспалены и горѣли лихорадочнымъ огнемъ.

По истеченіи четырехъ часовъ караванъ достигъ, наконецъ, лѣса. Пѣшеходу понадобилась-бы для этого не болѣе часа. Прежде чѣмъ двинуться далѣе въ гору, рѣшено было отдохнуть. Въ лѣсу было темно. Этотъ лѣсъ въ то время походилъ еще на дѣвственные лѣса глубокой древности. Было темно, какъ поздней ночью. Съ вѣтвей капало, почва была черная и илистая. Своеобразный звучный шелестъ волной проносился по всему лѣсу. Между вѣтвями притаилась ночь, глубокая, таинственная; иглы и листья были мокрые, скользкіе. Изрѣдка доносился отдаленный крикъ дикаго животнаго или шумъ, похожій на удары топора. Небо исчезло, долина тоже скрылась изъ глазъ; туманъ и дождевой потокъ мѣшали разглядѣть тропинку и сбивали съ пути. Вспорхнула птица, и быстро скрылась въ глубинѣ лѣса, ища болѣе мирнаго пристанища. Болотистую почву сковывала какая-то тяжелая парализующая окоченѣлость. Былая родина съ ея дѣтскими играми и позднѣйшими заботами, съ ея садами, огородами и домами отодвинулась и казалась всѣмъ безконечно далекой. Рахиль, укутанная въ шерстяной платокъ, стояла, облокотившись о буковое дерево. Хотя она отупѣла и устала, она все же чувствовала, что отличается отъ остальныхъ женщинъ, что она, освященная былой страстью, лучше и благороднѣе другихъ. Она съ каждымъ днемъ все сильнѣе ощущала въ себѣ новую жизнь. Эти ощущенія были сказочно невѣроятны, укрѣпляли ея душу и давали силу жить. Она носила въ своемъ тѣлѣ будущность, новое поколѣніе, которому суждено стать борцомъ наступающихъ временъ.

Опять былъ поданъ сигналъ къ продолженію дороги. На-

правились къ вершинѣ горы, на которой стояла крѣпость; отсюда можно были спуститься въ долину Редница.

Мужчины и женщины вышли изъ кибитокъ и поплелись пѣшкомъ. Кучера, которые были наняты за очень дорогую цѣну, потому что еврейскіе молодые люди не умѣли обходиться съ лошадьми, стали дѣлать рѣзкія замѣчанія и выказывать враждебное отношеніе. Многія женщины носили на рукахъ завернутыхъ въ тряпье дѣтей. Какъ медленно и тяжело подвигались онѣ впередъ! Крикъ возницъ и гортанные голоса цыганъ наполняли воздухъ. Къ этимъ звукамъ присоединился пронзительный визгъ женщинъ, когда кабанъ перебѣжалъ дорогу; мужчины поблѣднѣли и остановились, какъ вкопанные. Ходить становилось все труднѣе. Приходилось расчищать дорогу и смотрѣть, чтобы колеса не задѣвали края бездны. Внизу чернѣла вода, которая казалась глубокой, какъ въ колодецѣ. Дождевыя капли съ шумомъ падали въ глубину, образуя массу узкихъ колецъ. На каждомъ шагу попадались большіе камни, скрытыя ямы, пропасти, большіе кусты крапивы.

Наступилъ вечеръ. Дорога превратилась въ сплошную лужу. При каждомъ поворотѣ колесъ подымался цѣлый каскадъ брызгъ. Было странно и жутко, что несмотря на одни лишь трудности и мученія, которыя пока встрѣчались на пути, никто не подумалъ о возвращеніи. Всѣ смотрѣли впередъ въ таинственную даль, полные преданности Освободителю и вѣры въ цѣль, къ которой они шли. Боролись-ли въ ихъ душѣ сомнѣнія? Или они слишкомъ устали, чтобы разобраться въ нихъ?

Почему они не отказались отъ своей мечты? Было ли это рабство или героизмъ? Кто знаетъ! Они совершенно поддались покорному фатализму. Когда совсѣмъ стемнѣло, поднялась невообразимая буря. Стволы деревьевъ дрожали, многіе смоляные факелы потухли, а искры полетѣли къ зеленымъ вершинамъ.

Около 6 часовъ вечера съ четырехъ сторонъ лѣса одновременно раздались трубные звуки сигнала. Поѣздъ моментально остановился. Воцарилась страшная, смертельная тишина. Всѣ знали, что имъ предстоитъ; они были такъ напуганы, что положительно сгорбились отъ страха. Между деревьями показались всадники, въ формѣ нюрнбергской гражданской милиціи, освѣщенные пылающими факелами, прикрѣпленными къ сѣдламъ. Насмѣшливо улыбаясь, оглядывали они жалкій поѣздъ переселенцевъ; они презирали выпавшую на ихъ долю военную задачу.

Раздался голосъ молодого Вагензейля: къ оружію, къ оружію,

Это былъ хриплый крикъ, сдавленный сознаниемъ безнадежности, ошибочности сдѣланнаго шага. Прогремѣлъ выстрѣлъ. Старый Элеазаръ упалъ, не произнося ни слова, въ топкую грязь, и его кровь хлынула, смѣшавшись съ потоками дождя. Это сразу возбудило евреевъ и заставило ихъ воспрянуть духомъ. Они почувствовали, что дѣло идетъ уже не только о свободѣ, которой они должны добиться: здѣсь еврей стоялъ передъ христіаниномъ, вѣра противъ вѣры. Многими овладѣло опьяненіе. Они бросились къ повозкамъ и схватывали то, что попадалось подъ руку: кухонная утварь, веревка, метла, желѣзный колъ, бутылка, старый заржавленный замокъ, возжи, камень, палки и сучья деревьевъ— все это должно было служить защитой противъ оружія опытнаго войска. Человѣкъ 10—12 успѣли вооружиться ружьями, но они не умѣли стрѣлять и грозно размахивали прикладами въ воздухѣ. Нюрнбергцы начали стрѣлять со всѣхъ сторонъ; двѣ женщины и одинъ юноша послѣдовали за старымъ Элеазаромъ. Женщины подняли душу раздирающій крикъ. Одни цыгане умѣли стрѣлять, но они не могли прицѣлиться, такъ какъ лошади нападающихъ безпокойно метались изъ стороны въ сторону. Старики сидѣли съ блестящими изступленными глазами въ кибиткѣ, гдѣ помѣщалась тора. Они читали псалмы и молились, цѣлуя дрожащими блѣдными губами священное писаніе. Дѣти совершенно оглушенные отъ страха заползли между колесами и спрятались подъ возами. Одинъ изъ нападающихъ прокричалъ что-то о сдачѣ и возвращеніи, но его слова потерялись въ шумѣ, тогда онъ приказалъ опять стрѣлять. На этотъ разъ выстрѣлы поразили Боруха Клосса и Вольфа Бирезль. Отчаяніе вызываетъ грубую отвагу. Еврей бросились со своимъ страннымъ оружіемъ на жестокаго врага. Они не боялись болѣе ни смерти, ни ранъ. Они ничего не видѣли, они были въ изступленіи, они выкрикивали еврейскія изрѣченія, и ихъ странная одежда придавала имъ видъ привидѣній. Часть евреевъ споткнулась и упала на землю, такъ какъ было скользко, и мокрая вѣтви били ихъ по лицу; они лежали и бились въ ужасныхъ конвульсивныхъ движеніяхъ: казалось, ничто уже не могло прійти имъ на помощь, все погибло а впереди лишь послѣдняя кровавая ночь. Вдругъ раздался хриплый бѣшеный голосъ: „пожаръ, лѣсъ горитъ, пожаръ!“. Стволы деревьевъ ярко освѣтились какъ бы изнутри, ровнымъ полнымъ свѣтомъ. Въ глубинѣ лѣса подымался свободно и ослѣпительно широкій огненный шаръ. Воздухъ былъ пропитанъ пламеннымъ заревомъ, мокрые листья, мокрый зеленый мохъ сверкали, оза-

ренные потокомъ свѣта. Змѣвидные огоньки робко отражались въ черной водѣ пропасти. Пожаръ все усиливался и расширялся, какъ бы питаемый неистощимымъ источникомъ огня.

Пламя, разбрасываемое бурнымъ вѣтромъ, жадно лизало кору деревьевъ; влажное дерево трещало, тлѣло и вспыхивало.

Стало невыносимо жарко. Крики, страшные крики животного ужаса, раздавались въ лѣсу. Лошади нюрнбергскихъ ландскнехтовъ ревѣли и метались, какъ бѣшенныя, и помчались по крутизнамъ черезъ скалы и заросли. Одинъ изъ всадниковъ, сынъ нюрнбергскаго городского письмоводителя, повисъ, зацѣпившись своими длинными волосами о сукъ дерева, въ то время какъ его конь промчался въ глубину бездны. Безпомощно висѣлъ юноша, какъ нѣкогда Авесаломъ; его крики становились все слабѣе, а огонь подкрадывался къ нему все ближе и ближе и началъ, наконецъ, лизать трепещущее молодое тѣло. Среди евреевъ смятеніе было такъ велико, что многіе готовы были ринуться прямо въ огонь. Лошади понеслись впередъ и въ дикой скачкѣ разбивали кибитки. Со всѣхъ концовъ слышались стоны смертельнаго ужаса. Цыгане, воспользовавшись суматохой, крали все, что имъ попадалось подъ руками. Въ моментъ крайней растерянности выступилъ Захарія Нааръ. Онъ пересѣкъ дорогу убѣгающимъ, поднялъ руки и въ мигъ заставилъ ихъ остановиться. Твердо и смѣло повелъ онъ ихъ черезъ море огня, которое, казалось, остановилось отъ благоговѣйнаго почтенія къ смѣльчаку, чтобы дать дорогу евреямъ.

Пѣшеходы шли за Нааромъ, какъ овцы за пастухомъ, а возницы послѣдовали за ними со своими кибитками.

Въ кибиткѣ Меера-Натана лежало на голомъ полу новорожденное существо. Роды наступили преждевременно, такъ какъ Рахиль была болѣзненно потрясена ужасными событіями дня. Она лежала неподвижно на сырой соломѣ, и вся суматоха, происходившая извнѣ, затрогивала ее лишь какъ отзвуки изъ далекаго чуждаго міра. Она не знала, какъ она могла все перенести, но ей теперь было такъ хорошо. Она слушала, какъ добродушно мычали волы, запряженные въ кибитку. Ей казалось, что она опять живетъ, какъ два года тому назадъ въ Ротѣ у своей старой тетки. Полоса свѣта, которая становилась все ярче и больше, освѣщая внутренность кибитки еще болѣе увеличивала блаженное мирное настроеніе Рахили. Она видѣла предъ собой возлюбленнаго, который нѣжно гладилъ ее голову. Онъ часто старался внушить ей любовь къ Спасителю и желаніе

перейти въ христіанство. Но чѣмъ былъ для нея Спаситель, чѣмъ былъ для нея даже Господь ея праотцевъ на ряду съ мучительной страстной любовью, которую она испытала! Гордо звучали и пѣли во всемъ ея существѣ старыя пѣсни въ моделирующемъ ритмѣ, говорившія о майскомъ вечерѣ, о тихомъ дуновеніи вѣтерка, нѣжно цѣлующаго цвѣты и листья, о сладкой, полной опьяняющей любви ночи. Кибитка неровно катилась впередъ къ долинѣ, управляемая какъ и весь поѣздъ Захаріемъ Нааромъ.

Мееръ Кнекеръ безмолвно наклонился къ новорожденному, не обращая вниманія на его пискъ. Старикъ свернулся въ комокъ—зубы его скрежетали, кулаки сжимались. Моментами онъ вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ. Дитя, которое лежало возлѣ него, беспомощно плакало. Это былъ мальчикъ. Кнекеръ не въ силахъ былъ ни о чемъ болѣе думать. Въ его душѣ образовалась пустота, а вокругъ него было темно и холодно.

Противъ него сидѣла Тельзела. Она помогала дочери при появленіи на свѣтъ малютки. Она не была потрясена. Казалось, что ее ничего болѣе не могло изумить: ни богатства, ни сокровища, ни страданія ни какія бы то ни было случаи слѣпой судьбы.

Крестьяне стояли на поляхъ и смотрѣли вверхъ на горящую гору и на пылающее небо. Они боязливо отступили передъ евреями, которые понемногу собирались въ долинѣ. Со всѣхъ сторонъ стекались разсѣянные, которые привѣтствовали друга друга радостными криками. На ночь былъ раскинутъ лагерь. Цыгане, которые теперь были нужны, исчезли безслѣдно. Захарія Нааръ стоялъ задумчиво облокотившись о дерево и горько улыбался, при мысли о дѣлѣ его рукъ: о пожарѣ въ лѣсу.

Ночью на лагерь напала масса крестьянъ, вооруженная косами, граблями и серпами. Отъ нихъ съ трудомъ освободились, откупившись большой суммой серебра и золота. Остатокъ ночи провели спокойно; рѣшено было въ полдень слѣдующаго дня пуститься въ путь и ускорить шагъ, чтобы избѣгнуть преслѣдованій враждебныхъ Нюрнбергцевъ; далѣе евреи предполагали пойти по владѣніямъ маркграфа Онольцбахскаго и просить въ случаѣ нужды его защиты. Время до полудня рѣшено было посвятить похоронамъ покойниковъ. Тѣла сына Вольфа Батша и жены Эрмрейтера были второпяхъ оставлены въ лѣсу, гдѣ они и сторѣли. Семья Элезара всю ночь сидѣла, молясь у тѣла старца. Женщины занялись шитьемъ савана. Въ другихъ повоз-

какъ, гдѣ были мертвые, тоже не спали—здѣсь горѣли свѣчи, освѣщавшія горестныя лица, оплакивающія умершихъ.

Ночь была тиха. Изрѣдка эта тишина прерывалась крикомъ хищнаго животнаго, доносившимся съ вершины горы, гдѣ пожаръ уже прекратился. Надъ развалиной повисло короной тяжелое облако дыма; горящіе стволы ярко освѣщали далекую равнину.

Наступило сѣрое туманное утро. Могилы были быстро вырыты; это дѣлалось съ особеннымъ рвеніемъ, такъ какъ оказываніе услугъ покойникамъ считается у евреевъ добрымъ дѣломъ. Женщины должны были остаться въ палаткахъ. Имъ нельзя было принимать участіе въ похоронныхъ процессіяхъ. Лишь самыя близкія родственницы провожали покойника до могилы. Послѣ омовенія на тѣла были натянуты бѣлыя одѣянія, головы обмотаны талесомъ—и въ этомъ видѣ покойники были положены въ гробы. „Цицисъ“, которыя не были, конечно, забыты торчали изъ гробовъ. Такъ какъ евреи считаютъ всякую землю, кромѣ ханаанской, нечистой, то они покрыли глаза покойниковъ бѣлой землей, будто бы вывезенной изъ Святой Земли. Сверхъ земли они положили глиняные черепки. Затѣмъ гробы понесли къ могилѣ, причемъ ихъ, согласно обычаю, три раза ставили на землю. Каждый изъ друзей бросилъ три горсти земли въ могилу, а ближайшіе родственники разорвали свои платья.

Похороны были свершены. Солнце пробилось сквозь туманъ и освѣтило всю землю.

Медленно возвращались евреи съ похоронъ. Прежде чѣмъ зайти въ палатки они обмыли триъ раза свои руки, такъ какъ осквернились присутствіемъ на похоронахъ. Нѣкоторые три раза срывали траву, чтобы бросить ее черезъ спину назадъ.

Вернувшись ожидало извѣстіе, что Мейеръ Натанъ окончательно сошелъ съ ума. Это извѣстіе не оказало глубокаго впечатлѣнія, тѣмъ болѣе что Захарія Нааръ передъ выступленіемъ въ путь обратился къ евреямъ и въ сильныхъ выраженіяхъ постарался укрѣпить ихъ вѣру, надежду и бодрость. Они забыли труды, несчастія, неудачи и всецѣло углубились въ вѣру въ великое будущее ихъ мечты о долго-жданномъ блаженствѣ. Въ такомъ настроеніи, полномъ упованія все, даже мелкая неудача, кажется радостнымъ привѣтствіемъ; каждый лучъ солнца является въ такой моментъ ослѣпительно-яркимъ и опьяняющимъ. Люди безмолвно ободряли другъ друга. Казалось несчастье ук-

рѣпило и закалило ихъ для борьбы за право и за счастье; каждая упавшая ночью звѣзда считалась признакомъ и ручательствомъ счастья на многія недѣли. Бываютъ въ исторіи людей моменты, имѣющіе въ себѣ что то нервное, трепещущее, возносящіе ихъ изъ глубины бездны на вершину горы и въ такіе моменты безсознательнаго оныяненія люди вырастаютъ, и таинственный утренній сонъ можетъ ихъ воодушевить на великія дѣянія.

Внѣ этого нѣтъ радости, нѣтъ избавленія въ причудливомъ лабиринтѣ событій, въ которомъ мы живемъ.

Бодро и весело стали евреи спускаться подъ лучами осенняго солнца въ долину Редница.. Три повозки еще ранѣе пустились въ путь и составляли авангардъ. Теперь они двигались быстрые, чѣмъ наканунѣ. Бѣлыя крыши повозокъ привѣтливо сіяли, лѣсъ казался низкой матово-зеленой стѣной на далекомъ горизонтѣ, ясное, чистое небо было залито лучами свѣта, солнце расточительно изливало сіяніе по всей долинѣ. А тамъ вдали лежалъ старый Кадоцбургъ, а за нимъ слабымъ силуэтомъ вырисовывался Нюрнбергскій королевскій замокъ. Вдругъ всѣ почувствовали, что авангардъ остановился. Мееръ Ламданъ, всмотрѣвшись вдаль, заявилъ, что онъ видитъ большое количество чужихъ повозокъ, которыя только что показались изъ за деревьевъ. Другіе евреи влѣзли на козлы и стали внимательно вглядываться въ происходящее на осушкѣ лѣса. Сердца ихъ бились, такъ какъ они ожидали новаго нападенія. Молодой Вагензейль, отличавшійся особенной дальнозоркостью, заявилъ, что эти люди носятъ необычное чужеземное платье, но что, по его мнѣнію, это евреи. Затѣмъ онъ прибавилъ, что Обадія Ансель пошелъ навстрѣчу каравану. Всѣ видѣли, какъ онъ встрѣтился съ человекомъ, который стоялъ впереди, какъ они нѣкоторое время разговаривали. Далѣе они видѣли, какъ Обадія Ансель, какъ утопающій, обнялъ руками воздухъ и, какъ палка, грохнулся на землю. Затѣмъ изъ переднихъ повозокъ отдѣлились еще двое, которые о чемъ то поговорили съ чужими и разразились плачемъ и начали жестикулировать, какъ безумные. Цирль стояла выпрямившись, не отводя пристальнаго взгляда отъ сценъ, происходившихъ на опушкѣ лѣса; вдругъ она издала душу раздирающій крикъ, и какъ мертвая свалилась съ кибитки на землю.

Передніе вozy повернули и вскорѣ присоединились къ главному поѣзду. Въ одинъ моментъ радостное, полное надежды настроеніе толпы смѣнилось мертвящимъ, сковывающимъ мозги дикимъ ужасомъ:

Саббатай Цеви перешель въ Исламъ.

Пророкъ, взбудоражившій въ свое время все человѣчество, какъ рѣдкое небесное явленіе остался для своихъ современниковъ какъ и для будущихъ поколѣній таинственнымъ загадочнымъ образомъ. Если не его необычная красота опьянила весь міръ, то это, несомнѣнно, сдѣлали очарованія его ума, величіе его души, или же увлекательность его рѣчи. Обладаль ли онъ въ дѣйствительности этими чертами? Дошедшіе до насъ голоса того времени свидѣтельствуютъ, что многіе современники ненавидѣли его какъ дьявола, что одни называли его дурнымъ актеромъ или фокусникомъ, другіе хитрецомъ или простымъ шарлатаномъ. Но кто можетъ дѣйствительно знать побудительную причину его дѣйствій? Исторія часто похожа на глупую женщину, которая даетъ себя одурачить сказкой: это хорошо, потому что человѣкъ иначе не могъ бы перенести изобиліе удручающей правды. Основой всего происходящаго является благодѣтельная ложь. Если въ Польшѣ рождается жалкій человѣкъ, котораго Турція провозглашаетъ Божьимъ человѣкомъ, то это не менѣе важно чѣмъ истинное служеніе Мессіи.

Чужіе люди, перерѣзавшіе дорогу фюртскимъ переселенцамъ, составляли небольшую часть вѣнскихъ евреевъ, которыхъ король Леопольдъ незадолго до того изгналъ изъ предѣловъ своей страны. Отчаяніе переселенцевъ было ужасно. Состояніе было таково, какъ будто вдругъ умеръ подававшій большія надежды единственный сынъ, на судьбѣ котораго построили все зданіе будущей жизни. Было еще хуже. Это было болѣе, чѣмъ смерть, страшнѣе чѣмъ смерть, это было нѣчто, сразу нарисовавшее яркую картину жизни безъ опоры и безъ содержанія. Еврей,—сильный и упрямый народъ. Но они велики лишь тогда, когда имъ немного везетъ; но они не долго сохраняютъ эту силу, такъ какъ легко переходятъ въ изумленіе по поводу ихъ собственнаго величія. Саббатай Цеви былъ еврей, пожалуй, самый типичный образъ еврея—осколокъ еврейской судьбы: сила или рабство.

Многіе вернулись обратно въ Фюртъ. Многія семьи австрійскихъ изгнанниковъ, которые терпѣли страшную нужду и прошли черезъ чудовищныя лишенія, поселились вмѣстѣ съ нѣкоторыми молодыми людьми изъ Фюрта въ тихой долинь. Съ ними осталась и Тельзела, жена сумасшедшаго Кнекера, съ дочерью и внукомъ, который сталъ родоначальникомъ того замѣ-

чательнаго человѣка, о которомъ далѣе будетъ итти рѣчь. Тельзела слишкомъ устала, чтобы быть въ силахъ вернуться на прежнюю жестокою родину, гдѣ все напоминало бы ей о пережитыхъ страданіяхъ. Она не хотѣла болѣе жить рядомъ съ христіанами. Она продала свой домъ и выстроила въ долину новый. Она ничего болѣе не требовала отъ жизни. Жизнь для нея вообще не имѣла большой цѣны. Она переносила ее рабски и безмолвно. Тельзела осталась въ полномъ умѣ, но ея разумъ приобрѣлъ что-то горькое и мрачное.

То мѣсто, которое было застроено съ позволенія добраго Онольцбахскаго владѣтеля, сперва называлось „Ціонсдорфъ“ (деревня Сіона). Впослѣдствіи это селеніе было переименовано христіанскими пришельцами въ Цирндорфъ. Селеніе процвѣтало. Поля оказались плодородными и давали прекрасную жатву. Природа здѣсь хороша и полна непосредственной поэзіи для того, кто родился въ ея предѣлахъ.

Захарія Нааръ и Цирль исчезли навсегда. Ихъ жизнь потонула въ безбрежномъ морѣ сказочныхъ преданій. Поколѣнія смѣнялись поколѣніями, нарождались новыя времена. Наступающее время становилось все лучше, совершеннѣе, свободнѣе, и еврей, прежній рабъ, способный лишь переносить пинки раздраженнаго властелина, широко раскрылъ глаза, рассмотрѣлъ слабости и тайны этого властелина. Тогда онъ приложилъ свои руки къ механизму жизни другихъ народовъ, къ ихъ законамъ, ихъ войнамъ и часто ему удавалось совершать незримыя истинно царскія дѣянія, когда короли дремали, а министры были слишкомъ слабы. Субботой сдѣлался мусульманиномъ, но какъ многіе говорятъ, лишь для виду. Еврей сталъ носителемъ культуры, но, какъ многіе говорятъ, лишь для виду. Иные говорятъ, что въ немъ глубоко сидитъ соблазнитель и губитель, что онъ знаетъ сцену этого міра лучше, чѣмъ тѣ, кто ее строилъ. И это вѣрно; онъ несомнѣнно—актеръ или добродушный человѣкъ, безобразный, несмотря на полноту душевной красоты; хитрый аскетъ-шарлатанъ или фокусникъ, фанатикъ или трусливый рабъ—таковъ еврей.

Что его сдѣлало такимъ: время или исторія, страданіе или успѣхъ? Одинъ Богъ можетъ на это отвѣтить. Передъ взорами разворачивается неизмѣримая картина, такъ какъ сущность народа такова, какъ и сущность отдѣльной личности: ея характеръ есть ея судьба.

Ольга Г.

Наша программа.

ГЛАВА I.

Стремленіе еврейскаго народа покончить съ своимъ тысячелѣтнимъ голусомъ и вновь зажить свободной политической жизнью на своей старой родинѣ, стремленіе это изъ чисто пассивной средневѣковой приняло форму активную вотъ уже 25 лѣтъ. Первый погромъ на югѣ Россіи былъ предвозвѣстникомъ новой активной формы. Въ теченіи послѣднихъ 25-ти лѣтъ мы видимъ конкретныя проявленія этой активности. Эти проявленія были различны въ зависимости отъ различныхъ программъ, которыя намѣчали себѣ вожаки движенія Chibas-Zion: духовный сіонизмъ и дипломатическій конгрессный сіонизмъ являются только различными формами одной и той-же сущности *политическаго* сіонизма.

Три элемента участвуютъ въ дѣлѣ политическаго возрожденія каждаго народа: народъ, территория и внѣшнія условія.

Для того чтобы быть въ состояніи создать независимый политическій, культурно-экономическій центръ, народъ создающій этотъ центръ, долженъ къ этому быть достаточно подготовленъ, онъ долженъ обладать сильно развитымъ національнымъ самосознаніемъ, онъ долженъ быть сплоченъ сильной дисциплинированной организаціей, онъ долженъ обладать громадными общественными капиталами, онъ долженъ быть вооруженъ выносливостью и терпѣніемъ и, главнымъ образомъ, онъ долженъ сознавать и быть готовымъ жертвовать интересами *настоящаго* для блага *будущаго*. Если народъ не имѣетъ всѣхъ этихъ данныхъ, то всѣ его попытки къ созданію политическаго центра окончатся неудачей.

Территорія: территория еще до момента возникновенія на ней государства, должна стать въ смыслѣ экономическомъ и культурномъ фактической собственностью того народа, который устраиваетъ въ ней центръ. Вся ея жизнь должна быть въ зависимости отъ этого народа, онъ долженъ быть ея властелиномъ *de facto*, хотя еще и не *de jure*. Онъ долженъ быть съ ней связанъ вѣчными нитями внутренней любви и

преданности. Онъ долженъ оросить эту землю своею кровью и своимъ потомъ.

Внѣшнія обстоятельство: при полной подготовленности какъ народа овладѣть страной, такъ и страны принять народъ, это не всегда удается при отсутствіи внѣшнихъ благоприятныхъ обстоятельствъ. Интересы жизни каждаго народа сталкиваются съ интересами другихъ народовъ и не всегда эти интересы идутъ съ ними параллельно. Поэтому всегда и вездѣ, при всѣхъ національныхъ стремленіяхъ и движеніяхъ, одновременно съ подготовленіемъ своего народа и своей страны нужно вести интенсивную планомерную дипломатическую агитацію среди другихъ народовъ и среди власть имущихъ лицъ для устранения всѣхъ внѣшнихъ препятствій на пути стремленій данной націи. Нужно выяснять имъ насколько законны, безвредны, а можетъ быть даже и полезны стремленія данной національности къ возрожденію. Нужно привлечь на свою сторону лучшія культурно-гуманитарныя силы чужихъ народовъ. Эта постепенная работа шагъ за шагомъ облегчаетъ работу вождей возрождающейся націи, но особенно сильно результатъ всей работы скажется въ моментъ окончательнаго торжества всего дѣла.

ГЛАВА II.

Разумная программа дѣятельности въ освободительныхъ движеніяхъ есть *одновременная* работа по всѣмъ тремъ направленіямъ. Результатъ такой работы есть естественный нормальный ростъ и прогрессъ всего движенія. Шагъ за шагомъ, годъ за годомъ народъ крѣпнеть, страну овладѣваютъ, внѣшнія обстоятельства облегчаются. Всѣ наличныя силы имѣютъ приложенія для своей дѣятельности въ освободительномъ движеніи. одинъ обогащаетъ народную кассу, другой организуетъ и развиваетъ народныя массы; одинъ изучаетъ и обследуетъ страну, другой ее обрабатываетъ и обогащаетъ. Одинъ выясняетъ наши стремленія интеллигенціи и массамъ другихъ народовъ, другой знакомитъ съ ними государей и министровъ. Всѣ эти работы отдѣльныхъ лицъ и отдѣльныхъ группъ сводятся къ одной общей суммѣ, означающей ростъ и прогрессъ всего движенія. Но совершенно иной результатъ бываетъ, когда въ программу дѣятельности заложена только одна часть и одна сторона. Ростъ получается односторонній, уродливый. Многія цѣнныя силы остаются безъ примѣненія, и общая сумма поэтому понижена. Но еще болѣе печальны послѣдствія такой односторонней работы могутъ быть впереди. При первой случайной заминкѣ или неудачѣ на одномъ поприщѣ почва уходитъ изъ подъ ногъ работниковъ, отчаяніе овладѣваетъ массами и движеніе претерпѣваетъ сильный кризисъ. Причины вполне понятны. Когда одновременно работаешь по нѣсколькимъ направленіямъ, неудачи въ одномъ

окупаются удачами въ другомъ, ослабленіе въ одномъ замѣняется интенсивностью въ другомъ и движеніе идетъ впередъ, не претерпѣвая никакихъ кризисовъ, никакихъ толчковъ. Но при работѣ въ одномъ направленіи все дѣйствительно должно рушиться при первой-же неудачѣ. Но если даже движенію удастся не претерпѣвать такихъ кризисовъ и неудачъ, то и тогда окончательный результатъ работы можетъ окончиться не только печально, но и трагически. Представимъ себѣ, что всѣ внѣшнія обстоятельства благопріятствуютъ возрожденію даннаго народа въ данной странѣ, всѣ народы и всѣ правительства это поощряютъ, но у самаго народа нѣтъ вѣры въ свои собственные силы, нѣтъ желанія, нѣтъ организаціи и нѣтъ общественныхъ капиталовъ, чтобы использовать этотъ моментъ. Благопріятная историческая минута проходитъ безвозвратно на многія сотни лѣтъ. Два раза еврейскій народъ пережилъ эти историческія минуты: при изгнаніи евреевъ изъ Испаніи и при герцогѣ Іосифѣ Паксосскомъ. Могутъ происходить и обратныя явленія. Народъ готовъ возродиться, имѣетъ для этого всѣ данныя и средства, страна фактически находится въ его-же рукахъ, но внѣшнія обстоятельства этому не благопріятствуютъ. Въ теченіи многихъ лѣтъ обстоятельства для этого не подготовлялись. Народъ опять долженъ долгіе и долгіе годы жить въ рабствѣ и ожидать лучшаго времени. Въ такомъ положеніи находится въ настоящее время Турецкая Арменія. Ихъ свобода въ будущемъ обезпечена, но имъ придется долго ее ожидать. Но самымъ страннымъ и самымъ трагическимъ можетъ быть положеніе того народа, который духовно и культурно возродится, который сьорганизуеъ свои силы и свои капиталы, которому удастся расположить въ свою пользу народы и правительства всего міра и который въ эту счастливую для него минуту найдетъ свою землю, завѣтную мечту своихъ историческихъ стремленій, фактической собственностью чужого, сильно развитаго культурно и экономически народа. *Въ отношеніи трагизма такого момента нѣтъ ничего подобнаго въ міровой исторіи.* И мнѣ страшно становится, когда я себѣ представляю, что можетъ быть такой моментъ придется пережить еврейскому народу чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Вся мартирологія его двухтысячелѣтней исторіи будетъ ничто въ сравненіи съ этимъ моментомъ. И что еще болѣе ужасно, что онъ этимъ моментомъ будетъ обязанъ не только своимъ врагамъ, но и своимъ слѣпымъ одностороннимъ друзьямъ...

ГЛАВА III.

Сравнительно малые успѣхи сіонизма за послѣднія 25 лѣтъ отчасти и объясняются односторонней работой за все это время.

Въ теченіе 10-ти лѣтъ думали *только* о странѣ. Они совершенно

игнорировали народную организацию и развитие его духовных силъ, они ограничивались филантропіей и не создавали никакихъ *общественныхъ* капиталовъ, они не понимали необходимости превратить движеніе въ движеніе открытое предъ всѣмъ міромъ, а прятали его въ своемъ гетто. Они не дѣлали никакихъ попытокъ заинтересовать движеніемъ могучихъ представителей другихъ народовъ. Въ результатъ—нѣсколько вскормленныхъ филантропіей колоній въ Палестинѣ, и періодъ этотъ закончился печальнымъ крахомъ 1891-го года.

Начинается второй періодъ преобладанія духовнаго сіонизма. Въ этомъ періодѣ забыта была страна, игнорировались, какъ и раньше, внѣшнія обстоятельства и народная организация, *все было сведено къ внутреннему самопознаванію и духовному возрожденію*. Пять лѣтъ работы въ этомъ направленіи дали въ результатъ небольшую горсточку идейныхъ работниковъ, не имѣвшихъ для своихъ силъ никакого практическаго примѣненія; громадная-же еврейская масса оставалась индифферентной, и движеніе, накануне перваго конгресса, казалось умирающимъ.

Съ первымъ конгрессомъ начинается третій самый блестящій періодъ сіонизма. *Вся истинные сознательные сіонисты увидѣли въ Базельской программѣ синтезъ всѣхъ предшествующихъ программъ въ новой*. Заявивъ открыто предъ всѣхъ міромъ, что наше стремленіе—это создать еврейское государство въ Палестинѣ, Базельская программа выставила 4 пункта, которыми былъ обозначенъ путь, которымъ конгрессъ думаетъ достичь своей конечной цѣли: а) экономически и культурно овладѣть страной, в) организовать народные силы и капиталы, с) развить національное самосознаніе еврейскаго народа и д) дипломатическая работа, чтобы создать благоприятныя для *конечной цѣли* результаты.

И дѣйствительно смѣлость заявленія нашихъ правъ на Палестину, ясно намѣченные пути, обаяніе и колоссальная энергія организатора конгресса,—все это вмѣстѣ сотворило чудеса. Народъ воспрянулъ отъ вѣковой спячки. Куда только ни доходила вѣсть о конгрессѣ, всюду организовались кружки, проприосились пламенные рѣчи, собирались деньги. Усиленнымъ темпомъ шла работа отъ одного конгресса до другого. Сплотилась организация, народился банкъ, намѣчался національный фондъ. Къ тому-же присоединились и внѣшнія проявленія дипломатической дѣятельности—аудиенціи у государей, у министровъ. Все, казалось, предвѣщало ростъ и силу движенію. Но близко стоявшіе у кормила правленія и хорошо ознакомленные съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла скоро замѣтили ту-же основную ошибку, которую они видѣли въ первыхъ двухъ періодахъ сіонизма, а именно—*одностороннее направленіе*, напряжение *всѣхъ* силъ организациі *исключительно* на одномъ

пунктъ программы—на вѣдшихъ пріемахъ, на дипломатіи и на вѣдшей сторонѣ организаціи—на формально-правовой.

Всѣ остальные стороны дѣятельности игнорировались или, даже, были въ опалѣ. Первый пунктъ Базельской программы—экономическое и культурное овладѣніе Палестиной считался пасынкомъ. Слово «Klein-kolonisation-Chowewe-Zion» было синонимомъ всего мелкаго, ничтожнаго, бессмысленнаго. Колонизаціоннымъ комиссіямъ, избираемымъ конгрессами, не было предоставлено ни одной копейки, чтобы хоть что нибудь предпринять. Для главарей движенія Палестина и ея настоящее положеніе, послѣ шести-лѣтней работы, осталась столь-же неизвѣстной и чуждой, какъ и до перваго конгресса.

Въ не лучшемъ положеніи была и духовно-національная дѣятельность такъ называемая еврейская культура. Она стала *bête noire* конгрессовъ, пока съ нею окончателно не покончили на 6-мъ конгрессѣ. Какъ на иллюстрацію можно указать на то, какъ ничтожны успѣхи въ изученіи еврейскаго языка, неотъемлемой части національнаго возрожденія, за всѣ послѣдніе 7 лѣтъ.

ГЛАВА IV.

Такое направленіе дѣятельности не могло привести къ хорошимъ результатамъ. Съ одной стороны все движеніе зависѣло отъ дипломатическихъ успѣховъ данной минуты, съ другой стороны, всѣ многочисленные члены организаціи, слѣпо идущіе за своими вождями, жаждали живой практической работы, а ея то и не было. Ибо дипломатіей могли заниматься только *избранные*, вѣрнѣе говоря *избранный*. Общеніе съ страпою возрожденія, живая въ ней работа и дѣятельность, направленіе туда свѣжихъ силъ считалось ересью. Культурной работой громадное большинство не занималось изъ соображенія партійной тактики. Что-же оставалось дѣлать? Сбирать деньги и въ сотый разъ произносить одну и ту-же рѣчь. Крики, возгласы «давайте работу» все чаще и чаще стали раздаваться. И въ отвѣтъ на это на 4-мъ конгрессѣ вмѣсто настоящей сіонистской, прямо ведущей къ цѣли, работы былъ предложенъ суррогат *Gegenwarts-Programm*. Пошли артели, сеудо-сборегательныя товарищества, благотворительныя общества, сборы на голодающихъ, разгромленныхъ, пострадавшихъ отъ пожаровъ. Сіонисты стали проникать повсюду до вольныхъ пожарныхъ обществъ включительно.

Но прошло немного времени, и это увлеченіе улеглось. Всѣ почувствовали, хотя и не всѣ поняли, что это что-то не то, что эта работа не отвѣчаетъ ни на запросы конечнаго идеала, ни даже, что еще печальнѣе, на интересы минуты. Ясно стало, что если официальный сіонизмъ, базируя на легальныхъ отношеніяхъ ко всѣмъ правительствамъ, не

можетъ заниматься *радикальнымъ* переустройствомъ всей жизни еврейскаго народа въ странахъ его *теперешняго* мѣстожителства, то все перечисленные работы есть только толченіе воды въ ступѣ. И дѣйствительно, страшное экономическое обѣднѣніе, массовое бѣгство и эмиграція, пожары, погромы растутъ изо дня въ день. И снова все громче и громче раздавался голосъ: «Дайте намъ живую работу».

Къ этому присоединился еще одинъ факторъ: наша дипломатія очутилась въ одинъ неблагоприятный моментъ у «каменной стѣны». Что же вышло? Путь — семилѣтній, *исключительно дипломатическій*, долженъ былъ, хотя и временно, приостановиться. Многочисленные члены организациі требовали работы, а ея въ сионизмъ не оказалось. Почва стала уходить изъ подъ ногъ. Надо было спасти движеніе и—сдѣланъ былъ самый роковой шагъ за все 25-ти-лѣтіе нашего движенія — было предложено временно колонизировать Уганду. Затуманились умы, произошелъ страшный расколъ, начались братскія междуусобія, прекратилась всякая нормальная работа и въ результатѣ—полнѣйшій кризисъ движенія. Какъ Фаустъ, вызвавшій злой духъ, не могъ потомъ съ нимъ справиться, такъ и вызывшій въ жизни Nacht-Asye вызвалъ этимъ къ жизни различныя территориалистическія теоріи, съ ихъ грубымъ, циничнымъ ослепляніемъ Палестины и всего исторически дорогаго еврейскому народу. Сионисты до 6-го конгресса были сильны не дипломатіей, не деньгами и не организацией, *а исключительно цѣльностью идей и единствомъ въ своихъ рядахъ, Угандское же предложеніе нанесло брешь въ идеи и уничтожило единеніе на долгіе годы*. И въ доополненіе ко всему этому сионистской организациі пришлось выдержать самый страшный ударъ. Больное сердце творца конгрессовъ не выдержало страшнаго краха своего дѣтища и разорвалось... И мы теперь переживаемъ ужасный моментъ. Безъ вождя, безъ программы, безъ любви, безъ довѣрія другъ къ другу, безъ яснаго пониманія нашего дальнѣйшаго пути—ждемъ мы предстоящаго 7-го конгресса. Что онъ намъ дастъ? Довершить-ли онъ дѣло 6-го конгресса, т. е. окончательно разрушить и уничтожить то, что съ такими громадными усиліями было создано въ 25 лѣтъ, и въ особенности, въ послѣдніе 7 лѣтъ, или-же въ минуту отчаянія ему удастся сдѣлать колоссальное усиліе и исправить ошибку предшествующаго конгресса и снова ясно опредѣлить путь дальнѣйшей работы? Я хочу вѣрить, что онъ окажется на высотѣ своего призванія и сдѣлаетъ *второе*, ибо этотъ путь не долго искать—онъ ясенъ—*возвратиться къ Базельской программѣ во всей ея полнотѣ и цѣлости*.

ГЛАВА V.

Основное положеніе Базельской программы гласитъ—создать для еврейскаго народа öffentlich-rechtlich Heimstädte in Palästina. Ясно для каждаго, что конечная цѣль движенія есть öffentlich-rechtlich Heimstädte, а не какой нибудь духовный центръ и не простая филантропическая колонизація. Съ другой стороны, ясно сказано in Palästina и во всѣхъ теоріямъ и программамъ территориалистовъ нѣтъ мѣсто въ сіонистской организаціи. Для большаго подчеркиванія этого факта, для того, чтобы разъ на всегда не давать возможности псевдо-сіонистамъ волновать умы и укрываться подъ сіонистскимъ флагомъ, конгрессъ долженъ прибавить одно маленькое, но очень многозначущее слово *Nur in Palästina* и эту основную формулу сдѣлать органической, *непоколебимой никакими послѣдующими конгрессами*. Дальше 7-ой конгрессъ долженъ ясно намѣтить работу, указанную въ 4-хъ пунктахъ Базельской программы, но отнюдь не игнорируя какой-либо пунктъ и отнюдь *искусственнымъ образомъ*, не прибавляя какого нибудь новаго пути вродѣ Nacht-Asyl должно быть наше отношеніе къ Базельской программѣ.

Разберемъ всѣ четыре пункта отдѣльно, по чисто техническимъ удобствамъ изложенія, но не въ порядкѣ ихъ формулировки.

А. Организація еврейскаго народа.

Въ развитіи нашего организаціоннаго статута ощущается потребность уже послѣдніе три года, но особенно она стала необходимой вслѣдствіе многочисленности группировокъ нашей партіи, а также вслѣдствіе смерти перваго президента конгресса и Actions-Comité.

По этому пункту я намѣренъ представить спеціальнѣй докладъ, а теперь перейдемъ ко второму.

ГЛАВА VI.

Б. Поднятіе самосознанія среди еврейскаго народа.

Объ этомъ пунктѣ много говорить не придется. Столько уже говорилось и писалось въ послѣднее время. Это должно быть одной изъ основныхъ работъ не Actions Comité, но всѣхъ кружковъ, федерацій и группъ. Каждая страна, каждая группа, каждая федерація, каждый кружокъ по своимъ взглядамъ, по своему мировоззрѣнію и по своимъ мѣст-

нымъ условіямъ должны работать, стремясь всё къ одному конечному результату—воспитать и перевоспитать всё еврейскіе слои, стремиться къ возрожденію своего народа въ *страннъ его предковъ*, быть готовымъ приносить наиболѣе крупныя для этого жертвы и, наконецъ, вѣрить исключительно въ свои собственные силы.

Но эта культурно-воспитательная дѣятельность не должна быть поверхностной, шаблонной, какъ это практиковалось до сихъ поръ, а болѣе глубокой и болѣе интенсивной.

На одну сторону этой работы я особенно хочу указать—возрожденіе оврейскаго языка должно вестись такъ-же интенсивно, какъ возрожденіе страны и возрожденіе народа. Онъ долженъ стать *оффициальнымъ* языкомъ нашего движенія, нашихъ вождей и работниковъ. На *своемъ языкѣ*, въ своей литературѣ должны сойтись умы нашего народа. Языкъ этотъ долженъ быть святымъ въ *смыслѣ народномъ* и мизрохисту и фракціонеру нашей партіи. Повторяю, что вся эта работа есть мѣстная работа кружковъ и федерацій, работа въ которой они независимы, но въ своей работѣ и своей дѣятельности они должны отчитываться предъ конгрессомъ, какъ они отчитываются въ сборѣ шекелей, продажѣ марокъ и проч.

ГЛАВА VII.

В. Подготовленіе другихъ народовъ и правительствъ къ достиженію евреями Палестины.

Эту такъ называемую политическую, дипломатическую работу я считаю въ высшей степени необходимой и важной. Она должна пойти и пойдетъ еще болѣе интенсивно, чѣмъ прежде, благодаря тому, что эта работа станетъ дѣломъ не одного лица, а группы лицъ. При жизни Герцля вся эта работа была сосредоточена исключительно въ его рукахъ. Эта выдающаяся, обаятельная личность невольно затмѣвала, не давала ходу на пути еврейской дипломатіи никакимъ другимъ личностямъ. Къ тому-же этотъ некоронованный король еврейскаго народа главнымъ образомъ сосредоточилъ свое вниманіе на государяхъ другихъ народовъ и ихъ министрахъ. Онъ не имѣлъ фактической возможности отдать больше вниманія и больше времени *широкимъ слоямъ* европейскихъ народовъ. Съ другой стороны, ставя рѣшительныя и окончательныя требованія Султану и его правительству, онъ не могъ и не хотѣлъ ограничиваться малымъ, брать постепенностью. Не то теперь: Герцля у насъ нѣтъ и не предвидится скорого появленія новаго. *Volens-nolens* группа лицъ должна будетъ совмѣстно выполнять его работу. То или иное лицо, которое явится предъ тѣмъ или инымъ властью имущимъ не сумѣетъ опираться

на обязаніе своей личности, а должно будет опираться на силу и престижъ сионистской организаціи. Эта послѣдняя, естественно, будетъ больше импонировать демократическимъ массамъ другихъ народовъ, ея интеллигенціи и передовымъ личностямъ, парламентамъ Западной Европы и Америки, чѣмъ государямъ и министрамъ. И характеръ политической и дипломатической работы, естественно, перенесется изъ кабинетовъ государственныхъ людей въ большіе залы конгрессовъ и митинговъ. Мы пойдемъ по пути эллиновъ, итальянцевъ, армянъ и македонцевъ. Иная политика должна быть такъ-же и по отношенію къ Турціи. Ставя конечные идеалы въ своей программѣ и въ своей агитаціи, мы съ турецкаго правительства, при содѣйствіи европейскихъ консуловъ, должны будемъ затребовать восстановленія нарушенныхъ своихъ правъ въ Палестинѣ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что русское правительство восстановитъ для насъ права своихъ подданныхъ, какъ это уже отчасти сдѣлали правительства Западной Европы и Америки. Кто хорошо знакомъ съ отношеніемъ русскаго правительства къ еврейской эмиграціи въ этомъ сомнѣваться не можетъ.

Наша дипломатія должна будетъ стоять на стражѣ въ столицѣ Турецкой Имперіи, чтобы использовать каждый благопріятный моментъ, а такихъ не мало бываетъ, для усиленія своего вліянія и для постепеннаго расширенія и укрѣпленія нашихъ правъ въ Палестинѣ. Еще на одну сторону нашей политической работы я хочу указать—работы, которой до сихъ поръ совершенно не было. Посредствомъ прессы и политическихъ связей вліять на общественное мнѣніе турецкаго населенія и готовить его въ благопріятномъ для насъ направленіи. Турецкая печать бѣдна, цензура ее страшно давить, но все-же она можетъ быть для этого использована. Особенно можетъ быть для этого использована свободная арабско-египетская печать, которая имѣетъ громаднее вліяніе во всей Сиріи и Малой Азіи. Правда, общественное мнѣніе въ Турціи имѣетъ весьма малое значеніе; Ильдизъ-Кіоскъ распоряжается безапелляціонно судьбами Имперіи, но мы должны имѣть въ виду *будущее*, ибо наша дипломатія была-бы не на высотѣ своего назначенія, если-бы она считалась *только* съ положеніемъ въ данный моментъ и не была достаточно дальнорюкка, чтобы приподнять завѣсу будущаго. Резюмирую: Политически-дипломатическая работа занимаетъ *одно изъ главныхъ мѣстъ* въ нашей программѣ. Это не есть дѣло кружковъ, но и не есть дѣло одного лица—это есть дѣло коллегіи. Эта коллегія, опираясь на организацію вноситъ и защищаетъ наши *конечныя* требованія и въ кабинеты монарховъ и въ залы парламентовъ и на площади народныхъ массъ. Коллегія, опираясь на защиту европейскихъ правительствъ, завоевываетъ шагъ за шагомъ наши права въ

Турціи и подготавливает общественное мнѣніе Турецкой Имперіи къ моменту конечнаго выполнения нашей цѣли.

Наша дипломатическая работа, однимъ словомъ, будетъ не блестяща, но продуктивна, успѣхъ ея не скорый, но вѣрный.

ГЛАВА VIII.

Г. Колонизація страны еврейскими земледѣльцами и ремесленниками.

Этому пункту я въ настоящемъ своемъ докладѣ посвящу наибольшее вниманіе и мѣсто по слѣдующимъ причинамъ: во-первыхъ, я въ настоящее время считаю эту работу наиболѣе плодотворной и она можетъ занять наибольшее количество дѣятелей и работниковъ; во-вторыхъ, вопросъ о реальной работѣ въ Палестинѣ меньше всего разрабатывался сіонистской печатью и сіонистскими агитаторами; въ-третьихъ, этотъ пунктъ Klein kolonisation Infiltration настолько считается ничтожнымъ, молкимъ настолько всѣ увѣрены въ невозможности сдѣлать что нибудь серьезное теперь въ Палестинѣ, что я считаю необходимымъ подробно выяснитъ, какое обширное поприще для дѣятельности представляетъ Палестина даже при существующихъ нынѣ условіяхъ. Я хочу указать, что нашихъ наличныхъ силъ еще слишкомъ мало, чтобы выполнить *всю* имѣющуюся тамъ въ наличности работу. Чтобы устроить еврейское автономное общество, или вѣрнѣе говоря, еврейское государство въ Палестинѣ, раньше всего необходимо, чтобы вся Палестинская земля или хотя-бы большая часть была еврейскою собственностью. Безъ права собственности на землѣ, сколько-бы ни было евреевъ въ Палестинѣ въ городахъ и даже въ деревняхъ, Палестина никогда не будетъ еврейскою. Евреи тогда были-бы въ томъ-же ненормальномъ положеніи, въ которомъ находятся теперь во всѣхъ странахъ «Голуса». У нихъ не было-бы почвы подъ ногами. Но какъ пріобрѣтается земля въ какой нибудь странѣ? Исключительно только однимъ изъ слѣдующихъ трехъ способовъ: силой—завоеваніемъ, лишая собственника его собственности,—принудительной покупкой, т. е. государственной экспроприаціей и добровольной покупкой.

Какой-же изъ этихъ трехъ способовъ примѣнимъ въ данномъ случаѣ для Палестины? Первый исключается совершенно. Мы слишкомъ слабы для этого. Остается второй и третій. Разсмотримъ, какія имѣются въ настоящее время земли въ Палестинѣ и на сколько примѣнимы къ нимъ оба эти способа.

ГЛАВА IX.

Палестина въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. Палестина библейская, имѣеть около 2 милліоновъ десятинъ земли разныхъ качествъ. Въ рукахъ евреевъ имѣется около 50-ти тысячъ, т. е. около 2¹/₂ процентовъ. Небольшая часть находится въ рукахъ европейцевъ, преимущественно нѣмцевъ, армянъ и грековъ. Вся-жѣ собственно земля Палестины можетъ быть раздѣлена на 3 приблизительно равныя категории: часть—собственность Султана и управляется Удѣльнымъ Вѣдомствомъ (Джифтхинкъ). Часть—принадлежитъ арабамъ помѣщикамъ (эффенди), христіанамъ и мусульманамъ и часть, наконецъ, принадлежитъ арабамъ крестьянамъ (феллахамъ). *Государственной-же земли въ Палестинѣ совершенно нѣтъ.*

Итакъ, посмотримъ, примѣнима-ли государственная экспроприація въ пользу евреевъ колонистовъ, въ отношеніи всѣхъ этихъ земель. По отношенію къ эффенди и феллахамъ и рѣчи быть не можетъ о какойнибудь принудительной продажѣ. Ни Турція, ни европейскія державы никогда не предоставятъ въ своемъ чартерѣ евреямъ права выдворять собственниковъ изъ ихъ земель. Безусловно автономными правами, которыя будутъ въ будущемъ предоставлены евреямъ, должно будетъ пользоваться такъ-же и мѣстное мусульманское населеніе. Слѣдовательно, *только по добровольному* договору возможно будетъ будущимъ еврейскимъ колонистамъ приобретать земли у эффенди и феллаховъ. Остается, значитъ, только третья часть Палестины—джифткликъ. Какъ разъ эта именно земля наимѣе пригодна по своимъ климатическимъ условіямъ для начала *широкой* колонизаціи. Эти земли находятся, главнымъ образомъ, въ Иорданской долинѣ Эль-Хоръ съ ея тропическимъ климатомъ и въ болотистыхъ лихорадочныхъ мѣстностяхъ при Меранскомъ озерѣ. Эти земли въ высшей степени богаты по своей флорѣ, но нужны громадныя предварительныя затраты на ихъ оздоровленіе, а также ихъ колонистами могутъ стать люди, приспособившіеся въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ къ Палестинскому климату. Кромѣ того не пустыремъ лежитъ теперь эта земля. На ней живутъ и работаютъ такъ называемые Мутробы—Арабы, мусульмане, выходцы изъ Алжира, Туниса и Балканскаго полуострова, не хотѣвшіе примириться съ христіанскимъ господствомъ въ тѣхъ странахъ. И Султанъ—Калифъ всѣхъ правовѣрныхъ взялъ ихъ подъ свое покровительство и далъ имъ свои *собственныя* земли въ пользованіе на извѣстныхъ условіяхъ. Онъ получаетъ съ нихъ 0/о натурой съ урожаяевъ. Опять таки не думаю я, чтобъ въ интересахъ Калифа въ будущемъ было лишить правовѣрныхъ ихъ земель и *насилъно* ихъ

выдворить. Безъ сомнѣнія и тутъ приобрѣтеніе этихъ земель евреями произойдетъ по вольному договору съ живущимъ тамъ теперь населеніемъ. Такимъ образомъ, единственное средство для приобрѣтенія Палестины, когда-бы то ни было, при какихъ-бы то ни было политическихъ условіяхъ, это есть покупка.

Посмотримъ-же теперь, когда удобнѣе, легче и дешевле приобрѣтать земли въ Палестинѣ—до полученія чартра или послѣ полученія чартра? *Я категорически заявляю: до полученія чартра.*

Какія причины заставляютъ теперешняго феллаха и эфенди продавать свои земли?—Запущенность и некультурность страны, тяжелые, непосильные налоги, вымогательство со стороны турецкихъ чиновниковъ, безправіе феллаха, и всѣ остальные прелести турецкаго режима. Все это сразу мѣняется съ полученіемъ евреями правъ на самоуправленіе. Зацвѣтетъ страна, облегчатся тяжести; къ новой жизни будетъ призвано населеніе, оздоровѣтъ оно экономически и культурно и не будетъ причинъ арабу оставить свое насиженное мѣсто, продать свою землю и уйти въ другую провинцію Турецкой Имперіи, подвергаясь старому режиму. Причина, которая многихъ мусульманъ, (все-же въ общемъ незначительный процентъ) заставила уйти изъ Алжира, Туниса, Балканскаго полуострова тутъ не будетъ имѣть мѣста. Тамъ его заставила уйти ненависть къ христіанину и къ его господству и очень часто грубое, не вполне законное обращеніе съ ними новыхъ чиновниковъ и новыхъ администраторовъ. Ничего подобнаго не можетъ быть въ Палестинѣ. Арабы въ высшей степени дружно и мирно уживаются съ евреями. *Признаютъ безусловно ихъ историческое право на страну.* Къ тому-же еврейскіе чиновники-администраторы врядъ-ли себѣ позволяютъ то, что себѣ позволяютъ Алжирскій, Болгарскій и Боснякскій. Имъ-бы слишкомъ скоро другіе напомнили объ ихъ правахъ и обязанностяхъ. И поэтому я повторяю, приобрѣтеніе земли *послѣ* чартра будетъ непомѣрно труднѣе. Но если даже и извѣстная часть согласится запродавать свои земли, то она заломитъ такія цѣны, которыя врядъ ли можно будетъ по чисто экономическимъ расчетамъ уплатить. Кто хоть немного знакомъ съ арабомъ, кто хоть разъ пробовалъ въ Палестинѣ кое-что приобрѣсти, тотъ пойметъ, что это за непосильная работа. И теперь, когда арабъ прекрасно знаетъ, что евреи не пользуются никакими особенными правами, что иностраннымъ евреямъ даже затрудняютъ всякаго рода покупку, что охотниковъ евреевъ приобрѣтать землю въ Палестинѣ очень мало, то и теперь стоитъ только пріѣхать одному-двумъ съ намѣреніемъ приобрѣсти небольшой участокъ земли, какъ быстро разносятся слухи о еврейскихъ милліонахъ, какъ поголовно арабы отказываются *пока* продать землю, ожидая лучшаго времени и лучшихъ цѣнъ. Только послѣ долгихъ пере-

говорить, выдержки, терпѣнія удастся присоединить небольшой участокъ къ еврейскимъ владѣніямъ. Что-же будетъ въ тотъ моментъ, когда арабъ узнаетъ, что въ рукахъ еврейскаго народа имѣется чартеръ съ правомъ на самостоятельную жизнь въ Палестинѣ, когда ихъ милліоны будутъ не фиктивны, а дѣйствительны? Я себѣ не представляю возможности *тогда* реализовать полученный чартеръ. И такъ, мы немедленно должны приступить къ покупкѣ земель. *Геулосъ-Гоорецъ — выкупъ земли должно стать лозунгомъ нашимъ въ настоящее время.* Покупать всѣми способами, всѣми средствами, которые имѣются въ нашемъ распоряженіи и всякія земли, которыя возможно при данныхъ обстоятельствахъ. Ибо нѣтъ ни одного клочка земли въ Палестинѣ, который не сможетъ для той или иной цѣли раньше или позже намъ пригодиться. Разберемъ обстоятельно, какія земли надо покупать, на какія средства и какимъ способомъ?

ГЛАВА X.

Земель въ Палестинѣ имѣется въ продажѣ большіе сплошные участки, очень слабо населенные, пригодные для различныхъ культуръ, преимущественно хлѣбныхъ, для скотоводства и овцеводства и баснословно дешевы. Эти земли находятся къ востоку отъ Иордана, къ востоку отъ Мертваго моря, въ Южной части Иудеи, начиная отъ Газы и доходя до Турецко-Египетской границы Вадъ-Эль-Аришъ. Эти земли можно приобрести по цѣнѣ отъ одного до 10-ти франковъ дунамъ (11³/₄ дунама равняется одной десятинѣ).

Вторая категорія земель—это есть тоже довольно большіе участки, но меньше первыхъ, очень плодородные, но довольно лихорадочные и съ довольно густымъ населеніемъ. Эти земли имѣются въ Галилеѣ (Эздрелопская долина), по берегу Средиземнаго моря (Вадъ-Хаваръ) и друг. Цѣны этихъ земель отъ 15-ти до 25-ти франковъ.

Наконецъ, имѣются земли различнаго качества, небольшіе участки, разбросанные между городами и еврейскими колоніями по всей Палестинѣ, Галилеѣ и Иудеѣ и вездѣ довольно густо населенные. Цѣны этихъ земель отъ 15-ти до 45-ти франковъ.

Всѣ перечисленные троякаго рода земли безусловно должны быть нами закупаемы, но различными институтами и учрежденіями. Первые большіе и здоровые участки долженъ закупать національный фондъ, вторые большіе-же участки, еще нуждающіеся въ оздоровленіи, должны покупать баронъ Ротшильдъ и Ика. Наконецъ, третьи—мелкіе разбросанные и дорогіе должны закупать общество Геуло и разныя мелкія коле-

низационныя общества (Одесскій Палестинскій Комитетъ, Нѣмецкое Общество Эзра и т. п.).

Национальный фондъ долженъ обращать главное свое вниманіе на закупку большихъ сплошныхъ участковъ *на дешевыхъ земляхъ*, такъ какъ у него нѣтъ особенно большихъ средствъ, а количество національныхъ земель играетъ большую роль и, наконецъ, на здоровья, такъ какъ у него нѣтъ тѣхъ громадныхъ средствъ, которыя необходимы для оздоровленія земель. Къ тому-жъ онъ долженъ стараться, чтобъ эти земли были мало населены для того, чтобы освобожденіе этихъ земель отъ арабскаго населенія и замѣщеніе его еврейскимъ происходило безъ особыхъ затрудненій, безъ особыхъ треній.

Нахожу необходимымъ здѣсь сказать нѣсколько словъ объ уставѣ національнаго фонда. 1-й пунктъ устава, принятый на 6-мъ конгрессѣ, класитъ, что назначеніе національнаго фонда покупать земли въ Палестинѣ и сосѣднихъ странахъ и на оборудованіе этихъ земель. Такъ какъ уставъ фонда еще не зарегистрированъ никакимъ европейскимъ правительствомъ, то 7-й конгрессъ долженъ поторопиться исправить крупныя двѣ ошибки 1-го параграфа, а именно: вычеркнуть слова: «и въ сосѣднихъ странахъ», вычеркнуть слова «и на оборудованіе этихъ земель». Чтобы выкупить одну только Палестину и превратить эту землю въ національную нужны такія колоссальныя суммы, что закупка земель и въ сосѣднихъ странахъ на деньги національнаго фонда—прямо преступленіе. Для сосѣднихъ странъ, если тамъ возможна и желательна будетъ колонизація, найдутся другіе капиталы (различныхъ синдикатовъ), но никакимъ образомъ на это не можетъ быть затраченъ хотя бы одинъ грошъ національнаго фонда. Къ тому-же горькій опытъ насъ научилъ, что мы должны быть очень осторожны въ формулировкѣ своихъ статутовъ и своей программы. Кто знаетъ, не поймутъ ли когда нибудь, при сильномъ развитіи техники и путей сообщенія, подъ словомъ «сосѣдній» какую нибудь Ost-Africa или Афганистанъ?

Грѣшно также затрачивать деньги фонда на оборудованіе земель по двумъ причинамъ: еще много, много десятковъ лѣтъ пройдетъ, пока *вся* Палестинская земля будетъ национализирована и отдалить этотъ срокъ еще на большее разстояніе тѣмъ, что часть денегъ національнаго фонда будетъ затрачена на оборудованіе земель, это—не въ интересахъ внутренней политики будущей Палестинской автономіи. Къ тому-же оборудованіе земель предполагаетъ общественно-административныя работы и опыты съ подавленіемъ частной инициативы и свободы, т. е. все то, что предполагаетъ большія затраты и малые результаты. И на *наше* угодно капиталы, но не на кровныя копейки еврейскаго пролетаріата, можно производить эти работы и опыты. Земля, какъ-бы дорога не была оста-

нется народнымъ капиталомъ. Находящійся на ней низентаръ всякаго рода можетъ очень часто оказаться обезцѣненнымъ.

Повторяю измѣненіе 1-го параграфа устава въ указанномъ мнсю смыслѣ должно быть *обязательно* сдѣлано 7-мъ конгрессомъ.

ГЛАВА XI.

Вторую группу земель, какъ я сказалъ, должны закупать Ротшильдъ и Ика. Тотъ и другой имѣютъ громадныя суммы. Первый уже затрачивалъ и затрачиваетъ эти суммы на Палестинскую колонизацію. Второе очень мало сдѣлало и дѣлаетъ для Палестины. Но сионистская организація должна воздѣйствовать на Ика въ этомъ направленіи не руганью и не угрозами (ибо это средство не помогаетъ), *а примѣромъ разумной планомерной работы*. Ика на свои и на Ротшильдовскіе капиталы должна закупать плодородныя большія пространства приморскихъ земель и Галилейскихъ, затрачивать большіе капиталы на ихъ оздоровленіе и сдѣлать ихъ вполне пригодными для еврейской колонизаціи. Такъ какъ оздоровленіе этихъ земель будетъ происходить въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ небольшими участками, то и выдвореніе мѣстного арабскаго населенія будетъ происходить постепенно и не будетъ особенно затруднено. Начало такого рода покупокъ Ика уже сдѣлано, закупивъ 2 года тому назадъ землю Жидру — береговую полосу между Хейфой и Аккой — выдающееся во всей Палестинѣ мѣсто по своей будущности и по своему мѣстоположенію. Въ вышей степени плодородная для всяческихъ культуръ, эта мѣстность вмѣстѣ съ тѣмъ и очень лихорадочна и не здорова изъ-за многочисленныхъ бассейновъ-болотъ. За эту землю Ика платило, если не ошибаюсь, 18 франковъ за дунамъ. Если затратить на эту землю еще такую-же сумму на дренажъ, на осушку болотъ, на разведеніе эвкалиптусовыхъ лѣсовъ, и когда послѣ этого мѣстность станетъ вполне здоровой, то цѣна этой земли, при единственной гавани Палестинской — Хейфѣ, будетъ не 36 фр., а цѣлыхъ сто франковъ за дунамъ, если еще не больше.

Совершенно иной работой должны заниматься Общество Геуло и Колонизаціонныя Общества. Они должны быть посредниками между лицами, желающими на *собственныя* средства приобрести землю и между продавцами этой земли. Они должны способствовать расширенію и округленію еврейскихъ колоній, увеличенію надѣловъ колонистовъ и ихъ подрастающихъ дѣтей. Эти закупки могутъ и должны происходить безпрерывно, малыми частями и исключительно должны закупаться тѣ участки, которые немедленно-же могутъ быть заселены, реализованы. Поэтому

участки должны находиться непременно вблизи колоній или городовъ. То что эти участки очень дороги не должно насъ пугать и останавливать. Для земледельца земля представляетъ только всего $\frac{1}{3}$ его хозяйства, а для садовода и виноградаря даже $\frac{1}{5}$ и того меньше. Но за то, устраиваясь при уже существующей колоніи или городѣ, всѣ остальные расходы личной и общественной жизни на столько уменьшаются и облегчаются, что они съ лихвою окупаютъ излишекъ, затраченный на землю. Еще одно обстоятельство заставляетъ насъ непременно покупать эти участки.

Въ 4-хъ пунктахъ разбросаны существующіе 3 десятка еврейскихъ колоній: въ Иудеѣ—при Яфѣ, въ Нижней Галилеѣ—при Хейфѣ, въ Средней Галилеѣ—при Тиверіадѣ, въ Верхней Галилеѣ—при Сафедѣ.

Колоніи каждой группы отдѣляются между собою сравнительно небольшими чрезполосицами—отъ 2-хъ до 10-ти верстъ. Постепенной закупкой этихъ чрезполосицъ колоніи сольются между собою и представятъ сплошныя маленькія территоріи, принадлежащія евреямъ и заселенныя исключительно евреями. Это будетъ имѣть громадное значеніе для нашего будущаго. Не надо забывать, что съ развитіемъ еврейскихъ колоній богатѣютъ и развиваются находящіяся между ними арабскія деревни и, если мы теперь-же заблаговременно не постараемся присоединить ихъ къ своимъ владѣніямъ, то потомъ это врядъ-ли удастся.

Палестинское Одесское Общество, Общество Эзра и другія мелкія колонизаціонныя общества должны часть своего бюджета затратить на покупку земель при колоніяхъ для живущихъ тамъ, разросшихся семей. Общество-же Геуло съ своимъ капиталомъ въ 100 тысячъ рублей, совместно съ ассигнованной ему Англо-Палестинскимъ банкомъ въ видѣ займа суммы въ 200 тысячъ рублей, должно закупать эти земли и перепродавать за наличныя деньги состоятельнымъ лицамъ, получая при этомъ небольшую прибыль въ пользу Банка и своихъ пайщиковъ. Я тутъ скажу кстати нѣсколько словъ о законности существованія Геуло, такъ какъ это общество встрѣяло со стороны многихъ сильное противодѣйствіе. Переходъ земли Палестинской въ руки частныхъ собственниковъ противорѣчитъ молъ принципу націонализаціи земли, провозглашенному Національнымъ Фондомъ. Это вполнѣ вѣрно, но забываетъ при этомъ только одно, что Національный Фондъ, даже при большихъ успѣхахъ, чѣмъ онъ сдѣлалъ въ послѣдніе три года (900 тысячъ франковъ), не въ состояніи націонализировать хотя-бы даже самую малую часть Палестинской земли. Слѣдовательно у насъ есть 2 вопроса: вопросъ выкупа Палестинской земли и вопросъ націонализаціи земли. Для второго принципа можетъ работать только Національный Фондъ и никто ему помочь не въ состояніи. Единственно слѣдуетъ стараться увеличивать доходы

фонда. Для 2-го же принципа—выкупа земля—Национальному Фонду могут и должны помочь частная инициатива, что и дѣлаетъ общество Геуло. А кто на жизнь смотритъ съ точки зрѣнія реальныхъ условий, а не только книжныхъ принциповъ, тотъ долженъ признать, что частная инициатива неизмѣнно сильнѣе общественныхъ институтовъ. Еще одно хочу прибавить. Когда мы будемъ самостоятельно управлять своею судьбою въ Палестинѣ, когда капиталы нашего національнаго фонда будутъ громадны, и мы порѣшимъ экспроприровать частно-земельную собственность въ пользу національной, то спрашивается, что намъ будетъ легче провести въ жизнь—экспроприровать-ли земельную собственность евреевъ (закупленную благодаря Геуло), или-же собственность христіанъ и мусульманъ (оставшуюся въ ихъ рукахъ, благодаря отсутствію дѣятельности Геуло).

Отвѣтъ ясенъ для безпристрастнаго непредубѣжденнаго человѣка.

Итакъ національный фондъ, ИКА, Геуло, Колонизаціонныя Общества закупаютъ земли въ Палестинѣ.

Ясно и понятно, что представители всѣхъ этихъ учрежденій образуютъ земельный комитетъ въ Палестинѣ, который *одина исключительно* вѣдаетъ дѣломъ покупки. Никто, помимо него, не долженъ да и не сможетъ покупками заниматься. Земельный Комитетъ, среди котораго долженъ находиться опытный агрономъ, знатокъ мѣстныхъ языковъ и законовъ и практическій купецъ, финансистъ, подавить въ самомъ началѣ всякаго рода земельныя спекуляціи печальныхъ дней 90-хъ г.г. и будетъ въ состояніи диктовать свои требованія продавцамъ.

ГЛАВА XII.

Остается намъ теперь разобрать одинъ весьма важный пунктъ. Какъ обставить покупки при теперешнемъ Турецкомъ режимѣ? Трудно, страшно трудно покупать и заключать купчія на земля въ Палестинѣ, вслѣдствіе запутанности Турецкихъ законовъ о земельной собственности, базирующихся на религіозномъ законодательствѣ Корана и одновременно на гражданскомъ законодательствѣ Кодекса Наполеона.

Вслѣдствіе разнаго рода придирокъ и административныхъ притѣненій по отношенію перехода недвижимости къ иностранно-подданнымъ, вслѣдствіе кунктаторской политики турецкой администраціи, гдѣ время не только не деньги, но просто никакого значенія не имѣетъ, гдѣ безъ всеяльнаго бакшыша невозможно сдѣлать ни одного, даже вполне законнаго шага, повторяю, страшно трудно, неизмѣнно *трудно, но не невозможно*.

Съ трудностями-же сіонисты должны справиться.

Нашимъ орудіемъ для одолѣнія этихъ трудностей должны быть терпѣніе, время и деньги.

По договору, существующему между Турціей и Европейскими державами, каждый иностранный поданный, безъ различія вѣроисповѣданія, пользуется одинаковыми правами съ турецко-подданнымъ и слѣдовательно правомъ приобрѣтенія недвижимаго имущества. Но цѣлымъ рядомъ чисто административныхъ (не законодательныхъ) распоряженій центральное турецкое правительство старается затруднить этотъ переходъ. Но тамъ, гдѣ заступаетъ за своего подданнаго всесильный въ Турціи европейскій консулъ или же когда какой нибудь покупатель другимъ способомъ умѣетъ восстанавливать свои нарушенные права, турецкая администрація, послѣ долгихъ проволочекъ, принуждена наконецъ подчиниться и совершать купчія на имя иностранныхъ подданныхъ. И дѣйствительно за послѣднія нѣсколько лѣтъ закрѣпощены различные участки Палестинской земли на имена евреевъ-нѣмецко-французско—и, даже, *русско-подданныхъ*. Разберемъ различные способы приобрѣтенія земель.

1) На имя частнаго лица—турецко подданнаго, 2) на имя частнаго лица—иностранно-подданнаго и 3) на имя юридическаго лица (Банкъ, Фондъ, Геуло, Одесскій Комитетъ и проч.).

1. Еврей турецко-поданный легко и свободно можетъ приобрѣсть землю на свое имя. Никакихъ придирокъ не имѣется. Такимъ образомъ лица, поселяющіяся въ Палестинѣ, могутъ принять турецкое подданство, что дѣлается весьма легко—нужно только представить увольнительное свидѣтельство отъ своего Государства—(въ Россіи такія увольнительныя свидѣтельства доставляетъ Колонизаціонный Комитетъ ИКА въ Петербургѣ). При нежеланіи-же, по той или иной причинѣ принять турецкое подданство, можно землю купить на имя другого еврея турецкаго подданнаго, взявъ у него обезпеченіе на эту землю въ видѣ ипотеки. Еще удобнѣе купить большіе участки на имя не одного лица турецкаго подданнаго, а на имя цѣлаго синдиката такихъ лицъ нераздѣльно (мафрузъ) и отъ этого синдиката взять потомъ ипотеку.

2. Покупка на имя частныхъ лицъ—иностранно-подданныхъ безусловно труднѣе, но вполне возможна. Среди евреевъ и даже евреевъ сионистовъ имѣются цѣлыя десятки лицъ богатыхъ и вполне честныхъ, которые сумѣютъ отстаивать свои права при заключеніи купчей крѣпости на свое имя и которымъ можно, имъ и ихъ наслѣдникамъ, вполне довѣрить частное и общественное имущество. Но кромѣ того и эти лица выдаютъ обезпеченіе дѣйствительному собственнику, выдавъ декларацію, которую удостовѣряетъ консулъ его страны и въ которой онъ отказывается за себя и за своихъ наслѣдниковъ въ пользу дѣйствительнаго собственника.

И тутъ также можно рекомендовать, какъ и въ 1-омъ пунктѣ особенно для общественной собственности (Нац. Фондъ) купить нераздѣльно (мафрузъ) землю на имя синдиката, хотя бы всѣхъ членовъ Action Comité или же другихъ лицъ, избранныхъ конгрессомъ и отъ этого синдиката получить вышеупомянутую декларацію. Абсолютно нечего опасаться за право собственности ни въ 1-мъ, ни во 2-мъ случаѣ. Если бы когда нибудь, въ кои лѣта, выйдетъ какое нибудь юридическое недоразумѣніе съ какимъ нибудь лицомъ, то не это должно насъ пугать и остановить нашу основную работу—выкупъ земли.

3. Турецкое законодательство не знаетъ юридическаго лица, какъ въ турецкихъ учрежденіяхъ, такъ и въ иностранныхъ. Но и тутъ при сильныхъ стараніяхъ можно кое что успѣть: А. Можно получить, хотя это и очень рѣдко удастся, специальныйъ фирманъ на право приобрѣтенія имущества на имя учрежденія. Такъ приобрѣлъ Alliance Israelite на 99 лѣтъ землю для земледѣльческой школы Микве-Израель при Яфѣ. И если наша дипломатія въ Константинополѣ будетъ сильна и будетъ въ этомъ направленіи работать, то кто знаетъ, не удастся ли рано или поздно получить такой фирманъ для какого либо изъ нашихъ финансовыхъ учрежденій.

В. Превратить наше общественное имущество (Нац. Фондъ) въ такъ называемый вакуфъ (штрк),—это значить, что это имущество никогда не можетъ быть продано и доходы съ него идутъ на опредѣленныя общественныя и благотворительныя нужды (школы, больницы и тому под.).

С. Приобрѣтать имущества на имя директоровъ Банка или Фонда или представителей Геуло, записавъ въ купчей крѣпости, что такая-то земля переходитъ въ собственность директоровъ такого-то учрежденія (название учрежденія) А. В. и С. и т. д. (имена и фамиліи директоровъ). Эти директора заявляютъ потомъ консулу той державы, въ которой находится правленіе Учрежденія, что купленная на ихъ имя земля принадлежитъ не имъ лично, а учрежденію, директорами котораго они состоятъ. Такимъ способомъ приобрѣло недвижимое имущество Deutsche Palästina Bank и Banque Credit Lyonnais. Мнѣ кажется, я съ достаточной полнотой выяснилъ всѣ вопросы, касающіеся необходимости и возможности приобрѣтенія земли въ Палестинѣ. Я хочу только прибавить, что намъ всѣмъ—вожакамъ сіонизма должно быть стыдно, что за цѣлыхъ 25 лѣтъ нашей работы и особенно за послѣднія 7 лѣтъ мы не успѣли выдвинуть нѣсколькихъ знатоковъ специалистовъ-юристовъ, теоретиковъ и практиковъ европейскаго и турецкаго права, свободно владѣющихъ турецкимъ и арабскимъ языками. Мы все время говоримъ о политической работѣ, а не сдѣлали этого *перваго* необходимаго шага подготовки людей. Не пора-ли хотя бы и теперь пополнить этотъ пробѣлъ?

ГЛАВА XIII.

Итакъ мы приобретаемъ земли въ Палестинѣ. Но что мы съ ними будемъ дѣлать? Оставлятъ-ли ихъ въ видѣ необработанныхъ пустырей до получения чартра или-же использовать ихъ немедленно и сейчасъ-же?

Безусловно 2-ое и вотъ по какимъ причинамъ. Для конечнаго идеала нашего—полученія автономіи въ Палестинѣ необходимо, чтобъ мы не только владѣли тамъ большими земельными угодьями, но чтобъ мы имѣли тамъ большое еврейское населеніе. Вслѣдствіе этого необходимо колонизировать въ той или иной формѣ закупленные земли. Во 2-хъ, на эти земли будутъ затрачены большіе капиталы и не получать на нихъ никакихъ доходовъ будетъ слишкомъ невыгодно для нашихъ финансовъ.

Во 3-хъ, если эти земли будутъ лежать пустырями, то нѣтъ сомнѣнія, что сосѣди Арабы будутъ постепенно переходить границы и захватывать земли часть за частью, что вызоветъ безпечные споры и процессы.

Во 4-хъ, въ Турціи главный доходъ фиска составляетъ такъ называемый ошеръ ($12\frac{1}{2}\%$ всякаго урожая). Вслѣдствіе этого существуетъ законъ, по которому если 3 года подъ рядъ земля въ владѣльцемъ *совершенно* не обрабатывается и не платитъ государству *никакого* ошера, то земля эта конфискуется въ пользу государства и переходитъ въ такъ называемую махдуль. Этотъ законъ можно, собственно говоря, обойти, что практикуется многими, обрабатывая маленькую часть и внося ничтожный ошеръ. Но не въ нашихъ интересахъ такъ рисковать и заводить процессы съ турецкимъ правительствомъ.

Но какъ же теперь обрабатывать закупленные земли?

Земли, небольшими участками закупасмыя Колонизаціонными Обществами (Одесскій Палестинскій Комитетъ, Эзра и проч.) должны быть отданы многосемейнымъ колонистамъ, семейнымъ, давно живущимъ въ Палестинѣ, рабочимъ на долгосрочную выплату. Эти старые опытные колонисты и рабочіе будутъ себѣ на этомъ небольшомъ участкѣ возводить постепенно свое маленькое самостоятельное хозяйство, разводя тамъ ту культуру, къ которой наиболѣе пригодна та земля и къ которой наиболѣе приспособленъ самъ работникъ. Участки земель, закупленные различными собственниками при посредствѣ Общества Геуло, могутъ быть использованы однимъ изъ слѣдующихъ способовъ: 1) отдачей въ аренду этого участка (если земля пахатная) какому-нибудь еврею колонисту изъ той колоніи, при которой находится этотъ участокъ, получая съ него или извѣстный $\%$ урожая, или-же извѣстную сумму съ дунама; обновляя съ нимъ ежегодно *формальный* арендный договоръ, собственникъ мо-

жеть быть вполне спокоенъ, что арендаторъ не сумѣетъ присвоить себѣ эту землю. Можетъ онъ также, конечно, ежегодно сдавать свою землю въ аренду другому колонисту.

2. Если земля годится подъ плантаціи, виноградники и т. п., то собственникъ этой земли, оставаясь съ своей семьей на мѣстѣ своего постоянного жительства, поручаетъ какому нибудь лицу, живущему постоянно въ Палестинѣ, за небольшое жалованье или же посылать какого нибудь члена своей семьи, разводить различныя плантаціи. Ежегодно вкладывая въ землю и въ эти плантаціи извѣстныя суммы собственникъ и подготавливаетъ себѣ въ теченіи 4-хъ 6-хъ лѣтъ виноградники, бояры (сады) и проч., которые дадутъ постоянный ежегодный доходъ, на который можетъ жить вся его семья.

При посредствѣ Общества Гедоло будутъ покупать участки земли не случайно отдѣльныя лица, а цѣлыя группы лицъ изъ одного города или изъ одной страны и эти группы должны будутъ *сообща* разработать свое общее хозяйство, назначивъ специалиста управляющаго и только въ будущемъ, лѣтъ черезъ 5—6, когда все плантаціи будутъ готовы, произвести раздѣлъ между отдѣльными членами группы, предоставивъ каждому возможность получить свое доходное хозяйство, поселиться тамъ и зажить подъ своимъ виноградникомъ и подъ своей смоковницей. Такимъ способомъ въ 1890 г. Варшавское Общество Менухо-Венахло основало колонію Рехойвоєъ и въ настоящее время многіе изъ членовъ Менухо-Венахло переселились и живутъ уже въ Рехойвоєѣ, а многіе и по настоящее время живутъ еще въ Варшавѣ и имѣютъ общаго управляющаго въ Рехойвоєѣ, который завѣдуетъ ихъ хозяйствами и ежегодно высылаетъ имъ довольно солидный % на затраченный за все время капиталъ.

ГЛАВА XIV.

Переходимъ ко 2-ой категоріи земель, которыя будутъ закуплены барономъ Ротшильдомъ и ИКА. Эти земли послѣ осанпрованія должны быть распроданы небольшими участками на долгосрочную выплату (не менѣе 30-ти лѣтъ) съ начетомъ небольшого % (2-хъ годовыхъ).

Эти земли должны быть проданы тѣмъ лицамъ изъ колонистовъ, колониетскихъ дѣтей, рабочихъ, какъ изъ колоній, такъ изъ Палестинскихъ городовъ, которые сами и немедленно-же будутъ обрабатывать свои участки. Но при этомъ этимъ колонистамъ нужно будетъ пройти некоторую школу; еще очень мало у насъ имѣется хорошихъ, опытныхъ, трудолюбивыхъ пахарей въ Палестинѣ. А между тѣмъ молодыхъ людей,

слопяющихся безъ дѣла по колоніямъ, а особенно въ городахъ очень и очень много. Очень многіе изъ этихъ молодыхъ людей покидаютъ Палестину, эмигрируютъ. Нужно дать имъ работу, нужно ихъ готовить въ самостоятельные колонисты. Нужно создать, сьорганизовать нѣсколько чисто земледѣльческихъ фермъ, въ которыхъ хозяйство велось - бы административнымъ путемъ и гдѣ работали бы молодые люди подепно за минимальную плату, достаточную только для самаго скромнаго существованія. Въ этихъ фермахъ должны быть все новѣйшія усовершенствованія земледѣльческой техники и наилучшія примѣненія агрономіи, самое строгое требованіе и дисциплина по отношенію выполненія работы рабочими, но братскія идейныя отношенія внѣ работы между завѣдующимъ и рабочими.

Въ эти фермы будутъ притекать молодые люди изъ колоній, изъ Палестинскихъ городовъ и, даже, изъ чужихъ странъ. Они тамъ будутъ учиться работать. Такая ферма уже существуетъ, основанная ІКА это—Седжера. И не смотря на цѣлый рядъ ея недостатковъ и недочетовъ она оставляетъ прекрасное впечатлѣніе. Вы тамъ видите прекрасныхъ евреевъ пахарей. Создать еще такія фермы должны Національный Фондъ совмѣстно съ ІКА. Фондъ дастъ свои земли, ІКА постройки, живой и мертвый инвентарь. Первое время эти фермы дадутъ дефицитъ. Національный Фондъ будетъ покрывать дефицитъ тѣмъ, что не будетъ получать никакого % за затраченный на землю капиталъ. ІКА - же должно будетъ покрывать наличными эти дефициты. При умѣломъ веденіи хозяйства эти дефициты чѣмъ дальше все будутъ уменьшаться и затѣмъ фермы начнутъ давать даже небольшіе доходы. Поработавъ на фермѣ нѣсколько лѣтъ, выдержавъ искусь тяжелой работы и дисциплины, окрѣпнувъ духовно и физически, рабочій получаетъ у общества ІКА участокъ земли, *(который онъ самъ въ состояніи безъ наемныхъ рабочихъ обрабатывать)* на нѣсколько лѣтъ аренды, получая при этомъ также небольшую сумму отъ того-же общества (отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ франковъ на среднюю семью) на покупку живого и мертваго инвентаря, на сѣмена и на жизнь до перваго урожая. Онъ вноситъ Обществу ІКА за аренду земли или извѣстную часть урожая натурой или - же платитъ съ дунама деньгами. Проработавъ нѣсколько лѣтъ въ качествѣ арендатора и оказавшись трудолюбивымъ заправскимъ пахаремъ, онъ получаетъ свой участокъ въ полную собственность на долгосрочную выплату, и становится самостоятельнымъ хозяиномъ.

Совершенно иначе слѣдуетъ распорядиться и управлять землями Національнаго Фонда. Часть этихъ земель пойдетъ подъ фермы, какъ мы только что говорили, часть подъ опытыя научныя станціи (о чемъ

рѣчь впереди), остальные земли должны быть использованы двоякимъ способомъ: часть и небольшая должна быть превращена въ общественное хозяйство, напримѣръ, въ масличные лѣса (какъ проектируетъ Палестинская конгрессная коммиссія), если для разведенія этихъ лѣсовъ будутъ достаточно специальныхъ денегъ, въ чемъ я лично сомнѣваюсь. Но на большей части національныхъ земель должны быть устроены кооперативныя колоніи по проекту Оппенгеймера.

Для устройства этихъ кооперативныхъ колоній нужны земли, постройки, живой и мертвый инвентарь, сѣмена, расходы на жизнь до перваго урожая и общественные расходы (школа, врачъ и проч.). Первое должны дать Національный Фондъ, 2-ое, т. е. постройки, должно дать ИКА, 3-ье т. е. на инвентарь и проч. должны имѣть сами члены кооперации и, наконецъ, послѣднее, т. е. общественные расходы, долженъ дать Одесскій Палестинскій Комитетъ. Эти кооперативныя колоніи, развившись и окрѣпши, должны будутъ платить ежегодно Національному Фонду небольшой % на затраченный въ землю капиталъ, ибо въ ихъ собственность земли Національнаго Фонда никогда не перейдутъ, выплачивать съ начетомъ въ 2% годовыхъ Обществу ИКА за затраченныя на постройку деньги и, наконецъ, отказаться навсегда отъ помощи Одесскаго Комитета, принявъ на себя въ будущемъ всѣ общественные расходы. Мы такимъ образомъ рассмотрѣли всѣ три способа утилизаціи закупленныхъ земель. Но раньше чѣмъ съ этимъ вопросомъ покончить, я хочу остановиться на одномъ явленіи, отъ котораго зависитъ вся будущность Палестинскихъ колонизаціи, на такъ называемомъ рабочемъ вопросѣ.

ГЛАВА XV.

Кто хоть мелькомъ проѣхалъ по еврейскимъ Палестинскимъ колоніямъ могъ замѣтить громадное количество Арабовъ и Арабокъ, работающихъ на еврейскихъ поляхъ, въ еврейскихъ садахъ и виноградникахъ и даже въ еврейскихъ конюшняхъ и домахъ. Многія тысячи Арабовъ находятъ работу у евреевъ въ то время, какъ много евреевъ ходитъ и ищетъ работы. Гдѣ-же причина этой ненормальности? Рабочіе наемные безусловно необходимы въ колоніяхъ; виноградарь, садоводъ и даже пахарь, у котораго большой надѣлъ, безусловно самъ не можетъ справиться со всей своей работой и нуждается въ изрядномъ количествѣ наемныхъ рабочихъ. При наймѣ рабочаго онъ, конечно, руководствуется дешевизной, тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ можетъ нанять его на какой ему угодно срокъ и вообще побольше его эксплуатировать въ свою пользу. Всѣ эти преимущества имѣетъ Арабъ

скій рабочій надъ еврейскимъ. Арабъ, привыкшій къ самой убогой, нищенской жизни получаетъ плату, съ которой не можетъ мириться еврейскій рабочій, — человекъ съ большими потребностями.

Во 2-хъ, арабъ-рабочій живетъ близко къ еврейской колоніи въ своей деревнѣ, приходитъ на работу, когда она имѣется и уходитъ безъ претензій, когда ея нѣтъ. Онъ даже иногда работаетъ $\frac{1}{2}$ дня, а на другую половину дня уходитъ къ себѣ домой. Между тѣмъ въ Палестинѣ, по климатическимъ условіямъ и условіямъ полевыхъ работъ нужда въ рабочихъ рукахъ сильно варьируетъ въ теченіи года. Въ то время, какъ въ зимніе мѣсяцы нуждаются въ большомъ количествѣ рабочихъ рукъ, въ весенніе и лѣтніе гораздо меньше, а въ августъ и въ сентябрѣ почти совершенно нѣтъ работы. Въ періодъ дождей, зимою, напримѣръ, въ солнечные ясные дни прямо не хватаетъ рабочихъ рукъ, а во время перемежающихся проливныхъ дождей нѣтъ работы ни для одного рабочаго. Половину дней (солнечныхъ)—работаютъ, вторую половину идетъ проливной дождь—рабочаго рассчитываютъ. Всѣ эти условія выдерживаетъ арабъ, но не выдерживаетъ еврей, ибо онъ долженъ быть обезпеченъ работой круглый годъ, такъ какъ у него нѣтъ *своего клочка* земли, *своей* деревни, *своего* угла. Еще одно осложненіе. Арабъ не нуждается въ квартирѣ—или онъ уходитъ на ночлегъ въ свою деревню или—же онъ спитъ въ колоніи подъ открытымъ небомъ. Еврей-же не можетъ сдѣлать ни того, ни другого. Онъ долженъ нанять въ колоніи квартиру, а ея или вовсе нѣтъ или-же она ему не по карману. Все это вполнѣ законныя причины, заставляющія колонистовъ предпочитать арабскихъ рабочихъ еврейскимъ. Но имѣются еще причины, чисто-психологическія и совершенно неизвинительныя. Еврей администраторъ бароновскихъ колоній и еврей колонистъ-хозяинъ смотритъ на арабскаго рабочаго, какъ на выючное животное, которое онъ старается использовать и эксплуатировать, сколько только онъ можетъ. Онъ смотритъ на него сверху внизъ, считая себя господиномъ, а его слугой. Совершенно иное у него должно быть отношеніе къ рабочему еврею. Послѣдній требуетъ, и вполнѣ законно, отношенія къ себѣ какъ равный къ равному. Онъ сдумѣетъ постоять за себя при всякомъ нарушеніи своихъ правъ и на мѣстѣ и въ еврейской печати. Когда рабочій работаетъ въ администраціи, онъ знаетъ, что администраторъ назначенъ для него, а не онъ для администратора и объ этомъ иногда слишкомъ часто заявляетъ и довольно громко. Когда-же онъ работаетъ у еврея собственника, то онъ прекрасно знаетъ, что $\frac{9}{10}$ этихъ собственниковъ имѣютъ все свое благосостояніе не исключительно отъ трудовъ праведныхъ, а отъ барона Ротшильда, ІКА, Ховвей-Ціонъ. Совершенно естественно, что еврейскій рабочій претендуетъ на такое же самостоятельное хозяйство, какъ хозяинъ,

у котораго онъ работаетъ. Колонисты-же en masse также не особенно охотно поддерживаютъ этотъ рабочій элементъ, опасаясь какъ-бы часть ихъ благъ раньше или позже отъ рукъ тѣхъ же «благотворителей» не перешла отъ хозяина къ работнику.

Таково положеніе рабочаго вопроса въ Палестинѣ.

Среди многихъ тысячъ арабовъ рабочихъ имѣется всего нѣсколько сотъ евреевъ рабочихъ. *Это является въ полномъ смыслѣ слова язвой въ дѣлѣ колонизаціи.* И какъ ни трудно, какъ ни тяжело этотъ вопросъ разрѣшить, *его немедленно - же необходимо разрѣшить.* Иначе вся еврейская колонизація въ Палестинѣ строится на пеекѣ или, вѣрнѣе говоря, на вулканѣ. Бѣдный, забытый некультурный арабъ-феллахъ разовьется и онъ увидитъ цвѣтущія еврейскія колоніи съ *малочисленнымъ* еврейскимъ населеніемъ. Онъ узнаетъ, что *его* руки и *его* потъ создали это благосостояніе и онъ заявитъ довольно смѣло и открыто свои претензіи на это благосостояніе...

Когда лошадь сознаетъ свою силу, она сброситъ своего сѣдока. И теперь уже чуткое ухо можетъ услышать ворчаніе многихъ арабовъ, живущихъ въ Зихронъ-Яковѣ, что все это, молъ, *мы* создали. Кромѣ того арабы, живущіе въ деревняхъ, окружающихъ еврейскія колоніи, находя постоянный заработокъ въ этихъ колоніяхъ и не думаютъ больше распродавать свои земли и эмигрировать изъ страны, какъ это дѣлали раньше. Кто знакомъ съ положеніемъ напр. арабовъ деревни Сарафемъ и ихъ настроеніемъ до основанія колоніи Ришонъ-Леціонъ и теперь, тотъ меня ясно пойметъ.

Ясно, что необходимо разъ на всегда замѣнить рабочихъ арабовъ рабочими евреями. Но какъ это сдѣлать?

Необходимо создать всемірно-еврейскую рабочую артель изъ физически и идейно-здоровой холостой молодежи. Обязанность каждаго члена этой артели на 3 года поѣхать въ Палестину и отбыть воинскую повинность еврейскому народу не мечемъ и не ружьемъ, а пиюмомъ и сохой.

Эти тысячи молодыхъ людей должны будутъ явиться въ еврейскія колоніи предложить свои услуги въ качествѣ рабочихъ за то-же вознагражденіе, какое получаетъ арабъ, жить при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ при какихъ живетъ обыкновенный солдатъ, когда онъ живетъ въ казармахъ. Общественныя же учрежденія разныхъ колонизаціонныхъ обществъ должны имъ придти на помощь устройствомъ даровыхъ квартиръ во всѣхъ еврейскихъ колоніяхъ, медіц. помощью и культурной (библіотечка, газеты). Проработавъ 3 года, такой рабочій можетъ остаться въ странѣ, устроившись въ качествѣ арендатора при посредствѣ ПКА, въ какойнибудь кооперативной колоніи (если онъ привезъ для этого ~~нѣ~~

дому необходимы средства), большинство-же оставить Палестину и возвратится къ себѣ домой. *Прослуживъ 3 года своему народу, онъ будетъ имѣть право заняться своей личной судьбой.* Мы создаемъ такой артели достигнемъ еще одной цѣли—но менѣе важной. Связь между евреями Палестины и евреями странъ Голуса перестанетъ быть книжной (молитвы, книги и газеты), а станетъ живой. Сотни молодыхъ людей, приѣзжая въ Палестину, привезутъ съ собою идеи и настроенія работающихъ для Палестины. Сотни молодыхъ людей, возвращающихся изъ Палестины, передадутъ идеи и настроенія работающихъ въ Палестинѣ. Но будутъ-ли у насъ такіе молодые люди, готовые на такія жертвы? Я хочу вѣрить, что будутъ. Если въ началѣ 80-хъ годовъ у насъ были десятки Вилуйцевъ, то я убѣжденъ, что теперь мы ихъ можемъ имѣть тысячами. Молодежь чутка. Она ищетъ самопожертвованія. Нужно только кликнуть кличъ и указать ей путь. Я это теперь и дѣлаю.

ГЛАВА XVI.

Мы до сихъ поръ говорили исключительно о земледѣльческой колонизаціи. Переходимъ теперь къ другой формѣ—торгово-промышленной, которая была совершенно выпущена изъ виду въ теченіе всей нашей дѣятельности. Между тѣмъ послѣдняя важна и необходима по слѣдующимъ причинамъ:

1. Экономическое развитіе какого нибудь государства въ настоящее время все болѣе и болѣе переходитъ отъ земледѣльческаго къ промышленному, и только бѣдныя, отсталыя государства остались на чистомъ земледѣліи. Этотъ процессъ все дальше развивается и мы должны его имѣть въ виду съ самаго начала при созиданіи нашего центра въ Палестинѣ.

2. Мы строимъ не маленькій духовный центръ въ Палестинѣ, а большой политико-экономическій центръ, который могъ-бы принять большую часть еврейскаго народа. При небольшомъ пространствѣ Палестины это возможно будетъ только при сильно развитой промышленности и торговли (въ торгово-промышленной Бельгій, пространствомъ равной Палестинѣ, живетъ населеніе въ 6 милліоновъ).

3. Еврейская масса, которая будетъ эмигрировать въ Палестину, почти исключительно масса городская. Ее, поэтому, гораздо легче и съ меньшими затратами можно пристроить при фабрикахъ, при мастерской, чѣмъ при землѣ.

4. При теперешнихъ порядкахъ турецкаго режима, колонизація на землѣ сопряжена со страшными затрудненіями (законы о приобрѣтеніи

земель, громадные налоги и проч.). Между тѣмъ, какъ для развитія торговли и промышленности существуютъ благоприятныя условія—полная свобода со стороны турецкихъ законовъ и полное отсутствіе налоговъ, какъ для турецко-подданнаго, такъ и для иностраннаго.

5. Особенно еще благоприятствуетъ промышленности и торговлѣ центральное мѣсто Палестины между Европейскимъ и Азіатскимъ міромъ между Суэцкимъ каналомъ съ одной стороны и строящейся Багдадской жел. дороги съ другой; въ Палестинѣ находится много сырья для обработки (шерсть, сырецъ-шелкъ, продукты различныхъ плантацій, различныя ископаемыя при Мертвомъ морѣ и проч.).

Въ Палестинѣ еще долгое и долгое время будетъ баснословно дешевый рабочій трудъ. Единственный недостатокъ для развитія промышленности въ Турціи это—отсутствіе покровительственной системы (пошлина 8% *всякаго* привозимаго товара). Но этотъ недостатокъ вполне возмѣщается дешевымъ рабочимъ трудомъ и находженіемъ сырья на мѣстѣ, возмѣщается по крайней мѣрѣ на столько, чтобы быть въ состояніи вытѣснить заграничные товары съ мѣстнаго рынка. Говоря о колонизаціи городской, торгово-промышленной, я сразу расширяю нашу программу въ смыслѣ мѣста. Если, говорятъ о колонизаціи на землѣ въ качествѣ земледѣльцевъ, я исключительно думаю о Палестинѣ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, то, говоря о развитіи торговли и промышленности, я полагаю, что это намъ слѣдуетъ дѣлать во всей Азіатской Турціи и вотъ по какимъ причинамъ:

А) Нашъ будущій центръ можетъ быть *исключительно* только въ Палестинѣ. Поэтому всѣ наши силы, всѣ наши средства должны быть затрачены на приобретеніе исключительно Палестинской земли и на прикрѣпленіе къ землѣ евреевъ исключительно въ Палестинѣ и было-бы колоссальной ошибкой съ нашей стороны затрата нашихъ силъ на земледѣльческую колонизацію, хотя бы и частичную, внѣ Палестины.

В) Но одновременно съ устраиваніемъ своего центра мы должны готовиться къ тому, чтобы быть сильными вообще въ Турціи, а это возможно будетъ тогда, когда евреи будутъ въ большомъ количествѣ жить по всей Азіатской Турціи и составлять собою здоровый экономическій факторъ.

С) Развитіе торговли и промышленности евреевъ въ Азіатской Турціи вообще не затребуетъ съ нашей стороны никакихъ *особыхъ* усилій и затратъ, которыя были бы въ ущербъ собственно Палестинской работѣ.

Д) Направленіе еврейской эмиграціи въ Азіатскую Турцію вообще дастъ, хотя-бы въ небольшихъ размѣрахъ отвѣтъ на острую нужду теперешняго положенія евреевъ въ восточной Европѣ.

Инициативу въ развитіи торговли и промышленности въ Палестинѣ, Сиріи и Малой Азіи и привлеченіе для этого еврейскихъ капиталовъ, еврейскихъ знаній и еврейскаго труда долженъ взять на себя Евр. Колон. Банкъ въ лицѣ своего отдѣленія Anglo Palaestine Company. Нашъ Банкъ своимъ капиталомъ менѣе 3 милліоновъ рублей имѣетъ ничтожное значеніе среди европейскихъ банковъ вообще и Лондонскихъ въ частности. И сколько бы онъ ни старался себя популяризировать своими чисто банковскими операціями и дисконтомъ во всей Европѣ, онъ не достигнетъ равноправія съ ними на мировомъ рынкѣ, ибо дивиденды, которые онъ будетъ давать будутъ ничтожны. Онъ не можетъ рисковать, какъ это дѣлаютъ другіе банки. Онъ не можетъ работать, переучитывая свои вокселя чужими капиталами. Онъ въ концѣ концовъ банкъ политическій, а не чисто финансовый. Поэтому и по сей день, несмотря на безукоризненное, солидное веденіе дѣла его директорами, финансовый міръ его акцій не покупаетъ, а покупаютъ только идейные люди.

Основная цѣль банка быть юридическимъ лицомъ для полученія чартеровъ, концессій и проч. уже достигнута, благодаря утвержденному Англійскимъ министерствомъ уставу, и дальнѣйшіе банковскіе операціи въ Европѣ это дѣло не подвинуть. Совершенно иное дѣло, если онъ приложитъ свои капиталы постепенно, *непосредственно* на мѣстѣ своего назначенія въ Палестинѣ и въ Турціи. Тутъ онъ будетъ всемогущъ. Его ничтожные капиталы оказываются довольно крупными въ бѣдной Турціи. Нуждаясь въ специальныхъ разрѣшеніяхъ въ открытіи своихъ отдѣленій въ какой нибудь странѣ Европы, онъ въ нихъ совершенно не нуждается въ Турціи. Никого не спросясь, представитель Банка пріѣзжаетъ въ любой городъ Турціи, занимаетъ помѣщеніе, открываетъ свои операціи и не платитъ никакихъ налоговъ. Такъ было при открытіи Англо-Палестинской К^о въ Яффѣ, такъ было и въ Іерусалимѣ. И когда мѣстная власть попробовала дѣлать кое-какія затрудненія, то немедленно, по требованію Англійскаго посла въ Константинополь, получился приказъ изъ столицы дать Банку полную свободу работать. Нашъ Банкъ постепенно долженъ покрыть сѣтью своихъ отдѣленій все видныя пункты Турціи (Газа, Хейфа, Байрутъ, Сафедъ, Алеппо, Дамаскъ, Александретто, Смирна, Брусса и, наконецъ, самъ Константинополь). Эти отдѣленія Банка не только будутъ работать со своимъ капиталомъ, но будутъ привлекать въ свои кассы, въ видѣ срочныхъ и безсрочныхъ депозитовъ, многіе неподвижные капиталы, находящіеся въ Турціи въ изрядномъ количествѣ какъ евреевъ-сефардимъ, такъ и богатыхъ мусульманъ. Яффское и Іерусалимское отдѣленія намъ это уже доказали. Они почти исключительно работаютъ мѣстными капиталами. Въ

тоже самое время можно было видѣть, что мусульмане охотнѣе производятъ свои операціи черезъ европейскій Банкъ, чѣмъ черезъ существующіе тамъ нѣмецкій и французскій банки. При увеличеніи операцій нашего Банка онъ, несомнѣнно, будетъ также пользоваться кредитомъ въ европейскихъ банкахъ, а акціи его все больше и больше будутъ распродаваться, когда всемъ станетъ видно и ясно его значеніе и его работа, и его основной капиталъ будетъ постепенно расти. Интеллигентные практическіе люди, которые будутъ составлять штаты всѣхъ этихъ отдѣленій съ ихъ директорами во главѣ будутъ тѣми ячейками, вокругъ которыхъ будутъ группироваться и развиваться экономически здоровые элементы уже живущихъ на мѣстѣ евреевъ и вновь пріѣзжающихъ. Будутъ изучаться на мѣстѣ условия для устройства той или иной фабрики, того или иного промышленнаго и ремесленнаго заведенія. Безспорно первое время будетъ развиваться преимущественно кустарная промышленность, которая будетъ принимать постепенно все болѣе крупныя размѣры. Будутъ изучаться и развиваться торговыя предпріятія. Банкъ долженъ всему этому содѣйствовать инициативой, свѣдѣніями, связями. Онъ долженъ будетъ вызвать людей со знаніями, опытомъ и необходимыми средствами для устройства того или иного предпріятія. При достаточныхъ гарантіяхъ Банкъ придетъ на помощь предпринимателямъ и необходимымъ оборотнымъ капиталомъ. Такимъ образомъ въ Палестину и Турцію проникнутъ еврейскіе фабриканты, еврейскіе купцы, еврейскіе ремесленники, еврейскіе рабочіе, еврейскіе приказчики, еврейскіе бухгалтеры и т. под. и проникнутъ не только въ еврейскія дѣла, но и въ мусульманскія. Конечно, все это будетъ дѣлаться постепенно, осторожно, не вызывая наплыва голоднаго пролетаріата. Но все это еще мало. Банкъ *будучи на мѣстѣ*, будетъ всегда имѣть громадное вліяніе на столичную и провинціальную турецкую администрацію, будетъ всегда на стражѣ интересовъ нашей дипломатіи и облегчать ей ея путь... Кто знаетъ, какъ я, работу нашего Банка въ Палестинѣ въ теченіе 15-ти мѣсяцевъ, тотъ узнаетъ, что это не слова, а уже совершившійся фактъ. Банкъ и особенно его отдѣленіе въ Константинополь, находясь подъ сильной охраной Англійскаго флага, будетъ добиваться и постепенно получать различныя концессіи на большія общественныя работы и дѣла, какъ напр. разработку богатствъ Мертваго моря, постройку гаваней въ Лфѣ и другихъ приморскихъ городахъ, постройку подъѣздныхъ мутей, городскихъ и пригородныхъ трамваевъ, ирригаціонныя работы и проч. и проч. Банкъ, получивши такую концессію, привлекаетъ иностранныя еврейскіе капиталы для утилизаціи этихъ концессій, принимая самъ участіе въ качествѣ пайщика въ дѣлѣ и давши такимъ образомъ новую возможность для притока еврейскихъ рабочихъ рукъ. Еще въ одномъ

дѣлѣ Банкъ сильно можетъ содѣйствовать въ облегченіи тяготъ еврейскаго земледѣльца въ Палестинѣ отъ злоупотребленій откупщиками этого налога; при политической и экономической силѣ Банка онъ можетъ выставить этого откупщика и замѣнить его. Судами подъ разные земледѣльческіе продукты и орудія, краткосрочнымъ дешевымъ кредитомъ подъ круговую поруку, участіемъ въ постройкахъ погребовъ и проч. уже и теперь Яфѣскій Банкъ сильно помогаетъ экономическому развитію еврейскихъ колоній. Кто знакомъ съ той силой, какую имѣетъ иностранное финансовое учрежденіе въ Турціи, тотъ пойметъ, что при плапоуверенномъ выполненіи этого пункта нашей программы мы сильно окрѣпимъ въ Палестинѣ, мы будемъ имѣть сильное вліяніе въ Турціи вообще и мы, наконецъ, дадимъ новый путь еврейской эмиграціи. Еще на одно я хочу указать. Многихъ останавливаетъ и пугаетъ запретъ въѣзда еврейскихъ эмигрантовъ въ Палестину. Меня онъ совершенно не пугаетъ. Не говоря уже о томъ, что этотъ запретъ очень рѣдко примѣняется, онъ существуетъ исключительно для Палестины. Между тѣмъ я говорю объ эмиграціи въ Турцію вообще. Во 2-хъ, въ самой Палестинѣ можно развить торговлю и промышленность среди живущихъ уже тамъ евреевъ. Въ 3-хъ, эмигранты, покидающіе Восточную Европу и Россію навсегда съ увольнительнымъ свидѣтельствомъ своего правительства, могутъ принять турецкое подданство и свободно поселиться въ Палестинѣ. Въ 4) Еврейскія государства Западной Европы и Америки не лишены права поселенія въ Палестинѣ. Консулы ихъ государствъ отстояли нарушенныя ихъ права. Наконецъ въ 5) не сомнѣваюсь, что при нашемъ стараніи русское правительство также отстоитъ права своихъ подданныхъ евреевъ, какъ это сдѣлали другія державы.

ГЛАВА XVII.

До сихъ поръ мы все излагали методы экономическаго завладѣнія Палестиной. Но параллельно съ экономическимъ завоеваніемъ должно идти и завоеваніе духовно-культурное. Къ изложенію этого мы теперь и перейдемъ.

Какъ переходъ отъ экономической работы къ чисто культурно-духовной слѣдуетъ считать работу изученія и изслѣдованія страны. Я долго на этомъ останавливаться не буду, такъ какъ это признаютъ необходимымъ всѣ партіи въ сионизмѣ и объ этомъ довольно много писали и говорили. Обслѣдованіе страны должно быть самое широкое и самое полное. Обслѣдованіе почвы, различныхъ ископаемыхъ, находящихся въ нѣдрахъ страны, флоры уже находящихся въ странѣ и тѣхъ новыхъ растительныхъ формъ, которыя могутъ быть разведены въ странѣ, животнаго

карства и способы для улучшения разныхъ породъ. Климатическія условія, которыя столь разнообразны въ этой маленькой странѣ, и связанныя съ ними вопросы агрономическіе и вопросы гигиеническіе должны быть тщательно изучены, а также вопросы орошенія естественнаго и искусственнаго, метеорологія. Затѣмъ должны изучаться этнографія страны съ ея разнообразнымъ, разношерстнымъ населеніемъ и, главнымъ образомъ, всѣ отдѣлы турецкаго законодательства и мѣстнаго обычнаго права въ частности.

Результатомъ всѣхъ этихъ изслѣдованій мы будемъ дѣлиться съ мѣстнымъ населеніемъ, внося такимъ образомъ въ страну знанія, свѣтъ и культуру. Но для выполненія обширной программы изслѣдованій нужны деньги и люди. Нужно будетъ покрыть Палестину цѣлой сѣтью опытныхъ станцій всякаго рода, нужно будетъ производить всевозможные дорогіе опыты; нужно будетъ содержать цѣлый штатъ изслѣдователей и работниковъ. Землю для всѣхъ этихъ станцій долженъ дать Національный Фондъ; средства же для обзаведенія и содержанія должны дать различныя колонизаціонныя общества и ИКА въ томъ числѣ, ассигновки Actions-Comité изъ шекельныхъ суммъ и спеціальныя пожертвованія. Людей-же мы должны готовить изъ цѣлой плеяды нашей учащейся молодежи, жаждущей приложить свои силы для народнаго дѣла. Они, заранѣе подготовившись въ той или иной отрасли изслѣдованія, отправляются въ Палестину и известное количество лѣтъ работаютъ за весьма и весьма скромную плату. Во главѣ этого должны, конечно, стать уже известные ученые и за причествующее ихъ положенію жалованье; они получаютъ только общіе директивы и указанія отъ Actions-Comité. Такъ называемая Палестинская комиссія, избираемая Конгрессомъ, должна засѣдать не въ какой либо столицѣ Европы, а исключительно на мѣстѣ въ Палестинѣ. Какъ ни прекрасно теперешняя Палестинская комиссія работаетъ, но она несомнѣнно плодотворнѣе работала-бы, еслибы она засѣдала не въ Берлинѣ, а въ какомъ нибудь пунктѣ Палестины.

ГЛАВА XVIII.

Основная духовная культура въ странѣ заключается на воспитаніи его населенія. Въ этихъ школахъ населеніе привыкаетъ видѣть основу своего будущаго благосостоянія. Оно приобщается къ языку, литературѣ и культурѣ того народа, который является хозяиномъ этихъ школъ, понятно, только при условіи, если эти школы являются притягательными съ одной стороны по своей прекрасной постановкѣ, а съ другой стороны обученіе въ этихъ школахъ является дѣломъ добровольнымъ, а не давлениемъ какой нибудь грубой силы.

И мы видимъ, напримѣръ, что находящіяся въ Палестинѣ школы европейскіхъ народовъ охотно посѣщаются дѣтьми мѣстнаго арабскаго населенія. Въ одной Сиріи и Галилеѣ имѣется около 80-ти школъ русскаго Православнаго Палестинскаго Общества. Обучаются въ этихъ школахъ дѣти, между прочимъ, и русскому языку. И мы, евреи, думающіе о Палестинѣ, какъ о своемъ будущемъ центрѣ, должны имѣть свои школы во всѣхъ коловіяхъ и городахъ, и двери этихъ школъ должны быть свободно открыты какъ для евреевъ, такъ и не евреевъ, какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ. *Въ этихъ школахъ еврейскій языкъ долженъ быть господствующимъ языкомъ обученія. Въ колоніяхъ это—единственный языкъ* школы, въ городскіхъ же школахъ мужскихъ преподается еще арабскій и одинъ изъ европейскіхъ, въ женскихъ только одинъ изъ еврейскіхъ. И теперь уже въ школахъ Яффы, Іерусалима, Хойфы, Тиберіи и Байрута можно видѣть въ еврейскіхъ школахъ арабскіхъ мальчиковъ и дѣвочекъ (христианскіхъ и мусульманскіхъ) прекрасно владѣющихъ еврейскою рѣчью. Не нужно забывать, что арабскій языкъ очень близокъ къ древне-еврейскому. Господство еврейскаго языка во всѣхъ начальныхъ школахъ сплотитъ воедино разношерстное еврейское населеніе, говорящее на различныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ по числу странъ Голуса, откуда они вышли. За низшими школами и городскими должны пойти среднія школы, спеціально техническія и профессиональныя и, наконецъ, высшія—учительскій институтъ и политехническая школа. Для созданія всего этого Action's Comité не долженъ давать денегъ, но долженъ объединить уже существующія учрежденія, пекущіеся о школахъ Палестинскихъ и вызвать къ жизни новыя для этого организаци и учрежденія. Этотъ вопросъ о школахъ уже существующихъ, о программахъ, объ организаци и бюджетѣ требуютъ спеціального изложенія, что я и сдѣлаю въ своемъ очеркѣ, печатающемся въ Сіонистскомъ Сборникѣ «Stimme der Wehrheit (Würzburg)».

Прибавлю только еще нѣсколько словъ. Эта работа на школьномъ поприщѣ въ Палестинѣ въ широкихъ размѣрахъ затребуетъ много силъ духовныхъ, и мы открываемъ новое поприще дѣятельности для нашей молодежи. Потребуется много учителей и учительницъ въ дѣтскихъ садахъ, въ колоніальныхъ школахъ, въ городскіхъ среднихъ и низшихъ школахъ. Та часть нашей идейной молодежи, которая чувствуетъ въ себѣ педагогическое призваніе, должна будетъ себя подготовить къ своей спеціальной мисси, усвоивъ себѣ совмѣстно съ общимъ образованіемъ и спеціально еврейское. Эта молодежь должна будетъ пойти не только въ Палестинскія школы, но и во всѣ еврейскія школы, находящіяся въ Турціи и прививать будущему еврейскому поколѣнію наши основныя національныя

идея и требованія. Эта молодежь должна будетъ пойти въ Турцію не только въ качествѣ учителей и воспитателей, но и въ качествѣ представителей другихъ либеральныхъ профессій. Особенно есть мѣсто въ Турціи для нашихъ женщинъ-врачей, акушерокъ и фельдшерницъ. Мусульманская женщина почти никогда не обратится къ врачу мужчине, вѣдѣнію чего женщины могутъ имѣть большую врачебную практику.

Если эти женщины будутъ носительницами нашей идеи, то, проникая въ турецкіе и арабскіе гаремы, онѣ сумѣютъ приносить громадную пользу нашему дѣлу.

Раньше чѣмъ покончить со школьнымъ вопросомъ, я долженъ обратить особенное вниманіе на учрежденіе въ Иерусалимѣ учительскаго института и раввинскаго ешибота. Первое должно быть дѣломъ нашей прогрессивной сіонистской партіи, второе—ортодоксальной (мизрахи). Окончившіе въ этихъ учрежденіяхъ учителя и раввины охотно всеми общинами Голуса будутъ приглашаемы на должности и они такимъ образомъ сильно будутъ содѣйствовать сіонизированію еврейскихъ общинъ.

Ко всему вышесказанному о школьномъ дѣлѣ нужно прибавить, что школьное дѣло въ Турціи вообще и Палестинѣ въ частности, пользуется полнѣйшей свободой со стороны турецкой администраціи, особенно если эти школы основаны и ведутся какимъ нибудь иностраннымъ учрежденіемъ и обществомъ.

ГЛАВА XIX.

Указавъ, какими способами мы должны экономически и культурно завоевывать Палестину, необходимо прибавить, что въ Палестинѣ должно совершиться *уже* объединеніе всѣхъ тамошнихъ силъ евреевъ въ одной общей организаціи. 80-ти тысячное еврейское населеніе Палестины должно перестать являть собою цѣлыя десятки и сотни мелкихъ разрозненныхъ единицъ, очень часто враждующихъ между собою, а должно слиться въ цѣлое *единое* еврейство, объединенное однимъ языкомъ, одними и интересами и одной общей конечной цѣлью. *Эта организація должна быть авангардомъ нашихъ силъ.* Она должна быть нами поддержана и нами любяна. Она должна поставить себѣ цѣлью первыхъ своихъ шаговъ искорененіе духа шпоретства, господствующаго среди большей части городовъ и колоній Палестины. Она должна вдохнуть новую жизненную струю и призвать къ самодѣятельности и самопомощи. Она должна будетъ выдвинуть въ первую голову людей идейныхъ и самоотверженныхъ и устранить разныхъ начальниковъ, интригановъ и честолюбцевъ. Въ прошломъ году было положено основаніе такой организаціи и буря, поднявшаяся противъ этой организаціи въ различныхъ формахъ и подъ различными масками, только доказываетъ, насколько она необходима и насколько она

опасна для различныхъ отрицательныхъ элементовъ. Лучшіе, но къ сожалѣнію, многочисленныя идейные элементы Палестины остались вѣрнымъ этой организаціи и по сей день. Для упроченія такой организаціи новыя сильныя элементы необходимы и, если мы проведемъ всю нашу начертанную программу въ жизни, то эти элементы скоро туда явятся. Эта организація будетъ крѣпко расти по мѣрѣ роста еврейскаго населенія въ Палестинѣ и она, идя рука объ руку съ всемірной сіонистской организаціей, будетъ ковать еврейское будущее.

Я кончилъ свое изложеніе. Я не сказалъ ни одного новаго слова, но повторилъ старыя истины, которыя, чѣмъ онѣ старѣе, тѣмъ онѣ все больше и больше забываются. Я призываю всѣхъ искреннихъ Палестинцевъ—сіонистовъ возвратиться не къ Chibas-Zion, не къ духовному сіонизму и не къ дипломатическому сіонизму, а къ синтезу всѣхъ этихъ трехъ теченій—т. е. къ *политическому сіонизму, формулированному въ Базельской програм.мѣ.*

ГЛАВА XX.

Пройдутъ десятки лѣтъ,—народъ нашъ будетъ крѣпнуть духомъ, организаціей и матеріальными средствами. Страна наша постепенно фактически перейдетъ въ наши руки. Народы и государи всего міра проникнутся нашими историческими идеалами и плодъ нашей работы созрѣетъ. Нужно будетъ только его сорвать; и явится тотъ Герой, пришествіе Котораго нашъ народъ ожидаетъ вотъ уже скоро два тысячелѣтія. Не безправное или духовное Гетто странъ Голуса его вскорमितъ, а свободный духъ Іудейскихъ и Галилейскихъ горъ. Онъ намъ отопретъ врата нашей родины не *извнѣ, а извнутри*. Онъ соединитъ въ себѣ силу и отвагу древняго Баръ-Кохбы съ умомъ и обаяніемъ современнаго Герцля. Онъ смѣло и гордо предъ лицомъ всего міра водрузитъ бѣло-голубое знамя освобожденнаго Израйля на горѣ Сіонѣ.

Это не сказка. Это не фантазія. Это—сбудется.

М. Усышкинъ.

Изъ ново-еврейской поэзіи.

Х. Н. Бялика

(Во дни Хмѣльницкаго и Готты).

Молите Творца, небеса, за меня!
О, *если въ васъ* Богъ, и къ нему есть дорога,
Но стонъ мой не слышенъ у Бога—
Молите его за меня!
Нѣтъ въ сердцѣ застывшемъ ни жалобъ, ни боли,
Упала рука и надежды мертвы—
Доколь этотъ ужасъ, доколь?

Палачъ! Тебѣ шею подставилъ я—рѣжь!
Жестокъ ты,—насъ мало, убиты мы гнетомъ,
Весь міръ сталъ для насъ эшафотомъ
Ударь топоромъ, свою душу потѣшь!
Кровь хлынетъ, сольется въ бурливья рѣки...—
Невинной младенческой крови съ себя
Не смоешь вѣки, вѣки!

И если есть міръ справедливости гдѣ-то,—
Пусть сразу придетъ онъ, я жду его свѣта!
Но если не мнѣ его солнце взойдетъ,—
Пусть тронъ его рухнетъ, на вѣки падетъ,
Пусть рушится сводъ мірозданья,
Но вы процвѣтайте, убійцы, за кровь
Не встрѣтивъ вѣкъъ воздаянья!

Будь проклятъ зывающій: мечь!
Нѣтъ, мести той дикой и тонкой
За смерть и за муки ребенка
Не могъ бы и адъ изобрѣсть!

Пусть кровь та проникнетъ до бездны ~~бездонной~~,
Расшатаанный міръ разѣдая насквозь,
Основы земли оскверненной!

Л. Яффе.

Хроника внутренней жизни.

1 Декабря 1904 г.

Вяло и монотонно дотягивается до своего завѣтнаго итога Гомельскіи процессъ, еще не близится напряженный моментъ тяжелыхъ родовъ судебной истинѣ. Такія красочныя показанія, какъ старика Хонона Захарина, безхитростный рассказъ котораго о томъ, какъ его избивали на глазахъ патруля,—весь сочился кровью изболѣвшагося сердца; такіе затѣмъ величавые скульптурные типы властей улицы, въ страшный моментъ, когда по ней сновали въ поискахъ живности и добычи дотолѣ, казалось, мирные люди съ перекошенными отъ злобы лицами,—какъ Чарнолусскій и Еленскій—все рѣже появляются, быстрѣ замелькали блѣдныя фигуры свидѣтелей цѣною подешевле и, смѣняя одинъ другого, они торопясь на ходу вытряхиваютъ свои думы и наблюденія о еврейской сплоченности, экономическомъ угнетеніи евреями христіанъ и пр. Перепѣвы, какъ видите, старыхъ мотивовъ испорченной шарманки, столько вѣсковъ увеселявшей своими звуками нетребовательную публику заднихъ дворовъ, и удивляться лишь можно тому, что Шмаковскій оркестръ не исполнилъ на *bis* столь любимаго публикой номера своей программы, какъ обвиненія евреевъ въ ритуальномъ убійствѣ. Въмѣсто этого на авансцену выдвигаются болѣе серьезныя проблемы сіонизма съ его грозной организаціей, грозящей всему христіанскому міру, гдѣ, не говоря уже о «депутатахъ», «конгрессѣ», «съѣздахъ», даже мирный «шекель» принимаетъ мистическія формы громадной организаціонной силы; также широко дебатруется вопросъ объ участіи евреевъ въ социаль-демократической пропагандѣ, вызывавшей возмущеніе русскаго населенія и пр. Все, однимъ словомъ, показываетъ, что бѣдная шарманка обогатилась новымъ репертуаромъ и будетъ выводить свои трели уже не на мотивъ о всемірномъ кагалѣ, а о могущественной сіонистской организаціи.

Шмаковъ (свидѣтелю *Александрову*) Шекеля распространены у васъ среди евреевъ? Гомель посылалъ своихъ депутатовъ на конгрессъ сіонистовъ въ Вазель? Роль мѣстнаго еврейства въ дѣлѣ общихъ замысловъ евреевъ представляется для меня весьма важной.

Пантелъевъ (свид. *Раевскому*). Не допускаете ли вы, что погромъ былъ вызванъ не племенной враждой, а тѣмъ, что онъ былъ нуженъ для политическихъ цѣлей партіи социаль-демократовъ?

Раевскій. Это допустить довольно трудно.

Бринкенъ (свид. *Раевскому*). Не было ли русское населеніе озлоблено на евреевъ за социаль-демократическую пропаганду, не помогало ли оно начальству въ борьбѣ съ социаль-демократіей и не въ этомъ-ли корень вражды?

Ставятся, наконецъ, вопросы и болѣе детальныя:

Пантелъевъ: Какія книги читаетъ еврейская молодежь, дозволенные цензурой или недозволенные.

Конечно, подобные вопросы, обращенные къ сѣрой свидѣтельской массѣ, вызываютъ отвѣты, не далеко ушедшіе отъ показанія какого то свидѣтеля въ, печальной памяти, Кишиневскомъ процессѣ, начавшаго свое повѣствованіе съ „экономическихъ окрестностей Кишинева“,—такъ и здѣсь, какъ сообщаетъ корреспондентъ Восхода, на вопросъ Шмакова, обращенный къ одному изъ офицеровъ, знаетъ ли онъ что-либо о сіонизмѣ получился исчерпывающій отвѣтъ: „Да... знаю... это—тамъ особенно во Франціи, затѣялъ какой то докторъ... Мы останавливаемся на этомъ не курьеза ради, такъ какъ на фундаментѣ тяжелаго стона людскаго развертываются всѣ эти узоры и неумѣстный смѣхъ быстро растворился бы въ обильныхъ и горькихъ слезахъ,—не приводимъ мы этого также для характеристики приѣмовъ защиты одной части обвиняемыхъ въ лицѣ тѣхъ заплочныхъ мастеровъ вродѣ всякихъ Шмаковыхъ, Пантелѣевыхъ, Бринкеновъ и прочей братіи, коей со времянь существованія застѣнка на разныхъ поприщахъ жизни—нѣсть вообще числа и мѣры. Намъ въ данномъ случаѣ интересуется совершенно другой вопросъ. Мы видимъ, какъ свидѣтельскія показанія очевидцевъ преступленія, т. е. лицъ, которые по смыслу закона (ст. 718 уст. угол. суд.) не должны примѣшивать къ разсказу обстоятельствъ постороннихъ, ни повторять слуховъ, неизвѣстно отъ кого исходящихъ, а имѣютъ лишь воспроизвести фотографическій снимокъ событія совершенно безъ доморощенного философскаго освѣщенія,—почти всѣ посвящены формулировкѣ предъ Особымъ Присутствіемъ Судебной Палаты многолѣтнихъ наблюденій надъ національнымъ характеромъ евреевъ, основами ихъ вѣроученія, общественной жизни и пр., при этомъ для узенькаго поля лич-

ныхъ счетовъ, мелкой злобы и вражды маленькихъ людей подыскиваются широкія соціологическія обобщенія, теоретически не возвышающіяся, конечно, надъ уровнемъ міровоззрѣнія Гоголевскаго Петрушки. Все это здѣсь сплетается съ гдѣ то слышанными базарными толками и пересудами и въ такомъ видѣ представляется суду, какъ точное свидѣтельское показаніе, какъ единственный матеріалъ, на основаніи котораго создается судейское убѣжденіе.

Безусловно матеріалъ свидѣтельскихъ показаній при обвиненіяхъ въ массовыхъ преступленіяхъ является вообще крайне не надежнымъ и, если въ послѣднее время опыты Штерна, Листа и др. убѣждаютъ въ ошибочности свидѣтельскихъ показаній даже рѣзко очерченнаго факта, заключеннаго въ тѣсныя рамки времени и пространства, то нечего и говорить о томъ, какъ расплываются непосредственныя впечатлѣнія средняго свидѣтеля (а здѣсь уровень—ниже средняго) отъ наблюденія длительнаго и чрезвычайно сложнаго процесса насильственныхъ дѣйствій толпы, распространявшихся на большомъ районѣ съ неодинаковымъ нервнымъ напряженіемъ, назрѣвавшихъ притомъ задолго до рокового взрыва въ той психической заразѣ злобы, которая концентрировалась въ клоакахъ нѣкоторыхъ органовъ печати, въ высказываемыхъ въ семьѣ и школѣ воззрѣніяхъ мѣстныхъ „интеллигентовъ“ и т. д. Здѣсь прежде всего широко развитая наблюдательность, дающая возможность охватить однимъ взоромъ многогранную картину, а затѣмъ тотъ уголокъ зрѣнія, подъ которымъ свидѣтель наблюдалъ событіе—значать чрезвычайно много, а между тѣмъ большинство свидѣтелей, находясь „изъ любопытства“ въ той же буйной толпѣ, очевидно, заражалось общимъ настроеніемъ, кипѣло въ одномъ котлѣ со всѣми и потому, быть можетъ, показанія ихъ, поскольку они касаются фактической стороны дѣла, врядъ-ли намѣтятъ объективныя контуры событія, а поскольку въ нихъ со стороны помощниковъ приставовъ, городскихъ и младшихъ дворниковъ проявляется стремленіе къ философско-историческимъ изысканіямъ о мотивахъ ненависти евреевъ къ христіанамъ, о причинахъ погрома и пр.—они говорятъ сами за себя. Такимъ образомъ въ столь сложномъ массовомъ преступленіи показанія очевидцевъ являются совершенно не надежнымъ, опасно-горючимъ матеріаломъ и лишь живое художественное воображеніе, соединенное съ тонкимъ психіатрическимъ знаніемъ могли бы служить единственнымъ коррективомъ ко всей этой живої ты-

сѣчѣ больныхъ и одностороннихъ впечатлѣній и настроеній, кои лягутъ въ основу мотивированнаго судейскаго убѣжденія. Конечно, значительную часть этого зіяющаго недостатка заполнить адвокатура и уже теперь подѣ перекрестнымъ огнемъ защитниковъ подсудимыхъ евреевъ и повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ быстро линяютъ дешевыя краски показаній, и страстное обвиненіе превращается черезъ нѣсколько минутъ въ весьма убѣдительное: „а я не видалъ, не знаю“ и пр.

Свидѣтель *Процкій* былъ очевидцемъ драки евреевъ съ русскими; на его глазахъ евреи били лѣсника и стрѣляли.

Тов. прок. *Рыжовъ*. Сколько было евреевъ?

— Много.

— Русскихъ тоже было много?

— Нѣтъ, человекъ 20.

— Кто же прогналъ евреевъ?

— Городовые ихъ прогнали.

— А евреи были вооружены?

— Да.

— Русскіе отбивались или сразу убѣжали?

— Сразу убѣжали.

— Значитъ евреи били не только нападавшихъ, но кого попало?

— Кого попало.

Л. А. Куперникъ. Прежде чѣмъ собралась толпа, чьи крики раздавались?

— Христіанскіе.

— А кто билъ русскаго?

— *Не могу знать... Конечно, евреи.*

— А сколько человекъ его било?

— Не могу знать.

— На кого же напали евреи, когда всѣ крестьяне разбѣжались?

— Не могу знать.

Тов. прок. *Коленко*. Вы сказали, что слышали выстрѣлъ, кто же стрѣлялъ?

— *Не могу знать... евреи.*

С. Кальмановичъ. А почему вы знаете, что именно евреи стрѣляли?

— *Не знаю, кто стрѣлялъ.*

— Вы сказали, что русскіе отобрали лѣсника у евреевъ, какъ же они отобрали его?

— А руками...

— Значитъ, евреи отдали лѣсника?

— Отдали.

— А сколько было русскихъ, отнимавшихъ лѣсника?

— 10—20 человекъ.

— А евреевъ?

— Очень, очень много.

— Какъ же они отдали лѣсника, если ихъ было больше, чѣмъ русскихъ.

— *А я не видала!..*

Свидѣтельница *Минаева*, показывая о томъ же событіи, даетъ странное описаніе происшедшей на ея глазахъ драки. Евреи били лѣсника нещадно... кровь текла ручьями... она стала звать на помощь: „ра-туйте, православные, человѣка убиваютъ“

М. Мандельштамъ. Какъ вы видѣли кровь на лѣсникѣ, когда лѣсникъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ евреями?

— А я видѣла, подошла близко...

— Сколько евреевъ было около лѣсника, — 10—20?

— Тысяча!

— Тысяча? И вы растолкали тысячу и разглядѣли лѣсника?

М. Ратнеръ. Вы сказали, что у евреевъ были кинжалы, вы сами ихъ видѣли?

— Я не видѣла кинжаловъ, я и не знаю, что такое кинжаль...

М. Гафманъ. А скоро послѣ 29 августа вы показывали полиціи, слѣдователю?

— Скоро.

— А вы гдѣ живете?

— Въ деревнѣ.

— Какъ же васъ нашли?

— Приѣзжалъ становой въ деревню, созывалъ сходъ и спрашивалъ.

Предсѣд. Г. защитникъ. Этотъ вопросъ не относится къ дѣлу.

Вотъ такими обоснованными показаніями пестрить судебное слѣдствіе. Всѣ свидѣтели обвиненія рисуютъ густыми мазками картину русскаго погрома, безчеловѣчнаго избіенія евреями христіанъ, по мотивамъ вѣковой смертельной вражды; всѣ они вспоминаютъ „еврейскую субботу, ѣдущую верхомъ на русскомъ воскресеньѣ“, еврейскую наглость, выражающуюся въ сталкиваніи евреями христіанъ въ субботніе дни и пр., и пр.

Романенко (свид. Бржозовскому). Какъ евреи относились къ христіанамъ?

— Молодежь по субботамъ толкала русскихъ и не давала дороги.

— А русскіе евреевъ толкали?

— Нѣтъ...

Куперникъ. Грубость, невѣжливость свойственны только еврейской молодежи?

— За русскими я этихъ свойствъ незамѣчалъ...

Все это свидѣтели той категоріи, которые въ томящую атмосферу судебной залы внесли съ собою очень мало свѣта и очень много злобы, хотя многіе изъ нихъ къ наблюденіямъ своимъ относились, очевидно, вполне сознательно, спокойно и даже серьезно, какъ къ нормальной общественной дѣятельности, внося въ погромное творчество нѣкоторые общіе принципы, создавая, наконецъ, и спеціальную терминологию.

Винаверъ. Слово „работать“ вы употребляете въ смыслѣ „громить“?

— Да, конечно.

— А что вы называете—громить или по вашей терминологии работать „вяло“ и что „энергично“?

— Вотъ, напримѣръ, бить бочки—это работа вялая, другое дѣло разливать керосинъ, рвать шубы—это уже энергично.

— Чѣмъ же вы объясняете первоначальную вялость громить?

— Просто тѣмъ, что спѣшить имъ было некуда, знали, что никто имъ не помѣшаетъ.

Такова неприкрашенная правда обвинительныхъ показаній въ томъ видѣ, какъ ее лепечуть уста всѣхъ этихъ младенцевъ, и въ общемъ она весьма однообразна. Происхождение этого отчасти объяснилъ свидѣтель *Лозовскій*, указавшій на вопросъ защиты, что въ свидѣтельской комнатѣ какой-то городской училъ свидѣтелей, какъ надо говорить на судѣ. По этому поводу „Право“ сообщаетъ, что въ видахъ выясненія факта воздѣйствія городскихъ на свидѣтелей защита ходатайствовала—и палата это ходатайство удовлетворила:—о вызовѣ въ качествѣ свидѣтелей трехъ городскихъ, дежурившихъ въ это утро у дверей свидѣтельской комнаты; отчасти это пояснилъ свидѣтель рядовой *Чеботавъ*, показавшій, что онъ на предварительномъ слѣдствіи далъ обвинительное показаніе противъ евреевъ, въ то время, какъ самъ онъ ничего не видалъ, *по приказу своего ротнаго командира* ¹⁾, Картина получается эффектная и всякое освѣщеніе ея, думается намъ, лишь ослабитъ блестящую перспективу.

Выписывать характерныя мѣста процесса, дѣло трудное и громоздкое, тѣмъ болѣе, что почти весь матеріалъ судебного слѣдствія чрезвычайно интересенъ для характеристики общественныхъ настроеній нашихъ дней; здѣсь нашли отзвукъ возрѣнія на евреевъ мѣстной „интеллигенціи“ въ быту, напримѣръ, гомельскаго клуба, не принимающаго евреевъ въ число своихъ членовъ, здѣсь несравненно болѣе интересные педагогическіе приемы мѣстныхъ воспитателей молодого поколѣнія, обучающихъ его новѣйшими методами завѣтамъ любви и уваженія къ человѣческой личности и проч.

Свид. *Александровъ*. Я могу еще сказать о нѣкоторыхъ педагогахъ, объ ихъ нежелательныхъ отношеніяхъ къ евреямъ. Они культивируютъ въ школахъ антисемитизмъ, вызываютъ вражду къ евреямъ. Мнѣ пришлось видѣть еврейскихъ учениковъ крайне возбужденными и возмущенными такимъ отношеніемъ къ намъ. Нѣкій педагогъ, увидя бесѣдующихъ между собою учениковъ—евреевъ, обратился къ нимъ такъ: „когда два жиды сходятся—то базаръ, присоединится къ нимъ еще одинъ цыганъ—то значитъ ярмарка“. Другой педагогъ. увидя у себя на столѣ фуражку уче-

¹⁾ „Восходъ“ № 23.

ника и предполагая, что она принадлежит еврею, замѣтилъ: „здѣсь грязь не допускается“ и швырнулъ ее, фуражка оказалась—русскаго. Еще примѣръ: у одной ученицы пропала ридикюль. И что же? Начальство распорядилось учинить обыскъ *только у евреекъ—ученицъ.*

Много, такимъ образомъ, цѣннаго матеріала, заботливо собрано судебнымъ слѣдствіемъ для временъ грядущихъ, но пока вся эта мутная уличная струя, полная злобныхъ испареній, широко вливается въ судебныя засѣданія, вызывая въ наблюдателѣ безотрадныя думы и грустное настроеніе. Съ каждымъ днемъ защита евреевъ и гражданскіе истцы все болѣе и болѣе отдѣляются отъ судейской коллегіи, зіяющая между ними пропасть становится все болѣе широкой и тѣ искусственныя подпюрки, которыя скрѣпляютъ построенныя на совершенно различныхъ принципахъ—магистратуру и адвокатуру, начинаютъ зловѣще трещать.

Когда членъ Палаты *Арековъ* задавалъ свидѣтелю Раевского вопросы о томъ, не потому ли евреи не разбивали христіанскихъ домовъ, что это вредно отразилось бы на еврейской торговлѣ (по ходатайству защиты вопросы эти съ соблюденіемъ ихъ формы и послѣдовательности были занесены въ протоколъ),—это еще можно было считать проявленіемъ индивидуальности одного изъ членовъ присутствія, выраженіемъ духовныхъ запросовъ его широкаго гуманитарнаго міровоззрѣнія,—но когда защита на каждомъ шагу встрѣчается съ предсѣдательскимъ veto, широко распространяющимъ право устраненія вопросовъ какъ только производится попытка вывести какого либо помутившагося свидѣтеля на чистую воду, когда обильныя противорѣчія въ показаніяхъ, данныхъ на предварительномъ, а затѣмъ судебномъ слѣдствіи Палатою не усматриваются, когда, наконецъ, неразрывно сплетенныя событія 29-го Августа и 1-го Сентября, „русскій“ и „еврейскій“ погромы—Палата раздѣляетъ каменной стѣной и ревниво оберегаетъ каждый шагъ гражданскихъ истцовъ, тщетно пытающихся убѣдить Палату въ необходимости ихъ совмѣстнаго разсмотрѣнія,—тогда радужныя перспективы покидаютъ насъ совершенно. „Это не относится къ предмету гражданскаго иска“—и ужасный шлагбаумъ неуклонно опускается всякій разъ, какъ ищущіе правды въ темномъ погрономъ дѣлѣ—придвигаются къ ней. Невольно вспоминается свѣтлый геній Толстого, подмѣтившаго, какъ тонетъ въ судѣ чловѣкъ въ необъятномъ морѣ бумагъ и какъ мертвыя формулы двигаютъ механическій аппаратъ процесса, вырабатывая фор-

мальную правду, столь далекую отъ живой правды человѣческой. Все это можно было бы объяснить, если бы на судѣ не раздвигались тѣсныя рамки событія и мрачныя факты 29—1 Сентября были бы единственными объектами изслѣдованія, но, какъ справедливо замѣчаютъ „Новости“ „судя по вопросамъ, можно думать, что въ Гомелѣ разбираются дѣла: а) о растовщичествѣ, б) о стачкѣ евреевъ—торговцевъ противъ русскихъ, в) о подкупѣ и ложномъ показаніи свидѣтелей—евреевъ, г) о политическихъ преступленіяхъ и о чемъ угодно, кромѣ дѣла о погромѣ въ Гомелѣ же“. Казалось бы въ такомъ случаѣ всякія рамки сняты и картина начинаетъ сливаться съ необъятнымъ горизонтомъ, но какъ только приближается къ ней кисть гражданскаго истца, этого вибврачнаго дѣтища русскаго уголовнаго процесса, какъ раздается грозный окрикъ и кисть надолго переходитъ къ патентованному живописцу Шмакову.

Марголинъ (свид. *Менделеву*) Вы Чарнолусскаго знаете?

— Знаю.

— Не приходилось ли вамъ видѣть, какъ Чарнолусскій въ свидѣтельской комнатѣ читалъ городовымъ обвинительный актъ и при этомъ пояснялъ имъ, какъ нужно показывать на судѣ?*

Предсдатель. Вопросъ этотъ къ гражданскому иску не относится.

Затѣмъ по тому же вопросу защитника Соколова фактъ этотъ вполне подтверждается.

Такова же судьба всѣхъ попытокъ освѣтить событія 29-го Августа, столь нераздѣльно связанная съ тѣмъ, что произошло 1-го Сентября, но это „не входитъ въ задачу гражданскаго иска“, состоящую лишь въ томъ, чтобы доказать, что извѣстному лицу принесенъ извѣстнымъ преступленіемъ опредѣленный матеріальный ущербъ!

Быть можетъ наступятъ времена, когда историкъ русской общественной мысли „пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ, правдивыя сказанья перепишетъ“ и подведетъ балансъ тому крайнему моральному и социальному истощенію, слѣдствіемъ котораго могъ явиться Гомельскій процессъ, но даже и теперь при разсмотрѣніи еще не остывшаго дѣла, хотя бы подъ узкимъ угломъ 269¹ ст. Улож. о нак., при обвиненіи евреевъ въ учиненіи въ городѣ Гомелѣ организованнаго русскаго погрома,—могъ бы сформироваться ясный и безпристрастный логическій выводъ, а здѣсь только онъ и требуется. Разрѣшеніе еврейскаго вопроса не въ залѣ Гомельскаго суда и, конечно, не на матеріалѣ показаній городскихъ въ обработкѣ Шмакова или Пантелѣва. Но основной принципиальный вопросъ судебного разбирательства о

томъ, учинили ли евреи скопомъ насиліе надъ русскимъ населеніемъ или же они только оборонялись отъ обрушившейся на нихъ физической силы, защищая свое безусловное право на жизнь и свой ничтожный скарбъ—могъ бы дожидаться яснаго и громкаго отвѣта, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, гласный судъ обнажилъ бы и тѣ тайныя пружины, которыя вызвали нападеніе на евреевъ части русскаго населенія, хотя между ними, какъ показываетъ множество свидѣтелей, всегда существовали мирныя отношенія.

Понятіе „необходимой самообороны“, признаваемое русскимъ законодательствомъ (ст. 101, 102 и 103 Улож. о нак.), которое предоставляетъ человѣку право употребленія мѣръ необходимой обороны не только для своей защиты, но и для защиты другихъ (ст. 103),—должно найти полное признаніе и здѣсь, гдѣ было бы невозможно вмѣнить человѣку въ вину, что въ минуту нависшей грозной бѣды, онъ послѣдовалъ естественному инстинкту самозащиты, а не принципу непротивленія злу. Развѣ мысль, что, когда промчится роковой смерчъ, оставивъ за собою обломки былого благополучія еврейскаго бѣдняка, соберется безпристрастный судъ для наказанія нѣкоторыхъ виновныхъ,—могла остановить человѣка, испытавшаго ужасы погромныхъ дней? А вѣдь только таково можетъ быть возраженіе противъ примѣненія необходимой самообороны. Если послѣднее является слѣдствіемъ сознательнаго волевого акта, создающаго силу отпора математически равную силѣ нападенія, то, конечно, лишь убитый на смерть имѣетъ право убить своего обидчика; но если самооборона опредѣляется лишь внутреннимъ инстинктомъ, категорически диктующимъ человѣку, находящемуся въ опасности, отразить ее, то никакое уравненіе здѣсь неумѣстно. И, конечно, лишь въ такомъ смыслѣ понимаетъ институтъ необходимой самообороны русское законодательство, и суду остается лишь поэтому подчеркнуть правомѣрность дѣйствій Гомельскихъ евреевъ въ былые страшные дни. Между тѣмъ обвиненіе представлено имъ по 269¹ ст. Улож. Та самая статья, которая была вызвана рѣшительнымъ намѣреніемъ законодателя подавить грозной санкціей каторжныхъ работъ возможность дальнѣйшаго распространенія еврейскихъ погромовъ (раньше это каралось краткосрочнымъ тюремнымъ заключеніемъ), стала нынѣ служить инымъ специальнымъ цѣлямъ, а теперь примѣняется къ евреямъ. При такой эволюціи можно думать, что институтъ самообороны есть вообще недоразумѣніе, или же, что его дѣйствіе не рас-

пространяется на евреевъ.—Какъ бы то ни было, но нѣтъ и того утѣшенія бѣдняка, что при судебномъ свѣтѣ всплывуть на поверхность жизни всѣ таившіяся во мракѣ темныя силы,— онѣ и здѣсь, въ лицѣ защитниковъ русскихъ обвиняемыхъ, нашли свою точку опоры. И томительно ползуть въ судебной залѣ часы, томительно повѣствуетъ селечодница Минаева о томъ, какъ кричала она „ратуйте православныя“, а евреи безъ пощады избивали русскихъ. Маленькій перерывъ наступилъ только 20-го Ноября, въ 40-лѣтній юбилей великаго завѣта: „творите судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ“. Въ этотъ день, какъ сообщаетъ „Русь“ „въ залѣ засѣданія Палаты совершено было торжественное молебствіе. Крайне поражаело отсутствіе на немъ гражданскихъ истцовъ и всѣхъ защитниковъ евреевъ; не было и корреспондентовъ, кромѣ газеты „Кіевлянинъ“.—На слѣдующій день, какъ сообщаютъ „Новости“, отъ повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ и нѣкоторыхъ защитниковъ была по этому поводу получена Петербургскимъ совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ привѣтственная телеграмма.

* * *

Долго назрѣвавшая въ зловѣщихъ сумеркахъ еврейской жизни потребность въ урегулированіи беспорядочнаго эмиграціоннаго потока собрала на Минское совѣщаніе дѣятелей изъ многихъ городовъ (Бобруйска, Бѣлостока, Вильны, Витебска, Гомеля, Кіева, Минска, Москвы, Петербурга). Съѣхались сюда люди разныхъ взглядовъ и направленій, объединенные лишь однимъ горячимъ желаніемъ помочь несчастному еврейскому эмигранту, отправляющемуся въ далекій путь съ такимъ же рискомъ и опасностями, какъ въ годы сѣдой старины отправлялись въ невѣдомыя страны смѣлые путешественники; даже сходство съ поджидавшими ихъ морскими разбойниками сохранилось въ существованіи той позорной агентуры, которая раскинула свои широкія мелкія сѣти на всѣ путевыя рытвины и сугробы, куда неминуемо попадаютъ эмигранты. Здѣсь имъ уже не избѣжать цѣпкихъ рукъ мрачныхъ охотниковъ человѣческой живности, являющихся не только въ скромномъ видѣ мелкихъ агентовъ, но и въ болѣе внушительномъ, хотя и столь же привлекательномъ образѣ специальныхъ конторъ и пр. О тягостяхъ начинающейся затѣмъ для эмигрантовъ кабалы трудно, конечно, имѣть даже приблизительное представленіе, но достаточно, кажется намъ, и тѣхъ ужасовъ, которые постоянно воспроизводятся въ корреспонденціяхъ „Фрайнда“.

Одно это обстоятельство, даже оставляя въ сторонѣ значеніе общаго эмиграціоннаго вопроса съ точки зрѣнія національно-еврейской политики, должно было послужить достаточнымъ стимуломъ къ тому, чтобы, въ комъ теплится искорка живого сочувствія къ человѣческому горю, просто задумался бы о томъ, какъ уменьшить эту бездонную рѣчьнюку слезъ.

И Минское совѣщаніе оставило впечатлѣніе именно такого горячаго, молодого стремленія справиться съ застарѣлымъ зломъ, ставящимъ широкіе затворы мелкому теченію современной еврейской жизни, но не спокойнаго, опирающагося на научный методъ и живую практику строгаго отношенія къ этому больному вопросу. Быть можетъ такое начало душевнаго подъема свѣжихъ силъ сулитъ въ будущемъ болѣе блестящую перспективу, и голое сознаніе всей важности правильной постановки эмиграціоннаго дѣла обовѣется въ послѣдствіи прочной доктриной. Но, конечно, судя по тому, какъ долго къ этому готовились (первая попытка организаци дѣла относится еще къ 1894 году) и сколько воды утекло среди всѣхъ этихъ пассивныхъ разговоровъ, можно было ожидать большихъ результатовъ, но, быть можетъ, ждать пришлось бы еще, если бы смѣлая и живая общественная инициатива не объединила провинціальныхъ дѣятелей въ широкомъ стремленіи помочь нависшей бѣдѣ. И дѣйствительно, когда въ печать лишь случайно стали проникать отрывочные, неопредѣленные слухи,—въ Минскѣ и Москвѣ уже мобилизовались интеллигентныя еврейскія силы, устраивались объѣзды провинцій и всюду организовывались группы, завязывались сношенія. Все это, конечно, вызвало потребность въ живомъ обменѣ мнѣній, въ единеніи разбросанныхъ силъ. Въ то же время при Петербургскомъ Центральномъ Комитетѣ Еврейскаго Колонизаціоннаго Общества образованъ былъ особый отдѣлъ, сосредоточивающій всѣ необходимыя для эмигрантовъ свѣдѣнія и намѣчающій довольно широкія задачи своей дѣятельности; и къ этому времени западные евреи, весьма живо чувствующіе гнетъ неупорядоченности направляющейся къ нимъ или черезъ нихъ еврейской эмиграціи, задумали о томъ же крѣпкую думу, а оплодотворенная вѣковой культурой земля привыкла тамъ быстро выпускать ростки. „Западнымъ евреямъ, говорить „Восходъ“ приходится испытывать не мало неудобствъ отъ эмиграціоннаго хаоса, не говоря уже о естественномъ чувствѣ состраданія къ жертвамъ его. Въ Кенигсбергѣ, въ Гамбургѣ и во многихъ другихъ нѣмецкихъ городахъ сотнями, тысячами

шатаются оборванные, грязныя фигуры мужчинъ, женщинъ и дѣтей съ голодными изможденными лицами. На общемъ фонѣ опрятной сытости они являются мрачнымъ, рѣжущимъ глаза пятномъ“. Все это вызвало практическую дѣятельность нѣмецкаго Hilfsverein'a, намѣтившаго планъ созданія всеобщей организаціи для облегченія тягостей эмигрантовъ; при этомъ вырабатывались и нѣкоторые принципы отношенія къ эмигрантской массѣ. Это выразилось, на примѣръ, въ критикѣ, на послѣднемъ совѣщаніи ордена Бней-Брисъ съ Hilfsverein'омъ, принципа неумѣстнаго вмѣшательства во внутреннюю жизнь эмигрантовъ и искусственнаго ихъ подбора, который проводилъ орденъ Бней-Брисъ. Въмѣсто этого отстаивалось положеніе, что только внѣшняя, экономическая сфера жизни эмигранта можетъ служить объектомъ дѣйствія организованной общественной помощи. Такимъ образомъ показали на западѣ первые робкіе побѣги, а скоро затѣмъ почувствовалась и тамъ настоятельная необходимость въ согласованіи и объединеніи силъ,—а, главное, въ созданіи общими средствами здоровыхъ условій для тяжелыхъ народныхъ передвиженій. Потребность международной конференціи представителей еврейскихъ благотворительныхъ обществъ для разработки плана организаціи эмиграціоннаго движенія стала жгучей повсюду, и въ этомъ вопросѣ инициатива Hilfsverein'a опять подвинула дѣло въ такой мѣрѣ, что на Ноябрь этого года была созвана во Франкфуртѣ такая конференція. Эта добрая вѣсть и ускорила мечту нашихъ дѣятелей о созывѣ мѣстнаго съѣзда, а въ тоже время чрезвычайная краткость времени, остававшаяся до Франкфуртской конференціи не могла, конечно, не отразиться, какъ на малолюдности съѣзда (было 30 человекъ и изъ нихъ $\frac{1}{3}$ мѣстныхъ жителей), такъ и на неразработанности руководящихъ принциповъ. Положенія, принятыя совѣщаніемъ, сводятся въ общихъ чертахъ къ слѣдующему: необходимость развитія широкой інформаціонной дѣятельности въ видѣ устройства постояннаго центра и мѣстныхъ отдѣленій, собиранія и сообщенія всѣхъ нужныхъ свѣдѣній и справокъ устно, письменно и печатно и пр., но безъ поддержки эмигрантовъ денежными пособіями;—предоставленіе имъ возможно болѣе широкихъ льготъ въ видѣ выходныхъ свидѣтельствъ, льготнаго тарифа, но безъ какой бы то ни было надъ эмигрантомъ опеки, во всякомъ случаѣ безъ купли взамѣнъ его души,—наконецъ, широкая самодѣятельность въ этомъ вопросѣ общественныхъ провинціальныхъ группъ и совмѣстная работа, если это окажется

возможнымъ, съ Колонизаціоннымъ Обществомъ. При этомъ намѣчалась приблизительная организація, душой которой являются ежегодные съѣзды, какъ органъ тѣснаго единенія и контроля. Наконецъ, важный въ этомъ дѣлѣ финансовый вопросъ также вызвалъ обсужденіе.

Все это показываетъ, какъ усилился темпъ мысли и дѣятельности на этомъ глухомъ перекресткѣ, куда не заглядывалъ до сихъ поръ лучъ общественнаго вниманія. Быть можетъ при новомъ свѣтѣ знанія и живого интереса еврейскія массы будутъ передвигаться уже по протоптаннымъ или вновь изслѣдованнымъ тропинкамъ, не погибая въ глубокихъ сугробахъ, освѣщенныхъ ложнымъ свѣтомъ маячныхъ огней конторъ и агентовъ; быть можетъ теперь возникнутъ и разрѣшатся новыя проблемы еврейскихъ передвиженій и эмиграціонная политика сольется съ національно-еврейской, ставящей цѣлью сохраненіе и развитіе національной культуры, и тогда въ общемъ резервуарѣ народныхъ силъ не потеряется громадная энергія единичныхъ переселеній. Но, главное, создается, наконецъ, гарантія того, что конкретной и живой нуждѣ противопоставлена живая мощь въ единеніи мѣстныхъ силъ провинціальныхъ дѣятелей.

„Восходу“ телеграфируютъ изъ Франкфурта на Майнѣ: „Вчера, 21 Ноября, открыто засѣданіе конференціи по вопросу объ урегулированіи еврейской эмиграціи. Присутствуетъ около ста представителей различныхъ еврейскихъ обществъ и ассоціацій. Вопросъ о поддержкѣ эмиграціи денежными пособіями нуждающимся рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ. Центральное інформаціонное бюро постановлено учредить въ Берлинѣ. Средства для этого учрежденія ообязались доставлять Hilfsverein и орденъ Бней-Брисъ. Кромѣ того признано необходимымъ учредить мѣстныя организаціи по отдѣльнымъ странамъ, представители которыхъ время отъ времени собираются на конференціи, подобно нынѣшней во Франкфуртѣ.

* * *

Корреспондентъ „Восхода“ постепенно восстанавливаетъ тяжелую картину Могилевскаго погрома, этой, въ нынѣшнемъ сезонѣ, царицы бала—яко бы запасныхъ солдатъ, а скорѣе всего обычныхъ послѣдователей и толкователей стараго ученія „раззудись рука...“ Нападеніе на домъ Талалая напоминаетъ увѣковѣченныя страсти дома № 13 въ Кишиневѣ; длинный списокъ жертвъ вызываетъ бесполезные и ненужные вопросы. „На перекладнѣ черезъ рѣчку Дубравенку и около нея,—звучитъ эпиче-

скій разсказъ очевидца,—на травѣ все бѣло отъ пуха разорванныхъ перинъ и подушекъ. У каждаго дома лежатъ груды осколковъ и стекла. Во всѣхъ окнахъ русскихъ квартиръ выставлены иконы и на дверяхъ и на зеркалахъ начертаны кресты“¹⁾. Пронеслась грозовая туча, воздухъ порѣдѣлъ, пѣсня раздается звонче... „Одесскимъ Новостямъ“ пишутъ изъ Могилева, что слѣдствіе по этому дѣлу ведется судебнымъ слѣдователемъ по важнѣйшимъ дѣламъ, не участвовавшимъ въ производствѣ слѣдствія о гомельскомъ погромѣ. Дѣло будетъ слушаться не раньше Февраля или Марта будущаго года. Итакъ „вотъ пріѣдетъ баринъ, баринъ насъ разсудитъ“, а пока „Виленскій Вѣстникъ“ пишетъ, что

„товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдующій полиціей, генераль-маіоръ Рыдзевскій посѣтилъ Могилевъ, гдѣ осматривалъ разгромленные еврейскіе кварталы, населенные бѣдлотою. Къ нему являлись представители мѣстнаго еврейскаго общества и представили въ особой запискѣ подробныя данныя о томъ, что творилось въ городѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней, когда толпа громила и грабила еврейское имущество, не встрѣчая ни малѣйшаго препятствія со стороны мѣстныхъ властей. Ген.-маіоръ Рыдзевскій обѣщалъ потерпѣвшимъ, что о дѣяствіяхъ полиціи будетъ произведено строгое разслѣдованіе. Нѣтъ сомнѣнія, что представленныя данныя будутъ при этомъ надлежаще провѣрены и для этого потребуется нѣкоторое время“²⁾.

Въ Могил. Губ. Вѣд.“ появился приказъ могилевскаго губернатора, въ которомъ объявляется благодарность полиціиместеру Родіонову и чинамъ полиціи за успѣшную дѣятельность по прекращенію беспорядковъ, при чемъ губернаторомъ выдано 150 р. въ распоряженіе г. Родіопова для раздачи полицейскимъ денежныхъ наградъ.

* * *

„Новостямъ“ пишутъ изъ Луцка:

„Въ м. Трояновкѣ, лужскаго уѣзда, на прошлой недѣлѣ произошли анти-еврейскіе беспорядки. Въ воскресенье 14 Ноября, днемъ собрались около 50 крестьянъ изъ ближайшихъ деревень и съ криками: „*Бейте жидовъ, ихъ сюда бьютъ!*“ — бросились на евреевъ. Во всѣхъ 48 еврейскихъ домахъ, находящихся въ м. Трояновкѣ, не осталось ни одного цѣлаго окна. Къ вечеру пріѣхалъ въ мѣстечко приставъ, которому удалось прекратить беспорядки. 28 человекъ привлечены къ отвѣтственности“.

* * *

„Восходу“ сообщаетъ корреспондентъ изъ Кременчуга.

„Рядовой 35 пѣхотнаго Брянскаго полка. Лейзеръ Фрейлахъ, раненный въ лѣвую руку, которою онъ не владѣетъ, возвратившись 9 Октября,

¹⁾ „Восходъ“ № 22.

²⁾ „Виленскій вѣстникъ“ № 437.

ночью, изъ Дальнаго Востока въ Кременчугъ шель пѣшкомъ по Александровской улицѣ въ городъ, неся въ правой рукѣ узелокъ съ вещами. По дорогѣ несчастный былъ избитъ проходившими буянами изъ „привилегированныхъ“, напавшихъ на него безъ всякаго основанія, и вмѣшательство публики не помогло“.

* * *

„Право“ сообщаетъ.

„Въ Екатеринославѣ при чайныхъ попечительства о народной трезвости органировано бюро для подачи бесплатной *юридической помощи* населенію. На дняхъ мѣщ. Тригеръ, явившись въ редакцію мѣстной газеты („Вѣстн. Юга“) рассказала слѣдующее: Мужъ ея, запасный срока 1889 года. 6-го Сентября отправленъ на Дальній Востокъ. Въ виду Высочайшаго повелѣнія объ освобожденіи ютъ службы многосемейныхъ сроковъ 87, 88 и 89 годовъ, Тригеръ обратилась въ бюро съ просьбою написать ей прошеніе на Высочайшее Имя. Завѣдующій бюро, выслушавъ просьбу Тригеръ, спросилъ ее: „Вы еврейка? и, получивъ утвердительный отвѣтъ, заявилъ ей, что бюро оказываетъ юридическую помощь только христіанамъ“.

Такъ нанизываются газетной хроникой безотрадныя вѣсти и не скоро растворяются онѣ въ душѣ; а на Дальнемъ Востокѣ пушечная пальба не замираетъ; драма Путиловской сопки смѣняется драмой „высоты въ 203 метра“, а вокругъ подобно мелкому дождю сѣются безвѣстныя могилы безчисленныхъ и безымянныхъ жертвъ. Тысячи еврейскихъ солдатъ падаютъ подъ тѣмъ же уравнивающимъ серпомъ и въ могильныхъ холмахъ находятъ свою преждевременную и не оспоренную Суворинымъ и Грингмутотъ вѣчную осѣдлость внѣ черты.

Гр. Португаловъ.

Обзоръ еврейской печати.

Дуновение «весны» не растопило толстаго ледяного покрыва еврейской жизни, выкованнаго десятилѣтїями непрерывнаго преслѣдованїа на почвѣ исключительныхъ законовъ и административнаго произвола. Не отказалась отъ своихъ старыхъ напѣвовъ, созданныхъ суровой зимой, и еврейская печать.

Къ категорїи «зимнихъ мотивовъ» несомнѣнно принадлежитъ популярная сентенція: *«нѣтъ худа безъ добра»*. Этотъ продуктъ философскаго творчества обездоленныхъ человѣческихъ массъ пользуется особымъ признанїемъ еврейскаго народа, уже давно создавшаго въ томъ же духѣ поговорку *«gam su le'towo»*.

Въ извѣстномъ смыслѣ можно даже сказать, что *«gam su le'towo»* съ давнихъ поръ является руководящимъ принципомъ еврейской «политики»... *Gam su le'towo*, нѣтъ худа безъ добра!—этотъ старый еврейскїй «принципъ» теперь снова повторяется еврейской печатью по поводу послѣднихъ погромовъ, устроенныхъ призванными на службу запасными въ разныхъ пунктахъ сѣверо-западнаго края и юга Россїи и направленныхъ во всѣхъ случаяхъ противъ казенныхъ винныхъ лавокъ и... евреевъ *).

Вспоминая, какой огромный матеріальный ущербъ водочная монополїа причинила въ свое время тысячамъ еврейскихъ семействъ, занимавшихся продажей питей и оставшихся вдругъ, благодаря введенїю монополїи, безъ хлѣба, «Der Fraind» говоритъ:

„Теперь однако, думаемъ, для всѣхъ ясно, что нѣтъ худа безъ добра. При настоящемъ положенїи вещей, когда подстрекатели возобновили свою дѣятельность, и погромы въ послѣдніе два года происходили такъ часто въ разныхъ мѣстахъ, продажа крѣпкихъ напитковъ евреями, несомнѣнно, послужила бы предлогомъ для оправданїа и дальнѣйшаго развитїа погромовъ.

„Когда буйные молодцы всюду громятъ казенныя винныя лавки, то никому, разумѣется, и въ голову не приходитъ мысль о томъ, что винныя лавки, или содержащая ихъ казна, виновны въ учиняемыхъ буйствахъ. Но что было бы въ томъ случаѣ, если безпорядки начались бы съ разгрома еврейскихъ трактировъ? Господа подстрекатели кричали бы тогда

*) „Der Fraind“ № 253; Hazefirah № 258.

въ одинъ голось, что *единственными* виновниками беспорядковъ являются евреи, спаивающіе народъ. Даже у нашихъ защитниковъ не хватило бы духа сказать слово въ наше оправданіе. И кто знаетъ, какою дорогою цѣною пришлось бы тогда еврейскимъ общинамъ расплачиваться за виновную торговлю, служившую источникомъ пропитанія единичныхъ семействъ?

„Нѣтъ худа безъ добра.“ („Фрайндъ“ № 253).

Въ чемъ, однако, состоитъ въ данномъ случаѣ «добро»? Въ томъ, что за два года русскимъ еврействомъ пережиты «только» Кишиневъ, Гомель, Смѣла, Быховъ, Могилевъ, Александрія и т. д.? Если такъ (а смыслъ приведенныхъ словъ ясенъ), то статья «Фрайнда» представляетъ собою новый опытъ упражненія въ искусствѣ «утѣшеній», въ которомъ еврейство уже давно достигло высокой степени совершенства. И несмотря на особый интересъ новаго опыта, въ виду его связи съ трагическими событіями послѣдняго времени, несмотря также на его «блестящее» исполненіе въ смыслѣ логической конструкціи, мы не сочли бы нужнымъ остановиться на цитированной статьѣ, если бы въ ней не заключалась опасная, по нашему мнѣнію, точка зрѣнія, что съ устраненіемъ нѣкоторыхъ *опытинихъ поводовъ* къ беспорядкамъ уменьшается и сама возможность анти-еврейскихъ погромовъ. «Фрайндъ» констатируетъ, что благодаря устраненію евреевъ отъ виновной торговли, послѣдніе погромы не расширились до своихъ потенциальныхъ размѣровъ. *ergo* опасность погромовъ стала бы еще меньше, если бы евреи были устранены также отъ другихъ занятій, наиримѣръ отъ хлѣбной торговли. Послѣдовательное развитіе этой точки зрѣнія приводитъ къ заключенію, что опасность будетъ доведена до нуля, когда сфера занятій или, что то-же, сфера жизненныхъ проявленій евреевъ будетъ служена до точки, чего авторъ статьи «*Gam su le'towo*», конечно, не желаетъ. Но если видѣть рѣшеніе еврейскаго вопроса не въ смерти, а въ жизни народа, то надо разъ навсегда сказать себѣ, что при наличности известныхъ патологическихъ условій жизнь представляетъ въ своемъ повседневномъ проявленіи безконечное разнообразіе *вѣтиннихъ поводовъ* къ столкновеніямъ, и что рѣшеніе вопроса заключается, слѣдовательно, не въ устраненіи того или другого повода, на мѣсто котораго жизнь немедленно выдвинетъ тысячи другихъ, а единственно и исключительно въ измѣненіи патологическихъ условій (созданіе территоріи). До тѣхъ же поръ, пока нарушенное равновѣсіе во взаимоотношеніяхъ между евреями и другими народами не будетъ возстановлено при помощи необходимыхъ радикальныхъ мѣръ, никакія палліативы, по нашему глубокому убѣжденію, не достигнутъ цѣли.

Не поможетъ дѣлу и пресловутая апологетика, не такъ давно еще бывшая у насъ въ зенитѣ своей славы и не потерявшая еще и теперь всего своего кредита у еврейскихъ публицистовъ. Образцы апологетической

публицистики мы время от времени встречаемъ еще и теперь въ еврейскихъ органахъ печати, вниманіе которыхъ уже главнымъ образомъ посвящено другимъ цѣлямъ и задачамъ. Обсуждая приведенныя въ нашемъ журналѣ цифровыя данныя департамента таможенныхъ сборовъ о раздѣленіи осужденныхъ въ 1901 и 1902 году за контрабанду по вѣроисповѣданіямъ *), газета «Даръ Фрайндъ» дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе:

„Въ виду приведенныхъ данныхъ не можетъ быть и рѣчи о томъ, что евреи причастны къ контрабандному промыслу больше другихъ; скорѣе число еврейскихъ контрабандистовъ, наоборотъ, нѣсколько меньше числа польскихъ и нѣмецкихъ.“

„Понятіе о контрабандѣ, какъ о специально еврейскомъ преступленіи такимъ образомъ сразу исчезаетъ, какъ лопнувшій мыльный пузырь, и отъ него ничего другого не остается, кромѣ—враждебныхъ криковъ „подстрекателей“.“

„Увы, наши враги мало думаютъ о служеніи правдѣ; имѣя въ виду исключительно интересы подстрекательства, они и теперь не перестанутъ оглашать міръ горькими криками о „еврейской контрабандѣ“, и что печальнѣе всего, люди не перестанутъ имъ вѣрить, такъ какъ они уже привыкли смотрѣть на контрабанду, какъ на еврейское дѣло.“

„Но мы знаемъ, какъ велика сила правды, и потому надѣемся, что ложное обвиненіе евреевъ въ занятіи контрабандой должно будетъ въ концѣ концовъ исчезнуть, какъ и тысячи другихъ ложныхъ обвиненій, которыми искусственно поддерживается вражда къ евреямъ“.

На ту же дряхлую апологетическую «влячу» садится и «*Hazefirah*» по вопросу объ отбываніи евреями воинской повинности и мобилизаціи:

„Въ одномъ городѣ,—говоритъ газета,—не явилось къ призыву много запасныхъ-евреевъ, въ другомъ явились всѣ, то же и рекруты. Кто обвиняетъ евреевъ въ уклоненіи отъ воинской повинности, ссылается на данныя, полученныя изъ нѣкоторыхъ мѣстъ; кто защищаетъ евреевъ отъ этого обвиненія, ссылается на данныя изъ другихъ мѣстъ. Точной статистики не существуетъ. Положеніе вещей затемняется многочисленными ошибками въ метрическихъ книгахъ и свидѣтельстввахъ. Къ тому еще надо прибавить, наприм., извѣстную аномалію, въ силу которой въ одномъ большомъ городѣ, гдѣ евреи составляютъ лишь около одной трети населенія, съ нихъ взимается около половины общаго числа рекрутовъ. Надъ этимъ страннымъ явленіемъ мы задумывались неоднократно. Мы не знаемъ, гдѣ корень ошибки, но не перестаемъ надѣяться, что ошибка будетъ исправлена. Такъ или иначе, статистика находится въ неудовлетворительномъ состояніи.“

„Но есть клубокъ, при помощи котораго можно выбраться изъ лабиринта. Надо расширить вопросъ и поставить его въ такой формулировкѣ: какую долю несутъ евреи въ настоящей войнѣ? При всей огромной важности, которую имѣетъ воинская повинность въ мирное время, во сто кратъ важнѣе самопожертвованіе на войнѣ. Это—исполненіе обязанности гражданина *par excellence*.“

*) „Еврейская Жизнь“, Октябрь, статья г. Гольдберга „Контрабанда и евреи“.

„Въ этомъ отношеніи вопросъ рѣшается съ математической точностью при помощи двухъ простыхъ чиселъ, истинность которыхъ не подлежитъ никакимъ сомнѣніямъ: какой % общерусскаго населенія составляютъ евреи—на этотъ вопросъ можно отвѣтить по даннымъ официальной статистики: 4% или 4½% (мы намѣренно увеличиваемъ цифру, которая на самомъ дѣлѣ нѣсколько меньше); и какой % составляютъ еврей-солдаты въ дѣйствующей арміи. По послѣднему вопросу официальные данныя не оставляютъ и тѣни сомнѣнія въ томъ, что участіе евреевъ не только не меньше, но даже больше нормы.

„Итакъ мы исполняемъ свой долгъ, и если по отрывочнымъ свѣдѣніямъ изъ того или другого мѣста получается впечатлѣніе объ уклоненіи или бѣгствѣ, то отъ этого ничуть не умаляется значеніе общаго факта, что евреи принимаютъ весьма значительное участіе въ исполненіи важнѣйшихъ обязанностей всего русскаго населенія“ („Haeefirah“ № 258).

Убѣдятъ-ли, однако, эти разсужденія кого-нибудь изъ гг. подстрекателей, поддерживающихъ обвиненіе противъ евреевъ въ «уклоненіи» отъ воинской повинности, несмотря на всю его очевидную несостоятельность. исключительно въ интересахъ подстрекательства? Въ той же «Haeefirah» (№ 254) г. М. С-нъ указываетъ на гнусную тенденціозность польской антисемитической прессы, нашедшей нужнымъ въ настоящую минуту трубить въ трубы о *мнимомъ* бѣгствѣ запасныхъ евреевъ изъ нѣкоторыхъ уѣздовъ и не обмолвившейся ни единомъ словомъ о Кѣлецкой губерніи, гдѣ всѣ еврейскіе запасные безъ исключенія явились къ призыву. Неоднократно уже указывали и на *причины* недобора евреевъ, главнымъ образомъ, на эмиграцію, уносящую въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ ежегодно десятки тысячъ русскихъ евреевъ въ отдаленнѣйшія страны земного шара. Вліяніе эмиграціи должно было особенно сильно оказаться во время мобилизаціи въ тѣхъ уѣздахъ, откуда евреи эмигрировали въ большомъ числѣ еще въ концѣ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ въ силу обострившагося экономическаго кризиса. И если, не смотря на общеизвѣстныя, весьма краснорѣчивыя доказательства противоположнаго, если несмотря на то, что въ настоящій моментъ десятки тысячъ еврейскихъ солдатъ сражаются въ Манчжуріи подъ русскими знаменами, застрѣльщики юдофобствующей прессы всё таки осмѣливаются бросать намъ наглое обвиненіе въ недобросовѣстномъ исполненіи нами гражданскаго долга, то не оказываемъ-ли мы этимъ господамъ слишкомъ много чести, вступая съ ними въ прямыя словесныя пререканія, вмѣсто того, чтобы послать имъ единственно достойный ихъ отвѣтъ—наше глубокое презрѣніе?

Если «новый курсъ» вызвалъ нѣкоторый отзвукъ въ еврейской печати, то это, несомнѣнно, въ вопросѣ о нашей собственной еврейской «бюрократіи». Въ Haeefirah (№ 247) г. Н. С. указываетъ на странную метаморфозу, совершающуюся съ еврейскими общественными дѣятелями

изъ интеллигенціи, какъ только они отъ общей политической дѣятельности переходятъ къ еврейскимъ дѣламъ. Въ области общей политики просвѣщенный еврей всегда принадлежитъ къ передовымъ партіямъ, въ Германіи—по меньшей мѣрѣ къ *Vorschritts-Partei*, во Франціи — по меньшей мѣрѣ къ радикаламъ, въ тѣхъ странахъ, гдѣ отсутствуютъ политическія партіи, онъ всегда занимаетъ мѣсто среди апостоловъ прогресса и развитія, отстаивающихъ народныя права въ широкомъ смыслѣ слова. Въ области общей политики еврейскій либераль горячо защищаетъ интересы свободной критики и до глубины души возмущается идеями мракобѣсовъ и ретроградовъ, не дососшихъ до пониманія принциповъ либерализма, но какъ только тотъ-же просвѣщенный еврей переходитъ къ *своейской* общественной дѣятельности—онъ непонятнымъ образомъ превращается въ крайняго бюрократа, не знающаго азбуки либерализма.

Проводятъ-ли еврейскій либералы свои общіе принципы въ той области, гдѣ они пользуются полною свободою дѣйствій, въ еврейскихъ общинахъ и союзахъ, гдѣ имѣются свои учрежденія, выборы и назначенія? Предоставляютъ-ли они право равнаго участія въ общинныхъ дѣлахъ. наприм., въ выборахъ, всѣмъ членамъ общины, безъ различія соціального положенія, и испрашиваютъ-ли они соизволенія «народа» на предпринимаемые ими отъ его имени и въ его интересахъ шаги? Допускаютъ-ли они публичное обсужденіе и свободную критику дѣятельности еврейскихъ обществъ, учреждений, комитетовъ, канцелярій, ихъ уставовъ и отчетовъ?

Въ виду примѣра г. Н. С. указываетъ на І. С. А.

«Часто задаешь себѣ вопросъ, какъ согласуется съ принципами либерализма и демократіи или—выражаясь просто, безъ громкихъ словъ — съ элементарной справедливостью тотъ фактъ, что такое великое народное дѣло, какъ І. С. А., находится въ рукахъ единичныхъ людей, по назначенію, а не по выборамъ? Если въ завѣщаніи барона Гирша установлено право такихъ-то и такихъ-то общинъ на владѣніе извѣстнымъ количествомъ акцій Еврейскаго Колонизаціоннаго Общества, то не значитъ ли это, что общины должны посредствомъ выборовъ опредѣлять тѣхъ людей, которымъ они желаютъ ввѣрить общее дѣло? И если даже допустить, что въ Совѣтъ І. С. А. участвуютъ исключительно люди высокаго образованія и безукоризненной честности, то не слѣдуетъ-ли всетаки время отъ времени обновлять составъ совѣта при помощи выборовъ, съ участіемъ народа, для котораго дѣло создано?»

О томъ-же бюрократическомъ характерѣ І. С. А. говоритъ и «Восходъ» (№ 20) въ примѣненіи къ дѣятельности Евр. Кол. Об-ва въ Россіи:

«Въ настоящее время вся работа лежитъ на канцеляріи комитета: она является не только исполнительницею его предначертаній, но въ ней сосредоточивается и разработка всѣхъ вопросовъ, подлежащихъ затѣмъ разсмотрѣнію комитета. Нетрудно выработать стройный планъ помощи бѣдствующей еврейской массѣ, но какъ осуществить его канцелярскими средствами? Канцелярія знаетъ шаблоны и по нимъ болѣе или менѣе удовлетворительно работаетъ. Петербургская канцелярія Евр. Кол. Об-ва

лучшая изъ всѣхъ канцелярій, которыя намъ приходилось видѣть, но она все-же только канцелярія. Если въ канцеляріи имѣется уже готовый отдѣлъ, гдѣ разрабатываются дѣла о профессиональномъ образованіи, напримѣръ, то всякое ходатайство, либо предложеніе, касающееся профессиональныхъ школъ, будетъ въ канцеляріи этой разработано и разрѣшено, какъ слѣдуетъ. Но если въ ту же канцелярію поступитъ, напримѣръ, ходатайство дунаевскихъ еврейскихъ фабрикантовъ (см. *Восходъ* № 18 и 19 с. г.), то канцелярія врядъ-ли въ состояніи будетъ дать такому ходатайству надлежащій ходъ. Такимъ образомъ будутъ проходить годы, и дѣятельность евр. кол. об-ва въ Россіи будетъ тянуться по старымъ колеямъ, все болѣе углубляя ихъ,—колеямъ, въ которыя она попала, быть можетъ, по обстоятельствамъ совершенно случайнымъ. Бюрократической строй опасенъ и въ другихъ отношеніяхъ. Пока во главѣ комитета и канцеляріи стоятъ лица, извѣстныхъ всему европейскому міру своей безукоризненной честностью и глубокой преданностью еврейскимъ интересамъ, можно быть увѣреннымъ по крайней мѣрѣ въ томъ, что суммы евр. кол. об-ва расходуются вполне согласно ихъ назначенію. Но люди не вѣчны, и дѣло только тогда можетъ считаться правильно поставленнымъ, кагда *сама организація* гарантируетъ правильное и честное веденіе его.

Въ видѣ выхода изъ положенія «Восходъ» рекомендуетъ созданіе *общества*, на подобіе общества распространенія просвѣщенія между евреями, которое, пользуясь средствами Е. К. О. (а также членскими взносами), трудилось-бы надъ улучшеніемъ экономическаго положенія русскихъ евреевъ. Такое общество было-бы отвѣтственно передъ народомъ, во главѣ его стояли-бы лица, *избираемыя* на общихъ собраніяхъ, и вся его дѣятельность протекала-бы на виду у всѣхъ. Такому обществу легче было-бы откликаться на разнообразныя нужды, выдвигаемыя жизнью, чѣмъ самой идеальной канцеляріи. Общество такое создать особеннаго труда не составляетъ; для этого требуется лишь преобразовать въ общество «временный комитетъ по вспомошествованію еврейскимъ ремесленникамъ и земледѣльцамъ»; утвержденіе устава едва-ли встрѣтило бы теперь серьезныя затрудненія. Последнее предложеніе «Восходъ» мотивируетъ соображеніями удобства и скорости, такъ какъ учрежденіе *новаго* общества потребовало-бы, можетъ быть, слишкомъ много времени и силъ, между тѣмъ какъ преобразование уже существующаго «временнаго комитета» должно быть сравнительно легко. Окажутся ли, однако, рамки устава общества вспомошествованія еврейскимъ земледѣльцамъ и ремесленникамъ достаточно широкими для вмѣщенія всѣхъ крупныхъ задачъ Е. К. О., которое по существу является *колониаціонномъ* обществомъ и должно, помимо вспомошествованія еврейскимъ ремесленникамъ и земледѣльцамъ, проявлять свою дѣятельность еще и въ другихъ областяхъ, напр., въ области эмиграціи?

Какъ извѣстно читателямъ, организація помощи (главнымъ образомъ, *информативной*) эмигрантамъ только теперь включена въ программу дѣя-

тельности евр. кол. об-ва, съ разрѣшенія парижскаго совѣта. О необходимости учрежденія «информаціоннаго бюро» при петербургскомъ комитетѣ Е. Е. О., которое приходило бы на помощь эмигрантамъ сообщеніемъ необходимыхъ свѣдѣній объ условіяхъ передвиженія и иммиграціи, и которое защищало-бы эмигрантовъ въ пути отъ злоупотребленій «агентовъ» пароходныхъ обществъ и другихъ недобросовѣстныхъ людей, говорилось въ еврейской печати неоднократно, и еще въ 1894 году покойный бар. Гиршъ выразилъ свое согласіе на основаніи такого бюро (Отчетъ о дѣятельности центр. ком. еврейскаго колонизаціоннаго общества за 1894 годъ. Петербургъ, 1896.). Несмотря на энергичную агитацію еврейской прессы въ пользу основанія справочнаго бюро для эмигрантовъ и на неоднократныя *ходатайства* петербургскаго комитета въ этомъ смыслѣ, парижскіе дѣятели І. С. А. почему-то упорно сопротивлялись основанію информаціоннаго бюро до послѣдняго времени. Принисывая послѣднюю уступку парижскаго комитета побѣдѣ общественнаго мнѣнія (?), «Фрайндъ» въ №229 выражаетъ по этому поводу надежду на общую перемѣну „политики“ І. С. А.:

„Общественное мнѣніе одержало первую побѣду: парижскіе дѣятели уступили въ вопросъ объ основаніи информаціоннаго бюро.

„Само собою разумѣется, что всѣ тѣ, кому дороги интересы народа и эмигрантовъ, съ радостью привѣтствуютъ послѣднее рѣшеніе І. С. А.

„Кто знаетъ, не думаетъ-ли это общество отказаться вообще отъ своей старой „политики“, не думаетъ-ли оно съ настоящей поры прислушиваться внимательнѣе къ требованіямъ еврейскаго народа, выразителемъ которыхъ является общественное мнѣніе?“

Вопросъ объ урегулированіи эмиграціи тѣмъ или другимъ образомъ занимаетъ теперь доминирующее положеніе въ еврейской печати. Въ виду огромной важности этой проблемы, уже давно выдвинутой еврейскою жизнью на первый планъ, ей посвящаются десятки статей во всѣхъ органахъ евр. печати, разрабатывающія ее съ разныхъ сторонъ, преимущественно въ связи съ франкфуртскимъ съѣздомъ.

Отъ эмиграціи перейдемъ къ территориализму. Имѣеть-ли постановленіе конгресса о посылкѣ экспедиціи въ восточную Африку обязательную силу для Actions-Comité? Г. С. Бернфельдъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно (Hazofe № 554). Опп основывается при этомъ на аналогіи съ парламентомъ.

По его мнѣнію, „существуютъ двоякаго рода рѣшенія, постановляемыя парламентомъ: по предложеніямъ, сдѣланнымъ по инициативѣ самого парламента, и по правительственнымъ предложеніямъ. Правительственное предложеніе, принятое хотя-бы большинствомъ голосовъ парламента, не имѣетъ обязательной силы для правительства. Представимъ себѣ для примѣра, что правительство, въ виду серьезныхъ осложненій во внѣшней политикѣ, испрашиваетъ у парламента кредитъ для военныхъ

надобностей; если послѣ парламентскаго постановленія въ положительномъ смыслѣ, конфликтъ будетъ уложенъ мирнымъ путемъ, то правительство, разумѣется, не обязано непремѣнно объявить войну и израсходовать ассигнованныя для того суммы. Парламентское постановленіе въ данномъ случаѣ имѣетъ только условный характеръ, на случай если объявленіе войны будетъ необходимо, и съ паденіемъ причины, вызвавшей постановленіе, падаетъ и само постановленіе.

„Приведенный примѣръ поможетъ намъ при выясненіи вопроса о посылкѣ угандской экспедиціи. Actions-Comité сочло нужнымъ своевременно сообщить конгрессу сообщеніе англійскаго правительства и поставить на обсужденіе конгресса вопросъ о посылкѣ экспедиціи въ восточную Африку. Послѣ рѣшенія этого вопроса конгрессомъ въ положительномъ смыслѣ извѣстнымъ большинствомъ голосовъ, А. С. не обязано непремѣнно отрядить экспедицію, а располагаетъ въ этомъ отношеніи полною свободою дѣйствія. Пользуясь постановленіемъ конгресса, А. С. можетъ послать экспедицію въ Африку, если найдетъ это полезнымъ или необходимымъ въ интересахъ сіонизма, въ противномъ-же случаѣ А. С. имѣетъ право отказаться отъ своего первоначальнаго намѣренія и представить слѣдующему конгрессу объясненіе своего образа дѣйствій. Въ виду этого мы не понимаемъ тѣхъ сіонистовъ, которые будучи принципиальными противниками угандскаго проекта, тѣмъ не менѣе требуютъ непремѣннаго исполненія рѣшеній конгресса о посылкѣ экспедиціи.“

Несмотря однако на поддержку „принципальныхъ противниковъ угандскаго проекта“, практическое осуществленіе рѣшенія конгресса о посылкѣ экспедиціи въ Уганду, какъ извѣстно, сильно затянулось въ виду недостатка необходимыхъ матеріальныхъ средствъ. Въ послѣднемъ обстоятельстве, свидѣтельствующемъ о недостаточномъ народномъ сочувствіи угандскому проекту, г. Бернфельдъ усматриваетъ лишній доводъ противъ угандизма:

„Если бы у насъ проявилось широкое народное движеніе въ пользу Уганды и сама жизнь поставила-бы вопросъ: Палестина или безразлично какая территорія?, я былъ-бы принципиальнымъ противникомъ всякой другой территоріи, кромѣ Палестины, и отстаивалъ-бы всѣми средствами мои принципы, но у меня хватило-бы историческаго смысла, чтобы признать право націи на самоопредѣленіе. Народъ не рабъ своей исторической традиціи, онъ можетъ направлять свои силы по новымъ путямъ и создавать новыя историческія эпохи. Единичные люди, не признающіе за народомъ такого права, или считающіе уклоненіе отъ историческаго пути народа вреднымъ и опаснымъ, могутъ бороться противъ такого уклоненія, но гдѣ существуетъ дѣйствительное народное движеніе, тамъ борьба единичныхъ людей не имѣетъ никакого значенія. Когда пророкъ Іеремія предостерегалъ народъ отъ переселенія въ Египетъ, народъ отвѣтилъ ему: „ты говоришь неправду! и потомъ взялъ съ собою „мужей, женъ и дѣтей... и Іеремію пророка и Варуха сына Неріи“ и повелъ ихъ съ собою въ Египетъ. Такъ проявляется дѣйствительное народное движеніе. Экспедиціи-же нужно только 40 т. рублей, и вамъ приходится обивать пороги еврейскихъ филантропическихъ учреждений и единичныхъ благотворителей

съ просьбами и мольбами на устахъ... Могу-ли я увѣрвать въ *такое* народное движеніе?*)

Въ заключеніе приведемъ одно мѣсто изъ статьи г. М. Лиліенблюма, напечатанной въ ханукальномъ приложеніи къ „*Nazofe*“. Почтенный публицистъ, отстаивающій вотъ уже третье десятилѣтіе первоначальную концепцію сіонизма, говоритъ на этотъ разъ нѣсколько словъ по поводу грозныхъ «филиппикъ» территориалиста г. Цейтлина противъ «палестинскихъ» сіонистовъ. (См. нашъ прошлый «Обзоръ»):

„... И когда предъ нами, угнетенными многолѣтними страданіями, загорѣлся идеалъ возрожденія, наша воля оказалась слишкомъ слабой и наши силы слишкомъ недостаточными, чтобы превратить мечту въ дѣйствительность.

«Шумъ вызванъ большой, — есть и огневныя рѣчи, и бурныя собранія, и національныя пѣсни, но дѣла — нѣтъ какъ нѣтъ!

«Развалины не восстановлены, пустыри не заселены, страшнѣйшій посохъ не выпущенъ изъ рукъ, и народъ продолжаетъ блуждать безъ пути.

«И вмѣсто того, чтобы учить народъ самодѣятельности и усиливать въ немъ жажду освобожденія, разные пустословы, со злымъ намѣреніемъ или по глупости, сваливаютъ вину народа на его страну.

«Сіонъ — «страна гробницъ, пустынная и мрачная страна башибузуковъ, дикарей, жестокихъ насилій, бакшиша, суетврій и мракобѣсовъ-раввиновъ»...

«И поэтому, изберемъ себѣ главу и пойдемъ за эіопскія рѣки!

«И сыплется слова, подобно «жемчужинамъ», противъ «батлонимъ, жалкихъ душъ и мелкихъ умовъ,» которые еще сохраняютъ любовь къ странѣ своихъ предковъ, «мечется бисеръ передъ свиньями».

«А вотъ и самыя жемчужины:» я презираю васъ и всю вашу клику, всю ложь и наглость, всю глупость и суетность, всю мелочность и ничтожество ваше, всѣ ваши мелкія интриги и копѣчные расчеты, я съ отвращеніемъ вырываю изъ своей памяти всѣ ваши дурныя дѣла и пошлыя рѣчи, полныя лжи и глупости, и погружаюсь въ созерцаніе другихъ міровъ, гдѣ ваша нога не мутитъ прозрачныхъ водъ, ваше дыханіе не оскверняетъ чистаго воздуха и вашъ мракъ не гаситъ свѣтлыхъ небесъ...

«Возможно, что люди, подобные Соломону Маймону, находившему высокую поэзію въ брани и ругани своей тещи, пожалѣютъ о томъ, что нашъ «Демосѣенъ» погружается въ созерцаніе другихъ міровъ, гдѣ нѣтъ мѣста для поэзіи этого рода.

«Во всякомъ случаѣ я думаю, что подобныя «поэтическія жемчужины» имѣютъ въ самомъ дѣлѣ очень близкое отношеніе къ тому животному, которое авторъ статьи называетъ по имени.

*) *Nazofe* № 554.

«Но если-бы производители всѣхъ этихъ жемчужинъ только могли пожать, что если мы въ теченіе двадцати лѣтъ ничего не сдѣлали въ Палестинѣ, такъ это потому что, ничего не дѣлая, ничего нельзя сдѣлать, не только въ двадцать, но и въ сотни лѣтъ!

«Я могъ-бы обратить вопросъ автора противъ него самого и спросить его: стоитъ-ли намъ теперь заниматься колонизаціей «Транс-Эфиопіи». если мы въ теченіи восемнадцати вѣковъ не достигли въ ней никакихъ результатовъ?

«Пока большинство народа будетъ оставаться въ сторонѣ отъ нашего движенія, мы ничего не сдѣлаемъ ни въ странѣ гробницъ, ни въ любимой сердцу нашихъ пустослововъ Угандѣ.

«Ибо и для Уганды потребуются многіе милліоны и колоссальная, непрерывная дѣятельность.

«Когда-же народъ пойметъ значеніе самопомощи и дастъ необходимыя матеріальныя средства и моральныя силы, тогда не будетъ необходимости въ поискахъ страны.

«Когда и страна гробницъ превратится въ живую страну, текущую млекъ и медомъ, а убѣжище дикарей—въ культурный и просвѣщенный центръ.

«Если-же вся наша сила будетъ состоять и впредь, какъ до сихъ поръ, только въ краснвыхъ стихотвореніяхъ, бурныхъ собраніяхъ и т. д., тогдашняя страна въ мірѣ не сдѣлается нашимъ пріютомъ.

Три средства необходимы для достиженія нашей цѣли: воля, деньги и трудъ.

Когда эти средства будутъ налицо, достиженіе цѣли будетъ обезпечено.

И не Палестина виновна въ томъ, что мы ея до сихъ поръ не имѣемъ».

казываемые г. Лиліенблюмомъ три средства: «воля, деньги и трудъ» сходя собственно къ одному основному средству, къ *воли*, въ результатѣ которой должны появиться остальные два средства, какъ производныя. Мужн воспитать въ еврейской интеллигенціи сильную, выдержанную юлю, вѣренную въ себя, спокойную моральную силу, и, конечно, средствомъ такого воспитанія могутъ служить... не статьи г. Цейтлина.

Иври.

Заграничное обозрѣніе.

Урегулированіе эмиграціи и Gegenwartsprogramm сіонизма.—Опять Ввн или Лондонъ.—Еврейскій языкъ и «чешскіе» ассимиляторы.—Юбилей іресславльской семинаріи.

Въ прошломъ обозрѣніи мы привѣтствовали рѣшеніе берлинскаго Hilfsverein'a созвать обще-еврейскую конференцію по вопросу объ урегулированіи эмиграціи. Мы тамъ же указали на причины, вызвавшіе это рѣшеніе — на обострившееся въ послѣднее время до чрезвычайности положеніе еврейскихъ эмигрантовъ. Заслуга инициаторовъ состоитъ въ томъ, что, они не откладывая въ долгій ящикъ, безъ лишнихъ «сборовъ», какъ это обыкновенно дѣлается у насъ, сейчасъ создали и устроили конференцію, которая и состоялась 4—5 декабря н. с. во Франкфуртѣ на Майнѣ.

Зная тѣ круги, изъ которыхъ исходила инициатива, мы заанѣ могли быть увѣрены, что все это будетъ носить характеръ чисто филантропическаго предпріятія. Принятымъ на берлинской Vorkonferenz рѣшеніемъ о недопущеніи представителей прессы къ засѣданіямъ характеръ конференціи уже вполне опредѣлился. Правда, послѣ протеста представителей печати рѣшеніе было кассировано, но не въ этомъ суть дѣла въ томъ, что инициаторы конференціи не нашли нужнымъ призвать на помощь еврейское общественное мнѣніе, не внесли въ дѣло принципа самопомощи и придали всему исключительно филантропическій характеръ. Отсутствіе принципа самопомощи проявляется въ принятыхъ конференціей резолюціяхъ, которыя должны лечь въ основу всей будущей дѣятельности организованшагося эмиграціоннаго бюро.

Резолюціи эти гласятъ:

«Исходя изъ того, что никомъ образомъ не должно быть предпринято что-нибудь, могущее поощрять къ эмиграціи, конференція рѣшаетъ:

1) Что отдѣльныя страны должны заботиться о томъ, чтобы всѣмъ европейскіе эмигранты пользовались присмотромъ (sollen überwacht werden) на всемъ пути ихъ слѣдованія.

2) Организовать въ Берлинѣ специальное інформаціонное бюро. Получаемыя этимъ бюро свѣдѣнія предоставляются въ пользованіе вѣсма-

шимъ комитетамъ; каждая организація имѣетъ однако право непосредственнаго собранія свѣдѣній. Берлинское бюро учреждается Hilfsverein'омъ и орденомъ Vnei Brith.

3) Устраивать періодическія конференціи для обсужденія вопросовъ эмиграціи изъ восточной Европы. Конференціи могутъ быть созданы председателемъ берлинскаго інформаціоннаго бюро или какимъ-либо крупнымъ еврейскимъ благотворительнымъ учрежденіемъ».

Мы считаемъ, что конференція стала на вполне правильную точку зрѣнія, ограничивъ кругъ дѣятельности создаваемыхъ ею учреждений извѣстными рамками. Только въ предѣлахъ поставленныхъ рамокъ эмиграціонное бюро можетъ принести громадную пользу, за предѣлами ихъ оно всегда будетъ безсильно и дѣятельность его можетъ оказаться даже вредной. Не руководить еврейской эмиграціей, а облегчить положеніе еврейскихъ эмигрантовъ можетъ и должно эмиграціонное бюро.

Если же резолюція конференціи насъ все-таки не удовлетворяетъ, то главная причина этому отсутствіе принципа самопомощи, о которомъ мы выше говорили. Въ основѣ этихъ резолюцій положенъ принципъ канцелярщины, которая заѣдаетъ всѣ крупныя еврейскія благотворительныя учрежденія на западѣ. Въмѣсто того, чтобы привлечь еврейскую массу эмигрирующую и эмигрировавшую къ дѣлу, перенести центръ дѣятельности къ центру этихъ массъ, конференція придала всему филантропическій характеръ и назначила Берлинъ центральнымъ мѣстомъ для эмиграціоннаго бюро, въ то время, какъ *центральное* бюро должно было быть въ центрѣ эмиграціи или иммиграціи (филиалы этого бюро, конечно, должны быть повсюду). Въ противномъ случаѣ все дѣло *неизбѣжно* приметъ канцелярскій характеръ и тѣмъ вся дѣятельность бюро сведется къ нулю, если не къ минусу.

Во что превращаются еврейскія учрежденія на западѣ, благодаря господствующей въ нихъ канцелярщинѣ, мы можемъ видѣть на лондонскомъ такъ называемомъ «Шельтерѣ» (домъ для эмигрантовъ).

Въ лондонскомъ Hagedel мы читаемъ: «...я пригласилъ по телефону г. Германа Ландо *), поспѣшить въ Истэндъ насладиться зрѣлищемъ; къ сожалѣнію его тогда не было въ городѣ. Развѣ это не наслажденіе для человѣка видѣть, какъ его слуги точно исполняютъ его предписанія. И онъ увидѣлъ бы лежащаго безъ чувствъ еврея, надъ которымъ хлопочутъ два врача. Онъ, этотъ еврей, убѣжавшій изъ своего города и изъ своей страны, попалъ въ «шельтеръ» и былъ избитъ своими же братьями. Въ настоящій моментъ, когда избитый не можетъ говорить, мы не можемъ передать подробностей этого возмутительнаго происшествія, но фактъ тотъ.

*) Кураторъ «Шельтера» участвовалъ также во франкфуртской конференціи. А. П.

что шельтерские злодѣи позволяютъ себѣ часто жестоко бить русскихъ евреевъ». О такихъ же фактахъ изъ дѣятельности шельтера рассказываетъ въ Nazefiga д-ръ Вортманъ лично знакомившійся съ порядками шельтера.

Hadegel вполне справедливо прибавляетъ въ концѣ своей замѣтки, что позорно для ис-тэндскихъ русскихъ евреевъ хладнокровно смотрѣть на возмутительное избиеніе ихъ братьевъ. Мы же привели эту выдержку, чтобы указать на то, во что канцелярщина превращаетъ съ перваго взгляда полезныя учрежденія. Поэтому мы говоримъ, что обязанность сіонистовъ, которые участвовали въ этой конференціи, состояла въ томъ, чтобы на-править ее въ сторону самопомощи. Если же это имъ не удалось сдѣлать на конференціи, то ихъ обязанность употребить теперь все свое влияніе на то, чтобы дѣятельность ея учрежденій носила характеръ самопомощи. Участіе сіонистовъ въ этой работѣ необходимо, и только при ихъ участіи—этимъ для насъ обуславливается проведеніи принципа самопомощи въ этомъ дѣлѣ—эмиграціонное бюро стѣнетъ дѣйствительно полезнымъ учрежденіемъ. Сіонистская организація должна будетъ заниматься этимъ вопросомъ и должна будетъ включить его въ кругъ своей дѣятельности. Сіонизмъ, который призванъ дать историческій отвѣтъ на вопросъ еврейской эмиграціи, не можетъ относиться равнодушно къ современному положенію еврейскихъ эмигрантовъ. Этимъ мы затрагиваемъ вопросъ о *Gegenwartsarbeit*. Вопросъ, этотъ, по нашему мнѣнію, недостаточно еще разъясненъ. Надо отдѣлить *Gegenwartsarbeit* классоваго характера отъ *Gegenwartsarbeit* обще еврейскаго народнаго характера. Въ то время какъ первая должна быть *исполнѣ* предоставлена каждому классу въ отдѣльности, и конгрессъ не можетъ и не долженъ ею заниматься, вторая должна стать предметомъ обсужденія конгресса. Намъ кажется, что причины отрицательнаго отношенія большинства сіонистовъ къ *Gegenwartsarbeit* лежатъ не только въ томъ, что предъ ихъ глазами носилось близкое осуществленіе сіонизма, но и въ томъ, что эти два рода *Gegenwartsarbeit*, о которыхъ мы выше говорили, не были разграничены, и сторонники, какъ и противники *Gegenwartsarbeit* говорили о *Gegenwartsarbeit* вообще. Вслѣдствіе этого *Gegenwartsarbeit* не могла стать предметомъ обсужденія конгресса, если мы не хотѣли, чтобы *классовая* политика одной части конгресса рѣшалась представителями другого класса; или же если не хотѣли, чтобы одна часть навязала свою политику всему конгрессу. Последняго и боялось большинство конгрессистовъ. При строгомъ же разграниченіи этихъ двухъ родовъ *Gegenwartsarbeit* мы увидимъ, что та часть, которая носитъ классовый характеръ, проводится и будетъ проводится въ жизнь помимо всякихъ конгрессныхъ рѣшеній и помимо всякихъ теорій; она на обще-сіонистскомъ конгрессѣ *не можетъ* быть проведена; и помимо конгресса она имѣетъ достаточно основаній для своего дальнѣйшаго развитія. Если же эта часть *Gegenwartsar-*

beit будетъ выдѣлена изъ обще-организаціонныхъ задачъ, то этимъ устранится и отрицательное отношеніе къ другой не классовой, общеврейской, могущей стать національной части Gegenwartsarbeit. Этимъ уничтожится и ложная теорія о еврейской пассивности—о невмѣшательствѣ евреевъ въ политическую жизнь окружающихъ народовъ. Мы тогда увидимъ, что помимо воспитательнаго національно-политическаго значенія, которое еврейская *національная активность* въ данномъ случаѣ можетъ имѣть, помимо того, что такая активность можетъ соединить нашу Gegenwartsarbeit съ нашей Zukunftsarbeit;—помимо всего этого, проповѣдуемая еврейская пассивность *въ жизни* является поsens'омъ. Это выступаетъ уже теперь въ тѣхъ странахъ, гдѣ евреи имѣютъ возможность открыто проявлять свое участіе въ общей политической жизни страны. И за активное участіе въ политикѣ этихъ странъ выступаютъ какъ разъ наиболѣе сознательные *національные* элементы еврейства.

Насколько жизнь и чисто еврейскія національныя требованія толкаютъ евреевъ на активное участіе въ политической жизни окружающихъ народовъ, несмотря ни на какія теоріи, мы можемъ видѣть изъ отношенія американскихъ евреевъ къ послѣднимъ президентскимъ выборамъ. Большинство американскихъ евреевъ единодушно голосовало за Рузвельта, и къ такому единодушію ихъ призывалъ никто иной, какъ Максъ Нордау. Мы здѣсь не хотимъ разбираться въ вопросѣ, дѣйствительно ли было въ интересахъ американскаго еврейскаго пролетаріата голосованіе за Рузвельта; насъ только интересуетъ фактъ еврейскаго единодушнаго голосованія: несомнѣнно, что въ національно-политическомъ смыслѣ это единодушіе имѣетъ большое значеніе: съ американскими евреями теперь должны будутъ считаться, какъ съ цѣльной силой, американскія партіи должны будутъ прибѣгать къ ихъ помощи и потому идти къ нимъ на уступки. И въ концѣ-концовъ за свой голосъ на выборахъ американское еврейство сумѣетъ выставить и свои *національныя* требованія. Но такое участіе въ выборахъ вѣдь есть вмѣстѣ съ тѣмъ и участіе въ обще-американской политической жизни: становясь на сторону одной изъ воюющихъ партій (въ настоящемъ случаѣ—республиканской) они способствуютъ торжеству этой партіи. Слѣдовательно, исходя даже изъ чисто національныхъ интересовъ, мы приходимъ къ активному участію въ политической жизни окружающихъ народовъ.

Существуетъ среди нѣкоторыхъ сионистовъ мнѣніе, что участіе евреевъ въ общественной борьбѣ тѣхъ странъ, въ которыхъ они живутъ, никогда имъ не приносило почти никакой пользы. И это выставляется, какъ самый сильный аргументъ противъ еврейской активности. Поддерживающіе это мнѣніе обыкновенно ссылаются на положеніе евреевъ въ Галиціи. Однако это мнѣніе глубоко ошибочно. Участіе евреевъ въ общественной

борьбѣ потому не имѣло успѣха, что оно до сихъ поръ всегда велось подъ чужимъ флагомъ: оно почти всегда было связано съ ассимиляціонными тенденціями. Совѣтъ другія послѣдствія должно имѣть участіе подъ *національно-еврейскимъ* флагомъ. Интересна въ этомъ отношеніи недавно произнесенная въ одномъ еврейскомъ собраніи рѣчь Эрнеста Брейтера (христ.) лембергскаго депутата австрійскаго парламента.—Остановливаясь на бѣдственномъ положеніи галиційскихъ евреевъ, Брейтеръ находитъ, что причины его кроются въ политикѣ еврейскихъ ассимиляторовъ и въ непониманіи своихъ общественныхъ интересовъ со стороны галиційской еврейской массы.

Австрійскіе евреи, говоритъ онъ, никогда ни выступали въ австрійской политической жизни, какъ *евреи*; они никогда не выбирали въ парламентъ *своихъ* еврейскихъ депутатовъ, и если они уже посылаютъ въ парламентъ представителя-еврея, то они при этомъ не руководствуются своими интересами, а посылаютъ его какъ «нѣмца» или «поляка»; и какъ нѣмецъ или полякъ онъ и засѣдалъ въ парламентѣ. Надо покончить съ этой ложной политикой. Австрійскіе евреи должны на выборахъ выступать сомкнутыми рядами и въ парламентѣ имѣть свое еврейское представительство, стоящее на стражѣ еврейскихъ интересовъ.

И такъ, по справедливому мнѣнію Брейтера, положеніе галиційскихъ евреевъ обусловливается и тѣмъ, что евреи, *какъ таковыя*, не представляютъ собою парламентской силы.

Мы думаемъ, что съ этимъ положеніемъ большинство сіонистовъ согласится. А разъ мы приходимъ къ тому, что евреи должны представлять собою силу въ австрійскомъ парламентѣ, то мы неизбѣжно должны придти къ участію евреевъ и въ общей политической жизни Австріи, такъ какъ во имя своихъ же еврейскихъ интересовъ еврейскіе депутаты должны будутъ поддерживать тѣ или другія теченія австрійской внутренней политики.

Конечно эта политика, которая въ сущности является національной политикой и при разумномъ веденіи можетъ и должна сыграть крупную роль въ сіонистическомъ движеніи, должна остаться чисто локальной и опять таки не можетъ стать предметомъ обсужденія всего конгресса. Политика конгресса должна лежать внѣ локальной политики евреевъ отдѣльныхъ странъ; въ локальныхъ вопросахъ конгрессъ долженъ представить всѣмъ своимъ группамъ полную свободу.

Совершенно исключая одну часть *Gegenwartsarbeit* изъ работъ *общей* организаци и конгресса, мы вторую часть представляемъ на обсужденіе конгресса; мы при этомъ не утверждаемъ, что каждый видъ *Gegenwartsarbeit*, носящій обще-еврейскій характеръ долженъ стать предметомъ дѣятельности сіонистской организаци: конгрессъ долженъ будетъ заниматься каждымъ вопросомъ отдѣльно, рѣшая, соотвѣтствуетъ ли онъ

принципамъ сіонизма и не является ли онъ противорѣчіемъ сіонистской программѣ.

Понятіе о локальной еврейской политикѣ, о классовой политикѣ внутри еврейства, объ общей еврейской *Gegenwartsarbeit*, съ одной стороны и объ обще-сіонистской конгрессной политикѣ, съ другой стороны, должны быть строго разграничены, одна работа не должна затемнять сознание необходимости другой.

Доказательствомъ, насколько такое сознание начинаетъ пробуждаться среди наиболѣе сознательной еврейской массы, могла бы намъ послужить программа одного изъ лондонскихъ кружковъ «Поалей Ціонъ»: считая себя частью обще-сіонистской организаціи, стоя на почвѣ базельской программы и поддерживая обще-сіонистскіе институты, они вмѣстѣ съ тѣмъ считаютъ своей задачей бороться за классовые рабочіе интересы. Они смотрятъ на себя, какъ на часть всемірнаго пролетаріата, и съ сознательной частью этого пролетаріата они намѣрены совмѣстно работать: въ вопросахъ же національной политики они оставляютъ за собою полную свободу. Они будутъ бороться противъ внесенія въ программу сіонизма пунктовъ, затемняющихъ сіонистическое сознание, мѣшающихъ осуществленію конечнаго идеала сіонизма — такимъ пунктомъ они считаютъ угадскій проэктъ—и внѣ сіонизма онѣ всегда будутъ бороться противъ затемненія національнаго сознания вообще, и еврейскаго въ частности.

А сознательнымъ еврейскимъ рабочимъ немало приходится бороться съ другими рабочими организаціями противъ затемненія національнаго самосознанія и за національные интересы еврейскаго пролетаріата. Какъ на одинъ изъ многихъ примѣровъ, мы бы могли указать на конгрессъ галиційской рабочей партіи въ Краковѣ.

Кажется, ужъ галиційская рабочая партія должна была бы съ большимъ пониманіемъ относиться къ національному принципу—вѣдь понимаетъ она его хорошо, когда дѣло касается ея интересовъ,—однако, когда дѣло касается евреевъ, она думаетъ, что они непременно должны ассимилироваться среди поляковъ, что еврейскіе рабочіе Галиціи должны во всемъ приноравливаться къ полякамъ, и никакихъ отдѣльныхъ интересовъ они не могутъ имѣть. Такъ думалъ краковскій съѣздъ: идеаломъ галиційскаго рабочаго еврейства должно, по мнѣнію краковскаго съѣзда, стать самоуничтоженіе.

Такими грубыми, и недостойными выходками нѣкоторыхъ представителей рабочихъ организаціи, мы между прочимъ объясняемъ себѣ реакцію въ другую сторону—утвержденія нѣкоторыхъ сіонистовъ, что интересы еврейскихъ рабочихъ ничѣмъ не связаны съ интересами интернациональнаго пролетаріата, что еврейскій рабочій не имѣетъ классовыхъ интересовъ. Лондонскіе «Поалей-ціонъ» стали, по нашему мнѣнію, на пра-

вильную точку зрѣнія тѣмъ, что признавая историческіе интересы еврейской національности, они не отказываются и отъ своихъ классовыхъ интересовъ.

Въ тотъ моментъ, когда національная политика начинаетъ затемнять классовое самосознаніе и вести націю въ полному отчужденію отъ всѣхъ остальныхъ націй, она перестаетъ быть прогрессивной и становится націоналистической, реакціонной.

* * *

Вопросъ: Вѣна или Лондонъ, о которомъ мы прошлый разъ говорили, продолжаетъ занимать западныхъ сіонистовъ, и дискусіи принимаютъ страстный характеръ, такъ что дѣло ужъ не обходится безъ обычныхъ въ нашемъ лагерѣ протестовъ со стороны присяжныхъ нашихъ протестантовъ.

Въ № 48 Welt отозвался на этотъ вопросъ и Д-ръ Samuel Deiches изъ Leeds'a (Англія). При всемъ нашемъ отрицательномъ отношеніи ко многимъ положеніямъ автора, мы должны признать, что статья эта наиболѣе серьезная изъ всей серіи, что авторъ ее трезво смотритъ на положеніе вещей и руководствуется, главнымъ образомъ, внутренними причинами, не увлекаясь чересчуръ внѣшней политикой.

И для Deiches'a, какъ для д-ра Фридемана, вопросъ о «вожагѣ» играетъ самую крупную роль въ этомъ дѣлѣ, и онъ думаетъ, что «массы хотятъ имени», но онъ не скрываетъ того, что Фридеманъ дипломатично замалчиваетъ въ своей статьѣ, а именно что вопросъ—Вѣна или Лондонъ—для большинства значить—Гринбергъ и Зангвиль или нѣтъ? Зачѣмъ не сказать открыто и прямо, что только объ этихъ 2-хъ лицахъ думаютъ ратующіе за Лондонъ, такъ какъ о Гастерѣ, по мѣткому выраженію зангвиля, думаетъ только Гастеръ самъ? А именно Гринбергъ и Зангвиль кажутся Deiches'у наиболѣе неподходящими людьми для этой цѣли: «то что «дѣятели» Лондона, говоритъ онъ, до сихъ поръ—во всякомъ случаѣ за послѣднія 1½ года—говорили и сдѣлали для сіонизма, въ сущности является такой неслыханной работой противъ сіонизма, — такой грубой иллюстраціей того, что эти люди, не только ложно понимаютъ сущность сіонизма, но способствуютъ его разрушенію и уничтоженію — что не вѣрится своимъ глазамъ, когда читаешь, что такой сіонистъ, какъ д-ръ Фридеманъ не восточно-африканскій сіонистъ. А кому мы обязаны злосчастнымъ восточно-африканскимъ проэктомъ? Этимъ лондонскимъ «дѣятелямъ». Кто вызвалъ въ нашемъ лагерѣ опасный кризисъ? Кто повелъ горячую пропаганду за Уганду? Кто отвлекъ народъ отъ Палестины? Кто похитилъ изъ сіонизма понятіе «Сіонъ»? Лондонскіе «дѣятели». Было бы бесполезно подробно говорить здѣсь о томъ чрезвычайномъ вредѣ, причиненномъ этими

людьми, который еще долго не будетъ забытъ. Ихъ дѣянія и мнѣнія еще живутъ въ нашей памяти до сихъ поръ.»

Мы конечно не раздѣляемъ наивнаго мнѣнія автора этой статьи о томъ, что Гринбергъ и Зангвиль вызвали кризисъ въ сіонизмъ или что исключительно они виноваты въ восточно-африканскомъ проэктѣ. Мы также не согласны съ той оцѣнкой, которую Deiches даетъ дѣятельности этихъ лицъ. Мы считаемъ Зангвиля, не смотря на нѣкоторыя его увлеченія въ сторону, несмотря на нѣкоторыя его скороспѣлыя мнѣнія, однимъ изъ лучшихъ дѣятелей сіонизма; мы его считаемъ борцомъ за сіонизмъ, какихъ очень мало въ нашемъ движеніи. А разница между Гринбергомъ и другими угандистами та, что тѣ только кричали за Уганду, а онъ еще и работалъ по мѣрѣ силъ, что ужъ во всякомъ случаѣ нельзя поставить ему въ вину. Но если придать малому А. С. то значеніе, которое придаютъ ему Фридеманъ или Deiches, а съ ними вмѣстѣ еще очень многіе сіонисты, то мы должны признать, что ни Зангвиль, ни Гринбергъ для этой роли не подходятъ. Экспансивному Зангвилю безусловно недостаетъ тѣхъ качествъ, которыя должны быть у человѣка, стоящаго во главѣ движенія—это ему не мѣшаетъ оставаться въ то же время крупной силой.

Что касается Гринберга, то онъ выдѣлился только своей работой за угандскій проектъ, выказывая однако при этомъ иногда такъ мало сіонистическаго такта, что вызывалъ всеобщее удивленіе. И во всякомъ случаѣ, до тѣхъ поръ пока конгрессъ еще будетъ стоять на точкѣ зрѣнія территориалистическо-палестинской, а не на территориалистическо-искательской, территориалисты—искатели не могутъ стать во главѣ движенія. Заслуга Deiches'a и состоитъ въ томъ, что онъ это открыто и ясно высказалъ въ своей статьѣ. Остановливаясь на лондонскомъ еврейскомъ населеніи, Deiches находитъ, что лондонская еврейская масса по своему духовному развитію не способна будетъ вліять на А. С. Ея сіонизмъ недостаточно сознательный, онъ *только* инстинктивный, и одна рѣчь можетъ измѣнить ея взгляды: «достаточно, чтобы одинъ человѣкъ, котораго считаютъ вожакомъ, измѣнилъ свое мнѣніе, чтобы всѣ англійскіе ферейны абсолютно измѣнились». Мы думаемъ, что здѣсь авторъ сгустил краски, мы выше имѣли случай указать на очень сознательные элементы среди лондонской еврейской массы.

Переходимъ къ послѣднему пункту его возраженій противъ Фридемана—къ пункту о значеніи Лондона, какъ политическаго центра. Считая—и можетъ быть не безъ основанія—что Фридеманъ имѣетъ въ виду только внѣшнюю политику англійской дипломатіи, Deiches вполне справедливо замѣчаетъ: «Я думаю, что г. Фридеманъ преувеличиваетъ вообще значеніе политики для сіонизма. О чемъ мы больше всего должны печься—это о внутренней политикѣ». Что жъ касается нашихъ сношеній съ Англійей,

думаетъ авторъ, то они вовсе не зависятъ отъ мѣстожителства А. С. Герцль прекрасно сумѣлъ завязать сношенія съ англійскимъ правительствомъ, живя въ Вѣнѣ. Да и ошибочно думать, что Англія въ своемъ угандскомъ предложеніи преслѣдовала только интересы евреевъ—она безусловно имѣла въ виду и свои интересы.

Вполнѣ соглашась съ этими замѣчаніями, мы думаемъ, что Лондонъ все-таки имѣетъ значеніе, какъ *общественно-политическій* центръ и могъ бы имѣть въ этомъ отношеніи вліяніе на дѣятельность членовъ А. С.

Въ то время, какъ одни кричатъ—Вѣна, другіе—Лондонъ, находится 3-я группа, которая безъ лишняго шума, очень «дипломатично» дѣлаетъ свое дѣло, выставивъ своего кандидата и агитируя за него. Мы говоримъ о парижской группѣ «Dorsche-Zion» и ихъ резолюціяхъ, которыя они публикуютъ въ еврейской прессѣ.

Резолюціи эти гласятъ:

1) «Предсѣдатель конгресса не можетъ быть въ то же время предсѣдателемъ исполнительнаго комитета, но онъ стоитъ во главѣ постоянной политической комиссіи, членами которой должны быть испытанные (?) политическіе сіонисты изъ разныхъ странъ. Задачи комиссіи состоятъ въ томъ, чтобы продолжать необходимые политическіе шаги и охранять политическія основы движенія. Комиссія имѣетъ право протестовать противъ всякаго рѣшенія со стороны противниковъ базельскаго сіонизма и созвать въ случаѣ нужды съ согласія большинства кружковъ и безъ разрѣшенія А. С. конгрессъ.

2) Конгрессъ назначаетъ постоянный эмиграціонный комитетъ, задача котораго заниматься, въ согласіи съ другими колонизаціонными обществами, концентраціей эмиграціи въ автономной странѣ (?), съ тѣмъ, чтобы это не помѣшало политическимъ работамъ въ Палестинѣ.

Примѣчаніе: Обѣ эти комиссіи отвѣтственны только передъ конгрессомъ.

А если вы все еще не понимаете, въ чемъ дѣло, то вслѣдъ за этими двумя резолюціями приходитъ третья:

«Собраніе выражаетъ свое довѣріе и чувство признательности д-ру Нордау и проситъ его официально участвовать въ политической комиссіи».

И въ концѣ:

«Собраніе выражаетъ чувство признательности Зангвилю и проситъ его официально участвовать въ эмиграціонной комиссіи».

Вы видите, какъ здѣсь все прикраивается для извѣстной личности. Казалось бы, опытъ долженъ былъ убѣдить насъ въ негодности этого метода, однако и тутъ, якобы желая реформировать организацію, не исходить изъ точки зрѣнія организаціонной цѣльности, не руководствуясь опытомъ, не принимаютъ въ соображеніе прежнихъ ошибокъ и недостат-

ковъ, а все вниманіе обращаютъ на то, чтобы организація подходила для той или другой личности. Вотъ почему вы и находите въ резолюціяхъ столь много противорѣчій и столь много поверхностнаго, необдуманнаго.

Возьмемъ первое требованіе: чтобы предсѣдатель А. С. не былъ предсѣдателемъ конгресса. Вѣдь это требованіе имѣетъ только тогда свой *raison d'être*, если мы такимъ путемъ отдѣлимъ законодательную власть отъ исполнительной. За этотъ принципъ и выступали всѣ тѣ, которые требовали всегда, чтобы предсѣдатель конгресса не былъ предсѣдателемъ А. С. Что жъ намъ теперь предлагаютъ? чтобы предсѣдатель конгресса не былъ предсѣдателемъ А. С., но чтобы онъ былъ предсѣдателемъ «постоянной политической комиссіи». А эта то «постоянная политическая комиссія» въ качествѣ чего функционируетъ? не въ качествѣ ли исполнительнаго комитета?—вѣдь ея задачи состоятъ въ томъ, чтобы «продолжать необходимые политическіе шаги». Да и вообще, эта «постоянная политическая комиссія», которая будетъ состоятъ изъ «испытанныхъ политическихъ сіонистовъ» (въ *Actions Comité* могутъ, какъ видно, попасть и не «испытанные политическіе сіонисты») должна очевидно стать во главѣ всего движенія: она не только занимается политикой, но смотритъ и за тѣмъ, чтобы А. С. не впалъ бы, не дай Господи, въ политическую ересь, и охранять «политическія основы движенія». Но если политическая комиссія имѣетъ такія широкія полномочія; если ея предсѣдатель въ сущности есть завѣдующій политическими дѣлами организаціи, т. е. одинъ изъ членовъ исполнительнаго комитета, онъ фактически главарь всего движенія, онъ же и предсѣдатель конгресса—слѣдовательно все по старому—къ чему же тогда эта фраза о раздѣленіи власти? Хотятъ ли этимъ прикрыть свои истинныя желанія, или люди просто сами не понимаютъ, что вторая фраза ихъ резолюціи является полнымъ противорѣчіемъ первой?

А вторая резолюція еще интереснѣй первой. Оставляя безъ вниманія наивную форму ея, способную вызвать только улыбку, мы отмѣчаемъ болѣе существенное—двусмысленность этой резолюціи, въ которой чувствуется не то отсутствіе мужества ясно и опредѣленно высказать свои убѣжденія, не то неумѣніе разобраться въ самомъ основномъ пунктѣ сіонизма. Одно изъ двухъ: или авторы резолюціи думаютъ, что конгрессъ *можетъ* и, слѣдовательно, онъ долженъ концентрировать евреевъ въ автономной странѣ; другими словами, что можно создать политическій еврейскій центръ и въ Палестинѣ—въ такомъ случаѣ къ чему эта боязнь, что эта работа помѣшаетъ «политической работѣ въ Палестинѣ?» Для чего тогда эта «политическая работа въ Палестинѣ?» Вѣдь каждый сознательный палестинецъ отвѣтитъ на это: «господа, еслибы я вѣрилъ въ возможность этого, еслибы я не смотрѣлъ на исканіе территоріи, какъ на авантюру, еслибы я думалъ, что само *своейство* способно создать себѣ политическій центръ въ

Палестины, а бы тогда первый отказался отъ Палестины». И даже такой палестинецъ какъ Achad Haam призналъ бы тогда, что «это былъ бы только какой-то религіозный и поэтический романтизмъ тратить хотя бы маленькую часть нашихъ скромныхъ силъ, которыя намъ такъ нужны для устройства нашего дома, на работу въ Палестинѣ» *). Трудно полагать, что авторы этой резолюции, которые намѣреваются учредить специальную политическую цензуру, думаютъ объ устройствѣ политическаго еврейскаго центра въ одномъ мѣстѣ и какого то «духовнаго» центра въ другомъ мѣстѣ. Слѣдовательно, фраза о «политической работѣ въ Палестинѣ» есть только «дипломатическій» приемъ.

Или же, если и авторы не вѣрятъ въ возможность политическаго центра внѣ Палестины и причисляютъ работу будущей эмиграционной комиссіи къ *Gegenwartsarbeit* — тогда эти люди не выяснили себѣ разницы между *Gegenwartsarbeit* и чисто сіонистской работой. Нельзя превратить основной пунктъ сіонизма, территориализмъ, въ пунктъ *Gegenwartsarbeit*. Территориализмъ безъ палестинскаго принципа можетъ или стать *основнымъ* пунктомъ нашей программы, и тогда работа въ этомъ направленіи является *основной* работой нашей организациі—она ведетъ насъ къ нашему конечному идеалу; или же, если Палестина остается *conditio sine qua non* для сіонизма—тогда всякіе разговоры о другой территоріи затемняютъ сіонистическое сознаніе, и всякая работа въ этомъ направленіи приносить неизмѣримый вредъ, ведетъ насъ къ опаснымъ осложненіямъ. Однимъ словомъ, надо помнить, что Палестина только тогда имѣетъ для насъ историческое значеніе, если она связана съ принципомъ территориализма. Объ этомъ не мѣшаетъ напомнить и многимъ палестинскимъ сіонистамъ, какъ напримѣръ г. Людвигу, который, въ своемъ чрезмѣрномъ усердіи, утверждаетъ въ своей статьѣ «*Le vrai danger*» (*L'écho sioniste*), что нѣтъ ничего общаго между сіонизмомъ и территориализмомъ (*En général il n'y a rien de commun entre le territorialisme et le sionisme*). Развѣ сіонизмъ такъ таки ничего общаго не имѣетъ съ территориалистическимъ принципомъ? Но тогда, чтожь такое сіонизмъ? До сихъ поръ мы думали, что въ основѣ сіонизма лежитъ наше стремленіе къ свободной національной жизни, которая возможна *только на собственной территоріи*, и что этой территоріей можетъ быть только Палестина. Теперь же, въ борьбѣ противъ одной ошибки приходятъ къ другой, болѣе крупной ошибкѣ, къ полному сіонистическому абсурду—къ отрицанію территориалистическаго принципа въ сіонизмѣ. Не поздоровится сіонизму отъ такой защиты!

* * *

*) «На Перепутьи» III, стр. 207.

Еврейскій языкъ переживаетъ теперь на западѣ критическое время: противъ него ополчились со всѣхъ сторонъ. Еще недавно прусскій министръ народнаго просвѣщенія запретилъ преподаваніе его въ еврейскихъ школахъ. Теперь возсталъ противъ него богемскій еврейскій Arbeitskongress, собравшійся недавно, 27 ноября н. ст., въ Прагѣ.

Богемскіе евреи ничему не научились и ничего не забыли за послѣдніе годы; борьба національностей въ Австріи для нихъ прошла незамѣтно, по крайней мѣрѣ, постольку, поскольку это могло касаться ихъ національности. Если они и участвовали въ этой борьбѣ, то только какъ «чехи» или «нѣмцы», причѣмъ въ первомъ случаѣ они играли смѣшную, во второмъ очень непривлекательную роль. Представители Arbeitskongress'a очевидно играютъ первую роль: они объявляютъ борьбу противъ всего нѣмецкаго и, главнымъ образомъ, противъ нѣмецкаго преподаванія — въ пользу чешскаго. Но не только противъ онѣмечиванія выступаютъ представители Arbeitskongress'a: одинъ изъ референтовъ, d-r Arnstein, съ душевной скорбью отиѣчаетъ, что молодое поколѣніе начинаетъ удаляться отъ ассимиляторской политики стариковъ. А въ этомъ безусловно виноватъ сіонизмъ, потому надо и противъ него бороться. «Сіонизмъ также, — говоритъ d-r Arnstein, — является серьезнымъ препятствіемъ для развитія нашихъ чешскихъ идей; этому вліянію, которое старается построить плотину между евреями и остальнымъ чешскимъ обществомъ, мы должны самымъ рѣшительнымъ образомъ противиться». Говоря дальше о необходимости распространять среди евреевъ чешскій языкъ, референтъ мотивируетъ это тѣмъ, «что въ интересахъ культуры (!) ускори́тъ ассимиляціонный процессъ. Референтъ, какъ и нѣкоторые послѣдующіе ораторы, находитъ, что еврейскій языкъ долженъ быть совершенно изгнанъ изъ еврейской народной школы. А одинъ изъ нихъ, d-r Kraus (раввинъ), объясняетъ свою оппозицію еврейскому языку такимъ образомъ: «Языкъ есть только форма для религіозныхъ обрядовъ, которые являются сущностью, но религія можетъ прекрасно обойтись безъ этой формы, и потому еврейскій языкъ теперь не нуженъ».

Не правда ли, оригинальное объясненіе значенія языка? И ко всему этому противное, рабское пресмыканіе предъ «чешскимъ обществомъ». — Вотъ какъ пражскій конгрессъ понимаетъ «интересы культуры»!

* * *

Бреславльскія семинарія праздновала недавно 50 лѣтній юбилей со дня основанія. По этому поводу «Ost und West» посвятила свой ноябр. № различнымъ воспоминаніямъ о дѣятеляхъ этого учрежденія. Среди послѣднихъ первое мѣсто занимаетъ Франгель и Грець. Память этихъ двухъ людей, столько сдѣлавшихъ для еврейской науки, безусловно останется еще надолго въ еврейской исторіи, и потому не безынтересны нѣкоторыя характерныя черты ихъ личностей, которыя мы находимъ въ этихъ воспо-

мнанияхъ. Очень интересны въ этомъ отношеніи воспоминанія известнаго неокантіанца Hermann'a Cohen'a изъ Марбурга.

Только короткое время Hermann Cohen пробылъ въ семинаріи. Не для теологіи онъ родился — его влекло къ свободной наукѣ, гдѣ можно быть до конца послѣдовательнымъ, и потому онъ въ семинаріи не могъ остаться. И Франкель ошибся, когда онъ ему потомъ сказалъ, что «если бы Вегнау съ вами лучше обходился, вы бы можетъ быть все-таки остались у насъ». Въ самомъ дѣлѣ Cohen'у вообще тѣсно было въ семинаріи, и толчкомъ для его ухода изъ нея послужилъ споръ между известнымъ франкфуртскимъ Гиршемъ и Франкелемъ изъ за традиціи. «Книжный, поверхностный, противный духу исторіи взглядъ на источникъ великихъ божественныхъ идей былъ и есть противенъ сущности моей души. Онъ для меня является симптомомъ того, что истинное благочестіе, которое должно живо содѣйствовать наукѣ, стѣсняется преобладающимъ вниманіемъ къ непосредственной дѣятельности въ незрѣлой толпѣ, а не въ духовно-развитой общинѣ». И въ этомъ, говоритъ Cohen, состоитъ заслуга Франкеля: онъ понималъ необходимость свободнаго развитія юдаизма параллельно съ наукой. «Въ этомъ,—говоритъ дальше Cohen,—вѣчный смыслъ историческаго юдаизма, что его нельзя заковать и замкнуть въ формы исторически возникающія и точно такъ же исчезающія, а что онъ вѣритъ въ идеи, какъ въ источникъ своей силы, и въ ихъ неизсякаемое значеніе и вѣчную плодородность». «Die Worte seien nicht eingegraben (charuth) in die Tafeln, sondern Freiheit (Chéruth) sei in ihnen». Этотъ духъ господствовалъ, думаетъ Cohen, въ семинаріи.

Франкель сумѣлъ его ввести въ семинаріи, которой онъ былъ преданъ всей душой. «Этого человека не могла осилить болѣзнь «я» — тщеславія. Онъ и его дѣло составляли одно цѣлое. Его индивидуальность была его объективностью. И могъ бы много сказать о немъ и о его педагогическихъ приемахъ, но все свелось бы къ сущности его личности — къ его необыкновенной объективности». Грець не обладалъ этой импозантной объективностью. «У него былъ взглядъ, то лучистый, то колючій, который исходилъ изъ личности и имѣлъ въ виду личность. Импульсивность, которой онъ отличался, какъ писатель, и которая сдѣлала его не только нашимъ великимъ, но и нашимъ наиболѣе вліятельнымъ историкомъ, эта импульсивность одушевляла и одухотворяла его преподаваніе. Какъ юны и неподготовлены мы ни были въ то время, онъ поднималъ нашъ умственный уровень своей интересной и жизненной характеристикой мужей нашей литературы».

Интересно первое знакомство Греца съ Цунцомъ, о которомъ d-г Гидеманъ рассказываетъ въ томъ же № «Ost und West». Свелъ ихъ вмѣстѣ. Захвъ незадолго до появленія перваго тома исторіи Греца и представлялъ

послѣдняго Цунцу: «I)-г Грець, авторъ исторіи евреевъ». Цунць насмѣшливо замѣтилъ: «Опять исторія!», на что Заксъ отвѣтилъ: «Наконецъ исторія!»

Нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни нашего знаменитаго историка мы находимъ и въ статьѣ его сына, небезысвѣтнаго мюнхенскаго физика, который рисуеъ его частную жизнь. Мы тамъ находимъ свидѣтельства огромной работоспособности и трудолюбивости Греца и его слабости въ той популярности, которой онъ вполнѣ заслуженно пользовался.

Мы не останавливаемся на воспоминаніяхъ о другихъ дѣтеляхъ семинари, какъ Bergau'ъ и Joel'ъ, такъ какъ ихъ имена почти незнакомы большей части русскаго еврейства.

Во всякомъ случаѣ воспоминанія эти заслуживаютъ вниманія, такъ какъ они характеризуютъ видныхъ духовныхъ дѣтелей нѣмецкаго еврейства.

А. П—анъ.

Къ вопросу о высшемъ образованіи русскихъ евреевъ.

(Историко-статистическіе матеріалы)

Окончаніе ¹⁾).

VII.

Когда мы говорили все время о высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, мы имѣли возможность приводить данные почти исключительно по университетамъ. Касательно же специальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній намъ не приходилось давать статистическихъ свѣдѣній. Черпая ихъ изъ официальныхъ источниковъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, мы не могли приводить въ общихъ таблицахъ свѣдѣній по специальнымъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, такъ какъ послѣднія находились въ управленіи другихъ вѣдомствъ. Между тѣмъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что специальныя высшія учебныя заведенія—институты технологическій, горный, путей сообщенія и др., а также медико-хирургическая академія—привлекали всегда не малое количество евреевъ студентовъ.

Задавшись цѣлью восполнить указанный пробѣлъ, мы, къ сожалѣнію, не могли достигнуть достаточныхъ результатовъ вслѣдствіе значительной трудности отысканія необходимыхъ данныхъ, а подчасъ и совершеннаго отсутствія ихъ.

Все, что мы можемъ дать,—это статистическія свѣдѣнія изъ исторіи посѣщенія евреями Института Инженеровъ Путей Сообщенія, Военно-Медицинской Академіи и нѣсколько цифръ по Институту Сельскаго Хозяйства и Лѣсоводства въ Новой-Александріи и другимъ учебнымъ заведеніямъ.

Обратимся сначала къ Военно-Медицинской (Медико-Хирургической) Академіи въ С.-Петербургѣ. Вотъ сжатый очеркъ судебъ студентовъ-евреевъ этого учебнаго заведенія до конца 50-хъ годовъ, какъ его излагаетъ историкъ Академіи ²⁾:

¹⁾ См. „Евр. Жизнь“, № 10

²⁾ Исторія Императорской Военно-Медицинской Академіи за 100 лѣтъ. 1798—1898. СПб. 1898, стр. 457.

«Закономъ Россійской Имперіи разрѣшалось евреямъ, окончившимъ курсъ въ гимназін, поступать въ университеты и другія высшія учебныя заведенія Имперіи, а здѣсь принимать ихъ и въ число казеннокоштныхъ воспитанниковъ (ст. 81 устава Академіи). Получившіе ученныя степени могли поступать на государственную службу (только въ западныхъ губерніяхъ и вообще въ чертѣ еврейской осѣдлости), но въ 1844 году секретно повѣлено было не принимать ихъ на службу вовсе. Въмѣстѣ съ тѣмъ, вопреки приведенному параграфу устава, евреи не принимались и въ Академію до 1849 года, когда Высочайше повѣлено было (25 января): ученикамъ изъ евреевъ дозволить вступать въ число вольнослушателей Императорской Медико-Хирургической Академіи, но съ тѣмъ, чтобы перемищеніе и пріемъ ихъ въ число казеннокоштныхъ студентовъ сего заведенія были воспрещены; воспрещеніе это объявить къ исполненію секретно.

По докладу Комитета о евреяхъ означенныя ограниченія были отменены въ 1856 году, и возстановлено дѣйствіе упомянутаго выше общаго закона. Интересно, что ближайшимъ поводомъ къ рѣшенію вопроса послужила просьба 34 евреевъ студентовъ нашей Академіи, поданная председателю Комитета, Министру Внутреннихъ Дѣлъ, въ которой они ходатайствовали объ отмигнѣ ограничительныхъ мѣръ».

Просматривая эту краткую замѣтку о посѣщеніи евреями Военно-Медицинской Академіи до начала 60-хъ годовъ, т. е. за время перваго періода исторіи русско-еврейскаго просвѣщенія, мы находимъ въ ней характерныя черты этого періода:—неустойчивость законоположеній, колебаніе и неопредѣленность правительственной политики въ отношеніи посѣщенія евреями общей школы. Прямые законы отмигаются и измигаются постановленіями свыше, совершенно прекращающими или узко ограничивающими пріемъ евреевъ въ Академію. Совершенно непонятна странная *секретность* этихъ предписаній, которая предоставляла евреямъ добиваться своихъ правъ, регулированныхъ основными законами, совершенно не подозревая о существованіи тайныхъ препятствій, о которыхъ, какъ о стѣнѣ, разбивались попытки евреевъ пользоваться предоставленными имъ правами и преимуществами. Интересна и знаменательна эта коллективная просьба 34-хъ студентовъ-евреевъ. Въ наше время что-то не слышать о такихъ проявленіяхъ товарищескаго чувства и сознанія своего долга въ средѣ нынѣшнихъ студентовъ-евреевъ. Интересно, въ частности, и то обстоятельство, что, какъ передаетъ историкъ Академіи, эта коллективная просьба была принята во вниманіе и послужила «ближайшимъ поводомъ къ рѣшенію вопроса».

Движеніе числа евреевъ-студентовъ Военно-Медицинской Академіи за время 1857—1865 г. г. можетъ быть представлено слѣдующей таблицей:¹)

¹) Ibid, стр. 569.

ТАБЛИЦА 21.

Г О Д А.	Всего.	Евреевъ.	%
1857	978	46	4,7
1858	794	45	5,6
1859	867	49	5,6
1860	822	54	6,5
1861	722	72	9,9
1862	662	34	5,1
1863	663	26	3,9
1864	687	26	3,8
1865	770	46	5,9

Что касается дальнейшей истории посещения евреями Военно-Медицинской Академии, то по этому предмету у нас имются более чѣмъ скудные свѣдѣнія. Извѣстно только, что въ 1877 году издано было постановленіе о прекращеніи пріема евреевъ на ветеринарное и фармацевтическое отдѣленія Академіи. Правило это не распространялось, однако, на медицинское отдѣленіе и, какъ свидѣтельствуетъ историкъ Академіи ¹⁾, «процентъ евреевъ на этомъ отдѣленіи достигалъ крупной цифры». Другихъ свѣдѣній о посѣщеніи евреями Академіи намъ, къ сожалѣнію, собрать не удалось.

По Институту Инженеровъ Путей Сообщенія мы можемъ дать исключительно цифровыя данныя. Около 1867 года этотъ Институтъ былъ преобразованъ изъ Корпуса Военныхъ Инженеровъ и изъ Военнаго Министерства перешелъ въ вѣдомство Министерства Путей Сообщенія. Съ 1869 года въ числѣ студентовъ его появляются евреи, число которыхъ какъ абсолютно такъ и относительно съ каждымъ годомъ возрастаетъ. За время съ 1869—1879 г. г. мы добыли слѣдующія цифры, указанные въ таблицѣ 22 ²⁾.

Институтъ Сельскаго Хозяйства и Лѣсоводства въ Новой Александринѣ даетъ цифры обучавшихся въ немъ евреевъ, указанные въ таблицѣ 23. ³⁾.

¹⁾ Ibid, стр. 650.

²⁾ Таблица 22-ая составлена на основаніи отчетовъ по Институту, помѣщавшихся съ 1870—1874 г. въ Журналъ Министерства Путей Сообщенія, съ 1875—1877 г. въ Инженерныхъ Запискахъ, съ 1878—1880 г. снова въ Журналъ Министерства Путей Сообщенія.

³⁾ Свѣдѣнія почерпнуты изъ отчетовъ по Институту, помѣщавшихся въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1879—1885 г. г. отдѣлъ „Современная Лѣтопись.“

ТАБЛИЦА 22.

Г О Д А.	Всего.	Евреевъ.	%
1869	284	7	2,4
1870	445	14	3,1
1871	529	19	3,3
1872	582	30	5,1
1873	590	свѣд.	нѣтъ.
1874	662	48	7,2
1875	650	61	9,3
1876	632	57	9,0
1877	594	53	8,9
1878	559	54	9,6
1879	551	53	9,6

ТАБЛИЦА 23.

Г О Д А.	Всего.	Евреевъ.	%
1877	144	1	0,6
1878	164	3	1,8
1879	182	9	4,9
1880	211	9	4,2
1881	225	14	6,2

Съ 1882 года количество евреевъ-студентовъ Ново-Александрійскаго Института рѣзко падаетъ. Такъ, въ 1883 году, при общемъ количествѣ студентовъ—146, евреевъ нѣтъ совсѣмъ; въ слѣдующемъ, 1884 году на 202 студента евреевъ—1. Обстоятельство это можетъ быть объяснено, конечно, только давленіемъ извнѣ, затруднившимъ поступленіе евреевъ въ этотъ Институтъ.

Въ заключеніе—приводимъ свѣдѣнія о количествѣ евреекъ на СПб. Женскихъ врачебныхъ курсахъ.¹⁾ въ 1876 (открыты въ 1872 г.). Всего студентокъ было 430, изъ нихъ евреекъ:—на 1-мъ курсѣ—33, 2-мъ—22, 3-мъ—9, 4-мъ—6, 5-мъ—3. Итого 73, т. е. 16, 9% общего числа.

¹⁾ „Женское Образование“, 1877, № 2, стр. 112.

VIII.

Начало 80-х годовъ является кульминаціоннымъ пунктомъ посѣщенія евреями общей школы и вмѣстѣ съ тѣмъ поворотнымъ моментомъ въ исторіи русско-еврейскаго просвѣщенія. Мы прослѣдили увеличеніе съ непрерывной интенсивностью за нѣсколько десятковъ лѣтъ количества евреевъ, учащихся въ общей школѣ. Это увеличеніе къ началу 80-хъ годовъ дошло до значительныхъ размѣровъ, и евреи давали въ нѣкоторыхъ округахъ и отдѣльныхъ учебныхъ заведеніяхъ поистинѣ громадный процентъ. Это послѣднее обстоятельство и дало главнымъ образомъ поводъ къ возмненовенію въ официальныхъ сферахъ сначала толковъ, а потомъ и фактическихъ мѣропріятій для ограниченія доступа евреевъ въ среднюю и высшую школу.

Но, прежде чѣмъ перейти къ новому періоду русско-еврейскаго просвѣщенія—періоду запретовъ и ограниченій, мы остановимся подробнѣе на раздѣльномъ моментѣ—началѣ 80-хъ годовъ и разсмотримъ вопросъ объ участіи евреевъ въ общей школѣ въ эту переходную эпоху.

ТАБЛИЦА 24.

О К Р У Г А .	1875.			1876.			1877.		
	Всего.	Евреев.	%	Всего.	Евреев.	%	Всего.	Евреев.	%
С.-Петербургскій	5063	170	3,3	5458	178	3,2	5834	212	3,6
Московскій	7630	150	2,0	7683	146	1,9	7889	184	2,3
Казанскій	2995	30	1,0	3119	65	2,0	3073	48	1,5
Оренбургскій	1598	24	1,5	1614	32	1,9	1640	40	2,4
Харьковскій	4910	146	2,9	5136	172	3,3	5371	189	3,5
Одесскій	4344	1549	35,4	4956	1531	30,8	5315	1846	34,7
Кіевскій	5558	582	10,4	5882	632	10,7	6183	698	11,3
Вилецскій	4023	859	21,3	4100	908	22,1	4186	966	23,1
Варшавскій	7196	874	12,1	7778	1007	12,9	8269	1115	13,4
Дерптскій	3454	216	6,2	3691	242	6,5	3924	289	7,3
Зап. Сибирскій	510	36	7,0	606	47	7,7	572	44	7,7
Вост. Сибирскій	628	38	6,1	683	52	7,6	666	47	7,0
Туркест. край	—	—	—	—	—	—	200	—	—
	47639	4674	9,8	50701	5012	9,8	53072	5678	10,6

Есть одинъ вопросъ, на который мы бы хотѣли обратить вниманіе. Дѣло въ томъ, что та интенсивность возрастанія количества евреевъ въ общей школѣ, на которую мы выше имѣли случай неоднократно указывать, стала въ значительной степени ослабѣвать. Наступалъ, повидимому, періодъ, когда потокъ еврейской молодежи, хлынувшей черезъ прорванную преграду въ общую школу, сталъ до извѣстной степени ровнѣе, обезпечилъ себѣ болѣе спокойное русло, и количество евреевъ-учащихся стало приближаться къ естественной, примѣнительно къ общему современному состоянію евреевъ, нормѣ. Возрастаніе количества евреевъ, учащихся въ общей школѣ, остается еще по прежнему неуклоннымъ, но уже гораздо менѣе интенсивнымъ. Обстоятельство это можетъ быть наблюдаемо по таблицѣ 24-ой, которая изображаетъ количество учащихся въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ по округамъ за 1875, 1876 и 1877 годы ¹⁾.

Въ таблицѣ 24-ой намъ съ перваго взгляда бросается въ глаза то обстоятельство, что съ 1875 до 1876 года процентное отношеніе всего количества евреевъ къ общему числу учащихся остается неизмѣнно 9,8, а къ 1877 году увеличивается до 10,6. Общее количество евреевъ евреевъ увеличилось съ 1875 по 1876 годъ на 338, т. е. на 7,2%, а съ 1876 по 1874 годъ на 666, т. е. на 13,2%. Сравнимъ эти выводы съ тѣмъ данными, которыя приводились нами для середины 60-хъ годовъ ²⁾. Абсолютное количество учащихся евреевъ возросло тогда за годъ съ 547 до 984, т. е. на 79,3%. Необходимо поставить въ связь съ приведенными цифрами то обстоятельство, что, въ то время какъ для середины 60-хъ годовъ процентъ возрастанія *всего количества* учащихся за 2 года (1863—1865) былъ только 0,9, для середины 70-хъ годовъ мы имѣемъ процентъ возрастанія за годъ (1875—1876) уже 6,4.

Обратимъ вниманіе на нѣкоторыя частныя обстоятельства. Одесскій округъ, шедшій всегда впереди въ смыслѣ интенсивности количественнаго возрастанія, оказывается на сей разъ позади остальныхъ районовъ; не только процентное отношеніе въ немъ падаетъ, но и абсолютное количество уменьшается, впрочемъ незначительно. Такое же паденіе обнаруживается и въ другихъ районахъ. Такимъ образомъ, всѣ вышеприведенныя соображенія и выводы только подтверждаютъ тѣ положенія объ ослабленіи интенсивности количественнаго возрастанія учащихся евреевъ, которыя мы выше намѣтили.

Исходя изъ этихъ соображеній, мы до извѣстной степени и склонны предположить, что къ 1880 году количество евреевъ, обучавшихся въ

¹⁾ Составлена на основаніи „Приложеній къ всеподданнѣйшимъ отчетамъ Мин. Нар. Просв.“. Журн. М. Н. П. за 1877 г., ч. 194, стр. 38; за 1878 г. ч. 199, стр. 120; за 1879 г., ч. 206, стр. 92.

²⁾ См. „Евр. Жизнь“, № 7, стр. 171, 172 и № 10, стр. 145.

Таблица 25.

Университеты.	ОБЩЕ ЧИСЛО.		Ф А К У Л Т Ы																	
	Всего.	Евр. %	Медицинскіи.		Юридическіи.		Естественныи.		Лингвистическ.		Истор.-Филол.		Возрос. и Пост.							
			Всего.	Е. %	Всего.	Е. %	Всего.	Е. %	Всего.	Е. %	Всего.	Е. %	Всего.	Е. %						
О.-Петербургскіи	1677	73	4,4	641	41	6,4	416	27	6,5	312	5	1,4	246	—	—	32	—	—		
Московскіи	1876	89	5,2	325	10	3,1	57	—	—	192	1	0,5	145	—	—	—	—	—		
Харьковскіи	657	39	5,9	107	5	4,6	67	1	1,4	42	—	—	67	—	—	—	—	—		
Новоросіискіи	346	41	11,9	109	19	17,4	96	17	17,7	51	5	9,8	90	—	—	—	—	—		
Казанскіи	706	7	1,0	88	1	1,1	19	—	—	53	—	—	70	—	—	—	—	—		
Кіевскіи	1046	159	15,2	711	148	20,8	128	9	7,0	56	1	1,7	102	1	1,9	—	—	—		
Дерптскіи	1031	45	4,2	508	42	8,2	196	1	0,5	49	1	2,0	34	—	—	162	1	0,6		
Варшавскіи	804	93	11,6	405	61	15,2	193	24	12,2	36	5	13,5	73	3	4,1	31	—	—		
Итого	8193	556	6,8	3693	378	10,2	1730	110	6,1	789	51	6,4	843	15	1,7	914	2	0,2	164	—

У. Статистика Российской Имперіи, Вып. III. Университеты и средніи учебныи заведенія по пе-
реліку 20 марта 1890 г. Спб., 1888 г. Табл. 5 и 6, стр. 7 и 8.

общей школъ, достигло той степени, когда дальнѣйшее интенсивное увеличеніе было уже невозможно.

20-го марта 1880 года была произведена Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ перепись всѣхъ учебныхъ заведеній. Изъ результатовъ этой переписи ¹⁾ мы позаимствуемъ данныя, касающіяся университетовъ; онѣ представлены таблицей 25-ой.

Просматривая таблицу 25-ую и сравнивая ее съ данными, относящимися къ 1864 году, а также однородной таблицей за 1863 годъ ²⁾, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ. За 15 лѣтъ (1864—1880) абсолютное количество евреевъ-студентовъ увеличилось болѣе чѣмъ въ 4 раза, въ то время, какъ общее число студентовъ увеличилось только почти въ 2 раза, и процентное отношеніе количества евреевъ къ общему числу возросло съ 3,1 до 6,8. Наиболѣе посѣщаемымъ евреями является университетъ Кіевскій, гдѣ евреи даютъ и наибольшій процентъ. Что касается распредѣленія по факультетамъ, то, по прежнему, громадное большинство студентовъ-евреевъ относится къ медицинскому факультету; съ 1863 года, количество студентовъ-евреевъ, изучающихъ медицину, увеличилось свыше чѣмъ въ 8 разъ. За медицинскимъ—въ смыслѣ абсолютнаго количества—слѣдуетъ юридическій, а въ смыслѣ процентнаго отношенія—естественный факультетъ.

Обратимся теперь къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ мужскимъ и женскимъ и рассмотримъ таблицу 26-ую, составленную на основаніи тѣхъ же источниковъ, откуда взяты данныя по университетамъ, и изображающую количество учащихся по губерніямъ ³⁾. Сопоставляя данныя и выводы таблицы 26-ой съ общими данными о количествѣ населенія, мы должны притти къ нѣкоторымъ не лишнимъ интереса выводамъ. Но, къ глубокому сожалѣнію, не существуетъ, повидимому, свѣдѣній о количествѣ народонаселенія Россійской Имперіи по вѣроисповѣданіямъ за 1880 или ближайшіе къ нему годы. Мы имѣемъ только свѣдѣнія о количествѣ населенія 16-ти губерній, входящихъ въ черту еврейской осѣдности ⁴⁾, относящіяся къ 1882 году, каковыми данными мы принуждены ограничиться для нашихъ сравнительныхъ выводовъ, несмотря на недостаточную полноту и достовѣрность этихъ данныхъ.

¹⁾ Статистика Россійской Имперіи, Вып. III. Университеты и среднія учебныя заведенія по переписи 20 марта 1880 г. Спб. 1888 г.

²⁾ См. „Евр. Жизнь“ № 7, табл. на стр. 173 и № 10, табл. 9.

³⁾ Статистика Россійской Имперіи. Вып. III, стр. 135—157 и стр. 337—358.

⁴⁾ Статистическій Временникъ Россійской Имперіи. Серія III, Вып. 2 Еврейское населеніе и землевладѣніе въ юго-западныхъ губерніяхъ европейской Россіи, входящихъ въ черту еврейской осѣдности. Обработано В. Аленичинымъ. Спб. 1884.

ТАБЛИЦА 26.

ГУБЕРНИИ.	Мужскія гимназии, прогимн. и реальныя училища.			Женскія гимназии и прогимн. Мин. Нар. Пр. и Вѣдомст. уч- режденій Императрицы Маріи.		
	Всего.	Евреевъ.	%	Всего.	Евреевъ.	%
Архангельская	235	1	0,4	235	—	—
Астраханская	374	—	—	332	3	0,9
Вессарабская	1098	285	26,1	691	119	17,2
Виленская	1418	327	23,2	958	229	23,9
Витебская	806	141	17,6	358	25	7,1
Владимирская	667	6	0,8	932	5	0,5
Вологодская	452	2	0,4	693	3	0,4
Волынская	1269	143	11,2	556	53	9,6
Воронежская	811	33	4,0	1743	45	2,5
Вятская	599	4	0,6	1950	14	0,7
Гродненская	821	189	23,0	310	148	47,7
Донского войска обл.	1591	10	0,6	983	12	12,9
Екатеринославская	1821	504	27,6	1795	421	23,5
Казанская	1316	23	1,7	1347	16	1,2
Калужская	428	3	0,7	681	7	1,1
Кіевская	3136	390	12,4	1763	148	8,4
Ковенская	913	272	29,8	392	262	67,2
Костромская	487	—	—	402	—	—
Курляндская	1495	267	17,9	541	83	15,3
Курская	1206	38	3,1	1596	45	2,8
Лифляндская	1460	46	3,1	1116	4	0,3
Минская	1318	340	25,9	375	87	23,5
Могилевская	801	193	24,0	440	63	14,3
Московская	3517	179	5,0	3306	91	2,7
Нижегородская	704	13	1,8	471	8	1,7
Новгородская	574	9	1,5	1124	29	2,5

ГУБЕРНІИ.	Мужскія гимназіи, прогимн. и реальн. училища.			Женскія гимназіи и прогимн. Мин. Нар. Пр. и Вѣдомст. учрежденій Императрицы Маріи.		
	Всего.	Евреев.	%	Всего.	Евреев.	%
Олонецкая	239	4	1,7	310	13	4,1
Оренбургская	539	27	5,0	633	11	1,7
Орловская	1117	32	2,8	831	16	1,9
Пензенская	774	6	0,7	751	2	0,2
Пермская	979	13	1,3	1213	10	0,8
Подольская	1035	165	16,0	381	59	15,5
Полтавская	1606	226	14,1	1397	256	18,2
Псковская	623	31	4,9	515	7	1,3
Рязанская	854	16	1,9	425	3	0,7
Самарская	387	19	4,9	347	18	5,2
С.-Петербургская	6255	278	4,4	4600	134	2,9
Саратовская	1114	21	1,9	703	10	1,4
Симбирская	597	8	1,3	716	5	6,9
Смоленская	920	42	4,6	960	26	2,7
Таврическая	1629	548	33,6	1431	406	28,5
Тамбовская	800	8	1,0	930	10	1,0
Тверская	527	16	3,0	1159	18	1,5
Тульская	629	6	0,9	659	—	—
Уфимская	391	10	2,5	508	4	1,7
Харьковская	2534	190	7,5	1566	104	6,9
Херсонская	3658	1495	40,8	2551	645	25,8
Черниговская	1487	119	7,9	903	84	9,2
Эстляндская	606	15	2,4	306	12	3,9
Ярославская	539	8	1,4	947	4	0,4
ИТОГО .	59103.	6721.	11,3.	9555.	3772.	7,6

ГУБЕРНІИ.	Мужскія гимназій, прогимн. и реальныя училища.			Женскія гимназій и прогимн. Мин. Нар. Пр. и Вѣдомст. учрежденій Императрицы Маріи.		
	Всего.	Евреевъ.	%	Всего.	Евреевъ.	%
Привислянскія.						
Варшавская	4099	760	18,5	1479	332	22,4
Калишская	489	75	15,3	248	70	28,0
Кѣлецкая	587	7	1,0	140	1	0,7
Ломжинская	535	32	5,9	127	19	14,9
Люблинская	1052	62	5,8	415	42	10,1
Петровская	691	122	17,6	247	30	10,1
Плоцкая	526	51	9,7	193	29	15,0
Радомская	714	22	3,0	295	30	10,1
Сувальская	842	132	15,7	202	68	33,6
Сѣдлецкая	670	15	2,2	167	3	1,7
ИТОГО .	10205	1278	12,5	3513	624	17,8
Всего въ Европейской Россіи и Привислянскихъ губерніяхъ	69308	7999	11,5	53068	4393	8,2

Просматривая таблицу 26-ую, мы замѣчаемъ, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ евреи учащіеся давали весьма высокій процентъ общаго числа учащихся*). Въ этомъ отношеніи на первомъ мѣстѣ стоитъ Херсонская губ. (40,8), за ней слѣдуетъ Таврическая (33,6), Ковенская (29,8), Бекатеринославская (27,6), Бессарабская, (26,1), Минская (25,9) и т. д. Посмотримъ на отношеніе количества евреевъ въ перечисленныхъ губерніяхъ къ общему числу народонаселенія:

*) Мы будемъ касаться мужскихъ учебныхъ заведеній; въ общемъ, эти выводы могутъ быть отнесены и къ женскимъ учебнымъ заведеніямъ.

Въ Херсонской губ. всего нас.	1,479,303	евреевъ	140,162	т. е.	9,5 ⁰ / ₀
» Таврическ. » » »	858,545	»	21,197	»	2,5 ⁰ / ₀
» Ковенской » » »	1,419,493	»	269,399	»	19,0 ⁰ / ₀
» Екатерин. » » »	1,459,066	»	47,304	»	3,2 ⁰ / ₀
» Бессараб. » » »	1,385,743	»	167,827	»	12,1 ⁰ / ₀
» Минской » » »	1,410,754	»	283,194	»	20,1 ⁰ / ₀

Изъ сопоставленія цифръ таблицы 26-ой, обозначающихъ количество учащихся, и цифръ народонаселенія въ перечисленныхъ губерніяхъ, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ. На 1000 душъ населенія общаго и еврейскаго, въ частности, приходится учащихся въ мужскихъ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и реальныхъ училищахъ:

въ Херсонской губ. всѣхъ	2,4	евреевъ	10,6
» Таврическ. » »	1,8	»	26,0
» Ковенской » »	0,6	»	1,0
» Екатерин. » »	1,2	»	10,7
» Бессараб. » »	0,7	»	1,7
» Минской » »	0,9	»	1,2

Принимая въ расчетъ всѣ вышеуказанные выводы и соображенія, мы можемъ придти къ заключенію, что евреи выдѣляли изъ своей среды, значительно большее количество учащихся въ средней школѣ, чѣмъ прочее населеніе. Отсюда недалеко до вопля о пресловутомъ «переполненіи» евреями общей школы, поднятаго въ 80-хъ годахъ нашими «охранителями». Нечего и говорить, что такое заключеніе можетъ быть отнесено только на счетъ тѣхъ губерній черты осѣдлости, гдѣ сопоставленіе статистическихъ данныхъ приводитъ къ соответствующимъ выводамъ. Однако, и въ данномъ случаѣ извѣстныя обстоятельства, на которыя мы сейчасъ укажемъ, въ громадной степени умаляютъ значеніе и ослабляютъ вышеприведенное заключеніе.

Дѣло въ томъ, что численное (относительно, конечно) превосходство учащихся евреевъ надъ не-евреями въ нѣкоторыхъ губерніяхъ объясняется основными ненормальностями быта и строя еврейской жизни и тѣми условіями и рамками, въ которыя она заключена. Центръ тяжести падаетъ въ данномъ случаѣ на черту осѣдлости. Въ самомъ дѣлѣ, существованіе этой «черты», скучивая еврейское населеніе въ узкомъ кругѣ, порождало крайнюю непропорціональность распредѣленія евреевъ по мѣстностямъ Имперіи Раздѣлая губерніи Европейской Россіи (безъ Привислянскихъ) на входя-

щія и невходящія въ составъ «черты» и подсчитывая количество учащихся въ чертѣ и внѣ ея, мы находимъ:

Въ губерн. черты было всего учащихся	25,345	евреевъ	5527	т. е.	21,8%
„ „ внѣ „ „ „ „ „	33,758	„	1194	„	3,5%

Мы видимъ, такимъ образомъ, какъ значителенъ процентъ, который они давали внѣ ея; въ то время, какъ въ общихъ выводахъ для губерній Европейской Россіи евреи составляютъ 11,3%, этотъ процентъ въ чертѣ возвышается до 21,8, а внѣ черты падаетъ до 3,5. Кроме того, тогда какъ касательно всѣхъ учащихся большинство (57%) приходится на губерніи внѣ черты, а меньшинство (43%) — на губерніи черты, касательно евреевъ—83% общаго числа приходится на долю черты и только 17% — на долю губерній, въ черту не входящихъ.

По свѣдѣніямъ, у насъ имѣющимся (для 1882 года), во всей чертѣ еврейской осѣдлости было:

всего населенія 25.481.856, евреевъ 2.920.639, т. е. 11,5%,

такъ что, сопоставляя эти цифры съ вышеприведенными цифрами количества учащихся въ чертѣ, мы имѣемъ, что на 1000 душъ населенія приходится въ губерніяхъ черты еврейской осѣдлости учащихся:

всѣхъ 0,9, а евреевъ 1,9.

Но если принять во вниманіе указанная соображенія, можно à priori заключить, что для всѣхъ губерній Европейской Россіи цифры отношенія учащихся къ общему количеству населенія окажутся уже иными. Можно сказать, такимъ образомъ, что примѣнительно къ обще-россійскимъ даннымъ о количествѣ народонаселенія, уже вовсе не такъ великъ былъ процентъ учащихся, который выдѣляла еврейская часть населенія, какъ это можно было вывести изъ сопоставленія отдѣльныхъ фактовъ и цифръ. Напротивъ того, если этотъ процентъ оказался бы равнымъ или, что болѣе вѣроятно, много ниже процента учащихся для всего населенія, — таковой фактъ надо было бы считать ненормальнымъ. Ибо, по нашему крайнему разумѣнію, тѣ спеціальныя нужды и условія положенія евреевъ, которыми, кроме существованія черты осѣдлости, обставлена еврейская жизнь, должны вліять на ходъ участія евреевъ въ общей школѣ. Громадное количество учебныхъ заведеній совершенно закрыты для евреевъ, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что евреи естественно принуждены обращаться въ тѣ учебныя заведенія, куда имъ открытъ доступъ. Дипломированное образованіе, — будемъ говорить прямо, — необходимо должно привлекать къ себѣ евреевъ хотя бы изъ соображеній экономическаго свойства, хотя бы для того, чтобъ выбраться изъ духоты той же «черты». Но несомнѣнно на первое мѣсто нужно поставить всѣмъ извѣстное, чуждое всякихъ сообра-

женій практическаго характера, стремленіе евреевъ къ просвѣщенію, проходящее красной нитью черезъ всю исторію еврейскаго народа. Принявъ это во вниманіе, мы должны будемъ признать, что въ силу естественнаго хода вещей евреи должны давать сравнительно большій процентъ учащихся.

На этомъ мы принуждены оборвать нашу работу. Дальнѣйшія матеріалы по истрїи просвѣщенія русскаго еврейства, нуждаются еще въ нѣкоторой обработкѣ, а отчасти и дополненїи. Матеріалы эти, относящїеся къ періоду, обнимающему 80-е годы и доходящему до нашихъ дней, составятъ предметъ отдѣльной статьи.

М. Носвель.

Литературныя бесѣды.

І. Х. Бренеръ.

VIII.

Намъ осталось познакомиться съ самымъ крупнымъ по размѣрамъ произведеніемъ Бренера—романомъ «Зимою» (Wachoref) *).

Выше уже было отмѣчено, что дарованіе этого писателя находитъ свое лучшее выраженіе въ небольшихъ очеркахъ и что оно, по своимъ отличительнымъ качествамъ, мало приспособлено къ изображенію большихъ картинъ съ сложными «интригами» и искусственно развивающимися дѣйствіями. Въ произведеніяхъ такого рода отдѣльные моменты, предметы и положенія по необходимости берутся въ маломъ масштабѣ, потому что этихъ моментовъ, предметовъ и положеній здѣсь обыкновенно бываетъ слишкомъ много для того, чтобы они могли быть нарисованы въ естественную величину; здѣсь вниманіе автора, какъ и интересъ читателя, привлекается не столько отдѣльными деталями самими по себѣ, сколько взаимною ихъ связью и группировкой, и значеніе этихъ деталей теряется въ общей концепціи повѣсти или романа, гдѣ ихъ роль—только служебная, такъ сказать, и гдѣ онѣ призваны лишь для сформированія общаго впечатлѣнія отъ даннаго произведенія и уясненія его замысла, тенденціи, идеи. Поэтому отъ авторовъ такихъ произведеній требуется, помимо чисто-технической ловкости, умѣнье схватывать предметы «на лету» и способность жертвовать качествомъ отдѣльныхъ моментовъ картины въ интересахъ общей ея гармоніи, — требуется, такъ сказать, своего рода быстрота и натискъ творческой работы.

У Бренера же нѣтъ такой способности. Онъ обладаетъ противоположной способностью—жертвовать внѣшней красотой рисунка для увеличенія внутреннихъ его качествъ; его занимаетъ не столько симметричность расположенія составныхъ частей произведенія, сколько сами эти части; онъ

*) Печатался въ 1903 г. въ журналѣ „Haschiloach“, а затѣмъ вышелъ въ отдѣльномъ изданіи товар. Ахіасафъ.

старательно вырисовываетъ отдѣльныя подробности, придавая имъ не служебное только, а самостоятельное значеніе, и больше заботясь объ ихъ яркости и правдивости *an und für sich*, нежели о способѣ той или иной ихъ разстановки на общемъ фонѣ. Поэтому въ очеркахъ Бренера этотъ фонъ самъ по себѣ ничѣмъ не привлекаетъ читателя, поэтому въ нихъ почти нѣтъ фабулы, нѣтъ искусственнаго сочетанія частей, не говоря уже объ обычныхъ эффектахъ; поэтому, наконецъ, у него рассказъ иногда какъ бы обрывается посерединѣ, безъ обычнаго «финала».

Очеркъ «Во дворѣ», напримѣръ, оканчивается тѣмъ, что сторожъ Хаймъ-Мотя разбиваетъ стекла въ фабричной конторѣ. Но что же было дальше? спросить читатель, и какъ отнесся къ поступку сторожа его хозяинъ? Не лишился-ли онъ за это своего мѣста, какъ это подѣйствовало на его невѣстку, какія были вообще послѣдствія этого факта?

Другой авторъ, навѣрное, не преминулъ бы удовлетворить любопытство читателя и не оставилъ бы его въ неизвѣстности обо всѣхъ этихъ и имъ подобныхъ интересныхъ для него подробностяхъ. Но Бренеръ пренебрегаетъ ими. Онъ далъ яркую картину «двора», охраняемаго сторожемъ-инвалидомъ въ морозную ночь, нарисовалъ рельефный портретъ «молчальника» Хаймъ-Моти, заглянулъ субботними сумерками, вмѣстѣ съ героемъ, въ убогую еврейскую моленную, набросалъ силуэты молодого фабриканта и соблазненной имъ служанки,—и этимъ ограничился: пусть самъ читатель уже по своему скомбинируетъ эти житейскія «мелочи» и сдѣлаетъ изъ нихъ надлежащіе выводы.

Тоже—въ «Генделѣ». Жилъ былъ нѣкій неинтересный человекъ, мучился, страдалъ въ одиночествѣ, развелся съ сварливою женою, сошелся съ нею снова и произвелъ на свѣтъ хилаго, какъ онъ самъ, ребенка. Или—прозябалъ въ нѣкоемъ низкомъ оврагѣ нѣкій юродивый маниакъ, или томился въ хедерѣ и жаждалъ свѣжаго воздуха маленькій школьникъ и т. д., и т. д. «Ну, что же изъ этого?»—спрашиваетъ еврейскій читатель, ищущій во всемъ «глубокаго смысла» и всегда допытывающійся: «*тај ко тасчта лоп?*»—что это доказываетъ?—Бренеръ ничего не *доказываетъ*, онъ только *показываетъ* вамъ настоящую, заправскую еврейскую жизнь съ ея выброшенными за бортъ инвалидами и хилыми, безвольными Генделями, съ ея хедерами, ешиботами, молельными и затынутыми плѣсенью «оврагами»,—эту жизнь, въ кажущейся безмысленности, которой заключается такъ много горькаго смысла и въ видимой бездоказательности—столь много доказательной силы...

Есть двойной способъ изображать жизненныя явленія, какъ есть двойной пріемъ наблюденія окружающей насъ физической природы. Иной поднимается для этого на извѣстную высоту, съ которой легко схватить общія очертанія разстилающагося внизу пейзажа, но трудно разсмотрѣть

всѣ разбросанные на немъ предметы; а другой спускается внизъ, въ самое «лоно», исходитъ всѣ его тропы, углубляется въ укромныя чаши, изучаетъ каждый уголокъ, останавливается у каждаго встрѣчнаго предмета и медленно подвигается впередъ, рискуя не скоро достигнуть конечнаго пункта обозрѣваемой мѣстности, а то — и вовсе его не достигнуть. Такъ именно поступаетъ Бренеръ.

Онъ изображаетъ жизненный пейзажъ отдѣльными клоками, стоя внизу, въ непосредственной близости къ изображаемымъ предметамъ; и поэтому даже тогда, когда онъ наноситъ ихъ на большое полотно, послѣднее сохраняетъ характеръ отдѣльныхъ этюдовъ, разбросанныхъ безъ особенно строгаго порядка на одномъ общемъ фонѣ.

И такой же характеръ имѣетъ его большой рассказъ «Зимой», совершенно напрасно носящій названіе «романа» *). Здѣсь нѣтъ никакихъ внѣшнихъ признаковъ, обыкновенно свойственныхъ такого рода беллетристическимъ произведеніямъ: ни фабулы, ни дѣйствій, ни завязки и развязки, нѣтъ даже никакого заключительнаго финала: рассказъ обрывается посерединѣ, чуть-ли не на полусловѣ, и не имѣетъ никакого, ни благополучнаго, ни худого «конца», коего всегда нетерпѣливо ждетъ любопытный читатель. Это только отдѣльные типы, характеристики, сцены, связанные между собою не особенно старательно и расположенные въ беспорядкѣ, не особенно даже живописномъ. Но читатель, однако, не вправѣ претендовать на автора за такой странный, разочаровывающій его «романъ»: авторъ не обманулъ ничьихъ ожиданій и не задѣлъ ничьего любопытства; наоборотъ, онъ сразу же, съ первыхъ словъ, предупреждаетъ читателя, что онъ заноситъ на бумагу лично для себя только нѣкоторыя черты изъ прошлаго одного «не-героя» (рассказъ ведется въ первомъ лицѣ) и что въ этихъ личныхъ воспоминаніяхъ не найдется интересныхъ, увлекательныхъ исторій, потрясающихъ трагедій или даже романическихъ похожденій, — ничего, кромѣ «людей—тѣней, тусклыхъ явленій, невидимыхъ слезъ и вздоховъ»...

Если же найдутся читатели, которые откроютъ здѣсь больше того, что обѣщано авторомъ; если они найдутъ интересъ въ этихъ разрозненныхъ житейскихъ картинкахъ и почувствуютъ тотъ «зимній» холодъ, который испытывалъ въ себѣ самъ не-герой, когда набрасывалъ плоды «сердца горестныхъ замѣтъ», — то этимъ они будутъ обязаны большому таланту г. Бренера, тому, что

И чувствъ, и мыслей полнотой
Онъ одаренъ всевышнимъ Богомъ.

*) Насколько намъ извѣстно, названіемъ этимъ онъ обязанъ не автору, а редакціи журнала, въ которомъ онъ печатался.

IX.

Сюжетъ разсматриваемаго произведенія въ общемъ не отличается новизною. Это—старая, хоть и не совсѣмъ еще устарѣвшая у насъ исторія еврейскаго юноши, переживающаго мучительный процессъ перехода «изъ мрака въ свѣтъ», т. е. изъ тѣсной сферы семейной опеки и власти «святой торы» къ свободному самостоятельному развитію въ мірѣ общечеловѣческихъ идей и интересовъ. На эту тему, какъ извѣстно, у насъ многіе и много писали на всѣхъ нашихъ трехъ языкахъ: русскомъ, еврейскомъ и жаргонѣ,—и не только писали, но въ нѣкоторомъ родѣ даже и стулья ломали... Извѣстно также, по какому шаблону сочинялось большинство этихъ писаній, заключавшихъ въ себѣ не то страшные, не то смѣшные рассказы о волкахъ и овцахъ, символировавшихъ «отцовъ и дѣтей» нашей приснопамятной просвѣтительной эпохи. То были очень занимательные мелодрамы или фарсы, чаще всего лишенные художественнаго знанія, но всегда исполненные большого „гражданскаго“ смысла и проникнутые опредѣленной тенденціей—посрамленія безчувственности и жестокости однихъ рядомъ съ идеализаціей благородства и самоотверженія другихъ, «Смотрите, — какъ-бы говорили читателямъ авторы этихъ трафаретныхъ картинъ,—вотъ чуждающіеся свѣта старики, и вотъ свободолюбивая, смѣлая молодежь: передъ вами два пути, изъ коихъ одинъ ведетъ въ адъ, а другой въ рай; просвѣтитесь—и вы сподобитесь этого рая!..» И читатели просвѣщались на этихъ мелодрамахъ и фарсахъ, имѣвшихъ въ то время большое общественно-воспитательное, «цивилизующее» значеніе, при всѣхъ ихъ сомнительныхъ литературныхъ достоинствахъ, или вѣрнѣе—при всей ихъ несомнѣнной литературной малоцѣнности. Тогда нечего было глядѣть на сосудъ: важно было лишь его содержимое, а послѣднее было весьма благовременно...

Потомъ настала новая эпоха. Арена нещадной борьбы «отцовъ и дѣтей» замѣнилась новымъ «большимъ полемъ», гдѣ столкнулись новые борцы и смѣшались инныя теченія. Прежняя черта, отдѣлявшая «волковъ» отъ «овецъ», потеряла свою яркость, и изъ рѣзко опредѣленной грани превратилась мѣстами въ туманное пятно, въ которомъ бываетъ трудно различить старую демаркационную линію между «двумя мірами». Раньше оба враждебные лагеря имѣли свои особые, строго оберегаемые лозунги, въ видѣ двухъ противоположныхъ формулъ — «тора» и «просвѣщеніе» — начертанныхъ на ихъ различныхъ знаменахъ, тутъ «врагамъ» пришлось сообща подумать о защитѣ отъ ударовъ, одинаково не щадившихъ ни старыхъ, ни молодыхъ, ни отцовъ, ни дѣтей,—когда враждебные клики борцовъ, вѣкогда оглашавшіе старую арену,

стали заглушаться иными звуками и порою сливаться въ одинъ общій мотивъ, безъ различія прежнихъ оттѣнковъ...

И тогда наступило время для литературнаго изображенія этихъ двухъ міровъ подъ другимъ угломъ зрѣнія и на другой ладъ.

Такъ именно они и изображаются въ освѣщеніи Бренера. Авторъ никого не посрамляетъ и никого не идеализируетъ, вообще — ничего не проповѣдуетъ и не выдвигаетъ никакой предвзятой тенденціи. Онъ только воспроизводитъ дѣйствительную жизнь, въ ея естественныхъ тонахъ и краскахъ, съ ея безыскусственной, правдивой игрою свѣта и тѣней. Его «отцы» и его «дѣти» являются передъ нами не видѣ искусственныхъ маріонетокъ, символизирующихъ извѣстныя тенденціи, и не въ образѣ бездушныхъ фигуръ съ наклееными на нихъ заранѣе заготовленными ярлыками; и тѣ и другія представлены у него настоящими, живыми людьми, со всѣми присущими таковымъ положительными и отрицательными сторонами, пороками и добродѣтелями, достоинствами и слабостями. Авторъ не сгущаетъ красокъ и не обнаруживаетъ пристрастья ни въ какую сторону — ни къ старому, ни къ новому поколѣнію; одинаково объективно и одинаково вдумчиво и серьезно онъ рисуетъ представителей того и другого міра. Не беря никого и ничего за общія скобки и не дѣля своихъ героевъ на правыхъ и виновныхъ. Онъ никого не казнитъ и не милуетъ, — но всѣхъ одинаково заставляетъ раскрыть передъ нами свои чувства, мысли, взгляды, свой внутренній психическій міръ, и привлечь къ нему наши симпатіи или антипатіи, сочувствіе или равнодушіе, гнѣвъ или жалость.

Вы видите, напримѣръ, что герой разсказа, юноша Фаерманъ, задыхается въ душевной обстановкѣ, созданной режимомъ родительскаго дома и филистерски-обывательскимъ укладомъ жизни родного городишки, что онъ страстно порывается въ иной, свободный и широкій, міръ и жаждетъ иной, болѣе привлекательной и полезной, чѣмъ занятія «торой», и болѣе «человѣчной» дѣятельности,—и, конечно, всѣ ваши симпатіи на сторонѣ этого героя, который, не въ примѣръ своимъ предшественникамъ прежнихъ временъ, не рветъ и не мечетъ, не совершаетъ страшныхъ безбожныхъ поступковъ и громкихъ просвѣтительныхъ подвиговъ. И въ тоже время вы видите, какъ эти стремленія героя не находятъ сочувствія въ его отцѣ, какъ послѣдній всячески старается вернуть блуднаго сына на «настоящій путь»,—но вмѣсто чувства негодованія противъ этого «фанатика» вы переполняетесь жалостью, состраданіемъ, чуть-ли даже не сочувствіемъ къ нему. Это потому, что передъ вами не отвлеченная фигура безжалостнаго, жестокаго обскуранта, а живой человекъ, по своему страдающій и по своему правый; это—потому, что вы сознаете что этотъ нищій меламедъ, страстно любящій своего способнаго и ученаго сына, съ которымъ у него были связаны его лучшія и затаенныя надежды, не можетъ не страдать при видѣ

того, какъ этотъ сынъ не хочетъ „быть человѣкомъ“, т. е. устроить свою судьбу по обычному обывательскому шаблону, и такимъ образомъ „собственными руками“ разбиваетъ и свое счастье, и счастье родителей, у которыхъ въ темной и горемычной жизни мечта дожидаться «nachess» отъ сына—единственный отрадный лучъ. Сначала эта мечта заходила далеко—до жажды видѣть сына «свѣточемъ во Израилѣ», а затѣмъ ей пришлось сократится и принять болѣе скромную форму желанія, чтобы Ирмеле (имя героя—Иеремія) былъ одѣтъ, какъ „гвирское дитя“, чтобы онъ, на зло «временамъ», взявъ богатую невѣсту, импонировалъ обывателямъ своей „торой“ и „гасколой“, и чтобы „свѣтъ“ завидовалъ безвѣстному, но знающему себѣ цѣну меламду, которому, кстати же, кое-что перепадаетъ тогда и матеріально отъ благополучія собственнаго дитяти... Авторъ прекрасно отбѣняетъ этотъ обывательскій идеаль «человѣческаго» благополучія, это эгоистическое желаніе добра своему чаду съ ожиданіемъ отъ сего собственныхъ выгодъ, и сопоставляетъ его съ мечтами молодого Фаермана о совершенной, одухотворенной жизни внѣ личнаго, „сытаго“ благополучія; но въ читателѣ онъ возбуждаетъ скорѣе чувство жалости, чѣмъ негодованія противъ отца героя: мы понимаемъ—и потому прощаемъ ему эти низменные, „мѣщанскія“ вождельнія: вѣдь это естественный практически-жизнейскій идеаль бѣднаго человѣка, изголодавшагося физически и изстрадавшагося отъ многихъ-многихъ обидъ и униженій. Самъ онъ всю свою жизнь отдалъ „торѣ“—и всю же жизнь оставался нищимъ; что же удивительнаго, если онъ позналъ истину изрѣченія: „безъ хлѣба нѣтъ ученія“, если жизненный опытъ научилъ его дорожить „печнымъ горшкомъ“?.. Не всегда имѣя его въ своемъ домѣ, онъ мечтаетъ о счастьѣ видѣть его у своихъ дѣтей.

Отецъ и сынъ остаются каждый при своихъ взглядахъ на это счастье. А между ними стоитъ еще одно лицо—мать героя-разсказчика. Эта бѣдная, забитая женщина вовсе не имѣетъ собственныхъ взглядовъ—да и не смѣетъ ихъ имѣть. Она не можетъ не признавать авторитета своего ученаго и суроваго мужа, не можетъ не соглашаться съ его доводами, но она слишкомъ любитъ сына, этотъ «свѣтъ ея очей», чтобы быть спокойной свидѣтельницей его нравственныхъ страданій,—и она болѣетъ душою за обоихъ. Она кидается на оба фронта, то беря подъ свою слабую защиту одну, то пытаясь умѣрить пылъ другой изъ борющихся сторонъ, но ей не удается, конечно, прекратить этотъ поединокъ ни своимъ малоавторитетнымъ «женскимъ умомъ», ни своими еще менѣе убѣдительными женскими слезами. И онъ продолжался мучительно и долго до тѣхъ поръ, пока не сложившій оружія Иеремія Фаерманъ покинулъ родной домъ, чтобы пуститься въ поиски за своимъ смутнымъ идеаломъ.

X.

Въ этой смутности идеала нашего героя заключается, на мой взглядъ, другая характерная черта разбираемаго произведенія Бренера.

За время, протекшее съ нашей просвѣтительной эпохи, измѣнились не только приемы и способы борьбы «отцовъ» и «дѣтей», но и самая цѣль, во имя которой ведется эта борьба. Въ доброе старое время цѣль эта была ясна для обѣихъ сторонъ: одни, одержимые «свѣтобоязнью», старались охранять старый дѣдовскій укладъ отъ губительнаго вліянія ереси-гасколы; а другіе, жаждавшіе именно «свѣта», стремились къ этой гасколѣ, какъ къ конечному пункту своихъ вождельній. У тѣхъ и другихъ были опредѣленные идеалы, и они ясно сознавали, во имя чего они борются и враждуютъ. Одни выступали подъ знаменемъ одной только *торы*, другіе—съ девизомъ одного только *просвѣщенія*. «Отцы» запрещали учиться «греческой мудрости» (*choschmas iowon*), а «дѣти» самоотверженно стремились къ этой мудрости,—и только. Чего желали старики?—уберечь молодежь отъ ядовитаго дѣйствія «трейфъ-посулъ». Чего добивалась молодежь?—знакомства съ этими «трейфъ-посулъ», поступленія въ учебныя заведенія, особенно же въ окруженныя ореоломъ «гимназіи», и вообще—«studieren». Отецъ хотѣлъ видѣть сына «евреемъ»; а сынъ желалъ быть «докторомъ»... Повторяю: цѣли были опредѣленные и ясныя; позиціи были точно разграничены.

Но потомъ все это перепуталось и смѣшалось.

Вѣдь прежніе «дѣти» сами успѣли уже стать «отцами», и ужъ, конечно, не имъ, бывшимъ знаменосцамъ «гасколы», пристало ставить преграды молодому поколѣнію въ его стремленіяхъ къ ней. Напротивъ, они даже поощряютъ эти стремленія и такъ же самоотверженно, какъ сами они нѣкогда воевали за собственное «счастье просвѣщенія», готовы теперь завоевывать его для своихъ дѣтей. Вѣдь нынче даже захолустный маламедъ Шолемъ-Гецль Фаерманъ говоритъ сыну:

«Пожалуй, ты хочешь заняться немного гасколой,—ну, ну... Я понимаю, что нынче это вовсе не бѣда, если только не тратьте на это лишняго времени. Съ людьми надо быть человѣкомъ. Я не препятствую учись...»

А нынѣшній представитель новаго поколѣнія (молодой Фаерманъ) въ свою очередь говоритъ о себѣ:

«Я не вступалъ въ энергичную борьбу. Мои «аксіомы» были еще слабы и не могли выдержать случайныхъ натисковъ. Въ моей внѣшности произошла лишь небольшая перемѣна, не обнаружившая моего внутренняго міра; а потому я пользовался общимъ расположеніемъ за мою ученость и доброе поведеніе. И я поддавался соблазну: общія похвалы какъ бы плѣнили мою тайную «ересь». Но важнѣе всего, даже доводовъ отца,

что «тора—наилучшее дѣло», было чувство жалости къ матери: вѣдь въ ея горемычной жизни я, ея дорогой сынъ, занимаю столь большое мѣсто; во мнѣ—ея единственное утѣшеніе; ея существованіе—сплошная цѣпь нужды, обидъ и униженій; ея удѣль—вѣчная суতোлка, смрадъ и муки; всякій домашній убытокъ, каждый разбитый горшокъ дѣлаеть ея несчастной; а болѣзни дѣтей, суровость мужа, непосильный трудъ?... И неужели же должны померкнуть также и единственная звѣздочка ея жизни. Нѣтъ! Нельзя мнѣ проявить такую жестокость! Не покину родителей! Вѣдь никого-то у меня нѣтъ, кромѣ нихъ» и т. д.

А все же и теперь старики недовольны молодежью; а все же продолжается глухая вражда между старшимъ поколѣніемъ и новыми «умниками и философами». Спрашивается—во имя чего? Что *теперь* отстаиваютъ «отцы» и чего они теперь желаютъ отъ «дѣтей»?—въ этомъ первые не могутъ отдать себѣ яснаго отчета.

Но чего, въ свою очередь, желаютъ «умники»?—на этотъ вопросъ не могутъ дать точнаго отвѣта и вторые. Идеалы теперешнихъ дѣтей переросли прежнія мечты о «просвѣщеніи» въ образѣ гимназическихъ учебниковъ и докторскихъ дипломовъ, къ которымъ если пути имъ часто и заказаны, то ужъ, во всякомъ случаѣ, не волею и властью ихъ же собственныхъ родителей. Этимъ божкамъ теперь уже не молятся благоговѣйно,—они не удовлетворяютъ; «гимназическія пуговицы» уже не являются больше такой притягательной силой для нашего юношества, а слово «докторъ» потерялъ свое прежнее обаяніе даже для еврейскихъ барышень. Молодежь томится духовной жаждою чего-то невѣдомаго ей самой. Подъ бременемъ познанія и сомнѣнія, «съ досадою тайною обманутыхъ надеждъ», она тоскуеть по чьей-то, ей самой не понятномъ, таинственномъ и мистическомъ. Отвергнувъ старые пути, она ищетъ новыхъ дорогъ—и стоитъ на перепутьи...

И вотъ въ такомъ-то именно смутномъ, неопредѣленномъ состояніи находятся современныя наши «дѣти», выведенныя въ романѣ «Зимою». Герой его не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ своихъ желаніяхъ и стремленіяхъ. Сначала онъ странствуетъ по «пріютамъ торы» (шиботамъ), затѣмъ скитается по центрамъ «просвѣщенія» и въ заботахъ о саморазвитіи переходитъ отъ одного источника «знанія» къ другому; то поступаетъ въ выучку къ гимназистамъ и погружается въ русскіе учебники, то бросаетъ ихъ, неудовлетворенный; то онъ энергично рѣшается начать новую жизнь, то впадаетъ въ апатію, въ какую-то душевную нирвану; то зачитывается въ засосъ «умными» книжками, то по цѣлымъ днямъ лежитъ безъ движенія, безъ мыслей, безъ желаній, въ видимомъ покоѣ—въ то время, когда покоя нѣтъ его страдающей и бурной душѣ...

«Мой смятенный духъ,—записываетъ Фаерманъ,—искалъ, жаждалъ, ждалъ чего-то, безсознательно пріобщался къ скорби міра—злого, преходящаго, суетнаго, ждущаго Мессіи и искупленія. Я зналъ, что жизнь—

долгая борьба, что она требует обновленія, очищенія и возврата къ первоисточнику, т. е. нирваны (bittul hajesch)... И Бога я имѣлъ, вполне опредѣленнаго Бога, съ которымъ у меня были извѣстные счеты и интересы,—а я между тѣмъ искалъ Его. Жизни искалъ я,—жизни и Бога»... (стр. 22).

Нашель-ли? — Вотъ что говоритъ Фаерманъ гораздо позже, послѣ долгихъ поисковъ:

„Для чего, для чего мы собираемся вмѣстѣ? Неужели для того только, чтобы каждый могъ чувствовать, вдобавокъ къ собственной тоскѣ, еще и тоску другихъ?... Вѣдь, въ сущности, намъ нечего сказать другъ другу; вѣдь мы только напрасно считаемъ себя избранными, „алчущими“, высшими существами; вѣдь мы не имѣемъ своего Бога, который бы насъ объединилъ и поднялъ нашу душу; вѣдь мы не способны къ какому-бы то ни было творчеству; вѣдь ничего не ввалили на наши плечи; и всѣ наши „протесты“ и „дикости“, которыми мы такъ гордимся, быть можетъ, не что иное, какъ результатъ нашей скверно сложившейся жизни, нехорошее чувство людей—неудачниковъ, несчастныхъ и жалкихъ?... (стр. 95).

Это онъ говоритъ о себѣ и объ окружающей его средѣ молодежи, съ представителями которой знакомить насъ Бренеръ. Они проходятъ передъ нами длинной чередой, задрапированные въ пестрыя тоги изъ различныхъ теорій, формулъ и именъ, заимствованныхъ изъ всевозможныхъ старыхъ и новыхъ «умственныхъ» арсеналовъ, залежалыхъ и ходячихъ ученій, уже вышедшихъ и еще не вышедшихъ изъ моды. Здѣсь и Писаревъ, и Толстой, и Михайловскій, и Марксъ, и Ницше, и декадентство, и экономическій матеріализмъ, и мистика, и символизмъ, и Заратустра... Здѣсь страннымъ образомъ, на несоотвѣтственной почвѣ и въ несоотвѣтственной обстановкѣ, передъ нами воскресаютъ давно забытые типы Чайльд-Гарольдовъ, Базаровыхъ, Рудиныхъ, Обломовыхъ въ сочетаніи съ новѣйшими героями пѣвца отечественнаго «босячества». Старое и новое, свое и чужое здѣсь смѣшалось въ странную, удивительную картину, представляющую собою, надо сказать правду, далеко не отрадное зрѣлище.

Невольно припоминаются при этомъ аналогичныя изображенія русской молодежи въ русской литературѣ 60-хъ годовъ. Въ персонажахъ романа Бренера много общаго съ тѣми «людьми интеллигентной ляшки», по выраженію Глѣба Успенскаго, которыми много занимались русскіе беллетристы той эпохи. Но какая, подумаешь, огромная разница между представителями той и нашей «грядущей силы»! Тѣ знали, чего хотѣли и во имя чего «протестовали; они отдавали себѣ ясный отчетъ въ своихъ стремленіяхъ, выросшихъ на почвѣ, сдобренной предшествовавшими поколѣніями, и въ условіяхъ, созданныхъ близкой имъ, родной для нихъ дѣйствительностью. Они не ограничивались одними красивыми словами, а «взваливали себѣ на плечи» и не менѣе красивыя дѣла; и когда они возглашали:

„Нашъ разумный порывъ,
Нашу честную рѣчь,
Надо въ кровь претворить,
Надо плотью облечь“,—

то никто не могъ упрекнуть ихъ въ томъ, что они довольствуются только громкой фразой. Эти люди не только говорили, но и творили, работали, и были сильны сознаниемъ общности и преемственности своей работы, ея необходимостью и важностью для современниковъ и потомства.

У представителей же нашихъ «дѣтей» нѣтъ такого сознанія и нѣтъ такой силы. Всѣ эти юноши Хаимовичи, Давидовскіе, Фисманы, Клейнштейны, Юдлины и дѣвицы Лерманъ, Карманъ и прочія «вышія натуры» изъ романа «Зимокъ» порвали свою связь съ родной, еврейской средою или стараются порвать ее, не пустивъ въ то же время никакихъ корней ни въ какой другой средѣ. Это — лишніе, изломанные люди, настоящіе отрѣзанные ломти, отъ однихъ не отставшіе и къ другимъ не приставшіе, не находящіе почвы для своей «вышей» дѣятельности и пробавляющіеся высокими фразами и модными формулами, которымъ нѣтъ никакого примѣненія въ окружающей ихъ дѣйствительности. Они рядятся во всевозможные «плащи» до русской косоворотки включительно, и заимствуютъ у «иныхъ прочихъ» всѣ способы взаимнаго общенія вплоть до «выпивки» и шумныхъ ночныхъ дебошей; впрочемъ, иногда, сходясь вмѣстѣ, они глубокомысленно молчатъ и только обмѣниваются лаконическими «да-съ» и «нѣтъ-съ», въ перемежку съ саркастическими улыбкамі и ядовитыми замѣчаніями другъ о другѣ. Но, конечно, «милые бранятся — только тѣшатся»: въ сущности, они очень подвержены самообожанію и холодно презираютъ только... весь остальной міръ съ его «чернью непосвященной», низменной «буржуазіей» и жалкой «обывательщиной»,— всю эту ничтожную юдоль, надъ которой, никѣмъ не признанные, недосягаемо поднимаются только они одни, мрачно разочарованные и объятые міровою скорбью небесъ избранники... Увы, мы видѣли, что скрывается подъ этой напускной величавостью нашихъ сверхчеловѣковъ,—видѣли это изъ аттестаціи, выданной себѣ и товарищамъ наиболѣе вдумчивымъ и правдивымъ изъ нихъ, Іереміей Фаерманомъ.

По его искреннему признанію, у представителей этого «избраннаго» кружка «нѣтъ своего Бога», нѣтъ опредѣленнаго догмата и нѣтъ такого дѣла, которое можно было-бы «взвалить имъ на плечи». Этихъ людей одолѣла фраза, иногда избитая, иногда громкая, но всегда—односторонняя, прямолинейная. У серьезнѣйшаго изъ нихъ — Хаимовича, напримѣръ, всѣ міровые и человѣческіе интересы свелись къ двумъ словамъ: «буржуазія» и «пролетаріатъ»; всѣ споры онъ рѣшаетъ ссылками на Маркса, Энгельса или Бебеля; на все онъ имѣетъ готовые журнальныя цитаты, и нѣтъ того

«вопроса», на который у него не было-бы припасено соответственной формулы. Впрочемъ, было у него и одно исключеніе:

„Совершенно иначе,— говоритъ другъ его Фаерманъ,— относился онъ къ моему внутреннему *еврейскому* міру, который принадлежалъ мнѣ одному и въ которомъ Хаимовичъ не принималъ участія, къ моимъ размышленіямъ о „дѣтяхъ, прогнанныхъ отъ родительскаго стола“, о великой и удивительной исторической трагедіи древняго народа, тысячелѣтія пребывающаго въ агоніи, „горящаго и не сгорающаго“, о борьбѣ его идеаловъ, его міропониманіи и удивительныхъ воззрѣніяхъ на человѣка и жизнь; о его лучшихъ сынахъ, просябающихъ въ подзаемельѣ или покидающихъ его и уходящихъ въ чужіе міры, вырвавъ изъ своего сердца память о немъ; о прервѣніи и нищетѣ, доставшихся въ удѣлъ этому согбенному великану; о его пробужденіяхъ къ жизни и возможности его спасенія; о его литературѣ и мысли, порывистой и судорожной“...

Правда, къ реальнымъ, положительнымъ выводамъ изъ этихъ размышленій не приходитъ и Фаерманъ. Его мысли о еврействѣ вообще и о сіонизмѣ въ частности проникнуты большой долей скептицизма, и бываютъ моменты, когда имъ овладѣваетъ духъ «универсализма», когда онъ «высвѣщается» надъ интересами отдѣльныхъ національныхъ и племенныхъ единицъ,—и тогда, говоритъ Фаерманъ:

„я вижу только драмы людей вообще, а не членовъ извѣстной нации пребывающей въ извѣстныхъ условіяхъ. „Возрожденіе народа... еврейское творчество... еврейская литература... идеалы иудаизма... народное самознаніе... самобытно-національное развитіе“... — все это исчезаетъ изъ моего сознанія въ моментъ такого душевнаго состоянія и кажется удивительнымъ и страннымъ: зачѣмъ я ухожу въ одни слова? какое такое величіе вижу я въ своемъ народѣ? для чего я стану заботиться о сохраненіи его національнаго образа? и какое мнѣ дѣло до сохраненія какого-то забытаго языка? Развѣ приверженцы Толстого заботятся о подобныхъ вещахъ? Вѣдь главное — индивидуальное совершенство, а прочее все — только софизмы, игра голосовыхъ органовъ! Трагедія евреевъ—это трагедія слабого въ семь неправедномъ, ложномъ мірѣ“...

Но моменты такого «просвѣтленія», по признанію Фаермана, продолжались у него не долго, и онъ возвращался къ своимъ прежнимъ старымъ взглядамъ. Во всякомъ случаѣ, его одолѣвали сомнѣнія, и это причиняло ему душевныя муки.

Другое дѣло—Хаимовичъ. Этотъ считалъ совершенно излишнимъ поднимать какіе-бы то ни было споры по спеціально-еврейскимъ и сіонистическимъ вопросамъ: для него было ясно, что ничтожность всего этого очевидна съ перваго взгляда. Одного только Фаермана онъ иногда удостоивалъ «вразумлять» въ его заблужденіяхъ на этотъ счетъ; и на горькія сомнѣнія друга Хаимовичъ возражалъ:

„Будеть тебѣ, Фаерманъ, повторять пустыя фразы! Вѣдь мы съ тобою не поэты, такъ будемъ же реальны. Что? Группа людей, называемая „еврей“, бессмысленная, жалкая группа.—кто это отрицаетъ? Достаточно

справиться съ статистикою, приведенною въ „Правдѣ“, чтобы понять положеніе еврейскаго пролетаріата. Но — сіонизмъ!... Я уже не говорю объ его утопичности: вѣдь это—совершенная утопія... политическое положеніе Европы и Азіи... союзныя державы и Турція... Да-съ. И ужь помимо того, что твой сіонизмъ—реакція, регрессъ и вообще—смѣшно... Кто эти сіонисты? Нѣсколько юношей и обывателей... Ну, положимъ даже, что сіонизмъ не требуетъ отъ насъ, чтобы мы ежедневно ходили въ синагогу, заискивали у раввиновъ и „великихъ“ и бѣжали въ Азію; допустимъ, что сіонизмъ не мѣшаетъ никакой другой нужной работѣ, а относительно его осуществимости—допустимъ, что совершится чудо, вопреки естественнымъ законамъ природы,—но я тебя спрашиваю: чѣмъ эта буржуазная идея поможетъ нашему пролетаріату? Долженъ-ли я еще тебѣ доказывать, что положеніе евреевъ зависитъ отъ общаго экономическаго положенія всѣхъ народовъ? Не ты-ли самъ рассказывалъ мнѣ о положеніи колонистовъ въ „святой землѣ“, работающихъ подъ цокровительствомъ Ротшильда? А ты еще плачешь о нашихъ „молодыхъ силахъ и пр.! Смѣшно... Сіонизмъ ни когда не привлекалъ и не привлечетъ подъ свое знамя молодежи, преданной своимъ идеаламъ! Ага, мы—„измѣнники“, потому что мы не распространяемъ повиннистскихъ гимновъ, не считаемъ себя избраннымъ народомъ, отвергаемъ „древній еврейскій языкъ“,—эти вещи мы представляемъ нашей буржуазіи... „Мы чувствуемъ себя чужими“...—смѣшно, и больше ничего. Истинный интеллигентъ и истинный труженникъ не знаютъ объ этомъ ничего“... и пр. и пр.

И часто Фаерманъ поддавался этимъ рѣчамъ; но еще чаще въ немъ поднимался протестъ противъ нихъ—и тогда онъ бывалъ въ состояніи разглядѣть ихъ «донъ-кихотство, путаницу понятій, поверхность и глупость» рядомъ съ неискренностью, рабскимъ униженіемъ передъ чужимъ, не-еврейскимъ, съ нетерпимостью и партійною узостью.

Не всѣ товарищи Хаймовича раздѣляли его самоувѣренность и гордое сознаніе своей непогрѣшимости; и не всѣ они были такъ искренни въ своемъ критическомъ самоанализѣ, какъ Фаерманъ; но всѣхъ ихъ соединила одна особенность: оторванность отъ родной почвы и тщетное блужданіе по «чужимъ вертоградомъ», охраняемымъ иными стражами. Въ этомъ весь трагизмъ ихъ положенія; въ этомъ причина ихъ внутренней растерянности и бесплодности ихъ усилій,—усилій людей, чьимъ благимъ порывамъ дано совершить такъ мало, людей, у которыхъ, по выраженію поэта, въ душѣ царствуетъ какой-то тайный холодъ, когда огонь кипитъ въ крови, и которые могутъ, если захотятъ быть искренними, сказать о себѣ:

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодотворной,
Ни геніемъ начатаго труда...

Впрочемъ, шумѣть-то многіе изъ нихъ шумятъ, — даже черезъ-чуръ. Но это искусственный шумъ, отъ котораго вѣтъ не «зимнимъ» холодомъ, а

осенней непогодю, когда унылый вѣтеръ гонитъ желтые листья, сѣрое небо роняетъ слезы на мокрую землю, и въ тускломъ туманѣ тонетъ скрытая даль.

XI.

Въ романѣ «Зимою» изображены два міра—старый и новый—и изображенія того и другого не одинаковаго художественнаго качества. Молодое поколѣніе нарисовано авторомъ только въ общихъ контурахъ: отдѣльные-же его представители очерчены слегка, блѣдноватыми красками, и ихъ индивидуальныя черты мало выдѣляются изъ общей картины, въ которой эти представители взяты въ ихъ, такъ сказать, групповыхъ, коллективныхъ признакахъ, въ качествѣ извѣстной категоріи людей въ ея цѣломъ, а не въ качествѣ отдѣльныхъ, самостоятельно дѣйствующихъ лицъ. Поэтому эти «дѣйствующія» лица—собственно только разговаривающія и спорящія лица, которыхъ назначеніе—больше символизировать извѣстныя отвлеченныя формулы, нежели обнаружить свои индивидуальныя типическія черты. Отъ такой картины получается только общее впечатлѣніе, т. е. общее понятіе о господствующихъ въ средѣ нашей современной молодежи идейныхъ направленіяхъ, взглядахъ, принципахъ и пр., но она не даетъ вамъ возможности видѣть всю внѣшнюю и внутреннюю *жизнь*, всю полноту души каждаго изъ ея представителей въ отдѣльности. Только самъ Фаерманъ, отъ лица котораго ведется разсказъ, вырисовывается во весь свой духовный ростъ; прочіе же его товарищи и знакомые изъ молодежи проходятъ передъ читателемъ «угрюмой толпой», коллективной группой людей почти одинаковаго образа мыслей и почти одинаковаго настроенія, подводящаго ихъ, какъ-бы подъ одну линію и въ значительной мѣрѣ лишаящаго ихъ какъ уже упомянуто, самостоятельныхъ, личныхъ типическихъ особенностей. Происходитъ-ли это оттого, что современное наше молодое поколѣніе дѣйствительно бѣдно самостоятельно и рѣзко выраженными характерами и дѣйствительно окращено въ нѣсколько однообразный цвѣтъ; или же это должно быть поставлено за счетъ недостаточной освѣдомленности нашего автора, вслѣдствіе неполноты сдѣланныхъ имъ наблюдений въ этой сферѣ,—какъ бы то ни было, но изображеніе «новаго міра» въ романѣ Бренера вышло нѣсколько поверхностнымъ и сравнительно блѣднымъ въ художественномъ отношеніи.

Совсѣмъ другое дѣло—элементъ «старога міра», выведеннаго въ томъ же произведеніи. Здѣсь авторъ, что называется, у себя дома, среди любимыхъ имъ типовъ, въ хорошо знакомой ему обстановкѣ, можно сказать—въ родной стихіи. Здѣсь поэтому каждый уголокъ картины блещетъ яркостью красокъ и трепещетъ самой настоящей, доподлинной

правдой жизни, какъ она сложилась въ наиболѣе скорбной изъ всѣхъ скорбныхъ «долинъ»—въ долину еврейской. Эту жизнь Бренеръ несравненный мастеръ описывать, и можно вообще безошибочно сказать, что въ еврейской литературѣ не найдется еще одного такого художника-изобразителя этой жизни во всѣхъ ея мельчайшихъ, но характернѣйшихъ проявленіяхъ, во всѣхъ ея тончайшихъ порахъ и изгибахъ. Но специализировавшись, такъ сказать, въ изображеніи еврейской жизни вообще, Бренеръ особенно любитъ имѣть дѣло съ нѣкоторыми отдѣльными ея категориями; сюда принадлежатъ представители типичныхъ еврейскихъ «kleinkoisch» или просто «умственныхъ» людей, пропитанныхъ духомъ старозавѣтной «книги» и всякихъ «черныхъ точекъ», это — раввины, шохеты, соферы, шадхены, меламады и т. п. Сюда же относятся также ихъ жены — забитыя нуждою еврейскія женщины, благоговѣющія передъ ученостью своихъ мужей и внутренне гордыя доставшеюся имъ долей — удостоиться «тамъ» райскаго блаженства ради заслугъ своихъ достойныхъ супруговъ, хотя бы только въ качествѣ прислужницъ у ногъ повелителей... И сюда же, наконецъ, принадлежатъ ихъ дѣти—физически слабые и не по лѣтамъ умственно развитые еврейскіе мальчики, будущіе «свѣточи въ Израилѣ», безвременно старѣющіеся и въ пору ранняго дѣтства вмѣсто наивныхъ грезъ знающіе уже

Жизни строй недвижно строгій,
Фоліантовъ ветхій рядъ,
Сумракъ старой синагоги
И мерцаніе лампадь...

Всѣ эти излюбленные Бренеромъ типы встрѣчаются и въ нашемъ романѣ, и авторъ рисуетъ ихъ съ особенной присущею ему художественной яркостью и экспрессіей.

Передъ нами небольшая, но характерная галлерія этихъ типовъ. Здѣсь мѣстечковый раввинъ Хононъ-Носонъ съ своимъ сыномъ полумаскиломъ, котораго отецъ за его склонность къ свѣтскому образованію называетъ «кондукторомъ» и «агентомъ»; здѣсь меламадъ Шоломъ-Гецль, отецъ героя, очень дорожащій мнѣніемъ «свѣта» и ведущій тонко-дипломатичную борьбу съ сыномъ за спасеніе хотя бы части взлелѣянныхъ имъ надеждъ, которыя этотъ безумецъ—сынъ собирается такъ безжалостно разбить; здѣсь бѣдная жена этого меламада, измотавшаяся отъ нужды и отъ той же семейной драмы; далѣе—мудрствующіе ешиботники и ихъ мудрствующій «глава», тщательно выметающій слѣды вольнодумства изъ подвѣдомственнаго ему учрежденія; и наконецъ—ребенокъ-мудрецъ, будущій «илуй», съ первыхъ же шаговъ наполняющій родительское сердце сладкими мечтами о его грядущей славѣ.

Всѣ эти портреты нарисованы авторомъ особенно рельефно, и тѣ страницы, которыя заняты характеристиками этихъ персонажей и сценами изъ ихъ своеобразной жизни и быта—лучшія страницы романа. Трудно удержаться отъ искушенія—читать и вновь перечитывать такія мѣста, напримѣръ, какъ сцена суда рошъ-ешивы надъ пойманнымъ и уячленнымъ «еретикомъ» Фаерманомъ, возвращеніе послѣдняго подъ родной кровью и происходящій при этомъ діалогъ между родителями и сыномъ, рассказъ бѣдной «меламдихи» о своей горемычной жизни, или описаніе праздничнаго утра, которое она вынуждена (за неимѣніемъ приличнаго платья, провести дома, въ ожиданіи возвращенія мужа изъ синагоги, вмѣстѣ съ ея маленькимъ, босоногимъ Ирмеле, невольно раздѣляющимъ участь своей матери... Къ сожалѣнію, нѣтъ возможности познакомить здѣсь читателя со всѣми наиболѣе художественными и сильными мѣстами этой части романа. Но мы никакъ не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести въ переводѣ хотя бы только слѣдующія два отрывка:

„Праздничное утро. Свѣтло. Осеннее солнце проникаетъ сквозь единственное окно нашей маленькой комнатки. Полъ вымазанъ желтой глиной; печь выбѣлена заново. Воздухъ какъ бы дышетъ покоемъ. Праздникъ.. Столъ накрытъ бѣлою скатертью; надъ окномъ бѣлая занавѣска. Отецъ въ синагогѣ; а мать сидитъ у стола, въ ситцевомъ платьѣ, и погружена въ чтеніе „Simchas-Hanefesch“. Ея душевная скорбь о томъ, что она не могла пойти въ синагогу, мало-по-малу унимается и уступаетъ мѣсто чувству удовлетворенія, вызванному содержащимся въ св. книгѣ восхваленіемъ великой женской добродѣтели—сидѣнія дома и попеченія о дѣтяхъ: „Владыка міра“ обрѣтается всюду, въ любомъ мѣстѣ: гораздо хуже, что женщины собираются въ домѣ Божіемъ для суетныхъ пересудъ и завистливыхъ толковъ; напримѣръ — эта Мирьямъ, квартирная хозяйка, отправившаяся туда съ своимъ мужемъ, Менделемъ: вѣдь она неграмотная и молиться не умѣетъ,—какова же цѣль ея хожденія въ синагогу?

Душевное волненіе матери постепенно отражается на звукахъ ея голоса при чтеніи, дѣлаюшемся все болѣе томнымъ, задушевымъ, плаксивымъ. Она продолжаетъ думать о зломъ характерѣ Мирьямъ и о качествахъ рыбы, купленной наканунѣ праздника, и читаетъ рассказъ о матери святого «тане»—да будетъ оны добрымъ заступникомъ—которая пожелала обмыть водою ноги своего великаго сына и пить ту воду.

Я сижу сперва въ углу, и моя маленькая желчь разливается во мнѣ: всѣ мольбы, обращенныя къ отцу, чтобы взять и меня въ синагогу, были напрасны; а вѣдь я знаю уже «кдушо» и «борху»,—что же за бѣда если у меня и нѣтъ обуви? Я пробовалъ даже протестовать, выбравшись тайкомъ изъ-дому и кинувшись съ плачемъ за уходящимъ отцемъ, — но я не остался безъ воамездія и со слезами вернулся во-свояси. Однако подъ конецъ мое душевное состояніе мѣняется. Я быстро поднимаюсь и съ серьезной рѣшимостью хватаю табуретъ и устанавливаю его посреди комнаты,—это амвоны; въ красный платокъ матери я закутываю весь,—это талесъ; а длинный отцовскій шарфъ я скатываю въ видѣ свитка торы, сжимаю его въ объятіяхъ и цѣлую, кружась вокругъ табурета, выводя

громкимъ голосомъ: «томъ-томъ-томъ» и прыгая въ священномъ экстазѣ. Я живу въ своемъ собственномъ мірѣ!

Солнце свѣтитъ и обдаетъ все своимъ лучами. Стѣнные часы, много попорченные, тикаютъ быстро и смѣшно. Одиннадцать часовъ—время возвращенія изъ синагоги. Мать прерываетъ чтеніе, поднимается съ мѣста съ шепотомъ: «Шоломъ-Гецль». Она вспоминаетъ про себя, какъ онъ сегодня долго занимался своей бороδοю: съ полчаса онъ стоялъ передъ обломкомъ зеркала, прилѣпленнымъ къ стѣнѣ. Она также безсознательно подходитъ къ тусклому стеклу и оправляетъ свои волосы подъ платкомъ. Вдругъ ея вниманіе обращается на меня,—и по всему ея унылому лицу разливается нѣжная истома.

— Ой, мой дорогой мудрецъ! Ой, умный первенецъ ты мой! Такого умницы вѣдь нѣтъ на всемъ свѣтѣ! Этотъ ребенокъ будетъ великимъ тане... такъ подражать... бѣдненькій... хотѣлъ въ синагогу, драгоценный мой... Не плачь, мой сынъ; вѣдь это отецъ тебя наказалъ, твой же отецъ не чужой... босый, бѣдненькій... Вотъ онъ увидитъ, какъ ты играешь. Играй, играй, сынокъ... Скоро будемъ обѣдать...

Я увлекаюсь еще больше; а она, шепча про себя что-то о необходимости купить сапожки своему умницѣ, кладетъ на столъ ложки, приготовляетъ все нужное, снова поглядываетъ на зеркало и усаживается на свое мѣсто.

На улицѣ, издали начинается показываться толпа людей: это идутъ изъ синагоги. Сутуловатые евреи, довольные пѣніемъ кайтора, ссорами въ молельнѣ, праздничными алиесъ и предстоящимъ обѣдомъ, шествуютъ и ведутъ между собою отрывочные разговоры. Молодые мужья съ узорчатыми талесными мѣшечками слѣдуютъ за своими разряженными молодыми женами; женщины — кумушки прерываютъ бесѣды и расходятся — но черезъ минуту сходятся снова и снова принимаются судачить: имъ трудно разстаться и дать покой языкамъ; блѣдная, болѣзненная дѣти тащатъ толстые молитвенники... Шествіе великолѣпное!

У насъ—безмолвіе ожиданія. Глаза матери обращены къ окну, блуждая и ища чего-то. Ея лицо выражаетъ безпокойство и надежду, уже грозящую разочарованіемъ... Ей тяжело примириться съ этой мыслью. Бѣдь она такъ старалась для него, и все, слава Богу, вышло удачно испечено и сварено не хуже, нежели у другихъ...

Но *онъ* не показывается.

Вотъ раздается голосъ Мирьямъ, разговаривающей съ своей знакомой; болтливая рѣчь такъ и льется потокомъ: цимесь... богачка... ротонда.. Наконецъ знакомая уходитъ, сопровождаемая строгимъ внушеніемъ — непременно пожаловать днемъ на угощеніе: она будетъ ждать!

А отца все нѣтъ!

Вотъ и крикушъ р. Шименъ, всегда поздно возвращающійся изъ синагоги. Онъ проходитъ; улица пустѣетъ, еще кто-то запоздалъ—но это не *онъ*. Мать не сводитъ глазъ съ окна; она словно застываетъ. Я подхожу къ ней; моя щека касается ея худой щеки; изъ глазъ ея падаетъ слеза мнѣ на губы и скатывается дальше внизъ...

Нѣтъ отца.

Скрипнула дверь. Мирьямъ, наряженная въ новое платье, и Мен-

дель въ высокомъ цилиндрѣ входятъ съ шумомъ. Мама спѣшить въ ихъ комнату, а я—за нею.

— Доброга праздника тебѣ, Мирьямъ! Доброга праздника, р. Мендель! А знаешь, Мирьямъ—вѣдь я еще не видѣла твоего новато платья: утромъ-то я въ хлопотахъ, а въ синагогу вѣдь не хожу я,—не прогнѣвить бы Господа; нѣтъ вѣдь у меня мѣста тамъ, т. е. я хотѣла сказать—не на кого оставить моего Ирмочку... Гм... хорошая матерія... сносить и обновить! А моего Шоломъ-Гецла не видѣла ты?

— Ага, хитрая! Ты безпокоишься за своего Шоломъ-Гецла! — начинаетъ хозяйка тономъ бойкой умницы.

— Не безпокойся, Юдисъ!—поддерживаетъ Мендель остроуміе жены—ничего онъ не останется голоднымъ, сохрани Богъ... онъ ушелъ вмѣстѣ съ другими въ гости къ Коцину...

— Ушелъ?!—волнуется мать, и въ голосѣ ея слышится дрожь.

— Что-жъ такое?—утѣшительно говоритъ Мирьямъ:—Меня нисколько не тревожило, если-бы мой Мендель оставилъ меня и отправился бы по чужимъ домамъ съ визитами. Ей-Богу, нисколько не огорчалась бы.. пусть себѣ ходить... а ты себѣ пообѣдай.

— Какъ? безъ него? Что я—какая-нибудь *гоя*, что стану обѣдать въ праздникъ безъ него!.. Охъ, рыба остынетъ, испортится...

— Пусть онъ знаетъ! — продолжаетъ настаивать Мирьямъ. А мама возвращается на свое мѣсто. Она уже не читаетъ больше «Simchas Hapefesch»; она погружена въ безмолвіе.. Изъ смежной комнаты доносится звонъ посуды и голосъ Мирьямъ, бесѣдующей съ мужемъ. Боясь шевельнуться и испустить звукъ, я поглядываю то на мать, то на окно: мнѣ стыдно за поступокъ отца; никакая игра уже не занимаетъ меня; соседкина дѣвочка притащила свою куклу, чтобы я научилъ ее молитвѣ «hamezi», но я сердито отталкиваю ее:

— Ступай къ своей мамѣ!

Тишина дѣлается печальной, мрачной... на меня находитъ сонливая тоска...

И вдругъ я погружаюсь въ море поцѣлуевъ:

— Ирмеле, сынъ мой, танѣ мой, мудрецъ мой... ты, ты дашь свѣтъ глазамъ моимъ... съ тобою мнѣ ничего не нужно—дитя мое...

А вотъ одна изъ мастерски нарисованныхъ, характерныхъ сценъ, имѣвшихъ мѣсто въ родительскомъ домѣ Фаермана по пріѣздѣ его туда изъ ешибота

— Итакъ значитъ, за послѣднюю зиму ты успѣлъ только повторить трактатъ «Моедъ»?—повелъ со мною бесѣду отецъ въ первый же день моего пріѣзда.—Гм... но... кажется, ты уже хорошо зналъ это два года тому назадъ. А?

— Хе... вставляетъ мать, держа руки сложенными на груди.—Іеремія...

— Чего тебѣ, мама?—Я стараюсь придать пріятное выраженіе своему голосу, довольный тѣмъ, что она прервала бесѣду о моихъ успѣхахъ въ ученѣхъ.

— Слышишь?.. я заглянула въ твой сундучекъ...

— Ну?..

— Хе... Я думала... отецъ говорилъ... прїѣдешь щеголемъ... вѣдь ты же имѣлъ уроки тамъ, въ ешиботъ... А между тѣмъ... однѣ только книги

— Книги?—спохватился отецъ. Какія-такія книги?

— «На распутьи»...

— Что это? «Schaale utschuwö»?

— Нѣтъ.

— Такъ скажи: «bichl»! что же ты говоришь: «книга! книга!» Такъ и скажи: «bichl»—и я буду знать...

Тутъ мать начинаетъ припоминать, что въ предыдущій прїѣздъ въ сундукъ у меня были «Iore Doas».

— Ну, переставь; оставь свои претензіи, — сердится отецъ. Не видишь развѣ, что онъ занятъ своими собственными мыслями и не слушаетъ тебя... Нѣтъ, Іеремія: въ самомъ дѣлѣ... Положимъ, денегъ мы тебѣ не послали: но вѣдь вотъ накопилъ же ты этихъ дрянныхъ книженокъ; извини меня, пожалуйста... Ты не думай: я не въ претензіи; за твои деньги... Но какъ же это человѣкъ ходитъ нагишомъ? такъ-таки какъ мать родила... Вѣдь у тебя и есть только что одна единственная будничная одеженка... Вѣдь стыдно предъ людьми...

— Горе мнѣ! — вставляетъ жалобно и мать. — Въ чемъ онъ въ синагогу-то пойдетъ?

— Я думаю вовсе не ходить сегодня... говорю я бессознательно и тотчасъ же раскаиваюсь, что сдѣлалъ глупость.

— Я съ дороги... и погода не хорошая — пробую я исправить ошибку.

— Но вѣдь синагога такъ близко!—восклицаютъ родители въ одинъ голосъ.

Въ синагогѣ я только бравучно шепчу губами; временами разглядываю «Ain Iacob» и «Midrasch». Шамесь справляется у меня, какое я предпочитаю «аліе», и получаетъ отвѣтъ, не все ли это равно?

Во мнѣ произошла перемѣна.

Тогда отецъ началъ пожимать плечами и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ бравить еретиковъ, гоняющихся за «гасколой».

— Об-ра-зо-ва-ніе... — растягивалъ онъ это слово съ презрительной интонаціей. Глупцы! Къ чему? Вѣдь сдѣлаться докторомъ трудно еврею нынче. Что-же? Писать прошенія? Но вѣдь видимъ же мы счастье Пинхоса-писца... съ голоду умираетъ...

— Прошеніе, Іеремія, — вдругъ обращается онъ, наконецъ, ко мнѣ: прошеніе можно достать за гривенникъ, страницъ талмуда цѣна рубль!

Пробовалъ онъ также отговорить меня отъ поѣздки въ Н. Что я тамъ стану дѣлать? Лучше остаться мнѣ въ родномъ городѣ и учиться въ новомъ ешиботѣ, учреждаемомъ раввиномъ (р. Хононъ-Носонъ будетъ радъ и сочтетъ за честь); достану пару уроковъ, заработаю немного денегъ и справлю себѣ суботній костюмъ; вѣдь вотъ и Овадья (сынъ раввина) такъ дѣлаетъ...

— Но здѣсь нельзя учиться, какъ слѣдуетъ... Сказано же: „отправляйся въ центрѣ Торы“... Въ Н. сѣзжается до ста юношей... и вообще я не понимаю: я ѣду учиться...

— Послушай, Іеремія! Не притворяйся, не обманешь меня... Я знаю

все, что съ тобою творится; знаю лучше тебя самого. Вот она, наша надежда, Юдисъ! Элимелехъ говорить...

— Я не понимаю, чего ты хочешь? Я ѣду учиться.

Отец бросаетъ на меня свой косвенный взглядъ.

— Ты ѣдешь учиться! Конечно, ты ѣдешь учиться! А то что же тебѣ дѣлать? Но какъ ты будешь учиться? Главное—какъ учиться? Тогда я тебѣ не препятствовалъ ѣхать, но теперь... Я не подозреваю тебя, сохрани Богъ... Наоборотъ, ты хочешь немного гасколы,—ну, ну... Я не таковъ, какъ меламедъ Исроель; я понимаю, что по нынѣшнимъ временамъ,—если не тратить на это времени,—въ этомъ нѣтъ бѣды. Мое мнѣніе, что надо умѣть подходить ко всякому: и набожному, и къ просвѣщенному. Хорошо если и ты поговоришь съ „этими“: докажешь имъ, что ты понимаешь также и ихъ штучки, и пусти имъ будетъ стыдно... Я и здѣсь тебѣ мѣшать не буду; учись не много; Овадья тоже учится... Но зачѣмъ ѣхать? Будешь-ли раввиномъ—Богъ знаетъ; и такъ: „обывательскій юноша“, къ прискорбію... Я не ропщу. Будешь учи-аться здѣсь, растягиваетъ онъ.

— Почему нѣтъ, сыночекъ? Отчего жъ нѣтъ?—поддерживаетъ мать.

— Напрасны всѣ разговоры!—настаиваю я.—Здѣсь я не останусь.

— Но поѣжай, поѣжай себя! Кто тебя держитъ? Ступай себя своей дорогой! Дѣлай что хочешь! Я вижу, что ты считаешь себя умнѣе меня въ тысячу разъ... Философъ!.. Съ Богомъ! Ёдь. Но смотри, Іеремія, какъ бы тебѣ не пришлось раскаяться потомъ. Помни!..“

Такихъ мѣстъ, какъ приведенные отрывки, въ разбираемомъ романѣ много; и, думается, всякій знакомый съ еврейской словесностью читатель согласится, что въ ней рѣдко приходится встрѣчать *такія* страницы.

Мы закончили свои замѣтки о І. Х. Бренерѣ. Разумѣется, этимъ еще не сказано о немъ послѣдняго слова, потому что самъ писатель еще не сказалъ такого слова: это—молодой талантъ, который уже много далъ въ настоящемъ, но отъ котораго еще многого можно ждать въ будущемъ если, кругъ его наблюденій расширится и если онъ избѣгнетъ вліянія иныхъ болѣзненно-уродливыхъ литературныхъ теченій. Мы ставимъ это послѣднее условіе потому что мѣстами, къ сожалѣнію, у нашего беллетриста замѣтно нѣкоторое желаніе заплатить дань этимъ теченіямъ уклоненіемъ въ сторону моднаго декаденства. Хотѣлось бы надѣяться, что Бренера минетъ чаша сія и что присущія ему искренность и правдивость удержатъ его отъ дальнѣйшихъ уклоновъ въ упомянутомъ направленіи. Это слѣдуетъ желать въ интересахъ небогатой такими талантами еврейской литературы.

Ян. Наценельсонъ.

Р. S. Въ „Литературныхъ бесѣдахъ“ майской книжки, на стр. 241 напечатано: „Помнится, онъ (т. е. г. Берковичъ) устроилъ, свиданіе и пр. Здѣсь вкралась неточность: эта фраза заключаетъ въ себя указаніе на сюжетъ очерка „Драма на Конной улицѣ“, принадлежащаго перу не Берковича, а Воруховича. Само собою разумѣется, однако, что по *существу* это не ослабляетъ силы сдѣланнаго тамъ замѣчанія о погонѣ нѣкоторыхъ нашихъ писателей за цикавными сюжетами,—замѣчанія отосившагося не къ одному только г. Берковичу.

Я. К.

П о с т у п и л о в ь Р е д а к ц и ю :

Въ пользу Націон. Фонда.

Собранныя на помолвкѣ Ц. Журинъ и Подвигъ (Двинскъ) 2 р. 20 к., Левъ С. (Томскъ) 5 р., вмѣсто поздравленія Р. Злочевской разными лицами въ Черкассахъ 4 р. 15 к.

Въ пользу фонда Герцля.

Отъ Д. 3 р.

- Фрумы Бронзихъ (Вильна) 1 р.
- М. Е. Душицкихъ (Каменка) 8 р.
- Р. Левиной (Казловъ) 1 р. 85 к.

Въ пользу пострадавшихъ отъ погрома въ Смѣлѣ.

Отъ разныхъ лицъ изъ Лозовой Павловки 49 р. 35 к. (за вычетомъ развѣдн. и почтов. расход. 2 р. 25 к.); по 3 р.—И. Давидовъ, Лозданъ, Я. Рубинсонъ; по 2 р.—Либерманъ, М. Хайцисъ, В. Коганъ, Добровольскій, Іосифъ Моензонъ; по 1 р. 50 к.—М. Струль; по 1 р.—М. Кисилловскій, Л. Рубинсонъ, П. Сарапина, Поляковъ, Б. Березинъ, Полачевскій, Ю. Любовь, М. Смушкинъ, А. Равенская, А. Б. Гахъ, Ноткинъ, Я. Давидовичъ, М-ль Хасисъ, Олейниковъ; по 60 к.—Д. Брисилловскій; по 50 к.—Я. Вишнивецкій, А. Козловская, Тарапани, М. Рейзенсонъ, Пруская, Ревичъ, А. Евель, Д. Зильберъ, Пожинская, Вороницкая, Уманская, Эпштейнъ, Розенблатъ, Ротенбергъ, Крупаткинъ, Копелевичъ, Цейтлинъ, Когонъ, Стрѣльцовъ; по 40 к.—Шпееръ; по 30 к.—Гольдбергъ, Рубановская, Аренокъ, М. Лурье, Шамсовъ; по 25 к.—Смоляренко, Рогачевскій, Лобковъ, И. Когонъ, Сумалинскій, по 20 к.—Фрейдинъ, Лисовская, Левловъ, Н. Сарапина, В. Рубинсонъ, Мознаимъ, Ратушниковъ, Дубовисъ, Энкинъ, Д. Рапопортъ, Юдкевичъ, У. Гольденбергъ; по 15 к.—Першицъ, Орловскій, Лурье, Портеръ, Германъ; по 10 к.—Папкинъ, Раевъ, Залевская, И. Синайскій, Л. Синайскій, Барская, Покрасовъ; отъ кружка „Герцль“ въ Могилевѣ 2 р.

Въ пользу Одесск. Комитета.

- Отъ И. А., Е. Ц., М. З. и Р. Г. (Харьковъ) 4 р.
• кружка „Герцль“ 4 р. 20 к.

Редакторъ-Издатель **І. В. Соринъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Изданіе **І. Лурье. С.-Петербургъ, Гороховая, 48.**

ЕВРЕЙСКІЙ ЕЖЕГОДНИКЪ

на 5665-й годъ, годъ IV (1904—1905).

СОДЕРЖАНІЕ: Календарь еврейскій и общій. Обзоръ праздниковъ.
Некрологи. Лѣтопись. Законы о правѣ жительствова (подробно).

Цѣна 25 коп., съ перес. 35 коп., съ налом. плат. 50 коп.

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

ПРИЛОЖЕНІЕ: Стѣнной синагогальный календарь Цѣна 15 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на **ежедневную** иллюстрированную газету политики, финансовъ,
торговли, промысла и общественной жизни

„ЛОДЗИНСКІЙ ЛИСТОКЪ“

Газета издается по расширенной программѣ большихъ столичныхъ газетъ.

Редакція и контора въ г. ЛОДЗИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1905 г.:

въ ЛОДЗИ: за 3 мѣс. 1 р. 50 к.; за 6 мѣсяц. 3.—р.; за 12 мѣсяц. 6.—р.
съ пересылкой » 2 » — » 4 — » 8 — »

Пробные номера высылаются по требованію бесплатно.

Подписка и объявленія принимаются:

въ ЛОДЗИ, въ Конторѣ Редакціи, Дѣльная ул. 13.

и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

ПОДПИСКА

НА

„Еврейскую Жизнь“

ПРИНИМАЕТСЯ

въ С.-Петербургѣ въ Главной Конторѣ (Суворовскій пр., 3)

въ Одессѣ въ Отдѣленіи Конторы: Книжн. магазинъ *Равницкаго* (уголъ
Ришельевской и Б. Арнаутской д. Барбаша) и

въ Александріи у г. Моргунова.
» Бану у гг. Алесковскаго (об-во „Петроль“).
» Балтѣ у г. Шейнкена, г. Шляховеца
» Бердяискт у г. Кинзбурга.
» Бондарахъ въ кн. маг. „Мысль“.
» Березино у г. В. Гуречко.
» Бобрюискт у г. Гинзбурга.
» Белградѣ у И. М. Файнштейна.
» Борисовѣ у г. Левина, въ Библиотекѣ
О-ва пособ. бѣднымъ.
» Борисоглебскѣ у д-ра Брумберга.
» Брестъ-Литовскѣ у М. М. Шейнмана.
» Бѣлостокѣ въ книжн. маг. Кауфмана,
и кн. маг. г. Индицкаго.
» Бѣлой-Церкви въ кн. маг. Герцберга.
» Варшавѣ въ кн. маг. „Гацце“, „Гаце-

фира“, „Ахисаф“, „Тупія“, Цукер-
мана, у гг. Виленскаго (Павья 12),
Фрейда (Ж. Брама 6).
» Васильковѣ у г. Мошинскаго.
» Воронежѣ у г. Ротенберга.
» Вильнѣ у г. И. А. Гольдберга, въ кн.
маг. Гиршовскаго, Больш. 13. Кагана.
у г. А. Нелькина, Андреевск. 12, въ кн.
маг. Пирожникова, Функа. (Рудницк.,
д. Шапиро).
» Винницѣ у г. Я. Коина.
» Витебскѣ у г. Гольдина (Ст. Рѣзницкая
домъ Бескина), въ кн. маг. Зашушина,
у г. Кисельгофа (Полоц. пл.).
» Владикавказѣ у г. Ладыженскаго.
» Волковыскѣ у г. Вельвелевича.
» Вѣтнѣ у г. Брауна.

въ Генчесит у г. Г. Баранова.
 » Горедит-под. у г. А. Я. Фрайберга.
 » Гомелъ у г. Захарина, Я Халата.
 » Глуховъ у г. Скепнера.
 » Гродно у г. Б. Яффе.
 » Двинскі въ кн. маг. Морейно, Рашкеса,
 Цейтеля.
 » Дубно въ кн. маг. Гальперина.
 » Евпаторіи у г. Зусмановскаго.
 » Екаторинеславъ кн. маг. Файбсовича.
 » Енисаветградъ у ниж. Темкина, у г.
 Гольденберга и г. Бѣлиловскаго.
 » Житомиръ кн. маг. Бродскаго.
 » Ираутскі у г. Ермановича.
 » Керчи у г. Шейнина и г. Зарѣцкаго.
 » казани „ Шерешевскаго.
 » Каменецъ-Подольскі у А. Д. Дорфмана,
 соб. домъ.
 » Каліи у г. Тененъ.
 » Кишиневъ у г. Ройтмана, въ кн. маг.
 Островскаго.
 » Кіевъ у гг. Минчина, Крещатикъ, 54.
 Компанейца, Васильковск. зо. М. Л.
 Фейтельсона, Подоль, Ярославская, 29.
 » Константиноградъ у г. Васкевича.
 » Ковенъ у г. Вилька, г. Р. Гальперина,
 г. Ушакова, въ кн. маг. Валопера.
 » Ковелъ у г. Гурфинкеля.
 » Колотонъ у г. Рыца.
 » Кременчугъ у гг. Лифшица (типогр. Дох-
 мана), въ кн. маг. Швабскаго.
 » Креславль у г. Гинзберга.
 » Лидъ у г. Г. И. Шейнюка.
 » Либавъ у г. Солдухо.
 » Лодзи у г. Фогельсона.
 » Луцкѣ у г. Рехмана.
 » Луганскі у г. Штейна.
 » Минскі у д-та Хургина (Губернат. ул.),
 у г. Гальперна.
 » Митавъ у г. М. А. Кагана.
 » Могилевъ у гг. Гинзберга, Горвица.
 » Москвѣ у г. Берлинраута, Мясниц-
 кая, д. Лѣтошневой, кв. 64.
 » Николаевъ въ кн. маг. Аукстолькера.
 (Черниг. ул. 23), у г. Брона, (Контора
 Лившица и Гаммерманъ).

въ Мѣминъ у г. Баскина.
 » Одесскі въ кн. маг. Горнштейна, въ
 библиот. прикац. евреевъ (Прохоров-
 ская ул.), въ кн. магаз. Шермана,
 Козмана, у г. Клецкаго, ст. Сѣнная пл.,
 Вознес. пер., д. 19.
 » Париж у топографа М. З. Глика.
 » Полоцкѣ у г. Ис. Аксельрода, Над-
 винская.
 » Подгвайтъ въ кн. маг. Перельцевга.
 » Пинскі у г. Гр. Лурье.
 » Просиуровъ у гг. Данчикера. I. Виллера.
 » Псковъ у г. Генделя.
 » Пруманахъ у г. Молчалскаго.
 » Ростовъ у г. Юфѣ, въ кн. маг. Городец-
 каго и Дубнова, Златкина. (Средн. пр.)-
 у г. Шерешевскаго.
 » Ригѣ въ кн. маг. Гликсмана. (Больш.
 Кузнечная, № 29), въ кн. маг. Х. Ша-
 лиро, у г. Зельмановича. (Балт. Акц.
 О-во Фабр. бумаги).
 » Ровни у г. З. Княжера.
 » Рѣшницѣ у г. Френкеля.
 » Рославль у г. Поташикова.
 » Севастополѣ у г. Г. Б. Файнберга. Моск.
 Межд. Банкъ.
 » Слуцкѣ у г. Дуброва.
 » Старой Русскѣ у рав. Друяна.
 » Сувалахъ у г. Розенталя.
 » Сморгони у г. Н. Шахана.
 » Смоленскі у д-ра Крамника.
 » Симферополѣ у д-ра В. Якобсона.
 » Ставрополѣ у д-ра Миркина.
 » Ташкентѣ у г. А. Кирснера.
 » Тифлискі у г. Бухбиндера.
 » Томскі у студ. В. Гутцайта.
 » Унгени у г. Гольденштейна.
 » Харьковѣ у г. Ю. В. Бабуса.
 » Херсонѣ у г. Ш. Бондарчука, въ книжн.
 Черкассахъ маг. Заранкина въ кн. маг.
 Волопина.
 » Чернобылѣ, въ типограф. Я. Рыжика.
 » Царицынѣ у г. И. Берлина.
 » Шавляхъ у г. Геселевича.
 » Юзовкѣ у г. Рашевскаго.
 » Юрьевѣ „ „ Гавендо.

и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

Подписная цѣна: { Въ годъ—4 руб., за полгода—2 руб., за 3 мѣс.—1 руб.
 за 1 мѣс.—35 к.
 { За границу въ годъ 6 руб., за полгода—3 руб.

цѣна отдельной книжки 50 коп. съ пересылкой.

Подписка (только деньгами) на 1 мѣс. принимается исключительно въ Конторѣ Редакціи.

За перемѣну адреса—20 коп.

Адресъ Редакціи и Конторы: С.-Петербургъ, Суворовскій пр., 3.

Принимается подписка на 1905 годъ
на новый еженедѣльный журналъ
„ЮЖНЫЯ ЗАПИСКИ“

Выходитъ въ г. Одессѣ

книжками **ОКОЛО 100 страницъ** каждая

Главные задачи изданія: 1) отстаивать права личности и общественныхъ учреждений, 2) содѣйствовать развитію и росту общественной самостоятельности и 3) изучать и всесторонно разрабатывать вопросы областной жизни Юга Россіи.

„Южныя Записки“, представляя областной журналъ для Южной Россіи, удѣляютъ въ то же время столько же мѣста и вниманія вопросамъ и главнымъ событіямъ обще-русской и иностранной жизни, сколько и столичныя изданія.

Въ журналѣ еженедѣльно помѣщаются:

- 1) Военная хроника и иностранное обозрѣніе (В. Водозовъ)
- 2) Внутреннее обозрѣніе (А. Изгоевъ).
- 3) Обзоръ русской жизни и печати (М. Гельротъ).
- 4) Беллетристическія произведенія
- 5) Статьи по мѣстнымъ вопросамъ и письма изъ всѣхъ значительныхъ городовъ юга Россіи.

Въ 1904 г. въ журналѣ были помѣщены произведенія слѣдующихъ авторовъ: Г. Афанасьева, И. Бьлюконскаго, проф. Е. Васьковскаго, Владимира Ж. (Altalepa), А. И. Куприна, проф. Н. Ламе, С. Лисенко, Л. Личкова, проф. И. Лучицкаго, Я. Новикова, (соціолога), проф. Овсянко-Кумиковскаго, А. Петрищева, С. Протопопова, А. Руссова, С. Русовой, А. Соликовскаго, А. Серафимовича, М. Славинскаго, М. Сосновскаго, П. Стебницкаго, И. Стещенко, А. Федорова, Ф. Щербини, Александра Яблонскаго и мн. другихъ.

Кавказскія письма Ф. А. Щербини, Кіевскія письма А. Петрищева и А. Саликовскаго, Крымскія письма А. М. Михайлова, изъ Полтавы М. Сосновскаго и М. Ркмицкаго, изъ Чернигова М. Могильскаго, Петербургскія письма А. А. Яблонскаго, Московскія письма В. И. Масальскаго и др.

Условія подписки. На годъ—6, руб. полгода—3 руб., на три мѣсяца 1 руб. 50 коп., Народнымъ учителямъ, земскимъ и городскимъ служащимъ, сельскому духовенству и учащимся „Южныя Записки“ высылаются за 4 руб. въ годъ, за 2 руб. въ полгода и за 1 руб. на три мѣсяца!

Номеръ „Южныя Записокъ“ высылается для ознакомленія безплатно по первому требованію.

Адресъ редакціи и конторы „Южныя Записки“: Одесса, Троицкая ул. № 26.

Розничная продажа номеровъ и пріемъ подписки промаиводится:

Въ Киевѣ въ главныхъ книжныхъ магазинахъ и Кіоскахъ, въ Житомирѣ въ книжномъ магазинѣ „Трудъ“, въ Каменецъ-Под., у Р. Кнопфа, въ Полтавѣ въ книж. маг. Перельшвейгъ, въ Черниговѣ въ Земскомъ книжномъ складѣ, въ Кременчугѣ у М. М. Витлина и др. мѣстахъ.

Редакторъ-Издатель К. М. Панкѣевъ.

**Открыта подписка на 1905 годъ
на общественную, политическую и литературную газету**

НАШИ ДНИ

(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ).

ГАЗЕТЪ ОБЪЩАЛИ СВОЕ УЧАСТІЕ:

В. Н. Агафоновъ, Д. Я. Айзманъ, Г. А. Алексинскій, Н. П. Ашешовъ, Ю. И. Безродная, Ф. Г. Бернштамъ, С. М. Блемловъ, И. Н. Брусиловскій, И. П. Бѣлоконскій, проф. А. В. Васильевъ, М. В. Ватсонъ, П. И. Вейнбергъ, проф. В. И. Вернадскій, Е. Н. Водовозова, Е. А. Ганейзеръ, I. В. Гессенъ, прив.-доц. В. М. Гессенъ, И. Я. Гинцбургъ, прив.-доц. П. М. Головачевъ, П. А. Голубевъ, А. Г. Герифельдъ, проф. И. М. Гревсъ, С. Г. Данинъ, кн. Петръ Дм. Долгоруковъ, Н. А. Дружининъ, Е. Елеонскій, С. Я. Елпатьевскій, В. С. Елпатьевскій, А. И. Иванчинъ-Писаревъ, М. И. Ипполитевъ, прив.-доц. А. И. Намика, В. В. Наррикъ, проф. Н. А. Нарышевъ, проф. Н. И. Карѣевъ, А. А. Науфманъ, Д. А. Клеменецъ, прив.-доц. С. А. Котляревскій, проф. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, Н. Г. Кулябно-Короцкій, П. М. Куркинъ, Н. И. Лазаревскій, Г. А. Ландау, М. А. Ладыженскій, Н. Н. Львовъ, Е. П. Лѣтлова, В. В. Лесевичъ, М. А. Милуновъ, П. В. Молевскій, В. Д. Набоковъ, П. М. Неѣжинъ, проф. В. М. Нечаевъ, гр. А. Д. Несельроде, проф. П. И. Новгородцевъ, А. И. Носиковъ, акад. С. Ф. Ольденбургъ, Л. ф. Пантелеевъ, проф. Л. I. Петражицкій, И. М. Петруниевичъ, А. С. Погорѣловъ, Н. М. Пономаревъ, проф. А. С. Посниновъ, А. С. Пруганинъ, А. В. Пѣшеховъ, М. А. Рейснеръ, Ф. И. Родичевъ, Ва. Розенбергъ, Н. А. Рубаникъ-К. Руминовскій, Евг. В. Святловскій, В. И. Семеновскій, А. Серафимовичъ, Я. Г. Сосновъ, А. А. Стаховичъ, С. Н. Сторожевскій, Такъ, В. Ф. Тотоміанецъ, Г. А. Фальбергъ, А. С. Фейгельсонъ, Б. I. Херитонъ, В. И. Чернолуцскій, акад. А. А. Шахматовъ, Г. И. Шрейдеръ, Д. И. Шрейдеръ, И. И. Шрейдеръ, Л. Я. Штернбергъ, П. Е. Щеголевъ, М. А. Энгельгардтъ, С. П. Юрицынъ, А. А. Яблоновскій, В. Е. Янушкинъ.

Собственные корреспонденты: въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Лондонѣ, Неаполѣ, Нью-Йоркѣ, Парижѣ и Римѣ.

ШИРОКО ПОСТАВЛЕННЫЙ ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Подписка дѣла съ доставкой и пересылкой:

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.
Въ Россіи . . .	12	11	10	9	8	7	6	5	4	3	2	1
За границу . .	20	19	18	17	15½	13	11	10	8	6	4	2

[Лица, подписавшіяся на 1905 годъ, получаютъ газету до конца 1904 года бесплатно.]

Контора и редація: С.-Петербургъ, Невскій пр., 90. Телефонъ № 5989.

Для приема подписки и объявленій главная контора открыта ежедневно отъ 10 час. утра до 5 час. вечера. Въ праздники отъ 1 часу до 3 час. дня.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ: 1) въ Москвѣ: при книжномъ магазинѣ И. Д. Путиловой, Арбатъ, д. № 17; 2) въ Киевѣ: у А. А. Соколовскаго, М. Житомирская, д. № 12, кв. 1; 3) въ Вильнѣ: при книжномъ магазинѣ Сыркина и 4) въ Вяткѣ: при земскомъ книжномъ складѣ.

Открыта подписка на 1905 годъ

НА ЖУРНАЛЪ

„ЕВРЕЙСКАЯ ШКОЛА“

посвященный воспитанію и образованію евреевъ.

«Личность еврея, съ первыхъ шаговъ вступленія его въ сознательную жизнь, подвергается, какъ извѣстно, двумъ разнороднымъ вліяніямъ. Будучи евреемъ по происхожденію и религіи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ является гражданиномъ того или другаго государства, членомъ того или другаго общества. Онъ имѣетъ два родныхъ языка, двѣ литературы, двѣ исторіи, двѣйное законодательство, его окружаютъ одновременно свои и чужіе обычаи, нравы и традиціи словомъ, онъ растетъ въ двухъ сферахъ, которыя сказываютъ на него верѣлке противорѣчашія другъ другу вoadѣйствія. Впечатлѣнія двухъ міровъ, преломляясь въ его душѣ, сталкиваются, переплетаются и перекраиваются между собою, образуя подчасъ неразрѣшаемые узлы и неразрѣшимыя дилеммы. Боецъ двухъ становъ, онъ живетъ двойною жизнью, жизнью на два фронта, и личность его неизбежно представляется расколотой, раздвоенной. Эта трагическая душевная коллизія, начинаясь съ самаго ранняго дѣтскаго возраста, все болѣе и болѣе разрастается въ позднѣйшихъ стадіяхъ развитія. Слить во-едино эти разнородные элементы, связать и консолидировать ихъ настолько, чтобы изъ нихъ содалось нѣчто цѣльное и гармоническое, безъ ущерба для каждаго ингредиента, все это представляетъ такую трудную и delicateную въ педагогическомъ смыслѣ задачу, надъ которой невольно призадумается педагогъ и мыслитель. Дать ребенку запасъ умственныхъ и моральныхъ силъ, съ которыми онъ могъ бы смѣло пуститься въ жизненный путь, какъ человекъ и сынъ своего народа—такова великая цѣль учителя и воспитателя еврейскихъ дѣтей. Содѣйствовать по мѣрѣ возможности и силъ выясненію этихъ вопросовъ специально еврейскаго воспитанія и проведенію въ жизнь добытыхъ результатовъ—такова главная и основная задача «Еврейской Школы».

Мы всей силой нашей души ратуемъ за *еврейскую школу*, т. е. за такую, которая *соотвѣтствовала бы характеру еврейскихъ дѣтей и современному положенію еврейскаго народа.*

(Еврейская Школа, Январь 1904 г.)

Въ журналѣ принимаютъ участіе.

Айзенштадтъ М., Айхенвальдъ Ю. И., Адлеръ С. Анскій, С. Ахадъ-Гаимъ, Богень Б. (Цинциати), Борецкая Э., Брамсонъ Л. М., Бруцкусъ Б. Д., Бруцкусъ Ю. Д., Вербловская А. Г., Вермель С. С., Гальперинъ Я. М., Гар ави В. О., Гольдбергъ Г. А., Дубновъ С. М., Житомірскаѣ К. Г., Закъ Н. В., Зуте Л. Б., (Іерусалимъ), Идельсонъ А. Д., Іохельчикъ І. М., Каганъ В. Ф., Каганъ Г. В., Каменецкій С. Д., Капелельсонъ Л. С., (Буки-беш-Іоган), Каценельсонъ М. Л., Каценельсонъ Як., Коштанъ А. М., Коцъна С. Р., Крейнинъ М. Н., Кроль М. Б., Ланда А. А., Ландеръ Ф. Е., Мазъ Я. И., Марекъ П. С., Меерсонъ С. Л., Перельманъ И. Я., (И. Хороль), Переферковичъ Н. А., Поляковъ Я. Л., Рабиновичъ Сарра, Ривесманъ А. О., Ташенбаумъ А. С., Фитерманъ М. Я., Фіалковъ Х. Х., Шабаль, Я. М., Шейнкманъ, Шульковскій І. О., Эйзенбетъ И. Г., Энгель Д. Ю. и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ 3 р.—¹/₂ года 1 р. 50 к. съ пересылкой. За перемѣну адреса 20 коп.

Объявленіе. За страницу позади текста 20 р., за ¹/₂ стр. 10 р., за ¹/₄ стр. 5 р.

Объявленія о спросѣ и предложеніи педагогическаго труда помѣщаются по 1 рублю за каждое.

ЛУЧШИИ ДРУГЪ ЖАЛУДКА

Вино С.-Рафаэль

Есть тоническое укрѣпляющее и способствующее пищеваренію и восстанавливающее силы вино. Превосходно на вкусъ. Неотъемимо при анэміи, при нервныхъ и желудочныхъ страданіяхъ и въ періодъ выздоровленія. Богѣе дѣйствительное средство для слабыхъ и выздоравливающихъ, чѣмъ желѣзные и хинные препараты. Вино Сень-Рафаэль прописывается въ дозахъ винной рюмки послѣ каждой ѣды, и ликерной для дѣтей. Предпочтительно употреблять въ прохладномъ состояніи. Вино Сень-Рафаэль, по своему пріятному вкусу, не уступаетъ лучшимъ десертнымъ винамъ.

(Праг. Вѣстн. № 16).

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

Compagnie du Vin.

Saint Raphael

Valence, Drome, France,

осн. въ 1872 г.

доводить до свѣдѣнія, что появилось въ продажѣ **ПОДДѢЛЬНОЕ** Сень-Рафаельское вино, и поэтому просить при покупкѣ вина

обратить вниманіе на фабричное клеймо (Trade Mark) нашего вина.

Утвержд. Депарг. Торговли и Мануфактуръ за № 1438.

ПРОДАЕТСЯ ВЪ ЛУЧШИХЪ ВИНоторговляхъ, аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Отъ редакціи

журнала „Еврейская Жизнь“.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Е. Л. Фруга

ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ.

Редакція журнала „Еврейская Жизнь“ приступила къ изданію перваго полнаго собранія сочиненій Е. Л. Фруга, на русско́мъ языкѣ въ шести томахъ съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ.

Т. I—III Стихотворенія (1880—1897), Т. IV Сіониды и др. стихотворенія (1897—1904), Т. V и VI Произведенія съ прозою (очерки, рассказы, фельетоны).

Изданіе это—стоящее въ отдѣльной продажѣ в р. 50 к. безъ пересылки—получать всѣ годовые подписчики журнала на 1904 годъ (въ томъ числѣ и пользующіеся разсрочкой платежа) лишь за оди́нъ руб. 20 к. (цѣна съ пересылкой).

Все изданіе будетъ разослао въ продолженіе 1904 г. при книжкахъ журнала „Еврейская Жизнь“. Первый томъ—при Майской книжкѣ журнала.

Подписная цѣна на означенное изданіе (1 р. 20 к.) не подлежитъ разсрочкѣ платежа и вносится въ контору редакціи одновременно.

Редакторъ-издатель **И. В. Серинъ**.

B-13

